9
В 26
№ 9

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРІЯ
Георга Вебера.

Переводъ со второго изданія,

пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ.

Томъ девятый.

Перевелъ Андреевъ.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Москва.
Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова.
1888.

© ГПНТБ СО РАН

Сверено
2016 г.

46 12/71

9
В.26
№3

ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-
техническая библиотека

Сверено
с фондом

ИСТОРІЯ

НАРОДОВЪ И ГОСУДАРСТВЪ ВЪ ЭПОХУ ПЕРЕХОДА ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

© ГПНТБ СО РАН

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Прибавленіе къ русскому переводу. Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи. 3. О различіяхъ между народами по національному характеру . . . . . XIII—XLVII

IV. Побѣда монархическаго принципа надъ феодализмомъ. Послѣднія времена среднихъ вѣковъ. (Второй отдѣлъ) 1

B. Нѣмецкая имперія. Развитіе верховной власти областныхъ государей . . . . . —

I. Общій обзоръ 3

II. Бранденбургъ и Пруссія 6

1. Правленіе Гоэнцоллерновъ въ Бранденбургѣ до реформаціи.

a) Бургграфы нюрнбергскіе . . . . . —

b) Передача маркграфства бранденбургскаго Фридриху VI . 9

c) Правленіе курфирста Фридриха I и его преемниковъ . . 13

2. Пруссія 16

a) Времена могущества нѣмецкаго ордена . . . . . —

b) Эпоха борьбы съ Польшей 24

c) Раздоры въ Пруссіи. Торнскій миръ 28

d) Послѣднее время существованія орденскаго государства. 34

III. Австрія 37

1. Герцоги австрійскіе послѣ Фридриха Прекраснаго. . . . . —

2. Походъ Арманьяковъ въ Швейцарію 39

3. Походъ Фридриха III въ Римъ. Междоусобія въ Австріи . 43

IV. Междоусобія въ Германіи. Преобразованіе устройства нѣмецкаго государства 48

1. Войны городовъ съ князьями. . . . . —

2. Проекты преобразованій и совѣщанія о походахъ противъ турокъ 51

3. Борьба Гоэнцоллерновъ съ Виттельсбахами. 55

4. Война за майнцскую каѳедру. 59

V. Второстепенныя областныя государства. 62

1. Власть областныхъ государей. Сеймы областныхъ государствъ. . . . . —

2. Государства династіи Виттельсбаховъ. 66

a) Баварія . . . . . —

© ГПНТБ СО РАН

	Стр.
1) Раздоры баварскихъ Виттельсбаховъ	66
2) Соединеніе баварскихъ земель подъ одной властью	70
b) Рейнскій Пфальцъ	72
3. Маркграфы баденскіе	74
4. Ландграфы гессенскіе	75
5. Государство Вельфовъ	—
6. Тюрингія и Саксонія	77
VI. Богемія послѣ гуситскихъ войнъ	80
1. Альбрехтъ. Борьба партій по смерти его	—
2. Регентство Юрія Подѣбрада. Царствованіе Владислава	84
3. Царствованіе Юрія Подѣбрада	86
4. Богемія подъ управленіемъ Ягеллоновъ	95
VII. Максимиліанъ I. Преобразованіе устройства нѣмецкаго государства	101
1. Послѣдніе годы царствованія Фридриха III	—
2. Преобразованіе устройства нѣмецкаго государства	106
3. Формальное отдѣленіе швейцарскаго союза отъ нѣмецкаго государства	108
4. Упадокъ стремленія къ преобразованію нѣмецкаго государства	113
C. *Восточныя государства*	116
I. Венгрія	—
1. Венгрія въ правленіе династіи Гунядовъ	—
a) Правленіе Іоанна Гуняда	—
b) Царствованіе Матвѣя Корвина	121
2. Борьба аристократіи съ королевской властью	231
a) Царствованіе Владислава	—
b) Царствованіе Людовика II	140
II. Расширеніе османскаго царства при Мухаммедѣ II, Баезидѣ II и Селимѣ I	144
1. Завоеваніе сербскихъ земель и Альваніи	—
2. Покореніе греческихъ государствъ и расширеніе турецкихъ владѣній въ Малой Азіи	154
a) Покореніе пелопоннесскихъ и ливадійскихъ государствъ. Литература	—
b) Завоеваніе Трапезунда. Война съ Узунъ-Гасаномъ	159
c) Война въ Архипелагѣ и на Негропонте	164
3. Послѣдніе годы царствованія Мухаммеда II	170
4. Баезидъ II. Селимъ. Начало царствованія Сулеймана	176
a) Возстаніе Джема. Царствованіе Баезида	—
b) Царствованіе Селима	183
c) Начало царствованія Сулеймана	188
D. Исторія культуры въ XIV и XV столѣтіяхъ	194
Литература	—
I. Ходъ и характеръ литературы и образованности въ концѣ среднихъ вѣковъ	195
II. Рыцарство и придворная поэзія у западныхъ народовъ	205
1. Аристократія и дворы	—
2. Образованность и литература во Франціи	206
a) Романтическая поэзія и аллегорическія поэмы	—
b) Хроники и мемуары	209

	Стр.
1) Фруассаръ	210
2) Подражатели Фруассара	215
3) Филиппъ Коминъ	217
c) Періодъ упадка рыцарской поэзіи	219
d) Драматическая поэзія	222
3) Англійская литература	223
a) Старый англійскій языкъ и произведенія, писанныя на немъ	—
b) Чоусеръ и поэты XV вѣка	230
4. Нидерландская поэзія	236
III. Нѣмецкая національная поэзія	239
1. Упадокъ рыцарскихъ поэмъ	—
a) Heldenbuch	240
b) Дидактическая поэзія	244
c) Послѣднія произведенія рыцарской поэзіи	245
2. Переходъ къ поэзіи горожанъ и народной литературѣ	246
a) Городская жизнь	—
b) Историческія пѣсни. Романы въ прозѣ. Передѣлки рыцарскихъ романовъ въ простонародномъ вкусѣ	248
c) Мейстерзингеры	249
d) Народныя пѣсни	—
IV. Архитектура, живопись и скульптура въ концѣ среднихъ вѣковъ	250
Вѣкъ открытій	261
Литература	—
I. Духъ вѣка. Открытія португальцевъ	—
1. Преемники Іоанна I. Генрихъ Мореплаватель	269
2. Іоаннъ II. Бартоломео Діасъ	279
II. Испанія. Открытіе Америки	285
1. Кастилія	—
2. Арагонія	289
3. Царствованіе Изабеллы и Фердинанда	293
a) Упроченіе монархической власти	—
b) Инквизиція и преслѣдованіе евреевъ	298
c) Завоеваніе Гранады	303
4. Открытіе Америки	212
a) Христоферъ Колумбъ и его первое плаваніе на западъ	—
b) Возвращеніе Колумба. Жители новооткрытыхъ острововъ	317
c) Второе путешествіе Колумба	324
d) Дальнѣйшія открытія. Ропотъ на Колумба	330
e) Неудовольствіе испанскаго правительства. Открытіе американскаго континента	336
f) Арестованіе Колумба	343
g) Послѣднее путешествіе Колумба. Смерть его	349
III. Эммануэль Великій. Завоеванія португальцевъ въ Индіи	362
1. Васко де Гама и Альменда	—
2. Завоеванія Альбукерке	369
3. Правленіе Эммануэля	375
IV. Второй періодъ открытій	378
1. Открытія въ центральной Америкѣ и первое кругосвѣтное плаваніе	—

	Стр.
a) Экспедиціи Охеды	378
b) Вальвоа	382
c) Открытіе Никарагуи	389
d) Понсе де Леонъ и Грихальва	391
e) Магельянсъ	393
2. Завоеваніе Мехики	397
Литература	—
a) Экспедиція Кортеса	398
b) Вступленіе въ Мехику	404
c) Возстаніе въ Мехикѣ. Отступленіе Кортеса	414
d) Завоеваніе Мехики	418
e) Послѣдніе годы жизни Кортеса	422
3. Открытіе и завоеваніе Перу	425
a) Перуанское царство	—
b) Первыя экспедиціи испанцевъ	427
c) Походъ въ Перу	432
d) Покореніе Перу. Смерть Альмагро	439
e) Владычество и смерть Франциско Писарро	443
f) Междоусобія	446
g) Правленіе Гаски	448
4. Послѣдствія открытія Америки. Источники исторіи его	451
V. Испанія, Франція, Италія	458
A. Италія во время перваго французскаго нашествія	—
Литература	—
1. Характеръ времени	459
2. Неаполитанскія дѣла	460
3. Миланъ подъ владычествомъ Франческо Сфорцы и его династіи	464
4. Папское государство	467
a) Исторія папъ отъ Мартина V до смерти Иннокентія VIII	—
b) Правленіе Александра VI	476
5. Флоренція подъ управленіемъ Медичи	481
a) Управленіе Козимо Медичи	—
b) Піэтро и Лоренцо Медичи	491
c) Піэтро II и Савонарола	502
6. Походъ Карла VIII	506
a) Карлъ VIII въ сѣверной Италіи. Изгнаніе Піэтро Медичи	—
b) Покореніе королевства неаполитанскаго	515
c) Флорентійскія дѣла. Смерть Савонаролы	520
B. Людовикъ XII. Расширеніе могущества Испаніи	533
1. Второй французскій походъ въ Италію	—
a) Завоеваніе Неаполя	—
b) Война съ Испаніей за королевство неаполитанское	538
2. Испанія до смерти Фердинанда	546
a) Общее правленіе Изабеллы и Фердинанда	—
b) Послѣдніе годы правленія Фердинанда и правленіе Хименеса	554
3. Венеція. Камбрейская лига	567
a) Политическое положеніе Италіи	—
b) Венеція въ концѣ XV столѣтія	570

	Стр.
c) Камбрейская лига	573
d) Коалиція противъ короля французскаго	578
VI. Новая цивилизація	588
A. Эпоха гуманизма	—
Литература	—
1. Изученіе классической древности	—
2. Гуманизмъ въ Италіи	590
a) Общій характеръ итальянскаго гуманизма	—
b) Центры гуманизма и важнѣйшіе дѣятели его	595
3. Распространеніе гуманизма изъ Италіи въ другія страны	600
4. Нѣмецкіе гуманисты	603
a) Научное направленіе гуманизма. (Рейхлинъ, Эразмъ)	—
b) Гуманическая сатира. Борьба съ церковью. (Ульрихъ Гуттенъ)	611
B. Математика. Астрономія. Естественныя науки	616

Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи.

3.

О различіяхъ между народами по національному характеру.

Бытъ и событія жизни людей опредѣляются отчасти внѣшними фактами независимыми отъ ихъ качествъ, отчасти собственными ихъ качествами. Тѣ группы людей, о которыхъ разсказываетъ исторія—народы, части народовъ, соединенія народовъ или частей народовъ.

Изъ этихъ безспорно справедливыхъ мыслей само собою слѣдуетъ, что наши знанія о качествахъ народовъ могутъ служить однимъ изъ источниковъ разъясненія формъ быта и событій жизни историческихъ группъ людей.

Качества какой бы то ни было группы людей—совокупность качествъ отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ она состоитъ. Потому знанія о качествахъ этой группы только совокупность знаній объ индивидуальныхъ качествахъ людей, составляющихъ ее. Такимъ образомъ, наши знанія о качествахъ народа не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ нашихъ знаній о качествахъ отдѣльныхъ людей, составляющихъ этотъ народъ.

Мы часто можемъ пріобрѣтать довольно хорошее знакомство съ качествами отдѣльныхъ лицъ, не зная ни быта ихъ и никакихъ важныхъ фактовъ ихъ жизни. У каждаго бывающаго въ многолюдныхъ обществахъ есть знакомые, о которыхъ онъ ничего не знаетъ, кромѣ впечатлѣній, производимыхъ на него и его родныхъ или друзей встрѣчами въ обществѣ съ ними; эти встрѣчи могутъ быть совершенно ничтожны по своему содержанію, ограничиваться обмѣномъ привѣтствій и разговорами о предметахъ постороннихъ разговаривающимъ,

© ГПНТБ СОРАН

и однакоже давать намъ достаточные матеріалы для довольно вѣрныхъ сужденій объ нѣкоторыхъ изъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ нашего знакомаго. Напримѣръ, если мы разговаривали съ нимъ о газетныхъ извѣстіяхъ или городскихъ анекдотахъ, то очень можетъ быть, что мы хорошо узнали его мнѣнія о всяческихъ общественныхъ и нравственныхъ вопросахъ; а по его мнѣніямъ мы можемъ разгадывать его нравственныя качества.

Когда мы такимъ образомъ ознакомились съ нравственными качествами человѣка, о которомъ не знаемъ ничего кромѣ наружности, одежды и этихъ его качествъ, мы можемъ дѣлать выводы о томъ, какой образъ жизни ведетъ онъ; и если услышимъ о какомъ нибудь важномъ его поступкѣ или событіи его жизни, можемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетворительно объяснять этотъ фактъ нравственными качествами его. Предположимъ напримѣръ, что по его разговорамъ мы убѣдились, что онъ разсудителенъ и одаренъ твердой волей. Мы можемъ выводить изъ этого догадку, что онъ устроилъ свой бытъ по возможности хорошо, что напримѣръ онъ каждый день имѣетъ пищу, качество которой соотвѣтствуетъ его денежнымъ средствамъ, а не тратитъ на одинъ обѣдъ столько денегъ, что послѣ того нѣсколько дней голодаетъ. Предположимъ, мы услышали, что онъ подвергался какой нибудь опасности, но вышелъ изъ нея цѣлъ; мы имѣемъ право сдѣлать догадку, что онъ держалъ себя въ этой опасности разсудительно и мужественно. Будутъ ли такія догадки достовѣрными знаніями? Разумѣется, нѣтъ; но пока не получимъ свѣдѣній, которыми опровергались бы онѣ, мы имѣемъ разумное право считать ихъ правдоподобными, а въ нѣкоторыхъ случахъ даже очень вѣроятными.

Итакъ относительно отдѣльныхъ лицъ часто мы можемъ имѣть гораздо больше знаній о ихъ качествахъ, чѣмъ о ихъ бытѣ и важныхъ фактахъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ наши знанія о ихъ качествахъ могутъ оказывать намъ пользу для разъясненія немногихъ и неудовлетворительныхъ свѣдѣній о ихъ образѣ жизни и о крупныхъ событіяхъ ея.

Таковы ли отношенія между нашими свѣдѣніями о качествахъ народовъ и свѣдѣніями о формахъ ихъ быта, о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи? Обыкновенно отношеніе между этими двумя разрядами сдѣдѣній о народахъ совершенно обратное: формы ихъ быта и крупные факты ихъ исторіи извѣстны намъ гораздо больше и точнѣе, чѣмъ ихъ качества, и наши понятія о ихъ качествахъ обыкновенно лишь выводы изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ бытѣ и судьбѣ. Возьмемъ для

примѣра наше знаніе объ одномъ изъ качествъ древняго греческаго народа, о томъ, трусливый или храбрый народъ были греки.

Мы всѣ говоримъ: греки были народъ храбрый. Спросимъ себя: почему знаемъ это? Намъ припоминаются Марафонъ, Саламинъ, Платея, множество другихъ сраженій, въ которыхъ греки побѣждали враговъ болѣе многочисленныхъ, чѣмъ они. Правда, мы знаемъ, что они превосходили этихъ враговъ дисциплиной и были лучше вооружены; но никакое вооруженіе не дастъ побѣды малочисленному войску надъ многочисленнымъ врагомъ, если оно не состоитъ изъ людей храбрыхъ; а дисциплина можетъ быть сохранена во время сраженія только храбрыми людьми. То же самое относительно всѣхъ другихъ оговорокъ о преимуществахъ греческихъ войскъ помимо храбрости. Сдѣлавъ наибольшія допускаемыя разсудкомъ уступки по этимъ оговоркамъ, мы все-таки останемся въ необходимости признавать побѣды грековъ свидѣтельствующими о храбрости ихъ.

Что же такое наше знаніе объ этомъ качествѣ грековъ? Оно выводъ изъ нашихъ свѣдѣній о ихъ битвахъ. Подобно этому и вообще, не событія греческой исторіи разъясняются нашими знаніями о качествахъ грековъ, а на оборотъ качества грековъ извѣстны намъ по фактамъ ихъ жизни. Храбрость ихъ мы знаемъ по фактамъ ихъ военной дѣятельности; другія ихъ качества по результатамъ ихъ другихъ дѣятельностей, напримѣръ, умственныя качества грековъ извѣстны намъ по произведеніямъ ихъ искусствъ, по ихъ литературѣ.

Такимъ образомъ, всѣ наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ—не прямыя знанія, а выводы изъ нашихъ знаній о крупныхъ фактахъ ихъ исторіи, о формахъ ихъ быта, о произведеніяхъ физической, умственной и нравственной дѣятельности ихъ.

Могутъ ли эти производныя знанія быть употребляемы для разъясненія свѣдѣній о фактахъ того разряда, который другими своими фактами даетъ основу для нихъ? Безъ сомнѣнія, могутъ. Предположимъ напримѣръ, что у греческихъ историковъ находится извѣстіе такого рода: когда греческое войско приблизилось къ рѣкѣ, персидское, стоявшее на другомъ берегу ея, ушло, не защищая перехода. Предположимъ, что этимъ и ограничиваются всѣ наши свѣдѣнія о дѣлѣ, что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о числѣ греческаго и персидскаго войскъ и не знаемъ, почему персидское войксо ушло, не пытаясь остановить непріятеля. На основаніи нашего знанія, что греки были храбры и персы признавали ихъ превосходство въ этомъ качествѣ если не надъ малочисленнымъ отборнымъ корпусомъ воиновъ

собственно персидской національности, то надъ массой своихъ разноплеменныхъ милицій, мы можемъ съ нѣкоторой степенью вѣроятности объяснить отступленіе персидскаго войска боязнью его начальниковъ, что милиціонеры, составлявшіе, по всей вѣроятности, массу его, не выдержатъ боя съ греками. Но мы не должны забывать, что это будетъ лишь догадка. Персидскіе военачальники могли имѣть совершенно иные мотивы отступленія. Быть можетъ, ихъ войско, стоявшее на рѣкѣ, было малочисленнѣе греческаго; въ такомъ случаѣ мотивомъ отступленія было не мнѣніе о превосходствѣ грековъ по храбрости, а число ихъ; или быть можетъ отступленіе было военной хитростью, персы хотѣли заманить грековъ въ такую мѣстность, гдѣ удобно будетъ истребить всѣхъ ихъ; а быть можетъ, персидскіе военачальники ушли потому, что получили приказаніе спѣшить на защиту какой нибудь другой области отъ другого врага;—мало ли какіе мотивы могли быть у нихъ, помимо ихъ мнѣнія о храбрости грековъ. А впрочемъ, наша догадка правдоподобна, и нельзя осудить насъ за то, что мы остановились на ней, при недостаткѣ данныхъ для достовѣрнаго объясненія факта.

Но случаи, подобные предположенному нами, втрѣчаются рѣдко, и вообще говоря, маловажны. Обыкновенно, мы или имѣемъ такіе разсказы о фактахъ, что ходъ событій достаточно объясняется нашими достовѣрными знаніями объ общихъ качествахъ человѣческой природы, и нашими свѣдѣніями о состояніи народа въ данное время и подробностяхъ дѣла, или наши свѣдѣнія объ особенныхъ качествахъ народа такъ скудны и шатки, что ставить ихъ объясненіемъ фактовъ значитъ превращать исторію въ сказку, сочиняемую нами по нашему произволу.

Наши знанія объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ народовъ прошлыхъ временъ—знанія не прямыя, а производныя изъ знаній о фактахъ ихъ жизни; потому ясно, что они гораздо скуднѣе, гораздо менѣе точны и достовѣрны, чѣмъ знанія о фактахъ, служащія основаніемъ для вывода ихъ. Относительно прежнихъ народовъ и прежнихъ поколѣній нынѣшнихъ народовъ, это не можетъ быть измѣнено. Намъ нельзя знать умственныя и нравственныя качества ихъ иначе, какъ по фактамъ ихъ исторической дѣятельности.

Но не можемъ ли мы пріобрѣсти объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ современныхъ намъ народовъ прямыя свѣдѣнія такія обширныя и точныя, чтобъ они служили прочнымъ основаніемъ для разъясненія историческихъ фактовъ?

Чтобъ увидѣть, удобоисполнимъ ли такой трудъ, попробуемъ со-

ставить списокъ тѣхъ людей, которые хорошо знакомы намъ; и дѣлать отмѣтки о ихъ качествахъ. Пусть въ нашъ списокъ будетъ внесено 100 человѣкъ. Скоро мы кончимъ работу, если захотимъ вести ее съ точностью, удовлетворительной для ученыхъ соображеній?

Многія качества человѣка могутъ быть узнаваемы очень легко; таковы напримѣръ его наружность и размѣръ его физической силы. При обыкновенныхъ условіяхъ нашихъ встрѣчъ съ людьми достаточно взглянуть на человѣка, чтобы получить довольно точное представленіе о его наружности; а чтобы пріобрѣсти довольно точное понятіе о размѣрѣ его силы, достаточно увидѣть его берущимъ въ руки тяжелую вещь. Но и чисто физическія качества не всѣ можно узнавать легко. Напримѣръ есть болѣзни, вліяніе которыхъ остается незамѣтно до очень высокой степени ихъ развитія. Человѣкъ можетъ быть близокъ къ смерти по дѣйствію такой болѣзни, а казаться здоровымъ. Припомнимъ для примѣра нѣкоторые виды тифа и оспу. Человѣкъ уже заразился, а продолжаетъ быть по виду совершенно здоровымъ. Принадлежитъ ли физическое здоровье къ качествамъ человѣка или нѣтъ? Должно ли оно входить въ понятіе о характерѣ человѣка?—На первый вопросъ, вѣроятно, всѣ скажутъ да; на второй множество ученыхъ, любящихъ объяснять исторію народовъ качествами ихъ, отвѣчаютъ нѣтъ. Обыкновенно однакоже они говорятъ о темпераментѣ народовъ: «этотъ народъ имѣетъ веселый характеръ, а этотъ угрюмъ по характеру». Темпераментъ сильно видоизмѣняется отъ перемѣнъ въ состояніи здоровья. Больной человѣкъ вообще имѣетъ менѣе веселое настроеніе духа, чѣмъ здоровый. Легкое хроническое разстройство здоровья отъ неудовлетворительныхъ условій житейской обстановки не называется болѣзнью, но имѣетъ значительное вліяніе на настроеніе духа.

Оставимъ разборъ вопросовъ о физическихъ качествахъ. Должно ли причислять къ умственнымъ качествамъ человѣка его знанія, къ нравственнымъ качествамъ,—должно ли причислять его привычки? Если отвѣчать нѣтъ, то у насъ не останется никакой возможности сдѣлать характеристику человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а если вводить въ понятіе о характеристикѣ человѣка его знанія и привычки, то очень рѣдко найдется человѣкъ, о которомъ можно было бы сказать, что напримѣръ въ 40 лѣтъ онъ сохранилъ тотъ характеръ, какой имѣлъ въ 20.

Какъ бы ни былъ кратокъ нашъ списокъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, въ числѣ ихъ найдутся принадлежащія къ разряду качествъ трудно узнаваемыхъ. Напримѣръ, вѣроятно, мы не

8281. 11212

забыли внести въ него разсудительность, твердость воли, честность. Если внесено хоть одно изъ этихъ качествъ, намъ во многихъ случаяхъ будетъ мудрено рѣшать, какую отмѣтку объ этомъ качествѣ ставить противъ имени нашего знакомаго. Можно прожить годы съ человѣкомъ и не узнать достовѣрнымъ образомъ, разсудителенъ онъ или нѣтъ, сильна или слаба его воля и тверда ли его честность; и самъ онъ можетъ дожить до 30, до 50 лѣтъ, не зная на какіе поступки высокаго благородства или низкой пошлости, отваги или трусости способенъ онъ. Кому изъ насъ не случалось часто слышать отъ своихъ близкихъ знакомыхъ: «удивляюсь, какъ могъ я это сдѣлать» и вмѣстѣ съ ними дивиться ихъ поступкамъ, совершенно противорѣчащимъ нашему понятію о характерѣ ихъ. Человѣкъ дожилъ до 50 лѣтъ, не дѣлая ничего безразсуднаго, попалъ въ затрудненіе, какого не случалось ему испытывать, и потерялъ голову, дѣйствуетъ безразсудно: мало ли случаевъ подобнаго рода? — Но не будемъ стѣсняться недостаточностью нашихъ знаній о тѣхъ умственныхъ или нравственныхъ качествахъ нашихъ знакомыхъ, которыя трудно узнавать; будемъ приписывать характеризуемымъ нами людямъ разсудительность, безразсудство, твердую волю или слабую волю безъ заботы о провѣркѣ, основательно ли наше мнѣніе. Съ этой заботой мы впутались бы въ такой долгій и тяжелый трудъ, что, по всей вѣроятности, не довели бы его до конца. Безъ нея мы легко и быстро составимъ характеристики своихъ знакомыхъ по нашему списку качествъ. Разумѣется, научная цѣнность такого списка будетъ очень мала. Вѣрныя знанія будутъ перепутаны въ немъ съ такимъ множествомъ ошибокъ, что лучше всего будетъ бросить его въ печь. Но сдѣлаемъ это черезъ минуту по его окончаніи, а эту минуту употребимъ на то, чтобы посмотрѣть, какую степень разнообразія имѣютъ характеры, начерченные нами. Мы увидимъ, что разнообразіе ихъ очень велико.

Впрочемъ, это, по всей вѣроятности, извѣстно каждому изъ насъ и безъ напрасной работы записывать, какое мнѣніе мы имѣемъ о характерѣ нашихъ знакомыхъ. Если такъ, то намъ нѣтъ и надобности дѣлать ту пробу, о которой мы говорили. Изложимъ тѣ выводы, какіе дала бъ она, если бы была сдѣлана.

Въ кругу знакомыхъ каждаго изъ насъ нѣтъ двухъ людей, характеры которыхъ не имѣли бы очень важныхъ различій между собой. Комбинаціи качествъ очень разнообразны; напримѣръ, съ разсудительностію иногда соединяется большой умъ, иногда такой размѣръ умственной силы, который лишь немногимъ отличается отъ тупоумія.

Множество людей, называемыхъ въ умственномъ отношеніи совершенно бездарными, очень разсудительны. Вотъ мы имѣемъ уже четыре разряда людей: даровитые и благоразумные; даровитые и неразсудительные; бездарные и благоразумные; бездарные и безразсудные. Прибавимъ оцѣнку по какому нибудь третьему качеству, напримѣръ по честности, каждый разрядъ распадется на два разряда. Какое число разрядовъ мы получимъ, если произведемъ оцѣнку по девяти качествамъ? Если не всѣ 1024 разряда, даваемые формулой комбинацій, то навѣрвое сотни изъ этого числа типовъ попадаются въ дѣйствительности.

Та проба, которую предлагали мы сдѣлать, даетъ результаты, лишенные научной серьезности, потому что довести ее до конца можно только подъ условіемъ записывать наши мысли о качествахъ нашихъ знакомыхъ безъ заботы о провѣркѣ неосновательности нашихъ мнѣній. Но сдѣлана ли хотя бы такая же поверхностная попытка опредѣлить характеры людей, составляющихъ не кругъ нашихъ личныхъ знакомыхъ, а цѣлый народъ? Кто когда пытался считать, какую пропорцію общаго числа людей какого нибудь народа составляютъ напримѣръ люди разсудительные и какую люди неразсудительные, какую люди твердой воли, какую люди слабой воли, и такъ далѣе, и какую пропорцію въ общемъ числѣ составляютъ люди того или другого изъ умственныхъ и нравственныхъ типовъ, образуемыхъ разными комбинаціями качествъ? — Ничего подобнаго не дѣлалось относительно какого бы то ни было народа. И должно прибавить, что количество труда, нужное для хорошаго прямого изслѣдованія нынѣшнихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ какого нибудь изъ цивилизованныхъ народовъ далеко превышаетъ своей громадностью размѣръ силъ ученаго сословія этого народа.

Потому мы принуждены довольствоваться нашими субъективными, случайными и очень ограниченными наблюденіями характеровъ людей и выводами о нравственныхъ качествахъ изъ нашихъ знаній формъ быта и крупныхъ событій жизни народовъ. Сумма знаній, доставляемыхъ этими источниками, скудна и страдаетъ примѣсью шаткихъ догадокъ; но хорошо было бы, если бы мы заботились пользоваться хотя этими неудовлетворительными матеріалами съ внимательностью и осторожностью. Мы не дѣлаемъ и этого. Ходячія понятія о характерахъ народовъ составлены небрежно или подъ преобладающимъ вліяніемъ нашихъ симпатій или антипатій. Въ примѣръ небрежности приведемъ общепринятое опредѣленіе національнаго характера древнихъ грековъ. Каждому изъ насъ врѣзалась въ память слѣдующая характеристика качествъ древняго греческаго народа:

„Національными качествами грековъ были любовь къ искусству, тонкое, эстетическое чувство, предпочтеніе изящнаго роскошному, воздержность въ наслажденіяхъ, умѣренность въ питьѣ вина и тѣмъ болѣе въ ѣдѣ. Пиры грековъ были веселы, но чужды пьянства и обжорства".

Ограничимся этими чертами національнаго характера, приписываемаго грекамъ.

Беремъ тотъ періодъ жизни греческаго народа, который составилъ славу грековъ. Онъ начинается около эпохи мараѳонскаго сраженія и кончается около времени херонейской битвы. Въ этотъ періодъ важнѣйшими греческими государствами были спартанское, аѳинское, ѳиванское, сиракузское. Очень большую важность имѣли также коринѳское и агригентское. Не должно забывать и того, что самой обширной областью коренной греческой страны была Ѳессалія.

По тѣмъ же самымъ историкамъ, которые опредѣляютъ характеръ всего греческаго народа перечисленными у насъ чертами, спартанцы были народъ, жертвовавшій потребностямъ военной гимнастики и дисциплины всѣми другими заботами или влеченіями. Съ той поры, какъ начинаются точныя извѣстія о спартанцахъ, мы видимъ, что эти воины, принужденные жить у себя дома скудно и сурово, какъ въ лагерѣ, предаются оргіямъ, лишь вырвутся на свободу. Павзаній, побѣдитель при Платеѣ, первый спартанецъ, о жизни котораго мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, ужь былъ таковъ. Оставшись на волѣ въ Византіи, онъ сталъ жить какъ персидскій сатрапъ и дотого увлекся жаждой роскошнаго разврата, что хотѣлъ отдать Грецію подъ господство персидскаго царя, для полученія сатрапскаго владычества надъ ней въ должности персидскаго намѣстника. Менѣе знамениты, но достаточно извѣстны намъ гармосты Лизандра. Они держали себя тоже, какъ персидскіе сатрапы. Какихъ художниковъ, поэтовъ или ученыхъ произвела Спарта?—никакихъ; если бывали въ Спартѣ хорошіе музыканты, то они были пріѣзжіе.

Ѳиванцы были обжоры и пьяницы по увѣренію всѣхъ историковъ и были лишены живости ума. Пьяные обжоры, они погрязали въ тупой умственной и нравственной апатіи. Ѳессалійцы были грубые пьяницы и развратники, презиравшіе всякую умственную дѣятельность.

Сиракузанцы и агригентцы не знали воздержанности ни въ чемъ; мудрая греческая умѣренность въ наслажденіяхъ была невѣдома имъ; потому они подверглись участи сибаритовъ, такъ говорятъ историки; коринѳянъ они называютъ развратниками, подобными азіатцамъ.

Къ кому-жь изъ грековъ примѣняется характеристика всего греческаго народа? Только къ аѳинянамъ. Да и то лишь къ аѳинянамъ двухъ поколѣній, которыя жили между мараѳонской битвой и началомъ пелопоннесской войны. Въ эту войну аѳиняне были ужь испорченный народъ, говорятъ намъ историки, а до мараѳонской битвы они еще не проявляли тѣхъ качествъ, какими прославились во времена Перикла. Мы видимъ, что вмѣсто характеристики греческаго народа намъ дается характеристика аѳинянъ во времена Перикла.

Характеристика греческаго народа, повторяемая большинствомъ историковъ, составлена небрежно. Но она хороша, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что не внушена дурными тенденціями.

Даже и этого достоинства лишены ходячія характеристики тѣхъ народовъ, которые еще существуютъ. Мы приведемъ лишь одну изъ нихъ.

Итальянцы, какъ извѣстно всѣмъ цивилизованнымъ народамъ кромѣ самихъ итальянцевъ, трусливы, коварны; и если не употребляется о нихъ выраженіе «подлый народъ», то лишь по свойственной нашему деликатному времени нелюбви къ слишкомъ грубымъ эпитетамъ, а смыслъ ходячей за Альпами характеристики итальянскаго народа тотъ самый, который на безцеремонномъ языкѣ выражается словомъ «подлость».

Мы выбрали для примѣра ходячую характеристику итальянскаго народа потому, что при разборѣ ея порицаніе за недобросовѣстность падаетъ не на одинъ какой нибудь народъ, а ложится общей виной на три націи: испанскую, французскую и нѣмецкую; да и англичане не участвовали въ составленіи этой характеристики только потому, что не случилось имъ предпринимать много экспедицій для покоренія Италіи. Ихъ ученымъ досталась характеристика, ужь изготовленная; они приняли ее.

Какимъ образомъ составилась эта характеристика итальянскаго народа? Главнымъ источникомъ ея была досада завоевателей на желаніе итальянцевъ освободиться отъ ихъ владычества. Въ Италію ходили нѣмцы, плавали испанцы, ходили туда французы; всѣ они побѣждали, покоряли Италію или часть ея; при первой возможности покоренные разрывали обѣщанія, данныя покорителямъ, и пытались свергнуть съ себя ихъ иго. Какой покоренный народъ не поступалъ точно такъ же? Въ политическихъ дѣлахъ тяжелыя обѣщанія сохраняются, лишь пока не представляется надежды избавиться отъ ихъ исполненія. Это мы видимъ въ исторіи всѣхъ европейскихъ народовъ или частей народовъ; примѣровъ противнаго нѣтъ. Одно изъ двухъ: или историки каждаго другого европейскаго народа должны называть свой народъ коварнымъ, или они не имѣютъ права ругать итальян-

скій народъ за то, за что прославляютъ свой народъ, за любовь къ независимости.

Но итальянцы не только коварны, они и трусы. Намъ говорятъ: чѣмъ же, какъ не превосходствомъ храбрости завоевателей, то-есть недостаткомъ мужества у итальянцевъ сравнительно съ ними объяснить завоеванія иноземцевъ въ Италіи? — Будемъ припоминать обстоятельства, при которыхъ итальянцы были побѣждаемы, и увидимъ, что ходъ событій опредѣлялся такими отношеніями силъ, при которыхъ итальянцы были бы побѣждаемы, если бъ и превосходили своихъ иноземныхъ враговъ мужествомъ. Въ X вѣкѣ всѣ земли, составлявшія имперію Карла Великаго, раздробились на мелкія государства; шелъ процессъ раздробленія и въ Германіи, но медленнѣе, чѣмъ во французской и въ итальянской земляхъ. Нѣмецкій король еще сохранялъ довольно большую власть надъ областными государями, когда французскій король сталъ уже безсиленъ за границами своего непосредственнаго областного владѣнія; то-же самое, что во Франціи, было и въ Италіи. Въ этомъ отношеніи нельзя сказать объ итальянцахъ ничего дурного, чего не слѣдовало бы съ такой же силой примѣнить къ французамъ, а потомъ и къ нѣмцамъ. Напротивъ были обстоятельства, дѣлавшія утрату національной силы болѣе извинительной для итальянцевъ: южная часть ихъ земли оставалась подъ византійской властью; ихъ берега были ближе французскихъ для нападеній африканскихъ мусульманъ. — Италія была, подобно Франціи, раздроблена; но она была богаче Франціи. Нѣмецкіе короли справедливо находили, что выгоднѣе грабить и порабощать Италію, чѣмъ Францію, потому ходили въ Италію. Могутъ ли быть обвиняемы въ недостаткѣ храбрости мелкія государства за то, что король большаго государства побѣждаетъ ихъ? Говорятъ: но итальянцы сами облегчали иноземцамъ завоеваніе своей земли междоусобіями. Что въ этомъ особеннаго? У какого народа раздробленнаго на разныя государства, не было междоусобій? — Когда восточная часть Испаніи объединилась въ сильное государство, а французская королевская династія объединила подъ непосредственной властью короля, бо́льшую часть Франціи и сдѣлала Провансъ владѣніемъ родственниковъ короля, то стали нападать на Италію арагонцы и французы. Такимъ образомъ, итальянцы должны были отбиваться отъ трехъ сильныхъ народовъ. Свидѣтельствуетъ ли противъ храбрости ихъ то, что они были побѣждаемы? Такое положеніе дѣлъ оставалось до недавняго времени. Если мы всмотримся въ подробности борьбы мелкихъ итальянскихъ государствъ противъ сильныхъ иноземныхъ войскъ, мы увидимъ множество примѣровъ тому, что итальянцы сражались храбрѣе своихъ завоевателей.

Историки, называющіе итальянцевъ трусами, вообще держатся той теоріи, что качества народа составляютъ неизмѣнный потомственный характеръ его, наслѣдуемый потомками отъ предковъ; о томъ, на сколько сообразна съ фактами эта теорія, мы будемъ говорить послѣ. Теперь замѣтимъ, что ученые, держащіеся ея, были бы повидимому обязаны считать итальянцевъ очень храбрымъ народомъ. Дѣйствительно, кто предки итальянцевъ? римляне; или, если прибавлять и второстепенные элементы, то кромѣ римлянъ также греки, лангобарды, норманны, арабы. Всѣ эти народы считаются очень храбрыми. Какимъ же образомъ потомки храбрецовъ могутъ получать названіе трусовъ отъ людей, постоянно твердящихъ о неизмѣнной наслѣдственности характера? Это дѣлается по очень легкому способу: теорія наслѣдственности проповѣдуется на тѣхъ страницахъ, на которыхъ автору надобно твердить ее, а на промежуточныхъ страницахъ, для которыхъ она неудобна, мѣсто ея занимаетъ какая-нибудь другая теорія, болѣе удобная для автора въ эти часы его соображеній, чаще всего теорія вырожденія. Если историкъ, проповѣдующій теорію неизмѣнности національныхъ качествъ, пишетъ подробный разсказъ о средневѣковыхъ нашествіяхъ на Италію, итальянцы на страницахъ его разсказа вырождаются и возрождаются много разъ. Подходитъ большое иноземное войско, напримѣръ, къ Риму. Въ Римѣ передъ тѣмъ временемъ было междоусобіе; побѣжденная партія мѣшаетъ ненавистнымъ противникамъ въ дѣлѣ обороны или предательски отворяетъ ворота города иноземцамъ. Въ этомъ нѣтъ ровно ничего особеннаго римскаго или итальянскаго; такъ дѣлалось во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ городахъ во времена междоусобій. Но такъ ли поступили древніе римляне, когда подошелъ къ Риму Ганнибалъ? Нѣтъ, не такъ. Они не впустили Ганнибала въ Римъ. А теперь, въ такой-то годъ XI или XII столѣтія римляне сдались нѣмецкому королю. Очевидно, за разсказомъ объ этомъ очень удобно можетъ быть помѣщена тирада въ патетическомъ тонѣ съ восклицательными знаками: «Да, римляне теперь не были достойными потомками тѣхъ римлянъ, которые назначили торгъ на аренду земель, занятыхъ подъ стѣнами Рима войскомъ Ганнибала и давали за участки этихъ земель такую же высокую арендную плату, какъ въ мирное время, непоколебимо убѣжденные, что скоро оттѣснятъ грознаго врага! Теперь въ Римѣ уже не было истинныхъ римлянъ! Жалкіе люди, называвшіе себя этимъ славнымъ именемъ, были...» идутъ всякіе ругательные

эпитеты, какіе только дозволяетъ автору употребить его благовоспитанность. — Нѣмецкій король вошелъ въ Римъ, папа коронуетъ его. На коронаціонномъ праздникѣ нѣмецкое войско разбуянилось; жители Рима, выведенные изъ терпѣнія, забыли, что шансы удачи для нихъ малы, схватились за оружіе; начался бой противъ нѣмцевъ. Исходъ его, разумѣется, зависѣлъ отъ того, успѣли ль къ этому часу дня перепиться почти всѣ нѣмцы, или большинство ихъ, хотя и пьяное, еще сохранило силу крѣпко держаться на ногахъ и разсудокъ смыкаться въ боевой порядокъ. Если сохраняло, то войско, хорошо дисциплинированное и превосходно вооруженное, одерживало побѣду надъ нестройными толпами людей, между которыми было мало опытныхъ солдатъ. А если нѣмцы были пьяны до неспособности сражаться, то народъ выгонялъ ихъ изъ Рима. Въ такомъ случаѣ историкъ размышляетъ, вставить или не вставить въ разсказъ тираду о томъ, что римляне показали себя достойными потомками славныхъ предковъ. Если онъ находитъ, что тирада о ихъ трусости не отдѣлена отъ страницы, которую пишетъ онъ, количествомъ страницъ достаточнымъ для возрожденія римлянъ, они останутся на этотъ разъ невозродившимися. Но черезъ пять или семь лѣтъ нѣмецкій король—теперь уже римскій императоръ—снова идетъ къ Риму. На этотъ разъ у римлянъ не было междоусобія, или побѣдившая партія успѣла установить крѣпкую власть, побѣжденные въ чувствѣ своего безсилія помирились съ побѣдителями; измѣны нѣтъ, правительство сдѣлало большіе запасы провіанта; городъ выдерживаетъ продолжительную осаду; нѣмцы разбиты удачной вылазкой, или большинство ихъ погибло отъ битвъ и болѣзней; они отступаютъ, римляне преслѣдуютъ ихъ. Тутъ историкъ чувствуетъ сильное желаніе возродить римлянъ и не находитъ никакихъ препятствій къ этому, потому что послѣдняя тирада о ихъ трусости помѣщена не ближе, какъ страницъ за десять передъ той, которую пишетъ онъ теперь; римляне возрождаются подъ его перомъ. Если вы одарены человѣколюбивымъ образомъ мыслей, не спѣшите радоваться: черезъ достаточное число страницъ они снова выродятся; но знайте впередъ, что вамъ не будетъ тогда надобно предаваться большому огорченію: они черезъ нѣсколько страницъ возродятся въ двадцатый или въ двадцать первый разъ.

Много геройскихъ подвиговъ совершали итальянцы въ долгіе вѣка своей раздробленности. Но съ самаго завоеванія лангобардскаго королевства Карломъ Великимъ до очень недавняго времени они не могли отбиться отъ многочисленныхъ, могущественныхъ враговъ:

каждый сосѣдъ, когда могъ собрать большое войско, шелъ или плылъ грабить богатую и раздробленную Италію; если итальянцы успѣвали отразить его, онъ, оправившись отъ неудачи, возобновлялъ нападенія, а если онъ долго оставался ослабѣвшимъ, то вмѣсто него шелъ грабить Италію другой сосѣдъ; потому при множествѣ удачныхъ сраженій итальянцы никогда не имѣли времени отдохнуть, и побѣды ихъ оставались напрасны: отбившись отъ нѣмцевъ, они подвергались нападеніямъ испанцевъ или французовъ; даже венгры много разъ ходили грабить Италію. Отразивъ одно нападеніе, изнуренные итальянцы дѣлались жертвами, если не второго, то третьяго нападенія и снова оказывались трусами, по мнѣнію побѣдителей, повторяемому до сихъ поръ большинствомъ историковъ другихъ націй. Историки вообще расположены превозносить покорителей и ругаться надъ покоренными. Это не ихъ профессіональная слабость, а только результатъ зависимости ихъ сужденій отъ общественнаго мнѣнія націй, къ которымъ принадлежатъ они.

Теперь можно полагать, что Италія сохранитъ свою независимость. Тѣ народы, которые стремились грабить и порабощать ее, начинаютъ, кажется, привыкать къ мысли, что итальянскій народъ не поддастся иноземному владычеству безъ упорнаго сопротивленія, что желаніе поработить его должно быть отброшено, какъ неудобоисполнимое. Когда они привыкнутъ думать такъ, ихъ историки будутъ справедливѣе судить о прошломъ итальянскаго народа, будутъ признавать, что хотя раздробленность и отнимала у него силу успѣшно бороться противъ иноземныхъ нашествій, но разрозненныя и потому слабыя части его выказывали въ первой борьбѣ не меньше мужества, чѣмъ ихъ поработители.

Тогда исчезнетъ одна изъ тѣхъ пошлыхъ выдумокъ, на которыхъ держится теорія вырожденія народовъ во времена упадка ихъ военнаго могущества.

Итальянцы—потомки того народа, который покорилъ и цивилизовалъ Пиренейскій полуостровъ, Галлію, Англію и часть Германіи, покорилъ всѣ земли кругомъ Средиземнаго моря и много земель, далекихъ отъ него. Римское государство стало ослабѣвать; восточная половина, въ которой преобладала греческая цивилизація, сдѣлалась особымъ государствомъ; западная половина, оставшаяся подъ властью римлянъ, продолжала ослабѣвать и вскорѣ была ограблена и порабощена варварами. Изъ этого выводятъ, что римляне выродились. Дѣло объясняется фактами, не оставляющими мѣста для этого приговора. Съ какого времени началось мнимое вырожденіе римлянъ? Обыкно-

венно считаютъ первымъ важнымъ проявленіемъ его пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу. Но болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того кимбры и тевтоны истребили нѣсколько римскихъ войскъ, не менѣе многочисленныхъ, чѣмъ войско Вара, и ворвались въ Италію. За сто лѣтъ раньше того былъ фактъ, еще болѣе характеристичный: Ганнибалъ вошелъ въ Италію, нанесъ нѣсколько пораженій римскимъ войскамъ, превосходившимъ числительностью его войско, тринадцать лѣтъ держался въ Италіи и покинулъ ее, лишь повинуясь приказанію правительства своей родины. Не съ этого ли времени слѣдуетъ считать римлянъ выродившимися?—Есть историки, у которыхъ мелькаетъ въ мысляхъ такое предположеніе. Съ той точки зрѣнія, на которой стоятъ цѣнители нравственныхъ качествъ народа по успѣшности битвъ, оно справедливо. Но война, долго шедшая постыдно для римлянъ, кончилась побѣдой ихъ; и послѣ того они сдѣлали громадныя завоеванія. Это мѣшаетъ признать ихъ выродившимися въ эпоху нашествія Ганнибала. Напрасное затрудненіе: скажемъ, что они выродились передъ второй пунической войной и возродились во время ея; этимъ будетъ объяснено все: и позоръ пораженій на Требіи, у Тразименскаго озера, при Каннахъ, и еще постыднѣйшая трусость римлянъ, допускавшая ослабѣвшаго Ганнибала оставаться въ Италіи цѣлыя тринадцать лѣтъ послѣ битвы при Каннахъ, и побѣда римлянъ надъ нимъ и послѣдующія ихъ завоеванія. Сдѣлавъ огромныя завоеванія, римляне стали ослабѣвать и были наконецъ покорены варварами. Изъ этого выводится, что они выродились. Но у тѣхъ же самыхъ историковъ разсказываются факты, достаточно объясняющіе разрушеніе римской имперіи и безъ этого фантастическаго предположенія. Припомнимъ лишь одну ту сторону хода перемѣнъ въ обстоятельствахъ, которая преобразовала составъ римскаго войска, и паденіе римской имперіи уже будетъ понятно безъ помощи пустыхъ выдумокъ. Когда римляне, покоривъ сосѣднія итальянскія земли, стали ходить за Альпы и отправлять войска за море, перестало быть возможнымъ для ихъ воиновъ прежнее соединеніе военнаго ремесла съ домашнимъ бытомъ. Народъ раздѣлился на два класса: большинство гражданъ покинуло военную службу по несовмѣстности ея съ сохраненіемъ домашняго хозяйства, меньшинство бросило домашній бытъ, стало профессіональнымъ военнымъ сословіемъ, оторвавшись отъ общественныхъ связей; римскіе солдаты сдѣлались похожими по своимъ чувствамъ на средневѣковыхъ наемниковъ; имъ было все равно, съ кѣмъ сражаться, лишь бы получать жалованье и обогащаться добычей; римскіе полководцы стали похожи на итальянскихъ кондоттьеровъ. Таковъ былъ Марій; много раньше того уже занялъ подобное положеніе Сципіонъ Африканскій, побѣдитель Ганнибала: масса того войска, съ которымъ онъ поплылъ въ Африку, составилась изъ людей, шедшихъ служить не сенату или народному собранію, а лично полководцу, обѣщавшему добычу и дававшему жалованье на первое время изъ своихъ собственныхъ денегъ. Мужественно ли или нѣтъ оставалось большинство римлянъ, отвыкшее отъ военнаго дѣла, все равно: оно не могло противиться своимъ войскамъ. Это было положеніе подобное тому, какое существовало во всей западной Европѣ съ конца среднихъ вѣковъ до недавняго времени. Французы или нѣмцы, испанцы или англичане XVI вѣка и слѣдующихъ двухъ столѣтій были одинаково неспособны сопротивляться своимъ войскамъ. Скажемъ ли мы, что всѣ эти народы были тогда трусливы? Они просто не знали военнаго дѣла. Припомнимъ исторію Англіи во время войнъ Алой и Бѣлой розъ: одинъ изъ соперниковъ собираетъ воиновъ по ремеслу, охраняющихъ уэльзскую границу, другой—воиновъ по ремеслу, охраняющихъ шотландскую границу; они идутъ одинъ на другого; кто одержалъ побѣду, входитъ въ Лондонъ и становится владыкой Англіи. Нѣчто подобное этому представляютъ войны Суллы съ Маріемъ, Цезаря съ Помпеемъ. Въ Римѣ возникаетъ наконецъ наслѣдственность сана верховнаго полководца въ семействѣ Юлія Цезаря; всѣ полководцы повинуются этому главнокомандующему войскъ римскаго государства. То же самое начинается и въ Англіи со времени, какъ овладѣлъ государствомъ Генрихъ Тюдоръ. Въ XVII столѣтіи масса нѣмецкаго народа — беззащитная жертва армій Тилли, Валленштейна, Бернгарда Саксонскаго. Отъ Бернгарда зависитъ основать себѣ государство въ югозападной Германіи или отдать свои завоеванія королю французскому. Франконія и Швабія принадлежатъ ему, какъ Италія Марію въ отсутствіе Суллы. Западная Европа выдержала это положеніе и мало по малу вышла изъ него къ началу нынѣшняго вѣка, благодаря тому, что по границамъ Испаніи, Франціи, Германіи не было варваровъ, имѣвшихъ главной своей мыслью грабить сосѣднія цивилизованныя земли и научившихся военному искусству на службѣ у народовъ этихъ земель. «Но существенный признакъ вырожденія римлянъ въ III и IV столѣтіяхъ нашей эры состоитъ именно въ томъ, что они брали массы иноземцевъ на свою службу», говорятъ намъ. А что такое дѣлали французы съ конца XV до начала XVIII столѣтія? Держало тогда или не держало французское правительство на своей службѣ многочисленный корпусъ швейцарскихъ наемниковъ? И сколько иноземцевъ было въ войскахъ Фридриха II?—

Столько, сколько могъ онъ набрать; чѣмъ больше, тѣмъ пріятнѣе было ему.

Съ той поры, какъ историки считаютъ надобнымъ изучать политическую экономію и толковать о раздѣленіи труда, они въ книгахъ о послѣднихъ временахъ римской республики и о римской имперіи сами разъясняютъ, какими экономическими силами была произведена замѣна войска, состоящая изъ гражданъ домохозяевъ, войскомъ солдатъ по ремеслу и потомъ замѣна итальянцевъ на военной службѣ уроженцами областей менѣе цивилизованныхъ и иноземными варварами. Потому давно пора было бы бросить фантазію о вырожденіи римлянъ, слѣдовало бы говорить лишь о томъ, что масса итальянскаго населенія перестала образовать главную массу войска, непрерывно ведущаго войны на отдаленныхъ границахъ и живущаго тамъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. Такимъ образомъ, паденіе римской имперіи, завоеваніе Италіи варварами достаточно объясняется ужь одной той перемѣной, которую произвели въ составѣ войска громадныя завоеванія римлянъ. Но вмѣстѣ съ военной перемѣной дѣйствовали въ томъ же разрушительномъ направленіи другія перемѣны, произведенныя завоеваніями; изъ нихъ особенно важна была перемѣна въ политическомъ устройствѣ государства; она была важнѣе военной. Соединяя дѣйствія этихъ перемѣнъ, мы найдемъ совершенно излишней выдумкой фантазію о вырожденіи римскаго народа.

Отложимъ споръ противъ фантастическихъ мнѣній, перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о національномъ характерѣ, которыя соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію знаній о жизни народовъ. Для упрощенія дѣла будемъ говорить только о тѣхъ народахъ, которые принадлежатъ къ романскому и германскому отдѣламъ арійскаго семейства. Едва ли найдется теперь историкъ, который не признавалъ бы, что всѣ отдѣлы арійскаго семейства имѣли первоначально одинаковыя умственныя и нравственныя качества. Тѣмъ меньше возраженій со стороны людей, знакомыхъ съ изслѣдованіями о первобытныхъ временахъ жизни арійцевъ можетъ встрѣтить мысль, что первоначально не было никакой разницы въ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ между людьми сосѣднихъ двухъ отдѣловъ арійскаго семейства, населяющихъ теперь западную Европу, большую часть Америки, нѣкоторыя части Австраліи и южной Африки. Кто будетъ спорить противъ этого мнѣнія, покажетъ только свое желаніе отрицать результаты филологическихъ и археологическихъ изслѣдованій.

Итакъ предки романскихъ и германскихъ народовъ имѣли одинаковыя умственныя и нравственныя качества. Теперь эти народы во

многомъ отличаются одинъ отъ другого по своимъ утрежденіямъ и обычаямъ. Какъ произошла разница между ними? Есть мнѣніе, приписывающее ее вліянію примѣси людей не-арійскаго происхожденія. Говорятъ напримѣръ, что иберійцы (предки басковъ), народъ не-арійскаго семейства, составили очень значительную долю населенія, говорившаго римскимъ (или романскимъ) языкомъ въ вестготскомъ государствѣ; говорятъ, что осталась въ нынѣшнихъ испанцахъ и португальцахъ значительная примѣсь арабской и берберской крови. Она гораздо менѣе велика, чѣмъ полагаютъ ученые, говорящіе о значительности ея. Но отложимъ споръ. Пусть вліяніе иноплеменныхъ элементовъ на сформированіе нынѣшнихъ испанской и португальской національностей было велико. Но безспорно то, что во французскомъ народѣ очень мало примѣси крови какихъ нибудь людей, кромѣ кельтовъ, римлянъ и германцевъ. Въ западной Германіи почти всѣ люди потомки германцевъ. Въ Англіи и Шотландіи почти всѣ люди потомки кельтовъ, итальянцевъ и германцевъ или скандинавовъ. Кельты теперь признаны имѣвшими національность, еще болѣе близкую къ латинской, чѣмъ первоначальная германская. Такимъ образомъ основные элементы французскаго, англійскаго и западно-германскаго населенія должны быть признаны тожественными (по тожеству первобытныхъ италійцевъ и германцевъ). Что же мы видимъ теперь? Не будемъ говорить о разницѣ между англичанами, французами и западными нѣмцами, обратимъ вниманіе на каждый изъ этихъ народовъ отдѣльно. Беремъ Францію. Французскій народъ состоитъ изъ нѣсколькихъ племенныхъ отдѣловъ. Когда мы сравниваемъ общеупотребительныя характеристики ихъ, то кромѣ принадлежности къ одной филологической народности мы не найдемъ ни одной черты, которая была бы общей для всѣхъ ихъ. По ходячимъ характеристикамъ нормандецъ человѣкъ болѣе различный своими умственными и нравственными качествами отъ гасконца, чѣмъ отъ англичанина. — Англія въ четыре раза меньше Франціи, но тоже дѣлится на нѣсколько областей, въ каждой изъ которыхъ, если судить по характеристикамъ, даваемымъ этнографами, живетъ племя, вовсе не похожее своими умственными и нравственными качествамя на другіе отдѣлы англійскаго народа. Приведемъ одинъ примѣръ. По общему мнѣнію англійскихъ и шотландскихъ этнографовъ, населеніе южной Шотландіи очень рѣзко отличается отъ массы агличанъ своими нравственными качествами. Эти шотландцы далеко превосходятъ англичанъ, по англійскому мнѣнію, хитростью и жадностью (а по своему выраженію, разсудительностью). Но жители сѣверной части Англіи говорятъ тѣмъ

же нарѣчіемъ, имѣютъ тѣ же привычки, какъ эти шотландцы, и не отличаются отъ нихъ ничѣмъ, кромѣ того, что называютъ себя англичанами, а не шотландцами.—Нечего говорить о томъ, что швабы по этнографическимъ характеристикамъ ни мало не похожи на вестфальцевъ; этого достаточно относительно западной Германіи, въ населеніи которой нѣтъ никакой иноплеменной примѣси.

Правда, ходячія характеристики французскаго, англійскаго и нѣмецкаго народовъ фантастичны, такъ что французы дивятся и, смотря по настроенію духа, хохочутъ или сердятся, читая нелѣпости, пользующіяся у иноземцевъ репутаціей характеристики французскаго народа, и точно такія впечатлѣнія производитъ на нѣмцевъ ходячая у иноземцевъ характеристика нѣмецкой націи, на англичанъ—континентальная характеристика англійской націи; но нѣкоторыя разницы въ привычкахъ этихъ народовъ дѣйствительно существуютъ. Нелѣпы и тѣ ходячія характеристики, по которымъ каждый отдѣлъ населенія Франціи, Англіи, западной Германіи оказывается вовсе не похожъ на другія племена своей націи; но дѣйствительно есть и областныя разницы привычекъ. Какимъ же образомъ возникли эти областныя и національныя различія между людьми, происшедшими отъ предковъ, имѣвшихъ одинаковыя качества и привычки, отъ людей одного отдѣла, одного лингвистическаго семейства?

Народъ — группа людей, качества народа—сумма индивидуальныхъ качествъ людей, составляющихъ эту группу; потому качества народа измѣняются перемѣной качествъ отдѣльныхъ людей, и причины перемѣнъ одинѣ и тѣ же въ обоихъ случаяхъ. Какимъ образомъ, напримѣръ, народъ, говорившій однимъ языкомъ, начинаетъ говорить другимъ? Отдѣльныя лица находятъ надобнымъ выучиваться чужому языку; если та же надобность одинакова для всѣхъ взрослыхъ семействъ, ихъ дѣти уже въ своемъ семействѣ привыкаютъ говорить на языкѣ, который прежде былъ чужимъ ему; когда эта перемѣна произойдетъ въ большинствѣ семействъ, прежній языкъ будетъ быстро забываться массой народа, новый станетъ роднымъ ей. Разница между перемѣной языка у отдѣльнаго человѣка и у народа состоитъ только въ продолжительности времени, нужнаго для нея.

Точно то же происходитъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія или утраты всякихъ знаній и привычекъ. Отъ перемѣны въ знаніяхъ и привычкахъ измѣняется такъ называемый характеръ людей.

По какимъ причинамъ человѣкъ пріобрѣтаетъ какія-нибудь знанія?—Отчасти по склонности всякаго мыслящаго существа изучать предметы и размышлять о нихъ, отчасти по житейской надобности въ тѣхъ

или другихъ знаніяхъ. Любознательность, склонность къ наблюденію и размышленію — природное качество не человѣка только, но всѣхъ существъ, имѣющихъ сознаніе. Едва-ли найдется теперь натуралистъ, который не признавалъ бы, что всѣ существа, имѣющія нервную систему и глаза — существа мыслящія, что они изучаютъ обстановку своей жизни, заботятся улучшить ее. Потому теперь должно прямо называть не заслуживающимъ вниманія тотъ предразсудокъ, по которому ученые въ старину приписывали любознательность только нѣкоторымъ народамъ, а у другихъ отрицали ее. Никогда не было и не можетъ быть ни одного здороваго человѣка, который не имѣлъ бы нѣкоторой любознательности и нѣкотораго желанія улучшить свою жизнь.

Итакъ влеченіе къ пріобрѣтенію знаній и склонность къ заботѣ объ улучшеніи своей жизни—врожденныя качества человѣка, подобно дѣятельности желудка. Но существованіе дѣятельности желудка и потребность въ пищѣ могутъ оставаться плохо удовлетворенными по неблагопріятности внѣшнихъ обстоятельствъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ аппетитъ вовсе пропадаетъ. Когда внѣшнія обстоятельства не благопріятны пріобрѣтенію знаній и успѣху заботъ объ улучшеніи жизни, умственная дѣятельность будетъ идти слабѣе, чѣмъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ замирать, какъ могутъ замирать другія влеченія человѣческой природы, безъ которыхъ дѣятельность легкихъ, желудка и другія такъ называемыя функціи растительной жизни человѣка продолжаются не ослабѣвая. Отъ слишкомъ продолжительнаго голода человѣкъ умираетъ, отъ замиранія любознательности или эстетическаго чувства онъ не умираетъ, а только становится отупѣвшимъ въ этихъ отношеніяхъ. Что можетъ происходить съ отдѣльнымъ человѣкомъ, то можетъ происходить и съ огромнымъ большинствомъ народа, если оно подвергается тѣмъ же давленіямъ, и съ цѣлымъ народомъ, если подвергаются имъ всѣ люди, составляющіе его. При благопріятныхъ обстоятельствахъ врожденная склонность человѣка къ пріобрѣтенію свѣдѣній и къ улучшенію своей жизни развивается; то же самое несомнѣнно и относительно народа, потому что всѣ перемѣны въ его физическомъ-ли, умственномъ-ли состояніи—суммы перемѣнъ, происходящихъ въ состояніи отдѣльныхъ людей.

Въ старину были споры о томъ, хороши или дурны врожденныя нравственныя склонности человѣка. Теперь слѣдуетъ назвать обветшалыми сомнѣнія въ томъ, что онѣ хороши. Это опять частный случай гораздо болѣе широкаго закона жизни органическихъ существъ,

одаренныхъ сознаніемъ. Есть такіе роды или виды живыхъ существъ, которые предпочитаютъ одинокую жизнь, чуждаются общества подобныхъ себѣ. Между млекопитающими таковъ, какъ говорятъ, кротъ. Но громадное большинство видовъ млекопитающихъ находятъ пріятнымъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ подобными себѣ. Это достовѣрно обо всѣхъ тѣхъ отдѣлахъ млекопитающихъ, которые по своей организаціи менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ кротъ. Пока считалось возможнымъ называть всѣ другія живыя существа, кромѣ человѣка, лишенными сознанія, можно было ставить вопросъ,—добръ, или золъ онъ по природѣ. Теперь этотъ вопросъ лишился смысла. Человѣкъ имѣетъ природную склонность къ доброжелательству относительно существъ своего вида, какъ имѣютъ ее всѣ тѣ живыя существа, которыя предпочитаютъ одиночеству жизнь въ обществѣ подобныхъ себѣ.

Но и склонность къ доброжелательству можетъ ослабѣвать подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствъ. Существа самыя кроткія ссорятся между собою, когда обстоятельства, возбуждающія къ враждѣ, сильнѣе склонности къ доброжелательству. Дерутся между собою и лани и голуби. Едва-ли были дѣлаемы точныя наблюденія для разъясненія вопроса, до какой степени можетъ испортиться характеръ ихъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, развивающихъ злыя привычки. Но о тѣхъ млекопитающихъ, которыя давно сдѣлались предметомъ постоянныхъ внимательныхъ наблюденій, какъ напримѣръ лошади, всѣмъ извѣстно, что при раздражающемъ ходѣ жизни характеръ ихъ можетъ сильно портиться.

На оборотъ мы знаемъ, что млекопитающія, по своей природѣ жестокія къ существамъ другихъ видовъ и расположенныя драться между собою при самыхъ маловажныхъ столкновеніяхъ интересовъ, пріобрѣтаютъ довольно кроткій характеръ, когда человѣкъ заботится о развитіи доброжелательности въ нихъ. При соображеніяхъ объ этомъ обыкновенно припоминается собака. Но еще замѣчательнѣе развитіе кротости въ кошкѣ. По природнымъ склонностямъ, кошка существо гораздо болѣе жестокое, чѣмъ волкъ. Однако же всѣ мы знаемъ, что кошка легко привыкаетъ держать себя мирно относительно домашней птицы. Есть множество разсказовъ о кошкахъ, привыкшихъ кротко выносить всякія обиды отъ маленькихъ дѣтей, играющихъ съ ними.

Одно изъ самыхъ важныхъ различій между млекопитающими по нравственнымъ качествамъ обусловливается устройствомъ ихъ желудка, по которому нѣкоторыя семейства питаются исключительно растительной пищей, другія исключительно животной. Всѣ мы знаемъ,

что собака, родственница волка и шакала, питающихся исключительно пожираніемъ животныхъ, легко привыкаетъ ѣсть хлѣбъ и всѣ другіе сорты той растительной пищи, которую ѣдятъ люди. Она не можетъ питаться только сѣномъ, которымъ не способенъ питаться и человѣкъ. Едва ли были дѣлаемы точныя наблюденія о томъ, могутъ ли собаки совершенно отвыкать отъ мясной пищи. Но всѣмъ извѣстно, что собаки нѣкоторыхъ охотничьихъ породъ пріучаются съ омерзеніемъ отвращаться отъ ѣды тѣхъ животныхъ, для охоты за которыми употребляются. Такая собака, мучимая голодомъ, не можетъ ѣсть такъ называемой дичи. Наоборотъ лошадь и корова или волъ легко привыкаютъ ѣсть мясной супъ. Были наблюдаемы случаи, что серны или сайги, живущія въ плѣну у человѣка, ѣли сало. Когда мы припоминаемъ такія рѣзкія перемѣны качествъ, непосредственно обусловленныхъ устройствомъ желудка, то должны утратить для насъ всякой смыслъ сомнѣнія въ томъ, способны ли очень сильно видоизмѣняться подъ вліяніемъ обстоятельствъ качества, менѣе устойчивыя, чѣмъ особенности, зависящія отъ устройства желудка.

Умственныя и нравственныя качества менѣе устойчивы, чѣмъ физическія; потому должно думать, что и наслѣдственность ихъ менѣе устойчива. Размѣръ наслѣдственности ихъ еще не опредѣленъ научными изслѣдованіями съ такой точностью, какая нужна для рѣшенія вопросовъ объ умственныхъ и нравственныхъ сходствахъ и разницахъ между людьми одного физическаго типа. Мы должны составлять себѣ понятія объ этомъ лишь по случайнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія пріобрѣтаемъ житейскими наблюденіями надъ сходствомъ или несходствомъ дѣтей съ родителями, братьевъ или сестеръ между собой.

Чтобъ опредѣлить, каково въ сущности мнѣніе, пріобрѣтенное разсудительными людьми по житейскимъ наблюденіямъ этихъ сходствъ и разницъ, употребимъ способъ рѣшенія точно опредѣленныхъ гипотезъ, употребляемый натуралистами для разъясненія понятій о вопросахъ, которые трудно рѣшить анализомъ конкретныхъ фактовъ.

Предложимъ себѣ слѣдующую задачу. Въ глухомъ селеніи одной изъ земель западной Европы живутъ жена и мужъ, люди одного физическаго типа, одинаковыхъ характеровъ. Всѣ мужчины въ ихъ селеніи землевладѣльцы, а женщины помогаютъ мужчинамъ въ сельскихъ работахъ. Эти мужъ и жена ведутъ такой же образъ жизни; они трудолюбивы, честны, добры. У нихъ родился сынъ. Черезъ годъ по его рожденіи они умираютъ. Ближайшій родственникъ сироты—двоюродный братъ его матери, человѣкъ женатый, но бездѣт-

ный. О немъ и о его женѣ намъ извѣстно только, что они люди честные, добрые, трудолюбивые и не бѣдные, что они живутъ въ столицѣ страны другого народа, что они родились и всю жизнь провели тамъ, говорятъ на языкѣ этой столицы, не знаютъ никакого другого, и видывали нивы развѣ проѣздомъ по желѣзной дорогѣ. Больше ничего неизвѣстно намъ о нихъ. Мы не знаемъ, къ какому сословію гражданъ столицы принадлежатъ они и какой образъ жизни ведутъ; намъ сказано только, что они честные. Будучи извѣщены о смерти своей родственницы и ея мужа и о томъ, что остается сиротка, они рѣшаютъ взять малютку на воспитаніе къ себѣ и усыновляютъ его. Прошло 29 лѣтъ. Усыновленный сирота сталъ 30 лѣтнимъ мужчиной. Его пріемные отецъ и мать еще живы; они любятъ его, какъ родного сына; онъ также любитъ ихъ, какъ родныхъ отца и мать. Подобно имъ, онъ трудолюбивъ. Со времени его усыновленія, въ жизни его не было никакихъ необыкновенныхъ случаевъ. Больше ничего не извѣстно намъ о немъ. Спрашивается, каковы, кромѣ трудолюбія, его привычки и качества и чѣмъ онъ занимается? На нѣкоторые вопросы объ этомъ можно дать отвѣты, имѣющіе очень большую степень вѣроятности. Такъ напримѣръ очень вѣроятно, что этотъ мужчина сталъ человѣкомъ той національности, къ которой принадлежитъ масса жителей столицы. Этотъ отвѣтъ подсказанъ тѣмъ свѣдѣніемъ, что усыновившее сироту семейство не знало языка его родины, говорило на языкѣ столицы, въ которой выросло. Очень вѣроятно также, что онъ горожанинъ, а не земледѣлецъ. Это мнѣніе также основано на нашихъ знаніяхъ объ усыновившихъ его родныхъ. Землевладѣлецъ ли онъ? Едва ли; зажиточные горожане въ западной Европѣ находятъ профессію земледѣльца невыгодной для себя и не готовятъ къ ней своихъ младшихъ. По всей вѣроятности, онъ горожанинъ. Какой городской профессіей занимается онъ: ремесленникъ онъ, или школьный учитель, или адвокатъ, или врачъ? Никакого сколько нибудь разсудительнаго рѣшенія этого вопроса мы не можемъ сдѣлать, потому что не знаемъ, какой городской профессіей занимался пріемный отецъ и какихъ мыслей объ этой профессіи держались онъ и его жена; находили ли они, что ихъ пріемному сыну лучше всего будетъ стать человѣкомъ этой же профессіи, или предпочитали ей какую нибудь другую.

Намъ теперь легко узнать истинный характеръ нашихъ мнѣній о томъ, вліянію ли происхожденія или вліянію жизни мы приписываемъ преобладающую силу въ дѣлѣ образованія нравственныхъ качествъ. Мы нашли вѣроятнымъ, что сирота сдѣлался честнымъ человѣкомъ.

Онъ росъ въ честномъ семействѣ; будучи огражденъ отъ нищеты благосостояніемъ и любовью своихъ пріемныхъ отца и матери, онъ безъ труда могъ пріобрѣсти привычку гнушаться воровствомъ и другими видами безчестныхъ поступковъ. Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли вліянію жизни, а не вліянію происхожденія мы приписываемъ развитіе хорошихъ качествъ, перемѣнимъ условія гипотезы, предположимъ, что люди, усыновившіе сироту, жили плутовскими продѣлками и считали глупостью быть честными относительно постороннихъ людей. Велика ли увѣренность, что сирота, воспитанный ими, выросъ честнымъ человѣкомъ? Мы видимъ, что нравственныя качества его родителей вовсе не принимаются нами въ соображеніе, потому что онъ сталъ сиротой раньше, чѣмъ могъ научиться отъ нихъ чему нибудь дурному или хорошему.

Перейдемъ къ изложенію тѣхъ понятій о развитіи характера отдѣльныхъ людей, которыя соотвѣтствуютъ нынѣшнему состоянію нашихъ теоретическихъ знаній и выводамъ изъ житейскихъ наблюденій. Для упрощенія дѣла мы будемъ говорить исключительно о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства. Когда люди передовыхъ націй привыкнутъ справедливо судить другъ о другѣ, они будутъ приготовлены справедливѣе нынѣшняго судить и о людяхъ другихъ лингвистическихъ или расовыхъ отдѣловъ.

Беремъ двухлѣтняго ребенка. Опаснѣйшее время физическаго развитія ужь перенесено имъ. Онъ остался здоровымъ, крѣпкимъ. Устранимъ всякія предположенія о какихъ нибудь особенныхъ бѣдствіяхъ въ слѣдующіе годы его физическаго развитія и спросимъ себя, нужны ли какія нибудь благопріятныя условія жизни для того, чтобъ онъ выросъ здоровымъ. Мы знаемъ, что для этого нужны между прочимъ удовлетворительная пища и удовлетворительная обстановка домашней жизни. Изъ сотни здоровыхъ двухлѣтнихъ дѣтей доживетъ 80 или 90 здоровыми до 20 лѣтняго возраста, если эти условія существуютъ для нихъ. А если ихъ семейства обнищали около того времени, какъ они достигли двухлѣтняго возраста, и послѣдующій ростъ ихъ будетъ идти въ сырыхъ, душныхъ помѣщеніяхъ, пища ихъ будетъ дурна и недостаточна, то очень многіе изъ нихъ умрутъ, не достигнувъ совершеннолѣтія, а многіе изъ уцѣлѣвшихъ окажутся получившими какія нибудь болѣзни, порождаемыя дурнымъ питаніемъ и сыростью жилищъ.

Физическія качества двухлѣтняго ребенка несравненно устойчивѣе тѣхъ нравственныхъ качествъ или, точнѣе сказать, еще не качествъ, а только наклонностей къ качествамъ, какія имѣетъ онъ. У двухлѣтняго ребенка ужь обозначились всѣ тѣ физическія особенности,

какія будетъ онъ имѣть въ годы совершеннолѣтія, если останется здоровъ. Но о даровитости двухлѣтняго ребенка мы не можемъ составить себѣ основательныхъ понятій; и если называемъ дѣтей этого возраста даровитыми или бездарными, то лишь фантазируемъ на основаніи нашихъ симпатій или антипатій. Не только о двухлѣтнихъ, даже о восьмилѣтнихъ дѣтяхъ трудно судить, даровитыми или тупыми людьми станутъ они. А нравственныя качества менѣе устойчивы, чѣмъ умственныя способности.

Теперь доказано, что дитя чахоточныхъ родителей родится не имѣющимъ чахотки; обыкновенно бываетъ только то, что чахоточные родители малокровны, имѣютъ слабо развитую грудь и что эти качества организма наслѣдуютъ ихъ дѣти. Но если малокровный и слабогрудый малютка получитъ укрѣпляющее воспитаніе, то у него или уменьшится или вовсе исчезнетъ расположеніе къ болѣзнямъ, производящимъ чахотку. Такимъ образомъ дитя наслѣдуетъ отъ родителей только расположеніе сдѣлаться чахоточнымъ, а разовьется или уменьшится, или исчезнетъ оно, опредѣляется его жизнью. Дѣти родителей, имѣющихъ крѣпкое здоровье, родятся вообще крѣпкими, но это наслѣдство очень легко отнимается у нихъ неблагопріятными условіями жизни.

Относительно нравственныхъ качествъ должно предполагать, что отъ родителей наслѣдуются тѣ склонности, которыя прямо обусловлены такъ называемымъ темпераментомъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдуется темпераментъ). Но и эта, вѣроятно, справедливая мысль, требуетъ оговорокъ для того, чтобы можно было ей оставаться справедливой, если она справедлива. Для простоты раздѣлимъ всѣ виды темперамента на два типа: сангвиническій и флегматическій. Предположимъ, что если отецъ и мать имѣютъ одинаковый темпераментъ, то всѣ дѣти имѣютъ его. Изъ этого еще не слѣдуетъ ничего о наслѣдованіи хорошихъ или дурныхъ нравственныхъ качествъ. Темпераментомъ опредѣляется только степень быстроты движеній и, вѣроятно, перемѣнъ душевнаго настроенія. Должно думать, что человѣкъ, имѣющій быструю походку, расположенъ къ болѣе быстрой смѣнѣ настроеній, чѣмъ человѣкъ, движенія котораго медленны. Но этой разницей не опредѣляется то, который изъ нихъ болѣе трудолюбивъ, и тѣмъ менѣе опредѣляется степень честности или доброжелательности того или другого; не опредѣляется даже и степень разсудительности. Торопливость или нерѣшительность—не качества темперамента, а результаты привычекъ, или затруднительныхъ обстоятельствъ. Суетливыми, опрометчивыми, безразсудными бываютъ и люди, имѣющіе тяжелую, медленную походку. Нерѣшительными бываютъ и

люди съ быстрой походкой. Это знаетъ всякій хорошій наблюдатель людей. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что быстрота движеній и рѣчи, сильная жестикуляція и другія качества, считающіяся признаками природнаго расположенія, такъ называемаго сангвиническаго темперамента, а противоположныя качества, считающіяся признаками флегматическаго темперамента, бываютъ у цѣлыхъ сословій и у цѣлыхъ народовъ результатомъ только обычая. Тѣ люди, которымъ ихъ старшіе родные и знакомые внушаютъ привычку держать себя съ достоинствомъ, почти всѣ съ очень раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ плавности движеній и рѣчи; наоборотъ въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ считается надобной рѣзкость движеній и рѣчи, почти всѣ съ молодости привыкаютъ къ сильной и быстрой жестикуляціи, къ пронзительному и быстрому тону рѣчи. У тѣхъ народовъ, гдѣ общество дѣлится на рѣзко обособленные классы, эти кажущіеся признаки темпераментовъ оказываются на самомъ дѣлѣ только сословными привычками.

Тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя не находятся въ такой близкой связи съ физическимъ типомъ, какъ темпераментъ, менѣе устойчивы въ индивидуальномъ человѣкѣ, чѣмъ темпераментъ. Изъ этого ясно, что сила передачи ихъ по наслѣдству менѣе велика, чѣмъ сила передачи темперамента.

Понятіе о народномъ характерѣ очень многосложно; въ составъ его входятъ всѣ тѣ различія народа отъ другихъ народовъ, которыя не входятъ въ составъ понятія о физическомъ типѣ. Всматриваясь въ это собраніе множества представленій, можно разложить ихъ на нѣсколько разрядовъ очень не одинаковыхъ по степени своей устойчивости. Къ одному разряду относятся тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя прямо обусловливаются различіями физическихъ типовъ; къ другому принадлежатъ разности по языку; далѣе, особые разряды образуютъ разницы по образу жизни, по обычаямъ, по степени образованности, по теоретическимъ убѣжденіямъ. Устойчивѣе всѣхъ тѣ различія, которыя прямо обусловлены разницами физическихъ типовъ и называются темпераментами. Но если говорить о европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства, то нельзя найдти въ немъ ни одного большого народа, который состоялъ бы изъ людей одинаковаго темперамента. Притомъ, хотя физическій типъ отдѣльнаго человѣка остается неизмѣннымъ во всю жизнь и обыкновенно передается отъ родителей дѣтямъ, потому имѣетъ прочную наслѣдственную устойчивость, но умственныя и нравственныя качества, составляющія результаты его, видоизмѣняются обстоятельствами жизни до такой степени, что

зависимость ихъ отъ него сохраняетъ силу, только когда обстоятельства жизни дѣйствуютъ въ томъ-же направленіи; а если ходъ жизни развиваетъ другія качества, то темпераментъ поддается его вліянію, и та сторона дѣйствительнаго характера человѣка, которая подводится подъ названіе темперамента, оказывается совершенно неодинаковой съ качествами, какія можно было бы предполагать въ человѣкѣ по нашимъ понятіямъ объ умственныхъ и нравственныхъ результатахъ физическаго типа. Каждый изъ большихъ европейскихъ народовъ составляютъ, какъ мы говорили, люди разныхъ физическихъ типовъ, и счета пропорціямъ этихъ типовъ не сдѣлано. Потому теперь еще нѣтъ основательныхъ понятій о томъ, какой темпераментъ принадлежитъ большинству людей того или другого изъ этихъ народовъ. Но быть можетъ имѣетъ справедливость какое-нибудь изъ ходячихъ мнѣній о рѣшительномъ преобладаніи того или другого физическаго типа у народовъ сравнительно малочисленныхъ, каковы, напримѣръ, голландцы, датчане, норвежцы. Предположимъ, что какая-нибудь характеристика физическаго типа котораго-нибудь изъ этихъ народовъ дѣйствительно охватываетъ собою огромное большинство людей, составляющихъ его, и будемъ изучать характеры людей этого народа посредствомъ личнаго наблюденія или, при невозможности провести много времени въ той странѣ, по чуждымъ предвзятыхъ мыслей разсказамъ о частной жизни людей этого народа, о томъ, какъ работаютъ, разговариваютъ, веселятся они; мы увидимъ, что очень значительная часть людей этого народа имѣетъ не тѣ умственныя и нравственныя качества, какія соотвѣтствуютъ понятіямъ о темпераментѣ, производимомъ особенностью его физическаго типа. Предположимъ, напримѣръ, что по своему физическому типу люди этого народа соотвѣтствуютъ представленію о флегматическомъ темпераментѣ; потому господствующими качествами ихъ должны быть медленность движеній и рѣчи; въ дѣйствительности мы увидимъ, что очень многіе изъ нихъ имѣютъ противоположныя качества, считающіяся принадлежностью сангвиническаго темперамента. Какова пропорція людей того и другого разряда, никто не считалъ ни въ этомъ, ни въ какомъ другомъ народѣ. Но всматриваясь, мы увидимъ, что медленность или быстрота движеній и рѣчи у людей этого народа находится въ тѣсной связи съ обычаями сословій или профессій, къ которымъ принадлежатъ они, съ ихъ понятіями о своей личной, фамильной важности или низкости своего общественнаго, семейнаго, личнаго положенія, съ ихъ довольствомъ или недовольствомъ ходомъ своей жизни, съ состояніемъ ихъ здоровья и вообще съ обстоятельствами,

имѣющими вліяніе на душевное настроеніе. Каково бы ни было отъ природы тѣлосложеніе человѣка, но изъ людей, у которыхъ здоровье разстроено болѣзнями, угнетающими душу, лишь очень немногіе сохраняютъ живость движеній и рѣчи; наоборотъ при болѣзняхъ, дѣйствующихъ раздражающимъ образомъ, лишь очень немногіе люди могутъ производить движенія и вести разговоръ спокойно, плавно. Подобно тому дѣйствуютъ всякія другія обстоятельства, угнетающія или раздражающія, печалящія или веселящія человѣка. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ масса земледѣльцевъ живетъ сносно, и не имѣетъ ни большихъ запасовъ хлѣба отъ прошлыхъ лѣтъ, ни большихъ денегъ,—земледѣльческое населеніе при обыкновенныхъ урожаяхъ каждый годъ переходитъ два состоянія, сангвиническое и флегматическое. Передъ жатвой оно начинаетъ быть расположеннымъ къ веселью и, при всемъ утомленіи отъ полевыхъ работъ, держитъ себя въ часы отдыха сангвинически. Это настроеніе усиливается до той поры, когда новый хлѣбъ обмолоченъ и поступаетъ въ пищу; нѣсколько времени длится веселье, движенія быстры, разговоры бойки, шумны. Потомъ начинаются раздумья о томъ, достанетъ-ли хлѣба до осени; оказывается надобность стать экономнѣе въ пищѣ, веселье умепьшается и черезъ нѣсколько времени люди становятся унылы. Это длится до той поры года, когда надъ мыслями объ истощеніи запасовъ пищи берутъ верхъ мысли о близости новой жатвы. Природный темпераментъ вообще заслоняется вліяніями жизни, такъ что различить его несравненно труднѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; внимательно разбирая факты, мы должны прійдти къ мнѣнію, что врожденныя склонности къ быстротѣ или медленности движеній и рѣчи слабы и гибки, что главное дѣло не въ нихъ, а въ томъ вліяніи, какое оказываютъ на народы племя или сословіе народа, обстоятельства жизни.

О томъ, велика ли природная разница между народами по живости и силѣ умственныхъ способностей, существуютъ очень неодинаковыя мнѣнія. Если рѣчь идетъ о народахъ разныхъ расъ или лингвистическихъ семействъ, рѣшеніе опредѣляется нашими понятіями о расахъ и лингвистическихъ семействахъ. Это вопросы, по которымъ люди, держащіеся одного мнѣнія, не имѣютъ права оставлять безъ внимательнаго разбора противоположныя мнѣнія. Но когда рѣчь идетъ, какъ теперь у насъ, только о передовыхъ народахъ, о западно-европейскомъ отдѣлѣ арійскаго семейства, то слѣдуетъ назвать непримѣнимыми къ вопросу никакія теоріи объ умственныхъ разницахъ между людьми по происхожденію ихъ предковъ. Пусть на южной и сѣверо-восточной окраинахъ западной Европы есть примѣсь не-арійской кро-

ви, напримѣръ, въ Сициліи и южной половинѣ Пиренейскаго полуострова примѣсь арабской и берберской, а на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова примѣсь финской; но даже въ Сициліи и въ Андалузіи примѣсь не-арійской крови не велика: это мы видимъ по сходству преобладающихъ тамъ физическихъ типовъ съ типами древнихъ и нынѣшнихъ грековъ. Еще меньше примѣсь финской крови въ сѣверныхъ частяхъ населенія Норвегіи и Швеціи. Такимъ образомъ вся масса населенія западной Европы происходитъ отъ людей одного отдѣла арійскаго семейства и должна быть признана имѣющей одинаковыя наслѣдственныя умственныя качества. Разность въ нихъ между разными народами западной Европы предположеніе фантастическое, опровергнутое филологическими изслѣдованіями; потому, если въ настоящее время находятся какія нибудь неодинаковости между западными народами въ умственномъ отношеніи, онѣ получены ими не отъ природы ихъ племени, а исключительно отъ исторической жизни, и будутъ сохранены или не сохранены ими, смотря по тому, какъ будетъ идти она.

Но когда говорятъ о различіи народовъ по умственнымъ качествамъ, то обыкновенно судятъ не собственно о силѣ ума, а только о степени образованности народа; только поэтому и возможны тѣ опредѣленныя сужденія, какія вошли въ привычку. Разсмотрѣть, каковы умственныя качества народа сами по себѣ помимо того блеска или той тусклости, какая дается имъ высокой или низкой степенью образованности, дѣло очень трудное, при нынѣшнемъ состояніи науки не могущее приводить ни къ какимъ достовѣрнымъ заключеніямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, если сравниваются народы желтой расы съ народами бѣлой, и служащее лишь предлогомъ для самохвальства и для клеветы, когда рѣчь идетъ о сравненіи разныхъ народовъ одного отдѣла одной лингвистической семьи. Продолжать старыя разсужденія о врожденныхъ различіяхъ между народами западной Европы по умственнымъ качествамъ значитъ не понимать результатовъ, къ которымъ уже довольно давно пришла лингвистика, доказавшая, что всѣ они потомки одного и того же народа.

Различія по языку имѣютъ громадную важность въ практической жизни. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, имѣютъ склонность считать себя однимъ національнымъ цѣлымъ; когда они привыкаютъ составлять одно цѣлое въ государственномъ отношеніи, у нихъ развивается національный патріотизмъ и внушаетъ имъ болѣе или менѣе непріязненныя чувства къ людямъ, говорящимъ другими языками. Въ этомъ реальномъ отношеніи языкъ составляетъ едва ли не самую существенную черту различій между народами. Но очень часто придаютъ разницѣ по языку теоретическое значеніе, воображаютъ, будто особенностями грамматики можно опредѣлять особенности умственныхъ качествъ народа. Это пустая фантазія. Этимологическія формы въ отдѣльности отъ правилъ синтаксиса не имѣютъ никакой важности; а правила синтаксиса во всѣхъ языкахъ удовлетворительно опредѣляютъ логическія отношенія между словами, при помощи ли, или безъ помощи этимолотическихъ формъ. Существенную разницу между языками составляетъ только богатство или бѣдность лексикона, а составъ лексикона соотвѣтствуетъ знаніямъ народа, такъ что свидѣтельствуетъ лишь о его знаніяхъ, о степени его образованности, о его житейскихъ занятіяхъ и образѣ жизни и отчасти о его сношеніяхъ съ другими народами.

По образу жизни есть очень важныя различія между людьми; но въ западной Европѣ всѣ существенныя различія этого рода не національныя, а сословныя или профессіональныя. Землепащецъ ведетъ не такую жизнь, какъ ремесленникъ, работающій въ комнатѣ. Но въ западной Европѣ нѣтъ ни одного народа, въ которомъ не было бы земледѣльцевъ или ремесленниковъ. Образъ жизни знатнаго сословія не тотъ, какой ведутъ земледѣльцы или ремесленники; но опять у всѣхъ европейскихъ народовъ есть знатное сословіе; даже и у тѣхъ, у которыхъ, какъ у норвежцевъ, исчезли или почти исчезли аристократическіе титулы, дѣло не въ титулахъ, а въ привычкѣ занимать высокое общественное положеніе.

Привычки, имѣющія важное реальное значеніе, различны у разныхъ сословій или профессій по различію ихъ образа жизни. Есть множество другихъ привычекъ, имѣющихъ не сословный, а національный характеръ. Но это мелочи, составляющія лишь забаву или щегольство, къ которымъ разсудительные люди равнодушны и которыя сохраняются лишь потому, что эти люди оставляютъ ихъ безъ вниманія, какъ нѣчто индифферетное, пустое. Для археолога эти мелочи могутъ имѣть очень важное значеніе, какъ для нумизмата старыя монеты, находимыя въ землѣ. Но въ серьезномъ ходѣ народной жизни ихъ значеніе ничтожно.

Каждый изъ народовъ западной Европы имѣетъ особый языкъ и особый національный патріотизмъ. Эти двѣ особенности—единственныя особенности, которыми весь онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ западной Европы. Но онъ имѣетъ сословные и профессіональные отдѣлы; каждый изъ этихъ отдѣловъ во всѣхъ отношеніяхъ умственной и нравственной жизни, кромѣ языка и національнаго

чувства имѣетъ свои особыя черты быта; ими онъ походитъ на существующіе сословные отдѣлы другихъ западныхъ народовъ; эти сословныя или профессіональныя особенности такъ важны, что каждый данный сословный или профессіональный отдѣлъ даннаго западно-европейскаго народа, помимо своего языка и патріотизма, менѣе похожъ умственно и нравственно на другіе отдѣлы своего народа, чѣмъ на соотвѣтствующіе отдѣлы другихъ западно-европейскихъ народовъ. По образу жизни и по понятіямъ земледѣльческій классъ всей западной Европы представляетъ какъ будто одно цѣлое; то-же должно сказать о ремесленникахъ, о сословіи богатыхъ простолюдиновъ, о знатномъ сословіи. Португальскій вельможа по образу жизни и по понятіямъ гораздо болѣе похожъ на шведскаго вельможу, чѣмъ на земледѣльца своей націи; португальскій земледѣлецъ болѣе похожъ въ этихъ отношеніяхъ на шотландскаго или норвежскаго земледѣльца, чѣмъ на лиссабонскаго богатаго негоціанта. Въ международныхъ дѣлахъ нація, имѣющая государственное единство или стремящаяся пріобрѣсти его, дѣйствительно составляетъ одно цѣлое, по крайней мѣрѣ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Но по внутреннимъ дѣламъ она состоитъ изъ сословныхъ или профессіональныхъ отдѣловъ, отношенія между которыми приблизительно таковы же, какъ между разными народами. Въ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ народовъ бывали случаи, когда и по международнымъ дѣламъ нація распадалась на части враждебныя одна другой, и слабѣйшая изъ нихъ призывала иноземцевъ на помощь себѣ противъ внутреннихъ враговъ или радостно встрѣчала иноземцевъ, безъ ея призыва пришедшихъ покорить ея родину. Быть можетъ нынѣ уменьшилась эта готовность слабѣйшей части націи соединяться съ иноземцами для вооруженной борьбы противъ своихъ соплеменниковъ. Рѣшиться на измѣну родинѣ, вѣроятно, никогда не было легко ни для какой части какого бы то ни было европейскаго народа. Но въ старыя времена внутренняя борьба сопровождалась такими свирѣпостями, что одолѣваемая сторона дѣйствовала по внушенію отчаянія: чтобы спастись отъ смерти, люди рѣшаются на очень тяжелые для нихъ самихъ поступки. Если справедливо мнѣніе, что въ наши времена уже стали невозможны у цивилизованныхъ народовъ при сословной или политической борьбѣ свирѣпости, способныя доводить побѣжденныхъ внутреннихъ противниковъ до отчаянія, то не будетъ и случаевъ, чтобы какая нибудь часть какой нибудь цивилизованной націи соединялась съ иноземцами противъ соотечественниковъ.

Нѣкоторымъ публицистамъ эта надежда кажется не лишенной

основательности. Но безспорно то, что до недавняго времени было не такъ. Потому, разсказывая жизнь народа, историкъ постоянно долженъ помнить, что народъ—соединеніе разныхъ сословій, связи между которыми въ прежнія времена не имѣли такой прочности, чтобы выдерживать порывы взаимнаго ожесточенія.

Впрочемъ, теперь всѣ историки понимаютъ важность сословныхъ ссоръ и если часто говорятъ о народѣ, какъ объ одномъ цѣломъ, въ разсказѣ о дѣлахъ, по которымъ разныя сословія не были единодушны, эта ошибка ихъ происходитъ не отъ незнанія, а только отъ временнаго забвенія или отъ какихъ нибудь другихъ причинъ. Но понятія о характерѣ сословій еще остаются у большинства образованныхъ людей, потому и у большинства историковъ, въ значительной степени ошибочными. Главныхъ причинъ этого двѣ: масса публики, потому и большинство ученыхъ, не имѣютъ близкаго знакомства съ дѣйствительными обычаями и понятіями классовъ, по своему общественному положенію и образу жизни далекихъ отъ нихъ, и притомъ судятъ о нихъ подъ вліяніемъ политическихъ и сословныхъ пристрастій. Возьмемъ для примѣра господствующее понятіе о земледѣльческомъ сословіи. Вообще предполагается, что нравы земледѣльцевъ чище, чѣмъ нравы ремесленниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, по всей вѣроятности, бываетъ справедливо. Напримѣръ, если большинство земледѣльцевъ живетъ въ довольствѣ, а большинство ремесленниковъ терпитъ нищету, то, разумѣется, дурныя качества, порождаемыя бѣдностью, будутъ развиваться у ремесленниковъ гораздо сильнѣе, чѣмъ у земледѣльцевъ. Ученые вообще живутъ въ большихъ городахъ, потому часто видятъ неудобства жилищъ ремесленниковъ и другія матеріальныя бѣдствія ихъ. Какъ живутъ земледѣльцы, имъ извѣстно гораздо меньше; и очень велики шансы того, что личныя впечатлѣнія, случайно пріобрѣтаемыя ими о бытѣ земледѣльцевъ, будутъ невѣрны по отношенію къ большинству этого сословія. Другой источникъ ошибокъ—политическое пристрастіе. Поселяне считаются консервативнымъ сословіемъ; потому ученые консервативнаго образа мыслей вообще превозносятъ разсудительность и чистоту нравовъ сельскаго сословія, ученые, желающіе общественныхъ перемѣнъ, думаютъ и говорятъ о немъ подъ вліяніемъ политической вражды.

Кромѣ сословныхъ и профессіональныхъ дѣленій, у каждаго цивилизованнаго народа имѣетъ очень большую важность дѣленіе по степенямъ образованности. Въ этомъ отношеніи принято дѣлить націю на три главные класса, которые характеризуются названіями: люди необразованные, люди поверхностнаго образованія, и люди основа-

тельнаго образованія. Мы можемъ, какъ намъ угодно, судить о вредѣ или пользѣ просвѣщенія, можемъ хвалить невѣжество, или считать его вреднымъ для людей; но всѣ согласны въ томъ, что огромное большинство людей, не получившихъ образованія и не имѣвшихъ возможности пріобрѣсти его собственными усиліями, очень много отличается—въ дурную-ли, въ хорошую-ли сторону, не о томъ теперь рѣчь, а лишь о томъ, что очень много отличается своими понятіями отъ огромнаго большинства образованныхъ людей. А понятія людей—одна изъ силъ, управляющихъ жизнью ихъ.

Сдѣлаемъ выводы изъ этого обзора дѣйствительнаго положенія нашихъ свѣдѣній о національномъ характерѣ.

Мы имѣемъ очень мало прямыхъ и точныхъ свѣдѣній объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ даже тѣхъ современныхъ народовъ, которые наиболѣе извѣстны намъ, и ходячія понятія о характерахъ ихъ составлены не только по матеріаламъ недостаточнымъ, но пристрастно и небрежно. Самый обыкновенный случай небрежности тотъ, что случайно пріобрѣтенныя свѣдѣнія о качествахъ какой-нибудь малочисленной группы людей ставятся характеристикой цѣлой націи. Замѣнить небрежныя и пристрастныя характеристики народовъ вѣрными—дѣло очень хлопотливое, и у большинства ученыхъ нѣтъ серьезнаго желанія, чтобъ оно было исполнено, потому что обыкновенная цѣль употребленія характеристикъ народа состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы говорить безпристрастно, а въ томъ, чтобы высказывать такія сужденія, какія или кажутся выгодными для насъ, или льстятъ нашему самолюбію. Люди, желающіе говорить безпристрастно о другихъ народахъ, воздерживаются отъ этого способа сужденій слишкомъ произвольнаго, довольствуются свѣдѣніями, которыя пріобрѣтаются гораздо легче и представляютъ болѣе достовѣрности: они изучаютъ формы быта, крупныя событія жизни народа и ограничиваются тѣми сужденіями о качествахъ народовъ, какія безъ труда выводятся изъ этихъ достовѣрныхъ и точно опредѣленныхъ фактовъ. Объемъ такихъ сужденій гораздо менѣе широкъ, чѣмъ содержаніе ходячихъ характеристикъ; существенное различіе его отъ нихъ то, что при каждой чертѣ ставится оговорка о томъ, къ какой части народа и къ какому времени относится сужденіе. Такъ это должно быть по серьезнымъ понятіямъ о характерѣ многочисленныхъ группъ людей.

Мы знаемъ не качества народовъ, а только состоянія этихъ качествъ въ данное время. Состоянія умственныхъ и нравственныхъ качествъ сильно видоизмѣняются вліяніемъ обстоятельствъ. При перемѣнѣ обстоятельствъ происходитъ соотвѣтствующая перемѣна и въ состояніи этихъ качествъ.

О каждомъ изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ мы знаемъ, что первоначально формы его быта были не тѣ, какъ теперь. Формы быта имѣютъ вліяніе на нравственныя качества людей. Съ перемѣною формъ быта эти качества измѣняются. Ужь по одному тому всякая характеристика цивилизованнаго народа, приписывающая ему какія нибудь неизмѣнныя нравственныя качества, должна быть признаваема ложной. Кромѣ египтянъ, обо всѣхъ другихъ народахъ, достигавшихъ цивилизованнаго состоянія, мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія, относящіяся къ временамъ очень грубаго ихъ невѣжества. Достаточно припомнить, что даже въ Иліадѣ и Одиссеѣ греки еще не умѣютъ читать и писать. Разбирая преданія, сохранившіяся у грековъ подъ формами миѳовъ, мы видимъ черты быта совершенно дикаго. Многіе ученые находятъ въ этихъ разсказахъ даже воспоминанія о людоѣдствѣ. Такъ ли это, или нѣтъ, были-ль людоѣдами люди, уже говорившіе греческимъ языкомъ, или выводы объ этомъ ошибочны, но достовѣрно то, что греческому народу были нѣкогда чужды всякія цивилизованныя понятія или привычки. Можетъ ли сохраниться одинаковость нравственныхъ качествъ между предками дикарями и потомками, достигшими высокой цивилизаціи? Сохраниться могутъ развѣ физическій типъ и тѣ черты темперамента, которыя прямо обусловливаются ими; но и это можетъ быть справедливымъ лишь по присоединеніи къ термину «одинаковость» такихъ оговорокъ, которыми отнимается у него почти всякое значеніе. Напримѣръ, цвѣтъ глазъ остался прежній, но прежде выраженіе глазъ было тупое, почти безсмысленное, а впослѣдствіи оно сдѣлалось соотвѣтствующимъ высокому умственному развитію; контуры профиля остались тѣ же, но изъ грубыхъ сдѣлались миловидными; вспыльчивость осталась, но проявляется гораздо рѣже и формы ея проявленія стали не тѣ. Перемѣны обстоятельствъ, отъ которыхъ видоизмѣнялись формы быта, всегда ли одинаково касались всѣхъ сословій? Это могло бывать только въ рѣдкихъ случаяхъ. Видоизмѣняясь неодинаково, обычаи разныхъ сословій становились менѣе сходными, чѣмъ были прежде. Народъ пріобрѣталъ знанія, отъ этого измѣнялись его понятія; отъ перемѣны понятій измѣнялись нравы; этотъ ходъ перемѣнъ тоже былъ неодинаковымъ въ разныхъ сословіяхъ, былъ неодинаковымъ и въ разныхъ частяхъ страны, занятой народомъ. Такимъ образомъ жизнь каждаго изъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ народовъ представляетъ рядъ перемѣнъ въ бытѣ и понятіяхъ, и ходъ этихъ перемѣнъ былъ

неодинаковъ въ разныхъ частяхъ народа. Потому точныя характеристики могутъ относиться только къ отдѣльнымъ группамъ людей, составляющихъ народъ, и только къ отдѣльнымъ періодамъ ихъ исторіи.

Стремленіе объяснять исторію народа особенными неизмѣнными умственными и нравственными качествами его имѣетъ своимъ послѣдствіемъ забвеніе о законахъ человѣческой природы. Сосредоточивая свое вниманіе на дѣйствительныхъ или мнимыхъ разницахъ предметовъ, мы привыкаемъ не обращать вниманія на качества общія всѣмъ имъ. Если предметы принадлежатъ къ разрядамъ очень различнымъ, это забвеніе можетъ оставаться безвреднымъ для вѣрности нашихъ сужденій; напримѣръ, если мы говоримъ о растеніи и о камнѣ, намъ не всегда бываетъ надобно помнить, что оба эти предмета имѣютъ нѣкоторыя общія качества; разница между ними велика, и обыкновенно рѣчь идетъ о такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ камень выказалъ бы качества неодинаковыя съ растеніемъ. Въ исторіи это не такъ. Всѣ тѣ существа, жизнь которыхъ разсказываетъ она — организмы одного вида; разницы между ними менѣе значительны, чѣмъ одинаковыя качества ихъ; тѣ вліянія, дѣйствіемъ которыхъ производятся перемѣны въ жизни этихъ существъ, обыкновенно таковы, что на каждомъ изъ нихъ отражаются приблизительно одинаковыми послѣдствіями. Беремъ для примѣра пищу. Она у разныхъ народовъ и у разныхъ сословій одного народа очень неодинакова. Есть разница и въ томъ, какое количество одинаковой пищи нужно взрослымъ людямъ неодинаковаго образа жизни для того, чтобы чувствовать себя сытыми и оставаться здоровыми. Но каждый человѣкъ ослабѣваетъ при недостаткѣ пищи, и у каждаго настроеніе души бываетъ дурнымъ, когда онъ мучится голодомъ.

Соображенія о качествахъ дѣятельности желудка, общихъ всѣмъ взрослымъ здоровымъ людямъ, несравненно важнѣе тѣхъ различій, какія могутъ быть справедливо или фантастически выводимы изъ соображеній о разницахъ привычекъ разныхъ людей къ тому или другому сорту пищи. Привычка дѣлаетъ выносимыми для людей такія положенія, которыя нестерпимы людямъ непривычнымъ. Но какъ бы ни была сильна она, общія качества человѣческой природы сохраняютъ свои требованія. Человѣкъ никогда не можетъ утратить влеченія улучшать свою жизнь, и если у какихъ нибудь людей мы не замѣчаемъ этого стремленія, мы лишь не умѣемъ разгадать мыслей, скрываемыхъ ими отъ насъ по какимъ-нибудь соображеніямъ, чаще всего по мнѣнію, что безполезно говорить о томъ, чего нельзя сдѣлать.

Когда человѣкъ привыкъ къ своему положенію, его желаніе улучшить жизнь обыкновенно лишь немногимъ возвышается надъ уровнемъ его привычнаго положенія. Такъ, напримѣръ, землепашецъ вообще желаетъ лишь того, чтобъ его трудъ или нѣсколько облегчился или приносилъ бы ему вознагражденіе нѣсколько больше прежняго. Это не значитъ, что при удовлетвореніи нынѣшняго своего желанія онъ не будетъ имѣть новаго. Онъ только хочетъ оставаться благоразумнымъ въ своихъ желаніяхъ и думаетъ, что желать слишкомъ многаго было бы неразсудительно. Если положеніе какого нибудь народа долго было очень бѣдственнымъ, то привычныя его желанія имѣютъ очень небольшой размѣръ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ не былъ способенъ желать гораздо большаго, когда нынѣшнія его желанія будутъ удовлетворены. Если мы будемъ помнить это, у насъ исчезнетъ фантастическое дѣленіе народовъ на способные и неспособные къ достиженію высокой цивилизаціи; оно замѣнится различеніемъ положеній, благопріятныхъ развитію стремленія къ прогрессу, и положеній, принуждающихъ народъ не думать о томъ, чего нельзя, по его мнѣнію, достичь.

Если обстоятельства очень долго оставались такими, что народъ не могъ увеличить прежняго запаса своихъ знаній, онъ привыкаетъ считать напраснымъ стремленіе увеличить ихъ; но какъ только представляется возможность узнать что-нибудь новое, полезное для жизни, пробуждается въ немъ врожденное всѣмъ людямъ стремленіе къ увеличенію знаній. То же самое относительно всѣхъ другихъ благъ, совокупность которыхъ называется цивилизаціей.

IV. Побѣда монархическаго принципа надъ феодализмомъ. Послѣднія времена среднихъ вѣковъ.

B. Нѣмецкая имперія. Развитіе верховной власти областныхъ государей.

Литература. (Продолженіе обзоровъ, помѣщенныхъ въ томъ VIII, на стран. 106 и 158). —По политической исторіи Германіи: а) источники для исторіи австрійскаго государства и нѣмецкой имперіи при Фридрихѣ III и Максиміліанѣ I: сочиненія Энея Сильвія Пикколомини, въ особенности: De vita et rebus gestis Frederici III, sive Historia Austriaca (разсказъ доведенъ до 1458; Гиндербахомъ написано продолженіе, идущее до 1462); Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt (разсказъ доведенъ до 1463); Historia bohemica (до 1458); Pentalogus de rebus ecclesiae et imperii; кромѣ того, мы имѣемъ много рѣчей, писемъ, небольшихъ трактатовъ по церковнымъ дѣламъ и оффиціальныхъ актовъ, написанныхъ Энеемъ Сильвіемъ; они также имѣютъ очень значительную историческую важность.—Томаса Эбердорфера фонъ Газельбаха, Chronica Austriae (доведена до 1463); Грюнбека Historia Frederici III et Maximiliani I (доведена до 1508); Унреста, Chronicon Austrincum (до 1500). Монографіи, служащія источниками, перечислены у Грессе, въ Allgemeine Litterärgeschichte (томъ II, отдѣлъ 3, вторая половина, стран. 1128); онѣ очень многочисленны; еще огромнѣе масса оффиціальныхъ актовъ. Хорошій обзоръ источниковъ исторіи Германіи не только въ этотъ періодъ, но и во все продолженіе среднихъ вѣковъ сдѣланъ Потгастомъ: P o t t h a s t, Wegweiser (Berlin, 1862). Издано ужъ много прекрасныхъ сборниковъ актовъ, писемъ и другихъ документовъ. Большую важность имѣютъ изданныя Мюнхенской Исторической Коммиссіей городскія хроники Аугсбургская, Нюрнбергская, Брауншвейгская, Страсбургская, Магдебургская, Кёльнская. Акты, относящіеся къ исторіи Швабскаго союза изданы Клюпфелемъ (въ XIV томѣ Bibliothek des litterärischen Vereins in Stuttgart).—Изъ старыхъ трудовъ по исторіи нѣмецкой имперіи еще сохраняютъ важность: J. J. M ü l l e r, Reichstagstheatrum unter Friedrih V (то есть, по обыкновенному счету, Фридриха III) und unter Maximilian I (Jena, 1713 и 1718); и Дамма Volumen rerum germanicarum novum (Ulmae, 1698). Изъ новыхъ сборниковъ назовемъ еще C h m e l, Urkunden, Briefe und Aktenstücke zur Geschichte Maximilians I (Stuttgart, 1845) и Aktenstücke und Briefe zur Geschichte des Hauses Habsburg im Zeitalter Maximilians I (3 тома, Wien, 1854—1858).—Труды новыхъ историковъ: B a c h m a n n,

© ГПНТБ СОРАН

Deutsche Reichsgeschichte im Zeitatter Friedrichs III und Max. I (вышелъ 1-й томъ, разсказывающій событія 1460—1467 годовъ; Leipzig, 1884); Ulmann, Kaiser Maximilian I (вышелъ тоже 1-й томъ; Stuttgart, 1884). Много важныхъ изслѣдованій представляетъ трудъ Янсена, Janssen, Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelalters (3 изданіе, Freiburg im Breisgau, 1883), особенно важенъ 1-й томъ, излагающій общее состояніе Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. Реформы въ устройствѣ нѣмецкой имперіи при Максиміліанѣ излагаютъ: Ранке, въ 1-мъ томѣ своей Deutsche Geschichte и Краусъ въ монографіи Das Nürnberger Reichsregiment (Innsbruck, 1883). По исторіи Максиміліана I назовемъ: Hegewisch, Geschichte der Regierung Kaiser Maximilian I (Hamburg und Kiel, 1782); Klüpfel, Kaiser Maximilian I (это 12-й томъ изданія Deutsche Nationalbibliothek) и Deutsche Einheitsbestrebungen (2 изд., Leipzig, 1874).—По исторіи нѣмецкихъ государственныхъ учрежденій мы пользовались трудами Эйхгорна, Вальтера, Гиллебранда, Филиппса, заглавія которыхъ приведены въ прежнихъ нашихъ обзорахъ, и относящимися къ исторіи нѣмецкихъ учрежденій статьями словаря Блунчли (Staastwörterbuch von Blantschli und Brater); изъ другихъ трудовъ, которыми пользовались, назовемъ: Unger, Geschichte der deutschen Landstände (Hannover, 1844); Mundt, Geschichte der deutschen Stände (Berlin, 1854); Hüllmann, Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland (Berlin, 1830). —Историки Австріи, Лихновскій, Майлатъ, о которыхъ мы упоминали въ прежнихъ обзорахъ, отчасти разсказываютъ и общую исторію нѣмецкой имперіи.—По исторіи областныхъ государствъ Германіи мы назовемъ: по исторіи Бранденбурга, сборники актовъ: Monumenta Zollerana (изданіе Штильфрида и Меркера, Berlin, 1852 и слѣд. годы); Codex novus diplomaticus Brandenburgensis (изданіе Ридели, Berlin, 1838 и слѣдд. годы). Интересныя свѣдѣнія находятся въ мемуарахъ Эйба (Ludwig von Eyb; Denkwürdigkeiten brandenburgischer Fürsten, herausgegeben von Höfler, Baireuth, 1849) и въ «Императорской книгѣ» маркграфа бранденбургскаго Альбрехта Ахиллеса (Das Kaiserliche Buch des Markgrafen Albrecht Achillos; vorkurfürstliche Periode, 1440—1470, herausgegeben von Höfler, Beireuth, 1850; kurfürstliche Periode, 1470—1486, herausgegeben von Minutoli, Berlin, 1850); въ ней есть извѣстія, важныя и для общей исторіи Германіи. О трудахъ Дройзена и Штенцеля мы ужь упоминали, назовемъ также: Schmid, Die älteste Geschichte der Hohenzollern (Tübingen, 1884); Hahn, Kurfürst Friedrich I von Brandenburg (Berlin, 1859).—По исторіи Пруссіи: Scriptores rerum Prussicarum (изданіе Гирша, Топпена и Штрельке, Leipzig, 1861 и слѣд. годы); Die Akten der Ständetage Preussens unter dem Deutschen Orden (4 тома, Königsberg, 1874—1885); Töppen, Geschichte der preussischen Historiographie (Berlin, 1853); Lohmeyer, Geschichte von Ost und Westpreussen (томъ I, Gotha, 1879).—По исторіи Баваріи и Пфальца: Buchner, Geschichte von Baiern (8 томовъ, München, 1820—1851); Mannert, Geschichte Baierns (2 тома, Zeipzig, 1826); Hausser, Geschichte der rheinischen Pfalz (2 тома, Heidelberg, 1845); Menzel, Kurfürst Friedrich der Siegreiche (München, 1861).—По исторіи Саксоніи: Böttiger, Geschichte des Kurstaats und Königreichs Sachsen (2 изданіе, переработанное Флате, 3 тома, Golha, 1867—1873). —По исторіи другихъ областныхъ государствъ: Havemann, Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg (Göttingen, 1853); Schaumann, Handbuch der Geschichte der Lande Hannover und Braunschweig (Hannover, 1864); Rehm, Handbuch der Geschichte der beiden Hessen (Marburg und Leipzig, 1842); Vierordt, Badische Geschichte (Tübingen, 1865); Stälin, Würtembergische Geschichte (4 тома, Stuttgart, 1842—1873).—Къ прежнему перечню трудовъ по исторіи Богеміи (см. т. VIII) прибавимъ: Jordan, Das Königthum Georgs von Podiebrad (Leipzig, 1861); Voigt, Georg von Böhmen (въ Historische Zeitschrift Зибеля)); Markgraf, Georgs von Podiebrad Prajekt eines Fürstenbundes (тамъ же; статья Фойгта помѣщена въ 1861 году, статьи Маркграфа въ 1869 году журнала); Gindely, Böhmen und Mähren im Zeitalter der Reformation (Prag, 1857).

I. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Межъ тѣмъ какъ во Франціи при военныхъ буряхъ XV вѣка шелъ процессъ государственнаго объединенія и монархическая власть пріобрѣтала владычество, Германія утрачивала всякое правительственное единство и раздроблялась на множество областныхъ государствъ, междуусобныя войны которыхъ составляютъ нѣмецкую исторію въ это время. Всѣ попытки дать нѣмецкому государству организацію, которая возстановила бъ его единство и силу, прекратила бы междоусобія, оставались напрасны. Альбрехтъ II, по избраніи котораго въ короли корона навсегда возвратилась къ Габсбургской династіи, былъ энергическій человѣкъ; но венгерскія и богемскія дѣла вовлекали его въ такія затрудненія, что онъ въ свое непродолжительное правленіе не имѣлъ досуга заняться дѣлами Германіи. Преемникомъ Альбрехта былъ его племянникъ, Фридрихъ III, *) хорошій семьянинъ, но человѣкъ не даровитый, боявшійся войны, предпочитавшій ей переговоры, съ тупымъ равнодушіемъ терпѣвшій обиды, жертвовавшій для своихъ мелкихъ личныхъ или династическихъ выгодъ благомъ и честью Германіи. Себастіанъ Франкъ въ своей «Нѣмецкой Хроникѣ» говоритъ: «Фридрихъ III былъ человѣкъ красивый, смирнаго характера, проницательнаго ума, съ хорошей памятью, очень любилъ духовенство, непомѣрно желалъ спокойствія; ему нравились люди, превосходившіе другихъ умомъ или добродѣтелью. Онъ былъ охотникъ строить прекрасныя зданія; парки и дорогіе камни онъ любилъ нѣсколько больше того, что слѣдовало бы по мнѣнію другихъ, въ дѣлахъ былъ безпеченъ и вялъ. Многіе называли его скупцомъ».—Дорожа своимъ спокойствіемъ, онъ 53 года апатично смотрѣлъ на всякія событія, рѣдко вмѣшивался въ нихъ. — Жена Альбрехта, оставшаяся по смерти мужа беременной, — родила сына, Владислава; Фридрихъ былъ опекуномъ его, но не помѣшалъ венграмъ выбрать правителемъ ихъ государства Яна Гуняда, а чехамъ выбрать регентомъ вождя гуситовъ Юрія Подѣбрада; по смерти Владислава, сынъ Гуняда, Матвѣй Корвинъ былъ выбранъ королемъ венгерскимъ, Подѣбрадъ королемъ богемскимъ; оба они презирали Фридриха; Подѣбрадъ даже надѣялся убѣдить курфирстовъ, чтобъ они отняли у Фридриха нѣмецкую корону и отдали ему.—При извѣстіи о взятіи Константинополя турками, императоръ со слезами заперся въ своихъ комнатахъ и высказывалъ грустныя размышленія о бренности земного величія; а на то, какъ турки осаждали Константинополь,

Альбрехтъ II 1437—1439.

Фридрихъ III 1440—1493.

*) Фридрихъ VI, по счету тѣхъ писателей, которые помѣщаютъ въ число королей эрцгерцога Фридриха, бывшаго соперникомъ Людвига Баварскаго.

онъ смотрѣлъ бездѣйственно, не отваживаясь идти на помощь византійцамъ. Апатично смотрѣлъ онъ и на то; что турки и маджары опустошаютъ его владѣнія, на то, какъ дѣлаетъ завоеванія Карлъ Смѣлый, флегматично допустилъ своего брата Альбрехта, потомъ венгровъ овладѣть Вѣной. Но въ самыхъ тягостныхъ для него обстоятельствахъ онъ неизмѣнно держался своихъ плановъ возвысить могущество своей династіи, упорно утверждалъ, что богемская корона должна принадлежать ей. Онъ хотѣлъ возвратить ей прежнія владѣнія въ Швейцаріи, велъ противъ швейцарцевъ опустошительную войну, просилъ Карла VII прислать ему распущенныхъ французскихъ наемниковъ; онъ просилъ Карла дать ему 5.000 ихъ; дофинъ повелъ за Рейнъ 40.000. Мы ужь говорили, что, испытавъ геройское мужество швейцарцевъ въ сраженіи у монастыря апостола Іакова на рѣкѣ Бирсѣ, эти разбойники пошли назадъ, стали грабить южный Эльзасъ и другой берегъ Рейна до Шварцвальда. Фридриху пришлось покинуть мысль о покореніи Швейцаріи.—На другомъ краю Германіи, Нѣмецкій орденъ призналъ надъ собой верховную власть Польши.—Въ самой Германіи императорская власть впала въ общее презрѣніе, областные владѣтели присвоили себѣ всѣ права независимыхъ государей, расширяли свои владѣнія, вели между собой опустошительныя войны.—Въ Баваріи еще при Сигизмундѣ княжеское самовластіе достигло такой беззаконной наглости, что Эрнстъ, герцогъ мюнхенскій (въ 1435 году), велѣлъ «по родительской любви» публично утопить законную жену своего сына Альбрехта, Агнесу Бернауэръ, и остался безнаказаннымъ. При Фридрихѣ швабскій союзъ велъ войну съ маркграфомъ Альбрехтомъ Ахиллесомъ (или, по другому льстивому прозванію, Улиссомъ), государемъ франконскихъ владѣній гоэнцоллернской династіи; она была такъ опустошительна, что въ одномъ 1449 году было сожжено 200 селеній и 25 мѣстечекъ. Въ Саксоніи и Тюрингіи пять лѣтъ (1446—1451) свирѣпствовала война между курфирстомъ Фридрихомъ и его братомъ, герцогомъ Вильгельмомъ. Земли по Рейну и Неккару опустошала война между Фридрихомъ Побѣдоноснымъ, самовластно принявшимъ на себя санъ курфирста, и его противниками; онъ одолѣлъ ихъ и до самой смерти остался курфирстомъ, на перекоръ императору. Было много и другихъ междоусобій. Силезію опустошали чехи, венгры, поляки. Императоръ напрасно просилъ сеймъ послать имперское войско противъ турокъ, опустошавшихъ юговосточныя части его владѣній. Нѣмцамъ было недосугъ защищать дальнія границы королевства, потому что въ немъ было болѣе тысячи князей и городовъ, рѣшавшихъ свои споры оружіемъ, и каждый дворянинъ присвоивалъ себѣ такое же право.

Максимиліанъ I 1493—1519.

Печальное состояніе Германіи было невыносимо; усиливалось желаніе преобразовать его. Но областные государи не хотѣли отказываться отъ своей независимости; всякое предложеніе уменьшить ихъ власть, расширить право короля встрѣчало упорное сопротивленіе. Преемникъ Фридриха, императоръ Максимиліанъ, нуждавшійся въ помощи имперскаго войска противъ иноземныхъ враговъ, согласился наконецъ принять планъ новой организаціи Германіи, предложенный ему курфирстомъ майнцскимъ Бертольдомъ Геннебергомъ. Этотъ проектъ, составленный по образцу устройства Швабскаго союза, имѣлъ цѣлью прекратить междоусобія, но значительно уменьшалъ права короля. Онъ былъ утвержденъ на вормсскомъ сеймѣ (въ 1495 году). Актъ, установлявшій его и называвшійся «Вѣчнымъ внутреннимъ миромъ», Ewiger Landfriede, воспретилъ междоусобіе подъ страхомъ отнятія всѣхъ владѣній за самоуправство. Для рѣшенія споровъ былъ учрежденъ имперскій камеральный (правительственный) судъ, Reichskammergericht, независимый отъ короля и отъ областныхъ государей; члены его были назначаемы королемъ и важнѣйшими изъ областныхъ государей; его обязанностью было охранять единство государства, защищать права каждаго изъ князей и имперскихъ городовъ отъ самоуправства другихъ, подавлять междоусобія. Былъ установленъ постоянный «общій налогъ», der gemeine Pfennig, для покрытія расходовъ по содержанію центральнаго правительства и созываемыхъ имъ войскъ. Для завѣдыванія собираемыми деньгами было учреждено имперское (общее государственное) казначейство. Это преобразованіе отнимало у короля (или, какъ называли нѣмцы, у императора) важнѣйшее изъ оставшихся у него правъ, верховное завѣдываніе судомъ. Чтобъ хоть отчасти сохранить за собой судебную власть по дѣламъ королевства, Максимиліанъ учредилъ въ Вѣнѣ имперскій придворный совѣтъ, Reichshofrath, съ такой же судебной властью, какая была дана имперскому камеральному суду. Но придворный трибуналъ, находившійся въ зависимости отъ императора, не пользовался довѣріемъ, и кругъ его вѣдомства ограничивался родовыми владѣніями австрійской династіи; другіе нѣмецкіе государи не признавали его компетенціи по ихъ спорамъ, и когда императоръ пытался отдавать на его рѣшеніе ихъ дѣла, изъ этого выходили только новые споры.—Черезъ нѣсколько лѣтъ по установленіи новаго государственнаго устройства или, какъ это называлось, «вѣчнаго внутренняго мира», королевство было, для удобнѣйшаго надзора за соблюденіемъ спокойствія, раздѣлено на десять округовъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ упрочилась новая организація, и первая попытка установить крѣпкую центральную администрацію не удалась: такъ называемое «имперское правительство», Reichsregiment, учрежденное въ 1500 году нюрнбергскимъ сеймомъ, продержалось только два года. Но въ существенныхъ своихъ чертахъ устройство, установленное вормсскимъ сеймомъ, было введено. Оно много помогло возвышенію и упроченію могущества областныхъ государей. Общіе

государственные сеймы утратили значеніе: государи рѣдко пріѣзжали на нихъ сами, обыкновенно присылали вмѣсто себя уполномоченныхъ, не имѣвшихъ власти рѣшать ничего важнаго; имперскій камеральный судъ велъ процессы очень медленно, такъ что рѣдко доводилъ ихъ до рѣшенія; потому областные князья, въ особенности курфирсты, правили своими владѣніями какъ независимые государи.— Швейцарцы, находившіеся тогда въ союзѣ съ королемъ французскимъ, отказались признавать имперскій камеральный судъ и выставлять войско, требуемое отъ нихъ, какъ отъ принадлежащихъ къ составу нѣмецкаго государства. Максимиліанъ хотѣлъ оружіемъ принудить ихъ къ повиновенію; но имперское войско слабо помогало ему; по миру, заключенному въ Базелѣ, онъ отступился отъ своихъ требованій и тѣмъ фактически призналъ независимость Швейцаріи отъ нѣмецкаго государства, хоть на бумагѣ швейцарцы еще назывались принадлежащими къ нему. Въ Италіи нѣмецкое вліяніе ослабѣвало, вытѣсняемое французскимъ, хоть Максимиліанъ воображалъ поддержать свои права на Ломбардію женидьбой на племянницѣ Людовика, герцога миланскаго, Біанкѣ Сфорцѣ.

II. БРАНДЕНБУРГЪ И ПРУССІЯ.

1. Правленіе Гоэнцоллерновъ въ Бранденбургѣ до реформаціи.

а) БУРГГРАФЫ НЮРНБЕРГСКІЕ.

Происхожденіе Гоэнцоллерновъ.

На одной изъ скалистыхъ вершинъ швабской Юры, близъ небольшого города Гехингена, стоитъ замокъ Цоллернъ или Гоэнцоллернъ (Высокій Цоллернъ), названіе котораго стало фамиліей династіи, первоначально имѣвшей его своей родовой резиденціей. При Сигизмундѣ, тотъ графъ Гоэнцоллернъ, который владѣлъ этимъ замкомъ, былъ объявленъ мятежникомъ; войска швабскихъ и рейнскихъ городовъ взяли и разрушили замокъ мятежника. Онъ долго оставался раззореннымъ разбойничьимъ гнѣздомъ. При Фридрихѣ III онъ былъ построенъ вновь.—Происхожденіе гоэнцоллернской династіи неизвѣстно. Ее производили отъ римскаго вельможескаго рода Колоннъ, отъ ломбардскихъ графовъ Колальто, отъ Бурхарда (Буркгарда), герцога алеманскаго. Но все это генеалогическіе вымыслы, не подтвержденные исторіей. Древнѣйшіе исторически достовѣрные предки графовъ гоэнцоллернскихъ—братья Бурхардъ и Вецель, погибшіе въ одномъ изъ междоусобій въ царствованіе Генриха IV, въ 1061 году. Но непрерывная генеалогія Гоэнцоллерновъ начинается только съ графа Бурхарда II, жившаго во второй половинѣ XII вѣка. Графъ Бурхардъ V, убитый молніей въ 1253 году, былъ отецъ Гертруды, жены короля Рудольфа Габсбургскаго; братъ Гертруды, графъ Альбрехтъ Гоэнбургскій или Гайгерлохскій, называемый миннезингеромъ, приверженецъ мужа своей сестры, получилъ отъ него должность ландфохта (правителя) коронныхъ владѣній въ нижней Швабіи, и былъ въ 1298 году убитъ въ войнѣ между Адольфомъ Нассаускимъ и Альбрехтомъ Габсбургскимъ, однимъ изъ полководцевъ котораго онъ былъ. Гоэнбергская линія Гоэнцоллерновъ ослабляла себя раздѣлами владѣній, утратила большую часть ихъ и прекратилась въ 1486 году. Но высоко поднялась другая линія Гоэнцоллерновъ, родоначальникомъ которой былъ третій сынъ Бурхарда II, Фридрихъ I; — онъ и сынъ его Фридрихъ II были храбрые воины; о сынѣ Фридриха II, Фридрихѣ III часто упоминается, какъ объ одномъ изъ сподвижниковъ Фридриха Барбароссы и Генриха VI. Женившись на дочери—наслѣдницѣ Конрада II Раабскаго, бургграфа нюрнбергскаго, Фридрихъ III наслѣдовалъ по смерти тестя богатыя его родовыя владѣнія во Франконіи и Австріи, и получилъ отъ Генриха VI въ ленное владѣніе бургграфство нюрнбергское. Этимъ было положено основаніе возвышенію младшей линіи Гоэнцоллерновъ. По счету именъ бургграфовъ нюрнбергскихъ, этотъ князь называется Фридрихомъ I. Сыновья его, Конрадъ III и Фридрихъ II, бывшіе, подобно предкамъ, усердными приверженцами Габсбурговъ, раздѣлили между собой отцовскія владѣнія: Конрадъ получилъ бургграфство нюрнбергское, швабскія и австрійскія имѣнья,—Фридрихъ швабскія. Отъ Фридриха произошла швабская линія Гоэнцоллерновъ, потомки его—нынѣшніе князья гоэнцоллернскіе; Конрадъ былъ родоначальникомъ франконской линіи, потомки его—короли прусскіе.

Бургграфство нюрнбергское.

Бургграфами называются коменданты гарнизоновъ въ королевскихъ замкахъ или въ цитаделяхъ королевскихъ городовъ. Но титулъ бургграфовъ нюрнбергскихъ получилъ при Гоэнштауфенахъ совершенно иное значеніе: бургграфъ нюрнбергскій былъ сдѣланъ правителемъ всѣхъ королевскихъ имѣній во Франконіи; обязанности коменданта нюрнбергской цитадели были переданы другому низшему военачальнику, называвшемуся королевскимъ кастеляномъ; управленіе городомъ Нюрнбергомъ было тоже отдано особому сановнику, шультгейсу (бургомистру). Такимъ образомъ, бургграфы вовсе не завѣдывали замкомъ, названіе котораго осталось въ ихъ титулѣ. Они были правителями обширныхъ владѣній, сановники гораздо болѣе важные, чѣмъ другіе бургграфы. Но не всѣ отросли управленія франконскими королевскими владѣніями были отданы въ ихъ завѣдываніе, нѣкоторыми управляли независимые отъ нихъ сановники: бутиглеръ (buticularius, мундшенкъ) завѣдывалъ финансовымъ управленіемъ коронныхъ имѣній во Франконіи, форестарій (лѣсничій) коронными лѣсами,—королевскій ландфохтъ или пфлегеръ (управитель) администраціей коронныхъ фермъ, соединенныхъ по округамъ въ сельско-хозяйственныя управленія (фохтсва или пфлеги, Vogteien, Pflegen); эти сановники были подчинены непосредственно „государству“, Reich, то есть королю. Существенными правами бургграфовъ нюрнбергскихъ были со временъ Гоэнштауфеновъ судебная власть и командованіе войсками: бургграфъ былъ намѣстникомъ короля, какъ верховнаго судьи и военачальника. Королевскія имѣнья, под-

чиненныя бургграфу нюрнбергскому въ судебномъ и военномъ отношеніяхъ, не составляли сплошного географическаго цѣлаго; это были клоки земли, лежавшіе между владѣніями областныхъ князей, которые часто спорили съ бургграфомъ о томъ, ему или имъ принадлежитъ власть надъ тѣми или другими клоками; потому онъ былъ принужденъ постоянно защищать интересы короля, совпадавшіе съ его собственными.

Бургграфы нюрнбергскіе мало по малу стали довольно сильными государями. Они не увлекались широкими замыслами, превышавшими ихъ средства, усердно служили каждому королю, изъ какой бы династіи ни былъ онъ, были бережливы, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія сосѣднихъ клоковъ земли, и благодаря всему этому набрали столько имѣній, что сдѣлались самыми сильными изъ франконскихъ князей.

Фридрихъ III † 1297.

Женою Конрада III Гоэнцоллерна, бургграфа нюрнбергскаго, была Клеменція Габсбургская. У нихъ было два сына. Младшій, Конрадъ, уменьшилъ свою силу, пожертвовавъ церквамъ много имѣній. Старшій, Фридрихъ III, увеличилъ свои владѣнія. Онъ много содѣйствовалъ избранію Рудольфа Габсбургскаго королемъ (VII, 659); онъ несъ знамя на Мархскомъ полѣ, и постоянно помогалъ Рудольфу *). Онъ хлопоталъ объ избраніи королемъ Альбрехта, сына Рудольфа; но королемъ былъ выбранъ Адольфъ Нассаусскій; Фридрихъ перешелъ на его сторону и выдалъ дочь за его сына. У Фридриха III было два сына; старшій, Іоаннъ, умеръ вскорѣ послѣ отца; младшій, Фридрихъ IV, наслѣдовавшій по его смерти владѣніе своего рода, принялъ сторону Людвига Баварскаго, и который былъ обязанъ ему побѣдой при Мюльдорфѣ (VII, 732). Въ награду за заслуги и въ залогъ за полученныя отъ него ссуды Людвигъ далъ ему нѣкоторыя новыя владѣнія и регалію съ рудниковъ на верховьѣ Майна. Его сыновья Іоаннъ II и Альбрехтъ Прекрасный, правили отцовскими имѣдѣніями нераздѣльно; они оставались вѣрны Людвигу до самой его смерти, потомъ примирились съ Карломъ IV. Іоаннъ пріобрѣлъ орламюндскую долю наслѣдства герцоговъ меранскихъ (Кульмбахъ и Плассенбургъ). Альбрехтъ Прекрасный любилъ искать рыцарскихъ приключеній въ далекихъ земляхъ, ѣздилъ въ Англію, въ Палестинну, сражался въ Пруссіи, Венгріи, Сербіи. Легенда говоритъ, что красавица Агнесса, вдовствующая графиня Орламюндская, имѣвшая отъ перваго мужа, Оттона, двухъ дѣтей, жила въ любовной связи съ красавцемъ Альбрехтомъ и хотѣла, чтобъ онъ женился на ней; онъ отвѣчалъ, что не женится, пока браку мѣшаютъ «четыре глаза» (нѣ-

Іоаннъ † 1300.
Фридрихъ IV † 1332.
Іоаннъ II † 1357.
Альбрехтъ † 1361.
Конрадъ V † 1334.

*) По смерти бездѣтнаго Оттона II, герцога меранскаго, его владѣнія были раздѣлены между четырьмя сестрами; одна изъ нихъ, Елизавета, была женой Фридриха. Она получила Байрейтъ и сосѣднія имѣнія.

мецкое выраженіе, значащее «два человѣка»); онъ понималъ подъ этими словами отца и мать, не соглашавшихся на его бракъ съ Агнессой, она подумала, что онъ говоритъ о ея дѣтяхъ, и убила ихъ; онъ въ ужасѣ прекратилъ связь съ ней; за ея злодѣйство, ей суждено не имѣть спокойствія въ могилѣ; она-та бѣлая женщина, которая отъ времени до времени является во дворцѣ потомковъ человѣка, бывшаго милымъ ей. Ранке говоритъ: старонѣмецкій миѳъ, повторяющійся въ разсказахъ о нѣсколькихъ династіяхъ, получилъ въ этомъ случаѣ примѣненіе къ тому факту, что доставшаяся орламюндской династіи доля меранскаго наслѣдства перешла во владѣніе бургграфовъ нюрнбергскихъ. Баварская партія предлагала Альбрехту королевскую корону; онъ, при всей своей отвагѣ, имѣлъ благоразуміе отвергнуть заманчивое предложеніе. Карлъ IV, благоволившій къ Альбрехту и его брату Іоанну за ихъ преданность, еще болѣе сблизился съ сыномъ Іоанна, Фридрихомъ V.

Фридрихъ V † 1398.

Старшій сынъ Фридриха V, Іоаннъ, женился на дочери Карла IV, Маргаретѣ.—Карлъ IV далъ бургграфамъ нюрнбергскимъ нѣкоторыя изъ правъ, принадлежавшихъ только курфирстамъ, между прочимъ, горную регалію и то право, что ихъ трибуналы не обязаны передавать въ королевскіе трибуналы дѣла, подсудныя имъ, хотя бы королевскіе трибуналы требовали этой передачи (jus de non evocand's). Кромѣ того, Карлъ далъ Фридриху V должность ландфохта эльзасскаго, а потомъ, въ замѣнъ ея, должность ландфохта верхне-швабскаго.

Фридрихъ V передъ смертью раздѣлилъ владѣніе между сыновьями, Іоанномъ III и Фридрихомъ VI. Когда курфисты низложили Венцеля и выбрали королемъ Рупрехта, Іоаннъ остался вѣренъ Венцелю; Фридрихъ былъ усерднымъ приверженцемъ Рупрехта; но увидѣвъ, что онъ останется безсиленъ, уѣхалъ въ Венгрію къ Сигизмунду, вѣроятно, Фридрихъ ужь разсчитывалъ, что нѣмецкая корона достанется этому государю. Мы говорили, что онъ очень усердно хлопоталъ объ избраніи Сигизмунда королемъ нѣмецкимъ (VIII, стр. 159).— По смерти Іоанна III (въ 1420 году) всѣ отцовскія владѣнія соединились подъ властью Фридриха VI.

Іоаннъ III † 1420.
Фридрихъ VI.

b) ПЕРЕДАЧА МАРКГРАФСТВА БРАНДЕНБУРГСКАГО ФРИДРИХУ VI.

Положеніе дѣлъ въ Бранденбургѣ.

Новая марка была въ 1402 году отдана въ залогъ Нѣмецкому ордену; нѣкоторыя части сѣверной окрайны маркграфства бранденбургскаго перешли во владѣніе герцоговъ помераискихъ и меклепбургскихъ; все остальное маркграфство находилось во владѣніи Йоста, и по его смерти (въ 1411 году) перешло снова подъ власть Сигизмунда. Депутація бранденбургскаго сейма, пріѣхавшая въ Офенъ принести присягу Сигизмунду, жаловалась на разстройство, въ какое

приведено маркграфство безпечностью и жадностью Йоста: нападенія сосѣдовъ и самовольство вельможъ, безнаказанно занимавшихся разбоемъ, уничтожили прежнее благосостояніе страны. Маркграфскіе замки и нѣкоторые города были отданы Йотомъ въ залогъ вельможамъ за денежныя ссуды. Горожане принуждены были остерегаться разбойническихъ нападеній вельможъ и рыцарей, торговля и промышленность городовъ упала; селенія постоянно подвергались грабежу; многія изъ нихъ были сожжены. Депутаты сейма жаловались въ особенности на вельможскую фамилію Квицововъ, захватившихъ много замковъ и городовъ. Другими сильными притѣснителями были Роховы, Бредовы, Альвенслебены, Шуленбурги, Ведели. Квицовы ходили грабить даже за границы маркграфства, дѣлали набѣги на магдебургскія владѣнія, объявляли войну герцогамъ померанскимъ, мекленбургскимъ, саксонскимъ.

Назначеніе бургграфа Фридриха VI правителемъ Бранденбурга.

Чтобы возстановить порядокъ въ Бранденбургѣ, нужно было употребить много времени и труда. Сигизмундъ, занятый венгерскими и общими нѣмецкими дѣлами, не имѣлъ досуга на это. Бургграфъ Фридрихъ оказалъ большія услуги Сигизмунду; король долженъ былъ вознаградить его за нихъ, полагалъ, что онъ способенъ прекратить безпорядки въ Бранденбургѣ и отдалъ маркграфство въ управленіе ему. Бранденбургскіе депутаты нашли выборъ Сигизмунда хорошимъ.

Вѣроятно, Сигизмундъ ужь имѣлъ тогда намѣреніе назначить Фридриха курфирстомъ бранденбургскимъ. Но на это было нужно согласіе Венцеля, имѣвшаго право наслѣдовать въ Бранденбургѣ въ томъ случаѣ, если Сигизмундъ умретъ бездѣтнымъ. Венцель едва ли захотѣлъ бы отказаться отъ своего права въ пользу Фридриха, который усердно хлопоталъ объ избраніи королемъ Рупрехта и потомъ объ избраніи Сигизмунда. Вѣроятно поэтому Сигизмундъ и ограничился тогда тѣмъ, что отдалъ Бранденбургъ въ управленіе Фридриху (8 іюня 1411). Онъ передалъ Фридриху всю правительственную власть въ маркграфствѣ, оставляя за собой только санъ курфирста; въ жалованной граматѣ Сигизмундъ говоритъ объ этомъ такъ: „Мы передаемъ ему всю полную власть дѣлать все, что имѣли бы право дѣлать мы или какой другой истинный маркграфъ бранденбургскій, съ тѣмъ однимъ исключеніемъ, что не передаемъ избирательство римскаго короля“. Должность правителя отдавалась Фридриху въ потомственную собственность; кромѣ того, Сигизмундъ признавалъ себя обязаннымъ уплатить Фридриху 100.000 золотыхъ флориновъ, „чтобъ онъ могъ тѣмъ лучше вывести маркграфство бранденбургское изъ раззоренія войнами, въ какомъ долго находилось оно, и не имѣлъ надобности расходовать на это свои деньги и служить намъ въ убытокъ себѣ“; признавая себя обязаннымъ уплатить Фридриху 100.000 флориновъ, Сигизмундъ давалъ ему это обязательство какъ гарантію, что Бранденбургъ не будетъ отнятъ у него, и что впослѣдствіи ему будетъ переданъ санъ курфирста. Черезъ полтора мѣсяца Сигизмундъ увеличилъ сумму обезпеченія еще на 50.000 золотыхъ гульденовъ: при его посредничествѣ, курфирстъ саксонскій Рудольфъ III согласился выдать свою дочь Барбару за Іоанна, сына Фридриха, и при ихъ помолвкѣ (25 августа 1411) Сигизмундъ обязался дать жениху и невѣстѣ 50,000 золотыхъ гульденовъ; залогомъ въ уплатѣ ихъ тоже было поставлено маркграфство бранденбургское.—Смыслъ денежныхъ обязательствъ, данныхъ Сигизмундомъ, состоялъ въ томъ, что нельзя было отнять у Фридриха Бранденбургъ иначе, какъ уплативъ ему эти суммы. Теперь разъяснено, что смыслъ обязательствъ состоялъ именно въ этомъ. Прежніе историки не могли разобрать, въ чемъ тутъ было дѣло, и по недоразумѣнію предположили, что рѣчь идетъ о записяхъ, данныхъ Фридрихомъ Сигизмунду, что Сигизмундъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, взялъ у Фридриха 150,000 золотыхъ гульденовъ и отдалъ ему Бранденбургъ въ залогъ.

Сопротивленіе, встрѣченное Фридрихомъ въ Бранденбургѣ.

Занятый исполненіемъ важныхъ порученій Сигизмунда по дѣламъ королевства нѣмецкаго и дѣлами своихъ франконскихъ владѣній, Фридрихъ не могъ немедленно ѣхать самъ въ Бранденбургъ, и послалъ туда своимъ намѣстникомъ Венда Илебурга. Бранденбургскій сеймъ отказался признать Илебурга правителемъ, и онъ принужденъ былъ уѣхать изъ маркграфства.—Въ іюнѣ 1412, черезъ годъ по своемъ назначеніи правителемъ маркграфства, Фридрихъ наконецъ нашелъ досугъ отправиться туда. Онъ взялъ съ собой сильный отрядъ войска. Берлинъ и Кёльнъ (городъ, отдѣленный отъ Берлина рѣкой и ставшій потомъ частью его), отказались отдать заложенныя имъ земли; Фридрихъ заставилъ ихъ повиноваться и созвалъ на 10 іюля сеймъ въ Бранденбургъ. Старая марка и Пригницкая марка отказались участвовать въ бранденбургскомъ сеймѣ. Правитель этихъ частей маркграфства, Путлицъ, созвалъ ихъ сеймы и сказалъ, что не имѣетъ отъ короля приказанія передать кому нибудь замки, начальство въ которыхъ поручено ему. Эти сеймы одобрили его; дворянѣ говорили: «Намъ довольно и Путлица; никакого другого маркграфа намъ не нужно»; депутаты городовъ не отважились противорѣчить имъ.

Число сторонниковъ Фридриха росло медленно. Даже въ Средней маркѣ (Mittelmark) большинство сильныхъ дворянъ не признавало его власти. Вождями противниковъ въ ней были Дитрихъ Квицовъ и его братъ Гансъ. Они, Путлицъ, Бредовы, Роховы и другіе враждебные Фридриху дворяне заключили между собой союзъ, отказались отдать ему бывшіе въ залогѣ у нихъ замки и готовились къ оборонѣ.

Онъ дѣйствовалъ осторожно и терпѣливо. Войско его было слишкомъ слабо; онъ больше велъ переговоры, чѣмъ воевалъ. Онъ старался пріобрѣсти себѣ помощь сосѣднихъ государей. Они терпѣли большой вредъ отъ набѣговъ браденбургскихъ дворянъ и желали прекращенія ихъ своевольства. Герцоги саксонскіе съ самаго начала помогали Фридриху. Архіепископъ магдебургскій, герцоги брауншвейгскіе заключили съ нимъ союзъ для усмиренія хищниковъ. Графъ Альбрехтъ ангальтскій, бывшій союзникомъ Квицововъ, отступился отъ нихъ. Герцоговъ Вратислава Вольгастскаго и Альбрехта Мекленбургскаго Фридрихъ склонилъ помогать ему, обѣщавшись отдать за нихъ своихъ дочерей. Только герцогъ Свантиборъ штеттинскій остался враждебенъ Фридриху; онъ владѣлъ большей частью Укерской марки,

отданной ему въ залогъ Йостомъ, и хотѣлъ удержать ее за собой. Сыновья Свантибора Оттонъ и Казиміръ пошли противъ Фридриха; но онъ отбился отъ нихъ.

Церковные сановники и города, увидѣвъ, что Фридрихъ дѣйствуетъ благоразумно, пріобрѣли надежду, что онъ усмиритъ хищниковъ, и стали поддерживать его. Онъ обѣщалъ дворянамъ оставить въ ихъ владѣніи заложенные имъ замки, до уплаты данныхъ ими Йосту ссудъ. Большинство ихъ покорилось ему. Мальтицы и нѣкоторые другіе дворяне продолжали свои грабительскіе набѣги на сосѣдовъ. Фридрихъ пошелъ на Треббинъ, замокъ мальтицевъ, потребовалъ, чтобы Квицовы, Бредовы и другіе покорившіеся ему вельможи помогали ему. Они пришли къ нему; но потомъ ушли изъ стана, сдѣлали грабительскій набѣгъ на владѣнія архіепископа магдебургскаго, и снова отказались отъ повиновенія Фридриху; къ нимъ присоединился Путлицъ. Фридрихъ и архіепископъ магдебургскій пошли усмирять ихъ; пушки Фридриха разрушали стѣны ихъ замковъ; Путлицъ и Гансъ Квицовъ были взяты въ плѣнъ, Дитрихъ Квицовъ и Вихардъ Роховъ бѣжали; остальные дворяне покорились. Въ мартѣ 1414 Фридрихъ созвалъ браденбургскій сеймъ, предалъ его суду Квицововъ, Рохововъ и другихъ мятежниковъ; они были лишены своихъ леновъ. Кончивъ судъ надъ ними, Фридрихъ и сеймъ установили законъ, строго воспрещавшій самоуправство и укрывательство виновныхъ въ нарушеніи тишины. Первый подвергся дѣйствію этого закона сильный вельможа, Вернеръ Гольцендорфъ. Онъ далъ пріютъ у себя Дитриху Квицову, и за это былъ лишенъ лена, которымъ владѣлъ. Спокойствіе установилось въ маркграфствѣ бранденбургскомъ. Пробывъ тамъ два года, Фридрихъ въ августѣ 1414 уѣхалъ помогать Сигизмунду въ управленіи общими дѣлами Германіи. Управленіе маркграфствомъ онъ поручилъ своей женѣ, Елизаветѣ. По его отъѣздѣ сыновья герцога штеттинскаго, къ которымъ бѣжалъ Дитрихъ Квицовъ, возобновили войну и дошли до самаго Берлина. Но императоръ объявилъ ихъ мятежниками, а примѣръ того, какъ утратилъ свои швабскія владѣнія Фридрихъ Тирольскій, показывалъ, что теперь распоряженія императора исполняются; сыновья герцога штеттинскаго испугались, заключили перемиріе и просили императора отмѣнить распоряженіе, поручавшее сосѣднимъ князьямъ идти войной на нихъ.

Передача Фридриху сана курфирста.

Фридрихъ оказалъ Сигизмунду большія услуги во время констанцскаго собора. Въ признательность за нихъ императоръ передалъ ему въ потомственное владѣніе санъ курфирста бранденбургскаго, съ оговоркой, что можетъ взять у него маркграфство, уплативъ ему выкупъ, сумму котораго увеличилъ до 400.000 гульденовъ. Въ жалованной граматѣ, данной 30 апрѣля 1415, Сигизмундъ говорилъ, что передаетъ курфиршество бранденбургское Фридриху «съ одобренія большинства курфирстовъ и многихъ другихъ князей, графовъ и дворянъ, для того, чтобы миръ и улучшеніе, пріобрѣтенныя маркграфствомъ и его населеніемъ при управленіи Фридриха, сохранялись и увеличивались, и чтобы маркграфство не страдало отъ нашего отсутствія».

Возвращеніе Фридриха въ Бранденбургъ.

Возвратившись въ октябрѣ 1414 въ Бранденбургъ, Фридрихъ примирялъ ссоры сосѣднихъ государей, нарушавшія спокойствіе Бранденбурга; подданные привыкали видѣть въ немъ охранителя порядка и проникались расположеніемъ къ нему; стали усердно служить ему и дворяне, которыхъ онъ привлекалъ къ себѣ щедростью. Онъ возвратилъ своимъ прежнимъ противникамъ Вихарду Рохову, Путлицу, Альвенслебену конфискованныя ихъ имѣнія.

Фридрихъ пробылъ въ Бранденбургѣ не долго; онъ поѣхалъ оттуда въ Прагу примирить Венцеля съ Сигизмундомъ и просить у него и богемскаго сейма утвержденія во владѣніи курфиршествомъ. Кажется, онъ не получилъ этого утвержденія. Но примирить Венцеля съ братомъ онъ успѣлъ.

Въ концѣ 1416 года Фридрихъ возвратился въ Констанцъ. Тамъ, 18 апрѣля 1417, онъ получилъ торжественную инвеституру въ санъ курфирста. Уѣзжая изъ Германіи, Сигизмундъ назначилъ его своимъ намѣстникомъ въ нѣмецкомъ королевствѣ.

с) правленіе курфирста Фридриха I и его преемниковъ.

Союзъ противъ Фридриха.

Занятый общими дѣлами нѣмецкаго королевства, Фридрихъ не могъ внимательно слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ Бранденбургѣ, и власть его тамъ подверглась опасностямъ. Въ Констанцѣ было рѣшено, что герцоги штеттинскіе должны быть вассалами курфирста бранденбургскаго. Они вошли въ союзъ съ герцогами шверинскимъ и старгардскимъ, имѣвшими притязанія на одну изъ частей маркграфства бранденбургскаго, Пригницкую марку. Къ нимъ присоединились Бальтазаръ Верльскій (Вендскій), вассалъ маркграфа, двое изъ герцоговъ брауншвейгскихъ и герцогъ саксенъ-лауэнбургскій. Въ 1419 году союзники начали войну и взяли Пренцлау. Поляки и датчане помогали имъ. Фридрихъ поспѣшно вернулся въ Бранденбургъ, 27 марта 1420 разбилъ померанскихъ герцоговъ и поляковъ при Кецеръ-Ангермюнде; союзъ рушился; герцоги померанскіе и мекленбургскіе въ декабрѣ (1420 года) заключили съ Фридрихомъ перемиріе на три года.

Ссора Сигизмунда съ Фридрихомъ.

Фридрихъ усердно помогалъ Сигизмунду въ управленіи дѣлами нѣмецкаго королевства, но года черезъ три по возведеніи въ санъ курфирста отношенія его къ Сигизмунду испортились. Онъ совѣтовалъ императору сдѣлать уступки гуситамъ, Сигизмундъ хотѣлъ покорить ихъ. Потерпѣвъ пораженіе, императоръ приписалъ свою неудачу тому, что Фридрихъ не усердно помогалъ ему; между ними возникли неудовольствія. Фридрихъ сосваталъ за своего второго сына (Фридриха) Ядвигу, дочь польскаго ко-

роля Владислава, и 8 апрѣля 1421 заключилъ съ нимъ и Витольдомъ союзъ противъ Нѣмецкаго ордена. Все это было сдѣлано на перекоръ волѣ Сигизмунда; непріязнь между тѣмъ съ Фридрихомъ усилилась. Цѣль союза Фридриха съ королемъ польскимъ состояла въ томъ, чтобы заставить Орденъ отдать Новую марку, заложенную ему Сигизмундомъ; Фридрихъ предлагалъ выплатить долгъ; но Орденъ отвѣчалъ, что право выкупа принадлежитъ только люксембургскому дому. Въ 1422 году прекратилась династія курфирстовъ саксонскихъ; Фридрихъ заявилъ притязанія на курфиршество саксонское; Сигизмундъ отдалъ его маркграфу мейсенскому и сталъ убѣждать померанскихъ и мекленбургскихъ герцоговъ, чтобъ они возобновили свой союзъ противъ Фридриха. Такимъ образомъ ссора между Сигизмундомъ и его прежнимъ другомъ росла. Злорѣчіе Людвига Бородатаго, находившагося въ ожесточенной враждѣ съ Фридрихомъ, усиливало непріязнь къ нему Сигизмунда.

Возобновленіе войны.

Въ 1425 году герцоги померанскіе и мекленбургскіе возобновили войну съ Фридрихомъ, взяли Пренцлау, опустошали Укерскую марку; во всѣхъ маркахъ выказывалось нерасположеніе къ Фридриху. Онъ поручилъ управленіе маркграфствомъ своему сыну Іоанну и поѣхалъ мириться съ Сигизмундомъ. Іоаннъ не могъ поддержать порядка, введеннаго отцомъ, вельможи снова стали дѣлать набѣги на сосѣдовъ. Фридрихъ нуждался въ деньгахъ, пришлось добывать ихъ, отдавая въ залогъ земли и цѣлые округи. Города были очень недовольны Фридрихомъ, заключали между собой союзы, и принуждены были собственными силами обороняться отъ гуситовъ, вторгавшихся въ маркграфство. Сигизмундъ (7 сентября 1429) передалъ въ собственность Нѣмецкому ордену Новую марку.

Въ 1437 году Фридрихъ сдѣлалъ распоряженіе о томъ, какъ должны быть раздѣлены его владѣнія между сыновьями. Іоанну и Альбрехту Ахиллесу онъ назначилъ франконскія земли; двумъ другимъ сыновьямъ, Фридриху старшему и Фридриху младшему, Бранденбургъ. Онъ умеръ 20 сентября 1440. Ранке говоритъ: «Фридрихъ былъ геніальный человѣкъ, быстро составлявшій планы и умѣвшій приспособляться къ перемѣнамъ обстоятельствъ; постоянно занятый войной и политикой, онъ однакожь усвоилъ себѣ всю образованность своего времени».

Фридрихъ II 1440—1470.

Старшій изъ двухъ его сыновей, получившихъ на свою долю Бранденбургъ, правилъ маркграфствомъ искусно. Берлинъ и Кельнъ имѣли тогда общее управленіе, оно было сильно и самостоятельно. Новый курфирстъ въ 1442 году подавилъ независимость этого соединеннаго города, Берлина-Кельна, назначилъ въ каждой половинѣ его особое управленіе, построилъ цитадель, чтобы держать оба города въ повиновеніи. Они въ 1448 году сдѣлали попытку возстановить свое единство, свергнуть съ себя иго; курфирстъ усмирилъ возстаніе. За суровость, съ какой онъ подавилъ самостоятельность Берлина, его прозвали желѣзнозубымъ. Онъ былъ разсчетливъ, остороженъ, ловко пользовался каждымъ случаемъ увеличитъ свои владѣнія. Онъ купилъ нѣсколько клоковъ Лаузица. Но попытка его овладѣть герцогствомъ штеттинскимъ не удалась. Въ 1464 году прежняя штеттинская линія померанской династіи прекратилась; ея владѣнія наслѣдовала вольгастская линія. Фридрихъ II хотѣлъ отнять герцогство у этой линіи, ссылаясь на договоры между Гоэнцоллернами и прежними герцогами штеттинскими. Война длилась нѣсколько лѣтъ. Герцоги вольгастскіе удержали за собой герцогство штеттинское. Старикъ Фридрихъ II былъ такъ опечаленъ этимъ, что (въ 1470 году) уѣхалъ во Франконію и передалъ управленіе Бранденбургомъ своему брату, Альбрехту Ахиллесу.

Альбрехтъ Ахиллесъ 1470—1486.

Гоэнцоллерны все еще чувствовали себя чужими въ Бранденбургѣ; жить во Франконіи было пріятнѣе имъ. Альбрехтъ Ахиллесъ послалъ сына, Іоанна, своимъ намѣстникомъ въ Бранденбургъ, и рѣдко пріѣзжалъ туда самъ.—Іоаннъ постоянно нуждался въ деньгахъ; у него часто бывало нечѣмъ угостить знатнаго посѣтителя; ему пришлось даже отложить свою свадьбу, по недостатку денегъ. Сеймъ былъ скупъ; изъ-за этого выходило много ссоръ. Іоаннъ требовалъ денегъ за утвержденіе прежнихъ жалованныхъ граматъ; объѣзжая города для принятія присяги, онъ требовалъ отъ нихъ содержанія своей свитѣ; это возбуждало ропотъ. Изъ-за уплаты долговъ, сдѣланныхъ въ войну съ герцогами померанскими, произошли непріятные споры.

Альбрехтъ Ахиллесъ выдалъ свою дочь Барбару за Генриха, герцога глогаускаго. Въ 1476 Генрихъ умеръ; его герцогство должно было поступить во владѣніе вдовы, какъ залогъ за возвращеніе приданаго. Но на эту область заявилъ права двоюрдный братъ Генриха, Гансъ, герцогъ саганскій; началась война; герцогъ саганскій одолѣвалъ Іоанна. Альбрехтъ Ахиллесъ принужденъ былъ идти на помощь сыну. Въ 1482 году былъ заключенъ миръ, по которому Гансъ удержалъ за собой герцогство глогауское, но отдалъ города Кроссенъ, Швибусъ и Цюллихау въ залогъ Барбарѣ до уплаты ей приданаго. Они остались не выкуплены и черезъ нѣсколько времени были присоединены къ Бранденбургскому государству.

Закономъ 24 февраля 1473 Альбрехтъ Ахиллесъ установилъ въ Бранденбургѣ престолонаслѣдіе по линіи первородства и нераздѣльность государства, а франконскія земли Гоэнцоллернской династіи раздѣлилъ на два владѣнія, ансбахское и байрейтское, постановилъ, что каждое изъ этихъ маркграфствъ будетъ тоже раздѣльно; выдачу удѣловъ младшимъ сыновьямъ государя этотъ законъ замѣнилъ денежными уплатами.—Альбрехтъ Ахиллесъ умеръ 11 марта 1486; курфиршество наслѣдовалъ Іоаннъ; франконскія владѣнія получили младшіе сыновья Альбрехта, Фридрихъ и Сигизмундъ.

Іоаннъ Цицеронъ. 1486—1499.

Курфирстъ Іоаннъ былъ ученый человѣкъ и говорилъ по-латынѣ такъ хорошо, что получилъ названіе Цицерона. Но по своему слабому здоровью и недостатку политической проницательности онъ не могъ въ тѣ времена интригъ и войнъ быть хорошимъ правителемъ.

Герцогъ померанскій Богиславъ X, подъ властью котораго соединилась по прекращеніи другихъ линій династіи вся Померанія, получилъ въ 1493 году освобожденіе отъ вассальной подвластности курфирсту бранденбургскому, и въ замѣнъ того предоставилъ курфиршеской династіи право наслѣдовать Померанію по прекращеніи его потомства.

Іоахимъ Несторъ 1499—1535.

—Іоанну Цицерону наслѣдовалъ сынъ его, Іоахимъ Несторъ. Новый курфирстъ, хотя и занимался астрологіей, былъ хорошій правитель и заботился о прекращеніи грабительства, которое еще оставалось у многихъ бранденбургскихъ дворянъ привычнымъ дѣломъ. Поселяне говорили тогда: «отъ Кекерицевъ и Людерицевъ, отъ Крахтовъ и Иценплицевъ спаси насъ, Господи.» Одинъ изъ такихъ грабителей, Оттерштедъ, сдѣлалъ разбойническое нападеніе даже на курфирста, ѣхавшаго кепеницскимъ лѣсомъ. Іоаннъ Несторъ строго преслѣдовалъ этихъ хищниковъ; многихъ изъ нихъ онъ повѣсилъ. Онъ старался поддержать падающее благосостояніе городовъ, привелъ въ порядокъ разстроенные финансы. Давній споръ съ Нѣмецкимъ орденомъ за Новую марку кончился при Іоаннѣ Несторѣ тѣмъ, что Орденъ отказался отъ всякихъ притязаній на эту область. Были сдѣланы Іоанномъ Несторомъ и другія пріобрѣтенія. Власть его надъ Бранденбургомъ была прочна; младшій братъ его Альбрехтъ былъ архіепископомъ майнцскимъ; гохмейстеромъ Нѣмецкаго ордена былъ двоюродный братъ его Альбрехтъ, сынъ Фридриха, маркграфа ансбахскаго. Благодаря всему этому, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ нѣмецкомъ королевствѣ, но въ его характерѣ есть дурныя черты: заботясь о правосудіи, онъ не мѣшалъ преслѣдованію евреевъ; воспрещая другимъ роскошь, самъ онъ роскошничалъ. Онъ былъ противникомъ реформаціи и прогналъ свою жену Елизавету (дочь короля датскаго Іоанна II), за то, что она приняла протестантское исповѣданіе. Но онъ не могъ помѣшать распространенію новаго ученія въ своемъ государствѣ.

---

2. Пруссія.

а) времена могущества нѣмецкаго ордена.

Положеніе Нѣмецкаго ордена при перенесеніи главнаго управленія его въ Маріэнбургъ 1309.

Когда гохмейстеръ Зигфридъ Фейхтвангенъ перенесъ резиденцію правительства Ордена изъ Венеціи въ Маріэнбургъ (VII, 237), Нѣмецкіе рыцари отказались отъ своего прежняго религіознаго призванія, и Орденъ сталъ исключительно государственнымъ учрежденіемъ.

Въ это время положеніе его было опасно: начались войны съ литовцами и поляками. Язычники литовцы и религіозный христіанскій орденъ, которому уставъ его предписывалъ войну съ невѣрными, были

непримиримыми врагами. А когда Орденъ расширилъ свои владѣнія по направленію къ Польшѣ, въ которой окрѣпло національное чувство, онъ и она должны были вступить между собою въ борьбу на жизнь и смерть. Властолюбіе Ордена не удовлетворилось покореніемъ Пруссіи; онъ стремился завоевать сосѣднія славянскія и полунѣмецкія области.

Завоеваніе Померелліи.

Мы уже говорили о томъ, какъ Орденъ овладѣлъ Помереллі́ей, землей по лѣвому берегу Вислы, на которомъ стоялъ богатый городъ Данцигъ. — Орденъ подготовилъ завоеваніе этой области покупками, взятіемъ въ залогъ, выпрашиваніемъ въ подарокъ нѣкоторыхъ клочковъ ея и наконецъ коварно захватилъ всю ее. Владиславъ Локетекъ не могъ простить Ордену этотъ вѣроломный захватъ, вступилъ въ союзъ съ литовцами, возбудилъ ихъ къ нашествію на Пруссію. Литовцы уже и прежде помогали полякамъ въ войнахъ съ Орденомъ; но теперь они стали болѣе опасными врагами, потому что разрозненныя племена ихъ соединились въ одно государство, великими князьями котораго были люди отважные и хитрые. Въ 1315 году литовскій князь Витень былъ убитъ своимъ конюшимъ (или по другимъ извѣстіямъ своимъ сыномъ) Гедиминомъ. Убійца сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, вступилъ въ союзъ съ Владиславомъ Локеткомъ и сталъ дѣлать нашествія на Пруссію; литовцы брали замки рыцарей, убивали ихъ гарнизоны, зарѣзывали плѣнныхъ рыцарей въ жертву своимъ богамъ, жгли селенія и города, рѣзали или уводили въ плѣнъ множество безоружныхъ людей. Эти нашествія повторялись много лѣтъ ежегодно. На помощь Нѣмецкимъ рыцарямъ приходили знатные люди съ отрядами крестоносцевъ, въ числѣ которыхъ было много грабителей, шедшихъ только для захвата всякой добычи безъ разбора. Годъ за годъ являлись въ Пруссію эти знатные гости пріобрѣсти славу подвигами противъ невѣрныхъ и пировать. Это были послѣднія проявленія того духа, который прежде увлекалъ европейскихъ вельможъ и королей въ Палестину. Іоаннъ, король богемскій, нѣсколько разъ приходилъ въ Пруссію; тамъ, при поѣздкѣ по степи противъ рѣзкаго вѣтра, онъ окривѣлъ отъ воспаленія въ глазу. Эти такъ называемые крестовые походы въ Пруссію имѣли характеръ поисковъ буйнаго веселья и дракъ.

Крестоносцы.

Вѣрную картину того, въ чемъ состояли крестовые походы на помощь Нѣмецкому ордену, оставилъ намъ поэтъ Петръ Зухенвиртъ, сопровождавшій герцога Альбрехта III Австрійскаго на его крестовомъ походѣ въ 1377 году. Онъ длинно разсказываетъ о пирахъ, на которыхъ гости орденскихъ рыцарей пили изъ золотыхъ кубковъ истрійскія и крайнскія вина; потомъ гости пошли съ хозяевами въ языческую землю и тамъ подъ вьюгами имъ было не такъ весело, какъ на пирахъ. Непріятельскаго войска они не встрѣтили, а всей войну, по выраженію самого Зухенвирта, противъ литовскихъ женщинъ и дѣтей, сожгли нѣсколько селеній, возвра-

ГПНТБ СО АН СССР
Гос. публ. научно-техническая библиотека

тились домой покрытые славой и „разсказывали о великолѣпіи пировъ у Нѣмецкихъ рыцарей и о своихъ подвигахъ въ войнѣ съ страшными язычниками".

Фейхтвангенъ 1309—1311 Беффартъ 1311—1324. Орселенъ 1324—1330.

Первые три гохмейстера Нѣмецкаго ордена въ Маріэнбургѣ—Фейхтвангенъ, Беффартъ и Орселенъ были люди талантливые и энергичные. При нихъ могущество Ордена росло. Орселенъ былъ очень строгъ и сталъ жертвой суровости, съ какой поддерживалъ дисциплину. Развратный и буйный рыцарь Эндорфъ разсердился на Орселена за рѣзкій выговоръ и за отказъ взять его въ походъ и закололъ гохмейстера, когда онъ шелъ изъ дворцовой капеллы (19 ноября 1330). Новый гохмейстеръ Лютеръ, герцогъ брауншвейгскій, тоже строго усмирялъ буйство рыцарей. Но война съ поляками и постоянныя ссоры съ папой мѣшали ему ввести порядокъ въ управленіе внутренними дѣлами. Епископъ куявскій пожаловался папѣ на Орденъ, рыцари котораго свирѣпо опустошили его епархію. Папа угрожалъ «грабителямъ церквей и убійцамъ» отлученіемъ отъ церкви, если жалобы епископа окажутся справедливы и виновные не дадутъ вознагражденія за грабительство. Но рыцари, по выраженію лѣтописца, кушали и пили по прежнему. Король польскій и Орденъ въ 1331 году возобновили войну. Поляки при Пловцахъ разбили одно орденское войско, но были побѣждены другимъ. Страшно свирѣпствуя, нѣмцы пошли по Куявіи, завоевали ее. Владиславъ Локетекъ умеръ 2 марта 1333; его преемникъ Казиміръ былъ человѣкъ миролюбивый, но война длилась. Миръ еще не былъ заключенъ, когда умеръ гохмейстеръ Лютеръ (въ апрѣлѣ 1335 г.). Преемникомъ его былъ Дитрихъ, бургграфъ альтенбургскій, 80-лѣтній старикъ, десятки лѣтъ бывшій рыцаремъ Ордена. По вышеградскому миру, подписанному 24 ноября 1335, Польша сохранила за собою Куявію и Добржинскую землю, а Помереллія была оставлена за Орденомъ. Польскіе вельможи отказали этому договору въ своемъ согласіи, и враждебныя дѣйствія продолжались, хотя формальной войны не было.

Лютеръ Брауншвейгскій 1330—1335.

Дитрихъ Альтенбургскій 1335—1341.

Походъ на литовцевъ 1336

Орденъ возобновилъ походы на литовцевъ. Въ 1336 году пріѣхало много знатныхъ гостей участвовать въ истребленіи язычниковъ. Рыцари и крестоносцы осадили замокъ Пиллиненъ, въ которомъ заперлись 4.000 литовцевъ съ женами и дѣтьми. Когда исчезла надежда отбиться, литовскій князь Маргеръ велѣлъ развести большой огонь; литовцы побросали въ него свое имущество, зарѣзали женъ и дѣтей, бросили тѣла ихъ въ пламя. Старуха жрица стала съ топоромъ. Желающіе умереть отъ ея руки подходили къ ней; она отрубила головы ста воинамъ; другіе литовцы закалывали другъ друга. Князь бросился на врывавшихся рыцарей, убилъ шедшихъ впереди, обнялъ жену, вонзилъ мечъ въ грудь ей, потомъ себѣ. Крестоносцы съ ужасомъ смотрѣли на героическую погибель людей, предпочитавшихъ

смерть порабощенію. Черезъ нѣсколько времени — по однимъ извѣстіямъ въ 1337, по другимъ въ 1341 году, былъ убитъ Гедиминъ. Говорятъ, что его убила пуля перваго ружейнаго выстрѣла, сдѣланнаго въ Пруссіи, и литовцы полагали, что его убилъ богъ грома. Его владѣнія наслѣдовали семь сыновей, изъ которыхъ Ольгердъ и Кейстутъ были отважные воины, ставшіе страшными сосѣдамъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, заключенъ былъ въ Калишѣ, въ іюлѣ 1343 года, миръ между Лудольфомъ Кёнигомъ Вейцау и королемъ польскимъ.

Эстляндскія дѣла.

Около этого времени Ордену представился случай сдѣлать новое пріобрѣтеніе. Сынъ низвергнутаго короля датскаго Кристофа II, Оттонъ, уступилъ въ 1333 году Эстляндію своему родственнику, Людвигу, маркграфу бранденбургскому. Но Людвигъ не могъ овладѣть этой областью. Въ ней захватили власть дворяне. Они поступали съ эстами безжалостно: грабили мужчинъ, насиловали женщинъ. Лѣтописецъ говоритъ, что собакамъ въ другихъ земляхъ лучше жить, чѣмъ было тогда эстляндскому народу. Доведенные до отчаянія эсты сговорились начать возстаніе повсюду въ одну ночь. Въ эту ночь (23 апрѣля 1343) было убито болѣе 1,800 датчанъ и нѣмцевъ. Возстаніе охватило всю страну. Эсты разрушали церкви и господскіе дома, убивали всѣхъ нѣмцевъ и датчанъ, попадавшихся въ ихъ руки, подступили къ Ревелю. Войско ихъ подъ нимъ состояло изъ 10.000 человѣкъ. Лифляндскіе рыцари видѣли, что возстаніе распространится и на ихъ область, если они не поспѣшатъ подавить его въ Эстляндіи. Ландмейстеръ (орденскій правитель) Лифляндіи Дрейлебенъ пошелъ къ Ревелю. Эсты говорили, что будутъ повиноваться Ордену, если онъ освободитъ ихъ отъ буйства ихъ дворянъ. Но рыцари напали на нихъ и произвели безжалостную рѣзню. Тысячи эстовъ были убиты подъ Ревелемъ. Вожди ихъ, взятые въ плѣнъ, были преданы мучительной смерти. Рыцари пошли отрядами по всей Эстляндіи, рѣзали людей, опустошали страну. Уцѣлѣвшіе эсты были порабощены. Прежде, многіе изъ нихъ были свободными поселянами; теперь всѣ они были отданы подъ безграничный произволъ господъ.

Датскій кароль, считавшій Эстляндію своею областью, оставилъ ее подъ управленіемъ Ордена до уплаты вознагражденія за издержки похода противъ инсургентовъ. Черезъ нѣсколько времени онъ пріѣхалъ въ Эстляндію, увидѣлъ, что опустошенная область не стоитъ выкупа, и 29 августа 1346 продалъ ее Ордену.

Новыя войны съ литовцами. Кёнигъ Вейцау 1341—1345.

Ольгердъ и Кейстутъ стали грозными врагами Ордена. Въ 1344 году, когда Іоаннъ, король богемскій, въ третій разъ пришолъ въ Пруссію воевать съ язычниками, литовцы напали на Самландію и Лифляндію, заставили гохмейстера Кёнига поспѣшно отступить изъ ихъ земли. Разсказы объ опустошеніи Лифляндіи Ольгердомъ, упреки нѣ-

мецкихъ гостей и орденскихъ рыцарей довели Кёнига до такого уныніе, что онъ въ декабрѣ 1345 сложилъ съ себя санъ гохмейстера и впалъ въ умственное разстройство. Его преемнику Дусмеру Арфбергу надобно было думать не о нападеніяхъ на литовцевъ, а только о защитѣ границъ отъ нихъ. Онъ разослалъ по Германіи, Франціи, Англіи просьбы о помощи; къ нему собралось столько крестоносцевъ, что онъ повелъ 40.000 воиновъ противъ язычниковъ. На рѣкѣ Стребѣ онъ 2 февраля 1348 одержалъ побѣду, какой давно не выигрывали нѣмецкіе рыцари. Число убитыхъ или утонувшихъ въ рѣкѣ литовцевъ и русскихъ простиралось до 18.000 человѣкъ. Но рыцари и крестоносцы тоже потерпѣли большой уронъ. Послѣ того война прекратилась. Арфбергъ занялся внутреннимъ устройствомъ государства, заботами о развитіи скотоводства, земледѣлія, торговли, и въ 1351 году сложилъ съ себя санъ, чтобы провести старость въ отдыхѣ.

Дусмеръ Арфбергъ 1345—1351.

Преемникомъ его былъ Винрихъ Книпроде, выказавшій себя умнымъ, честнымъ, энергичнымъ человѣкомъ въ должностяхъ комтура и орденскаго маршала, храбрый воинъ и благоразумный правитель, какого требовало тогда тяжелое положеніе государства. Въ Пруссіи свирѣпствовала черная смерть; кромѣ того населеніе страдало отъ землетрясеній и наводненій, промышленность и торговля остановились. Винрихъ старался облегчать бѣдствія народа; они миновали; въ городахъ ожила дѣятельность. Винрихъ совѣтовалъ горожанамъ учиться военному дѣлу, и новое поколѣніе ихъ выросло способнымъ обороняться отъ враговъ; сила государства увеличивалась.

Винрихъ Книпроде 1351—1382.

Маріенбургъ.

Памятникомъ того времени остался Маріенбургъ, о которомъ Трейчке говоритъ: „Этотъ замокъ—прекраснѣйшее сооруженіе нѣмецкой мірской архитектуры среднихъ вѣковъ. Уже давно стояло на холмѣ у Ногата укрѣпленіе, въ которомъ находился дворецъ гохмейстера. Колоссальный мозаичный образъ Богоматери показывалъ, что это столица церковнаго государства. Подлѣ прежняго мрачнаго дворца при Винрихѣ былъ построенъ другой великолѣпный, но строгостью своего стиля свидѣтельствующій о военномъ характерѣ церковнаго государства. Подземные корридоры показываютъ, что и при этой постройкѣ были приняты въ соображеніе надобности обороны“.

Война съ литовцами.

Когда Орденъ оправился отъ бѣдствій, онъ возобновилъ нападенія на литовцевъ. Орденскій маршалъ Геннингъ Шиндекопфъ въ 1361 году взялъ въ плѣнъ Кейстута. Орденское правительство держало плѣнника въ темницѣ; но черезъ нѣсколько времени онъ бѣжалъ, переодѣвшись рыцаремъ. Въ 1362 году была взята Кауна (Ковно) языческая крѣпость, въ которой находился храмъ; литовцы оборонялись упорно; нѣмцы, взявъ Кауну, зажгли ее; сотни язычниковъ и многіе рыцари, смѣшавшіеся съ ними въ рукопашномъ бою, погибли въ пламени или были задавлены обрушившимися стѣнами. Въ 1370 году рыцари одержали (17 февраля) при селеніи Рунеау большую побѣду надъ Ольгердомъ и Кейстутомъ. Но она не доставила имъ прочнаго перевѣса надъ литовцами; они только опустошали литовскую страну, жгли селенія, рѣзали людей, уводили толпы народа въ рабство; сдѣлать завоеваній не могли.

Междоусобія литовскихъ князей.

Въ 1377 Ольгердъ или умеръ, или удалился въ монастырь. Онъ назначилъ великимъ княземъ литовскимъ своего любимаго сына Ягала (Ягелла) и далъ слишкомъ незначительные удѣлы другимъ сыновьямъ. Изъ этого произошли междоусобія. Ягелло, властолюбивый и коварный, хотѣлъ отнять у своего дяди, Кейстута, его владѣнія и въ 1380 году заключилъ на Даудискенскомъ полѣ тайный договоръ съ гохмейстеромъ Ордена для общаго нападенія на Кейстута. Но Кейстутъ узналъ объ этомъ коварствѣ, неожиданно напалъ на Ягелла въ его столицѣ Вильнѣ, взялъ его въ плѣнъ. Скиргалъ (Скиргелло), братъ Ягелла, поѣхалъ въ Пруссію просить помощи Ордена, обѣщалъ, что и онъ и Ягелло крестятся. Сынъ Кейстута Витольдъ, любившій Ягелла, упросилъ отца возвратить ему всѣ владѣнія. Кейстутъ оставилъ за собой только Вильну. Ягелло обѣщался дядѣ отказаться отъ союза съ Орденомъ. Но въ 1382, когда Кейстутъ былъ далеко на войнѣ, Ягелло овладѣлъ Вильной, разбилъ Витольда, соединился съ пришедшимъ въ Литву орденскимъ войскомъ, обольстилъ Кейстута коварными обѣщаніями, вѣроломно схватилъ его, заковалъ въ цѣпи, бросилъ въ темницу; однажды утромъ увидѣли его тамъ убитымъ. По однимъ извѣстіямъ, онъ самъ убилъ себя, по другимъ, велѣлъ убить его Ягелло. Онъ былъ по старому обычаю сожженъ на кострѣ, одѣтый въ латы, съ оружіемъ, любимыми лошадьми и собаками. Ягелло убилъ и жену Кейстута, Бируту, и многихъ знатныхъ литовцевъ, бывшихъ приверженцами его, а Витольда держалъ въ темницѣ.

Характеръ Винриха.

Винрихъ умеръ 24 іюня 1382 года. Онъ правилъ Орденомъ болѣе 30 лѣтъ и пріобрѣлъ славу успѣхами въ войнахъ съ язычниками литовцами, заботами о земледѣліи, торговлѣ, благосостояніи, нравственности, образованіи народа. Лѣтописецъ говоритъ: «Во времена Винриха Прусскій Орденъ украшался многими благородными и мудрыми братьями (рыцарями), такъ что находился какъ бы въ процвѣтаніи мудростью, добрыми нравами, мужествомъ, славою, богатствомъ и прекрасными рыцарями, такъ что тогда не было конвента (орденскаго дома), въ которомъ не находилось бы брата или двухъ, которые по мудрости и честности не были бы достойны быть гохмейстерами».— Мы сдѣлаемъ здѣсь очеркъ устройства и быта Нѣмецкаго ордена.

Устройство Ордена.

Рыцари Нѣмецкаго ордена давали монашескіе обѣты цѣломудрія, послушанія и бѣдности. Главою Ордена былъ избираемый старшими рыцарями гохмейстеръ, который въ важныхъ дѣлахъ долженъ былъ поступать по рѣшенію орденскаго капитула. Онъ имѣлъ санъ князя, но былъ подчиненъ контролю капитула и сановника, управлявшаго орденскими владѣніями въ

Германіи и называвшагося германскимъ правителемъ Ордена, Deutschmeister. Для рѣшенія дѣлъ, касавшихся не одной Пруссіи, а всего Ордена нѣмецкаго были приглашаемы гохмейстеромъ на собранія капитула правители лифляндскаго и нѣмецкаго отдѣловъ Ордена, ихъ комптуры и другіе главные сановники, и главные сановники прусскаго орденскаго государства. Но когда рѣшались дѣла, относившіяся только къ прусскому государству Ордена, капитулъ составляли только прусскіе сановники. Это собраніе называлось областнымъ капитуломъ; то собраніе, въ которомъ засѣдали вмѣстѣ съ прусскими германскіе и лифляндскіе сановники, называлось общимъ капитуломъ. Ему былъ подчиненъ гохмейстеръ; оно могло лишать его сана; оно издавало законы, назначало на всѣ важнѣйшія должности, контролировало администрацію, было верховнымъ судомъ. Обыкновенно оно собиралось разъ въ годъ. Для суда надъ гохмейстеромъ орденскій капитулъ былъ собираемъ правителемъ германскихъ владѣній Ордена.

Высшіе сановники Ордена.

Помощниками гохмейстера были „верховные повелители“ oberste Gebietiger, назначаемые гохмейстеромъ на годъ съ согласія капитула. Ихъ было пять: 1, Великій комтуръ, жившій въ гохмейстерскомъ дворцѣ и бывшій комтуромъ маріэнбургскаго орденскаго дома. Онъ завѣдовалъ финансами, заготовкой съѣстныхъ припасовъ, постройкой и ремонтомъ замковъ. Онъ былъ непосредственнымъ помощникомъ гохмейстера и намѣстникомъ его, во время его отсутствія; 2, верховный маршалъ, комтуръ кёнигсбергскаго орденскаго дома, завѣдовалъ военнымъ управленіемъ Ордена; 3, верховный госпитальникъ Oberstspittler, завѣдовалъ госпиталями. Нѣмецкій орденъ былъ учрежденъ для попеченія о больныхъ и раненныхъ паломникахъ и рыцаряхъ въ Палестинѣ; потому завѣдываніе больницами оставалось дѣломъ одного изъ важнѣйшихъ сановниковъ его; великій госпитальникъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ комтуръ эльбингскій; 4, Верховный гардеробмейстеръ Oberstlrappier завѣдовалъ одеждой и аммуниціей орденскаго войска; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ комтуръ кристбургскій; 5, Орденскій казначей Ordenstressler былъ товарищемъ великаго комтура по завѣдыванію орденской казной. Были еще два высшіе сановника, называвшіеся великими покупщиками Grossschäffer; одинъ изъ нихъ жилъ въ Маріэнбургѣ, другой въ Кёнигсбергѣ; они покупали все надобное для Ордена, завѣдовали его обширной торговлей и въ частности продажей янтаря и хлѣба за границу, покупкой колоніальныхъ товаровъ: сукна и полотна.

Конвенты и комтуры.

Въ каждомъ городѣ или замкѣ, гдѣ находились рыцари, они жили въ орденскомъ домѣ, который назывался конвентомъ. Правителемъ этого дома былъ комтуръ; онъ имѣлъ помощниковъ, завѣдывавшихъ отдѣльными частями хозяйства. При конвентѣ находились орденскіе священники.

Образъ жизни рыцарей.

Въ Орденъ принимались нѣмцы благороднаго происхожденія, не моложе 14 лѣтъ, физически здоровые и безупречные по нравственности. Вступающему въ Орденъ были предлагаемы четыре вопроса: не далъ ли онъ обѣщанія принадлежать къ другому Ордену; не женатъ ли онъ или не далъ ли обѣщанія жениться, и не слуга ли онъ какого нибудь господина; не имѣетъ ли онъ долговъ на себѣ; не имѣетъ ли онъ какой нибудь незамѣтной для глазъ болѣзни. Принимаемый въ рыцари произносилъ присягу: „Обѣщаю цѣломудріе моей жизни и быть безъ собственности, послушаніе Богу, Пресвятой Дѣвѣ и вамъ, гросмейстеру Нѣмецкаго ордена, что я хочу быть вамъ послушенъ до моей смерти“. По произнесеніи присяги были освящаемы мечъ и орденская одежда новаго брата (рыцаря). Для него начиналась жизнь суроваго самоотреченія. Значительную часть дня рыцари проводили въ молитвѣ. Образъ жизни въ орденскомъ домѣ былъ простой, правила его были строгія; всѣ рыцари носили орденскую одежду, бѣлый плащъ съ нашитымъ на него чернымъ крестомъ; всякое щегольство въ

одеждѣ и оружіи, всякое отступленіе отъ формы было воспрещено. Даже фасонъ стрижки волосъ и бороды былъ предписанъ уставомъ. Всѣ ѣли за общимъ столомъ; пища была простая. Сидящіе за столомъ молчали; передъ обѣдомъ читалась молитва; во время обѣда проповѣдь, послѣ обѣда опять молитва. Рыцари спали въ одной комнатѣ; перины были воспрещены.

Отступленія отъ устава.

По уставу Ордена рыцари должны были жить какъ монахи; но какъ и въ монастыряхъ, въ орденскихъ домахъ жизнь получила не такой характеръ, какъ велѣлъ уставъ. Мы читаемъ въ современныхъ извѣстіяхъ порицанія безнравственности рыцарей; походы и вліяніе гостей подрывали уставъ; богатство произвело роскошь; рыцари веселились въ городахъ; ихъ распутство создало поговорку: «запирай дверь отъ орденскихъ рыцарей». Одинъ изъ лѣтописцевъ Ордена говоритъ: «За обѣдами у рыцарей только и было рѣчи, что о красивыхъ женщинахъ и хорошихъ лошадяхъ».

Правленіе государствомъ.

Орденъ былъ владѣтелемъ государства, гохмейстеръ государемъ. Во всѣхъ важныхъ правительственныхъ дѣйствіяхъ гохмейстеръ былъ обязанъ испрашивать согласія Ордена. Пять высшихъ сановниковъ составляли правительственный совѣтъ гохмейстера и были его министрами. Округами управляли комтуры; они раздавали земли поселенцамъ, собирали орденскіе доходы, завѣдовали военнымъ дѣломъ, были судьями.

Отношенія Ордена къ его подданнымъ.

Отношенія Ордена къ его подданнымъ были тяжелы для нихъ; это послужило одной изъ причинъ его упадка. Дворянство, духовенство, горожане не часто бывали въ ссорахъ съ Орденомъ. Архіепископъ рижскій очень долго находился въ ожесточенной враждѣ съ нимъ. Часто архіепископъ и граждане Риги вступали въ союзъ съ литовцами и въ рижскихъ церквахъ совершались молебствія о томъ, чтобы рыцари Ордена были истреблены литовцами. Орденъ часто ссорился и съ прусскими епископами.—Города орденскаго государства: Данцигъ, Кенигсбергъ, Эльбингъ, Торнъ, Кульмъ, Браунсбергъ вели большую торговлю моремъ или съ Россіей; они разбогатѣли. Орденъ сначала былъ милостивъ и благоразуменъ относительно городовъ: они пользовались самоуправленіемъ. Но скоро онъ сталъ притѣснять ихъ, напримѣръ онъ требовалъ себѣ участія во всѣхъ выгодахъ, какія давала прусскимъ городамъ ихъ торговля въ факторіяхъ ганзейскаго союза, членами котораго они были, но не хотѣлъ подчиняться ганзейскимъ законамъ; это порождало много ссоръ между правительствомъ ганзейскаго союза и принадлежавшими къ союзу прусскими и лифляндскими городами. Орденъ говорилъ, что въ случаяхъ несостоятельности купцовъ, бывшихъ его должниками, долги ихъ ему должны быть удовлетворяемы прежде разсчета уплаты по другимъ долгамъ. Онъ имѣлъ право быть первымъ покупателемъ товаровъ на рынкахъ своего государства и часто злоупотреблялъ этимъ: закупалъ всѣ товары и перепродавалъ ихъ купцамъ съ надбавкой цѣны. Орденское правительство стало держать себя относительно городовъ высокомѣрно, сурово. Они были постоянно недовольны имъ.

Искусства и наука въ орденскомъ государствѣ.

Орденское государство непрерывно вело войны, потому не было страной удобной для развитія умственной дѣятельности. Рыцари вообще были люди необразованные. Но благодаря заботамъ нѣкоторыхъ гохмейстеровъ и любви богатыхъ горожанъ къ просвѣщенію, проникали въ Пруссію искусства и наука. Въ орденскомъ государствѣ строились прекрасныя зданія; по Вислѣ и Ногату были произведены громадныя гидравлическія сооруженія, регулировавшія теченіе рѣкъ. Винрихъ основалъ въ Маріэнбургѣ юридическую

школу. Прусскіе лѣтописцы занимаютъ довольно высокое мѣсто въ тогдашней плохой нѣмецкой исторической литературѣ. Замѣчательнѣйшая изъ хроникъ Нѣмецкаго ордена написана Петромъ Дусбургомъ. Въ половинѣ XIV вѣка Николай Іерошинъ перевелъ ее риѳмованными стихами на нѣмецкій языкъ. Орденскій рыцарь Вигандъ Марбургъ написалъ ея продолженіе. Хронику позднѣйшихъ временъ написалъ Линденблатъ (по другой своей фамиліи Пузильге). „Хроника гохмейстеровъ“ написана плохо, но разсказъ ея подробенъ. Другія отросли литературы почти вовсе не имѣли представителей въ орденскомъ государствѣ.

b) эпоха борьбы съ польшей.

Цельнеръ Ротенштейнъ 1382—1390.

Когда по смерти Винриха былъ выбранъ гохмейстеромъ Конрадъ Цельнеръ Ротенштейнъ, въ Польшѣ и Литвѣ произошли событія, имѣвшія громадное значеніе для судьбы Ордена. Въ 1382 году Витольдъ, переодѣвшись въ женское платье, бѣжалъ при помощи своей жены изъ темницы и нашелъ себѣ пріютъ у родственника, князя мазовскаго. Ягелло боялся его и кромѣ того опасался нападенія татаръ; потому желалъ пріобрѣсти себѣ помощь Ордена, уступилъ ему половину Жмудской земли, обязался четыре года посылать ему вспомогательное войско и до истеченія этого срока креститься. Послѣ того пріѣхалъ въ Пруссію Витольдъ просить, чтобъ Орденъ помогъ ему завоевать отцовское княжество. Ягелло не исполнялъ своихъ обѣщаній, потому Орденъ заключилъ союзъ съ Витольдомъ и княземъ мазовскимъ. Витольдъ крестился и обѣщалъ быть вассаломъ Ордена. Жмудины собрались къ Витольду, гохмейстеръ въ 1383 году пошелъ съ нимъ въ Литву. Они сожгли Вильну. Но событія, произощедшія въ Польшѣ, дали войнѣ оборотъ неблагопріятный для Ордена. Поляки предложили Ягеллу руку своей королевы Ядвиги. Чтобъ упрочить свое положеніе въ Польшѣ, онъ хотѣлъ возстановить спокойствіе въ Литвѣ, отдалъ Витольду княжество его отца; Витольдъ перешелъ на сторону Ягелла, неожиданно напалъ въ 1384 году на два орденскіе замка, изрубилъ ихъ гарнизоны, считавшіе его еще союзникомъ. Литовцы осадили Маріэнвердеръ; многочисленный гарнизонъ послѣ геройской обороны сдалъ этотъ замокъ Ягеллу. Польскіе вельможи принудили Ядвигу согласиться на бракъ съ Ягелломъ. Орденъ понималъ, какой опасностью угрожаетъ ему соединеніе литовскихъ силъ съ польскими, просилъ западные народы о помощи, но не получилъ ея и принужденъ былъ вербовать наемниковъ. Гохмейстеру будто въ насмѣшку было прислано приглашеніе въ Краковъ на праздники крещенія и женитьбы Ягелла. Праздники еще длились, когда орденское войско пошло опустошать Литву.

Витольдъ снова перешелъ на сторону Ордена; потому что Ягелло не исполнилъ своихъ обѣщаній ему, держалъ его подъ надзоромъ, какъ плѣнника, назначилъ великимъ княземъ литовскимъ своего брата Скиргелла, человѣка очень грубаго и буйнаго. Ушедши изъ-подъ

надзора, Витольдъ въ 1390 году возобновилъ обѣщаніе быть вассаломъ Ордена. Жмудины оставались вѣрны ему. Большое орденское войско вмѣстѣ съ нимъ пошло въ Литву. Въ числѣ крестоносцевъ, пріѣхавшихъ участвовать въ этомъ походѣ, находились графъ Генри Дербійскій, сынъ герцога ланкастерскаго, сдѣлавшійся впослѣдствіи королемъ англійскимъ, и маршалъ Бусико, который уже раньше два раза пріѣзжалъ сражаться съ литовцами. Рыцари и Витольдъ осадили Вильну, штурмовали, но не могли взять ее; орденское войско, свирѣпо опустошивъ Литву, вернулось въ началѣ осени домой.

Валленродъ 1391—1393.

Цельнеръ умеръ 20 августа 1390 года; въ слѣдующемъ году былъ выбранъ гохмейстеромъ франконскій вельможа Конрадъ Валленродъ, бывшій при Цельнерѣ великимъ комтуромъ. Положеніе Ордена было очень опасно. Миръ съ Польшей былъ невозможенъ; Ягелло и Орденъ готовились къ рѣшительной борьбѣ. Витольдъ при помощи Ордена одерживалъ успѣхи; Ягелло предложилъ ему санъ великаго князя литовскаго; онъ въ 1392 году снова измѣнилъ Ордену, неожиданно напалъ на прусскіе замки, взялъ въ плѣнъ ихъ гарнизоны; гохмейстеръ, уклонявшійся отъ войны съ Польшей, увидѣлъ, что она неизбѣжна, пересталъ заботиться о поддержаніи мира съ поляками, взялъ у Владислава, герцога оппельнскаго, въ залогъ за данные ему деньги Добржинскую землю. Ягелло, называвшій ее польскимъ леномъ, былъ страшно раздраженъ этимъ.

Во время приготовленій къ рѣшительной борьбѣ съ поляками Конрадъ Валленродъ умеръ отъ горячки (25 іюля 1393). Въ часы его смерти свирѣпствовала буря. Горячку и бурю монахи-лѣтописцы называютъ дѣлами діавола, овладѣвшаго душою Валленрода. Они чрезвычайно дурно говорятъ объ этомъ гохмейстерѣ, который былъ въ дѣйствительности хорошимъ правителемъ; духовенство ненавидѣло его за скупость къ церквамъ и за свободный образъ мыслей по религіознымъ вопросамъ.

Въ то время пользовалась очень большимъ уваженіемъ въ Пруссіи монахиня Доротея, подвергавшая себя мучительнымъ самоистязаніямъ и наконецъ велѣвшая, чтобъ ее живую замуровали. Она была причислена къ лику святыхъ. Монахи ставили въ большое преступленіе Валленроду то, что онъ не выказывалъ уваженія къ Доротеѣ.

Конрадъ Юнгингенъ 1393—1407.

Гохмейстеромъ былъ выбранъ Конрадъ Юнгингенъ, швабскій вельможа, человѣкъ миролюбивый и набожный. Война возобновилась въ 1394 году, но онъ желалъ прекратить ее, велъ переговоры съ Ягелломъ и Витольдомъ. Въ 1398 году Витольдъ, опасавшійся Ягелла и тѣснимый татарами, заключилъ съ Орденомъ миръ, по которому уступилъ ему Жмудскую землю.

Покупка Новой марки.

Миръ съ Витольдомъ былъ непродолжителенъ. Жмудины были раздражены обременительнымъ владычествомъ Ордена. Витольдъ пошелъ въ

Жмудскую землю, населеніе возстало противъ рыцарей; Витольдъ прогналъ ихъ. Война свирѣпствовала до 1404 года, когда былъ заключенъ миръ, по которому Добржинская земля была возвращена Польшѣ, Жмудь Ордену. Гохмейстеръ купилъ около этого времени Новую марку у Сигизмунда, который уже давно желалъ продать ему эту отдаленную и обѣднѣвшую область. Гохмейстеръ въ іюлѣ 1404 отчасти въ угожденіе Сигизмунду, отчасти по опасенію, что онъ отдастъ эту землю полякамъ, взялъ ее въ залогъ за ссуду, данную Сигизмунду. Около того же времени Орденъ купилъ замокъ Дризенъ у Ульриха Оста, предки котораго признавали себя иногда вассалами Польши, иногда вассалами Бранденбурга. Эти пріобрѣтенія запутали Орденъ въ новые споры съ королемъ польскимъ.

Положеніе дѣлъ въ Пруссіи. Союзъ Ящерицъ.

Орденское государство казалось благоустроеннымъ и сильнымъ. Доходы Ордена были очень велики. Земледѣліе и торговля въ Пруссіи достигали большого развитія. Споры Ордена съ прусскими епископами были рѣшены въ пользу его. Но подъ внѣшнимъ благоустройствомъ скрывались отношенія, подрывавшія основу силъ Ордена. Подданные его были враждебны ему; они состояли изъ дворянъ, большею частью нѣмецкихъ переселенцевъ, горожанъ, свободныхъ земледѣльцевъ и пруссовъ, обращенныхъ въ крѣпостное состояніе. Торговые города, принадлежавшіе къ ганзейскому союзу, были враждебны Ордену, потому что онъ самъ велъ торговлю. Дворянство негодовало на высокомѣріе рыцарей. Между дворянами возникло общество, называвшееся Союзомъ Ящерицъ; члены его давали обѣщаніе помогать другъ другу оружіемъ противъ всѣхъ притѣснителей; была прибавлена оговорка, что это не относится къ защитѣ отъ правительства; но Орденъ подозрѣвалъ, что союзъ имѣетъ цѣлью низвергнуть его владычество.

Конрадъ Юнгингенъ умеръ 30 марта 1407. Умирая, онъ просилъ высшихъ сановниковъ Ордена не выбирать гохмейстеромъ его брата Ульриха, бывшаго тогда орденскимъ маршаломъ. Ульрихъ былъ очень отважный воинъ, и Конрадъ опасался, что онъ вовлечетъ Орденъ въ бѣды. Но сановники Ордена избрали гохмейстеромъ Ульриха.

Ульрихъ Юнгингенъ 1407—1401.

Положеніе Ордена было очень опасно. Ягелло былъ раздраженъ покупкой Новой марки и Дризена и уступкой Жмуди. На границахъ съ Польшей и Литвой постоянно возникали ссоры. Дворяне Новой марки негодовали на суровое владычество Ордена, и многіе изъ нихъ вошли въ сношеніе съ Ягелломъ. Рѣшительная война приближалась. Витольдъ, которому Орденъ снова довѣрялъ, возмутилъ противъ него жмудиновъ. Въ 1409 году Орденъ увидѣлъ, что война неотвратима, и началъ военныя дѣйствія, желая не дать Ягеллу времени кончить его приготовленія. Войско Ордена пошло въ Добржинскую землю. Король Венцель убѣдилъ Орденъ и Ягелла заключить перемиріе; но Орденъ и Ягелло отсрочили войну только для того, чтобъ набрать больше войскъ. По окончаніи перемирія Ягелло и Витольдъ пошли въ Пруссію. У Витольда были татарскіе отряды; они свирѣпствовали съ безпощаднымъ звѣрствомъ. Въ іюлѣ 1410 г. при взятіи Гильгенбурга мужчины были перерѣзаны, женщины изнасилованы; церковь, въ которой укрылась часть населенія, была сожжена. По окончаніи грабежа былъ сожженъ и городъ.

Битва при Танненбергѣ.

Нѣмцы сошлись на рѣшительную битву съ поляками и литовцами при Танненбергѣ 15 іюля 1410 г. Въ средніе вѣка было мало такихъ ожесточенныхъ и кровопролитныхъ битвъ. Войско Ордена имѣло 80.000 человѣкъ, войско Ягелла, въ которомъ находились кромѣ поляковъ, литовцевъ и жмудиновъ русскіе и татары, было вѣроятно вдвое многочисленнѣе. Ягелло опасался пораженія; Витольдъ надѣялся на побѣду. Въ началѣ битвы войско Витольда было оттѣснено нѣмцами, пришло въ разстройство; рыцари уже начинали опрокидывать и поляковъ, запѣли пѣсню побѣды: «Христосъ воскресе»; но межь тѣмъ какъ лѣвое крыло нѣмецкаго войска преслѣдовало бѣгущихъ литовцевъ, на правое крыло пошли польскіе резервы. Нѣмцы бились отчаянно, но были опрокинуты врагами, превосходившими ихъ числомъ, и къ вечеру битва кончилась полнымъ пораженіемъ ихъ. Комтуры и лучшіе рыцари были убиты; гохмейстеръ, котораго убѣждали удалиться изъ битвы, сказалъ: «когда столько храбрыхъ людей пало подлѣ меня, не уѣду»; былъ убитъ и онъ. Позднимъ вечеромъ остатки орденскаго войска начали отступленіе, на полѣ битвы лежали болѣе 200 рыцарей и 40.000 ихъ воиновъ. Уронъ побѣдителей былъ не менѣе великъ.

Танненбергское пораженіе не имѣло бы такихъ потрясающихъ послѣдствій, если бы не были гнилы основы орденскаго государства. Прусское дворянство, духовенство, горожане ненавидѣли владычество надменной орденской аристократіи, измѣна помогла полякамъ.

Покореніе Пруссіи поляками.

Казалось, что орденское государство рушилось. На воззваніе Ягелла, приглашавшаго населеніе Пруссіи покориться ему, епископы, дворянство и города отвѣчали заявленіями покорности. Упавшіе духомъ орденскіе коменданты замковъ сдавали ихъ и уѣзжали изъ Пруссіи. Орденская хроника говоритъ: «Никогда не слыхано ни въ какой землѣ о такой великой невѣрности и такой быстрой перемѣнѣ, какъ эта земля покорилась королю въ одинъ мѣсяцъ; накажи ихъ Богъ за это».

Генрихъ Плауэнъ. 1410—1413.

Но остался одинъ изъ орденскихъ сановниковъ, Генрихъ Рейсъ Плауэнъ не упалъ духомъ. Плауэны были очень знатные люди; многіе изъ нихъ поступали въ нѣмецкіе рыцари и славились суровой храбростью. При извѣстіи о танненбергской битвѣ Генрихъ Плауэнъ, бывшій тогда комтуромъ въ замкѣ Швецѣ, собралъ небольшой отрядъ и пошелъ изъ Помераніи на оборону Маріэнбурга, къ которому подступали поляки. У него не было силъ, чтобы защищать городъ Маріэнбургъ; онъ перевелъ жителей въ замокъ и сжегъ городъ. Поляки осадили замокъ; защитники его отбивались храбро. Осаждающіе

не получили подвоза хлѣба, страна кругомъ была опустошена, въ ихъ войскѣ стали свирѣпствовать голодъ и болѣзни; изъ Лифляндіи шли орденскія войска, въ самой Пруссіи оробѣвшіе рыцари ободрились. Войско Ягелла съ каждымъ днемъ уменьшалось отъ болѣзней; Витольдъ и мазовскія войска ушли; въ сентябрѣ, черезъ два мѣсяца послѣ начала осады, ушелъ и Ягелло, получивъ извѣстіе о вторженіи венгровъ въ Польшу. Рыцари быстро овладѣли почти всѣми городами и замками своего государства и выбрали гохмейстеромъ Генриха Плауэна. Онъ 1 февраля 1411 заключилъ съ Ягелломъ торнскій договоръ, по которому король возвратилъ Ордену всѣ прусскіе замки, какіе еще оставались заняты поляками; Орденъ уступилъ Витольду жмудскую землю, но съ тѣмъ, что по смерти его и Ягелла она снова перейдетъ подъ орденскую власть, и обязался уплатить Ягеллу 100.000 марокъ (или по тогдашнему выраженію шоковъ грошей) въ выкупъ за плѣнныхъ и въ вознагражденіе за военные расходы.

Оппозиція Плауэну и Ордену въ Пруссіи.

Такимъ образомъ погибель была отвращена; но орденское государство утратило свое могущество. Для уплаты денегъ польскому королю, гохмейстеръ обложилъ податью всѣхъ подданныхъ, даже и духовенство; онъ конфисковалъ имущество измѣнившихъ Ордену дворянъ, бралъ большіе денежные штрафы съ измѣнившихъ городовъ, взялъ серебряную утварь изъ церквей, бралъ деньги взаймы, извлекалъ доходъ изъ чеканки монеты, замѣняя прежнюю хорошую дурной; деньги были нужны, гохмейстеръ сурово собиралъ ихъ. Это возбуждало большую вражду къ Ордену. Граждане Данцига, издавна ненавидѣвшіе Орденъ, отказались платить налогъ. Гохмейстеръ блокировалъ городъ, остановилъ его торговлю; Данцигъ покорился, но остался враждебенъ Ордену. Данцигскій комтуръ, братъ гохмейстера, заманилъ обоихъ бургомистровъ города въ замокъ, велѣлъ казнить ихъ и одного изъ ратмановъ. Члены Союза Ящерицъ составили заговоръ арестовать или убить суроваго гохмейстера. У него было много враговъ и между рыцарями. Однимъ изъ заговорщиковъ былъ реденскій комтуръ Вирсбертъ. Гохмейстеръ узналъ о заговорѣ, казнилъ Николая Рениса, руководителя Союза Ящерицъ, бросилъ Вирсберга въ темницу; другіе заговорщики бѣжали въ Польшу.

с) раздоры въ Пруссіи. торнскій миръ.

Государственный совѣтъ.

Съ Польшею не было тогда войны, но миръ плохо соблюдался. Орденское государство падало. Казна Ордена была пуста. Наемники, не получавшіе жалованья, и другіе кредиторы требовали денегъ, платить имъ было нечѣмъ; гохмейстеръ, вынужденный крайностью, обратился къ содѣйствію подданныхъ Ордена и 28 октября 1412 учредилъ государственный совѣтъ, членами котораго назначилъ, кромѣ высшихъ сановниковъ Ордена, 20 человѣкъ дворянъ и 27 горожанъ.

Гохмейстеръ объявилъ, что безъ согласія этого собранія не могутъ быть установляемы новыя подати, предпринимаемы войны, заключаемы союзы, что вообще оно будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла. Это было нарушеніемъ орденскаго устава, воспрещавшаго допускать мірянъ къ участію въ управленіи. Но того требовала необходимость, потому что Ордену были нужны громадныя пожертвованія, со стороны подданныхъ.

Низложеніе Генриха Плауэна.

Многіе рыцари были недовольны ограниченіемъ прежняго полновластія Ордена надъ подданными. Высшіе орденскіе сановники роптали на то, что Плауэнъ не совѣтуется съ ними, совѣщается о дѣлахъ только съ своимъ братомъ, комтуромъ данцигскимъ, и личными своими друзьями, говорили, что онъ держитъ себя, какъ повелитель Ордена. Отношенія къ Польшѣ становились все хуже, гохмейстеръ готовился къ войнѣ; это требовало новыхъ пожертвованій отъ рыцарей и увеличивало ропотъ. Вождемъ недовольныхъ былъ орденскій маршалъ Михаилъ Кюхмейстеръ Штернбергъ, желавшій стать гохмейстеромъ. Большинство высшихъ сановниковъ Ордена было на его сторонѣ. Онъ въ собраніи орденскаго капитула выступилъ съ формальнымъ объявленіемъ противъ Плауэна, говорилъ, что гохмейстеръ презираетъ коллегію высшихъ орденскихъ сановниковъ, обременяетъ государство налогами, хочетъ войны, которая погубитъ государство; что онъ призвалъ крестоносцевъ и набралъ наемниковъ безъ вѣдома высшихъ орденскихъ сановниковъ, чеканитъ дурную монету, совѣщается съ астрологами и, по ихъ совѣту, возсталъ противъ Бога и закона. Большинство капитула составляли враги и завистники Плауэна; высшіе орденскіе сановники были старики, желавшіе спокойствія, отвага Плауэна пугала ихъ; всѣ тяготились его самовластіемъ, и 14 октября 1413 капитулъ низложилъ Плауэна, выбралъ гохмейстеромъ Штернберга. Плауэну дали должность комтура энгельсбургскаго. Онъ былъ раздраженъ, вступилъ въ сношенія съ королемъ польскимъ; его измѣна была открыта; его посадили въ темницу. Онъ томился тамъ 15 лѣтъ. Братъ его, соучастникъ измѣны, бѣжалъ въ Польшу и сталъ служить королю въ войнахъ съ Орденомъ.

Штернбергъ 1413—1422.

Война съ Польшей.

Орденскіе сановники въ почтительныхъ выраженіяхъ сообщили польскому королю, что низложили гохмейстера Плауэна за его намѣреніе воевать съ Польшей; но король остался враждебенъ Ордену и въ 1414 году напалъ на Пруссію. Не встрѣчая сопротивленія въ открытомъ полѣ, онъ опустошалъ страну, жегъ селенія; орденскія войска ограничивались оборономъ замковъ. Въ Пруссіи свирѣпствовали голодъ и повальныя болѣзни; Орденъ имѣлъ мало воиновъ, кромѣ наемниковъ, на жалованье которымъ не было денегъ. Война тянулась нѣсколько лѣтъ, народъ умиралъ съ голода. Даже богатые торговые города обѣднѣли. По дорогамъ ходили шайки разбойниковъ. Штернбергъ, одряхлѣвшій и больной, сложилъ съ себя въ мартѣ 1422 года санъ гохмейстера.

Русдорфъ 1422—1441.

Гохмейстеромъ былъ выбранъ Поль Русдорфъ, котораго лѣтописцы называютъ человѣкомъ умнымъ, миролюбивымъ, добрымъ. Черезъ нѣ-

сколько лѣтъ онъ освободилъ Генриха Плауэна, который прожилъ послѣ того еще восемъ лѣтъ въ своемъ замкѣ.

Въ іюлѣ 1422 года, вскорѣ по избраніи Русдорфа гохмейстеромъ, король польскій и Витольдъ вошли въ Пруссію. Орденскія войска и теперь ограничивались защитой замковъ, не выходили на битву, поляки и литовцы безпощадно опустошали Пруссію. Гохмейстеръ принужденъ былъ заключить миръ, по которому уступилъ Витольду Жмудь и Судавію, Польшѣ весь правый берегъ Вислы отъ устья Древенца до Померелліи. Границею была назначена средина русла рѣки, такъ что нѣкоторые острова тоже отошли къ Польшѣ. Договоръ этотъ былъ подписанъ у озера Мельна въ сентябрѣ 1422. Многіе рыцари осуждали трусость гохмейстера, потому что въ это время шли на помощь Ордену войска Сигизмунда и нѣмецкихъ князей. Правитель владѣній Ордена въ Германіи писалъ Русдорфу: «Имперскіе князья приняли съ очень большой тяжестью, что нашъ Орденъ противился врагамъ такъ вяло и негодно»; но ужасное опустошеніе страны, безнадежность сопротивленія, совершенное разстройство государства извиняли постыдный миръ. Русдорфъ писалъ: «Ежедневно мы имѣемъ передъ глазами мучительную печаль ограбленныхъ, ежечасно приходящихъ къ намъ съ жалобными мольбами о помощи».

Война прекратилась, и казалось, что Пруссія получила возможность оправиться. Витольдъ, занятый войной на востокѣ своего государства, сталъ теперь искреннимъ другомъ Ордена, при содѣйствіи котораго надѣялся пріобрѣсти королевскую корону, свергнуть съ себя вассальскую зависимось отъ Польши. Въ походѣ на Псковъ находилось въ войскѣ Витольда много рыцарей. Но разстройство орденскаго государства было такъ велико, что силы его не возстановлялись.

Литовскія дѣла.

Ходъ дѣлъ въ Литвѣ постоянно имѣлъ громадное значеніе для Ордена. Витольдъ умеръ 27 ноября 1430; у него не было дѣтей; великимъ княземъ литовскимъ сталъ Свидригайло, братъ польскаго короля; желая получить отъ императора королевскій титулъ, онъ заключилъ въ 1431 году въ Кристмемелѣ союзъ съ Орденомъ и императоромъ, покровителемъ Ордена. Ягелло понялъ намѣреніе брата. Это повело къ возобновленію войны. Ягелло пошелъ въ Литву; три отряда орденскихъ войскъ вошли въ Польшу, стали опустошать ее. Узнавъ объ этомъ, Ягелло 2 сентября 1431 заключилъ перемиріе съ братомъ. Въ августѣ слѣдующаго года Свидригайло возобновилъ союзъ съ Орденомъ. Братъ Витольда Сигизмундъ напалъ на него, прогналъ его въ Лифляндію и былъ признанъ литовцами въ санѣ великаго князя. Но русское населеніе литовскаго княжества осталось вѣрно Свидригайлу; въ ноябрѣ, получивъ помощь отъ лифляндскаго орденскаго правителя, онъ напалъ на Сигизмунда, дошелъ до Вильны, но принужденъ былъ отступить, обѣщалъ отдать Ордену Полангенъ за присылку новыхъ подкрѣпленій. Король польскій разсердился на Орденъ. Война въ Литвѣ продолжалась и въ 1433 году.

Орденъ велъ войну въ Литвѣ; король польскій готовился къ войнѣ съ нимъ; князья мазовскіе, герцоги померанскіе и силезскіе были

союзниками короля; съ юга пришли въ іюнѣ 1438 въ Новую марку гуситы, опустошили ее, пошли подъ начальствомъ Чака дальше, соединились съ польскими и померанскими войсками, осадили въ іюлѣ Коницъ. Этотъ городъ храбро оборонялся. Простоявъ подъ нимъ нѣсколько недѣль, гуситы и союзники ихъ двинулись къ Данцигу, сожгли Диршау, въ которомъ погибло, какъ говорятъ, 10.000 человѣкъ, осадили Данцигъ, сожгли Оливскій монастырь и на память о своемъ походѣ почерпнули въ свои фляги воду Балтійскаго моря. Орденскія войска не выходили изъ замковъ; наемники Ордена не хотѣли сражаться и опустошали страну, не получая жалованья. Гохмейстеръ просилъ перемирія, оно было заключено въ половинѣ сентября; поляки и чехи ушли изъ Пруссіи; 15 декабря (1433 года) былъ заключенъ въ Брестѣ миръ съ Польшей на двѣнадцать лѣтъ. Орденъ уступилъ Польшѣ покоренныя королемъ крѣпости въ Новой маркѣ. Вскорѣ послѣ того Орденъ получилъ надежду оправиться, потому что 1 мая 1434 умеръ Ягелло, ожесточенный врагъ его.

Нападеніе гуситовъ на Пруссію.

Брестскій миръ.

Свидригайло, поддерживаемый орденскимъ лифляндскимъ правителемъ, продолжалъ войну противъ Сигизмунда, но 1 сентября 1435 былъ разбитъ имъ на рѣкѣ Свентѣ близъ Вилькомира. Орденъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ и 31 декабря 1435 въ Брестѣ заключилъ съ Польшей, Литвой и ихъ союзниками вѣчный миръ. Важнѣйшія условія договора были тѣ же, какъ въ мельнскомъ трактатѣ. Жмудь и Судавія остались за Польшей, Помереллія, Кульмская земля и Мехелаускій округъ за Орденомъ.

Раздоры въ Орденѣ.

По прекращеніи войны усилились раздоры въ Орденѣ. Прусскіе города и дворянство были очень недовольны Орденомъ. Правитель германскихъ владѣній Ордена, Саунсгеймъ, и другіе сановники германскаго отдѣла Ордена негодовали на унизительный миръ, отказывали ему въ утвержденіи, винили Русдорфа въ упадкѣ государства. Ландмейстеръ (орденскій правитель) Лифляндіи тоже не признавалъ брестскаго мира и оставался въ союзѣ съ Свидригайломъ. Саунсгеймъ созвалъ общій капитулъ Ордена въ его германскую столицу Мергентгеймъ и потребовалъ Русдорфа къ суду. Русдорфъ запретилъ прусскимъ орденскимъ сановникамъ ѣхать въ это собраніе капитула и объявилъ Саунсгейма лишеннымъ сана; но прусскіе сановники поѣхали въ Мергентгеймъ. Капитулъ послалъ Русдорфу новый вызовъ къ суду. Въ Лифляндіи тоже былъ раздоръ между орденскими рыцарями.

Мергентгеймскій капитулъ объявилъ Русдорфа низложеннымъ, лифляндская часть Нѣмецкаго ордена отказала въ повиновеніи низложенному гохмейстеру, въ Пруссіи владычествовало ожесточеніе противъ него. Въ 1489 году прусскіе города и дворянство потребовали отъ него мѣръ для облегченія бѣдствій; нѣкоторые изъ прусскихъ комтурствъ перестали признавать его гохмейстеромъ. Онъ бѣжалъ изъ Маріэнбурга. Дворяне и уполномоченные городовъ собрались въ Эльбингѣ и составили актъ, перечислявшій причины ихъ недовольства Орденомъ. Потомъ, 24 марта 1440 депутаты отъ двадцати одного города и многіе дворяне собрались въ Маріэнвердерѣ и учредили об-

Прусскій союзъ.

щество для защиты своихъ правъ; оно было названо прусскимъ союзомъ; къ нему присоединились почти всѣ города и дворяне Пруссіи; правительственная власть фактически перешла къ нему. Орденъ принужденъ былъ подчиняться его требованіямъ. Русдорфъ 2 января 1441 сложилъ съ себя санъ гохмейстера.

Конрадъ Эрлихсгаузенъ 1441—1449.

Гохмейстеромъ былъ выбранъ орденскій маршалъ Конрадъ Эрлихсгаузенъ, человѣкъ умный и твердый. Онъ озаботился о примиреніи орденскаго правительства съ подданными. Дворяне и мелкіе города были успокоены его благоразумными мѣрами; большіе города дольше ихъ оставались враждебны Ордену, но напослѣдокъ примирились съ нимъ и они.

Польша и Литва были тогда заняты войнами и волнуемы раздорами, потому оставляли Орденъ въ покоѣ. Но умирая, Эрлихсгаузенъ высказывалъ опасеніе, что Орденъ погибнетъ. Онъ совѣтовалъ не выбирать гохмейстеромъ его племянника Людвига. Но высшіе орденскіе сановники, получивъ согласіе Людвига на тѣ уступки, которыхъ требовали, выбрали его. Этими уступками власть гохмейстера была сильно ограничена. Людвигъ Эрлихсгаузенъ былъ человѣкъ бездарный и безхарактерный, пьяница и развратникъ.

Людвигъ Эрлихсгаузенъ 1449—1467.

Борьба съ Прусскимъ союзомъ.

Орденъ хотѣлъ отнять у своихъ подданныхъ участіе въ управленіи государствомъ, уничтожить Прусскій союзъ, жаловался на него папѣ; онъ вступилъ въ сношенія съ Польшей; споръ между нимъ и Орденомъ былъ переданъ на рѣшеніе императора. Нѣмецкіе государи находили дѣло Ордена справедливымъ; императоръ 1 декабря 1453 объявилъ Прусскій союзъ противозаконнымъ обществомъ и велѣлъ ему разойдтись. Онъ протестовалъ и рѣшился обороняться отъ орденскаго правительства силой оружія.

Война Прусскаго союза и короля польскаго съ Орденомъ.

Руководитель союза Габріэль Байзенъ поѣхалъ посломъ отъ него въ Краковъ и сказалъ королю польскому: «Прусскіе города и области съ давнихъ лѣтъ подвергаются притѣсненію; они единодушно рѣшились не терпѣть этого угнетенія и потому избрали короля своимъ законнымъ государемъ». Королемъ польскимъ былъ тогда Казиміръ II. Онъ принялъ предлагаемую ему власть.

Байзенъ послалъ гохмейстеру заявленіе, что Прусскій союзъ отказываетъ въ повиненіи Ордену. Гохмейстеръ сталъ набирать наемниковъ, усиливать гарнизоны замковъ. Граждане Торна взялись за оружіе противъ рыцарей, овладѣли торнскимъ замкомъ, разрушили его. Прусскій союзъ сформировалъ войска; они брали орденскіе замки. Гохмейстеръ просилъ помощи у нѣмецкихъ князей, продалъ Новую марку маркграфу бранденбургскому, чтобъ онъ согласился прислать войско на защиту Ордена. Прусскій союзъ формально призналъ короля польскаго государемъ Пруссіи (22 февраля 1454). Казиміръ 6 марта объявилъ войну Ордену и обнародовалъ актъ о присоединеніи Пруссіи къ польскому королевству. Въ этомъ «актѣ инкорпораціи» король утверждалъ всѣ права, какими пользовалось дворянство и города Пруссіи. Байзенъ былъ назначенъ королевскимъ правителемъ прусской области. Новое правительство конфисковало всѣ имущества Ордена, какими могло овладѣть. Войско города Данцига подступило къ Маріэнбургу. Отрядъ, посланный правителемъ германскаго отдѣла Ордена въ Пруссію, былъ остановленъ и прогнанъ. Въ маѣ Казиміръ пріѣхалъ въ Торнъ. Депутаты прусскихъ городовъ и дворянства съѣхались туда и присягнули на вѣрность ему. Даже многіе орденскіе рыцари поступили на его службу. Войско Прусскаго союза осаждало Маріэнбургъ. Онъ едва держался, герцогъ Рудольфъ Саганскій привелъ наемное войско на помощь Ордену и 17 сентября (1454 года) нанесъ полякамъ сильное пораженіе при Коницѣ. Войско, осаждавшее Маріэнбургъ, разсѣялось. Орденъ покорилъ многіе города и замки, отдавшіеся королю польскому. Но большіе города не покорялись ему, и польскій король не отказался отъ мысли овладѣть Пруссіей. Нѣмецкіе и чешскіе вельможи привели наемниковъ на службу Ордену; гохмейстеръ обѣщалъ, что если не уплатитъ жалованья до назначеннаго срока, то отдаетъ имъ Маріэнбургъ и всѣ свои замки и земли, «чтобы господа военачальники и ихъ товарищи дѣлали съ ними по своей волѣ, продавали ихъ, или отдавали въ залогъ, или какъ иначе вздумаютъ для полученія себѣ полнаго жалованья и всѣхъ издержекъ». Наемники польскаго короля и гохмейстера безпощадно опустошали страну, грабили имущества, брали людей въ рабство, жгли опустѣвшія селенія. Гохмейстеръ не имѣлъ денегъ на уплату жалованья своимъ наемникамъ; они перестали слушаться вельможъ, съ которыми пришли, и вступили въ сношенія съ поляками. Орденъ одерживалъ въ 1455 успѣхи, покорилъ Кенигсбергъ, Мемель, многіе другіе города. Но польскій король снова вошелъ въ Кульмскую землю; наемники Ордена, не получая жалованья, заключили съ нимъ 15 августа 1456 договоръ, по которому отдали ему всѣ города, занимаемые ими. Руководителемъ этого дѣла былъ начальникъ чешскихъ наемниковъ Ольдржихъ Червенка. Такимъ образомъ польскому королю была отдана большая часть Пруссіи. Оставшіеся на орденской службѣ наемники поступали съ гохмейстеромъ какъ съ плѣнникомъ и грубо оскорбляли рыцарей. Однажды, когда рыцари шли въ церковь, наемники бросились на нихъ, били ихъ кулаками, сорвали съ нихъ одежду, гоняли ихъ розгами и бичами по корридорамъ монастыря, обрѣзали имъ бороды, съ бородами срѣзали куски мяса; надѣвали на себя священническое облаченіе и кощунствовали въ церквахъ, распѣвая непристойныя пѣсни съ движеніями священниковъ, совершающихъ богослуженіе. Весною 1457 года пришелъ къ Маріэнбургу Казиміръ; Червенка отворилъ ему ворота замка.

Гохмейстеръ со слезами уѣхалъ изъ столицы государства; тайными тропинками добрался до Вислы, сѣлъ въ рыбацкую лодку и, укры-

ваясь отъ погони, доплылъ до Кенигсберга. Этотъ замокъ сталъ его резиденціей. Но еще многіе вожди наемниковъ оставались вѣрны Ордену. Война продолжалась; она шла главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Маріэнбурга. Въ сентябрѣ бургомистръ этого города успѣлъ впустить въ него орденское войско; рыцари осадили замокъ, занятый польскимъ гарнизономъ. Въ іюлѣ слѣдующаго года польскій король съ большимъ войскомъ пришелъ къ Маріэнбургу; осада была очень продолжительна; но въ августѣ 1460 Маріэнбургъ сдался. Опустошеніе страны продолжалось. Одинъ изъ писателей того времени говоритъ: «На всемъ пространствѣ, какое видитъ глазъ, нѣтъ ни дерева, ни куста, къ которому бы можно было привязать корову». Войско Прусскаго союза и короля польскаго нанесло орденскому войску тяжелое положеніе при Чарновицѣ 15 сентября 1462. Но война длилась и послѣ того нѣсколько лѣтъ. Рыцари утратили наконецъ всякую надежду на успѣхъ; многіе изъ нихъ измѣняли Ордену.

Торнскій миръ 1466.

Гохмейстеръ увидѣлъ себя наконецъ въ невозможности продолжать войну, въ необходимоети согласиться на всѣ требованія польскаго короля, и при посредничествѣ папскаго легата былъ заключенъ въ Торнѣ 19 октября 1466 миръ, навсегда уничтожившій могущество Ордена.

Орденъ отдалъ Польшѣ Кульмскую землю со всѣми ея городами (Торномъ, Кульмомъ и пр.), Мехелаускій округъ, Помереллію (съ городомъ Данцигомъ), Маріенбургъ, Эльбингъ, Кристбургъ, много другихъ городовъ и замковъ. Гохмейстеръ сталъ вассаломъ польскаго короля. По избраніи новаго гохмейстера выборъ былъ представляемъ на утвержденіе короля; передъ вступленіемъ въ должность гохмейстеръ давалъ присягу на вѣрность королю. Подданные польскаго короля получили право быть принимаемы въ рыцари Ордена, занимать должности комтуровъ; была сдѣлана только та оговорка, что число поляковъ не должно превышать половины всего числа членовъ Ордена.

d) послѣднее время существованія орденскаго государства.

Положеніе орденскаго государства послѣ Торнскаго мира

Говорятъ, что гохмейстеръ возвратился изъ Торна въ Кенигсбергъ со слезами, глубоко опечаленный видомъ опустошенія, какой представляла вся страна по его пути. Нивы на цѣлыя мили разстоянія поросли кустарникомъ, по которому рыскали звѣри. Эпидемическія болѣзни продолжали тысячами истреблять народъ. Въ слѣдующемъ году (4 апрѣля 1467) Людвигъ Эрлихсгаузенъ умеръ.

Генрихъ Плауэнъ 1467—1470. Рихтенбергъ 1470—1477.

Преемникомъ его былъ выбранъ Генрихъ Рейсъ Плауэнъ, уже давно бывшій истиннымъ правителемъ государства. Плауэну тяжело было ѣхать присягать польскому королю; но это было необходимо; онъ поѣхалъ. На обратномъ пути онъ умеръ 2 января 1470; гохмейстеромъ былъ выбранъ Генрихъ Рихтенбергъ.

Преемникъ Рихтенберга Мартинъ Трухзесъ Вецгаузенъ отказывался

присягнуть на вѣрность польскому королю. Польскія войска вошли въ орденскую землю, стали опустошать ее. Вецгаузенъ принужденъ былъ присягнуть королю. Онъ и его преемники старались привести въ порядокъ финансы, уменьшить долги Ордена. По смерти его преемника Тифена, умершаго въ походѣ съ поляками противъ турокъ, рыцари вздумали выбрать гохмейстеромъ кого-нибудь изъ нѣмецкихъ принцевъ, чтобъ отецъ его и другіе нѣмецкіе государи были заступниками Ордена. Выборъ ихъ остановился на третьемъ сынѣ Альбрехта, герцога саксонскаго, Фридрихѣ, молодомъ человѣкѣ, поступившемъ въ духовное званіе. Онъ окружилъ себя пышнымъ дворомъ, раздавалъ должности людямъ, не принадлежащимъ къ Ордену. Пруссія принимала характеръ обыкновеннаго монархическаго государства. Въ Польшѣ владычествовали раздоры; пользуясь этимъ, Фридрихъ девять лѣтъ не давалъ присяги на вѣрность королю. Въ 1507 году Сигизмундъ рѣшительно потребовалъ, чтобъ онъ пріѣхалъ дать присягу; онъ уѣхалъ въ Германію набирать наемниковъ и взялъ съ собой въ Саксонію свои вещи, своихъ собакъ и соколовъ. Проживъ три года въ Германіи, онъ умеръ тамъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ. Когда жилъ въ Пруссіи, онъ заботился о возстановленіи порядка въ финансахъ; всѣми другими дѣлами пренебрегалъ для развлеченій.

Трухзесъ Вецгаузенъ 1477—1489.

Тифенъ 1489—1497.

Фридрихъ Саксонскій 1498—1510.

Альбрехтъ Бранденбургскій.

Гохмейстеромъ былъ выбранъ сынъ маркграфа Фридриха Ансбахскаго и Байрейтскаго и сестры короля Сигизмунда, Альбрехтъ Бранденбургскій, 20 лѣтній юноша. Рыцари полагали, что по своему родству съ могущественнымъ маркграфомъ бранденбургскимъ и королемъ польскимъ онъ могъ охранять Орденъ отъ опасностей. Онъ былъ выбранъ въ февралѣ 1511, но остался въ Германіи, не желая давать присягу королю польскому. Это повело къ ссорѣ съ Польшей. Онъ просилъ помощи у императора, у нѣмецкихъ областныхъ государей, вербовалъ наемниковъ. Король польскій былъ занятъ войнами съ восточными сосѣдами, потому долго ограничивался угрозами Ордену.

Война съ Польшей.

Императоръ Максилміанъ не хотѣлъ жертвовать интересами своей династіи въ пользу Пруссіи; ландмейстеръ лифляндскій не совѣтовалъ Альбрехту воевать съ Польшей; финансы и войско Ордена находились въ разстройствѣ; но Альбрехтъ рѣшился на войну. Въ концѣ 1519-го года польское войско, при которомъ было много татаръ, вошло въ Пруссію и покорило всю землю до Кенигсберга. Русскій царь далъ денегъ Альбрехту; онъ набралъ въ Германіи наемниковъ и остановилъ успѣхи поляковъ; но денежныя средства его истощились; наемники, не получая жалованья, стали грабить, потомъ ушли. Поляки были утомлены войной, и 5 апрѣля 1521 было въ Торнѣ заключено перемиріе на четыре года; Альбрехтъ и король польскій согласились отдать всѣ спорные вопросы на рѣшеніе третейскаго суда.

Реформація.

Орденское государство было такъ разстроено, что должно было погибнуть, если не будетъ преобразовано. Альбрехтъ хотѣлъ сложить съ себя санъ гохмейстера, передать его или Эриху Брауншвейгскому, одному изъ комтуровъ, или королю польскому, или его сыну; потомъ бросилъ это намѣреніе, задумалъ покинуть Пруссію, вести рыцарей на турокъ, завоевать Ордену новое государство. Но вмѣсто этого фантастическаго плана принялъ рѣшеніе совершенно иного рода. Въ Германіи быстро распространялась реформарція, она проникла и въ Пруссію. Георгъ Поленцъ, епископъ самландскій, сталъ горячимъ приверженцемъ ея, проповѣдывалъ новое вѣроученіе въ кенигсбергскомъ соборномъ храмѣ; народъ смѣялся надъ монашескими плащами рыцарей; многіе рыцари покидали орденскіе дома, принимали реформацію, женились. По заключеніи перемирія гохмейстеръ поѣхалъ въ Германію и познакомился тамъ съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Лютеръ совѣтовалъ ему отмѣнить «дурацкій орденскій уставъ», жениться, сдѣлать Пруссію обыкновеннымъ свѣтскимъ государствомъ. Друзья Альбрехта убѣждали его послѣдовать этому совѣту. Но онъ довольно долго колебался.

Превращеніе орденскаго государства въ свѣтское герцогство.

Приближался конецъ перемирія съ Польшей. Вмѣсто того, чтобъ отдать спорные вопросы на рѣшеніе третейскаго суда, Альбрехтъ нашелъ лучшимъ вступить въ прямые переговоры съ польскимъ королемъ, и 8 апрѣля 1525 былъ заключенъ въ Крюковѣ трактатъ объ окончательномъ мирѣ съ Польшей и о превращеніи орденскаго государства въ свѣтское герцогство. Главныя условія договора были: Альбрехтъ получаетъ санъ герцога, даетъ присягу на вѣрность королю польскому; санъ герцога будетъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ; если прекратится потомство по мужской линіи во всѣхъ четырехъ отросляхъ бранденбургской династіи, герцогство прусское присоединяется къ польскому королевству; герцогъ прусскій занимаетъ на польскомъ сеймѣ и въ сенатѣ первое мѣсто послѣ короля; онъ не можетъ отчуждать никакой части своего государства безъ согласія короля польскаго; долженъ давать сто всадниковъ въ походы польскаго войска.

Черезъ два дня по заключеніи этого договора, король польскій далъ торжественную инвеституру Альбрехту, какъ герцогу прусскому, вассалу короля польскаго. Альбрехтъ, при возвращеніи въ Кенигсбергъ, былъ принятъ народомъ съ выраженіями радости. Орденъ фактически уже не существовалъ тогда; большинство рыцарей сложили съ себя орденскій обѣтъ; немногіе, не отрекавшіеся отъ него, уѣхали въ Германію. Альбрехтъ женился на дочери короля датскаго. Масса населенія уже приняла протестанское вѣроученіе. При новомъ порядкѣ дѣлъ государство стало оправляться. Папа отлучилъ Альбрехта отъ церкви, императоръ объявилъ его низложеннымъ. На съѣздѣ рыцарей въ Германіи онъ былъ тоже низложенъ. Эти немногіе рыцари

составили новый уставъ Ордена, сохранившаго обширныя имѣнья въ Германіи. Санъ гохмейстера былъ соединенъ съ саномъ правителя этихъ владѣній; резиденціей гохмейстера былъ назначенъ Мергентгеймъ. Орденъ сохранилъ въ Германіи свое призрачное существованіе до начала XIX вѣка: благодаря обширности имѣній, доходы гохмейстера были очень велики, и всегда находились между нѣмецкими принцами охотники занимать этотъ санъ. При секуляризаціи церковныхъ владѣній въ Германіи были конфискованы и владѣнія Нѣмецкаго ордена.

III. АВСТРІЯ.

1. Герцоги австрійскіе послѣ Фридриха Прекраснаго.

По смерти Фридриха Прекраснаго въ исторіи Австріи цѣлое столѣтіе не было важныхъ событій; впрочемъ герцоги ея имѣли вліятельный голосъ въ рѣшеніяхъ общихъ дѣлъ нѣмецкаго королевства. Герцогъ Альбрехтъ Мудрый или Хромой пріобрѣлъ Каринтію; сынъ его Рудольфъ IV пріобрѣлъ Тироль и въ 1365 году основалъ вѣнскій университетъ. Подобно другимъ нѣмецкимъ государямъ, герцоги австрійскіе дѣлили между собой отцовскія владѣнія.

Альбрехтъ II 1330—1358.
Рудольфъ IV 1358—1365.

Рудольфъ Габсбургскій постановилъ, что владѣнія его династіи должны оставаться нераздѣльными подъ общимъ управленіемъ членовъ ея. Но по смерти Рудольфа IV, братья его Альбрехтъ III и Леопольдъ III раздѣлили габсбургскія владѣнія: Альбрехтъ взялъ себѣ собственную Австрію (нынѣшнія эрцгерцогства нижне-австрійское и верхне-австрійское), а Леопольдъ остальныя габсбургскія земли: Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль, владѣнія въ Швейцаріи, Швабіи, Эльзасѣ, въ Брейсгау. Такимъ образомъ габсбургская династія раздѣлилась на двѣ линіи, австрійскую и штирійскую. Леопольдъ любилъ военныя приключенія, воевалъ съ Венеціей, съ Франческо Каррарой, у котораго отнялъ Тріэстъ, былъ убитъ при Земпахѣ. Альбрехтъ принялъ управленіе его землями, какъ опекунъ его сыновей. Альбрехту III наслѣдовалъ сынъ его Альбрехтъ IV. Семейные раздоры были нерѣдки и въ австрійской династіи, какъ въ другихъ нѣмецкихъ. Альбрехтъ IV поѣхалъ на богомолье въ Іерусалимъ; въ его отсутствіе Австрія сильно страдала отъ ссоръ между его родными, и, пользуясь ихъ междоусобіемъ, знатные грабители собрали большія разбойничьи шайки, опустошали страну. Особенную знаменитость между ними пріобрѣли Соколъ и Генрихъ Кунштадъ, который былъ прозванъ Дюрнскимъ чертомъ. Преемникомъ Альбрехта былъ его сынъ Альбрехтъ V, въ то время еще несовершеннолѣтній. Междоусобія и разбои, начавшіеся при отцѣ, продолжали свирѣпствовать при немъ.—Сюновья Леопольда III, достигнувъ совершеннолѣтія, правили землями штирійской линіи нераздѣльно, пока былъ живъ старшій изъ нихъ Вильгельмъ. По его смерти три остальные брата раздѣлили владѣнія: Леопольдъ IV Толстый получилъ швейцарскія и швабскія земли, Эрнстъ Желѣзный Штирію, Фридрихъ IV Тироль. Въ годы несовершеннолѣтія Альбрехта V Австріей управлялъ, какъ его опекунъ, Вильгельмъ, а по смерти Вильгельма Лепольдъ IV, у котораго хотѣлъ

Альбрехтъ III 1365—1395.
Леопольдъ III † 1386.
Альбрехтъ IV 1395—1404.
Вильгельмъ † 1406.
Леопольдъ IV † 1411.
Эрнстъ Желѣзный † 1424.

Фридрихъ IV † 1439.

отнять опеку Эрнстъ Желѣзный. Кромѣ брата у Леопольда было много другихъ враговъ; онъ съ трудомъ отбивался отъ нихъ; междоусобіе опустошало габсбургскія владѣнія. Когда Альбрехтъ V, достигнувъ совершеннолѣтія, взялъ правленіе Австріей въ свои руки, Леопольдъ такъ сердился, что умеръ, какъ говорятъ, отъ порыва ярости; смерть его дѣйствительно была внезапная.

Альбрехтъ V 1411—1439.

Леопольдъ IV не имѣлъ дѣтей, и по смерти его (въ іюнѣ 1411 г.) всѣ владѣнія штирійской линіи раздѣлили между собою его братья: Эрнстъ Желѣзный взялъ Штирію, Каринтію, Крайну, Тріэстъ; Фридрихъ IV Тироль и земли въ югозападной Германіи и Швейцаріи. Мы говорили, что Фридрихъ помогъ бѣжать низложенному констанцскимъ соборомъ папѣ Іоанну XXIII, и объявленный мятежникомъ утратилъ почти всѣ свои швейцарскія и многія швабскія владѣнія (VIII, 183). Мы говорили также, что Альбрехтъ V наслѣдовалъ отъ своего тестя Сигизмунда Моравію, Богемію, Венгрію, былъ избранъ королемъ нѣмецкимъ и что онъ умеръ на походѣ противъ турокъ. Прибавимъ здѣсь нѣкоторыя подробности объ этомъ походѣ. Венгерскіе вельможи не хотѣли помогать Альбрехту, потому войско его было малочисленно; въ концѣ іюля 1439 г. онъ сталъ у Сегедина и два мѣсяца простоялъ въ этой болотистой мѣстности, ожидая подкрѣпленій. Отъ лѣтняго зноя появилась въ его войскѣ зараза. Число воиновъ со дня на день уменьшалось; они упали духомъ; Альбрехтъ самъ занемогъ, снялъ станъ, поѣхалъ въ Вѣну; но на дорогѣ умеръ 27 октября (1439 г.) въ селеніи близъ Грана. У него были двѣ дочери, и жена его осталась беременна.

Фридрихъ V.

Эрнстъ Желѣзный женился романическимъ образомъ на красавицѣ, дѣвушкѣ очень высокаго роста и необыкновенной силы, Цимбаркѣ, княжнѣ мазовской: онъ поѣхалъ въ Польшу искать приключеній, познакомился съ Цимбаркой и пріобрѣлъ ея любовь, не сказывая, кто онъ. По смерти его (10 іюня 1424 г.) сыновья его Фридрихъ V (родившійся 21 сентября 1415 г.), Альбрехтъ VI и Эрнстъ остались малолѣтними; опеку надъ ними принялъ дядя ихъ, Фридрихъ IV Тирольскій. Эрнстъ умеръ еще несовершеннолѣтнимъ. По смерти Фридриха Тирольскаго (24 іюня 1439 г.) и короля Альбрехта, Фридрихъ V сталъ главою габсбургской династіи. Онъ принялъ на себя опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ Фридриха Тирольскаго, Сигизмундомъ. Въ личномъ его владѣніи находились Штирія, Каринтія и Крайна. Всѣ эти области вмѣстѣ не составляли могущественнаго государства, и притомъ вельможи ихъ мало повиновались своему герцогу. Въ особенности непокорна была могущественная фамилія Цилли, получившая громадныя имѣнья отъ императора Сигизмунда, женою котораго была Елизавета Цилли. Затруднительность положенія Фридриха V увеличивалась ссорами между нимъ и его братомъ Альбрехтомъ IV, получившимъ прозваніе Мота. Фридрихъ нѣсколько лѣтъ правилъ отцовскими землями одинъ.

Но младшій братъ его, отважный юноша, былъ недоволенъ своимъ зависимымъ положеніемъ, сталъ требовать участія въ правленіи отцовскими землями и въ опекѣ надъ владѣніями умершаго короля Альбрехта. По избраніи Фридриха королемъ нѣмецкимъ, затруднительность его положенія увеличилась: дѣла нѣмецкаго королевства находились въ разстройствѣ, требовали заботъ, превышавшихъ силы человѣка молодого, неопытнаго, слабаго характеромъ, забывавшаго важныя дѣла изъ-за мелочныхъ, и очень ограниченнаго умомъ.

Вдова короля Альбрехта Елизавета черезъ четыре мѣсяца по смерти мужа родила (22 февраля 1440) сына Владислава, которому было дано названіе Posthumus (рожденный по смерти отца). Она назначила опекуномъ герцога Альбрехта; но этотъ юноша, слишкомъ любившій мотовство, былъ плохимъ опекуномъ, и Елизавета передала опеку Фридриху, который такимъ образомъ сталъ правителемъ всѣхъ владѣній габсбургской династіи. Но Фридрихъ былъ неспособенъ защищать вдову, тѣснимую врагами, и охранять права ея сына. Венгры и чехи выбрали себѣ особыхъ правителей. Когда Фридрихъ, выбранный королемъ нѣмецкимъ, поѣхалъ въ Германію короноваться, Альбрехтъ, дѣйствіями котораго управлялъ графъ Ульрихъ Цилли, взялся за оружіе. Тирольцы роптали на то, что Фридрихъ удерживаетъ при своемъ дворѣ герцога ихъ, Сигизмунда, не отпускаетъ его въ Тироль, не передаетъ ему управленіе этой областью, хотя онъ уже достигъ совершеннолѣтія. Такимъ образомъ власть Фридриха въ габсбургскихъ земляхъ была очень шатка, когда онъ поѣхалъ въ Германію, но по своей жадности онъ впутался въ новое затрудненіе: ходъ дѣлъ въ Швейцаріи возбудилъ въ немъ надежду овладѣть тѣми швейцарскими землями, которыя были утрачены отцомъ Сигизмунда Фридрихомъ Тирольскимъ; въ особенности желалъ онъ отнять у швейцарцевъ Ааргау.

---

2. Походъ Арманьяковъ въ Швейцарію.

Положеніе швейцарскаго союза.

Послѣ побѣды при Земпахѣ, поколебавшей могущество Габсбурговъ и избавившей швейцарцевъ отъ опасности порабощенія ими, положеніе швейцарскаго союза измѣнилось. До того времени онъ оставался принадлежащимъ къ составу нѣмецкаго королевства, и швейцарцы думали только объ охраненіи своей свободы. Теперь они стали дѣлать завоеванія и не предоставляли самостоятельности покореннымъ областямъ, а назначали своихъ фохтовъ управлять ими. Когда Фридрихъ Тирольскій былъ объявленъ мятежникомъ, они, какъ мы говорили, овладѣли его землями въ Швейцаріи; потомъ они захотѣли овладѣть лежащими на югѣ отъ Сенъ-Готара областями герцогства миланскаго, главнымъ городомъ которыхъ была Беллинцона. Изъ этого возникла упорная война; швейцарцы 30 іюня 1422 потерпѣли пораженіе при Арбедо, но продолжали войну; она тянулась много лѣтъ,

и граждане Ури овладѣли на югѣ отъ Сенъ-Готара Ливанской долиной (Val Leventina). Переставъ опасаться герцоговъ австрійскихъ и сосѣднихъ мелкихъ владѣтелей, швейцарцы стали ссориться между собой, и дѣло дошло до войны, которая называется тоггенбургской или старой цюрихсской.

Старая цюрихская война.

Династія Тоггенбурговъ имѣла обширныя владѣнія въ сѣверовосточной части нынѣшней Швейцаріи; ей принадлежали графства тоггенбургское, уцнахское, давосское; кромѣ того она овладѣла сосѣдними габсбургскими землями, отданными ей въ залогъ за денежныя ссуды. Смертью графа Фридриха Тоггенбурга (30 апрѣля 1436) эта династія прекратилась. Онъ не оставилъ завѣщанія, и явилось много претендентовъ на его наслѣдство: цюрихцы говорили, что наслѣдовать Тоггенбургу должны они, потому что онъ былъ гражданинъ Цюриха; Швицъ заявилъ такое же притязаніе, потому что онъ былъ гражданинъ этого кантона; Гларусъ и Бернъ тоже хотѣли взять себѣ нѣкоторыя его владѣнія; король требовалъ передачи леновъ Тоггенбурга въ собственность короны; герцоги австрійскіе требовали возвращенія ихъ заложенныхъ земель; сосѣдніе вельможи хотѣли взять себѣ то, что могутъ. Быстрѣе другихъ претендентовъ дѣйствовали Цюрихъ и Швицъ: они заняли своими войсками нѣкоторыя части тоггенбургскихъ владѣній. Швицъ досадовалъ на Цюрихъ за это соперничество; нѣкоторые другіе кантоны, давно завидовавшіе богатству Цюриха, тоже были раздражены его самовластнымъ поступкомъ; они послали свои отряды на помощь войску Швица, которымъ начальствовалъ отважный швицкій ландаманъ Итель Рединтъ; оно осадило Цюрихъ, принудило его согласиться, чтобы вопросъ о наслѣдствѣ былъ отданъ на рѣшеніе швейцарскаго сейма. Сеймъ объявилъ притязанія Цюриха неосновательными. Граждане Швица играли главную роль въ этой войнѣ; потому знамя Швица (бѣлое съ краснымъ) стало знаменемъ всего швейцарскаго союза, а имя Швица въ нѣсколько измѣненной формѣ сдѣлалось названіемъ всего союза (Schwytz, Schweiz). Цюрихцы были раздражены, обратились съ просьбой о помощи къ герцогамъ австрійскимъ, старымъ врагамъ швейцарскаго союза, и 17 іюня 1442 заключили съ ними союзъ, отдавъ имъ за обѣщаніе помощи графство кибургское. Фридрихъ вскорѣ послѣ коронованія пріѣхалъ въ Цюрихъ, граждане сдѣлали ему блестящій пріемъ. Онъ хотѣлъ овладѣть Ааргау и соглашался утвердить за швейцарцами ихъ независимость лишь подъ условіемъ, чтобы они признали права габсбургской династіи на эту область. Швейцарцы понимали, что онъ задумалъ покорить ихъ; сосѣдніе нѣмецкіе государи и вельможи были враждебны имъ, готовы помогать ему; швейцарцы приняли мѣры обороны, потребовали, чтобы Цюрихъ отказался отъ союза съ Фридрихомъ и, получивъ отказъ, лѣтомъ 1443 послали войско противъ города, измѣнившаго общему дѣлу, какъ они говорили. Цюрихцы вышли противъ нихъ, надѣвъ на шляпы павлиньи перья, эмблему австрійскихъ герцоговъ, и были разбиты въ нѣсколькихъ сраженіяхъ; глава австрійской партіи въ Цюрихѣ, бургомистръ Рудольфъ Штюси, былъ убитъ въ сраженіи 22 іюля у рѣки Зиль, когда стоялъ на мосту и останавливалъ свое бѣгущее войско. Нѣсколько разъ было заключаемо перемиріе, каждый разъ война возобновлялась. Въ іюнѣ 1444 войско швейцарскаго союза осадило Цюрихъ. Фридрихъ понималъ, что если швейцарцы возьмутъ Цюрихъ, то нападутъ на сосѣднія владѣнія габсбургской династіи. Онъ не имѣлъ силы самъ остановить ихъ успѣхи и вздумалъ призвать наемниковъ, бродившихъ громадными толпами по Франціи. Это были воины и грабители по профессіи. Ихъ начальники принимали на службу каждаго сильнаго и смѣлаго человѣка, хотя бы онъ былъ разбойникъ. Они то роскошничали, награбивъ добычи, наряжались въ богатое платье фантастическихъ покроевъ, то ходили въ лохмотьяхъ. Нѣмецкія земли уже испытывали грабежи этихъ буйныхъ войскъ, находившихся теперь безъ службы. Незадолго передъ тѣмъ временемъ «живодеры», какъ ихъ называли французы, грабили Лотарингію и Эльзасъ; епископъ мецскій и раздраженные поселяне выгнали ихъ изъ Лотарингіи; маркграфъ Вильгельмъ Гохбергъ, австрійскій ландфохтъ въ Эльзасѣ, убѣдилъ ихъ уйдти изъ этой области, давъ имъ денегъ. Фридрихъ III обратился теперь къ королю французскому съ просьбой прислать ему этихъ наемниковъ. Карлъ VII былъ радъ избавить Францію отъ нихъ и думалъ сдѣлать при ихъ помощи завоеванія въ Германіи. Евгеній IV благословлялъ ихъ походъ въ Швейцарію, надѣясь, что они по его желанію разгонятъ базельскій соборъ. Мы говорили, что король Фридрихъ просилъ у Карла VII прислать ему 5.000 этихъ наемниковъ и что Карлъ послалъ 40.000 ихъ. Ими начальствовалъ дофинъ Людовикъ; они пошли черезъ Эльзасъ и Зундгау на Базель, грабительствуя по всему пути; Буркгардъ Менхъ Ландскронъ и Гансъ Рехбергъ показывали имъ дорогу. Передовые отряды ихъ подъ начальствомъ графа Сансерра и маршала Даммартена уже приближались къ швейцарской границѣ; она оставалась беззащитна: главное швейцарское войско осаждало Цюрихъ; другое войско осаждало Фарнсбургъ, крѣпость принадлежавшую барону Фалькенштейну, который незадолго передъ тѣмъ сжегъ швейцарскій городъ Бруггъ. На встрѣчу Арманьякамъ пошелъ швейцарскій отрядъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Онъ прогналъ за рѣку Бирсъ арманьякскій авангардъ, погнался за бѣгущими и въ опрометчивой горячности напалъ на главныя силы арманьякскаго войска. Арманьяки окружили его у монастыря апостола Іакова на рѣкѣ Бирсѣ не подалеку отъ Базеля. Швейцарцы оборонялись геройски. Битва длилась цѣлый день; швейцарцы почти всѣ были истреблены, сражаясь какъ спартанцы въ Термопилахъ. Лежащій на землѣ, смер-

Нашествіе Арманьяковъ.

Битва на Бирсѣ 26 августа 1444.

тельно раненный швейцарецъ бросилъ камень въ голову проѣзжавшему мимо него и насмѣхавшемуся Буркгарду Менху; ударъ былъ такъ силенъ, что Менхъ упалъ. Швейцарскіе лѣтописцы перечисляютъ имена своихъ воиновъ, павшихъ въ битвѣ у Яковлевскаго монастыря. Одинъ изъ гражданъ Швица, бывшихъ въ этомъ сраженіи, ушелъ изъ него, не имѣя ранъ; онъ всю жизнь оставался въ презрѣніи у своихъ гражданъ.

Отступленіе Арманьяковъ.

На полѣ битвы было сосчитано 6.000 убитыхъ арманьяковъ. Дофинъ сказалъ, что никогда не видывалъ такихъ воиновъ, какъ швейцарцы, поспѣшно заключилъ съ ними перемиріе, и 28 октября въ Энсисгеймѣ миръ. Арманьяки пошли мимо Базеля обратно въ Эльзасъ. Дофинъ хотѣлъ взять Страсбургъ, но потерпѣлъ неудачу, какъ и его отецъ въ Лотарингіи неудачно нападалъ на Мецъ, Туль и Верденъ. Беззащитныя селенія Эльзаса подверглись грабежу. Опустошеніе этой области возбудило въ Германіи всеобщее негодованіе на Фридриха, призвавшаго разбойниковъ; на нюрнбергскомъ сеймѣ, происходившемъ осенью этого года, князья и депутаты городовъ осыпали короля рѣзкими упреками. Онъ оправдывался, но самъ чувствовалъ неудовлетворительность оправданій и поспѣшилъ уѣхать изъ Нюрнберга. Сеймъ постановилъ собрать имперское войско, чтобы прогнать арманьяковъ, поручилъ начальство надъ нимъ пфальцграфу Людвигу. Но князья и города не присылали своихъ контингентовъ; арманьяки всю осень и большую половину зимы продолжали грабить Эльзасъ; наконецъ 13 февраля пфальцграфъ заключилъ съ ними договоръ, по которому они обязались уйдти изъ Эльзаса до истеченія пяти недѣль. Они уже были тогда напуганы раздраженіемъ народа; горожане ходили бить ихъ; поселяне собирались въ Шварцвальдскихъ и Вогезскихъ горахъ, вели партизанскую войну съ грабителями, топили каждаго попадавшагося имъ; въ мартѣ эти разбойники ушли.

Заключеніе мира между Габсбургами и швейцарскимъ союзомъ.

Война швейцарскаго союза съ Габсбургами, Цюрихомъ и сосѣдними вельможами, вождемъ которыхъ былъ Гансъ Рехбергъ, продолжалась еще нѣсколько лѣтъ; наконецъ 13 іюля 1450 былъ заключенъ миръ. Поземельные споры были разрѣшены сообразно справедливости; Цюрихъ отказался отъ союза съ Габсбургами и возвратился въ составъ швейцарскаго союза. Ясно было, что Габсбурги потеряютъ всѣ владѣнія, остававшіяся у нихъ въ Швейцаріи. Фридрихъ пытался удержать за своей династіей Шафгаузенъ, но это не удалось; граждане заключили въ 1454 на 25 лѣтъ договоръ о союзѣ съ швейцарцами. Черезъ нѣсколько времени воспользовавшись тѣмъ, что папа отлучилъ отъ церкви Сигизмунда, герцога тирольскаго, швейцарцы овладѣли областью Тургау, принадлежавшей ему, а въ 1460 году Сигизмундъ сдѣлалъ заемъ у Цюриха и отдалъ въ залогъ этому кантону Виптертуръ, послѣднее габсбургское владѣніе въ Швейцаріи. Сосѣдніе вельможи продолжали ненавидѣть швейцарцевъ; изъ этого постоянно возникали мелкія войны. Наконецъ въ 1474 Габсбурги заключили съ швейцарскимъ союзомъ вѣчный миръ (VIII, 704). Эрцгерцогъ Сигизмундъ

отказался по этому трактату отъ всякихъ притязаній на бывшія габсбургскія владѣнія въ Швейцаріи.

---

3. Походъ Фридриха III въ Римъ. Междоусобія въ Австріи.

Возвращеніе Фридриха въ габсбургскія владѣнія.

По возвращеніи Фридриха изъ Германіи въ габсбургскія владѣнія, междоусобія въ нихъ не прекратились. Альбрехтъ примирился съ нимъ, но неискренно. Когда война съ швейцарцами кончилась, наемники Фридриха, отпущенные изъ службы, сошлись въ разбойничьи шайки и грабили Австрію. Ланкрацъ Галичъ основалъ на Мархскомъ полѣ цѣлое разбойничье государство. Въ декабрѣ 1446 правитель Венгріи Гунядъ напалъ на Австрію и Штирію, требуя, чтобы Фридрихъ отдалъ венграмъ ихъ короля Владислава. Тирольцы требовали, чтобы Фридрихъ отпустилъ къ нимъ ихъ герцога Сигизмурда. Угрозы ихъ запугали Фридриха, онъ отказался отъ опекунскаго управленія Тиролемъ, отпустилъ Сигизмунда. При всей затруднительности своего положенія, онъ собирался идти въ Римъ, чтобы получить императорскій титулъ.

Сборы Фридриха къ походу въ Римъ.

За пожертвованіе правами нѣмецкой церкви папа обѣщалъ короновать Фридриха въ санъ императора и дать ему 100.000 флориновъ на издержки похода въ Римъ. Собираясь идти, Фридрихъ не думалъ о возстановленіи нѣмецкой власти надъ Италіей; онъ только желалъ получить императорскую корону. Австрійскія, богемскія и венгерскія дѣла долго не дозволяли ему исполнить это намѣреніе. Наконецъ войны и междоусобія прекратились, и Фридрихъ сталъ собираться идти въ Римъ.

Возстаніе въ Австріи.

Но пока онъ въ Штиріи занимался приготовленіями къ этому походу, въ Австріи вспыхнуло возстаніе. Австрійскій сеймъ давно высказывалъ неудовольствіе опекунскимъ управленіемъ Фридриха. Собираясь идти въ Италію, Фридрихъ назначилъ для управленія Австріей въ его отсутствіе совѣтъ регентства, составленный изъ штирійскихъ вельможъ. Кромѣ того австрійцы узнали, что онъ хочетъ увезти съ собой въ Италію Владислава. Они потеряли терпѣніе. Вождемъ недовольныхъ былъ Ульрикъ Эйцингеръ, уроженецъ Баваріи, человѣкъ незнатнаго дворянскаго рода, служившій въ Австріи, получившій тамъ титулъ барона, занимавшій очень важныя должности и сдѣлавшійся вельможей съ громаднымъ состояніемъ. По своему богатству и по своему уму онъ занималъ теперь первое мѣсто между австрійскими вельможами. Фридрихъ поссорился съ нимъ. Сторонники Эйцингера составляли большинство въ австрійскомъ сеймѣ. Ободряемый Эйцингеромъ сеймъ потребовалъ, чтобы Фридрихъ прислалъ въ Австрію Владислава; Фридрихъ отвѣчалъ уклончиво; сеймъ въ декабрѣ 1451 учредилъ временное правительство, главою котораго назначилъ Эйцингера, и отказалъ въ повиновеніи Фридриху, не уважающему желанія сейма и злоупотребляющему своей опекунской властью. Совѣтники Фридриха говорили ему, что теперь не удобно идти въ Римъ, должно отложить это дѣло; но

онъ не послушался и въ концѣ года пошелъ въ Италію. Возстаніе распространялось. Ульрихъ Цилли отказалъ въ повиновеніи Фридриху, но онъ, забывая все изъ-за желанія получить санъ императора, продолжалъ путь. Владислава онъ взялъ съ собой.

Коронованіе Фридриха въ санъ императора 1452.

При Фридрихѣ находилось 2.000 всадниковъ; это былъ конвой, а не войско; потому походъ нѣмецкаго короля въ Римъ не возбуждалъ опасеній въ итальянцахъ: было ясно, что Фридрихъ не думаетъ о возстановленіи нѣмецкой власти въ Италіи; повсюду встрѣчали его съ почетомъ, дѣлали для него пиры: ученые говорили привѣтственныя рѣчи ему, поэты подносили стихи, онъ награждалъ ихъ саномъ рыцарей, дипломами на разные титулы. Въ Сіэнѣ пріѣхала къ нему невѣста, португальская принцесса; въ февралѣ онъ пріѣхалъ съ нею въ Римъ: обрядъ бракосочетанія совершилъ самъ папа; 15 марта (1454 года) былъ совершонъ и обрядъ коронованія; это былъ послѣдній случай коронованія императора въ Римѣ. Итальянцы отзывались о Фридрихѣ не особенно хорошо. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Въ немъ не было императорскаго величія, не было ни щедрости, ни мудрости, потому что онъ почти всегда поручалъ кому нибудь говорить за него; но видна была въ немъ большая жадность къ удовольствію, съ какимъ онъ бралъ подарки, наконецъ онъ вернулся домой, оставивъ плохое мнѣніе о своемъ умѣ».

Успѣхи австрійскаго возстанія.

Австрійцы вошли въ сношенія съ Владиславомъ; во время римскаго похода онъ дѣлалъ попытки уѣхать отъ дяди, но онѣ не удавались. Когда Фридрихъ возвратился въ Штирію, у него оставалось мало приверженцевъ въ Австріи. Многіе изъ венгерскихъ магнатовъ и чешскихъ вельможъ вошли въ сношенія съ австрійскимъ сеймомъ. Фридрихъ боялся начать войну; начавъ ее, дѣйствовалъ слабо, раздробилъ свои войска на мелкіе отряды, просилъ помощи у Подѣбрада, остановился съ нѣсколькими сотнями всадниковъ въ Нейштадѣ. Эйцингеръ и Ульрихъ Цилли успѣли принять мѣры обороны, собрали большое войско, въ августѣ 1452 подступили къ Нейштаду, едва не взяли городъ. Только благодаря храбрости Андрея Баумкирхера, штирійскаго рыцаря исполинской силы, штурмъ былъ отбитъ. Императоръ оробѣлъ и 4 сентября отпустилъ Владислава. Эйцингеръ и Ульрихъ Цилли приняли молодого герцога подъ свою опеку. Венгры и чехи вели съ ними переговоры объ условіяхъ признанія Владислава королемъ. Фридрихъ просилъ у австрійцевъ вознагражденія за военныя издержки, заявлялъ другія денежныя требованія; переговоры о нихъ съ австрійскимъ сеймомъ были продолжительны; онъ выказывалъ мелочную жадность. Австрійскій сеймъ разошелся, не успѣвъ кончить этого дѣла; оно тянулось потомъ нѣсколько лѣтъ. За утрату власти надъ Австріей Фридрихъ вознаградилъ себя тѣмъ, что далъ членамъ штирійской линіи Габсбурговъ санъ эрцгерцоговъ (6 января 1453).

Смерть Ульриха Цилли.

Освободившись отъ управленія Фридриха, австрійскіе вельможи скоро перессорились между собою. Ульрихъ Цилли, человѣкъ властолюбивый, алчный, отважный и коварный, съумѣлъ пріобрѣсти безграничное довѣріе Владислава, бывшаго тогда еще совершенно не-

опытнымъ юношей. Эйцингеръ, которому Владиславъ больше чѣмъ Ульриху Цилли былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ, черезъ нѣсколько времени успѣлъ возстановить Владислава противъ Цилли; но скоро этотъ хитрецъ снова пріобрѣлъ полное довѣріе герцога и чтобъ упрочить свое положеніе, задумалъ убить Эйцингера, убить и Гуняда, правителя Венгріи, по смерти котораго надѣялся править этимъ королевствомъ отъ имени Владислава. Гунядъ былъ уже старикъ и, пока Цилли пріискивалъ средства убить его, онъ умеръ. Владиславъ назначилъ Цилли своимъ намѣстникомъ въ Венгріи, но старшій сынъ Гуняда, Владиславъ, составилъ съ нѣсколькими магнатами заговоръ противъ Цилли, и они убили его. Въ ноябрѣ слѣдующаго (1456) года король коварствомъ захватилъ Владислава Гуняда въ свои руки и казнилъ его. Черезъ годъ король Владиславъ умеръ (23 ноября 1457). Ему было тогда только 18 лѣтъ. Смерть его была внезапная. Былъ слухъ, что онъ отравленъ, по словамъ однихъ, Подѣбрадомъ, по словамъ другихъ, Рокицаной; но и то и другое обвиненіе—клевета. Чехи и венгры выбрали себѣ особыхъ королей. Такимъ образомъ Фридрихъ своимъ злоупотребленіемъ опеки надъ Владиславомъ лишилъ себя и свою династію тѣхъ выгодъ, какія получилъ бы, если бы не раздражилъ противъ себя венгровъ и чеховъ.

Смерть Владислава.

Война Фридриха съ Альбрехтомъ.

Австрійская линія габсбургской династіи прекратилась со смертью Владислава; ея владѣнія наслѣдовала штирійская линія, представителями которой были тогда императоръ, братъ его Альбрехтъ и двоюродный братъ ихъ Сигизмундъ; они перессорились между собою изъ-за наслѣдства. Австрійскій сеймъ рѣшилъ споръ тѣмъ, что отдалъ Фридриху управленіе Нижней Австріей, Леопольду—Верхней, городъ Вѣну оставилъ въ общемъ ихъ управленіи; а Сигизмунду назначилъ получать третью долю доходовъ со всей Австріи. Но Фридрихъ и Альбрехтъ продолжали враждовать между собой. Давъ Альбрехту денежное вознагражденіе, Фридрихъ убѣдилъ брата предоставить ему одному правленіе Вѣной. Онъ задумалъ отнять у Матвѣя Корвина венгерскую корону, вступилъ въ союзъ съ Подѣбрадомъ, обѣщавъ ему очень большую сумму денегъ за помощь въ войнѣ съ Корвиномъ и признавъ его законнымъ государемъ Богеміи и Моравіи. Но готовясь къ завоеванію Венгріи, Фридрихъ едва не утратилъ власти надъ своей долей Австріи. Онъ правилъ Нижней Австріей такъ дурно, что навлекъ на себя всеобщее негодованіе. Онъ установилъ тяжелые налоги, чеканилъ дурную монету, довелъ порчу ея до того, что за двѣнадцать новыхъ монетъ давали только одну старую; дѣти на улицахъ играли этими новыми деньгами, которыя Фридрихъ выдавалъ за серебряныя, но въ которыхъ почти вовсе не было серебра. По всей странѣ бродили шайки разбойниковъ; земледѣліе упало до такой степени, что появился голодъ, отъ голода развились эпидемическія болѣзни. Фридрихъ жилъ въ Нейштадѣ, ни мало не заботясь облегчить бѣдствія страны. При всеобщемъ раздраженіи противъ него, Гамаретъ Фронауеръ, вельможа, у котораго Фридрихъ отнялъ замокъ Ортъ, легко составилъ коалицію недовольныхъ его управленіемъ. Австрійскій сеймъ, руководителемъ котораго былъ Эйцингеръ, принялъ сторону Фронауера; Альбрехтъ также вступился за него и въ 1461 началъ войну съ Фридрихомъ. Черезъ нѣсколько времени было заключено перемиріе,

но оно не уменьшило бѣдствій страны: наемники, не получившіе жалованья, грабили ее. Альбрехтъ возбуждалъ гражданъ Вѣны противъ брата; въ августѣ 1462 они возстали подъ предводительствомъ Вольфганга Гольцера, занимавшагося прежде торговлей скотомъ, и прогнали изъ городского совѣта старинниковъ Фридриха. Императоръ подступилъ къ Вѣнѣ, граждане три дня не впускали его, потомъ впустили, но не приняли назначеннаго имъ бургомистра, выбрали на эту должность Гольцера, не согласились дать денегъ на уплату жалованья наемникамъ Фридриха. Онъ отнялъ у городскихъ властей право суда по уголовнымъ дѣламъ. Граждане Вѣны совершенно отказали въ повиновеніи ему, призвали Альбрехта. Императоръ заперся въ замкѣ, гдѣ находился дворецъ. Альбрехтъ осадилъ его. Подѣбрадъ привелъ войско на помощь императору, и въ декабрѣ 1462 былъ заключенъ договоръ, по которому Фридрихъ отдалъ Нижнюю Австрію на восемь лѣтъ въ управленіе Альбрехту, обязавшемуся платить ему 4000 золотыхъ флориновъ въ годъ. Расточительный Альбрехтъ правилъ Нижней Австріей не лучше Фридриха. Наемники продолжали грабить ее. Граждане Вѣны были недовольны Альбрехтомъ; въ апрѣлѣ 1463 Гольцеръ, подкупленный Фридрихомъ, впустилъ войско его въ городъ. Но оно было выгнано Альбрехтомъ; онъ казнилъ Гольцера и другихъ заговорщиковъ. Война между братьями продолжалась до самой смерти Альбрехта; онъ внезапно умеръ 2 декабря 1463. Говорили, что онъ отравленъ; правда ли это, мы не знаемъ.

Соединеніе обоихъ герцогствъ австрійскихъ подъ властью Фридриха.

Сигизмундъ Тирольскій отказался отъ притязаній на раздѣлъ владѣній Альбрехта съ Фридрихомъ; императоръ сталъ владѣтелемъ обоихъ герцогствъ австрійскихъ. Спокойствіе возстановилось, но только послѣ долгой вооруженной борьбы съ толпами наемниковъ, грабившихъ страну. Въ этихъ толпахъ считались цѣлыя тысячи воиновъ, вождями ихъ были вельможи; надобно было брать приступомъ ихъ замки и укрѣпленные лагери. Одинъ изъ этихъ разбойническихъ атамановъ, Георгъ Штейнъ, овладѣлъ городомъ Штейеромъ; другой, Вильгельмъ Пухгеймъ, былъ такъ силенъ, что императоръ купилъ его покорность деньгами. Когда императоръ въ ноябрѣ 1468 г. поѣхалъ на богомолье въ Римъ, поднялся мятежъ въ Штиріи: Лихтенштейнъ, Штубенбергъ, Грейсенегъ, начальники наемныхъ войскъ, которымъ Фридрихъ не заплатилъ жалованье, взялись за оружіе. Междоусобіе длилось болѣе двухъ лѣтъ. По усмиреніи другихъ инсургентовъ продолжалъ воевать противъ императора Андрей Баумкирхеръ, тотъ сильный рыцарь, который храбро сражался за него прежде. Въ 1471 году Фридрихъ заманилъ Баумкирхера въ Грацъ, давъ ему охранную грамату, длилъ переговоры до истеченія срока, на который дана была она, и когда Баумкирхеръ поѣхалъ изъ города, его не выпустили. Фридрихъ велѣлъ казнить его и его товарища Грейсенега. А между тѣмъ турки опустошали Крайну и Каринтію, увели въ рабство 20.000 человѣкъ. Вскорѣ послѣ того, какъ они ушли, Фридрихъ впутался въ войну Владислава, короля богемскаго, съ Матвѣемъ Корвиномъ, съ которымъ давно ссорился. Венгры доходили до Вѣны, опустошали нижнюю Австрію, заставляли населеніе присягать на вѣрность королю венгерскому. Фридрихъ принужденъ былъ заключить миръ; 1 декабря 1477 г. былъ подписанъ въ Гмюнденѣ миръ, по которому онъ призналъ Матвѣя Корвина наслѣдникомъ богемской короны, обязался уплатить ему вознагражденіе за военные расходы и дать амнистію австрійскимъ инсургентамъ.

Новая война съ королемъ венгерскимъ.

Фридрихъ не исполнялъ условій гмюнденскаго мира. Архіепископъ гранскій Пекеншлагеръ, врагъ своего короля, бѣжалъ къ Фридриху; императоръ назначилъ его архіепископомъ зальцбургскимъ, на мѣсто Бернгарда, обѣщавшагося отказаться отъ своей каѳедры. Но Бернгардъ раскаялся въ обѣщаніи, не пустилъ Пекеншлагера въ свои владѣнія. Фридрихъ послалъ противъ него войско; онъ обратился къ Матвѣю Корвину съ просьбой о помощи. Венгерскія, австрійскія и зальцбургскія войска ходили по владѣніямъ императора и архіепископа, безпощадно опустошали ихъ; въ 1482 архіепископъ Бернгардъ принужденъ былъ передать свой санъ Пекеншлагеру, но война съ королемъ венгерскимъ продолжалась. Взявъ нѣсколько австрійскихъ городовъ, венгры осадили Вѣну; голодъ принудилъ гражданъ сдаться Матвѣю Корвину. Онъ 1 іюня 1485 торжественно вступилъ въ Вѣну. Фридрихъ въ утѣшеніе себѣ повторялъ афоризмъ, что высшее счастье—забвеніе о невозвратимыхъ потеряхъ. Венгры овладѣли всѣмъ эрцгерцогствомъ нижне-австрійскимъ; оно признало своимъ государемъ Матвѣя Корвина. Венгры пошли въ эрцгерцогство нижне-австрійское, осадили Кремсъ; но граждане его храбро оборонялись; осада длилась цѣлый годъ; наконецъ пришло на помощь Фридриху имперское войско подъ начальствомъ Альбрехта, герцога саксонскаго; начались переговоры, и 22 ноября 1487 былъ подписанъ въ Маркерсдорфѣ миръ, по которому Матвѣй Корвинъ удержалъ за собою всѣ свои завоеванія до уплаты военныхъ издержекъ. Въ 1490 году онъ умеръ, и дѣла Фридриха поправились.

Возстановленіе власти габсбурговъ надъ эрцгерцогствомъ нижне-австрійскимъ.

При извѣстіи о смерти Корвина сынъ императора Максимиліанъ собралъ войско и пошелъ къ Вѣнѣ; граждане ея при его приближеніи взялись за оружіе, прогнали венгровъ изъ города; Максимиліанъ осадилъ цитадель, въ которой заперся венгерскій гарнизонъ, былъ раненъ при нападеніи на него, но скоро принудилъ гарнизонъ сдаться и пошелъ дальше. Горожане повсюду брались за оружіе, прогоняли венгровъ, или помогали Максимиліану прогнать ихъ; онъ пошелъ въ Венгрію, надѣясь пріобрѣсти венгерскую корону, дошелъ до Штульвейсенбурга. Но его наемники, недовольные неисправностью въ уплатѣ жалованья, отказали ему въ повиновеніи; онъ принужденъ былъ уйдти изъ Венгріи, вступить въ переговоры съ Владиславомъ, королемъ венгерскимъ. По трактату, подписанному 7 ноября 1491 въ Пресбургѣ, Владиславъ отказался отъ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ въ Австріи Матвѣемъ Корвиномъ, обязался уплатить императору военныя издержки, призналъ его и Максилиміана своими наслѣдниками въ томъ случаѣ, если умретъ, не имѣя сыновей. Черезъ два года по окончаніи войны Фридрихъ умеръ (19 августа 1493).—Въ тѣ времена было много безпорядковъ повсюду, но нигдѣ не были они такъ непрерывны и раззорительны, какъ во владѣні-

Смерть Фридриха.

яхъ Фридриха, беззаботно смотрѣвшаго на бѣдствія своихъ подданныхъ. Всѣ владѣнія габсбургской династіи соединились подъ его властью и перешли нераздѣльнымъ цѣлымъ къ его сыну, Максимиліану.

Сигизмундъ Тирольскій 1439—1496.

Сынъ Фридриха, навлекшаго на себя бѣды во время констанцскаго собора, Сигизмундъ былъ человѣкъ добродушный, любившій пиры и женщинъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ. Мы говорили, что при немъ швейцарцы овладѣли габсбургскими землями, лежавшими въ нынѣшнихъ предѣлахъ Швейцаріи, и что въ 1461 онъ продалъ Цюриху послѣднія остававшіяся тамъ габсбургскія владѣнія Кибургъ и Винтертуръ. Вскорѣ послѣ того онъ заложилъ Карлу Смѣлому свои владѣнія въ Брейсгау и въ Эльзасѣ. При содѣйствіи швейцарцевъ онъ возстановилъ свою власть надъ ними. По поводу его спора съ епископомъ бриксенскимъ, знаменитымъ ученымъ, кардиналомъ Николаемъ Кузанскимъ, за нѣкоторыя имѣнья, онъ былъ въ 1460 году отлученъ отъ церкви Піемъ II. Это навлекло на папу порицаніе другихъ нѣмецкихъ государей, и въ 1464 году папа примирился съ нимъ.—Продолжительное правленіе Сигизмунда было миролюбивое, но тирольцы роптали на него за расточительность. У него было много побочныхъ дѣтей, но законныхъ не было. Онъ хотѣлъ назначить своимъ наслѣдникомъ Альбрехта, герцога баварскаго, и отдалъ за него дочь императора Фридриха, Кунигунду, жившую въ Инсбрукѣ. Но когда Максимиліанъ пріѣхалъ въ Тироль, онъ очаровалъ старика своими блестящими рыцарскими качествами. Тирольскій сеймъ былъ расположенъ къ Максимиліану, и Сигизмундъ еще при жизни въ 1490 году уступилъ Тироль Максимиліану. Послѣ того старикъ прожилъ еще шесть лѣтъ.

Максимиліанъ I 1519.

При Миксимиліанѣ положеніе габсбургскихъ владѣній улучшилось: мятежи прекратились, турки были прогнаны изъ Штиріи и Крайны, земледѣліе и промышленность ожили. При войнѣ за баварское наслѣдство Максимиліанъ пріобрѣлъ Циллерталь, Куфштейнъ и нѣкоторые другіе баварскіе округи, а въ 1500 году присоединилъ къ своему государству владѣнія прекратившейся династіи графовъ герцскихъ. Но несравненно важнѣе было то увеличеніе силы, какое доставила Максимиліану женитьба его на Маріи, дочери-наслѣдницѣ Карла Смѣлаго.

IV. МЕЖДОУСОБІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ УСТРОЙСТВА НѢМЕЦКАГО ГОСУДАРСТВА.

1. Войны городовъ съ князьями.

Положеніе городовъ.

Многіе нѣмецкіе города освободились отъ власти областныхъ государей, пріобрѣли независимое управленіе. Но оно находилось въ рукахъ привилегированнаго сословія городскихъ патриціевъ, притѣснявшихъ массы горожанъ. Цехи ремесленниковъ начали борьбу противъ этого аристократическаго управленія. Исторія нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV столѣтіяхъ представляетъ непрерывный рядъ волненій и множество случаевъ вооруженнаго столкновенія. Результатъ борьбы во всѣхъ независимыхъ городахъ былъ тотъ, что самовластіе городской аристократіи было ограничено, низшіе классы гражданъ получили участіе въ управленіи. Споря между собою по вопросамъ внутренняго устройства, горожане вели войны съ сосѣдними государями и вельможами, ненавидѣвшими свободу простолюдиновъ. Сдѣлавшись независимыми государями, областные владѣтели стремились къ тому, чтобы подчинить своей власти всю землю, лежавшую между разбросанными частями ихъ владѣній. Подавляя независимость вельможъ, областные государи хотѣли овладѣть и независимыми городами, лежавшими внутри или по границамъ ихъ государствъ. Изъ этого постоянно возникали войны. Обыкновенными поводами къ нимъ были споры о томъ, имѣютъ ли города право принимать въ городскія корпораціи людей, переселяющихся изъ владѣній сосѣднихъ государей, споры о дорожныхъ пошлинахъ, о подсудности дѣлъ городскимъ трибуналамъ. Войны городовъ съ князьями вообще были мелкія, но временами пріобрѣтали обширные размѣры, какъ напримѣръ въ правленіе Венцеля; теперь тоже возникла большая война между городами и врагомъ ихъ свободы, Альбрехтомъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, государемъ франконскихъ владѣній гоэнцоллернской династіи.

Маркграфъ Альбрехтъ Ахиллесъ.

Маркграфъ Альбрехтъ Ахиллесъ Бранденбургъ-Ансбахскій былъ передовымъ бойцомъ за неограниченную власть нѣмецкихъ государей надъ ихъ подданными и слабыми сосѣдами. Онъ былъ человѣкъ необыкновенной физической силы, очень даровитый, отважный, твердый, честолюбивый, неутомимо дѣятельный. Онъ ненавидѣлъ свободные города; независимость ихъ казалась ему оскорбленіемъ для государей. Владѣнія его состояли изъ клоковъ земли, расбросанныхъ по Франконіи. Между этими клоками находились округи независимыхъ городовъ; онъ хотѣлъ подчинить города своей власти, чтобъ его владѣнія образовали сплошную массу. Въ особенности ненавистна была ему независимость Нюрнберга, богатаго города, бургграфомъ котораго назывался онъ и надъ которымъ не имѣлъ никакой власти. Дворяне заключали съ Нюрнбергомъ договоры, по которымъ поступали подъ покровительство его или на службу ему; это казалось опаснымъ Альбрехту; онъ оскорблялся тѣмъ, что Нюрнбергъ принимаетъ его вассаловъ въ число своихъ гражданъ. При ненависти его къ Нюрнбергу не могло быть недостатка въ поводахъ къ войнѣ.

Война Альбрехта съ Нюрнбергомъ.

Онъ готовился къ ней, набиралъ себѣ союзниковъ, нашелъ много ихъ, потому что князья и дворяне вообще ненавидѣли горожанъ. Но швабскіе и франконскіе имперскіе города понимали, что должны обороняться общими силами, и 22 марта 1446 заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ; число городовъ, участвовавшихъ въ немъ было 31. Альбрехтъ гордо отвергалъ предложенія ихъ разрѣшить мирнымъ путемъ спорные вопросы. Онъ былъ

увѣренъ въ побѣдѣ, потому что имѣлъ множество союзниковъ. Въ числѣ ихъ находились его братъ Іоаннъ, Вильгельмъ, герцогъ саксонскій, ландграфъ гессенскій Людвигъ, Альбрехтъ, братъ императора, Карлъ, маркграфъ баденскій, графъ Ульрихъ Вюртембергскій, епископы бамбергскій и эйхштетскій; они вмѣстѣ съ нимъ послали лѣтомъ 1449 объявленіе войны Нюрнбергу и начали безпощадно опустошать земли Нюрнберга и союзныхъ съ нимъ городовъ. Увѣряютъ, что Альбрехтъ Ахиллесъ говорилъ: «Пожаръ краситъ войну, какъ пѣсня Magnificat вечерню». Въ сраженіяхъ на открытомъ полѣ войска городовъ терпѣли неудачи, потому что въ дѣйствіяхъ ихъ не было единства. Альбрехтъ Ахиллесъ одержалъ восемь побѣдъ. Одинъ изъ составителей городскихъ хроникъ говоритъ: «Приписываютъ много достохвальнаго этому Альбрехту, что онъ былъ очень хорошій воинъ; мой отвѣтъ на это: если такая великая похвала начинать ненужныя и несправедливыя войны, то султанъ турецкій и другіе тираны также достойны большой похвалы». Иногда одерживали побѣды и горожане; 11 марта 1450 они при Пилленрейтѣ нанесли маркграфу тяжелое пораженіе; онъ едва успѣлъ ускакать отъ плѣна или смерти; однако же скоро собралъ новое войско и сталъ опять одерживать побѣды. Ульрихъ, графъ Вюртембергскій, разбивалъ войска швабскихъ городовъ. Но хотя дворяне на своихъ коняхъ, одѣтыхъ латами, вообще побѣждали горожанъ въ сраженьяхъ, стѣны городовъ оставались неодолимы для нихъ. Князья утомились войной. «Когда селенія были сожжены, страна опустошена, стада угнаны, поселяне перерѣзаны», съѣстные припасы и деньги истощены, князья сдѣлались миролюбивы, говоритъ Эней Сильвій. По трактату, заключенному 22 іюня 1450 въ Бамбергѣ, спорные вопросы были переданы на рѣшеніе короля. Начался процессъ въ придворномъ императорскомъ судѣ и длился три года безъ всякаго рѣшенія. Одинъ изъ представителей городовъ въ этомъ процессѣ писалъ своему городскому совѣту. «Уважаемые господа, на какихъ бы условіяхъ ни рѣшили вы дѣло съ вашими сосѣдами, все будетъ лучше, чѣмъ искать защиты у императорскаго двора». Наконецъ, 27 апрѣля 1453, былъ заключенъ миръ. Альбрехтъ Ахиллессъ возвратилъ городамъ завоеванные имъ замки и получилъ отъ нихъ большую сумму денегъ; границы владѣній и права городовъ остались тѣ же, какія были до войны.

Зёстская война. Дитрихъ кельнскій. 1414—1463.

Одновременно съ тѣмъ, какъ во Франконіи и Швабіи шла эта война, на нижнемъ Рейнѣ происходило такое же опустошительное междоусобіе. Графъ Дитрихъ Мерсъ, архіепископъ кельнскій, любилъ роскошничать и воевать, надѣлалъ большихъ долговъ и обременилъ своихъ подданныхъ тяжелыми налогами. Могущество городовъ было ненавистно ему. Особенно сильно досадовалъ онъ на Зёстъ, городъ, находившійся прежде подъ властью архіепископовъ кельнскихъ, но сдѣлавшійся почти совершенно независимымъ. Дитрихъ требовалъ,

чтобы граждане подчинились ему; они не согласились и вступили въ союзъ съ его врагомъ Адольфомъ, герцогомъ клевскимъ; онъ началъ войну; Вильгельмъ, герцогъ саксонскій, ландграфъ гессенскій Людвигъ, другіе государи, многіе вельможи и епископы помогали ему. Сынъ Адольфа Іоаннъ сражался въ защиту Зёста; сосѣдніе города присылали войска на помощь ему. Война пять лѣтъ опустошала Вестфалію. Дитрихъ и его союзники не могли взять Зёстъ. Въ ярости Дитрихъ призвалъ страшныхъ богемскихъ грабителей, которыхъ чехи называли жебраками (нищими),—это были наемники, сражавшіеся передъ тѣмъ временемъ въ войнѣ между герцогами саксонскими. Герцогъ Вильгельмъ саксонскій въ іюнѣ 1447 повелъ ихъ на Везеръ. Говорятъ, что, по ихъ присоединеніи къ войску архіепископа, онъ имѣлъ 60.000 человѣкъ; онъ возобновилъ осаду Зёста, но граждане и теперь храбро оборонялись; истощивъ свои средства, архіепископъ 2 апрѣля 1449 подписалъ договоръ, по которому Зёстъ остался независимымъ отъ него городомъ. Поэты горожанъ сложили много пѣсенъ, прославлявшихъ мужество защитниковъ Зёста.

Положеніе нѣмецкихъ городовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Но хотя граждане имперскихъ городовъ храбро защищали свою независимость, время ея миновало; государственный бытъ Германіи получалъ такое устройство, съ которымъ она была несовмѣстна. Могущество государей росло, города не умѣли держаться въ прочномъ союзѣ между собой, и князья стали покорять ихъ одинъ за другимъ. Довольно многіе долго сохраняли свою свободу, но политическое значеніе ихъ непрерывно падало.

---

2. Проекты преобразованій и совѣщанія о походахъ противъ турокъ.

Императоръ былъ союзникомъ папы, защищалъ голоса, требовавшіе улучшеній въ государственномъ и церковномъ устройствѣ Германіи. Но недовольство существующимъ порядкомъ дѣлъ оставалось. Нѣмцы видѣли, что у нихъ отняты результаты, добытые постановленіями базельскаго собора, что папа сталъ по прежнему владычествовать надъ нѣмецкой церковью, и требовали созванія новаго собора принятія другихъ мѣръ противъ папскихъ притѣсненій. Жалкое правленіе Фридриха выказывало слабость государственнаго устройства Германіи, принуждало князей живѣе прежняго чувствовать необходимость государственной организаціи; въ надобности его были согласны, какъ мы увидимъ, и тѣ князья, которые были на сторонѣ императора; но планы реформъ рушились отъ раздоровъ между нѣмецкими государями.

Опасность нашествія турокъ

Походы гуситовъ показали безсиліе нѣмецкаго королевства; теперь произошло событіе, подъ впечатлѣніемъ котораго возобновилось стремленіе дать нѣмецкому государству крѣпкую организацію. Турки взяли Константинополь. Нѣмцы полагали, что императоръ и папа обязаны провозглашать христіанскимъ народамъ необходимость соединиться на борьбу съ невѣрными; въ Германіи вспыхнулъ энтузіазмъ, напоминавшій времена крестовыхъ походовъ, но скоро смѣнился прежней безпечностью. Турки были далеко, нѣмцы дрались между собой, имъ некогда было думать объ отдаленныхъ опасностяхъ. Императоръ и папа держали себя такъ, что не возбуждали въ другихъ энергію, а разслабляли ее; папа воспользовался опасеніемъ турецкаго нашествія на западную Европу только для того, чтобы собирать деньги подъ предлогомъ приготовленій къ крестовому походу на турокъ, установилъ десятину съ церковныхъ имѣній, продавалъ индульгенціи, отдавая императору часть этой добычи. Всѣ видѣли, что воззванія о крестовомъ походѣ — обманъ; потому папскія буллы, императорскія прокламаціи не возбуждали сочувствія. Нѣмцы понимали, что походъ на турокъ будетъ возможенъ лишь по коренномъ преобразованіи государственнаго устройства Германіи, и когда императоръ говорилъ о войнѣ съ турками, ему отвѣчали рѣзкими порицаніями его правленія. Одинъ изъ государственныхъ людей того времени Мартинъ Майръ говоритъ: «Нѣмцы не возьмутся за оружіе противъ турокъ, пока дома у себя опасаются одинъ другого. Мы видимъ, что Германія потрясена, разорвана и нѣтъ въ ней связи. Города ведутъ вѣчныя войны съ князьями и между собой, князья тоже вѣчно воюютъ между собой, и самый ничтожный дворянинъ беретъ на себя право объявлять войну сосѣду. Во всей Германіи нѣтъ мирнаго уголка; куда ни посмотришь, вездѣ грабежъ и убійство; и хотя всѣ мы желаемъ мира, но безъ закона нѣтъ мира, нѣтъ вооруженной силы для обузданія самовольства, потому мы повинуемся лишь когда хотимъ; оттого вѣчный раздоръ, потому что каждый считаетъ себя королемъ».

Регенсбургскій сеймъ.

Черезъ четыре мѣсяца по взятіи Константинополя турками, 30 сентября 1453, папа обнародовалъ буллу о крестовомъ походѣ на султана, «второго Сеннахерима». Онъ убѣждалъ христіанскихъ государей примириться, установлялъ десятину со всѣхъ церковныхъ доходовъ, обѣщалъ отпущеніе грѣховъ крестоносцамъ. Императоръ созвалъ сеймъ въ Регенсбургъ на георгіевъ день (23 апрѣля 1454), приглашалъ всѣхъ западныхъ государей пріѣхать на этотъ сеймъ. Но не пріѣхалъ на него даже самъ, прислалъ вмѣсто себя пословъ. То же сдѣлали и другіе нѣмецкіе государи; изъ иностранныхъ пріѣхалъ только Филиппъ, герцогъ бургонскій, изъ нѣмецкихъ пріѣхали только двое: Людвигъ Ландсгутскій (баварскій) и Альбрехтъ Бранденбургскій. Понятно, что на такомъ сеймѣ не могло быть рѣшено ничего; императорскіе послы стали говорить, что надобно собрать сильное войско; послы курфирстовъ отвѣчали жалобами на дурное управленіе королевствомъ; они говорили: каждому государю нужно его войско для охраны его земли; имперскіе суды безсильны, потому вездѣ идетъ война; чтобы рѣшить дѣло о походѣ на турокъ, императоръ долженъ пріѣхать въ Германію и вмѣстѣ съ курфирстами произвести улучшенія въ устройствѣ королевства. Рѣшеніе дѣла было отложено до слѣдующаго сейма, мѣстомъ котораго былъ назначенъ Франкфуртъ.

Франкфуртскій сеймъ.

Франкфуртскій сеймъ, собравшійся въ октябрѣ, кончился тоже безъ всякаго результата. Венгерскіе послы говорили о томъ, что турки идутъ все дальше на сѣверъ и западъ. Эней Сильвій, посолъ императора, произносилъ блестящія рѣчи о необходимости похода на турокъ. Монахъ Капистрано, считавшійся чудотворцемъ, говорилъ пламенныя проповѣди о войнѣ съ невѣрными; но пользы отъ этого не вышло никакой. Противники императора говорили, что должно назначить особаго правителя государства. Братъ императора Альбрехтъ заявилъ желаніе принять на себя эту должность. Сеймъ рѣшилъ, что совѣщанія о походѣ на турокъ отлагаются до слѣдующаго сейма, который соберется въ Нейштадѣ (въ Австріи).

Нейштадскій сеймъ февраль—апрѣль. 1455.

Императоръ не ѣхалъ въ Германію; нѣмецкіе государи рѣшили ѣхать къ нему, но они собрались въ Нейштадъ съ мыслями не о турецкомъ походѣ. Для большинства было важнѣе этого другое дѣло. Архіепископъ трирскій Якобъ Зиркъ былъ вождемъ коллегіи курфирстовъ въ требованіяхъ реформы. На франкфуртскомъ сеймѣ онъ уже представилъ князьямъ записку «О возстановленіи устройства священной нѣмецкой имперіи и установленіи мира въ нѣмецкихъ земляхъ»; другіе курфирсты одобрили этотъ проектъ; и въ Нейштадѣ курфирстъ трирскій предложилъ отъ имени шести курфирстовъ сейму проектъ реформы.

Главные черты проекта были слѣдующія: императоръ и курфирсты соберутся въ одномъ изъ нѣмецкихъ городовъ, прекратятъ всѣ междоусобія и учредятъ верховный имперскій судъ. Императоръ и курфирсты должны постоянно совѣщаться между собой. При императорѣ должны находиться послы курфирстовъ.

Курфирстъ трирскій безъ сомнѣнія и самъ не надѣялся, что Фридрихъ одобритъ его проектъ реформы; онъ только хотѣлъ запугать Фридриха, выторговать выгоды себѣ. Фридрихъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта на проектъ, но сказалъ, что дѣла его владѣній не дозволяютъ ему ѣхать въ Германію. Князья разъѣхались съ сейма въ досадѣ.

Выборъ новаго папы. Каликстъ III 1455—1458.

Николай V, щедрый покровитель искусствъ и наукъ, умеръ во время этого сейма (24 марта 1455). Многіе въ Германіи говорили, что должно воспользоваться смертью папы для огражденія нѣмецкой церкви отъ произвола римской куріи, что слѣдуетъ не признавать

новаго папу, пока онъ не предоставитъ нѣмецкой церкви тѣ же права, какія имѣетъ французская. Конклавъ выбралъ новаго пану 7 апрѣля черезъ двѣ недѣли по смерти прежняго; выбранъ былъ испанскій кардиналъ Алонсо Борхіа (по итальянскому выговору Борджіа) слабый и больной почти 80 лѣтній старикъ, во всемъ слушавшійся своихъ племянниковъ; онъ принялъ имя Каликста III. Императоръ немедлено призналъ его папой. Заявленіе объ этомъ повезъ Эней Сильвій, оставшійся послѣ того въ Италіи. Каликсту очень хотѣлось склонить западныхъ государей къ содѣйствію крестовому походу противъ турокъ; онъ прекратилъ работы по сооруженію зданій, начатыхъ его предмѣстникомъ, употребилъ папскіе даходы на снаряженіе эскадры, послалъ по западной Европѣ легатовъ убѣждать государей, чтобъ они шли въ крестовый походъ, нищенствующіе монахи повсюду проповѣдывали народу о крестовомъ походѣ. Альфонсъ Неаполитанскій и Филиппъ Бургонскій дали обѣтъ идти въ крестовый походъ; далъ этотъ обѣтъ и Фридрихъ. Но обѣщанія остались не исполненными. На помощь венграмъ пошли только безпорядочныя толпы волонтеровъ, не способныя оказать серьезной помощи. Венгры были предоставлены собственнымъ силамъ, и Гунядъ безъ помощи запада побѣдилъ турокъ подъ Бѣлградомъ (въ іюнѣ 1456).

Вождь партіи, требовавшей реформъ, Якобъ Зиркъ, архіепископъ трирскій, умеръ 28 мая 1468; преемникомъ его былъ избранъ сынъ Іакова, маркграфа баденскаго, Іоаннъ, приверженецъ императора. Курфирсты майнцскій и трирскій продолжали требовать реформъ. По ихъ вліянію другіе курфирсты согласились созывать сеймы, на которыхъ продолжались совѣщанія о преобразованіи государства и о возстановленіи независимости нѣмецкой церкви; но курфирсты саксонскій и бранденбургскій были друзьями императора; онъ могъ не опасаться никакихъ серьезныхъ мѣръ отъ коллегіи курфирстовъ и даже дѣлалъ упреки ей за то, что она созываетъ сеймы безъ его разрѣшенія. Архіепископъ майнцскій и пфальцграфъ рейнскій перессорились между собой, и въ коллегіи курфирстовъ прекратились разсужденія враждебныя императору. Римская курія при поддержкѣ императора самовластно располагала вакантными бенефиціями въ Германіи, Эней Сильвій, сдѣланный кардиналомъ, управлялъ ея дѣйствіями; папа назначилъ ему 2.000 дукатовъ дохода съ тѣхъ бенефицій, которыми располагалъ въ Германіи; онъ объяснялъ другимъ кардиналамъ и папѣ, какъ должно дѣйствовать въ Германіи; увѣренная въ томъ, что нѣмецкіе областные государи, постоянно ссорясь между собою, не могутъ принять никакихъ единодушныхъ мѣръ, что нѣмецкій сеймъ безсиленъ, римская курія обирала нѣмецкую церковь, пренебрегая ропотомъ тѣхъ нѣмецкихъ церковныхъ сановниковъ, доходы которыхъ страдали отъ этихъ поборовъ.

Пій II 1458—1464.

Старикъ Каликстъ III умеръ 6 августа 1458; 19 августа папою былъ выбранъ Эней Сильвій, умѣвшій пріобрѣсти расположеніе своихъ товарищей кардиналовъ. Онъ принялъ имя Пія II. Человѣкъ очень умный и чрезвычайно ловкій, притомъ пользовавшійся довѣріемъ

императора, онъ сталъ дѣйствовать очень смѣло и съ большимъ успѣхомъ.

Мантуанскій конгрессъ 1459.

Чтобы придать блескъ своему правленію, новый папа усердно продолжалъ хлопотать о крестовомъ походѣ противъ турокъ. Онъ послалъ западнымъ государямъ приглашеніе собраться на конгрессъ въ Мантую. Вѣроятно онъ самъ очень хорошо зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Къ назначенному сроку (1 іюня 1459) онъ въ сопровожденіи кардиналовъ пріѣхалъ въ Мантую. Туда стали пріѣзжать одинъ за другимъ послы западныхъ государей. Нѣкоторые изъ итальянскихъ и нѣмецкихъ областныхъ государей пріѣхали сами. Къ 26 сентября собралось въ Мантуѣ столько пословъ и второстепенныхъ или мелкихъ государей, что можно было открыть формальныя засѣданія конгресса. Папа и другіе хорошіе ораторы произносили превосходныя рѣчи. Тѣмъ дѣло кончилось.

При раздорахъ западныхъ государей между собою и при неудовольствіи многихъ изъ нихъ на римскую курію невозможна была экспедиція, которой серьезно помогали бъ они и которая находилась бы подъ управленіемъ папы. Французы досадовали на папу за то, что онъ призналъ королемъ неаполитанскимъ Фердинанда Арагонскаго наперекоръ заявленіямъ анжуйской династіи, что неаполитанскій престолъ долженъ принадлежать ей. Французскіе послы на конгрессѣ упрекали за это папу, а онъ высказывалъ порицанія французамъ за то, что они не отказываются отъ прагматической санкціи, ограждающей французскія церковныя дѣла отъ вмѣшательства папы. Даже съ Фридрихомъ были въ это время непріятности у папы: императоръ хотѣлъ, чтобы Пій II поддерживалъ его притязанія на венгерскую корону; Пій не дѣлалъ этого, и Фридрихъ сердился. Венеціанцы, безъ флота которыхъ не возможна была экспедиція, не хотѣли участвовать въ ней; не хотѣли и флорентійцы, денежное пособіе которыхъ было необходимо для нея. Пій установилъ на три года сборъ денегъ для крестоваго похода: отъ церковныхъ сановниковъ онъ требовалъ десятой части доходовъ, отъ всѣхъ другихъ христіанъ тридцатой доли, отъ евреевъ двадцатой. Это возбудило сильное неудовольствіе повсюду; и духовенство и міряне отказывались платить. Кромѣ того Пій обнародовалъ на мантуанскомъ конгрессѣ (18 января 1460) знаменитую буллу Execrabilis; она объявляла ересью всякую апелляцію отъ рѣшенія папы къ вселенскому собору и угрожала отлученіемъ отъ церкви за этотъ еретическій грѣхъ. Эней Сильвій, сдѣлавшись папой, не поцеремонился осудить тотъ принципъ, который защищалъ на базельскомъ соборѣ, когда еще не былъ ни кардиналомъ, ни даже епископомъ.

---

3. Борьба Гоэнцоллерновъ съ Виттельсбахами.

Соперничество Гоэнцоллерновъ съ Виттельсбахами.

Могущество Гоэнцоллерновъ быстро росло. Виттельсбахи, ослаблявшіе себя раздорами, были теперь дружны между собой, и прежнее могущество ихъ возстановилось. Они хотѣли имѣть преобладающее

вліяніе на нѣмецкія дѣла. Къ тому же стремились Гоэнцоллерны. Борьба между этими двумя династіями была неизбѣжна. Другіе нѣмецкіе государи сгруппировались около той или другой изъ нихъ. Гоэнцоллерны стали во главѣ приверженцевъ императора; Виттельсбахи во главѣ партіи, требовавшей реформъ.

Маркграфъ Альбрехтъ. Императорскій франконскій судъ.

Передовымъ бойцомъ императорской партіи былъ маркграфъ Альбрехтъ Ахиллесъ, государь франконскихъ владѣній Гоэнцоллернской династіи; это принадлежавшее лично ему государство было не сильно, но Альбрехта поддерживали его братъ курфирстъ бранденбургскій, и курфирстъ саксонскій; это давало ему большую силу, а онъ былъ человѣкъ очень честолюбивый, храбрый, умный и дѣятельный. Мы уже говорили о его войнѣ съ франконскими городами. Цѣлью его дѣйствій было возвышеніе Гоэнцоллернской династіи; а главнымъ образомъ расширеніе собственнаго государства, удовлетвореніе собственному властолюбію.—Гоэнцоллерны были императорскими судьями во Франконіи и давно обращали свою судейскую власть на увеличеніе своего династическаго могущества, старались распространить свой судъ за границы Франконіи, подчинить ему сосѣднія швабскія, баварскія и рейнскія земли. Альбрехтъ дѣлалъ это гораздо смѣлѣе своихъ предмѣстниковъ, настойчиво вызывалъ подданныхъ другихъ государей къ своему суду. Императоръ поддерживалъ его притязанія. Еслибъ ему удалось дѣйствительно распространить свою судебную власть на Баварію и Швабію, онъ сталъ бы повелителемъ южной Германіи. Виттельсбахи понимали опасность и обижались расширеніемъ судебной власти Альбрехта на ихъ земли. Герцогъ ландсгутскій Людвигъ Богатый, человѣкъ тоже честолюбивый, задумалъ примирить всѣхъ Виттельсбаховъ, чтобъ ихъ династія получила преобладаніе въ нѣмецкихъ дѣлахъ. Ему помогалъ пфальцграфъ рейнскій, Фридрихъ Побѣдоносный, не уступавшій Альбрехту отвагой и твердостью воли; онъ самовластно принялъ на себя санъ курфирста, принадлежавшій его малолѣтнему племяннику, и всю жизнь сохранилъ его за собой, наперекоръ протестамъ императора. Соединившись для единодушнаго дѣйствованія, Виттельсбахи стали въ открытую вражду съ Альбрехтомъ. Прежде Людвигъ и онъ были друзьями, вмѣстѣ пировали и ходили на войну; теперь они готовились къ войнѣ между собой. Людвигъ и пфальцграфъ Фридрихъ заключили 24 февраля 1458 союзъ для общихъ дѣйствій противъ всякаго врага и въ частности противъ Альбрехта, «стремящагося съ нарушеніемъ закона распространить свою судебную власть на баварскихъ подданныхъ». Соперниками Альбрехта были Дитрихъ, архіепископъ майнцскій, постоянно ссорившійся съ пфальцграфомъ Фридрихомъ, графъ Ульрихъ Вюртембергскій и родственникъ Фридриха пфальцграфъ вельденцскій Людвигъ Черный.

Нападеніе Людвига Баварскаго на Донаувёртъ 1458.

Людвигъ Баварскій давно желалъ овладѣть имперскимъ городомъ Донаувёртомъ, который былъ заложенъ императоромъ Карломъ IV одному изъ предковъ его, но потомъ освободился. Людвигъ Баварскій собралъ теперь большое войско, подступилъ къ Донаувёрту; горожане нашли сопротивленіе невозможнымъ, отворили ворота Людвигу (19 октября 1458).

Донаувёртъ былъ удобнымъ опорнымъ пунктомъ для походовъ изъ Баваріи во Франконію. Альбрехтъ сталъ собирать войско. Сеймъ старался примирить его съ Людвигомъ; они сами дѣлали одинъ другому нѣкоторыя уступки, передали свои споры на рѣшеніе третейскаго суда. Но все это было у обоихъ только притворствомъ: каждый хотѣлъ выиграть время, надѣясь пріобрѣсти новыхъ союзниковъ. Наконецъ въ февралѣ 1460 Людвигъ Вельденцскій, графы лейнингскіе и Ульрихъ Вюртембергскій объявили войну пфальцграфу Фридриху; вслѣдъ за тѣмъ объявилъ ему войну новый архіепископъ майнцскій Дитеръ, графъ изенбургскій, бывшій подобно своему предмѣстнику, въ ссорѣ съ нимъ и въ союзѣ съ Альбрехтомъ. Пфальцграфъ Фридрихъ и герцогъ Людвигъ Богатый объявили войну союзнику враговъ пфальцграфа Альбрехту, а герцогъ Вильгельмъ Саксонскій, союзникъ Альбрехта, объявилъ войну Людвигу Богатому. По тогдашнему обыкновенію войска дѣйствовали разрозненными отрядами, жгли селенія, вытаптывали нивы, грабили, убивали поселянъ. Кромѣ нѣмцевъ были тутъ и чужеземные наемники швейцарцы, валлоны, чехи. Съ одинаковой свирѣпостью нѣмцы и они опустошали Пфальцъ, Швабію, Баварію, Франконію. Людвигъ Богатый съ большимъ войскомъ пошелъ во владѣнія Альбрехта, бралъ города, разрушалъ замки; король чешскій помогалъ ему. Маркграфъ принужденъ былъ согласиться на всѣ требованія Людвига Баварскаго и по договору, заключенному 24 іюня 1460 въ Ротѣ, отказался отъ всякой судебной власти въ баварскихъ земляхъ, отдалъ на рѣшеніе короля богемскаго всѣ другіе споры съ Людвигомъ Баварскимъ, обязался заплатить Людвигу вознагражденіе за военныя издержки, какое опредѣлитъ король богемскій.

Битва при Пфеддерсгеймѣ.

Черезъ нѣсколько дней по заключеніи этого договора пфальцграфъ Фридрихъ разбилъ при Пфеддерсгеймѣ (4 іюля) архіепископа майнцскаго и другихъ союзниковъ Альбрехта, и 18 іюля былъ подписанъ договоръ, по которому они уступили Фридриху все, чего онъ требовалъ. Архіепископъ майнцскій, убѣдившись въ невозможности думать о побѣдахъ надъ пфальцграфомъ, вошелъ въ дружбу съ нимъ.

По прекращеніи войны пфальцграфа и Людвига Богатаго съ Альбрехтомъ и его союзниками императоръ пригласилъ нѣмецкихъ государей собраться на сеймъ въ Вѣнѣ для совѣщаній о походѣ на турокъ. Ни одинъ изъ нѣмецкихъ государей не поѣхалъ въ Вѣну, собрались туда только послы ихъ, не имѣвшіе полномочія рѣшить что нибудь. Совѣщанія такого сейма не могли привести ни къ чему.

Большинство нѣмецкихъ государей было недовольно Фридрихомъ;

нѣкоторые говорили, что надобно выбрать другого короля. Юрій Подѣбрадъ, король богемскій, помогавшій Людвигу Баварскому въ его войнѣ съ Альбрехтомъ, получилъ надежду пріобрѣсти нѣмецкую корону. Людвигъ Баварскій 8 октября 1460 заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обѣщался помогать его избранію. Пфальцграфъ Фрадрихъ и архіепископъ майнцскій тоже обѣщали ему свои голоса, но подъ тѣмъ условіемъ, если согласятся на его выборъ курфирсты саксонскій и бранденбургскій. Эти два курфирста дали уклончивые отвѣты. Подѣбрадъ пригласилъ нѣмецкихъ государей пріѣхать къ нему въ Эгеръ; они собрались тамъ въ февралѣ 1461 года. На ихъ совѣщаніяхъ было много порицаній дурному управленію императора, всѣ согласились въ необходимости реформъ. Но дѣло о выборѣ Подѣбрада королемъ нѣмецкимъ не подвинулось ни на шагъ. Онъ дѣлалъ большія обѣщанія курфирсту бранденбургскому и маркграфу Альбрехту; они попрежнему отвѣчали уклончиво. Король богемскій былъ для нихъ опаснымъ сосѣдомъ; они не могли желать, чтобъ онъ сталъ королемъ нѣмецкимъ.

Съѣздъ курфирстовъ въ Нюрнбергѣ февраль 1461.

Изъ Эгера курфирсты и другіе князья поѣхали въ Нюрнбергъ. «Пріѣхали туда и многіе изъ князей, не ѣздившихъ въ Эгеръ. На нюрнбергскомъ съѣздѣ шли совѣщанія о походѣ противъ турокъ, объ улучшеніи государственнаго устройства. Архіепископъ майнцскій протестовалъ противъ вмѣшательства папы въ дѣла нѣмецкой церкви, рѣзко порицалъ распоряженіе Пія о взиманіи налога съ церковныхъ имѣній, буллу, воспрещавшую апеллировать отъ рѣшеній папы къ вселенскому собору, другія дѣйствія Пія, противныя декретамъ констанцскаго и базельскаго соборовъ, апеллировалъ объ этихъ его противозаконныхъ дѣйствій къ вселенскому собору. Пфальцграфъ Фридрихъ, Гоэнцоллерны, и многіе другіе государи одобрили рѣчь архіепископа майнцскаго; коллегія курфирстовъ рѣшила устранить вмѣшательство папы въ дѣла нѣмецкой церкви.

Дитрихъ Майнцскій, примасъ нѣмецкой церкви, шелъ дальше и дальше въ своемъ сопротивленіи папскому самовластію. Пій II заявилъ очень большія требованія уполномоченнымъ (прокураторамъ), присланнымъ отъ Дитриха за палліемъ, (архіепископскимъ омофоромъ, который получалъ отъ папы новый архіепископъ въ знакъ утвержденія папой выбора его). Пій хотѣлъ дать паллій, только когда Дитрихъ обѣщаетъ противиться созванію вселенскаго собора, не созывать областныхъ соборовъ, государственныхъ сеймовъ и курфиршескихъ съѣздовъ безъ согласія папы, допустить въ своей метрополіи продажу индульгенцій и сборъ десятины съ церковныхъ имѣній, и самъ пріѣдетъ въ Мантую получить паллій. Но прокураторы были неуступчивы, папа отказался отъ всѣхъ своихъ требованій, кромѣ того, чтобы Дитрихъ пріѣхалъ къ нему. Прокураторы получили паллій, но за утвержденіе въ санѣ папская казна требовала больше

20.000 франковъ; эта сумма была гораздо выше обыкновенной таксы. Дитрихъ отказался уплатить ее, отвѣчая папѣ, что его уполномоченные не имѣли права соглашаться на такой большой платежъ; Пій объявилъ выборъ Дитриха незаконнымъ, отлучилъ его отъ церкви; Дитрихъ запретилъ въ своей метрополіи продажу индульгенцій и сборъ десятины съ церковныхъ имѣній для папской казны.

Коллегія курфирстовъ поддерживала архіепископа майнцскаго въ его сопротивленіи папѣ, грозила созваніемъ вселенскаго собора, установленіемъ прагматической санкціи для нѣмецкой церкви; папа увидѣлъ, что открытая борьба опасна, что надобно дѣйствовать хитростью, разсчитывалъ, что курфирсты перессорятся, и не ошибся. Дѣло о примиреніи Людвига Баварскаго съ маркграфомъ Альбрехтомъ повело къ ссорѣ между курфирстами. Людвигъ требовалъ отъ Альбрехта очень большихъ уступокъ; Альбрехтъ говорилъ, что не согласится на нихъ, хотя бы пришлось ему быть выгнаннымъ изъ своихъ владѣній. Гоэнцоллерны уѣхали изъ Нюрнберга, не дожидаясь закрытія съѣзда. Коллегія курфирстовъ назначила новый съѣздъ во Франкфуртѣ.

Майнцкій съѣздъ.

Франкфуртскій городской совѣтъ по приказанію императора не впустилъ курфирстовъ и другихъ государей въ городъ. Дитрихъ пригласилъ ихъ собраться въ Майнцъ. Папскіе легаты успѣли между тѣмъ смягчить другихъ курфирстовъ льстивыми обѣщаніями, убѣдить ихъ не ѣхать въ Майнцъ; изъ другихъ государей пріѣхали туда лишь немногіе. Покинутый своими товарищами, Дитрихъ сталъ сговорчивѣе; папскіе легаты обѣщали ему уступки; онъ взялъ назадъ свою апелляцію къ вселенскому собору. Казалось, что папа примиряется съ Дитрихомъ, но онъ только обманывалъ архіепископа.

---

4. Война за майнцскую каѳедру.

Низложеніе Дитриха.

Обольщая Дитриха обѣщаніями уступокъ, папа только хотѣлъ успокоить его, чтобы нанести ему неожиданный ударъ. Легаты Пія вывѣдывали въ Майнцѣ, кого можно съ надеждой на успѣхъ выставить соперникомъ Дитриху, и нашли, что если папа назначитъ архіепископомъ Адольфа, графа нассаускаго, то будетъ имѣть успѣхъ. Адольфъ былъ каноникъ майнцскаго капитула и на тѣхъ выборахъ, на которыхъ большинство голосовъ было подано за Дитриха, меньшинство вотировало за Адольфа. Папа зналъ, что коллегія курфистовъ не вступится за Дитриха, потому что въ ней нѣтъ единодушія, и рѣшился исполнить свою давнюю мысль о низложеніи Дитриха. Въ собраніи кардиналовъ онъ 23 августа (1461 г.) перечислилъ преступленія Дитриха—его сопротивленіе папѣ, апелляцію къ вселенскому собору,

совершеніе богослуженія наперекоръ произнесенному папой отлученію отъ церкви, объявилъ выборъ его произведеннымъ неправильно, провозгласилъ, что онъ за свои преступленія низлагается и, ссылаясь на то право папской власти, которое называлось провизіей (властью назначать на церковныя должности, выборъ на которыя произведенъ неправильно), назначилъ преемникомъ низложенному Дитриху Адольфа Нассаускаго. Вмѣстѣ съ этимъ Пій послалъ нѣмецкимъ государямъ письма, въ которыхъ обѣщался не собирать церковной десятины въ Германіи безъ ихъ согласія. Разсчетъ папы оказался вѣренъ. Курфирсты не вступились за своего товарища; большинство канониковъ майнцскаго капитула повиновалось папскому распоряженію и подтверждающему его повелѣнію императора, признало архіепископомъ Адольфа Нассаускаго. Дитрихъ и Адольфъ собрали войска рѣшить свой споръ силой оружія; у каждаго изъ нихъ были союзники. Людвигъ Вельденцскій, Вильгельмъ, герцогъ саксонскій, Іоаннъ, графъ нассаускій, Карлъ, маркграфъ баденскій, Ульрихъ, графъ вюртембергскій, и всѣ приверженцы императора были на сторонѣ Адольфа Нассаускаго. Пфальцграфъ Фридрихъ, союзникъ Дитриха, хитрилъ, притворяясь, будто колеблется вступиться за него. Дитрихъ не могъ безъ помощи Фридриха отважиться на войну, согласился на предложенія Адольфа выразилъ готовность отказаться отъ архіепископской каѳедры, удовольствоваться однимъ округомъ архіепископскихъ владѣній, такъ называемой областью Горной дороги Bergstrasse, которую соглашался оставить за нимъ Адольфъ. Этотъ договоръ былъ заключенъ 11 ноября; узнавъ о томъ, пфальцграфъ сказалъ Дитриху, что готовъ помогать ему, если получитъ за помощь область Горной дороги въ свое владѣніе, и 19 ноября Дитрихъ отказался отъ своего договора съ Адольфомъ, подписалъ договоръ объ уступкѣ области Горной дороги Фридриху. Вмѣстѣ съ Фридрихомъ вступился за Дитриха ландграфъ гессенскій. Граждане Майнца ободрились; притомъ Дитрихъ обѣщалъ городу большія уступки, и городской совѣтъ объявилъ, что принимаетъ сторону Дитриха.

Война во Франконіи и Баваріи.

Между тѣмъ во Франконіи и Баваріи возобновилась война между Альбрехтомъ и Людвигомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ шли переговоры, но Альбрехтъ твердо рѣшился не исполнять условій мира, заключеннаго съ герцогомъ баварскимъ, склонялъ императора высказаться противъ Людвига; императоръ сначала не хотѣлъ ссориться съ могущественнымъ герцогомъ баварскимъ; но Людвигъ вступилъ въ союзъ съ врагомъ императора, братомъ его, эрцгерцогомъ Альбрехтомъ Мотомъ; раздраженный этимъ, императоръ уступилъ внушеніямъ маркграфа Альбрехта, предложилъ сейму объявить Людвига Баварскаго мятежникомъ за его союзъ съ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ. Сеймъ въ іюлѣ 1461 исполнилъ желаніе императора, постановилъ собрать имперское войско противъ Людвига. Но князья и города, не имѣвшіе прямого участія въ войнѣ, не хотѣли присылать свои контингенты. Имперское войско было малочисленно, а Людвигъ и его нѣмецкіе

союзники собрали большое войско; король чешскій прислалъ Людвигу вспомогательный отрядъ; кромѣ того пришли къ нему изъ Богеміи наемники. Онъ тѣснилъ Альбрехта, пфальцграфъ Фридрихъ напалъ на Альбрехта съ другой стороны и тоже бралъ его замки. Дѣла Альбрехта нѣсколько поправились, когда король чешскій отозвалъ свое войско и предложилъ нѣмецкимъ князьямъ примириться между собою. При его посредничествѣ было заключено перемиріе. Альбрехтъ увеличилъ свое войско и въ январѣ 1462 „сдѣлалъ конную прогулку съ огнемъ“ по Баваріи. Король чешскій снова сталъ помогать Людвигу. Нѣсколько мѣсяцевъ длилось опустошеніе Баваріи и Франконіи. Успѣхъ былъ опять на сторонѣ Людвига. Въ іюлѣ онъ разбилъ Альбрехта у Гингена. Но скоро Альбрехтъ собралъ новое войско и, межъ тѣмъ какъ Людвигъ осаждалъ Аугсбургъ, онъ опять пошелъ въ Баварію и сталъ опустошать ее. Въ Баваріи и Швабіи въ одинъ этотъ (1462) годъ было сожжено 600 селеній. Альбрехтъ и Людвигъ оба истощили свои силы, заключили перемиріе, предоставили королю чешскому рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Онъ постановилъ справедливыя рѣшенія, и 24 августа 1463 былъ наконецъ заключенъ миръ, по которому Людвигъ возвратилъ Альбрехту отнятыя у него франконскія владѣнія; Альбрехтъ отказался отъ притязаній на судебную власть въ Баваріи, городъ Донаувертъ получилъ прежнюю независимость.

Война на Рейнѣ.

Одновременно съ войной во Франконіи и Баваріи шла война на Рейнѣ. Въ декабрѣ 1461 Дитрихъ вошелъ въ графство нассауское, Фридрихъ — въ Рейнгау; потомъ нассаускія войска грабили архіепископство майнцское и Пфальцъ. На югѣ опустошали западную часть Швабіи вюртембергскія и баденскія войска. Маркграфъ баденскій и графъ вюртембергскій въ іюлѣ пошли на Неккаръ дать рѣшительное сраженіе Фридриху. Они думали, что онъ еще далеко и ушли съ конницей впередъ отъ пѣхоты; онъ подступилъ незамѣтно и внезапно напалъ на нихъ 30 іюня (1462 г.) близъ Зекенгейма. Все ихъ войско было истреблено или взято въ плѣнъ. Были взяты въ плѣнъ и сами они. Есть разсказъ, что плѣнные маркграфъ баденскій и графъ вюртембергскій, сѣвъ за обѣдъ, увидѣли, что на столѣ нѣтъ хлѣба; пфальцграфъ подвелъ ихъ къ окнамъ и показалъ на потоптанныя нивы и дымящіяся развалины селеній.

Взятіе Майнца войсками Адольфа 1462.

Пфальцграфъ и Дитрихъ одолѣвали Адольфа Нассаускаго и его союзниковъ. Но ходъ войны былъ измѣненъ отважнымъ замысломъ полководцевъ нассауской партіи. Въ октябрѣ они услышали, что пфальцграфъ пріѣдетъ къ Дитриху въ Майнцъ, и задумали взять ихъ въ плѣнъ, сдѣлать неожиданное нападеніе на этотъ городъ, разсчитывая на содѣйствіе приверженцевъ, которыхъ имѣлъ тамъ Адольфъ. На разсвѣтѣ 28 октября (1462 года) Людвигъ Вельденцскій, графъ Кёнигштейнъ и начальникъ войскъ Адольфа Альбигъ Зульцъ подошли къ Майнцу. Ихъ воины подставили лѣстницы къ стѣнамъ, перелѣзли въ городъ; весь день шла битва на улицахъ. Нассаускія войска одолѣли горожанъ. Дитрихъ успѣлъ уѣхать, а Фридриха не было въ Майнцѣ; враги ошиблись въ разсчетѣ захватить ихъ въ плѣнъ, но взятіе Майнца было очень важнымъ успѣхомъ. На слѣдующій день пріѣхалъ въ Майнцъ Адольфъ, выгналъ изъ города множество жителей за ихъ преданность Дитриху и уничтожилъ права города. Майнцъ, имѣвшій самоуправленіе какъ другіе имперскіе города, сталъ съ того времени подвластенъ своему архіепископу.

Большая часть архіепископства оставалась занята войсками Дитриха; но взятіе Майнца его противникомъ было тяжелымъ ударомъ для него; притомъ онъ замѣчалъ, что пфальцграфъ ненадежный союзникъ, потому сталъ склоняться къ миру. Успѣху переговоровъ много содѣйствовало то обстоятельство, что въ февралѣ 1463 умеръ архіепископъ кельнскій и преемникомъ ого былъ выбранъ братъ пфальцграфа Рупрехтъ. Папа требовалъ, чтобы Рупрехтъ примирилъ пфальцграфа и Дитриха съ Адольфомъ; при посредничествѣ Рупрехта Дитрихъ въ октябрѣ, а пфальцграфъ въ ноябрѣ помирились съ Адольфомъ. Дитрихъ отказался отъ майнцской каѳедры; Адольфъ отдалъ ему въ пожизненное владѣніе часть архіепископства майнцскаго и уступилъ пфальцграфу область Горной дороги.

Послѣднее время правленія Пія II.

Императоръ былъ безсиленъ: нѣмецкіе государи воевали между собою и мирились, а онъ безучастно смотрѣлъ на это; безсиленъ былъ и папа, хотя казалось, будто онъ одержалъ большое торжество: архіепископъ, назначенный имъ, удержалъ за собой каѳедру, низложенный имъ епископъ отказался отъ нея. Но дѣло было рѣшено вовсе не повелѣніями папы, а силой оружія, и по смерти Адольфа Нассаускаго въ сентябрѣ 1475 Дитрихъ снова занялъ майнцскую каѳедру. Пій II былъ человѣкъ очень умный, но сдѣлавшись папой, увлекся пустыми мечтами о могуществѣ папской власти, задумалъ низвергнуть Подѣбрада, гуситскаго короля Богеміи, воображалъ, что можетъ склонить западныхъ государей къ крестовому походу на турокъ. О его борьбѣ съ Юріемъ Подѣбрадомъ мы разскажемъ послѣ. Хлопоты его о крестовомъ походѣ остались напрасны. Его увѣщанія государямъ, проповѣди доминиканцевъ и францисканцевъ народу были безуспѣшны. Наконецъ Пій рѣшился самъ отправиться въ экспедицію противъ турокъ. Онъ былъ больной старикъ, но поѣхалъ снаряжать флотъ и войско, доѣхалъ до Анконы и умеръ тамъ 14 августа 1464 года.

V. ВТОРОСТЕПЕННЫЯ ОБЛАСТНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Власть областныхъ государей. Сеймы областныхъ государствъ.

Возникновеніе областныхъ сеймовъ.

Власть областныхъ государей постоянно росла, и теперь они очень мало зависѣли отъ императора, мало подчинялись сейму нѣмецкаго королевства. Со смерти Фридриха II ихъ права постоянно расширялись; ихъ владѣнія стали сплошными территоріями черезъ подавленіе независимости мелкихъ владѣтелей. Начиная съ XIV вѣка, возникли въ этихъ сплошныхъ территоріяхъ областные сеймы. Города, прелаты и дворяне подвластные одному государю привыкли считать себя составляющими одно цѣлое и мало по малу пріобрѣли общее право участвовать въ управленіи дѣлами своего государства.

Обыкновенные доходы областныхъ государей были недостаточны на содержаніе ихъ дворовъ, роскошь которыхъ постоянно увеличивалась, и на покрытіе военныхъ расходовъ; они обременяли себя долгами, отдавали источники своихъ доходовъ въ залогъ; временныя пособія, bede, даваемыя государямъ дворянами того или другого клока съ владѣній, были скудны при бѣдности дворянскихъ поселянъ, обремененныхъ повинностями и налогами; потому государи часто бывали принуждены просить у духовенства, дворянства и городовъ всего своего государства или денегъ или уплаты своихъ долговъ. Для этого надобно было созывать сеймъ всего государства. Такимъ образомъ участіе областныхъ сеймовъ въ управленіи имѣло своимъ основаніемъ надобность государей въ финансовыхъ пособіяхъ.

Иногда областной государь расширялъ права сейма, чтобы привлечь подданныхъ на свою сторону при династическихъ спорахъ съ братьями или другими родственниками о наслѣдствѣ; вообще переходъ государства подъ власть новой династіи былъ соединенъ съ увеличеніемъ правъ сейма; въ духовныхъ государствахъ права подданныхъ были увеличиваемы при выборахъ новаго государя, но чаще всего права сейма были расширяемы, какъ мы сказали, по поводу надобностей государя въ денежныхъ пособіяхъ. Правда, существовали налоги, которые государь взималъ безъ согласія подданныхъ; это были старыя подати и пошлины, вошедшія въ обычай. Кромѣ того государи получали доходы отъ своихъ родовыхъ имѣній и отъ регалій. Но подданые полагали, что они не обязаны платить никакихъ налоговъ кромѣ этихъ старыхъ, а старые были недостаточны; потому государи выпрашивали согласія подданныхъ на взиманіе новыхъ налоговъ. Давая государю эти „пособія“, сеймъ обыкновенно требовалъ отъ него утвержденія правъ подданныхъ и бралъ отъ него письменное удостовѣреніе, что получаемая имъ сумма дана ему не по обязанности, а только по добровольному согласію, что онъ не можетъ продолжать взиманіе новаго налога по истеченіи опредѣленнаго срока и не имѣетъ права собрать этимъ налогомъ сумму больше той какая опредѣлена. Эти удостовѣренія назывались граматами о ненарушимости правъ, Schadlosbrief.

Для огражденія своихъ правъ и для сопротивленія самовластію государя подданные его соединялись въ союзы; эти политическія корпораціи вели переговоры съ государями, заключали трактаты съ ними; сначала онѣ было временныя, формировались по какому нибудь опредѣленному поводу и, достигнувъ опредѣленной цѣли расходились. Но потомъ союзы подданныхъ сдѣлались постоянными учрежденіями, сеймами. Понятно, что ходъ этого развитія былъ медленный, что собранія подданныхъ разныхъ клововъ государства не скоро слились въ общій сеймъ. Во многихъ государствахъ существовали особые трибуналы для разрѣшенія споровъ между государемъ и сеймомъ.

Составъ сейма.

Сеймъ областного государства состоялъ обыкновенно изъ дворянъ, церковныхъ сановниковъ и депутатовъ отъ городовъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ находились графы и другіе владѣтели, бывшіе прежде независимыми, а теперь подвластные областному государю, они составлли особую часть сейма, называвшуюся собраніемъ или сословіемъ господъ (Herrenstand). Въ

Тиролѣ, Вюртембергѣ и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ участвовали въ сеймѣ и депутаты поселянъ, составлявшіе тоже особое „сословіе“ сейма. Каждое сословіе сейма совѣщалось особо отъ другихъ и, принявъ свои рѣшенія, вело о нихъ переговоры съ другими сословіями для того, чтобы достигнуть общихъ рѣшеній. Когда единодушіе было необходимо, всѣ сословія (куріи) сейма умѣли достигать соглашенія между собой. Мы не видимъ ни одного случая, въ которомъ раздѣльность куріи помѣшала бы принятію общихъ рѣшеній. Власть сейма простиралась на всѣ отрасли важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Первоначальными и главнѣйшими правами сейма были участіе его въ законодательствѣ и право установлять налоги. Онъ завѣдовалъ и взиманіемъ установленныхъ имъ налоговъ, контролировалъ ихъ употребленіе, имѣлъ надзоръ за чеканкой монеты и за кредитными операціями: безъ его утвержденія нельзя было заключать

Права сеймовъ.

займы; онъ наблюдалъ за уплатой ихъ. Правда, не было тогда того систематическаго контроля надъ финансами, который происходитъ теперь подъ формой совѣщаній о бюджетѣ; но сейму принадлежалъ контроль надъ финансами; систематическихъ совѣщаній обо всѣхъ частяхъ бюджета не было только потому, что въ тѣ времена не было такого правильнаго финансоваго хозяйства, какъ теперь. Власть сейма простиралась и на судебную часть, и на администрацію и даже на церковныя дѣла; онъ участвовалъ и въ дѣлахъ внѣшней политики: его согласіе было нужно для объявленія войны, заключенія мира; переговоры съ другими государствами велись при участіи его уполномоченныхъ. Онъ заботился о сохраненіи государственнаго единства, рѣшалъ споры о престолонаслѣдіи. Въ нѣкоторыхъ государствахъ онъ даже избиралъ государя: сеймъ рѣшалъ, который изъ сыновей умершаго государя будетъ его преемникомъ. Во многихъ государствахъ и, между прочимъ, въ Австріи сеймъ въ случаѣ малолѣтства новаго государя рѣшалъ, кому быть регентомъ. Кромѣ всего этого сеймъ имѣлъ неограниченное право дѣлать государю представленія о недостаткахъ управленія. Такимъ образомъ онъ могъ подвергать своему контролю всѣ дѣла, какія хотѣлъ. Онъ могъ собираться, и не будучи созванъ государемъ. Во многихъ государствахъ подданные присягали на вѣрность новому государю только по утвержденіи имъ всѣхъ ихъ правъ. Сеймъ имѣлъ право призывать подданныхъ къ вооруженному сопротивленію противозаконнымъ дѣйствіямъ государя.

Вопросъ о томъ, были ли сеймы представительными собраніями.

Мауреръ говоритъ: «Было много споровъ о томъ, можно ли называть сеймы представительными собраніями. Съ формальной точки зрѣнія должно сказать, что вообще они не имѣли представительнаго характера. Вельможи и прелаты были членами ихъ по личному праву, а не по выбору. Притомъ часть населенія государства не имѣла никакой юридической связи съ привилегированными сословіями и члены ихъ никакъ не могутъ быть названы ея представителями. Наконецъ отношенія сейма къ государю были отношеніями по частному, а не по государственному праву. Это были договоры, принадлежавшіе къ разряду контрактовъ: сеймъ даетъ государю деньги и за это получаетъ то или другое право. Но если мы будемъ смотрѣть на дѣло не съ формальной, а съ реальной точки зрѣнія, то придемъ къ другому результату. Интересы и права привилегированныхъ сословій имѣли такую неразрывную связь съ интересами всего населенія, что полученіе и огражденіе ихъ правъ само по себѣ уже было полученіемъ и упроченіемъ правъ всего населенія. Въ этомъ смыслѣ непривилегированныя сословія могли считать сеймъ собраніемъ, представляющимъ ихъ интересы, хотя въ немъ не было ихъ представителей. Привилегированныя сословія, составлявшія сеймъ, заботились только о своихъ выгодахъ, но вообще ихъ выгоды совпадали съ интересами всего населенія».

Упадокъ силы сеймовъ.

Областной государь въ соединеніи съ сеймомъ фактически имѣлъ независимую власть въ своемъ государствѣ. Ихъ общая автономія ограничивалась лишь очень слабыми обязанностями относительно короля и нѣмецкаго государственнаго сейма. Могущество областныхъ сеймовъ много содѣйствовало упроченію независимости областныхъ государей. Но періодъ могущества областныхъ сеймовъ былъ непродолжителенъ. Воспрещеніе самоуправства отняло у привилегированныхъ сословій право вооруженнаго сопротивленія своему государю. Имперскіе суды были безсильны и не давали защиты подданнымъ отъ самовластія государя. Владычество римскаго права вводило принципъ неограниченной власти государя, развивался абсолютизмъ, опирающійся на бюрократію и наемное войско. Всѣ эти причины произвели во времена реформаціи и тридцатилѣтней войны упадокъ могущества областныхъ сеймовъ; много содѣйствовало упадку его и то, что составъ сеймовъ не удовлетворялъ новымъ потребностямъ и понятіямъ, которымъ не хотѣли дѣлать уступокъ привилегированныя сословія. Въ массѣ населенія развивалось сознаніе ея значенія въ государствѣ, а въ сеймахъ не давалось мѣста ея представителямъ, и сеймы перестали считаться собраніями, представляющими интересы страны.

Престолонаслѣдіе и раздѣлы.

Когда правители областей сдѣлались изъ должностныхъ лицъ государями, и области, порученныя ихъ управленію, стали считаться наслѣдственной собственностью ихъ, то они примѣняли къ своимъ владѣніямъ тѣ принципы наслѣдственнаго права, какія дѣйствуютъ относительно частной собственности. Золотая булла постановила, что та часть владѣній курфирста, съ которой соединенъ курфиршескій санъ, должна оставаться нераздѣльной, но не было никакого запрещенія дѣлить другія владѣнія, и по смерти государя они дѣлились между его сыновьями такъ, чтобы всѣ имѣли равный доходъ. Въ графствахъ, раньше чѣмъ въ областныхъ государствахъ, установился принципъ владѣнія по праву частной собственности, потому раньше развился и обычай дѣлить владѣнія между сыновьями. Раздѣлъ обыкновенно производился такимъ образомъ, что старшій сынъ получалъ фамильный замокъ, младшіе сыновья получали другіе замки и съ ними титулы по ихъ названію. Со второй половины XIII вѣка стали дѣлить свои владѣнія и государи. Сначала дѣлились только доходы. Старшій совершеннолѣтній сынъ управлялъ государствомъ отъ имени своего и своихъ младшихъ несовершеннолѣтнихъ братьевъ; продолжалъ управлять одинъ и по достиженіи ими совершеннолѣтія, давая имъ доли доходовъ и совѣтуясь съ ними по важнымъ дѣламъ. Но впослѣдствіи династіи государей стали, подобно графскимъ семействамъ, производить раздѣлъ земель; государства такъ раздробились отъ этого, что династіи ослабѣли. Раздѣлу подверглись даже и тѣ области, съ владѣніемъ котораго былъ соединенъ курфиршескій санъ. Нѣкоторые государи начали установлять такъ называемые родовые законы о нераздѣльности своихъ государствъ, чтобы предотвратить упадокъ силы своихъ династій. Наконецъ въ XVI вѣкѣ былъ принятъ многими династіями принципъ нераздѣльнаго наслѣдованія по

линіи первородства. Въ XVII вѣкѣ онъ былъ принятъ всѣми династіями, имѣвшими право голоса на нѣмецкомъ сеймѣ. Гораздо раньше того династіи стали заключать между собою договоры о взаимномъ правѣ наслѣдованія; таковъ былъ напримѣръ договоръ между собою люксембургской и австрійской династій (VIII, 120). Этими договорами устранялось возвращеніе имперскихъ леновъ въ распоряженіе короля по прекращеніи династіи, владѣвшей ими: они прямо переходили во владѣніе другой династіи.

---

2. государства династіи виттельсбаховъ.

а) Баварія

1. Раздоры у баварскихъ Виттельсбаховъ.

Раздѣлы владѣній по смерти императора Людвига.

Виттельсбахи не долго сохранили могущество, какое пріобрѣлъ своей династіи императоръ Людвигъ. Между ними было столько раздоровъ, какъ ни въ какой другой нѣмецкой династіи. По смерти императора Людвига, владѣнія Виттельсбаховъ были раздѣлены на двѣ половины: одну составляли Верхняя Баварія и Бранденбургъ, другую Нижняя Баварія и голландскія области. Обѣ половины были потомъ раздробляемы. Людвигъ Бранденбургскій взялъ себѣ Верхнюю Баварію и Тироль, отдавъ маркграфство бранденбургское своимъ братьямъ, Людвигу Римскому и Оттону. Въ другой линіи Виттельсбаховъ Стефанъ I отдалъ своимъ братьямъ, Вильгельму I и Альбрехту I, голландскія области и небольшую долю Нижней Баваріи, столицей которой сталъ Штраубингъ, а себѣ оставилъ большую часть Нижней Баваріи, столицею которой былъ Ландсгутъ Вскорѣ послѣ того Виттельсбахи утратили Бранденбургъ, Тироль, наконецъ и Голландію. Стефанъ I, по смерти своего брата Людвига и его сына Мейнгарда, овладѣлъ съ нарушеніемъ договоровъ Верхней Баваріей, и подъ его властью соединилась почти вся Баварія.

Штраубингская доля Нижней Баваріи осталась во владѣніи другой линіи. Всей остальной Баваріей владѣлъ Стефанъ. Его государство раздѣлили между собою три сына. Такимъ образомъ возникли линіи ингольштадская, ландсгутская и мюнхенская. Братья ссорились между собой, иногда воевали, наконецъ въ декабрѣ 1402 былъ заключенъ миръ, давшій на нѣсколько лѣтъ отдыхъ Баваріи; но потомъ междоусобія возобновились ожесточеннѣе прежняго. Ихъ производилъ одинъ изъ внуковъ Стефана I, Людвигъ Бородатый, герцогъ ингольштадскій.

Людвигъ VII Бородатый 1447.

Людвигъ Бородатый былъ человѣкъ сильнаго характера, хитрый, совершенно безсовѣстный; онъ провожалъ свою сестру Изабеллу, невѣсту французскаго короля, въ Парижъ и во Франціи женился на Аннѣ, дочери Жана, герцога бургонскаго, а по ея смерти на Катеринѣ, дочери герцога алансонскаго. Онъ долго оставался во Франціи, имѣлъ тамъ большое вліяніе на дѣла, какъ совѣтникъ сестры, и возвратился въ свое маленькое баварское государство съ громадными сокровищами, пріобрѣтенными, какъ говорила молва, очень дурно. Сдѣлавшись въ 1413 году по смерти отца государемъ ингольштадской части Баваріи, онъ сталъ нападать на другихъ герцоговъ баварскихъ; они заключили между собою союзъ для обороны отъ него. Онъ началъ съ того, что объявилъ несправедливымъ раздѣлъ земель между его отцомъ и дядями, потребовалъ передѣла и хотѣлъ отнять часть владѣній у Генриха Богатаго, герцога ландсгутскаго. Генрихъ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ мужѣ своей сестры, Фридрихѣ I, курфирстѣ бранденбургскомъ, противъ котораго Людвигъ тоже имѣлъ вражду, досадуя на утрату Бранденбурга своей династіей. На съѣздѣ государей въ Констанцѣ во время собора взаимная ненависть Генриха и Людвига произвела кровавое дѣло. Судъ нѣмецкихъ государей объявилъ неосновательными притязанія Людвига. Онъ въ собраніи государей 19 октября 1417 сталъ ругаться съ Генрихомъ; Фридрихъ насильно увелъ раздраженнаго Генриха изъ зала; въ дверяхъ Генрихъ обернулся и закричалъ Людвигу. «Ты хочешь драки,—получишь драки достаточно». Вечеромъ на другой день онъ бросился на Людвига, ѣхавшаго верхомъ, и нанесъ ему нѣсколько ранъ. Сигизмундъ пришелъ въ негодованіе. Генрихъ торопливо уѣхалъ; Сигизмундъ хотѣлъ объявить его лишеннымъ всѣхъ владѣній, Фридрихъ едва удержалъ императора отъ этого. Раны Людвига были тяжелы, но онъ выздоровѣлъ.

Генрихъ III Ландсгутскій 1450.

Война въ Баваріи 1421—1422.

Ненависть Людвига къ Фридриху высказывалась сначала пасквилями, которыя, по его порученію, были писаны противъ «Ново-возвеличеннаго» дворянина, нынѣ лживаго маркграфа. Скоро отъ словъ онъ перешелъ къ дѣлу. Противъ него составился большой союзъ, но онъ пренебрегалъ силой враговъ. Онъ имѣлъ большой запасъ денегъ, и къ нему собралось много швабскихъ и франконскихъ рыцарей, «которыхъ онъ угощалъ досыта турнирами, танцами, красивыми женщинами и драками». Онъ пошелъ по Баваріи, по Франконіи, опустошая владѣнія враговъ; они платили ему тѣмъ же; онъ бился яростно, но былъ подавленъ многочисленностью непріятельскихъ войскъ, въ сентябрѣ 1422 года потерпѣлъ рѣшительное пораженіе у Аллинга (близъ Мюнхена), обратился къ Сигизмунду съ просьбой о посредничествѣ, обязался уѣхать съ Сигизмундомъ въ Венгрію. Было заключено перемиріе на четыре года. Уѣхавъ съ Сигизмундомъ, Людъ-

вигъ сталъ возбуждать въ немъ подозрѣнія противъ Фридриха и успѣлъ въ этомъ.

Споръ о штраубингскомъ наслѣдствѣ.

Новымъ поводомъ къ враждѣ между баварскими герцогами послужило штраубингское наслѣдство. Герцогъ Іоаннъ умеръ 6 января 1425, быть можетъ, отъ отравы. Его смертью прекратилась штраубингская линія, и остальные герцоги баварскіе подняли споръ между собой изъ-за его владѣній. Людвигъ требовалъ себѣ всѣ ихъ, ссылаясь на то, что онъ старшій въ родѣ; другіе герцоги баварскіе требовали раздѣла. Альбрехтъ, герцогъ австрійскій, мать котораго была сестра умершаго герцога штраубингскаго, требовалъ, чтобы наслѣдство было отдано ему. Споръ длился четыре года; наконецъ императоръ Сигизмундъ рѣшилъ, что штраубингскія владѣнія должны быть раздѣлены между герцогами баварскими. О притязаніяхъ Альбрехта Австрійскаго даже и не упоминалось въ судебномъ рѣшеніи императора. Черезъ 350 лѣтъ императоръ Іосифъ II возобновилъ эти притязанія.

Приговоръ надъ герцогомъ Людвигомъ.

Людвигъ неотступно требовалъ отъ императора наказанія Генриху, покушавшемуся убить его. На нюрнбергскомъ сеймѣ 28 марта 1431 былъ наконецъ произнесенъ приговоръ, постановлявшій, что Генрихъ долженъ просить прощенія за свое злодѣйство, внести деньги въ церковь на вѣчное служеніе трехъ молебновъ каждый годъ, сдѣлать самъ четыре поѣздки къ святымъ мѣстамъ въ Европѣ и поѣздку въ Іерусалимъ или послать кого нибудь вмѣсто себя на эти богомольства и дать на войну съ гуситами сто коней (500 всадниковъ). Наказаніе было слишкомъ легко, вражда продолжалась, противники Людвига подняли процессъ противъ него на констанцскомъ соборѣ. Онъ ограбилъ много монастырей, опустошалъ владѣнія сосѣднихъ епископовъ; соборъ отлучилъ его отъ церкви; онъ продолжалъ свои грабежи; ограбленные снова пожаловались на него собору; соборъ снова провозгласилъ его отлученнымъ отъ церкви и хотѣлъ взять на свое рѣшеніе споры его съ другими баварскими герцогами, относившіеся не къ церковнымъ, а къ мірскимъ дѣламъ. Сигизмундъ, не могъ допустить вмѣшательства собора въ мірскія дѣла, подлежавшія рѣшенію императора, послалъ Людвигу вызовъ явиться къ императорскому суду; онъ не явился; Сигизмундъ объявилъ его ослушникомъ, лишилъ всѣхъ владѣній, передалъ ихъ Вильгельму, герцогу мюнхенскому, и 28 апрѣля 1434 обнародовалъ прокламацію, лишавшую Людвига покровительства законовъ, призывавшую сосѣднихъ государей и сосѣдніе города къ войнѣ противъ него. Увидѣвъ, что дѣло приняло серьезный оборотъ, Людвигъ обратился къ императору съ просьбой о прощеніи; отъ Сигизмунда можно было получить за деньги все, а у Людвига было много денегъ; императоръ объявилъ, что возвращаетъ свою милость «своему любезному другу и дядѣ», постановилъ, что Людвигъ заплатитъ вознагражденіе за убытки монастырямъ и епископамъ, повелѣлъ ему и его противникамъ прекратить войну. Было

заключено перемиріе, но военныя дѣйствія возобновились, прерывались новыми перемиріями и опять возобновлялись.

Агнеса Бернауэръ.

Въ мюнхенской части Баваріи герцогами были два брата; одинъ изъ нихъ, Вильгельмъ, былъ человѣкъ богомольный и предоставилъ все управленіе другому, Эрнсту. У Эрнста былъ одинъ сынъ Альбрехтъ, любитель турнировъ, поклонникъ женщинъ. На турнирѣ въ Аугсбургѣ Альбрехтъ увидѣлъ красавицу Агнесу Бернауэръ и влюбился въ нее; она была дочь банщика, но любовь къ ней была въ Альбрехтѣ сильнѣе сословныхъ предрасудковъ, и онъ тайно повѣнчался съ ней. Отецъ узналъ о его женитьбѣ, сильно разсердился; но Альбрехтъ не слушалъ требованій отца, чтобъ онъ разошелся съ Агнесой. На турнирѣ въ Регенсбургѣ Альбрехту было объявлено, что онъ не можетъ быть допущенъ къ рыцарскимъ состязаніямъ, потому что живетъ въ связи съ простолюдинкой, безчестною дѣвушкой, а это противно закону рыцарской чести. Въ отвѣтъ на это Альбрехтъ объявилъ, что онъ повѣнчанъ съ Агнесой, привезъ ее въ свой штраубингскій дворецъ и велѣлъ придворнымъ оказывать ей почести, какъ герцогинѣ. Отецъ пришелъ въ ярость отъ такого униженія герцогскому роду, пригласилъ сына на турниръ въ Аугсбургъ, и когда сынъ уѣхалъ изъ Шраубинга, онъ велѣлъ схватить Агнесу и судить ее за колдовство, которымъ очаровала она его сына. Судъ приговорилъ ее къ смерти, какъ колдунью, приворожившую къ себѣ Альбрехта волшебными любовными напитками. Ее повели 12 октября 1435 на штраубингскій мостъ и бросили въ Дунай; когда ея голова показалась надъ водой, то зацѣпили багромъ ея прекрасные русые волосы и погрузили голову въ воду. Альбрехтъ, услышавъ объ этомъ злодѣйствѣ отца, взялся за оружіе; Людвигъ Бородатый, любившій воевать, принялъ его сторону. Генрихъ Ландсгутскій, курфирстъ бранденбургскій напали на своего стараго врага Людвига Бородатаго; война опустошала Баварію. Базельскій соборъ убѣдилъ Эрнста и Альбрехта примириться. Эрнстъ подвергъ себя церковному покаянію за убійство Агнесы, построилъ часовню на ея могилѣ; Альбрехтъ простилъ отца и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ женился на браунтвейгской принцесѣ Аннѣ, но, какъ говорятъ, остался грустенъ на всю жизнь. Народъ въ Баваріи долго пѣлъ пѣсни о любви и смерти красавицы Агнесы.

Судьба Людвига Бородатаго.

У Людвига Бородатаго былъ только одинъ законный сынъ, котораго звали тоже Людвигомъ; это былъ юноша обезображенный горбомъ и злой; отецъ не любилъ его и очень любилъ своего побочнаго сына Виланда Фрейберга, далъ Виланду огромныя имѣнья, массу денегъ. Людвигъ Горбатый злился на такой убытокъ себѣ. Онъ женился на Маргаретѣ, дочери курфирста Фридриха, съ которымъ его отецъ былъ во враждѣ; ссора между нимъ и отцомъ дошла до войны. Курфирстъ бранденбургскій помогалъ Людвигу Горбатому. Онъ въ 1443

взялъ въ плѣнъ отца, заперъ его въ темницу, но заболѣлъ; народъ говорилъ, что за свой грѣхъ противъ отца онъ скоро умретъ. Онъ умеръ 7 апрѣля 1445. Старика отца его взялъ маркграфъ Альбрехтъ и заперъ въ темницу въ Ансбахѣ; потомъ плѣнникъ достался въ руки своего смертельнаго врага Генриха Ландсгутскаго, который заперъ его въ темницу въ Бурггаузенѣ; тамъ утромъ 1 мая 1447 нашли 80 лѣтняго старика мертвымъ. «Натуральная ли была это смерть или насильственная, извѣстно Богу», говоритъ одна изъ тогдашнихъ лѣтописей. Генрихъ Ландсгутскій, наслѣдовавшій почти всѣ сокровища и владѣнія своего противника, прожилъ еще три года.

---

2. Соединеніе баварскихъ земель подъ одной властью.

Альбрехтъ III, герцогъ мюнхенскій † 1460.

По смерти Людвига Бородатаго оставались только двѣ линіи баварскихъ герцоговъ мюнхенская и ландсгутская. Владѣніями мюнхенской линіи по смерти другихъ родственниковъ сталъ править съ 1438 года герцогъ Альбрехтъ Благочестивый; онъ былъ миролюбивъ, государство отдохнуло при немъ; онъ облегчилъ налоги, угнетавшіе поселянъ, улучшилъ судопроизводство; онъ умеръ 29 февраля 1460.

Людвигъ Богатый, герцогъ ландсгутскій † 1479.

Генрихъ Богатый, герцогъ ландсгутскій, неутомимо старавшійся увеличивать свои сокровища и владѣнія, умеръ 29 іюля 1450. Онъ не давалъ денегъ своему единственному сыну Людвигу; сдѣлавшись обладателемъ огромныхъ сокровищъ, Людвигъ, любившій роскошь, сталъ удивлять современниковъ великолѣпіемъ своего двора, блескомъ праздниковъ. Человѣкъ миролюбивый, Людвигъ заботился о благѣ страны. Въ 1472 году онъ основалъ ингольштадскій университетъ. Людвигъ умеръ 18 января 1479; единственный сынъ его Георгъ Богатый, женитьба котораго на польской принцессѣ Гедвигѣ была за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ отпразднована съ великолѣпнымъ блескомъ, наслѣдовалъ благоустроенное богатое государство.

Мюнхенская линія.

Послѣ Альбрехта III Благочестиваго, герцога мюнхенскаго, осталось пять сыновей; отецъ постановилъ, что тотъ изъ нихъ, который по очереди старшинства будетъ главнымъ правителемъ, долженъ имѣть соправителемъ только одного изъ младшихъ. Первый по старшинству скоро умеръ; второй, Сигизмундъ, далъ участіе въ управленіи третьему Альбрехту и самъ мало занимался дѣлами, такъ что истиннымъ правителемъ былъ Альбрехтъ. Четвертый братъ Кристофъ, блестящій рыцарь, удивительной физической силы, потребовалъ себѣ участія въ правленіи; поднялись ссоры; никакія рѣшенія третейскихъ судей не могли образумить Кристофа; Альбрехтъ, выведенный изъ терпѣнія, заперъ его въ темницу и продержалъ тамъ больше

полутора года. Получивъ свободу, онъ возобновилъ раздоры, терпѣлъ неудачи, но не давалъ покоя Альбрехту. По любви къ приключеніямъ онъ поѣхалъ наконецъ на богомолье въ Іерусалимъ; получилъ лихорадку, сломившую его желѣзное здоровье и, возвращаясь домой, умеръ на островѣ Родосѣ въ 1493 году. Только тогда государство мюнхенской линіи стало пользоваться спокойствіемъ.

Альбрехтъ IV † 1508.

Альбрехтъ IV Мудрый правилъ государствомъ твердо, обуздывалъ буйныхъ вельможъ, защищалъ простолюдиновъ отъ ихъ притѣсненій.

Споръ за ландсгутское наслѣдство.

Герцогъ ландсгутскій Георгъ Богатый не имѣлъ сыновей; съ его смертью мужеская линія ландсгутской династіи должна была прекратиться. По фамильнымъ договорамъ и по ленному праву ея владѣнія должны были перейдти къ мюнхенской линіи, но Георгъ былъ друженъ съ Стефаномъ, пфальцграфомъ рейнскимъ, и желалъ, чтобъ его владѣнія наслѣдовала пфальцграфская линія Виттельсбаховъ. Онъ выдалъ свою дочь Елизавету за Рупрехта, третьяго сына Стефана, и назначилъ зятя своимъ наслѣдникомъ. Онъ умеръ 1 декабря 1503; Рупрехтъ въ это время ужь управлялъ нѣкоторыми частями владѣній тестя; но сеймъ отложилъ признаніе его государемъ до рѣшенія императорскаго суда. Императоръ Максимиліанъ желалъ пріобрѣсти нѣкоторые клоки владѣній ландсгутской линіи Виттельсбаховъ; герцогъ Альбрехтъ согласился уступить ихъ, императоръ 23 апрѣля 1504 рѣшилъ, что владѣнія Георга должны перейдти по наслѣдству къ мюнхенской линіи, и объявилъ мятежникомъ Рупрехта, взявшагося за оружіе въ защиту своихъ притязаній. Рупрехтъ былъ человѣкъ храбрый, жена его имѣла твердый характеръ, поддерживала рѣшимость мужа. Онъ овладѣлъ Ландсгутомъ; богатая казна, собранная Георгомъ, дала ему возможность собрать большое наемное войско. Но Альбрехтъ былъ силенъ самъ по себѣ, имѣлъ могущественныхъ отважныхъ союзниковъ, и война, начавшаяся въ Баваріи весной 1504 года, шла нерѣшительнымъ ходомъ.

Война во Пфальцѣ.

Рупрехтъ надѣялся, что ему сильно будетъ помогать отецъ; но курфирстъ Филиппъ съ трудомъ защищалъ свое государство отъ враговъ. Сосѣди, подавленные Фридрихомъ Побѣдоноснымъ, хотѣли подняться изъ своего униженія; они напали на Пфальцъ. Императорскія войска пошли въ Эльзасъ и завоевали тамъ всѣ прежнія габсбургскія владѣнія, доставшіяся курфирстамъ пфальцскимъ. Герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій и пфальцграфъ Александръ Вельденцскій, сынъ Людвига Чернаго, опустошали Пфальцъ; курфирстъ Филиппъ опустошалъ ихъ владѣнія. Страданія народа во Пфальцѣ увеличились, когда пришелъ туда Вильгельмъ, ландграфъ гессенскій, и мелкіе князья, искавшіе добычи; съ безпощадной свирѣпостью опустошая страну, они прошли оденвальдскую область, область Горной дороги, дошли до Вормса и Майнца. Осенью ландграфъ ушелъ домой; по пути, пройденному имъ, лежали развалины 300 сожженныхъ селеній и мѣстечекъ.

Въ августѣ этого (1504) года пфальцграфъ Рупрехтъ умеръ; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ умерла его жена; ихъ сыновья Оттонъ, Генрихъ и Филиппъ остались маленькими дѣтьми; война нѣсколько времени продолжалась; но у бывшихъ противниковъ Рупрехта исчезла надобность въ ней. Отецъ Рупрехта не могъ надѣяться на успѣхъ и согласился отдать спорные вопросы на рѣшеніе императорскаго суда, то-есть императора и сейма. Рѣшеніе было произнесено императоромъ на Кельнскомъ сеймѣ 30 іюля 1505. Малолѣтніе сыновья Рупрехта получили всѣ сокровища Георга Богатаго и область на Дунаѣ—герцогство нейбургское (раздѣлившееся впослѣдствіи на пфальцграфства нейбургское и зульцбахское). Императоръ получилъ изъ владѣній Георга довольно большіе клоки на тирольской границѣ; остальная масса владѣній Георга была присоединена къ мюнхенскому государству. У курфирста пфальцскаго были отняты завоеванія Фридриха Побѣдоноснаго и отданы Гессену, Вюртембергу, Вельденцу, Нюрнбергу и другимъ противникамъ курфирста въ вознагражденіе за военныя издержки.

Соединеніе баварскихъ земель въ одно государство.

Такимъ образомъ Баварія, долго бывшая раздробленной, соединилась подъ властью одного государя, герцога Альбрехта. Миролюбивый братъ его Вольфгангъ предоставилъ ему всю власть, и граматою 8 іюля 1506 уступилъ ему всѣ свои права; къ этому заявленію Вольфганга былъ присоединенъ въ граматѣ законъ, утвержденный сеймомъ и постановлявшій, что Баварія навсегда должна оставаться нераздѣльнымъ государствомъ подъ властью одного правителя и что младшіе братья получаютъ только графства, то-есть небольшіе удѣлы безъ высшей правительственной власти. Это былъ первый такой законъ въ Германіи. Преемникомъ Альбрехта IV былъ старшій сынъ его Вильгельмъ IV. Потомки Вильгельма правили всей Баваріей по линіи первородства.

Вильгельмъ IV. † 1550.

b) Рейнскій Пфальцъ.

Раздѣлъ рейнскаго Пфальца. 1410.

Пфальцграфъ Рупрехтъ III, король нѣмецкій, раздѣлилъ свои владѣнія между четырьмя сыновьями. Людвигъ III Бородатый получилъ санъ курфирста и главную массу отцовскихъ владѣній, въ которой находились Гейдельбергъ, Мангеймъ, Амбергъ. Второй братъ получилъ остальную часть той баварской области, которая называлась Верхнимъ Пфальцомъ. Онъ былъ женатъ на Катеринѣ, принцессѣ померанской, сестрѣ Эрика, короля датскаго, норвежскаго и шведскаго; его сынъ Кристофъ сталъ государемъ этихъ королевствъ по низверженіи Эрика; со смертью Кристофа эта линія пфальцской династіи прекратилась; большая часть ея пфальцскихъ владѣній перешла къ мосбахской линіи. Третій сынъ Рупрехта, Стефанъ, получилъ большую половину отцовскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Важнѣйшими частями ихъ были округи зиммернскій и цвейбрюкенскій. Стефанъ былъ

женатъ на Аннѣ Вельденцской, наслѣдовавшей богатое графство своей фамиліи. Владѣнія Стефана раздѣлили между собою два сына. Фридрихъ получилъ Зиммернъ, Людвигъ Черный получилъ Цвейбрюкенъ или, по другому названію этой области, Вельденцъ.—Четвертый сынъ Рупрехта, Оттонъ, наслѣдовалъ пфальцскія владѣнія въ оденвальдской области на Некарѣ и въ области Горной дороги; потомъ получилъ большую часть владѣній, принадлежавшихъ Кристофу. Со смертью его сына Оттона II (въ 1499 году) прекратилась эта линія, и ея владѣнія были присоединены къ государству старшей курфиршеской линіи. Курфирстъ Людвигъ III имѣлъ трехъ сыновей; старшій изъ нихъ, курфиртстъ Людвигъ IV, былъ государь твердаго, но кроткаго характера. Онъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, и сынъ его Филиппъ остался по смерти отца малюткой. Второй сынъ Людвига III Фридрихъ сдѣлался опекуномъ племянника.

Стефанъ Зиммернскій † 1459.
Фридрихъ Зиммернскій † 1480.
Людвигъ Цвейбрюкенскій. † 1489.
Курфирстъ Людвигъ III 1410—1436.
Людвигъ IV. 1437—1449.
Фридрихъ Побѣдоносный 1449—1476.

Состояніе Германіи было тревожное, положеніе курфиршества пфальцскаго было опасно; государству нужна была твердая власть. Фридриху показалось, что для этого ему надобно быть не регентомъ, а государемъ. Сеймъ согласился на то, чтобъ онъ принялъ санъ курфирста подъ условіемъ, что онъ усыновитъ своего племянника Филиппа и останется неженатымъ. Мать Филиппа и всѣ курфирсты дали на это свое согласіе, только императоръ не согласился признать Фридриха курфирстомъ. Никакихъ серьезныхъ причинъ къ протесту императоръ не имѣлъ; онъ вѣроятно обидѣлся тѣмъ, что Фридрихъ сталъ называть себя курфирстомъ, не испросивъ на это предварительно согласія его. Фридрихъ сталъ врагомъ императора.

Войны.

Фридрихъ былъ въ то время еще молодой человѣкъ, но сталъ дѣйствовать очень искусно. Характеръ у него былъ энергическій; онъ обратилъ оружіе на тѣхъ сосѣдовъ, которые не захотѣли заключить съ нимъ договоры на выгодныхъ для него условіяхъ; въ 1452 году побѣдилъ графовъ люцельштейнскихъ, вассаловъ курфирста пфальцскаго, вышедшихъ изъ-подъ зависимости отъ своихъ ленныхъ господъ. Фридрихъ прогналъ ихъ и присоединилъ графство люцельштейнское къ Пфальцу. Въ 1454 онъ взялъ и сурово наказалъ городъ Амбергъ, не хотѣвшій признать его курфирстомъ. Въ 1455 онъ напалъ на пфальцграфа вельденцскаго Людвига Чернаго, не хотѣвшаго признавать ленной власти курфирста надъ нѣкоторыми частями своихъ владѣній. Война была опустошительна; Фридрихъ принудилъ Людвига уступить его требованіямъ. Въ слѣдующіе годы Фридрихъ участвовалъ въ войнахъ между герцогами баварскими и Альбрехтомъ Ахиллесомъ; мы уже разсказывали объ успѣхахъ, одержанныхъ имъ въ то время. Послѣ того въ 1469 и 1470 годахъ онъ воевалъ съ городомъ Вейсенбургомъ, аббатомъ вейсенбургскимъ и Людвигомъ Вельденцскимъ, отнялъ у Людвига часть владѣній. Императоръ 27 мая 1474 объявилъ Фридриха мятежникомъ, незаконно присвоившимъ

себѣ санъ курфирста, пригласилъ сосѣднихъ государей низвергнуть его. Онъ отбился отъ всѣхъ враговъ.

Фридрихъ велъ много войнъ и сдѣлалъ большія завоеванія, но заботился и о внутреннемъ управленіи, былъ бережливъ, покровительствовалъ развитію торговли, улучшилъ судопроизводство, любилъ искусство, занимался поэзіей.—Исполняя обязательство, данное сеймy, онъ долго не вступалъ въ бракъ. Впослѣдствіи, онъ повѣнчался съ своей любовницей Кларой Деттенъ, но она была простолюдинка; по нѣмецкимъ обычаямъ дѣти его отъ нея не считались принадлежащими къ династіи, потому бракъ его съ нею не былъ нарушеніемъ обѣщанія оставить право престолонаслѣдія за Филиппомъ.

Филиппъ 1476—1508.

При жизни Фридриха Филиппъ управлялъ Верхнимъ Пфальцомъ (той частью Баваріи, которая принадлежала къ владѣніямъ курфирста пфальцскаго) и постоянно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ дядей. Сдѣлавшись по смерти Фридриха курфирстомъ, онъ пріобрѣлъ право на признательность подданнымъ своимъ миролюбіемъ. Пфальцъ оправился при немъ отъ изнуренія войнами Фридриха. Блестящую сторону правленія Филиппа составляетъ покровительство наукѣ. При гейдельбергскомъ дворѣ находили тогда хорошій пріемъ и получали средства къ жизни представители новаго гуманистическаго направленія наукъ Рудольфъ Агрикола, Конрадъ Цельтесъ, Йоганъ Вессель, Рейхманъ, Вимпфелингъ, Вигиліусъ (юристъ), Тритеміусъ (историкъ). Посредниками между ними и курфирстомъ были Йоганнъ Дальбергъ и Дитрихъ Пленнингенъ, друзья курфирста. Въ концѣ правленія Филиппа Пфальцъ подвергся бѣдствіямъ войны, возникшей по спору за ландсгутское наслѣдство. — Старшій сынъ Филиппа, преемникъ его Людвигъ V, прекратилъ споры съ сосѣдами и герцогами баварскими, помирился съ императоромъ и потомъ во все свое правленіе заботился о поддержаніи мира въ Германіи.

Людвигъ V 1508—1544.

3. Маркграфы баденскіе.

По смерти Германа IV (въ 1190 году), его владѣнія раздѣлили между собою два сына: Германъ V, родоначальникъ баденской линіи, и Генрихъ I, родоначальникъ гохбергской линіи маркграфовъ баденскихъ. Владѣнія баденъ-баденской линіи часто дробились. Исторія государей этой линіи состоитъ въ мелкихъ войнахъ, небольшихъ пріобрѣтеніяхъ и потеряхъ владѣній. Баденъ-гохбергская линія тоже ослабляла себя раздѣлами. Въ 1503 году она прекратилась, и всѣ баденскія владѣнія соединились по наслѣдству подъ властью Кристофа I. Онъ установилъ нераздѣльность государства, но по его смерти (въ1527 году) оно снова раздѣлилось. Бернгардъ III сталъ маркграфомъ баденъ-баденскимъ, Эрнстъ—маркграфомъ баденъ-дурлахскимъ.

4. Ландграфы гессенскіе.

По войнѣ за тюрингско-гессенское наслѣдство Гессенъ былъ отдѣленъ отъ Тюрингіи (VII, 669). Ландграфъ Генрихъ I, нѣсколько времени продолжавшій носить титулъ герцога брабантскаго, старался соединять новыми пріобрѣтеніями свои гессенскія владѣнія, состоявшія изъ разрозненныхъ клоковъ. Его сыновья Оттонъ I и Іоаннъ I раздѣлили между собой отцовскія владѣнія; но Іоаннъ скоро умеръ, и Оттонъ сталъ государемъ всего отцовскаго наслѣдства. Сынъ Оттона, Генрихъ II Желѣзный, правилъ государствомъ по соглашенію съ младшими братьями одинъ и сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія; ему наслѣдовалъ племянникъ Германъ I, которому пришлось вести много войнъ съ союзами рыцарей и сосѣдами. Онъ также сдѣлалъ нѣкоторыя пріобрѣтенія. Сынъ его, Людвигъ I, пріобрѣлъ графства цигенгайнское, нидское и нѣкоторыя другія владѣнія. Сыновья Людвига I, Людвигъ II и Генрихъ III, раздѣлили между собой отцовское наслѣдство. Старшій братъ, Людвигъ, сталъ родоначальникомъ кассельской линіи, Генрихъ получилъ верхній Гессенъ, столицею котораго былъ Марбургъ; жена его была наслѣдница графства кацепельнбогенскаго; самъ онъ купилъ Эпенштейнъ. Сынъ его Вильгельмъ умеръ бездѣтнымъ, и гессенскія земли соединились подъ властью кассельской линіи. Въ Касселѣ по смерти Людвига II правили вмѣстѣ сыновья его Вильгельмъ Старшій и Вильгельмъ Средній или Вильгельмъ II. Старшій братъ, Вильгельмъ I, подвергся умственному разстройству, и единственнымъ правителемъ государства сдѣлался младшій братъ. Въ 1500 году Вильгельмъ Марбургскій умеръ, и всѣ гессенскія владѣнія соединились подъ властью Вильгельма II. Въ войнѣ за ландсгутское наслѣдство онъ сдѣлалъ новыя пріобрѣтенія. При его смерти Гессенъ былъ уже большимъ, сильнымъ государствомъ. Сынъ его, Филиппъ, былъ во время смерти отца пятилѣтнимъ ребенкомъ. Въ малолѣтство Филиппа государствомъ сначала правилъ совѣтъ регентства, назначенный сеймомъ, потомъ правительницею сдѣлалась мать Филиппа, Анна Мекленбургская. Въ 1518 году Филиппъ, имѣвшій тогда 14 лѣтъ, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ.

Генрихъ I † 1309.
Оттонъ I † 1328.
Генрихъ II 1328—1377.
Германъ I 1377—1413.
Людвигъ I 1413—1458.
Людвигъ II 1458—1471.
Генрихъ III 1458—1483.
Вильгельмъ II 1471—1509.

5. Государство Вельфовъ.

Внукъ Генриха Льва Оттонъ Дитя, по примиреніи съ Фридрихомъ II въ 1235 году, сталъ спокойно править уцѣлѣвшими владѣніями вельфской династіи съ титуломъ герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго. Сыновья его въ 1267 году раздѣлили между собой отцовскія земли. Альбрехтъ получилъ Брауншвейгъ, Вольфенбюттель, Каленбергъ, Геттингенъ; эта линія Вельфовъ называется старой брауншвейгской. Другой братъ, Іоаннъ, получилъ Люнебургъ, Целле, Ганноверъ. Эта линія называется старой люнебургской. Владѣнія обѣихъ линій дѣлились въ потомствѣ ихъ основателей.

Оттонъ Дитя † 1252.

Грубенгагенская линія 1286—1596.

Владѣнія Альбрехта были въ 1286 году раздѣлены тремя его сыновьями. Генрихъ получилъ Грубенгагенъ, Альбрехтъ взялъ Геттингенъ, Вильгельмъ, получившій Вольфенбюттель, умеръ бездѣтнымъ, и его владѣнія присоединились къ государству Альбрехта. Владѣнія грубенгагенской линіи раздробились между сыновьями Альбрехта и ихъ потомками, иногда соединялись подъ одной властью, но снова дробились. Наконецъ въ 1598 году умеръ послѣдній потомокъ Альбрехта, Филлипъ II, подъ властью котораго соединились всѣ грубенгагенскія земли, и государство его взялъ себѣ герцогъ вольфенбюттельскій, Генрихъ Юлій, но въ 1617 году оно по рѣшенію имперatовскаго придворнаго суда было передано люнебургской линіи.

Геттингенская линія 1286—1463.

Основателемъ геттингенской линіи былъ Адольфъ II. По смерти его брата Вильгельма къ ея владѣніямъ были присоединены Брауншвейгъ и Вольфенбюттель. Преемникомъ Альбрехта былъ его сынъ, Оттонъ Кроткій, который правилъ государствомъ одинъ, хотя имѣлъ двухъ младшихъ братьевъ, Эрнста и Магнуса; по его смерти они раздѣлили между собой государство; Эрнстъ получилъ Геттингенъ, Магнусъ—Вольфенбюттель и Брауншвейгъ. Геттингенская линія прекратилась со смертью Оттона Кривого (Кокисса) въ 1463 году; ея владѣнія перешли къ Вильгельму Побѣдоносному. Въ Вольфенбюттелѣ преемникомъ Магнуса I былъ его сынъ, Магнусъ II, при которомъ государство подверглось большимъ бѣдствіямъ въ войнѣ за люнебургское наслѣдство.

Вольфенбюттельская линія 1286—1409.

Старая люнебургская линія 1267—1369.

Въ люнебургской линіи преемникомъ Іоанна I былъ его сынъ, Оттонъ Суровый, дѣти котораго, Оттонъ II и Вильгельмъ, правили по смерти отца оба безъ раздѣла владѣній. Вильгельмъ пережилъ брата, не имѣвшаго дѣтей и, не имѣя сыновей, хотѣлъ назначить своимъ преемникомъ мужа своей дочери, герцога Альбрехта саксенъ-виттенбергскаго; но всѣ другіе Вельфы вознегодовали на это, и онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ Магнуса II Вольфенбюттельскаго. Герцоги саксонскіе заявляли притязанія на наслѣдство послѣ него, ссылаясь на его прежнія обѣщанія, и по его смерти (въ 1369 году) овладѣли Люнебургомъ, Ганновером, нѣкоторыми другими городами; Магнусъ велъ войну съ ними, но былъ побѣжденъ. По смерти Магнуса сыновья его въ 1373 году заключили съ герцогами саксонскими договоръ, постановлявшій, что люнебургскими землями будутъ поочередно управлять государи обѣихъ династій. Но черезъ нѣсколько времени война возобновилась, и въ 1388 году герцоги брауншвейгскіе прогнали изъ люнебургскихъ владѣній герцоговъ саксонскихъ, которые въ слѣдующемъ году отказались отъ своихъ притязаній. Въ 1409 году оставались въ живыхъ два сына Вильгельма Брауншвейгскаго, Бернгардъ и Генрихъ. Они раздѣлили между собой государство, которымъ прежде правили вмѣстѣ; Бернгардъ получилъ Вольфенбюттель, Генрихъ—Люнебургъ; по смерти Генриха, сыновья его воевали съ дядей, и въ 1428 году онъ уступилъ имъ часть своихъ владѣній.

Война за люнебургское наслѣдство.

Средняя люнебургская линія.

Генрихъ умеръ бездѣтнымъ, и государство соединилось подъ властью Вильгельма. Сыновья Вильгельма, Вильгельмъ II и Генрихъ, воевали между собой; Вильгельмъ взялъ въ плѣнъ Генриха, держалъ его въ темницѣ; онъ умеръ тамъ бездѣтнымъ; сыновья Вильгельма II раздѣлили между собой отцовскія владѣнія: Генрихъ получилъ Вольфенбюттель; Эрихъ I—Каленбергъ. Сынъ Эриха I Эрихъ II умеръ въ 1584 году бездѣтнымъ, и каленбергское герцогство перешло по наслѣдству къ вольфенбюттельской линіи.

Основатель вольфенбюттельской линіи, Генрихъ I, былъ въ 1524 году убитъ на войнѣ съ графомъ восточной Фрисландіи, Эдзардомъ. Старшій сынъ Генриха I, Генрихъ II, правилъ государствомъ одинъ. Младшій сынъ Вильгельмъ требовалъ раздѣла наслѣдства, но старшій братъ взялъ его въ плѣнъ, бросилъ въ темницу. Пробывъ подъ стражей 12 лѣтъ, онъ въ 1535 году отказался отъ своихъ притязаній.

Средняя вольфенбюттельская линія.

По смерти Бернгарда I (въ 1434 году) герцогствомъ люнебургскимъ правили вмѣстѣ сыновья его, Оттонъ и Фридрихъ, потомъ Фридрихъ, переживший брата, долго правилъ государствомъ одинъ. Сыновья его умерли при его жизни; онъ умеръ въ 1478 году; ему наслѣдовалъ внукъ, Генрихъ. За участіе въ гильдесгеймской войнѣ, о которой мы раскажемъ послѣ, онъ былъ объявленъ мятежникомъ. Это было въ 1520 году. Онъ передалъ управленіе сыновьямъ Оттону и Эрнсту и удалился изъ государства. Оттонъ взялъ себѣ Гарбургъ; его потомство правило этимъ удѣломъ до 1642 года; послѣ того Гарбургъ былъ присоединенъ къ герцогству люнебургскому. Эрнстъ, выдѣливъ брату Гарбургъ, остался одинъ герцогомъ люнебургскимъ. Сынъ Эрнста, Вильгельмъ—родоначальникъ младшей люнебургской линіи; потомки его стали курфирстами ганноверскими.

---

6. Тюрингія и Саксонія.

Мейсенъ и Тюрингія.

По прекращеніи династіи ландграфовъ тюрингскихъ Тюрингію наслѣдовалъ маркграфъ мейсенскій, Генрихъ Свѣтлый (VII, 668). По окончаніи войнъ, отъ которыхъ страдали Тюрингія и Мейсенъ при короляхъ Адольфѣ Нассаускомъ и Альбрехтѣ Габсбургскомъ, этими областями сталъ править Фридрихъ Укушенный. Въ войнѣ съ Вальдемаромъ, маркграфомъ бранденбургскимъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и принужденъ былъ уступить маркграфу Нижней Лаузицъ. Сынъ его, Фридрихъ Серьезный, долго воевалъ съ непокорными вельможами. Фридриху Серьезному наслѣдовали три сына, но государствомъ правилъ только старшій изъ нихъ, Фридрихъ Строгій. Онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя новыя владѣнія. По его смерти государство раздѣлили между собою два его младшіе брата и три его сына. Сыновья получили Остерландъ (западную часть нынѣшняго королевства саксонскаго и ту часть Тюрингіи, гдѣ находится Альтенбургъ); Мейсенъ получилъ одинъ изъ ихъ дядей, Вильгельмъ; остальную Тюрингію другой дядя, Бальтазаръ. Въ 1407 году Вильгельмъ Мейсенскій умеръ; его владѣнія были раздѣлены между сыномъ умершаго Бальтазара и сыновьями Фридриха Строгаго. Энергичнѣйшимъ изъ этихъ князей былъ старшій сынъ Фридриха Строгаго, Фридрихъ Воинственный. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ съ гуситами и въ 1409 году основалъ лейпцигскій университетъ. Получивъ санъ курфирста, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на нѣмецкія дѣла. Въ 1440 году сынъ Бальтазара, Фридрихъ Миролюбивый, умеръ; его смертью прекратилась тюрингская линія веттинской династіи.

Фридрихъ Укушенный † 1324.

Фридрихъ Серьёзный 1324—1349.

Фридрихъ Строгій 1349—1381.

Саксонія.

Мы разсказали исторію Саксоніи до того времени, какъ споръ между виттенбергской и лауэнбургской линіями за курфиршескій санъ былъ рѣшенъ Золотой буллой въ пользу виттенбергской линіи (VIII, 117). Но лауэнбургская линія не покорилась этому рѣшенію и долго присвоивала себѣ курфиршескія права. Преемникомъ Рудольфа II былъ его братъ Венцель. Онъ велъ войну съ герцогами брауншвейгскими за люнебургское наслѣдство и, какъ мы говорили, принужденъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній. Ему наслѣдовалъ сынъ Рудольфъ III, принимавшій дѣятельное участіе въ избраніи Сигизмунда королемъ нѣмецкимъ; за это Сигизмундъ далъ ему право чеканить золотую монету и нѣкоторыя другія почетныя права. Онъ былъ убитъ въ войнѣ съ гуситами; два его сына были раньше

Рудольфъ II 1356—1370.

Венцель 1370—1388.

Рудольфъ III 1388—1419.

Альбрехтъ III 1419—1422. Переходъ курфиршества саксонскаго къ веттинской династіи.

задавлены упавшей башней, и ему наслѣдовалъ братъ Альбрехтъ III, смертью котораго прекратилась виттенбергская линія асканскаго рода.

Явилось много соискателей на ея владѣнія. Ближайшее право наслѣдства имѣла лауэнбургская линія. Но императоръ Сигизмундъ отвергъ ея притязанія и объявилъ Саксонію выморочнымъ леномъ. Сынъ Фридриха Бранденбургскаго, Іоаннъ, былъ женатъ на дочери Рудольфа III Барбарѣ, а Сигизмундъ въ прежнее время обѣщалъ ему курфиршество саксонское. Ссылаясь на это, Фридрихъ занялъ Саксонію своими войсками. Но Сигизмундъ былъ тогда въ ссорѣ съ нимъ, и по желанію саксонскаго сейма отдалъ (6 января 1423) Саксонію маркграфу мейсенскому, Фридриху Воинственному, которому былъ благодаренъ за усердную помощь въ войнѣ съ гуситами. Фридрихъ Бранденбургскій принужденъ былъ удовольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ и вывелъ свои войска изъ Саксоніи. Эрихъ V, герцогъ лауэнбургскій и его преемники долго, но безуспѣшно защищали свои права на Саксонію. Она при Фридрихѣ I очень много страдала отъ гуситской войны. Мы говорили объ ужасныхъ пораженіяхъ нѣмцевъ при Брюксѣ и Ауссигѣ (VIII, 217); въ нихъ погибли храбрѣйшіе саксонскіе вельможи и воины. По переходѣ курфиршества саксонскаго къ веттинской династіи, имя Саксоніи распространилось на всѣ владѣнія этой династіи.

Фридрихъ II Кроткій 1428—1464.

Фридрихъ Воинственный умеръ 4 января 1428; старшій изъ его четырехъ сыновей, Фридрихъ Кроткій, получилъ санъ курфирста и герцогство саксонское; остальными отцовскими владѣніями онъ правилъ вмѣстѣ съ братьями; одинъ изъ нихъ, Генрихъ, скоро умеръ; черезъ нѣсколько времени другой, Сигизмундъ, отказался отъ участія въ правленіи, поступивъ въ монахи: онъ влюбился въ монахиню, дѣвушку знатнаго рода, Ломенъ, и принялъ монашество, чтобы поселиться въ мужскомъ Вейдскомъ монастырѣ подлѣ монастыря, гдѣ жила она. Впослѣдствіи онъ сталъ епископомъ вюрцбургскимъ, но поссорился съ капитуломъ и былъ низложенъ. Потерявъ каѳедру, онъ сталъ интриговать противъ братьевъ, чтобы возвратить себѣ участіе во владѣніи отцовскимъ государствомъ, былъ арестованъ, запертъ въ темницу и оставался въ ней до самой смерти (въ 1463 году.) Нашествія гуситовъ страшно опустошали Саксонію и Мейсенъ; когда они прекратились, началась война между тѣми двумя сыновями Фридриха Воинственнаго, между которыми было раздѣлено его государство: ихъ двоюродный братъ, ландграфъ тюрингскій Фридрихъ Миролюбивый, умеръ 4 мая 1440; они наслѣдовали его владѣнія и пять лѣтъ правили ими вмѣстѣ, потомъ въ 1445 году раздѣлили ихъ: Вильгельмъ получилъ Тюрингію и франконскія земли, Фридрихъ взялъ себѣ Мейсенъ; Остерландъ они раздѣлили пополамъ. Но Вильгельмъ остался недоволенъ раздѣломъ; онъ былъ человѣкъ безпокойнаго характера, и зависть его къ брату была доведена до ненависти внушеніями Фицтумовъ, вельможъ, занимавшихъ почти княжеское положеніе; ихъ владѣнія достались на долю Фридриха; они хотѣли, чтобъ область, въ которой лежали ихъ земли, перешла подъ власть Вильгельма, человѣка молодого, которымъ они руководили; они разсчитывали при войнѣ Вильгельма съ Фридрихомъ увеличить свои владѣнія и права. Фридрихъ требовалъ отъ брата, чтобъ онъ удалилъ отъ себя Фицтумовъ; Вильгельмъ не согласился, курфирстъ пошелъ на него войной; она длилась пять лѣтъ. Одинъ изъ Фицтумовъ, Апель, склонилъ Юрія Подѣбрада помогать Вильгельму, и въ Саксонію пошли страшные чешскіе грабители, которыхъ называли жебраками. При взятіи Геры они зарѣзали 5.000 человѣкъ (въ октябрѣ 1450). Наконецъ у Вильгельма не достало денегъ на жалованье наемникамъ; притомъ Апель Фицтумъ сталъ обращаться съ нимъ дерзко; онъ прогналъ Апеля и въ началѣ 1451 года помирился съ братомъ. Апель уѣхалъ въ Богемію и долго интриговалъ тамъ противъ Вильгельма.

Война Фридриха съ Вильгельмомъ 1446—1450.

Эпилогомъ этого междоусобія былъ случай, называющійся похищеніемъ принцевъ. Кунцъ Кауфунгенъ, храбрый воинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ у курфирста Фридриха, пріобрѣлъ во время войны нѣсколько имѣній въ Мейсенѣ и не хотѣлъ по заключеніи мира отдать ихъ. Курфирстъ отнялъ у него ихъ силой; онъ рѣшился отмстить Фридриху. Ночью съ 7 на 8 іюня 1455 онъ съ нѣсколькими товарищами вошелъ въ альтенбуртскій дворецъ, гдѣ жило семейство курфирста, котораго не было самого тутъ, овладѣлъ сыновьями курфирста, Эрнстомъ и Альбрехтомъ, въ то время еще дѣтьми, и поскакалъ съ ними въ Богемію; самъ онъ съ Альбрехтомъ ѣхалъ одной дорогой, другая часть его сообщниковъ везла Эрнста другой дорогой. Онъ былъ уже не далеко отъ богемской границы, когда въ лѣсу схватили его угольщики, которымъ ребенокъ сказалъ свое имя. Угольщики отвезли его въ Цвихау. Онъ былъ наказанъ отсѣченіемъ головы; его товарищи были четвертованы. Другіе заговорщики, которые увозили Эрнста, услышавъ объ арестованіи Кунца, освободили принца и ускакали за границу.

Похищеніе принцевъ.

Вильгельмъ † 1482.

Вильгельмъ надѣялся получить богемскую корону по смерти Владислава, но чехи выбрали королемъ Юрія Подѣбрада, и по эгерскому договору 25 апрѣля 1459 саксонскіе государи принуждены были уступить королю богемскому нѣкоторые округи, признать богемскими ленами нѣкоторые мейсенскіе города. Послѣ этого герцогъ Вильгельмъ оставилъ честолюбивые замыслы. Прежде о немъ говорили: «Когда герцогъ Вильгельмъ надѣваетъ шпоры и идетъ по двору веймарскаго дворца, звонъ раздается по всей Тюрингіи». Теперь онъ сталъ жить смирно, не разставаясь съ очаровавшей его красавицей, Катериной Бранденштейнъ, и по смерти жены повѣнчался съ ней. Онъ умеръ въ 1482 году; сыновей у него не было, и Тюрингію наслѣдовали сыновья Фридриха, Эрнстъ и Альбрехтъ. Фридрихъ умеръ 7 сентября 1464. Сыновья его двадцать лѣтъ правили своими владѣніями вмѣстѣ и жили дружно. Когда по смерти Вильгельма досталась имъ Тюрингія, они вздумали раздѣлить между собою государство, сдѣлавшееся

Раздѣлъ владѣній 1485.

обширнымъ. Раздѣлъ былъ произведенъ по лейпцигскому договору 26 августа 1485. За старшимъ братомъ Эрнстомъ, по его сану курфирста, осталось герцогство саксонское. Остальныя владѣнія были раздѣлены на двѣ половины, Мейсенъ и Тюрингію. Тюрингскую часть образовали Альтенбургъ, Кобургъ, Гота, Гильдбурггаузенъ, Эйзенахъ, Зальфельдъ, Веймаръ, мейсенскую—Хемницъ, Дрезденъ, Фрейбергъ, Іена, Лейпцигъ. Нѣкоторые округи были оставлены въ общемъ владѣніи. Раздѣлъ произвелъ старшій братъ, предоставляя младшему взять ту половину, которую хочетъ, и прибавилъ условіе, что за кѣмъ останется мейсенская доля, тотъ уплатитъ другому 100.000 гульденовъ. Альбрехтъ выбралъ себѣ Мейсенъ, заплатилъ Эрнсту 50.000 гульденовъ, а вмѣсто остальныхъ 50.000 уступилъ ему Іену съ ея округомъ. Такъ возникли двѣ линіи веттинской династіи: эрнестинская, владѣвшая Тюрингіей, и альбрехтинская, владѣвшая Мейсеномъ. Преемникомъ Эрнста былъ его сынъ, Фридрихъ III Мудрый; преемникомъ Альбрехта старшій изъ его сыновей, Георгъ Бородатый или Богатый.

Эрнстъ † 1486. Альбрехтъ † 1500.

VI. Богемія послѣ гуситскихъ войнъ.

1. Альбрехтъ. Борьба партій по смерти его.

Положеніе Альбрехта въ Богеміи.

Компактаты, утвержденные базельскимъ соборомъ, были написаны въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, поддававшихся фальшивому истолкованію дѣйствительныхъ основаній примиренія; они были только обманомъ со стороны собора; ни у Сигизмунда, ни у римской куріи не было желанія соблюдать ихъ; это скоро обнаружилось, и потому волненія въ Богеміи продолжались. Альбрехтъ, назначенный по завѣщанію Сигизмунда королемъ богемскимъ, встрѣтилъ большое сопротивленіе себѣ со стороны чеховъ; онъ выказывалъ во время войнъ ненависть къ гуситамъ, потому они были враждебны ему, а національное чувство чеховъ оскорблялось владычествомъ нѣмца, не умѣвшаго говорить на ихъ языкѣ. Но они были утомлены войной и была въ Богеміи сильная австрійская партія; къ ней принадлежали католики, умѣренные утраквисты, Прага, Куттенбергъ, нѣкоторые другіе города и большинство вельможъ, вождями котораго были Ульрихъ Розенбергъ, Мейнгардъ Нейгаусъ, Газенбурги и Лихтенбурги. Національную партію, враждебную ей, составляли большинство низшаго дворянства и горожанъ, усердные утраквисты, главою которыхъ былъ Рокицана и табориты. Австрійская партія провозгласила Альбрехта королемъ, хотя онъ отвергъ нѣкоторыя изъ ея требованій и въ частности не согласился на присоединеніе Моравіи къ Богеміи. Національная партія надѣялась найдти опору себѣ въ полякахъ, сплеменникахъ чеховъ, и предложила корону брату польскаго короля Владислава, Казиміру, въ то время еще молодому человѣку. Онъ 29 іюня 1438 принялъ выборъ. Альбрехтъ пріѣхалъ въ Прагу и короновался. Но въ это время поляки пришли въ Богемію, соединились съ таборитами и другими противниками нѣмецкаго владычества; Альбрехтъ собралъ австрійскія и венгерскія войска; преданные ему чешскіе вельможи и города собрали отряды въ подкрѣпленіе этимъ войскамъ. Курфирстъ Фридрихъ Саксонскій, Альбрехтъ, сынъ курфирста брандебургскаго, Кристофъ, герцогъ баварскій, привели подкрѣпленія изъ Германіи. Въ августѣ Альбрехтъ и его противники сошлись у Табора; рѣшительнаго сраженія не было дано, но много было битвъ между отрядами. Въ войскѣ чешскихъ противниковъ Альбрехта отличались искусствомъ и храбростью Юрій Подѣбрадъ и Птачекъ Пиркштейнъ. Межъ тѣмъ какъ шли битвы подъ Таборомъ, польскій король съ большимъ войскомъ вступилъ въ Силезію. Послѣ напрасныхъ переговоровъ о мирѣ Альбрехтъ въ половинѣ сентября отступилъ отъ Табора и возвратился въ Прагу, нѣмецкое войско разошлось; саксонцы и мейсенцы проложили себѣ путь на родину битвой у деревни Зеленика. Альбрехтъ получалъ изъ Силезіи просьбы о помощи и пошелъ туда, оставивъ своимъ намѣстникомъ въ Богеміи Ульриха Цилли. Поляки уже ушли изъ Силезіи, когда онъ пришелъ туда; 18 ноября онъ вступилъ въ Бреславль; тамъ въ присутствіи пословъ, папы и базельскаго собора возобновились (въ январѣ 1439 г.) переговоры о мирѣ, и было заключено перемиріе. Власть Альбрехта въ Богеміи была не упрочена; Ульрихъ Цилли не могъ одолѣть противниковъ его и навлекъ на себя подозрѣнія въ предательствѣ; поляки готовились возобновить войну, когда опасность нашествія турокъ на Венгрію заставила Альбрехта отправиться въ это королевство. Онъ, какъ мы говорили, умеръ на походѣ противъ турокъ 27 октября того же (1439) года.

Междуцарствіе.

Такимъ образомъ богемскій престолъ снова остался вакатнымъ. Не было государя, который имѣлъ бы наслѣдственныя права на него или былъ бы кандидатомъ, имѣющимъ за себя большинство націи; она дѣлилась на партіи, главными изъ которыхъ были четыре. Утраквисты, принимавшіе компактаты, дѣлились на умѣренныхъ и неуступчивыхъ. Главой уступчивыхъ былъ Мейнгардъ Нейгаусъ; къ ней принадлежали Коловраты, Вальдштейны, Газенбурги и большинство утраквистскихъ вельможъ, большинство населенія Праги. Церковными вождями ея были магистры (профессоры) Янъ Пржибрамъ и Прокопъ Пильзенскій. Главою неуступчивыхъ утраквистовъ былъ Гинко Птачекъ Пиркштейнъ. Послѣ него важнѣйшимъ военачальникомъ ея былъ Юрій Подѣбрадъ; къ ней принадлежали нѣкоторые изъ утраквистскихъ вельможъ, большинство утраквистскаго низшаго дворянства и горожанъ. Главнымъ богословомъ ея былъ Рокицана; она требовала точнаго исполненія компактатовъ; ей сочувствовало большинство чеховъ. Двѣ

другія партіи отвергали компактаты; одну изъ нихъ составляли табориты, богословами которыхъ были Бедржихъ Стражникъ, Никласъ Пильграмъ и англичанинъ Питеръ Пенъ. Центрами таборитовъ были города Таборъ, Писекъ, Колинъ. Они были проникнуты горячимъ національнымъ чувствомъ и хотѣли совершеннаго отдѣленія чешской церкви отъ католичества. Четвертая партія, католическая, была немногочисленна, но сильна богатствомъ и могуществомъ своего вождя, Ульриха Розенберга. Къ ней принадлежали Швамберги, Ризенберги и довольно многіе другіе вельможи; она владычествовала въ Пильзенѣ, Будвейсѣ и Каденѣ. Чтобы прекратить анархію, вліятельнѣйшіе вожди партій собрались въ январѣ 1440 на совѣщаніе въ Прагу. Въ актѣ примиренія, принятомъ 29 января, это собраніе постановило нѣкоторые принципы соглашенія; оно обязалось поддерживать компактаты, требовать утвержденія Рокицаны въ санѣ архіепископа пражскаго, отмѣнило распоряженія Альбрехта, вредившія Богеміи или враждебныя его противникамъ, и рѣшило созвать сеймъ для избранія короля, раздѣлило Богемію на округи и назначило въ каждый округъ начальника для охраненія порядка и для исполненія судебныхъ рѣшеній. Эти постановленія были приняты по предложенію Птачка.—Елизавета, оставшаяся по смерти Альбрехта беременной, родила (22 февраля 1440 года) сына, который былъ названъ Владиславомъ; но его рожденіе не произвело перемѣны въ мысляхъ партій. Положеніе дѣлъ было не таково, чтобы можно было признать королемъ малютку. Въ маѣ 1440 собрался сеймъ для выбора короля. Послѣ долгихъ преній чехи рѣшили, что депутаты Моравіи, Силезіи и Лаузица не имѣютъ права участвовать въ выборѣ, и назначили изъ членовъ богемскаго сейма коллегію избирателей; она состояла изъ 18 вельможъ, 14 представителей низшаго дворянства и 14 горожанъ. Кромѣ ихъ былъ назначенъ членомъ ея архіепископъ Рокицана. Ульрихъ Розенбергъ, назначенный предсѣдателемъ, перечислилъ избирателямъ кандидатовъ на престолъ; это были король польскій Владиславъ, Фридрихъ, курфирстъ бранденбургскій, герцогъ Альбрехтъ Баварскій, пфальцграфъ Людвигъ. Большинство голосовъ было подано за герцога Альбрехта, но онъ отказался отъ короны слишкомъ тяжелой для него. Тогда коллегія избирателей рѣшила оставить престолъ за малюткой, сыномъ короля Альбрехта и Елизаветы, вступила съ Фридрихомъ въ переговоры, чтобъ онъ отдалъ этого ребенка, но Фридрихъ былъ въ ссорѣ съ Елизаветой, у которой хотѣлъ отнять регентство въ Венгріи, а Ульрихъ Розенбергъ желалъ угодить Фридриху и тайно помогалъ ему въ сопротивленіи требованію чеховъ; Фридрихъ не отдавалъ ребенка, выбраннаго королемъ чешскимъ.

Кандидаты на богемскій престолъ.

Въ Богеміи продолжались междоусобія; окружные военачальники не могли или не хотѣли прекратить ихъ; отъ анархіи въ Богеміи страдали и сосѣднія земли. Чешскіе отряды ходили повсюду, гдѣ была война, и страшно опустошали области нѣмецкихъ князей, противъ которыхъ сражались по приглашенію другихъ нѣмецкихъ князей. Елизавета умерла 19 декабря 1442. Переговоры между партіями долго оставались безуспѣшны. Птачекъ желалъ, чтобы всѣ утраквисты примирились между собой; по его приглашенію представители утраквистскихъ партій собрались въ іюлѣ 1442 на совѣщаніе въ Мельникъ. Рокицана и Пржибрамъ, руководители двухъ главныхъ утраквистскихъ партій по церковнымъ дѣламъ, примирились между собой; послѣдователи обоихъ направленій утраквизма стали дѣйствовать согласно, и вліяніе таборитовъ ослабѣло: Ульрихъ Розенбергъ одерживалъ побѣды надъ ними; утраквистскій сеймъ, собравшійся въ 1444 году, отвергъ ихъ вѣроученіе, и таборитское богослуженіе удержалось только въ крѣпости Таборѣ.

Вскорѣ послѣ этого утраквистскаго сейма Птачекъ умеръ (27 августа 1444). Къ счастью для утраквистовъ нашелся достойный преемникъ ему Юрій Подѣбрадъ Кунштатскій. Утраквисты выбрали его своимъ военачальникомъ на мѣсто умершаго Птачка. Ему было тогда только 24 года, но онъ уже давно былъ извѣстенъ, какъ храбрый воинъ: онъ сражался при Липанѣ и потомъ выказалъ блестящіе военные и политическіе таланты. Даже Эней Сильвій отзывается о немъ съ уваженіемъ и говоритъ: «Хотя онъ и былъ зараженъ гуситской ересью, но былъ человѣкъ честный и благородный». Даровитый молодой человѣкъ быстро пріобрѣлъ преобладающее вліяніе на чешскія дѣла.

Юрій Подѣбрадъ.

Еще четыре года прошли въ безуспѣшныхъ переговорахъ съ папой объ утвержденіи компактатовъ и признаніи Рокицаны архіепископомъ, съ Фридрихомъ—о томъ, чтобъ онъ отдалъ Владислава чѣхамъ. Утраквисты отправили посольство въ Римъ, потомъ пріѣхалъ въ Прагу кардиналъ Карвахаль; но римская курія не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ; папа одолѣвалъ тогда базельскій соборъ и надѣялся подавить гуситство. Утомленные его отказами, утраквисты прекратили переговоры съ нимъ. Убѣдившись въ томъ, что Фридрихъ не выпуститъ Владислава изъ своихъ рукъ, утраквисты рѣшились дѣйствовать силой оружія для установленія порядка въ Богеміи. Подъ предлогомъ похода противъ маркграфа мейсенскаго они собрали войско, предназначая его для борьбы съ богемскими своими противниками. Прежде всего надобно было имъ освободить Прагу отъ владычества Мейнгарда Нейгауса, начальствовавшаго стоявшимъ въ ней войскомъ. Въ сентябрѣ 1448 Юрій Подѣбрадъ пошелъ на Прагу, вступилъ въ нее, почти не встрѣчая сопротивленія, и взялъ въ плѣнъ Мейнгарда Нейгауса. Резиденція утраквитскаго правительства была перенесена въ Прагу. Рокицана возвратился въ этотъ городъ. Большинство членовъ пражскаго капитула уѣхало въ Пильзенъ, нѣмецкіе профессоры и студенты покинули Прагу; она снова стала оплотомъ гуситства.

Взятіе Праги 1448.

Противники утраквистовъ соединились на борьбу съ ними. Сынъ Мейнгарда Нейгауса, находившагося въ плѣну у Подѣбрада и въ скоромъ времени умершаго, Ульрихъ взялся за оружіе. Къ нему присоединились даже табориты, вождями которыхъ были тогда Стражникъ и Кольда Находскій. Нейгаусы, Швамберги, Коловраты и другіе вельможи, принадлежавшіе къ партіи Розенберга, съѣхались въ февралѣ 1449 въ Страконицѣ и заключили между собою союзъ. Они хотѣли овладѣть Прагой. Подѣбрадъ, желавшій установить въ Богеміи спокойствіе, напрасно велъ переговоры съ ними и съ Фридрихомъ. Они начали войну. Большихъ сраженій въ ней не было; она состояла изъ множества схватокъ между мелкими отрядами. Въ августѣ 1449 года было наконецъ заключено перемиріе, и собрался въ Иглау сеймъ. Онъ назначилъ Ульриха Розенберга и Алеша Голицкаго третейскими судьями для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Но Розенбергъ хотѣлъ только выиграть время; онъ не желалъ примиренія, надѣясь на помощь императора

Страконицкій союзъ.

Фридриха, вступилъ въ союзъ съ герцогомъ Фридрихомъ Саксонскимъ, которому иглаускій сеймъ не согласился отдать Лаузицъ. Въ Каденѣ 13 апрѣля 1450 былъ подписанъ договоръ между герцогомъ саксонскимъ, вельможами партіи Розенберга и городами Пильзеномъ, Будвейсомъ и Каденомъ.

Подѣбрадъ тоже пріобрѣлъ себѣ союзниковъ: ему обѣщались помогать братъ и ожесточенный врагъ Фридриха Саксонскаго, Вильгельмъ, и Фридрихъ, маркграфъ бранденбургскій. Лѣтомъ 1450 страконицкій союзъ началъ войну съ утраквистами, но былъ побѣжденъ Подѣбрадомъ, и 11 іюня было заключено въ Вильдштейнѣ новое перемиріе, по которому были назначены новые третейскіе судьи, и былъ созванъ 25 ноября сеймъ въ Прагѣ. Неудача войны заставила католиковъ искреннѣе прежняго желать мира; Ульрихъ Розенбергъ утратилъ вліяніе на нихъ. Третейскіе судьи выработали условія мира; они были приняты Подѣбрадомъ и партіей Ульриха Нейгауса. Подѣбрадъ пошелъ на Фридриха Саксонскаго, опустошилъ его владѣнія, взялъ Геру.—Императоръ Фридрихъ не отдавалъ Владислава чехамъ. Подѣбрадъ былъ теперь могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ Богеміи, потому возникла мысль юридически признать за нимъ власть, фактически принадлежавшую ему и объявить его правителемъ государства.

---

2. Регентство Подѣбрада. Царствованіе Владислава.

Провозглашеніе Подѣбрада правителемъ государства.

Порядокъ начиналъ возстановляться въ Богеміи, утомленной междоусобіями. Сеймъ, собравшійся въ Прагѣ, провозгласилъ 27 апрѣля 1452 Подѣбрада губернаторомъ (правителемъ государства, регентомъ) до совершеннолѣтія Владислава. Регентъ былъ обязанъ дѣйствовать по согласію съ правительственнымъ совѣтомъ, который былъ избранъ сеймомъ. Императоръ одобрилъ это рѣшеніе. Но партія Розенберга и табориты не признавали Подѣбрада регентомъ. Начавшаяся вскорѣ по назначеніи Подѣбрада правителемъ война императора съ австрійскомъ сеймомъ имѣла большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Богеміи. Ульрихъ Розенбергъ негодовалъ на императора, не присылавшаго ему войска на помощь противъ Подѣбрада, и сталъ помогать инсургентамъ, надѣясь при ихъ содѣйствіи отнять Владислава у Фридриха и дѣйствовать потомъ отъ имени короля. Союзъ Розенберга съ инсургентами заставилъ Подѣбрада принять сторону императора. Собравъ войско, Подѣбрадъ пошелъ на своихъ богемскихъ противниковъ, взялъ Таборъ, заставилъ таборитовъ принять утраквистское богослуженіе. Ульрихъ Розенбергъ былъ тоже принужденъ покориться Подѣбраду, отказался отъ управленія католическимъ союзомъ, передалъ свои владѣнія сыновьямъ, устранился отъ политическихъ дѣлъ. Онъ прожилъ послѣ того еще десять лѣтъ, не вмѣшиваясь въ политику. Межъ тѣмъ какъ Подѣбрадъ покорялъ своихъ богемскихъ противниковъ, австрійскіе инсургенты принудили Фридриха освободить Владислава. Подѣбрадъ не противился тому, чтобы Владиславъ получилъ

корону, хотѣлъ только, чтобъ онъ получилъ ее не по наслѣдственному праву, а по свободному выбору чешскаго народа. Владиславъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, и управленіе государствомъ должно было остаться въ рукахъ Подѣбрада. Богемскій сеймъ въ октябрѣ 1452 избралъ Владислава королемъ подъ условіемъ, что онъ приметъ программу утраквистовъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Владиславъ подчинился этому условію и въ маѣ 1453 подписалъ граматы, которыми обязывался охранять компактаты, соблюдать договоры, заключенные Сигизмундомъ съ чехами, требовать отъ папы признанія Рокицаны архіепископомъ пражскимъ и оставить на шесть лѣтъ Подѣбрада правителемъ государства. Такимъ образомъ, благодаря умѣренности Подѣбрада, междуцарствіе прекратилось.

Вражда римской куріи къ утраквистамъ.

Политическіе раздоры въ Богеміи стали затихать, но религіозныя несогласія продолжались. Папа отказывался одобрить компактаты, составленные по соглашенію утраквистовъ съ базельскимъ соборомъ, находившимся тогда уже въ борьбѣ съ римской куріей. Онъ продолжалъ называть гуситство ересью, которую должно подавить. Утративъ надежду на примиреніе съ папой, утраквисты стали думать о соединеніи съ греческой церковью, но взятіе Константинополя турками разстроило этотъ планъ. Въ 1451 году пріѣхали въ Богемію три знаменитые защитника папскаго владычества: однимъ изъ нихъ былъ кардиналъ Николай Кузанскій, человѣкъ большой учености и сильнаго ума, бывшій прежде сторонникомъ базельскаго собора, но измѣнившій ему; два другіе были проповѣдникъ Джованни Капистрано, считавшійся чудотворцемъ, и Эней Сильвій, совѣтникъ императора Фридриха, пріѣхавшій по его порученію вести переговоры съ Подѣбрадомъ. Но ни рѣчь Энея Сильвія на Бенешовскомъ сеймѣ, ни переговоры Николая Кузанскаго съ богемскими депутатами въ Регенсбургѣ (въ іюнѣ 1452), ни проповѣди Капистрано не отклонили чеховъ отъ утраквизма; всѣ попытки, враждебныя ему, только усиливали твердость ихъ въ немъ.

Капистрано.

Капистрано, францисканскій монахъ, прославился въ Италіи своимъ аскетизмомъ, боролся съ тѣми францисканцами, которые не покорялись рѣшеніямъ папы и были за это исключены изъ ордена. Онъ былъ уже 64 лѣтній старикъ, когда Николай V въ 1450 году послалъ его въ Германію проповѣдывать крестовый походъ на турокъ, и въ Богемію, обратить утраквистовъ въ католичество. Его пламенныя проповѣди на улицахъ и площадяхъ производили въ Штиріи и Австріи сильное впечатлѣніе, хотя онъ говорилъ по-латыни и слова его были переводимы на нѣмецкій языкъ другими. Эней Сильвій говорилъ: „Жители Вѣны ожидали его съ нетерпѣніемъ и вышли въ такомъ множествѣ на встрѣчу ему, что на улицахъ было тѣсно; при видѣ его мужчины и женщины плакали отъ радости, протягивали руки, прославляли его, а тѣ, которые могли приблизиться къ нему, цѣловали его одежду, привѣтствовали его, какъ посланника Божія“. Своимъ аскетизмомъ онъ пріобрѣлъ очень большое уваженіе. Молва говорила, что онъ исцѣляетъ слѣпыхъ и хромыхъ, воскрешаетъ мертвыхъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Богемію и сталъ проповѣдывать противъ утраквизма, осуждать компактаты, нѣкоторые утраквистскіе вельможи оскорбились его фанатическими порицаніями ихъ вѣроисповѣданію, Рокицана вступилъ въ полемику съ нимъ, называлъ его лицемѣромъ, бродягой, обольстителемъ людей. Подѣбрадъ тоже выразилъ неудовольствіе на него; онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Богеміи,

возвратился въ Германію проповѣдывать крестовый походъ.—Въ 1690 году римская церковь причислила его къ лику святыхъ.

Правленіе Владислава 1453—1457.

Подѣбрадъ правилъ государствомъ твердо и умно, возстановилъ порядокъ, старался возвратить своему отечеству благосостояніе и могущество. Владиславъ сначала опасался ѣхать въ Прагу, остановился въ Брюннѣ и принялъ тамъ присягу моравскаго сейма. Чехи увидѣли въ этомъ намѣреніе отдѣлить Моравію отъ Богеміи; раздраженіе ихъ было сильно; въ сентябрѣ 1453 одинъ изъ враговъ Подѣбрада, Смиржицкій, былъ уличенъ въ томъ, что отправилъ къ Владиславу письмо, предостерегавшее короля отъ чеховъ, вѣрность которыхъ Владиславу онъ называлъ ненадежной; за это предательство онъ былъ казненъ. Владиславъ наконецъ рѣшился ѣхать въ Богемію. Сеймъ выѣхалъ на встрѣчу ему въ Иглау; король присягнулъ уважать права чешскаго народа; сеймъ проводилъ его въ Прагу, и 28 октября онъ былъ коронованъ. Но коронація была совершена по католическому обряду епископомъ ольмюцскимъ.

Въ ноябрѣ сеймъ постановилъ произвести пересмотръ правъ на владѣніе церковными и королевскими имѣньями, перешедшими въ частныя руки. Тѣ владѣльцы, которые не могли предъявить жалованныхъ граматъ или актовъ о залогѣ имъ этихъ имѣній, были объявлены злхватившими имѣнья противозаконно. Такимъ образомъ было возвращено много имѣній въ собственность короля. Сеймъ далъ королю налогъ, доставившій значительную сумму, принялъ мѣры, ограждавшія порядокъ въ странѣ. Благодаря Подѣбраду, благосостояніе народа возстановлялось.

Смерть Владислава.

Ссора съ императоромъ Фридрихомъ, раздоры въ Венгріи и опасность нашествія турокъ на Венгрію не дозволили Владиславу оставаться въ Богеміи. Онъ отправился въ Венгрію готовиться къ походу на турокъ. Подѣбрадъ, какъ его намѣстникъ, поддерживалъ порядокъ въ государствѣ, прогналъ Кальду, нарушавшаго спокойствіе. Владиславъ не довѣрялъ Подѣбраду. но цѣнилъ его заслуги. Царствованіе молодого короля было непродолжительно; за него была просватана дочь короля французскаго, и онъ былъ занятъ приготовленіями къ свадебному торжеству, но 23 ноября 1457 умеръ отъ заразы; ему было только 18 лѣтъ. Католики говорили, что онъ отравленъ, винили гуситовъ и Подѣбрада; но это клевета.

---

3. Царствованіе Юрія Подѣбрада.

Избраніе Юрія Подѣбрада королемъ.

Явилось много искателей богемской короны; императоръ Фридрихъ заявлялъ, что она должна принадлежать ему по договорамъ люксембургской династіи съ габсбургской о взаимномъ правѣ наслѣдованія (VIII, 120). Вильгельмъ, герцогъ саксонскій, и Казиміръ, король польскій, женами которыхъ были сестры Владислава, требовали богемской короны себѣ; каждый изъ нихъ говорилъ, что наслѣдница Владислава его жена. Были и другіе государи, желавшіе получить богемскую корону: Людвигъ Богатый, герцогъ баварскій, Фридрихъ, маркграфъ бранденбургскій; Карлъ VII, король французскій, желалъ, чтобы чехи выбрали королемъ младшаго сына его. Но претенденты не имѣли силы стѣснить свободу выбора, а громадное большинство чеховъ хотѣло, чтобы королемъ былъ Подѣбрадъ. Даже католическіе вельможи и папа были за него, потому что онъ выказывалъ желаніе примирить утраквистовъ съ римской церковью. Говорятъ, что нѣкоторые католическіе вельможи были подкуплены Подѣбрадомъ, другіе находили выгоднымъ для себя имѣть королемъ гусита, опасаясь, что король католикъ заставилъ бы ихъ возвратить церкви отнятыя ими у нея имѣнья. Въ пражской ратушѣ собрался 2 марта 1458 сеймъ для избранія короля. Народъ окружилъ ратушу и шумно требовалъ, чтобы королемъ былъ выбранъ чехъ. Такимъ образомъ все расположилось въ пользу Подѣбрада, и онъ былъ провозглашенъ королемъ.

Положеніе Подѣбрада по его избраніи королемъ.

Власть Подѣбрада была прочна въ Богеміи. Низшее дворянство и горожане были преданы ему. Благопріятно было ему и положеніе дѣлъ въ сосѣднихъ государствахъ. Императоръ, тѣснимый венграми и австрійскими инсургентами, видѣлъ въ Подѣбрадѣ защитника себѣ, отказался отъ притязаній габсбургской династіи на богемскую корону, пріѣхалъ лѣтомъ 1459 года въ Брюннъ къ Подѣбраду и 31 іюля далъ ему торжественную инвеституру на ленное владѣніе Богеміей. Нѣмецкіе государи, враждуя между собой, всѣ искали расположенія богемскаго короля и отдавали на его рѣшеніе свои споры (см. выше) Въ апрѣлѣ 1459 у него въ Эгерѣ былъ съѣздъ нѣмецкихъ государей; туда пріѣхали саксонскіе герцоги и Гоэнцоллерны; споры о границахъ Саксоніи съ Богеміей были разрѣшены тамъ. Курфирстъ бранденбургскій заключилъ союзъ съ Подѣбрадомъ. Папа увѣрялъ новаго богемскаго короля въ своемъ расположеніи. Подѣбрадъ желалъ примириться съ католической церковью. Онъ поручилъ венгерскимъ епископамъ короновать его по католическому обряду, далъ тайное обѣщаніе быть послушнымъ сыномъ римской церкви, возвратить своихъ подданныхъ къ повиновенію папѣ. Но выраженія, въ какихъ далъ онъ это обѣщаніе, были неопредѣленны: въ нихъ не упоминалось ни о причащеніи подъ двумя видами, ни о компактатахъ. Если Подѣбрадъ дѣйствительно желалъ возстановить въ Богеміи католичество, онъ вступалъ на опасную дорогу и скоро увидѣлъ, что долженъ покинуть ее.—Въ Богеміи онъ не имѣлъ противниковъ; но въ Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ было много нѣмцевъ и католиковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ земель они преобладали и отказались признать

власть Подѣбрада. Онъ вскорѣ послѣ своего избранія пошелъ въ Моравію; осадилъ Иглау; этотъ городъ сдался, и въ іюнѣ (1458 года) Моравія покорилась Подѣбраду. Онъ пошелъ въ Силезію и Лаузицъ. Инсургенты узнали, что король польскій, герцоги саксонскіе, курфирстъ бранденбургскій заключили союзъ съ Подѣбрадомъ и не помогутъ имъ. Оппозиція упала духомъ, и власть Подѣбрада была признана повсюду, кромѣ Бреславля. Въ этомъ городѣ владычествовали фанатики, ненавидѣвшіе короля, «который и по отцу и по матери человѣкъ незнатный, родился, воспитанъ и состарѣлся въ ереси».

Сопротивленіе Бреславля.

Проповѣди и Капистрано и другихъ монаховъ произвели въ Бреславлѣ ожесточенную вражду противъ гуситства; притомъ большинство населенія въ Бреславлѣ составляли нѣмцы, непріязненные чехамъ. Чернь захватила въ свои руки владычество. Кто не ругалъ вмѣстѣ съ другими Подѣбрада и гуситскую ересь, кто совѣтовалъ вступить въ переговоры, подвергался опасности быть убитымъ. Бреславскій городской секретарь Этенлоэръ говоритъ въ своихъ запискахъ: „Кто пилъ и кричалъ въ погребахъ и трактирахъ, тотъ былъ хорошъ, уменъ, благочестивъ; простолюдины были такъ раздражены, что никто не смѣлъ сказать своего мнѣнія. О, какъ опасно положеніе города, когда чернь безбоязненно и безнаказанно не повинуется никому! Въ это время въ Бреславлѣ было столько членовъ городского совѣта, сколько было пьяницъ, игроковъ и крикуновъ; они управляли городомъ; чего они хотѣли, то и дѣлалось; это было извращеніе порядка вещей, низшіе стали высшими; высшіе низшими.“

Буйное владычество фанатиковъ продолжалось въ Бреславлѣ нѣсколько лѣтъ. Папа и епископъ убѣждали ихъ помириться съ Подѣбрадомъ. Лаузицъ и Силезія признали его власть; Бреславль не могъ ждать помощи ни откуда, былъ осажденъ; стали слышаться въ немъ голоса разсудительныхъ людей, но фанатики продолжали буйствовать, ругали легатовъ и папу, говорили, что они обмануты, подкуплены или сами заразились ересью. Наконецъ бреславльцы выразили согласіе на миръ, если Подѣбрадъ отсрочитъ для нихъ присягу ему на три года. Онъ далъ имъ эту отсрочку и (въ январѣ 1460) утвердилъ всѣ права Бреславля; ему не хотѣлось вести религіозную войну; онъ надѣялся, что фанатизмъ бреславльцевъ остынетъ и они станутъ мирными подданными его.

Переговоры Подѣбрада съ папой.

Межъ тѣмъ какъ власть Подѣбрада упрочивалась, возобновилась вражда римской куріи къ нему. Онъ обѣщалъ папѣ возвратить чеховъ къ повиновенію римской церкви, но съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщалъ утраквистамъ охранять компактаты и причащеніе мірянъ св. Дарами подъ обоими видами. Если онъ надѣялся склонить римскую курію къ уступкѣ требованіямъ утраквистовъ, то ошибался: папа упорно требовалъ безусловнаго возвращенія гуситовъ къ римскимъ обрядамъ. Подѣбрадъ видѣлъ себя въ большомъ затрудненіи. Его сближеніе съ папой и нѣмецкими государями возбудило къ нему недовѣріе въ народѣ. Усердные гуситы стали считать Подѣбрада отступникомъ. Но римская курія предполагала, что если онъ захочетъ, то можетъ подавить гуситство. Переговоры длились нѣсколько лѣтъ; папа требовалъ искорененія ереси; Подѣбрадъ отвѣчалъ уклончиво. Должно удивляться искусству, съ какимъ онъ очень долго поддерживалъ хорошія отношенія къ папѣ, обманывая римскихъ хитрецовъ обѣщаніями обратить утраквистовъ въ католичество и надеждами на свое содѣйствіе крестовому походу противъ турокъ. Но дѣло всетаки кончилось разрывомъ отношеній къ Риму, вредившихъ Подѣбраду во мнѣніи гуситовъ, на чьей преданности основывалась его власть. Въ Римъ ждали посольства, которое объявитъ, что богемскій народъ возвращается къ повиновенію папѣ; это посольство не являлось, и римская курія наконецъ усомнилась въ искренности обѣщаній Подѣбрада.

Папа упрекалъ короля богемскаго въ обманѣ, а утраквисты утрачивали довѣріе къ нему. Онъ увидѣлъ себя въ надобности выйдти изъ двусмысленнаго положенія и отправилъ въ Римъ посольство. Послами были канцлеръ Рабштейнъ, Костка Поступицъ, ближайшій другъ Подѣбрада, и французъ Марини, авантюристъ, находившійся въ богемской службѣ. Они должны были заявить покорность богемскаго народа папѣ и получить отъ папы утвержденіе компактатовъ; это были два порученія не совмѣстимыя одно съ другимъ. Послы пріѣхали въ Римъ въ мартѣ 1462, и возобновились тѣ разсужденія, какія велись уже много лѣтъ; римская курія оставалась непоколебима въ своихъ требованіяхъ, и снова обнаружилась непримиримость римской церкви ни съ какими уклоненіями отъ ея правилъ. Папа отвергъ компактаты и объявилъ, что чехи должны отказаться отъ всѣхъ заблужденій, принять безъ всякихъ оговорокъ все ученіе римской церкви. Положеніе разъяснилось: Подѣбраду предстоялъ выборъ между папой и чешскимъ народомъ.

Папа отвергаетъ компактаты 1642.

Въ Богеміи поднялось волненіе, Подѣбрадъ въ августѣ 1462 на съѣздѣ вельможъ и другихъ вліятельныхъ людей объявилъ, что, давая при коронаціи обѣщаніе быть вѣрнымъ сыномъ римской церкви, онъ не думалъ объ отмѣнѣ компактатовъ и причащенія мірянъ св. Дарами подъ обоими видами, что онъ до конца жизни останется утраквистомъ. Довѣріе чеховъ къ Подѣбраду возстановилось. Папскій нунцій Фантини произнесъ рѣзкую рѣчь противъ гуситской ереси и вѣроломства Подѣбрада, король велѣлъ отвести его въ темницу. Богемскіе католики стали ожесточенными врагами Подѣбрада. Папа высказалъ, что рѣшился срубить безплодное дерево.

Подѣбрадъ объявляетъ, что останется вѣренъ компактатамъ.

Папа сталъ возбуждать католическихъ подданныхъ Подѣбрада къ мятежу, освободилъ бреславльцевъ отъ обязанности исполнить ихъ договоръ съ нимъ, послалъ въ Силезію прогнаннаго оттуда и жившаго въ Римѣ Бальтазара, герцога саганскаго, непримиримаго врага Подѣбрада, склонять католиковъ къ мятежу, но не отважился отлучить Подѣбрада отъ церкви и объявить его низложеннымъ. Императоръ, освобожденный Подѣбрадомъ отъ осады, въ которой держали его австрійскіе инсургенты (стр. 87), оставался другомъ своего освободителя, и римская курія принуждена была сдерживать свою вражду къ богемскому королю. Папа писалъ тогда „О, несчастная Германія, о, бѣдная христіанская вѣра, императоръ которой имѣетъ своимъ избавителемъ еретическаго короля!“ Агентъ Подѣбрада Марини, соединявшій съ талантами государственнаго человѣка безсовѣстность авантюриста, разъѣзжалъ по Германіи, убѣждая нѣмецкихъ государей составить независимый отъ папы союзъ для войны съ турками. Папская курія продолжала свои интриги противъ богемскаго короля. Папскій легатъ Іеронимъ Ландъ, имѣвшій титулъ архіепископа критскаго, возбуждалъ бреславльскихъ фанатиковъ къ возстанію противъ Подѣбрада. Наперекоръ предостереженіямъ императора Пій вступилъ наконецъ въ открытую борьбу съ Подѣбрадомъ; онъ 15 іюня 1464 обнародовалъ буллу,

Интриги папы.

которой вызывалъ короля богемскаго явиться къ его суду для оправданія противъ обвиненій въ ереси и назначилъ ему полугодичный срокъ для пріѣзда въ Римъ къ суду. Но императоръ перехватывалъ и уничтожалъ экземпляры буллы, посылаемые въ Богемію, а Пій II вскорѣ по ея обнародованіи умеръ, оставляя въ наслѣдство своему преемнику борьбу съ королемъ богемскимъ.

Союзъ католическихъ вельможъ.

Вражда римской куріи представляла опасность для Подѣбрада собственно потому, что католическіе вельможи неохотно подчинялись власти человѣка менѣе знатной фамили, чѣмъ они, и притомъ считали нѣкоторыя его дѣйствія нарушеніемъ своихъ правъ. Римскіе агенты возбуждали ихъ къ возстанію. Штернбергъ, гордый вельможа, оскорбленный Подѣбрадомъ, сталъ вождемъ католической аристократіи; помощникомъ его былъ епископъ бреславльскій Розенбергъ, прежде сдерживавшій своихъ опрометчивыхъ единовѣрцевъ, но теперь ставшій бойцомъ за котоличество. Къ Штернбергу примкнули Розенберги, Газенбурги, Швамберги, Ризенберги, Нейгаусы, Плауэны и другіе католическіе вельможи. Они винили Подѣбрада въ томъ, что онъ не совѣтуется съ ними, нарушаетъ привилегіи высшаго сословія; собравшись въ Грюнбергѣ, заключили между собой 28 ноября 1465 года союзъ для взаимной обороны и обратились къ папѣ съ просьбой, чтобъ онъ освободилъ ихъ отъ присяги, данной ими Подѣбраду, благословилъ ихъ выбрать новаго короля.

Отлученіе Подѣбрада отъ церкви.

Римская курія нашла, что теперь можно принять рѣшительныя мѣры. Кардиналъ Карвахаль, мнѣніями котораго сильно руководилась она въ этомъ дѣлѣ, полагалъ, что можно низвергнуть Подѣбрада или принудить его къ повиновенію. Курія совѣщалась о томъ, кому предложить богемскій престолъ; разсчитывала, что Казиміръ Польскій или Матвѣй Корвинъ согласятся принять богемскую корону. Папскій легатъ сталъ открыто возбуждать католическихъ подданныхъ Подѣбрада къ возстанію. Многіе католики, въ томъ числѣ епископы бреславльскій и ольмюцскій говорили ему, что подымать возстаніе невозможно, пока не пріобрѣтена помощь какого-нибудь могущественнаго сосѣда; но римская курія не хотѣла слушать никакихъ предостереженій. Въ консисторіи (собраніи кардиналовъ) 23 декабря 1466 преемникъ Пія II Павелъ II отлучилъ отъ церкви Подѣбрада, «какъ закоснѣлаго еретика, клятвопреступника и святотатца», объявилъ его лишеннымъ королевской власти и освободилъ его поддашныхъ отъ вѣрности ему. Бреславльскіе фанатики радовались; лейпцигскіе и эрфуртскіе студенты давали обѣтъ идти въ крестовый походъ противъ низложеннаго еретика; но разсудительные люди въ Германіи порицали папу за то, что онъ раздражаетъ чеховъ, ждали бѣдствій отъ проповѣдуемой папскими агентами войны.

Междоусобія въ Богеміи 1467.

Подѣбрадъ апеллировалъ отъ приговора Павла II къ суду его преемниковъ и будущаго вселенскаго собора. Богемскіе католики взялись за оружіе. Большихъ битвъ не было; война имѣла характеръ набѣговъ, мелкихъ схватокъ. Возстаніе получило большіе размѣры въ Силезіи, Моравіи, Лаузицѣ, гдѣ было много нѣмцевъ и католиковъ; но перевѣсъ оставался на сторонѣ Подѣбрада. Союзъ католическихъ вельможъ предложилъ богемскую корону Казиміру, королю польскому. Папа убѣждалъ его принять ее, но онъ, человѣкъ миролюбивый, чуждый честолюбія, отклонилъ предложеніе, которое ввело бы его въ большія затрудненія. Силы Польши были изнурены войной съ Нѣмецкимъ орденомъ, и война съ Подѣбрадомъ была бы тяжела для нея. Послы Казиміра въ ноябрѣ 1467 года убѣдили католическихъ вельможъ заключить перемиріе съ Подѣбрадомъ. Но въ декабрѣ эти вельможи собрались въ Бреславлѣ, рѣшили продолжать войну, возобновили клятву быть вѣрными союзниками другъ другу. Папскіе легаты склоняли сосѣднихъ государей помогать имъ. Получивъ отказъ короля польскаго, папа и богемскіе инсургенты предлагали корону герцогу бургонскому и курфирсту бранденбургскому; но и эти государи отвергли опасное предложеніе.

Чешскіе и моравскіе братья.

Во время борьбы утраквизма съ папой возникла между гуситами партія недовольныхъ умѣренностью большинства, вождемъ котораго былъ Рокицана, и отвергавшая всякое примиреніе съ папой. Эти горячіе гуситы старались склонить Рокицану къ рѣшительному разрыву съ католической церковью, и увидѣвъ, что онъ не согласится на это, отдѣлились отъ его послѣдователей; чтобъ избавиться отъ ссоры съ ними, Рокицана выпросилъ у короля спокойный пріютъ имъ въ Судетскихъ горахъ, въ кунвальдскомъ округѣ имѣнье, называвшееся Литицами; они поселились тамъ и туда собралось къ нимъ много приверженцевъ изъ числа таборитовъ, богослуженіе которыхъ было уничтожено Подѣбрадомъ; такимъ образомъ составилось новое религіозное общество, члены котораго называли себя братьями. Самымъ уважаемымъ наставникомъ ихъ былъ Григорій, племянникъ Рокицаны, горячій послѣдователь ученій Петра Хельчицкаго, проповѣдывавшаго противъ испорченности нравовъ.—Вражда римской куріи къ утраквистамъ, даже и самымъ умѣреннымъ, увеличивала число людей, разрывавшихъ всякую связь съ католичествомъ. Во время войны 1467 года Григорій и его друзья составили религіозное общество, устроенное по образцу первобытной общины христіанъ. Они писали королю, что на основаніи священнаго писанія отреклись отъ повиновенія римской церкви, что владычество папы мерзость передъ Господомъ, противная ученію Христову. Король и Рокицана, сохранявшіе желаніе примириться съ папой, смотрѣли на новую религіозную общину съ недовѣріемъ, опасаясь, что она вовлечется въ тотъ фанатизмъ, какимъ отличались прежніе табориты. Подѣбрадъ сталъ преслѣдовать „лжеучителей“, подвергалъ ихъ заключенію въ темницы, разгонялъ ихъ послѣдователей, но не могъ подавить ихъ ученія. Маленькія общины „братьевъ“ поселялись на восточной границѣ Богеміи, распространялись по Моравіи, переселялись въ Польшу; вальдійскіе епископы рукоположили епископовъ для нихъ; уцѣлѣвшіе въ Богеміи послѣдователи вальдійскаго исповѣданія и другіе набожные люди присоединились къ этому новому религіозному обществу. Оно отвергало католическую іерархію, замѣняло католическій догматъ пресуществленія ученіемъ о таинственномъ соединеніи тѣла и крови Христа съ хлѣбомъ и виномъ Св. Даровъ, уста-

новило у себя строгую нравственную дисциплину въ духѣ первобытнаго христіанства и вело тихую, трудолюбивую, набожную жизнь. Братья увидѣли въ ученіи Лютера сходство съ ихъ стремленіями и заняли изъ него многое, но не вполнѣ присоединились къ евангелической церкви. Въ XVI вѣкѣ многіе изъ нихъ бѣжали отъ преслѣдованій въ Польшу и Пруссію. Послѣ битвы у Бѣлой горы (въ 1620 году) они почти всѣ покинули Богемію, разсѣялись по разнымъ областямъ протестанской Германіи, сближались съ другими евангелическими церквами и наконецъ собрались въ Гернгутскую общину, но съ понятіями уже видоизмѣнившимися сообразно ходу времени.

Приготовленія Матвѣя Корвина къ войнѣ 1468.

Побѣдить католическихъ вельможъ и тотъ сбродъ, который шелъ на помощь имъ подъ именемъ крестоносцевъ, было бы не трудно Подѣбраду; но противъ него выступилъ сильный врагъ, Матвѣй, король венгерскій, выставлявшій себя исполнителемъ порученія, даннаго ему императоромъ и папой. Подѣбрадъ поссорился съ императоромъ, поддавшимся своему чувству непріязни къ еретику. Богемскіе католическіе вельможи и папа воспользовались этимъ настроеніемъ Фридриха и раздражили его противъ Подѣбрада. Непріязнь императора принудила короля богемскаго къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Заключивъ перемиріе съ католической лигой, Подѣбрадъ послалъ своего сына Викторина противъ Фридриха, объявивъ ему войну не какъ императору или королю нѣмецкому, а какъ герцогу штирійскому и австрійскому. Чешское войско опустошало владѣнія Фридриха; безсильный императоръ не могъ вытѣснить непріятеля изъ своихъ владѣній, обратился съ просьбой о помощи къ королю венгерскому, предлагая ему богемскую корону. Съ тѣмъ же предложеніемъ обратились къ Матвѣю Корвину папа и богемскіе католическіе вельможи. Онъ рѣшился выступить исполнителемъ приговора, произнесеннаго папой надъ Подѣбрадомъ, заключилъ перемиріе съ турками, собралъ свое войско, призвалъ польскихъ наемниковъ и пошелъ въ Богемію; онъ хвалился, что черезъ мѣсяцъ будетъ развѣваться надъ пражской цитаделью венгерское знамя. Часть войска онъ послалъ на помощь императору. Соединившись съ войсками Фридриха, этотъ отрядъ выгналъ чеховъ изъ Австріи. Подѣбрадъ былъ удивленъ тѣмъ, что Матвѣй Корвинъ сталъ союзникомъ императора; римская курія радовалась, что «царство грѣшниковъ будетъ истреблено съ лица земли».

Война 1468.

Король богемскій пошелъ въ Моравію на встрѣчу опасному врагу. Онъ и Матвѣй Корвинъ стояли одинъ противъ другого; каждый выжидалъ выгоднаго случая вступить въ рѣшительный бой; послѣ мелкихъ схватокъ они разошлись, война длилась весь годъ. Подѣбрадъ ушелъ изъ Моравіи, оставивъ тамъ своего сына Викторина. Венгры оттѣснили Викторина въ Требичъ, взяли приступомъ этотъ городъ; Викторинъ съ своимъ отрядомъ ушелъ въ бенедиктинскій монастырь; венгры осадили его тамъ; онъ пробился черезъ ихъ отряды и ушелъ. По Богеміи, Моравіи, Силезіи ходили венгры, войска католической

лиги, крестоносцы, опустошая гуситскія селенія. Въ особенности свирѣпо злодѣйствовали крестоносцы. Чешскіе лѣтописцы разсказываютъ, что они убивали стариковъ и женщинъ, перебрасывались отрубленными головами дѣтей, какъ играютъ вилками капусты, что они мыли руки въ крови убитыхъ и говорили, что омываются этимъ отъ грѣховъ. Поселяне собирались для обороны, нападали на ихъ отряды, истребляли множество ихъ. Король венгерскій овладѣлъ большею частью Моравіи. Силезскіе и лаузицкіе инсургенты вошли въ Богемію съ сѣвера. Янъ Штернбергъ, сынъ Зденка, опустошалъ гуситскія селенія на югѣ. Іоганнъ Розенбергъ присоединился къ инсургентамъ. Въ августѣ и сентябрѣ они взяли много замковъ, разбили отрядъ королевскихъ войскъ, находившійся подъ начальствомъ Зденка Костки, и самъ Костка лишился жизни въ этомъ сраженіи. Вообще Подѣбрадъ терпѣлъ осенью много неудачъ. Но онъ взялъ важнѣйшій замокъ Штернберга Конопиштъ, и было видно, что инсургенты и Матвѣй Корвинъ не будутъ въ состояніи побѣдить гуситскаго короля. Императоръ и папа убѣждали короля польскаго и нѣмецкихъ государей принять участіе въ войнѣ. Но всѣ ихъ просьбы остались напрасны. Матвѣй Корвинъ, ушедшій передъ наступленіемъ зимы въ Венгрію, въ январѣ (1469 г.) пошелъ опять въ Моравію, взялъ замокъ Шпильбертъ (близъ Брюнна), вступилъ въ Богемію, пошелъ, опустошая страну на Куттенбергъ; онъ хотѣлъ овладѣть богатыми серебряными рудниками этой мѣстности, но Подѣбрадъ въ февралѣ окружилъ венгерское войско у Вилемова; Матвѣй Корвинъ увидѣлъ, что не можетъ пробиться, и принужденъ былъ просить мира. Подѣбрадъ, желавшій прекращенія войны, заключилъ съ нимъ договоръ, по которому онъ обѣщался склонить папу къ примиренію съ чехами на основаніи компактатовъ.

Избраніе Матвѣя Корвина королемъ богемскимъ 1469.

Но Матвѣй обманулъ Подѣбрада. Папскіе легаты не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ гуситамъ, католики не покорялись Подѣбраду. Матвѣй держалъ себя двусмысленно. Чтобы вновь пріобрѣсти его помощь, католики предложили ему богемскую корону. Эту мысль высказалъ на ихъ съѣздѣ Зденко Штернбергъ; легаты, богемскіе и моравскіе епископы и католическіе вельможи, депутаты Бреславля, Пильзена, Будвейса и другихъ городовъ, участвовавшихъ въ католической лигѣ, одобрили мысль Штернберга и 12 апрѣля выбрали Матвѣя Корвина королемъ богемскимъ. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ 3 мая объявилъ, что для блага христіанской вѣры принимаетъ богемскую корону; онъ назначилъ католическихъ вельможъ на государственныя должности, пришелъ въ Бреславль; силезскіе и лаузицкіе католики присягнули на вѣрность ему.

Подѣбрадъ, увидѣвъ, что Матвѣй Корвинъ обманулъ его и возобновилъ войну, нашелъ надобнымъ пріобрѣсти себѣ сильнаго союзника. Если онъ прежде думалъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ въ сво-

ей фамиліи, то теперь отказался отъ этой мысли и предложилъ богемскому сейму выбрать наслѣдникомъ престола Владислава, старшаго сына Казиміра, короля польскаго. Сеймъ согласился. Казиміръ былъ обрадованъ тѣмъ, что сынъ его получитъ богемскую корону, уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта, но далъ понять, что пришлетъ помощь Подѣбраду. Теперь чехи могли надѣяться, что война получитъ выгодный для нихъ ходъ. Подѣбрадъ тѣмъ вѣрнѣе разсчитывалъ на успѣхъ, что въ Венгріи было сильное неудовольствіе противъ Матвѣя за его самовластіе и за пренебреженіе мѣрами обороны противъ нападеній турокъ.

Возобновленіе войны съ Матвѣемъ Корвинымъ.

Лѣтомъ 1469 война снова свирѣпствовала въ Богеміи, Силезіи, Моравіи. Сынъ Юрія Викторинъ, отважный до опрометчивости, былъ взятъ въ плѣнъ венграми. Но Подѣбрадъ бралъ замки богемскихъ католиковъ, отразилъ нападенія силезскихъ и лаузицкихъ инсургентовъ, и 2 ноября Матвѣй Корвинъ былъ разбитъ въ упорномъ сраженіи у моравскаго города Градиша. Чешскія войска пошли въ Силезію, Австрію, Венгрію. Многіе изъ богемскихъ и силезскихъ вельможъ, бывшихъ членами католической лиги, покорились Подѣбраду; граждане Бреславля и легаты сожалѣли о горячности, съ какой впутались въ войну, воображая, что легко будетъ низвергнуть еретика. Весною 1470 Матвѣй Корвинъ снова осадилъ Градишъ. Сербы, находившіеся въ его войскѣ, страшно опустошали Моравію; онъ давалъ имъ плату за каждую голову еретика, и они рѣзали людей безъ разбора. Подѣбрадъ успѣлъ освободить Градишъ и другіе города, осажденные венграми. Матвѣй уклонялся отъ рѣшительной битвы, неожиданно пошелъ въ Богемію, прошелъ до Колина и Куттенберга, опустошая страну; но организованная Подѣбрадомъ областная милиція, королевскія войска и раздраженные поселяне стѣснили его такъ, что въ августѣ онъ ушелъ торопливымъ отступленіемъ, похожимъ на бѣгство.

Переговоры.

Ясно было, что нельзя покорить чешскій народъ; враги Подѣбрада стали думать о мирѣ; онъ былъ необходимъ Матвѣю Корвину, потому что турки угрожали нашествіемъ на Венгрію. Нѣмецкіе государи были расположены къ Подѣбраду. Инсургенты увидѣли, что ихъ возстаніе было неблагоразумно. Эшенлоэръ говоритъ: «Жизнь въ Бреславлѣ стала бѣдственна; ругали и проклинали духовныхъ, публично называли ихъ обольстителями». Много бреславльскихъ гражданъ погибло въ войнѣ; торговля города остановилась; онъ желалъ помириться съ Подѣбрадомъ. Венгры и богемскіе католики были очень недовольны Матвѣемъ Корвиномъ; онъ видѣлъ себя въ невозможности продолжать войну; началъ переговоры съ Подѣбрадомъ. Даже римская курія стала склоняться къ миру; по убѣжденію саксонскихъ герцоговъ, папа отправилъ легата вести переговоры съ Подѣбрадомъ. Но король богемскій не дожилъ до заключенія мира.

Смерть Рокицаны.

Раньше своего короля умеръ Рокицана (22 февраля 1471). Почти половину столѣтія онъ былъ главою утраквистовъ и непоколебимо защищалъ свое вѣроисповѣданіе, не смущаясь проклятіями, произносимыми папой; онъ былъ человѣкъ умѣренный, порицавшій всякія крайности, желавшій примиренія съ римской церковью, но не иначе какъ на основаніи компактатовъ; онъ былъ привѣтливъ, чуждъ ханжества; утраквисты глубоко уважали его.

Смерть Юрія Подѣбрада.

Черезъ мѣсяцъ (22 марта) умеръ Юрій Подѣбрадъ, страдавшій водянкой. Онъ былъ единственный гуситскій король Богеміи, и все его царствованіе было войною, хотя онъ желалъ мира. Человѣкъ незнатнаго рода, онъ былъ истиннымъ представителемъ чешской народности и пользовался любовью большинства націи. Авторъ исторіи нѣмецкаго государства при Фридрихѣ III, Бахманъ, говоритъ: «Король Юрій былъ превосходный семьянинъ, заботливый о благѣ народа правитель, хорошій воинъ, искусный дипломатъ, умѣвшій пользоваться всякой хотя бы мимолетной удачей, человѣкъ большого ума, твердый и отважный. Онъ не получилъ школьнаго образованія; по его почерку видно, что онъ съ трудомъ писалъ. Онъ былъ чехъ въ полномъ смыслѣ слова и совершенно не зналъ нѣмецкаго языка. Онъ возвышался надъ своими современниками тѣмъ, что былъ чуждъ и національной нетерпимости и религіознаго фанатизма». Онъ желалъ успокоить свою родину, установить въ ней законный порядокъ и примирить ее съ римской церковью; желаніе мира было въ немъ такъ сильно, что возбуждало ропотъ въ гуситахъ. Но римская церковь оставалась враждебна ему; папа проклиналъ его, католическіе вельможи возставали противъ него, завистливые сосѣды воевали съ нимъ; положеніе его было очень затруднительно, и однакоже онъ устоялъ противъ всѣхъ враговъ, благодаря своей вѣрности чешскому народу и преданности массы чешскаго народа ему. Опорой его власти были низшее дворянство и горожане, люди твердые въ своей вѣрѣ, но умѣренные, желавшіе порядка и мира. Онъ велъ войну не по своему желанію; онъ предпочелъ бы миръ, но враги вынуждали его обороняться.

---

4. Богемія подъ управленіемъ Ягеллоновъ.

Избраніе Владислава 1471.

Смерть Юрія Подѣбрада возбудила въ Матвѣѣ Корвинѣ надежду сдѣлаться королемъ богемскимъ. Силезія, Лаузицъ и часть Моравіи были заняты его войсками. Штернберги и другіе католическіе вельможи Богеміи старались, чтобъ онъ былъ выбранъ королемъ; но въ богемскомъ сеймѣ имѣли рѣшительное преобладаніе утраквисты; они были враждебны ему и уже давно рѣшили передать по смерти Подѣбрада богемскую корону Владиславу, старшему сыну Казиміра, короля польскаго, въ то время 15 лѣтнему юношѣ. Нуженъ былъ однакоже

формальный выборъ Владислава королемъ. Нѣсколько недѣль прошло въ переговорахъ между партіями. Были люди, предлагавшіе другихъ кандидатовъ; довольно многіе желали, чтобы выбранъ былъ сынъ умершаго короля, Генрихъ; нѣкоторые предлагали Альбрехта, герцога саксонскаго. Но единственными кандидатами, имѣвшими шансы успѣха, были король венгерскій и сынъ короля польскаго. На куттенбергскомъ сеймѣ утраквисты выбрали 27 мая (1471 года) королемъ Владислава; онъ принялъ корону и присягнулъ соблюдать всѣ условія, на которыхъ былъ выбранъ; главныя изъ нихъ относились къ сохраненію компактатовъ. Около того же времени католики, собравшіеся въ Иглау, вновь признали королемъ Матвѣя Корвина, и папскій легатъ заявилъ одобреніе папы этому акту. Въ Прагѣ еще не кончены были приготовленія къ коронованію Владислава, когда война уже возобновилась.

Война Матвѣя Корвина съ Владиславомъ 1471—1479.

Такимъ образомъ два государя давали себѣ титулъ богемскаго короля. Споръ должна была рѣшить война. Владиславъ былъ признанъ огромнымъ большинствомъ націи. Почти вся Богемія находилась подъ его властью. Отецъ помогалъ ему. Матвѣй владѣлъ землями, принадлежавшими къ богемскому королевству: Моравіей, Лаузицемъ, Силезіей; его поддерживалъ папа; на его сторонѣ были католики; венгерское войско его было многочисленно. Война длилась нѣсколько лѣтъ; было бы утомительно разсказывать подробности ея, упомянемъ лишь главные факты. Матвѣю прежде всего надобно было подавить возстаніе въ самой Венгріи. Усмиривъ инсургентовъ и отразивъ нападеніе Казиміра, онъ пошелъ въ Моравію, оттуда въ Богемію; его легкая конница опустошала гуситскія земли на большомъ пространствѣ. Силезія тоже очень много страдала отъ войны; говорятъ, что однажды съ башень Бреславля было видно триста пожаровъ. Когда соединились войска Владислава и Казиміра, Матвѣй заключилъ перемиріе (въ ноябрѣ 1474) и пошелъ отразить нападеніе турокъ; но вскорѣ возобновилась война въ Силезіи и въ другихъ земляхъ богемскаго королевства. Императоръ, тѣснимый австрійскими инсургентами, вступилъ въ союзъ съ Владиславомъ и 10 іюня 1477 призналъ его королемъ и курфирстомъ богемскимъ. Тогда Матвѣй обратилъ свое оружіе противъ императора, дошелъ до Вѣны.

Миръ.

Чехи увидѣли, что единственное средство прекратить войну представляетъ уступка Матвѣю тѣхъ земель богемской короны, которыми владѣетъ онъ. На основаніи этого проекта начались въ мартѣ 1478 въ Брюннѣ переговоры, и 30 сентября былъ заключенъ съ Матвѣемъ въ Офенѣ договоръ, по которому и онъ и Владиславъ сохранили титулъ короля богемскаго, Матвѣй призналъ Владислава владѣтелемъ Богеміи; Владиславъ уступилъ ему Силезію, Моравію и Лаузицъ съ тѣмъ условіемъ, что по его смерти эти земли могутъ быть выкуплены за 400.000 дукатовъ. Въ іюлѣ слѣдующаго (1479) года Матвѣй и Владиславъ съѣхались на свиданье въ Ольмюцъ, долго пировали тамъ и возобновили обѣщаніе соблюдать миръ.

Такимъ образомъ кончилась продолжительная война за богемскій престолъ. Но религіозный вопросъ оставался неразрѣшенъ и по окончаніи политической борьбы выступилъ на первый планъ. Римская курія отказывалась признать компактаты; утраквисты жаловались на то, что католики угнетаютъ ихъ. Владиславъ ясно высказывалъ намѣреніе возстановить въ Богеміи католичество; волненіе усилилось, когда пріѣхалъ въ Богемію итальянскій епископъ и наперекоръ запрещенію папы сталъ рукополагать утраквистовъ во священническій санъ. Владиславъ отдалъ должности по городскому управленію въ Прагѣ католикамъ, которые и помимо своего исповѣданія были ненавистны народу самовластіемъ и несправедливостью. Тоже сдѣлалъ онъ и въ другихъ городахъ. Въ Прагѣ разнеслась молва, что католическіе правители города хотятъ арестовать вліятельныхъ людей утраквистской партіи. Это произвело взрывъ народной ярости. Граждане Праги 24 сентября 1483 года окружили ратушу, ворвались въ нее, убили вооруженныхъ людей, защищавшихъ католическій городской совѣтъ, убили нѣкоторыхъ членовъ его, другихъ арестовали и казнили, разграбили монастыри, грабили евреевъ.

Недовольство утраквистовъ.

Владиславъ, человѣкъ осторожный, былъ испуганъ этимъ мятежомъ; онъ хотѣлъ наказать руководителей его; но граждане Праги держали себя такъ, что онъ оробѣлъ, покинулъ мысль принудить утраквистовъ къ принятію католичества и сталъ искренно заботиться о возстановленіи религіознаго мира. На куттенбергскомъ сеймѣ въ мартѣ 1485 католики и утраквисты приняли законъ, примирявшій послѣдователей обоихъ вѣроисповѣданій; сеймъ постановилъ, что католики и утраквисты будутъ пользоваться свободой совѣсти и одинаковыми религіозными правами, что католическій землевладѣлецъ не можетъ стѣснять свободу совѣсти своихъ утраквистскихъ подданныхъ,—утраквистскій землевладѣлецъ также долженъ предоставить свободу совѣсти своимъ католическимъ подданнымъ, что проповѣдники должны только излагать свое вѣроученіе, а не нападать на людей другого вѣроисповѣданія, что нарушители этихъ правилъ подвергаются наказаніямъ, какъ нарушители спокойствія, враги короля и королевства.

Куттенбергскій религіозный миръ 1485.

Политическіе и религіозные споры были теперь разрѣшены. Непріязнь между католиками и утраквистами стала смягчаться: но продолжительныя междоусобія ослабили чешскій народъ, и Богемія утратила свое прежнее вліяніе на ходъ дѣлъ въ средней Европѣ. Горожане и поселяне защитили свою вѣру отъ нападеній католиковъ, но были изнурены борьбой и подверглись опасности лишиться своихъ политическихъ правъ. Сила дворянъ возросла, вельможи пріобрѣли преобладаніе въ политической жизни. Королевская власть ослабѣла; она была подорвана въ годы междуцарствія, и

Сословная борьба. Владычество дворянства.

Подѣбрадъ не могъ возвратить ей прежняго могущества. При слабомъ Владиславѣ установилось владычество вельможъ, обогатившихся захватомъ коронныхъ и церковныхъ имѣній. По смерти Матвѣя Корвина (въ 1490 году) Владиславъ былъ выбранъ королемъ венгерскимъ; отъ этого королевская власть въ Богеміи стала еще слабѣе. Моравія, Силезія и Лаузицъ снова стали принадлежать къ составу богемскаго государства, но король мало занимался его дѣлами. Отвлеченный отъ нихъ дѣлами Венгріи, Владиславъ переселился въ Офенъ, пріѣзжалъ въ Богемію рѣдко и лишь на короткое время. Чехи утратили расположеніе къ королю, предпочитавшему свое новое государство прежнему.

Порабощеніе поселянъ.

Вельможи захватили въ свои руки управленіе Богеміей и вмѣстѣ съ низшимъ дворянствомъ оттѣснили горожанъ отъ вліянія на политическія дѣла. Первымъ результатомъ ихъ владычества въ государствѣ было порабощеніе поселянъ. Богемскій сеймъ 14 марта 1487 года постановилъ законъ о выдачѣ „бѣглыхъ дворовыхъ и покинувшихъ свои участки поселянъ“; это было превращеніемъ свободныхъ поселянъ въ крѣпостныхъ. Они остались собственниками своихъ участковъ; размѣръ ихъ платежей и натуральныхъ повинностей, установленный обычаемъ и формальными документами, не былъ измѣненъ формальнымъ образомъ и юридически оставался прежній. Но законъ 14 марта 1487 поставилъ ихъ въ полную зависимость отъ господъ, и скоро они перестали находить въ судахъ защиту отъ господскаго произвола. Настало время, когда судьи рѣшали ихъ жалобы словами: „хотя ты и не обязанъ, но долженъ“.

Борьба дворянства съ городами.

Дворянству не вполнѣ удалось отнять политическія права у горожанъ. Борьба дворянства съ городами продолжалась все время царствованія Владислава. Король рѣшалъ споры въ пользу дворянства, но горожане не подчинялись его рѣшеніямъ; власть его была слаба, и раздоры доходили иногда до вооруженныхъ столкновеній. Законъ, утвержденный королемъ въ 1500 году и называющійся Уставомъ Владислава, устранилъ горожанъ отъ участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ постановилъ, что курія (палата) городскихъ депутатовъ не участвуетъ въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ, ея мнѣніе спрашивается только по дѣламъ городовъ. Горожане жаловались, что дворянство стѣсняетъ свободу ихъ состоянія, нарушаетъ ихъ промышленныя права, противозаконно требуетъ ихъ къ суду въ окружные трибуналы, межъ тѣмъ какъ они подсудны только своимъ городскимъ трибуналамъ. Города заключили между собою союзъ для защиты своихъ правъ отъ притѣсненій дворянства; оно жаловалось на это королю; онъ рѣшилъ споръ въ пользу дворянства; это увеличило непріязнь городовъ къ дворянству. Города и дворяне были постоянно готовы къ войнѣ между собой, но обѣ стороны уклонялись отъ нея. Кромѣ этой сословной вражды были раздоры между католиками и утраквистами, были преслѣдованія секты братьевъ. Правительство не имѣло силы остановить самоуправство, которое позволяли себѣ вельможи и въ частности Гутштейны и Шлики (потомки Шлика, бывшаго канцлеромъ императора Сигизмунда). Шайки разбойниковъ грабили проѣзжихъ. Пражскій городской совѣтъ казнилъ дворянина Коницланскаго; братъ его Юрій мстилъ за это пражанамъ и оставался безнаказаннымъ. Города принудили наконецъ (22 марта 1508 года) дворянство признать, что ихъ депутаты должны участвовать въ установленіи новыхъ законовъ. Но дворянство продолжало враждовать противъ городовъ, стремилось уничтожить самостоятельность городскихъ трибуналовъ; города находились въ постоянной опасности порабощенія дворянствомъ. Вождями горожанъ въ этой борьбѣ были Главса и Пашекъ, простолюдины, дѣти бѣдныхъ отцовъ, сдѣлавшіеся вліятельными людьми въ Прагѣ и членами пражскаго городского совѣта. Внукъ Юрія Подѣбрада Бартоломей, герцогъ Мюнстербергъ, вступилъ въ союзъ съ городами и защищалъ ихъ передъ королемъ противъ притязаній дворянства; находя, что своеволіе вельможъ очень вредитъ государству, онъ считалъ надобнымъ подерживать города. Въ апрѣлѣ 1515 онъ утонулъ въ Дунаѣ; но его двоюродный братъ Карлъ Мюнстербергъ занялъ его мѣсто.

Споры городовъ съ дворянствомъ шли главнымъ образомъ о границахъ власти городскихъ трибуналовъ. Нѣкоторое время они были очень горячи, но мало по малу опасность междоусобія была устранена. Король въ послѣдніе годы жизни былъ болѣе прежняго расположенъ защищать города. Но дворянство продолжало враждовать противъ нихъ, хотя и менѣе рѣзко, чѣмъ прежде. Владиславъ умеръ 13 марта 1516. Онъ былъ человѣкъ добрый, но не имѣвшій той силы ума и характера, какая была нужна для управленія двумя государствами, въ которыхъ шли постоянные раздоры.

Смерть Владислава 1516.

Владиславъ былъ женатъ на французской принцессѣ, Аннѣ, графинѣ фуасской; у нихъ было двое дѣтей, Анна и Людовикъ. Сынъ, оставшійся послѣ отца десятилѣтнимъ ребенкомъ, былъ уже выбранъ королемъ и въ Венгріи и въ Богеміи. По завѣщанію отца и согласію сейма регентство было поручено императору Максимиліану и королю польскому Сигизмунду. Власть по прежнему осталась въ рукахъ высшихъ сановниковъ, первое мѣсто между которыми занималъ оберъ-бургграфъ Левъ Розмиталь. Богемское правительство было обременено долгами; вельможи самовластвовали. Въ сеймѣ шли сословные и религіозные раздоры; сильные люди безнаказанно попирали законъ; поселяне находились въ угнетеніи, подымали мятежи; вообще состояніе Богеміи было бѣдственно.

Людовикъ 1516—1526.

Примиреніе городовъ съ дворянствомъ.

Благонамѣренные люди, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Вильгельмъ Перштейнъ, старались примирить дворянство съ городами и наконецъ успѣли въ этомъ. Соглашеніе, принятое сеймомъ 24 октября 1517 и называющееся Венцелевскимъ договоромъ, прекратило споръ о границахъ власти городскихъ трибуналовъ, опредѣливъ, какія дѣла подвѣдомственны имъ и какія комитатскимъ трибуналамъ. Было установлено, что люди каждаго сословія судятся по своему сословному праву: дворяне по такъ называемому земскому праву; горожане по городскимъ законамъ; дворянство признало за куріей (палатой) городскихъ депутатовъ право участія въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Были также рѣшены споры о привилегіяхъ торговать пивомъ, установлены правила, воспрещавшія самоуправство, признана была надобность уплаты королевскихъ долговъ. Но и этотъ договоръ не прекратилъ сословную вражду и не устранилъ безпорядки. Разбойничьи шайки, начальниками которыхъ были дворяне, продолжали грабить по большимъ дорогамъ; областные правители были вельможи, покровительствовавшіе самоуправству другихъ вельможъ; центральное правительство было безсильно.

Пріѣздъ Людовика въ Прагу.

При разстройствѣ порядка въ государствѣ благонамѣренные люди считали необходимымъ, чтобы король пріѣхалъ въ Богемію. Они надѣялись,

что онъ отниметъ власть у недобросовѣстныхъ сановниковъ, главными изъ которыхъ были Розмиталь и Петръ Розенбергъ. Королю было тогда 16 лѣтъ; онъ женился на Маріи, внучкѣ императора Мамсимиліана. Богемскій сеймъ настоятельно приглашалъ его пріѣхать изъ Венгріи въ Прагу. Онъ наконецъ уступилъ требованію. Его пріѣздъ произвелъ перемѣну въ общественныхъ дѣлахъ: онъ отнялъ должности у прежнихъ сановниковъ, навлекшихъ на себя общее неудовольствіе, назначилъ на ихъ мѣста людей болѣе достойныхъ, пользовавшихся довѣріемъ націи, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Богеміи герцога Карла Мюнстерберга. Сеймъ далъ королю большіе доходы на уплату долговъ и на содержаніе двора. Казалось, что въ государствѣ возстановляется порядокъ. Но скоро возобновилась анархія. Лютеранство распространилось въ Богеміи, и поднялись религіозные раздоры; они повели къ политическимъ волненіямъ. Правители, назначенные королемъ, покровительствовали лютеранству; король и его совѣтники были враждебны ему, полагая, что помощь папы необходима для борьбы съ турками. Розмиталь и его друзья воспользовались этими спорами и снова захватили власть въ свои руки. Переворотъ начался тѣмъ, что въ Прагѣ поднялось возстаніе, вождемъ котораго былъ Пашекъ, удаленный изъ городского совѣта и вступившій въ союзъ съ партіею Розмиталя. Онъ взволновалъ гражданъ Праги молвой, что лютеране составили заговоръ противъ католиковъ; въ августѣ 1524 поднялся мятежъ; Пашекъ арестовалъ и выслалъ изъ Праги многихъ членовъ городского совѣта и нѣкоторыхъ другихъ гражданъ; власть въ Прагѣ перешла къ нему. Розмиталь и другіе прежніе сановники были возстановлены въ своихъ должностяхъ. Безхарактерный и неопытный король, согласившійся на это, утратилъ вліяніе на дѣла.

Смерть Людовика.

Религіозные, политическіе и сословные раздоры, волновавшіе Богемію, усилились, когда молодой король погибъ въ несчастной битвѣ при Могачѣ (29 августа 1526). Смертью этого неопытнаго юноши, больше занимавшагося веселостями и волокитствомъ, чѣмъ дѣлами, прекратилась линія Ягеллоновъ, царствовавшая въ Богеміи. Претендентомъ на богемскую корону выступилъ эрцгерцогъ Фердинандъ, братъ императора Карла V, мужъ Анны, сестры Людовика. Кромѣ наслѣдственнаго права жены онъ ссылался на договоръ о взаимномъ наслѣдованіи династій, заключенный между Владиславомъ и императоромъ Максимиліаномъ. Богемскій сеймъ 24 октября (1526 года) выбралъ его королемъ, и Богемія присоединилась къ владѣніямъ австрійскаго дома.

Обзоръ гуситскаго періода чешской исторіи.

Цѣлое столѣтіе Богемія волновалась междоусобіями и вела войны съ сосѣдами. Народъ, не игравшій до той поры важной роли въ исторіи, внезапно выказалъ грозную силу, поколебавшую средневѣковое церковное и государственное устройство. Двадцать лѣтъ всѣ сосѣды трепетали гуситовъ, и невозможно не удивляться геройству чешскаго народа, защитившаго свою вѣру отъ войскъ католической церкви и нѣмецкаго государства. Но когда страсти остыли, оказалось, что результатъ ужасныхъ войнъ ничтоженъ. Чехи пріобрѣли себѣ ими только право мірянъ причащаться св. Даровъ подъ обоими видами. Ихъ энтузіазмъ истощилъ свои силы въ междоусобіяхъ партій, и національное движеніе кончилось подчиненіемъ народа владычеству вельможъ. Гуситство утратило жизненность, и послѣдователи его или возвратились въ католичество или перешли въ протестантство. Чешскій народъ не имѣлъ силы внести новую идею въ жизнь христіанскаго міра.

VII. МАКСИМИЛІАНЪ I. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ УСТРОЙСТВА НѢМЕЦКАГО ГОСУДАРСТВА.

1. Послѣдніе годы царствованія Фридриха III.

Состояніе нѣмецкаго государства.

Преобразовательное движеніе въ нѣмецкомъ государствѣ затихло, не оставивъ важныхъ результатовъ ни въ государственномъ, ни въ церковномъ бытѣ. Исторія Германіи раздробилась на мелкія разрозненныя дѣла. Части нѣмецкаго народа утратили почти всякую связь между собою. Нѣмецкіе государи дѣлились на партіи по мимолетнымъ личнымъ или династическимъ разсчетамъ. Ихъ взаимныя отношенія непрерывно измѣнялись. Нѣмецкій король давно не имѣлъ силы соединять эти разрозненные интересы для общаго дѣйствія, подчинять своекорыстныя стремленія національнымъ потребностямъ. Нѣмецкое государство распалось на множество областныхъ государствъ, не имѣло ни единства, ни порядка; въ немъ владычествовала анархія. Только при событіяхъ, угрожавшихъ нѣмцамъ великими опасностями, пробуждалось въ нѣмецкихъ государяхъ сознаніе національнаго единства. Такое дѣйствіе производили побѣды и нашествія турокъ. Османскія орды опустошали Боснію, Сербію, Кроацію, вторгались въ Венгрію, даже въ нѣмецкія земли Штирію и Крайну; а государь, называвшійся нѣмецкимъ императоромъ, не могъ въ это время защитить даже и самого себя отъ мятежей въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ. Тѣснимый австрійскими инсургентами, Фридрихъ вспомнилъ, что онъ императоръ нѣмецкій, и рѣшился въ первый разъ черезъ 25 лѣтъ по полученіи императорскаго сана отправиться въ Германію, созвалъ нѣмецкихъ областныхъ государей и представителей имперскихъ городовъ на сеймъ въ Регенсбургъ «для совѣщаній о помощи противъ турокъ и объ улучшеніи устройства имперіи».

Отношенія нѣмецкихъ государей къ Фридриху. Мысль о выборѣ новаго короля.

Такимъ образомъ лѣтомъ 1471 года собрался сеймъ, на который съѣхалось очень много государей, такъ что подобнаго сейма не помнили старики. Но онъ холодно принялъ просьбы императора о военной помощи, оставилъ въ пренебреженіи его повелѣнія прекратить междоусобія, отложилъ рѣшеніе о созваніи имперскаго войска противъ

турокъ и разошелся безъ всякаго результата, какъ уже давно дѣлали нѣмецкіе сеймы. Говорятъ, что самъ императоръ дремалъ на совѣщаніяхъ. Черезъ два года (въ 1473) Фридрихъ снова пріѣхалъ въ Германію, но не по дѣлу о войнѣ съ турками, хотя опасность ихъ нашествія не уменьшилась, а по другой надобности. Герцогъ бургонскій, Карлъ Смѣлый, хотѣлъ захватить нѣмецкія земли. Онъ уже занялъ Аахенъ, городъ, въ которомъ короновались нѣмецкіе императоры. Но Фридрихъ пріѣхалъ въ Германію не для защиты ея отъ него, а для того, чтобы породниться съ нимъ. Императоръ давно задумалъ женить своего сына Максимиліана на Маріи, наслѣдницѣ герцога бургонскаго, доставить своей династіи громадное ея наслѣдство. Онъ разсчитывалъ также на помощь герцога противъ пфальцграфа рейнскаго и швейцарцевъ, враговъ габсбургскаго дома. Герцогъ надѣялся при содѣйствіи императора пріобрѣсти титулъ короля бургонскаго и, быть можетъ, разсчитывалъ даже стать королемъ нѣмецкимъ. Въ сентябрѣ 1473 года Фридрихъ и Карлъ съѣхались въ Трирѣ (VIII, см. стран. 704); Фридрихъ и на этомъ свиданіи пренебрегъ обязанностями главы нѣмецкаго государства для своихъ династическихъ плановъ. Честолюбивые замыслы герцога бургонскаго не пробудили въ нѣмецкихъ государяхъ сознанія надобности соединиться для общей обороны, и самъ императоръ почувствовалъ надобность въ объединеніи нѣмецкихъ силъ, только когда венгры (въ 1485 году) овладѣли Вѣной, и онъ, прогнанный изъ своихъ владѣній, скитался по Германіи. Возстановить единство ея было теперь дѣломъ труднымъ. Нѣмцы привыкли считать дѣла австрійской династіи посторонними для нихъ, и она сама была виновата въ томъ. Чтобы пріобрѣсти помощь нѣмецкихъ государей, Фридриху необходимо было-бъ искренно озаботиться исполненіемъ ихъ желаній относительно преобразованія нѣмецкой имперіи; онъ былъ неспособенъ къ этому. Для устраненія опасности, какой угрожали Германіи турки, и для возстановленія единства нѣмецкаго королевства необходимо было бы замѣнить старика, равнодушнаго къ потребностямъ нѣмецкой націи, другимъ правителемъ нѣмецкаго государства. Люди, желавшіе улучшенія, думали поручить управленіе Германіей сыну Фридриха, блестящему молодому человѣку, Максимиліану, болѣе походившему характеромъ на свою энергическую мать, португальскую принцессу, чѣмъ на отца, выказавшему себя храбрымъ и дѣятельнымъ государемъ въ Нидерландахъ при защитѣ владѣній жены. Мы не знаемъ подробностей о томъ, какъ составился проектъ выбрать Максимиліана нѣмецкимъ королемъ. Но вѣроятно всѣ курфирсты чувствовали надобность улучшить устройство нѣмецкаго государства и надѣялись, что Максимиліанъ поможетъ этому дѣлу. Фридрихъ держалъ себя апатично, какъ всегда. Онъ говорилъ, что не нуждается въ помощникѣ, и когда сынъ его былъ выбранъ королемъ нѣмецкимъ, онъ выставлялъ свое согласіе на этотъ выборъ за великое пожертвованіе своимъ личнымъ интересомъ благу имперіи.

Франкфуртскій сеймъ.

Въ февралѣ 1486 собрался во Франкфуртѣ сеймъ. Съѣздъ нѣмецкихъ государей на это собраніе былъ очень большой. Пріѣхали императоръ, его сынъ, всѣ шесть курфирстовъ (ихъ было тогда шесть, потому что голосъ богемскаго короля не считался). Мысль о выборѣ Максимиліана королемъ была уже одобрена огромнымъ большинствомъ нѣмецкихъ государей; всѣ шесть курфирстовъ выбрали его королемъ. Императоръ утвердилъ выборъ.—Другое дѣло, по которому былъ созванъ сеймъ, сформированіе имперскаго войска на войну съ турками, шло плохо; сеймъ соглашался созвать имперское войско и установить имперскій налогъ для покрытія военныхъ расходовъ только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ императоръ согласился на реформы, необходимыя для прекращенія междоусобій въ Германіи. Одною изъ надобныхъ для этого мѣръ было учрежденіе имперскаго суда, независимаго отъ императора. Фридрихъ не сочувствовалъ реформѣ, и она не осуществилась. Было только принято постановленіе, запрещавшее на десять лѣтъ всякія внутреннія войны въ Германіи; но не была учреждена исполнительная власть для охраненія этого закона, и онъ остался безсиленъ. Черезъ три года на нюрнбергскомъ сеймѣ Максимиліанъ обѣщался убѣждать отца, чтобъ онъ согласился на учрежденіе имперскаго суда.

Швабскій союзъ.

Планы реформъ всего нѣмецкаго королевства давно оказывались неосуществимыми, и возникла мысль сдѣлать хотя для одной части Германіи то, чего нельзя было сдѣлать для всей имперіи. Наименѣе затрудненій для реформы представляла Швабія: въ ней не было сильныхъ государей, которые могли бы пренебрегать распоряженіями общаго правительства; страна была раздроблена на мелкія владѣнія, и въ ней было много имперскихъ городовъ, желавшихъ установленія прочнаго порядка, прекращенія междоусобій; притомъ рыцарскіе союзы и союзы городовъ были уже привычны въ Швабіи, и устройство конфедераціи, охватывающей всѣ владѣнія, представлялось дѣломъ легкимъ.

Швабскимъ государямъ и городамъ угрожала опасность порабощенія герцогами баварскими; одинъ изъ нихъ, Альбрехтъ Мюнхенскій, овладѣлъ Регенсбургомъ, хотѣлъ стать ландфохтомъ швабскимъ и наслѣдникомъ швабскихъ владѣній бездѣтнаго Сигизмунда Габсбургскаго. Австрійская династія находила выгоднымъ для себя, чтобы въ Швабіи составилась конфедерація, которая помогла бы ей охранить это наслѣдство отъ Альбрехта. Мысль объ учрежденіи швабскаго союза принадлежитъ вѣроятно Бертольду, архіепископу майнцскому, который впослѣдствіи усердно хлопоталъ объ улучшеніи государственнаго устройства Германіи. Проектъ учредить швабскій союзъ осуществился, благодаря въ особенности заботамъ графа Верденберга, швабскаго вельможи, бывшаго главнокомандующимъ рыцарскаго Георгіевскаго союза и вліятельнѣйшимъ членомъ император-

скаго совѣта. Для мелкихъ швабскихъ государей конфедерація была защитой отъ подавленія сильными сосѣдами; имперскіе города были рады всякой попыткѣ установить спокойствіе въ странѣ. Австрійская династія разсчитывала, что швабскій союзъ будетъ помогать ей въ ея войнахъ.

По приглашенію императора депутаты швабскихъ городовъ и рыцарскаго союза св. Георгія, къ которому принадлежало большинство швабскихъ рыцарей (дворянъ и вельможъ), собрались въ іюлѣ 1487 въ Эслингенѣ. Графъ Верденбергъ изложилъ имъ проектъ конфедераціи, которая охватывала бы всю Швабію. Имъ не совсѣмъ нравилось то, что члены этого общаго союза должны отказаться отъ права соединяться въ частные союзы по собственному выбору. Но императоръ въ октябрѣ объявилъ уничтоженными всѣ прежніе частные союзы, мѣшавшіе учрежденію общаго. На новомъ съѣздѣ въ Эслингенѣ депутаты большинства городовъ и рыцари св. Георгія основали 4 февраля 1483 швабскій союзъ. Герцогъ Сигизмундъ и графъ Эбергардъ Вюртембергскій присоединились къ нему, и 14 февраля былъ подписанъ договоръ объ учрежденіи швабскаго союза.

Устройство швабскаго союза.

Швабскій союзъ дѣлился на четыре группы; одну составляли владѣнія герцога Сигизмунда, другую владѣнія графа вюртембергскаго, Эбергарда Бородатаго; членами третьей группы были прелаты рыцари; четвертую группу составляли города, которыхъ первоначально было 22; важнѣйшимъ изъ нихъ былъ Ульмъ. Каждый изъ четырехъ отдѣловъ союза обязанъ былъ по первому призыву выставить 3.000 человѣкъ пѣхоты и 300 всадниковъ, а по третьему призыву послать въ союзное войско всѣ свои военныя силы. Для покрытія расходовъ былъ установленъ союзный налогъ. Союзъ былъ учрежденъ на восемь лѣтъ; по истеченіи этого срока былъ возобновленъ. Главной цѣлью его было отражать всякое нападеніе и замѣнить междоусобія третейскимъ судомъ; впослѣдствіи третейскій судъ обратился въ постоянный союзный трибуналъ. Исполнительная власть была поручена союзному совѣту; онъ состоялъ изъ двухъ коллегій: одну образовали уполномоченные прелатовъ и рыцарей, другую уполномоченные городовъ; въ каждой коллегіи было девять совѣтниковъ, каждая имѣла своего главнокомандующаго; члены коллегій и главнокомандующіе были избираемы на годъ. Государи, присоединившіеся къ союзу, учредили свой особый союзный совѣтъ.—Вскорѣ по учрежденіи союза къ нему присоединились всѣ остальные швабскіе и нѣкоторые другіе владѣтели и города; въ томъ числѣ Аугсбургъ и Констанцъ. Потомъ присоединились и нѣкоторые сильные государи: франконскіе Гоэнцоллерны, маркграфъ баденскій, архіепископы трирскій и майнцскій. Императоръ сначала не соглашался на ихъ вступленіе въ швабскій союзъ, потомъ пересталъ противорѣчить.—Австрійская династія скоро убѣдилась по опыту, что швабскій союзъ готовъ помогать ей. Когда граждане Брюгге осадили Максимиліана въ его дворцѣ, швабскій союзъ далъ Фридриху войско для его освобожденія.

Ссора швабскаго союза съ герцогами баварскими.

Швабскій союзъ былъ враждебенъ герцогамъ баварскимъ, Георгу Ландгутскому и Альбрехту Мюнхенскому, насилія которыхъ угрожали опасностью мелкимъ сосѣдамъ. Баварскій союзъ рыцарей Льва,

притѣсняемый герцогами баварскими, присоединился къ швабскому союзу. Это подало поводъ къ новымъ ссорамъ. Нѣсколько разъ дѣло было близко къ войнѣ; но при посредничествѣ Максимиліана она была предотвращаема уступками со стороны герцоговъ баварскихъ. Въ 1498 году Альбрехтъ Мюнхенскій самъ присоединился къ швабскому союзу. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ умеръ Сигизмундъ; Максимиліанъ, наслѣдовавшій его владѣнія, сдѣлался членомъ союза.

Смерть Фридриха III; характеръ его.

Императоръ Фридрихъ дожилъ почти до 80 лѣтъ; послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Линцѣ, устранившись отъ государственныхъ дѣлъ и занимаясь садоводствомъ, астрологіей и алхиміей, онъ умеръ 19 августа 1493. Онъ носилъ титулъ короля нѣмецкаго и римскаго императора болѣе 50 лѣтъ. Это было самое продолжительное изъ всѣхъ царствованій нѣмецкихъ королей. Современники порицали Фридриха и были правы. Конечно, не слѣдуетъ винить исключительно его во всѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ подвергалась Германія при немъ; она впала въ анархію до него, и никто не могъ бы вывести ее изъ этого разстройства, прекратить междоусобія, возстановить порядокъ. Но должно сказать, что Фридрихъ не исполнялъ своихъ королевскихъ обязанностей; онъ апатично смотрѣлъ на междоусобія въ Германіи, не заботился предотвращать мятежи даже въ своихъ владѣніяхъ, безпечно предавался своимъ астрологическимъ мечтамъ, собиралъ дорогіе камни, варилъ алхимическіе эликсиры и утѣшалъ себя въ бѣдахъ аѳоризмами о перемѣнчивости счастья. Надежда на лучшее будущее не обманула его; онъ пережилъ всѣхъ своихъ враговъ и видѣлъ свою династію получившей громадное могущество. Въ своей частной жизни Фридрихъ былъ человѣкъ честный; онъ имѣлъ ученыя свѣдѣнія; но какъ правитель былъ вялъ, мелоченъ, робокъ. Императорская власть въ его рукахъ была предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія; но онъ чрезвычайно дорожилъ правами ея, которыми не умѣлъ пользоваться. Въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ онъ былъ государемъ безпечнымъ и дурнымъ, не заботился прекратить въ Австріи самоуправство сильныхъ людей, обременялъ народъ новыми налогами, производилъ разстройство въ торговлѣ чеканкой дурной монеты, и, слыша о бѣдствіяхъ своихъ подданныхъ, говорилъ, что они заслужили свою судьбу. Когда ихъ мятежи отнимали у него власть, онъ вставлялъ въ свой дневникъ рядъ буквъ A. E. I. O. U. «Это было сокращеніе фразы: Austriae Est Imperium Orbis Universi» — Австріи принадлежитъ владычество надъ всѣмъ міромъ.

2. Преобразованіе нѣмецкаго государственнаго устройства.

Максимиліанъ. Максимиліанъ не былъ похожъ на флегматичнаго отца, имѣлъ широкіе замыслы и горячо стремился пріобрѣсти господствующее положеніе въ Европѣ. Могущество австрійскаго дома получило прочную основу пріобрѣтеніемъ Нидерландовъ и другихъ владѣній бургонской династіи. Максимиліанъ задумалъ стать владыкой Италіи. Онъ выбралъ второй женой себѣ дочь герцога миланскаго Бланку, (Біанку), съ мыслью пріобрѣсти этимъ бракомъ доступъ за Альпы. Его женитьба на Бланкѣ была отпразднована въ 1494 году. Въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ на сеймъ въ Вормсъ просить у имперіи помощи походу въ Италію.

Вормскій сеймъ 1495. Съѣздъ нѣмецкихъ государей въ Вормсѣ былъ многочисленъ. Король открылъ 26 марта засѣданія сейма рѣчью, въ которой описывалъ опасности, угрожающія нѣмецкому королевству со стороны Франціи, просилъ помощи въ войнѣ съ ней, говорилъ, что необходимо дать Германіи крѣпкую военную организацію для защиты отъ враговъ. Сеймъ не отрицалъ надобности сопротивляться французамъ, но не захотѣлъ связывать себя обѣщаніями. Нѣмецкіе государи хотѣли воспользоваться просьбой Максимиліана о помощи ему, чтобы вынудить у него согласіе на преобразованіе государственнаго устройства. Партія реформы, вождемъ которой былъ Бертольдъ, курфирстъ майнцскій, хотѣла учредить центральное правительство изъ уполномоченныхъ нѣмецкихъ государей и дать этому правительству такую силу, чтобъ оно могло не допускать междоусобій. Максимиліану не нравился этотъ планъ. Но комитетъ, назначенный сеймомъ, выработалъ проектъ новаго государственнаго устройства.

Проектъ реформы. Главными чертами этого проекта было учрежденіе постояннаго имперскаго суда и имперскаго правительственнаго совѣта. Совѣтъ долженъ былъ состоять изъ 17 членовъ, назначаемыхъ областными государями, и президента, назначаемаго королемъ. Совѣтъ долженъ былъ охранять спокойствіе въ Германіи, завѣдывать имперскими доходами и оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ. Это значило, что онъ будетъ имѣть въ своихъ рукахъ всю правительственную власть, что она отнимается у короля. Для покрытія расходовъ былъ выбранъ новый способъ: прежде сеймъ опредѣлялъ, сколько обязанъ дать въ имперскую казну каждый государь, каждый городъ; теперь предполагалось установить по всему королевству общую подушную подать.

Учрежденіе имперскаго камеральнаго суда. Король нашелъ, что этотъ проектъ слишкомъ ограничиваетъ его власть, и предложилъ сдѣлать въ немъ такія перемѣны, которыми совершенно измѣнялась сущность дѣла. Максимиліанъ требовалъ,

чтобы королю было предоставлено назначеніе всѣхъ членовъ правительственнаго совѣта, чтобы рѣшенія его получали силу только по утвержденіи королемъ, чтобъ онъ завѣдовалъ дѣлами только въ отсутствіе короля, а когда король находится въ Германіи, то управлялъ бы самъ король. Такимъ образомъ Максимиліанъ желалъ противоположнаго тому, чего хотѣлъ сеймъ; но принужденъ былъ согласиться хотя на нѣкоторыя изъ его требованій, чтобы получить военную помощь для войны съ французами. Благодаря тому были приняты два важные закона: одинъ установлялъ внутренній миръ въ Германіи; другой учреждалъ имперскій судъ. Они были обнародованы 7 августа 1495.

Законъ объ охраненіи мира. Въ Германіи уже издавна были заключаемы союзы нѣсколькихъ государствъ или городовъ на нѣсколько лѣтъ для охраненія мира и наказанія нарушителей его. Съ упадкомъ королевской власти областнымъ государямъ и имперскимъ городамъ надобно было самимъ заботиться объ устраненіи междоусобій; они заключали для этого частные союзы между собою. Таковъ былъ напримѣръ союзъ рейнскихъ городовъ. Попытки замѣнить частные союзы общей организаціей оставались до сихъ поръ напрасны. Потому важнымъ улучшеніемъ былъ принятый въ Вормсѣ королемъ и всѣми членами сейма законъ, воспрещавшій всякія междоусобія. Всѣ позднѣйшія постановленія этого рода были повтореніемъ закона 1495 года.—Для предотвращенія междоусобій былъ учрежденъ имперскій камеральный судъ, резиденціей котораго былъ назначенъ Франкфуртъ. (Впослѣдствіи онъ засѣдалъ въ Вормсѣ, въ Шпейерѣ и наконецъ былъ перенесенъ въ Вецларъ). Онъ судилъ всѣ процессы лицъ непосредственно подвластныхъ имперскому правительству, (то есть неподвластныхъ областнымъ государямъ), и по апелляціи могли быть переносимы въ него всѣ дѣла изъ областныхъ трибуналовъ кромѣ находившихся во владѣніяхъ тѣхъ государей, которые имѣли privilegium de non appellando (то есть, тѣхъ государей, отъ власти которыхъ не было апелляціи къ нѣмецкому сейму и королю) Имперскій камеральный судъ долженъ былъ предотвращать междоусобія и защищать подданныхъ областныхъ государей отъ притѣсненія. Онъ состоялъ изъ президента (камеральнаго судьи), назначаемаго королемъ и 16 засѣдателей, половина которыхъ принадлежала къ дворянскому сословію, а другую половину составляли доктора юриспруденціи. Такимъ образомъ верховная судебная власть перешла отъ императорскаго суда, члены котораго были назначаемы императоромъ, къ трибуналу, въ которомъ только президентъ былъ представитель императора, а члены были назначаемы курфирстами, другими государями и городами. Учрежденіе этого независимаго суда было важнымъ улучшеніемъ государственнаго устройства Германіи.—Въ 1501 году Максимиліанъ учредилъ въ Вѣнѣ верховный трибуналъ, вполнѣ зависимый отъ императора и называвшійся имперскимъ придворнымъ совѣтомъ; ему были подсудны дѣла въ австрійскихъ владѣніяхъ; но онъ старался расширить кругъ своей власти на Германію; это соперничество съ имперскимъ камеральнымъ судомъ вносило въ нѣмецкое государство вредное двоевластіе.—По образцу имперскаго камеральнаго суда были учреждены областными государями трибуналы для ихъ владѣній; областные сеймы имѣли участіе въ назначеніи членовъ этихъ трибуналовъ.

Имперскій камеральный судъ.

Нѣмецкій сеймъ не считалъ полезнымъ для Германіи походъ Максими-

Общій имперскій налогъ.

ліана въ Италію; но изъ признательности за его согласіе на учрежденіе имперскаго суда установилъ общій имперскій налогъ для денежнаго пособія его походу. Этотъ налогъ былъ установленъ на четыре года.

Результаты реформы.

Максимиліанъ былъ очень недоволенъ реформою, ограничивавшей его власть, и сердился на сеймъ, не сочувствовавшій его итальянскому походу.—Осуществленіе реформы встрѣтило себѣ много затрудненій: нѣкоторые изъ духовныхъ государей не хотѣли признавать власть суда, состоящаго исключительно изъ мірянъ; взиманіе общаго имперскаго налога возбуждало много ропота; Максимиліанъ не допустилъ этого налога ни въ своихъ австрійскихъ владѣніяхъ, ни въ Нидерландахъ; замедлялъ учрежденіе имперскаго камеральнаго суда, и если бы не нуждался въ помощи Германіи для своихъ войнъ, то сталъ бы противиться реформѣ.

Линдаускій сеймъ.

Осенью 1496 года императоръ созвалъ въ Линдау сеймъ, отъ котораго надѣялся получить имперское войско для похода въ Италію. Но нѣмецкіе государи и теперь остались равнодушны къ замыслу императора, безполезному для Германіи. Они требовали осуществленія реформы сообразно своимъ вормсскилъ рѣшеніямъ.

Фрейбургскій сеймъ.

Максимиліанъ, ходившій въ Италію и потерпѣвшій тамъ неудачу, возвратился съ досадой на нѣмецкій сеймъ, который не помогъ ему. Въ іюнѣ 1498 на фрейбургскомъ сеймѣ онъ рѣзко порицалъ нѣмецкихъ государей и говорилъ имъ, что теперь наперекоръ имъ рѣшился воевать съ французами и посмотритъ, помогутъ ли они ему; ломбардцы измѣнили ему; нѣмцы не оказали помощи, но теперь онъ не дозволитъ связать себя по рукамъ и по ногамъ, какъ дозволилъ въ Вормсѣ. Сеймъ отдалъ ему часть денегъ, доставленныхъ общимъ имперскимъ налогомъ, и досада его смѣнилась удовольствіемъ; онъ пересталъ мѣшать осуществленію реформы, согласился расширить власть имперскаго камеральнаго суда, согласился на принятіе другихъ мѣръ для прекращенія междоусобій въ Германіи. Въ признательность за то сеймъ сталъ оказывать нѣкоторое содѣйствіе его войнѣ съ Франціей. Но онъ потерпѣлъ въ ней неудачу. Военныя дѣла остановили ходъ начатаго преобразованія нѣмецкихъ государственныхъ учрежденій.

---

3. Формальное отдѣленіе швейцарскаго союза отъ нѣмецкаго государства.

Положеніе швейцарскаго союза, послѣ войны съ Карломъ Смѣлымъ.

Удачныя войны доставили швейцарцамъ большую славу и много владѣній. Они пріобрѣли сильное вліяніе на дѣла сосѣднихъ государствъ. Послѣ ихъ побѣдъ надъ Карломъ Смѣлымъ нѣмецкіе государи и король французскій искали ихъ дружбы. Но побѣды и завоеванія произвели глубокую испорченность въ ихъ обычаяхъ: они по-

любили воевать; сосѣдніе государи приглашали ихъ въ свою службу, давая большое жалованье, и въ ихъ нравы вошло обыкновеніе уходить на военную службу въ чужія земли; это ремесло было легче и выгоднѣе хлѣбопашества или городской промышленной работы. Иноземныя деньги и добыча массами приливали въ Швейцарію и подрывали честную простоту прежней жизни швейцарскихъ поселянъ и горожанъ. Сосѣдніе государи, въ особенности короли французскіе, подкупали вліятельныхъ членовъ союзнаго сейма и правителей кантоновъ и черезъ нихъ управляли политикой союза. Наемники, возвращавшіеся изъ иноземной службы, приносили съ собой привычку къ буйству и распутству, заражали согражданъ своими пороками. Усилія патріотовъ прекратить наемничество были напрасны: сеймъ и кантональныя правительства принимали законы противъ ухода въ иноземную службу, роскоши, пьянства; но эти запрещенія оставались безсильны. Другимъ бѣдствіемъ была зависть сельскихъ кантоновъ къ городскимъ, въ особенности къ Берну: поселянамъ было досадно, что города имѣютъ преобладающее вліяніе на сеймѣ; расширяютъ свои владѣнія, берутъ себѣ большую часть военной добычи. Въ городахъ борьба партій нерѣдко доходила до ожесточенія, производила междоусобія. Бургомистръ Цюриха Гансъ Вальдманъ, которому швейцарцы были обязаны побѣдой при Муртенѣ, возбудилъ противъ себя сильную вражду въ своихъ согражданахъ самовластіемъ; въ 1489 году поднялось въ Цюрихѣ возстаніе противъ него; онъ былъ низвергнутъ и казненъ.

Штанцскій договоръ 1481.

Вражда между сельскими и городскими кантонами проявилась очень сильно по поводу просьбы Фрейбурга и Золотурна о принятіи ихъ въ швейцарскій союзъ. Фрейбургъ, незадолго передъ тѣмъ освободившійся отъ власти герцоговъ савойскихъ, давно былъ въ дружбѣ съ Берномъ; друженъ былъ съ Берномъ и Золотурнъ. Сельскіе кантоны опасались, что принятіе этихъ городовъ въ составъ союза усилитъ преобладаніе городскихъ кантоновъ въ немъ, и когда на сеймѣ въ Штанцѣ поднялся вопросъ объ ихъ принятіи въ союзъ, споры приняли такой рѣзкій характеръ, что союзу угрожало междоусобіе. Патріоты говорили: «Чего не могли дѣлать герцоги австрійскій и бургундскій, дѣлается теперь: пришла погибель Швейцаріи». Но убѣжденія благочестиваго отшельника Клауса (Николая) Флю смягчили вражду и возстановили миръ. По штанцскому договору (22 декабря 1484) Золотурнъ и Фрейбургъ были приняты въ составъ союза. Кантоны обѣщались не враждовать между собой, поддерживать единство союза, условились дѣлить добычу по числу воиновъ каждаго кантона, а завоеванія по размѣру участія кантоновъ въ войнѣ и постановили каждыя пять лѣтъ возобновлять обѣщаніе вѣрности союзу. По всей Швейцаріи этотъ договоръ произвелъ такую радость, что его празд-

новали съ колокольнымъ звономъ, какъ извѣстіе о побѣдѣ при Муртенѣ.

Николай Флю.

Николай Флю усердно служилъ отечеству, какъ воинъ, правитель и судья, пользовался большимъ уваженіемъ, покинулъ общественныя дѣла и семейство, удалился въ горы, поселился въ отшельнической кельѣ. Молва разсказывала дивные подвиги его аскетизма, говорила, что двадцать лѣтъ онъ не вкушалъ никакой пищи, что жизнь его поддерживалась только причащеніемъ св. Даровъ. Но отшельникъ оставался патріотомъ; раздоры соотечественниковъ глубоко огорчали его, и лѣтописи говорятъ, что исключительно его убѣжденія возстановили миръ на штанцскомъ сеймѣ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ 70 лѣтнимъ старикомъ въ своей кельѣ. Впослѣдствіи онъ былъ причисленъ римской церковью къ лику святыхъ.

Отношенія швейцарскаго союза къ нѣмецкому королевству.

Связь швейцарскаго союза съ нѣмецкимъ государствомъ давно ослабѣла. Ненависть швейцарцевъ къ габсбургамъ перешла и на королевскую власть, съ того времени какъ нѣмецкими королями стали габсбурги. Юридически швейцарскіе кантоны оставались принадлежащими къ нѣмецкому королевству; но неохотно исполняли свои обязанности членовъ его и противились всякой попыткѣ укрѣпить власть нѣмецкаго сейма и короля надъ ними. Они уже были чужды нѣмецкому государству въ годы, предшествовавшіе войнѣ съ Карломъ Смѣлымъ; послѣ побѣдъ надъ нимъ, получая много денегъ отъ короля французскаго, они совершенно утратили сочувствіе къ Германіи; они считали опасными для себя попытки нѣмцевъ возстановить единство Германіи или хотя установить прочные союзы между государями и городами въ югозападной части ея. Швабскій союзъ они считали орудіемъ габсбургскаго властолюбія, отвергли предложеніе вступить въ него, не согласились признать себя подвластными имперскому камеральному суду и платить общій имперскій налогъ. Имперскій судъ принялъ жалобу бывшаго санктгалленскаго бургомистра Варнбюлера на его согражданъ, приговорилъ Санктъ-Галленъ къ уплатѣ вознагражденія ему, по отказѣ этого города уплатить вознагражденіе, объявилъ его мятежнымъ и постановилъ принять военныя мѣры противъ него; швейцарскій союзъ рѣшилъ помогать Санктъ-Галлену въ оборонѣ отъ имперскаго войска. Максимиліанъ сильно досадовалъ на непокорность швейцарцевъ, на ихъ дружбу съ королемъ французскимъ, получавшимъ отъ нихъ лучшую часть своего войска; императоръ хотѣлъ угрозами и обѣщаніями достичь того, чтобы швейцарцы служили ему, а не его противнику; но это не удалось; онъ вознегодовалъ на нихъ; ссора длилась нѣсколько лѣтъ и дошла наконецъ до войны.

Швабская война 1499.

Непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ были споры Максимиліана, какъ эрцгерцога австрійскаго, съ епископомъ города Кура. Населеніе области, въ которой находился Куръ, составляло тогда три федераціи, называвшіяся Сѣрымъ союзомъ, союзомъ Божіяго дома и

союзомъ Десяти судовъ (Grauer Bund, Gotteshausbund, Zehntgerichtenbund); эти три федераціи, изъ которыхъ впослѣдствіи составился кантонъ Граубюнденъ, заключили теперь оборонительный трактатъ съ швейцарскимъ союзомъ. Максиміліанъ, какъ эрцгерцогъ австрійскій, и швабскій союзъ готовились напасть на швейцарцевъ за этотъ договоръ. Граубюнденцы выгнали тирольцевъ изъ мюнстерской долины. Но епископъ города Кура, которому помогали они, не желалъ войны, заключилъ перемиріе съ Максиміліаномъ. Казалось, что ссора прекращена; швейцарское войско, ходившее на помощь граубюнденцамъ, пошло домой; но когда оно проходило берегомъ Рейна мимо замка Гутенберга, стоявшаго на другомъ берегу рѣки, неширокой тамъ, австрійскіе ландскнехты (наемники), охранявшіе замокъ, обидѣли швейцарцевъ ругательствами и даже сдѣлали въ нихъ черезъ Рейнъ нѣсколько выстрѣловъ. Изъ этого произошли мелкія схватки (въ февралѣ 1499); онѣ обратились въ ожесточенную войну. Правительство швабскаго союза созвало свои войска, но они сходились медленно, въ неполномъ составѣ, были плохо вооружены, у нихъ не было единства въ дѣйствіяхъ; города швабскаго союза формировали свои отряды изъ дешевыхъ наемниковъ, непригодныхъ для военнаго дѣла; государи и вельможи швабскаго союза были нерасположены воевать съ швейцарцами по воспоминаніямъ о своихъ прежнихъ неудачахъ въ нападеніяхъ на нихъ; потому военныя дѣйствія, театромъ которыхъ былъ Граубюнденъ, шли неудачно для Максиміліана и швабскаго союза. Ихъ войска терпѣли много пораженій. Вилибальдъ Пиркгеймеръ, начальствовавшій въ этой войнѣ нюрнбергскимъ отрядомъ и написавшій разсказъ о ней, оставилъ намъ яркое изображеніе безпорядковъ, грабежей и бѣдствій имперскаго войска. Швабскій союзъ съ каждымъ днемъ охладѣвалъ къ войнѣ. Максиміліанъ пріѣхалъ возбудить его усердіе, но не могъ сформировать хорошаго войска; швейцарцы опустошали нѣмецкія земли по Боденскому озеру. Нерасположеніе членовъ швабскаго союза къ войнѣ раздосадовало Максиміліана. Наемники короля и имперское войско, безпечно стоявшіе у Дорнека, были 22 іюля (1499 г.) застигнуты врасплохъ нападеніемъ швейцарцевъ; многіе вельможи и въ числѣ ихъ самъ главнокомандующій графъ Генрихъ Фюрстенбергъ были убиты; швейцарцы взяли всю артиллерію и много добычи. Послѣ того Максиміліанъ и его союзники потерпѣли новыя неудачи; 20.000 воиновъ ихъ погибло въ этой войнѣ, швейцарцы разрушили 200 замковъ и селеній. Максиміліанъ увидѣлъ невозможность побѣдить швейцарцевъ, миръ съ ними былъ ему тѣмъ необходимѣе, что французы одерживали побѣды въ Ломбардіи, герцогъ миланскій Людовикъ Моръ, прогнанный ими, просилъ помощи у императора. При посредничествѣ миланскихъ пословъ Максиміліанъ заключилъ миръ съ швейцарцами; договоръ былъ подписанъ 22 октября (1499 года) въ Базелѣ.

Упрочение независимости швейцарскаго союза отъ нѣмецкаго королевства.

По базельскому миру были разрѣшены или переданы на рѣшеніе третейскаго суда спорные вопросы о границахъ владѣній; швейцарцы были освобождены отъ участія въ имперскихъ налогахъ, признаны неподвластными имперскому суду, то-есть фактически была признана независимость ихъ отъ нѣмецкой имперіи; они были объявлены ея «союзниками» (Verwandte); этотъ терминъ на тогдашнемъ языкѣ означалъ, что они остаются принадлежащими къ ея составу; но на дѣлѣ они уже давно отдѣлились отъ нея, и вестфальскій миръ, формально установившій ихъ независимость, только заявлялъ этимъ фактъ, издавна существовавшій.—Послѣ швабской войны дружба швейцарцевъ съ Франціей стала еще прочнѣе прежняго; они пріобрѣли большую военную славу въ войнахъ французовъ съ императоромъ за владычество надъ Италіей; но служба въ чужихъ войскахъ имѣла, какъ мы говорили, очень вредное вліяніе на нравы швейцарскаго народа. Помогая французамъ, швейцарцы въ началѣ XVI вѣка расширили свои владѣнія за Сенъ-Готаромъ, пріобрѣли Беллинцону, Лугано, Локарно и сосѣдніе города.

Составъ швейцарскаго союза въ началѣ XVI вѣка.

По окончаніи швабской войны присоединился къ швейцарскому союзу городъ Базель (въ 1501 году) и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ (въ 1513) Аппенцель, уже и раньше того находившійся въ союзѣ съ нѣкоторыми кантонами. По присоединеніи Аппенцеля швейцарскій союзъ состоялъ изъ тринадцати кантоновъ; восемь изъ нихъ навывались „старыми“; другіе пять вновь присоединившимися. Этотъ составъ союза сохранялся до конца XVIII вѣка. Кромѣ тринадцати кантоновъ было нѣсколько городовъ и мелкихъ государей, находившихся въ постоянномъ союзѣ или съ общимъ швейцарскимъ правительствомъ, или съ нѣкоторыми кантонами, но не считавшихся членами швейцарскаго федеральнаго государства; они назывались „союзниками“; къ числу ихъ принадлежали: маленькая республика Герсау, аббатъ энгельбергскій, городъ Санктъ-Галленъ, аббатъ санктгалленскій, городъ Бьеннъ (Bienne, по нѣмецкому названію Биль, Biel), графъ нефшательскій и валанженскій, Валлисъ, епископъ валлисскій, три граубюнденскія конфедераціи, Женева. Кромѣ владѣній, принадлежавшихъ тому или другому кантону, были общія владѣнія швейцарскаго союза, какъ напримѣръ графство баденское (часть аргауской области), Тургау, Сарганъ, Лугано, Беллинцона, Рапперсвиль, Уцнахъ. Права этихъ общихъ владѣній были неодинаковы; одни изъ нихъ имѣли больше самостоятельности въ управленіи своими дѣлами, другіе меньше. Первое мѣсто между кантонами по почету занималъ городъ Цюрихъ. Общія дѣла швейцарскаго союза были рѣшаемы сеймомъ его, верховная власть въ каждомъ кантонѣ принадлежала собранію его гражданъ.

4. Упадокъ стремленія къ преобразованію устройства нѣмецкаго государства.

Аугсбургскій сеймъ 1500.

Войны съ Франціей и швейцарцами доказали неудовлетворительность устройства нѣмецкой имперіи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ собрался 10 апрѣля 1500 года сеймъ въ Аугсбургѣ. Партія, желавшая улучшеній, имѣла преобладаніе на немъ, и было рѣшено, чтобъ имперское войско формировалось по способу, похожему на то, что впослѣдствіи называлось рекрутскимъ наборомъ: сеймъ постановилъ, что отъ каждыхъ 400 человѣкъ населенія долженъ быть выставляемъ въ имперское войско пѣшій воинъ, что государи обязаны давать въ имперское войско конницу; лица духовнаго званія, люди, лично несвободные (то-есть не поселяне, находящіеся только въ крѣпостной зависимости за пользованіе землей, а служители «господъ» Dienstboten) и евреи должны платить взамѣнъ личной военной повинности налогъ. Максимиліанъ былъ очень радъ этому рѣшенію сейма и согласился на уступку требованію, которое отвергъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ въ Вормсѣ: былъ учрежденъ постоянный имперскій совѣтъ для управленія общими дѣлами государства.

Имперскій правительственный совѣтъ.

Императорское правительство, Reichsregiment, учрежденное въ 1500 году, состояло изъ призидента, назначаемаго императоромъ, и членовъ („совѣтниковъ“), назначаемыхъ областными государями и имперскими городами. Было постановлено правиломъ, что всегда будетъ лично присутствовать въ этомъ совѣтѣ одинъ изъ курфирстовъ; другіе пять назначали каждый по одному совѣтнику; остальные государи были раздѣлены на шесть областныхъ отдѣловъ: франконскій, баварскій, швабскій, верхнерейнскій, вестфальскій, нижнесаксонскій; округи назначали отъ себя шесть рыцарей и докторовъ права. Габсбургская династія назначала двухъ совѣтниковъ, одного отъ своихъ австрійскихъ владѣній, другого отъ бургонскихъ; къ нимъ присоединялись два совѣтника отъ имперскихъ городовъ; имперское правительство должно было ежегодно собираться въ Нюрнбергѣ. Курфирсты имѣли преобладаніе въ немъ, потому что держались единодушно, располагая шестью голосами.

Ссора Максиміліана съ сеймомъ.

Имперскій правительственный совѣтъ отнималъ фактически почти всякую власть у императора, которому принадлежали въ немъ только три голоса. Максимиліанъ согласился на такое ограниченіе королевской власти, разсчитывая, что имперское правительство немедленно дастъ ему большое войско для войны съ Франціей; вмѣсто того оно вступило въ переговоры съ Людовикомъ XII. Максимиліанъ раскаялся въ своихъ уступкахъ сейму, сталъ всячески мѣшать дѣйствіямъ имперскаго совѣта, и весною 1502 года члены совѣта разъѣхались по домамъ, засѣданія его прекратились навсегда. Коллегія курфирстовъ

стала въ открытую вражду къ Максимиліану. Онъ набиралъ себѣ союзниковъ противъ нея. Многіе изъ областныхъ государей были недовольны преобладаніемъ курфирстовъ на сеймѣ и нашли выгоднымъ для себя перейдти на сторону Максимиліана, который награждалъ своихъ сторонниковъ должностями намѣстниковъ въ своихъ владѣніяхъ. Бертольдъ, архіепископъ майнцскій, совѣтамъ котораго слѣдовали другіе курфирсты, умеръ, единодушіе между ними исчезло. Оппозиція Максимиліану ослабѣла. На кельнскомъ сеймѣ въ 1505 году Максимиліанъ предложилъ новый проектъ устройства центральнаго правительства; онъ хотѣлъ, чтобы всѣ члены правительственнаго совѣта были назначаемы имъ и чтобы по всѣмъ важнымъ дѣламъ рѣшенія совѣта были представляемы на его утвержденіе. Сеймъ отвергъ этотъ проектъ, по которому всѣ областные государи были бы поставлены въ полное подчиненіе Максимиліану; но согласился дать ему на годъ имперское войско, силу котораго опредѣлилъ въ 4.000 человѣкъ. Система набора была отброшена, сеймъ распредѣлилъ, какое число воиновъ долженъ выставить каждый государь, каждый городъ. Эта военная помощь сейма дала Максимиліану возможность пойдти въ Венгрію и принудить магнатовъ къ признанію его правъ на венгерскій престолъ.

Кельнскій сеймъ 1515.

Въ 1507 году Максимиліанъ созвалъ сеймъ въ Констанцъ, получилъ отъ него довольно большое имперское войско для похода въ Италію, за это обѣщался присоединить къ имперіи всѣ завоеванія, какія сдѣлаетъ, и править имперіей по совѣтамъ сейма. Имперское войско было собрано опять посредствомъ раскладки, сдѣланной сеймомъ, или, какъ это называлось, по матрикулу. Этимъ способомъ оно было собираемо и впослѣдствіи до самаго конца существованія нѣмецкой имперіи.

Констанцскій сеймъ.

Максимиліанъ мечталъ, что завоюетъ всю Италію; на границѣ ея онъ съ согласія папы (Юлія II) принялъ (4 февраля 1508) императорскій титулъ. Съ того времени установился обычай, что нѣмецкіе короли принимаютъ титулъ императоровъ безъ коронованія въ Римѣ. Послѣ Максимиліана они стали принимать на себя этотъ титулъ непосредственно по своемъ коронованіи въ санъ короля нѣмецкаго.—Максимиліанъ не пріобрѣлъ въ Италіи тѣхъ успѣховъ, какихъ ожидалъ. Имперское войско собиралось медленно и собралось не въ полномъ составѣ; не пришло къ Максимиліану и столько швейцарскихъ наемниковъ, сколько предполагалъ онъ имѣть. Онъ опрометчиво шелъ впередъ, попалъ въ опасное положеніе; потерпѣлъ неудачу въ нападеніи на венеціанцевъ; ихъ войско вошло въ его владѣнія. Мы разскажемъ объ этой войнѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Здѣсь достаточно будетъ прибавить, что, увидѣвъ себя въ невозможности успѣшно вести войну съ королемъ французскимъ, Максимиліанъ 10 декабря 1508 вступилъ въ союзъ съ нимъ и съ папой для общаго нападенія на венеціанцевъ.

Принятіе императорскаго титула Максиміліаномъ.

Военныя неудачи Максимиліана и его союзъ съ королемъ французскимъ произвели дурное впечатлѣніе въ Германіи. На сеймѣ, собравшемся въ 1509 году въ Вормсѣ, выказалось неудовольствіе противъ него; онъ пріѣхалъ въ Вормсъ, воображая, что сеймъ дастъ ему имперское войско на войну съ Венеціей, и вмѣсто того услышалъ порицанія. Нѣмецкіе государи считали безполезной для Германіи войну съ Венеціей; имперскіе города находили ее вредной для себя, потому что она мѣшала ихъ торговлѣ. Областные государи не хотѣли давать войска для похода, который долженъ былъ принести пользу только габсбургской династіи; они досадовали на императора за то, что онъ безъ ихъ совѣта вступилъ въ союзъ съ королемъ французскимъ. Межъ тѣмъ какъ они совѣщались, онъ поѣхалъ къ своему войску на итальянскую границу. Сеймъ послалъ ему туда свое рѣшеніе, состоявшее въ томъ, что имперія не можетъ и не обязана помогать ему въ этой войнѣ; ему пришлось воевать съ Венеціей на деньги своихъ союзниковъ. Въ слѣдующіе годы онъ былъ такъ занятъ войнами, что не имѣлъ досуга вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла.

Неудовольствіе въ Германіи.

Попытки реформъ, длившіяся много лѣтъ, кончились неудачей, потому что интересы императора были противоположны интересамъ областныхъ государей: они хотѣли, чтобы центральное правительство состояло изъ ихъ уполномоченныхъ; онъ хотѣлъ, чтобъ оно было только орудіемъ его личной власти; потому Германія осталась не имѣющей центральнаго правительства; въ ней владычествовало прежнее самоуправство: каждый рыцарь считалъ себя въ правѣ воевать съ сосѣдями; города съ трудомъ защищались отъ насилія сосѣднихъ областныхъ государей и грабительства вельможъ; поселяне начинали думать о возстаніяхъ.

Неудача попытокъ улучшить устройство нѣмецкаго государства.

Многіе историки осуждаютъ оппозицію сейма Максимиліану, говорятъ, что она помѣшала объединенію Германіи подъ властью короля, что, не имѣя одного верховнаго государя, Германія подпала подъ иго множества тирановъ. Но сопротивленіе сейма стремленію Максимиліана захватить владычество надъ Германіей, происходило не отъ одного только эгоизма областныхъ государей; оно имѣло своимъ источникомъ справедливое недовѣріе къ политикѣ габсбургской династіи. Габсбурги хотѣли, чтобы Германія служила исключительно ихъ династическимъ выгодамъ; понятно, что государи и города не хотѣли отдаваться подъ власть габсбургскаго императора, жертвовавшаго интересами Германіи своимъ династическимъ разсчетамъ. Ни одинъ изъ государей, сопротивлявшихся Максимиліану, не хотѣлъ разрушать государственное единство Германіи; оно было необходимо каждому изъ нихъ: участіе въ управленіи Германіей доставляло имъ безопасность; они только не хотѣли быть порабощены государемъ, чьи интересы были чужды интересамъ ихъ самихъ и нѣмецкаго народа.

Сужденія объ оппозиціи сейма Максимиліану.

С. Восточныя государства.

I. ВЕНГРІЯ.

1. Венгрія въ правленіе династіи Гунядовъ.

а) ПРАВЛЕНІЕ ІОАННА ГУНЯДА.

Избраніе Гуняда правителемъ королевства 1446.

Сынъ короля Альбрехта Владиславъ находился, какъ мы говорили, у Фридриха, который не соглашался отпустить его въ Венгрію. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ напраснаго ожиданія венгры весною 1446 собрались на сеймъ для выбора регента. Съѣздъ на сеймъ былъ такъ великъ, что для собравшихся не нашлось помѣщенія въ Пештѣ, и они расположились на Ракошскомъ полѣ передъ городомъ. Выборъ былъ произведенъ въ день Троицы; единодушно былъ выбранъ Яношъ (Іоаннъ) Гунядъ, занимавшій тогда должность правителя Трансильваніи. Опасное положеніе королевства сдѣлало надобнымъ дать регенту почти полную королевскую власть. Сеймъ рѣшилъ, что Гунядъ будетъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, что по дѣламъ внутренняго управленія онъ долженъ дѣйствовать по согласію съ сеймомъ, что судебная власть будетъ по прежнему принадлежать палатину. Высшія правительственныя должности были распредѣлены между магнатами. Аристократія, пользуясь междуцарствіемъ, упрочила свое могущество и расширила свои привилегіи.

Дѣйствія регента.

Мы уже говорили о героѣ, который сдѣлался теперь правителемъ родины. Онъ давно былъ ея охраной, грозой враговъ ея. Гунядъ былъ незнатнаго дворянскаго рода; но пріобрѣлъ громкую славу въ турецкихъ войнахъ. Сдѣлавшись регентомъ, онъ воевалъ съ турками успѣшно и только разъ, въ 1448 году на Косовомъ полѣ, былъ побѣжденъ Мурадомъ, имѣвшимъ гораздо болѣе многочисленное войско; онъ съ трудомъ спасся тогда отъ разбойниковъ и отъ вѣроломнаго князя сербскаго Юрія Бранковича. Но не одни турки были врагами Гуняда; онъ имѣлъ въ самой Венгріи много противниковъ;

одни враждовали къ нему изъ зависти, другіе потому, что онъ охранялъ порядокъ, обуздывалъ своеволіе.

Война съ Искрой.

Одинъ изъ чешскихъ полководцевъ, пришедшихъ на помощь Елизаветѣ, Гискра (Giskra Искра) оставался въ сѣверной Венгріи, не хотѣлъ признавать власть Гуняда и грабилъ области, укрѣпленія которыхъ были заняты его войсками. Гунядъ послалъ противъ него милицію сѣверныхъ комитатовъ подъ начальствомъ своего родственника Секели, но въ 1419 году Искра разбилъ Секели въ сраженіи близъ Кашау. Самъ Секели былъ убитъ. Гара и другіе противники Гуняда тайно помогали Искрѣ. Онъ продолжалъ самовластвовать въ сѣверной Венгріи. Гунядъ самъ пошелъ на него, взялъ нѣсколько замковъ, строго наказалъ гарнизоны ихъ; Искра оробѣлъ и при посредничествѣ пословъ короля польскаго заключилъ миръ съ Гунядомъ. Но черезъ два года возобновилъ войну.

Интриги Ульриха Цилли.

Гунядъ полагалъ, что ему легче будетъ поддерживать порядокъ, если пріѣдетъ въ Венгрію Владиславъ и будетъ подкрѣплять его авторитетъ своимъ именемъ; потому онъ очень усердно старался освободить молодого наслѣдника престола изъ рукъ Фридриха. Императоръ былъ наконецъ принужденъ освободить Владислава; король пріѣхалъ въ Пресбургъ, но по молодости и безхарактерности былъ орудіемъ интриганта Ульриха Цилли, который овладѣлъ его довѣріемъ и пріучалъ его къ разврату, чтобъ онъ не занимался дѣлами, предоставилъ все на волю своего любимца. Главной цѣлью интригъ Ульриха Цилли было лишить Гуняда довѣрія короля. Нарушивъ обѣщаніе, данное венграмъ, Ульрихъ поспѣшилъ увезти Владислава въ Вѣну, гдѣ король находился совершенно подъ его вліяніемъ; онъ задумывалъ убить Гуняда, и только благодаря своей осторожности и твердости, регентъ спасся отъ его злоумышленій.

Война съ турками 1454.

Смерть Гуняда была бы тогда погибелью Венгріи. Германштадскіе купцы привезли извѣстіе, что Мухаммедъ, по взятіи Константинополя, готовится къ походу на Дунай. Маджары знали, что не могутъ ожидать помощи западныхъ народовъ: усилія папъ склонять западныхъ государей къ крестовому походу на турокъ оставались напрасны. Венгры должны были обороняться исключительно собственными силами. Сербскій князь хотѣлъ спасти свою страну отъ нашествія турокъ, предлагая дань султану; Мухаммедъ не принялъ его предложенія покориться, вошелъ въ Сербію, прогналъ его; онъ бѣжалъ въ Венгрію. Примѣръ Сербіи показывалъ маджарамъ, что Мухаммедъ идетъ на нихъ съ намѣреніемъ поработить ихъ землю. Благодаря убѣжденіямъ Гуняда, сеймъ, собравшійся въ январѣ 1454 въ Пештѣ, проникся патріотизмомъ и принялъ энергическія мѣры для обороны государства, о которой забывали заботиться магнаты, начальствовавшіе пограничными крѣпостями и милиціей.

Сеймъ назначилъ Гуняда главнокомандующимъ и сдѣлалъ распоряженія,

давшія ему возможность собрать большое войско. Важнѣйшія постановленія сейма были: сдѣлать подробную перепись королевскихъ доходовъ, церковныхъ имѣній и суммъ, доставляемыхъ духовенству десятинной податью; разсмотрѣть, сколько изъ этихъ доходовъ можно употребить на защиту государства; дворяне должны лично идти въ походъ и отъ каждыхъ ста дворовъ поселянъ должны выставить четырехъ конныхъ и двухъ пѣшихъ воиновъ; за неисполненіе этой обязанности, или за уходъ изъ войска до окончанія военныхъ дѣйствій виновные наказываются конфискаціей имущества.

Завоеваніе Сербіи турками 1455.

Собралось сильное войско, Гунядъ повелъ его за Дунай. Турки уже взяли сербскую крѣпость Островицу и подступили къ Семендріи; Гунядъ нанесъ имъ пораженіе, взялъ въ плѣнъ ихъ главнокомандующаго Фирузбега, возстановилъ власть сербскаго князя Юрія, взялъ приступомъ Виддинъ и сжегъ его. Но Мухаммедъ не отказался отъ мысли овладѣть Сербіей, идти оттуда на Венгрію. Цилли своими интригами снова поссорилъ короля съ Гунядомъ и венгерскимъ дворянствомъ. А между тѣмъ Мухаммедъ пошелъ въ Сербію, взялъ въ іюнѣ 1455 тѣ крѣпости, какія были на пути къ Бѣлграду, осадилъ этотъ городъ и говорилъ, что черезъ два мѣсяца будетъ обѣдать въ Офенѣ. Войско его состояло изъ 150.000 человѣкъ, или по другимъ извѣстіямъ даже больше; у него была хорошая артиллерія, были большіе запасы всего надобнаго для войны; османы превосходили тогда западные народы искусствомъ снаряжать войско. Турецкій флотъ пошелъ изъ Чернаго моря вверхъ по Дунаю, онъ везъ войску все нужное для осады.

Осада Бѣлграда 1456.

При извѣстіи о вступленіи Мухаммеда въ Сербію былъ созванъ новый сеймъ въ Пештъ; онъ собрался въ январѣ 1457 г.; король и Ульрихъ Цилли помирились съ Гунядомъ; онъ снова былъ назначенъ главнокомандующимъ. Владиславъ взялъ его младшаго сына Матвѣя къ своему двору, подъ видомъ того, что хочетъ показать этимъ свое расположеніе къ Гуняду, а на самомъ дѣлѣ сынъ долженъ былъ служить ему заложникомъ за вѣрность отца. Король и сеймъ созвали народное ополченіе. Папскій легатъ, присутствовавшій на сеймѣ, говорилъ, что западные народы посылаютъ помощь венграмъ, что христіанскія войска нападаютъ съ разныхъ сторонъ на турецкое царство. И дѣйствительно папа велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ на турокъ. Знаменитый аскетъ Капистрано, ѣздившій въ Богемію убѣждать гуситовъ, чтобъ они отказались отъ своей «гнусной ереси», собралъ въ Германіи большія толпы крестоносцевъ и повелъ ихъ въ Венгрію; число ихъ простиралось, какъ говорятъ, до 60,000 человѣкъ; но это было безпорядочное скопище бродягъ разныхъ сословій; тутъ были монахи, поселяне и горожане дурного образа жизни, были и фанатики; людей пригодныхъ для войны между ними не было; вооруженіе у нихъ было плохое. Единственную хорошую часть крестоноснаго войска составляли триста польскихъ

воиновъ и небольшое число нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Но Гунядъ умѣлъ извлечь нѣкоторую пользу для войны даже изъ безпорядочной, плохо вооруженной массы крестоносцевъ. Турки день и ночь бомбардировали Бѣлградъ; въ ихъ осадныхъ батареяхъ было болѣе ста пушекъ; паденіе крѣпости казалось неотвратимымъ, но Гунядъ освободилъ ее. Онъ собралъ по Тисѣ и по Дунаю нѣсколько судовъ, посадилъ на нихъ отважныхъ воиновъ, поплылъ съ этимъ небольшимъ флотомъ на многочисленные османскіе корабли, блокировавшіе Бѣлградъ, и 14 іюля послѣ боя, длившагося пять часовъ, онъ одержалъ на рѣкѣ полную побѣду, сжегъ или утопилъ много турецкихъ галеръ, прогналъ остальныя; пользуясь смущеніемъ, въ какое привела его побѣда турецкое войско, онъ пробился сквозь него въ Бѣлградъ, и защитники города прониклись геройскимъ мужествомъ. Мухаммедъ, раздраженный погибелью своего флота, яростно штурмовалъ Бѣлградъ; послѣ ожесточеннаго боя турки овладѣли передовыми укрѣпленіями и валомъ крѣпости, ихъ знамена уже показались на стѣнахъ, они уже врывались въ городъ; но защитники Бѣлграда, одушевляемые проповѣдями Капистрано и примѣромъ Гуняда, вытѣснили янычаровъ изъ города, прогнали за валы; турки толпились подъ укрѣпленіями, осажденные бросали въ нихъ намазанныя сѣрой связки зажженнаго хвороста; множество турокъ погибло отъ ихъ пламени; осажденные пошли на разстроенныя толпы враговъ, по грудамъ ихъ труповъ ворвались въ укрѣпленный турецкій станъ; султанъ самъ бросился въ битву, но получилъ тяжелую рану и велѣлъ своему разбитому войску отступить. На полѣ битвы подъ Бѣлградомъ лежало 24,000 турокъ. Венгры взяли всю турецкую артиллерію и все, что было въ станѣ. Турки отступили до самой Софіи.

Смерть Гуняда, характеръ его.

Еще никогда христіане не одерживали такой побѣды надъ турками, какъ подъ Бѣлградомъ. Гуняду могло думаться, что осуществится мысль всей его жизни, турки будутъ прогнаны изъ Европы. Но судьба пресѣкла въ это время жизнь героя; онъ заболѣлъ заразой, свирѣпствовавшей въ войскѣ, и умеръ 11 августа 1455 г., черезъ двадцать дней послѣ своей великой побѣды, на 56 году жизни.

Яношъ Гунядъ—одинъ изъ благороднѣйшихъ героевъ въ исторіи венгерскаго народа; онъ былъ безукоризненъ въ своей частной жизни, благочестивъ безъ фанатизма, справедливъ, великодушенъ, не мстилъ за личныя обиды, и никакія несправедливости людей къ нему не отвращали его отъ любви къ родинѣ. Недоступный интригамъ, онъ правилъ государствомъ съ безупречной честностью. Одна изъ венгерскихъ лѣтописей говоритъ о немъ: „Сидя и стоя, на пути пѣшкомъ, или верхомъ онъ возвѣщалъ законъ и творилъ правосудіе“. Но любимымъ дѣломъ его, какъ онъ самъ признавался, была война съ турками. Всѣ его мысли были направлены къ тому, чтобы выгнать ихъ изъ Европы. Онъ не имѣлъ средствъ, чтобъ осуществить эту идею, но защитилъ свою родину отъ колоссальнаго могущества турокъ, далъ имъ двѣнадцать большихъ битвъ и въ десяти одержалъ побѣду.

Убійство Ульриха Цилли.

Цилли отпраздновалъ пирами извѣстіе о смерти Гуняда, разсчитывая теперь владычествовать надъ Венгріей отъ имени безхарактернаго юноши—короля. Но венгры любили имя Гуняда; Ульрихъ Цилли считалъ сыновей его опасными для себя и, какъ увѣряютъ, говорилъ, что будетъ чувствовать себя спокойнымъ только когда истребитъ весь «собачій родъ» (по-нѣмецки, это выраженіе было грубой игрой словъ: Hund, собака и Hunyad). Злой умыселъ Ульриха былъ открытъ старшему сыну покойнаго регента, Владиславу. Молодой человѣкъ потребовалъ объясненія отъ Цилли, графъ отвѣчалъ Владиславу оскорбительными словами, выхватилъ мечъ, нанесъ ударъ ему, друзья Владислава бросились на Цилли, и закололи его сквозь панцырь, который надѣлъ онъ, отправляясь на свиданіе. Это было 10 ноября 1456. Король испугался, услышавъ, что Цилли убитъ; ему вообразилось, что начинается возстаніе противъ него. Но узнавъ, какъ произошло дѣло, онъ успокоился. Ульрихъ Цилли былъ предметомъ всеобщей ненависти, такъ что Эней Сильвій писалъ Альфонсу, королю арагонскому: «Убійствомъ графа Цилли сынъ заслужилъ такую же благодарность христіанъ, какъ отецъ отраженіемъ мусульманскаго нашествія». Въ Темешварѣ король далъ вдовѣ Гуняда увѣреніе, что не будетъ мстить ея сыну за смерть Ульриха Цилли, и поѣхалъ въ Пештъ, взявъ съ собой обоихъ ея сыновей. Гара, Банфи, Искра и другіе враги Яноша Гуняда внушали безхарактерному королю, что сыновья бывшаго регента хотятъ отнять у него престолъ и убить его. Онъ велѣлъ арестовать ихъ обоихъ, многихъ изъ ихъ друзей и казнить Владислава Гуняда, безъ взякихъ формъ законнаго суда.

Казнь Владислава Гуняда.

Венгерскій историкъ Майлатъ говоритъ: „Прекрасный, высокій 24 лѣтній молодой человѣкъ съ руками, связанными на спинѣ, шелъ твердой походкой и смотрѣлъ на толпу яснымъ взглядомъ. Одежда на немъ была шитая золотомъ,—быть можетъ та самая, которую король подарилъ ему въ знакъ примиренія. Когда онъ пришелъ на мѣсто казни передъ дворцомъ, и палачъ велѣлъ ему стать на колѣна, онъ сказалъ народу нѣсколько словъ въ оправданіе себѣ и сталъ на колѣна. Герольдъ воскликнулъ: „Такъ наказываются тѣ, которые невѣрны своему государю“. Палачъ раздвинулъ съ затылка на плечи густые русые волосы Владислава, чтобъ они не мѣшали удару, но когда занесъ мечъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, дрожалъ такъ, что нанесъ три удара и всѣ три невѣрные. Только четвертымъ ударомъ онъ отрубилъ ему голову“.

Смерть короля Владислава.

Злодѣйство Владислава обратилось во вредъ королю. Въ восточной половинѣ государства Гуняды имѣли много друзей. Къ Елизаветѣ, матери казненнаго, и храброму ея брату Силаджи собрались эти друзья и подняли возстаніе. Король испугался и уѣхалъ изъ Венгріи, взявъ съ собой, какъ плѣнника, Матвѣя Корвина, младшаго сына покойнаго регента. Черезъ Вѣну король проѣхалъ въ Прагу, гдѣ хотѣлъ отпраздновать свое бракосочетаніе съ дочерью короля французскаго;

но вскорѣ по пріѣздѣ умеръ (23 ноября 1457). Его смертью прекратилась анжуйская династія. Молва приписывала, какъ мы говорили, смерть его отравѣ.

b) ЦАРСТВОВАНІЕ МАТВѢЯ КОРВИНА.

Выборъ короля 1458.

Неожиданная смерть короля произвела важную перемѣну въ ходѣ богемской и венгерской исторіи. Въ Богеміи былъ выбранъ королемъ Юрій Подѣбрадъ, въ Венгріи послѣ сильныхъ споровъ—младшій сынъ покойнаго регента Матвѣй Корвинъ, находившійся въ то время подъ стражей. Противники Гунядовъ Гара, Уйлаки, Банфи, Искра, собравшіеся въ Офенѣ, долго не соглашались на выборъ Матвѣя Корвина, опасаясь, что онъ отмститъ имъ за смерть старшаго брата. Силаджи, стоявшій въ Пештѣ съ 20.000-нымъ войскомъ, обѣщалъ имъ безопасность. Они не могли согласиться между собою; притомъ, видѣли, что масса народа не допуститъ никого кромѣ Матвѣя Корвина занять венгерскій престолъ, и отказались отъ сопротивленія его выбору. Въ холодную январскую ночь воины Силаджи закричали «Да здравствуетъ король Матвѣй!» Весь народъ, повторяя это восклицаніе, пошелъ въ церкви благодарить Бога. Никто не отважился противорѣчить такому сильному проявленію національнаго чувства. Сановники составили актъ объ условіяхъ выбора, главными изъ которыхъ были: войско будетъ содержаться исключительно на королевскіе доходы; дворяне и ихъ подданные будутъ свободны отъ податей; каждый годъ будетъ созываемъ въ Пештѣ сеймъ. На этихъ условіяхъ былъ выбранъ королемъ Матвѣй, въ то время 16 лѣтній юноша. Было рѣшено, что до его совершеннолѣтія правителемъ государства будетъ его дядя, Силаджи. Въ Прагу отправилось посольство привезти короля, находившагося тамъ подъ стражей. Подѣбрадъ отпустилъ Матвѣя, взявъ съ него обѣщаніе заплатить 60.000 дукатовъ выкупа; кромѣ того Матвѣй обѣщался жениться на дочери Подѣбрада. Венгры встрѣтили своего молодого короля съ восторгомъ; они надѣялись, что при сынѣ ихъ національнаго героя прекратятся бѣдствія государства.

Упроченіе власти Матвѣя.

Но внутреннія раздоры не скоро прекратились. Выборъ Матвѣя былъ дѣломъ національнаго порыва, заставившаго на время умолкнуть всѣ личныя страсти. Но старыя несогласія и эгоистическіе разсчеты скоро возобновились, и началась прежняя борьба партій. Императоръ Фридрихъ былъ однимъ изъ претендентовъ на венгерскій престолъ; онъ имѣлъ въ Венгріи много приверженцевъ, и венгерская корона св. Стефана, которой народное чувство придавало чрезвычайно большое значеніе, находилась въ его рукахъ. Онъ не отказался отъ надежды овладѣть венгерскимъ престоломъ. Гара и Уйлаки, могущественные вожди противниковъ Корвина, приняли сторону Фридриха. Искра,

желавшій, чтобы выбранъ былъ Казиміръ, король польскій, отказался признать королемъ Матвѣя, и гарнизоны его замковъ снова стали дѣлать набѣги на сосѣднія мѣстности. Дядя Матвѣя, главный дѣятель его избранія, получившій теперь титулъ графа Бистрица, былъ человѣкъ грубыхъ привычекъ, оскорблялъ магнатовъ своей гордостью, своимъ властолюбіемъ и дѣлалъ много затрудненій племяннику своими крутыми самовластными распоряженіями. Но молодой король выказалъ твердый характеръ, проницательный умъ, великіе правительственные таланты. Чтобы показать націи свою свободу отъ всякихъ личныхъ пристрастій и свое правосудіе, онъ арестовалъ дядю и объявилъ его лишеннымъ регентства. Черезъ нѣсколько времени преданные слуги Силаджи освободили его изъ подъ стражи, но онъ уже не возвратилъ себѣ прежней власти; въ досадѣ онъ отказался отъ политической дѣятельности и занялся исключительно военнымъ дѣломъ, которое любилъ и зналъ хорошо. Завѣдуя обороной южной границы, онъ нѣсколько времени успѣшно отражалъ нападенія турокъ, но въ 1460 году былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Константинополь и казненъ.

Война Матвѣя съ императоромъ Фридрихомъ.

Строгость, какую Матвѣй выказалъ относительно дяди, встревожила его противниковъ. Они должны были ждать наказанія за свои сношенія съ Фридрихомъ и рѣшили взяться за оружіе, пока Матвѣй не приготовился къ борьбѣ. Гара, Уйлаки, Банфи, Франджипани и другіе, бывшіе сторонники Ульриха Цилли, заключили союзъ съ Фридрихомъ, убѣдили императора короноваться въ его резиденціи Нейштадѣ венгерской короной св. Стефана, находившейся у него, собрали войско и объявили войну Матвѣю. Если бы Фридрихъ былъ человѣкъ твердый и смѣлый, борьба могли бы стать опасной для Матвѣя. Но мелочность и трусость соперника доставила Матвѣю легкую побѣду надъ его приверженцами. Матвѣй немедленно по вступленіи на престолъ занялся улучшеніемъ военнаго устройства, сформировалъ новую конницу, всадники которой назывались гусарами. Чтобъ упрочить свои права на власть, онъ созвалъ (въ 1459 году) свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ на сеймъ въ Офенъ, предложилъ имъ вопросъ, хотятъ ли они признавать его законнымъ королемъ; они съ крикомъ выразили свое согласіе; онъ попросилъ вновь присягнуть ему, они присягнули. Такимъ образомъ за венгерскимъ сеймомъ было формально признано Матвѣемъ право выбирать короля.—Укрѣпивъ свою власть присягой сейма, Матвѣй пошелъ на инсургентовъ и австрійцевъ, ихъ союзниковъ. Его полководецъ Наджъ (Nagy) тѣснилъ инсургентовъ, нѣкоторые изъ нихъ вступили въ переговоры съ королемъ; Фридрихъ видѣлъ свое безсиліе и, при посредствѣ папы, желавшаго, чтобы венгерскій король обратилъ свое оружіе противъ турокъ, былъ въ 1461 заключенъ миръ. Фридрихъ отдалъ Матвѣю корону св. Стефана, возвратилъ городъ Эденбургъ; Матвѣй обѣщался уплатить ему за это 60.000 дукатовъ и оставилъ за нимъ право на-

зываться королемъ венгерскимъ. Важнѣйшимъ условіемъ договора было то, что Матвѣй призналъ за габсбургской династіей право наслѣдовать ему, если у него не будетъ дѣтей, и обязался не вступать во второй бракъ, если умретъ его жена, не оставивъ ему дѣтей. —Венгерскій сеймъ колебался утвердить этотъ договоръ; но турки постоянно дѣлали набѣги на южныя венгерскія области; надобность обратить всѣ силы противъ этихъ страшныхъ враговъ заставила наконецъ венгерскій сеймъ утвердить договоръ съ Фридрихомъ. Добровольными пожертвованіями вельможъ была собрана сумма выкупа, обѣщаннаго Фридриху; венгерское посольство въ 1462 году отправилось въ Вѣну и привезло оттуда корону св. Стефана.

Черный легіонъ.

Вскорѣ послѣ того Матвѣй примирился съ Искрой. Взять горные замки этого храбраго воина было трудно; онъ постоянно дѣлалъ изъ нихъ набѣги. Матвѣй понималъ, какую пользу принесетъ онъ Венгріи, если пойдетъ на войну съ турками, пригласилъ его въ любезныхъ выраженіяхъ на свою службу; старикъ былъ очарованъ привѣтливостью короля и сталъ служить ему. Войско Искры сдѣлалось кадрами, въ которыя были приняты новые наемники; такимъ образомъ былъ сформированъ Черный легіонъ, послужившій первой основой постояннаго венгерскаго войска и выказавшій себя способнымъ побѣждать янычаровъ. Матвѣй видѣлъ, что наемное войско болѣе пригодно для войны, чѣмъ дворянское ополченіе, вожди котораго не подчиняются дисциплинѣ; потому постоянно просилъ у сейма денегъ на увеличеніе числа наемниковъ. Въ началѣ своего правленія онъ созывалъ сеймъ каждый годъ, обыкновенно на Троицу.

Нашествіе турокъ на Боснію.

Матвѣй короновался въ вербное воскресенье 1462 года, но раньше того онъ уже ходилъ за Дунай на турокъ. Мы разскажемъ въ другомъ отдѣлѣ о завоеваніи Сербіи Мухаммедомъ. Босніи угрожала та же судьба, царь ея Стефанъ просилъ помощи у венгровъ и у папы; они обѣщали ему ее. Онъ пересталъ платить дань султану и готовился къ оборонѣ. Но онъ былъ злодѣй ненавистный своему народу. Молва, вѣроятно справедливая, говорила, что онъ убилъ своего отца; онъ усердно помогалъ туркамъ противъ сербовъ. Подданные не могли отозваться на призывъ такого правителя къ войнѣ съ турками, и Мухаммедъ, вошедши съ большимъ войскомъ въ Боснію, почти не встрѣтилъ сопротивленія. Весной 1463 одинъ изъ полководцевъ султана Махмудъ-Паша, грекъ по происхожденію, взялъ крѣпость Ключъ, въ которой заперся Стефанъ; царь, его племянникъ и многіе вельможи были отведены въ плѣнъ, и вся Боснія присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ султана. Князь черногорскій, сопротивлявшійся туркамъ, погибъ; князь герцоговинскій Стефанъ Касачичъ обязался платить дань султану. Князья мелкихъ владѣній въ Босній-

скихъ горахъ были отведены въ плѣнъ; турки стали опустощать Кроацію и Штирію; населеніе бѣжало въ горы или за границу.

Побѣды Матвѣя за Дунаемъ 1463—1465.

Война съ императоромъ помѣшала Матвѣю защитить Стефана; но, помирившись съ Фридрихомъ, онъ собралъ всѣ свои силы и въ сентябрѣ 1463 пошелъ въ Боснію, изъ которой уже ушелъ султанъ. Послѣ трехмѣсячной осады онъ въ декабрѣ взялъ крѣпость Яйцу, прогналъ турокъ изъ всей Босніи, объявилъ эту область присоединенной къ венгерскому королевству. Но его силы были недостаточны для обороны ея. Весною слѣдующаго года султанъ пошелъ въ Боснію, осадилъ Яйцу; венгерскій гарнизонъ оборонялся геройски. Матвѣй пришелъ на помощь ему, принудилъ турокъ отступить, назначилъ своимъ начальникомъ Эммериха Заполю. Но султанъ и Махмудъ-Паша возобновили нашествіе; единственной помощью отъ западныхъ народовъ Матвѣю было то, что венеціанцы прислали ему нѣсколько денегъ. Турки прогнали венгерскія войска за Дунай; удержались только гарнизоны въ Яйцѣ и Бѣлградѣ. Воевода валахскій Владъ за два года передъ тѣмъ былъ прогнанъ турками; воеводою былъ назначенъ Радулъ, обязавшійся платить дань султану. Владъ, жившій въ Венгріи, вступилъ въ тайныя сношенія съ султаномъ, говорилъ, что поможетъ ему завоевать Трансильванію; измѣна Влада была открыта, Матвѣй бросилъ его въ темницу; но было ясно, что султанъ задумалъ покорить Трансильванію и южную Венгрію. Для этого необходимо было ему овладѣть Яйцей и Бѣлградомъ. Онъ говорилъ, что нѣтъ ему радости въ жизни, пока онъ не владѣетъ Яйцей и Бѣлградомъ. Въ 1465 году онъ собирался снова идти на Дунай но другія войны задержали его, и до конца жизни не оставляли ему свободы обратить главныя силы на покореніе Бѣлграда; быть можетъ также онъ замѣтилъ по прежней войнѣ, что побѣдить Маквѣя Корвина будетъ не легко, и при всемъ своемъ желаніи сдѣлать завоеванія на сѣверѣ не отваживался идти на Дунай. Такимъ образомъ турки ограничивались набѣгами на южныя области Венгріи.

Увеличеніе регулярнаго войска въ Венгріи. Новые налоги.

Но эти набѣги были опустошительны; венгры понимали необходимость усилить оборону государства. Сеймъ давалъ Матвѣю деньги на увеличеніе числа наемниковъ и постановлялъ строгіе законы о повиновеніи призывамъ въ ополченіе. По условіямъ выбора въ королевскій санъ Матвѣй былъ обязанъ содержать постоянное войско исключительно на доходы съ королевскихъ владѣній и призывать бандеріи (войска) магнатовъ на войну только въ случаяхъ крайней надобности. Но въ 1466 сеймъ постановилъ, что дворяне, не являющіеся на призывъ короля въ станъ къ назначенному сроку, наказываются смертью, а имѣнья ихъ конфискуются. Въ слѣдующемъ году, когда чешскіе жебраки ворвались въ сѣверную Венгрію и стали страшно опустошать ее, сеймъ по желанію Матвѣя замѣнилъ прежніе налоги, дававшіе мало дохода, новыми. Отъ прежнихъ были

освобождены очень многіе города, корпораціи и сословія; новые налоги, называвшіеся камеральными и коронными, распространялись на все населеніе государства, кромѣ подданныхъ магнатовъ.

Матвѣй нарушалъ всѣ условія, на которыхъ былъ выбранъ, но нація терпѣливо допускала это, видя, что онъ усердно заботится о защитѣ государства. Онъ обязался созывать сеймъ каждый годъ и вначалѣ дѣлалъ это, но впослѣдствіи пропускалъ годичные сроки; а когда собиралъ сеймъ, то ставилъ на Ракошскомъ полѣ много войска, такъ что свобода совѣщаній была сильно стѣснена давленіемъ этого угрожающаго сосѣдства.

Подавленіе оппозиціи.

Новые налоги возбудили большое неудовольствіе. Тѣ города и сословія, которыя прежде были свободны отъ податей, жаловались на нарушеніе своихъ привилегій. Саксонцы и валахи въ Трансильваніи подняли возстаніе, провозгласили трансильванскаго воеводу Іоганна независимымъ государемъ. Но Матвѣй подступилъ къ Клаузенбургу съ 12.000 войскомъ; инсургенты оробѣли, трансильванскій воевода упалъ къ ногамъ короля. Руководители возстанія Верошъ и Шука бѣжали въ Польшу. Матвѣй казнилъ много ихъ товарищей и въ знакъ своего гнѣва на невѣрность дворянства понизилъ денежный штрафъ за убійство дворянина съ 200 флориновъ до 66. Молдавскій воевода, помогавшій инсургентамъ, былъ разбитъ ночнымъ нападеніемъ, просилъ мира, далъ присягу на вѣрность королю венгерскому. Матвѣй разбилъ жебраковъ, казнилъ или утопилъ въ Дунаѣ многихъ изъ тѣхъ, которые попались въ плѣнъ.

Походы въ Моравію и Богемію.

Матвѣй поступилъ самовластно, но венгерскій народъ сначала любилъ его за то, что онъ обуздалъ своеволіе вельможъ, возстановилъ порядокъ, охранялъ государство отъ внѣшнихъ враговъ. Хорошія отношенія между королемъ и народомъ продолжались до 1468 года; съ этого времени Матвѣй сталъ терять любовь націи, увлекшись честолюбіемъ и переставъ сдерживать свою суровость. Началомъ этой перемѣны была война съ Юріемъ Подѣбрадомъ, дочь котораго Катерина, жена Матвѣя, умерла вскорѣ послѣ коронаціи. Матвѣй обольстился обѣщаніями императора и папы помогать ему въ войнѣ съ еретикомъ, повѣрилъ богемскимъ католическимъ вельможамъ, говорившимъ, что при ихъ помощи ему легко будетъ пріобрѣсти богемскую корону. Фридрихъ освободилъ Матвѣя отъ обѣщанія не вступать во второй бракъ. Честолюбивый король венгерскій началъ войну съ Подѣбрадомъ; она длилась три года. Матвѣй ошибся въ своей надеждѣ сдѣлаться королемъ богемскимъ: по смерти Подѣбрада чехи выбрали королемъ Владислава, сына короля польскаго, и результатомъ войны для Матвѣя было то, что онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ венграхъ: походы въ Моравію и Богемію требовали огромныхъ расходовъ; народъ былъ обремененъ налогами для покрытія ихъ; турки, пользуясь тѣмъ, что главныя силы венгерскихъ

войскъ уведены на сѣверъ, смѣлѣе прежняго нападали на южную часть государства; все это приводило въ негодованіе Матвѣя. Ошибся онъ и въ надеждѣ породниться съ польской династіей; онъ сваталъ дочь Казиміра, короля польскаго, но жена Казиміра не захотѣла отдать дочь за человѣка не королевскаго происхожденія.

Оппозиція Матвѣю.

Неудовольствіе венгровъ на Матвѣя было такъ велико, что онъ подвергся опасности потерять венгерскую корону. Довольно многіе магнаты и духовные сановники составили въ 1470 году заговоръ низвергнуть Матвѣя, возвести на престолъ сына польскаго короля. Главою заговора былъ Витезъ, архіепископъ гранскій, прежде бывшій усерднымъ приверженцемъ Матвѣя, оказывавшій ему большую помощь своими совѣтами; Витезу помогалъ епископъ фюнфкирхенскій, Яношъ, знаменитый подъ латинизированнымъ именемъ Janus Pannonius (Янъ Паннонскій), какъ авторъ латинскихъ стихотвореній. Матвѣй полагалъ, что война съ еретикомъ Подѣбрадомъ, предпринятая съ благословенія папы, должна считаться крестовымъ походомъ и что поэтому венгерское духовенство обязано давать ему деньги на нее. Требованіемъ большихъ налоговъ съ духовенства король раздражилъ его, потому духовные сановники примкнули къ магнатамъ, желавшимъ низвергнуть Матвѣя. Только архіепископъ колочскій остался вѣренъ ему. По приглашенію заговорщиковъ, Казиміръ, сынъ короля польскаго, повелъ войско въ Венгрію, объявивъ, что идетъ низвергнуть хищника престола. Къ нему присоединились недовольные Матвѣемъ. Онъ дошелъ до Нитры и былъ уже назначенъ день, когда онъ придетъ на Ракошское поле, гдѣ будутъ ждать его заговорщики.

Подавленіе возстанія.

Матвѣй, находившійся тогда въ Богеміи, получилъ отъ гранскаго капитула извѣщеніе о заговорѣ магнатовъ и епископовъ, торопливо возвратился въ Офенъ и нашелъ, что надобно дѣйствовать не силой, а хитростью. Созвавъ сеймъ, онъ притворился убѣжденнымъ въ вѣрности всѣхъ его членовъ, не сомнѣвающимся въ томъ, что они будутъ помогать ему противъ поляковъ и немногихъ измѣнниковъ, соединившихся съ поляками, далъ обѣщаніе, что не будетъ взимать никакихъ налоговъ безъ согласія сейма, не будетъ нарушать права дворянъ произвольными наказаніями. Онъ держалъ себя такъ ловко, что сеймъ установилъ новый налогъ, хотя главной причиной неудовольствія была обременительность прежнихъ. Вмѣсто двадцати динаріевъ, какіе прежде платилъ каждый сельскій дворъ, сеймъ опредѣлилъ взимать по 80 динаріевъ. Обѣщанія, данныя Матвѣемъ, успокоили массу дворянства. Казиміръ, надѣявшійся, что оно присоединится къ нему, увидѣлъ, что ошибся; Матвѣй пошелъ къ Нитрѣ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 16.000 наемниковъ хорошо вооруженныхъ. Войско Казиміра было гораздо слабѣе; оставивъ гарнизонъ въ Нитрѣ, онъ ушелъ.

Тѣ немногіе магнаты, которые уже приняли сторону Казиміра, были покинуты имъ на погибель. Матвѣй, не слушая никакихъ просьбъ, послалъ Витеза въ Вышеградъ и велѣлъ держать его тамъ подъ стражей. Епископъ фюнфкирхенскій бѣжалъ за границу и умеръ въ изгнаніи. Матвѣй по просьбѣ легата дозволилъ Витезу жить въ Гранѣ, но держалъ его тамъ подъ надзоромъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ отъ тоски и злобы. Матвѣй вообще былъ суровъ; такъ, напримѣръ, онъ держалъ нѣсколько лѣтъ въ вышеградской темницѣ архіепископа колочскаго Вардая за ошибку, сдѣланную при заключеніи договора съ султаномъ. Вардай былъ усердный слуга короля, но чувство признательности было слабо у Матвѣя.

Продолженіе войны съ Подѣбрадомъ. Война съ Фридрихомъ.

Венгры были недовольны войнами Матвѣя съ Подѣбрадомъ и Фридрихомъ, цотому что онъ велъ ихъ только для удовлетворенія своему честолюбію и венгерская нація не могла получить никакой пользы отъ нихъ; но онъ много лѣтъ обращалъ всѣ свои силы на эти войны, оставляя южную границу беззащитной отъ турокъ, постоянно дѣлавшихъ набѣги на Венгрію. Мы уже разсказывали событія войны Матвѣя съ Подѣбрадомъ. Въ венгерскихъ лѣтописяхъ много говорится о томъ, какъ веселился Матвѣй въ своемъ лагерѣ подъ Бреславлемъ, какіе балы давалъ онъ бреславльскимъ дамамъ и дѣвушкамъ, о томъ, что Казиміръ, король польскій, и сынъ его Владиславъ, король богемскій, пріѣхали на свиданіе съ Матвѣемъ и униженно просили перемирія у венгерскаго короля, котораго прежде не хотѣли признавать равнымъ себѣ. Война съ Богеміей кончилась, какъ мы говорили, тѣмъ, что Моравія, Силезія и Лаузицъ были оставлены въ пожизненномъ владѣніи Матвѣя и онъ сохранилъ титулъ короля богемскаго. Но венгры порицали эту войну, и венгерскій сеймъ не давалъ Матвѣю ни войска, ни денегъ для нея, соглашался давать деньги и войско только на войну съ турками, которые въ эти годы возобновили свои набѣги, построили на Савѣ крѣпость Шабацъ и ходили оттуда грабить Кроацію, сожгли Гросвардейнъ, опустошали Крайну, Каринтію и Штирію, уводили толпы плѣнныхъ, посылали въ Константинополь отрѣзанные головы, уши, носы. Въ 1475 году, заключивъ перемиріе съ Казиміромъ и Фридрихомъ, Матвѣй осадилъ Шабацъ, самъ поплылъ на рыбацкой лодкѣ осмотрѣть вблизи эту крѣпость, взялъ ее, прогналъ съ большимъ урономъ за Дунай турокъ, дошедшихъ до Темешвара. Союзникъ Матвѣя, храбрый молдавскій воевода Стефанъ Великій одержалъ около этого времени блестящую побѣду надъ турками на рѣкѣ Берлатѣ; это прекратило нападенія турокъ на Венгрію съ востока. Въ слѣдующемъ году два храбрые военачальника, братья Доци, разбили турокъ при Сендрё, привезли пять турецкихъ знаменъ на свадебный пиръ Матвѣя, женившагося тогда на Беатрисѣ, принцессѣ сицилійской. Но побѣды оставались безполезны, потому что не было постоянныхъ мѣръ для охраны границъ. Турки продолжали грабить южную часть австрійскаго

государства, ходили въ Италію, опустошали землю по Изонцо и Піаве, жгли селенія въ окрестностяхъ Венгріи. Матвѣй былъ враждебенъ Фридриху и не мѣшалъ туркамъ нападать на его владѣнія. Союзникъ Матвѣя Стефанъ Молдавскій, при всей своей храбрости, принужденъ былъ покориться султану, обязался платить ему дань. Въ 1479 году воевода трансильванскій Иштванъ (Стефанъ) Батори одержалъ близъ Карльсбурга побѣду надъ большимъ турецкимъ войскомъ; тутъ отличился удивительными подвигами храбрости и силы венгерскій Геркулесъ Кинижи. Самъ Батори былъ убитъ, но венгерская и валахская конница истребила все турецкое войско. Эта побѣда прекратила на нѣсколько десятковъ лѣтъ набѣги турокъ съ востока. Но вообще Матвѣй слишкомъ мало занимался оборономъ государства отъ турокъ; такъ и теперь онъ обратилъ главныя свои силы на новую войну съ Фридрихомъ (см. выше) и на войну съ венеціанцами за островъ Велью. Въ 1485 году онъ осадилъ Вѣну, и голодъ принудилъ ее сдаться. Онъ овладѣлъ почти всѣмъ эрцгерцогствомъ австрійскимъ. Но одерживая побѣды, онъ печалился о томъ, что и отъ второй жены у него нѣтъ дѣтей, какъ не было отъ первой. Онъ имѣлъ только побочнаго сына, Яноша Корвина, горячо любилъ его, далъ ему огромныя имѣнья и желалъ доставить ему наслѣдство престола.

Заботы Матвѣя о передачѣ престола Яношу Корвину.

Это дѣло было главной заботой Матвѣя въ послѣдніе годы его жизни. Онъ зналъ, что трудно будетъ склонить венгровъ къ тому, чтобъ они выбрали королемъ человѣка, рожденнаго внѣ брака; потому старался доставить своему побочному сыну такое могущество, которое сдѣлало бы для венгровъ невозможнымъ выбрать королемъ кого нибудь другого. Матвѣй далъ Яношу Корвину титулы графа Гуняда и герцога липтаускаго, отдалъ ему огромныя имѣнья Гары, умершаго бездѣтнымъ, и нѣсколько силезскихъ герцогствъ. Послѣдніе походы Матвѣя въ Австрію и въ Силезію имѣли главной своей цѣлью доставить Яношу Корвину поддержку австрійскихъ и силезскихъ вельможъ и войскъ. Онъ сосваталъ за Яноша миланскую принцессу, Біанку. Но больше всего заботился о томъ, чтобы доставить Яношу сильное вліяніе въ самой Венгріи. По желанію короля сеймъ постановилъ, что завѣдываніе дѣлами при выборѣ короля принадлежитъ палатину, что въ случаѣ малолѣтства короля палатинъ будетъ регентомъ и главнокомандующимъ. Расширивъ такимъ образомъ власть палатина, бывшаго прежде только верховнымъ судьей, Матвѣй назначилъ на эту должность Эммериха Заполю. Вѣрный приверженецъ Матвѣя, Эммерихъ былъ человѣкъ незнатнаго рода; король сдѣлалъ его графомъ, далъ ему большія имѣнья, назначилъ его сына Стефана комендантомъ Вѣны, потому могъ ожидать отъ него вѣрности. Яноша Корвина Матвѣй назначилъ комендантомъ Вышеграда и отдалъ на его храненіе корону св. Стефана. Наконецъ Матвѣй нашелъ возможнымъ формально заявить сейму свое желаніе, чтобы по его смерти былъ выбранъ королемъ Яношъ. Члены сейма обѣщались, что по признательности къ заслугамъ Матвѣя выберутъ Яноша преемникомъ его, и подтвердили это обѣщаніе присягой.

Смерть Матвѣя. Характеръ его.

Матвѣй хотѣлъ устранить и въ Австріи и въ Силезіи всѣ препятствія переходу власти послѣ него къ Яношу; и съ этимъ намѣреніемъ онъ поѣхалъ передъ пасхой 1490 года въ Вѣну. Тамъ 6 апрѣля онъ умеръ отъ апоплексіи; ему было тогда только еще 46 лѣтъ, но его здоровье уже давно было слабо, потому то онъ и спѣшилъ покончить дѣло о переходѣ власти къ Яношу. — Матвѣй Корвинъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума, говоритъ Шпитлеръ; ему было 16 лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ, и онъ уже выказывалъ себя тогда искуснымъ правителемъ. При всѣхъ ошибкахъ, въ которыя вовлекало его честолюбіе, тридцати двухлѣтнее царствованіе его имѣло характеръ величія. Онъ былъ храбрый воинъ, искусный полководецъ; турки не могли одержать надъ нимъ никакихъ успѣховъ, хотя силы его были отвлекаемы отъ борьбы съ ними войнами съ австрійцами, поляками, чехами и подавленіемъ мятежей въ самой Венгріи. Кардиналъ Кастелла, пріѣзжавшій папскимъ посломъ къ нему, писалъ папѣ: «Король Матвѣй много превосходитъ умомъ, краснорѣчіемъ и мужествомъ всѣхъ государей, которыхъ я знаю. Онъ человѣкъ неутомимой дѣятельности и больше дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ. Ваше святѣйшество не найдете во всемъ христіанскомъ мірѣ никого равнаго ему».

Результаты его правленія.

Ни объ одномъ изъ своихъ королей венгры не вспоминаютъ съ такой любовью, какъ о Матвѣѣ. У нихъ и до сихъ поръ остается поговорка. «Матвѣй умеръ, исчезло правосудіе». Любовь къ нему происходила частью отъ того, что онъ былъ сынъ Гуняда, не иноземецъ, а венгръ. Благодаря преданности народа, онъ могъ дѣлать распоряженія, возвеличившія государство. Всѣ сосѣды трепетали тогда турокъ, а онъ одержалъ надъ этими врагами блестящія побѣды. Въ сосѣднихъ земляхъ мятежи колебали правительство, а онъ легко подавлялъ возстанія у себя въ Венгріи, гдѣ прежде и послѣ они были очень сильны. Народъ порицалъ его походы въ Богемію, Силезію, Австрію, но все-таки гордился славой и могуществомъ, какое доставляли они венгерской націи. Сформировавъ черный легіонъ и увеличивая это постоянное войско новыми наемниками, Матвѣй создалъ такую многочисленную и хорошую регулярную армію, какой не было тогда нигдѣ въ Западной Европѣ. Но хотя онъ любилъ войну и временами съ военнымъ самовластіемъ нарушалъ законы, онъ не подавлялъ свободу націи, не обратилъ Венгрію въ деспотическое военное государство; иногда онъ пропускалъ годичные сроки созванія сейма, но все-таки часто созывалъ его, предоставлялъ всѣ важныя дѣла на

его рѣшеніе; онъ требовалъ, чтобы магнаты и церковные сановники, дворяне и депутаты городовъ пріѣзжали на сеймы, исполняли свою обязанность участвовать въ управленіи государствомъ. Онъ заслужилъ славу своимъ правосудіемъ. До него вмѣсто правильнаго судопроизводства уголовныя дѣла рѣшались комитатскими собраніями дворянъ, происходившими безпорядочно; дворяне тяготились пріѣзжать на эти собранія, и рѣшеніе зависѣло отъ немногихъ, пріѣзжавшихъ судить по своимъ личнымъ интересамъ; Матвѣй передалъ уголовныя дѣла комитатскимъ трибуналамъ, имѣвшимъ правильное устройство. Налоги при Матвѣѣ были обременительнѣе, чѣмъ прежде; иногда они бывали въ пять разъ больше прежняго; но народъ видѣлъ пользу, приносимую этими пожертвованіями. — Матвѣй получилъ хорошее образованіе, былъ любознательнымъ воспитанникомъ Витеза, архіепископа гранскаго, человѣка обширной учености, и всю жизнь любилъ ученыя занятія, былъ покровителемъ наукъ, сочувствовалъ развитію ихъ, создававшему тогда такъ называемую эпоху возрожденія. Въ самой Венгріи было мало ученыхъ и художниковъ, и единственными знаменитыми изъ нихъ были Витезъ, у котораго довольно долго жили астрономы Регіомонтанъ и Пёйрбахъ, и родственникъ Витеза, поэтъ и гуманистъ Янъ Паннонскій, епископъ фюнфкирхенскій. Матвѣй поссорился съ ними и, своей мстительностью, лишилъ себя ихъ помощи. Но онъ приглашалъ въ Венгрію итальянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ; онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Неаполемъ, женившись на неаполитанской принцессѣ, съ Римомъ, съ Миланомъ, гдѣ жила невѣста его сына, съ Венеціей, съ которой то воевалъ, то дружился; потому много итальянскихъ ученыхъ пріѣзжали къ венгерскому королю, приглашавшему ихъ; находили хорошій пріемъ при его блестящемъ дворѣ и живописцы, архитекторы, типографщики. Изъ числа итальянскихъ ученыхъ, приглашенныхъ Матвѣемъ въ Венгрію, назовемъ Бонфина, Туроца, Галеотта, Марція, написавшихъ венгерскія хроники. Находили себѣ выгоду переселяться въ Венгрію изъ другихъ земель и купцы, ремесленники, садовники, земледѣльцы. Въ годы, предшествовавшіе правленію Матвѣя, Венгрія была опустошена междоусобіями и нападеніями сосѣдовъ; Матвѣй хотѣлъ, чтобы снова населились опустѣвшіе города и королевскія имѣнья; онъ разсылалъ и велѣлъ читать на ярмаркахъ льготныя граматы, которыми приглашалъ въ Венгрію переселенцевъ, давая имъ на много лѣтъ свободу отъ податей.—Онъ основалъ въ своемъ дворцѣ библіотеку, которая сдѣлалась едва ли не самой лучшей изъ всѣхъ существовавшихъ тогда на сѣверѣ отъ Италіи: онъ расходовалъ большія суммы на покупку книгъ и рукописей, содержалъ въ Италіи болѣе 30 переписчиковъ, которые списывали для его библіотеки рукописи, не находившіяся въ продажѣ. Библіотека Матвѣя состояла изъ 50.000 томовъ, переплетенныхъ въ бархатъ.

При содѣйствіи Витеза онъ основалъ въ Пресбургѣ академію и приглашалъ въ нее итальянскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ. Въ концѣ своего правленія онъ хотѣлъ основать въ Офенѣ школу для дворянскихъ дѣтей и предполагалъ дать ей громадные размѣры; но смерть помѣшала исполненію этого плана.—Дворъ Матвѣя былъ великолѣпенъ, король давалъ блестящіе пиры и турниры. Онъ построилъ въ Пештѣ много громадныхъ зданій, итальянскіе художники украшали ихъ статуями и картинами; въ числѣ живописцевъ, работавшихъ для Матвѣя, находился Филиппо Липпи. Венгерскіе вельможи при дворѣ Матвѣя пріобрѣтали привычки образованныхъ людей. Заботы его о просвѣщеніи народа не остались совершенно безуспѣшны, хотя, по справедливому замѣчанію Шпитлера, венгры получили бы гораздо больше пользы отъ книгъ на своемъ родномъ языкѣ, чѣмъ отъ латинскихъ, которыя были написаны жившими при дворѣ Матвѣя иноземными учеными. Венгры въ то время были очень мало подготовлены къ принятію той образованности, которой покровительствовалъ Матвѣй; первые сановники государства, какъ напримѣръ Стефанъ Батори, воевода трансильванскій, не умѣли ни писать, ни читать.— Матвѣй былъ блестящій рыцарь, превосходный наѣздникъ. Уже и по выраженію его лица было видно, что онъ человѣкъ очень дѣятельнаго ума; взглядъ его темныхъ глазъ былъ сверкающій. Онъ очень проницательно умѣлъ выбирать даровитыхъ людей и давать имъ тѣ должности, для которыхъ они были особенно способны. Онъ сдѣлалъ высокими сановниками многихъ незнатныхъ людей, таланты которыхъ были открыты имъ самимъ.

Фесlеръ говоритъ: „Матвѣй уважалъ истину, дорожилъ временемъ, былъ воздержанъ въ удовольствіяхъ. Венгры видѣли въ немъ наилучшаго представителя своихъ хорошихъ качествъ“.

---

2. Борьба аристократіи съ королевской властью.

а) царствованіе владислава.

Положеніе партій при выборахъ короля.

По смерти Матвѣя начались въ Венгріи раздоры. Еще при жизни Матвѣя жена его Беатриса всячески старалась разстроить хлопоты мужа въ пользу побочнаго сына, Яноша Корвина. Она желала сдѣлаться правительницею государства и склонить венгровъ, чтобъ они выбрали королемъ того государя, съ которымъ вступитъ она въ бракъ. Многіе магнаты раздѣляли ея нерасположеніе къ Яношу Корвину и, на послѣднемъ сеймѣ въ правленіе Матвѣя, помѣшали про-

возглашенію Яноша наслѣдникомъ престола; сеймъ только обѣщался выбрать Яноша королемъ по смерти Матвѣя; но обѣщаніе было лишь изустное, не засвидѣтельствованное формальнымъ письменнымъ актомъ, потому не имѣло законной силы. Беатриса сначала думала выйдти за Максимиліана, который тогда возстановлялъ власть отца въ Австріи и заявлялъ притязанія на венгерскую корону. Но Максимиліанъ не выказывалъ намѣренія жениться на Беатрисѣ, и она стала поддерживать кандидатуру Владислава, короля богемскаго. Нѣкоторые магнаты не хотѣли выбрать королемъ Яноша потому, что онъ былъ побочный сынъ Матвѣя, многіе другіе потому, что онъ былъ сынъ Матвѣя, который сурово обуздывалъ ихъ своеволіе: они полагали, что Яношъ будетъ слѣдовать отцовскимъ правиламъ, потому предпочитали отдать престолъ Владиславу: имъ былъ пріятнѣе король, котораго они, по выраженію Стефана Батори, будутъ держать за косу; они разсчитывали, что Владиславъ, чуждый венгерскому народу, принужденъ будетъ угождать имъ; притомъ они надѣялись, что онъ согласится на условія выбора, которыми они хотѣли ограничить королевскую власть. Эммерихъ Заполя умеръ раньше Матвѣя, и должность палатина была поручена Урбану Доци, епископу эрлаускому, приверженцу королевы.

Выборы.

Въ маѣ собрались на Ракошскомъ полѣ магнаты и дворяне для выбора короля. Партія Владислава была сильна, но борьба съ партіей Яноша оказалась трудна и длилась довольно много времени. Корона св. Стефана находилась въ рукахъ Яноша. Онъ захватилъ въ свое распоряженіе казну. Почти всѣ коменданты крѣпостей повиновались ему, и черный легіонъ, стоявшій въ Моравіи, считалъ его наслѣдникомъ отца. Дворяне, утомленные долгими спорами, назначили 60 избирателей и разъѣхались по домамъ. Партія королевы склонила многихъ избирателей на свою сторону; но споры продолжались; наконецъ было постановлено предоставить рѣшеніе Стефану Заполѣ, котораго Матвѣй назначилъ комендантомъ Вѣны. Должно было полагать, что Стефанъ, обязанный всѣмъ Матвѣю, не измѣнитъ сыну своего благодѣтеля. Но онъ уже вошелъ въ тайныя соглашенія съ Владиславомъ, обѣщавшимъ дать ему города ципсскаго комитата, находившіеся въ залогѣ у короля польскаго. Принявъ сторону Владислава, Заполя послалъ епископа гросвардейнскаго съ большими деньгами въ Моравію купить поддержку чернаго легіона. Яношъ Корвинъ съ короной св. Стефана и съ частью казны ушелъ въ сѣверную Венгрію и хотѣлъ начать войну. Но Батори, Кинижи и другіе магнаты выгнали его оттуда; онъ бѣжалъ въ Славонію.

Партія Владислава 15 іюля 1490 года провозгласила его королемъ венгерскимъ подъ тѣмъ условіемъ, что онъ присягнетъ соблюдать избирательный актъ, подтверждавшій всѣ прежнія льготныя граматы, уменьшавшій налоги и требовавшій, чтобы король по всѣмъ важнымъ

дѣламъ, и въ частности по вопросамъ о войнѣ и мирѣ, дѣйствовалъ въ согласіи съ сеймомъ. Владиславъ, стоявшій съ войскомъ на границѣ, объявилъ посланной къ нему депутаціи, что онъ принимаетъ избирательную грамату; братъ его Янъ Альбертъ, бывшій однимъ изъ соискателей венгерской короны, отказался отъ своей кандидатуры; Яношъ Корвинъ пожертвовалъ своими притязаніями, чтобы не нарушать спокойствіе родины; получивъ полную амнистію своимъ приверженцамъ и должность далматскаго намѣстника, онъ отдалъ корону св. Стефана и присягнулъ на вѣрность Владиславу. При коронованіи Владислава 18 сентября (1490 года) Яношъ Корвинъ несъ передъ королемъ корону. Потомъ онъ мирно жилъ, владѣя огромными имѣньями, полученными отъ отца и оставаясь вѣрнымъ приверженцемъ Владислава.

Біанка Сфорца, бывшая его невѣстой, вышла черезъ нѣсколько времени за императора Максимиліана, а онъ женился на дочери графа Франджипани. У него было двое дѣтей, но оба скоро умерли, и самъ онъ умеръ, имѣя только 35 лѣтъ. Онъ былъ храбрый воинъ, достойный отца и дѣда. Его смертью прекратился родъ Гунядовъ; владѣнія его наслѣдовала жена. Она вышла за Георга Бранденбургскаго, который въ нѣсколько лѣтъ промоталъ все это богатство.

Владиславъ 1490—1516.

Такимъ образомъ Венгрія и Богемія соединились подъ управленіемъ одного короля. Владиславъ былъ человѣкъ добрый, но не даровитый, и его правленіе принесло большой вредъ обоимъ государствамъ. И въ Венгріи, какъ въ Богеміи, аристократія расширила свое могущество, ослабляя королевскую власть и порабощая народъ. Венгерскіе магнаты умѣли найдти именно такого человѣка, какой былъ надобенъ имъ. При Владиславѣ они могли дѣлать что хотятъ. Стефанъ Заполя, покинувшій Вѣну при приближеніи Максимиліана, получилъ въ награду за свое содѣйствіе выбору Владислава санъ палатина; были награждены и другіе магнаты, помогавшіе выбору. Только королева Беатриса ошиблась въ своихъ надеждахъ. Владиславъ опасался поссориться съ нею, потому что Максимиліанъ еще воевалъ съ нимъ, и временами Янъ Альбертъ возобновлялъ интриги для полученія венгерской короны; разсердившись на Владислава, Беатриса могла бы принять сторону того или другого изъ его соперниковъ, а у нея было много приверженцевъ; потому Владиславъ не сказалъ самъ, что не хочетъ жениться на ней, а передалъ вопросъ о бракѣ на рѣшеніе сейма. Беатриса не имѣла дѣтей отъ перваго мужа, потому полагали, что она не имѣла бъ ихъ и отъ второго мужа; по этому соображенію сеймъ далъ Владиславу совѣтъ не жениться на ней. Она уѣхала на родину въ Неаполь, испытала тамъ много огорченій и умерла въ 1508 году на островѣ Искіи. Владиславъ, человѣкъ уже пожилой, женился на Аннѣ Кандаль, племянницѣ короля французскаго Людо-

вика XII, красивой и умной женщинѣ. Она родила дочь, потомъ сына, Людовика, и при рожденіи сына умерла.

Война съ Максиміліаномъ.

При разстройствѣ государственнаго порядка въ Венгріи Владиславъ не могъ остановить успѣхи Максимиліана. Мы уже говорили, что Максимиліанъ овладѣлъ Вѣной, выгналъ венгровъ изъ всѣхъ австрійскихъ владѣній, завоеванныхъ Матвѣемъ, перешелъ венгерскую границу, покорилъ Эденбургъ, Коморнъ, Гюнсъ, Веспримъ, Штульвейсенбургъ. Онъ остановился только потому, что у него не достало денегъ на жалованье наемникамъ и войско перестало слушаться его. Владиславъ въ 1491 году заключилъ съ нимъ миръ на условіяхъ, постыдныхъ для Венгріи и открывавшихъ габсбургской династіи путь къ полученію венгерской короны. Владиславъ отдалъ Максимиліану всѣ завоеванія, сдѣланныя Матвѣемъ въ Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ; къ этому было прибавлено, что если Владиславъ умретъ бездѣтнымъ, то венгерскую корону наслѣдуютъ Максимиліанъ и его потомки. Владиславъ не протестовалъ противъ того, что Фридрихъ III и Максимиліанъ приняли тогда же титулъ королей богемскихъ. Сеймъ не хотѣлъ утвердить договоръ, обращавшій въ пустую формальность право націи выбирать короля и дѣлавшій обидныя для національнаго чувства уступки владѣній, пріобрѣтенныхъ Матвѣемъ Корвиномъ. Но когда первый порывъ негодованія миновалъ, Владиславу удалось склонить многихъ вельможъ къ согласію на заключенный имъ трактатъ, и въ слѣдующемъ (1492) году онъ послалъ Фридриху этотъ актъ, уже скрѣпленный подписями большого числа магнатовъ. Формальнаго утвержденія сеймомъ договоръ не получилъ, но былъ приведенъ въ исполненіе.

Новые законы въ пользу аристократіи.

Въ замѣнъ за уступчивость магнатовъ Владиславъ согласился на расширеніе привилегій дворянства. Сеймъ постановилъ, что дворяне не могутъ быть предаваемы суду по политическимъ дѣламъ иначе, какъ съ согласія сейма. что отмѣняются трибуналы, учрежденные въ комитатахъ Матвѣемъ, что оборона страны лежитъ въ обыкновенное время исключительно на королевскихъ войскахъ, и только въ случаяхъ особенной опасности можетъ быть призываемо на службу дворянское ополченіе, что имѣнья магнатовъ и церковныхъ сановниковъ освобождаются отъ всякихъ податей. Кромѣ того были даны дворянству нѣкоторыя другія льготы и увеличены почетныя права магнатовъ. Владиславъ согласился на все это.

Уничтоженіе Чернаго легіона.

Слабость правительства проявлялась во всемъ. Турки дѣлали набѣги чаще прежняго и проникали въ глубину страны дальше, чѣмъ прежде. Въ особенности далеко стали ходить они по уничтоженіи чернаго легіона. Онъ былъ составленъ изъ людей храбрыхъ, но буйныхъ. По смерти Матвѣя дисциплина ослабѣла; притомъ жалованье выдавалось неисправно; черный легіонъ началъ грабить тѣ мѣстности, въ которыхъ стоялъ; Владиславъ поручилъ Кинижи обуздать это буйное войско. Человѣкъ безжалостный, Кинижи неожиданно напалъ на

черный легіонъ, изрубилъ сотни воиновъ его; нѣкоторые отряды пробились въ Австрію, продолжали свои грабежи тамъ; австрійцы истребляли этихъ разбойниковъ. Тѣ воины чернаго легіона, которые остались въ Венгріи, были распредѣлены по другимъ отрядамъ наемниковъ. Пока правительство было энергично, держало черный легіонъ въ строгой дисциплинѣ, исправно выдавало ему жалованье, онъ былъ ужасомъ для турокъ и сдерживалъ ихъ набѣги. Его уничтоженіе лишило Венгрію храбрѣйшей части войска, и первымъ результатомъ этого было пораженіе венгровъ 9 сентября 1493 при Бѣлой горѣ въ Кроаціи. Деренчени и Николай Франджипани, бывшіе главными начальниками войска въ этомъ сраженіи, были взяты въ плѣнъ; братъ Николая, Яношъ Франджипани, одинъ изъ лучшихъ венгерскихъ полководцевъ, былъ убитъ. Деренчени умеръ въ плѣну, вѣроятно, отъ отравы. Въ 1494 году умеръ Кинижи, ужасавшій турокъ своей отвагой и державшій въ повиновеніи венгерскія войска своей безпощадной строгостью; по смерти его турки стали безнаказанно опустошать южныя области Венгріи.

Анархія.

Апатичный и безхарактерный Владиславъ, жившій временами въ Прагѣ, временами въ Офенѣ, иногда уѣзжавшій въ Польшу, былъ совершенно неспособенъ управлять своими государствами. Онъ былъ игрушкой въ рукахъ того или другого интригана, овладѣвавшаго довѣріемъ его. Человѣкъ набожный, онъ любилъ духовенство, и сначала наибольшимъ вліяніемъ на него пользовался Бакачъ, епископъ эрлаускій, сынъ поселянина, человѣкъ очень даровитый. Онъ былъ канцлеромъ; многія другія важныя должности, въ особенности по управленію финансами, занимали также церковные сановники. Это возбудило наконецъ неудовольствіе въ магнатахъ, вождями которыхъ были палатинъ Стефанъ Заполя и графъ Уйлаки. Между магнатами и церковными сановниками началась борьба за государственныя должности и за владычество надъ безхарактернымъ Владиславомъ. Споры на сеймѣ доходили до такого ожесточенія, что иногда дѣло было близко къ дракѣ. Король жаловался, что дворяне слишкомъ понизили налоги; что у него нѣтъ денегъ на содержаніе войска; что онъ принужденъ употреблять на оборону границъ Венгріи богемскіе доходы; магнаты отвѣчали упреками церковнымъ сановникамъ, завѣдующимъ финансами, винили ихъ въ утайкѣ и растратѣ государственныхъ доходовъ. Бакачъ и Заполя окружили себя отрядами тѣлохранителей. Управленіе финансами взялъ на себя Эрнстъ, епископъ фюнфкирхенскій. Заполя и Уйлаки давали королю насмѣшливыя прозвища, презирали его повелѣнія, воевали съ его сторонниками. Онъ нашелъ надобнымъ для своей безопасности заключить союзъ съ братомъ своимъ, Яномъ Альбертомъ. На сеймахъ 1495 и 1496 годовъ оппозиція отказала королю въ налогѣ съ подданныхъ дворянства, требовала, чтобы король отдалъ отчетъ въ своемъ управленіи, обвиняла

епископа Эрнста въ утайкѣ государственныхъ денегъ, бросила его въ темницу, принудила его заплатить 400.000 дукатовъ за освобожденіе. Магнаты считали своей собственностью захваченныя ими коронныя имѣнья. Заполя и графъ Уйлаки заключили между собой договоръ о взаимномъ наслѣдованіи. Король объявилъ, что ихъ договоръ противозаконенъ и что въ случаѣ бездѣтной смерти графа Уйлаки имѣнья его должны перейдти въ собственность короны. Заполя, разсчитывавшій наслѣдовать графу Уйлаки, называлъ это заявленіе короля нарушеніемъ свободы дворянства и еще рѣшительнѣе прежняго сталъ поддерживать на сеймахъ партію, враждебную правительству.

Постановленіе сейма 1498.

Вражда магнатовъ къ духовнымъ сановникамъ оправдывалась тѣмъ, что епископы имѣли громадные доходы, огромныя владѣнія, и король слишкомъ поддавался ихъ совѣтамъ. Въ особенности Бакачъ, получившій санъ архіепископа гранскаго, примаса королевства, пріобрѣлъ себѣ несмѣтныя богатства. Потому сеймъ 1498 года нашелъ справедливыми упреки магнатовъ епископамъ и постановилъ, что духовные сановники не могутъ быть назначаемы жупанами (правителями) комитатовъ, что эти должности, съ которыми было соединено командованіе войсками и завѣдываніе коронными имѣньями, должны быть даваемы только мірянамъ, что одинъ духовный сановникъ не можетъ занимать нѣсколькихъ церковныхъ должностей и не можетъ получать королевскихъ имѣній въ свое пользованіе. Это ограниченіе права короля распоряжаться коронными имѣньями было необходимо потому, что Владиславъ слишкомъ расточительно раздавалъ ихъ епископамъ. Но, негодуя на алчность церковныхъ сановниковъ, магнаты притѣсняли низшее дворянство. Оно съѣхалось въ очень большомъ числѣ на сеймъ 1490 года, и магнаты принуждены были согласиться на установленіе законовъ, которыхъ требовало оно для своего огражденія отъ ихъ притѣсненій. Главные упреки низшаго дворянства магнатамъ были слѣдующіе: магнаты слишкомъ поздно пріѣзжаютъ на сеймъ и, когда пріѣдутъ, то преднамѣренно затягиваютъ ходъ его совѣщаній, такъ что небогатые дворяне, израсходовавъ свои деньги, принуждены бываютъ уѣзжать раньше окончанія сейма и по ихъ отъѣздѣ магнаты постановляютъ рѣшенія, какія хотятъ; точно такимъ же образомъ отнимаютъ они у низшаго дворянства участіе въ судебныхъ рѣшеніяхъ комитатскихъ собраній и постановляютъ на этихъ собраніяхъ такія распоряженія, которыми тяжесть военной повинности слагается съ нихъ на низшее дворянство. Для устраненія этихъ несправедливостей сеймъ 1498 года постановилъ, что съѣзды всего дворянства на Ракошскомъ полѣ, происходившіе черезъ каждые три года и называвшіеся государственными сеймами, должны продолжаться не болѣе двухъ недѣль, и что въ комитатскихъ судахъ, кромѣ магнатовъ и церковныхъ сановниковъ, будутъ засѣдать шестнадцать

судей, избираемыхъ всѣми дворянами комитата. (Подобное правило было потомъ примѣнено и къ составу государственнаго совѣта). По вопросу о распредѣленіи военной повинности сеймъ возстановилъ прежній законный порядокъ, менѣе обременительный для низшаго дворянства, и опредѣлилъ, что каждый землевладѣлецъ обязанъ ставить въ ополченіе такое число воиновъ, которое соотвѣтствуетъ количеству дворовъ его подданныхъ. Эти постановленія были хороши, но магнаты не соблюдали ихъ Знаменитый юристъ Вербёци составилъ сводъ венгерскихъ законовъ; это уложеніе, называющееся Tripartitum, было утверждено сеймомъ и королемъ. Само по себѣ оно было очень хорошо, но на практикѣ всѣ законы оставались безсильными. Венгрія заключила съ Венеціей союзъ противъ турокъ; но венгерскіе правители интересовались въ этомъ дѣлѣ только тѣмъ, чтобы получать отъ венеціанцевъ субсидію, составляющую ежегодно 100.000 дукатовъ; о самой войнѣ у нихъ не было заботы. Коронные доходы были захватываемы олигархами и уменьшились до такой степени, что у Владислава не доставало денегъ на текущіе расходы по дворцовому хозяйству.

Коалиція семи вельможъ.

Когда сеймъ предоставилъ выборъ короля рѣшенію Иштвана Заполи, этотъ могущественный вельможа выразилъ, какъ говорятъ, сожалѣніе, что его сынъ Яношъ еще слишкомъ молодъ и потому не можетъ получить корону. Съ того времени могущество Заполей значительно увеличилось, и когда Иштванъ Заполя умеръ (въ январѣ 1499 года), Яношъ былъ уже знаменитымъ воиномъ. Мать Яноша Гедвига, принцесса тешенская, присоединяла, какъ говорятъ, къ ежедневной молитвѣ къ Богу просьбу, чтобъ онъ далъ ей дожить до того времени, когда сынъ ея вступитъ на венгерскій престолъ. Яношъ твердо шелъ къ исполненію своего фамильнаго желанія. У короля была тогда только дочь, въ то время еще дѣвочка; Яношъ сваталъ ее, чтотъ облегчить себѣ полученіе короны. Онъ заключилъ союзъ съ Уйлаки, съ Бакачемъ, получившимъ отъ папы санъ кардинала, съ новымъ палатиномъ Перени и четырьмя другими магнатами. Они обѣщались поддерживать другъ друга во всемъ. По ихъ вліянію на слѣдующемъ сеймѣ (въ 1505 году) было принято рѣшеніе, что если Владиславъ не будетъ имѣть сына, то по его смерти должны быть устранены всякія кандидатуры иноземныхъ государей и королемъ долженъ быть выбранъ венгерецъ, и что сторонники иноземныхъ соискателей престола будутъ подвергнуты конфискаціи имущества и лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ.

Борьба короля съ національной партіей.

Это рѣшеніе сейма было очевиднымъ образомъ направлено противъ договора, который былъ заключенъ Владиславомъ съ Максиміліаномъ въ 1491 году. Максиміліанъ протестовалъ и угрожалъ войной. Владиславъ увѣрилъ его, что будетъ поддерживать предоставленное ему право наслѣдованія престола, и обѣщался, что когда

подростетъ его дочь, то онъ выдастъ ее за кого нибудь изъ принцевъ габсбургской фамиліи. Это были тайные переговоры, но венгры узнали о нихъ, и магнаты стали во враждебныя отношенія къ Владиславу. У него въ это время родился сынъ, Людовикъ. Онъ хотѣлъ короновать малютку; сеймъ не согласился на это и постановилъ, что составъ государственнаго совѣта долженъ быть пополненъ членами, которыхъ выберетъ все дворянство, что эти члены должны быть приглашаемы во всѣ засѣданія совѣта. — Королева, женщина умная, имѣвшая вліяніе на мужа, умерла вскорѣ по рожденіи сына. Смерть ея такъ опечалила короля, что онъ впалъ въ меланхолію, чуждался разговоровъ съ людьми. Но въ 1508 году сеймъ согласился на то, чтобы Людовикъ былъ коронованъ. Владиславъ былъ обрадованъ этимъ, и умственное здоровье его возстановилось. Въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ въ Прагу, и ребенокъ, уже коронованный въ санъ короля венгерскаго (то-есть признанный наслѣдникомъ венгерскаго престола), былъ коронованъ также въ санъ короля богемскаго.

Яношъ Заполя не терялъ надежды стать королемъ: Людовикъ былъ ребенокъ слабаго здоровья; можно было полагать, что онъ умретъ въ дѣтствѣ. На сестрѣ Яноша Барбарѣ женился младшій братъ Владислава Сигизмундъ, король польскій. Яношъ попросилъ Владислава отдать за него дочь. Владиславъ остался при своемъ намѣреніи отдать дочь за котораго нибудь изъ принцевъ габсбургской династіи и отвѣчалъ отказомъ на просьбу Яноша, хотя при немъ находился отрядъ войска, состоявшій изъ 1000 человѣкъ. Чтобы смягчить досаду Яноша, король назначилъ его воеводою (правителемъ) Трансильваніи и генералъ-капитаномъ (главнокомандующимъ всѣхъ войскъ венгерскаго королевства).

Возстаніе куруцевъ.

Вскорѣ по назначеніи Яноша Заполи главнокомандующимъ началось въ Венгріи возстаніе поселянъ подобное тому, какое черезъ нѣсколько лѣтъ произошло въ Германіи. Бакачъ, архіепископъ гранскій, находился посломъ въ Римѣ, когда умеръ Юлій II и вступилъ на папскій престолъ Левъ X. Новый папа назначилъ Бакача своимъ легатомъ въ Венгріи и поручилъ ему проповѣдовать крестовый походъ на турокъ. Осторожные люди находили, что проповѣдь крестоваго похода можетъ произвести волненіе, опасное государству: угнетенные поселяне были озлоблены противъ господъ, и было неблагоразумно давать имъ въ руки оружіе. Но Бакачъ и Владиславъ не послушались предостереженій, и (въ 1514 году) священники стали проповѣдовать во всѣхъ церквахъ венгерскаго королевства крестовый походъ. Поселяне увлеклись дѣломъ, которое представлялось для нихъ освобожденіемъ отъ рабства. Они массами собрались въ Пештѣ, Калочѣ, Гросвардейнѣ, выбрали себѣ начальниковъ. Главнокомандующимъ этихъ куруцевъ, какъ назывались по-венгерски крестоносцы, Бакачъ назначилъ Досу, секлера (трансильванскаго венгра), который отличался храбростью

въ войнѣ съ турками и незадолго передъ тѣмъ получилъ награду отъ короля. Дворяне съ тревогой смотрѣли на порывъ народа, разстроивавшій сельское хозяйство: хлѣбопашцы поступали въ крестоносцы, нивы должны были остаться невоздѣланными. Чтобы предотвратить это, дворяне во многихъ мѣстностяхъ силой останавливали шедшихъ въ сборные пункты крестоноснаго войска, въ другихъ мѣстностяхъ налагали штрафы на семейства ушедшихъ, чтобъ убѣжденія родныхъ вернули имъ работниковъ. Это произвело въ войскѣ куруцевъ ярость, быстро перешедшую въ бунтъ. Вождемъ инсургентовъ сталъ самъ Доса, принявшій на себя титулъ князя куруцевъ. Возстаніе началось въ окрестностяхъ Пешта; куруцы пошли мстить господамъ, жгли ихъ замки, убивали ихъ. Войско Досы простиралось до 40.000 человѣкъ. Графъ Стефанъ Батори и Чаки, епископъ чанадскій, хотѣли остановить его на берегу Тисы; онъ разбилъ ихъ и разсылалъ по Венгріи манифестъ, рѣзкими чертами описывавшій тиранство магнатовъ и церковныхъ сановниковъ надъ поселянами, обѣщавшій простолюдинамъ политическое равенство съ дворянами и раздѣлъ земель. Епископъ чанадскій былъ повѣшенъ въ полномъ облаченіи, множество дворянъ было убито; инсургенты уже приближались къ Темешвару, когда вышли на встрѣчу имъ Заполя и Батори. Доса сидѣлъ за роскошнымъ обѣдомъ, когда ему сказали, что идетъ королевское войско. Онъ вскочилъ и, разгоряченный виномъ, повелъ своихъ поселянъ въ битву; но они были плохо вооружены, не могли устоять противъ дисциплинированнаго войска; оно разсѣяло ихъ, тысячами убивало бѣгущихъ. Доса былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ мучительной смерти. Въ насмѣшку надъ тѣмъ, что онъ называлъ себя княземъ, его посадили на желѣзный раскаленный тронъ, возложили на голову ему раскаленную корону, привязали къ рукѣ раскаленный скипетръ; принудили его помощниковъ, которымъ много дней не давали пищи, брать въ ротъ куски изжарившагося мяса, потомъ убили ихъ. Понятно, какъ мстили инсургентамъ люди, которые были способны придумать такую свирѣпую казнь. Говорятъ, что было истреблено 40.000 поселянъ. Когда убійства кончились, сеймъ установилъ законы, сдѣлавшіе положеніе поселянъ худшимъ прежняго: у нихъ отнято было право свободнаго перехода, они были приписаны къ землѣ, стали рабами господъ.

Вѣнскій договоръ 1515.

Побѣда надъ куруцами возвысила могущество Заполи; его приверженцы говорили на комитатскихъ собраніяхъ дворянства, что королемъ долженъ быть онъ, спаситель отечества, а не иноземецъ, который во время опасности бездѣйственно сидѣлъ въ офенскомъ дворцѣ. Владиславъ опасался за свою жизнь и поставилъ въ окрестностяхъ Пешта чешскія войска, которыя призвалъ для подавленія бунта поселянъ. Понятно, что король, опасавшійся своихъ подданныхъ, считалъ нужнымъ отдать подъ защиту иноземцамъ право

своего сына наслѣдовать престолъ. Въ 1515 году Максимиліанъ и братъ Владислава Сигизмундъ, король польскій, пріѣхали къ нему въ Пресбургъ. Владиславъ поѣхалъ съ Максимиліаномъ въ Вѣну, и тамъ они условились, что внукъ Максимиліана, Фердинандъ, женится на Аннѣ, дочери Владислава, а внука Максимиліана, Марія, будетъ женой сына Владислава, и что если сынъ Владислава умретъ бездѣтнымъ, то ему наслѣдуетъ мужъ его сестры. Заполя и національная партія пытались уничтожить этотъ договоръ; по ихъ вліянію палатинъ Перени протестовалъ противъ него. Палатинъ былъ старикъ, страдающій подагрой и не могъ ни ходить, ни сѣсть на лошадь; онъ сѣлъ на кресло и его носили по улицамъ Пресбурга; онъ провозглашалъ народу, что договоръ, заключенный въ Вѣнѣ безъ согласія сейма, не имѣетъ законной силы. Но императоръ предложилъ ему титулъ князя, Владиславъ богатое имѣнье Шиклошъ, и онъ забылъ свой пламенный патріотизмъ, подписалъ всѣ акты, какіе дали ему для подписи; впрочемъ успокоилъ свою совѣсть оговоркой, что даетъ свою подпись какъ магнатъ, а не какъ палатинъ.

Смерть Владислава.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи вѣнскаго договора Владиславъ умеръ въ офенскомъ дворцѣ (13 марта 1516); ему было тогда 60 лѣтъ. Человѣкъ набожный, безукоризненный въ частной жизни, онъ былъ совершенно неспособенъ управлять венгерскимъ народомъ, который видѣлъ въ немъ иноземца; дѣйствительно онъ не умѣлъ говорить по-венгерски и до конца жизни чувствовалъ себя въ Венгріи чужимъ..

b) царствованіе людовика II.

Время регентства, женитьба Людовика.

Владиславъ передъ смертью назначилъ кардинала Бакача, Яноша Борнемису и своего родственника Георга, маркграфа бранденбургскаго, опекунами своего десяти-лѣтняго сына Людовика, поручивъ императору и королю польскому верховный надзоръ за опекунами. Партія Заполи на первомъ сеймѣ новаго царствованія предложила отвергнуть это распоряженіе покойнаго короля, желая сдѣлать регентомъ Заполю. Но придворная партія одержала верхъ на сеймѣ. Онъ поручилъ управленіе королевствомъ всему государственному совѣту. Заполя выигралъ только то, что сеймъ назначилъ его и палатина Перени хранителями короны св. Стефана. Черезъ два года онъ сдѣлалъ новую попытку получить санъ регента; но и она не удалась, потому что Максимиліанъ протестовалъ противъ передачи власти Заполѣ и подвелъ свое войско къ венгерской границѣ. Онъ понималъ, что назначеніе Заполи регентомъ имѣло бы результатомъ выборъ регента королемъ въ случаѣ бездѣтной смерти Людовика, и австрійская династія лишилась бы шансовъ пріобрѣсти венгерскую корону. Онъ хотѣлъ женить своего младшаго внука, Фердинанда, на дочери Владислава Аннѣ и выдать

свою внучку Марію за Людовика. Умирая въ 1519 году, императоръ былъ увѣренъ, что эти браки будутъ скоро заключены; и дѣйствительно черезъ годъ по его смерти были отпразднованы обѣ эти свадьбы.

Ссора низшаго дворянства съ магнатами.

Такимъ образомъ не исполнилась надежда Заполи стать регентомъ. Черезъ нѣсколько времени онъ подвергся большой обидѣ: по смерти Перени палатиномъ былъ назначенъ врагъ Заполи, Стефанъ Батори. Раздраженный этимъ противъ аристократіи, управлявшей государствомъ, Заполя перешелъ на сторону притѣсняемаго ею низшаго дворянства. По его внушенію оно на офенскомъ сеймѣ объявило, что свобода совѣщаній въ этомъ городѣ стѣснена близостью австрійскаго войска, стоящаго на границѣ, и что оно переноситъ засѣданія сейма въ Тольну. Оно уѣхало туда; магнаты, церковные сановники и члены государственнаго совѣта остались въ Офенѣ. Такимъ образомъ явилось теперь въ Венгріи два сейма враждебные одинъ другому, между тѣмъ какъ съ южной границы приходили извѣстія о турецкихъ набѣгахъ (султанъ Селимъ былъ тогда въ Азіи, ходилъ въ Египетъ, но на венгерской границѣ оставалось много турецкихъ войскъ). Венгрія впала въ анархію. Сильные люди безнаказанно нарушали законы, магнаты захватывали королевскіе доходы, пограничныя крѣпости находились въ дурномъ состояніи, гарнизоны ихъ были слабы. Тольнскій сеймъ принялъ мѣры для защиты государства, велѣлъ собираться народному ополченію, установилъ для покрытія военныхъ издержекъ налогъ въ два флорина съ каждаго сельскаго двора, назначилъ часть этихъ денегъ на содержаніе королевскаго двора. Государственный совѣтъ и магнаты досадовали на Заполю, но бѣдственное положеніе государства заставило ихъ подчиниться тольнскому сейму. Магнаты собрали свои бандеріи для обороны границы. Правительство приняло въ государственный совѣтъ 16 представителей низшаго дворянства. Но слухи о приготовленіяхъ турокъ къ нашествію затихли. Правительство перестало исполнять постановленія тольнскаго сейма; магнаты удалили представителей низшаго дворянства изъ государственнаго совѣта, анархія возобновилась.

Характеръ короля.

Положеніе государства было бѣдственно, говоритъ Хорватъ, и личность короля не подавала надежды на улучшеніе дѣлъ въ будущемъ. Георгъ Бранденбургскій, думавшій только о буйныхъ веселостяхъ, пріучилъ къ нимъ подростающаго Людовика. Характеръ юноши испортился до такой степени, что онъ сталъ неспособенъ заниматься ничѣмъ серьезнымъ и досадовалъ, когда пытались говорить съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ. Въ разсказѣ объ исторіи Венгріи мы уже говорили, какъ дурно было положеніе молодого короля въ 1521 году, когда онъ женился на Маріи, внукѣ Максимиліана, а его сестра Анна вышла за эрцгерцога Фердинанда. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы разскажемъ, какимъ бѣдствіямъ подверглась ослабленная раздорами

Венгрія при нашествіи Сулеймана. Геройская защита Шабаца и Бѣлграда показывала, что венгерскіе воины остаются храбры; но Венгрія утратила свою независимость, потому что эгоизмъ заглушалъ въ магнатахъ національное чувство: ссорясь между собой, они не хотѣли соединиться для обороны родины и приносить жертвы, какихъ требовала защита ея; горожане, большею частью нѣмцы и другіе иноземные переселенцы, притѣсняемые магнатами, не имѣли политическаго значенія, оставались безъ вліянія на венгерскія дѣла, а порабощенные поселяне находились въ такомъ угнетеніи, что не думали ни о чемъ кромѣ пропитанія и были равнодушны къ судьбѣ отечества.

Раздоры.

Борьба партій на сеймѣ и въ государственномъ совѣтѣ доходила до такого ожесточенія, что со дня на день угрожало вспыхнуть междоусобіе. Въ это время новый султанъ турецкій Сулейманъ отправилъ въ Венгрію посольство съ требованіемъ, чтобы король венгерскій обязался платить ему дань. Онъ зналъ, что получитъ отказъ; истинной цѣлью посольства было разузнать о положеніи дѣлъ въ Венгріи. Около этого времени умеръ графъ Уйлаки; по внушенію придворныхъ, Людовикъ взялъ (въ 1524 году) въ собственность короны его огромныя имѣнья. Яношъ Заполя, ссылаясь на договоръ о взаимномъ наслѣдованіи фамилій его и Уйлаки, требовалъ себѣ этото наслѣдства и, когда оно было конфисковано, рѣшился низвергнуть враждебное ему правительство. Ему помогалъ краснорѣчивый Стефанъ (Иштванъ) Вербёци, знаменитый составитель свода венгерскихъ законовъ. Заполя пригласилъ низшее дворянство собраться въ Гатванѣ; на этомъ многочисленномъ съѣздѣ дворяне, явившіеся туда вооруженные, одобрили всѣ предложенія Заполи. Послѣ того сеймы непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ. Масса дворянства требовала отставки придворныхъ сановниковъ и членовъ государственнаго совѣта. Споры приняли ожесточенный характеръ. Однажды толпа ворвалась въ домъ Эммериха Серенче, крещеннаго еврея, который былъ помощникомъ государственнаго казначея и навлекъ на себя подозрѣніе въ утайкѣ государственныхъ денегъ; его считали также виноватымъ въ томъ, что чеканилась дурная монета. Онъ едва спасся отъ смерти; изъ его дома было взято 60.000 дукатовъ. Сеймъ принудилъ короля отнять у Иштвана Батори должность палатина, назначить Вербёци палатиномъ и отдать Яношу наслѣдство Уйлаки. Власть переходила въ руки Заполи и его партіи. Для борьбы съ ними Батори, Турзо Шарке и нѣкоторые другіе магнаты заключили между собою тайный союзъ (каландошъ).

Союзъ магнатовъ.

Цѣлью его они называли защиту правъ короля, но въ дѣйствительности хотѣли захватить управленіе государствомъ. Они стали склонять низшее дворянство на свою сторону. Успѣху ихъ интригъ много помогло то, что Вербёци, сдѣлавшись палатиномъ, утратилъ свою популярность: масса дворянства винила его въ измѣнѣ, говорила, что онъ сталъ сообщникомъ придворныхъ. Королева поддерживала коалицію магнатовъ, убѣдила короля помогать имъ. На сеймѣ 1526 года большинство было враждебно Вербёци; король ободрился; придворная партія предложила сейму судить Вербёци и его тестя Зоби, какъ измѣнниковъ; сеймъ объявилъ ихъ виновными; ихъ имѣнья были конфискованы, должность палатина была возвращена Иштвану Батори. Коалиція магнатовъ достигла своей цѣли, захватила управленіе въ свои руки.

Король скоро увидѣлъ, что восторжествовавшіе магнаты правятъ государствомъ не по его, а по своимъ желаніямъ. Сеймъ принималъ постановленія о защитѣ государства, о сборѣ ополченія, установлялъ налоги для покрытія военныхъ расходовъ; но эти рѣшенія не исполнялись, и, когда Сулейманъ съ огромнымъ войскомъ пошелъ на Венгрію, казна была пуста, ополченіе не собрано, начальство надъ малочисленнымъ войскомъ было поручено людямъ неопытнымъ и бездарнымъ. Графъ Кристофъ Франджипани, бывшій за годъ передъ тѣмъ комендантомъ Яйцы, геройски защищавшій эту крѣпость, заставившій турокъ уйдти отъ нея, былъ такъ раздосадованъ дурными распоряженіями правительства и недостаткомъ денегъ на военныя надобности, что покинулъ Венгрію, поступилъ на службу къ эрцгерцогу Фердинанду. Правительство не могло бы принять никакихъ мѣръ обороны по недостатку денегъ, если бы папа не прислалъ ему денежное пособіе и не разрѣшилъ взять деньги, золотыя и серебряныя вещи изъ церквей.

Битва при Могачѣ 1526.

Только когда получены были извѣстія, что Сулейманъ взялъ Петервардейнъ, перешелъ у Эссека Драву, идетъ на Пештъ, по комитатамъ поѣхали вѣстники съ окровавленнымъ мечомъ, какъ это было въ обычаѣ при опасности государства; они объявили, что ополченіе созывается сойдтись въ іюлѣ въ Тольну. Магнаты не хотѣли повиноваться никакому главнокомандующему кромѣ короля. Онъ принялъ на себя начальство надъ войскомъ и 29 августа (1526 года) въ ужасной битвѣ при Могачѣ, подробности о которой мы разскажемъ въ другомъ отдѣлѣ, венгерское войско погибло подъ мечами янычаровъ. Архіепископъ Поль Томори и шесть другихъ прелатовъ, сражавшихся за вѣру, 28 магнатовъ, 500 другихъ знатныхъ людей и 22,000 воиновъ легли на полѣ битвы. Въ спискѣ убитыхъ встрѣчаются имена почти всѣхъ фамилій, знаменитыхъ въ исторіи Венгріи. Людовикъ, спасавшійся на утомленномъ конѣ съ поля битвы, прискакалъ къ ручью Челе, упалъ на обрывѣ берега съ лошади и утонулъ въ болотѣ.—Турки овладѣли Венгріей почти до самаго Пешта; королева уѣхала въ Пресбургъ; депутація гражданъ Офена принесла ключи крѣпости къ побѣдителю въ Фельдваръ; но и самъ султанъ не могъ спасти Офенъ отъ ярости янычаровъ. Городъ былъ сожженъ. Турки опустошили страну до Балатонскаго озера и до Рааба, рѣзали

людей, жгли селенія, увезли все, что стоило взять. Султанъ ушелъ за Драву и за Дунай, оставляя уцѣлѣвшихъ венгровъ продолжать ихъ раздоры.

Положеніе Венгріи послѣ битвы при Могачѣ.

Въ ноябрѣ похоронили въ Штульвейсенбургѣ найденное тѣло Людовика, Иштванъ Вербёци предложилъ собравшемуся на похороны народу провозгласить королемъ Яноша Заполю. Большинство тутъ составляли приверженцы Яноша; онъ былъ провозглашенъ королемъ, и епископъ нитрскій короновалъ его. Придворная партія, вождемъ которой былъ палатинъ Батори, вскорѣ послѣ того (16 декабря 1526) провозгласила на основаніи договоровъ и родства съ прежней династіей королемъ Фердинанда, эрцгерцога австрійскаго. Обѣ партіи стали готовиться къ войнѣ. Яношъ Заполя видѣлъ, что онъ слабѣе своихъ противниковъ, потому обратился къ султану съ просьбой о помощи, отдалъ себя и Венгрію подъ покровительство ему. На томъ могачскомъ полѣ, гдѣ погибло венгерское войско, султанъ въ 1529 году объявилъ Яноша Заполю, своего данника, королемъ венгерскимъ, пошелъ въ Офенъ и отдалъ Яношу власть надъ покоренной Венгріей. Корона св. Стефана была принесена въ станъ султана; онъ оставилъ ее у себя въ знакъ того, что повелитель Венгріи—онъ. Во владѣніи Фердинанда осталось лишь нѣсколько комитатовъ въ западной и сѣверной Венгріи. Онъ и его преемники называли себя королями венгерскими, но почти вся страна оставалась подъ турецкой властью. Цивилизація, развившаяся въ Венгріи, погибла подъ варварскимъ игомъ турокъ; жизнь городовъ медленно замирала. Реформація проникла въ Трансильванію и Венгрію, но и она не возродила силъ подавленной націи.

II. РАСШИРЕНІЕ ОСМАНСКАГО ЦАРСТВА ПРИ МУХАММЕДѢ II, БАЕЗИДѢ II И СЕЛИМѢ I.

1. Завоеваніе сербскихъ земель и Альбаніи.

Константинополь подъ владычествомъ турокъ.

Извѣстіе о взятіи Константинополя турками произвело потрясающее впечатлѣніе на христіанскій міръ. Въ Венеціи народъ при этомъ извѣстіи зарыдалъ. Жители Эвбеи, Пелопоннеса, острововъ Архипелага готовились искать спасенія себѣ на западѣ. Западные народы ужасались, жалѣли, стыдились. Мухаммедъ далъ имъ время обдумать, что должны теперь дѣлать они. Онъ отложилъ походы на сѣверъ и западъ до того времени, какъ введетъ турецкое устройство въ покоренную часть Балканскаго полуострова. На третій день по взятіи Константинополя онъ остановилъ убійство и грабежъ, запретилъ разрушать зданія. Лѣтописцы говорятъ, что онъ сказалъ своимъ воинамъ: «Довольствуйтесь сокровищами и плѣнными, не смѣйте вредить домамъ, потому что они моя собственность». Такимъ образомъ

зданія Константинополя не были разрушены; пострадавшія части ихъ были поправлены,—скоро стало можно жить въ нихъ, и городъ сдѣлался снова многолюденъ. Почти всѣ церкви были обращены въ мечети; сераль, постройку котораго началъ Мухаммедъ въ слѣдующемъ году, самымъ характеромъ своей архитектуры показывалъ, что въ Константинополѣ владычествуетъ исламъ. Но большинство жителей въ новой столицѣ султана составляли греки. Когда первый ужасъ прошелъ, Мухаммедъ обѣщалъ безопасность жизни бѣжавшимъ жителямъ Константинополя; многіе изъ нихъ возвратились въ родной городъ; многіе плѣнные были выкуплены изъ рабства своими родными и тоже возвратились. Мухаммедъ переселилъ въ свою новую столицу очень много семействъ изъ греческихъ городовъ Черноморскаго прибрежья, потомъ изъ Пелопоннеса, съ острововъ Архипелага, изъ другихъ частей своего царства. Изъ генуэзской колоніи Амассеры, стоявшей на берегу Чернаго моря, двѣ трети населенія были переведены въ Константинополь. Этотъ городъ сохранилъ греческій характеръ, благодаря тому, что Мухаммедъ обѣщалъ возвращающимся прежнимъ жителямъ свободу вѣры и обычаевъ. Они составили церковное общество съ особымъ своимъ управленіемъ. Султанъ созвалъ собраніе духовныхъ сановниковъ и мірянъ, велѣлъ имъ выбрать новаго патріарха; они выбрали Геннадія Схоларія; султанъ утвердилъ его въ санѣ патріарха, вручивъ ему по обычаю византійскихъ императоровъ жезлъ, украшенный жемчугомъ и дорогими камнями. Геннадій былъ противникъ уніи, потому выборъ его совпадалъ съ интересами султана. Унія была отмѣнена. Патріаршескій дворецъ у церкви Богоматери сталъ центромъ христіанскаго общества, вліятельнѣйшіе люди котораго поселились въ части города, называвшейся Фанаромъ.

Патріархъ и фанаріоты.

Дворецъ патріарха едѣлался, какъ мы сказали, центромъ всего, что уцѣлѣло отъ византійской имперіи; тамъ собрались потомки знатныхъ фамилій; тамъ даже соблюдался придворный этикетъ и подъ охраной креста продолжалась тамъ умственная жизнь византійскаго народа. Поселившіеся въ Фанарѣ потомки знатныхъ фамилій, получившіе впослѣдствіи времени названіе фанаріотовъ, сохранили довольно почетное положеніе подъ турецкимъ владычествомъ и пользовались нѣкоторымъ политическимъ вліяніемъ. Патріархъ и епископы были сначала освобождены отъ всякихъ податей. Впослѣдствіи эта привилегія была отмѣнена; султаны стали брать плату за утвержденіе новаго патріарха въ санѣ и ежегодную подать съ него; это произошло главнымъ образомъ потому, что часто избиратели дѣлились на враждебныя партіи, каждая изъ нихъ выбирала своего кандидата и предлагала подарки за его утвержденіе; при соперничествѣ партій величина подарка росла; онъ обратился въ дань, она увеличилась до тысячи дукатовъ, потомъ до двухъ, даже до четырехъ тысячъ.

Греческіе вассалы султана.

Столицей османскаго царства еще оставался Адріанополь. Вскорѣ по взятіи Константинополя Мухаммедъ поѣхалъ туда принять заявленія преданности отъ испуганныхъ владѣтелей сосѣднихъ областей и

острововъ. Онъ опредѣлилъ, какую дань должны они платить ему. Пелопоннесскіе владѣтели Ѳома и Димитрій, братья погибшаго императора Константина, поднесли въ подарокъ султану 10.000 золотыхъ монетъ и получили отъ него обѣщаніе мира и покровительства; владѣтель хіосскій обязался платить ему 6.000 дукатовъ дани; владѣтель лесбосскій 3.000 дукатовъ. Іоаннъ IV (Калоіоаннъ, какъ называли его), потомокъ Комненовъ, владѣтель Трапезунта, носившій титулъ императора, думалъ сначала о войнѣ съ Мухаммедомъ, но скоро оставилъ эту мысль и обязался платить султану 2.000 дукатовъ дани; царь сербскій прислалъ 12.000 дукатовъ,—сумму, которую обязался платить каждый годъ. Генуэзцы, имѣвшіе поселеніе въ Галатѣ и много факторій въ другихъ городахъ османскаго царства, тоже должны были платить дань, хотя издавна поддерживали дружбу съ турками и, по взятіи Константинополя, заключили съ Мухаммедомъ договоръ, утверждавшій за ними всѣ льготы, полученныя ими отъ византійскихъ императоровъ. Рагуза, платившая 1,500 дукатовъ дани, навлекла на себя неудовольствіе султана тѣмъ, что давала пріютъ Комненамъ, Ласкарисамъ, Палеологамъ, Кантакузенамъ, бѣжавшимъ отъ турокъ, оказывала гостепріимство греческимъ ученымъ—Іоанну Ласкарису, Димитрію Халкондилу, Ѳеодору Спандугину, Павлу Тарханіоту, давала имъ пособія для переѣзда въ Италію. Мухаммедъ за это наложилъ на нее дань въ 3.000 дукатовъ. Султанъ возгордился взятіемъ Константинополя, сдѣлался тираномъ еще болѣе жестокимъ, чѣмъ прежде. Великій везирь Халиль-паша, отецъ, дѣдъ и прадѣдъ котораго занимали этотъ высшій санъ, былъ теперь лишенъ жизни за то, что въ 1445 году далъ Мураду, сложившему съ себя власть, совѣтъ снова принять ее на себя. Мухаммедъ, имѣвшій съ того времени злобу противъ него, взвелъ теперь на него лживое обвиненіе, будто онъ бралъ взятки и возбуждалъ императора Константина къ сопротивленію; эта выдумка послужила предлогомъ казнить его.

Первый миръ съ Венеціей 1454.

Венеціанцы негодовали, услышавъ объ оскорбленіи, нанесенномъ ихъ флагу, объ убійствѣ ихъ согражданъ при взятіи Константинополя; дожъ Франческо Фоскари произнесъ въ синьоріи рѣчь, требовавшую войны, и казалось, что синьорія будетъ увлечена его воинственностью; но когда первый порывъ чувства прошелъ, венеціанское правительство рѣшило дѣйствовать осторожно; оно отправило посольство требовать отъ султана выдачи плѣнныхъ венеціанцевъ и послало Джакопо Лоредано съ 12 галерами въ Левантъ охранять торговые интересы республики и защищать Негропонте отъ нападеній турокъ. Венеціанцы поспѣшили заключить миръ съ итальянскими своими противниками, чтобъ имѣть свободу обратить свои силы на востокъ (VIII, 348). Венеціанское правительство болѣе всего заботилось о торговыхъ интересахъ государства; оно посылало военныя галеры конвоировать купеческіе корабли; консулы, назначаемые правительствомъ, жили

въ тѣхъ иноземныхъ городахъ, съ которыми венеціанцы вели торговлю; консульскій судъ рѣшалъ торговые споры. Таможенныя пошлины были главнымъ источникомъ доходовъ республики. Склады товаровъ въ левантскихъ портовыхъ городахъ принадлежали аристократамъ, правившимъ республикой. Понятно, что она не хотѣла безъ необходимости раздражать султана. Правительство отправило въ Адріанополь Бартоломмео Марчелло, и ему удалось 18 апрѣля 1454 заключить съ Мухаммедомъ договоръ, довольно выгодный для Венеціи; она дала выкупъ за плѣнныхъ и обязалась платить султану небольшую дань за Лепанто, Скутари и другія владѣнія, остававшіяся у нея на востокѣ, и получила свободу торговли въ османскомъ царствѣ. Это былъ первый опытъ христіанскаго государства устроить себѣ мирныя отношенія къ султану и обезпечить формальными условіями безопасность жизни и имущества своихъ подданныхъ въ его царствѣ. Марчелло былъ назначенъ первымъ правителемъ (bailo) венеціанской факторіи въ Константинополѣ.

Упадокъ генуэзской торговли въ Левантѣ.

Благодаря своему благоразумію, венеціанцы сохранили свою торговлю въ Левантѣ и стали вытѣснять изъ нея своихъ соперниковъ, генуэзцевъ. Генуэзская колонія въ Галатѣ и Перѣ оказала большія услуги султану и, какъ мы говорили, получила отъ него важныя привилегіи. Но Генуя волновалась тогда раздорами, мѣшавшими ея правительству такъ успѣшно охранять интересы своихъ подданныхъ на востокѣ, какъ охраняла ихъ Венеція. Потому предпріимчивость генуэзскихъ купцовъ ослабѣла. Торговля Кафы, важнѣйшей генуэзской факторіи на Черномъ морѣ, уменьшалась. Генуэзскіе торговцы рѣшили отдать свои левантскія факторіи банку св. Георгія (VIII, 321). Но и онъ, при всемъ своемъ могуществѣ, былъ не въ состояніи поднять до прежней высоты генуэзскую торговлю на востокѣ; не поддерживаемый правительствомъ, онъ не имѣлъ средствъ оборонять свои факторіи тамъ. Богатый городъ Амассеру, бывшій центромъ генуэзской торговли въ западной части береговъ Чернаго моря, былъ въ 1461 году взятъ Мухаммедомъ; султанъ, какъ мы говорили, переселилъ двѣ трети его жителей въ Константинополь. Кипрская факторія Фамагуста была при помощи мамлюковъ взята венеціанскимъ владѣтелемъ Кипра, потомкомъ люзиньяновъ, Іаковомъ; жена Іакова, венеціанка Катарина Корнаро, отдала по смерти мужа и сына Кипръ въ непосредственное владѣніе Венеціи. Черезъ нѣсколько десятилѣтій по взятіи Константинополя турками генуэзская торговля на востокѣ исчезла.

Пораженіе Мухаммеда подъ Бѣлградомъ.

Мухаммедъ былъ очень радъ миролюбію греческихъ государей и венеціанцевъ. Оно дало ему свободу обратить силы на сѣверъ противъ грознаго врага Гуняда, находившагося въ союзѣ съ греческимъ императоромъ и отправившаго къ султану посольство съ угрозами во время осады Константинополя. Обезпечивъ себя договоромъ съ Ве-

нецiей отъ нападенiй съ моря, султанъ собралъ свои войска въ Софiи и пошелъ въ Сербiю. Одной изъ женъ его отца была сербская княжна; онъ выставилъ это основанiемъ своего права владѣть Сербiей. Въ разсказѣ объ исторiи Венгрiи мы уже говорили объ этой войнѣ. Во время ея (въ 1454 году) умеръ сербскiй князь Юрiй Бранковичъ, и начались споры за наслѣдство сербскаго престола; они облегчили султану покорение Сербiи. Онъ хотѣлъ взять Бѣлградъ и сдѣлать его опорнымъ пунктомъ для походовъ на сѣверъ и на западъ. Мы говорили, что въ 1456 году онъ съ громаднымъ войскомъ осадилъ Бѣлградъ, но потерпѣлъ пораженiе и раненный возвратился бѣглецомъ въ Софiю. Эта неудача раздражила его. Въ ярости онъ своей рукой убилъ нѣсколькихъ своихъ военачальниковъ; многимъ другимъ были по его приказанiю при немъ отрублены головы. Каждый разъ, когда потомъ вспоминалъ Мухаммедъ о своемъ пораженiи подъ Бѣлградомъ, онъ произносилъ проклятiя и угрозы.

Приготовленiя западныхъ государей въ крестовому походу.

Западная Европа приняла съ восторгомъ извѣстiе о побѣдѣ Гуняда подъ Бѣлградомъ, и возобновились разсужденiя о крестовомъ походѣ для изгнанiя турокъ изъ Европы. Но теперь было уже не такое время, чтобы религiозный энтузiазмъ могъ увлечь государей и народы. Увѣщанiя Каликста III остались безуспѣшны; онъ получалъ только обѣщанiя, за которыми не слѣдовало дѣлъ. Альфонсъ Арагонскiй, владѣтель Сицилiи, собралъ флотъ подъ предлогомъ экспедицiи противъ турокъ, но употребилъ его на войну съ итальянскими своими врагами. Генрихъ, король кастильскiй, дозволилъ продавать индульгенцiи и собирать десятину съ церковныхъ доходовъ въ его государствѣ только подъ условiемъ, что половина этихъ денегъ будетъ отдаваема ему. Король французскiй задержалъ въ устьѣ Роны эскадру, которую обѣщалъ послать на соединенiе съ эскадрой папы. Нѣмцы говорили, что хлопоты о крестовомъ походѣ служатъ для папы только средствомъ наполнять свою казну продажей индульгенцiй и десятиной съ церковныхъ доходовъ. Обѣты, данные героями турнировъ бургонскаго двора, остались пустой похвальбой.

Сербскiя дѣла.

Когда Каликстъ, опечаленный безуспѣшностью своихъ хлопотъ, умиралъ, османы были снова на Дунаѣ. Сербскiй князь Юрiй завѣщалъ, чтобы государствомъ послѣ него правили вмѣстѣ его жена и трое сыновей, старшiе изъ которыхъ, Григорiй и Стефанъ, были ослѣплены Мурадомъ. Это распоряженiе произвело дурныя послѣдствiя. Младшiй сынъ Юрiя Лазарь отравилъ мать и прогналъ слѣпыхъ братьевъ. Стефанъ послѣ разныхъ приключенiй пріѣхалъ въ Италiю, гдѣ оставался до конца жизни, а Григорiй, вмѣстѣ съ которымъ бѣжала сестра, поѣхалъ къ Мухаммеду; султанъ принялъ ихъ ласково и убѣдилъ передать ему ихъ права на сербскую корону. Лазарь скоро умеръ (31 января 1458); кажется, что боязнь турецкаго нашествiя ускорила его смерть. Сыновей у него не было; было три

дочери; вдова его Елена Палеологъ отдала себя и государство подъ покровительство папы, надѣясь на его помощь. Папа очень обрадовался присоединенiю греческаго исповѣданiя къ римской церкви, отправилъ въ Сербiю кардинала-легата произвести церковное соединенiе и просилъ новаго короля венгерскаго Матвѣя защищать Сербiю. Но венгерскiе вельможи не признали ленную власть папы надъ Сербiей, которую считали леномъ венгерской короны, а сербскiе бояре гнушались римской церковью и, чтобъ отвратить унiю, вступили въ тайныя сношенiя съ Мухаммедомъ. Зять Елены, князь боснiйскiй Стефанъ Томашевичъ, хотѣлъ при помощи венгровъ овладѣть Сербiей. Но лѣтомъ (1458 года) Мухаммедъ подошелъ къ Семендрiи; бояре отворили ему ворота; Стефанъ бѣжалъ, навлекши на себя подозрѣнiе, что былъ соучастникомъ этого предательства. Султанъ дозволилъ Еленѣ съ ея дочерьми уѣхать и взять всѣ ея сокровища. Она послѣ недолгихъ остановокъ въ Венгрiи и Босниi поселилась въ Италiи и кончила жизнь монахиней. Султанъ наградилъ деньгами и землями бояръ, помогавшихъ ему овладѣть Сербiей; тѣхъ бояръ, которые сопротивлялись, и множество народа онъ увелъ въ плѣнъ. Черезъ годъ на всѣхъ сербскихъ крѣпостяхъ развѣвались турецкiя знамена. Число людей, уведенныхъ султаномъ изъ Сербiи, простиралось до 200.000 человѣкъ. Пригодные къ военной службѣ были взяты въ турецкое войско; остальные поселены въ дальнихъ областяхъ османскаго царства. Въ Сербiи осталось много турокъ.

Юрiй Кастрiотъ Скандербегъ.

Какъ Гунядъ подъ Бѣлградомъ, Юрiй Кастрiотъ въ Альбанскихъ горахъ показывалъ, что искусные полководцы могутъ побѣждать громадныя османскiя войска. Скандербегъ такъ же успѣшно сопротивлялся Мухаммеду, какъ и его отцу. Силой ума и храбростью Юрiй Кастрiотъ соединилъ подъ своею властью альбанскiя племена, одушевилъ патрiотизмомъ этихъ грубыхъ горцевъ, которые до него и послѣ него употребляли свою храбрость лишь на службу наемниками въ чужихъ войскахъ. Онъ не получалъ никакой помощи съ запада, кромѣ ничтожныхъ денегъ, посылаемыхъ папой и небольшого числа воиновъ, присланныхъ Альфонсомъ Неаполитанскимъ. Но собственными силами онъ съ непреодолимымъ мужествомъ защищалъ свою родную страну. Альбанiя была при немъ оплотомъ христiанскаго мiра отъ турецкихъ нашествiй. Когда, по взятiи Константинополя, Мухаммедъ потребовалъ дани отъ Кастрiота, онъ отвѣчалъ султану, что уѣхалъ изъ турецкой службы въ отечество избавить его отъ цѣпей рабства, а не налагать ихъ на него. Султанъ въ 1455 году послалъ войско покорить Альбанiю. Скандербегъ окружилъ его въ ущельѣ у Дибры и прогналъ съ большимъ урономъ. Въ слѣдующемъ году султанъ послалъ другое войско, Скандербегъ окружилъ его въ горахъ у Скопiи и тоже прогналъ съ большой потерей. Мухаммедъ не могъ одолѣть Скандербега оружiемъ, но успѣлъ поколебать его власть подкупомъ альбанскихъ родоначальниковъ.

Измѣна Моисея Дибрскаго 1456.

Моисей Дибрскій, сильный родоначальникъ, вѣрно служившій Кастріоту, обольстился надеждой стать альбанскимъ царемъ подъ покровительствомъ султана. Подъ вымышленными предлогами онъ уклонился отъ участія въ походѣ Скандербега, созывавшаго войско для осады крѣпости, стоявшей на границѣ Альбаніи и называвшейся Бѣлградомъ, какъ крѣпость на Дунаѣ. Паша Севали пришелъ съ громаднымъ войскомъ на освобожденіе Бѣлграда и принудилъ Кастріота отступить въ Крою, Моисей отправился съ Севали въ Константинополь и предложилъ султану свою помощь въ покореніи Альбаніи. Мухаммедъ далъ ему 15.000 человѣкъ конницы. Онъ разсчитывалъ, что многіе альбанцы присоединятся къ нему. Но въ февралѣ 1457 Скандербегъ и воины его, совершивъ чудеса храбрости, разбили Моисея, его турокъ и присоединившихся къ нему измѣнниковъ. Моисей бѣжалъ изъ Альбаніи; султанъ хотѣлъ казнить его; пощадилъ, но обращался съ нимъ презрительно. Онъ бѣжалъ въ Альбанію, упалъ къ ногамъ Скандербега, получилъ прощеніе и снова сталъ усердно помогать Скандербегу въ защитѣ родины.

Измѣна Гамзы 1457.

Дурной примѣръ, поданный Моисеемъ, нашелъ подражателя. Вскорѣ по возвращеніи Моисея въ Альбанію, Гамза, племянникъ Скандербега, пріѣхалъ въ Константинополь съ предложеніемъ своихъ услугъ. Султанъ послалъ Ису, внука Эврена, съ 50.000-нымъ войскомъ въ Альбанію; Гамза показывалъ путь Исѣ. Скандербегъ увезъ хлѣбъ въ крѣпости; войска его заперлись въ нихъ; турки встрѣчали мало сопротивленія въ открытомъ полѣ и опустошили Альбанію до венеціанскаго города Алессіо, въ который удалился Скандербегъ. Они раскинули станъ на равнинѣ у рѣки Мати и безпечно веселились, празднуя провозглашеніе Гамзы княземъ альбанскимъ. Скандербегъ, не замѣчаемый ими, занялъ прикрытую позицію между сосѣдними холмами, ночью напалъ на турокъ и нанесъ имъ страшное пораженіе. Говорятъ, что тутъ было убито болѣе 20.000 турокъ. Иса ускакалъ, Гамза былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Крою быть свидѣтелемъ восторга, съ какимъ встрѣчалъ народъ побѣдоноснаго дядю его. Скандербегъ держалъ племянника подъ стражей, потомъ примирился съ нимъ, онъ поѣхалъ въ Константинополь за своимъ семействомъ и умеръ тамъ; молва говорила, что онъ былъ отравленъ султаномъ.

Новыя побѣды Скандербега.

Слава Скандербега гремѣла по всему христіанскому міру; новый папа Пій II хотѣлъ назначить его главнокомандующимъ крестоноснаго войска, которое надѣялся собрать.—Мухаммедъ заключилъ въ 1458 году перемиріе съ Скандербегомъ. Пользуясь этимъ временемъ, Скандербегъ помогъ въ 1459 году Фердинанду, королю арагонскому, овладѣть королевствомъ неаполитанскимъ. Въ слѣдующемъ (1460) году Мухаммедъ сдѣлалъ новую попытку покорить Альбанію, послалъ одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ Караджабега съ 40.000-мъ войскомъ на Скандербега. Но и этотъ походъ кончился пораженіемъ турокъ, сильно пострадавшихъ отъ непогоды. Мухаммедъ рѣшился наконецъ помириться съ Скандербегомъ, чтобы свободно располагать своими силами для другихъ войнъ, и въ 1461 году призналъ его независимымъ государемъ Альбаніи. Миръ длился три года. Въ 1464 году Пій II сталъ собирать войско для крестоваго похода, обѣщалъ назначить Скандербега его главнокомандующимъ и дать ему санъ короля альбанскаго. Скандербегъ въ надеждѣ на помощь крестоносцевъ возобновилъ войну съ турками. Но мы уже говорили, что хлопоты папы о крестовомъ походѣ остались безуспѣшны, Скандербегу помогали только венеціанцы. Онъ разбилъ Шереметбега у Охриды, Балабана у Берата, защитилъ Крою отъ осадившаго ее многочисленнаго войска. Война еще длилась, когда Скандербегъ умеръ въ Алессіо на 63 году жизни, въ январѣ 1467. Мухаммедъ дивился храбрости Скандербега и, когда взялъ Алессіо, велѣлъ вынуть его тѣло изъ могилы и положить передъ своимъ войскомъ, чтобъ оно видѣло этого героя.

Война венеціанцевъ съ турками въ Альбаніи.

Умирая, Скандербегъ отдалъ своего сына Іоанна и Альбанію подъ покровительство венеціанцевъ. Ихъ интересы требовали защищать эту страну отъ турокъ. Но Мухаммедъ не жалѣлъ никакихъ усилій овладѣть Альбаніей, изъ гаваней которой онъ хотѣлъ посылать войска въ Италію. Въ 1474 году, одинъ изъ лучшихъ его полководцевъ Беглербегъ Сулейманъ, боснійскій ренегатъ, пошелъ съ большимъ войскомъ въ Альбанію и осадилъ Скутари; на 500 верблюдахъ была привезена мѣдь для отливки пушекъ; война шла и на морѣ, и на рѣкѣ Боянѣ, на берегу которой стоитъ Скутари. Артиллерія Сулеймана сильно повредила стѣны крѣпости. Турки штурмовали ее; но венеціанскій комендантъ Антоніо Лоредано, человѣкъ рѣдкаго безстрашія, отбивалъ всѣ нападенія; осажденные, ободряемые примѣромъ его, воины выносили страданіе голода и жажды, пока въ августѣ пришло войско, состоявшее изъ венеціанцевъ и альбанцевъ, и прогнало турокъ. Всѣ находившіеся въ крѣпости побѣжали изъ воротъ не преслѣдовать врага, а къ рѣкѣ утолить мучительную жажду. Многіе пили такъ жадно, что умерли на мѣстѣ, гдѣ пили.

Новая осада Скутари.

Покинутая всѣми западными государствами, Венеція не могла выдержать борьбу съ могущественнымъ султаномъ; она сохранила еще четыре года свои владѣнія на альбанскомъ приморьѣ только благодаря тому, что Мухаммедъ былъ занятъ другими войнами. Кончивъ ихъ, онъ обратилъ свои силы на венеціанцевъ, отвергая всѣ ихъ миролюбивыя предложенія и требуя уступки Альбаніи На это они не могли согласиться, и въ 1478 году война въ Альбаніи возобновилась. Турки осадили бывшую столицу Скандербега Крою; послѣ долгой обороны осажденные сдались на капитуляцію. Султанъ обѣщалъ свободный пропускъ всѣмъ, желающимъ уйдти, но какъ только они вышли изъ воротъ, онъ велѣлъ перерѣзать ихъ, оставилъ въ живыхъ и отослалъ въ Константинополь только венеціанскаго правителя (проведитора) Піэтро Веттури и его семейство. Къ турецкому войску постоянно шли подкрѣпленія, и оно было громадно, когда подступило къ Скутари. Оно имѣло очень много пушекъ. Эта вторая осада Скутари принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ военныхъ дѣлъ того времени по удивительному мужеству защитниковъ крѣпости, которыми начальствовалъ Антоніо Лецце. Мухаммедъ дѣлалъ много штурмовъ, но всѣ они были отбиваемы. Взявъ городъ Дриваcто, турки привели его жителей къ стѣнамъ Скутари, и султанъ велѣлъ изрубить ихъ передъ глазами осажденныхъ, чтобы показать, какая участь ждетъ гарнизонъ и жителей, если они не покорятся; но они остались тверды. Онъ убѣдился въ безполезности штурмовъ и хотѣлъ голодомъ вынудить Скутари къ покорности. Голодъ дѣйствительно свирѣпствовалъ въ осажденномъ городѣ, но онъ продолжалъ обороняться, пока Венеція, изнуренная войной, не заключила въ 1479 году миръ, по которому она уступила султану Альбанію, а онъ дозволилъ защитникамъ Скутари уйдти, взявъ съ собой все имущество.

Покореніе Босніи.

Мухаммедъ заключилъ въ 1461 году миръ съ Скандербегомъ для того, чтобъ обратить свои силы на Боснію. Царь боснійскій Стефанъ Ѳома, человѣкъ безхарактерный, временами плативній дань султану, временами отдававшійся подъ покровительство венгровъ и помогавшій имъ въ войнѣ съ турками, находился въ ссорѣ съ своимъ сыномъ Стефаномъ Томашевичемъ, и когда онъ умеръ на походѣ противъ Бана кроатскаго, молва говорила, что онъ былъ отравленъ сыномъ. Вдова умершаго короля Катерина и братъ его банъ Родивой хотѣли отнять престолъ у Стефана Томашевича. Такимъ образомъ было три партіи, воевавшія между собою; къ этому присоединялись ссоры между православными католиками и патарами, ересь которыхъ была очень распространена въ Босніи. Стефанъ Томашевичъ, желавшій пріобрѣсти помощь папы, свирѣпо преслѣдовалъ патаровъ, выгналъ тысячи ихъ, отдалъ имущество выгнанныхъ францисканцамъ. Пій II хвалилъ его за усердіе къ вѣрѣ; но ревностный католикъ помогъ туркамъ овладѣть сербской крѣпостью Семендріей, и папа увидѣлъ себя одураченнымъ. Война съ Скандербегомъ не дозволяла султану воспользоваться междоусобіями въ Босніи. Заключивъ миръ съ альбанскимъ княземъ, Мухаммедъ, какъ мы говорили, повелъ свои войска въ Боснію. Предлогъ для этого подалъ ему самъ Стефанъ Томашевичъ, помирившійся съ папой и, въ надеждѣ на помощь западныхъ народовъ, отказавшійся платить дань султану. Банъ Родивой, бѣжавшій къ Мухаммеду, принялъ мусульманство и въ 1462 году повелъ турокъ въ Боснію. Народъ не любилъ Стефана, крѣпости сдавались туркамъ безъ сопротивленія. Въ 1463 году султанъ уже овладѣлъ всей Босніей. Онъ сослалъ больше 100.000 босняковъ въ азіатскія области, 30.000 молодыхъ людей взялъ въ янычары, поставилъ въ крѣпостяхъ турецкіе гарнизоны, разрушилъ много городовъ, обратилъ въ мечети тѣ церкви, которыя уцѣлѣли. Стефанъ сдался туркамъ, получивъ обѣщаніе, что жизнь его будетъ пощажена. Но Мухаммедъ хотѣлъ истребить боснійскую династію; знаменитый богословъ шейхъ Али Бестами объявилъ, что султанъ не обязанъ соблюдать данное отъ его имени обѣщаніе; онъ велѣлъ предать мучительной смерти Стефана и многихъ другихъ плѣнныхъ. Мать Стефана Катерина и жена его Марія спаслись отъ преслѣдованія и послѣ множества опасностей нашли себѣ убѣжище въ Римѣ. Въ благодарность за содержаніе, назначенное папой, Катерина передала римскому епископу свои права на боснійскій престолъ. Черезъ два года была присоединена къ османскому царству и Герцеговина.—Когда Мухаммедъ ушелъ изъ Босніи, Матвѣй Корвинъ прогналъ оттуда турецкіе отряды и объявилъ Боснію принадлежащей къ венгерскому королевству; но, какъ мы говорили, турки въ 1464 году снова завоевали всю Боснію, кромѣ сѣверной окраины, въ которой удержались венгры.

Незадолго передъ тѣмъ была рѣшена судьба Валахіи. Воевода

Покореніе Валахіи.

Владъ (Владиславъ IV), злодѣй, котораго турки называли сажателемъ людей на колъ, а валахи палачемъ, старался упрочить свою власть угожденіемъ султану, которому платилъ дань, и свирѣпыми мѣрами противъ недовольныхъ подданныхъ. Онъ походилъ жестокостью на безжалостныхъ азіатскихъ деспотовъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ убилъ мучительной смертью 20.000 человѣкъ, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ. Пока Мухаммедъ былъ занятъ войнами въ Альбаніи, онъ оставлялъ господиномъ Валахіи человѣка, исправно платившаго ему дань и своими злодѣйствами подготовлявшаго легкое завоеваніе Валахіи. Подданные ненавидѣли Влада; своими набѣгами на Трансильванію онъ возбудилъ вражду венгровъ. Наконецъ Мухаммедъ нашелъ досугъ идти противъ него. Владъ замѣтилъ намѣреніе султана и принялъ мѣры защиты, предложилъ союзъ Матвѣю Корвину; общая опасность заставила Матвѣя забыть его грабежи, обѣщать ему свою помощь. Ободрившись этимъ, Владъ въ 1461 году схватилъ и предалъ мучительной смерти турецкихъ сановниковъ Каталолина, султанскаго секретаря, и Гамзу-пашу, виддинскаго коменданта, пріѣхавшихъ заманить его въ Константинополь, перешелъ Дунай и сталъ опустошать болгарскія области, жегъ селенія, убивалъ людей мучительною смертью. Султанъ слѣдующей весной пошелъ на него съ войскомъ, въ которомъ считалось 150.000 человѣкъ. Турецкая флотилія вошла изъ Чернаго моря въ Дунай, поплыла вверхъ по рѣкѣ, сожгла Браиловъ. Султанъ перешелъ Дунай, не встрѣчая сопротивленія. Владъ со всѣмъ своимъ войскомъ ушелъ въ густые дубовые лѣса сѣверной гористой части Валахіи, велѣлъ уйдти туда и жителямъ равнины. По пути черезъ нее турки почти не видѣли людей и потому становились ночевать, не принимая никакихъ предосторожностей. Однажды ночью Владъ напалъ на нихъ; застигнутые врасплохъ, они едва не потерпѣли пораженіе. Великій везирь Махмудъ-паша, сохранившій хладнокровіе, привелъ войско въ порядокъ, отразилъ Влада; но турки потеряли много воиновъ убитыми. Они пошли на Влада въ лѣса и даже они ужаснулись, увидѣвъ на окраинѣ лѣса поляну, на которой Владъ предалъ смерти плѣнныхъ турокъ и болгаръ. Число замученныхъ тутъ простиралось до 20.000; тутъ было и тѣло Гамзы-паши, въ пурпуровой одеждѣ посаженнаго на колъ. Мухаммедъ нигдѣ не встрѣчалъ сильнаго сопротивленія. Владъ ушелъ въ Молдавію; отряды войскъ его, пытавшіеся остановить турокъ, были истреблены или разогнаны. Осенью султанъ ушелъ изъ опустошенной Валахіи, уводя съ собой плѣнныхъ и захваченныя стада. Своимъ намѣстникомъ Валахіи онъ назначилъ Алибега, сказавъ, что пришлетъ воеводой Радула, младшаго брата Влада. Радулъ жилъ заложникомъ въ Константинополѣ, пріобрѣлъ расположеніе султана. Пріѣхавъ править Валахіей какъ данникъ султана, Радулъ не встрѣтилъ сопротивленія; народъ ненавидѣлъ Влада, Алибегъ стоялъ съ большимъ войскомъ въ Валахіи; по-

тому все уцѣлѣвшее населеніе признало Радула воеводою. Владъ, уѣхавшій въ Венгрію, просилъ прощенія у Мухаммеда, обѣщая свою помощь ему для покоренія Трансильваніи и Венгріи. Но это письмо было перехвачено венграми; Матвѣй заперъ Влада въ темницу, и онъ 15 лѣтъ оставался подъ стражей въ Офенѣ. Радулъ правилъ Валахіей, платя султану 10.000 дукатовъ дани. По смерти Радула Владъ или бѣжалъ изъ темницы или былъ освобожденъ Матвѣемъ, снова сталъ воеводой валахскимъ и злодѣйствовалъ по прежнему; но чрезъ два года былъ убитъ однимъ изъ своихъ рабовъ. Турки заняли Валахію и возили отрубленную голову Влада изъ города въ городъ, показывая ее народу.

---

2. Покореніе греческихъ государствъ и расширеніе турецкихъ владѣній въ Азіи.

а) покореніе пелопоннесскихъ и ливадійскихъ государствъ.

Литература. Finlay, The History of Greece and the Empire of Trebizond (Edinburgh, 1851); его же: The History of Greece under Otoman and Venetian domination, (Edinburgh, 1856); статья Гопфа Griechenland im Mittelalter въ Энциклопедіи Эрша и Грубера; Fallmerayer, Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt (München, 1827); Mendelssohn-Bartholdy, Geschichte Griechenlands (Leipzig, 1870); Hertzberg, Geschichte Griechenlands vom Absterben des antiken Lebens bis zur Gegenwart (4 тома, Halle, 1876—1879).

Положеніе дѣлъ въ Пелопоннесѣ.

Ѳома и Димитрій, владѣвшіе Пелопоннесомъ, обѣщались по взятіи Константинополя являться каждый годъ къ султану и платить ему 10.000 дукатовъ дани. Онъ согласился оставить имъ ихъ владѣнія. Ѳома имѣлъ своей резиденціей Патры, Димитрій Мистру. Они въ своемъ жалкомъ положеніи не отказались отъ прежнихъ привычекъ, ссорились между собой, жестоко угнетали подданныхъ. Въ особенности безжалостнымъ притѣснителемъ былъ Ѳома; онъ отнималъ владѣнія у греческихъ и франкскихъ вельможъ, держалъ ихъ въ темницахъ; точно также поступалъ съ греческими родоначальниками (архонтами) племенъ. Димитрій облагалъ тяжелой пошлиной альбанскія пастушескія племена, кочевавшія съ своими стадами по горнымъ пастбищамъ Пелопоннеса. Независимо отъ склонности къ тиранству Ѳома и Димитрій были въ необходимости угнетать подданныхъ для того, чтобъ имѣть деньги на уплату дани султану. Въ 1454 году и альбанцы и греки, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями, взялись за оружіе; они издавна были враждебны между собою, но теперь отбросили національныя антипатіи, соединились для общей защиты.

Инсургенты выбрали своимъ вождемъ вельможу изъ фамиліи Кантакузеновъ, взяли замокъ Хлумицы (или по итальянскому названію Кастель-Торнезе), въ которомъ держалъ своихъ плѣнниковъ Ѳома, освободили ихъ, отправили къ султану пословъ, обѣщая повиноваться и платить дань ему. Но Ѳома и Димитрій тоже просили помощи у Мухаммеда; ихъ посолъ Асанъ объяснилъ султану, что для него выгоднѣе покровительствовать имъ, нежели инсургентамъ.

Походъ Турахана въ Морею.

Мухаммедъ велѣлъ правителю Ѳессаліи Турахану, уже ходившему въ Морею при Мурадѣ, идти туда и подавить возстаніе. Тураханъ разбилъ инсургентовъ, занявшихъ укрѣпленныя позиціи въ бордонійскихъ ущельяхъ, усмирилъ ихъ, взялъ у нихъ часть стадъ и возвратился въ Ѳессалію, давъ Димитрію и Ѳомѣ совѣтъ не ссориться между собой и не притѣснять подданныхъ. Но какъ онъ ушелъ изъ Мореи, они возобновили свою ссору, а ихъ подданные снова стали отказывать имъ въ повиновеніи. Морейскіе альбанцы не платили подати; греческіе архонты доказывали султану справедливость своихъ жалобъ и вызывались быть его подданными, если онъ дастъ имъ безопасность жизни и собственности. Въ этихъ раздорахъ и жалобахъ прошло три или четыре года. Въ 1458 году Мухаммедъ самъ пошелъ въ Морею съ большимъ войскомъ и сильной артиллеріей. Поселяне ушли въ укрѣпленные города и упорно оборонялись; но стѣны укрѣпленій были слабы, стары, не поправлены и не могли устоять противъ пушекъ Мухаммеда; янычары его подавляли своей многочисленностью греческіе отряды. Онъ 6 августа взялъ приступомъ сильнѣйшую морейскую крѣпость Коринѳъ, въ которой оборонялся Асанъ, взялъ еще нѣсколько крѣпостей; другія сдавались ему, и въ нѣсколько недѣль онъ покорилъ Ахаію и Аркадію. Димитрій и Ѳома просили мира, согласились на все, чего требовалъ султанъ. Онъ взялъ себѣ Патры, Калавриту, Коринѳъ, всю среднюю и сѣверную часть Мореи, оставилъ Ѳомѣ и Димитрію лишь небольшую долю ихъ прежнихъ владѣній и наложилъ на нихъ тяжелую дань, поставилъ въ Коринѳѣ большой гарнизонъ, назначилъ правителемъ полуострова Омара, сына Турахана. Янычары Омара держали въ повиновеніи всю Морею. Ясно было, что Мухаммедъ скоро отниметъ у Ѳомы и Димитрія тѣ области, которыя оставилъ имъ.

Ѳома вошелъ въ сношенія съ коварнымъ лакедемонскимъ вельможей Луканомъ, собралъ войско, сталъ нападать и на брата и на турецкіе гарнизоны, надѣясь овладѣть всей Мореей. Войска его и Димитрія опустошали южную часть Мореи, турки дѣлали набѣги изъ крѣпостей сѣверной части полуострова; морейскіе альбанцы сражались то за турокъ, то за грековъ, смотря потому, что находили выгоднѣй для себя; ходили и особыми отрядами грабить селенія и города, страшно свирѣпствовали надъ беззащитнымъ греческимъ населеніемъ.

Раздраженный возстаніемъ Ѳомы Мухаммедъ, у котораго Димитрій

Новое нашествіе турокъ.

просилъ помощи противъ брата, велѣлъ правителямъ Θессаліи и Этоліи идти въ Морею, отнялъ должность у Омара, безпечности котораго приписывалъ успѣхъ возстанія Θомы, назначилъ на его мѣсто Ахмедъ-бея. Когда турецкое войско пошло съ сѣвера въ Морею (въ 1459 году), Θома осаждалъ Патры. Онъ просилъ помощи у Пія II и въ доказательство своихъ успѣховъ послалъ папѣ 16 плѣнныхъ турокъ. Это было во время мантуанскаго конгресса (стр. 55). Пій доказывалъ собравшимся на этотъ съѣздъ государямъ и посламъ, что возстаніе Θомы представляетъ большое удобство для крестоваго похода противъ турокъ, отправилъ въ Морею пламенное воззваніе, убѣждавшее грековъ всѣми силами помогать храброму защитнику вѣры Θомѣ, послалъ въ Морею нѣсколько сотъ человѣкъ итальянскихъ наемниковъ, которые стали подобно альбанцамъ грабить грековъ. Турки подошли къ Патрамъ, прогнали Θому; онъ ушелъ на югъ, сталъ отнимать у брата города въ Мессеніи, осадилъ Каламату. Затруднительность походовъ по горамъ задерживала успѣхи турокъ. Θома вступилъ въ переговоры съ Мухаммедомъ; но султанъ зналъ, что нельзя вѣрить клятвамъ этого коварнаго человѣка, что нельзя полагаться и на вѣрность Димитрія, потому хотѣлъ отнять всѣ владѣнія у обоихъ братьевъ. Когда турецкое войско шло съ сѣвера въ Морею, въ 1460 году, Димитрій послалъ на встрѣчу ему къ Коринѳу своего родственника Асана быть проводникомъ турокъ; турецкій главнокомандующій велѣлъ заковать въ цѣпи Асана и его свиту. Димитрій видѣлъ изъ этого, что султанъ не хочетъ пощадить его, и рѣшился обороняться въ Мистрѣ, стоявшей на неприступной скалѣ; но оробѣлъ и поѣхалъ въ станъ Мухаммеда, бросился къ ногамъ султана. Мухаммедъ принялъ его ласково, но сказалъ, что не можетъ оставить его государемъ, возьметъ съ собой въ Константинополь и дастъ ему владѣніе въ другой области; прибавилъ, что женится на его дочери. Жена и дочь Димитрія были отосланы имъ въ неприступный приморскій городъ Монемвасію (Мальвазію); онъ послалъ привезти ихъ въ турецкій станъ. Мануилъ Палеологъ, начальствовавшій войсками въ Монемвасіи, отпустилъ ихъ, но отказался сдать крѣпость туркамъ.

Осада Монемвасіи.

Монемвасія, стоявшая на скалистомъ островѣ у юговосточнаго берега Лаконіи, была тогда богатымъ торговымъ городомъ. Она получила въ XIV вѣкѣ отъ императора Андроника грамату, дававшую гражданамъ ея самоуправленіе; они хорошо пользовались своей свободой и достигли большого благосостоянія. Проливъ, отдѣлявшій городъ отъ морейскаго берега, дѣлалъ его безопаснымъ отъ турецкаго войска. Притомъ граждане надѣялись, что папа пришлетъ имъ помощь, согласились съ Мануиломъ Палеологомъ обороняться и отдались подъ покровительство папы. Пій прислалъ къ нимъ легата, принять отъ нихъ присягу на вѣрность; но помощи имъ не прислалъ.

Турки свирѣпствовали въ Морѣ такъ ужасно, что отсрочка по-

корности имъ должна была казаться отсрочкой погибели. Мухаммедъ шелъ по Морѣ, оставляя за собой груды развалинъ и труповъ. Если онъ и давалъ слово пощадить сдававшихся ему, онъ нарушалъ обѣщаніе. Гарнизонъ горной крѣпости Кастрицы, состоявшій изъ 300 человѣкъ, сдался послѣ геройской обороны, получивъ обѣщаніе пощады. Мухаммедъ велѣлъ перерѣзать всѣхъ сдавшихся ему. Жители города Леонтари ушли въ замокъ Гардику; взявъ его, янычары убили 6.000 человѣкъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей; они перерѣзали даже вьючныхъ животныхъ. Мухаммедъ шелъ по южной части Мореи; конница его грабила окрестности венеціанскихъ городовъ Модона, Корона, Наварина, убивала или уводила въ плѣнъ жителей Лаконіи и Мессеніи; Саганъ-паша истреблялъ греческое и альбанское населеніе сѣверной части Мореи. Гарнизонъ Калавриты сдался, получивъ обѣщаніе пощады, но былъ весь изрубленъ. Сантъ-Омеръ, куда сошлись окрестные жители, тоже сдался подъ условіемъ пощады; но всѣ сдавшіеся были убиты или отведены въ рабство. Турки, говоритъ Халкондилъ, рѣзали несчастныхъ жителей Мореи, какъ волки овецъ, покинутыхъ пастухами.

Опустошеніе Мореи.

Судьба Палеологовъ.

И дѣйствительно они были покинуты. Дмитрій не захотѣлъ сопротивляться, отдался подъ власть султана и жилъ съ женой и дочерью сначала въ Θивахъ, потомъ въ Эносѣ (при устьѣ Марицы); Θома уплылъ изъ Наварина на венеціанской галерѣ въ Корфу (туда уѣхалъ за нимъ Франца, историкъ этого ужаснаго времени). Но султану пришлось воевать еще цѣлый годъ, чтобы подавить сопротивленіе остатковъ погибающей націи. Одинъ изъ Палеологовъ геройски защищалъ горную крѣпость Сальменику; Гамза взялъ ее; султанъ лживыми обѣщаніями выманилъ фліасійскихъ альбанцевъ изъ горъ, коварно напалъ на нихъ, изрубилъ ихъ, и Морея въ 1461 году была наконецъ покорена. Когда султанъ ушелъ изъ нея, селенія и города были грудами пепла и развалинъ. Огромное большинство жителей было убито или уведено въ далекія области, лишь небольшой остатокъ ихъ скитался по горамъ. Мухаммедъ взялъ въ янычары 900 сильныхъ юношей. Скоро не осталось въ Греціи Палеологовъ. Дочь Димитрія, которую султанъ обѣщался взять, но не взялъ въ число своихъ женъ, умерла въ 1467 году въ Адріанополѣ отъ свирѣпствовавшей тогда эпидеміи. Димитрій печально жилъ въ монастырѣ и умеръ черезъ четыре года послѣ дочери. Θома жилъ въ Римѣ, получая содержаніе отъ папы. Младшій изъ его сыновей Мануилъ поступилъ на службу къ султану. Одна изъ его дочерей красавица, Зоя, или по другому имени Софія, умная и образованная дѣвушка, вышла за московскаго царя. Остальные Палеологи жили въ бѣдности и безвѣстности.

Покореніе герцогства аѳинскаго.

Около того времени, какъ султанъ отнялъ всѣ владѣнія у Палеологовъ, въ Морѣ было покорено турками герцогство аѳинское, остававшееся послѣднимъ изъ франкскихъ государствъ Греціи. Въ немъ

смѣнилось нѣсколько династій. Большая часть его государей происходили изъ арагонской династіи, царствовавшей въ Неаполѣ. Наконецъ, этимъ герцогствомъ, къ которому принадлежали и Ѳивы, владѣлъ Готье Бріэннъ; у него отнялъ государство отважный и умный флорентійскій вельможа Райнеріо (или Неріо) Аччаюоли, династія котораго и удержала за собою герцогство. Сначала эти герцоги были вассалами Венеціи, но въ 1395 году Антоніо Аччаюоли перешелъ подъ покровительство султана, сдѣлался его данникомъ. Герцогтство аѳинское пользовалось тогда благосостояніемъ. По смерти Антоніо (въ 1435 году) начались междоусобія; наконецъ, Неріо II одолѣлъ соперниковъ, купивъ себѣ покровительство султана обязательствомъ платить 30.000 дукатовъ дани. По его смерти въ 1453 году государствомъ стала править съ согласія султана мать его малолѣтняго сына, Кіара Джорджо. Она была женщина страстнаго темперамента, жила въ связи съ молодымъ венеціанскимъ вельможей Бартоломмео Контарини, сыномъ правителя Навпліи. Бартоломмео былъ женатъ; его жена оставалась въ Венеціи. По внушенію Кіары онъ убилъ ее; Кіара повѣнчалась съ нимъ и сдѣлала его своимъ соправителемъ. Но аѳиняне не хотѣли повиноваться иноземцу, пожаловались Мухаммеду. На службѣ султана находился и пользовался его милостью племянникъ умершаго герцога, Франко Аччаюоли. Мухаммедъ въ 1455 году назначилъ Франко герцогомъ аѳинскимъ. Франко арестовалъ, заперъ въ мегарскую темницу и черезъ нѣсколько времени убилъ Кіару. Бартоломмео Контарини жаловался на него султану; въ герцогствѣ шли раздоры. Мухаммедъ въ 1456 году велѣлъ Омару, сыну Турхана, присоединить аѳинское герцогство къ непосредственнымъ турецкимъ владѣніямъ. Франко заперся въ аѳинскомъ акрополѣ, нѣсколько времеии оборонялся, потомъ заключилъ договоръ, по которому сохранилъ всѣ свои сокровища и былъ оставленъ владѣтелемъ Ѳивъ. Турки знали, что Аѳины были нѣкогда знаменитымъ городомъ, и поступали съ аѳинянами довольно милостиво. Но въ Акрополѣ былъ поставленъ туреккій гарнизонъ; церковь Богоматери была обращена въ мечеть. Послѣ покоренія Мореи, Мухаммедъ на обратномъ пути въ Константинополь остановился на нѣкоторое время въ Аѳинахъ, услышалъ, что въ этомъ городѣ есть заговорщики, вошедшіе въ сношенія съ Франко, и что, надѣясь на ихъ поддержку, Франко задумалъ овладѣть Аѳинами. Справедливо или нѣтъ было это обвиненіе, но Мухаммедъ повѣрилъ ему и велѣлъ Саганъ-пашѣ убить Франко. Саганъ (въ 1460 году) вызвалъ Франко къ себѣ въ Морею, принялъ дружески, пригласилъ въ свой шатеръ обѣдать и послѣ пира велѣлъ янычарамъ убить его. Ѳиванская область была присоединена къ непосредственнымъ владѣніямъ султана.

b) ЗАВОЕВАНІЕ ТРАПЕЗУНТА; ВОЙНА СЪ УЗУНЪ-ГАСАНОМЪ.

Завоеваніе трапезунтской имперіи.

Вскорѣ послѣ того малоазійскія дѣла отвлекли султана отъ европейскихъ. Покоривъ генуэзскую колонію Амассеру (древній Сезамъ), Мухаммедъ обратилъ свои силы на Измаилъ-бега, владѣвшаго Синопомъ и заключившаго союзъ съ врагами Мухаммеда, Давидомъ, императоромъ трапезунтскимъ, и Узунъ-Гасаномъ, ханомъ туркменской орды Бѣлаго Барана. Мухаммедъ предложилъ Измаилу Филиппополь въ обмѣнъ за его царство; Измаилъ принужденъ былъ согласиться на обмѣнъ. Такимъ образомъ Мухаммедъ пріобрѣлъ всю землю отъ Гераклеи до Пафлагоніи; эта область имѣла богатые мѣдные рудники и давала другіе большіе доходы. Послѣ того Мухаммедъ пошелъ войной на Узунъ-Гасана. Это былъ сильный царь, покорившій значительную часть прежняго государства Тимурлена. Онъ владычествовалъ надъ Арменіей и Персіей и дѣлалъ теперь завоеванія дальше на востокѣ. Мухаммедъ принудилъ его просить мира и отказаться отъ союза съ Давидомъ, пошелъ на Трапезунтъ, осадилъ его съ суши и съ моря. Давидъ, овладѣвшій престоломъ чрезъ убійство племянника, скоро увидѣлъ необходимость покориться. Мухаммедъ обѣщалъ дать ему вмѣсто Трапезунта другое владѣніе. Онъ съ семействомъ и придворными пошелъ въ станъ Мухаммеда, просилъ султана взять его дочь въ число женъ и поплылъ съ своими сокровищами въ Константинополь. Такимъ образомъ Мухаммедъ овладѣлъ послѣднимъ остаткомъ византійской имперіи.

Трапезунтская имперія.

Съ того времени какъ Трапезунтъ сдѣлался резиденціей византійской династіи, въ немъ непрерывно шли волненія и перевороты. Слабые владѣтели, титуловавшіе себя императорами, угнетали подданныхъ, родственники составляли противъ нихъ заговоры; во дворцѣ происходили кровавыя сцены.—Вслѣдъ за Трапезунтомъ сдались туркамъ Керасунтъ и Месохальдій; всѣ мелкіе владѣтели горныхъ земель между Амисунтомъ и Грузіей покорились безъ сопротивленія пашѣ амасійскому, посланному принудить ихъ къ покорности. Судьба жителей Трапезунта была печальна, говоритъ Фальмерайеръ: Мухаммедъ дозволилъ только третьей части прежняго населенія остаться въ родной мѣстности, но велѣлъ имъ жить въ предмѣстьяхъ на берегу, а не въ самомъ городѣ. Изъ остальныхъ жителей онъ взялъ въ янычары здоровыхъ молодыхъ людей; самыхъ красивыхъ и сильныхъ онъ сдѣлалъ своими оруженосцами. Множество простолюдиновъ онъ роздалъ въ рабство своимъ воинамъ; другихъ послалъ въ Константинополь, чтобъ увеличить населеніе своей столицы. Въ городѣ Трапезунтѣ, то-есть въ мѣстности, окруженной стѣнами, Мухаммедъ поселилъ турокъ, поставилъ гарнизонъ въ цитадели.—Трапезунтская императорская фамилія погибла подобно другимъ греческимъ династіямъ. Мухаммедъ обѣщалъ Давиду другое владѣніе вмѣсто Трапезунта, но не исполнилъ обѣщанія и не взялъ его дочь въ число своихъ женъ. Давидъ съ семействомъ жилъ въ Адріанополѣ. Черезъ нѣсколько времени по его переселеніи туда было перехвачено письмо жены Узунъ-Гасана, племянницы

Давида, къ одному изъ ея родственниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ Давидомъ въ Андріанополѣ. Султану хотѣлось захватить сокровища Давида; онъ воспользовался этимъ письмомъ, обвинилъ Давида въ замыслѣ уѣхать въ Трапезунтъ и возстановить тамъ свою власть. Давидъ и все его семейство—семеро сыновей, дядя и племянникъ были въ цѣпяхъ привезены въ Константинополь, брошены въ темницу и убиты тамъ. Единственная дочь Давида была принуждена принять мусульманство и отдана въ жены правителю Македоніи. Супруга императора Елена мужественно смотрѣла на казнь мужа, сыновей и родныхъ, стерегла ихъ тѣла, брошенныя безъ погребенія, рыла по ночамъ могилы, погребла одно за другимъ всѣ тѣла, поселилась въ хижинѣ, вела тамъ отшельническую жизнь и скоро умерла. Былъ у Давида еще сынъ, съ дѣтства воспитанный въ мусульманствѣ; онъ уцѣлѣлъ одинъ изъ всего своего семейства. Вдова Алексія Комнена, дяди Давида, прекраснѣйшая изъ всѣхъ женщинъ того времени, была взята въ гаремъ султана, и сынъ ея пользовался его милостью. Сыновья вельможъ, привезенныхъ вмѣстѣ съ Давидомъ въ Адріанополь, исчезли въ толпѣ воиновъ и рабовъ султана, а дочери въ гаремахъ турецкихъ военачальниковъ.

Война въ Караманіи.

Погибель Давида и его семейства была ускорена опасностями для турецкаго владычества, возникшими въ Малой Азіи. Мухаммедъ опасался, что кто нибудь изъ трапезунтской династіи бѣжитъ въ ея прежнія владѣнія, подыметъ тамъ возстаніе, во время войны турокъ съ мусульманскими инсургентами. Эта война началась мятежемъ въ Караманіи. Въ 1463 году черезъ годъ по взятіи Трапезунта умеръ владѣтель Караманіи Ибрагимъ-бей, женатый на теткѣ Мухаммеда II. Наученный прежнимъ опытомъ, онъ находилъ невозможнымъ возставать противъ турецкаго султана, исполнялъ свои вассальскія обязанности, не слушая венеціанцевъ и папскихъ агентовъ, убѣждавшихъ его взяться за оружіе. По смерти Ибрагима старшій сынъ его Пиръ-Ахмедъ хотѣлъ отнять Киликію у Исхака, сына одной изъ наложницъ Ибрагима, который очень любилъ этого сына и далъ ему Киликію, какъ особое царство. Оба они обратились къ Мухаммеду съ просьбой о помощи. Онъ, пользуясь тѣмъ, что они передали ссору на его рѣшеніе, потребовалъ себѣ часть ихъ владѣній. Исхакъ не согласился на эту уступку, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Селефку (Селевкію). Вскорѣ послѣ того война съ венеціанцами отвлекла Мухаммеда отъ продолженія борьбы съ Исхакомъ. Но черезъ нѣсколько времени, султанъ увидѣлъ, что венеціанцы склоняютъ его малоазійскихъ вассаловъ къ возстанію, и рѣшилъ отнять всѣ владѣнія у Пиръ-Ахмеда.

Мухаммедъ пошелъ въ 1466 году съ большимъ войскомъ въ Караманію, взялъ Конію, а полководецъ его Махмудъ пошелъ на Караманъ (древнюю Ларанду). Исхакъ былъ разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи и бѣжалъ къ Узунъ-Гасану, овладѣвшему Сивасомъ, Эрзерумомъ, Діарбекромъ. Мухаммедъ присоединилъ Караманію къ своимъ непосредственнымъ владѣніямъ, назначилъ намѣстникомъ въ

ней Махмуда-пашу и велѣлъ переселить множество народа изъ Караманіи въ Константинополь или въ дальнія области. Махмудъ старался смягчать суровыя приказанія султана; Мухаммедъ отнялъ у него должность и назначилъ правителемъ Караманіи Мустафу, своего третьяго сына.

При объявленіи гнѣва султана Махмуду-пашѣ была исполнена символическая церемонія, которая послѣ того повторялась при подобныхъ случаяхъ: Махмудъ былъ поставленъ въ шатрѣ, подпоры шатра были вырваны, и онъ упалъ на Махмуда. Это значило, что немилость султана падаетъ на голову его. Вдова Исхака нѣсколько времени оборонялась въ Селефкѣ. Большая часть населенія Коніи и Карамана, главныхъ городовъ покореннаго царства, была переселена въ Константинополь. Одна изъ частей Константинополя до сихъ поръ называется Аксераемъ; это названіе было дано ей потому, что туда были переселены всѣ зажиточные жители караманскаго города Аксерая.

Война съ Узунъ-Гасаномъ.

По завоеваніи караманскаго царства турецкія владѣнія расширились до западной границы царства Узунъ-Гасана, владѣвшаго большею частью Персіи и Арменіи. Узунъ-Гасанъ былъ внукъ Кара-Юлука, служившаго проводникомъ войскъ Тимурлена на западъ и получившаго за то большія владѣнія. Узунъ-Гасанъ расширилъ ихъ такъ, что его царство простиралось отъ Тавра до степей на востокѣ Аму Дарьи; онъ отнялъ Адзербейджанъ и Месопотамію у хана туркменской орды Чернаго барана, одного изъ потомковъ Кара-Юсуфа (VIII, 542), и убилъ этого хана; онъ разбилъ Абу-Саида, одного изъ внуковъ Тимурлена, и отсѣкъ ему голову;—хитростью отнялъ Хорасанъ у Гусейна, одного изъ правнуковъ Тимурлена. Возгордившись своими удачами онъ полагалъ, что можетъ побѣдить Мухаммеда, жалѣлъ теперь о томъ, что не помѣшалъ ему овладѣть Синопомъ и Трапезунтомъ, былъ раздраженъ убійствомъ Давида и его родственниковъ, съ которыми былъ въ родствѣ по своей женѣ. Онъ дружески принялъ Исхака и другихъ сыновей Ибрагима, бѣжавшихъ къ нему, и возбуждалъ къ возстанію народъ Караманіи, тяготившійся суровымъ турецкимъ владычествомъ; онъ послалъ Мухаммеду письма, въ которыхъ рѣзко порицалъ казнь Давида и его родныхъ; требовалъ себѣ Трапезунта и Каппадокіи, которыя, какъ онъ говорилъ, принадлежатъ по наслѣдству его женѣ; Мухаммедъ отвѣчалъ Узунъ-Гасану упреками за сношенія съ западными христіанами, за покровительство Исхаку и его братьямъ. Эта переписка служила предисловіемъ къ войнѣ.

Узунъ-Гасанъ началъ войну въ 1472 году тѣмъ, что пошелъ въ Караманію; съ нимъ были Исхакъ и другіе сыновья прежняго караманскаго царя; онъ оттѣснилъ турокъ до Коніи, подступилъ къ Токату; гарнизонъ этого города былъ слабъ; Узунъ-Гасанъ взялъ, разграбилъ и разрушилъ Токатъ. Мухаммедъ, осаждавшій тогда Ску-

тари, пошелъ въ Малую Азію и снова назначилъ великимъ везиремъ лучшаго своего полководца Махмудъ-пашу. Пока султанъ шелъ въ Азію, сынъ его Мустафа, управлявшій Караманіей, началъ по приказанію отца наступательныя дѣйствія и 18 августа разбилъ Узунъ-Гасана; лучшіе полководцы туркменскаго хана были убиты въ этомъ сраженіи. Мустафа послалъ плѣнныхъ въ Константинополь; Мухаммедъ велѣлъ отрубить имъ головы. Но Пиръ-Ахмедъ и другой сынъ Ибрагима Касимъ уцѣлѣли; Пиръ-Ахмедъ возвратился къ Узунъ Гасану; Касимъ пришелъ къ Селефку и вступилъ въ сношенія съ Мочениго, адмираломъ венеціанскаго флота, находившагося тогда у береговъ Малой Азіи. При помощи Мочениго онъ держался въ Киликіи, пока Мухаммедъ, побѣдивъ Узунъ-Гасана, обратилъ свои главныя силы на него.

Битва при Терджанѣ 1473.

Слѣдующей весной Мухаммедъ, при которомъ находились его сыновья Мустафа и Баезидъ, переправился въ Малую Азію, сдѣлалъ близъ Сиваса смотръ своему многочисленному войску и пошелъ къ Эвфрату, на берегу котораго стоялъ Узунъ-Гасанъ въ крѣпкой позиціи между рѣкой и горами. Намѣстникъ румелійскій Мурадъ-паша (ренегатъ, потомокъ Палеологовъ) сдѣлалъ неосторожность: не послушавшись совѣта Махмудъ-паши, онъ повелъ далеко впередъ отрядъ конницы, которымъ начальствовалъ; туркмены притворнымъ отступленіемъ заманили его въ засаду, онъ былъ убитъ; вся конница его была или истреблена или взята въ плѣнъ. Въ числѣ плѣнныхъ находился Омаръ-паша, о которомъ мы говорили, разсказывая войну въ Морею. Сильная артиллерія Мухаммеда, поставленная на берегу Эвфрата, дала турецкому войску возможность перейдти рѣку, и 26 іюля въ ужасной битвѣ близъ Терджана Мухаммедъ нанесъ Узунъ-Гасану рѣшительное пораженіе. Центрами войскъ командовали сами султаны, крыльями ихъ сыновья. Числительность обоихъ войскъ была одинакова, но османы были сильнѣе туркменовъ артиллеріей. Побѣда долго колебалась; одинъ изъ сыновей Узунъ-Гасана Сейнель былъ убитъ. Мухаммедъ повелъ въ битву свой громадный резервъ, состоявшій изъ 70.000 янычаръ, имѣвшій 20 пушекъ; этимъ была рѣшена побѣда; туркменское войско обратилось въ бѣгство, бросивъ свой станъ и обозъ. Мухаммедъ велѣлъ убить всѣхъ плѣнныхъ, пощадилъ только нѣсколькихъ ученыхъ, находившихся въ походѣ съ Узунъ-Гасаномъ, который любилъ ученые разговоры и всегда бралъ ученыхъ въ свою походную свиту. Мухаммедъ три дня стоялъ на полѣ битвы. Турки взяли въ станѣ Узунъ-Гасана громадную добычу, большія массы золота и серебра, много прекрасныхъ лошадей. Узунъ-Гасанъ съ остатками войска ушелъ въ Тавризъ, Мухаммедъ пошелъ въ Караманію, взявъ съ собой 3.000 плѣнныхъ туркменовъ и на каждой изъ семи стоянокъ по пути къ Шабинъ-Карагиссару отрубалъ головы нѣсколькимъ сотнямъ этихъ плѣнниковъ. Карагиссаръ былъ

очень сильной крѣпостью, но туркменскій комендантъ сдалъ его безъ сопротивленія; султанъ наградилъ его за хорошій примѣръ, который показалъ онъ другимъ. Комменданты другихъ караманскихъ крѣпостей послѣдовали хорошему примѣру; сдались Мухаммеду и крѣпости на скалахъ киликійскаго приморья. Пиръ-Ахмедъ заперся съ своими женами и сокровищами въ замкѣ Минанѣ и отчаянно оборонялся. Когда турки ворвались въ замокъ, Пиръ-Ахмедъ бросился со стѣны въ пропасть, на краю которой стоялъ Минанъ. Турецкое войско потерпѣло въ этой войнѣ большія потери, и одинъ изъ сыновей Мухаммеда, храбрый Мустафа, умеръ въ Коніи отъ чрезмѣрныхъ трудностей похода, разстроившихъ его здоровье.

Казнь Махмуда-паши.

Великій везирь Махмудъ-паша, искусный полководецъ, вновь навлекъ на себя гнѣвъ султана тѣмъ, что давалъ ему совѣты, несогласные съ его мыслями. Возвратившись въ Константинополь, Мухаммедъ казнилъ Махмуда-пашу. Сынъ грека и иллиріанки, онъ былъ въ дѣтствѣ насильно обращенъ въ мусульманство, былъ человѣкъ образованный, покровительствовалъ наукамъ, дѣлалъ сооруженія, полезныя для торговли и земледѣлія. Турки осуждали султана за казнь Махмуда-паши, и сохранился народный разсказъ, выражающій чувство негодованія на Мухаммеда за его казнь.

Смерть Узунъ-Гасана.

Побѣдой при Терджанѣ было довершено покореніе Малой Азіи. Мухаммедъ велѣлъ праздновать по всему царству это торжество и далъ свободу 40.000 невольниковъ. Онъ могъ теперь обратить всѣ свои силы на западныхъ народовъ. Онъ назначилъ великимъ вождемъ Кедюкъ-Ахмеда, а намѣстникомъ Караманіи своего сына Джема, красиваго и образованнаго 16 лѣтняго юношу. Вражда къ турецкому игу оставалась въ Караманіи; потомки прежней династіи возбуждали тамъ временами возстанія. Но въ 1478 году умеръ опаснѣйшій противникъ Мухаммеда Узунъ-Гасанъ, и могущество орды Бѣлаго барана рушилось. Сыновья Узунъ-Гасана воевали между собой и съ сосѣдами; семь сыновей и семь внуковъ его погибли или въ сраженіяхъ, или отъ убійцъ, или отъ яда. Области царства Узунъ-Гасана были волнуемы междоусобіями, пока наконецъ Шахъ-Измаилъ, владѣтель Тавриза, побѣдилъ потомковъ Узунъ-Гасана и основалъ новоперсидское царство. Онъ разбилъ двухъ послѣднихъ потомковъ Узунъ-Гасана въ битвѣ при Надживанѣ въ 1501 году и при Гамаданѣ въ 1502 году. Оба они бѣжали изъ областей прежняго своего царства. Персидская династія, основателемъ которой былъ Шахъ-Измаилъ, называется Софи.

Покореніе Крыма 1475.

По взятіи Амассеры было ясно, что генуэзскій городъ Кафа скоро будетъ взятъ турками. Онъ былъ отрѣзанъ отъ всякой помощи; въ немъ происходили раздоры; правительство его впутывалось въ войны между татарскими ханами. Кедюкъ-Ахмедъ въ 1475 приплылъ овладѣть Кафой; у него было 300 кораблей и большое войско. Онъ осадилъ Кафу съ моря и съ суши и бомбардировалъ ее непрерывно че-

тыре дня и четыре ночи. Городъ сдался ему; онъ обѣщалъ жителямъ безопасность жизни и собственности, но казнилъ многихъ богатыхъ торговцевъ, взялъ въ янычары 1.500 генуэзскихъ юношей и отослалъ въ Константинополь 40.000 другихъ жителей Кафы; нѣкоторые изъ нихъ на пути бѣжали въ Килію, городъ, принадлежавшій воеводѣ молдавскому; Мухаммедъ отнялъ у него за это Аккерманъ. Турки нашли въ Кафѣ громадную добычу, въ особенности было много тамъ персидскихъ и индійскихъ шелковыхъ тканей; все это было отдано на разграбленіе войску. Потомъ турки взяли и разграбили другія генуэзскія колоніи Менкубъ и Тану (Азовъ). Крымскій ханъ сталъ вассаломъ турецкаго султана.

с) ВОЙНА ВЪ АРХИПЕЛАГѢ И НА НЕГРОПОНТЕ.

Турецкій флотъ.

Турки уже давно пытались пріобрѣсти владычество на морѣ и воевали съ венеціанцами; но венеціанское правительство посылало на востокъ сильные флоты, и турки принуждены были заключать договоры, по которымъ венеціанцы сохраняли всѣ острова, принадлежавшіе имъ. Взявъ Константинополь и покоривъ Морею, Мухаммедъ рѣшился увеличить свой флотъ, понимая, что безъ владычества на морѣ нельзя ему удержать подъ своей властью Морею и западный берегъ Греціи.

По взятіи Константинополя франкскіе владѣтели Имброса, Лемноса, Хіоса, Лесбоса прислали султану подарки, обязались платить ему дань. Большая часть острововъ Архипелага принадлежала герцогу наксосскому Джовани и Криспо, вассалу Венеціи. По миру, заключенному съ венеціанцами, Мухаммедъ призналъ его герцогомъ Архипелага. Но іоанниты, владѣвшіе Родосомъ, находили несовмѣстнымъ съ своими рыцарскими обѣтами платить дань мусульманину; ихъ послы привезли ему подарки, предлагали миръ, но не согласились признать Родосъ подвластнымъ ему. Онъ обидѣлся и рѣшился овладѣть этимъ островомъ. Моряки южнаго берега Малой Азіи, издавна занимавшіеся пиратствомъ, поплыли въ 1465 году по приказанію султана грабить берега Коса и Родоса, а самъ султанъ снаряжалъ въ галлипольской гавани большой флотъ, и слѣдующей весной послалъ его подъ начальствомъ Гамзы-паши покорить Родосъ. Когда Гамза приплылъ къ Лесбосу, владѣтель этого острова, генуэзскій вельможа Гателузіо, плативній султану 3.000 дукатовъ дани, опасался, что турки отнимутъ у него власть, послалъ Дуку съ богатыми подарками къ турецкому главнокомандующему. Гамза удовлетворился ими и поплылъ дальше. Жители Хіоса поступили менѣе осторожно; они тоже платили дань султану, но, надѣясь на сильныя укрѣпленія своего города и гавани, ослушались приказаній Гамзы-паши. На турецкомъ флотѣ находился галацкій купецъ, генуэзецъ Драперъ, говоривній, что Хіосъ долженъ заплатить ему 40.000 дукатовъ за купленные у него квасцы. Жители Хіоса отвѣчали, что это требованіе несправедливо. Гамза сказалъ имъ, что султанъ призналъ искъ Драпера правильнымъ; но они остались при своемъ отказѣ и приняли мѣры обороны. Гамза сдѣлалъ высадку, опустошилъ сады, виноградники, ограбилъ селенія, захватилъ и увезъ двухъ гражданъ, принадлежавшихъ къ вельможеской фамиліи Кирико Джустини; но, не имѣя при себѣ осадной артиллеріи, онъ не могъ взять города Хіоса. Недостатокъ артиллеріи не далъ ему пріобрѣсти никакихъ успѣховъ и при высадкахъ на Косъ и Родосъ. На обратномъ пути онъ хотѣлъ снова сдѣлать высадку на Хіосъ, но былъ отраженъ и потерялъ одну изъ своихъ галеръ. Мухаммедъ отнялъ у него начальство надъ флотомъ, послалъ его намѣстникомъ въ Памфилію. Раздраженный ослушаніемъ жителей Хіоса, султанъ купилъ у Драпера его искъ, чтобъ имѣть предлогъ для новаго нападенія на Хіосъ. Начальникъ турецкаго флота Юнисъ-бегъ поплылъ въ Архипелагъ искать случаевъ для покоренія или грабежа острововъ.

Желая овладѣть островами Архипелага и Малой Азіи, Мухаммедъ дѣйствовалъ сначала коварствами, потомъ перешелъ къ открытой войнѣ, результатомъ которой было уничтоженіе итальянской торговли съ Левантомъ и опустошеніе франкскихъ владѣній, погибель благосостоянія острововъ. Владѣтели ихъ платили дань султану, всячески уклонялись отъ ссоръ съ нимъ, но это не помогало ничему. Тотъ Гателузіо, который призналъ себя данникомъ султана, умеръ. Сынъ его Доменико, наслѣдовавшій отъ отца Лесбосъ, нѣкоторые другіе острова и часть прибрежья Малой Азіи противъ острова Лесбоса, всячески старался угодить султану; но Мухаммедъ требовалъ увеличенія дани, довелъ ее до размѣра, превышавшаго возможность уплаты; турки въ 1456 году напали на городъ Новую Фокею, принадлежавшій къ лесбосскому государству, ограбили жителей, увели нѣсколько сотъ дѣвушекъ и молодыхъ людей въ подарокъ султану, поставили въ городѣ гарнизонъ, потомъ ограбили и заняли своимъ гарнизономъ Старую Фокею, тоже принадлежавшую Гателузіо. Около того же времени они овладѣли Ѳазосомъ, Имбросомъ, Самоѳракіей. Въ 1457 году Мухаммедъ отнялъ городъ Эносъ у прежняго владѣтеля, генуэзскаго вельможи Доріи. (Впослѣдствіи султанъ отдалъ этотъ городъ Димитрію Палеологу, низложенному владѣтелю Мореи). Жители Хіоса принуждены были два раза уплатить большой денежный штрафъ за ту галеру, которая погибла при неудачной попыткѣ Гамзы сдѣлать высадку. Кромѣ того Мухаммедъ велѣлъ платить имъ вмѣсто 6.000 дукатовъ дани 10.000. Ссоры между франками помогали султану порабощать ихъ. Жители Лемноса отказали въ повиновеніи Гателузіо, которому были подвластны, и отдались подъ покровительство султана. Франки не получали почти никакой помощи съ запада. Временами

появлялись въ Архипелагѣ или у береговъ Малой Азіи итальянскія или испанскія эскадры, но онѣ были слабы и только ухудшали положеніе франковъ, раздражая султана.

Покореніе Лесбоса 1462.

Нѣсколько лѣтъ Мухаммедъ ограничивался мелкими враждебными дѣйствіями противъ государей Малоазіатскихъ острововъ и Архипелага. Войны на Дунаѣ мѣшали ему заняться покореніемъ ихъ. Когда войска его стали свободны, онъ рѣшилъ покорить Лесбосъ. Герцогъ Доменико былъ убитъ своимъ братомъ Никколо. Новый герцогъ ужь и прежде выказывалъ себя врагомъ туркъ; старался помѣшать имъ овладѣть Лемносомъ. Убивъ брата и захвативъ власть, онъ сталъ покровительствовать морскимъ разбойникамъ, пускалъ ихъ корабли въ лесбосскія гавани; они за это дѣлились съ нимъ добычей. Такимъ образомъ онъ самъ подалъ Мухаммеду предлогъ для войны. Въ 1462 султанъ послалъ къ Лесбосу большой флотъ съ многочисленнымъ войскомъ и осадной артиллеріей. Никколо надѣялся на прочность стѣнъ города Лесбоса, на мужество гражданъ и своихъ войскъ, отказался покориться. Турки осадили городъ Лесбосъ; крѣпкія стѣны его нѣсколько недѣль выдерживали бомбардировку изъ громадныхъ мортиръ и пушекъ. Наконецъ турки взяли Лесбосъ. Герцогъ упалъ къ ногамъ султана, прося помилованія; Мухаммедъ сказалъ, что дастъ ему другое владѣніе, и отослалъ его въ Константинополь; съ гражданами Лесбоса и воинами, защищавшими его, султанъ поступилъ безпощадно. Онъ велѣлъ перепилить пополамъ 300 корсаровъ, захваченныхъ въ плѣнъ; жителей города Лесбоса онъ раздѣлилъ на три части, бѣднѣйшимъ дозволилъ остаться въ городѣ, людей зажиточныхъ отдалъ въ рабы янычарамъ; изъ дѣтей знатныхъ семействъ онъ взялъ въ сераль 800 мальчиковъ и дѣвушекъ. Никколо Гателузіо надѣялся спасти свою жизнь принятіемъ ислама; но Мухаммедъ считалъ надобнымъ истреблять прежнихъ франкскихъ владѣтелей; потому велѣлъ задушить Никколо и его родственника Луккино.

Война съ Венеціей.

Венеціанцы не послали помощи Лесбосу, уклоняясь отъ войны съ Мухаммедомъ, который постоянно увеличивалъ свой флотъ и въ 1463 году сильно укрѣпилъ константинопольскую гавань, потомъ сталъ укрѣплять Дарданеллы. Видно было, что онъ хочетъ пріобрѣсти владычество на морѣ; и при всемъ желаніи венеціанцевъ уклониться отъ войны, она была неизбѣжна. Пій II, принесенный на носилкахъ въ Анкону и посвящавшій свои исчезающія силы заботамъ о снаряженіи экспедиціи противъ туркъ, имѣлъ передъ смертью радость видѣть изъ окна своей комнаты венеціанскій флотъ, плывущій отнять у туркъ греческіе острова и Морею.—Пій II, какъ мы говорили, во все время своего первосвященничества усердно хлопоталъ о крестовомъ походѣ, но всѣ усилія его и кардинала Виссаріона оставались напрасны, и вѣроятно въ минуту безнадежности было написано имъ то письмо къ Мухаммеду, въ которомъ онъ убѣждалъ султана принять христіанство. Венеціанское правительство подобно всѣмъ другимъ оставляло безъ вниманія хлопоты папы о крестовомъ походѣ; оно знало, что Венеція имѣетъ въ Италіи много завистниковъ, желающихъ, чтобы она истощила свои силы въ войнѣ съ турками, что этого желаютъ въ особенности флорентійцы, надѣющіеся пріобрѣсти преобладаніе въ торговомъ мірѣ, при упадкѣ могущества Венеціи. По этимъ соображеніямъ, венеціанцы не сопротивлялись завоеванію Мореи, герцогства аѳинскаго, малоазійскихъ острововъ. Но весной 1463 года вспыхнула война, отъ которой они уклонялись. Поводомъ къ ней послужило то, что невольникъ аѳинскаго паши, похитившій деньги своего господина, нашелъ убѣжище себѣ въ венеціанскомъ городѣ Коронѣ. Паша въ отмщеніе за покровительство ему напалъ на Аргосъ, принадлежавшій венеціанцамъ, и овладѣлъ этимъ городомъ. Венеціанское правительство колебалось отвѣчать военными мѣрами на это нарушеніе мира, но глава партіи, хотѣвшей войны, Витторе Копелло увлекъ синьорію красновѣчивымъ разъясненіемъ вреда слишкомъ миролюбивой политики. Венеціанцы заключили союзъ съ папой и королемъ венгерскимъ, увеличили свой флотъ, находившійся на востокѣ подъ начальствомъ Луиджи Лоредано, возбуждали жителей южной Альбаніи возстать противъ туркъ, говорили Скандербегу, что миръ, заключенный имъ съ Мухаммедомъ, не обязателенъ для него, потому что обѣщанія, даваемыя невѣрнымъ, не имѣютъ силы. При содѣйствіи Бертольдо Эсте, начальствовавшаго войскомъ, присланнымъ въ Морею, Лоредано взялъ Аргосъ, осадилъ Коринѳъ, возстановилъ разрушенныя укрѣпленія Истма. Но турецкое войско пришло на помощь коринѳскому гарнизону; одновременно съ его нападеніемъ на осаждающихъ (4 октября 1463) гарнизонъ сдѣлалъ вылазку. Бертольдо былъ убитъ, венеціанское войско потерпѣло пораженіе. Махмудъ-паша пошелъ съ сѣвера въ Морею; при его приближеніи венеціанцы покинули свои укрѣпленія на Истмѣ и ушли въ Навплію. Война продолжалась такъ же неудачно для венеціанцевъ, какъ началась. Слѣдующей весной они послали въ греческія моря большой флотъ съ дессантнымъ войскомъ. (Это былъ тотъ флотъ, который плылъ мимо Анконы, когда умиралъ тамъ Пій II); но они не одержали успѣховъ ни въ Мореѣ, ни у Лесбоса, ни въ Дарданеллахъ. Осенью Малатеста, начальникъ сухопутнаго ихъ войска, осадилъ Мистру, но былъ разбитъ конницей Омара. Видно было, что венеціанцы потеряютъ всѣ свои владѣнія въ Мореѣ. Новый папа Павелъ II, подобно Пію II, хлопоталъ о крестовомъ походѣ, пригласилъ въ 1465 году итальянскія правительства прислать уполномоченныхъ на конгрессъ въ Римъ, убѣждалъ ихъ дать денегъ на снаряженіе экспедиціи противъ туркъ; они обѣщались, но дѣло кончилось тѣмъ же, какъ прежде при Піѣ II: обѣщанія не исполнялись. Флорентійцы и генуэзцы искали дружбы султана, чтобы вытѣснить

венеціанцевъ изъ торговли съ Левантомъ. Король неаполитанскій велъ переговоры съ Мухаммедомъ, любезно принялъ турецкое посольство, пріѣхавшее въ Неаполь; герцогъ миланскій взялъ подарки, присланные ему султаномъ. Хитрый Мухаммедъ дѣйствовалъ такъ ловко, что венеціанцы не получили помощи отъ другихъ итальянскихъ правительствъ. Скандербегъ успѣшно отражалъ нападенія полководцевъ Мухаммеда, отразилъ и самого султана, принялъ венеціанскіе гарнизоны въ Крою и Скутари. Витторе Капелло, назначенный начальникомъ флота на мѣсто Лоредано, удачно сражался съ турецкими эскадрами у береговъ Негропонте. Но эти успѣхи были маловажны сравнительно съ пораженіемъ венеціанскаго флота и войска близъ Патръ въ мартѣ 1467. Начальникъ сухопутнаго войска Джакопо Барбериго былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ мутительной смерти. Капелло былъ такъ опечаленъ своимъ пораженіемъ, что занемогъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Нѣсколько раньше Капелло умеръ Скандербегъ. Венеціанская торговля страдала отъ войны; доходы правительства уменьшились при упадкѣ торговли; венеціанцы желали заключить миръ, но Мухаммедъ отвергъ ихъ предложенія. Война продолжалась; но и турки и венеціанцы уклонялись отъ рѣшительной битвы.

Покореніе Негропонте.

Новый начальникъ венеціанскаго флота Никколо Канале напалъ на Эносъ, убилъ жителей, ограбилъ и сжегъ городъ. Раздраженный султанъ быстро увеличилъ свой флотъ и въ 1469 году у Тенедоса собралось около ста турецкихъ кораблей. Этотъ флотъ прогналъ венеціанскія эскарды изъ восточной части греческихъ морей, и въ 1470 году турки напали на Негропонте, главное владѣніе венеціанцевъ. Канале имѣлъ только 35 галеръ, у турокъ было въ три раза больше кораблей; они вытѣснили венеціанскій флотъ изъ пролива между материкомъ и Негропонте, высадили на островъ больше 70.000 человѣкъ, потомъ построили черезъ проливъ мостъ, по которому перешелъ на островъ султанъ съ другихъ большимъ войскомъ. Онъ осадилъ главную крѣпость острова, называвшуюся Негропонте, (по ея имени и назывался островъ). Войсками въ крѣпости начальствовали Паоло Эриццо, Луиджи Кальбо, Джованни Бадоаро, люди мужественные; укрѣпленія города были сильны. Въ іюнѣ и въ іюлѣ султанъ сдѣлалъ нѣсколько штурмовъ, всѣ они были отбиты. Если бы Канале имѣлъ отвагу напасть на турецкій флотъ и мостъ, то можетъ быть островъ остался бы за венеціанцами. Но адмиралъ отвергалъ всѣ убѣжденія своихъ помощниковъ; не подѣйствовали на него и сигналы, которыми осажденные сообщали ему, что нуждаются въ немедленной помощи. Онъ говорилъ, что не можетъ сдѣлать нападенія, пока не получитъ подкрѣпленій. Мухаммедъ узналъ отъ измѣнниковъ, въ какихъ мѣстахъ стѣны города слабы, и 11 іюля повелъ на приступъ все свое войско, обѣщавъ богатую добычу воинамъ. Осажденные геройски оборонялись весь день; старики, дѣти, женщины помогали гарнизону, Къ вечеру турки ворвались въ ворота; битва продолжалась на улицахъ, поперекъ которыхъ были протянуты цѣпи. Болѣе 6.000 христіанъ было убито; въ числѣ ихъ находились и всѣ три коменданта. Дочь Эриццо не захотѣла быть наложницей султана; онъ велѣлъ изрубить ее. Турки пошли по всему острову, убивали всѣхъ итальянцевъ, а грековъ увозили въ Константинополь на продажу въ рабство. Войско Мухаммеда было утомлено осадой Негропонте. Благодаря тому, венеціанцы имѣли время послать подкрѣпленія своимъ флоту и войскамъ. Народъ негодовалъ на робость Канале; онъ былъ преданъ суду; его другъ, знаменитый ученый Франческо Филельфо, краснорѣчиво защищалъ его, но онъ былъ найденъ виновнымъ и осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ венеціанскаго государства. Начальникомъ флота былъ назначенъ Піэтро Мочениго, опытный морякъ.

Возстаніе Караманіи и война съ Узунъ-Гасаномъ отвлекли Мухаммеда въ Азію; благодаря тому, Мочениго нѣсколько времени не допускалъ турокъ дѣлать новыя завоеванія. Въ 1471 году Сикстъ IV, и Фердинандъ, король неаполитанскій, послали нѣсколько кораблей на помощь венеціанцамъ, такъ что число галеръ во флотѣ Мочениго увеличилось до 85. Онъ теперь былъ сильнѣе турокъ на морѣ, крейсировалъ по Эгейскому морю, дѣлалъ высадки на берегу Киликіи и Памфиліи, помогая караманцамъ, напалъ въ 1472 на Смирну, въ которой почти не было турецкихъ войскъ, отразилъ турецкій отрядъ, пришедшій на помощь слабому гарнизону, разрушилъ городъ, дѣлалъ потомъ высадки въ другихъ мѣстностяхъ. Въ слѣдующемъ (1473) году Мухаммедъ пошелъ изъ Караманіи на Узунъ-Гасана, и венеціанцы продолжали одерживать успѣхи. Отважный сицилійскій военачальникъ Антоніо напалъ съ небольшимъ отрядомъ на Галлиполи, сжегъ арсеналъ, въ которомъ находились огромные запасы военныхъ принадлежностей, и погибъ со всѣми своими товарищами. Венеція была изнурена войной. Недостатокъ денегъ на войну принудилъ венеціанцевъ дѣйствовать съ такимъ же варварствомъ какъ турки, дѣлать высадки для грабежа, продавать плѣнныхъ въ рабство. Мухаммедъ возвратился въ Европу, напалъ на венеціанскія владѣнія въ Альваніи; турецкіе отряды ходили грабить восточную часть итальянскихъ владѣній Венеціи. Населеніе этихъ областей отвыкло отъ военнаго дѣла; но теперь наемныя войска были недостаточны для защиты границъ, венеціанское правительство принуждено было сформировать милицію изъ итальянскихъ своихъ подданныхъ. Въ 1477 году турки взяли венеціанскіе окопы по берегу Изонцо, ворвались въ области по рѣкамъ Тальяменто и Піаве, опустошали ихъ огнемъ и мечомъ, сожгли сто селеній. Одинъ изъ венеціанскихъ писателей того времени, Сабеллико, говоритъ, что съ башень замка, стоявшаго на Піаве, вся

окрестность представлялась огненнымъ моремъ. Собравъ свои силы, венеціанцы прогнали турокъ въ Крайну и въ Истрію; но въ слѣдующемъ году турки снова пришли на Изонцо, и страна подверглась новому опустошенію.

Константинопольскій миръ 1479.

Болѣе 15 лѣтъ венеціанцы воевали съ Мухаммедомъ; ихъ торговля была уничтожена, государственные доходы уменьшились; турки осаждали венеціанскіе города на альбанскомъ берегу, опустошали венеціанскія владѣнія въ Далмаціи, грабили даже восточную часть итальянскихъ владѣній республики; турецкій флотъ готовился отнять у Венеціи послѣднія владѣнія на востокѣ. Въ Венеціи свирѣпствовала эпидемія, такая ужасная, что большинство вельможъ уѣхало изъ города; миръ былъ необходимъ для венеціанцевъ; они отправили государственнаго секретаря Джованни Даріо съ неограниченными полномочіями въ Константинополь; султанъ потребовалъ, чтобы Венеція отказалась отъ Скутари, Крои, Лемноса, Негропонте и Майны (горной части южной Лаконіи), чтобъ она платила каждый годъ 10.000 дукатовъ за право торговли въ турецкомъ государствѣ и уплатила 150.000 дукатовъ, которые была должна она Мухаммеду, какъ онъ говорилъ. Даріо согласился на все, и 26 января 1479 былъ подписанъ въ Константинополѣ миръ между султаномъ и венеціанцами. При всей обременительности условій этого договора онъ былъ благотворенъ для Венеціи: за ней остались нѣкоторыя владѣнія въ Морeѣ и на восточномъ берегу Адріатическаго моря; она могла возобновить свою торговлю въ восточной части Средиземнаго моря и пріобрѣла право имѣть независимый судъ для своихъ купцовъ въ Константинополѣ. Защитники осажденнаго Скутари получили свободный пропускъ со всѣмъ своимъ имуществомъ; правительство поселило ихъ въ другихъ мѣстностяхъ и дало имъ награды. Антоніо Лецце, начальникъ скутарійскаго гарнизона, обвиняемый въ безпечности, былъ сосланъ на десять лѣтъ въ Капо д'Истрію. Въ Венецію пріѣхалъ турецкій посланникъ и поднесъ Джованни Мочениго, бывшему теперь дожемъ, подарокъ султана, поясъ, украшенный дорогими каменьями. Піэтро Веттури, храбрый защитникъ Крои, находившійся въ плѣну у турокъ и получившій теперь свободу, былъ назначенъ венеціанскимъ баило (правителемъ и судьей венеціанской колоніи) въ Константинополѣ.

---

3. Послѣдніе годы царствованія Мухаммеда II.

Многіе въ западной Европѣ порицали венеціанцевъ за ихъ примиреніе съ султаномъ; въ особенности негодовалъ на нихъ папа, называлъ ихъ трусами, предателями христіанства; но венеціанцы могли справедливо упрекать другихъ западныхъ христіанъ, не помогавшихъ

имъ. Король неаполитанскій даже вступалъ нѣсколько разъ въ соглашенія съ Мухаммедомъ, а Сикстъ IV, союзникъ короля, держалъ себя относительно венеціанцевъ такъ коварно, что они отозвали своего посланника изъ Рима. Черезъ нѣсколько времени другія христіанскія государства стали дѣлать то, за что теперь осуждали Венецію и даже вступать въ союзъ съ турками.

Покореніе іонійскихъ острововъ турками 1480.

Мухаммедъ скоро показалъ, что миръ съ Венеціей не остановитъ расширеніе турецкаго царства на западъ. Іонійскіе острова Санта-Мавра, Занте и Кефалонія принадлежали тогда владѣтелю Арты, неаполитанскому вельможѣ Леонардо Токко, имѣвшему титулъ герцога левкадскаго. О немъ не упоминалось въ договорѣ Мухаммеда съ венеціанцами, но онъ, надѣясь, что Венеція не пуститъ турецкій флотъ въ Іонійское море, пересталъ платить султану дань, которую платили его предки. Въ 1480 году великій везирь Кедюкъ-Ахмедъ поплылъ съ сильнымъ флотомъ къ Іонійскимъ островамъ. Леонардо съ семействомъ и сокровищами уѣхалъ къ своему тестю Фердинанду Неаполитанскому. Тысячи жителей Іонійскихъ острововъ искали спасенія себѣ на венеціанскихъ корабляхъ и были перевезены на нихъ въ морейскія владѣнія Венеціи. Остальное населеніе острововъ было увезено турками на острова Мраморнаго моря. Турки заставили іонійскихъ дѣвушекъ жить съ неграми, потому что Мухаммеду хотѣлось имѣть невольниковъ и невольницъ смѣшанной расы. Люди, находившіеся на службѣ Леонардо, были изрублены. Іонійскіе острова остались почти совершенно безлюдными.

Взятіе Отранто.

Кедюкъ-Ахмедъ поплылъ черезъ Іонійское море, неожиданно явился у Апулійскаго берега, сдѣлалъ высадку, подступилъ къ Отранто, взялъ 26 іюля этотъ городъ, велѣлъ перепилить пополамъ графа Франческо Ларго, начальствовавшаго слабымъ гарнизономъ взятой крѣпости, велѣлъ убить всѣхъ мужчинъ. Турки опустошили окрестности Тарента, Бриндизи, Лечче, увезли въ Албанію всѣхъ жителей этого приморья, не успѣвшихъ бѣжать въ горы. Венеціанцы не считали себя обязанными защищать короля неаполитанскаго, часто поступавшаго съ ними враждебно и не разъ пытавшагося отнять у нихъ владѣнія, сосѣднія съ его государствомъ. Есть даже извѣстіе, будто венеціанское правительство сообщило султану, что онъ имѣетъ право присоединить Бриндизи, Тарентъ и Отранто къ своему государству, потому что этими городами владѣли византійскіе императоры, права которыхъ перешли къ нему по завоеваніи Константинополя.

Переходъ Занте и Кефалоніи подъ власть Венеціи.

Антонію Токко, братъ бѣжавшаго Леонардо, собралъ отрядъ каталонскихъ наемниковъ, поплылъ къ іонійскимъ островамъ, прогналъ поставленные тамъ малочисленные турецкіе гарнизоны, овладѣлъ Занте и Кефалоніей, сталъ обогащать себя морскимъ разбоемъ, но былъ убитъ возставшими противъ него подданными. Венеціанцы послали въ Константинополь Джованни Даріо; онъ убѣдилъ султана отдать

Занте и Кефалонію во владѣніе Венеціи, обязавшейся платить за эти острова 500 дукатовъ дани.

Изгнаніе турокъ изъ Италіи.

Когда былъ заключенъ этотъ договоръ, въ Турціи царствовалъ уже новый султанъ.—Мухаммедъ собиралъ войско и флотъ плыть въ Италію, чтобы прогнать неаполитанское войско, осаждавшее Отранто. Итальянцы говорили, что султанъ пойдетъ изъ Апуліи въ Римъ. Во всей южной и средней Италіи народъ трепеталъ его нашествія. Но онъ, отправившись покорить Родосъ, заболѣлъ на походѣ по Малой Азіи и 3 мая 1481 умеръ въ своемъ станѣ близъ Гебизе. Итальянцы вздохнули свободно. Сикстъ IV, уже готовившійся уѣхать изъ Рима во Францію, совершилъ благодарственное молебствіе Богу. Фердинандъ Неаполитанскій и его старшій сынъ Альфонсъ собрали всѣ свои силы, чтобъ изгнать мусульманъ изъ Италіи. Еще при жизни Мухаммеда они осадили Отранто. Папа перечеканилъ въ монету свою серебряную посуду и много церковной утвари, снарядилъ на эти деньги 15 галеръ для содѣйствія неаполитанскому флоту; Фердинандъ, король арагонскій, прислалъ королю неаполитанскому 3.000 человѣкъ войска; Матвѣй Корвинъ прислалъ нѣсколько конницы. Но турецкій гарнизонъ въ Отранто былъ силенъ, имѣлъ большіе запасы провіанта и вѣроятно осада была бы продолжительна, если-бъ извѣстіе о смерти Мухаммеда не отняло мужество у турокъ. Они зажигали костры, пламя которыхъ было видно на альбанскомъ берегу; но эти сигналы о присылкѣ подкрѣпленій остались напрасны, и турецкій гарнизонъ сдалъ городъ Альфонсу, получивъ отъ него обѣщаніе, что будетъ отпущенъ въ Альбанію. Но когда турки пошли садиться на корабли, Альфонсъ захватилъ многихъ изъ нихъ въ плѣнъ и послалъ быть гребцами на неаполитанскихъ галерахъ. Онъ хотѣлъ плыть въ Альбанію, осадить Авлону; но неаполитанскіе матросы не согласились на эту экспедицію.

Нападеніе Мухаммеда на Родосъ.

Посылая свой флотъ овладѣть Отранто, Мухаммедъ готовился напасть на Родосъ, которымъ все еще владѣли іоаннитскіе рыцари. Онъ уже два раза нападалъ на нихъ, но успѣлъ тогда овладѣть только сосѣдними съ Родосомъ маленькими островами Леромъ, Каламомъ, Нисиромъ; нападенія его на Родосъ были отбиты рыцарями. Послѣ второго нападенія на нихъ онъ долго былъ занятъ другими войнами. Заключивъ миръ съ венеціанцами, онъ сталъ готовиться къ третьему нападенію на Родосъ. По прежнимъ неудачамъ онъ зналъ, что это предпріятіе очень трудное, и собралъ громадныя силы; флотъ его состоялъ изъ 160 кораблей; онъ хотѣлъ вести южнымъ берегомъ Малой Азіи къ Родосу 100.000 человѣкъ. Главнокомандующимъ онъ назначилъ Мусихъ-пашу. Гросмейстеръ Ордена Пьеръ Обюссонъ, человѣкъ храбрый, пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ рыцарей, приготовился къ оборонѣ, послалъ всѣмъ членамъ Ордена, жившимъ въ Европѣ, извѣщеніе объ опасности, угрожающей Родосу. Они

поспѣшили туда, и большинство ихъ успѣло пріѣхать раньше, чѣмъ турецкій флотъ блокировалъ Родосъ. Но западные народы не подали помощи Ордену. Папа велѣлъ проповѣдовать крестовый походъ, но не явилось желающихъ участвовать въ немъ. Неаполитанцы и генуэзцы послали пять галеръ съ провіантомъ для родосскихъ рыцарей, но эти галеры запоздали, такъ что часть провіанта была получена рыцарями только уже по окончаніи осады.

Осада Родоса 1480.

Весною 1480 турецкое войско переправилось съ азіатскаго берега на Родосъ и осадило крѣпость, имѣвшую одинаковое имя съ островомъ. Какъ при осадѣ Константинополя, турки больше всего надѣялись и здѣсь на колосальныя пушки, стрѣлявшія громадными каменными ядрами. Главная часть укрѣпленій города Родоса, башня св. Николая, въ нѣсколько дней была разбита пущенными въ нее тремя стами этихъ огромныхъ ядеръ; но осажденные работали день и ночь, успѣли насыпать за башней валъ и провести ровъ; послѣ того осада длилась нѣсколько недѣль; рыцари отбили три приступа, турки потерпѣли большой уронъ, но въ концѣ іюля казалось, что они возьмутъ крѣпость: стѣны ея были разрушены ядрами и подобными ракетамъ зажигательными снарядами. Турки 28 іюля сдѣлали новый приступъ, взошли на разрушенныя стѣны; два часа длился отчаянный рукопашный бой; турки одолѣвали, но неожиданно для христіанъ ряды ихъ поколебались; это произошло отъ того, что Мусихъ-паша объявилъ своему войску запрещеніе грабить городъ; вся добыча должна была стать собственностью султана. Лишившись надежды на добычу, турки потеряли охоту сражаться и отступили, оставивъ во рву подъ крѣпостью болѣе 3.000 товарищей. Но много было убито и защитниковъ крѣпости. Отступленіе турокъ было такъ неожиданно и непонятно для рыцарей, что они объявили его непосредственной помощью Божіей, и возникли легенды о томъ, что воины небесные явились въ рѣшительную минуту боя и обратили невѣрныхъ въ бѣгство. Мусихъ-паша потерпѣлъ столько неудачъ, и послѣдній приступъ такъ разстроилъ войско его, что онъ нашелъ невозможнымъ продолжать осаду, сжегъ осадныя сооруженія и возвратился въ Константинополь. Султанъ принялъ его гнѣвно. Рыцари потеряли при защитѣ города много товарищей и въ особенности жалѣли о начальникѣ конницы Антуанѣ Обюссонѣ, братѣ гросмейстера.

Смерть Мухаммеда II 1481.

Зимою Мухаммедъ дѣлалъ большія приготовленія къ новой экспедиціи противъ рыцарей. Весною онъ пошелъ черезъ Малую Азію съ многочисленнымъ войскомъ къ Родосу, но близъ Гебисе, древней Либиссы, гдѣ находилась гробница Ганнибала, онъ умеръ 3 мая 1481, на 52 году жизни.

Характеръ Мухаммеда II.

Турецкіе историки превозносили Мухаммеда II; христіанскіе проклинали его; но тѣ и другіе согласно говорятъ, что онъ заслужилъ данное ему названіе завоевателя. Съ того дня, какъ пошелъ онъ оса-

Его завоеванія.

дить Константинополь, до самаго дня смерти жизнь его была непрерывной войной. Итальянскій писатель Спандуджино говоритъ: «Мухаммедъ завоевалъ двѣ имперіи (византійскую и трапезунтскую), четырнадцать королевствъ и двѣсти городовъ; на его гробницѣ были написаны слова: я хотѣлъ покорить Родосъ и завоевать Италію». На гробницѣ Мухаммеда нѣтъ этой надписи, а для того, чтобы насчитать четырнадцать королевствъ должно къ Сербіи, Босніи, Альваніи, Молдавіи, Морећ, Кастемуни, Караманіи прибавить острова Негропонте, Кефалонію, Лесбосъ, Лемносъ, Тенедосъ, Имбросъ, Θазосъ, какъ будто бы они были особыя королевства. Но преувеличеніе въ перечисленіи завоеваній Мухаммеда II характеризуетъ силу впечатлѣнія, какую производили они на западную Европу. При страсти къ войнѣ и расширенію своего государства, Мухаммедъ II конечно не могъ уважать нравственные законы. Жестокость его была безчеловѣчна. Онъ не зналъ упрековъ совѣсти. Мы видѣли, что при самомъ вступленіи на престолъ онъ для упроченія своей власти убилъ брата (VIII, 572). Онъ не раскаявался въ этомъ убійствѣ; напротивъ установилъ правило, что новый султанъ долженъ убивать своихъ братьевъ. Онъ безжалостно убивалъ побѣжденныхъ государей, хотя бы они сдавались ему, получивъ отъ него обѣщаніе пощады; онъ разрушалъ города, истреблялъ ихъ населеніе. Съ жестокостью въ немъ соединялся гнусный развратъ, прислужниковъ котораго онъ награждалъ высокими должностями. Везири Сулейманъ и Махмудъ, воевода валахскій Дракулъ и Франко, герцогъ аѳинскій, были обязаны своимъ возвышеніемъ именно тому, что были прислужниками гнуснаго разврата Мухаммеда.

Правительственная дѣятельность Мухаммеда.

Но будучи похожъ пороками и жестокостью на самыхъ дурныхъ изъ римскихъ и византійскихъ императоровъ, Мухаммедъ II имѣлъ великіе правительственные таланты. Гаммеръ говоритъ: онъ былъ не только завоеватель, но и законодатель, не только разрушитель, но и основатель городовъ, учреждалъ госпитали, покровительствовалъ османскимъ ученымъ, самъ былъ человѣкъ ученый и даже писалъ стихи. Онъ построилъ въ Константинополѣ четыре мечети, одна изъ которыхъ считалась лучшимъ созданіемъ восточной архитектуры; при мечетяхъ онъ основывалъ школы, библіотеки, больницы, кухни для раздачи пищи бѣднымъ, каравансераи. Кромѣ мечетей, онъ построилъ въ Константинополѣ старый сераль и новый сераль, верфи, арсеналъ. Подражая его страсти къ постройкамъ, везири и другіе сановники тоже строили мечети, дворцы. Адріанополь и другіе города украсились при немъ великолѣпными зданіями. Его дѣятельный умъ занимался всѣми отраслями государственнаго управленія; онъ вводилъ въ администрацію прочный порядокъ. При его вступленіи на престолъ, турецкое царство имѣло очень простыя формы устройства; онъ придалъ администраціи, судопроизводству, двору и войску характеръ,

соотвѣтствовавшій новымъ надобностямъ расширившагося государства. Его преобразованія были переходомъ отъ прежняго кочевого быта турецкой орды къ той государственной организаціи, которую создалъ Сулейманъ. Онъ желалъ прославить свое царствованіе не только побѣдами, но и блескомъ литературной дѣятельности, потому, какъ мы говорили, основывалъ школы, покровительствовалъ ученымъ и поэтамъ, которыхъ бралъ съ собой даже въ походы. Два изъ его великихъ везирей, Махмудъ-паша и Карамани Мухаммедъ-паша, и пять везирей были знаменитыми учеными. При немъ жили Хамди, эпическій поэтъ, подражавшій персидскимъ поэтамъ, Джами, Ахмеди-паша и Джемали, подражавшіе газелямъ (лирическимъ стихотвореніямъ) Миръ-Алишира Джагатайскаго, и Шеди, написавшій поэму изъ турецкихъ историческихъ преданій въ подражаніе поэмѣ Фирдавси.

Устройство турецкаго царства.

Восточные народы сравниваютъ государство съ домомъ или шатромъ и называютъ государственныя учрежденія словами, соотвѣтствующими этому сравненію. Зданіе турецкаго царства было основано на Коранѣ, народныхъ обычаяхъ и султанскихъ распоряженіяхъ, собраніе которыхъ называлось „Кануномъ“ (канономъ). Въ переднемъ фасадѣ зданія главную часть составляютъ ворота. Потому названіемъ правительства было у турокъ выраженіе баби-али, высокія ворота или, какъ привыкли европейцы переводить, „Высокая порта„. У восточныхъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ государи совершали судъ, сидя передъ воротами своего дворца. Высшіе сановники совѣщались въ залѣ, сидя на диванѣ; потому государственный совѣтъ назывался Диваномъ.—Шатеръ держится на четырехъ подпоркахъ; потому въ Канунѣ Мухаммеда II государство называется опирающимся на четыре подпоры; первая изъ этихъ подпоръ везири, вторая кадіаскеры, третья дефтердары, четвертая нишанджи. Кромѣ того, есть три другія важныя группы государственныхъ сановниковъ: аги внѣшнихъ дѣлъ (начальники войскъ), аги внутреннихъ дѣлъ (дворцовые и областные администраторы) и улемы (судьи). Первую опору государства составляютъ везири, то-есть носильщики, которые называются такъ потому, что несутъ на своихъ плечахъ всю тяжесть государственныхъ дѣлъ. Сначала у турокъ былъ одинъ везирь, потомъ ихъ было два, и еще до Мухаммеда II былъ прибавленъ третій везирь. Мухаммедъ постановилъ, что должно быть четыре везиря и одинъ изъ нихъ, первенствующій надъ другими, потому называющійся великимъ везиремъ, получилъ власть быть представителемъ султана, сдѣлался верховнымъ начальникомъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Мухаммедъ сначала самъ предсѣдательствовалъ въ диванѣ; но назначивъ великимъ везиремъ Кедюкъ-Ахмеда, завоевателя Кафы, Караманіи и Отранто, султанъ передалъ ему президентство въ диванѣ. Передъ везиремъ носили три бунчука, передъ беглербегомъ (правителемъ большой области) два, передъ санджакбегомъ (правителемъ округа) одинъ.—Вторая опора государства кадіаскеры, войсковые судьи. Сначала былъ одинъ кадіаскеръ, но въ послѣдніе годы царствованія Мухаммеда было два ихъ: одинъ завѣдовалъ судебными дѣлами европейскихъ областей; другой азіатскихъ. Кадіаскеры назначали областныхъ и городскихъ судей, кади и мудерри. Очень высокими сановниками по судебной части были также учитель сыновей султана и муфти, (высшій юрисконсультъ, истолкователь законовъ, мнѣніями котораго должны были руководиться кади (судьи). Рѣшенія муфти о томъ, въ какомъ смыслѣ должно понимать тотъ или другой законъ,

Кадіаскеры.

Муфти.

называются фетвами. Мухаммедъ II получилъ отъ муфти двѣ очень важныя фетвы, одна была дана по вопросу о казни боснійскаго царя, которому Мухаммедъ клятвенно обѣщалъ пощаду; она разъясняла, что обѣщанія, даваемыя мусульманами невѣрнымъ, не дѣйствительны; другая фетва разъясняла, что султанъ имѣетъ право убивать своихъ братьевъ.—

Дефтердары.

Дефтердары, высшіе финансовые сановники, были третьей опорой государства; число ихъ при Мухаммедѣ было четыре.—

Нишанджи и рейсъ-эфенди.

Рейсъ-Эфенди (государственный канцлеръ) и нишанджи (государственные секретари) были четвертой опорой царства. Нишанджи скрѣпляли султанскія граматы приложеніемъ тугры, вензеля, состоявшаго изъ узорно написанныхъ султанскаго имени и титула.—

Аги внѣшнихъ дѣлъ.

Аги внѣшнихъ дѣлъ были начальники регулярныхъ войскъ. Янычаръ-ага завѣдовалъ охраненіемъ порядка въ Константинополѣ и назначалъ самъ или съ утвержденія султана всѣхъ начальниковъ корпуса янычаровъ. Другіе аги внѣшнихъ дѣлъ начальствовали асабами (остальной регулярной пѣхотой) сипагами и силихдарами (двумя разрядами регулярной конницы) и наемниками. Къ агамъ внѣшнихъ дѣлъ причислялись двѣнадцать военныхъ сановниковъ султанской свиты, называвшіеся агами султанскаго стремени, знаменосецъ султана, четыре камергера, начальникъ султанской охоты. Но не причислялись къ агамъ внѣшнихъ дѣлъ начальники

Аги внутреннихъ дѣлъ

иррегулярной конницы, всадники которой назывались акинджи. Аги внутреннихъ дѣлъ были сановники султанскаго двора. Первое мѣсто между ними занималъ капу-ага, начальникъ воротъ султанскаго дворца, бѣлый эвнухъ, завѣдовавшій всѣмъ дворцовымъ управленіемъ. Другой ага внутреннихъ дѣлъ завѣдывалъ столомъ, гардеробомъ и садами дворца. Начальникомъ гарема былъ кизляръ-ага (начальникъ дѣвушекъ) эвнухъ, имѣвшій

Беги и беглербеги.

очень сильное вліяніе на государственныя дѣла.—Областные правители назывались бегами и беглербегами (бегами беговъ); они были начальники той конницы, воины которой пользовались за свою службу помѣстьями. Эта конница дѣлилась на санджаки (знамена, областные отдѣлы). Въ европейской части османскаго царства находилось при Мухаммедѣ II 36 санджаковъ, въ каждомъ считалось около 400 всадниковъ —Султанъ выводилъ въ поле войска, имѣвшія больше 100.000 человѣкъ. Доходы его

Улемы.

превышали 2.000,000 дукатовъ.—Юристы, бывшіе съ тѣмъ вмѣстѣ и богословами, назывались улемами; они были преподаватели въ школахъ; изъ нихъ назначались судьи; къ ихъ сословію принадлежали и духовные сановники (имамы), совершавшіе богослуженіе въ мечети, и дервиши, люди, отказавшіеся отъ мірскихъ дѣлъ для заботъ о своемъ душевномъ спасеніи. Собственно церковные сановники имѣли въ турецкомъ царствѣ гораздо меньше значенія, чѣмъ юристы.

---

4. Баезидъ II. Селимъ. Начало царствованія Сулеймана.

а) Возстаніе Джема. Царствованіе Баезида.

Сыновья Мухаммеда II, Баезидъ и Джемъ, не участвовали въ походѣ, на которомъ умеръ онъ. Они оставались въ областяхъ, правителями которыхъ были; старшій, Баезидъ, въ Амасійской области, младшій, Джемъ, въ Караманіи. Великій везирь Мухаммедъ Мишани, желавшій сдѣлать султаномъ Джема, утаилъ смерть Мухаммеда, го-

ворилъ, что султанъ боленъ, и повезъ его тѣло въ Константинополь,ославъ Джему извѣщеніе спѣшить туда. Но раньше нежели Джемъ пріѣхалъ въ Константинополь, янычары и народъ услышали, что Мухаммедъ умеръ, что во дворецъ привезено мертвое тѣло султана, что великій везирь хочетъ передать власть Джему. Янычары, желавшіе, чтобы султаномъ сталъ Баезидъ, ворвались во дворецъ, и увидавъ, что на султанской постели дѣйствительно лежитъ мертвое тѣло Мухаммеда, и что поэтому молва объ умыслѣ великаго везиря справедлива, убили и везиря и врача, помогавшаго ему въ обманѣ, взоткнули голову везиря на копье, понесли ее по улицамъ и начали буйствовать, грабить дома евреевъ и христіанъ, магазины венеціанскихъ и флорентійскихъ кущовъ въ Перѣ, изрубили своего агу, пытавшагося остановить грабежъ, провозгласили султаномъ Баезида, повели по улицамъ его малолѣтняго сына, Коркура, и объявили, что до пріѣзда Баезида намѣстникомъ его будетъ этотъ ребенокъ. Пріѣхалъ Баезидъ; янычары встрѣтили его съ восторгомъ. Новый султанъ, не имѣвшій отцовской твердости характера, принужденъ былъ повиноваться ихъ требованіямъ, оставить безнаказанными всѣ ихъ злодѣйства, дать имъ подарки. Съ того времени установился обычай, что новый султанъ обязанъ дать подарокъ янычарамъ. Баезидъ назначилъ великимъ везиремъ Исхакъ-пашу, выказавшаго большое благоразуміе и мужество во время буйства янычаровъ.

Возстаніе Джема.

Получивъ извѣстіе о смерти отца, Джемъ пошелъ изъ Коніи овладѣть престоломъ, который, какъ говорили онъ и его приверженцы, Мухаммедъ хотѣлъ передать ему. Разбивъ отрядъ янычаровъ, онъ вступилъ въ прежнюю столицу турецкаго царства Бруссу, жители которой приняли его съ восторгомъ. Но самъ онъ видѣлъ, что не можетъ побѣдить Баезида, и предложилъ старшему брату раздѣлить царство, обѣщалъ удовольствоваться Азіей, оставляя Европу ему. Баезидъ отвергъ это предложеніе и пошелъ на Джема. Даровитый, но привыкшій къ мирной жизни, молодой человѣкъ не могъ выдержать борьбы съ воинственнымъ братомъ. Въ войскѣ Джема были люди, понимавшіе это; въ сраженіи на равнинѣ близъ Йенишегра (20 іюня 1481 года) они измѣнили Джему, и онъ былъ разбитъ; вся его казна была захвачена побѣдителемъ. Джемъ бѣжалъ въ Конію. Баезидъ пошелъ туда; онъ черезъ Сирію ушелъ въ Египетъ. Мамлюкскій султанъ Кайтбай находился въ ссорѣ съ турками за владычество надъ туркменскимъ племенемъ сулькадровъ, жившимъ въ Малой Азіи, потому далъ у себя пріютъ сопернику турецкаго султана. Джемъ вошелъ въ сношенія съ Касимбегомъ, потомкомъ прежнихъ владѣтелей Караманіи, жившимъ у одного изъ сыновей Узунъ-Гасана, и надѣясь при его содѣйствіи овладѣть Малой Азіей, поплылъ туда въ 1482 году, и съ южнаго берега двинулся на сѣверъ; но при Коніи былъ разбитъ и бѣжалъ въ Киликійскія горы.

Султанъ предлагалъ брату спокойно жить въ Іерусалимѣ, обѣщая давать ему большое содержаніе. Но Джемъ требовалъ раздѣла царства. Онъ послушался своихъ совѣтниковъ, говорившихъ ему, что если онъ поѣдетъ въ Европу, тамъ дадутъ ему войско для борьбы съ Баезидомъ, и послалъ сказать родосскимъ рыцарямъ, что хочетъ ѣхать въ Европу и просить ихъ содѣйствія. Они прислали эскадру къ берегу Киликіи. Онъ съ семействомъ и свитой поплылъ въ Родосъ, рыцари приняли его съ почетомъ. Имѣя въ своихъ рукахъ претендента на турецкій престолъ, они могли пугать трусливаго Баезида, вытребовать у него выгодныя условія мира. Дѣйствительно Баезидъ заключилъ съ родосскими рыцарями договоръ, по которому предоставилъ ихъ Ордену свободную торговлю въ своемъ царствѣ и обязался давать ему 45.000 дукатовъ въ годъ на содержаніе Джема; то есть за надзоръ, чтобы Джемъ не возобновилъ войны.

Пріѣздъ Джема въ Европу.

Когда этотъ договоръ былъ заключенъ, Джемъ уже плылъ на родосской галерѣ въ Европу. Рыцари хотѣли держать его въ одномъ изъ своихъ французскихъ комтурствъ, опасаясь, что на Родосѣ могутъ убить его агенты Баезида. Жизнь его была для нихъ драгоцѣнна; они пугали имъ султана. Племянникъ гросмейстера Бланшфоръ, начальствовавшій галерой, которая везла Джема во Францію, вышелъ съ нимъ на берегъ въ Ниццѣ 16 октября 1482. Джемъ напрасно просилъ, чтобы рыцари отпустили его на войну съ Баезидомъ. Они четыре мѣсяца держали его подъ стражей въ Ниццѣ. Тамъ появилась эпидемическая болѣзнь, тогда они увезли его въ Руссильіонъ, гдѣ былъ орденскій замокъ; Изъ Руссильіона перевезли его въ Ле Пюи; тамъ удалили отъ него свиту, чтобъ отнять у него возможность бѣгства, потомъ перевозили его изъ замка въ замокъ. Это длилось нѣсколько лѣтъ. Надзоръ за Джемомъ становился все строже и строже. Баезидъ платилъ Ордену обѣщанную сумму; кромѣ того мать и жена Джема, уѣхавшія въ Египетъ, прислали Ордену большую сумму, упрашивая рыцарей возвратить Джема на Родосъ. Вообще Орденъ получалъ очень большую пользу отъ того, что Джемъ находился въ его власти. Матвѣй Корвинъ дѣлалъ угожденія Ордену, желая, чтобы рыцари прислали ему Джема, присутствіе котораго въ венгерскомъ войскѣ принесло бы Матвѣю большую выгоду въ войнѣ съ Баезидомъ. Иннокентій VIII, хлопотавшій о крестовомъ походѣ на турокъ, также думалъ, что Джемъ былъ бы очень полезенъ для успѣха этой экспедиціи, требовалъ его у рыцарей, обращался къ французскому королю съ просьбой поддержать это требованіе. Но рыцари не слушали никакихъ просьбъ, держали Джема подъ стражей въ южной Франціи. Наконецъ для нихъ стало тяжело предотвращать попытки вырвать Джема изъ ихъ рукъ, и гройсмейстеръ согласился послать его въ Римъ, но съ тѣмъ условіемъ, что онъ и въ Римѣ останется подъ стражей іоаннитскихъ рыцарей. Папа въ благодарность за присылку Джема далъ Ордену важныя привилегіи, а гросмейстеру санъ кардинала.

Смерть Джема.

Восемь лѣтъ Джемъ находился во власти христіанъ и уже давно жалѣлъ, что отдался въ ихъ руки. Прежде онъ надѣялся бѣжать изъ-подъ стражи, но когда (13 марта 1489) привезли его въ Римъ и поселили подъ стражей въ Ватиканскомъ дворцѣ, онъ потерялъ надежду на освобожденіе. Баезидъ платилъ папѣ громадныя суммы за то, чтобъ онъ не выпускалъ Джема изъ Рима. Султанъ египетскій, овладѣвшій Аданой, Тарсомъ и дѣлавшій новыя завоеванія въ южной части Малой Азіи, предлагалъ папѣ еще больше денегъ за то, чтобъ онъ отдалъ ему Джема. Иннокентій VIII держалъ подъ очень строгой стражей плѣнника, доставлявшаго такія выгоды; преемникъ Иннокентія, Александръ VI, увеличилъ строгость надзора за нимъ. Султанъ египетскій, владѣвшій тогда Сиріей, обѣщалъ отдать папѣ Палестину за присылку Джема. Но пугать Джемомъ Баезида было выгоднѣе для папы. Наконецъ Александръ увидѣлъ невозможность удержать Джема въ своихъ рукахъ. Король французскій Карлъ VIII пошелъ въ Италію съ колоссальными фантастическими намѣреніями. Онъ хотѣлъ, покоривъ неаполитанское королевство, прогнать турокъ изъ Европы, завоевать Палестину. Ему было бъ очень полезно имѣть при себѣ Джема въ экспедиціи, которую хотѣлъ онъ предпринять противъ турокъ. Баезидъ понималъ, какъ опасно будетъ для него присутствіе Джема въ войскѣ, которое поведетъ на него король французскій. Въ Константинополь пріѣхали посолъ Альфонса, короля неаполитанскаго, Камилло Пандоне, и посолъ папы, Джорджо Буччардо. Баезидъ принялъ ихъ чрезвычайно любезно и обѣщалъ папѣ большую сумму за убійство Джема. Такое предложеніе не могло не понравиться Александру VI. Несомнѣнно, что онъ отравилъ медленно дѣйствующимъ ядомъ Джема, котораго взялъ съ собой въ замокъ св. Ангела при приближеніи Карла VIII къ Риму. Но онъ не получилъ обѣщанной платы за свое злодѣйство; въ концѣ 1494 Карлъ, пришедши въ Римъ, принудилъ Александра заключить договоръ, по которому папа, между прочимъ, обѣщался отдать Джема на полгода французскому королю. Джемъ былъ освобожденъ, присланъ къ Карлу, который обращался съ нимъ очень доброжелательно и взялъ его съ собой въ Италію. Джемъ былъ боленъ, силы его слабѣли и вскорѣ по вступленіи въ Неаполь онъ умеръ (24 февраля 1495). Карлъ похоронилъ его въ Гаэтѣ. Фридрихъ, король неаполитанскій, овладѣвъ своимъ государствомъ по отступленіи французовъ, отдалъ тѣло Джема Баезиду, который велѣлъ положить его въ султанской гробницѣ въ Бруссѣ подлѣ отца.

Несчастный Джемъ находился въ плѣну и умеръ на 36 году жизни. Въ западной Европѣ жалѣли о его судьбѣ, считали его роднымъ христіанскому міру; потому что мать его была сербская княжна. Въ турецкой литера-

турѣ онъ извѣстенъ какъ поэтъ. Одинъ изъ вельможъ, уѣхавшихъ съ нимъ во Францію, Саади, былъ посланъ имъ съ тайными порученіями къ янычарамъ и турецкимъ сановникамъ. Саади самъ былъ поэтъ и собралъ стихотворенія, написанныя Джемомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ знамениты у турокъ; особенной славой пользуется стихотвореніе, въ которомъ Джемъ высказываетъ свою тоску въ землѣ франковъ. Саади пріѣхалъ въ Аидинъ, былъ схваченъ тамъ и, по приказанію султана, брошенъ съ камнемъ на шеѣ въ море.

Характеръ Баезида.

Цѣлыя пятнадцать лѣтъ, отъ бѣгства Джема на Родосъ до выдачи его тѣла Баезиду, султанъ боялся воевать съ христіанами, которые могли привести Джема въ турецкое царство; услышавъ о смерти Джема, Баезидъ считалъ это извѣстіе обманомъ и продолжалъ бояться брата, пока наконецъ былъ успокоенъ присылкой его тѣла. Кромѣ того, что боялся Джема, Баезидъ не воевалъ съ христіанами потому, что былъ миролюбивъ. Бывши въ молодости правителемъ амасійской области, онъ занимался поэзіей, науками, благочестивыми размышленіями и сохранилъ любовь къ нимъ. За набожность называли его софи (мудрецомъ, проводящимъ жизнь въ религіозныхъ размышленіяхъ). Онъ заключилъ съ родосскими рыцарями миръ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ; одобрилъ турецкихъ полководцевъ, начальствовавшихъ войсками въ Италіи, когда они сдали королю неаполитанскому Отранто и возвратились въ Турцію; онъ возобновилъ прежній договоръ съ Венеціей и уменьшилъ плату, какую давала республика султану за соблюденіе мира. Кедюкъ-Ахмедъ, покоритель Кафы и Отранто, порицавшій миролюбіе султана, навлекъ на себя его гнѣвъ и въ 1482 году былъ по его приказанію убитъ. Баезидъ не поднялъ ссоры съ венеціанцами за то, что они присоединили къ своимъ владѣніямъ Кипръ (уступленный имъ, какъ мы говорили, Катариною Корнаро, которая по смерти мужа правила этимъ островомъ, какъ опекунша малолѣтняго сына, а по смерти сына отдала это королевство своему родному городу). Турецкіе правители Босніи и Сербіи дѣлали нападенія на пограничныя венгерскія области; но Баезидъ порицалъ ихъ за это, заключилъ съ Матвѣемъ Корвиномъ перемиріе, потомъ миръ; онъ боялся войны съ Матвѣемъ.

Походы Баезида на Дунай и Польшу.

По смерти Матвѣя Корвина Баезидъ ободрился. Раздоры, начавшіеся въ Венгріи, пробудили въ немъ надежду, что можно расширить границы государства на сѣверъ и западъ. Въ 1492 году турецкія войска ворвались въ австрійскія владѣнія, опустошали Крайну, Каринтію, Штирію. Максимиліанъ собралъ войско, разбилъ турокъ при Виллахи и прогналъ ихъ изъ своихъ владѣній; они пошли опустошать Кроацію и, какъ мы говорили, нанесли (9 сентября 1493) тяжелое пораженіе венгерско-кроатскому войску, ослабленному ссорами и предательствомъ. Черезъ два года было заключено съ венграми перемиріе на три года; султанъ воспользовался имъ для покоренія Молдавіи. Король польскій Янъ Альбертъ принудилъ воеводу молдавскаго Стефана Карабогдана вступить въ союзъ съ нимъ противъ турокъ. Стефанъ видѣлъ, что этотъ союзъ служитъ для польскаго короля предлогомъ подчинить себѣ Молдавію, и въ 1497 году просилъ султана о помощи противъ своего союзника. Намѣстникъ силистрійскій Балибегъ переправился съ большимъ войскомъ черезъ Дунай, прогналъ поляковъ изъ Молдавіи, перешелъ Днѣстръ, опустошилъ южныя области Польши, угналъ стада, увелъ въ рабство больше 100.000 человѣкъ; но возобновивъ нашествіе осенью, онъ зашелъ слишкомъ далеко по странѣ уже опустошенной, и когда пошелъ назадъ, очень много турокъ умерло отъ голода и стужи. Говорятъ, что въ одну ночь замерзло 10.000 турокъ; почти всѣ лошади погибли. Покрытая снѣгами страна отъ польской границы до Дуная вся была усѣяна трупами турокъ.

Взятіе Бѣлграда 1521. Завоеваніе Родоса 1522.

Владиславъ, король венгерскій, объявилъ нарушеніемъ перемирія то, что турки напали на Польшу, ходили грабить Каринтію и Крайну. Онъ послалъ султану письмо съ упреками за вѣроломство и въ 1500 году вступилъ въ союзъ съ братьями своими Яномъ Альбертомъ, королемъ польскимъ, и Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ. Воевода молдавскій присоединился къ этому союзу. Король французскій Людовикъ XII обѣщался помогать Владиславу и Яну Альберту. Король англійскій Генрихъ VII обѣщался прислать Владиславу денегъ на содержаніе наемниковъ. Вся западная Европа считала Венгрію своимъ оплотомъ противъ турокъ; этимъ объясняются обѣщанія королей французскаго и англійскаго. Венеціанцы находились тогда во враждѣ съ турками и просили помощи у короля венгерскаго, обѣщали давать ему по 100.000 дукатовъ въ годъ на войну. Но они желали помириться съ Баезидомъ и хотѣли только запугать его, чтобы получить миръ на выгодныхъ условіяхъ. Короли французскій и англійскій тоже только пугали трусливаго Баезида, не имѣя серьёзнаго намѣренія помогать Владиславу. Цѣль и была достигнута почти однѣми угрозами. Яношъ Корвинъ одержалъ нѣкоторые успѣхи въ нападеніяхъ на турокъ, и 20 августа 1503 Баезидъ заключилъ съ Владиславомъ и его союзниками миръ, по которому были возстановлены прежнія границы между турецкимъ царствомъ и его сосѣдами, и Баезидъ обязался уважать международное право; въ договоръ были включены папа, родосскіе рыцари и Венеція.

Война венеціанцевъ съ Баезидомъ 1499—1503.

Венеціанскому правительсгву долго удавалось уклоняться отъ ссоры съ Баезидомъ, поддерживать тѣ выгодныя для Венеціи отношенія, какія были установлены договоромъ, заключеннымъ въ началѣ царствованія Баезида. Но по смерти Джема турки стали нападать на венеціанцевъ. Въ 1499 году турецкая эскадра овладѣла венеціанскимъ городомъ Лепанто. Андреа Лоредано, начальствовавшій венеціанской эскадрой, напалъ на турецкую близъ Модона. Обѣ эскадры были невелики, но битва была ужасна по

своему ожесточенію. Турки сожгли три венеціанскія галеры; Лоредано былъ убитъ. Синьорія послала противъ турокъ большой флотъ; родосскіе рыцари и король французскій помогали венеціанцамъ; но ихъ адмиралъ Гримани не могъ прогнать турокъ, осадившихъ Лепанто; они взяли эту крѣпость. Въ то же время турки прошли чрезъ Кроацію въ венеціанскую область, сожгли нѣсколько городовъ и больше ста селеній. Венеціанцы желали бы теперь заключить миръ, но султанъ требовалъ уступки Модона, Корона и Навпліи; венеціанское правительство не согласилось на это, стало увеличивать войско и флотъ, установило большіе налоги для покрытія военныхъ издержекъ и весной 1500 года отправило на защиту своихъ морейскихъ владѣній сильный флотъ. Но и въ этомъ году счастье не благопріятствовало венеціанцамъ. Послѣ отчаянной обороны богатый торговый городъ Модонъ былъ взятъ янычарами; жители сами жгли дома и погибали въ пламени, чтобы не отдаваться на мученія. То, что уцѣлѣло, было сожжено янычарами. Баезидъ 10 августа 1500 вступилъ въ городъ, который былъ уже только массой дымящихся развалинъ. Черезъ нѣсколько дней сдались туркамъ Коронъ, Наваринъ и Эгина. Только Навплія продолжала обороняться, и турки были отбиты защитниками ея. Венеція наградила жителей города за мужество освобожденіемъ отъ податей на десять лѣтъ. Въ слѣдующемъ (1501) году венеціанцы воевали успѣшнѣй. При энергическомъ содѣйствіи искуснаго испанскаго полководца и адмирала Гонсальво Кордовскаго, присланнаго съ 65 кораблями на помощь имъ, они отняли у турокъ нѣкоторыя изъ прежнихъ своихъ городовъ. Но война была изнурительна для Венеціи, торговля которой была остановлена ею, потому венеціанское правительство было радо заключенію мира, хотя принуждено было по этому договору отказаться отъ большей части своихъ владѣній въ Морећ и на греческихъ островахъ. Въ слѣдующіе годы оно заботливо уклонялось отъ всякой ссоры съ султаномъ, не слушало приглашеній папы Юлія II къ новому союзу противъ турокъ, возвратило султану занятый во время войны альбанскій городъ Алессіо, отказалось отъ приглашеній шаха Измаила вступить въ союзъ съ нимъ противъ султана, исполнило просьбу Баезида объ освобожденіи взятаго венеціанскими войсками въ плѣнъ маркграфа мантуанскаго. За такую уступчивость султанъ предложилъ венеціанцамъ свою помощь противъ камбрейской лиги.

Смерть Баезида.

Царствованіе Баезида II кончилось такими же бѣдствіями, какъ началось. Ужасное землетрясеніе разрушило множество домовъ въ Константинополѣ, Галлиполи, Чорумѣ, Демотикѣ и сосѣднихъ городахъ; тысячи людей погибли подъ развалинами. Баезидъ нанялъ множество рабочихъ поправлять въ Константинополѣ разрушенные дома, и городъ скоро принялъ прежній видъ. Но вслѣдъ за тѣмъ началось междоусобіе. Баезидъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ любимаго сына Ахмеда, котораго сдѣлалъ намѣстникомъ амасійскимъ; въ 1511 году младшій сынъ Селимъ, человѣкъ отважный и властолюбивый, возсталъ противъ отца. Янычары, ненавидѣвшіе Баезида за его миролюбіе, приняли сторону Селима, разграбили дома и магазины еврейскихъ и христіанскихъ купцовъ. Междоусобіе длилось нѣсколько мѣсяцевъ; Баезидъ наконецъ былъ принужденъ отказаться отъ престола и хотѣлъ поселиться въ своемъ родномъ городѣ Демотикѣ, но на пути туда онъ (26 мая 1512) умеръ отъ яда, даннаго ему, какъ говорила молва, врачемъ его по приказанію Селима.

„Баезидъ не былъ ни полководцемъ, ни государственнымъ человѣкомъ, говоритъ Цинкейзенъ: „Но онъ построилъ много благотворительныхъ учрежденій, покровительствовалъ ученымъ и поэтамъ и заслужилъ тѣмъ себѣ хорошую память. Онъ самъ писалъ недурные стихи; и его дѣти, Коркудъ и Селимъ, наслѣдовали его поэтическій талантъ; они подобно своему дядѣ Джему занимаютъ довольно высокія мѣста между турецкими поэтами“.

b) ЦАРСТВОВАНІЕ СЕЛИМА.

Начало правленія Селима.

Селимъ достигъ власти злодѣйствомъ и упрочилъ ее за собою новыми злодѣйствами. Его братья Ахмедъ и Коркудъ, бывшіе правителями азіатскихъ областей, готовились обороняться противъ него. Ахмедъ заключилъ союзъ съ персидскимъ шахомъ Измаиломъ. Потому Селиму была необходима преданность янычаръ; онъ далъ имъ подарки, увеличилъ ихъ жалованье, хотя въ душѣ и ненавидѣлъ ихъ за буйство, желалъ бы усмирить ихъ. Готовясь воевать съ братьями, онъ имѣлъ надобность поддерживать миръ съ европейскими государствами и возобновилъ договоры, заключенные Баезидомъ съ королемъ венгерскимъ и Венеціей. Братъ его Ахмедъ былъ разбитъ въ апрѣлѣ 1513 при Йенишегрѣ, бѣжалъ, былъ захваченъ въ плѣнъ и немедленно казненъ. Коркудъ, выданный измѣнниками Селиму, былъ казненъ передъ воротами Бруссы. Послѣ того Селимъ велѣлъ схватить и казнить при немъ пятерыхъ сыновей умершихъ его братьевъ. Этому началу соотвѣтствовало все его царствованіе. Онъ не щадилъ ни враговъ, ни друзей, и вѣрнѣйшіе везири падали жертвами его жестокой подозрительности. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ искусный полководецъ, побѣждавшій всѣхъ своихъ противниковъ, и человѣкъ образованный, окружавшій себя учеными и поэтами.

Шахъ Измаилъ.

Избавившись отъ соперниковъ убійствомъ своей родни, Селимъ обратилъ оружіе на могущественныхъ противниковъ, помогавшихъ турецкимъ мятежникамъ, на шаха персидскаго и султана египетскаго. Измаилъ, покорившій всѣ владѣнія туркменскихъ хановъ ордъ Бѣлаго барана и Чернаго барана, наслѣдовалъ съ царствомъ Узунъ-Гасана и вражду его къ туркамъ. Измаилъ былъ потомокъ шейховъ шіитскаго исповѣданія, и съ національной ненавистью къ османамъ въ немъ соединялась религіозная. Онъ ссорился ужь съ Баезидомъ, преслѣдовавшимъ шіитовъ и переселявшимъ ихъ въ Коронъ и Модонъ. Но прежде чѣмъ начать рѣшительную войну съ турецкимъ султаномъ, шахъ Измаилъ хотѣлъ покорить потомковъ Тимурлена, расширить свое царство на востокъ и югъ. Онъ пошелъ на Шейбека, узбекскаго хана, царство котораго находилось за Аму-Дарьей, заманилъ его въ засаду притворнымъ бѣгствомъ, и онъ погибъ съ 10.000 своихъ воиновъ. Измаилъ оправилъ его черепъ въ золото и дорогіе камни и употреблялъ эту чашу для питья. Кожу Шейбека онъ велѣлъ набить и послалъ Баезиду съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ. Онъ про-

гналъ или убилъ четырнадцать хановъ и овладѣлъ обширнымъ царствомъ, когда началась у него война съ турецкимъ султаномъ. Онъ принялъ подъ свое покровительство бѣжавшаго къ нему сына Ахмеда и пошелъ противъ Селима.

Преслѣдованіе шіитовъ.

Сунниты и шіиты постоянно враждовали между собой. Шахъ Измаилъ, подобно своему отцу Гайдеру, былъ усердный шіитъ; Селимъ опасался измѣны тѣхъ шіитовъ, которые жили въ турецкомъ царствѣ, разослалъ по всѣмъ своимъ областямъ шпіоновъ, составить списки людей, явно держащихся шіитства или подозрѣваемыхъ въ немъ; онъ велѣлъ вносить въ эти списки всѣхъ мужчинъ отъ семи до семидесяти лѣтъ. Число записанныхъ простиралось до 40.000 человѣкъ. Селимъ убилъ или заперъ въ темницы всѣхъ ихъ.

Битва при Чальдиранѣ.

Истребивъ шіитскую ересь въ своемъ царствѣ, Селимъ созвалъ войско въ Йенишегръ и отправилъ къ Измаилу письмо, въ которомъ съ грубыми ругательствами объявлялъ ему войну за то, что онъ «покинулъ путь спасенія, разрушилъ истинное богослуженіе, похитилъ престолъ, угнетаетъ мусульманъ и, облекшись покровомъ лжи и лицемѣрія, распространяетъ мятежи, водружаетъ знамя ереси и нечестія». Сдѣлавъ тяжелый походъ черезъ Кайсарійе, Сивасъ и Терджанъ, Селимъ привелъ 140.000 воиновъ къ Чальдирану и въ долинѣ у этого города 23 августа 1514 разбилъ войско шаха Измаила. Битва была упорна. Селимъ одолѣлъ, благодаря храбрости янычаровъ и искусному дѣйствію турецкой легкой артиллеріи. Пораженіе Измаила было полное; онъ спасся отъ плѣна, только благодаря самопожертвованію одного изъ его сподвижниковъ. Турки взяли въ персидскомъ станѣ много сокровищъ и рабынь, захватили въ плѣнъ любимую жену Измаила. Плѣнныхъ его тѣлохранителей Селимъ велѣлъ изрубить. Черезъ девять дней послѣ этой битвы Селимъ торжественно вступилъ въ Тавризъ, столицу персидскаго царства. Онъ хотѣлъ зимовать на плодородныхъ равнинахъ и прекрасныхъ пастбищахъ Карабаха; но янычары, дошедши до Аракса, грозно потребовали, чтобы султанъ велъ ихъ назадъ. Онъ повиновался и, убивъ везирей во гнѣвѣ на сопротивленіе войска, пошелъ черезъ Эривань, Карсъ, Эрзерумъ, Сивасъ въ Амасію. Въ Карсѣ явились къ нему грузинскіе послы съ подарками и заявленіями покорности. Шахъ Измаилъ прислалъ въ Амасію четырехъ сановниковъ съ богатыми подарками и просьбой объ освобожденіи плѣнной жены его. Селимъ велѣлъ бросить пословъ въ темницу, а жену шаха отдалъ въ жены своему секретарю, описывавшему изящнымъ слогомъ его побѣды.

Покореніе Месопотаміи.

Пользуясь впечатлѣніемъ, произведеннымъ побѣдою при Чальдиранѣ, Селимъ сдѣлалъ завоеванія на востокѣ и югѣ. Туркменскій ханъ Зулькадрскаго царства въ сѣверной части Месопотаміи, Алаэддинъ, подвластный султану египетскому, отказался идти съ Селимомъ на Измаила и вообще выказывалъ непріязнь къ туркамъ; султанъ пошелъ на него, взялъ крѣпость Кумахъ, стоявшую на скалѣ на берегу Эвфрата въ разстояніи одного дня пути отъ Эрзенджана, потомъ пошелъ на югъ въ горы, куда Алаэддинъ увезъ гаремъ и сокровища. Въ сраженіи у подошвы горъ войско Алаэддина было разбито; самъ онъ былъ убитъ; четыре его сына были взяты въ плѣнъ; Селимъ велѣлъ убить ихъ и послалъ голову Алаэддевлета султану египетскому, въ знакъ того, что хочетъ воевать съ нимъ.

Покореніе Курдистана.

Но прежде чѣмъ идти на султана египетскаго Селимъ пошелъ въ Курдистанъ. Покоривъ зулькадрское царство, онъ послалъ въ Курдистанъ Эдриса, знаменитаго историка, родомъ курда, служившаго прежде хану орды Бѣлаго барана Якубу, потомъ поступившаго на службу къ Селиму. Послѣ чальдиранской битвы, Діарбекръ Бидлисъ, Госенкейфа, Міафаракаинъ, Неджти и другіе курдистанскіе города признали власть Селима; онъ послалъ въ нѣкоторые изъ нихъ свои гарнизоны. Но когда онъ увелъ войско въ Амасію, шахъ Измаилъ, возвратившійся въ Тавризъ, вновь покорилъ часть Курдистана; къ нему собрались курды, онъ осадилъ Діарбекръ, въ которомъ находился турецкій гарнизонъ. Осада длилась цѣлый годъ. Эдрисъ между тѣмъ пріѣхалъ въ Курдистанъ, убѣдилъ многихъ бековъ принять сторону султана; они присоединились къ турецкому войску, съ которымъ пошелъ въ Курдистанъ изъ Эрзерума Біиклю Мухаммедъ-паша; при ихъ содѣйствіи Мухаммедъ освободилъ Діарбекръ отъ осады (въ 1516 году). Потомъ сдались туркамъ и всѣ другіе курдистанскіе города. Много содѣйствовалъ этому переговорами съ своими соплеменниками Эдрисъ. Одержавъ побѣду при Кочгиссарѣ, Біиклю Мухаммедъ осадилъ Мардинъ, имѣвшій замокъ на неприступной скалѣ, и послѣ долгой осады покорилъ его; потомъ сдались Мухаммеду Госенкейфа, Синджаръ, Міафаракаинъ. Онъ покорилъ стоявшіе на немъ города Ракку (древній Киркесій), Даръ-Румъ (древній Тапсакъ), Харранъ (древнюю крѣпость Карры, близъ которой погибъ Крассъ), перешелъ опять на Тигръ и овладѣлъ Мосуломъ.

Такимъ образомъ сѣверная Месопотамія и земли сѣверной части восточнаго берега Тигра были присоединены къ турецкому царству Біиклю Мухаммедомъ при содѣйствіи Эдриса. Селимъ раздѣлилъ ихъ на три области, главными городами которыхъ были Діарбекръ, Мосулъ и Роха (Эдесса). Области раздѣлялись на санджаки, многіе изъ которыхъ Селимъ отдалъ въ наслѣдственное владѣніе родоначальникамъ курдскихъ племенъ. Халиль, потомокъ знаменитаго Саладдина, султана египетскаго, призналъ власть турецкаго султана, и, по порученію Селима, Эдрисъ опоясалъ его саблей, вручилъ ему бунчукъ и отдалъ ему въ наслѣдственное владѣніе Госенкейфу.

Война съ султаномъ египетскимъ.

Кансу Гаври, султанъ египетскій, владѣвшій Сиріею, помогалъ шаху Измаилу и старался мѣшать покоренію Курдистана. Селимъ повелъ свои войска въ Сирію. Кансу Гаври отправилъ къ нему посольство. Онъ увидѣлъ въ великолѣпіи свиты пословъ угрозу себѣ и прогналъ ихъ съ оскорбленіемъ.

Покореніе Сиріи.

Начальникъ сирійской крѣпости Аинтаба передался Селиму, показывалъ ему путь. Въ августѣ 1516 Селимъ и Кансу Гаври сошлись

близъ Халеба на Дабикскомъ полѣ, и 24 августа послѣ недолгаго, но кровопролитнаго сраженія египетскій султанъ былъ разбитъ. Побѣда была рѣшена многочисленной турецкой артиллеріей, поставленной впереди войска за сплошнымъ рядомъ телѣгъ, не допускавшихъ непріятеля дойдти до нея. Кансу Гаври, 80 лѣтній старикъ, былъ убитъ. Турки взяли въ его шатрѣ много сокровищъ. Халебъ, въ которомъ находилась громадная казна султана египетскаго, сдался безъ сопротивленія; примѣру его послѣдовали Малатія, Дивриги, Аинтабъ, Бегесни и другія сирійскія крѣпости. Походъ Селима черезъ Хаму и Гемсъ (Эмесу) въ Дамаскъ былъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ Дамаскѣ въ октябрѣ 1416 присягнули на вѣрность ему арабскіе эмиры и ливанскіе друзы.

Походъ въ Египетъ.

Селимъ посѣтилъ въ Дамаскѣ великолѣпную мечеть Омейядовъ, гробницы святыхъ и знаменитыхъ ученыхъ, поэтовъ, назначилъ правителей надъ покоренными областями и въ концѣ года пошелъ черезъ Рамлу въ Газу. Передовое войско его разбило у Газы авангардъ египетскаго войска. Мамлюки выбрали султаномъ Туманбега, полководца, славившагося храбростью, справедливостью и безкорыстіемъ. Селимъ отправилъ къ Туманбегу двухъ пословъ съ обѣщаніемъ мира, если Туманбегъ признаетъ себя подвластнымъ турецкому султану, будетъ чеканить на монетѣ его имя, внесетъ его имя въ молитву, читаемую при богослуженіи. Мамлюки въ негодованіи на такое унизительное требованіе убили пословъ Селима. Это дало ему возможность называть свой походъ въ Египетъ мщеніемъ за убійство ихъ. Помолившись въ Іерусалимѣ и Хевронѣ, онъ повелъ войско черезъ пустыню въ Египетъ. Этотъ трудный походъ былъ сдѣланъ въ десять дней. Мамлюкскій полководецъ Газали измѣнилъ Туманбегу и провелъ турокъ въ обходъ мимо баттареи, поставленной за холмомъ. Селимъ 22 января 1517 приблизился къ Каиру и при селеніи Риданіи мамлюки были разбиты. Селимъ былъ обязанъ побѣдѣ отчасти своей артиллеріи, отчасти измѣнѣ Газали. На полѣ сраженія легло 25.000 мамлюковъ. Черезъ недѣлю Селимъ вступилъ въ Каиръ. Мамлюки отчаянно оборонялись; турки должны были брать приступомъ домъ за домомъ, улицу за улицей. Наконецъ сопротивленіе прекратилось; 800 знатныхъ мамлюковъ сдались, получивъ обѣщаніе пощады; когда они положили оружіе, Селимъ велѣлъ отрубить имъ головы; потомъ началось убійство безоружнаго населенія. На улицахъ Каира было изрублено 50.000 человѣкъ. Куртбай, знаменитѣйшій изъ мамлюкскихъ полководцевъ, сдавшійся въ плѣнъ, былъ сначала пощаженъ; но потомъ Селимъ разсердился на его смѣлый отвѣтъ и, нарушивъ свое обѣщаніе, велѣлъ убить его.

Смерть Туманбега 1517.

Туманбегъ съ остатками войска ушелъ за Нилъ въ Гизе (Джизехъ), оттуда перешелъ въ Дельту; тамъ присоединились къ нему бедуины. Селимъ предлагалъ ему миръ подъ условіемъ отреченія отъ

власти. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ унизительное предложеніе, Селимъ видѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи: за болотами Дельты Туманбегъ могъ обороняться долго, а Селиму хотѣлось быстро кончить войну; ему помогла измѣна, которой онъ былъ обязанъ и прежними своими успѣхами. Туманбегъ съ небольшимъ отрядомъ искалъ себѣ прибѣжища у арабскаго племени, родоначальникъ котораго Гасанъ-Мери былъ освобожденъ имъ изъ темницы и спасенъ отъ смерти. Гасанъ отвелъ Туманбега въ пещеру, которой не могли бы найдти турки, поѣхалъ къ нимъ и сказалъ, гдѣ находится Туманбегъ. Селимъ желалъ пощадить взятаго въ плѣнъ Туманбега, надѣясь пользоваться его храбростью; но египетскіе вельможи, измѣнившіе своему государю, желали его смерти, возбудили опасенія въ Селимѣ, и по приказанію его Туманбегъ былъ (13 апрѣля 1517) повѣшенъ у Сувеильскихъ воротъ, у которыхъ было казнено множество плѣнныхъ мамлюковъ. Былъ повѣшенъ и храбрый мамлюкскій полководецъ Шадибегъ.

Весь Египетъ повиновался теперь Селиму; онъ отпраздновалъ свои побѣды, назначилъ египетскихъ измѣнниковъ правителями областей, принялъ въ Александріи подарки египетскихъ городовъ; венеціанцы, платившіе египетскому султану дань за Кипръ, привезли ее Селиму. Къ нему перешло владычество надъ Меккой и Мединой, принадлежавшее египетскому султану, и въ августѣ 1517 ему былъ привезенъ ключъ меккской Каабы. Кончивъ распоряженія объ управленіи Египтомъ, Селимъ въ началѣ октября пошелъ обратно въ Сирію; тысячи верблюдовъ везли золото и серебро, взятое имъ въ Египтѣ. Въ Дамаскѣ заявили покорность ему арабскія племена сирійской пустыни. Отовсюду присылались ему подарки. Даже персидскій шахъ прислалъ ему поздравленія съ завоеваніемъ Египта. Венеціанцы просили его о подтвержденіи торговыхъ привилегій, какими пользовались они въ Египтѣ и Сиріи по договорамъ съ мамлюками. Онъ снова съѣздилъ на богомолье въ Іерусалимъ и Хевронъ и въ мартѣ слѣдующаго (1518) года пошелъ черезъ Халебъ въ Европу.

Христіанскіе государи разсуждали о войнѣ съ турками; на словахъ и на бумагѣ изгоняли ихъ изъ Европы, дѣлили между собой земли, которыя отнимутъ у нихъ. По примѣру прежнихъ папъ, Левъ X возбуждалъ эти разсужденія; онъ велъ со всѣми западными государями переговоры объ общемъ походѣ ихъ войскъ на турокъ, получалъ обѣщанія и быть можетъ вѣрилъ имъ. Онъ 31 марта 1518 года пошелъ съ кардиналами торжественной процессіей въ Минервинскій храмъ Богоматери (Santa Maria sopra Minerva), и кардиналъ Садолетъ, знаменитый ученый, произнесъ тамъ рѣчь, предвозвѣщавшую торжество христіанства надъ исламомъ. Если бы Селимъ зналъ объ этихъ разсужденіяхъ, онъ посмѣялся бы надъ ними, потому что поступки христіанскихъ государей ни мало не соотвѣтствовали ихъ обѣщаніямъ.

Сосѣды Селима желали одного, чтобъ онъ не воевалъ съ ними. Венеціанцы старались поддерживать хорошія отношенія съ нимъ; Рагуза покупала его пощаду новыми денежными пожертвованіями; воевода валахскій платилъ ему дань и присылалъ юношей на его службу; короли польскій и венгерскій заботливо уклонялись отъ всякой ссоры съ нимъ; русскіе послы при посредничествѣ крымскаго хана пріѣхали въ Константинополь и получили увѣренія въ безопасности русской торговли на Черномъ морѣ. Король французскій Франциск I, горячо разсуждавшій о походѣ на турокъ, скоро перемѣнилъ свои мысли и уже думалъ о союзѣ съ султаномъ.

Смерть Селима.

Только родосскіе рыцари оставались враждебны Селиму. Онъ готовился къ походу на нихъ, но 21 сентября 1520 умеръ отъ чумы въ шатрѣ у Чорли, куда уѣхалъ изъ Константинополя отъ этой эпидеміи.—Подобно Мухаммеду II Селимъ I былъ человѣкъ кровожадный и съ тѣмъ вмѣстѣ образованный, любившій науку и поэзію, искусный правитель и полководецъ; онъ своей свирѣпостью равнялся Чингизхану и Тимурлену.

c) начало царствованія сулеймана.

Сулейманъ Великій.

Сынъ Селима Сулейманъ (или, какъ прежде писали европейцы, Солиманъ), еще молодой человѣкъ, былъ правителемъ юговосточной части Малой Азіи и во время смерти отца жилъ въ Магнезіи, главномъ городѣ своего начальничества; ему было тогда 25 лѣтъ. Получивъ извѣстіе, что отецъ умеръ, Сулейманъ поспѣшно поѣхалъ въ Константинополь и 30 сентября (1520 года) торжественно вступилъ въ сераль, купивъ расположеніе янычаровъ подаркомъ и увеличеніемъ жалованья. У него не было родственниковъ и потому не было соперниковъ; такимъ образомъ его вступленіе на престолъ не было осквернено злодѣйствами. Газали, правитель Сиріи, возсталъ противъ него, но этотъ мятежъ былъ быстро подавленъ. Газали былъ казненъ въ Дамаскѣ. Погибель его запугала всѣхъ, задумывавшихъ мятежи въ Азіи и въ Египтѣ. Но Сулейманъ упрочилъ свою власть не одной силой оружія, а также и добрыми, справедливыми распоряженіями, которыми началъ свое правленіе: онъ отпустилъ на родину ремесленниковъ, насильно приведенныхъ Селимомъ изъ Сиріи и Египта въ Константинополь, далъ персидскимъ купцамъ вознагражденіе за товары, конфискованные у нихъ Селимомъ. Западные народы радовались тому, что умеръ Селимъ и султаномъ сталъ Сулейманъ: они считали его человѣкомъ миролюбиваго характера, надѣялись, что онъ не пойдетъ отцовской дорогой, не будетъ искать военной славы и завоеваній. Знаменитый писатель того времени Павелъ Іовій (Паоло Джовіо) говорилъ о новомъ султанѣ: «Льву наслѣдовалъ агнецъ». Но скоро христіане увидѣли, что ошиблись. Сулейманъ дѣйствительно

не былъ кровожаднымъ тираномъ, какими были Мухаммедъ II и Селимъ, но не уступалъ имъ любовью къ завоеваніямъ. Съ талантами полководца въ немъ соединялись правительственныя дарованія и политическая проницательность; потому военныя его предпріятія были очень успѣшны, такъ что его царствованіе составило самую блестящую эпоху османской исторіи. Его называли «Великимъ» «Великолѣпнымъ». Гаммеръ говоритъ, что онъ былъ геніальнѣйшимъ изъ всѣхъ турецкихъ султановъ.

Политика Сулеймана.

Новый султанъ зоркимъ умомъ опредѣлилъ цѣли, къ которымъ долженъ идти: онъ хотѣлъ довершить дѣло, которое было начато Мухаммедомъ II и продолжаемо Селимомъ, соединить подъ турецкой властью всѣ острова и прибрежья греческихъ морей. Чтобы христіанскія государства не соединились для сопротивленія ему, онъ старался возбуждать между ними соперничества. Такъ напримѣръ онъ склонялъ на свою сторону любезностью и уступками Венецію, которая своимъ флотомъ могла-бы помѣшать покоренію Родоса, своими войсками затруднить походы турокъ въ Венгрію; и дѣйствительно венеціанцы оставались въ дружбѣ съ нимъ, приняли съ благодарностью его предложеніе помогать имъ въ уничтоженіи морского разбоя и бездѣйственно смотрѣли на громадныя приготовленія султана къ завоеванію Бѣлграда и Родоса, служившихъ оплотами христіанскаго міра отъ турецкихъ нашествій.

Взятіе Бѣлграда 1521.

Сулейманъ и его совѣтники не хотѣли продолжать тѣхъ колеблющихся между войной и миромъ отношеній къ Венгріи, которыя длились уже много лѣтъ: пока Бѣлградъ и Яйца оставались въ рукахъ венгровъ, владычество турокъ надъ Сербіей и Босніей было шаткимъ. Около того времени какъ Сулейманъ вступилъ на престолъ, начальники турецкихъ войскъ въ Семендріи и Босніи неожиданно напали на сосѣднія мелкія венгерскія крѣпости и сожгли ихъ; венгры въ раздраженіи убили турецкаго посла и его свиту. Этимъ началась война, въ которой турки покорили Венгрію и дошли до стѣнъ Вѣны. Мы говорили, что раздоры и эгоизмъ магнатовъ при безхарактерномъ Людовикѣ довели Венгрію до совершеннаго разстройства. Венгерскія крѣпости на Дунаѣ находились въ самомъ жалкомъ положеніи: гарнизоны ихъ были слабы, артиллерія недостаточна, запасы провіанта ничтожны, стѣны и другія укрѣпленія оставались безъ поправокъ. Въ ожесточеніи внутренней своей борьбы венгры оставляли безъ вниманія приготовленія Сулеймана къ нашествію и стали принимать мѣры обороны, только когда турецкія войска уже шли на Шабацъ, Бѣлградъ и Землинъ. Въ это время Карлъ V находился на сеймѣ въ Вормсѣ; туда, въ Римъ, въ Венецію поскакали венгерскіе гонцы съ просьбой о помощи противъ турокъ. Но въ Вормсѣ совѣщанія шли о другихъ дѣлахъ; въ Римѣ и Венеціи просьбы венгровъ тоже были приняты холодно. Западные христіане не подали помощи венграмъ. Турки оса-

дили Шабацъ; малочисленный гарнизонъ его геройски оборонялся до послѣднихъ силъ. Султанъ 8 іюля 1521 года взялъ штурмомъ эту крѣпость; защитники ея погибли всѣ до послѣдняго человѣка. Полуразвалившіяся стѣны Землина не выдержали приступа. Сулейманъ овладѣлъ имъ и нѣсколькими мелкими крѣпостями Сирміи, велѣлъ разрушить до основанія почти всѣ ихъ и осадилъ Бѣлградъ. Венгерскій гарнизонъ оборонялся геройски; султанъ обѣщалъ дать ему свободный пропускъ; изнемогшіе защитники Бѣлграда сдали крѣпость 29 августа; турки по обыкновенію нарушили обѣщаніе, напали на вышедшихъ изъ крѣпости венгровъ, убили ихъ, пощадили только болгарскихъ наемниковъ, которые въ послѣднюю минуту обороны ушли съ своего поста; Сулейманъ отослалъ ихъ въ Константинополь и велѣлъ поселить тамъ. Онъ быстро поправилъ укрѣпленія Бѣлграда и поставилъ въ немъ Бамбега съ большимъ гарнизономъ. Турки вооружили стѣны Бѣлграда двумя стами пушекъ, и онъ сталъ опорнымъ пунктомъ для турецкихъ нашествій на Венгрію.

Завоеваніе Родоса 1522.

Взявъ Бѣлградъ, Сулейманъ не пошелъ дальше на сѣверъ; онъ обратилъ свое оружіе противъ родосскихъ рыцарей, къ нападенію на которыхъ готовился въ концѣ своего царствованія Селимъ. По обѣту своего Ордена вести войну съ невѣрными, родосскіе рыцари не могли вступать въ соглашенія съ турками, какъ венеціанцы. Они считали своей обязанностью дѣлать какъ можно больше вреда мусульманамъ. Потому султаны издавна считали необходимостью овладѣть Родосомъ. По перепискѣ султана съ гросмейстеромъ іоаннитовъ Филиппомъ де Виллье де Лиль-Аданомъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1521 года видно, что Сулейманъ ужь рѣшился тогда на войну, и Орденъ принималъ мѣры обороны. Въ іюнѣ 1522 второй везирь Мустафа-паша поплылъ изъ Дарданеллъ къ Родосу съ флотомъ, состоявшимъ изъ 300 кораблей, а Сулейманъ повелъ по Малой Азіи войско, въ которомъ считалось 100.000 человѣкъ, переправился изъ Мармариды черезъ проливъ на островъ Родосъ, раскинулъ свой шатеръ на холмѣ съ восточной стороны города, и началась осада, одна изъ знаменитѣйшихъ въ исторіи того столѣтія. Западная Европа, занятая своими войнами, не помогала родосскимъ рыцарямъ. Венеціанцы послали подъ начальствомъ Доменико Тривизано эскадру къ Малейскому мысу, давъ своему адмиралу инструкцію охранять Кипръ и не вмѣшиваться въ войну султана съ родосскими рыцарями. Не имѣя ни откуда помощи, они геройски оборонялись противъ могущественнаго врага. Восемь языковъ (національныхъ отдѣловъ) рыцарей—французскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій, португальскій, итальянскій, овернскій и провансальскій, раздѣлили между собою защиту семи фортовъ и гавани, входъ въ которую былъ запертъ двумя крѣпкими цѣпями. Сулейманъ 1 августа началъ приступы; его артиллерія была многочисленна, состояла изъ колоссальныхъ пушекъ, громила стѣны бомбами и каменными ядрами; онъ велъ подкопы; воины его, сражавшіеся на глазахъ султана, соперничали между собой отвагой; но приступы были отражаемы непоколебимымъ мужествомъ рыцарей и геройствомъ всего населенія. Говорятъ, что при штурмѣ 24 сентября было убито 15.000 турокъ. Сулейманъ не жалѣлъ никакихъ жертвъ, и еще два мѣсяца длились непрерывные штурмы; рыцари изнемогли; Сулейманъ достигъ своей цѣли. Рыцари отбили 20 приступовъ, въ которыхъ погибло болѣе 100.000 турокъ; но надежды на помощь не было у осажденныхъ, артиллерійскіе снаряды ихъ истощились; стѣны и башни, разбитыя турецкой артиллеріей, стали непригодны для обороны, и 21 декабря (1522 года) гросмейстеръ заключилъ съ султаномъ договоръ, по которому всѣ рыцари и воины европейскаго происхожденія получили дозволеніе уѣхать въ Критъ со всѣмъ своимъ имуществомъ и оружіемъ. Султанъ обѣщалъ остающимся на островѣ Родосѣ христіанамъ безопасность жизни и собственности, свободу богослуженія и пятилѣтнюю льготу отъ податей; далъ также обѣщаніе, что турецкое правительство никогда не будетъ брать родосскихъ юношей въ янычары. Рыцари получили десять дней срока для отъѣзда; это условіе не было исполнено: новый отрядъ янычаровъ, приплывшій изъ Азіи, ворвался на пятый день въ городъ, грабилъ все, что могъ захватить, осквернялъ церкви, дѣлалъ всяческія насилія, рѣзалъ людей; но кажется, это произошло противъ воли султана и наперекоръ его запрещенію. По крайней мѣрѣ онъ держалъ себя очень привѣтливо, когда Лиль-Аданъ 1 января явился передъ отъѣздомъ проститься съ нимъ; онъ говорилъ гросмейстеру тономъ человѣка, желающаго сказать что нибудь утѣшительное опечаленному. Рыцари поплыли въ Кандію; оттуда въ Италію. Гросмейстеръ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Чивита-Веккіи, Римѣ, Витербо; наконецъ послѣ долгихъ хлопотъ и переговоровъ онъ и его рыцари получили въ свое владѣніе Мальту.—Вмѣстѣ съ Родосомъ поступили подъ власть султана и сосѣдніе мелкіе острова, принадлежавшіе іоаннитамъ: Леръ, Косъ, Калимна, Нисиръ, Телосъ, Халка, Лимонія, Сима.

Султанъ съ торжествомъ возвратился въ Константинополь; христіане скорбѣли объ ударѣ, нанесенномъ защитникамъ христіанства; но венціанцы отправили посольство поздравить султана съ побѣдой, получили за это новыя доказательства его благосклонности:—онъ расширилъ власть баило (правителя) ихъ константинопольской колоніи. Персидскій шахъ тоже прислалъ поздравленіе султану. Сулейманъ могъ чувствовать себя предназначеннымъ владычествовать надъ Европой и Азіей. Правда въ Египтѣ поднялось возстаніе: турецкій намѣстникъ Ахмедъ-паша вошелъ въ соглашеніе съ мамлюками и отказалъ въ повиновеніи султану. Но любимецъ Сулеймана великій везирь Ибрагимъ-паша быстро подавилъ мятежъ. (Ибрагимъ-паша былъ грекъ по происхожденію, обратилъ на себя вниманіе султана

искусной игрой на скрипкѣ, быстро пріобрѣлъ его довѣріе, и султанъ выдалъ за него свою сестру).—Междоусобія въ династіи крымскихъ хановъ дали Солейману возможность назначить ханомъ того изъ претендентовъ, который былъ усерднымъ приверженцемъ его.

Покореніе Венгріи. Положеніе дѣлъ на западѣ.

Мятежъ въ Египтѣ былъ усмиренъ, персидскій шахъ боялся ссоры съ султаномъ; убыль, понесенная турецкимъ войскомъ при осадѣ Родоса, была пополнена, и Сулейманъ возвратился къ прерванному дѣлу расширенія царства на сѣверѣ. Онъ зналъ, что сильнѣйшіе изъ западныхъ государей не будутъ мѣшать ему: король французскій жилъ тогда плѣнникомъ въ Мадридѣ; походъ султана на короля венгерскаго, близкаго родственника габсбургской династіи, соотвѣтствовалъ интересамъ французскаго государя. Мать Франциска и самъ Франциск вступили въ сношенія съ Сулейманомъ, разсчитывая на его помощь противъ императора Карла. Нельзя съ достовѣрностью сказать, что эти переговоры имѣли прямое вліяніе на рѣшеніе султана идти въ Венгрію; но они показывали ему, что союзъ христіанскихъ государей противъ него не возможенъ, что хлопоты Климента VII о крестовомъ походѣ останутся напрасны, что не будетъ исполнено обѣщаніе, данное королемъ французскимъ въ мадридскомъ трактатѣ помогать Карлу въ войнѣ съ турками. Позднѣйшія дѣйствія французскаго правительства доказываютъ, что оно считало султана своимъ союзникомъ противъ Карла. Германія не была страшна султану, потому что на нѣмецкихъ сеймахъ шли только безконечныя совѣщанія о помощи императору противъ турокъ, такія же пустыя, какъ проектъ францисканскихъ монаховъ обратить богатства всѣхъ монастырей на сформированіе войска для войны съ невѣрными. Времена общаго дѣйствованія европейскихъ народовъ прошли; каждое государство поступало по своимъ особеннымъ выгодамъ.

Битва при Могачѣ 1526.

Такимъ образомъ Сулейманъ могъ разсчитывать на успѣхъ, пошедши съ большимъ войскомъ и страшной артиллеріей весною 1526 года за Дунай. Войско пришло 9 іюля въ Бѣлградъ; черезъ нѣсколько дней великій везирь Ибрагимъ-паша взялъ приступомъ Петервардейнъ. Послѣ семидневной осады сдался 1 августа Иллокъ... Зарево пожаровъ показало венграмъ, что Сулейманъ перешелъ у Эссека Драву и идетъ на Пештъ. Мы уже разсказывали о битвѣ при Могачѣ, въ которой 29 августа было истреблено малочисленное венгерское войско и погибъ король Людовикъ. Черезъ нѣсколько дней Сулейманъ раскинулъ свой станъ подъ стѣнами Пешта, и турецкіе отряды разошлись по Венгріи, опустошая страну. Но Сулейманъ теперь еще находилъ неудобнымъ присоединить Венгрію къ своему царству. По сожженіи Офена и опустошеніи южныхъ комитатовъ, онъ ушелъ за Дунай. Число венгровъ, погибшихъ при Могачѣ, зарѣзанныхъ въ своихъ селеніяхъ и городахъ или уведенныхъ въ рабство, простиралось, какъ говорятъ, до 200.000 человѣкъ.

Борьба за венгерскій престолъ.

Борьба за венгерскій престолъ между Фердинандомъ и Яношемъ Заполей отдала Венгрію во власть Сулеймана, потому что и Фердинандъ и Заполя просили у него признанія своихъ правъ, искали у него помощи. Посолъ Заполи, польскій вельможа Ласкій при содѣйствіи Лунджи Гритти, сына венеціанскаго баило и гречанки, склонилъ Ибрагима-пашу и черезъ него султана на сторону Заполи. Ласкій обѣщался, что Заполя не будетъ требовать возвращенія Сирміи и занятыхъ турками венгерскихъ крѣпостей, будетъ присылать султану подарки, и въ февралѣ 1528 Сулейманъ обѣщался защищать короля Іоанна (Яноша) отъ всѣхъ враговъ. Фердинандъ испугался этого договора, бывшаго объявленіемъ войны ему, отправилъ въ Константинополь посольство просить у султана мира и сосѣдской дружбы. Султанъ отвѣчалъ, что Фердинандъ получитъ миръ, только отказавшись отъ Венгріи, и прибавилъ угрозу, что думаетъ скоро самъ посѣтить Фердинанда въ Австріи. Венеціанцы сообщили великому везирю, что послы Фердинанда шпіоны, потому они были нѣсколько мѣсяцевъ удерживаемы подъ стражей. Въ слѣдующемъ (1529) году Фердинандъ отправилъ новое посольство просить у султана мира или по крайней мѣрѣ перемирія, обѣщался платить султану «ежегодный подарокъ,» уполномочилъ своего посла Юришича повышать цифру этой дани до 100.000 дукатовъ, обѣщать большую пенсію или дать большой подарокъ Ибрагиму-пашѣ.

Пожалованіе королевскаго сана Заполѣ 1529.

Но прежде чѣмъ Юришичъ пріѣхалъ въ турецкое царство, Сулейманъ уже снова стоялъ на Могачскомъ полѣ. Въ два предыдущіе года полководцы султана взяли всѣ дунайскія крѣпости, какія еще оставались заняты венграми, въ томъ числѣ и Яйцу, послѣдній оплотъ венгровъ въ Босніи, уничтожили въ Босніи, Кроаціи, Далмаціи, Славоніи всѣ слѣды венгерской или нѣмецкой власти. Когда теперь Сулейманъ пришелъ въ Венгрію, къ нему пріѣхали съ заявленіями преданности магнаты, бывшіе на сторонѣ Заполи; пріѣхалъ и самъ Заполя. Султанъ принялъ его съ почестями, какія оказываются королю, допустилъ его къ цѣлованію своей руки, подступилъ 20 августа къ Пешту, принудилъ нѣмецкій гарнизонъ сдать столицу Венгріи, ввелъ своего коронованнаго вассала въ королевскій дворецъ, и надъ Венгріей сталъ владычествовать король Іоаннъ, какъ данникъ султана.

Осада Вѣны 1529.

Изъ Пешта Сулейманъ пошелъ къ Вѣнѣ, осадилъ ее, держалъ въ осадѣ нѣсколько недѣль; но имперское войско, находившееся въ Вѣнѣ, отбило приступы султана, и въ октябрѣ турки пошли назадъ, оставляя по своему пути груды труповъ и пустыню. Неудача осады Вѣны нѣсколько уменьшила славу этого похода Сулеймана, но султанъ все-таки былъ правъ, торжествуя въ Константинополѣ свои побѣды: онъ отдалъ Венгрію своему данному, и корона св. Стефана, національная святыня венгровъ, находилась въ его рукахъ. Турецкій царь былъ тогда могущественнѣйшимъ государемъ Европы.

D. Исторія культуры въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Литература. Кромѣ источниковъ и ученыхъ трудовъ, перечисленныхъ на 335 страницѣ VII тома, мы назовемъ слѣдующія пособія: 1) по общей исторіи литературы: Simonde de Sismondi, De la littérature du midi de l'Europe (2 тома, Bruxelles, 1837); 2) По исторіи французской литературы: Histoire littéraire de la France, ouvrage commencé par des Religieux Bénédictins, continué par des membres de l'Institut, tomes XXIV et XXV. Quatorzième siècle, par Victor Le Clerc. (Paris, 1862, 1869),—изданія Меона: Roman de la Rose; Fabliaux et contes des poètes français des XII—XV siècles; Le Roman de Renart;—изданіе Бюшона Collection des chroniques nationales françaises écrites en langue vulgaire du XIII au XV siècle (47 томовъ, Paris, 1824—1829);—Kervyn de Lettenhove, Froissart, étude littéraire (2 тома, Paris, 1857); его же: Études sur les historiens du XV siècle (въ Bulletin de l'Académie Royale de Belgique, 2 série, VII) и Lettres et négociations de Comines (Bruxelles, 1867).—Collection universelle des mémoires particuliers relatifs à l'histoire de France au XV siècle (Londres et Paris, 1785);—Histoire de la littérature française par Nisard (4 тома, Paris, 1844—1861); Histoire de la littérature française par Géruzez (6 изд., Paris, 1867);—Keller, Le roman des sept sages (Tübingen, 1836); Achille Jubinal, Mystères inédits du XV siècle (2 тома, Paris, 1837); Keller, Un miracle de Notre Dame (Tübingen, 1865).—3) По англійской литературѣ: A compendious history of English literature by Craik (2 изд., 2 тома, London, 1864); History of English literature by Spalding (2 изд. Edinburgh, 1853).—The poetical works of Chaucer, by Tyrwhitt (London, 1843).—4) По нидерландской литературѣ: Ionckbloet, Geschiedenis der Nederlandsche letterkunde (2 изд., Groningen, 1874; есть нѣмецкій переводъ Берга, 2 тома, Leipzig, 1870). 5) По нѣмецкой литературѣ: Scherer, Geschichte der deutschen Literatur, (2 изд., Berlin, 1885);—Mone, Schauspiele des Mittelalters (2 тома, Karlsruhe, 1846); Deutsches Heldenbuch (Berlin, 1866 и слѣд. годы); переводъ этихъ эпическихъ разсказовъ на новый нѣмецкій языкъ сдѣланъ Зимрокомъ (Heldenbuch, 6 томовъ, Stuttgart und Tübingen, 1843—1849); Переложенія нѣмецкихъ эпопей въ прозу, называющіяся «народными книгами», Volksbücher, изданы также Зимрокомъ: Deutsche Volksbücher, herausgegeben von Karl Simrock (13 томовъ, Frankfurt, 1845—1867; 2 изд., 1876 и слѣд. годы);—Gesta Romanorum, изданія Келлера (Leipzig, 1841) и Гресse (Leipzig, 1842); Diokletians Leben, (изданіе Келлера, Leipzig, 1841).—Изъ многочисленныхъ изданій нѣмецкихъ народныхъ пѣсень мы пользовались въ особенности слѣдующими: Uhland, Alte hoch-und niederdeutsche Volkslieder (2 тома, Stuttgart und Tübingen, 1844—1845); Historische Volkslieder der Deutschen vom XIII bis XVI Jahrhundert, gesammelt und erläutert von Liliencron (Leipzig, 1865).—По исторіи искусствъ кромѣ книгъ, перечисленныхъ въ предъидущихъ обзорахъ пособій, назовемъ Springer, Bilder aus der Kunstgeschichte.

I. ХОДЪ И ХАРАКТЕРЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ ВЪ КОНЦѢ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Придворная поэзія.

Съ XIV столѣтіемъ наступила въ европейской общественной жизни новая эра: прежде образованность имѣла почти исключительно аристократическо-рыцарскій и клерикальный характеръ, однообразный во всѣхъ странахъ, гдѣ укоренилось феодальное устройство, соотвѣтствовала общимъ интересамъ государей, дворянства и духовенства; теперь появились новые факторы, подрывавшіе и мало по малу разрушившіе эту условную образованность. Мы не разъ говорили о вліяніи развившейся въ нидерландскихъ городахъ демократіи на мысли западныхъ народовъ, о значеніи борьбы нѣмецкихъ имперскихъ городовъ съ областными государями, о могуществѣ новаго элемента, внесеннаго въ политическія событія и общественную жизнь средней части западной Европы основаніемъ демократическаго швейцарскаго союза, о борьбѣ цеховъ съ городскими патриціями за гражданскую равноправность. Эти великія движенія, въ которыхъ народы и сословія дошли до яснаго сознанія своихъ особыхъ интересовъ, преобразовали вмѣстѣ съ общественнымъ бытомъ и литературу, разорвали феодальныя цѣпи, сковывавшія ее, произвели въ XIV и XV вѣкахъ новыя стремленія въ ней. Но аристократическія понятія, имѣвшія своимъ выраженіемъ рыцарство и служеніе дамамъ, имѣли сильное владычество надъ умами; потому замѣна ихъ новыми понятіями шла очень медленно. Болѣе столѣтія миновало прежде, чѣмъ демократическіе элементы эманципировались отъ рыцарско-аристократической опеки и отважились противопоставить права природы и разума привычной формалистикѣ. Потому въ XIV и XV столѣтіяхъ появлялись произведенія, писанныя во вкусѣ XII и XIII вѣковъ: монахи и міряне по прежнему писали на родномъ языкѣ разсказы изъ жизни Спасителя, гимны въ прославленіе Богоматери, легенды о святыхъ; въ нѣкоторыхъ изъ этихъ произведеній есть искреннее одушевленіе; появлялись и рыцарскія поэмы. Живѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, сохранялся религіозно-рыцарскій духъ поэзіи во Франціи, гдѣ войны съ англичанами поддерживали рыцарскія привычки, города не имѣли независимости, возстанія поселянъ и городскихъ простолюдиновъ вели только къ упроченію феодальнаго ига, угнетавшаго ихъ, рыцарская любезность соотвѣтствовала народному характеру, любовь къ приключеніямъ оставались въ прежней силѣ. Подъ властью герцоговъ бургонскихъ фландрское и брабантское дворянство приняло французскіе обычаи. При англійскомъ дворѣ и у всѣхъ англійскихъ вельможъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ былъ французскій. Подъ вліяніемъ французской образованности находились и нѣмцы. У французовъ жонглёры и менестрели еще ходили изъ замка въ замокъ,

развлекали своими пѣснями гостей на праздникахъ вельможъ; герольды на турнирахъ все еще были поэтами, пѣвцаии, декламаторами. Въ выборѣ и разработкѣ предметовъ своихъ пѣсень они держались преданія; тэмами лирической поэзіи въ XV вѣкѣ оставались любовь, прелесть природы въ маѣ, красота и граціозность милой; лишь изрѣдка присоединялись къ этому отголоски патріотическаго чувства; въ эпическихъ поэмахъ и въ романахъ по прежнему разсказывались приключенія паладиновъ Карла Великаго, рыцарей Круглаго Стола, чудесные походы Александра, осада Трои. Эти французскія пѣсни и поэмы или переводы ихъ читались въ Нидерландахъ, въ Англіи, при дворахъ южной Германіи.

Аллегорія.

Но мало по малу характеръ придворной эпической поэзіи перемѣнился: рутинныя описанія рыцарскихъ подвиговъ и любовныхъ приключеній стали казаться монотонны, возникла потребность въ разсказахъ, болѣе разнообразныхъ. Поэты стали вплетать въ свои произведенія эпизоды, изображавшіе церковный и общественный бытъ, дѣлали намеки на современные вопросы, угождали вкусу читателей сатирическими или сладострастными описаніями. Для этого очень удобна была форма аллегоріи. «Романъ Розы», образцовое произведеніе поэзіи этого рода, былъ любимымъ чтеніемъ знатнаго общества въ XIV вѣкѣ и даже позднѣе; придворная лирическая и эпическая поэзія получила аллегорическую форму. Изъ Франціи это направленіе перешло въ Нидерланды и въ Англію, литературы которыхъ находились подъ вліяніемъ французской, распространилось и въ нѣмецкую поэзію, хотя она постепенно освобождалась отъ подражанія французской. Мистики любили облекать свою теософію въ аллегорическую форму; Генрихъ Мюглинъ, стоящій на переходѣ отъ миннезингерства къ мейстерзингерству, поднесъ своему покровителю, императору Карлу IV, «Книгу Дѣвушекъ», Das Buch der Maide, дидактическо-аллегорическую поэму объ искусствахъ и наукахъ; поэма «Поѣздка Гамадара Лаберскаго на Охоту», Die Jagd des Hamadar von Laber, изображающая подъ формой охотническихъ приключеній радости и страданія любви, пользовалась большой популярностью, и отчасти заслуживала ея, потому что въ длинномъ, монотонномъ разсказѣ встрѣчаются превосходныя описанія чувства любви и прекрасно высказывается склонность влюбленнаго человѣка мечтать о любви, наслаждаясь картинами природы. По примѣру французскихъ, нѣмецкіе поэты выводили «госпожу любовь», олицетвореніе чувства, имя котораго носитъ она; такъ напримѣръ, «госпожа любовь»—учитъ любить въ поэмѣ Гейнцелейна Констанцскаго. Часто пользовались для своихъ аллегорій нѣмецкіе поэты и старой легендой о госпожѣ Венерѣ, дворецъ которой находится внутри таинственной горы; такъ дѣлаетъ Германъ Заксенгеймъ; а въ поэмѣ «О любви и деньгахъ», Von der Liebe und dem Pfennig, аллегорически разсказывается, какъ человѣкъ забываетъ любовь,

увлекаясь желаніемъ разбогатѣть. Поэзія легко приняла аллегорическій характеръ, потому что ужь и тѣ красавицы, которыхъ воспѣвали трубадуры и миннезингеры, были большею частью фантастическія существа; отъ разсказовъ о любви къ вымышленной женщинѣ былъ очень недалекъ переходъ къ олицетворенію отвлеченныхъ понятій; можно даже сказать, что нѣкоторыя изъ аллегорическихъ фигуръ въ «Романѣ Розы» болѣе реальны, чѣмъ многія изъ красавицъ, которыхъ прославляли трубадуры. Одно изъ олицетвореній, дѣйствующихъ въ «Романѣ Розы», Притворство, Faux-Semblant, справедливо называютъ средневѣковымъ прототипомъ Тартюфа. Аллегорія представляла, между прочимъ, ту выгоду, что подъ прикрытіемъ символическаго значенія фигуръ и сценъ можно было рисовать сладострастныя картины.

Вырожденія рыцарства.

Введеніемъ аллегоріи существенно измѣнился характеръ поэзіи, разсказывшей о приключеніяхъ рыцарей; скоро подверглась она вліяніямъ, совершенно отнявшимъ у рыцарства тотъ блескъ, какой оно еще имѣетъ въ наивной хроникѣ Фруассара. Патриціи городовъ увлекались рыцарскими нравами, желая усвоить себѣ обычаи высшаго общества; поэты начали угождать купцамъ, своимъ покровителямъ; въ Нидерландахъ прекрасные дома богатыхъ патриціевъ сдѣлались для поэтовъ привлекательнѣе замковъ обѣднѣвшихъ или необразованныхъ вельможъ. Когда низшіе классы начали требовать себѣ равноправности съ высшими, патриціи еще тѣснѣе примкнули къ дворянству; но этотъ союзъ былъ непрочень: феодалы, поддерживавшіе государей, стали во вражду съ горожанами. Политическій разрывъ отразился у нидерландцевъ, англичанъ, нѣмцевъ и въ литературѣ; потребности и стремленія реальной жизни у горожанъ стали противоположны интересамъ дворянства; эта разница распространилась и на литературные вкусы. Придворная поэзія быстро клонилась къ упадку. Трубадуры и миннезингеры ужь высказывали жалобы на равнодушіе вельможъ къ поэзіи, на пренебреженіе, какое встрѣчали во многихъ замкахъ; по окончаніи крестовыхъ походовъ, когда нравы рыцарей огрубѣли, и энергія ихъ стала выказываться не въ борьбѣ съ невѣрными, а въ междоусобіяхъ, они стали еще холоднѣе къ поэзіи; прежній искусственный романтизмъ былъ заглушенъ въ нихъ грубой чувственностью, шумными попойками; буйная жизнь въ походахъ и на охотѣ отвлекла ихъ отъ домашняго быта; интересы ума и сердца заглохли въ нихъ. Нравы нѣмецкихъ придворныхъ круговъ были очень грубы; но и во Франціи, въ Англіи нравы высшаго общества не были благопріятны поэтамъ; дворянство занималось исключительно войной и политикой, не интересовалось поэзіей; не находя покровительства у знатныхъ людей, поэты искали его у горожанъ; странствующіе пѣвцы, не встрѣчая хорошаго пріема въ замкахъ, пѣли въ домахъ богатыхъ торговцевъ или на рыночныхъ площадяхъ. Рыцарская

поэзія испортилась, приспособляясь къ вкусу простолюдиновъ; ужь не являлось такихъ даровитыхъ поэтовъ, какъ прежде, когда поэзія пользовалась почетомъ; стихъ эпопей утратилъ правильность въ пѣніи неискусныхъ пѣвцовъ; потомъ пѣніе замѣнилось прозаическимъ разсказомъ, рыцарскія поэмы были переложены въ прозу, обратились въ романы. По своему содержанію, эти передѣлки грубѣе прежнихъ поэмъ. Таковы нѣмецкія передѣлки поэмъ, заимствованныхъ изъ французскихъ легендъ: разсказы о Малагисѣ, о сыновьяхъ Гаймона, объ Ожье Датчанинѣ, переполненный ужасами романъ о Гугѣ Шаплерѣ (сказочная исторія Гуго Капета, по которой онъ былъ сынъ мясника); таковы же передѣлки нѣмецкихъ эпопей: «Дитрихъ-Волкъ», «Розовый садъ»; поэзія возвращается въ нихъ къ тѣмъ понятіямъ, какія существовали до развитія рыцарскихъ, къ тому грубому времени, герои котораго были одарены только исполинской физической силой и кровожадной отвагой. О герояхъ болѣе цивилизованныхъ, какими сдѣлала романическая поэзія рыцарей Круглаго стола, поэзія XIV в. говоритъ лишь слабыми отголосками. Грубость поэмъ XIV вѣка отталкивала отъ нихъ свѣтское общество: рыцарямъ не могли нравиться неуклюжіе герои, чуждые рыцарскаго изящества. Но горожанамъ, вѣроятно, нравилось, что представители враждебнаго имъ сословія изображаются въ каррикатурномъ видѣ; можно полагать, что поэмы XIV вѣка описывали своихъ героевъ грубыми чертами не по одному только неумѣнью придавать имъ изящество, но и по намѣренію выставлять рыцарство въ смѣшномъ и дурномъ видѣ.—Испортившись, рыцарская поэзія погибла; въ Нидерландахъ послѣ XIV вѣка ужь почти вовсе не являлось рыцарскихъ поэмъ; мало появлялось ихъ и въ Германіи. «Книга приключеній», Buch der Abenteuer, написанная по желанію герцога баварскаго Альбрехта IV мюнхенскимъ живописцемъ и составителемъ хроники Ульрихомъ Фютереромъ и разсказывающая размѣромъ «Титуреля» тринадцать приключеній изъ британскаго цикла преданій, была неудачной попыткой пробудить любовь къ старой поэзіи въ людяхъ, ставшихъ чуждыми старинѣ. Творческой оригинальности въ поэмѣ Фютерера такъ же мало, какъ въ стихотворномъ спискѣ рыцарскихъ книгъ, который составилъ въ 1462 году Пютерихъ и посвятилъ Матильдѣ, герцогинѣ австрійской.

Романтическая поэзія во Франціи.

Во Франціи и при англійскомъ дворѣ рыцарская поэзія держалась дольше, чѣмъ въ Нидерландахъ и въ Германіи. Легенды, которыя пересказывала она, были французскія, феодализмъ еще сохранялся во Франціи и въ Англіи, рыцарскія понятія еще оставались тамъ прочны въ знатномъ сословіи. Вѣковая война французовъ съ англичанами порождала сцены, напоминавшія о приключеніяхъ паладиновъ Карла Великаго и рыцарей Круглаго стола. Потому во Франціи и въ знатномъ англійскомъ обществѣ, говорившемъ по-французски, продолжала господствовать рыцарская поэзія, историки писали свои разсказы

тономъ рыцарскихъ поэмъ; а когда взятіе Константинополя турками и нашествія ихъ на при-дунайскія земли пробудили мысли о крестовыхъ походахъ, у французовъ и англичанъ возродилась сильная любовь къ рыцарской поэзіи: обѣ націи гордились воспоминаніями о крестовыхъ походахъ; въ Лондонѣ и въ Брюсселѣ царствовали династіи, происходившія изъ Франціи; Людовикъ Святой и Ричардъ Львиное Сердце, казалось, взывали изъ своихъ могилъ къ французамъ и англичанамъ, что они не должны допускать разрушенія древнѣйшаго изъ христіанскихъ государствъ невѣрными. Крупные факты, сильныя чувства всегда находятъ выраженіе себѣ въ литературѣ. Французамъ и англичанамъ нравились старые разсказы о подвигахъ рыцарей; поэты передѣлывали рыцарскія поэмы во вкусѣ своего времени и придавали широкое развитіе символическому элементу, охватывавшему всю формалистику современнаго имъ рыцарства. Мы видѣли, что жизнь знатнаго общества той эпохи имѣла окраску, заимствованную изъ рыцарскихъ романовъ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ намъ будутъ встрѣчаться фантастическіе праздники съ каваллькадами и турнирами старинаго рыцарства; государи и вельможи наряжались рыцарями, придавали своему волокитству форму рыцарскаго служенія дамамъ, произносили обѣты въ духѣ старинныхъ рыцарей, предпринимали, по ихъ примѣру, путешествія къ святымъ мѣстамъ и поѣздки на войну съ невѣрными.

Отношенія рыцарства къ новому характеру войны.

Такимъ образомъ романтическая поэзія подъ покровительствомъ французскаго, бургонскаго и отчасти англійскаго дворовъ продержалась у французовъ и англичанъ до конца XV вѣка; мы видѣли, что подъ ея вліяніемъ Карлъ VIII пошелъ въ южную Италію, чтобы плыть оттуда на войну съ невѣрными. Но она была теперь пустымъ фантазерствомъ, какъ и все тогдашнее рыцарство было пустымъ подражаніемъ старинѣ. Рыцарскія формы были непригодны къ дѣлу при измѣнившемся характерѣ гражданскаго устройства и войны: всадникъ въ латахъ, сидящій съ копьемъ въ рукѣ на конѣ, одѣтомъ латами, не годился для тогдашней войны; турниры, служеніе дамамъ, вымышленныя страданія и восторги любви, повторенія заученныхъ старыхъ фразъ—все это было нелѣпостью во времена, когда пушки разрушали стѣны замковъ, а книгопечатаніе расширяло кругъ образованныхъ людей. Мы видѣли, что изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія совершенно измѣнило характеръ сраженій, отняло важность у панцырной конницы, и что рыцарство утратило свое прежнее значеніе въ политической жизни.—Для исторіи европейскаго быта не имѣетъ важности вопросъ, кѣмъ изобрѣтенъ порохъ, былъ ли онъ извѣстенъ китайцамъ, индѣйцамъ, арабамъ раньше, чѣмъ узнали его европейцы, или францисканскій монахъ, Константинъ Анклиценъ (по монашескому своему названію: Бертольдъ Шварцъ, то-есть, Бертольдъ Черный), занимаясь химическими опытами, случайно открылъ взрывчатое дѣйствіе смѣси

селитры, сѣры и угля; важенъ только тотъ фактъ, что съ половины XIV вѣка вошло въ употребленіе огнестрѣльное оружіе и что, при его употребленіи, средневѣковое устройство войска оказалось непригоднымъ для войны. Рыцарское ополченіе, ослабѣвшее съ паденіемъ феодальной системы, замѣнилось пѣхотой, составленной изъ наемниковъ, солдатъ по ремеслу, а потомъ постоянными войсками, покорившими феодальныхъ владѣтелей королямъ. Рыцарство стало учрежденіемъ обветшавшимъ, призрачнымъ. Рыцарская поэзія ускорила его упадокъ своими нелѣпостями, возбуждавшими смѣхъ. Романы, разсказывавшіе о приключеніяхъ Амадиса Галльскаго и его потомковъ, были наполнены выдумками, несообразными съ разсудкомъ, и онъ возсталъ противъ прославляемаго ими рыцарства; оно сдѣлалось предметомъ сатиры и пародіи.

Поселяне.

Межъ тѣмъ какъ рыцарство ускоряло романтическими нелѣпостями свою погибель, въ другихъ сословіяхъ пробуждались свѣжія силы: въ духовенствѣ распространилась склонность къ мистицизму, оживлявшая его; греческіе ученые, по взятіи Константинополя турками переселившіеся въ Италію, помогали развитію гуманизма; онъ охватывалъ всѣ отросли знанія и разгонялъ облака обскурантизма, омрачившаго Европу послѣ неудачи церковной реформы, предпринятой констанцскимъ и базельскимъ соборами. У горожанъ и поселянъ стало проявляться сознаніе своихъ человѣческихъ правъ; они готовились къ борьбѣ съ привилегированными сословіями. Тѣ мятежи во Франціи, Нидерландахъ, Англіи, о которыхъ ужь говорили мы, были началомъ этой борьбы. Люди, мыслями которыхъ руководились поселяне въ своихъ возстаніяхъ, принадлежали къ ихъ сословію: ученіе, напоминавшее поселянамъ о первобытномъ равенствѣ людей, было провозглашаемо уиклефистскими проповѣдниками; «Видѣніе Петра Пахаря» было написано англійскимъ монахомъ; эти голоса призывали поселянъ соединиться на общую борьбу противъ угнетенія. Оно было тяжко. Масса поселянъ была порабощена во всей западной Европѣ, кромѣ Швейцаріи и узкой низменной полосы по южному берегу Нѣмецкаго моря. Господа обременяли крѣпостныхъ поселянъ податями и работами и въ своемъ высокомѣріи ругались надъ ними. Презрѣніе къ поселянамъ отразилось и въ литературѣ. Когда нѣмецкіе поселяне стали выказывать демократическія стремленія, поэты рыцарскаго и городского сословій часто осмѣивали ихъ надменность, неуклюжесть, неловкое подражаніе манерамъ дворянъ. Дидактическая поэма баварскаго поэта Генриха Виттенвейлера «Кольцо» представляетъ рядъ комическихъ разсказовъ о грубости и неуклюжести поселянъ, въ противоположность изяществу высшихъ сословій. На тогдашнемъ нѣмецкомъ языкѣ выраженіе «бѣдняки», arme Leute, значило «поселяне». И дѣйствительно, они жили въ нищетѣ. Бѣдственное положеніе низшихъ сословій въ тѣ времена ярко характеризуется тѣмъ, что тогда пользовались большой популярностью «пляски мертвыхъ»; ихъ рисовали живописцы, ихъ представляли въ театрахъ и въ маскарадныхъ процессіяхъ; угнетенные простолюдины находили себѣ отраду въ мысли, что ихъ притѣснители такіе же смертные, какъ они. Тому времени принадлежитъ небольшой популярный трактатъ «Богемскій земледѣлецъ», Der Ackerman aus Böheim; въ немъ смерть разговариваетъ съ земледѣльцемъ, у котораго умерла молодая жена; смерть утѣшаетъ его тѣмъ, что всѣ умираютъ. При всей своей привычкѣ покоряться бѣдственной судьбѣ, поселяне ужь дѣлали тогда попытки улучшить свое положеніе силой оружія; въ Германіи приближалось время великой крестьянской войны. Но рыцарскій мечъ былъ остръ, и мысль, что крѣпостной крестьянинъ тоже человѣкъ, была еще чужда правящимъ классамъ

Горожане.

Сословіе поселянъ не могло преобразовать общественный бытъ; оно— консервативный элементъ государственной жизни, и мятежи его были мимолетными порывами, производившими разрушеніе, но не создававшими новаго порядка. Не таково было сословіе горожанъ. Они произошли отъ поселянъ, и въ число ихъ непрерывно поступали люди изъ сельскаго сословія. Но силы ихъ окрѣпли въ борьбѣ съ дворянами и областными владѣтелями; новая цивилизація стала развиваться въ ихъ сословіи. Государи въ концѣ среднихъ вѣковъ давали праздники и вели войны, дворянство истощало свои послѣднія силы на поддержку пустыхъ сословныхъ притязаній и на буйство, духовенство находилось въ нравственномъ упадкѣ; жизнь горожанъ—единственная свѣтлая сторона общественнаго быта этихъ временъ. Духовенство и дворянство утрачивали прежнее могущество, богатство и превосходство по образованности, общественное значеніе горожанъ подымалось, особенно въ Италіи, Германіи, Нидерландахъ, гдѣ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, развилась городская жизнь. Въ концѣ среднихъ вѣковъ свободные города въ Германіи и въ Нидерландахъ достигли большого торговаго и политическаго могущества, итальянскія городскія республики были сильными государствами; потому естественно было, что поэзія, лишившись покровительства государей и дворянства, перешла въ города. Въ городской жизни были, какъ мы увидимъ, темныя стороны; но все-таки собственно въ ней развилась новая цивилизація. Здравый смыслъ горожанъ уронилъ напыщенную, искусственную рыцарскую поэзію. Правда, у горожанъ не было такой умственной силы, чтобы низвергнуть средневѣковыя формы образованности, упроченныя преданіемъ; но сліяніе сословій, происходившее въ свободныхъ городахъ, создавало такія отношенія между людьми, результатомъ которыхъ было устраненіе узкихъ условныхъ понятій рыцарскаго общества, и установленныя имъ разграниченія сословій падали. Женитьбы вельможъ на простолюдинкахъ были нерѣдки въ дѣйствительности и стали одной изъ любимыхъ тэмъ романовъ. Шум-

Новыя понятія.

ная жизнь многолюдныхъ городовъ представляла рѣзкій контрастъ мечтательному міру рыцарскихъ романовъ, и всѣмъ стало ясно, что онъ—пустой призракъ. Даровитые люди, жившіе въ городскомъ обществѣ, въ которомъ исчезали сословныя различія, стали писать произведенія, изображавшія его; ихъ занимательные разсказы разнообразіемъ и реализмомъ своего содержанія отвлекли публику отъ рыцарской поэзіи, утомлявшей монотонностью и неестественностью. Въ Италіи, гдѣ рыцарство не достигало такого развитія, какъ во Франціи, Англіи, Германіи, и общественная жизнь шла своимъ особымъ путемъ, Боккаччіо создалъ первый образецъ новой повѣствовательной литературы, и скоро явились подражатели ему во всѣхъ западноевропейскихъ земляхъ. Чоусеръ, написавшій по образцу Боккаччіо свои юмористическіе «Кентерберійскіе Разсказы», далъ въ нихъ такія вѣрныя картины англійской жизни, что сдѣлался отцомъ національной англійской поэзіи. Разсказы Боккаччіо, переведенные на нѣмецкій языкъ Штейнгёвелемъ, очень понравились въ Германіи; Эней Сильвій знакомилъ нѣмцевъ съ другими итальянскими новеллами; эти разсказы окончательно убили въ Германіи рыцарскую поэзію, послѣднимъ представителемъ которой былъ императоръ Максиміліанъ, составитель разсказовъ, изъ которыхъ была, подъ его руководствомъ, сложена нелѣпая аллегорическая поэма Thewrdank.

Дидактическая поэзія.

Важной подготовкой къ созданію поэзіи, выражающей мысли горожанъ, были риѳмованныя хроники, разсказывавшія о дѣйствительныхъ происшествіяхъ, и дидактическія поэмы; тѣ и другія были прямой противоположностью пустымъ грёзамъ рыцарскихъ поэмъ. При новомъ направленіи поэзіи, духовенство опять приняло участіе въ поэтической дѣятельности и снова ввело въ нее разсказы изъ библейской исторіи. Нидерландскій поэтъ Марлатъ, прославлявшій «даму, плѣнившую его сердце», сталъ писать произведенія, въ которыхъ дидактика соединена съ сатирой, какъ любили это нидерландцы со временъ появленія «Рейнеке Лисицы». Любимымъ чтеніемъ во всей западной Европѣ въ XIV вѣкѣ были басни Эзопа, восточныя сказки, другіе дидактическіе разсказы; множество ихъ было вставлено въ новую нидерландскую редакцію «Рейнеке Лисицы», въ поэму Тримберга «Бѣгунъ» (Renner), въ поэму Бонера «Драгоцѣнный Камень» (Edelstein). Они замѣняли пустыя грезы рыцарской поэзіи болѣе здоровой умственной пищей. Тримбергъ въ своей поэмѣ, похожей на проповѣдь въ стихахъ, называетъ дурнымъ то, что поэты меньше разсказываютъ о чудесахъ божіихъ и о житіяхъ святыхъ, чѣмъ о вымышленныхъ приключеніяхъ рыцарей Круглаго стола. Большой популярностью пользовались тогда во всей Европѣ «Дѣянія Римлянъ», Gesta Romanorum, и «Книга о семи мудрецахъ», сборники сказокъ съ нравственными выводами. Они были переведены съ латинскаго на всѣ

европейскіе языки. Читая ихъ, горожане пренебрегали рыцарскими поэмами.

Мейстерзингеры.

Нѣмецкіе пѣвцы, подобно жонглёрамъ и минстрелямъ, покинули замки скупыхъ вельможъ, стали пѣть въ домахъ богатыхъ горожанъ и на праздникахъ богатыхъ поселянъ. Ремесленники научились пѣть у миннезингеровъ, примѣнили къ лирической поэзіи формалистику своихъ техническихъ занятій, передѣлали ея содержаніе по своимъ понятіямъ, вложили въ него свою религіозность. Эта новая лирика, поэтами и пѣвцами которой были пѣвцы-ремесленники», meistersinger, имѣла не художественный, а ремесленный характеръ, но все-таки вносила поэтическій элементъ въ жизнь горожанъ, освѣжала ее. Въ то же время переводы знакомили нѣмцевъ съ произведеніями итальянской литературы и съ трудами ученыхъ, писавшихъ на латинскомъ языкѣ; у нѣмцевъ возникла прозаическая литература.

Книгопечатаніе.

Величайшимъ дѣломъ того времени было изобрѣтеніе книгопечатанія, создавшаго новую эру въ развитіи человѣчества. Это изобрѣтеніе было сдѣлано нѣмецкимъ горожаниномъ. Искусство рѣзьбы по дереву, усовершенствованное въ XIV вѣкѣ, и рѣзьба по металлу были ужь примѣняемы къ печатанію игорныхъ картъ, календарей, изображеній святыхъ; деревянныя доски съ вырѣзаннымъ на нихъ текстомъ ужь употреблялись для печатанія молитвенниковъ и учебниковъ. Это искусство было особенно распространено въ Нидерландахъ; и гарлемскій гражданинъ Лауренсъ Янсонъ Костеръ кажется сдѣлалъ усовершенствованія въ немъ. Извѣстія объ этомъ записаны по преданію гораздо позднѣе времени, когда онъ жилъ. Нѣкоторые голландскіе ученые вывели изъ нихъ заключеніе, что изобрѣтателемъ печатанія посредствомъ набора, составленнаго изъ литеръ, былъ Костеръ; ему поставленъ въ Гарлемѣ памятникъ, какъ истинному изобрѣтателю книгопечатанія. Но это мнѣніе основано больше на патріотическомъ чувствѣ, чѣмъ на достовѣрныхъ данныхъ. Говорятъ, что Костеръ напечаталъ книгу «Зеркало спасенія», что шрифтъ, которымъ печаталъ онъ, былъ похищенъ его работниками и унесенъ въ Майнцъ. Но кажется, это голландская передѣлка нѣмецкихъ разсказовъ о расхищеніи шрифта при взятіи Майнца. Если Костеръ дѣйствительно изобрѣлъ одновременно съ Гутенбергомъ и независимо отъ него печатаніе литерами, то его способъ печатанія былъ не такъ хорошъ, какъ изобрѣтенный Гутенбергомъ, замѣненъ въ самой Голландіи способомъ Гутенберга и забытъ. Такимъ образомъ, честь изобрѣтенія типографскаго искусства должна быть признана принадлежащей майнцскому патрицію Іоганну Гутенбергу Генсфлейшу, родившемуся въ Майнцѣ между 1395 и 1400 годами и долго жившему въ Страсбургѣ. Онъ придумалъ вырѣзывать на деревянныхъ столбикахъ литеры и соединять ихъ въ типографскій наборъ. Онъ дѣлалъ въ Страсбургѣ опыты печатать этимъ наборомъ, но они не имѣли важныхъ результатовъ. Въ 1443 году

Гутенбергъ возвратился въ Майнцъ; и нашелъ двухъ товарищей, при содѣйствіи которыхъ дѣло пошло успѣшно; одинъ изъ нихъ, серебряныхъ дѣлъ мастеръ, Йоганнъ Фустъ (или Фаустъ), далъ деньги, надобныя для работы; другой былъ Петеръ Шефферъ, каллиграфъ, помогавшій улучшенію технической стороны изобрѣтенія. Оно было быстро доведено до такого совершенства, что въ пятидесятыхъ годахъ были прекрасно напечатаны латинская Библія, Псалтирь и нѣсколько другихъ книгъ религіознаго содержанія. Но изобрѣтателю не было суждено воспользоваться плодами своего труда. Фаустъ поссорился съ Гутенбергомъ, завелъ тяжбу; судъ отдалъ Фаусту за его денежныя ссуды шрифтъ и всѣ принадлежности типографіи; онъ въ компаніи съ Шефферомъ, женившимся на его дочери, продолжалъ работу въ увеличенномъ размѣрѣ. Одинъ изъ майнцскихъ ратмановъ далъ Гутенбергу деньги для основанія новой типографіи; она существовала довольно долго. Но ссора и тяжба съ Фаустомъ глубоко опечалила Гутенберга. Впослѣдствіи онъ поступилъ на службу при дворѣ архіепископа Адольфа Нассаускаго. Онъ умеръ 24 февраля 1467. Шефферъ, человѣкъ даровитый, открылъ сплавъ металловъ, пригодный для отливки литеръ, замѣнилъ литыми изъ него литерами прежнія, рѣзанныя на деревѣ, изобрѣлъ типографскія чернила. Искусство книгопечатанія сначала составляло секретъ; но, при взятіи Майнца войсками Адольфа Нассаускаго, многіе тифографскіе работники бѣжали изъ города и стали основывать типографіи въ другихъ городахъ. Искусство ихъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Мы знаемъ болѣе тысячи книгъ, напечататанныхъ до 1500 года. Большая часть ихъ напечатаны въ нѣмецкихъ типографіяхъ. Но вскорѣ по взятіи Майнца были основаны нѣмецкими мастерами типографіи въ Италіи, Франціи; скоро распространилось книгопечатаніе и по другимъ цивилизованнымъ землямъ. Оно удешевило книги; цѣна ихъ сдѣлалась еще доступнѣе небогатымъ людямъ, когда вмѣсто пергамента стала употребляться для печатанія бумага изъ льняныхъ тряпокъ или изъ хлопка. Дешевизна книгъ распространяла просвѣщеніе въ небогатыхъ сословіяхъ, оставшихся прежде чуждыми ему. Духовная цензура, учрежденная въ Кельнѣ, Майнцѣ, другихъ городахъ и черезъ нѣсколько времени, по распоряженію папы, введенная вездѣ, не могла остановить распространеніе знаній, производимое книгопечатаніемъ. Почта, учрежденная въ Германіи Максиміліаномъ, во Франціи Людовикомъ XI, тоже помогала возникновенію новаго времени, облегчая письменный и личный обмѣнъ идей.

Возникновеніе народной литературы.

События, волновавшія людей въ послѣднія десятилѣтія XV и въ началѣ XVI вѣка, оживили поэзію, въ особенности лирическую: тонъ ея сталъ правдивѣе прежняго выражать дѣйствительныя чувства. Вмѣстѣ съ лирической поэзіей оживилась и музыка; народное пѣніе получило высокое развитіе первоначально въ нидерландскихъ и

нѣмецкихъ городахъ, потомъ и въ Англіи. У нѣмцевъ народныя пѣсни были выраженіемъ субъективныхъ чувствъ, у англичанъ преобладали пѣсни объ историческихъ событіяхъ, называвшіяся балладами. Французы, рыцарская поэзія которыхъ была образцомъ для другихъ западныхъ націй, отстали отъ нѣмцевъ и англичанъ въ развитіи поэзіи; она у нихъ, послѣ Вильіона, писавшаго въ народномъ тонѣ, замѣнилась искусственной поэзіей. Но французамъ принадлежитъ та слава, что они выработали изъ средневѣковыхъ «мистерій» и «чудесъ» (miracles) новую драматическую поэзію. «Братства», разыгрывавшія «мистеріи» и «чудеса», во Франціи раньше, чѣмъ въ другихъ земляхъ, отбросили условныя формы піэсъ и типы характеровъ, внесли мірскія сцены и фигуры въ средневѣковыя церковныя драмы. Въ концѣ среднихъ вѣковъ спектакли въ Парижѣ ужь дѣлились на серьезные и комическіе; это повело къ дальнѣйшему развитію драматической поэзіи.

II. РЫЦАРСТВО И ПРИДВОРНАЯ ПОЭЗІЯ У ЗАПАДНЫХЪ НАРОДОВЪ.

1. Аристократія и дворы.

Послѣднія времена среднихъ вѣковъ представляютъ мало отраднаго. Прежній порядокъ разрушался, свирѣпствовали войны и эпидемическія болѣзни, жизнь была бѣдственна, люди въ отчаяніи предавались аскетизму: толпы бичующихся ходили изъ города въ городъ; большинство въ ожиданіи бѣдствій и смерти спѣшило наслаждаться; нравы портились. Расширеніе торговыхъ и военныхъ сношеній порождало новыя понятія и потребности. Купецъ, обогащавшійся торговлей съ отдаленными землями, наемникъ, пріобрѣтавшій себѣ добычу, церковный сановникъ, имѣвшій богатые доходы, покидали обычаи старины, менѣе богатой; дворы государей стали великолѣпны. Развивалась любовь къ роскошнымъ наслажденіямъ; поэтическаго элемента и рыцарскаго изящества въ нихъ было мало, преобладала грубая чувственность. Французскій, бургонскій, неаполитанскій дворы соперничали между собой блескомъ праздниковъ. Турниры давно превратились изъ военныхъ упражненій въ пустое щегольство ловкостью и силой. Рыцари, утратившіе всякое значеніе въ сраженіяхъ по введеніи огнестрѣльнаго оружія, забавлялись этими грубыми и опасными играми. Англійскій орденъ подвязки, бургонскій орденъ золотого руна, датскій орденъ слона, французскій орденъ Михаила, шотландскій орденъ Андрея и другіе новые рыцарскіе ордена, учреждаемые государями, служили только для удовлетворенія тщеславію. Расточительность и грубая чувственность владычествовали при дворахъ государей и въ замкахъ вельможъ. Жизнь знатныхъ людей, чуждая всякихъ возвышенныхъ интересовъ, шла въ пирахъ и шумныхъ развлеченіяхъ, перерываемыхъ войнами. Вельможи и дворяне тратили на роскошь больше, чѣмъ дозволяли ихъ доходы, запутывались въ долги, раззорялись тѣмъ быстрѣе, что сословный предразсудокъ воспрещалъ имъ заниматься торговыми и промышленными дѣлами. Государи наряжались въ бархатъ, въ золотые уборы съ дорогими камнями; дворяне подражали имъ *). Мы имѣемъ множество восторженныхъ описаній велико-

*) Смѣшныя и нелѣпыя моды вовсе не привилегія нашего времени. Въ концѣ среднихъ вѣковъ мужчины носили башмаки съ очень длинными носками, концы которыхъ

лѣпія тогдашнихъ придворныхъ праздниковъ. На свадьбахъ государей пировали по цѣлымъ недѣлямъ тысячи гостей и, напиваясь, буйствовали, нерѣдко дрались между собой. Во французскомъ и въ итальянскомъ знатномъ обществѣ владычествовало легкомысленнѣйшее волокитство, въ нѣмецкомъ—пьянство, старый нѣмецкій порокъ. Герцогъ Генрихъ Лигницкій, жившій въ половинѣ XVI вѣка, пропилъ всѣ свои владѣнія. При съѣздахъ государей грубая неуклюжесть нѣмецкихъ вельможъ представляла рѣзкій контрастъ изящнымъ манерамъ французскихъ. Отцы молодыхъ „нѣмецкихъ медвѣдей“ посылали ихъ въ Италію и въ Парижъ учиться свѣтскому обращенію; они пріобрѣтали нѣкоторый лоскъ, но научались новымъ порокамъ. По мѣрѣ того, какъ падало политическое и общественное значеніе дворянства, росла его надменность; въ удовлетвореніе ей были введены законы, по которымъ право участвовать въ турнирахъ и получать должности епископовъ, аббатовъ, канониковъ предоставлялось только людямъ старинnаго дворянства. Рыцарство получало тотъ глупый характеръ, который осмѣянъ въ „Донъ-Кихотѣ“. Маршалъ Бусико былъ истиннымъ предшественникомъ ламанчскаго рыцаря, сражающагося для прославленія красоты Дульсинеи; онъ основалъ общество Рыцарей Бѣлой дамы, обязывавшихся сражаться со всѣми, отказывающимися признать красоту ихъ дамъ. Нѣкоторые англійскіе рыцари завязывали себѣ одинъ глазъ повязкой и давали своимъ дамамъ обѣщаніе не снимать ея, пока не совершатъ славныхъ подвиговъ на войнѣ съ французами.

---

2. Образованность и литература во Франціи.

а) романтическая поэзія и аллегорическія поэмы.

Пустота и неестественность рыцарскаго фантазерства, господствовавшаго въ бытѣ знатнаго общества, проявлялась и въ рыцарской поэзіи, восхвалявшей обветшалыя искусственныя формы жизни, несообразныя съ потребностями настоящаго, продолжавшей пересказывать старыя легенды о рыцарскихъ приключеніяхъ, для которыхъ не было мѣста въ дѣйствительности, продолжавшей сочинять аллегорическія поэмы, забавляться нелѣпыми выдумками. Праздники въ рыцарскомъ вкусѣ особенно великолѣпны были при бургонскомъ дворѣ; подъ его покровительствомъ развилась мода писать историческіе разсказы, похожіе на рыцарскіе романы; онъ покровительствовалъ и аллегорической поэзіи, фантастическая форма которой соотвѣствовала пустотѣ подражанія старинному рыцарству.

подвязывались вверхъ. При пораженіяхъ рыцарскихъ войскъ побѣдители набирали цѣлые возы сапоговъ съ длинными носками; это были трофеи.—Дамы знатныхъ сословій носили шлейфы и громадные головные уборы.—Горожане тоже щеголяли модной одеждой.—Были изданы законы, опредѣлявшіе границы роскоши въ одеждѣ людей, не принадлежавшихъ къ дворянству.

Аллегорія была во вкусѣ того времени, потому что хорошо соотвѣтствовала пустотѣ формъ рыцарства, утратившихъ всякое дѣйствительное значеніе. Пѣсни трубадуровъ и трувероvъ были не столько выраженіемъ дѣйствительнаго чувства, сколько игрой фантазіи; сонеты Петрарки воспѣвали воображаемую, а не дѣйствительную любовь. „Божественная Комедія“ построена на аллегоріи и была обязана своимъ успѣхомъ отчасти этому. Аллегорія.

Тѣмъ же объясняется и успѣхъ „Романа Розы“ (VII, 372). Аллегорія была формой, въ которую удобно было влагать всякое содержаніе: идеальныя грёзы, житейскую мораль, философскія мысли; она допускала и сладострастныя сцены, оправдывая ихъ тѣмъ, что онѣ служатъ символическимъ изложеніемъ нравственныхъ истинъ. Первая половина „Романа Розы“, написанная Гильомомъ де Лорри, учитъ искусству любви скромнымъ, простодушнымъ тономъ, соблазнительныхъ картинъ въ ней нѣтъ; но продолженіе поэмы, написанное современникомъ Данте, Мёномъ Хромымъ (Meung le Clopinel), представляетъ сладострастныя сцены; вельможи и знатныя дамы, которымъ нравились онѣ, оправдывали свое пристрастіе къ соблазнительной поэмѣ тѣмъ, что она подъ оболочкой любовныхъ картинъ излагаетъ возвышенныя истины. Романъ Розы.

„Романъ Розы“ былъ въ XIV и XV столѣтіяхъ любимымъ чтеніемъ высшаго общества—во Франціи и въ Нидерландахъ; ученые писали комментаріи къ нему, какъ къ „Божественной Комедіи“ Данте. Но велико было и число порицателей его. Знаменитый богословъ Жерсонъ говорилъ: „Если бы на свѣтѣ существовалъ только одинъ экземпляръ Романа Розы, и если бъ онъ находился въ моихъ рукахъ, я сжегъ бы его, хотя бъ онъ стоилъ тысячу ливровъ“. Жерсонъ произносилъ проповѣди противъ этой соблазнительной поэмы, написалъ латинскій трактатъ, въ которомъ Справедливость, Истина, Воздержность, Цѣломудріе, Разумъ судятъ Сладострастіе, Праздность, Притворство и другіе пороки, и въ заключеніе, по жалобѣ Совѣсти и Цѣломудрія, Богословіе произноситъ приговоръ, осуждающій „Романъ Розы“. Христина Пизанская (de Pisan), написавшая „Исторію Франціи“, тоже порицала эту соблазнительную поэму; въ половинѣ XV вѣка Мартенъ Франкъ, секретарь папъ Феликса V и Николая V, написалъ романъ „Защитникъ Дамъ“ въ опроверженіе „Романа Розы“, выставляющаго женщинъ безнравственными.—„Романъ Розы“ имѣлъ большое вліяніе на французскую поэзію; она, подобно рыцарству, превращалась въ пустую забаву воображенія, теряла живое содержаніе; главнымъ достоинствомъ поэтическаго произведенія считалось изящество формы; стереотипныя мысли перелагались на искусственный стихотворный языкъ; поэты щеголяли ученостью, вставляли въ свои стихи цитаты изъ древнихъ писателей. Въ эпической поэзіи владычествовала аллегорія и дидактика. Монахъ Гильомъ Дегильвилль, жившій въ первой половинѣ XIV вѣка, написалъ по образцу „Романа Розы“ и „Божественной Комедіи“ поэму, излагавшую христіанское ученіе; она дѣлится на три „пилигримства“; въ ней дѣйствуютъ олицетворенныя добродѣтели и другія абстрактныя понятія; другой монахъ, Жанъ Дюленъ, написалъ поэму „Добродѣтельное Поле хорошей жизни“; цѣль этихъ произведеній—противодѣйствовать соблазнительному „Роману Розы“. Но онѣ холодныя подражанія ему.

Важнѣйшій изъ поэтовъ XIV вѣка, Фруассаръ, тоже писалъ въ аллегорическомъ вкусѣ. Его „Рай любви“ и другія поэмы—подражанія „Роману Розы“. Но лирическія стихотворенія его принадлежатъ дѣйствительному міру; онъ въ нихъ, по примѣру трувероvъ, весело воспѣвалъ наслажденія жизни. Человѣкъ даровитый, хотя и не имѣвшій поэтическаго генія, онъ создалъ новыя формы лирики въ сѣверно-французской поэзіи, ввелъ въ Поэтическія произведенія Фруассара.

нее провансальскую пасторель, легкую игру воображенія. Въ своихъ lais и virelais, какъ назывались двѣ формы веселыхъ пѣсенъ, онъ прославлялъ любовь и вино; онъ писалъ стихотворенія въ честь своихъ покровителей и покровительницъ, воспѣвалъ ихъ праздники.

Французская лирическая поэзія.

Характеръ свѣтскаго общества въ XIV и XV столѣтіяхъ не благопріятствовалъ тому, чтобы лирическая поэзія получила серьёзное содержаніе; она не служила выраженіемъ глубокаго чувства, потому что общество интересовалось только внѣшнимъ блескомъ. Поэты тоже щеголяли блестящей формой своихъ стихотвореній, новизной размѣровъ стиха, ловкостью въ соблюденіи условныхъ, трудныхъ правилъ построенія строфъ. Сонетъ и канцона, формы которыхъ получили высокую обработку въ Италіи, не вошли въ употребленіе у французовъ; любимыми формами французской лирической поэзіи были пѣсни (lais и virilais), пасторель, заимствованная у провансальскихъ труверовъ, рондо, заимствованное тоже у нихъ, тріолетъ (стихотвореніе, состоящее изъ восьми стиховъ, въ которыхъ чередуются по опредѣленному порядку три риѳмы), баллада (одна изъ формъ любовныхъ и шутливыхъ пѣсенъ); всѣ эти классы лирическихъ стихотвореній были подчинены строгимъ правиламъ; поэты любили выказывать свою изобрѣтательность придумываніемъ замысловатыхъ припѣвовъ и риѳмъ. Стѣснительность правилъ, которымъ было подчинено выраженіе чувства, отнимала у него свѣжесть и теплоту, мѣшала бойкости шутокъ, вела къ изысканности оборотовъ, къ пустословію.

Карлъ Орлеанскій.

Лучшимъ изъ лирическихъ поэтовъ того времени былъ Карлъ, герцогъ орлеанскій, взятый въ плѣнъ англичанами въ битвѣ при Азенкурѣ. Въ долгіе годы плѣна онъ высказывалъ стихотвореніями свои чувства. Онъ не свободенъ отъ условныхъ формъ тогдашней поэзіи: воспѣваетъ въ ея вкусѣ любовь и рыцарство, олицетворяетъ абстрактныя понятія; но есть у него стихотворенія, проникнутыя искреннимъ, глубокимъ чувствомъ, написанныя простымъ задушевнымъ тономъ; таковы пѣсни, въ которыхъ вспоминаетъ онъ о прекрасныхъ, благоухающихъ майскихъ дняхъ подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, о веселыхъ танцахъ красавицъ, желаетъ заключенія мира, который возвратитъ ему радости и друзей его молодости. Его стихотворенія изящны; видно, что онъ человѣкъ хорошаго свѣтскаго образованія.—Его примѣру подражали другіе принцы, герцоги бурбонскій, бургонскій, король Рене, подражали французскіе вельможи; въ мрачную эпоху бѣдственной войны они пѣли о любви и рыцарствѣ, объ идиллическихъ радостяхъ пастушеской жизни тономъ прежнихъ провансальскихъ трубадуровъ.

Аленъ Шартье.

Большой славой, какъ поэтъ, пользовался современникъ Карла Орлеанскаго, секретарь Карла VIII, Аленъ Шартье; былъ знаменитъ онъ и какъ прозаикъ. Есть разсказъ, что супруга дофина Людовика, граціозная молодая женщина, Маргарета Шотландская, случайно вошедши въ комнату, гдѣ пріуснулъ Шартье, „поцѣловала уста, изъ которыхъ вылилось столько прекрасныхъ и добродѣтельныхъ словъ“.—Дошедшія до насъ поэтическія произведенія Шартье не оправдываютъ похвалъ современниковъ его таланту. Его любовныя пѣсни и „Книга дамъ“ написаны въ напыщенномъ аллегорическомъ вкусѣ того времени и ничѣмъ не лучше другихъ тогдашнихъ стихотвореній. Но справедливо хвалили современники патріотизмъ Шартье: онъ видѣлъ и строго порицалъ безразсудство вельможъ; любовь къ отечеству внушала ему пѣсни, въ которыхъ слышится искреннее чувство.

Клотильда де Сюрвилль.

Стихотворенія Клотильды де Сюрвилль, урожденной де Вальонъ-Шали, пріятельницы Маргареты Шотландской, тоже славились задушевностью чувства, изяществомъ и нѣжностью тона. Эти достоинства дѣйствительно находятся въ сборникѣ стихотвореній, напечатанномъ въ 1803 году, и приписываемомъ Клотильдѣ Сюрвилль; особенно хорошо „Посланіе къ мужу“ („Героида къ мужу“, по тогдашнему термину, заимствованному изъ Овидія); но эти стихотворенія очевидная поддѣлка, написанная гораздо позднѣе XV столѣтія. — Оливье Басленъ (Basselin), простолюдинъ, суконщикъ, жившій въ Валь-де-Вирѣ, славился своими пѣснями, которыя по имени той мѣстности назывались „водевирами“, vaux de vire (vaux множеств. число отъ слова val); онѣ сохранялись въ изустномъ преданіи и напечатаны лишь черезъ двѣсти лѣтъ по смерти поэта; но французскіе ученые считаютъ ихъ напечатанными безъ передѣлокъ.

Вильіонъ.

Первый поэтъ, покинувшій рутинный путь аллегоріи и подражанія итальянскимъ или провансальскимъ образцамъ, былъ Франсуа Вильіонъ, уроженецъ Парижа, простолюдинъ, сынъ бѣдныхъ родителей, всю жизнь оставшійся бѣднякомъ, пріятель бродягъ и негодяевъ, не разъ попадавшій въ тюрьму за воровство; онъ дошелъ въ своихъ продѣлкахъ до такой дерзости, что былъ приговоренъ къ висѣлицѣ. Даже близость смерти не заглушила въ немъ веселости: онъ шутилъ надъ тѣмъ, что веревка скоро испытаетъ, тяжело ли его тѣло. Людовикъ XI, любившій шутовскія выходки, избавилъ его отъ смерти, замѣнилъ ее изгнаніемъ. Онъ отправился въ Бретань; тамъ голодъ вовлекъ его въ новые проступки. Только старость внушила ему разсудительность; изъ желчнаго сатирика онъ сталъ добродушнымъ, сантиментальнымъ юмористомъ, въ шуткахъ котораго слышится тихая грусть.—Произведенія Вильіона совершенно оригинальны; содержаніемъ ихъ служатъ его приключенія; картины, рисуемыя имъ, взяты изъ жизни, языкъ его безъискусственъ, легокъ, шутки мѣтки, стихъ превосходенъ. Самое знаменитое изъ его произведеній—„Большое завѣщаніе“; это рядъ характеристикъ людей, которымъ Вильіонъ желалъ высказать свою признательность, и людей, которыхъ хотѣлъ выставить дурными; хорошіе и дурные отзывы имѣютъ форму завѣщанія; но главное достоинство поэмѣ придаютъ вставленныя въ нее маленькія лирическія стихотворенія; въ ней много грустныхъ размышленій о томъ, что миновала молодость, что жизнь была проведена дурно; изъ этого видно, что Вильіонъ писалъ „Большое завѣщаніе“ ужь въ немолодыхъ лѣтахъ. Другая его поэма, имѣющая такую же форму, но менѣе длинная, называется „Малымъ завѣщаніемъ“.—Произведенія Вильіона представляютъ совершенную противоположность напыщеннымъ поэмамъ и пѣснямъ поэтовъ рыцарскаго общества. Они образуютъ переходъ отъ средневѣковой поэзіи къ новой.

b) хроники и мемуары.

Характеръ національной исторіографіи.

Рядомъ съ хрониками, писанными на латинскомъ языкѣ во Франціи, рано стали появляться болѣе занимательныя историческія книги на французскомъ языкѣ; это были разсказы авторовъ объ ихъ жизни и участіи въ общественныхъ дѣлахъ; ихъ называли мемуарами. Еще

въ XIII вѣкѣ Виллардуэнъ и Жуанвилсь разсказали соотечественникамъ о своемъ участіи въ экспедиціяхъ на востокъ; ихъ мемуары привлекательны простотой и свѣжестью. Послѣ нихъ было во Франціи много людей, писавшихъ или диктовавшихъ писцамъ свои воспоминанія; такъ напримѣръ оставили намъ записки о своихъ военныхъ дѣлахъ маршалъ Бусико, любитель военныхъ приключеній, и знаменитый полководецъ Дю Гекленъ. Съ мемуарами имѣютъ родство по рыцарскому тону разсказа хроники на французскомъ языкѣ, писанныя въ XIV и XV столѣтіяхъ и бывшія тогда любимымъ чтеніемъ общества. Первую такую хронику написалъ Фруассаръ; у него было много подражателей, особенно въ сѣверной Франціи и во Фландріи. Эти рыцарскія хроники отличаются отъ мемуаровъ тѣмъ, что авторы ихъ разсказываютъ и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ не участвовали сами, ставятъ себѣ цѣлью написать полную исторію своего времени. Для полноты они разсказываютъ о томъ, что происходило не только въ отечествѣ ихъ, но и въ сосѣднихъ государствахъ; они заботятся больше всего о занимательности разсказа и очень подробно описываютъ приключенія и праздники при дворахъ, подвиги рыцарей, такъ что хроники ихъ похожи на рыцарскіе романы. Фруассаръ былъ человѣкъ очень даровитый; его разсказъ всегда завлекателенъ, но у его менѣе даровитыхъ подражателей, напримѣръ у Монтреле и Шателена многословіе доходитъ до утомительности. Совершенно иной характеръ имѣютъ мемуары Филиппа Комина, представляющіе переходъ отъ средневѣковой исторіографіи къ новой. Коминъ разсказываетъ событія въ прагматичечомъ порядкѣ, разъясняетъ связь причинъ съ послѣдствіями.

---

1. Фруассаръ.

Жизнь Фруассара.

Жанъ Фруассаръ родился въ концѣ 1337 года въ Валансьенѣ, одномъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ сѣверной Франціи. Предки его, зажиточные торговцы, переселились въ Валансьенъ изъ Бомона. Отецъ Жана былъ рисовальщикъ гербовъ. Жанъ въ дѣтствѣ былъ слабаго здоровья, и родители отдали его въ духовное званіе. По своему живому характеру онъ былъ плохой исполнитель правилъ монашеской жизни. Онъ самъ разсказываетъ, что въ молодости любилъ рыцарскіе романы больше латинскихъ книгъ, что за это часто били его, что однажды явилась ему Венера и обѣщала, что онъ пріобрѣтетъ любовь прекрасной дѣвушки и всегда будетъ имѣть веселую душу, расположенную къ любви. Будучи юношей, онъ страстно влюбился въ богатую, знатную молодую даму, которая, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ее, читала любовный романъ „Клеомадъ“. Онъ писалъ стихотворенія, въ которыхъ восхвалялъ ея граціозность, милую улыбку, бѣлыя руки; но не пріобрѣлъ счастья стать ея любовникомъ; она только подарила ему зеркало на память о ней и говорила, что всегда будетъ вспоминать о немъ съ добрымъ расположеніемъ. Такъ разсказываетъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ; но очень можетъ быть, что эта дама сердца фантастическое существо, подобно Беатриче у Данте и Лаурѣ Петрарки. Фруассаръ поѣхалъ въ Англію съ рекомендательнымъ письмомъ отъ графа геннегаускаго къ королевѣ англійской, племянницѣ графа. Переѣздъ черезъ проливъ былъ очень буренъ; подъ шумъ бури Фруассаръ сложилъ стихотвореніе, высказывавшее элегическое настроеніе души его, опечаленной несчастной любовью. Онъ былъ хорошо принятъ при англійскомъ дворѣ. Филиппа Геннегауская, супруга короля (Эдуарда III), была благосклонна къ поэту; онъ платилъ ей за милости къ нему стихотвореніями въ честь ея. Черезъ нѣсколько времени, стосковавшись въ разлукѣ съ дамой своего сердца, онъ сказалъ королевѣ, что желаетъ уѣхать на родину. Королева взяла съ него обѣщаніе возвратиться. Онъ поѣхалъ къ дамѣ своего сердца, но не получилъ отъ нея дозволенія бывать у нея и только смотрѣлъ въ окно на нее, разговаривающую съ другими. Лишь однажды подруга дамы доставила ему случай говорить съ ней. Скоро онъ потерялъ всякую надежду. Злые языки говорили, что онъ былъ слишкомъ любезенъ съ бѣлыми, какъ лебеди, красавицами Альбіона; дама его сердца вѣрила этому, сдѣлала ему рѣзкіе упреки, и онъ навсегда простился съ ней; но любовь къ ней сохранилась въ его душѣ на всю жизнь.

Онъ снова покинулъ родной городъ. Ему было тогда 23 года. Онъ поѣхалъ въ Авиньонъ, быть можетъ съ надеждой выпросить себѣ бенефицію. По разлукѣ съ дамой сердца, вѣроятно, онъ былъ готовъ поступить въ духовное званіе, чего не хотѣлъ сдѣлать прежде. Но онъ не получилъ бенефиціи, отправился путешествовать по Франціи, жилъ въ Нарбоннѣ, въ Парижѣ, слушалъ разсказы рыцарей и придворныхъ о войнахъ французовъ съ англичанами и въ 1361 возвратился въ Англію къ своей покровительницѣ, поднесъ ей книгу пѣсенъ о войнахъ. Королева назначила его однимъ изъ своихъ клерковъ (секретарей) и ободряла его поэтическую дѣятельность. При дворѣ Эдуарда III поэты вообще пользовались покровительствомъ. Фруассаръ написалъ въ это время много аллегорическихъ пѣсенъ въ современномъ вкусѣ; послѣ онъ составилъ изъ нихъ два сборника „Майскій дворъ“ и „Рощу юности“ (Buisson de jonèce т. е. jeunesse). При дворѣ Эдуарда III онъ слушалъ разсказы вельможъ и рыцарей о битвахъ при Кресси и Пуатье, о другихъ подвигахъ англичанъ во Франціи, объ ихъ войнахъ съ шотландцами; онъ вздумалъ записывать эти разсказы, „чтобы потомки заимствовали изъ нихъ образцы для храбрыхъ дѣлъ, и всѣ благородные люди наслаждались ими и получали желаніе совершать подобные подвиги“. Королева одобрила намѣреніе Фруассара, дала ему денегъ на поѣздки къ разнымъ дворамъ и знаменитымъ рыцарямъ для собиранія свѣдѣній, на посѣщеніе тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ происходили битвы, чтобы можно было ему вѣрно описывать ихъ. Онъ сталъ ѣздить отъ двора къ двору, изъ одной земли въ другую, собиралъ матеріалы изъ разсказовъ и рукописей. Человѣкъ наблюдательный и умный, онъ соединилъ эти матеріалы въ прекрасный разсказъ. Само собою разумѣется, что въ его книгу попало много неточностей и выдумокъ. Онъ посѣтилъ сѣверную Англію, бывшую театромъ войнъ съ шотландцами; разсказы объ этихъ войнахъ составляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ частей его хроники. Изъ сѣверной Англіи онъ возвратился ко двору. Въ 1364 году онъ сопровождалъ Эдуарда III во Фландрію и присутствовалъ на праздникахъ свиданія короля съ графомъ Людовикомъ. Одинъ изъ геральдовъ разсказалъ ему много подробностей о войнѣ въ Бретани. Въ 1366 году онъ находился при дворѣ принца уэльзскаго въ южной Франціи и постоянно разспрашивалъ рыцарей,

участвовавшихъ въ походахъ принца. Въ 1367 году онъ вмѣстѣ съ Чоусеромъ сопровождалъ герцога клеренсскаго, поѣхавшаго въ Миланъ жениться на дочери герцога Галеаццо Висконти. По дорогѣ было дано герцогу клеренсскому много великолѣпныхъ праздниковъ въ Парижѣ, въ савойскихъ и ломбардскихъ городахъ. Фруассаръ получилъ богатые подарки отъ герцога миланскаго и поѣхалъ въ Римъ. Въ Феррарѣ и Болоньѣ онъ видѣлся съ Петромъ, королемъ кипрскимъ, разспрашивалъ короля и его свиту о Востокѣ. Въ Римѣ, гдѣ жилъ тогда императоръ Іоаннъ Палеологъ, пріѣхавшій просить помощи у папы, Фруассаръ чувствовалъ грусть при мысляхъ объ упадкѣ древняго величія римской и византійской имперіи. Въ Римѣ Фруассаръ услышалъ печальное извѣстіе, что король кипрскій убитъ въ своемъ дворцѣ заговорщиками, дѣйствовавшими вѣроятно по внушенію братьевъ его. Еще больше былъ опечаленъ Фруассаръ извѣстіемъ, что умерла его покровительница, англійская королева Филиппа. Онъ поѣхалъ изъ Италіи на родину, бесѣдовалъ въ Бомонѣ съ владѣтелемъ этого замка Гюи Блуасскимъ, вельможею, принадлежавшимъ къ знаменитой фамиліи Шатильйоновъ. Гюи былъ храбрый воинъ, принимавшій участіе въ войнахъ англичанъ съ французами, ѣздившій въ Пруссію сражаться съ литовцами. Онъ далъ Фруассару церковную должность въ Лестинѣ, неподалеку отъ Бомова. Дѣло состояло не въ должности, а въ томъ, что съ нею было соединено помѣстье. Фруассаръ, принявъ духовное званіе, продолжалъ веселиться по прежнему, церковные сановники не стѣснялись тогда правилами монашескаго устава. Фруассаръ постоянно бывалъ въ Бомонѣ у Гюи Блуасскаго, котораго часто посѣщалъ родственникъ его и покойной королевы Филиппы Роберъ, графъ намюрскій, подобно Гюи Блуасскому участвовавшій во многихъ походахъ, имѣвшій большую житейскую опытность. Разговоры съ ними доставили Фруассару много матеріаловъ для хроники. Онъ началъ составлять ее, когда ему было лѣтъ 35. Какъ прежде явилась ему Венера и велѣла писать любовныя пѣсни, такъ теперь явилась ему въ поэтическомъ видѣніи богиня мудрости и велѣла писать исторію подвиговъ, которые видѣлъ онъ или о которыхъ слышалъ.

Но работая надъ своей хроникой, Фруассаръ не забывалъ поэзію, которая доставила ему и славу и покровительство могущественныхъ людей. Скоро представился ему случай съ новымъ усердіемъ заняться поэтическими трудами. Венцеславъ, герцогъ брабантскій и люксембургскій, другъ поэтовъ и самъ поэтъ, пригласилъ Фруассара къ своему блестящему двору. Онъ сталъ помогать герцогу въ занятіяхъ поэзіей и составилъ изъ стихотвореній, написанныхъ Венцеславомъ и имъ самимъ, романъ „Меліадоръ или рыцарь золотого солнца“. Онъ сопровождалъ Венцеслава въ Реймсъ на праздники коронаціи Карла VI, а по смерти герцога, въ 1383 году, возвратился въ Бомонъ къ своему покровителю Гюи Блуасскому, который сдѣлалъ его своимъ капелланомъ и далъ ему санъ каноника въ Шимé. Гюи Блуасскій жилъ роскошно, любилъ пиры; Фруассаръ веселился на нихъ, писалъ пасторелли и эпиталамы на свадьбы родственниковъ и родственницъ своего покровителя, ѣздилъ пировать на этихъ свадьбахъ въ Камбрé, въ Блуа, въ Буржъ. Ему захотѣлось побывать при дворѣ Гастона Фуа, короля наваррскаго. Онъ отправился въ Беарнъ съ рекомендательнымъ письмомъ графа Блуасскаго и четырьмя охотничьими собаками для подарка Гастону. Къ нему присоединился рыцарь Эпенъ Ліонскій (Espaing dè Lyon); они ѣхали на коняхъ рядомъ по берегамъ Гаронны. Эпенъ разсказывалъ Фруассару о сраженіяхъ, происходившихъ тамъ, и показывалъ ему мѣста ихъ. Гастонъ Фуасскій былъ страшный любитель охоты, о которомъ даже написалъ поэму въ тогдашнемъ аллегорическомъ вкусѣ, любилъ рыцарскую поэзію, принималъ, угощалъ, щедро награждалъ странствующихъ пѣвцовъ и музыкантовъ ихъ, пріобрѣлъ своими блестящими рыцарскими качествами такую славу, что получилъ названіе Феба. Храбрый воинъ, онъ участвовалъ во всѣхъ битвахъ англичанъ съ французами, ѣздилъ въ Пруссію сражаться съ язычниками. Такой человѣкъ не могъ не стать другомъ Фруассара, слушалъ по вечерамъ до глубокой ночи его стихотворенія, разсказывалъ ему о своихъ военныхъ подвигахъ. Фруассаръ три мѣсяца прожилъ у Гастона Феба и былъ въ восторгѣ отъ веселостей его двора, о которыхъ разсказываетъ и въ лирическихъ и въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Жанна Булонская, родственница Гастона, вышла за герцога Беррійскаго. Фруассаръ ѣздилъ на ихъ свадьбу и написалъ для этого праздника стихотвореніе „Храмъ славы“; потомъ онъ былъ на коронаціи Изабеллы, супруги Карла VI, провожалъ короля въ Авиньонъ, писалъ стихотворенія въ честь Изабеллы, воспѣвалъ праздники, какими встрѣчали Карла французскіе города. Работая надъ своей хроникой, онъ пашелъ свои свѣдѣнія о войнахъ на Пиренейскомъ полуостровѣ недостаточно точными, желалъ расспросить объ нихъ португальцевъ, отправился въ Брюгге, куда пріѣзжали купцы изъ всѣхъ европейскихъ земель, услышалъ тамъ, что въ Зеландіи въ городѣ Миддельбургѣ живетъ португальскій вельможа Пачеко, поѣхалъ къ нему, распросилъ его обо всемъ; черезъ нѣсколько недѣль возвратился въ Валансьенъ и принялся усердно продолжать свою хронику. Очень опечалила его несчастная судьба Гюи Блуасскаго, который на старости ослабѣлъ умомъ и промоталъ всѣ свои владѣнія. Черезъ два года другой покровитель Фруассара, Роберъ, графъ намюрскій, умеръ отъ эпидеміи, опустошавшей тогда (въ 1392 году) земли по Рейну. Фруассару было уже 55 лѣтъ, но онъ не могъ бросить привычку къ бродячей жизни и въ томъ же году поѣхалъ въ Парижъ, ѣздилъ съ французскимъ дворомъ въ Абвиль. Въ 1395 году онъ поѣхалъ въ Англію; тамъ во дворцѣ были уже новые люди, и нѣсколько дней онъ не могъ получить доступа къ Ричарду II. Наконецъ Томасъ Перси, братъ герцога нортомберлендскаго, и герцогъ іоркскій, знавшіе его, когда были дѣтьми, представили его королю. Онъ поднесъ Ричарду прекрасно переписанное собраніе своихъ стихотвореній, „внушенныхъ ему Богомъ и любовью“. Ричардъ принялъ книгу благосклонно и любовался на прекрасныя картинки въ ней, а услышавъ, что въ ней разсказываются любовныя исторіи, обрадовался, что получилъ ее. Фруассаръ познакомился съ англійскимъ рыцаремъ, говорившимъ по-французски; рыцарь спросилъ его, слышалъ ли онъ объ экспедиціи короля въ Ирландію, о томъ, что Ричардъ покорилъ тамъ четырехъ королей; Фруассаръ отвѣчалъ, что не слышалъ; рыцарь подробно разсказалъ ему объ этой экспедиціи. При отъѣздѣ его изъ Англіи, Ричардъ прислалъ ему серебряный кубокъ, въ которомъ лежало 100 золотыхъ монетъ.

Когда Фруассаръ возвратился во Францію, тамъ готовились отправить экспедицію противъ турокъ (это былъ тотъ походъ, который кончился пораженіемъ христіанъ подъ Никополемъ). Бургонскій дворъ горячо говорилъ о новомъ крестовомъ походѣ, Фруассаръ очень радовался этому рыцарскому энтузіазму и въ знакъ сочувствія поднесъ герцогу Филиппу Бургонскому свою поэму „Сокровище любви“. Вскорѣ послѣ того король англійскій женился на дочери короля французскаго; Фруассаръ былъ на этой свадьбѣ; онъ дожилъ и до погибели несчастнаго Ричарда II. До этого событія и доведена его хроника; потому должно полагать, что онъ умеръ вскорѣ послѣ смерти Ричарда. О послѣднихъ годахъ его жизни мы ничего не знаемъ; вѣроятно онъ провелъ ихъ въ Шимé, гдѣ имѣлъ санъ каноника.

Разсказы хроники Фруассара имѣютъ тѣсную связь съ фактами его жизни; его историческій трудъ, состоящій изъ четырехъ книгъ и разсказывающій

Характеръ хроники Фруассара.

важнѣйшія событія европейской исторіи отъ коронованія Эдуарда III (на рождество 1326 года) до конца XIV вѣка, имѣетъ характеръ мемуаровъ. О тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ не участвовалъ самъ, Фруассаръ разсказываетъ то, что слышалъ отъ очевидцевъ, и почти всегда сообщаетъ намъ, отъ кого и какъ получилъ онъ свои свѣдѣнія; большинство тѣхъ государей и вельможъ, о которыхъ говоритъ онъ, были лично знакомы ему; онъ участвовалъ въ ихъ придворныхъ веселостяхъ, присутствовалъ на ихъ турнирахъ, видѣлъ почти всѣ тѣ мѣста, въ которыхъ происходитъ дѣйствіе разсказовъ его. Въ своихъ разъѣздахъ онъ постоянно собиралъ матеріалы для своей хроники. Нѣкоторыя извѣстія онъ беретъ изъ прежнихъ хроникъ, но лишь немногія; главнымъ источникомъ его разсказовъ служатъ личныя свѣдѣнія. Онъ передаетъ то, что̀ слышалъ, сообщая изложенію большую живость своимъ поэтическимъ воображеніемъ. О тѣхъ событіяхъ, которыя происходили очень давно, онъ беретъ извѣстія изъ хроники своего соотечественника Жана ле Беля, люттихскаго каноника. Онъ горячо сочувствуетъ рыцарству, послѣдней блестящей эпохой котораго былъ періодъ войнъ англичанъ съ французами; онъ родился въ странѣ, гдѣ рыцарство достигало высшаго своего развитія, и очень долго жилъ при бургонскомъ дворѣ, дольше всѣхъ другихъ дворовъ сохранявшемъ формы рыцарскаго быта; его друзьями были дамы и вельможи, державшіе себя какъ тѣ дамы и рыцари, о которыхъ разсказывали рыцарскія поэмы; онъ любилъ это общество, мужчины котораго хвалились отважными дѣлами, пировали и любезничали съ дамами. Онъ былъ похожъ на тѣхъ странствующихъ поэтовъ и пѣвцовъ, которые въ прежнія времена ходили или ѣздили изъ замка въ замокъ и повсюду были встрѣчаемы какъ милые гости. За свои стихотворенія въ честь покровителей и покровительницъ, въ прославленіе ихъ свадебныхъ и другихъ торжествъ, онъ получалъ щедрыя награды. Большая часть его поэтическихъ произведеній дошла до насъ; но нѣкоторыя, какъ напримѣръ „Меліадоръ“, „Сокровище любви“ и сборникъ пѣсенъ, „Майскій дворъ“ или затерялись, или еще не напечатаны. Какъ поэтъ, онъ получалъ доступъ во дворцы и замки, гдѣ собиралъ матеріалы для своей хроники, и поэтическій талантъ его придалъ ей высокое достоинство. Онъ разсказываетъ такъ живо, что читатель какъ будто видитъ все своими глазами. Со временъ Геродота не было историка, который умѣлъ бы разсказывать такъ легко и занимательно, какъ Фруассаръ. Подобно Геродоту, онъ вставляетъ въ разсказъ разговоры, перерываетъ его своими личными замѣчаніями. Хроника Фруассара даетъ намъ удивительно наглядное изображеніе жизни современнаго ему общества. Главные предметы его разсказа—англійскія дѣла при Эдуардѣ III и Ричардѣ II и французскія дѣла при Іоаннѣ, Карлѣ V и Карлѣ VI; въ связи съ ними онъ разсказываетъ объ испанскихъ и нидерландскихъ дѣлахъ, прибавляетъ иногда извѣстія о томъ, что̀ дѣлалось въ Италіи, Венгріи, Германіи, Пруссіи, другихъ земляхъ. Родившись на границѣ Нидерландовъ съ Франціей, онъ долго жилъ при англійскомъ дворѣ, потому для него одинаково близки и милы французы, нидерландцы и англичане. Замѣтно у него нѣкоторое предпочтеніе къ англичанамъ, но причиной этого не было пристрастіе къ нимъ, а только то, что они превосходили тогда французовъ блескомъ побѣдъ и рыцарской отваги. Онъ восхищается Чернымъ принцемъ, какъ идеаломъ рыцарскихъ доблестей. Но когда французы совершаютъ рыцарскіе подвиги, онъ восхищается и французами; онъ превозноситъ Дю Геклена похвалами. Вполнѣ раздѣляя понятія и чувства знатнаго общества, Фруассаръ въ своей симпатіи къ нему забываетъ о бѣдственномъ положеніи народа и враждебенъ попыткамъ нидерландскихъ горожанъ освободиться отъ владычества аристократіи. Мы уже говорили, что его хроника походитъ на рыцарскіе романы. Это не отъ того, чтобъ онъ

примѣшивалъ къ исторической истинѣ вымыселъ; нѣтъ, его разсказы правдивы; онъ не жалѣлъ никакихъ трудовъ для того, чтобы пріобрѣсти точныя свѣдѣнія, очистить истину отъ лжи; но онъ описываетъ блестящую сторону придворной и рыцарской жизни съ художественнымъ талантомъ и съ любовью; онъ интересуется только сраженіями, отважными подвигами, пирами, праздниками, веселостями знатнаго общества; онъ живетъ въ мірѣ славы, великолѣпія и веселья храбрыхъ рыцарей и очаровательныхъ дамъ. Исторія представляется у него рядомъ событій, связь между которыми онъ не заботится объяснить. Съ одинаковой наивностью разсказываетъ онъ о дурныхъ и хорошихъ поступкахъ, не вдаваясь въ нравственную оцѣнку ихъ; у него рѣдко встрѣчается порицаніе дѣламъ коварства и жестокости. Онъ осуждаетъ тиранство Галеаццо Висконти, выражаетъ иногда сожалѣніе о томъ, что народъ угнетенъ тяжелыми налогами, видитъ порочность папскаго авиньонскаго двора; но такія мѣста попадаются въ его хроникѣ рѣдко. Онъ считаетъ всякое сопротивленіе народа феодальнымъ владѣтелямъ преступной дерзостью, негодуетъ на всякую попытку измѣнить существующій порядокъ дѣлъ, строго порицаетъ Уиклефа и его послѣдователей, осыпаетъ ругательствами не только предводителей жакеріи, но и Артевельде и другихъ вождей нидерландскихъ горожанъ. Онъ восхищается феодальнымъ устройствомъ; похвалы его средневѣковому порядку дѣлъ искренни. Хроника его оставалась до эпохи возрожденія любимымъ чтеніемъ французскаго знатнаго общества и даже въ XVII вѣкѣ Фенелонъ восхищался наивной прелестью его разсказа.

---

2. Подражатели Фруассара.

У Фруассара было много подражателей, но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ разсказывать такъ занимательно и живо. Подражаніе ему вело къ опасному смѣшенію исторіи съ романомъ; потому счастьемъ для французской исторіографіи было то, что ею занялись люди другого направленія болѣе серьезнаго. Христина Пизанская (de Pisan) уже заботится объ отдѣленіи исторической истины отъ поэтическихъ прикрасъ. Она была дочь итальянскаго астролога, жившаго при дворѣ Карла V, получила въ Парижѣ ученое воспитаніе, знала почти всѣхъ римскихъ классическихъ писателей, какъ видимъ по множеству цитатъ изъ нихъ, много читала и отцовъ церкви; говорятъ даже, что она знала по-гречески. Она была поэтесса; занятія историческими трудами были для нея второстепеннымъ дѣломъ, но въ нихъ замѣтно вліяніе классическихъ писателей, благодаря которому она освободилась отъ романическаго взгляда на исторію. Знаменитѣйшее изъ ея произведеній—„Исторія дѣлъ мудраго короля Карла V“; это панегирикъ ему и его братьямъ, написанный напыщеннымъ слогомъ, наполненный нравственными размышленіями и цитатами изъ древнихъ писателей.

Христина Пизанская.

Говорятъ, что Христина Пизанская написала свою книгу о Карлѣ V по желанію Филиппа, герцога бургонскаго. Такъ это или нѣтъ, но Фландрія и сѣверная часть Франціи были главными центрами французской литературы въ XIV и XV столѣтіяхъ, и въ особенности историческая литература имѣла тогда тамъ важнѣйшихъ своихъ представителей. Кажется, блескъ бургонскаго двора при Филиппѣ Добромъ и Карлѣ Смѣломъ возбуждалъ писателей къ историческимъ трудамъ, развивая въ нихъ желаніе передать

Литературная дѣятельность во Фландріи.

потомству то, чѣмъ восхищались они. Фландріи и сѣверной Франціи принадлежитъ Фруассаръ. Уроженцемъ камбрейской области или Пикардіи былъ и важнѣйшій историкъ первой половины XV вѣка, Ангерранъ де Монтреле, котораго можно назвать продолжателемъ Фруассара, потому что онъ начинаетъ свой разсказъ съ того времени, которымъ кончается хроника его предшественника. Онъ былъ знатнаго происхожденія, но былъ, кажется, побочнымъ сыномъ своего отца; получилъ ученое воспитаніе, служилъ въ бургонскомъ войскѣ, участвовалъ въ войнахъ англичанъ съ французами, потомъ былъ городскимъ правителемъ (prévot) въ Камбрѐ и умеръ въ 1353 году въ должности окружного правителя (бальи) въ Валенкурѣ. Матье Кусси, продолжатель хроники Ангеррана, родился въ генегаускомъ городѣ Кене. Жоржъ Шателенъ и Коминъ также были уроженцами французской части Нидерландовъ.

Монтреле.

Ангерранъ Монтреле писалъ свою „Хронику о военныхъ подвигахъ и замысловатыхъ хитростяхъ высокихъ и невысокихъ людей“ по образцу хроники Фруассара; онъ тоже не ограничивается исторіей Франціи, а разсказываетъ и о событіяхъ во Фландріи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, упоминаетъ иногда и о томъ, что происходило въ Италіи, Германіи, Венгріи, Польшѣ. Подобно Фруассару, онъ говоритъ больше всего о военныхъ дѣлахъ и цѣлью своего труда ставитъ „изложеніе подвиговъ храбрыхъ людей для прославленія ихъ и наученія всѣхъ желающихъ со славою носить мечъ“. Но у него нѣтъ того восхищенія рыцарствомъ, какъ у Фруассара, потому нѣтъ и теплоты изложенія. Онъ собиралъ свѣдѣнія изъ разсказовъ рыцарей и герольдовъ, но самъ не жилъ въ обществѣ главныхъ историческихъ дѣятелей, не бывалъ на придворныхъ пирахъ, не посѣщалъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходили описываемыя имъ сраженія; потому въ разсказѣ у него нѣтъ той живости, какъ у Фруассара. Безпристрастіемъ онъ походитъ на своего предшественника и свободенъ отъ его суевѣрія. Фруассаръ, разсказывая о войнахъ, только восхищается блестящими подвигами, забывая о страданіяхъ народа отъ войны; Монтреле говоритъ объ этихъ бѣдствіяхъ, сожалѣетъ, что тысячи людей погибаютъ жертвами честолюбія двухъ или трехъ человѣкъ. Фруассаръ не вникаетъ въ причины событій, Монтреле старается разъяснить ихъ.—Упреки въ пристрастіи къ бургонской династіи, дѣлаемые ему, несправедливы; пристрастіе къ ней выказывается лишь въ томъ продолженіи его хроники, которое прибавлено къ ней другимъ разсказчикомъ. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Монтреле плохой писатель, слогъ его многословенъ, разсказъ не имѣетъ живости. Въ этомъ отношеніи лучше его Матье Кусси,

Кусси.

подобно Фруассару описывающій блестящіе праздники бургонскаго двора и восхищающійся рыцарскими подвигами. Другой историкъ того времени,

Шателенъ и Молине.

Жоржъ Шателенъ, хроника котораго идетъ съ 1419 года до 1474, тоже восхищается бургонскимъ дворомъ, при которомъ занималъ онъ важныя должности. Филиппъ Добрый имѣлъ большое довѣріе къ нему; онъ даже получилъ орденъ Золотого руна. Молине, другъ Шателена, уроженецъ бургонской области, также выказываетъ въ своей хроникѣ пристрастіе къ

Дю клеръ.

бургонской династіи. Современникъ ихъ Жакъ дю Клеръ, владѣтель замка Бовуара (близъ Лилля), написалъ мемуары, разсказывающіе о событіяхъ съ 1448 года до 1467. Въ предисловіи онъ говоритъ, что разсказываетъ только истину, и что ни деньги, ни почести не могли отклонить его отъ правдивости. Цѣль его не столько прославленіе рыцарскихъ подвиговъ, сколько наученіе добродѣтели примѣрами хорошихъ поступковъ и вѣрное изображеніе событій. Потому онъ не ограничивается разсказами о военныхъ дѣлахъ, описываетъ нравы, объясняетъ законы, говоритъ объ искусствѣ и наукѣ, подробно разсказываетъ о жестокомъ преслѣдованіи, которому подверглись въ его время вальдійцы въ Аррасѣ.

3. Филиппъ Коминъ.

Оливье де ла Маршъ.

Важнѣе этихъ лѣтописей мемуары двухъ людей, имена которыхъ уже встрѣчались намъ въ разсказѣ о политическихъ событіяхъ, Филиппа де Комина и Оливье де ла Марша, бывшаго полководцемъ и дипломатомъ Филиппа Добраго и Карла Смѣлаго. Оливье де ла Маршъ родился около 1422 года, умеръ 1 февраля 1501. Карлъ Смѣлый назначилъ его гофмаршаломъ; онъ сопровождалъ герцога во всѣхъ походахъ до самой битвы при Нанси и былъ взятъ въ плѣнъ въ этомъ сраженіи. Кажется, онъ усердно помогалъ Максимиліану получить руку Маріи; во всякомъ случаѣ сохранилъ вліяніе на дѣла при новомъ государѣ. Такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность достовѣрно знать все, что дѣлалось въ герцогствѣ бургонскомъ, и его мемуары, хотя и написанные плохимъ языкомъ, составляютъ важный источникъ свѣдѣній о бургонскихъ дѣлахъ при Филиппѣ, Карлѣ, Максимиліанѣ и живую картину жизни бургонскаго двора, роскошные праздники котораго онъ подробно описываетъ.

Мемуары Оливье де ла Марша послѣдній историческій трудъ, написанный въ духѣ тѣхъ понятій, по которымъ интереснѣе всего казались разсказы о рыцарскихъ приключеніяхъ и придворныхъ праздникахъ. У его современника Комина уже выступаютъ на первый планъ другіе интересы. Начиная съ мемуаровъ Комина, хроники и автобіографическіе разсказы получаютъ новый характеръ.

Филиппъ Коминъ 1445—1509.

Филиппъ де Коминъ происходилъ изъ богатой фламандской фамиліи, занимавшейся сначала торговлей, потомъ принадлежавшей къ аристократическому обществу; онъ занималъ высокія должности на службѣ Карла Смѣлаго, въ придворномъ штатѣ котораго находился, будучи еще юношей; но перешелъ отъ него на службу къ Людовику XI; это уже показываетъ, что хитрая политика Людовика нравилась ему больше рыцарскихъ увлеченій Карла. Современники удивлялись переходу Комина на французскую службу изъ бургонской и объясняли дѣло обидой, полученной Коминомъ отъ Карла; говорили, что герцогъ ударилъ его по лицу; но кажется, что это выдумка. Людовикъ самъ свидѣтельствуетъ, что Коминъ оказалъ ему важныя услуги въ Перонне, когда онъ подвергался очень большей опасности; онъ такъ высоко цѣнилъ таланты Комина, что, при всей своей скупости, назначилъ новому своему совѣтнику 6.000 ливровъ жалованья, а когда Карлъ конфисковалъ имѣнья Комина, Людовикъ подарилъ ему 41.700 ливровъ; потомъ далъ ему княжество Тальмонъ и нѣсколько другихъ владѣній, назначилъ его сенешалемъ пуатускимъ и часто дѣлалъ ему новые подарки изъ конфискованныхъ владѣній. Когда Людовикъ заперся отъ общества въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ Плесси ле Туръ, Коминъ былъ довѣреннѣйшимъ его совѣтникомъ, исполнялъ самыя важныя его порученія, распечатывалъ по его распоряженію самыя секретныя депеши; не довѣрявшій никому король обѣдалъ съ Коминомъ, спалъ въ одной комнатѣ съ нимъ (по тогдашнему обычаю, на одной постелѣ). Когда, умирая, Людовикъ исповѣдывался, и духовникъ не могъ разобрать шопотъ умирающаго, король попросилъ Комина пересказывать духовнику его исповѣдь. Расположеніе Людовика подняло Комина до такого высокаго

положенія въ кругу аристократіи, что на дочери его женился Луи де Броссъ, графъ пантьеврскій, родственникъ Бурбоновъ. По смерти Людовика XI Коминъ вошелъ въ сношенія съ герцогомъ орлеанскимъ, противникомъ Анны Божё, правительницы государства; были перехвачены письма, въ которыхъ онъ сообщалъ инсургентамъ свёдѣнія о планахъ правительства; за это онъ восемь мѣсяцевъ просидѣлъ въ одной изъ тѣхъ желѣзныхъ клѣтокъ, въ которыхъ держалъ людей прославляемый имъ Людовикъ XI; потомъ еще три года провелъ онъ въ темницѣ; кажется также, что у него было отнято княжество тальмонское, и что онъ уже не получилъ его обратно; по крайней мѣрѣ онъ, по своемъ освобожденіи, уже не подписывался титуломъ князя тальмонскаго. Онъ не одобрялъ похода Карла VIII въ Италію, но согласился поѣхать посланникомъ въ Венецію и усердно дѣйствовалъ тамъ въ интересахъ Франціи. По вступленіи на престолъ Людовика XII, которому прежде помогалъ Коминъ къ борьбѣ съ Анной Божё, онъ снова занялъ очень высокое положеніе и получилъ большое вліяніе на дѣла; въ эти годы онъ дописалъ свои мемуары, начатые вскорѣ послѣ смерти Людовика XI. Онъ работалъ надъ ними до самаго дня своей смерти, 18 октября 1509 года.

Характеръ мемуаровъ Комина.

Мемуары Комина важнѣйшій источникъ нашихъ свёдѣній о послѣднихъ десятилѣтіяхъ XV вѣка и, главнымъ образомъ, изъ нихъ перешли въ трактаты историковъ сужденія о Карлѣ Смѣломъ и Людовикѣ XI. Герцогъ бургонскій былъ озлобленъ на ушедшаго отъ него слугу, Коминъ не могъ не быть враждебенъ герцогу; притомъ онъ по самому характеру своему не сочувствовалъ безразсудному Карлу, одобрялъ осторожность Людовика и, подобно ему, предпочиталъ дипломатическіе успѣхи военнымъ. Впрочемъ нерасположеніе къ Карлу не доводитъ Комина до несправедливыхъ порицаній ему. Коварство и жестокость Людовика не возмущаютъ Комина, но онъ рѣзко осуждаетъ безразсудство Карла. Разсказъ его спокоенъ, холоденъ. Даже о погибели своего бывшаго государя онъ говоритъ равнодушно, находя, что она была неизбѣжнымъ результатомъ неразсудительности. Коминъ часто вставляетъ въ свой разсказъ возвышенныя размышленія о благѣ государства и народа и, описывая послѣдніе годы Людовика, проведенные въ тоскѣ и страхѣ, говоритъ, что гораздо лучше было бъ, если бы государи дѣлали меньше зла и больше любили Бога; часто онъ выставляетъ превосходство свободнаго правленія нидерландскихъ городовъ надъ деспотизмомъ; но, какъ мы говорили, ни мало не порицаетъ коварствъ и злодѣйствъ Людовика, усернымъ слугой котораго былъ въ его интригахъ. Подобно своему современнику Макіавелли, Комминъ ставитъ выше всего умѣнье обдумывать планы и успѣшно исполнять ихъ; успѣхъ до такой степени ослѣпляетъ его, что онъ забываетъ всѣ нравственные законы; онъ видитъ въ успѣхѣ волю Божію, награждающую людей разсудительныхъ. Онъ писалъ свои мемуары лишь для того, чтобъ они служили матеріаломъ его другу, архіепископу вьеннскому, который хотѣлъ писать на латинскомъ языкѣ исторію того времени. Но они сами по себѣ составляютъ драгоцѣнный памятникъ понятій той эпохи, когда изъ пороковъ и преступленій вырабатывался новый порядокъ дѣлъ. Государственные люди того времени были въ политикѣ чужды нравственнаго чувства; они цѣнили только умъ и удачу, не разбирая средствъ; потому Коминъ говоритъ: „Я не зналъ ни одного государя, который заслуживалъ бы меньше порицанія, чѣмъ Людовикъ XI“. Коминъ разсказываетъ мастерски, съ глубокимъ пониманіемъ людей и отношеній, изображаетъ событія въ ихъ драматическомъ развитіи; но по своимъ понятіямъ онъ принадлежитъ къ той школѣ, принципы которой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ него изложилъ Макіавелли въ своемъ трактатѣ „Государь“. Мемуары Комина читались съ жадностью, какъ видимъ по множеству ихъ изданій. Императоръ Карлъ V бралъ съ собой въ поѣздки и походы эту книгу и постоянно перечитывалъ ее, находя въ ней много полезныхъ совѣтовъ. Коминъ самъ говоритъ, что предназначаетъ свои мемуары для государей и правителей; онъ высказываетъ презрѣніе къ „простодушнымъ глупцамъ“, не понимающимъ необходимости коварства въ политикѣ.

c) періодъ упадка рыцарской поэзіи.

Новыя рыцарскія поэмы.

Хроники Фруассара и его подражателей написаны подъ вліяніемъ рыцарскихъ романовъ, да и сами имѣли вліяніе на рыцарскія поэмы и романы, писанные послѣ нихъ; онѣ оживили любовь къ старымъ преданіямъ и были причиной того, что появилось множество новыхъ переработокъ легендъ объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго стола, о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ; но теперь вмѣсто поэмъ писались разсказы прозой, очевидно для того, чтобы пріобрѣсти больше читателей. Такимъ образомъ рыцарская литература оставалась въ XIV и XV столѣтіяхъ любимымъ чтеніемъ высшихъ сословій, но не развивалась. Творчество было истощено прежними произведеніями этого рода; въ новыхъ повторялись тѣ же вымыслы съ небольшими измѣненіями и часто въ сокращенномъ видѣ. Въ эпоху англо-французскихъ войнъ пробудилась любовь къ рыцарскимъ поэмамъ. Приключенія, разсказываемыя въ нихъ, имѣли сходство съ подвигами рыцарей того времени. Въ поэмѣ „Малый Артюсъ (Артуръ) Бретанскій“, написанной при Карлѣ VI или Карлѣ VIII, въ старую легенду были вплетены факты современной исторіи. Подобныя вставки придавали интересъ и роману о Клеріадѣ, сынѣ астурійскаго короля и возлюбленной Клеріада, Меліадисы, происходившей отъ короля Артюса (Артура). Разсказы изъ цикла легендъ о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, появлявшіеся въ это время, какъ напримѣръ Гіонъ Бордосскій, Геренъ де Монглавъ, Милль и Ами, льстили французскому національному чувству. Побѣды англичанъ при Креси, Пуатье, Азенкурѣ пробуждали во французскихъ поэтахъ желаніе напомнить, что французскіе рыцари нѣкогда превосходили всѣхъ другихъ храбростью. Знаменитые романы этого цикла Доолинъ Майнцскій, Ожье Датчанинъ, Могисъ Эгремонъ принадлежатъ концу XV вѣка, когда Карлъ VIII увлекался рыцарскими грезами. Изъ этихъ романовъ произошли краткіе разсказы, которые до сихъ поръ читаетъ народъ во Франціи, Германіи и нѣкоторыхъ другихъ земляхъ западной Европы.

Оживленіе интереса къ разсказамъ о Востокѣ.

Какъ во времена крестовыхъ походовъ рыцарскія поэмы много разсказывали о востокѣ, такъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ онъ опять игралъ большую роль въ романтической поэзіи. По взятіи Константинополя турками, западная Европа сильно занималась тѣмъ, что дѣлается на востокѣ. Бургонскій дворъ, любившій рыцарство, говорилъ о крестовомъ походѣ на турокъ; Карлъ VIII тоже фантазировалъ о войнѣ съ турками. Понятно, что и поэты стали разсказывать о востокѣ. Чѣмъ трусливѣе держала себя западная Европа на дѣлѣ, тѣмъ смѣлѣе была она на словахъ и тѣмъ больше любила разсказы о томъ, какъ побѣждали невѣрныхъ рыцари Круглаго стола и Санъ-Греаля, Карлъ Великій и его паладины.

Амадисъ Галльскій и другіе Амадисы.

Эта заинтересованность востокомъ выразилась въ романахъ, герои которыхъ называются Амадисами по имени перваго и знаменитѣйшаго изъ нихъ, Амадиса Галльскаго, бывшаго предкомъ другихъ. Эти романы писаны прозой, которая въ XV вѣкѣ все больше и больше вытѣсняла стихотворную форму изъ эпическихъ разсказовъ. Полагаютъ, что первый изъ нихъ, Амадисъ Галльскій, написанъ въ Португаліи, что авторомъ его былъ Васко да

Рибейра. Но романы объ Амадисахъ распространились во Франціи такъ быстро, что трудно сказать, кому принадлежитъ честь перваго изобрѣтенія ихъ. Они страдаютъ всѣми недостатками легендъ объ Артурѣ: въ нихъ такое же множество однообразныхъ приключеній, плохо связанныхъ между собою, и точно также эти выдумки лишены всякаго историческаго содержанія; но въ нихъ нѣтъ и того, что придаетъ хотя нѣкоторую реальность поэмамъ объ Артурѣ: они не заимствованы изъ народныхъ преданій, ихъ герои не руководятся религіозными мотивами, не имѣютъ никакой нравственной основы въ своихъ поступкахъ; приключенія ихъ совершенно фантастичны, не имѣютъ никакого мѣстнаго колорита, происходятъ въ сказочномъ мірѣ; характеры героевъ однообразны, приключенія ихъ монотонны. Живые и реальные элементы въ нихъ составляютъ описанія природы, замковъ, дворцовъ, уроки благороднаго и любезнаго обращенія и въ особенности образцы любовныхъ писемъ и нравственныя назиданія; все это одинаково съ тѣмъ, что уже было въ „Романѣ Розы“. Завязкою во всѣхъ этихъ романахъ служитъ восторженная любовь героя къ прекрасной принцессѣ, одушевляющая его къ совершенію изумительныхъ подвиговъ, къ преодолѣнію великихъ опасностей. Разсказъ прозаиченъ, иногда простъ, теплъ и граціозенъ, но часто безвкусенъ и невыносимо многословенъ. Въ романахъ объ Амадисахъ разсказываютъ приключенія, заимствованныя изъ романовъ объ Артурѣ и его рыцаряхъ, но время дѣйствія въ нихъ много раньше эпохи Артура. Авторы переносятъ своихъ героевъ въ отдаленнѣйшую старину для того, чтобъ не стѣсняться ни историческими фактами, ни даже преданіями. Образцомъ для всѣхъ слѣдующихъ романовъ этого цикла былъ Амадисъ Галльскій, переведенный на всѣ западные языки. Португальцы, испанцы и французы спорили о томъ, на какомъ языкѣ написанъ подлинникъ его; каждая изъ этихъ націй называла подлинникомъ свою редакцію. Мы разскажемъ по Дёнлопу содержаніе Амадиса Галльскаго. Слѣдующіе романы этого цикла одинаковы съ нимъ: Эспландіанъ, сынъ Амадиса Галльскаго, Лизуартъ Греческій, сынъ Эспландіана, и Амадисъ Греческій совершаютъ такіе же подвиги, какъ ихъ предокъ. То же самое дѣлаютъ Флоризель Никейскій, сынъ Амадиса Греческаго, Агезилай Колхскій, Сферамундъ, Амадисъ, рыцарь звѣзды, Сильвесъ де ла Сельва, Пальмеринъ Оливскій, Прималеонъ, Платиръ и другіе герои, именами которыхъ называются другіе романы того же разряда. Къ нему также принадлежитъ „Исторія о знаменитомъ рыцарѣ Тирантѣ Бѣломъ“, одна изъ немногихъ рыцарскихъ книгъ, которыя Сервантесъ избавляетъ отъ сожженія. Въ началѣ XVII вѣка Жильберъ Сонье, сеньоръ Вердье, составилъ сводъ этихъ разсказовъ въ своемъ „Романѣ романовъ“. Похожи на нихъ позднѣйшія переработки разсказовъ о троянской войнѣ, о Геркулесѣ, о волшебникѣ Вергиліѣ. Послѣднее произведеніе романтической литературы, „Жанъ Парижскій“ и нѣкоторые другіе французскіе романы XV вѣка составляютъ переходъ къ новой литературѣ, влагая сатиру и мораль въ разсказы объ удивительныхъ подвигахъ героевъ. „Жанъ Парижскій“ не имѣетъ большого художественнаго достоинства, но представляетъ историческій интересъ картинами нравовъ того времени и рядомъ насмѣшекъ надъ англичанами; онъ выраженіе національнаго чувства, мстящаго англичанамъ за ихъ побѣды разсказомъ о побѣдахъ, какія одерживалъ надъ ними французскій герой, презиравшій ихъ за грубость нравовъ. Жанъ Парижскій, сынъ короля французскаго, хочетъ жениться на испанской принцессѣ, съ которой былъ помолвленъ въ дѣтствѣ. Онъ услышалъ, что король англійскій, человѣкъ уже старый, тоже хочетъ жениться на ней и дѣлаетъ въ Парижѣ покупки для свадьбы; по убѣжденію Жана, парижскіе купцы продаютъ королю англійскому плохія матеріи, хорошихъ не продаютъ. Англійскій король ѣдетъ изъ Кале чрезъ Францію въ Италію. Жанъ, переодѣвшись купцомъ и взявъ съ собой большую свиту, присоединяется къ нему; мнимый парижскій купецъ и его родственники, герцоги орлеанскій и бургонскій, затмѣваютъ короля англійскаго и его свиту великолѣпіемъ одежды и вооруженія, изяществомъ манеръ; ихъ превосходство выказывается много разъ на пути. По пріѣздѣ въ Бургосъ контрастъ проявляется еще ярче. Жанъ Парижскій и его спутники возбуждаютъ при дворѣ удивленіе своимъ изяществомъ и ловкостью на турнирахъ и балахъ; въ особенности нравится принцессѣ Жанъ Парижскій, и когда онъ открываетъ ей свое истинное имя, она отдаетъ ему руку, а король англійскій уѣзжаетъ со стыдомъ.

Жанъ Парижскій.

Амадисъ Галльскій—сынъ тайной любви Періона, короля галльскаго и бретонской принцессы Элизены. Чтобы скрыть стыдъ Элизены, мать ея, по рожденіи ребенка у ней, пускаетъ малютку-внука въ колыбели въ море. Рыцарь, возвращающійся изъ Бретани въ Шотландію, спасаетъ младенца и воспитываетъ его подъ именемъ Морского юноши (Donzel del Mar). Король шотландскій беретъ его къ своему двору; ему было тогда 12 лѣтъ; Оріана, дочь англійскаго короля Лизуарта, жила тогда у короля шотландскаго, потому что въ Англіи были мятежи. Она и Амадисъ полюбили другъ друга. Періонъ между тѣмъ женился на Элизенѣ, и у нихъ родился второй сынъ, котораго они назвали Галаоромъ; Галаоръ былъ похищенъ великаномъ, воспитывающимъ его въ обычаяхъ великановъ. Амадисъ, по своемъ возведеніи въ санъ рыцаря, отправляется на помощь Періону; отецъ и мать узнаютъ его по перстню, который былъ надѣтъ на палецъ младенца, когда онъ былъ пущенъ въ море. Они радуются, что возвратился къ нимъ сынъ, котораго они считали погибшимъ. Амадисъ еще до пріѣзда въ Галлію уже пріобрѣлъ рыцарскую славу. Прежде нежели былъ узнанъ отцомъ и матерью, онъ выказалъ свою храбрость и въ Галліи, побѣдилъ короля ирландскаго, сдѣлавшаго нападеніе на нее. За этимъ подвигомъ слѣдуетъ множество другихъ, совершаемыхъ Амадисомъ; кромѣ того совершаетъ подвиги и братъ его Галаоръ. Амадисъ воюетъ съ великанами, убиваетъ ихъ; онъ отправляется на помощь Лизуарту, у котораго отнялъ престолъ Барсиманъ, побѣждаетъ Барсимана и помогавшаго ему волшебника Аркалая. Оріана написала Амадису суровое письмо; онъ былъ такъ огорченъ, что удалился въ пустыню и долго оставался тамъ, принявъ имя Бельтенеброса (этому подражаетъ у Сервантеса Донъ-Кихотъ). Возвратившись изъ пустыни, Амадисъ воюетъ съ ирландскимъ королемъ Сильдаданомъ, побѣждаетъ 100 рыцарей, сдѣлавшихъ нападеніе на Лизуарта. Злые совѣтники Лизуарта возбуждаютъ въ немъ подозрѣнія противъ Амадиса; герой разстается съ Оріаной, удаляется изъ Англіи, совершаетъ множество подвиговъ въ Германіи и Турціи. Римскій императоръ отправляетъ къ Лизуарту посольство сватать Оріану за его брата; отецъ отдаетъ Оріану посламъ; они плывутъ съ нею къ императору, но Амадисъ нападаетъ на ихъ флотъ, побѣждаетъ его, увозитъ Оріану на укрѣпленный островъ; начинается война между Лизуартомъ и Амадисомъ; она продолжительна; Амадисъ два раза наноситъ Лизуарту пораженіе. Старый врагъ Лизуарта Ариваго неожиданно нападаетъ на него по внушенію волшебника Аркалая. Великодушный Амадисъ идетъ на помощь Лизуарту, убиваетъ Ариваго, беретъ въ плѣнъ Аркалая. Лизуартъ соглашается на бракъ Оріаны съ Амадисомъ, отправляется съ нимъ на островъ, гдѣ живетъ Оріана; тамъ празднуютъ пирами свадьбу Оріаны и Амадиса. На островѣ есть очарованная комната, въ которую можетъ войдти только прекраснѣйшая и вѣрнѣйшая своей любви женщина; Оріана входитъ въ нее. Очарованная комната или башня, въ которую можетъ войдти только наилучшій изъ героевъ, или наилучшая изъ женщинъ, встрѣчается во многихъ изъ слѣдующимъ романовъ этого цикла; но чаще въ испанскихъ романахъ, чѣмъ во французскихъ или англійскихъ. Это эпизодъ, заимствованный изъ восточныхъ сказокъ. Безчисленныя битвы Амадиса Галльскаго и его потомковъ лишены поэтическаго элемента потому, что читателю всегда впередъ извѣстна побѣда героя, именемъ котораго называется романъ.

Амадисъ Галльскій.

Амадисъ Галльскій лучше французскихъ рыцарскихъ романовъ тѣмъ, что въ немъ хорошо обрисованы характеры. Дѣтство Амадиса и юношеская любовь его и Оріаны разсказаны завлекательно. Оріана впослѣдствіи мучится ревностью безъ всякой причины, и авторъ не умѣлъ обрисовать ея характеръ; но характеръ Амадиса очерченъ очень хорошо, онъ рѣзко отличается отъ своего брата Галаора: оба они храбры, но у Амадиса нѣтъ той веселости, какъ у Галаора, и онъ остается вѣренъ своей единственной милой, между тѣмъ какъ Галаоръ непостояненъ въ любви; эти два типа повторяются почти во всѣхъ испанскихъ романахъ о потомкахъ Амадиса.

d) ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Выдѣленіе драматической поэзіи изъ эпической.

Въ «романѣ Розы» соединяются всѣ виды поэзіи. Въ эту эпическую поэму вставлены лирическія стихотворенія, дидактическіе эпизоды, сцены, имѣющія драматическую форму. При дальнѣйшемъ развитіи поэзіи, эти виды ея раздѣлились. Объ эпической, лирической и дидактической поэзіи послѣдняго періода среднихъ вѣковъ мы уже говорили; скажемъ теперь нѣсколько словъ о развитіи драмы до эпохи возрожденія.

Драматическіе элементы въ священной исторіи.

Проклятія духовенства и удары варваровъ уничтожили древній театръ; но въ средніе вѣка возникла новая драматическая поэзія, произошедшая изъ самой церкви. Богослужебные обряды и религіозные разсказы были почвой, на которой развилась древняя греческая драма. Таково же было происхожденіе и средневѣковой драмы. Обряды католической церкви имѣли драматическій характеръ; въ разсказахъ о страданіяхъ Спасителя находится много трагическихъ элементовъ; изъ этого возникли средневѣковыя религіозныя драмы, такъ называемыя мистеріи.

Духовныя драмы.

Главнымъ матеріаломъ для духовныхъ драмъ служили разсказы о страданіяхъ Спасителя, и первоначально эти спектакли происходили въ связи съ богослуженіемъ Страстной недѣли; впослѣдствіи сценическія представленія были присоединены и къ богослуженію другихъ праздниковъ. Основной текстъ драмъ былъ латинскій; къ нему былъ прибавленъ переводъ на народный языкъ. Драмы были смѣсью пѣнія и декламаціи: латинскій текстъ пѣли, его переложеніе риѳмованными стихами на народный языкъ декламировали. Мало по малу было украшено драматическими представленіями богослуженіе всего годичнаго круга праздниковъ отъ Рождества до Вознесенія. Въ драмахъ, изображавшихъ страданія Спасителя, одинъ клирикъ читалъ на распѣвъ тѣ мѣста Евангелія, въ которыхъ идетъ разсказъ евангелиста, другой читалъ слова Спасителя, третій слова всѣхъ другихъ лицъ, хоръ пѣлъ то, что говорятъ въ Евангеліи народъ и священники. Но разговоръ не достигъ полной живости. Текстъ мистеріи на половину былъ пѣніемъ, на половину декламированіемъ; латинская основа его перерывалась переводомъ на туземный языкъ; разговоръ прерывался чтеніемъ разсказовъ и пѣніемъ хоровъ; слова дѣйствующихъ лицъ были разрозненными монологами. Первымъ предметомъ мистеріи были, какъ мы говорили, страданія Спасителя; потомъ тэмами драмъ сдѣлались также страданія Богоматери и легенды о святыхъ. Сцена была устроиваема подъ хорами; она имѣла нѣкоторыя механическія приспособленія для перемѣны декорацій. Женскія

роли исполнялись молодыми клириками, одѣтыми въ женское платье, какъ видимъ по рисункамъ въ рукописяхъ.

Развитіе мистеріи.

Въ XII вѣкѣ, когда крестовые походы возбудили въ народахъ поэтическое настроеніе, общество такъ полюбило мистеріи, въ особенности изображавшія исторію страданій Спасителя, что публика не могла помѣщаться въ церквахъ и надобно было перенести спектакли на мѣста подъ открытымъ небомъ близъ церквей. Эти спектакли длились иногда по нѣсколько дней. Число лицъ, изображающихъ народъ, составляло цѣлыя сотни; потому клирики приглашали мірянъ участвовать въ представленіи. Драмы приняли характеръ отчасти мірской: въ религіозныя сцены дѣлались разнообразныя вставки житейскаго содержанія; въ нихъ было влагаемо много шутокъ. Публика любила переходить отъ слезъ къ смѣху, отъ смѣха къ слезамъ. Въ числѣ дѣйствующихъ лицъ появились «шутники» (joculatores); серьезныя сцены прерывались шуточными; комическій элементъ получалъ все болѣе и болѣе широкое развитіе. Папы напрасно запрещали клирикамъ участвовать въ этихъ шутовскихъ спектакляхъ; народъ не скандализировался, видя людей духовнаго сословія въ комическихъ роляхъ, а имъ было пріятно сбрасывать съ себя на время стѣсненія монастырскаго устава.

Французскіе спектакли.

Особенно далеко пошли въ этомъ направленіи спектакли во Франціи; тамъ возникли фарсы, называвшіеся праздниками дураковъ (шутовъ) и праздниками ословъ. Первоначально они были, кажется, пародіями, подвергавшими осмѣянію языческіе обряды, и въ частности быть можетъ сатурналіи; но впослѣдствіи стали просто шутовствомъ. По окончаніи праздничной церковной процессіи, клирики садились въ церкви пировать, пѣли веселыя пѣсни, въ которыхъ было много простонародной грубости, и всячески веселились. Любимымъ предметовъ шутовства были черти; они являлись въ томъ смѣшномъ видѣ, какой дала имъ народная фантазія. Въ піэсахъ, называвшихся Diableries (чертовщинами), выводимо было на сцену по нѣскольку чертей въ смѣшной костюмировкѣ. Наряды комическихъ лицъ, разговоры и жесты ихъ были неприличны.—Ученые спорятъ о томъ, съ какого именно случая считать первую эпоху спектаклей во Франціи. По мнѣнію однихъ, началомъ спектаклей были праздничныя процессіи при въѣздѣ королевы Изабеллы въ Парижъ въ 1313 году; другіе называютъ началомъ французскаго театра тѣ мистеріи, которыя были представлены въ 1402 году основавшимся тогда обществомъ страстныхъ спектаклей. Но эти случаи только придали новый просторъ расположенію и таланту французовъ къ драматическимъ представленіямъ, только помогли развитію прежнихъ спектаклей, называвшихся и раньше того «чудесами» и «мистеріями».

Въ 1313 году сыновья Филиппа Прекраснаго были возведены въ санъ рыцарей. На этомъ праздникѣ была представлена піэса, въ которой изо-

бражались слѣдующія сцены: Адамъ и Ева; Поклоненіе волхвовъ; Избіеніе младенцевъ Иродомъ; Іисусъ, улыбающійся матери и кушающій яблоки; Апостолы, молящіеся съ Христомъ; Усѣченіе главы Іоанна Крестителя; Иродъ и Каіафа; Пилатъ, умывающій руки; Воскресеніе Спасителя; Страшный судъ; Рай, въ представленіи котораго участвовало девяносто лицъ, игравшихъ роль ангеловъ; Мрачный адъ, въ который низвергались осужденные на мученія и изъ котораго выходило 300 чертей, гонявшихся за осужденными и уходившихъ съ ними мучить ихъ. Но кромѣ этихъ серьёзныхъ сценъ были представлены смѣшныя: шутъ въ одномъ бѣльѣ плясалъ и пѣлъ; забавляли публику король святочныхъ игръ, дѣтскій турниръ, дикарь, прядущій левъ, поющій соловей, и была представлена вся исторія Рейнеке Лисицы, который былъ сначала врачомъ, потомъ хирургомъ, потомъ въ одеждѣ священника читалъ Апостолъ и Евангеліе, потомъ являлся епископомъ, архіепископомъ, наконецъ папой, но во всѣхъ своихъ роляхъ постоянно ѣлъ куръ и цыплятъ.

На праздникахъ, устроенныхъ въ 1380 году въ Парижѣ при въѣздѣ Карла VI, общество пилигримовъ дало такіе спектакли, какихъ еще не бывало. Черезъ нѣсколько лѣтъ на праздникѣ бракосочетанія Карла съ Изабеллой, когда были устроены удивительные фонтаны и гремѣла музыка, общество пилигримовъ снова давало представленіе изъ исторіи Ветхаго и Новаго завѣта. Съ этого времени мистеріи были представляемы чаще прежняго. Общество, дававшее ихъ, получило прочный составъ; оно называлось братствомъ страстныхъ спектаклей, потому что важнѣйшими мистеріями били драмы, изображавшія исторію страданій Спасителя. Парижскій купеческій старшина (prevôt des marchands) нашелъ вредными или дурными эти спектакли, дававшіеся не на открытомъ воздухѣ, а въ зданіяхъ, и запретилъ ихъ; но братство страстей Спасителя обратилось съ просьбой къ королю, любившему спектакли, и въ декабрѣ 1402 Карлъ далъ грамату, разрѣшавшую этому братству „давать всегда, когда оно хочетъ, спектакли королю и народу въ Парижѣ и его окрестностяхъ“. Король принималъ этой граматой братство подъ свое особенное покровительство. Такимъ образомъ братство страстей Спасителя стало театральнымъ обществомъ формально утвержденнымъ; оно состояло изъ клириковъ и мірянъ. Спектакли, которые давало оно, изображали всю жизнь Спасителя отъ его рожденія до воскресенія изъ мертвыхъ, и были такъ длинны, что продолжались по нѣсколько дней. Тотъ отдѣлъ, который разыгрывался въ одинъ день, назывался днемъ, journée (этотъ терминъ перешелъ къ испанцамъ и впослѣдствіи соотвѣтствовалъ нынѣшнему термину актъ или дѣйствіе). Теперь издано нѣсколько мистерій, предметомъ которыхъ служитъ жизнь Спасителя. Начало такой піэсы составляетъ прологъ назидательнаго содержанія, написанный стихами; главныя части мистеріи: рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ, страданія Спасителя (самая важная и длинная часть драмы) и воскресеніе Спасителя. При всей неловкости и грубости изложенія, эти мистеріи заслуживаютъ названія величественныхъ драмъ. Есть въ нихъ и комическія сцены: черти, Іуда Искаріотъ, Иродъ, Каіафа, всѣ враги и хулители Спасителя предаются осмѣянію, поруганію; насмѣшки и порицанія имѣютъ простонародный характеръ, потому грубы; но тѣмъ смѣшнѣе были они для народа. Когда появились драмы, изображающія жизнь святыхъ, въ нихъ тоже было много смѣшныхъ сценъ: черти и обольстительницы, соблазнявшія святыхъ, предавались осмѣянію. Мученія были представляемы съ грубыми подробностями сообразно жестокимъ обычаямъ публики. Сцена строилась въ три этажа; средній этажъ изображалъ земную мѣстность, обыкновенно въ Іерусалимѣ; верхній этажъ былъ раемъ, а нижній адомъ. Расходы на спектакль покрывались отчасти платой зрителей,

отчасти калиталами, подаренными при жизни жертвователей или оставленными по завѣщаніямъ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ были великолѣпны, потому постановка драмы требовала большихъ издержекъ. На сценѣ были декораціи, ихъ тоже старались сдѣлать какъ можно лучше; мы находимъ извѣстія объ этомъ въ хроникахъ. Небо бывало иногда сумрачное, иногда ясное; на ночномъ небѣ бывали звѣзды; деревья въ раю были нарисованы такъ хорошо, что, по словамъ хроникъ, казались не только цвѣтущими, но и благоухающими. Для перемѣны декораціи были машины, называвшіяся на тогдашнемъ языкѣ секретами.

Базоша.

Дальнѣйшій шагъ въ развитіи французскаго театра былъ сдѣланъ въ XV вѣкѣ новымъ драматическимъ обществомъ писцовъ Базоши, привилегированной корпораціи адвокатовъ и другихъ лицъ, занимавшихся дѣлопроизводствомъ при парижскихъ трибуналахъ; эта корпорація издавна завѣдовала устройствомъ народныхъ праздниковъ въ Парижѣ; въ XV вѣкѣ она приняла на себя и устройство спектаклей. Но прежняя драматическая корпорація, называвшаяся братствомъ страстей Спасителя, имѣла исключительное право давать мистеріи; потому Базоша выбрала для своихъ спектаклей другія драмы, называвшіяся Моралями (Moralités). Содержаніе Моралей было отчасти заимствовано изъ мистерій, но получило иную обработку черезъ присоединеніе къ нему нравственныхъ разсужденій, такъ что главными дѣйствующими лицами въ Мораляхъ сдѣлались олицетворенія добродѣтелей и пороковъ.

Девріэнтъ говоритъ: „Аллегорическія лица, служащія олицетвореніями человѣческихъ качествъ и отвлеченныхъ понятій, являются въ Мораляхъ рядомъ съ лицами священной исторіи, произносятъ рѣчи, разъясняющія смыслъ заповѣдей священнаго писанія, извлекающія нравственные уроки изъ событій священной исторіи, разрѣшаютъ богословскіе вопросы“.

„Въ піэсѣ, называющейся „Обрученіе души съ Іисусомъ“, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находятся Любовь, Истина, Благодать, Душа, Семь смертныхъ грѣховъ, Справедливость; рядомъ съ этими олицетвореніями отвлеченныхъ понятій дѣйствуютъ Дочери Сіона и Спаситель; въ другихъ Мораляхъ, изображающихъ борьбу хорошихъ и дурныхъ склонностей человѣка, дѣйствуютъ Богатство, Алчность, Сладострастіе, Гордость, Красота, Сила; они ведутъ споры съ олицетвореніями добродѣтелей; наконецъ являются Познаніе, Покаяніе, Таинство и спасаютъ человѣка отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ Мораляхъ аллегорически изобличаются дурные модные обычаи“.

Возникновеніе комедіи.

Изъ Моралей, изобличающихъ пороки, и изъ мистерій развилась французская комедія. Простонародныя сцены, которыми перерывалось серьезное дѣйствіе въ мистеріяхъ, были отдѣлены отъ религіозныхъ драмъ и составили особыя піэсы, въ которыхъ шуты, глупцы, шарлатаны, хитрые слуги, служанки, другія лица изъ простого народа забавляли публику своими шутками, глупостями, ссорами, драками. Въ числѣ шутовъ остались черти.—Изъ этихъ смѣшныхъ піэсъ особенную знаменитость пріобрѣлъ фарсъ «Объ адвокатѣ Пателенѣ»,

написанный актерами Базоши въ царствованіе Людовика XI. Матеріаломъ для этой піэсы послужилъ одинъ изъ тогдашнихъ парижскихъ анекдотовъ. Интрига въ ней забавна, характеры очерчены хорошо, языкъ правиленъ, разговоръ легокъ, такъ что піэса дѣйствительно заслуживала своей знаменитости; она была переведена на другіе языки, была передѣлываема сообразно перемѣнамъ вкуса и очень долго оставалась любима публикой.

Авторъ „Адвоката Пателена“ не извѣстенъ. Пателенъ хитрый обманщикъ; его жена бранитъ мужа за шутовство, но помогаетъ всѣмъ его продѣлкамъ; онъ при ея содѣйствіи обираетъ суконщика; пастухъ, наслушавшись правилъ Пателена, пользуется ими такъ ловко, что обманываетъ его самого. Кромѣ этихъ лицъ, довольно важную роль въ піэсѣ играетъ глупый судья.

Беззаботные.

Еще смѣлѣе Моралей Базоши осмѣивали людей и нравы тѣ піэсы, которыя стало представлять общество, составившееся при Карлѣ VI. Члены его были молодые люди знатныхъ фамилій; они называли себя Беззаботными, Enfants sans souci; режиссеръ ихъ труппы назывался княземъ дураковъ, а свои піэсы они называли «Глупостями», Sotіes. Это были большей частью аллегорическія сатиры, въ которыхъ нерѣдко попадались намеки на людей высокаго общественнаго положенія. Очень часто въ нихъ осмѣивались военные люди, священники, судьи, дворяне.

---

3. Англійская литература.

а) старый англійскій языкъ и произведенія, писанныя на немъ.

Развитіе англійскаго языка.

Столѣтняя война англичанъ съ французами развила въ обоихъ народахъ національное чувство, подъ вліяніемъ котораго ускорился процессъ объединенія разныхъ народностей Англіи. Прежде въ англійскомъ высшемъ обществѣ владычествовали французскій языкъ и французская литература. Теперь, по враждѣ къ французамъ, англійское дворянство приняло національность массы населенія. Англійское національное чувство не имѣло силы придать самостоятельность англійской литературѣ, освободить ее отъ владычества французскихъ поэмъ. Но важно было ужь и то, что въ XIV вѣкѣ англійскій языкъ сдѣлался разговорнымъ языкомъ высшаго общества, и всѣ поэтическія произведенія стали писаться на немъ. Англо-саксонскій языкъ былъ уже непонятенъ народу; законы, ученыя книги, поэмы, написанныя на немъ, стали чужды англичанамъ. При дворѣ, въ трибуналахъ, даже

въ школахъ владычествовало до XIV вѣка норманское нарѣчіе французскаго языка. Духовенство писало по-латини; народъ пѣлъ пѣсни на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Только въ половинѣ XIV вѣка Чоусеръ создалъ изъ этихъ мѣстныхъ нарѣчій общій національный языкъ, и только съ того времени англійская литература получила національный характеръ. Это преобразованіе было произведено собственно Чоусеромъ, хотя въ томъ же направленіи, какъ онъ, шли два другіе писателя его времени, Робертъ Лонглэндъ и Джонъ Гоуэръ. Лонглэндъ былъ монахъ Мальвернскаго аббатства въ западной Англіи; ему приписываютъ знаменитую сатиру «Видѣніе Петра Пахаря». Эта поэма одушевлена народнымъ юморомъ; языкъ ея тоже народный; тонъ рѣчи энергиченъ, мысли просты и разумны; форма поэмы—дактилическіе стихи, безъ риѳмы, съ аллитераціей, замѣняющей риѳму въ англосаксонской поэзіи.—Гоуэръ былъ кэнтскій вельможа, получившій хорошее образованіе; въ молодости онъ писалъ пѣсни на французскомъ языкѣ, но въ пожилые годы написалъ, по желанію Ричарда II, дидактическо-аллегорическій романъ на англійскомъ языкѣ. Этотъ англійскій романъ «Исповѣдь влюбленнаго» составляетъ третью часть произведенія, первая часть котораго «Голосъ зовущаго» написана по-латини элегическимъ размѣромъ по примѣру Овидія, а вторая часть «Зеркало размышляющаго» написана по-французски стихами съ риѳмами. Но и Лонглэндъ и Гоуэръ перемѣшиваютъ съ новымъ языкомъ старый. Знаменитое описаніе путешествія Джона Мандевилля на востокъ тоже показываетъ, что англійскій языкъ въ то время еще не выработался. Эта книга, наполненная удивительными извѣстіями, заимствованными изъ молвы, распространилась въ переводахъ по всей западной Европѣ и долго оставалась очень популярной. Мандевилль умеръ въ 1372 году.

Поэма „Видѣніе Петра Пахаря“ (Vision of Piers Plowman)—замѣчательный памятникъ того, какія мысли владычествовали тогда въ народѣ. Поселянинъ, находящійся въ угнетенномъ положеніи, но сохранившій преданность королю, землевладѣльцамъ и церкви, раздумываетъ о томъ, что государственное и церковное устройство очень дурно, и высказываетъ свои мысли рѣзкимъ языкомъ. Больше всего говоритъ онъ о порочности духовенства, прославляетъ христіанскія добродѣтели, любовь къ ближнему и вѣротерпимость; онъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что добро восторжествуетъ надъ зломъ. Онъ видитъ во снѣ олицетворенныя фигуры добродѣтелей и пороковъ, типы людей разныхъ сословій и напрасно ищетъ въ толпѣ ихъ такого человѣка, который вывелъ бы его на путь добродѣтели. Наконецъ является ему Петръ Пахарь, человѣкъ непорочный, и указываетъ ему правый путь. Фигура Петра Пахаря преобразуется въ Спасителя.

Національная оппозиція.

Возникновенію національной литературы безъ сомнѣнія много содѣйствовали Уиклефъ и Лолларды. Они проповѣдывали народу, увлекали его; Уиклефъ перевелъ Библію на англійскій языкъ. Онъ и

въ этомъ дѣлѣ, какъ въ своемъ вѣроученіи, былъ предшественникомъ Лютера. «Видѣніе Петра Пахаря» написано въ духѣ уиклефитовъ, и одной изъ причинъ, по которымъ нравилось оно народу, составляли рѣзкія порицанія нищенствующимъ монахамъ. Въ томъ же духѣ написана явившаяся нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе поэма «Исповѣданіе вѣры Петра Пахаря»; въ ней съ такой же рѣзкостью изобличаются пороки нищенствующихъ орденовъ. Находятся въ обоихъ этихъ произведеніяхъ и порицанія высшимъ сословіямъ.

Народная поэзія.

Народная поэзія никогда не умирала въ Англіи. Межь тѣмъ какъ англійскіе вельможи, подобно французскимъ, восхищались рыцарскими поэмами и пѣснями минстрелей, читали хронику Фруассара, басни и пѣсни Маріи Французской, въ Ирландіи, въ Уэльзѣ, въ сѣверной Шотландіи пѣвцы продолжали пѣть прежнія поэмы на гельскомъ и кимрскомъ языкахъ, народное преданіе сохраняло прозаическіе пересказы старыхъ легендъ; кельты горной Шотландіи и Гебридскихъ острововъ слушали заунывныя пѣсни Оссіана. И въ самой Англіи сохранилась старая народная поэзія.

Робинъ Гудъ.

До насъ дошли англосаксонскія пѣсни, рѣзко осуждающія то бѣдственное новое устройство, которое установлено въ Англіи завоевавшими ее норманнами. Выраженіемъ того же протеста служатъ старыя англійскія баллады о Робинѣ Гудѣ, ушедшемъ отъ притѣснителей въ лѣсъ и собравшемъ товарищей, людей, преслѣдуемыхъ законами, какъ онъ. Они скитаются по лѣсамъ графствъ ноттингэмскаго и йоркскаго; вельможи и судьи называютъ ихъ разбойниками, но они защитники угнетенныхъ; они помогаютъ бѣднымъ и враги только алчнымъ притѣснителямъ, епископамъ и феодальнымъ владѣльцамъ. Англійская народная поэзія проникнута свѣжимъ энергическимъ юморомъ, шутки котораго иногда грубы, но всегда мѣтки. Противоположность между массой народа и потомками завоевателей еще выказывалась въ междоусобіяхъ при Генрихѣ III. Старыя баллады прославляютъ Симона Монфора, графа лесстерскаго, какъ защитника народной свободы, съ рѣзкими насмѣшками осуждаютъ Ричарда II и другихъ противниковъ этого народнаго героя.

Иноземныя вліянія.

Потомки покоренныхъ и потомки завоевателей слились въ одинъ народъ только во время борьбы съ французами. Только уже въ это время возникли національный англійскій языкъ и англійская литература; но они еще долго оставались подъ иноземными вліяніями. При обзорѣ поэмы Чоусера мы увидимъ, что онъ дѣлалъ очень много заимствованій у французскихъ и итальянскихъ поэтовъ. Мы увидимъ также на слѣдующихъ страницахъ, что Гоуэръ очень близко подражалъ французскому образцу. Лидгетъ, поэтъ XV вѣка, писавшій по правиламъ ученой поэзіи, но сохранявшій безъискусственность минстрелей, авторъ поэмъ «Пляска мертвыхъ» и «Паденіе государей», почти только переводилъ французскихъ поэтовъ. Англійскій языкъ тоже еще не освободился отъ французскаго вліянія. У Чоусера, у его друга и поклонника Томаса Оклива и у другихъ его подражателей

много галлицизмовъ и въ частности провансальскихъ словъ и оборотовъ.

Шотландская поэзія.

Къ англійской литературѣ принадлежитъ и южно-шотландская, потому что южная половина Шотландіи была завоевана норманскими вельможами. При шотландскомъ дворѣ владычествовала, какъ при англійскомъ, французская рыцарская поэзія, минстрели воспѣвали любовь и подвиги вельможъ; высшее общество читало или слушало поэмы объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго стола, пѣсни о подвигахъ, какіе совершалъ Ричардъ Львиное Сердце. Но и въ южной Шотландіи сохранялась народная поэзія. Туземные пѣвцы пѣли простолюдинамъ баллады грустнаго и вмѣстѣ энергическаго содержанія. Близкая связь Шотландіи съ Франціей въ XIV и XV столѣтіяхъ поддерживала владычество французской литературы въ ней, но при войнахъ съ англичанами за независимость пробудилось національное чувство и въ поэзіи. Оно подготовило замѣну французской поэзіи народными пѣснями, проникшими въ южную Шотландію изъ сѣверной. Мы знаемъ, что шотландцы долго пѣли пѣсню о чевіотской битвѣ, въ которой они разбили англичанъ въ 1288 году. Подвиги Роберта Бруса, Уоллеса, Дугласовъ, намоминавшіе дѣла рыцарей Круглаго стола, служили матеріаломъ для національной эпической поэзіи, которая мало по малу вытѣснила романтическую. Въ половинѣ XIV вѣка Джонъ Барберъ, священникъ, жившій въ Абердинѣ, написалъ поэму о Робертѣ Брусѣ; она походитъ на риѳмованную хронику; въ ней мало поэтическаго достоинства, но она согрѣта любокью къ свободѣ и родинѣ. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ минстрель Генри Слѣпой (Blind Harry) написалъ поэму объ Уоллесѣ. Но эти немногія произведенія національной поэзіи, въ которыхъ, какъ и въ балладѣ «Плачъ вдовы воина шотландской украйны», задушевныя чувства высказываются съ трогательной правдивостью, еще не могли вытѣснить переводовъ и передѣлокъ французскихъ рыцарскихъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній. Шотландскіе вельможи и рыцари читали, слушали или эти передѣлки, или французскіе подлинники. Король-поэтъ Іаковъ I, прожившій годы юности въ плѣну у англичанъ, воспѣвалъ по образцамъ французскихъ поэтовъ и Чоусера прекрасную лэди Дженъ, которую видѣлъ онъ изъ окна своей уиндзорской темницы при прогулкахъ ея съ другими дамами по саду и на которой онъ, получивъ свободу, женился. Даровитѣйшій изъ шотландскихъ поэтовъ XV вѣка францисканскій монахъ Уильямъ Донбаръ, много странствовавшій по свѣту и хорошо знавшій людей, подражалъ Чоусеру, писалъ аллегоріи во вкусѣ своего времени. Но поэзія, подражавшая иноземнымъ образцамъ, никогда не могла укорениться въ Шотландіи, оставалась въ ней тепличнымъ растеніемъ.

Важнѣйшія произведенія Донбара „Волчецъ и Роза“ и „Золотой щитъ“— эротическія аллегоріи во вкусѣ Чоусера и „Романа Розы“. — „Волчецъ и

Роза"—торжественная пѣсня въ прославленіе женитьбы Іакова IV на Маргаритѣ, дочери Генриха VII. Подъ реторическими преувеличеніями у Донбара видно знаніе человѣческаго сердца. Его поэма „Танецъ"—моральная аллегорія, описывающая танецъ семи смертныхъ грѣховъ, исполняемый ими и ихъ свитой въ аду по приказанію сатаны; въ этой поэмѣ есть сатирическая выходка противъ горныхъ шотландцевъ, которыхъ не любилъ Донбаръ. Въ его мелкихъ пѣсняхъ и разсказахъ много свѣжаго юмора, которымъ онъ походитъ на Чоусера.

b) Чоусеръ и поэты XV вѣка.

Чоусеръ 1328—1400.

Джеффри Чоусеръ происходилъ изъ благородной фамиліи, предкомъ которой былъ норманскій вельможа. Съ молодости Чоусеръ находился при дворѣ, впослѣдствіи сталъ уважаемымъ юристомъ и хорошимъ дипломатомъ. Будучи отправленъ въ 1372 году посломъ въ сѣверную Италію, онъ, какъ говорятъ, познакомился съ Петраркой и Фруассаромъ. Джонъ, герцогъ ланкастерскій, былъ его покровителемъ и женился на Катеринѣ Суинфордъ, сестрѣ его жены; потому онъ былъ, подобно своему покровителю, на сторонѣ Уиклефа и при Ричардѣ II подвергся вмѣстѣ съ герцогомъ ланкастерскимъ гоненію. Онъ бѣжалъ изъ Англіи; когда возвратился, то былъ посаженъ въ Тоуэръ; получилъ свободу только сознаніемъ въ проступкахъ, въ которыхъ его винили. Вообще онъ испыталъ много бѣдъ; временами занималъ хорошее положеніе въ обществѣ, былъ завѣдующимъ сборомъ таможенной пошлины съ шерсти и вина; временами лишался всего, запутывался въ долги. Въ послѣдніе годы царствованія Ричарда II положеніе его улучшилось. Но, кажется, онъ уже не принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ и провелъ послѣдніе годы жизни въ уединеніи, занимаясь поэтическими трудами, прославившими его. Онъ дожилъ до вступленія на престолъ Генриха IV, сына его покровителя; но вскорѣ послѣ этого переворота умеръ.

Заслуги Чоусера.

Чоусеръ былъ знакомъ съ латинской, французской, итальянской литературами, съ нравами изящнаго общества Италіи и Франціи; самъ жилъ въ знатномъ обществѣ, имѣлъ способность усвоивать себѣ иноземныя понятія и перерабатывать чужое въ національномъ духѣ; благодаря тому, онъ сдѣлался посредникомъ между англичанами и поэтами Италіи и Франціи. Онъ улучшилъ англійское стихосложеніе введеніемъ итальянскихъ размѣровъ и въ частности пятистопнаго ямба. Онъ умѣлъ разсказывать легко и весело, хорошо зналъ человѣческое ссрдце, любилъ природу и прекрасно описывалъ ее; въ этомъ состоятъ главныя заслуги его. Творческой силы онъ не имѣлъ; почти всѣ его произведенія—подражанія иноземнымъ образцамъ: его «Романъ Розы»—передѣлка французскаго «Романа Розы»; его «Кентерберійскіе разсказы» по плану и отчасти по содержанію подражаніе «Декамерону» Боккаччіо; «Троилъ и Крессида» тоже подражаніе Боккаччіо; другіе разсказы Чоусера заимствованы изъ французскихъ Fabliaux, изъ провансальскихъ повѣстей, изъ древнихъ и восточныхъ сказокъ; онъ даже переносилъ въ свои англійскія повѣсти много словъ и выраженій изъ своихъ французскихъ образцовъ. Но разсказъ его хорошъ; группировка эпизодовъ у него искусна; характеры обрисованы превосходно; юморъ его веселъ и удаченъ; эти достоинства сдѣлали его національнымъ поэтомъ и придали его произведеніямъ даже нѣкоторую оригинальность. Онъ человѣкъ, описывающій жизнь по собственнымъ наблюденіямъ, глубоко изучившій характеры и обычаи людей всѣхъ сословій, прекрасно пересказывающій свои наблюденія. Притомъ онъ былъ создателемъ англійскаго стихотворнаго языка, онъ отбросилъ старую неуклюжую версификацію, основанную на аллитераціи, ввелъ тоническую просодію и правильную риѳму.

Кентерберійскіе разсказы.

Знаменитѣйшее произведеніе Чоусера—«Кентерберійскіе разсказы». Планъ ихъ очевидно заимствованъ у Боккаччіо: нѣсколько лицъ разныхъ сословій ѣдутъ или идутъ на богомолье въ Кентербери; они встрѣчаются въ одной изъ гостинницъ лондонскаго предмѣстья Сотуорка, условливаются продолжать путешествіе вмѣстѣ и по предложенію хозяина гостинницы рѣшаются сокращать время разсказами; это лишь легкая передѣлка плана «Декамерона». Но живая характеристика лицъ, собравшихся въ сотуорской гостинницѣ, и англійскаго общества, вполнѣ принадлежитъ Чоусеру; это предисловіе къ разсказамъ, написанное съ веселымъ юморомъ, показываетъ въ Чоусерѣ большое искусство изображать общественную жизнь. То же мы видимъ въ разсказахъ слѣдующихъ за прологомъ; они очень разнообразны, остроумны, высказываютъ глубокое изученіе жизни.

Содержаніе Кентерберійскихъ разсказовъ.

Общество, собравшееся въ гостинницѣ, составляютъ: храбрый и очень честный рыцарь, ѣздившій въ Пруссію и въ Испанію сражаться съ невѣрными; сынъ его, изящный молодой человѣкъ, любитель турнировъ, на которыхъ щеголяетъ передъ дамою своего сердца прекраснымъ вооруженіемъ, мастеръ пѣть и играть на флейтѣ, рисовать; аббатиса, красивая женщина, очень изящная, имѣющая чувствительное сердце, нѣжно ласкающая своихъ собачекъ, умѣющая говорить по-французски, впрочемъ не съ парижскимъ, а съ англійскимъ произношеніемъ; въ четкахъ у нея есть большой дорогой камень, на которомъ вырѣзана надпись „Amor vincit omnia" (любовь побѣждаетъ все); ее провожаютъ монахиня и священникъ. Есть и еще представитель духовнаго сословія, монахъ, у котораго такой величавый видъ, что можно принять его за аббата; онъ страстный охотникъ; у него въ конюшнѣ есть нѣсколько прекрасныхъ лошадей; когда онъ ѣдетъ верхомъ, колокольчики на сбруѣ его лошади звенятъ такъ, какъ въ его капеллѣ при богослуженіи; онъ не особенно интересуется монашескимъ уставомъ или науками, но хорошій знатокъ кушаній. Есть еще монахъ, умѣющій говорить такъ сладко, что женщины любятъ исповѣдоваться у него; онъ слушаетъ ихъ исповѣдь очень любезно, не налагаетъ строгаго покаянія на нихъ за грѣхи; потому монастырь получаетъ черезъ него много пожертвованій; онъ превосходно умѣетъ выпрашивать подаяніе на монастырь; напримѣръ выпросилъ подаяніе у вдовы, имѣвшей только одинъ

башмакъ; терять время на бесѣды съ бѣдняками онъ не любитъ, но дружепъ съ сосѣдними землевладѣльцами и богатыми дамами; онъ знаетъ всѣ трактиры въ городѣ. Далѣе къ составу собравшагося въ гостинницѣ общества принадлежатъ богатый купецъ въ бобровой шапкѣ, гордый своимъ богатствомъ, умѣющій хорошо говорить о денежныхъ дѣлахъ; бѣдный оксфордскій студентъ, плохо одѣтый, и такой же тощій какъ его лошадь; онъ тратитъ всѣ свои деньги на книги, думаетъ только о наукѣ; судья, проникнутый важностью своего сана, знающій всѣ законы, умѣющій толковать ихъ, получающій много денегъ черезъ свою юридическую премудрость; богатый землевладѣлецъ съ сѣдой бородой и краснымъ лицомъ, показывающимъ, что онъ принадлежитъ къ школѣ Эпикура и любитъ кубокъ; кухня и погребъ у него превосходны, за столомъ его есть мѣсто всякому гостю; сосѣды очень уважаютъ его, и часто онъ бываль шерифомъ; къ собравшемуся въ гостинницѣ обществу принадлежатъ также: пять зажиточныхъ ремесленниковъ, надѣющихся стать ольдермэнами; это будетъ пріятно и женамъ ихъ, которыя будутъ тогда носить платье со шлейфами и которыхъ всѣ будутъ называть madame; поваръ, мастеръ своего дѣла; морякъ, не разъ провозившій мимо сонныхъ таможенныхъ сторожей боченки бордосскаго вина; врачъ, знающій много микстуръ, но умѣющій лечить и магическими средствами, считающій золото укрѣпляющимъ лекарствомъ; дама изъ города Бата, знающая много исторій о мужьяхъ и женахъ, вѣнчавшаяся въ церкви пять разъ, имѣвшая кромѣ того пріятелей, съ которыми не вѣнчалась, три раза ѣздившая на богомолье въ Іерусалимъ и по собственному опыту знающая всѣ способы возбуждать любовь; послѣдній мужъ ея читалъ книгу, въ которой говорилось много дурного о женщинахъ; она вырвала изъ книги эти листы; онъ за это прибилъ ее такъ, что она оглохла на одно ухо; въ своихъ разсказахъ она откровенно говоритъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ. Есть въ обществѣ сотуоркской гостинницы и хорошій священникъ, все богатсво котораго составляютъ добрыя дѣла, не притѣсняющій поселянъ требованіями десятины, напротивъ помогающій бѣднякамъ; онъ не ищетъ себѣ выгодной должности въ Лондонѣ, остается въ своемъ селеніи; онъ истинный служитель Христа, смиренный, безукоризненный въ жизни, снисходительный къ слабымъ, строгій порицатель дурныхъ людей; онъ показываетъ путь ко Христу и самъ первый идетъ этимъ путемъ. Этотъ хорошій священникъ очевидно ученикъ Уиклефа. Вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ на богомолье братъ его, трудолюбивый поселянинъ, истинно благочестивый человѣкъ. Противоположность этимъ хорошимъ людямъ составляютъ: мельникъ, крѣпкій мужчина съ рыжей бородой, охотникъ драться, пьянствовавь и сквернословить, идущій впереди всѣхъ, играя на волынкѣ; плутъ управитель, разбогатѣвшій отдачей денегъ подъ проценты; служитель церковнаго суда, гадкій человѣкъ съ лицомъ, покрытымъ болячками, занимающійся сводничествомъ; отъ него пахнетъ чеснокомъ; напившись, онъ говоритъ не иначе, какъ по латини, повторяя клочки судебныхъ формулъ; впрочемъ онъ очень снисходителенъ къ тѣмъ, кто даетъ ему взятку, и объясняетъ имъ, чѣмъ можно освободиться отъ церковныхъ наказаній: надобно только дать взятку епископу. Съ нимъ идетъ пріятель, продавецъ индульгенцій, въ дорожной сумкѣ котораго кромѣ индульгенцій, только что привезенныхъ имъ изъ Рима, находятся удивительныя духовныя сокровища: покрывало Пресвятой Дѣвы, кусокъ паруса, бывшаго на ладьѣ апостола Петра, и цѣлая куча свиныхъ костей; ему нерѣдко случалось продажей индульгенцій и этихъ сокровищъ получать отъ бѣдняковъ въ одинъ день больше того, сколько заработаютъ они въ цѣлые два мѣсяца.

То общество, которое идетъ въ Кентербери и условилось на пути туда и оттуда развлекать себя разсказами, состоитъ изъ двадцати пяти лицъ. Чей разсказъ будетъ лучше всѣхъ, въ честь тому другіе дадутъ ужинъ по возвращеніи въ гостинницу, изъ которой пойдутъ теперь всѣ вмѣстѣ. Судьей достоинства разсказовъ они выбрали хозяина гостинницы, по предложенію котораго и было рѣшено ими развлекать себя въ дорогѣ разсказами. Чоусеръ успѣлъ написать только часть задуманнаго имъ сборника разсказовъ; его поэтическій трудъ прерывается еще на пути изъ Лондона въ Кентербери. Число разсказовъ, которые успѣлъ онъ написать, простирается до 24.

По примѣру романтическихъ поэтовъ, Чоусеръ беретъ предметы своихъ разсказовъ изъ разныхъ временъ, и людямъ всѣхъ временъ, всѣхъ народностей даетъ понятія рыцарскаго общества. Такой характеръ имѣетъ напримѣръ первый разсказъ. Это исторія Паламона и Аркита, взятая изъ „Тезеиды“ Боккачіо. Ее разсказываетъ рыцарь. Въ ней дѣйствуютъ греческіе герои цикла легендъ о Тезеѣ и о походѣ семи царей на Ѳивы; но по своимъ понятіямъ, они средневѣковые рыцари, и въ храмѣ Венеры находятся рядомъ съ изображеніями греческихъ божествъ аллегорическія фигуры, придуманныя авторами эротическихъ поэмъ XIV вѣка. За разсказомъ рыцаря, благороднымъ и приличнымъ, слѣдуютъ разсказы мельника и управителя, шутливость которыхъ доходитъ до грубаго неприличія; Чоусеръ и въ этомъ отношеніи похожъ на Боккачіо; въ особенности грубъ цинизмъ разсказовъ монаха и служителя церковнаго суда. Какъ во французскихъ Fabliaux, обыкновеннымъ предметомъ насмѣшекъ служатъ мужья, обманываемые женами. Таковъ напримѣръ заимствованный изъ „Декамерона“ разсказъ купца о старомъ рыцарѣ, женившемся на молодой дѣвушкѣ; старикъ черезъ нѣсколько времени ослѣпъ и самъ помогаетъ женѣ взлѣзть на грушевое дерево, на которомъ сидитъ ея любовникъ. Таковъ же разсказъ моряка о купцѣ, котораго обманываютъ жена и пріятель его, молодой монахъ.

Разсказы связаны между собою болѣе или менѣе длинными переходами. Дама изъ города Бата, разсказывающая любовную исторію изъ цикла легендъ объ Артурѣ, дѣлаетъ длинное предисловіе, въ которомъ очень безцеремонно разсуждаетъ о бракѣ вообще и о своихъ любовныхъ приключеніяхъ. Изъ другихъ повѣстей замѣчательны: разсказъ сына рыцаря о Камбусканѣ, ханѣ сарайскомъ (то есть кипчакскомъ), перепутывающій восточную легенду съ рыцарскими исторіями и кончающійся заимствованнымъ изъ миѳовъ о животныхъ сказаніемъ о погибели соколицы; разсказъ землевладѣльца о прекрасной и вѣрной Доригенѣ, заимствованный изъ старыхъ бретанскихъ легендъ; разсказъ врача о прекрасной и добродѣтельной Виргиніи, которую убиваетъ отецъ для спасенія чести ея отъ насилія; разсказъ оксфордскаго студента о Гризельдѣ, заимствованный не прямо у Бокаччіо, а у Петрарки; разсказъ монаха о паденіи съ высоты счастія въ погибель. Монахъ начинаетъ съ Люцифера и Адама, кончаетъ Пьеромъ Люзиньяномъ, Барнабо Висконти и Уголино делла Герардеска. Священникъ, сопровождающій аббатиссу, разсказываетъ исторіи о пѣтухѣ и лисицѣ, заимствованныя изъ французской редакціи „Рейнеке Лисицы“ или изъ новеллъ Маріи Французской; управитель исторію о воронѣ, открывшей измѣну жены мужу; тутъ однимъ изъ разскащиковъ является самъ Чоусеръ; хозяинъ гостинницы дѣлаетъ ему упрекъ, что онъ глядитъ въ полъ и молчитъ; онъ отвѣчаетъ, что готовъ разсказать единственную исторію, которую знаетъ, и разсказываетъ исторію рыцаря Топаза; это пародія на фантастическую рыцарскую поэзію того времени, состоявшую въ повтореніяхъ прежнихъ поэмъ. Нѣсколько времени общество слушало исторію, въ которой дѣйствуютъ вол-

шебницы, великаны, чудовища, но хозяинъ прерываетъ разсказъ просьбой пощадить его уши и вмѣсто этой нелѣпости разсказать что нибудь прозой. Чоусеръ начинаетъ „очень нравственную и добродѣтельную исторію о Мелибеѣ и благочестивой Пруденціи;“ это также пародія, осмѣивающая педантическую манеру приводить ученые цитаты въ доказательство простыхъ нравственныхъ истинъ.

Большая часть разсказовъ имѣютъ только ту цѣль, чтобы доставить развлеченіе, но въ нѣкоторыхъ есть дидактическая тенденція. Таковъ напримѣръ разсказъ продавца индульгенцій о трехъ негодяяхъ, нашедшихъ въ лѣсу сокровище и погибающихъ отъ желанія каждаго овладѣть имъ безъ раздѣла съ другими; эта исторія служитъ подтвержденіемъ тэмы, на которую постоянно говоритъ проповѣди продавецъ индульгенцій: “жадность корень всѣхъ золъ“. Разсказы кончаются рѣчью сельскаго священника; это цѣлый трактатъ о добродѣтеляхъ и порокахъ, о благодатной силѣ таинствъ, очищающихъ душу отъ грѣховъ. „Аминь“, которымъ священникъ кончаетъ свою рѣчь, образуетъ конецъ разсказовъ. Къ сборнику прибавленъ эпилогъ, въ которомъ авторъ, по примѣру Бокаччіо, отрекается отъ всего грѣховнаго, находящагося въ его произведеніи, но Тиргвейтъ доказалъ, что этотъ эпилогъ написанъ не Чоусеромъ.

Другія произведенія Чоусера.

Прозой Чоусеръ писалъ не такъ хорошо, какъ стихами. Его переводъ книги Боэтія „Утѣшеніе философіи“, сдѣланъ дурнымъ языкомъ; его подражаніе этой книгѣ „Завѣщаніе любви“, излагающее подъ формой аллегорическаго видѣнія нравственную философію, написано слогомъ то сухимъ, то напыщеннымъ. Изъ этого мы видимъ, что англійскій языкъ въ то время еще не былъ выработанъ такъ, какъ необходимо для хорошей прозы. Но стихъ у Чоусера легокъ, изященъ; въ его аллегорическихъ разсказахъ „Храмъ славы“, „Цвѣтокъ листокъ“, написанныхъ по французскимъ образцамъ, картины природы очень живы и всѣ подробности изображены вѣрно. Чоусеръ два столѣтія оставался любимцемъ англійской публики, образцомъ для англійскихъ поэтовъ.

Гоуэръ † 1413.

Гоуэръ былъ современникомъ и другомъ Чоусера, который упоминаетъ о немъ въ „Троилѣ и Кресидѣ“. Джонъ Гоуэръ, родившійся около 1324 года, былъ человѣкъ знатной и богатой фамиліи, имѣлъ обширныя знанія. Поэзія служила для него только средствомъ выказать свою ученость и изложить свои философскія и религіозныя мысли. Онъ былъ консерваторъ, глубоко уважалъ королевскую власть и католическую церковь, былъ противникъ Уиклефа, но видѣлъ недостатки общества и ожидалъ улучшенія дѣлъ отъ ланкастерской династіи. Его дидактическая поэма „Зеркало размышляющаго“, написанная по-французски, не имѣетъ важнаго значенія; тоже должно сказать о его латинской поэмѣ „Голосъ зовущаго въ пустынѣ“. Французская поэма имѣетъ дидактическое содержаніе, излагаетъ ученіе о добродѣтели и порокѣ, о супружеской вѣрности, объ истинномъ пути къ спасенію; латинская поэма—аллегорическое описаніе бѣдствій государства отъ возстаній, происходившихъ въ царствованіе Ричарда II. Слава Гоуэра основана на третьей поэмѣ, написанной по-англійски и называющейся „Исповѣдь любящаго“; это дидактическая аллегорія, написанная по образцу „Романа Розы“, чуждая сладострастныхъ эпизодовъ, но не имѣющая и граціозности своего образца. Гоуэръ говоритъ, что однажды, когда онъ плылъ по Темзѣ съ Ричардомъ II, король выразилъ желаніе, чтобъ онъ написалъ новую занимательную книгу, и что „Исповѣдь любящаго“ написана въ угожденіе королю. Это скучная дидактическая поэма, въ которой 30.000 стиховъ. Она имѣетъ форму разговора между влюбленнымъ и духомъ (геніемъ) жрецомъ Венеры. Содержаніемъ служатъ разсужденія о сущности любви и о тѣхъ качествахъ, которыя помогаютъ

или мѣшаютъ успѣху любви. Изложеніе наполнено ученымп цитатами, стихъ тяжелъ. По окончаніи исповѣди Венера даетъ влюбленному совѣтъ бросить глупости, неприличныя его пожилымъ лѣтамъ, и обратить мысли къ стремленіямъ возвышеннымъ. Начитанность Гоуэра очень велика; онъ цитируетъ множество книгъ, начиная съ Библіи до Овидія, средневѣковыхъ поэмъ о троянской войнѣ и Александрѣ, приводитъ цитаты изъ трактата Годофреда Витербскаго, „Зерцало королей“ изъ Боэтія, изъ поэмъ о рыцаряхъ Круглаго стола. Въ длинныхъ эпизодахъ онъ излагаетъ астрологію и схоластическую философію. Стихъ въ англійской поэмѣ Гоуэра тяжелъ, въ языкѣ ея много архаизмовъ. Гораздо лучше стихъ и разсказъ во французской поэмѣ Гоуэра, въ которой онъ подражалъ хорошимъ образцамъ. Въ одной изъ сотуоркскихъ церквей близъ Лондонскаго моста, получавшей пожертвованія отъ Гоуэра, находится памятникъ его; поэтъ изображенъ лежащимъ; подъ головой у него три книги.

Лидгетъ.

Джонъ Лидгетъ, монахъ Бери Сентъ-Эдмондскаго аббатства, былъ тоже человѣкъ большой учености, расширившій свои свѣдѣнія поѣздками во Францію и Италію; его поэмы „Паденіе государей“, „Исторія Ѳивъ“, „Книга о троянской войнѣ“— подражанія чужимъ образцамъ; въ нихъ сообразно вкусу того времени данъ широкій просторъ аллегорическому и дидактическому элементамъ. „Паденіе государей“—переводъ французской передѣлки книги Боккаччіо; фортуна перечисляетъ поэту государей и героевъ, подвергавшихся бѣдствіямъ; ихъ примѣръ долженъ служить предостереженіемъ ему. „Исторія Ѳивъ“ — подражаніе Чоусеру; въ ней, какъ и у Чоусера, древніе герои говорятъ и дѣйствуютъ по понятіямъ и обычаямъ средневѣковыхъ рыцарей; точно то же и въ „Книгѣ о троянской войнѣ“. Оригинальнѣе тѣ произведенія Лидгета, которыя написаны для какого нибудь опредѣленнаго случая; ихъ онъ писалъ очень много. Когда какая нибудь лондонская гильдія хотѣла устроить спектакль или лондонскіе ольдермэны хотѣли сдѣлать праздникъ, они обращались къ Лидгету, и онъ писалъ все, что было нужно: гимны, баллады, серьезныя и комическія стихотворенія, историческіе разсказы въ стихахъ, аллегоріи. Приведемъ содержаніе той аллегоріи, которую написалъ онъ для праздника коронаціи Генриха VI. Госпожа Мудрость ведетъ короля; семь наукъ встрѣчаютъ его; у каждой изъ этихъ наукъ есть спутникъ; у Логики Аристотель, у Реторики Цицеронъ, у Ариѳметики Пиѳагоръ, у Геометріи Эвклидъ. Лидгету приписывалась, но кажется, не принадлежитъ ему, сатирическая баллада „Джонъ Бѣднякъ“; она представляетъ живую картину лондонскаго быта тѣхъ временъ.

Гозъ.

Послѣднимъ даровитымъ представителемъ средневѣковой аллегорической любовной поэзіи въ Англіи былъ подражатель Лидгета Стифенъ (Стивенъ) Гозъ (Howes), пользовавшійся покровительствомъ Генриха VII, любителя французской литературы и рыцарской поэзіи. Его поэмы „Стеклянный храмъ“ (подражаніе „Храму славы“ Чоусера), и „Пріятное препровожденіе времени или исторія Грандамура и прекрасной дѣвицы, содержащая познаніе семи наукъ и изображеніе хода человѣческой жизни на землѣ“, пользовались большой популярностью. Гозъ имѣлъ живое воображеніе, прекрасно владѣлъ стихомъ и хорошо зналъ французскихъ поэтовъ. Въ „Пріятномъ препровожденіи времени“ онъ описываетъ тѣ качества, какія нужны влюбленному, чтобы заслужить любовь дамы сердца.

Межъ тѣмъ какъ Гозъ и его современники писали во вкусѣ обветшалой рыцарской поэзіи, Уильямъ Кэкстонъ ввелъ въ Англіи книгопечатаніе и началась въ литературѣ новая эра, возникновенію

которой Кэкстонъ содѣйствовалъ не только своею типографіей, но и переводами хорошихъ писателей. Въ войнахъ Бѣлой и Алой розъ погибло очень много вельможъ старыхъ норманскихъ фамилій, любившихъ французскую рыцарскую поэзію; ихъ мѣста заняли туземныя фамиліи, происходившія изъ англійскаго простонародья. Рыцарская поэзія утратила почву въ Англіи. Англійскій языкъ сталъ владычествовать въ литературѣ, получившей національный характеръ.

---

4. Нидерландская поэзія.

Рыцарская поэзія въ послѣднія времена среднихъ вѣковъ.

Средневѣковая рыцарская поэзія въ Нидерландахъ состояла изъ переводовъ и передѣлокъ иноземныхъ рыцарскихъ поэмъ, въ особенности французскихъ. При дворахъ фландрскомъ, брабантскомъ и голландскомъ любили слушать или читать разсказы объ осадѣ Трои, походахъ Александра, приключеніяхъ паладиновъ Карла Великаго и рыцарей Круглаго стола. Съ особенной любовью переработывались въ Нидерландахъ тѣ поэмы, которыя имѣли близкое отношеніе къ Лотарингіи и Фландріи, какъ напримѣръ легенды о Гаренѣ Лотарингскомъ, о Виллемѣ Оранжскомъ, о Фергютѣ, одномъ изъ рыцарей Круглаго стола; но это были только переводы французскихъ эпопей. Очень большой любовью пользовались въ Нидерландахъ преданія о Карлѣ Великомъ и его паладинахъ, потому что онъ былъ нидерландецъ: предки его жили въ Нидерландахъ, самъ онъ родился и любилъ жить тамъ. Многія легенды его цикла, вѣроятно, возникли въ Нидерландахъ. Знаменитѣйшая рыцарская фамилія Голландіи, рыцари Аркели, производили свой родъ отъ Гаймона (Эмона). Потому легенды о Карлѣ Великомъ и его рыцаряхъ держались въ Нидерландахъ дольше другихъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ были передѣланы въ простонародные прозаическіе разсказы. Поэмы о сыновьяхъ Гаймона, волшебникѣ Малагисѣ, Гіонѣ Бордосскомъ, Ожье Датчанинѣ, (то-есть уроженцѣ арденской области), о Ронсевальской битвѣ находили себѣ переводчиковъ и передѣлывателей въ Нидерландахъ въ XIV вѣкѣ; но въ этихъ передѣлкахъ уже исчезла рыцарская любезность; герои не влюбляются, а только совершаютъ храбрые подвиги; видно, что разсказы о нихъ передѣланы для горожанъ, не интересующихся придворнымъ изяществомъ, чуждыхъ сантиментальности и рыцарскаго волокитства. Города разбогатѣли, стали могущественны, и эпическая поэзія получила демократическій характеръ. Любимыми героями стали оруженосцы; они часто затмѣваютъ своихъ господъ подвигами храбрости; тонъ разсказа простонародный, часто встрѣчаются народныя поговорки, шутки грубы; все чудесное устранено, герои дѣйствуютъ въ обыденной обстановкѣ. Около того времени какъ Марлантъ сталъ писать дидактическія поэмы и, по его вліянію, „лживыя“ рыцарскія эпопеи замѣнялись стихотворными разсказами историческаго или нравственнаго содержанія, Гейнъ Акенъ сдѣлалъ сокращенный переводъ „Романа Розы“ и написалъ рыцарскую поэму „Дѣти Лимбурга“; это было попыткой реакціи противъ дидактической поэзіи; тогда же явилась другая рыцарская поэма „Сегелинъ Іерусалимскій“, авторомъ которой считался Лой Латевартъ; но времена рыцарской поэзіи

миновали для Нидерландовъ, и эти поэмы, бывшія подражаніями прежнимъ, не могли удержать ея упадка. Одно изъ важнѣйшихъ произведеній нидерландской поэзіи конца среднихъ вѣковъ Minneloop, написанное Диркомъ Поттеромъ, направлено противъ „Романа Розы“; оно имѣетъ содержаніе сходное съ нимъ, но противоположно ему по характеру изложенія. Диркъ Поттеръ, человѣкъ строгой нравственности, говоритъ о любви серьезнымъ языкомъ, устраняетъ всякое легкомысліе, и въ любовныхъ сценахъ у него нѣтъ сладострастныхъ описаній; впрочемъ его строгая нравственность очень снисходительна для мужчинъ. Онъ требовалъ отъ нихъ лишь того, чтобъ они избѣгали скандаловъ; соблюдать правила нравственности обязаны, по его мнѣнію, только женщины. Онъ былъ государственный человѣкъ и дипломатъ, аристократъ по происхожденію, но писалъ подъ вліяніемъ простонародныхъ понятій. Тонъ его рѣчи простой, болтливый и вообще занимательный, но мѣстами онъ утомляетъ многословіемъ.

Дидактическая и полемическая поэзія. Де Клеркъ.

Въ Нидерландахъ раньше и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, горожане возстали противъ дворянства. Эта борьба отразилась и въ литературѣ. Въ первой половинѣ XIV вѣка Янъ Блундале, обыкновенно называемый Де Клеркомъ (писцомъ, по его должности писца, то-есть секретаря при антверпенскомъ судѣ), написалъ поэму Jans Teestije („Мнѣнія Яна“), въ которой два ремесленника разговариваютъ объ общественныхъ дѣлахъ. Онъ написалъ также трактатъ въ похвалу торговлѣ и земледѣлію. Онъ послѣдователь Марланта, котораго часто цитируетъ, но идетъ въ демократическомъ направленіи гораздо дальше его, рѣзко порицаетъ дворянство и духовенство, говоритъ, что нравственность сохраняютъ только два сословія—горожане и поселяне и только они поддерживаютъ общественный порядокъ, что вельможи и прелаты притѣсняютъ, грабятъ народъ, что похожи на нихъ и городскіе знатные люди, что государи должны подчиняться городамъ. Онъ говоритъ: „Честь изгнана изъ дворовъ государей; тамъ живутъ только коварство и алчность; еврей, дающій деньги въ заемъ, милѣе тамъ, чѣмъ рыцарь, сражавшійся въ Палестинѣ; потому они посрамляются; посмотри, какъ Богъ наказываетъ королей и графовъ. Они потеряли могущество, честь и богатство“. Рѣзко высказывается у Де Клерка и сомнѣніе въ справедливости ученія католической церкви о почитаніи святыхъ. Самое важное изъ его произведеній „Зерцало мірянъ“. Онъ хочетъ просвѣтить мірянъ, представляя имъ, какъ въ зеркалѣ, все, что нужно знать имъ, говоритъ о происхожденіи человѣческаго рода, о развитіи христіанской церкви и свѣтской власти, о догматахъ и законахъ, о томъ, что водворится на землѣ царство божіе. Главную часть этого трактата составляетъ третья книга, въ которой излагается нравственное ученіе; Де Клеркъ объясняетъ въ ней обязанности человѣка относительно Бога, ближнихъ и самого себя, подтверждаетъ свои мысли примѣрами. Онъ пишетъ очень живо, придаетъ своимъ разсужденіямъ занимательность примѣрами, разсказами. „Зерцало мірянъ“ очень походитъ на „Мнѣнія Яна“, но излагаетъ мысли подробнѣе, систематичнѣе и спокойнѣе; политическія понятія въ немъ умѣреннѣе: оно говоритъ, что всѣ люди равны по одинаковому происхожденію отъ Адама, что благороденъ только добродѣтельный человѣкъ; что государь получилъ свою власть отъ народа, но прибавляетъ, что правительство установлено Богомъ, и что должно повиноваться ему. Еще спокойнѣе и умѣреннѣе тонъ Де Клерка въ третьемъ его произведеніи Doctrinale, имѣющемъ большое сходство съ третьей книгой „Зерцала мірянъ». Де Клеркъ не всегда послѣдователенъ въ развитіи своихъ понятій, но неизмѣнно держится того убѣжденія, что основную опору общественнаго порядка составляетъ сословіе горожанъ, и что оно пріобрѣтетъ владычество въ государствѣ, если

будетъ понимать и соблюдать правила нравственности и благоразумія. — Марлантъ и Де Клеркъ надолго остались образцами для горожанъ, писавшихъ дидактическія поэмы. Число такихъ поэмъ очень велико. Одна изъ нихъ „Мелибей“ имѣетъ такое сходство съ Doctrinale Де Клерка, что многіе считаютъ его авторомъ ея; въ томъ же духѣ написана поэма Nieuwe Doctrinaal, авторъ которой Янъ де Вертъ, врачъ, жившій въ городѣ Инрѣ въ половинѣ XIV вѣка, изображаетъ общественный бытъ своего времени, рѣзко нападаетъ на духовенство, продажу индульгенцій и вообще на суевѣріе. Въ другой поэмѣ, „Диспутъ“, онъ популярнымъ языкомъ излагаетъ христіанское ученіе о нравственности по схоластической системѣ.—Дидактическая поэзія была въ Нидерландахъ до эпохи возрожденія тою отраслью литературы, въ которой высказывались понятія горожанъ; эти поэмы не имѣютъ большого художественнаго достоинства, но важны по своему національному направленію и по вліянію на развитіе народныхъ понятій.

Простонародная поэзія.

Черезъ нѣсколько времени появились въ Нидерландахъ произведенія менѣе тяжелыя, такъ называемые спроки, небольшіе разсказы въ стихахъ, образцами для которыхъ служили французскіе Fabliaux; содержаніе спроковъ очень разнообразно; въ нихъ разказываются любовныя приключенія, описываются народные нравы, разказываются чудеса, совершонныя Богоматерью или святыми, излагаются въ аллегорической формѣ нравственныя истины. Тонъ ихъ также очень разнообразенъ: нѣкоторые написаны для образованнаго общества скромнымъ, приличнымъ языкомъ, другіе предназначены для грубыхъ низшихъ сословій; въ нихъ шутки рѣзки, не всегда пристойны; это разнообразіе соотвѣтствуетъ характеру быта нидерландскихъ городовъ въ XV вѣкѣ: высшее городское общество держало себя тогда солидно; нравы его имѣли аристократическій оттѣнокъ, а вокругъ его веселилась и дурачилась масса городскихъ простолюциновъ. Шутливые спроки напоминаютъ своей ироніей Рейнеке или „Рейнарта“, какъ называлась по-голландски эта поэма, остававшаяся и въ XV вѣкѣ любимымъ чтеніемъ въ Нидерландахъ. Подобно французскимъ фаблію, своимъ образцамъ, спроки находятъ матеріалъ для своихъ шутокъ въ обманахъ мужей женами, женъ мужьями, въ распутствѣ монаховъ и священниковъ, ведущихъ безбрачную жизнь. Кальвинизмъ былъ враждебенъ этимъ простонароднымъ непристойнымъ шуткамъ, и до насъ дошло мало спроковъ: фанатизмъ кальвинистовъ успѣлъ истребить большую часть ихъ. Извѣстнѣйшими изъ простонародныхъ поэтовъ, писавшихъ спроки и читавшихъ эти разсказы на площадяхъ или въ собраніи гостей на праздникахъ у зажиточныхъ горожанъ, получавшихъ иногда вознагражденіе изъ кассы общаго городского управленія или ремесленныхъ корпорацій, были Августійнкенъ ванъ Дортъ и Виллемъ ванъ Гиллегарсбергъ. Нѣкоторые изъ ихъ спроковъ дошли до насъ; это нравственныя аллегоріи и стихотворенія съ дидактической тенденціей, написанныя по поводу общественныхъ событій; они не имѣютъ большого поэтическаго достоинства. Шутливые спроки не дошли до насъ. Гиллегарсбергу приписываютъ нидерландскую редакцію Рейнеке Лисицы, послужившую основаніемъ для большинства другихъ передѣлокъ этой поэмы. Въ нидерландскую редакцію вставлено много эпизодовъ изъ прежней французской передѣлки; кромѣ того, есть въ ней вставки, заимствованныя изъ простонародныхъ разсказовъ.

Нидерландская редакція поэмы о Рейнеке Лисицѣ.

Іонкблутъ (доказывающій, что составителемъ нидерландской передѣлки Рейнеке Лисицы былъ Гиллегарсбергъ) говоритъ: въ этой передѣлкѣ нѣтъ того единства какъ въ старой поэмѣ; новые эпизоды, вставленные въ разсказъ, нарушаютъ его послѣдовательность; но переработка сдѣлана съ талантомъ, и поэма при всей своей длинотѣ остается занимательна. Характеры животныхъ, мастерски обрисованные въ старой поэмѣ, остались хорошо выдержаны въ новой редакціи. Тонъ новой редакціи не тотъ, какъ въ прежней поэмѣ: эпическая свѣжесть замѣнилась дидактикой и ученой напыщенностью; въ новую редакцію вставлено много эзоповскихъ басенъ; каждое животное пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ пуститься въ философскія разсужденія объ общественномъ устройствѣ, и самъ авторъ кончаетъ поэму философскимъ разсужденіемъ; но разсказъ все-таки остается очень живъ. Эта редакція, принадлежащая концу XIV вѣка, была впослѣдствіи переложена въ прозу.

Народныя пѣсни.

Нидерландцы были люди веселаго и впечатлительнаго характера; потому нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ издавна было много народныхъ пѣсенъ. Гвиччардини говоритъ о южныхъ нидерландцахъ, что они имѣли врожденную способность къ музыкѣ и пѣнію, были учителями всей Европы въ этихъ искусствахъ. Многія народныя мелодіи перешли въ Германію изъ Нидерландовъ; вѣроятно, вмѣстѣ съ напѣвами заимствовались и самыя пѣсни. До насъ дошли нѣкоторыя историческія народныя пѣсни нидерландцевъ; такова, напримѣръ, пѣсня о смерти Флориса V; самая старая изъ уцѣлѣвшихъ ея редакцій принадлежитъ началу XIV вѣка. Обыкновенное содержаніе старыхъ народныхъ пѣсенъ у нидерландцевъ любовь; въ нихъ много говорится о розахъ и винѣ, важную роль играетъ соловей; часто говорится о липѣ; подъ ея тѣнью происходятъ любовныя свиданья, подъ липой дѣвушка находитъ жениха; во многихъ пѣсняхъ убитый милый лежитъ подъ зеленой липой. Есть много плясовыхъ пѣсенъ. Часто встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ аллегорія. Размѣръ стиха въ нихъ не всегда правиленъ, но тонъ ихъ всегда живъ и свѣжъ. Нидерландцы были набожные люди, потому имѣли много духовныхъ пѣсенъ; нѣкоторыя изъ нихъ пѣлись на мелодіи мірскихъ пѣсенъ, многія передѣланы изъ мірскихъ пѣсенъ въ духовныя легкими измѣненіями текста. Нидерландскія духовныя пѣсни дѣлятся на нѣсколько разрядовъ. Одинъ изъ нихъ составляютъ рождественскія пѣсни, въ числѣ которыхъ находятся довольно старыя, принадлежащія, вѣроятно, XIV вѣку. Обыкновенное содержаніе ихъ—наивныя и живыя сцены, относящіяся къ рожденію Спасителя. Въ одной изъ нихъ волъ и оселъ, стоящіе у яслей, перестаютъ ѣсть, чтобы согрѣвать младенца своимъ дыханіемъ; въ другой мать купаетъ младенца Іисуса, онъ плещетъ по водѣ руками, такъ что летятъ брызги. Другой разрядъ образуютъ пѣсни о Богоматери, третій пѣсни о святыхъ. Есть пѣсни, говорящія о Христѣ, какъ о женихѣ, соединенія съ которымъ жаждетъ душа. Такихъ пѣсенъ было особенно много въ XV вѣкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ—легкія передѣлки мірскихъ пѣсенъ о любви: милый только замѣненъ Христомъ, все остальное удержано безъ перемѣны.

Духовныя пѣсни.

III. НѢМЕЦКАЯ НАЦІОНАЛЬНАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Упадокъ рыцарскихъ поэмъ.

Вліяніе нидерландской поэзіи на нѣмецкую.

Нидерландская эпическая поэзія имѣла вліяніе на нѣмецкую. Почти всѣ нидерландскія рыцарскія поэмы были переведены на нѣмецкій языкъ, хотя сами онѣ только переводы съ французскаго; такъ, напримѣръ, были переведены на нѣмецкій нидерландскія поэмы о Карлѣ Великомъ, о Малагисѣ, о дѣтяхъ Гаймона, объ Ожье Датчанинѣ и поэма «Дѣти Лимбурга», разсказывающая приключенія Мар-

гареты, дочери герцога лимбургскаго, похищенной и увезенной въ Аѳины, и ея брата, разыскивающаго ее по разнымъ землямъ; это одна изъ лучшихъ поэмъ временъ упадка рыцарской поэзіи; но въ ней нѣтъ ничего оригинальнаго; все въ ней заимствовано изъ прежнихъ поэмъ. Скромность, съ какою изображена въ ней любовь, показываетъ, что она написана подъ вліяніемъ понятій горожанъ. Въ этомъ состоитъ ея отличіе отъ прежнихъ рыцарскихъ поэмъ, въ которыхъ много сладострастныхъ сценъ.

а) Heldenbuch.

Политическая раздробленность Германіи въ XIV вѣкѣ ускорила упадокъ рыцарской эпической поэзіи. Государи и вельможи стали скупы на награды пѣвцамъ, охладѣли къ поэзіи. Рыцарскія поэмы иноземнаго происхожденія наскучили своей изысканностью и утрировкой. Ихъ перелагали въ прозу. Поэмы изъ нѣмецкихъ преданій передѣлывались въ грубомъ вкусѣ, но сохраняли стихотворную форму. Онѣ дробились при этомъ на отдѣлы, отдѣлы сокращались, и поэма превращалась въ безсвязныя пѣсни. Такимъ образомъ нѣмецкій эпосъ, составившійся изъ соединенія пѣсенъ, возвратился къ этой прежней своей формѣ. Пѣвецъ декламировалъ на рынкѣ только ту или другую пѣсню и самъ не зналъ предшествующихъ и послѣдующихъ. Эти разрозненныя пѣсни, получившія простонародный тонъ, были въ XV вѣкѣ собираемы. Сборники, составленные изъ нихъ, называются „Книгами о герояхъ“, Buch der Helden, или Heldenbuch. Самый полный изъ такихъ сборниковъ—тотъ Heldenbuch, который составленъ въ 1472 году Каспаромъ фонъ деръ Рономъ, сокращавшимъ пѣсни безъ таланта и вкуса, но съ заботливостью о вѣрности. Самыя знаменитыя изъ пѣсенъ его сборника Ортнитъ, Гугъ Дитрихъ и Дитрихъ-Волкъ, разсказывающія о предкахъ Дитриха и его молодости; Розовый садъ (на островѣ Рейна, близъ Вормса), Бѣгство Дитриха, Рабенская битва, Луаринъ, король карликовъ, Поѣздка Эке, Зигфридъ Роговой. Въ нихъ очень важныя роли играютъ великаны, карлики, драконы, феи, эльфы и другія фантастическія существа сѣверной миѳологіи; поэтическое достоинство пѣсенъ очень не одинаково; нѣкоторыя изъ нихъ совершенно плохи, а вообще они утомляютъ повтореніями, форма ихъ монотонна: всѣ онѣ написаны такъ называемой нибелунговской строфой; изложеніе и стихъ неуклюжи. Нѣкоторыя изъ этихъ эпическихъ пѣсенъ были переложены въ прозу и собраны въ скандинавской Вильтина-Сагѣ; нѣкоторыя, въ переложеніи на нѣмецкую прозу, стали такъ называемыми простонародными книгами, Volksbücher. Сила поэтическаго творчества была истощена у нѣмцевъ; они не умѣли сдѣлать ничего, кромѣ грубыхъ сокращенныхъ подражаній прежнимъ поэмамъ. Весь интересъ эпическихъ разсказовъ этого времени состоитъ въ превращеніяхъ, въ чудесахъ, производимыхъ волшебниками, волшебницами и фантастическими существами. Эти разсказы кажутся возвращеніемъ къ тому грубому старинному вкусу, когда нѣмцамъ нравились бретанскія преданія о феяхъ и волшебныхъ чудовищахъ.

Ортнитъ, Гугъ Дитрихъ, Дитрихъ-Волкъ.

Ортнитъ, ломбардскій король, живущій у Гардскаго озера, отправляетъ пословъ свататъ прекрасную дочь Нахаола, языческаго короля мунтенбургскаго. Нахаолъ не хочетъ выдать дочь замужъ, отрубаетъ головы посламъ и ставитъ ихъ на стѣнѣ своего замка. Ортнитъ идетъ мстить ему, на пути встрѣчаетъ въ лѣсу Альбериха, короля карликовъ, побѣждаетъ его. Альберихъ даетъ своему побѣдителю золотой панцырь, дѣлающій человѣка неуязвимымъ, и волшебный мечъ, называющійся розой. Благодаря этимъ панцырю и мечу, Ортнитъ овладѣваетъ прекрасной дочерью Нахаола. Она получаетъ въ крещеніи имя Сидраты. Ортнитъ великолѣпно празднуетъ свое бракосочетаніе съ ней. Альберихъ, невидимый для прочихъ, услаждаетъ сердца женщинъ и дѣвушекъ восхитительными звуками своей арфы. Ортнитъ и Сидрата счастливо живутъ во дворцѣ на берегу Гардскаго озера. Но Нахаолъ питаетъ непримиримую злобу противъ Ортнита и посылаетъ охотника Велло съ двумя молодыми драконами въ Тріэнтскія горы. Драконы выросли, опустошаютъ страну, пожираютъ всѣхъ выходящихъ сражаться съ ними; они пожрали уже многихъ рыцарей; Ортнитъ покидаетъ объятія прекрасной супруги, отправляется самъ сразиться съ ними. Въ противность совѣту Альбериха, онъ позволилъ себѣ въ утомленіи прилечь и уснуть; драконъ уноситъ его въ пещеру и дѣтеныши дракона сосутъ его. Во всемъ царствѣ большая печаль, королева оплакивала мужа три года, подданные требуютъ, чтобъ она выбрала себѣ другого мужа. Она отвѣчаетъ, что отдастъ свою руку только тому, кто убьетъ дракона. За это посадили ее въ башню. Вслѣдъ за тѣмъ начинается разсказъ о Дитрихѣ-Волкѣ, предкѣ Дитриха Бернскаго. Гугъ Дитрихъ, король константинопольскій, достигъ возраста, въ которомъ пора ему жениться; онъ услышалъ, что у Валигунда, короля сальнекскаго (салоникскаго), есть дочь, прекрасная Гильдбурга, но что отецъ держитъ ее запертой въ высокой башнѣ и рѣшилъ не выдавать ее замужъ. Гугъ Дитрихъ переодѣвается дѣвушкой, получаетъ доступъ въ башню Гильдбурги. Черезъ нѣсколько времени Берхтунгъ, останавшійся его намѣстникомъ, присылаетъ ему извѣстіе, чтобъ онъ возвратился въ свое царство; онъ уѣзжаетъ, оставляя Гильдбургу беременной. Она рождаетъ сына и, чтобы спасти младенца отъ Валигунда, спускаетъ его на веревкѣ съ башни. Волчица уноситъ младенца и кормитъ его вмѣстѣ съ своими волченятами. Охотники находятъ мальчика, привозятъ его къ Валигунду; король велитъ окрестить ребенка, назвать его Дитрихомъ-Волкомъ и воспитываетъ его въ своемъ дворцѣ. Король очень полюбилъ своего воспитанника. Гильдбурга узнаетъ сына по родимому пятну между плечъ, имѣющему форму краснаго креста, разсказываетъ отцу свою тайну. Валигундъ прощаетъ проступокъ дочери, посылаетъ Гугу Дитриху приглашеніе пріѣхать, женитъ его на Гильдбургѣ. Она ѣдетъ съ мужемъ въ Константинополь, и у нихъ родятся еще двое сыновей. Дитрихъ-Волкъ былъ еще ребенкомъ, когда умеръ его отецъ. Берхтунгъ, герцогъ меранскій, беретъ его къ себѣ и даетъ рыцарское воспитаніе. Межъ тѣмъ какъ онъ воспитывается у Берхтунга, королевствомъ его овладѣваютъ младшіе братья его, Богенъ и Васмутъ. Узнавъ объ этомъ, Берхтунгъ созываетъ всѣхъ своихъ вассаловъ, идетъ съ пятнадцатью сыновьями и Дитрихомъ-Волкомъ къ Константинополю. Братья Дитриха-Волка выводятъ свое войско, побѣждаютъ Берхтунга, всѣ воины его убиты въ этомъ сраженіи, только онъ съ десятью сыновьями и Дитрихомъ-Волкомъ ушелъ въ лѣсъ. Дитрихъ-Волкъ такъ опечаленъ, что хочетъ заколоться; но въ эту минуту является передъ нимъ волшебница Эльза, ходящая какъ медвѣдица на четверенькахъ, и предлагаетъ ему свою любовь. Онъ съ отвращеніемъ отвергаетъ ея желаніе; она волшебствомъ похищаетъ его мечъ и коня. Онъ долго блуждаетъ по лѣсу; наконецъ приходитъ къ дереву, подъ которымъ Эльза снова является ему; онъ снова отвергаетъ ея любовь, и она, погрузивъ его въ сонъ, срѣзываетъ у него два локона; отъ этого теряетъ разсудокъ. Онъ полгода скитается сумасшедшимъ по лѣсу. Берхтунгъ и его сыновья, не нашедши Дитриха-Волка, пошли въ Константинополь и стали служить братьямъ его. Ангелъ является Эльзѣ и велитъ ей исцѣлить Дитриха-Волка; она отправляется съ Дитрихомъ въ свою землю, купается тамъ въ источникѣ, дающемъ молодость, и выходитъ изъ воды дивной красавицей; ея истинное имя было госпожа Сигвина. Дитрихъ охотно согласился теперь жениться на ней. За этимъ слѣдуетъ рядъ чудесныхъ приключеній: Дитрихъ-Волкъ сражается съ Ортнитомъ и примиряется съ нимъ; потомъ на охотѣ гонится за животнымъ удивительно-страннаго вида, а въ это время великанъ Дразіанъ похищаетъ Сигвину, увозитъ ее за море. Волкъ-Дитрихъ надѣваетъ грубую одежду и вмѣстѣ съ Ортнитомъ отправляется искать Сигвину. Послѣ долгихъ странствованій онъ ложится отдохнуть подъ липой, растущей близъ замка. Въ этомъ замкѣ держитъ великанъ Сигвину. Она узнала мужа и, по ея просьбѣ, Дразіанъ вводитъ его въ залъ; начи-

нается бой; Дитрихъ-Волкъ убиваетъ Дразіана, зажигаетъ замокъ, и злые карлики, союзники Дразіана, погибаютъ въ пламени, а Дитрихъ-Волкъ послѣ разныхъ чудесныхъ приключеній возвращается съ Сигвиной въ отечество. Черезъ полгода по пріѣздѣ Сигвина умерла. Въ то же время Ортнитъ погибаетъ въ битвѣ съ дракономъ. Дитрихъ-Волкъ отправляется отмстить за него. Продолженіе разсказа мы имѣемъ уже только въ другой позднѣйшей редакціи. Дитрихъ-Волкъ убилъ драконовъ и послѣ множества сраженій съ язычниками, волшебниками и великанами освободилъ вдову Ортнита, женился на ней, поѣхалъ въ Константинополь. Берхтунгъ уже давно умеръ, и его сыновья были брошены въ темницу. Дитрихъ-Волкъ освободилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ своихъ братьевъ и потомъ много лѣтъ счастливо жилъ съ Сидратой въ своемъ царствѣ у Гардскаго озера. Когда жена умерла, Дитрихъ-Волкъ отдалъ царство сыну и постригся въ монахи. Будучи монахомъ, онъ велъ много войнъ съ язычниками, побѣждалъ ихъ, и когда въ старости умеръ, то ангелы взяли его душу на небо. Нѣкоторыя приключенія, встрѣчающіяся въ этомъ разсказѣ, повторяются въ другомъ, называющемся исторіей Дитриха-Волка и Сабена. По этой исторіи, Дитрихъ-Волкъ былъ сынъ царя и царицы; мужъ поручилъ царицу охраненію царедворца Сабена. Этотъ охранитель хочетъ стать любовникомъ царицы; она отвергаетъ его любовь; онъ обвиняетъ ее въ измѣнѣ мужу; царь повѣрилъ клеветѣ, велѣлъ брату царицы, Пунтунгу, отнести въ лѣсъ и убить ея новорожденнаго сына. Младенецъ въ лѣсу, улыбаясь, протянулъ ручки къ Пунтунгу; въ дядѣ пробудилась жалость; онъ пощадилъ жизнь ребенка; этотъ ребенокъ, Дитрихъ-Волкъ, былъ взятъ на воспитаніе жившими въ лѣсу дикимъ человѣкомъ и его женой и сталъ юношей удивительно сильнымъ. Сабенъ между тѣмъ овладѣлъ царствомъ. Дитрихъ-Волкъ, при помощи Пунтунга, хотѣлъ отнять у него царство, но былъ побѣжденъ, бѣжалъ въ царство Ортнита, убилъ драконовъ, имѣлъ много удивительныхъ приключеній, побѣдилъ Сабена, убилъ его и сжегъ его тѣло. Черезъ нѣсколько времени Дитрихъ-Волкъ и по этому разсказу тоже постригся въ монахи; будучи монахомъ, одержалъ много побѣдъ и по смерти получилъ райское блаженство. Главное содержаніе поэмъ «Сигенотъ» и «Поѣздка Эке» составляютъ приключенія Дитриха Бернскаго и его сподвижника Гильдебранда, сражающихся съ великанами Сигенотомъ и Эке. Нѣкоторые ученые приписываютъ обѣ эти поэмы и дошедшій до насъ отрывокъ поэмы о карликѣ Гольдемарѣ Альбрехту Кемнатену. Поэмы написаны грубымъ языкомъ, но есть въ нихъ поэтическія мѣста; разсказъ вообще живъ и энергиченъ; въ особенности хорошо описанъ бой Дитриха съ Эке. Въ Гриніарѣ (то-есть въ Colonia Agrippina, въ Кельнѣ) сидѣли три героя Фазольтъ, Эке и Эггенотъ, говорили о Дитрихѣ Бернскомъ и прославляли его храбрость. Эке стало досадно, что Дитрихъ пріобрѣлъ такую славу; онъ задумалъ биться съ Дитрихомъ. Три королевы, царствующія въ Йохгриммѣ, подкрѣпляютъ Эке въ этомъ намѣреніи; одна изъ нихъ говоритъ, что желала бы, чтобъ Эке привелъ къ ней побѣжденнаго Дитриха, котораго хотѣлось бы ей увидать; она даетъ Эке превосходное вооруженіе, между прочимъ, панцырь Ортнита, принадлежавшій Дитриху-Волку. Эке ѣдетъ биться съ Дитрихомъ Бернскимъ и послѣ разныхъ приключеній находитъ его. Дитрихъ отказывается сражаться съ Эке. Онъ раздражаетъ Дитриха насмѣшками, которыя кончаетъ словами: «Посмотримъ, поможетъ ли тебѣ твой Богъ». Раздосадованный Дитрихъ принимаетъ вызовъ. Эке начинаетъ одолѣвать; Дитрихъ призываетъ помощь своего (христіанскаго) Бога и ударомъ меча низвергаетъ Эке на землю. Послѣ боя мечами начинается кулачный бой. Дитрихъ окончательно одолѣваетъ; Эке не хочетъ признать себя побѣжденнымъ; потому Дитрихъ убиваетъ его, отрубаетъ ему голову, привязываетъ ее къ своему сѣдлу; послѣ того онъ сражается съ Фазольтомъ, братомъ Эке, съ Эггенотомъ, съ великаншей Биркильтой, побѣждаетъ всѣхъ, пріѣзжаетъ въ замокъ трехъ королевъ, бросаетъ къ ихъ ногамъ голову Эке, кровь и мозгъ летятъ брызгами на нихъ; Дитрихъ возвращается въ свою столицу Бернъ (Верону). Въ поэмѣ «Предки Дитриха и бѣгство его къ гуннамъ» разсказываются нѣкоторые эпизоды изъ войнъ Дитриха съ Эрменрихомъ, королемъ римскимъ. Эти разсказы представляютъ текстъ довольно старый, но передѣланный во вкусѣ рыцарской поэзіи. Къ циклу легендъ о молодости Дитриха Бернскаго принадлежитъ и «Битва подъ Рабеномъ», то-есть подъ Равенной. Старый текстъ этой поэмы, написанный человѣкомъ даровитымъ, передѣланъ другимъ редакторомъ, не имѣвшимъ та-

Сигенотъ и поѣздка Эке.

«Предки Дитриха». «Равенская битва». «Розовый садъ».

ланта и привыкшимъ къ позднѣйшему грубому языку. Содержаніе разсказа таково: Эцель посылаетъ двухъ сыновей съ войскомъ на помощь Дитриху, идущему къ Равеннѣ на битву съ Эрменрихомъ. Гельфа, жена Эцеля, видѣла зловѣщій сонъ, потому рѣшено, что сыновья Эцеля и младшій братъ Дитриха Дитеръ не должны идти въ сраженіе; ихъ оставляютъ въ Бернѣ (Веронѣ), подъ надзоромъ Ильсана; они хитростью уѣзжаютъ изъ-подъ надзора встрѣчаютъ на пустынномъ полѣ Витегена, измѣнившаго Дитриху, передавшагося Эрменриху, нападаютъ на него; онъ убиваетъ всѣхъ трехъ ихъ. Битва подъ Равенной длится одиннадцать дней. По ея окончаніи, Ильсанъ сообщаетъ Дитриху, что его братъ и сыновья Эцеля убиты Витегеномъ. Дитрихъ хочетъ мстить за нихъ, но Витегенъ спасается бѣгствомъ къ морю. Онъ внукъ морской женщины Ваггильды; она беретъ его къ себѣ на дно моря. Вассалъ Эцеля Рюдигеръ сообщаетъ Гельхѣ о смерти ея сыновей; она проклинаетъ Дитриха, осуждаетъ себя за свою милость къ нему, но Рюдигеръ говоритъ, что Дитрихъ не виновенъ въ смерти ея сыновей, и очень жалѣлъ о нихъ; ея гнѣвъ смягчается, и гуннскіе рыцари привѣтливо встрѣчаютъ Дитриха, пріѣхавшаго къ Эцелю. Только самъ Эцель сердится на Дитриха за погибель сыновей; Дитрихъ кланяется въ ноги ему, отдаетъ себя на произволъ его мщенія; онъ поднимаетъ Дитриха и примиряется съ нимъ. Поэма «Луаринъ» (Лауринъ), или «Малый розовый садъ» также принадлежитъ къ циклу легендъ о Дитрихѣ Бернскомъ. Король карликовъ Луаринъ Тирольскій, имѣя плащъ, дѣлающій невидимымъ, похищаетъ Симильду, дочь Битерольфа, герцога штирійскаго. По просьбѣ ея брата Дитлиба Дитрихъ Бернскій идетъ освободить похищенную королеву. Съ нимъ идутъ Гильдебрандъ, Виттихъ и другіе герои. Дворецъ Луарина находится подъ землей въ Розовомъ саду, который вмѣсто ограды обведенъ шелковой ниткой. Виттихъ раньше другихъ героевъ находитъ этотъ садъ, мнетъ цвѣты въ немъ. Луаринъ своимъ волшебствомъ побѣждаетъ Виттиха, хочетъ отрубить ему руки и ноги. Но Гильдебрандъ хитростью захватываетъ оружіе Луарина; Дитрихъ побѣждаетъ Луарина и хочетъ убить его, но Дитлибъ упрашиваетъ Дитриха пощадить Луарина, чтобъ онъ сказалъ, гдѣ Симильда. Дитрихъ и его сподвижники мирятся съ Луариномъ; онъ приглашаетъ ихъ въ свой дворецъ. Симильда говоритъ брату, что никогда не согласится стать женой Луарина, братъ и сестра условливаются бѣжать; Луаринъ, узнавъ объ этомъ, поитъ своихъ гостей волшебнымъ напиткомъ, повергающимъ ихъ въ сонъ, велитъ надѣть на нихъ цѣпи и привѣсить въ цѣпяхъ къ желѣзному бревну въ темной пещерѣ; но у Дитриха пламенное дыханіе; онъ дыханіемъ расплавляетъ цѣпи; Дитлибъ, успѣвшій освободить сестру, приноситъ Дитриху и другимъ героямъ оружіе ихъ; они сражаются съ карликами, убиваютъ ихъ, а Луарина берутъ съ собой, чтобъ онъ былъ у нихъ шутомъ и забавлялъ ихъ. Гервинусъ говоритъ: нѣмецкая поэзія долго оставляла въ забвеніи старыя народныя сказки о карликахъ, объ ихъ физической силѣ, ихъ умѣ, хитрости и чародѣйствѣ, объ ихъ дворцахъ внутри горъ, и только теперь, когда возвысилось политическое значеніе простолюдиновъ, поэты стали пересказывать эти старыя народныя преданія. Въ поэмѣ, называющейся «Большимъ Розовымъ садомъ» соединены готскія и бургундо-франкскія легенды: Мѣсто дѣйствія этой поэмы—столица бургундскаго королевства, Вормсъ. Кримгильда живетъ тамъ во дворцѣ, находящемся среди прекраснаго Розоваго сада. Бургундцы готовятся праздновать свадьбу Кримгильды. Королевна посылаетъ Эцелю и Дитриху приглашеніе пріѣхать на ея свадьбу для военнаго состязанія съ ея отцомъ Гибихомъ, ея братьями и женихомъ Зигфридомъ. По совѣту Гильдебранда, Дитрихъ принимаетъ приглашеніе; съ ними ѣдетъ братъ Гильдебранда, монахъ Ильсанъ, оставшійся и въ монашествѣ охотникомъ сражаться. Бургундскіе герои бьются на поединкахъ съ героями, сподвижниками Дитриха. Дитриху слѣдовало биться съ Зигфридомъ, но онъ не хочетъ биться, потому что Зигфридъ имѣетъ волшебный мечъ, волшебный панцырь и кромѣ того неуязвимъ (по эпическому выраженію неуязвимость Зигфрида обозначается эпитетомъ «Роговой»). Сподвижники Дитриха побѣждаютъ бургундцевъ; но Дитрихъ не бьется съ Зигфридомъ. Гильдебрандъ убѣждаетъ Дитриха биться, старается раздражить его насмѣшками, наконецъ бьетъ его, называетъ безчестнымъ трусомъ; Дитрихъ толкаетъ Гильдебранда, такъ что онъ упалъ на землю, и въ волненіи отъ его

насмѣшекъ идетъ на бой съ Зигфридомъ. Видя, что Зигфридъ начинаетъ одолѣвать Дитриха, Гильдебрандъ велитъ передать Дитриху ложное извѣстіе о своей смерти. Печаль о смерти друга приводитъ Дитриха въ ярость; онъ побѣждаетъ Зигфрида и хочетъ убить его, но къ нимъ подходитъ Гильдебрандъ; видя его живымъ, Дитрихъ щадитъ жизнь Зигфрида. Эта поэма—одно изъ лучшихъ произведеній нѣмецкой поэзіи XIV вѣка. Разсказъ въ ней живъ и свѣжъ; характеры обрисованы хорошо. Монахъ Ильсанъ—неуклюжая комическая фигура, въ обрисовкѣ которой замѣтно вліяніе демократическихъ понятій городского сословія.

b) дидактическая поэзія.

Съ упадкомъ рыцарства и возвышеніемъ политическаго значенія городовъ рыцарская поэзія была, какъ мы говорили, вытѣснена тою, которая выражала мысли и чувства горожанъ. Въ поэмѣ „Вязальщикъ“ (VII, 407) еще есть элементы рыцарской поэзіи, но въ поэмахъ Тринберга „Бѣгунъ“ и Бонера „Драгоцѣнный камень“ уже нѣтъ отголосковъ рыцарской любовной поэзіи, владычествуетъ исключительно дидактика. Гуго Тринбергъ, написавшій свою поэму около 1300 года, былъ ректоръ школы въ Бамбергѣ, человѣкъ большой начитанности и житейской опытности; онъ изобличаетъ испорченность современнаго общества въ духѣ проповѣдниковъ и самъ называетъ свое произведеніе проповѣдью въ мірской одеждѣ. Источниками всѣхъ бѣдствій онъ считаетъ гордость, корыстолюбіе и невоздержность, пересматриваетъ проявленія этихъ пороковъ во всѣхъ сословіяхъ, подтверждаетъ свое поученіе примѣрами, баснями. Свою поэму назвалъ онъ „Бѣгуномъ“ потому, что она должна обѣгать весь свѣтъ; онъ ссылается на Библію и на древнихъ языческихъ писателей; изложеніе мыслей у него плохое и растянутое; стихъ неправиленъ, но здравый смыслъ его нравственныхъ уроковъ нравился горожанамъ, и его поэма была любимымъ чтеніемъ ихъ. Почти такой же популярностью пользовался „Драгоцѣнный камень“, сборникъ басень, поговорокъ и разсказовъ, написанный около 1335 года Ульрихомъ Бонеромъ, доминиканскимъ монахомъ, жившимъ въ Бернѣ. Языкъ этой поэмы простъ и ясенъ, достоинства ея тѣже, какъ поэмы Тримберга. Дидактическихъ поэмъ подобнаго характера появлялось довольно много въ XIV и XV столѣтіяхъ. Въ тѣ времена очень любили подкрѣплять мораль примѣрами, разсказами; потому были переводимы, сообразно вкусу публики, старые восточные и европейскіе сборники анекдотовъ и сказокъ. Самыми популярными изъ нихъ были „Дѣянія римлянъ“ „Gesta Romanorum“ и „Семъ мудрецовъ“.—„Дѣянія римлянъ“—компиляція, написанная на латинскомъ языкѣ неизвѣстнымъ монахомъ, передѣланная и пополненная другими монахами, получила свое заглавіе потому, что большая часть собранныхъ въ ней анекдотовъ считалась заимствованной изъ исторіи римскихъ императоровъ. Это сборникъ небольшихъ серьезныхъ и шутливыхъ разсказовъ изъ обыденной жизни, изъ древней исторіи и изъ миѳологіи. „Книга семи мудрецовъ“ была въ XV вѣкѣ переведена стихами на нѣмецкій языкъ Гансомъ Бюгелемъ, потомъ была переложена въ прозу. Подобно „Дѣяніямъ“ она долго пользовалась очень большой популярностью во всей западной Европѣ. Содержаніе того разсказа, въ который вставлены другіе, таково: Императоръ поручилъ семи мудрецамъ учить его сына. Выучившись, юноша возвращается къ отцу. Звѣзды показываютъ, что его жизни угрожаетъ опасность, что онъ избѣжитъ ея только въ томъ случаѣ, если не произнесетъ ни одного слова до извѣстнаго срока, потому онъ молчитъ. Мачиха была влюблена въ него; онъ отверъ ея любовь; она, озлобленная этимъ, требуетъ чтобы мужъ казнилъ своего сына, и разсказываетъ повѣсти въ подтвержденіе своего требованія; послѣ каждой повѣсти ея императоръ хочетъ казнить сына, но одинъ изъ семи мудрецовъ отвѣчаетъ на повѣсть императрицы такой повѣстью, которая убѣждаетъ императора отсрочить казнь до слѣдующаго дня; такъ проходитъ семь дней, кончается срокъ молчанія юноши, и онъ открываетъ отцу, за что мачиха возненавидѣла его. Въ разныхъ передѣлкахъ этого восточнаго сборника повѣсти императрицы и мудрецовъ не одинаковы; имена мудрецовъ, императора и его сына тоже различны.—Гансу Бюгелю принадлежитъ и другая дидактическая поэма „Исторія дочери короля французскаго“. Это, вѣроятно, передѣлка французской поэмы, не дошедшей до насъ. Содержаніе разсказа состоитъ въ томъ, что дочь короля французскаго подвергается несправедливымъ гоненіямъ и наконецъ избавляется отъ нихъ.

c) послѣднія произведенія рыцарской поэзіи.

Поэзія, выражавшая мысли горожанъ, проникнута бодрымъ настроеніемъ духа; въ послѣднихъ произведеніяхъ рыцарской поэзіи владычествуетъ уныніе; таково напримѣръ, собраніе пятнадцати поэмъ австрійскаго рыцаря Гельблинга, называющееся „Луцидаріемъ“ (просвѣтителемъ). Форма этихъ поэмъ—разговоры учителя съ ученикомъ. Содержаніе ихъ—жалобы на упадокъ рыцарства, на грубость придворныхъ нравовъ, на роскошь, на иноземныя новыя моды, на продажность судей, сожалѣнія о старинѣ, когда государи были щедры, дамы скромны, рыцари поступали благородно. Тѣ же жалобы находимъ у другихъ австрійскихъ рыцарскихъ поэтовъ Тейхнера и Зухенвирта, жившихъ во второй половинѣ XIV вѣка. Усилія Матильды Австрійской, Альбрехта Баварскаго, Фридриха Побѣдоноснаго, курфирста пфальцскаго и нѣкоторыхъ другихъ государей XV вѣка поддержать рыцарскую поэзію остались напрасны. Послѣднимъ представителемъ ея былъ императоръ Максиміліанъ. Человѣкъ совершенно прозаическій, онъ желалъ прославить свои подвиги поэмой во вкусѣ рыцарскихъ эпоней и составилъ планъ, по которому были написаны два аллегорическіе рыцарскіе романа; одинъ въ стихахъ, называющійся Thewrdank; другой въ прозѣ Weisskunig. Одинъ изъ нихъ точное повтореніе другого. Аллегорія состоитъ только въ томъ, что дѣйствительныя имена дѣйствующихъ лицъ и названія мѣстностей замѣнены вымышленными, обозначающими характеръ этихъ лицъ и мѣстностей.

Thewrdank—поэма въ стихахъ, написанная нюрибергскимъ каноникомъ Пфинцингомъ по плану и по матеріаламъ, полученнымъ отъ Максиміліана—имѣетъ главнымъ предметомъ сватовство Максиміліана на Маріи Бургундской и соединенные съ тѣмъ подвиги его. Thewrdank—«Мыслящій объ отважныхъ подвигахъ», то-есть «герой». (thewr, по нынѣшнему правописанію teuer, принимается у Максиміліана въ смыслѣ Abenteuer; а это слово—передѣлка французскаго aventure, «приключеніе» храбраго рыцаря. Thewrdank, «Герой»—это самъ Максиміліанъ; для Карла Смѣлаго онъ придумалъ имя Romreich (ruhmreich) «Славный»; по этому же способу изобрѣтены имена для другихъ лицъ. Поэма была роскошно издана въ 1517 году. Романъ Weisskunig написалъ секретарь Максиміліана Трейцзауэрвейнъ по матеріаламъ, которые диктовалъ ему императоръ. Weisskunig, «Бѣлый король», это самъ Максиміліанъ; для Людовика XI онъ придумалъ названіе «Синяго короля», нидерландцевъ онъ назвалъ «Сѣрымъ обществомъ» и т. д. Романъ, написанный прозой, еще хуже поэмы Thewrdank.

2. Переходъ къ поэзіи горожанъ и народной литературѣ.

а) городская жизнь.

Богатство и политическое вліяніе имперскихъ городовъ.

Богатство и политическое значеніе нѣмецкихъ городовъ постоянно росло со времени междуцарствія. Тѣ города, которые были подвластны только императору и сейму, то-есть не были подвластны областнымъ государямъ—такъ называемые имперскіе города—сдѣлались при упадкѣ королевской власти независимыми республиками. Тѣ изъ нихъ, которые были многолюдны, имѣли такія большія войска, что могли выдерживать войну съ второстепенными сосѣдними государями. Патриціи этихъ городовъ, богатые купцы старинныхъ фамилій, считали себя равными вельможамъ. Изъ этихъ торговыхъ аристократовъ особенно знамениты аугсбургскіе патриціи Фуггеры, имѣвшіе громадное богатство и очень большое вліяніе на государственныя дѣла. Въ имперскихъ городахъ шла борьба цеховъ противъ патриціевъ, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе; нерѣдко происходили вооруженныя столкновенія на улицахъ. Почти повсюду простолюдины пріобрѣли себѣ участіе въ управленіи; во многихъ городахъ совершенно восторжествовали и замѣнили прежнее аристократическое управленіе своимъ, состоявшимъ изъ представителей цеховъ.

Бытъ горожанъ, дома и улицы.

До довольно поздняго времени дома горожанъ строились изъ самаго дешеваго матеріала, были деревянные или даже глинобитные, крытые соломой; изъ камня или кирпича строились только общественныя зданія: храмы, ратуши, рынки, таможни, монетные дворы. Но въ XIV вѣкѣ частные люди стали строить себѣ каменные дома; въ XV вѣкѣ ихъ было построено уже очень много. Съ развитіемъ торговли и богатства нѣмецкихъ городовъ видъ ихъ измѣнился: улицы были вымощены, устроены водопроводы; въ окна домовъ стали вставлять стекла; вмѣсто прежнихъ плохихъ печей безъ трубъ стали дѣлать хорошія съ трубами. Но улицы оставались кривы, узки, дома строились по прежнему очень тѣсно; къ этому принуждала необходимость жить подъ охраной укрѣпленій, которыми былъ обведенъ городъ; глубокіе рвы, высокія стѣны съ башнями еще напоминали тѣ ужасныя времена, когда мирное городское населеніе должно было каждый день опасаться нападенія. Но внутренняя отдѣлка домовъ богатыхъ патриціевъ стала великолѣпна, и снаружи они были украшены балконами, лѣпными обводами оконъ. Стѣны комнатъ обивались панелями съ рѣзьбой. Эней Сильвій называетъ нѣмецкіе города великолѣпными и говоритъ, что шотландскіе короли считали бы счастьемъ для себя жить въ такихъ домахъ, какъ зажиточные нюрнбергскіе горожане. Съ улучшеніемъ домовъ развивалась и забота о чистотѣ, о здоровости города. Строились больницы, богодѣльни, воспитательные дома, другія благотворительныя учрежденія; богатые патриціи, дѣлавшіе прежде только пожертвованія въ монастыри, употребляли теперь много денегъ на эти общеполезныя дѣла. Ужасныя эпидемическія болѣзни, заносимыя въ Европу сношеніями съ востокомъ,—проказа, чума, потомъ оспа—принуждали зажиточное городское сословіе заботиться для собственной безопасности о медицинскомъ пособіи бѣднымъ людямъ; строились больницы, бани, учреждались аптеки; городъ давалъ жалованье врачамъ, обязывая ихъ лечить бѣдныхъ. Прежде врачами были только евреи, научившіеся медицинѣ у арабовъ, и монахи, учившіеся у

Больницы.

нихъ. Теперь въ Германіи явились врачи-міряне съ хорошимъ медицинскимъ образованіемъ.

Полиція.

Городское управленіе заботилось и о порядкѣ въ городѣ, издавало законы о правилахъ торговли, наблюдало за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ; были также издаваемы законы противъ роскоши, но они оставались безсильны, и при грубости нравовъ пиры были шумны, происходили буйства и на улицахъ. Эней Сильвій, хорошо знавшій бытъ нѣмецкихъ городовъ, говоритъ: „День и ночь идутъ драки на улицахъ; ремесленники дерутся съ воспитанниками школъ, служители епископовъ и князей съ горожанами, горожане между собой; церковный праздникъ рѣдко обходится безъ раненныхъ и убитыхъ; въ каждомъ городѣ множество кабаковъ, при которыхъ живутъ публичныя женщины; горожане преданы пьянству и въ воскресенье пропиваютъ все, что заработали въ недѣлю“. Пьянство было старымъ нѣмецкимъ порокомъ; горожане пьянствовали не меньше дворянъ и вельможъ; они также любили играть въ кости; ужь вошли въ употребленіе и карты. Во Франкфуртѣ былъ городской игорный домъ, который городское управленіе отдавало въ аренду или оставляло подъ своимъ прямымъ завѣдованіемъ; были и публичные дома, которые городское управленіе отдавало въ аренду; другіе публичные дома имѣли привилегированныхъ содержателей, получившихъ граматы на свой промыселъ отъ государей. Публичныя женщины составляли особую корпорацію, находившуюся въ завѣдованіи городского управленія, пользовавшуюся его покровительствомъ; ихъ ремесло было привилегіей. На праздники собирались отовсюду толпы ихъ. Дахеръ, которому было поручено во время констанцскаго собора вести списки пріѣзжихъ, разсказываетъ, что онъ съ своими помощниками поѣхалъ по городу переписать публичныхъ женщинъ: „И нашли мы до 700 публичныхъ женщинъ, а больше я не захотѣлъ искать“, кончаетъ онъ свой разсказъ. Въ счетѣ расходовъ, сдѣланныхъ городомъ Ульмомъ по случаю пріѣзда императора Сигизмунда, видное мѣсто занимаетъ сумма, употребленная на угощеніе императора и его свиты въ публичномъ домѣ. Безстыдство танцевъ и модъ превосходило тогда все, что дозволяютъ себѣ безстыдные люди въ наше время. Поддже, посѣтившій въ 1417 году минеральныя воды въ ааргаускомъ Баденѣ, разсказываетъ, что распутство тамъ было совершенно безстыдно. Въ концѣ XV вѣка распространился по Германіи сифилисъ; отъ него умирало много людей. Въ это же время нѣмцы начали пить водку, которая прежде употреблялась лишь какъ лекарство. Но были въ жизни тогдашнихъ горожанъ и хорошія, благородныя развлеченія. Повсюду были праздники стрѣльбы въ цѣль (сначала изъ луковъ, потомъ изъ ружей); Майскій праздникъ былъ невиннымъ весельемъ. Богатые патриціи давали балы, на которыхъ гости танцовали подъ музыку городского оркестра, давали маскарады, устроивали зимой катанья на саняхъ. Эти праздники были такъ хороши, что государи не отказывались участвовать въ нихъ. Сигизмундъ и Максимиліанъ часто танцовали съ дочерьми горожанъ на балахъ у нюрнбергскихъ и аугсбургскихъ патриціевъ. Великолѣпные праздники Фуггеровъ славились по всей Германіи. Простолюдины по воскресеньямъ собирались въ погребкахъ не для того только, чтобы пить, они бесѣдовали о городскихъ дѣлахъ, о военныхъ извѣстіяхъ. Ремесленники были трудолюбивы, искусны; по всей Европѣ славились нѣмецкіе оружейники, столяры, суконщики, ткачи полотна, ювелиры, мастера горнаго дѣла. Въ нѣмецкихъ городахъ было тогда сдѣлано много техническихъ изобрѣтеній или усовершенствованій. Нѣмцами были сдѣланы важныя улучшенія въ выдѣлкѣ огнестрѣльнаго оружія, въ живописи, гравированіи, въ устройствѣ органовъ и многихъ инструментовъ; въ Германіи были изобрѣтены карманные часы и было изобрѣтено

Пьянство, игра, распутство.

Трудолюбіе.

Умственная жизнь. Городскія хроники.

книгопечатаніе. Горожане любили искусства и литературу, въ городахъ строились школы; между горожанами нерѣдки были люди, знающіе латинскій языкъ. Памятниками довольно высокаго умственнаго развитія горожанъ остались городскія хроники: кельнская риѳмованная хроника Гагена, другая кельнская хроника неизвѣстнаго горожанина, страсбургская хроника Твингера, нюрнбергскія хроники Штромера, Мейстерлейна, Варауса, аугсбургская хроника Цинка и многія другія городскія хроники. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ XIII вѣку; большинство относится къ XIV и XV столѣтіямъ.

b) историческія пѣсни. романы въ прозѣ. передѣлки рыцарскихъ романовъ въ простонародномъ вкусѣ.

Историческія пѣсни.

Мы уже говорили, что попытки оживить рыцарскую поэзію оставались напрасны. Когда побѣды швейцарцевъ и дитмаршей, войны нѣмецкихъ городовъ съ князьями увеличили увѣренность поселянъ и горожанъ въ своихъ силахъ, поэзія получила характеръ, соотвѣтствовавшій склонностямъ ихъ. Они любили историческія пѣсни; и возникли новыя пѣсни историческаго содержанія, первоначально у швейцарцевъ и дитмаршей, восторжествовавшихъ надъ противниками, хотѣвшими поработить ихъ. Швейцарцы пѣли о своихъ побѣдахъ при Нефельсѣ и Земпахѣ. Эти пѣсни разсказываютъ о великихъ событіяхъ простымъ народнымъ языкомъ и проникнуты любовью къ свободѣ и родинѣ. Однимъ изъ поэтовъ, слагавшихъ эти пѣсни, былъ цюрихскій гражданинъ Зутеръ. Таковы же пѣсни дитмаршей о битвѣ при Геммингстедѣ. Въ концѣ XV вѣка Веберъ, гражданинъ Фрейбурга Брейсгаускаго, писалъ пѣсни о побѣдахъ надъ Карломъ Смѣлымъ. Собственно нѣмецкія пѣсни того времени далеко уступаютъ швейцарскимъ, потому что нѣмецкіе горожане не одержали такихъ побѣдъ, какъ швейцарцы.

Романы въ прозѣ и передѣлкѣ ихъ для простолюдиновъ.

При нѣкоторыхъ южно-нѣмецкихъ дворахъ долго сохранялась любовь къ рыцарству и были дѣлаемы попытки приспособить прежніе разсказы о приключеніяхъ рыцарей къ вкусу современной публики, получившей привычку читать прозаическія книги. Такимъ образомъ были переложены на прозаическій языкъ почти всѣ рыцарскія поэмы. При этомъ переложеніи дѣлались всяческія вставки въ прежній разсказъ. Впослѣдствіи длинные прозаическіе романы были сокращены и въ своемъ сокращенномъ видѣ стали любимымъ чтеніемъ простолюдиновъ.

Длинные рыцарскіе романы въ прозѣ скоро вышли изъ моды; въ XVI столѣтіи нѣмцы уже почти вовсе перестали читать ихъ. Нѣмецкая литература получила новое направленіе подъ вліяніемъ Боккаччіо, Подджо и другихъ итальянскихъ нувеллистовъ. Нѣмцевъ ознакомилъ съ ними Энеи Сильвій, написавшій въ этомъ вкусѣ латинскую повѣсть „Эвріалъ и Лукреція“, разсказывающую подъ прикрытіемъ вымышленныхъ именъ исторію любви императорскаго канцлера Шлика и дочери знатнаго сіэнскаго гражданина. Своимъ насмѣшливымъ остроуміемъ онъ пробудилъ нѣмецкія высшія сословія изъ ихъ умственной дремоты, внушилъ имъ интересъ къ литературѣ. Повѣсть Энея Сильвія и другія написанныя въ томъ же вкусѣ показались нѣмцамъ гораздо занимательнѣе рыцарскихъ романовъ; нѣмцы стали переводить и передѣлывать итальянскія новеллы; потомъ обратились отъ нихъ къ произведеніямъ классической древности.

c) мейстерзингеры.

Когда высшія сословія охладѣли къ поэзіи, она стала искать расположенія горожанъ и черезъ нѣсколько времени совершенно перешла въ ихъ руки. Ремесленники, писавшіе стихи, занимались поэзіей по ремесленнымъ правиламъ и соединялись въ поэтическія общества, которымъ давало цеховое устройство. Поэтическаго творчества у нихъ не было; они брали содержаніе для своихъ стихотвореній изъ рыцарской поэзіи или изъ народныхъ пѣсенъ; главная забота ихъ была не о содержаніи стихотворенія, а только о томъ, чтобы придумать для него новый напѣвъ. Каждое общество этихъ пѣвцовъ-мастеровъ, Meistersinger (то-есть пѣвцовъ-ремесленниковъ) имѣло своихъ «старшинъ, называвшихся «замѣчателями» Merker, которые разсматривали пѣсни по опредѣленнымъ правиламъ оцѣнки, называвшимся «табулатурами» и присуждали награды. Цѣнилась только форма строфъ и мелодія, потому пѣсни мейстерзингеровъ скоро стали пустымъ наборомъ словъ. Любимымъ содержаніемъ ихъ были сначала легенды о Богоматери, о Святыхъ, разсказы о чудесахъ, моральныя разсужденія въ мистическомъ или схоластическомъ вкусѣ. У нихъ были поэтическія состязанія; тэмами для состязаній они брали библейскіе разсказы. Судьи («Замѣчатели») садились къ столу; старшій изъ нихъ разскрывалъ Лютеровъ переводъ Библіи, пріискивалъ то мѣсто, гдѣ находится текстъ, данный для переложенія въ стихи; поэты поочередно пѣли свои разработки этой тэмы. Старшій замѣчатель внимательно всматривался, согласна ли пѣсня съ содержаніемъ библейскаго текста и соблюдена ли въ ней чистота нѣмецкаго языка Лютера. Впослѣдствіи стали выбирать для состязаній поэмы изъ мірскихъ книгъ, напримѣръ изъ «Дѣяній римлянъ», изъ старыхъ легендъ; сочиняли басни, нравственныя или шутливыя разсужденія. Правила табулатуръ смѣшны, терминологія ихъ нелѣпа (напримѣръ былъ голубой тонъ, красный тонъ, улиточный тонъ, шлемный тонъ), и въ поэтическомъ отношеніи пѣсни мейстерзингеровъ очень плохи. Но они занимались своимъ поэтическимъ ремесломъ усердно, и разумѣется, это развлеченіе было несравненно лучше прежняго пьянства по праздникамъ. Мейстерзингерство процвѣтало особенно въ имперскихъ городахъ; главнымъ образомъ въ Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ, Страсбургѣ, Ульмѣ, Майнцѣ.

d) народныя пѣсни.

Въ XV вѣкѣ и въ началѣ XVI вѣка нѣмецкіе города пользовались благосостояніемъ; горожане были бодры духомъ, веселились, любили пѣть; потому кромѣ мейстерзингеровъ, сочинявшихъ стихотворенія

по правиламъ табулатуръ, было много горожанъ, слагавшихъ безъискусственныя пѣсни по внушенію чувства и фантазіи. Эти народныя пѣсни развились то же изъ рыцарскихъ. Онѣ сначала воспѣвали милое лѣтнее время, прекрасный май, птицъ, лѣса, цвѣты, зелень луговъ. Потомъ содержаніе ихъ стало опредѣлительнѣе воспроизводить разныя стороны жизни. Но главнымъ предметомъ ихъ оставалась любовь. Часто передѣлывались старыя пѣсни въ новыя. У каждаго сословія простолюдиновъ возникли свои пѣсни; были пѣсни охотниковъ, пѣсни ландскнехтовъ, пѣсни странствующихъ подмастерьевъ, пѣсни студентовъ. Форма ихъ вообще груба, но искренность чувства даетъ имъ поэтическое достоинство выше того, какое имѣли рыцарскія пѣсни. При политической раздробленности Германіи, при отсутствіи великихъ національныхъ интересовъ народныя пѣсни у нѣмцевъ не могли получить историческаго содержанія, какое имѣли у испанцевъ и англичанъ; нѣмцы не имѣли національныхъ войнъ и національныхъ героевъ. Ихъ народныя пѣсни говорятъ почти исключительно о личной жизни.

IV. Архитектура, живопись и скульптура въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Въ тѣ времена, когда господствовали средневѣковыя понятія и обычаи, искусство было тѣснѣйшимъ образомъ связано съ религіей, и наилучшими произведеніями его были храмы. Живопись и скульптура служили только для украшенія зданій, находились въ полномъ подчиненіи архитектурѣ. Со временъ Чимабуэ и Джотто онѣ начинаютъ пріобрѣтать самостоятельность; это было облегчено возникновеніемъ новаго архитектурнаго стиля, стремившагося замѣнить готическія формы классическими. Освобождаясь отъ подчиненія надобностямъ церковной архитектуры, живопись и скульптура расширяли кругъ своего содержанія. Джотто и его ученики пишутъ не однѣ только религіозныя картины, пытаются писать аллегорическія, пишутъ даже портреты; такъ напримѣръ Джотто написалъ портреты Данте и Бонифація VIII. Позы фигуръ получаютъ разнообразіе и живость. Для такой живописи необходимо было наблюдать дѣйствительность. Реформа, произведенная Джотто, была такъ велика, что новый стиль живописи назывался джоттовскимъ; только уже въ половинѣ XV вѣка онъ смѣнился въ Италіи другимъ, при которомъ живопись совершенно отдѣлилась отъ архитектуры, и картина сдѣлалась особымъ произведеніемъ.

Готическое искусство.

Сдѣлаемъ очеркъ того развитія, какое постепенно пріобрѣла въ Италіи живопись по смерти Джотто, умершаго въ 1337 году. Мы будемъ говорить главнымъ образомъ объ Италіи, потому что только тамъ зданія строились въ стилѣ, оставлявшемъ большія цѣльныя площади для живописи, между тѣмъ какъ въ другихъ земляхъ западной

Европы, владычествовала готическая архитектура, прорѣзывавшая стѣны огромными окнами и раздроблявшая узкіе простѣнки пилястрами на вертикальныя полосы, такъ что не было мѣста картинамъ. Но для скульптуры и въ частности для рѣзьбы готическая архитектура давала очень много мѣста. Въ тѣ времена любили разрисовывать яркими красками рѣзьбу не только на деревѣ, но и на камнѣ.

Нѣмецкая живопись.

Разрисовка рѣзьбы и цвѣтныя стекла оконъ были слишкомъ слабымъ вознагражденіемъ за живопись, почти совершенно вытѣсненную готической архитектурой, господствовавшей въ Германіи и во Франціи. Но живопись не исчезала въ этихъ странахъ никогда. Въ Бельгіи и во Франціи достигала высокаго развитія миніатюрная живопись, въ Германіи съ половины XIV вѣка живопись получила широкое примѣненіе въ украшеніи алтаря. Главную часть его запрестольной стѣны часто составлялъ большой образъ, по бокамъ котораго были закрывающіяся дверцы, представлявшія собою также картины. Главными центрами этой живописи были Кельнъ, Нюрнбергъ и со времени Карла IV Прага. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ былъ особый стиль живописи, въ каждомъ были искусные художники. Особенно большое достоинство имѣетъ тогдашняя кельнская школа живописи. По нѣжности и по идеальности выраженія лицъ, ея произведенія могутъ быть сравниваемы съ картинами Фра Анджелико. Знаменитѣйшими художниками ея были Вильгельмъ, жившій около 1380 года, и его ученикъ Стефанъ, нарисовавшій около 1445 года знаменитый образъ въ кельнскомъ соборѣ. Въ картинахъ Стефана замѣтно изученіе дѣйствительности.

Готическая архитектура въ Италіи.

Но только въ Италіи сохранялся, какъ мы говорили, архитектурный стиль, дававшій въ церквахъ большія площади стѣнъ для живописи. Готическій стиль былъ перенесенъ въ Италію нѣмецкими мастерами, но не нравился тамъ, и даже тѣ зданія, которыя построены въ Италіи подъ его вліяніемъ, имѣютъ особенности, рѣзко отличающія ихъ отъ нѣмецкихъ готическихъ зданій. Въ нѣмецкой готической архитектурѣ владычествуютъ вертикальныя линіи, въ итальянской горизонтальныя, и много мѣста въ нихъ занимаютъ цѣльныя площади, на которыхъ живопись находила себѣ просторъ, какого не имѣла въ Германіи. Высокаго развитія достигала въ Италіи рѣзьба. На фасадѣ орвіэтскаго собора находятся колосальныя мозаическія картины. Знамениты и скульптурныя украшенія этого фасада, сдѣланныя, какъ полагаютъ, Джованни Пизано, сыномъ Никколо Пизано, жившимъ въ началѣ XIV вѣка. Джотто, преобразователь живописи, выказалъ себя и геніальнымъ архитекторомъ; построивъ прекрасную колокольню флорентійскаго собора, онъ украсилъ ее скульптурной работой, также заслужившей безсмертную славу.

Орканья.

Такую же многосторонность дарованій выказалъ Андреа де Чоне Орканья, родившійся въ 1329 году и умершій послѣ 1368. Онъ по-

строилъ во Флоренціи прекрасную Лоджу Ланци, Loggia dei Lanzi. Какъ скульпторъ онъ прославился изваяніемъ большой дарохранительницы (Tabernaculum) во флорентійскомъ храмѣ архангела Михаила (Or san Michele); какъ иконописецъ, онъ знаменитъ образами, написанными въ одной изъ капеллъ (Capella Strozzi) флорентійскаго Новаго храма Богоматери (Maria Novella). «Рай» въ этой капеллѣ по совершенству техники лучшее произведеніе джоттовской школы живописи. Около того же времени неизвѣстный художникъ написалъ на одной изъ стѣнъ пизанскаго кладбища (Campo santo) величественную картину «Торжество смерти». Но въ этихъ образахъ еще нѣтъ искусства группировки: святые стоятъ прямыми однообразными рядами, какъ солдаты въ строю; то же самое должно сказать о картинахъ, написанныхъ въ пизанскомъ Campo Santo сіэнскимъ художникомъ Лоренцетти.

Флорентійская школа живописи изучала дѣйствительность, стремилась придавать фигурамъ индивидуальныя черты; художники сіэнской школы живописи держались прежней манеры изображать типическія фигуры въ неподвижныхъ позахъ, но старались придавать ихъ лицамъ выраженіе восторженнаго религіознаго чувства; особенно знамениты этимъ картины Симоне ди Мартино Мемми. Въ половинѣ XV вѣка этотъ стиль живописи исчезъ, замѣнившись новымъ, но послѣдній художникъ сіэнской школы Фра Анджелико да Фіэзоле достигъ высокаго совершенства въ изображеніи лицъ, выражающихъ религіозный восторгъ. Знаменитѣйшіе изъ его образовъ находятся въ римской капеллѣ св. Николая, въ Орвіэтскомъ соборѣ, въ перуджійскомъ университетѣ, и особенно во флорентійскомъ монастырѣ св. Марка и во флорентійской академіи. Его лица имѣютъ ангельскую красоту и выраженіе ангельской душевной чистоты.

Симоне Мемми 1276—1344.

Анджелико да Фіэзоле 1387—1455.

До XII вѣка была нѣкоторая одинаковость культуры у всѣхъ народовъ западной Европы, потомъ развитіе образованности на сѣверѣ отъ Альпъ пошло инымъ путемъ, чѣмъ въ Италіи. Въ ней сохранились преданія классическаго искусства. Въ странахъ на сѣверъ отъ нея они были утрачены, и возникла архитектура готическаго стиля. Она была созданіемъ общихъ понятій народовъ. Художники были только исполнителями идей, принадлежавшихъ всѣмъ; вообще даже неизвѣстны имена строителей готическихъ храмовъ; готическій стиль архитектуры подавлялъ индивидуальность художниковъ, какъ средневѣковая церковь стремилась подавить всѣ права индивидуальности. Обычай внушалъ художнику и планъ зданія и всѣ его подробности.

Новыя стремленія.

Но такое порабощеніе индивидуальности общему направленію не могло быть продолжительно. Готическое искусство стало падать при развитіи личной самостоятельности художниковъ и мало по малу смѣнилось той свободой творчества, которая создала архитектуру, скульптуру и живопись эпохи возрожденія. Италіи принадлежитъ та честь,

что она была родиной этого новаго искусства. Готическая архитектура, при самомъ проникновеніи своемъ въ Италію, утратила строгую обязательность своихъ формъ; онѣ подчинились произволу художниковъ. Въ XV вѣкѣ въ Италіи уже мало строилось зданій готискаго стиля, еще продолжавшаго господствовать на сѣверѣ отъ Альпъ. Знаменитыя нидерландскія ратуши, франкфуртскій и ульмскій соборы были построены въ XV вѣкѣ; но въ нихъ уже замѣтенъ упадокъ готическаго стиля, произволъ въ украшеніяхъ.

Трудно найдти терминъ, которымъ съ точностью обозначился бы характеръ стиля, смѣнившаго готическій въ Италіи; его называютъ стилемъ Возрожденія, обозначая этимъ именемъ то, что итальянцы возвратились къ идеаламъ классическаго искусства, которые всегда оставались до нѣкоторой степени памятны имъ. Но мудрено сказать, какое отношеніе къ древнимъ зданіямъ, украшеннымъ колоннами, имѣетъ флорентійскій дворецъ Питти, построенный Брунеллески, котораго считаютъ создателемъ и стиля возрожденія въ архитектурѣ. Стѣны этого дворца — сплошныя плоскости; почти таковы же другіе флорентійскіе дворцы той эпохи, напримѣръ Палаццо Риккарди, построенный Микелоццо, и Палаццо Строцци, построенный Бенедетто Маяно въ концѣ XV вѣка. Нуженъ очень внимательный техническій разборъ, чтобы замѣтить какое нибудь родство этихъ построекъ съ древними зданіями. Стиль ихъ произошелъ изъ стиля средневѣковыхъ замковъ. Перемѣна формъ соотвѣтствовала тому, что владѣтели замковъ въ итальянскихъ городахъ стали вести спокойную, роскошную жизнь, и мысли о надобностяхъ обороны замѣнились у нихъ желаніемъ украсить свои жилища. Въ Болоньѣ и Феррарѣ тоже строились дворцы этого стиля. Онъ проникъ изъ Ломбардіи даже въ Венецію; но тамъ видоизмѣнился сообразно фантастическимъ формамъ прежнихъ дворцовъ, отъ которыхъ заимствовалъ большіе балконы, дающіе свободный видъ на каналы. Таковъ, напримѣръ, Палаццо Калерджи, построенный въ концѣ XV вѣка по плану Шіэтро Ломбардо. Въ новомъ стилѣ строились кромѣ дворцовъ и церкви; ему принадлежитъ колосальный куполъ, который возвелъ Брунеллески на флорентійскомъ соборѣ и который послужилъ образцомъ для купола римскаго храма Петра. Лео Баттиста Альберти, одинъ изъ геніальныхъ флорентійскихъ художниковъ XV вѣка, строитель Палаццо Ручеллаи, построилъ также и церковь Maria Novella. Одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій этой эпохи—фасадъ храма Чертозскаго аббатства (близъ Павіи), построенный въ концѣ XV вѣка.

Время перехода къ новому стилю въ Италіи.

Брунеллески 1375—1444.

Альберти 1404—1472.

Готическій стиль совершенно чуждался горизонтальныхъ линій, жертвуя ими стремленію подымать зданіе. Архитектура эпохи возрожденія придавала формамъ зданія гармоническую красоту. Этотъ стиль уже выработался въ Италіи, когда общій характеръ ея культуры преобразовался изученіемъ классической древности, любовь къ

Характеръ искусства въ эпоху возрожденія.

которой преобразовала и архитектуру. Сущность перемѣны состояла въ томъ, что художникъ получилъ свободу слѣдовать внушеніямъ своего генія. Личность пріобрѣла независимость и въ искусствѣ, какъ въ жизни. Основное стремленіе эпохи возрожденія выражено словами Пико де Мирандолы: «Ты долженъ быть свободнымъ создателемъ своей жизни». Въ области искусства, какъ и въ жизни, XV вѣкъ былъ эпохою изобрѣтеній. Въ Италіи были открыты техническіе способы улучшать и облегчать работу художника. Живописцы и скульпторы изучали анатомію и правила перспективы, неутомимо дѣлали опыты надъ улучшеніемъ красокъ. Художники пріобрѣли изученіемъ математики и естественныхъ наукъ такое владычество надъ матеріаломъ, какого не имѣли ихъ предшественники.—Впрочемъ изобрѣтенія были дѣлаемы не въ одной Италіи. Гравированіе на мѣди одновременно было изобрѣтено въ Италіи и въ Германіи; живопись масляными красками была изобрѣтена въ Нидерландахъ. Въ XV вѣкѣ замѣтно вліяніе фламандской живописи на итальянскую.

Сѣверное искусство.

На сѣверѣ въ XIV вѣкѣ уже пробуждался духъ реализма, враждебный средневѣковому искусству; но сѣверные художники не получали гуманистическаго образованія, потому ихъ произведенія далеко уступали итальянскимъ. Развитію сѣверной скульптуры мѣшало также то, что ваятели не имѣли мрамора для статуй и не видѣли произведеній античнаго ваянія. Но все-таки и въ скульптурѣ сѣверныхъ странъ условныя формы средневѣкового искусства замѣняются стремленіемъ создавать фигуры вѣрныя дѣйствительности, давать имъ индивидуальныя черты; оно доводило до крайностей, вредившихъ красотѣ: черты фигуръ выходили слишкомъ рѣзкими, грубыми, позы ихъ были угловаты, складки одежды слишкомъ мелки, изломаны. Изваянія чаще прежняго разрисовывались. Оттѣнки красокъ подбирались такъ, чтобы фигура походила на живую. Рѣзьба на деревѣ достигла въ Германіи высокаго совершенства. Превосходны рѣзныя работы Штоса, жившаго въ концѣ XV вѣка и въ первой половинѣ XVI столѣтія въ Нюрнбергѣ, который былъ тогда центромъ искусства въ Германіи. Тамъ жилъ во второй половинѣ XV вѣка и знаменитый ваятель Адамъ Крафтъ.

Нидерландская живопись.

Но больше чѣмъ скульптурой занимались на сѣверѣ живописью; она въ началѣ XV вѣка быстро развилась въ нѣмецкихъ Нидерландахъ, Брабантѣ и Фландріи. Фламандецъ Янъ ванъ Эйкъ и его братъ Гюбертъ рисовали гораздо лучше своего современника Мазаччо и походили на него усердіемъ, съ какимъ изучали дѣйствительность; рисунокъ ихъ такъ правиленъ, контуры фигуръ у нихъ такъ нѣжны, переливы свѣта и тѣни такъ прекрасны, что удивительно, какимъ образомъ могли они подняться на такую высоту искусства, не имѣя хорошихъ предшественниковъ. Загадка отчасти разрѣшается тѣмъ, что они стали употреблять въ живописи масляныя краски, которыми

не пользовались прежніе живописцы, хотя онѣ уже были извѣстны. Но сущность дѣла состояла не въ употребленіи новаго техническаго средства, а въ новомъ духѣ. Янъ ванъ Эйкъ писалъ, подобно прежнимъ живописцамъ, религіозныя картины, но святые введены у него въ обстановку живой дѣйствительности. Прежде рисовали ихъ на золотомъ фонѣ; Янъ ванъ Эйкъ замѣнилъ его пейзажемъ или комнатой.

Гюбертъ ванъ Эйкъ. 1366—1426.

Янъ ванъ Эйкъ 1396—1441.

Ванъ деръ Вейденъ. 1400—1462.

Мемлингъ † 1495.

Знаменитѣйшее произведеніе новой нидерландской живописи — запрестольный образъ въ гентскомъ храмѣ Іоанна Крестителя, начатый Гюбертомъ въ 1420 году и конченный Яномъ въ 1432. Онъ на двѣнадцати доскахъ изображаетъ все ученіе церкви о Спасителѣ и, по главной изъ этихъ картинъ, называется поклоненіемъ агнцу. У Яна еще больше реализма, чѣмъ у его старшаго брата. Оба они жили въ Брюгге, потому школа ихъ называется брюггской. Изъ другихъ живописцевъ ея особенно знаменитъ Ванъ деръ Вейденъ. У него было больше свободы отъ условныхъ формъ религіозной живописи, чѣмъ у его предшественниковъ, и выраженіе лицъ у него очень разнообразно. Напримѣръ, на одномъ изъ образовъ, написанныхъ имъ для походной церкви Карла V, изображена Богоматерь, проливающая слезы радости при рожденіи Спасителя, на другомъ — проливающая слезы скорби надъ тѣломъ умершаго сына, на третьемъ—проливающая слезы блаженнаго восторга при видѣ воскресшаго сына. Вейденъ долго жилъ въ Италіи, но фигуры его не пріобрѣли той религіозности, которой недоставало имъ у его предшественниковъ. Вѣроятно, ученикомъ Вейдена былъ Мемлингъ, у котораго фигуры получили болѣе мягкіе контуры, позы болѣе граціозности и живости. Знаменитѣйшія картины его страшный судъ, написанный въ 1467 году, запрестольный образъ въ брюггской церкви Іоанна Крестителя и (въ ней же) ковчегъ для храненія мощей, украшенный миніатюрными образами изъ жизни св. Урсулы. Наивное воспроизведеніе природы и жизни получило у него болѣе послѣдовательности, чѣмъ у прежнихъ художниковъ брюггской школы; но и ему, какъ имъ, недостаетъ точнаго изученія формъ и позъ человѣческаго тѣла. Живописцы брюггской школы писали чаще всего запрестольные образа; это стѣсняло ихъ фантазію и не давало имъ достичь изображенія формъ и движеній человѣческаго тѣла въ полной свободѣ его. Брюгге и Гентъ были въ концѣ XV вѣка огромные торговые города; на ихъ рынкахъ жизнь была почти также дѣятельна, какъ во Флоренціи и Венеціи; но понятія гражданъ ихъ оставались узки, вкусъ былъ неразвитъ, модные покрои одежды у нихъ были некрасивы; они не умѣли держать себя изящно; государи и городскіе правители въ Нидерландахъ не умѣли понимать художественныхъ достоинствъ картинъ; потому нидерландскій бытъ былъ менѣе благопріятенъ развитію искусства, чѣмъ итальянскій, и нидерландская живопись скоро получила ремесленный характеръ. Но картины новой итальянской живописи могли быть хорошо оцѣниваемы

только образованнымъ кругомъ; нидерландскіе образа были понятны простолюдинамъ, а гравюры на мѣди и рисунки на деревѣ въ Нидерландахъ были прямо предназначены для народа.

Все это примѣняется и къ нѣмецкимъ подражателямъ нидерландскихъ живописцевъ; знаменитѣйшими изъ этихъ нѣмецкихъ художниковъ были Шонгауэръ (1420—1448), въ гравюрахъ котораго обыденная жизнь получаетъ самостоятельное значеніе, и Вольгемутъ (1434—1519), учитель Альбрехта Дюрера.

Итальянская живопись.

Мессинскій живописецъ Антонелло, венеціанскій художникъ Доменико и флорентійскій художникъ Андреа дель Кастаньо ввели въ употребленіе у итальянскихъ живописцевъ масляныя краски; около того же времени итальянская живопись стала освобождаться отъ стѣснительныхъ условныхъ формъ, воспроизводить дѣйствительную жизнь. Итальянскіе живописцы заботились въ особенности о вѣрномъ изображеніи человѣческаго тѣла; нѣкоторыя лица на ихъ образахъ портреты, религіозныя сцены изображены у нихъ въ обстановкѣ обыденной жизни. Основателемъ этого новаго стиля считается Мазаччо.

Мазаччо 1401—1428.

Фигуры людей на его картинахъ величественны и живы. Лучшимъ послѣдователемъ его былъ кармелитскій монахъ Фра Филиппо Липпи, на образахъ котораго религіозный элементъ замѣненъ житейскимъ; сынъ его Филиппино Липпи придалъ фигурамъ болѣе величія и энергіи; Беноццо Гоццоли (1424—1497) знаменитъ своими картинами на сѣверной стѣнѣ пизанскаго Campo Santo, представляющими рядъ сценъ изъ исторіи Ветхаго завѣта; въ нихъ много житейской веселости.

Филиппо Липпи 1412—1469.

Гирландайо 1451—1494.

Для Доменико Гирландайо сцены изъ священной исторіи служатъ только предлогомъ воспроизводить изящную и веселую флорентійскую жизнь временъ Лоренцо Медичи. Таковы картины изъ жизни Іоанна Крестителя и Богоматери, написанныя имъ во флорентійскомъ Новомъ храмѣ Богоматери (Maria Novella); между пастухами, пришедшими поклониться родившемуся Спасителю, современники узнавали портреты друзей Лоренчо Медичи. Граціозныя фигуры женщинъ и молодыхъ людей, величественныя фигуры мужчинъ на религіозныхъ картинахъ Гирландайо—идеализированные портреты флорентійскихъ женщинъ и мужчинъ. Лоренцо Креди въ молодости принадлежалъ къ той же школѣ, но позднѣйшіе его образа писаны подъ вліяніемъ Ліонардо да Винчи.

Эпоха Ліонардо, Микель Анджело и Рафаэля принадлежитъ уже новому времени. Но достойными предшественниками этихъ великихъ живописцевъ XVI вѣка были три живописца XV вѣка: Лука Синьіорелли, уроженецъ Кортоны, представитель тосканской школы, гигантскія фигуры котораго на картинѣ «Воскресеніе мертвыхъ» въ орвіэтскомъ соборѣ были прототипами фигуръ въ «Страшномъ судѣ» Микель Анджело; представителемъ сѣверно-итальянской школы былъ уроженецъ Падуи, Андреа Мантенья, картины котораго по вѣрности

Лука Синьіорелли 1440—1521.

Андреа Мантенья 1431—1506.

архитектурной перспективы и по живости группировки лучшія произведенія живописи до Рафаэля. Основателемъ венеціанской школы былъ Джованни Беллини, колоритъ котораго ясенъ и нѣженъ, фигуры величавы въ своей прекрасной простотѣ.

Беллини 1426—1516.

Чисто религіозный характеръ сохраняла живопись въ умбрійской школѣ, походившей своимъ характеромъ на сіэнскую, основанную Чимабуэ: сіэнскіе живописцы писали много изображеній Св. Катарины Сіэнской; умбрійскіе находились подъ вліяніемъ легендъ о св. Францискѣ Ассизскомъ. Они достигли въ своихъ картинахъ хорошаго выраженія кроткой религіозной восторженности. Знаменитѣйшими изъ нихъ были Никколо Алумно, жившій въ половинѣ XV вѣка, Піэтро Вануччи, уроженецъ Читта Піэве, поселившійся въ Перуджіи, потому получившій названіе перуджинца, Перуджино, и его ученики Бернардино ди Бетто Пинтуриккіо и Джованни Спанья. Болонскій живописецъ Франческо Райболини Франчіа отличается отъ Перуджино тѣмъ, что изображаетъ не восторженное, а спокойное религіозное настроеніе души. Всѣ эти живописцы придавали нѣжную граціозную форму религіозному чувству. Межъ тѣмъ какъ въ живописи преобладало изображеніе душевнаго настроенія, скульптура стремилась изображать энергію дѣятельности. Господствующимъ искусствомъ въ эпоху возрожденія была живопись, но любовь къ произведеніямъ классической древности, характеризующая это время, дала сильное развитіе скульптурѣ и обратила ее къ подражанію древнимъ статуямъ. Главою новаго направленія скульптуры былъ Якопо делла Кверча (или по другому прозванію делла Фонте), умершій въ 1424 году; но знаменитѣйшій художникъ этой школы Лоренцо Гиберти; онъ сдѣлалъ бронзовыя двери флорентійскаго храма Іоанна Крестителя, которыя Микель Анджело называлъ вратами рая; изображенія, которыми покрыты онѣ, представляютъ прекрасное соединеніе формъ античной рельефной работы съ тѣми эффектами группировки фигуръ, которыхъ достигаетъ живопись. Знаменитъ былъ и Лукка делла Роббіа, ученикъ Гиберти, но не равнялся ему талантомъ. Другой флорентійскій скульпторъ Донато ди Бетто Барди, обыкновенно называемый Донателло, хотя былъ лишь немногими годами моложе Гиберти, но уже совершенно принадлежитъ новой эпохѣ искусства. Онъ превосходно изображалъ красоту и энергію, умѣлъ передавать всѣ оттѣнки чувствъ до самыхъ сильныхъ порывовъ страстей. Изъ его произведеній особенно знамениты Юдиѳь, находящаяся во флорентійской Loggia dei Lanzi, и конная статуя Гаттамелаты, находящаяся въ Падуѣ, первая хорошая конная статуя новаго времени. Донателло былъ знаменитъ и какъ рѣзчикъ медалей. Изъ его учениковъ замѣчательны Андреа Вероккіо, еще лучше его изучившій формы тѣла, Бенедетто Маяно и Мино да Фіэзоле, возвратившіе нѣжную граціозность скульптурѣ, которая нѣсколько уклонилась отъ нея по смерти Донателло. Венеці-

Перуджино 1446—1524.

Франчіа 1450—1517.

Скульптура.

Лоренцо Гиберти 1378—1455.

Донателло. 1583—1466.

Вероккіо 1432—1488.

анская школа скульптуры, основанная Піэтро Ломбардо и его сыновьями Тулліо и Антоніо, равнялась флорентійской достоинствомъ своихъ произведеній. Главными предметами работъ въ обѣихъ школахъ были изваянія для гробницъ и для алтарей. Изъ работъ венеціанской школы того времени особенно знамениты памятники на гробницахъ дожей.

Характеръ искусства въ эпоху возрожденія.

Мы видимъ, что главными предметами искусства въ эпоху возрожденія остаются священные разсказы; но прежде художники руководились только соображеніями о требованіяхъ церкви, теперь они, служа имъ, больше всего заботились о красотѣ своихъ произведеній. Гуманисты превозносили красоту, учили наслаждаться жизнью. Это отразилось на искусствѣ. Художники ставили своей задачей идеализировать дѣйствительность. Ученые и художники составляли теперь одно общество, какъ въ цвѣтущія времена древней Греціи. Искусство эпохи возрожденія имѣло съ искусствомъ классической древности то родство, что было основано на изученіи дѣйствительности и проникнуто любовью къ ней. Въ этомъ отношеніи оно дѣйствительно было возрожденіемъ древняго искусства. Художники изучали и античныя статуи. но лишь для того чтобы научаться по нимъ пониманію дѣйствительности; они не были подражателями древнимъ скульпторамъ, оставались людьми самостоятельными, стремились выражать своими произведеніями собственныя свои идеи.

ВѢКЪ ОТКРЫТІЙ.

© ГПНТБ СО РАН

Вѣкъ открытій.

Литература. По исторіи Португаліи мы пользовались, кромѣ трудовъ, перечисленныхъ въ прежнемъ обзорѣ (VII, 426). Хрониками Руи де Пины, Гоэса и Озоріуса, «Декадами» Барроса;—и слѣдующими трудами новыхъ историковъ: Schäfer, Geschichte von Portugal (Hamburg, 1836); De Veer, Prinz Heinrich der Seefahrer (Danzig, 1864). По исторіи Испаніи: Cronica de los reyes catolicos Don Fernando y Donna Isabel, Гернандо дель Пульгара; Opus epistolarum Petri Martyris Anglerii и его же De rebus oceanicis et orbe novo decades tres. Піеро Мартиръ былъ итальянецъ, поступившій въ испанскую службу; его письма и трактатъ De rebus oceanicis—очень важные источники свѣдѣній объ открытіяхъ въ Америкѣ). Важнѣйшій изъ новыхъ трудовъ по исторіи царствованія Фердинанда и Изабеллы: History of the Reign of Ferdinand and Isabella by W. H. Prescott. Кромѣ него, назовемъ: Washington Irving, Chronicle of the Conquest of Granada. По исторіи инквизиціи въ Испаніи важнѣйшимъ трудомъ остается: Llorente, Histoire critique de l'inquisition d'Espagne (4 тома, Paris, 1815—1817). Назовемъ монографію Гефеле Der Kardinal Jimenes (Tübingen, 1844). Сборникъ источниковъ по исторіи Колумба сдѣлалъ Наваррете, мы пользовались имъ во французскомъ переводѣ, къ которому прибавлено очень основательное Relations des quatre voyages entrepris par Christophe Colomb (3 тома, Paris, 1823). Изъ новыхъ трудовъ назовемъ: Peschel, Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen (Stuttgart, 1858); его же—Geschichte der Erdkunde (2 изданіе, переработанное Софусомъ Руги, 1877); Washington Irving, History of the life and voyages of Christopher Colimbus (4 тома, London, 1828—1830), Roselly de Lorgues, Christophe Colomb (2 тома, Paris, 1856), Prescott, History of the conquest of Mexico; его же History of the conquest of Peru.—Превосходныя замѣчанія объ открытіяхъ въ новомъ свѣтѣ находятся у Гумбольдта въ «Космосѣ» и въ Examen critique de la géographie du Nouveau Continent (5 томовъ, Paris, 1835—1838).

I. Духъ вѣка. Открытія португальцевъ.

Гумбольдъ говоритъ: «XV столѣтіе принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ эпохамъ, въ которыя умственныя стремленія имѣютъ опредѣленный и общій характеръ, проявляютъ неизмѣнное движеніе къ одной цѣли. Единство стремленій, успѣхъ, увѣнчавшій ихъ, энергическая дѣятельность массъ народовъ въ этомъ направленіи даютъ вѣку Колумба, Себастіана Кабота и Гамы величіе и прочный блескъ. Эта эпоха пе-

© ГПНТБ СО РАН

рехода человѣчества съ одной ступени цивилизаціи на другую, принадлежащая имъ обѣимъ, и средневѣковой и новой, время величайшихъ географическихъ открытій, охватившихъ бо́льшую часть поверхности земного шара, почти вдвое увеличившихъ пространство земель, извѣстныхъ европейцамъ, давшихъ уму новое могущественное возбужденіе совершенствовать математическія и физическія части естествознанія, доставившихъ и средства усовершенствовать ихъ».—Въ средніе вѣка китайскіе и индійскіе товары, необходимые западу, доставлялись европейцамъ венеціанцами и генуэзцами, получавшими ихъ черезъ посредство арабовъ и другихъ мусульманскихъ народовъ. Венеція и Генуя вели дѣятельную торговлю съ прибрежьями Чернаго моря, куда привозились караванными путями товары изъ Индіи и Китая. Генуэзцы имѣли на берегу Крыма богатый торговый городъ Кафу; у нихъ были торговыя поселенія и дальше на востокѣ, даже въ Мингреліи. Они разработывали серебряные рудники на Кавказѣ, плавали по Каспійскому морю въ Гиланъ покупать шелкъ. Договоры съ кипчакскими ханами охраняли венеціанскія и генуэзскія факторіи въ Танѣ, стоявшей при устьѣ Дона. Караваны франкскихъ купцовъ ходили отъ Дона до Пекина. При помощи великаго хана монгольскаго венеціанецъ Никколо Поло, его братъ Маффео и сынъ Марко совершили по землямъ восточной Азіи путешествія, описаніе которыхъ, сдѣланное Марко Поло въ началѣ XIV вѣка, очень много расширило географическія свѣдѣнія европейцевъ и доставило автору великую славу. Его книга была переведена на всѣ главные языки западной Европы и пользовалась очень большой популярностью. Его блестящія описанія острова Джипангу (Японіи) и богатаго Катая (Китая) производили сильное впечатлѣніе на мореплавателей, возбуждали ихъ искать путей моремъ къ этимъ землямъ.—Не менѣе дѣятельна была торговля съ Индіей, шедшая черезъ Бассору и Тавризъ, и другимъ путемъ, черезъ Арабскій заливъ и Александрію, главнѣйшій рынокъ среднихъ вѣковъ. Европейцы покупали въ Александріи пряности, духи, благовонныя куренья, лекарственныя травы, дорогіе камни, жемчугъ, отдавали за нихъ много золота и серебра. Съ употребленіемъ компаса европейцы ознакомились, вѣроятно, черезъ торговыя сношенія съ Востокомъ. Въ XII вѣкѣ имъ ужь было извѣстно свойство магнитной стрѣлки указывать на полюсъ; китайцы еще раньше того употребляли компасъ не только въ плаваніяхъ по морю, но и въ поѣздкахъ по сушѣ. Въ поэмѣ французскаго поэта Гіо Провенскаго, называющейся «Библія», находится сравненіе пауы съ полярной звѣздой, «къ которой постоянно обращается магнитная стрѣлка». Раймундъ Луллъ говоритъ объ употребленіи магнитной стрѣлки въ мореплаваніи. Но до XIV вѣка она очень мало употреблялась у европейскихъ моряковъ, потому что устройство компаса было очень неудовлетворительно: намагниченная стальная игла, продѣтая сквозь соломину или кусочекъ

пробки, плавала въ сосудѣ съ водой; она такъ колебалась отъ движенія воды, что трудно было разсмотрѣть, въ какомъ направленіи находится полюсъ. Ея указаніе на него получило опредѣлительность, лишь когда было придумано, что магнитную стрѣлку должно привѣшивать въ закрытой коробочкѣ такъ, чтобы она свободно вращалась и была защищена отъ движенія воздуха, а по окружности коробочки прикрѣплять рисунокъ, на которомъ отмѣчены румбы. Вѣроятно, въ этомъ улучшеніи и состоитъ то изобрѣтеніе, которое сдѣлалъ въ началѣ XIV вѣка Флавіо Джоя, называемый изобрѣтателемъ компаса. Онъ былъ уроженецъ мѣстечка Позитано, сосѣдняго съ городомъ Амальфи, знаменитымъ своей морской торговлей. Улучшенный компасъ быстро вошелъ въ употребленіе у всѣхъ европейскихъ моряковъ и доставилъ имъ возможность плавать въ море далеко отъ береговъ, не теряя направленія пути.

Завоеваніе береговъ Леванта и Чернаго моря турками уничтожило торговлю итальянцевъ съ Востокомъ. Подъ ударами варваровъ погибли цвѣтущія колоніи венеціанцевъ и генуэзцевъ на Черномъ и Эгейскомъ моряхъ. Купцы, торговавшіе въ Кафѣ, Синопѣ, Трапезунтѣ, на Митиленѣ, Негропонте, въ Морeѣ были отведены въ рабство. Отъ устья Дона до устій Нила были разрушены цвѣтущіе торговые города. Караванныя дороги были покинуты, рынки Александріи и городовъ сирійскаго приморья опустѣли; Черное море стало недоступно торговлѣ западныхъ народовъ.

Но утративъ прежніе пути полученія товаровъ изъ Индіи, западные народы стали искать новыхъ путей въ нее. Такимъ образомъ въ XV вѣкѣ возникло у нихъ стремленіе расширить границы прежняго своего мореплаванія. Даровитые, образованные и предпріимчивые граждане Венеціи, Генуи, Пизы неутомимо старались увеличить свои географическія знанія, усовершенствовать искусство мореплаванія. На основаніи астрономическихъ и географическихъ изслѣдованій арабовъ они составили морскія карты, улучшали и пополняли ихъ по извѣстіямъ новыхъ мореплавателей. Во времена Данте всѣ образованные люди въ Италіи уже узнали, что земля имѣетъ форму шара. При помощи улучшеннаго компаса были въ первой половинѣ XIV вѣка составлены карты, изображавшія всю Европу и сосѣднія съ нею части Азіи и Африки. Венеціанскій вельможа Марино Сануто, хорошо знавшій Востокъ, составилъ около 1320 года такую карту, приложилъ ее къ своей книгѣ «Тайны вѣрующихъ во Христа» и разослалъ списки этой книги христіанскимъ государямъ. Убѣждая ихъ блокировать берега Африки и Сиріи, чтобъ индійская торговля перемѣнила направленіе, пошла вмѣсто Арабскаго зилива Персидскимъ, изъ него на Тавризъ и Трапезунтъ. Сануто полагалъ, что это отниметъ у египетскихъ мамлюковъ главный источникъ ихъ могущества. На картѣ Сануто Африка уже изображена въ формѣ треугольника. Послѣ итальянцевъ

наибольшія заслуги въ дѣлѣ улучшенія мореплаванія пріобрѣли каталонцы. Ландкарта, составленная около 1375 года неизвѣстнымъ по имени морякомъ, родившимся на островѣ Мальоркѣ, показываетъ, что онъ пользовался извѣстіями Марко Поло и миссіонеровъ, ѣздившихъ въ Китай, зналъ новооткрытые острова Атлантическаго океана, имѣлъ астрономическія свѣдѣнія, примѣняемыя къ мореплаванію. Въ началѣ XV вѣка западные европейцы ознакомились по картамъ Птолемея со способомъ опредѣлять положеніе мѣстъ градусами долготы и широты. Гумбольдъ въ «Космосѣ» говоритъ: «Важные успѣхи, дѣлаемые въ извѣстную эпоху, основываются на трудахъ предшествовавшихъ столѣтій. Въ эпоху Колумба великія географическія открытія были сдѣланы такъ быстро только потому, что были подготовлены дѣятельностью высоко-даровитыхъ людей прежнихъ поколѣній».

Люди долго боялись пускаться въ Атлантическій океанъ. У Данте Улиссъ подвергается наказанію за то, что дерзко поплылъ дальше Геркулесовыхъ столбовъ. Только въ XIV вѣкѣ началась правильная морская торговля между городами Средиземнаго моря и западныхъ береговъ Европы. Генуэзскія галеры часто плавали тогда довольно далеко на западъ по Атлантическому океану. Кажется, Канарскіе острова были открыты генуэзцами раньше, чѣмъ были вновь открыты и покорены кастильянцами (VIII, 75). Кажется, что генуэзцы открыли и островъ Мадеру раньше, чѣмъ нашли его португальцы. Но плаванія для открытій по Атлантическому океану на югъ и западъ получили систематическій характеръ, только когда занялись ими португальцы. Это началось въ царствованіе Іоанна I. Мы говорили, что сынъ его Генрихъ Мореплаватель употребилъ богатые доходы рыцарскаго ордена Христа на снаряженіе экспедицій для прославленія своего отечества великими открытіями (VIII, 106). Одушевляемый этимъ благороднымъ честолюбіемъ, онъ усердно изучалъ космографію и астрономію, пріобрѣлъ всѣ тѣ свѣдѣнія объ искусствѣ мореплаванія, какими обладали люди его времени. Онъ пригласилъ къ себѣ съ острова Мальорки опытнаго спеціалиста по наукѣ мореплаванія, знаменитаго Хакоме, дѣлавшаго инструменты для мореплавателей и составлявшаго морскія карты; онъ желалъ, чтобы португальцы научились отъ Хакоме теоріи мореплаванія. Братъ Генриха Педро, долго жившій въ Венеціи, привезъ оттуда «Путешествіе» Марко Поло и ландкарту, изображавшую земли восточной и южной Азіи; это доставило Генриху новыя свѣдѣнія. Генрихъ и самъ составилъ морскую карту. Въ западной Европѣ ходили легенды, возбуждавшія желаніе ознакомиться съ далекими землями на югѣ и востокѣ. Одной изъ нихъ была молва о христіанскомъ государствѣ въ Абиссиніи, другою легенда о священникѣ Іоаннѣ, царствующемъ въ восточной Азіи. Вѣроятно, дѣйствовали на Генриха и эти легенды. Въ тѣ времена фантастическія надежды имѣли сильное вліяніе на поступки

людей. Поэтическіе разсказы о чудесныхъ путешествіяхъ святого Брандана по баснословнымъ землямъ и островамъ (VIII, 365) такъ очаровывали людей въ средніе вѣка, что вѣра въ эту легенду держалась до XVI вѣка и вовлекала многихъ въ отважныя поѣздки. Довѣріе къ чудеснымъ разсказамъ было причиною того, что очень долго пользовалась большой популярностью книга англійскаго рыцаря Мандевилля, составленная по разсказу францисканскаго монаха Одорико Парденоне, наполненному восточными легендами и другими сказками. Дѣйствительность въ концѣ среднихъ вѣковъ была печальна, и въ людяхъ развивалось желаніе найдти невѣдомыя страны, въ которыхъ можно будетъ жить счастливо. Были припоминаемы древнія преданія въ родѣ разсказа о большомъ островѣ Атлантидѣ. Были и средневѣковыя сказки о чудесныхъ земляхъ и островахъ. Однимъ изъ названій этихъ баснословныхъ мѣстностей было Антилья (Antiglia). Были баснословные разсказы моряковъ и миссіонеровъ о видѣнномъ ими въ далекихъ путешествіяхъ. Все это дѣйствовало на фантазію и произвело влеченіе къ экспедиціямъ въ невѣдомыя земли; оно нѣсколько напоминало собою тотъ энтузіазмъ, который двинулъ людей въ первый крестовый походъ; но мотивы теперь были не тѣ. Тогда движеніе имѣло религіозный характеръ, теперь люди увлекались отчасти любознательностью, отчасти желаніемъ обогатиться.

Романскимъ народамъ принадлежитъ та слава, что они преобразовали средневѣковую умственную и общественную жизнь, создали цивилизацію новаго времени. Имъ принадлежитъ и слава великихъ географическихъ открытій, расширившихъ предѣлы, которыми ограничивался міръ, извѣстный въ древности и въ средніе вѣка. Первыми дѣятелями этого преобразованія въ искусствѣ, литературѣ были итальянцы; они были и первыми преобразователями мореплаванія, раньше всѣхъ другихъ народовъ стали дѣлать географическія открытія; но ослабленные междоусобіями, не могли воспользоваться плодами своей дѣятельности, доставшимися другимъ романскимъ народамъ, жителямъ Пиренейскаго полуострова. Португальцы, не имѣвшіе до той поры важнаго историческаго значенія, нашли мало по малу путь кругомъ Африки въ Индію, испанцы овладѣли Америкой.—Португальскія экспедиціи для открытія новыхъ земель имѣли сначала небольшой размѣръ. Энтузіазмъ инфанта Генриха находилъ сочувствіе себѣ лишь у немногихъ; ни дворъ, ни рыцари не помогали принцу, а народъ подъ вліяніемъ своихъ предразсудковъ даже порицалъ его. Только когда экспедиціями для географическихъ открытій былъ найденъ путь къ богатому рынку, начали составляться въ Альгарвіи частныя общества, содѣйствовавшія Генриху снаряженіемъ кораблей, наймомъ матросовъ и воиновъ.

Генрихъ дожилъ до той поры, когда отправляемыя имъ экспедиціи стали давать важные результаты. Были открыты острова Порто

Санто и Мадера. Они были покрыты непроходимыми лѣсами; португальцы жгли лѣса, чтобы расчистить мѣсто для виноградниковъ и плантацій сахарнаго тростника. Виноградъ и сахарный тростникъ росли тамъ превосходно. Послѣ того экспедиціи вдоль западнаго берега Африки обогнули Бѣлый мысъ, открыли Зеленый мысъ и острова, лежащіе близъ него. Потомъ португальцы проникли за устья Гамбіи и Ріогранде почти до экватора, а другіе корабли ихъ, плывшіе на западъ, открыли Азорскіе острова. Разсказы о давнемъ богатствѣ Индіи возбуждали отвагу моряковъ и, еще при жизди инфанта Генриха, Педро де Синтра достигъ берегъ Сіэрра Леоне. Папская булла дала португальцамъ исключительное право собственности на всѣ земли, которыя уже открыли они или откроютъ по пути въ Индію. Эти новыя земли стали для Португали источниками богатства. Португальскіе купцы привозили изъ нихъ золотой песокъ, слоновую кость, гумми, цибетъ, пряности, другіе дорогіе товары. Большую выгоду доставляла имъ и торговля невольниками, которыхъ брали они по берегу Африки на югѣ отъ Сіэрра Леоне. Инфантъ Генрихъ былъ одушевленъ благородными побужденіями, любознательностью и желаніемъ распространить христіанскую вѣру, но моряки и авантюристы, служившіе ему, думали только о выгодахъ. Жажда золота и другой добычи, очень выгодную часть которой составляли люди, захватываемые для продажи въ рабство, была главнымъ мотивомъ экспедицій, отправлявшихся въ XV вѣкѣ искать новыхъ земель. Европейскіе моряки считали законнымъ дѣломъ обманывать, грабить, убивать невѣрующихъ во Христа, продавать ихъ въ рабство. Дикари прятались; европейцы дрессировали собакъ для охоты за ними, пытали плѣнныхъ, вынуждая сказать, куда спрятались ихъ соплеменники. Самъ инфантъ Генрихъ не считалъ дурнымъ брать себѣ пятую долю привозимыхъ въ Португалію рабовъ, и у одного изъ тогдашнихъ писателей мы находимъ такія слова объ удачномъ грабительскомъ набѣгѣ: «Наконецъ Богъ, награждающій добрыя дѣла, благоволилъ дать имъ за понесенные для служенія Ему труды побѣду, славу за подвиги и выгоду за издержки, потому что были захвачены мужчины, женщины и дѣти, числомъ 165 головъ». Ловля беззащитныхъ негровъ считалась благородной войной, и за успѣхъ въ ней начальникъ одной изъ экспедицій Нуно Тристано возвелъ своего помощника Ганзалеса съ санъ рыцаря на томъ мѣстѣ, куда привелъ онъ туземцевъ, захваченныхъ въ рабство; эта гавань получила названіе Рыцарской. Когда возвращалась въ Лагосъ каравелла съ невольниками, ее встрѣчали радостными криками; всѣ восхваляли ея начальниковъ. Грабители подвергались иногда бѣдамъ; такъ напримѣръ «Бухта бѣды Ганзало Синтрскаго» (Angra de Gonzalo de Cintra) получила свое названіе потому, что этотъ рыцарь и его товарищи были убиты тамъ копьями дикарей. Но такіе случаи были

рѣдки и не останавливали другихъ хищниковъ. По смерти инфанта Генриха, экспедиціи для открытій почти не были предпринимаемы, потому что король Альфонсъ V не интересовался ими, но онѣ возобновились и дѣло получило систематическій характеръ, когда вступилъ на престолъ Іоаннъ II, человѣкъ образованный, увлекавшійся любовью къ открытіямъ. Онъ сталъ снаряжать экспедиціи на государственныя деньги. Плаванія получили большой размѣръ; португальцы достигли экватора; берегъ былъ покрытъ роскошной растительностью, имѣлъ многолюдное населеніе, и рушилось перешедшее изъ древности въ средніе вѣка ошибочное мнѣніе, будто тропическій поясъ не имѣетъ населенія, потому что солнечный зной не допускаетъ тамъ никакой растительности; оно вѣроятно было внушено грекамъ впечатлѣніями, какія производила Сахара. Теперь оказалось, что тропическій поясъ имѣетъ великолѣпные лѣса и луга; разсѣялось и то мнѣніе, что за тропикомъ море становится мелкимъ и содержаніе соли въ водѣ тамъ такъ велико, что она пріобрѣтаетъ густоту, не дающую проѣзда кораблямъ. Португальны открыли островъ св. Ѳомы; Азамбужа основалъ на берегу Гвинеи фортъ св. Георгія (San Jorge de la Mina). Онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для товаровъ и добычи, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ плаваній, и португальцы стали быстро проникать дальше на югъ. Діого Кано (спутникомъ котораго былъ нѣмецкій космографъ Бегаймъ) поставилъ при устьѣ Заире (Конго) каменную колонну съ португальскимъ гербомъ и крестомъ, какъ велѣлъ Іоаннъ II. Потомъ португальцы стали ставить такія колонны и на другихъ открываемыхъ ими берегахъ въ обозначеніе того, что эти земли взяты во владѣніе королемъ португальскимъ. Діого Кано проплылъ вдоль берега до 22 градуса южной широты. Его разсказы усилили предпріимчивость другихъ мореплавателей. Король, понимавшій важность математическихъ наукъ, велѣлъ дѣлать инструменты для астрономическаго опредѣленія мѣстъ, учредилъ коммисію, составленную изъ знатоковъ математики; эти астрономы, при помощи тригонометріи, вычисляли градусы южной широты по наблюденіямъ, сдѣланнымъ моряками, умѣвшими употреблять астролябію. Такимъ образомъ расширялись на югъ правильныя карты земной поверхности, разъяснялись понятія о пути изъ Европы мимо Африки въ Индію. Въ августѣ 1486 Іоаннъ послалъ на югъ небольшую эскадру подъ начальствомъ опытнаго моряка Бартоломео Діаса. Онъ, проплывъ дальше бухты Елены, былъ встрѣченъ сильными бурями, и вода моря оказалась прохладна. Діасъ поплылъ на востокъ, но не встрѣчалъ земли въ этомъ направленіи; онъ и его матросы поняли, что они обогнули южный конецъ Африки. Это было очень радостное открытіе: оно давало надежду, что можно доплыть до Индіи. Діасъ приставалъ къ небольшому острову и поставилъ на немъ каменный столбъ съ португальскимъ гербомъ. Онъ поплылъ

дальше. Черезъ три дня плаванія кормчіе его кораблей потребовали возвращенія. Онъ по своимъ инструкціямъ былъ обязанъ слѣдовать ихъ мнѣнію. Экспедиція, доплывшая до устья рѣки, называющейся теперь Бушменской, поплыла назадъ. Когда она возвратилась къ острову, на которомъ былъ поставленъ столбъ, Діасъ печально обнялъ этотъ столбъ и «простился съ нимъ, какъ съ сыномъ, покидаемымъ на вѣки». На обратномъ пути эскадра плыла ближе прежняго къ южному краю Африки и открыла мысъ, который, назвала «Мысомъ бурь»; король, увѣренный, что теперь можно будетъ португальскимъ кораблямъ доплыть до Индіи, замѣнилъ это имя названіемъ «Мыса Доброй Надежды». Діасъ не получилъ счастья довершить свое великое дѣло новой экспедиціей. Португальскій король держался того правила, что человѣкъ, сдѣлавшій важное открытіе, не долженъ быть отправляемъ въ новую экспедицію, потому что иначе онъ могъ бы пріобрѣсти стѣснительное для короля право на большую признательность. Король назначилъ одного изъ своихъ придворныхъ фидальго (дворянина, по-испански гидальго) Маноэля Васко де Гаму начальникомъ эскадры, которую отправилъ открыть путь въ Индію; Діасу онъ позволилъ сопровождать эту экспедицію только до Форта св. Георгія (впослѣдствіи Діасъ участвовалъ, какъ капитанъ корабля, въ экспедиціи, которая поплыла въ Индію подъ начальствомъ Кабраля и открыла Бразилію; въ плаваніи оттуда къ мысу Доброй Надежды онъ утонулъ при ужасной бурѣ 23 мая 1500 года. Король Іоаннъ самъ отнялъ у себя славу дѣла, еще болѣе важнаго, чѣмъ открытіе пути въ Индію. Около тодо времени, какъ отправилась экспедиція, начальникомъ которой былъ Діого Кано, явился къ Іоанну итальянецъ Кристофоро Коломбо (Христофоръ Колумбъ), уже нѣсколько лѣтъ жившій въ Лиссабонѣ, не разъ плававшій вдоль африканскаго берега почти до экватора, очень хорошо знавшій космографію, искусный составитель морскихъ картъ, высказалъ ему свою мысль, что если плыть на западъ, то можно скорѣе и вѣрнѣе достичь восточнаго берега Азіи, чѣмъ южнымъ путемъ и предложилъ королю свои услуги. Іоаннъ заинтересовался мыслью Колумба; но имѣлъ пристрастіе къ южному пути; притомъ спеціалисты, бывшіе совѣтниками короля, отвергали планъ Колумба; потому Іоаннъ отвѣчалъ ему отказомъ. Вскорѣ послѣ того король попытался воспользоваться мыслью Колумба, скрывая отъ него это. По совѣту епископа сеутскаго Іоаннъ послалъ каравеллу на западъ; но черезъ нѣсколько дней она возвратилась, не увидѣвъ земли; Іоаннъ и его совѣтники рѣшили, что мысль Колумба ошибочна, и дали ему окончательный отказъ. Въ негодованіи на короля, хотѣвшаго тайно отъ него воспользоваться его мыслью, Колумбъ рѣшился покинуть Португалію, хотя былъ женатъ на португалянкѣ, доньѣ Фелиппѣ, дочери Муньиса Перестрелло, бывшаго правителя острова Порто Санто. (Впрочемъ

тогда онъ былъ уже вдовецъ: его жена умерла при рожденіи сына, Діэго). Онъ съ сыномъ тайно уѣхалъ въ Кастилію, чтобы предложить свой планъ испанскимъ королю и королевѣ, а если не будетъ имѣть успѣха и у нихъ, то обратиться къ королю французскому. Іоаннъ дожилъ до открытія Америки, затмѣвавшаго всѣ открытія португальцевъ, и слушалъ отъ Колумба разсказъ о Новомъ свѣтѣ, который будетъ принадлежать Кастиліи.

---

1. Преемники Іоанна I. Генрихъ Мореплаватель.

Открытіе Порто-Санто и Мадейры.

Инфантъ Генрихъ поселился на берегу Альгарвіи близъ мыса св. Винсента и отправлялъ каждый годъ два или три корабля для открытій. Моряки плыли вдоль западнаго берега Африки боязливо, огибали мысъ Нано, о которомъ была старая поговорка: „Кто поплыветъ за мысъ Нано, не знаетъ, вернется ли когда“. Португальцы доплыли до мыса Боядора, остановились у него. Онъ выдается далеко въ море; волны сильно бились о его скалу; португальцы побоялись плыть черезъ этотъ прибой волнъ, и мысъ Боядоръ надолго остался предѣломъ ихъ плаваній. Въ 1418 году отважные моряки Жоано Гонсальвесъ Зарко и Тристано Вазъ Тешейра хотѣли плыть дальше; сильная буря понесла ихъ на западъ; они подвергались большой опасности; наконецъ приплыли къ небольшому острову, который уже былъ извѣстенъ итальянцамъ, назвавшимъ его Порто-Санто. Онъ былъ плодороденъ, имѣлъ много ручьевъ, воздухъ на немъ былъ здоровый; португальцы основали на немъ поселеніе, но кролики, которыхъ привезли они съ собой, размножились такъ, что вредили посѣвамъ, затрудняли земледѣліе. Жоано Гонсальвесъ и Тристано Вазъ остались на этомъ островѣ; тамъ былъ хорошій лѣсъ; они построили себѣ корабли и стали плавать для новыхъ открытій. Темное пятно на горизонтѣ привлекло къ себѣ ихъ вниманіе; они поплыли въ этомъ направленіи и 8 іюля 1419 нашли островъ гораздо больше Порто-Санто. Онъ уже былъ извѣстенъ итальянцамъ, которые называли его Лѣснымъ островомъ; португальцы переложили это названіе на свой языкъ и стали называть островъ Мадейрою (Лѣснымъ). Они основали тамъ поселеніе; жгли лѣса, на расчищенныхъ мѣстахъ разводили виноградники и плантаціи сахарнаго тростника, привезеннаго ими изъ Сициліи. Плодородіе острова превзошло ихъ ожиданія. Пшеница давала урожай въ 60 разъ больше посѣва. Выжиганье лѣсовъ продолжалось много лѣтъ. Тѣ, которые уцѣлѣли, оказались состоящими изъ деревьевъ, превосходныхъ для постройки домовъ и кораблей. На южномъ берегу Гонсальвесъ основалъ городъ Фунчаль.

Эти успѣхи увеличили энергію инфанта Генриха. Онъ не слушалъ ропота, что переселеніе на новые острова отнимаетъ людей у Португаліи, что она станетъ пустыней. Моряки боялись плавать далеко; онъ сталъ воспитывать болѣе искусныхъ моряковъ, учить ихъ знаніямъ нужнымъ для дальнихъ плаваній. Учителемъ онъ назначилъ опытнаго моряка Хакоме, приглашеннаго съ острова Мальорки. Но прошло двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ были сдѣланы новыя открытія. Въ 1432 португальцы обогнули мысъ Боядоръ, пристали къ берегу на югѣ отъ него; эта мѣстность была безлюдная.

Они нашли тамъ цвѣты, понравившіеся имъ, посадили въ кадушки съ землей, привезли на родину эти растенія, названныя розами Дѣвы Маріи. Инфантъ принялъ новыя розы, какъ залогъ будущихъ успѣховъ въ землѣ обѣтованной.

Смерть Іоанна I и коннетабля Перейры.

Вскорѣ послѣ того умеръ (14 августа 1433) отецъ Генриха, Іоаннъ. Португальцы жалѣли о смерти короля, выбраннаго народомъ и неутомимо заботившагося о благѣ государства. Іоаннъ защитилъ независимость Португаліи, завоевалъ Сеуту, заключилъ миръ съ Кастиліей, прекратилъ долгіе споры съ духовенствомъ заключеніемъ договора, опредѣлявшаго права государства и церкви, помогъ развитію народнаго благосостоянія хорошими законами и безпристрастнымъ правосудіемъ. Онъ былъ погребенъ въ великолѣпномъ храмѣ аббатства, которое построилъ въ Батальѣ на память о побѣдѣ при Альжубарротѣ. За два года передъ нимъ умеръ великій полководецъ коннетабль Нуно Альваресъ Перейра, которому онъ былъ обязанъ своими побѣдами. Послѣднія восемь лѣтъ жизни Перейра провелъ монахомъ въ лиссабонскомъ кармелитскомъ монастырѣ, въ которомъ построилъ великолѣпную церковь; въ ней онъ былъ и погребенъ. Перейра былъ истинный рыцарь по вѣрности слову, великодушію, безкорыстію, чистой нравственности, благочестію и храбрости.

Эдуардъ 1433—1438.

Одною изъ заслугъ Іоанна передъ Португаліей было то, что онъ покровительствовалъ предпріятіямъ своего сына, Генриха Мореплавателя, понимая, какую пользу могутъ принести они государству. Старшій сынъ Іоанна Эдуардъ (по португальской формѣ имени Дуарте) былъ въ этомъ отношеніи достойнымъ преемникомъ отца. Немедленно по своемъ вступленіи на престолъ онъ отдалъ въ пожизненное владѣніе Генриху Мадеру и сосѣдніе съ ней острова Порто-Санто и Дезерту.

Неудачный походъ инфанта Фердинанда противъ мавровъ.

Но у новаго короля не было отцовскаго счастья. Онъ хотѣлъ прославить себя завоеваніями. Папа Евгеній IV на феррарскомъ соборѣ (въ 1436 г.) обнародовалъ по желанію Эдуарда буллу, назначавшую его вождемъ крестоваго похода противъ невѣрныхъ. Онъ собралъ флотъ и войско плыть въ Африку, отнять у мавровъ Танджеръ. Младшій изъ его братьевъ, инфантъ Фердинандъ, храбрый рыцарь, горячо желавшій сражаться за Христа съ мусульманами, былъ его помощникомъ. Но кортесы, не одобрявшіе этой экспедиціи, были скупы на деньги для нея, и многіе вельможи уклонились отъ участія въ ней: потому военныя силы, съ которыми инфанты Генрихъ и Фердинандъ поплыли въ Африку, были недостаточны для успѣха. Португальское войско, осадившее Танджеръ, было отражено. Мавры окружили его, отрѣзали отъ моря; оно геройски билось, но враги подавляли его своею многочисленностью. Оно страдало отъ голода; инфанты принуждены были заключить договоръ, по которому обѣщали, что Сеута, завоеванная ихъ отцомъ, будетъ возвращена маврамъ. Инфантъ Генрихъ съ остаткомъ войска пошелъ къ берегу; мавры вѣроломно нападали на него, но онъ успѣлъ пройдти до берега и посадить свое войско на корабли. Инфантъ Фердинандъ и двѣнадцать вельможъ остались заложниками у мавровъ. Кортесы отказались утвердить договоръ, отдававшій маврамъ Сеуту, рѣшили, что король долженъ освободить заложниковъ выкупомъ. Мавры разсердились и стали мстить заложникамъ за то, что не сдана Сеута. Фердинандъ и его товарищи были приведены въ Фезъ, народъ смѣялся надъ ними, оскорблялъ ихъ. Они должны были терпѣть тяжелыя лишенія, исполнять унизительныя работы, какъ рабы. Фердинандъ шесть лѣтъ съ терпѣніемъ святого переносилъ всѣ обиды и бѣдствія; наконецъ умеръ. Черезъ нѣсколько времени (въ 1443 году) нѣкоторые изъ его товарищей получили свободу. Въ числѣ ихъ находился секретарь покойнаго инфанта Альваресъ, разсказавшій въ своей хроникѣ о страданіяхъ Фердинанда.

Характеръ Эдуарда.

Когда Альваресъ возвратился на родину съ сердцемъ инфанта Фердинанда, въ Португаліи уже пять лѣтъ царствовалъ новый король. Судьба Фердинанда такъ печалила Эдуарда, что онъ охотно отдалъ бы Сеуту за его освобожденіе, но не имѣлъ власти сдѣлать это. Умирая, онъ завѣщалъ своему преемнику всѣми средствами стараться объ освобожденіи Фердинанда. Эдуардъ умеръ 9 сентября 1438 года. Онъ былъ человѣкъ очень образованный, добрый, одушевленный хорошими намѣреніями, и хотя его правленіе было непрерывнымъ рядомъ неудачъ, народъ сохранилъ хорошую память о немъ. Онъ написалъ нѣсколько сочиненій, выгодно свидѣтельствующихъ о его учености. Самый важный изъ его литературныхъ трудовъ—„Вѣрный совѣтникъ“, сборникъ мыслей о политикѣ и нравственности, показывающій въ Эдуардѣ умнаго и добраго человѣка.

Альфонсъ 1438—1481. Регентство 1438—1448.

Эдуардъ составилъ свой сборникъ въ руководство женѣ, кастильской принцессѣ Леонорѣ, которую назначилъ правительницею государства до совершеннолѣтія сына, Альфонса V. Леонора была женщина властолюбивая, португальцы не любили ее, досадовали на Эдуарда за то, что онъ подчинялся ея вліянію, и были очень недовольны тѣмъ, что регентство поручено кастильянкѣ, что устранены отъ управленія дѣлами инфанты Генрихъ и Петръ. Борьба была неизбѣжна. Леонора хотѣла предотвратить ее, давъ участіе въ правленіи инфанту Петру и обѣщавшись, что женитъ Альфонса на его дочери; но черезъ нѣсколько времени послушалась интригантовъ, совѣтовавшихъ ей удалить инфанта Петра отъ участія въ дѣлахъ. Вліятельнѣйшимъ изъ ея совѣтниковъ былъ графъ Барселлосъ, побочный сынъ короля Іоанна, желавшій выдать за Альфонса свою внуку. Въ Португаліи начались раздоры. Многіе вельможи и дворяне (фидальго) были на сторонѣ королевы; граждане Лиссабона приняли сторону инфанта Петра; другіе города тоже требовали, чтобы власть была передана ему. Леонора старалась поссорить съ Петромъ братьевъ его Генриха и Іоанна; но всѣ три инфанта были дружны между собой, интриги Леоноры не удались; кортесы передали (10 декабря 1439) регентство инфанту Петру. Графъ Барселлосъ подымалъ смуты въ государствѣ, чтобы возвратить власть Леонорѣ. Королева въ 1441 году бѣжала въ Кастилію, надѣясь возстановить себѣ власть при помощи своихъ соотечественниковъ. Но кастильское правительство, прежде помогавшее Леонорѣ, отказало ей теперь въ своей поддержкѣ; португальскіе кортесы конфисковали ея имѣнья. Она подверглась нищетѣ и умерла въ февралѣ 1445 въ Толедо. Смерть ея приписывали яду; Альваро де Луна находился во враждѣ съ ея братьями, и молва говорила, что, по его внушенію, донья Ильескасъ отравила ее.

Правленіе Альфонса 1448—1481.

По достиженіи совершеннолѣтія Альфонсъ женился на дочери регента, Изабеллѣ, и сталъ самъ править государствомъ по совѣтамъ тестя. Графъ Барселлосъ, получившій въ 1443 году титулъ герцога брагансскаго (Bragança) и его сынъ, графъ Ouремъ, мать котораго была дочь Перейры, возстановили молодого короля противъ тестя, котораго винили передъ нимъ въ честолюбивыхъ замыслахъ. Орудіемъ ихъ былъ хитрый португальскій фидальго, служившій въ Римѣ и научившійся при папскомъ дворѣ интриговать. Король удалилъ отъ двора своего тестя, отставилъ отъ должностей всѣхъ, кому онъ далъ важныя мѣста во время своего регентства. Враги инфанта Петра говорили, что онъ отравилъ мать короля. Ссора зятя съ тестемъ дошла до междоусобія. Инфантъ Петръ при сраженіи на рѣчкѣ Альфарробеирѣ попалъ въ засаду и былъ убитъ (20 мая 1449). Съ нимъ погибъ и другъ его, графъ Абранчесъ. Нѣсколько лѣтъ прошло прежде чѣмъ королева, дочь инфанта Петра, выпросила у мужа позволеніе положить его тѣло въ Батальѣ, въ гробницѣ королевской фамиліи. Возвращаясь съ этихъ похоронъ въ Эвору, она внезапно занемогла и умерла (2 декабря 1455). Молва

говорила, что она отравлена противниками ея отца.—Смерть инфанта Петра возбудила сожалѣніе не только въ Португаліи, но и въ другихъ земляхъ, потому что онъ подобно другимъ сыновьямъ Іоанна, заслужилъ уваженіе умомъ и характеромъ. Онъ много путешествовалъ, посѣтилъ почти всѣ европейскіе дворы, храбро сражался въ одномъ изъ походовъ императора Сигизмунда, былъ человѣкъ очень любознательный, горячо сочувствовалъ заботамъ инфанта Генриха о расширеніи географическихъ знаній, привезъ ему изъ Венеціи, какъ мы говорили, Путешествіе Марко-Поло и очень важную ландкарту. Но прекраснѣйшимъ памятникомъ его управленія королевствомъ былъ сводъ законовъ, называвшійся Ордоннансами короля Альфонса V и остававшійся въ силѣ до составленія болѣе полнаго свода въ царствованіе Эммануэля. Кортесы еще при Іоаннѣ постановили, что должно составить сводъ законовъ. Эта работа была начата тогда же, продолжалась при Эдуардѣ и была кончена въ регентство инфанта Петра. Коммиссія, состоявшая изъ юристовъ, собрала законы обычнаго права, повелѣнія королей, постановленія кортесовъ, рѣшенія судовъ, присоединила къ нимъ извлеченія изъ Юстиніанова кодекса и каноническаго права; этотъ сводъ былъ обнародованъ въ 1446 году.

Ордоннансы короля Альфонса.

Шеферъ говоритъ: „Сводъ законовъ Альфонса составленъ по національнымъ источникамъ права и по иноземнымъ законамъ, по которымъ рѣшались дѣла, не находившія опредѣленнаго рѣшенія себѣ въ національныхъ законахъ; это такъ называемое субсидіарное (вспомогательное) употребленіе иноземныхъ законовъ имѣло результатомъ вытѣсненіе ими многихъ прежнихъ постановленій національнаго права. Національными (внутренними) источниками были: старое обычное право, постановленія кортесовъ (capitulos), льготныя граматы (foraes); внѣшними источниками служили Юстиніановъ кодексъ, глоссы къ нему, испанскій сводъ законовъ, называвшійся Siete Partidas, каноническое право и такъ называемые «договоры» королей Діонисія, Петра, Іоанна I съ духовенствомъ. Заимствованные изъ разныхъ источниковъ законы, внесенные въ этотъ сборникъ, часто противорѣчатъ одинъ другому и притомъ оставляютъ много судебныхъ вопросовъ неразрѣшенными; потому надобно было установить правила, которыми должны руководиться судьи въ случаяхъ затрудненія. Эти правила были: въ случаяхъ недостаточности свода судьи должны обращаться къ обычному праву, къ подлиннымъ постановленіямъ кортесовъ и къ обычной практикѣ королевскаго суда; постановленія Юстиніанова кодекса и каноническіе законы, несогласные съ этими источниками права, не имѣютъ силы. Въ случаяхъ недостаточности внутреннихъ источниковъ должно рѣшать дѣла по Юстиніанову кодексу и каноническому праву. Въ случаяхъ несогласія Юстиніанова кодекса съ каноническимъ правомъ, дѣла, не относящіяся къ религіи, должны быть рѣшаемы по Юстиніанову кодексу, а религіозныя по каноническому праву. Если по данному случаю нѣтъ постановленій ни въ Юстиніановомъ кодексѣ, ни въ каноническомъ правѣ, то имѣютъ силу относящіяся къ нему глоссы Аккурсія, при недостаточности ихъ, глоссы Бартоло, а если нельзя рѣшить дѣло и по глоссамъ, то оно должно быть представляемо на рѣшеніе короля. Король постановляетъ новый законъ, по которому должны быть рѣшаемы дѣла этого рода».

Война въ Африкѣ.

Въ годы междоусобій португальцы не могли продолжать ни заграничныхъ войнъ, ни экспедицій для открытій. Раздоры прекратились по смерти дочери инфанта Петра. Тѣло Леоноры было привезено изъ Кастиліи, погребено рядомъ съ тѣломъ ея мужа Эдуарда. Альфонсъ хотѣлъ предпринять заграничную войну, чтобы португальцы легче забыли свои раздоры. Сынъ инфанта Петра, объявленный мятежникомъ, жилъ въ Кастиліи; Альфонсъ помирился съ нимъ, возвратилъ ему титулы и владѣнія, сдѣлалъ его участникомъ своихъ походовъ. Сначала Альфонсъ думалъ о крестовомъ походѣ

на турокъ, но увидѣвъ, что другіе христіанскіе государи только говорятъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы, что крестовый походъ на востокъ не состоится, онъ рѣшился начать войну съ тѣми мусульманами, съ которыми могъ воевать безъ чужой помощи, рѣшился плыть въ сѣверную Африку. Эта экспедиція удовлетворяла и воинственному духу португальцевъ и религіозной склонности ихъ къ войнѣ съ невѣрными. Духъ крестовыхъ походовъ, исчезнувшій у другихъ западныхъ націй, еще сохранялся у португальцевъ. Альфонсъ, его братъ Фердинандъ, инфантъ Петръ, сынъ покойнаго регента, многіе вельможи и фидальго собрались 30 сентября 1458 года на торжественную литургію, бывшую освященіемъ предпринимаемой ими войны съ невѣрными, и отправились процессіей въ Сетуваль, въ гавани котораго стояли корабли, приготовленные для экспедиціи; король и его спутники сѣли на нихъ и поплыли въ Сагресъ. Флотъ ихъ состоялъ изъ 90 кораблей. Въ гавани Сагреса ждалъ короля инфантъ Генрихъ съ другимъ флотомъ. Число кораблей, поплывшихъ въ Африку изъ лагосской гавани, послѣдней стоянки флота, простиралось до 220. Альфонсу хотѣлось бы начать войну осадой Танджера, но прежнія неудачи отклонили его отъ этой мысли. Онъ осадилъ Алькасеръ. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія крѣпость сдалась; мусульманскіе жители ея получили дозволеніе удалиться со всѣмъ своимъ имуществомъ. Альфонсъ обратилъ мечеть въ церковь, принялъ титулъ владѣтеля алькасерскаго, назначилъ комендантомъ покоренной крѣпости храбраго воина Дуарте де Менезеса и возвратился въ Португалію. Султанъ фезскій въ 1459 году нѣсколько разъ подступалъ къ Алькасеру, но Менезесъ отбилъ всѣ нападенія. Альфонсъ наградилъ его титуломъ графа Віаны. Экспедиціи короля и его брата Фердинанда въ 1463 и 1464 годахъ были неудачны. Португальцы два раза штурмовали Танджеръ и были отбиты. Альфонсъ, не послушавшись благоразумныхъ предостереженій, пошелъ покорить одно изъ мавританскихъ племенъ, жившихъ въ горахъ, и подвергся пораженію. Графъ Віана былъ убитъ; король былъ спасенъ отъ смерти графомъ Вилла-Реалемъ, и остатокъ войска съ трудомъ былъ приведенъ Вилла-Реалемъ въ Сеуту. Португальцы не пріобрѣли никакихъ выгодъ отъ экспедиціи въ Африку; но они восхищались своими подвигами. Польза отъ этихъ экспедицій была развѣ только та, что моряки пріобрѣтали опытность и смѣлѣе прежняго стали плавать на югъ вдоль западнаго берега Африки.

Плаванія для открытій вдоль западнаго берега Африки.

Плаванія для открытій не совершенно прекратились во время междоусобій: продолжались и во время войнъ съ маврами, хотя португальскіе рыцари были отвлекаемы ими отъ экспедицій для поисковъ новыхъ земель. Въ 1434 и 1435 годахъ два рыцаря, братья Гансальвесы, плавали на югъ за мысъ Боядоръ, выходили на берегъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; они встрѣчали тамъ черныхъ людей, которые бросали въ нихъ дротики; они видѣли слѣды верблюдовъ, заключили изъ этого, что туда ходятъ караваны. На островѣ передъ устьемъ одной изъ рѣкъ они нашли множество тюленей, за шкуры которыхъ получили довольно много денегъ. Въ 1441 году Гансальвесы и Нуно Тристано поплыли дальше устья Золотой рѣки (Rio du Ouro), вышли на берегъ, захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ чернокожихъ людей, поплыли дальше на югъ и открыли мысъ, скалы котораго были бѣлаго цвѣта; Тристанъ далъ ему названіе Бѣлаго мыса (Cabo branco). Привезенные въ Португалію негры и разсказы отважныхъ моряковъ, принимавшіе баснословный характеръ въ народной молвѣ, увеличили заинтересованность португальцевъ плаваніями на югъ; предполагалось, что тамъ можно пріобрѣсти богатую добычу. Составились коммерческія общества для отправленія кораблей на югъ. Инфантъ Генрихъ далъ имъ правительственное утвержденіе съ условіемъ, что часть прибыли будетъ отда-

ваема ему. Въ 1443 году шесть каравеллъ поплыли за Бѣлый мысъ и открыли острова мало возвышающіеся надъ уровнемъ моря, тѣ, которые теперь называются островами Аргуимской отмели. У береговъ тамъ было много рыбы, на островахъ много птицъ. Негры, жившіе на островахъ, питались рыболовствомъ и птицеловствомъ. Португальцы забрали въ плѣнъ нѣсколько негровъ и, возвратившись на родину, продали ихъ за большія деньги. Кромѣ того они привезли золотой песокъ и другую цѣнную добычу.

Открытіе Зеленаго мыса.

Черезъ два года одинъ изъ придворныхъ инфанта Генриха Винсенте Діасъ въ сопровожденіи венеціанца Луиджи де Кадамосто, поплылъ дальше Аргуимскихъ острововъ и устья Сенегала, доплылъ до большого мыса, который назвалъ Зеленымъ по его цвѣту. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ инфантъ Генрихъ послалъ Жоана Фернандеса жить на берегу, гдѣ было негритянское населеніе, чтобы выучиться языку туземцевъ и разузнать у нихъ о сосѣднихъ земляхъ. Діасъ и Кадамосто взяли теперь съ собой въ Португалію Фернандеса, который узналъ отъ негровъ, что въ глубинѣ страны есть большое негритянское царство. Кадамосто написалъ для инфанта Генриха разсказъ о своемъ плаваніи, составившемъ эпоху въ исторіи открытій. Португальцы быстро опознали весь берегъ отъ устья Гамбіи до Краснаго мыса (Cabo Roxo) и до Ріо Гранде. Эти плаванія совершенно разсѣяли прежнія предубѣжденія о необитаемости экваторіальнаго пояса. Въ 1455 году португальцы открыли острова Зеленаго мыса (Боависту, Саль, Сантіаго, Майо).

Открытіе берега Сіэрра Леоне.

Когда Нуно Тристано привезъ инфанту Генриху извѣстіе, что нашелъ берегъ, покрытый высокой травой и пальмовыми рощами, инфантъ былъ очень обрадованъ. Этимъ извѣстіемъ подтвердилось убѣжденіе, пріобрѣтенное имъ въ Сеутѣ изъ разсказовъ людей, ѣздившихъ караванными путями на югъ. Они говорили инфанту, что за Сахарой лежитъ плодородная страна, теперь берегъ ея былъ найденъ. Португальцы охотнѣе прежняго стали отправляться въ экспедиціи для открытій, хотя, проникая дальше на югъ, они встрѣчали опасности при высадкахъ на берегъ. Нуно Тристано въ 1466 году, приплывъ къ устью Ріо Гранде, поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Его каравелла была окружена челноками негровъ, имѣвшихъ отравленныя стрѣлы. Онъ и почти всѣ его спутники были убиты этими стрѣлами; уцѣлѣли только пять человѣкъ; четверо изъ нихъ были очень молодые неопытные матросы; пятый былъ вовсе не морякъ, онъ только занимался веденіемъ счетныхъ книгъ. Два мѣсяца они плыли по морю, не видя береговъ, но съумѣли наконецъ найдти направленіе, по которому возвратились на родину. Венеціанецъ Кадамосто говоритъ, что португальскія каравеллы были тогда самыми лучшими изъ всѣхъ европейскихъ. Погибель Тристано не запугала Альваро Фернандеса; онъ поплылъ на югъ дальше прежнихъ моряковъ и былъ тоже раненъ отравленной стрѣлой; но жизнь его была спасена тѣмъ, что къ ранѣ было скоро приложено противоядіе. Онъ доплылъ до устья рѣки, которую португальцы впослѣдствіи назвали Тавите. Туземцы не вступали въ мирныя отношенія къ португальцамъ. Фернандесъ проплылъ больше ста миль на югъ отъ Зеленаго мыса, то-есть почти до берега Сіэрра Леоне. Возвратившись въ Португалію, онъ былъ съ почестями принятъ Генрихомъ и регентомъ инфантомъ Петромъ. Вскорѣ послѣ того Педро де Синтра открылъ берегъ Сіэрра Леоне.

Папскія буллы.

Эти открытія обращали на себя вниманіе другихъ народовъ. Генрихъ и его племянникъ, король Альфонсъ V, желали получить право на владѣніе землями, которыя найдены или будутъ найдены португальцами, устранить соперничество иноземцевъ. По ихъ желанію папа Николай V обнародовалъ двѣ буллы, одну въ 1452 году, другую въ 1454. Онъ объявлялъ, что отдаетъ въ собственность португальскому королю всѣ земли и острова по западному берегу Африки, воспрещаетъ другимъ христіанскимъ королямъ и государствамъ отправлять въ эти мѣста корабли безъ разрѣшенія португальскаго короля, запрещаетъ продавать оружіе туземцамъ. По средневѣковымъ понятіямъ папа имѣлъ власть распоряжаться землями невѣрныхъ. Она основывалась на томъ, что папѣ принадлежитъ право принимать мѣры для обращенія невѣрныхъ въ христіанство. Поэтому папскія буллы, полученныя португальцами, не были совершенно лишены дѣйствительнаго значенія; онѣ довольно долго охраняли португальцевъ отъ соперничества испанцевъ, которые желали бы овладѣть берегомъ Гвинеи, гдѣ получали португальцы золотой песокъ. Португальскіе короли испросили у папъ нѣсколько подтвержденій этимъ первымъ булламъ.

Открытіемъ берега Сіэрра Леоне кончились тѣ успѣхи, которые были сдѣланы при жизни инфанта Генриха. Въ царствованіе Альфанса V португальцы обратили свои силы на войну въ сѣверной Африкѣ; инфантъ Генрихъ принималъ участіе въ этихъ экспедиціяхъ, и плаванія на югъ ослабѣли. Но было сдѣлано открытіе на западѣ. Инфантъ Генрихъ уже давно отправлялъ корабли въ этомъ направленіи. И были наконецъ найдены Формичскія скалы и островъ Санта Маріа. Птицы, жившія на нихъ, давались въ руки людямъ; ясно было, что прежде онѣ не видывали людей. Вслѣдъ за тѣмъ были открыты Санъ Мигель, Терсейра, Фаяль и, наконецъ Пико. Въ 1447 году король далъ поселившимся на Санъ Мигелѣ колонистамъ право безпошлиннаго ввоза товаровъ въ Португалію. Въ годъ его смерти уже селились колонисты на самыхъ отдаленныхъ островахъ Азорскаго архипелага Флорисѣ и Корбо.—Альфонсъ умеръ 13 ноября 1460, доживши до 67 лѣтъ.—Кромѣ португальцевъ на Азорскихъ островахъ селились колонисты изъ Фландріи и Голландіи. Были также переселенцы изъ нѣкоторыхъ другихъ земель. Португалія пріобрѣла славу своими открытіями. Она была обязана ими больше всего Генриху Мореплавателю, справедливо выбравшему своимъ девизомъ Talent de bien faire („умѣнье дѣлать хорошо“). Онъ дѣйствительно съумѣлъ передать португальцамъ свою страсть къ географическимъ открытіямъ. Въ молодости онъ подвергался порицанію за нее, но въ послѣдніе годы жизни пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Онъ приглашалъ въ португальскую службу венеціанцевъ и генуэзцевъ, передававшихъ португальцамъ свои теоретическія и практическія знанія по мореплаванію. Въ концѣ жизни инфанта Генриха, португальцы уже плавали по Гамбіи, бывали въ Канторѣ, куда приходили караваны изъ Судана; португальцы распрашивали тамъ о земляхъ, лежащихъ далеко отъ моря. Были уже основаны факторіи на Аргуимскихъ островахъ, разведены сахарныя плантаціи на Мадерѣ. Португальцы вели торговлю съ негритянскими царьками въ Сенегамбіи, получали отъ нихъ невольниковъ, золотой песокъ, мускусъ, слоновую кость, малагетту (пряность въ родѣ имбиря, употреблявшуюся тогда вмѣсто перца).

Открытіе Азорскихъ острововъ.

Результаты дѣятельности инфанта Генриха.

По смерти инфанта Генриха открытія остановились. Альфонсъ, занятый войною въ сѣверной Африкѣ, не посылалъ экспедицій на югъ. Туда плавали только торговцы отчасти португальскіе, отчасти итальянскіе. Они думали не объ открытіяхъ, а исключительно о выгодѣ. Въ 1469 году Альфонсъ отдалъ торговлю съ Сенегамбіей на пять лѣтъ въ монополію Фердинао Гомесу, обязавшемуся платить 500 дукатовъ въ годъ и открывать ежегодно по сту миль берега за Сіэрра Леоне. Такимъ образомъ въ слѣдующіе годы были открыты ашантійскій берегъ, богатый золотомъ, и острова Фернао до-По, Аннобомъ, островъ государя (Príncipe), островъ св. Ѳомы подъ экваторомъ, а въ 1471 году было открыто прибрежье за экваторомъ до мыса св. Катарины. На ашантійскомъ берегу была основана

Переходъ за экваторъ.

факторія Ла Мина. Гомесъ получилъ титулъ Минскаго (da Mina) и назначенъ членомъ королевскаго совѣта.

Войны Альфонса въ сѣверной Африкѣ.

Взятіе Танджера.

Въ 1470 году Альфонсъ въ сопровожденіи наслѣдника престола, Іоанна, и многихъ вельможъ, поплылъ въ сѣверную Африку и взялъ богатый городъ Арзиллу. Всю добычу король роздалъ воинамъ. Въ Арзиллѣ поселилось много португальскихъ купцовъ; окрестности ея были плодородны, и городъ снова сталъ богатъ. Португальцы пошли на Танджеръ; жители этого города бѣжали при ихъ приближеніи; маркизъ Монтемаръ, сынъ герцога браганскаго, вошелъ въ Танджеръ, не встрѣчая сопротивленія, и черезъ четыре дня (28 августа) вступилъ въ этотъ городъ торжественной процессіей король. Пріобрѣтеніе Танджера очень радовало португальцевъ. Окруженный плодородными долинами, онъ скоро сталъ богатымъ городомъ.

Завоеванія въ сѣверной Африкѣ при Эммануэлѣ.

При Іоаннѣ II не было новыхъ экспедицій въ сѣверную Африку. Но начало царствованія его преемника Эммануэля было ознаменовано побѣдой Жоана де Менезеса, правителя Арзиллы, надъ возставшими арабами. Черезъ 9 лѣтъ (въ 1504 году) Менезесъ напалъ на крѣпость Эль-Аришъ, гавань которой была пріютомъ мавританскихъ морскихъ разбойниковъ; онъ взялъ нѣсколько кораблей ихъ, сжегъ нѣсколько другихъ. Эммануэль велѣлъ Менезесу построить замокъ, который служилъ бы опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Азамбужа, начальникъ поставленнаго тамъ войска, взялъ приморскій городъ Сафи. Въ 1508 году Менезесъ пошелъ овладѣть Азаморомъ, но былъ разбитъ. Фезскій султанъ осадилъ Арзиллу. Менезесъ отразилъ его. Война длилась все царствованіе Эммануэля. Въ 1513 году герцогъ браганскій взялъ Азаморъ, богатый торговый городъ. Въ слѣдующемъ году Нуно Фернандесъ д'Атаиде взялъ городъ Теднестъ и захватилъ очень много скота въ его плодородной области, а Менезесъ отразилъ войско, посланное султаномъ фезскимъ отнять у португальцевъ Азаморъ. Вскорѣ послѣ того Менезесъ умеръ (15 мая 1514). Современники прославляли его храбрость и благородный характеръ. Въ 1515 году португальцы подступили къ городу Марокко, но были отражены. Въ августѣ 1516 султаны фезскій и мекинезскій неожиданно напали на португальцевъ, строившихъ фортъ при впаденіи рѣки Марморы въ Атлантическій океанъ, убили у нихъ много людей, захватили ихъ съѣстные запасы и корабли. Съ трудомъ удержались португальцы въ Арзиллѣ. Вскорѣ послѣ того былъ убитъ въ походѣ противъ мавровъ искусный и храбрый полководецъ Нуно Фернандесъ д'Атанде. По его смерти португальцы прекратили наступательныя дѣйствія въ сѣверной Африкѣ, ограничились обороной своихъ владѣній и мелкими набѣгами. Очень много помогалъ имъ и перешедшій на ихъ сторону арабскій князь, котораго называютъ они Инабентатуфомъ; его хитрости и неутомимой энергіи они были обязаны почти всѣми своими успѣхами. Въ годъ смерти Эммануэля Инабентатуфъ на походѣ противъ Марокко былъ убитъ маврами, составившими заговоръ противъ него (въ февралѣ 1521), и дѣла португальцевъ въ сѣверо-западной Африкѣ пошли послѣ того худо.

Война за наслѣдство кастильскаго престола.

Вскорѣ по взятіи Танджера Альфонсъ былъ отвлеченъ отъ войны съ маврами надеждой пріобрѣсти кастильскій престолъ. Прежнія попытки соединенія Кастиліи съ Португаліей подъ властью одного короля кончались неудачей; но при близкихъ родственныхъ связяхъ между кастильской и португальской династіями каждое междоусобіе въ Кастиліи давало поводъ королямъ португальскимъ возобновлять притязанія на кастильскій престолъ. Въ отдѣлѣ объ исторіи Кастиліи мы разскажемъ войну за наслѣдство престола, возникшую при безхарактерномъ Генрихѣ IV. Кастильскіе кортесы провозгласили наслѣдницей Генриха сестру его, Изабеллу. Альфонсъ вступился за Іоанну, которую Генрихъ признавалъ своей дочерью, но о которой противники ея говорили, что она рождена королевой отъ любовника. Альфонсъ хотѣлъ жениться на ней, чтобы пріобрѣсти съ ея рукой

королевство кастильское. Маркизъ Вильена, его родственникъ архіепископъ толедскій и многіе другіе кастильскіе вельможи были на сторонѣ Іоанны и Альфонса. Сынъ Альфонса, Іоаннъ, одобрялъ намѣренія отца; большинство нистаго португальскаго дворянства желало войны. Но архіепископъ лиссабонскій, герцогъ браганскій, большинство другихъ вельможъ и церковныхъ сановниковъ совѣтовали королю не начинать войны, на успѣхъ которой не надѣялись. Альфонсъ не послушался предостереженій; Людовикъ XI обѣщался помогать ему; онъ вѣрилъ коварному королю французскому, обѣщавшему въ то же время свою помощь Изабеллѣ, и въ 1475 году пошелъ въ Кастилію. Приверженцы Іоанны приняли его съ восторгомъ; онъ повѣнчался съ нею, и вельможи ея партіи провозгласили его королемъ Кастиліи и Леона. Но онъ былъ родственникъ Іоаннѣ; для того, чтобы бракъ его съ нею могъ считаться законнымъ, нужна была папская диспенсація. Изабелла и Фердинандъ убѣдили папу не давать диспенсацію.

Въ случаѣ побѣды Альфонса Кастилія соединялась съ Португаліей, въ случаѣ побѣды Изабеллы и Фердинанда—съ Арагоніей. Альфонсъ и Іоанна имѣли въ Кастиліи очень сильную партію. Альфонсъ овладѣлъ Торо и Саморой. Фердинандъ прислалъ ему вызовъ на поединокъ; но это было лишь рыцарское самохвальство; на самомъ дѣлѣ и Фердинандъ былъ чуждъ мысли рѣшить споръ поединкомъ, какъ былъ чуждъ ей Альфонсъ. Объ условіяхъ поединка шелъ споръ. Толки о немъ кончились ничѣмъ. Фердинандъ осадилъ Торо. Недостатокъ провіанта принудилъ его отступить; онъ сталъ въ Медина дель Кампо и вступилъ въ переговоры съ Альфонсомъ. Король португальскій согласился удовольствоваться Галисіей, завоеванными частями другихъ областей и денежнымъ вознагражденіемъ. Фердинандъ былъ готовъ принять эти условія, но Изабелла была тверже духомъ, чѣмъ онъ. Притомъ кастильскіе вельможи обѣихъ партій были противъ мира, условія котораго не удовлетворяли ни той, ни другой партіи. Духовенство отдало Изабеллѣ часть церковныхъ сокровищъ. Она разорвала переговоры съ Альфонсомъ; война возобновилась. Альфонсъ и Фердинандъ оказались оба плохими полководцами. Фердинандъ осадилъ Бургосъ; Альфонсъ, вмѣсто того чтобы идти на помощь осажденному городу, возвратился въ Самору. Изабелла ободрила своихъ приверженцевъ, убѣдила ихъ, что Альфонсъ трусъ. Прежніе кастильскіе приверженцы его стали переходить на сторону Изабеллы. Граждане Оканьи прогнали отъ себя сторонниковъ маркиза Вильены и отворили ворота его противнику Родриго Манрике, гросмейстеру сантіагскаго ордена. Черезъ нѣсколько времени маркизъ Вильена поссорился съ Альфонсомъ и перешелъ на сторону Изабеллы. Франсиско де Вальдесъ, которому Альфонсъ поручилъ охраненіе моста черезъ Дуэро у Саморы, тоже принялъ сторону Изабеллы; Альфонсъ побоялся оставаться въ Саморѣ; поручивъ начальство надъ гарнизономъ этой крѣпости своимъ усерднѣйшимъ приверженцамъ Альфонсу Валенсѣ и Хуану Поррасу, онъ ушелъ въ Торо. Комендантъ гарнизона, стоявшаго въ Бургосѣ Хуанъ Суньига былъ принужденъ сдать этотъ городъ войску Изабеллы. Людовикъ XI обманулъ Альфонса. Французское войско вошло въ Бискайю, осадило Фуэнтаравію; но оно было не велико, дѣйствовало слабо, и когда пришло войско Изабеллы, Людовикъ заключилъ перемиріе съ нею. Кастильскіе вельможи, остававшіеся на сторонѣ Альфонса, увидѣли, что Изабелла побѣдитъ его, желали примириться съ нею; она благоразумно выказывала милость къ покидавшимъ Альфонса. Герцогъ Аревало и гросмейстеръ алькантарскаго ордена перешли на ея сторону.

Битва при Торо 1476.

Инфантъ Іоаннъ, управлявшій Португаліей въ отсутствіе отца, сдѣлалъ заемъ, взялъ изъ церквей тѣ серебряныя вещи, которыя не составляли

собственно богослужебной утвари, нанялъ на эти деньги войско, пришелъ съ нимъ на помощь отцу; они подступили къ Саморѣ, но увидѣли невозможность взять ее и пошли назадъ къ Торо. Фердинандъ настигъ ихъ неподалеку отъ Торо въ холмистой мѣстности. Сраженіе было упорно. Дуарте Альменда, державшій королевское португальское знамя, не выпускалъ его изъ рукъ, пока онѣ обѣ были отрублены; истекающій кровью онъ былъ взятъ въ плѣнъ; но другой рыцарь Гонзало Паресъ вырвалъ знамя у испанцевъ. Онъ получилъ за этотъ подвигъ названіе Бандейры (хранителя знамени). Фердинандъ, часто подвергавшійся упрекамъ жены за робость, держалъ себя и въ этомъ сраженіи, какъ трусъ: сначала казалось, что португальцы побѣдятъ, онъ оробѣлъ, ускакалъ въ Самору, поручилъ начальство надъ войскомъ кардиналу Мендосѣ и герцогу Альбѣ (Альвѣ, Alba); Альфонсъ напротивъ того сражался очень храбро. Послѣ продолжительнаго боя, португальцы потерпѣли пораженіе. Альфонсъ поѣхалъ въ Кастрануньо. Инфантъ Іоаннъ остановилъ бѣгущихъ и занялъ такую крѣпкую позицію на холмѣ, что кастильцы не рѣшились атаковать ее и пошли назадъ въ Самору. Альфонсо Валенса, державшійся въ саморской цитадели, сдалъ ее Фердинанду. Гросмейстеръ калатравскаго ордена и графъ Уренья помирились съ Изабеллой; примирился съ нею наконецъ усерднѣйшій изъ кастильскихъ сторонниковъ Альфонса, архіепископъ толедскій. Альфонсъ остался въ Торо, инфантъ Іоаннъ возвратился въ Португалію защищать ее отъ кастильцевъ, вторгнувшихся съ востока, и галисійцевъ, вторгнувшихся съ сѣвера. Онъ выказалъ такое искусство и мужество, что сама Изабелла говорила о немъ съ уваженіемъ.

Поѣздка Альфонса къ Людовику XI.

Альфонсъ продолжалъ вѣрить коварному Людовику и рѣшился поѣхать для личныхъ переговоровъ съ нимъ. Оставивъ гарнизоны въ Торо и другихъ крѣпостяхъ, какими еще владѣлъ въ Кастиліи, онъ поѣхалъ съ женою въ Португалію и поплылъ изъ Белема въ Марсель, оттуда въ августѣ 1476) черезъ Ліонъ поѣхалъ въ Туръ, гдѣ находился Людовикъ. Французскій король принялъ его съ величайшими почестями и любезностями, обѣщалъ ему помощь деньгами и войскомъ, но говорилъ, что опасается Карла Смѣлаго, шедшаго тогда покорить Лотарингію, что поэтому онъ проситъ Альфонса съѣздить къ Карлу взять съ герцога обѣщаніе не нападать на Францію, когда французское войско пойдетъ въ Испанію. Альфонсъ вѣрилъ хитрецу и поѣхалъ къ Карлу; герцогъ бургонскій сказалъ ему, что Людовикъ обманываетъ его. Вскорѣ послѣ того Карлъ Смѣлый былъ убитъ. Альфонсъ оставался всю зиму во Франціи, слушая обманчивыя обѣщанія Людовика. Потомъ онъ отправился хлопотать о полученіи папской диспенсаціи, необходимой для того, чтобы бракъ его съ Іоанной могъ считаться законнымъ. Сикстъ IV отвѣчалъ, что дастъ диспенсацію, только когда король французскій станетъ серьезно помогать Альфонсу въ войнѣ съ Изабеллой и Фердинандомъ. Альфонсъ обратился къ Людовику съ просьбою о новомъ свиданіи. Людовикъ пригласилъ его пріѣхать въ Аррасъ. Альфонсъ въ маѣ 1477 пріѣхалъ туда, но Людовика тамъ не было. Альфонсъ ждалъ Людовика нѣсколько дней, разсердился, сталъ наконецъ опасаться, что Людовикъ арестуетъ его и выдастъ Изабеллѣ, поѣхалъ въ Онфлеръ и въ ноябрѣ написалъ изъ этой гавани сыну, что въ сердцѣ у него умерла всякая земная суета, что онъ хочетъ пріобрѣсти себѣ нетлѣнный вѣнецъ поѣздкой въ Іерусалимъ и посвятить себя служенію Богу въ какомъ нибудь отдаленномъ монастырѣ, что поэтому Іоаннъ долженъ немедленно принять королевскій титулъ, какъ бы услышавъ о смерти отца. Такое же сообщеніе послалъ Альфонсъ и кортесамъ. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ Людовика письмо съ новыми обѣщаніями, ободрился, бросилъ свое намѣреніе ѣхать въ Палестину, рѣшилъ остаться королемъ, сѣлъ на французскую галеру и поплылъ въ Португалію. За нѣсколько дней передъ его пріѣздомъ Альфонсъ, не знавшій о перемѣнѣ его мыслей короновался. Іоаннъ возвратилъ власть пріѣхавшему отцу. Но вельможи и народъ привыкли повиноваться Іоанну, правившему государствомъ много лѣтъ, и уважали волю его больше, чѣмъ приказанія Альфонса. Изабелла и Фердинандъ мало по малу овладѣвали кастильскими крѣпостями, въ которыхъ Альфонсъ оставилъ гарнизоны при своемъ отъѣздѣ во Францію. Марія Сарміэнто геройски защищала осажденную кастильскимъ войскомъ крѣпость Торо, но была наконецъ принуждена сдать ее. Послѣ того другія крѣпости были быстро взяты кастильцами или сдались. Педро Авенданьо сдалъ Ковильясъ и Кастронуньо, послѣдніе замки, остававшіеся у португальцевъ въ Кастиліи. Послѣ того Альфонсъ уже не могъ надѣяться на успѣхъ войны, но продолжалъ ее. Наконецъ принужденъ былъ заключить миръ, по которому онъ и Іоанна отказались отъ всякихъ притязаній на кастильскій престолъ, а Изабелла возвратила всѣ титулы и имѣнья ихъ кастильскимъ приверженцамъ и признала за португальцами исключительное право плаванія въ Гвинею и въ Мина-до-Ouро. Этотъ договоръ былъ подписанъ 24 сентября 1479 въ Алькантарѣ. Альфонсъ развелся съ Іоанной, держалъ ее нѣсколько времени подъ стражей въ мѣстечкѣ Моурѣ; потомъ, въ ноябрѣ 1480, она постриглась въ монашество въ Сантаремскомъ монастырѣ Св. Клары. Ей было тогда только 17 лѣтъ. До самаго конца ея жизни Изабелла опасалась, что король португальскій можетъ воспользоваться ея именемъ, возобновить войну, и что многіе кастильцы возьмутся тогда за оружіе для возстановленія правъ Іоанны. Это опасеніе заставляло Изабеллу уклоняться отъ ссоръ съ королемъ португальскимъ.—Альфонсъ поручилъ заключеніе мира съ Изабеллой сыну, стыдясь лично заявить, что отказывается отъ кастильской короны. Іоаннъ разсчитывалъ, что португальская династія легче пріобрѣтетъ кастильскій престолъ мирнымъ путемъ: онъ женилъ своего сына на дочери--наслѣдницѣ Изабеллы. Но вскорѣ послѣ свадьбы сынъ Іоанна упалъ съ лошади и убился; его отнесли въ хижину рыбака, и онъ умеръ тамъ на соломенной постилкѣ.

Алькантарскій миръ.

Альфонсъ мучился стыдомъ, что не могъ пріобрѣсти кастильскую корону, удалился отъ общества, предоставилъ управленіе государствомъ сыну, сталъ строить монастырь на морскомъ берегу близъ Торресъ-Ведрасъ (неподалеку отъ Лиссабона), хотѣлъ поселиться тамъ. Но постройка еще не была кончена, когда онъ заболѣлъ и 28 августа 1481) умеръ въ Синтрѣ, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ родился. Онъ былъ человѣкъ чистой нравственности, образованный, краснорѣчивый, любезный въ обращеніи, но легкомысленный, увлекавшійся планами, исполненіе которыхъ превышало его силы. Щедрость его доходила до расточительности; вельможи любили его за нее; но народъ тяжко страдалъ отъ его войны съ Изабеллой.

Смерть Альфонса.

---

2. Іоаннъ II. Бартоломео Діасъ.

Іоаннъ II 1481—1495. Могущество вельможъ.

Характеристической чертой исторіи послѣднихъ десятилѣтій XV вѣка было на Пиренейскомъ полуостровѣ, какъ въ другихъ странахъ западной Европы, подавленіе феодальныхъ владѣтелей королями. Португальское королевство составилось изъ соединенія областей и городовъ, завоеванныхъ у арабовъ вельможами. Потомки завоевателей оставались феодальными государями, мало подчинявшимися королю и кортесамъ. Эти вельможи,

Ricos hombres, были такъ сильны, что король былъ принужденъ поддерживать ихъ покорность ему всяческими уступками. Кромѣ военной службы они не имѣли никакихъ обязанностей относительно короля, считали себя государями своихъ владѣній, сами назначали окружныхъ и городскихъ правителей въ нихъ, установляли налоги, были верховными судьями. Постановленія кортесовъ и королей, ограничивавшія власть ихъ, оставались безсильны въ особенности при Альфонсѣ V, щедрость котораго увеличила могущество вельможъ пожалованіемъ новыхъ владѣній.

Династія герцоговъ брагансскихъ.

Герцогъ брагансскій Фернано II пользовался большой благосклонностью короля Альфонса. Основатель брагансской династіи, Альфонсъ, побочный сынъ Іоанна I, женившійся на дочери-наслѣдницѣ коннетабля Нуно Альвареса Перейры, уже имѣлъ такія огромныя владѣнія, что былъ первымъ вельможей въ государствѣ. При его сынѣ, Фернано I, и внукѣ, Фернано II, владѣнія брагансской династіи еще болѣе расширились. Фернано II, наслѣдовавшій своему отцу въ 1478 году, былъ владѣтелемъ 50 городовъ и замковъ съ ихъ округами, огромныхъ лѣсовъ и луговъ; говорятъ, что онъ могъ выводить въ поле 3.000 всадниковъ и 10.000 человѣкъ пѣхоты. Могущественнѣйшіе изъ другихъ вельможескихъ фамилій были соединены родствомъ съ нимъ. Онъ женился на дочери инфанта Петра, другая дочь котораго была женою Іоанна, наслѣдника престола. Онъ былъ человѣкъ очень умный, пользовался полнымъ довѣріемъ Альфонса, такъ что король не предпринималъ никакого важнаго рѣшенія, не посовѣтовавшись съ нимъ.

Борьба Іоанна II съ вельможами.

Но наслѣдникъ престола завидовалъ могуществу герцога, находилъ, что оно опасно для королевской власти, обижался откровенностью и смѣлостью, съ какой герцогъ высказывалъ свои мнѣнія. Щедрой раздачей коронныхъ имѣній вельможамъ Альфонсъ уменьшилъ и доходы и силу короля. Іоаннъ, вступивъ на престолъ, хотѣлъ возстановить могущество королевской власти. Онъ считалъ необходимымъ для этого ограничить права вельможъ и возвратить коронѣ раздаренныя его отцомъ имѣнья. Это неизбѣжно повело Іоанна къ ссорѣ съ герцогомъ брагансскимъ, первымъ изъ королевскихъ вассаловъ (donatarios), и его братьями, между которыми отличался особенной гордостью маркизъ Монтеморъ. Ссора началась въ собраніи кортесовъ для присяги новому королю; оно происходило въ Эворѣ въ ноябрѣ 1481.

Пересмотръ привиллегій феодальныхъ владѣтелей.

Депутаты городовъ жаловались на несправедливость суда во владѣніяхъ вельможъ. Іоаннъ воспользовался этимъ, назначилъ коммиссію для пересмотра жалованныхъ граматъ, данныхъ вельможамъ прежними королями, и объявилъ, что отлагаетъ подтвержденіе этихъ граматъ до окончанія пересмотра ихъ. При Іоаннѣ I по закону, называвшемуся Lei mental, было постановлено, что лены королевскаго вассала (donatario) наслѣдуетъ безъ королевскаго утвержденія только старшій сынъ его, а если наслѣдникъ вассала не старшій сынъ его, то лены переходятъ къ этому наслѣднику только въ случаѣ особаго королевскаго согласія. Но опасаясь возбудить неудовольствіе вельможъ, короли не примѣняли этого закона къ дѣлу, потому лены стали считаться такимъ же потомственнымъ владѣніемъ, какъ родовыя имѣнія. Альфонсъ раздавалъ вельможамъ не только коронныя земли, но и королевскіе доходы. Іоаннъ хотѣлъ подвергнуть пересмотру и граматы о пожалованіи доходовъ. Кромѣ желанія увеличить королевскіе доходы, онъ хотѣлъ и расширить права королевской власти; потому юристы, которымъ былъ порученъ пересмотръ жалованныхъ граматъ, должны были, по приказанію короля, строго разсмотрѣть, правильно ли пользовались вассалы своей судебной властью. Коммиссія этихъ юристовъ должна была также подвергнуть пересмотру жалованныя граматы, данныя прелатамъ и городамъ.

Герцогъ брагансскій и его братья рѣшили воспротивиться уменьшенію

своихъ владѣній и правъ и вступили въ тайные переговоры съ Изабеллой. Нашлись предатели, увѣдомившіе объ этомъ короля. Онъ рѣшился уничтожить могущество брагансской династіи. Ея сношенія съ Изабеллой могли служить оправданіемъ суровыхъ мѣръ противъ нея. Готовясь къ нимъ, король держалъ себя такъ, чтобы не возбудить въ герцогѣ и его братьяхъ никакихъ подозрѣній, выказывалъ герцогу довѣріе, обращался съ нимъ любезно, пригласилъ его въ Эвору на свиданье, обѣщаясь покончить всѣ несогласія съ нимъ. Герцогъ пріѣхалъ; король долго разговаривалъ съ нимъ; но когда онъ шелъ изъ дворца, то былъ арестованъ. Король велѣлъ объявить, что онъ взятъ подъ стражу, какъ измѣнникъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ король велѣлъ своимъ войскамъ занять города и замки герцога. Нападеніе было неожиданно и не встрѣтило сопротивленія. Братья герцога бѣжали; одинъ изъ нихъ, графъ Фаро, умеръ вскорѣ послѣ того въ Андалузіи; другой братъ, маркизъ Монтеморъ, нашелъ пріютъ себѣ въ Кастиліи, куда пріѣхала и герцогиня съ дѣтьми. Братъ ея и королевы, герцогъ визеускій, тоже былъ обвиненъ въ измѣнѣ, но помилованъ королемъ. Герцогъ брагансскій былъ преданъ суду, составленному изъ юристовъ и вельможъ. Король обвинялъ его въ непокорности и измѣнѣ. Процессъ длился двадцать два дня. Герцогъ былъ приговоренъ къ смерти; всѣ его владѣнія, не только лены, но и родовыя имѣнья были конфискованы. Король велъ дѣло быстро: герцогъ былъ арестованъ въ маѣ 1483, а 20 іюня казненъ, (въ Эворѣ). Онъ умеръ съ мужественной покорностью судьбѣ. Маркизъ Монтеморъ былъ объявленъ осужденнымъ на смерть. Онъ недолго пережилъ паденіе своей династіи.

Казнь герцога брагансскаго.

Казни другихъ вельможъ.

Друзья герцога брагансскаго и нѣкоторые другіе вельможи, въ томъ числѣ Гарсія де Менезесъ, епископъ эворскій,—составили заговоръ убить короля и назначить регентомъ герцога визеускаго. Онъ согласился на ихъ предложеніе передать ему власть. Король узналъ о заговорѣ и пригласилъ къ себѣ въ Сетуваль герцога визеускаго. Не предполагая, что король знаетъ о заговорѣ, герцогъ пріѣхалъ. Когда онъ пришелъ во дворецъ, король вонзилъ ему въ грудь кинжалъ (22 августа 1484). На другой день тѣло убитаго было выставлено въ гробѣ на носилкахъ, драпированныхъ въ трауръ. Владѣнія убитаго король передалъ его брату Мануэлю, котораго назначилъ наслѣдникомъ престола въ томъ случаѣ, если самъ не будетъ имѣть сыновей. Но титулъ герцога визеускаго онъ уничтожилъ и далъ Мануэлю титулъ герцога бежскаго (Beja). Заколовъ герцога визеускаго, король велѣлъ арестовать другихъ заговорщиковъ. Двое изъ арестованныхъ, епископъ эворскій и Гутіэрресъ Коутиньо, умерли въ темницѣ; молва говорила, что они были отравлены. Братъ епископа Фернано Менезесъ, Педро д'Атаиде и Педро д'Альбукерке были казнены въ Сетувалѣ. Графъ Пенамокоръ, Альваро д'Атаиде и Фернано да Сильвейра спаслись бѣгствомъ въ Кастилію. По требованію короля Изабелла велѣла Сильвейрѣ уѣхать изъ Кастиліи. Онъ поѣхалъ во Францію и черезъ нѣсколько времени былъ убитъ въ Авиніонѣ каталонцемъ, котораго Іоаннъ подкупилъ сдѣлать это. Іоаннъ полагалъ, что Изабелла знала о заговорѣ; онъ и прежде ссорился съ нею; теперь былъ раздраженъ противъ нея такъ, что дѣло едва не дошло до войны. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ ссора была кончена трактатомъ, заключеннымъ въ Тордесильясѣ 7 іюня 1494. Кромѣ личныхъ неудовольствій Альфонса противъ Изабеллы ссора шла и о государственныхъ дѣлахъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ вопросъ о томъ, кому должны принадлежать права на вновь открытыя земли и острова. Это было рѣшено разграниченіемъ земного шара по двумъ меридіанамъ; было постановлено, что всѣ земли и острова, какіе будутъ открыты между 21 и 180 градусами западной долготы отъ Зеленаго мыса, бу-

Ссора съ Изабеллой.

дутъ принадлежать Испаніи, а всѣ земли и острова за этими предѣлами —Португаліи.

Преслѣдованіе евреевъ.

Іоаннъ II держался тѣхъ же политическихъ правилъ, какъ Людовикъ XI. Съ его именемъ соединены мрачныя воспоминанія. Въ 1492 году онъ дозволилъ перейдти въ Португалію евреямъ, изгоняемымъ изъ Испаніи, но только тѣмъ, которые заплатятъ опредѣленную довольно большую пошлину за пропускъ черезъ границу, и только подъ тѣмъ условіемъ, что они въ продолженіе восьми мѣсяцевъ отплывутъ изъ Португаліи въ какія нибудь другія земли. Когда прошелъ этотъ срокъ, Іоаннъ взялъ въ рабство всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые еще не уѣхали изъ Португаліи. Тѣ, которые уплыли, подверглись вѣроломному преслѣдованію: Іоаннъ послалъ въ погоню за ними корабли, велѣлъ отбирать у нихъ все имущество и продавать ихъ въ рабство маврамъ. Онъ хотѣлъ предпринять экспедицію для завоеваній въ Мавританіи и сдѣлалъ ее предлогомъ для того, чтобъ обложить податью церковныя имѣнья. Папа предоставилъ ему это право, объявивъ его экспедицію крестовымъ походомъ, а онъ дозволилъ папѣ обнародывать въ Португаліи буллы безъ особаго разрѣшенія королевской канцеляріи, которое прежде было необходимо для каждой буллы.

Смерть наслѣдника престола.

Іоаннъ II имѣлъ много удачъ: обогатилъ королевскую казну, подавилъ самостоятельность вельможъ, принудилъ Изабеллу быть внимательной къ его требованіямъ. Онъ хотѣлъ доставить своей династіи новый блескъ, женивъ своего старшаго сына Альфонса на дочери Изабеллы и Фердинанда, имѣвшей одинаковое имя съ матерью. Онъ устроилъ свадьбу съ такимъ великолѣпіемъ, котораго еще не было видано на Пиренейскомъ полуостровѣ. По всѣмъ торговымъ городамъ Франціи, Фландріи, Италіи онъ покупалъ дорогія ткани, ковры, мѣха, серебряныя и золотыя вещи, драгоцѣнные камни. Въ ноябрѣ 1490 въ Эворѣ начались праздники. Нѣсколько недѣль длились тамъ балы, маскарады, турниры, театральныя сраженія на водѣ, бои быковъ. Послѣ пасхи дворъ отправился въ Сантаремъ, и начались новые праздники. Но во время ихъ произошло несчастіе: 21 іюля (1491 года) Альфонсъ ѣхалъ верхомъ по берегу Тахо: лошадь упала и онъ разбился такъ, что умеръ. Молодая супруга его возвратилась въ Кастилію, хотѣла постричься въ монахини, согласилась потомъ выйдти за Эммануэля (преемника Іоанна) и умерла при рожденіи перваго ребенка (въ 1498 году).

Смерть Іоанна II. Характеръ его.

По смерти сына Іоаннъ остался печаленъ до конца жизни. Онъ по цѣлымъ недѣлямъ проводилъ одиноко въ отдаленномъ замкѣ. Онъ хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ престола своего побочнаго сына Георгія; изъ этого возникла у него ссора съ женой, защищавшей права своего брата, который былъ раньше того объявленъ наслѣдникомъ престола въ томъ случаѣ, если не будетъ у Іоанна сыновей. Здоровье короля стало ослабѣвать; молва говорила, что это происходитъ отъ дѣйствія яда, который былъ данъ ему въ прежнее время. Осенью 1495 онъ поѣхалъ на минеральныя воды въ Мончике (въ Альгарвіи), но на пути туда умеръ 25 октября въ Альворѣ.

—Іоаннъ II имѣлъ величественную наружность, и хотя былъ не очень высокаго роста, отличался большой физической силой, блисталъ рыцарскимъ искусствомъ на турнирахъ. Онъ любилъ великолѣпіе и самъ одѣвался богато; онъ считалъ это полезнымъ для возвышенія королевской власти. Португальскій лѣтописецъ Пина говоритъ: „Казалось, Іоаннъ забывалъ, что онъ человѣкъ, и хотѣлъ непрерывно напоминать всѣмъ, что онъ король“. Онъ былъ очень гордъ и властолюбивъ, постоянно думалъ объ увеличеніи королевскихъ доходовъ и о расширеніи государства; онъ всячески старался пріобрѣтать имѣнья въ собственность короны и былъ очень скупъ на раздачу ихъ; тѣ немногія, какія давалъ въ награду вельможамъ, онъ предоставлялъ имъ только въ пожизненное владѣніе и притомъ удерживалъ за

собою административную и судебную власть въ нихъ. Онъ былъ строгимъ судьей. Понимая пользу знаній для государства, онъ покровительствовалъ наукѣ; переписка его съ Анджело Полиціано показываетъ, что онъ очень заботился о развитіи изученія классической литературы. Айресъ Барбоза, ученикъ Полиціано, и другіе гуманисты, бывшіе профессорами латинской и греческой литературы въ саламанкскомъ университетѣ, пользовались его покровительствомъ. Человѣкъ умный, онъ поручалъ дѣла людямъ способнымъ хорошо исполнять ихъ. Это мы видимъ по успѣшности экспедицій, которыя отправлялъ онъ для открытій. Онъ съ блистательнымъ успѣхомъ продолжалъ дѣло, начатое Генрихомъ Мореплавателемъ; это составляетъ лучшую сторону его правленія.

Экспедиціи къ берегу Гвинеи.

Немедленно по вступленіи на престолъ Іоаннъ энергически занялся расширеніемъ открытій по западному берегу Африки. Чтобъ увеличить торговлю съ Гвинеей, доставлявшую португальцамъ много золота, слоновой кости и рабовъ, онъ нашелъ надобнымъ построить тамъ фортъ. Въ декабрѣ 1481 онъ отправилъ изъ лиссабонской гавани десять каравеллъ подъ начальствомъ Діого Азамбужи; при этихъ военныхъ корабляхъ плыли два траспортные съ матеріалами для постройки и съѣстными припасами; на нихъ находились 100 мастеровыхъ и 500 воиновъ. Однимъ изъ помощниковъ Азамбужи былъ Педро де Синтра, тотъ морякъ, который открылъ берегъ Сіэрра Леоне. Азамбужа вышелъ на землю близъ негритянскаго селенія, велѣлъ повѣсить на деревѣ португальскій флагъ и отслужить молебствіе. Владѣтелемъ берега, на которомъ высадились португальцы, былъ Караманса. Они потребовали, чтобъ онъ уступилъ имъ мѣсто для постройки укрѣпленія, и принялъ христіанство. Онъ отвѣчалъ, что можно вести торговлю безъ этого; ему сказали, что если онъ не отдастъ добровольно клочокъ земли для укрѣпленія, то у него возьмутъ силой; онъ покорился необходимости, но предупреждалъ португальцевъ, что если они будутъ обижать его народъ, то всѣ уйдутъ съ берега, потому что неграмъ легко устроить себѣ поселеніе на всякомъ мѣстѣ, гдѣ найдутся вѣтви съ листьями, чтобы сплести жилища изъ нихъ. Португальцы построили укрѣпленіе. Король назвалъ его фортомъ Георгія (San Jorge da Mina). Азамбужа остался въ немъ съ отрядомъ 60 человѣкъ. Поселеніе быстро увеличивалось, стало довольно большимъ городомъ; онъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ плаваній. Траспортныя суда были оба потоплены Азамбужей, говорившимъ, что они не могутъ плыть обратно въ Португалію противъ морскаго теченія. Вѣроятно они могли бы плыть обратно, но Іоаннъ велѣлъ говорить такъ, какъ надобно было по его мнѣнію, чтобы моряки другихъ народовъ не рѣшились плавать къ берегу Гвинеи; онъ хотѣлъ внушить имъ, что только каравеллы португальской постройки могутъ совершать это плаваніе. Онъ принялъ титулъ владѣтеля Гвинеи (Senhor de Guine) и велѣлъ при дальнѣйшихъ открытіяхъ ставить по берегамъ каменные столбы съ королевскимъ гербомъ, надписью на португальскомъ и латинскомъ языкахъ и съ каменнымъ крестомъ вверху.

Открытіе устья Конго.

Первые такіе столбы поставилъ Діого Кано. Онъ поплылъ изъ форта Георгія на югъ и скоро увидѣлъ устье большой рѣки, которую туземцы называли Заире; а португальцы впослѣдствіи стали называть Конго. Въ этомъ плаваніи участвовалъ нюрнбергскій патрицій, знаменитый космографъ Мартинъ Бегаймъ.

Мартинъ Бегаймъ.

Мартинъ Бегаймъ, родившійся около 1459 года, съ молодости занимался астрономіей, астрологіей, географіей. Около 1480 года онъ поѣхалъ по торговымъ дѣламъ во Фландрію; оттуда съ нидерландскими колонистами поплылъ на Азорскіе острова и въ 1486

году женился на дочери Гуртера, владѣтеля острова Фаяля. Въ 1491 году онъ ѣздилъ на родину и сдѣлалъ въ Нюрнбергѣ глобусъ, потомъ поселился въ Лиссабонѣ и умеръ тамъ въ бѣдности 29 іюля 1506, почти въ одно время съ Колумбомъ, съ которымъ былъ знакомъ.

Бенинъ 1484.

Діого Кано услышалъ, что въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ берега живетъ царь большого государства, и отправилъ къ нему пословъ; они долго не возвращались; Кано, не дождавшись ихъ, взялъ въ заложники четырехъ негровъ и уплылъ. Возвратившись черезъ годъ, онъ нашелъ своихъ пословъ на берегу, освободилъ заложниковъ и отправилъ къ негритянскому царю посольство съ подарками, присланными ему португальскимъ королемъ. Этотъ царь, государство котораго называлось Конго, вступилъ въ сношенія съ португальцами и выразилъ желаніе, чтобы въ его царствѣ проповѣдывалось христіанство. Такое же желаніе высказалъ царь бенинскій. Іоаннъ послалъ къ нимъ миссіонеровъ, но цари обманывали увѣреніями въ расположеніи своихъ подданныхъ къ принятію христіанства. Миссіонеры имѣли мало успѣха. Жоано Авейро ѣздилъ съ бенинскаго прибрежья въ глубину страны, нашелъ тамъ африканскій перецъ, который впрочемъ оказался хуже азіатскаго. Въ 1486 году Діого Кано доплылъ вдоль африканскаго берега до 22 градуса южной широты и, по возвращеніи, былъ принятъ королемъ съ почетомъ.

Мысъ Доброй Надежды.

Авейро слышалъ отъ бенинскаго царя, что въ 250 лигахъ на востокъ находится сильное царство, владѣтель котораго пользуется въ Африкѣ такимъ же уваженіемъ, какъ папа въ Европѣ. Король Іоаннъ учредилъ ученое общество для составленія астрономическихъ таблицъ, по которымъ было бы можно опредѣлять градусы широты не только въ сѣверномъ, но и въ южномъ полушаріи. Предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ епископъ Діого Ортизъ, членами ея были Мартинъ Бегаймъ, королевскіе врачи Родриго и еврей Іосифъ и, кажется, рабби Абраамъ Закутъ, астрономъ. Король велѣлъ приготовить инструменты и карты для кораблей, которые поплывутъ на югъ, и поручилъ начальство надъ этой экспедиціей Бартоломео Діасу, участвовавшему въ экспедиціи Азамбужи. Эскадра состояла изъ двухъ каравеллъ и транспортнаго корабля. Одной каравеллой правилъ самъ Діасъ, начальникомъ другой былъ Жоано Инфанте. Эскадра отплыла изъ Португаліи въ августѣ 1486. Проплывъ за устье Конго, Діасъ часто приставалъ къ берегу и выходилъ на него съ неграми и негритянками, выучившимися въ Лиссабонѣ португальскому языку; черезъ нихъ онъ получалъ свѣдѣнія о тѣхъ мѣстностяхъ. Экспедиція обогнула мысъ Вольтасъ, плыла вдоль берега на югъ до залива Елены; Діасъ назвалъ его бухтой лавировки, потому что противный вѣтеръ заставилъ корабли долго лавировать близъ него. Эскадра направилась наконецъ вдаль отъ берега и была захвачена бурей, которая несла корабли три дня. Моряки замѣтили, что вода стала прохладнѣй. Они полагали, что берегъ Африки находится налѣво отъ нихъ и поплыли къ востоку; но берегъ не показывался, и моряки съ восторгомъ поняли, что обогнули южный конецъ Африки. Они направились къ сѣверу и скоро приплыли къ бухтѣ, по берегу которой паслись большія стада; они назвали ее бухтой пастуховъ (это бухта Альгоа). Берегъ шелъ отъ нея въ восточномъ направленіи. Португальцы совершенно убѣдились теперь, что они дѣйствительно обогнули южный конецъ Африки. Они поплыли дальше и скоро увидѣли небольшой островъ. Они назвали его островомъ Св. Креста (Santa Cruz). Діасъ желалъ плыть дальше, но его спутники требовали возвращенія. Онъ убѣдилъ ихъ плыть впередъ еще три дня, но они видѣли все только африканскій берегъ и рѣшительно отказались плыть дальше. Они повернули назадъ и скоро приплыли къ большому мысу, котораго не видѣли, когда плыли впередъ; тамъ встрѣтили они сильныя бури, потому Діасъ назвалъ его Бурнымъ мысомъ, Cabo Tormentoso; но король Іоаннъ, проникнутый надеждой, что теперь найденъ путь въ Индію, назвалъ его мысомъ Доброй Надежды. Послѣ плаванія, продолжавшагося 16 мѣсяцевъ и 17 дней, Діасъ въ декабрѣ 1487 года возвратился въ Португалію.

На этомъ остановились открытія, сдѣланныя въ царствованіе Іоанна II. Онъ послалъ миссіонеровъ проповѣдывать христіанство въ Конго и Сенегамбіи. Проповѣдь ихъ имѣла мало успѣха, но они сообщали извѣстія о земляхъ, находящихся вдали отъ моря; и торговцы проникали туда. Іоаннъ хотѣлъ расширить географическія свѣдѣнія и о восточной сторонѣ Африки. Въ 1487 году Альфонсо Пайва и Перо Кавильяно отправились, по порученію короля, черезъ Іерусалимъ къ абиссинскому царю; въ западной Европѣ было предположеніе, что онъ тотъ царь-священникъ Іоаннъ, о которомъ разсказывали средневѣковыя преданія. Послы португальскаго короля везли отъ него письмо къ абиссинскому царю. Въ Аденѣ они простились, Пайва поѣхалъ въ Абиссинію, а Кавильяно въ Индію, посѣтилъ города Каканоръ, Каликутъ, Гою, потомъ съ арабскими купцами поѣхалъ по восточному берегу Африки до Софалы, услышалъ тамъ о большомъ островѣ Мадагаскарѣ. Онъ поѣхалъ обратно черезъ Каиръ, узналъ тамъ, что Пайва умеръ. Король прислалъ къ нему двухъ евреевъ съ письмомъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Абиссинію. Съ однимъ изъ этихъ евреевъ онъ послалъ королю отчетъ о своихъ открытіяхъ, потомъ поѣхалъ Краснымъ моремъ въ Абиссинію. Царь принялъ его хорошо, но задержалъ при себѣ. Въ 1520 году португальскіе корабли приплыли кругомъ Африки въ Красное море. Начальникъ этой экспедиціи вступилъ въ сношенія съ абиссинскимъ царемъ. Кавильяно былъ тогда еще живъ, и царь обращался съ нимъ хорошо.

II. ИСПАНІЯ. ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

1. Кастилія.

Іоаннъ II 1406—1454.

Въ XV вѣкѣ королевская власть стала подавлять феодальныхъ владѣтелей и въ испанскихъ государствахъ. Іоаннъ II, до царствованія котораго былъ доведенъ въ VIII томѣ нашъ разсказъ объ исторіи Кастиліи, остался и по достиженіи совершеннолѣтія человѣкомъ, не имѣющимъ самостоятельности. Дѣйствіями его управляли фавориты. Сильнѣйшимъ изъ нихъ былъ Альваро де Луна, гросмейстеръ сантіагскаго ордена, коннетабль Кастиліи, Альваро Луна. побочный сынъ арагонскаго вельможи. Онъ изворотливостью характера и умомъ пріобрѣлъ такое вліяніе на Іоанна, что тридцать лѣтъ управлялъ кастильскимъ королевствомъ; король безусловно слѣдовалъ во всемъ его мнѣнію. Дворъ его былъ великолѣпнѣе королевскаго. Храбрый рыцарь, ловкій и любезный свѣтскій человѣкъ, онъ былъ покровителемъ ученыхъ и поэтовъ, но безпощадно подавлялъ всякое сопротивленіе его самовластію; вельможи ненавидѣли его; но король, интересовавшійся только веселостями и чувственными наслажденіями, не занимался дѣлами и предоставилъ своему любимцу полную волю хозяйничать въ государствѣ, какъ хочетъ. Власть Альваро де Луны надъ Іоанномъ была такъ безгранична, что народъ приписывалъ ее чародѣйству.

Вельможи дѣлали непрерывныя попытки низвергнуть Альваро де Луну. Кастилія волновалась раздорами, они доходили временами до междоусоб-

Подавленіе самостоятельности феодальныхъ владѣтелей.

ной войны. Въ одной изъ нихъ сынъ короля, наслѣдникъ престола, былъ главою инсургентовъ; они принудили короля удалить Альваро, но скоро онъ возвратился ко двору и снова сталъ править государствомъ. Многихъ вельможъ онъ подкупилъ пожалованіями имѣній и денегъ, другихъ запугалъ казнями. Онъ подавлялъ и самостоятельность городовъ. Городскіе депутаты пріобрѣли, какъ мы говорили, очень сильное вліяніе въ собраніяхъ кортесовъ. Города были соединены союзами между собой, имѣли вооруженные отряды, называвшіеся германдадами. Альваро де Луна поставилъ своею цѣлью подавленіе кортесовъ, введеніе неограниченнаго монархическаго устройства. Успѣхъ его былъ облегченъ непредусмотрительной бережливостью городскихъ правительствъ. Какъ въ Англіи, многіе города въ Кастиліи жалѣли расходовъ на отправленіе депутатовъ въ кортесы; потому Альваро безъ труда отнялъ у большинства городовъ право посылать депутатовъ въ кортесы; оно было оставлено только большимъ городамъ. Прежде въ составѣ королевскаго совѣта находились уполномоченные кортесовъ; Альваро рѣже и рѣже приглашалъ ихъ въ засѣданія совѣта.

Покровительство наукѣ.

Лучшею стороною царствованія Іоанна II было то, что онъ и Альваро покровительствовали искусству, литературѣ, наукѣ. Кастильскіе вельможи, занимавшіеся прежде только войной и охотой, увлеклись общимъ направленіемъ того времени, стали интересоваться поэзіей и наукой. Маркизъ Вильена и маркизъ Сантильяна принадлежатъ къ лучшимъ поэтамъ эпохи возрожденія. Вельможей былъ и третій замѣчательный кастильскій поэтъ того времени, Хуанъ Мена.

Казнь Альваро Луны.

Альваро убѣдилъ вдовца короля жениться на Изабеллѣ, инфантѣ португальской, надѣясь, что она будетъ поддерживать его вліяніе. Но Изабелла была женщина гордая, хотѣла сама владычествовать надъ всѣмъ въ государствѣ, и, по ея внушенію, король въ 1453 году предалъ своего прежняго друга суду трибунала, составленнаго изъ его враговъ. Альваро былъ осужденъ на смертную казнь и съ мужественнымъ спокойствіемъ положилъ голову на плаху. Новые любимцы, внушеніямъ которыхъ слѣдовали король и владычествовавшая надъ мужемъ королева, были такими же алчными деспотами какъ Альваро, но не имѣли его правительственныхъ талантовъ. Іоаннъ II умеръ 21 іюля 1454, черезъ годъ послѣ казни Альваро.

Генрихъ IV 1454—1469.

Народъ радовался при восшествіи на престолъ его сына, Генриха IV, предполагая въ новомъ королѣ качества, которыми будетъ дано счастье государству. Но эта надежда оказалась ошибочной. Генрихъ IV былъ до расточительности щедръ къ вельможамъ. Онъ составилъ себѣ изъ молодыхъ людей знатнаго сословія отрядъ тѣлохранителей, въ которомъ считалось 3.600 человѣкъ; содержаніе этого блестящаго войска стоило огромныхъ расходовъ. Увлекаясь рыцарскимъ духомъ, онъ каждый годъ ходилъ на войну съ невѣрными, жегъ ихъ селенія, но не достигалъ никакихъ прочныхъ успѣховъ; война безполезно изнуряла кастильскій народъ. Въ началѣ царствованія Генриха называли щедрымъ, черезъ нѣсколько времени стали называть слабымъ.

Придворная жизнь.

Генрихъ IV подражалъ кастильскимъ королямъ старыхъ временъ не тѣмъ однимъ, что хотѣлъ повторять ихъ рыцарскіе подвиги. Дворъ его былъ устроенъ по ихъ примѣру; вельможи и дамы веселились, любезничали на непрерывныхъ праздникахъ во дворцѣ. Генрихъ развелся съ Бланкой Арагонской подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ не родится дѣтей, и въ 1455 году женился на сестрѣ короля португальскаго, Іоаннѣ, красавицѣ, любившей пышность и веселье. Скоро молва стала говорить, что королева живетъ въ связи съ молодымъ красавцемъ Бельтраномъ Куэвой; король не огорчался этимъ, имѣя множество любовницъ. Въ 1462 году королева родила дочь, названную по ея имени Іоанной. Въ придворномъ

кругу говорили, что король, истощившій свои силы развратомъ, не былъ отцомъ этой дѣвочки, что она дочь Бельтрана; ее называли Beltraneja (дочь Бельтрана). Но Генрихъ призналъ ее своей дочерью и объявилъ наслѣдницей престола. Мы уже говорили, что послѣдствіемъ этого была продолжительная война.

Междоусобіе.

Кастильянцы привыкли къ тѣмъ скандаламъ, какіе происходили при королевскомъ дворѣ, и вѣроятно, сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли отецъ наслѣдницы престола король, не повело бы къ мятежамъ, если бы Генрихъ IV не подавалъ другихъ причинъ къ возстаніямъ. Все то, что было дурного при его отцѣ, продолжалось при немъ, и развивались новыя бѣдствія отъ безхарактерности и беззаботности короля. Расточительность привела Генриха къ тому, что онъ чеканилъ дурную монету, отнималъ земли у городовъ; нѣкоторые вельможи сдѣлали свои замки вертепами разбойниковъ, грабили проѣзжихъ, захватывали сосѣднихъ поселянъ и продавали ихъ въ рабство гранадскимъ мусульманамъ. Все высшее общество было недовольно тѣмъ, что король окружилъ себя людьми низкаго происхожденія и порочной жизни. Образовалась сильная оппозиція, вождями которой были Пачеко, маркизъ Вильена, человѣкъ отважный, очень богатый, и его дядя архіепископъ толедскій, властолюбивый интриганъ. Генрихъ поѣхалъ съ блестящей свитой на свиданье съ Людовикомъ XI; ему показалось, что Вильена и архіепископъ толедскій были подкуплены на этомъ свиданіи королемъ французскимъ. Онъ удалилъ ихъ изъ правительственнаго совѣта. Они заключили союзъ съ другими вельможами, обнародовали записку, въ которой требовали отъ короля отмѣны дурныхъ и противозаконныхъ распоряженій, и ждали случая отмстить ему.

Провозглашеніе Альфонса королемъ кастильскимъ.

Въ разсказѣ объ исторіи Португаліи мы говорили о войнѣ, бывшей послѣдствіемъ того, что Генрихъ объявилъ Іоанну наслѣдницей престола. Вельможи, враждебные Генриху, хотѣли низвергнуть Бельтрана Куэву, господствовавшаго надъ безхарактернымъ Генрихомъ, хотѣли низложить и самого Генриха, возвести на престолъ его брата Альфонса, 11-лѣтняго ребенка. Генрихъ дѣйствовалъ робко; они ободрились, собрались на полѣ у города Авилы и тамъ 5 іюня 1465 совершили обрядъ низложенія Генриха. На эстрадѣ стоялъ престолъ; на немъ сидѣла большая кукла, изображавшая Генриха; на ней была корона Алонсо Карильо; архіепископъ толедскій снялъ съ этого изображенія Генриха корону; Альваро Суньига, графъ Пласенсія взялъ у этой фигуры шпагу; Родриго Пигментель, графъ Бенавенте, взялъ у нея скипетръ, Діего Лопесъ Эстуньига столкнулъ ее съ престола, и собраніе вельможъ провозгласило королемъ Альфонса. Населеніе государства распалось на двѣ партіи. Бургосъ, Толедо, Кордова, Севилья и большинство населенія южныхъ областей было на сторонѣ инсургентовъ; на сѣверѣ преобладали приверженцы Генриха, вождями которыхъ были маркизъ Сантильяна, глава могущественной фамиліи Мендосъ и графъ Гаро; собрались войска, готова была вспыхнуть междоусобная война, но Генрихъ оробѣлъ и согласился на условія мира, которыя предложилъ ему маркизъ Вильена.

Изабелла.

Король имѣлъ сестру Изабеллу, которой было теперь 15 лѣтъ. Она жила съ матерью въ небольшомъ городѣ Альваро, была воспитана матерью въ правилахъ скромности, поэтому пользовалась уваженіемъ; она была умна, хороша собой, граціозна, у нея было много жениховъ. Къ числу ихъ принадлежалъ братъ маркиза Вильены, Педро Хиронъ, гросмейстеръ калатравскаго ордена, человѣкъ горячаго характера и порочной жизни. Генрихъ желалъ, чтобъ Изабелла вышла за него, надѣясь при его посредствѣ примириться съ Вильеной. Рыцари калатравскаго ордена давали обѣтъ безбрачія; король просилъ папу освободить Хирона, отъ этого обѣта. Папа

согласился исполнить желаніе короля. Но Изабелла твердо противилась требованію брата выйдти за Хирона, и черезъ нѣсколько времени ненавистный ей женихъ умеръ (въ 1466 году). Смерть его была внезапная, и молва приписывала ее отравѣ.

Смерть Альфонса.

По смерти Хирона прекратились переговоры инсургентовъ съ королемъ, и въ 1467 году началась война. Генрихъ былъ такимъ же ничтожнымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, какъ ребенокъ Альфонсъ; отъ имени короля правилъ дѣлами его партіи Бельтранъ Куэва, имѣвшій теперь титулъ герцога Альвукерке. Дѣйствіями инсургентовъ управлялъ архіепископъ толедскій. Войска сошлись на равнинѣ близъ Ольмедо. Архіепископъ толедскій въ пурпурной мантіи съ бѣлымъ крестомъ посверхъ латъ ѣздилъ по рядамъ своего войска; его сопровождалъ 14 лѣтній Альфонсъ въ желѣзномъ панцырѣ. Битва была упорна, исходъ ея остался нерѣшительный. Междоусобіе продолжалось. Альфонсъ внезапно умеръ 5 іюля 1468 года, по однимъ извѣстіямъ отъ заразы, по другимъ отъ яда. Смерть его мало измѣнила положеніе дѣлъ; инсургенты рѣшили провозгласить королевой Изабеллу, уѣхавшую отъ старшаго брата къ Альфонсу; но она твердо отказалась нарушить права Генриха. При ея посредничествѣ былъ 5 сентября 1468 заключенъ въ Торосѣ договоръ, по которому Генрихъ призналъ Изабеллу наслѣдницей престола. Кортесы утвердили это рѣшеніе короля. Однимъ изъ условій договора было то, что Генрихъ не будетъ принуждать Изабеллу выйдти за жениха, который не нравился бы ей, и что она не выйдетъ замужъ безъ согласія брата. Генрихъ заключилъ миръ только для того, чтобъ инсургенты распустили свои войска. Онъ хотѣлъ, выждавъ благопріятныхъ обстоятельствъ, отнять у Изабеллы наслѣдство престола, снова объявить своей наслѣдницей Іоанну, потому что любилъ ее какъ родную дочь. И у нея, какъ у Изабеллы, было много жениховъ, Каждый имѣлъ разсчетъ пріобрѣсти испанскую корону съ рукою той инфанты, которую сваталъ. Въ Англіи, Франціи, Арагоніи полагали, что наслѣдство престола останется за Изабеллой, и женихи изъ этихъ государствъ просили ея руки; король португальскій, какъ мы говорили, надѣялся, что пріобрѣтетъ кастильскую корону, женившись на Іоаннѣ, и сталъ ея женихомъ.

Обрученіе Изабеллы съ Фердинандомъ арагонскимъ.

Изабелла предпочла другимъ своимъ женихамъ Фердинанда, наслѣдника арагонской короны, о которомъ слышала много хорошаго. Фердинандъ, уже имѣвшій тогда титулъ короля сицилійскаго, подписалъ 7 января 1469 брачный договоръ, по которому обѣщался соблюдать кастильскіе законы, жить въ Кастиліи, не назначать ни на какія должности и не дѣлать никакихъ распоряженій въ этомъ королевствѣ безъ согласія Изабеллы, согласился на то, что правительственные акты должны быть подписываемы не имъ однимъ, а также и ею. Такимъ образомъ Кастилія должна была оставаться государствомъ отдѣльнымъ отъ Арагоніи

Бракосочетаніе.

Этотъ самовольный поступокъ Изабеллы не понравился Генриху. Онъ сказалъ, что Изабелла нарушила договоръ, и считалъ себя уже необязаннымъ соблюдать свое обѣщаніе. Онъ склонилъ на свою сторону маркиза Вильену, разстроилъ коалицію вельможъ и хотѣлъ арестовать Изабеллу, держать ее подъ стражей. Но адмиралъ Генрикесъ и архіепископъ толедскій увезли инфанту въ Вальядолидъ и поручили охраненію гражданъ, преданныхъ ей; туда пріѣхалъ женихъ, пробравшійся черезъ кастильскія области въ одеждѣ слуги. Между Изабеллой и Фердинандомъ было родство, дѣлавшее необходимой для брака папскую диспенсацію; Изабелла желала дождаться ея; но терять времени было нельзя; Фердинандъ и друзья Изабеллы обманули ее подложной буллой, и 19 октября 1469 она повѣнчалась съ Фердинандомъ. Свадьба не сопровождалась роскошными праздниками, потому что ни у Фердинанда, ни у Изабеллы не было тогда

средствъ на это; у нихъ едва доставало денегъ на содержаніе ихъ маленькаго двора.

Фердинанду было тогда 18 лѣтъ. Цвѣтъ лица его былъ свѣжій, хотя нѣсколько загорѣлый отъ солнца, говоритъ Прескоттъ. Глаза у него были выразительные, лобъ широкій. Онъ имѣлъ отъ природы крѣпкое тѣлосложеніе, и военныя упражненія развили въ немъ силу; онъ блисталъ искусствомъ въ рыцарскихъ играхъ, которыя очень любилъ. Онъ говорилъ краснорѣчиво; голосъ у него былъ нѣсколько рѣзкій, но когда было надобно, онъ умѣлъ придавать своимъ словамъ мягкій льстивый тонъ. Онъ былъ очень умѣренъ въ пищѣ и питьѣ и такъ дѣятеленъ, что говорили: отдыхомъ ему служатъ занятіе.

Изабелла была годомъ старше Фердинанда, ростъ ея былъ нѣсколько выше средняго, цвѣтъ лица бѣлый; волоса ея были свѣтлокаштановые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, въ кроткихъ голубыхъ глазахъ свѣтился умъ; она была оченъ хороша собой; одинъ изъ вельможъ ея двора говоритъ: «Изабелла была самой красивой изъ всѣхъ женщинъ, какихъ я видѣлъ». Она держала себя съ достоинствомъ, но была скромна до застѣнчивости; она говорила чрезвычайно изящнымъ языкомъ, съ молодости любила серьезныя книги, была гораздо образованнѣе Фердинанда, учившагося плохо. Сравнительно съ Изабеллой Фердинандъ былъ человѣкъ пошлый. Она дѣйствовала по величественнымъ мотивамъ, была тверда въ своихъ намѣреніяхъ, и упрекать ее можно только въ суровости, а никакъ не въ слабости. Фердинандъ былъ трусливъ, велъ безнравственную жизнь, не имѣлъ никакихъ нравственныхъ правилъ. Онъ считался первымъ мастеромъ своего времени въ тогдашней коварной политикѣ. Макіавелли въ своей книгѣ «Государь» выставляетъ его образцомъ для государей, желающихъ увеличить свою власть. Фердинандъ говорилъ: канцлеры (министры) очки королей, но горе королю, который не можетъ видѣть безъ очковъ. Испанцы любили тогда жить экономно, но бережливость Фердинанда удивляла ихъ; онъ говорилъ дядѣ: «Оставайтесь обѣдать съ нами, у насъ нынѣ олья» (испанское блюдо въ родѣ фрикасе). Изабелла съ удовольствіемъ говорила, что сама шьетъ всю одежду мужу. Но эта работа была необременительна; есть анекдотъ, что Фердинандъ однажды сказалъ: «Какой прочный камзолъ! Вотъ уже третій разъ вшиты въ него новые рукава». Бережливость была нужна Изабеллѣ и Фердинанду, потому что расточительный Генрихъ IV раздарилъ три четверти королевскихъ доходовъ.

---

2. Арагонія.

Фердинандъ 1412—1416.

Благодаря уму и патріотизму своихъ государственныхъ людей, Арагонія перенесла безъ утраты свободы кризисъ, угрожавшій ей поражденіемъ (VIII, 85). Фердинандъ, принцъ кастильской династіи, присягнулъ на колѣнахъ передъ хустисіей соблюдать законы королевства; только послѣ этой присяги кортесы провозгласили его королемъ. Онъ добросовѣстно исполнялъ ее; даже въ тяжеломъ для него столкновеніи съ требованіями барселонцевъ не нарушилъ законныя права ихъ. Вообще онъ былъ государь справедливый и добрый, но его правленіе продолжалось только четыре года. Сынъ его Альфонсъ V почти все свое царствованіе былъ занятъ войной для пріобрѣтенія и сохраненія неаполитанскаго королевства. Неаполитанцы болѣе привыкли повиноваться государю, чѣмъ арагонцы; образъ ихъ жизни былъ изящнѣй, они любили роскошь; потому жить въ южно-италійскомъ королевствѣ было пріятнѣе Альфонсу, чѣмъ въ суровой Арагоніи, гдѣ онъ былъ принужденъ уважать законы; онъ почти вовсе переселился въ свое новое королевство, а управленіе Арагo-

Альфонсъ V 1416—1458.

ніей поручилъ совѣту регентства, главою котораго назначилъ своего брата Іоанна, человѣка даровитаго и ловко слѣдовавшаго правиламъ тогдашней безсовѣстной политики. Іоаннъ пытался дѣйствовать деспотически, потому кортесы принимали мѣры для охраненія законнаго порядка. Въ 1442 году они постановили, что хустисія, хранитель законовъ, не можетъ быть удаленъ отъ должности королемъ безъ согласія кортесовъ. Въ 1454 году былъ изданъ законъ, воспрещавшій иностраннымъ кораблямъ вывозить товары изъ арагонскихъ гаваней; вывозная торговля вся перешла въ руки арагонскихъ купцовъ и моряковъ; Барселона, по требованію которой былъ изданъ этотъ законъ, очень много выиграла отъ него. Такимъ образомъ и политика, покровительствующая національному мореплаванію, установилась въ Арагоніи, подобно конституціонному порядку, раньше, чѣмъ въ Англіи.

Война за наслѣдство наваррскаго престола.

Важнѣйшими дѣлами въ правленіе Іоанна были междоусобія, возникшія изъ его желанія присоединить къ Арагоніи Наварру. Іоаннъ женился на Бланкѣ, вдовѣ короля Мартина Арагонскаго, дочери и наслѣдницѣ Карла III, короля наваррскаго. Она умерла въ 1442 году, назначивъ наслѣдникомъ наваррскаго королевства своего сына Карла, принца віанскаго. Въ ея завѣщаніи была прибавлена оговорка, что Карлъ долженъ получить утвержденіе отца. Но это было только напоминаніемъ сыну объ учтивости къ отцу, а не юридическимъ ограниченіемъ его права на наваррскій престолъ. Іоаннъ сохранилъ по смерти жены титулъ короля наваррскаго, но королевствомъ управлялъ Карлъ; и кажется, отецъ довольствовался титуломъ, не вмѣшиваясь въ управленіе сына. Но черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти матери Карла отецъ его женился на кастильской принцессѣ, Іоаннѣ Генрикесъ. Это повело его къ ссорѣ съ сыномъ. Вторая жена его была женщина властолюбивая. Онъ далъ ей участіе въ управленіи Наваррой; она не удовольствовалась этимъ и хотѣла совершенно устранить Карла отъ управленія. Въ королевствѣ наваррскомъ были двѣ могущественныя фамиліи, враждебныя между собою, Бомоны и Аграмоны. Ссора Карла съ отцомъ дала имъ возможность начать междоусобіе. По совѣту Бомоновъ Карлъ объявилъ себя королемъ наваррскимъ и пошелъ войной на Аграмоновъ, принявшихъ сторону его мачихи. Король арагонскій вступился за жену и ея приверженцевъ. Въ 1452 году Карлъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ въ сраженіи при Айварѣ (Aybar). За нѣсколько времени передъ тѣмъ, 10 марта, королева арагонская родала сына, Фердинанда, который впослѣдствіи былъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился на Изабеллѣ Кастильской. Іоаннъ нѣсколько времени держалъ Карла подъ стражей, потомъ освободилъ его. Власть его мачихи была тогда ужь упрочена въ Наваррѣ; онъ поѣхалъ въ Неаполь къ своему дядѣ Альфонсу V просить его заступничества. Прямодушный, храбрый Карлосъ пріобрѣлъ много друзей при дворѣ Альфонса; дядя выказывалъ расположеніе къ нему, и онъ могъ надѣяться, что получитъ королевство завѣщанное ему матерью; но въ маѣ 1458 Альфонсъ умеръ, назначивъ Іоанна королемъ Арагоніи, Сардиніи, Сициліи, а королемъ неаполитанскимъ своего побочнаго сына Фердинанда. Неаполитанскіе вельможи не любили суроваго и коварнаго Фердинанда, убѣждали Карла отнять у него престолъ, но Карлъ не хотѣлъ нарушить волю покойнаго дяди, уѣхалъ въ Сицилію. Мать его Бланка долго жила въ Сициліи, когда первый мужъ ея Мартинъ былъ королемъ сицилійскимъ; она оставила по себѣ въ Сициліи хорошую память, и многіе вельможи предлагали Карлу стать королемъ ихъ острова; но онъ отвергъ и этотъ соблазнъ, уѣхалъ въ бенедиктинскій монастырь близъ Мессины и жилъ тамъ, занимаясь чтеніемъ ученыхъ книгъ. Онъ надѣялся, что отецъ возвратитъ ему королевство наваррское. Онъ былъ законный наслѣдникъ арагонскаго государства, и кортесы всѣхъ трехъ королевствъ этого государства были преданы ему.

Іоаннъ II 1458—14.

Отецъ въ 1460 году пригласилъ его на свиданье въ Игуалу; онъ держалъ себя съ отцомъ и мачихой почтительно, надѣялся примирить съ собою мачиху. Но она хотѣла, чтобы наслѣдникомъ арагонскаго престола былъ назначенъ ея сынъ, поддерживала въ мужѣ недовѣріе къ Карлу, перетолковывала ему въ дурномъ смыслѣ всѣ поступки своего пасынка, опутала Карла интригами, и, по ея вліянію, король мѣшалъ тому, чтобы кортесы формальнымъ актомъ признали Карла наслѣдникомъ арагонскаго престола. Карлъ не дозволилъ себѣ ничего противозаконнаго, но хотѣлъ пріобрѣсти опору своимъ правамъ, породнившись съ королемъ кастильскимъ и сталъ сватать его сестру, Изабеллу. Это окончательно раздражило мачиху, уже составившую планъ женить своего сына на Изабеллѣ, наслѣдницѣ кастильскаго престола. Отецъ пригласилъ Карла въ Лериду, гдѣ устроилъ праздникъ для кортесовъ. Карлъ пріѣхалъ, надѣясь, что кортесы объявятъ его наслѣдникомъ престола. Но немедленно по пріѣздѣ онъ былъ арестованъ; отецъ велѣлъ отвезти его въ неприступный горный замокъ Морелью. Кортесы хотѣли вступиться за него. Король закрылъ ихъ засѣданіе и распустилъ ихъ. Уполномоченные кортесовъ, составлявшіе комитетъ, обязанный наблюдать за дѣйствіями правительства, спросили короля о причинѣ ареста Карла, онъ отвѣчалъ, что существуетъ заговоръ, раскрытіе и наказаніе котораго предоставляетъ себѣ.

Смерть Карла віанскаго.

При извѣстіи объ арестованіи принца віанскаго каталонцы взялись за оружіе, пошли къ Леридѣ; король ночью бѣжалъ во Фрагу; инсургенты подступили къ этому городу, король и королева бѣжали въ Сарагоссу. Бомоны начали войну для возстановленія правъ Карла на королевство наваррское; король кастильскій тайно помогалъ имъ. Въ Арагоніи, Валенсіи было сильное волненіе; оно охватило и Сицилію. Іоаннъ оробѣлъ, освободилъ Карла, призналъ его наслѣдникомъ престола и назначилъ правителемъ Каталоніи; но онъ занемогъ и послѣ непродолжительной болѣзни умеръ 23 сентября 1461, на 41 году жизни. Молва говорила, что ему въ темницѣ былъ данъ медленно дѣйствующій ядъ. Единственнымъ преступленіемъ его было законное право наслѣдовать арагонскій престолъ, который мачиха хотѣла доставить своему сыну. Онъ былъ человѣкъ очень образованный и занимался учеными трудами, перевелъ „Этику“ Аристотеля и написалъ исторію Наварры.

Война въ Наваррѣ.

Смертью принца віанскаго не прекратилось междоусобіе. Онъ имѣлъ сестру Бланку; она была выдана за Генриха IV, короля кастильскаго; но мужъ развелся съ ней. Она защищала права брата и сопровождала его въ изгнаніе. Умирая, онъ назначилъ ее наслѣдницей королевства наваррскаго. Отецъ и мачиха вступили въ соглашеніе съ Людовикомъ XI, чтобъ отнять у нея Наварру. Они условились отдать это королевство младшей сестрѣ Карла и Бланки, Элеонорѣ, женѣ графа фуасскаго. Сынъ Элеоноры Гастонъ былъ женатъ на сестрѣ Людовика, которому было поэтому выгодно сдѣлать Элеонору королевой наваррской. Бланка, жившая въ Олитѣ, была 12 апрѣля 1461 схвачена и отвезена къ Элеонорѣ, отдавшей ее подъ стражу. Она обращалась къ своему бывшему мужу, Генриху Кастильскому, съ просьбой о защитѣ, передавала ему свои права на Наварру; но онъ не вступился за нее. Она была перевезена въ беарнскій замокъ Ортъ; ее держали тамъ въ темницѣ и черезъ два года отравили. Графъ фуасскій и беарнскій сталъ королемъ наваррскимъ.

Сынъ Элеоноры Гастонъ умеръ раньше матери; по ея смерти королемъ наваррскимъ сталъ малолѣтній внукъ ея Франсуа Фебъ; государствомъ правила мать его Магдалена, сестра Людовика XI. Черезъ четыре года онъ внезапно умеръ; молва говорила, что онъ

былъ отравленъ. Ему наслѣдовала сестра Катарина; она вышла за Жана д'Альбре, имѣвшаго обширныя владѣнія въ юго-западной Франціи.

Возстаніе Каталоніи.

Король арагонскій вступилъ въ союзъ съ Людовикомъ потому, что нуждался въ помощи французскаго короля для усмиренія возстанія Каталоніи. Смерть принца віанскаго увеличила раздраженіе каталонцевъ. Народная фантазія составила легенды, въ которыхъ выражалась печаль о его погибели. Молва говорила, что онъ ходитъ ночью по улицамъ Барселоны, жалуясь на свою преждевременную смерть и призывая друзей отмстить его убійцамъ. Каталонцы стали чтить его, какъ святого. Когда королева привезла своего 10-лѣтняго сына Фердинанда въ Барселону принять присягу отъ кортесовъ, въ городѣ поднялось возстаніе; королева съ сыномъ бѣжала въ Херону. Каталонцы пошли въ этотъ городъ, осадили цитадель, въ которую скрылась королева съ сыномъ. Іоаннъ въ маѣ 1462 заключилъ съ Людовикомъ XI договоръ, по которому король французскій послалъ войско для освобожденія осажденной королевы, а Іоаннъ обязался заплатить ему за это 200.000 золотыхъ монетъ и отдалъ графства руссильіонское и серданское въ залогъ уплаты. Каталонцы, осаждавшіе херонскую цитадель, не могли выдержать борьбы въ открытомъ полѣ съ французскимъ войскомъ и отступили въ Барселону. Они обнародовали записку, въ которой доказывали, что права Каталоніи были нарушены Іоанномъ, и что ихъ возстаніе справедливо. Они просили помощи у короля кастильскаго, и получивъ отъ него отказъ, обратились къ королю португальскому. Съ его согласія инфантъ Педро, коннетабль португальскій, объявилъ, что по своему происхожденію отъ графовъ барселонскихъ принимаетъ Каталонію подъ свою власть, и поплылъ съ небольшимъ войскомъ въ Барселону. Іоаннъ отчасти подкупомъ, отчасти силой оружія, покорилъ Лериду, Серверу, Ампосту, Тортосу и всѣ другіе каталонскіе города кромѣ Барселоны, которая мужественно оборонялась. Инфантъ Педро внезапно умеръ 29 іюня 1466; но и по его смерти барселонцы отвергали миръ, предлагаемый Іоанномъ. Они обратились съ предложеніемъ каталонской короны къ Рене Анжуйскому, имѣвшему титулъ короля неаполитанскаго.

Рене послалъ въ Барселону своего сына Жана, герцога калабрійскаго и лотарингскаго, съ нѣсколькими тысячами наемниковъ. Людовикъ XI тайно помогалъ этому походу, не разрывая союза съ королемъ арагонскимъ. Герцогъ калабрійскій овладѣлъ ампурданской областью (сѣверной частью Каталоніи). Іоаннъ ослѣпъ отъ воспаленія глазъ при осадѣ Амносты въ зимнюю стужу. Потому войной противъ герцога калабрійскаго управляла королева, выказывавшая геройскую твердость духа. Война сосредоточилась подъ Хероной; оттуда герцогъ калабрійскій прошелъ въ Барселону; онъ былъ храбрый воинъ. Барселонцы встрѣтили его съ восторгомъ. Зимою 1468 года королева, давно страдавшая мучительной болѣзнью, умерла; слѣпой король не могъ управлять государствомъ, казна была пуста, герцогъ калабрійскій одерживалъ успѣхи въ Каталоніи; короли кастильскій и наваррскій угрожали королю арагонскому войной. Но искусный еврейскій врачъ вылечилъ глаза Іоанна, герцогъ калабрійскій умеръ 16 декабря 1469, и дѣла Іоанна стали поправляться. Барселонцы чрезвычайно жалѣли о герцогѣ калабрійскомъ и похоронили его въ гробницѣ прежнихъ графовъ барселонскихъ; смерть его приписывали отравѣ, но несправедливо.

Покореніе Каталоніи.

Каталонцы продолжали упорно обороняться. Король арагонскій одерживалъ успѣхи, покорилъ почти всю Каталонію, осадилъ Барселону; большая часть защитниковъ ея погибли въ битвахъ, и наконецъ она принуждена была принять условія мира, предложенныя королемъ. Онъ обѣщался

уважать права города, оставить барселонцамъ самоуправленіе и независимый судъ, далъ гражданамъ полную амнистію и дозволилъ иноземнымъ наемникамъ свободно возвратиться домой. Онъ торжественно въѣхалъ на бѣломъ конѣ въ Барселону 22 декабря 1472. Въ слѣдующемъ году населеніе Руссильіона и Сердани возстало противъ французскаго управленія. Іоаннъ и Фердинандъ пошли на помощь подданнымъ, желавшимъ возвратиться подъ арагонскую власть. Іоаннъ храбро защищалъ Перпиньянъ. Война длилась два года, но войско Людовика было многочисленно и въ 1475 году покорило возставшія области. Людовикъ выгналъ жителей Перпиньяна изъ ихъ родного города.

---

3. Царствованіе Изабеллы и Фердинанда.

а) упроченіе монархической власти.

Послѣдніе годы царствованія Генриха IV.

Изабелла увѣдомляла Генриха, что она выходитъ за Фердинанда, и просила его согласія на это; онъ отвѣчалъ, что она должна поговорить о своемъ намѣреніи съ своими совѣтниками. Послѣ ея свадьбы онъ обнародовалъ манифестъ, говорившій, что она, вышедши за мужъ противъ воли короля, нарушила торосскій договоръ и утратила данныя ей этимъ трактатомъ права. Онъ хотѣлъ передать наслѣдство престола Іоаннѣ, которую призналъ своей дочерью. Королева подтвердила присягой, что ея дочь дѣйствительно дочь короля. Фамиліи Пачеко, Мендозъ, Суньигъ, Веласко, Пиментелей и многіе другіе вельможи приняли сторону короля. Іоаннѣ было еще только восемь лѣтъ, но чтобы доставить ей поддержку короля французскаго переговоры были начаты о женитьбѣ на ней герцога гіэнскаго, брата его. По всему государству шла война; большихъ сраженій не было, но мелкіе отряды бились повсюду; особенно опустошительно было междоусобіе въ Андалузіи, гдѣ сражались между собой Гусманы и Попседе-Леоны. Государство находилось въ совершенномъ разстройствѣ, когда умеръ Генрихъ IV (11 декабря 1474). Съ нимъ прекратилась мужская линія династіи Генриха Трастамары. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мужа умерла королева.

Кортесы провозглашаютъ королевой Изабеллу.

Генрихъ признавалъ Іоанну своей дочерью, и не было никакого доказательства на то, что она не его дочь; потому право Изабеллы на престолъ имѣло единственнымъ своимъ основаніемъ рѣшеніе кортесовъ, которые отмѣнили свое прежнее постановленіе, объявлявшее наслѣдницей престола Іоанну и, не слушая никакихъ убѣжденій Генриха, признали наслѣдницей его Изабеллу. Большимъ счастьемъ для Изабеллы было то, что Андреа Каврера, начальствовавшій войскомъ въ Сеговіи, гдѣ хранилась королевская казна, принялъ ея сторону, и Сеговія, по его убѣжденію признала ее королевой; примѣру

Сеговіи послѣдовали многіе другіе города. Въ февралѣ 1475 собрались въ Сеговіи кортесы, провозгласили Изабеллу законной наслѣдницей Кастиліи, Леона, постановили, что вся королевская власть должна принадлежать исключительно ей, что Фердинандъ не имѣлъ никакихъ личныхъ правъ на управленіе Кастиліею и Леономъ, что акты о назначеніяхъ на должности и судебные приговоры будутъ писаться отъ имени Изабеллы и Фердинанда, что на монетахъ будутъ чеканиться имена ихъ обоихъ, по казна и войско будутъ находиться въ исключительномъ распоряженіи Изабеллы. Фердинандъ очень досадовалъ на рѣшеніе кортесовъ, не дававшее ему правительственной власти, но принужденъ былъ покориться ихъ волѣ. Изабелла старалась успокоить мужа любезными обѣщаніями.

Война съ Португаліей.

Приверженцамъ Изабеллы было необходимо единодушіе, потому что король португальскій Альфонсъ V, дядя Іоанны, обручился съ нею и началъ войну за ея права. Она имѣла въ самой Кастиліи много сильныхъ приверженцевъ; главою ихъ былъ маркизъ Вильена, сынъ умершаго незадолго передъ тѣмъ гросмейстера сантіагскаго ордена, богатѣйшій вельможа Кастиліи, считавшійся лучшимъ воиномъ ея. Родственникъ его архіепископъ толедскій, бывшій усерднымъ приверженцемъ Изабеллы, поссорился съ ней по зависти къ довѣрію, какое оказывала она кардиналу Мендосѣ, и перешелъ на сторону Іоанны. Другими сильными союзниками Альфонса были Родриго Понсе де Леонъ, храбрый воинъ, прославившійся впослѣдствіи подъ новымъ титуломъ маркиза кадикскаго, герцогъ аревольскій и гросмейстеръ калатравскаго ордена. Архіепископъ толедскій говорилъ: «Я взялъ Изабеллу изъ-за прялки и пошлю ее опять сидѣть за прялкой». Эта угроза могла бъ исполниться, если бъ Альфонсъ пошелъ съ Дуэро на югъ; но онъ занялся осадой крѣпостей по этой рѣкѣ, далъ Изабеллѣ время собрать силы для обороны. Молодая королева выказала удивительную энергію и сильный политическій умъ. Изъ Арагоніи пришли войска на помощь ей и Фердинанду. Духовенство дало ей въ заемъ большую сумму денегъ изъ церковныхъ доходовъ; дѣла приняли благопріятный для нея оборотъ. Португальскій король потерпѣлъ, какъ мы говорили, пораженіе въ битвѣ на Дуэро. Изабелла, находившаяся въ Тордесильясѣ, пошла, снявъ обувь, въ церковь благодарить Бога за побѣду. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ почти вся Кастилія уже признавала власть Изабеллы. Вельможи, бывшіе союзниками Альфонса, одинъ за другимъ покорялись ей; всѣ большіе города послѣдовали ихъ примѣру; архіепископъ толедскій уѣхалъ въ Алькалу де Генаресъ и жилъ тамъ въ уединеніи, занимаясь алхиміей; черезъ четыре года онъ умеръ, и преемникомъ его былъ назначенъ кардиналъ Мендоса. Людовикъ XI заключилъ миръ съ Изабеллой; война продолжалась только на границахъ Эстремадуры и Леона съ Португаліей. Изабелла сама командовала тамъ войсками, сама управляла осадами, безбоязненно подвергала свою жизнь опасностямъ въ сраженіяхъ. Въ сентябрѣ 1479 былъ наконецъ заключенъ, какъ мы говорили, миръ съ королемъ португальскимъ. Альфонсъ отказался за себя и своихъ преемниковъ отъ всякихъ притязаній на кастильскій престолъ. У Изабеллы не осталось противниковъ. Незадолго передъ заключеніемъ мира съ Альфонсомъ умеръ отецъ Фердинанда Іоаннъ II, сохранившій до 83 лѣтъ физическую и умственную бодрость. Фердинандъ сталъ королемъ арагонскимъ, и Арагонія соединилась съ Кастиліей. Но порядокъ престолонаслѣдія въ Кастиліи не былъ опредѣлительно установленъ; это повело къ волненіямъ по смерти Изабеллы.

Положеніе дѣлъ въ Кастиліи.

Кастильское королевство было разстроено безхарактерностью и роскошью Генриха IV, самоволіемъ вельможъ, междоусобіями. Въ первые годы царствованія положеніе Изабеллы было очень затруднительно. Вельможи дѣлали, что хотѣли, воевали между собой; лучшія коронныя имѣнья были розданы Генрихомъ; нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ свѣтскихъ должностей стали наслѣдственной собственностью аристократическихъ фамилій; королева была безсильна. Но черезъ 30 лѣтъ, въ концѣ ея правленія, дѣла находились уже въ совершенно иномъ положеніи: королева была полновластной повелительницей государства, самовластіе вельможъ было подавлено; правда, съ нимъ вмѣстѣ были подавлены и права кастильскаго народа, прежняя свобода его.

Германдада.

Первой заботой Изабеллы было установленіе сильной судебной власти. Опорой для нея Изабелла сдѣлала святыя германдады (братства), союзы горожанъ для охраненія порядка. Они въ послѣднее время разстроились; Изабелла упрочила ихъ въ городахъ, гдѣ онѣ существовали, учредила въ городахъ, гдѣ еще не было ихъ, и поставила всѣ ихъ въ зависимость отъ королевской власти. Городскія и сельскія общины содержали свои германдады на собственный счетъ; непосредственное завѣдованіе германдадой города или сельскаго округа было поручено хунтѣ,—комитету, избираемому населеніемъ. Хунта содержала на счетъ своего города или округа германдаду, военную полицію, разъискивавшую и приводившую въ судъ преступниковъ. Депутаты городовъ съѣзжались каждый годъ и составляли общую хунту, дѣлавшую распоряженія о поддержаніи и улучшеніи германдадъ. Правиламъ, установляемымъ общей хунтой городовъ, были подчинены и хунты сельскихъ округовъ. Изъ рѣшеній, принятыхъ общими хунтами, составился мало по малу уголовный кодексъ, который былъ принятъ въ 1485 году общей хунтой; онъ былъ очень строгъ.

За похищеніе самой ничтожной вещи виновный наказывался палочными ударами, или отрѣзываніемъ руки, или даже смертью. Законы эти исполнялись безпощадно. Форма смертной казни, производимой германдадами, была растрѣливаніе стрѣлами. Осужденному на смерть давали причащеніе св. Даровъ и разстрѣливали его послѣ этого какъ можно скорѣе, чтобъ онъ не

успѣлъ согрѣшить вновь и чтобы такимъ образомъ душа его удостоилась райскаго блаженства.

Вельможи противились введенію германдадъ въ ихъ владѣніяхъ, не желая выпускать судебной власти изъ своихъ рукъ. Но королева дѣйствовала очень искусно и твердо, склонила на свою сторону коннетабля Гаро и другихъ вліятельнѣйшихъ вельможъ. Благодаря ихъ содѣйствію, новое устройство германдадъ по всему королевству было утверждено кортесами. По введеніи его правительство имѣло въ своемъ распоряженіи постоянное полицейское войско, состоявшее изъ 2.000 конныхъ латныхъ воиновъ и многочисленной пѣхоты. Отряды этого войска находились на содержаніи хунтъ, были подвластны только имъ и королевскому правительству, совершенно независимы отъ вельможъ. Черезъ нѣсколько времени Фердинандъ ввелъ германдады въ Арагоніи. Вельможи сопротивлялись учрежденію этого полицейскаго войска, предназначеннаго подавить вмѣстѣ съ безпорядками свободу, но Фердинандъ одолѣлъ ихъ оппозицію. Начальникомъ арагонскихъ германдадъ король назначилъ своего брата Альфонса, герцога Вильягермосу.

Подавленіе самостоятельности вельможъ.

Германдады доставили Изабеллѣ возможность обуздать своеволіе вельможъ, прекратить ихъ войны между собой, подчинить ихъ королевской волѣ. Она и въ этомъ дѣлѣ поступала благоразумно и вмѣстѣ энергично. Въ 1476 году жители Сеговіи возстали противъ правителя ихъ города Каврераы, маркиза Мойи, человѣка суроваго. Изабелла, которой оказывалъ онъ важныя услуги, усмирила Сеговію. Потомъ она поѣхала въ Андалузію и поселилась въ Севильѣ. Андалузскіе вельможи дѣлились на двѣ враждебныя партіи; вождемъ одной былъ герцогъ Медина-Сидонія, глава фамиліи Гусмановъ, вождемъ другой глава фамиліи Понсе де Леоновъ, маркизъ кадикскій. Всѣ королевскіе города и замки въ Андалузіи были захвачены вельможами той или другой партіи; обѣ онѣ, воюя между собой, были одинаково непокорны королевѣ. Она принимала жалобы на вельможъ, произносила надъ ними суровые приговоры, запугала ихъ такъ, что большинство ихъ сдало королевѣ замки, возвратило государственныя имѣнья казнѣ, а захваченныя у частныхъ людей земли—законнымъ собственникамъ. Тысячи людей бѣжали изъ Андалузіи отъ строгаго суда королевы. Вражда, раздѣлявшая вельможъ, мѣшала имъ соединиться для сопротивленія Изабеллѣ. Потому они покорились ей всѣ. Маркизъ кадикскій и его партія были союзниками короля португальскаго; они присягнули теперь на вѣрность Изабеллѣ. Королева запретила вліятельнѣйшимъ изъ андалузскихъ вельможъ пріѣзжать въ города, гдѣ прежде собирались они на съѣзды, велѣла имъ жить въ ихъ владѣніяхъ, чтобъ у нихъ было меньше случаевъ вступать въ коалиціи противъ правительства. Судъ Изабеллы былъ безпощаденъ.

Одинъ изъ галисійскихъ вельможъ, виновный въ убійствѣ, предлагалъ королевѣ 40.000 дукатовъ за избавленіе его отъ наказанія; въ первые годы ея правленія весь доходъ казны былъ меньше этой суммы, но Изабелла отказалась взять ее. Королева разрушила въ Галисіи 50 замковъ непокорныхъ вельможъ, и 1.500 человѣкъ бѣжали отъ ея суда. Она воспретила вельможамъ строить замки и помогала населенію городовъ укрѣплять ихъ стѣнами.

Когда Изабелла жила въ Мадридѣ, она каждую пятницу сама предсѣдательствовала въ судѣ.—Она преобразовала верховные трибуналы уголовный и гражданскій. Грабежи по дорогамъ прекратились: народъ, находя въ трибуналахъ защиту, переставалъ прибѣгать къ самоуправству. Алонсо Діасъ де Монтальво составилъ сводъ старыхъ кастильскихъ законовъ и королевскихъ повелѣній, присоединилъ къ нимъ извлеченія изъ Юстиніанова кодекса. Этотъ сводъ законовъ былъ въ 1480 году утвержденъ кортесами и въ 1485 году напечатанъ. Онъ одна изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ Испаніи.

Въ собраніи кортесовъ 1480 года были также приняты мѣры для улучшенія финансовъ. Генрихъ IV раздарилъ, какъ мы говорили, почти всѣ коронныя имѣнія, и въ первые годы правленія Изабеллы сумма королевскихъ доходовъ не превышала 30.000 дукатовъ; многіе вельможи имѣли гораздо больше дохода. Кортесы, созванные Изабеллой въ 1480 году въ Толедо, объявили недѣйствительными всѣ пожалованія коронныхъ имѣній, сдѣланныя Генрихомъ, отмѣнили всѣ тѣ пенсіи, которыя назначилъ онъ людямъ, не заслуживавшимъ наградъ, запретили вельможамъ чеканить монету, отняли у нихъ другія права верховной власти, присвоенныя ими, запретили имъ рѣшать споры междоусобіями или поединками. Это уменьшеніе правъ и конфискація имѣній были, конечно, очень непріятны вельможамъ; но сопротивленіе было невозможно. За утрату политическихъ правъ Изабелла вознаграждала вельможъ почестями. Оффиціальный историкъ ея царствованія Пульгаръ говоритъ: «Королева привлекала грандовъ въ близость къ себѣ; должности придворной службы никогда прежде не были занимаемы такими знатными лицами; этикетъ придавалъ торжественность обстановкѣ власти королевы».

Переходъ рыцарскихъ орденовъ подъ непосредственную королевскую власть.

Значительнымъ увеличеніемъ королевскаго могущества было то, что Изабелла сдѣлала своего мужа гросмейстеромъ всѣхъ трехъ рыцарскихъ орденовъ Кастиліи. Въ 1476 году санъ гросмейстера сантіагскаго ордена сталъ вакантнымъ; по требованію Изабеллы, рыцари выбрали гросмейстеромъ Фердинанда. Этимъ началось полное преобразованіе всѣхъ орденовъ. Съ согласія папы калатравскій и алькантарскій ордена были также отданы въ управленіе Фердинанду, и черезъ нѣсколько времени папская булла объявила, что всѣ три гросмейстерскія должности навсегда передаются королю кастильскому.

Рыцарскіе ордена утратили всякую самостоятельность; ихъ богатые доходы поступили въ королевское распоряженіе; званіе рыцаря того или другого ордена стало лишь почетной наградой за службу.

Отношенія Изабеллы къ папѣ.

Во время междоусобій въ Кастиліи римская курія подчинила себѣ церковь этого королевства. Папа присвоилъ себѣ назначеніе на епископскія каѳедры и другія церковныя должности, соединенныя съ большими доходами; въ богослуженіе былъ введенъ римскій церковный уставъ; старые церковные законы были замѣнены каноническимъ правомъ. Понятно, что Изабелла была недовольна этимъ порядкомъ церковныхъ дѣлъ, желала подчинить кастильскую церковь своей власти; потому Сикстъ IV поступилъ очень неблагоразумно, подавъ Изабеллѣ предлогъ для ссоры. Должность епископа куэнскаго стала вакантна. Папа, наперекоръ желанію Изабеллы, назначилъ епископомъ куэнскимъ своего племянника. Изабелла послала сказать папѣ, что вступитъ въ соглашеніе съ королями другихъ европейскихъ государствъ, и будетъ созванъ вселенскій соборъ для отмѣны злоупотребленій папской власти. Сикстъ испугался и, при посредничествѣ кардинала Мендосы, заключилъ съ Изабеллою договоръ, по которому обязался назначать на церковныя должности въ Кастиліи тѣхъ людей, которые будутъ избираемы королевой и ея преемниками. Кромѣ того этимъ договоромъ было отнято у кастильскаго духовенства всякое право суда по мірскимъ дѣламъ. Изабелла воспретила апелляцію отъ кастильскихъ трибуналовъ къ суду папы; нарушителей этого закона она наказывала лишеніемъ должностей или изгнаніемъ.

Характеръ правленія Изабеллы и Фердинанда.

Такимъ образомъ было введено въ Испаніи монархическое устройство. Королева имѣла богатые доходы, могла награждать за преданность; она строго наказывала за ослушаніе; въ государствѣ водворилось спокойствіе; народъ могъ безопасно заниматься трудомъ, не страшась хищниковъ; торговля ожила; чеканка дурной монеты, которую выпускали вельможи, прекратилась, монетная система получила прочность.—Изабелла и Фердинандъ имѣли постоянныхъ посланниковъ при всѣхъ дворахъ; скоро и другіе государи приняли эту систему. Прежде обыкновенными резиденціями кастильскихъ королей были Бургосъ и Вальядолидъ. Изабелла часто пріѣзжала въ Мадридъ и на-долго оставалась тамъ, въ центрѣ государства; а мало по малу столицей Кастиліи сдѣлался этотъ городъ. При дворѣ Изабеллы соблюдалось строгое приличіе. Онъ былъ великолѣпенъ, но безъ лишней расточительности. Она покровительствовала искусствамъ и наукѣ.

b) Инквизиція и преслѣдованіе евреевъ.

Войны съ мусульманами произвели сильное вліяніе на характеръ испанскаго народа; онѣ развили въ немъ храбрость, но съ тѣмъ вмѣстѣ и фанатизмъ, пользуясь которымъ властолюбивое духовенство подвергло

свирѣпому преслѣдованію евреевъ, мусульманъ и всѣхъ людей, подозрѣваемыхъ въ ереси. Доминго или, какъ обыкновенно его называютъ, Доминикъ, обращавшій въ католичество вальдійцевъ, основалъ орденъ, получившій по его имени названіе Доминиканскаго и предназначенный главнымъ образомъ для преслѣдованія всѣхъ не христіанъ и еретиковъ. Эта дѣятельность доминиканцевъ нашла себѣ особенный просторъ въ Испаніи, гдѣ благопріятствовалъ ей фанатизмъ массы населенія. Короли кастильскіе ставили славой себѣ быть гонителями своихъ нехристіанскихъ подданныхъ. Фердинандъ святой самъ носилъ дрова для костровъ, на которыхъ инквизиція жгла еретиковъ. Іоаннъ II, отецъ Изабеллы, охотился, какъ за дикими животными, за еретиками, скрывавшимися въ бийскайскихъ горахъ.

Вліяніе войнъ съ мусульманами на характеръ испанцевъ.

Положеніе евреевъ.

Въ испанскихъ областяхъ, отнятыхъ у арабовъ, оставалось много евреевъ и мусульманъ. Мы говорили, что евреи, подвергавшіеся преслѣдованіямъ вестготовъ, помогали арабамъ завоевать Пиренейскій полуостровъ и за это пользовались покровительствомъ ихъ; мы говорили также, что они усвоили себѣ арабскую образованость, занимались математикой, астрономіей, естественными науками; что даже у христіанскихъ государей и вельможъ врачами были евреи. Но главнымъ занятіемъ испанскихъ евреевъ были денежныя операціи; многіе изъ нихъ разбогатѣли, но навлекли на себя ненависть народа, какъ ростовщики. Чѣмъ дальше на югъ расширялись христіанскія владѣнія, тѣмъ хуже становилось положеніе евреевъ въ нихъ. Правительство не защищало евреевъ, народъ былъ враждебенъ имъ, духовенство проповѣдывало противъ нихъ, и они часто подвергались кровавому преслѣдованію. Даже тѣ, которые для спасенія жизни принимали христіанство, не пріобрѣтали себѣ безопасности: духовенство сомнѣвалось въ искренности ихъ обращенія, предполагало, что они остаются въ душѣ послѣдователями прежней своей вѣры. Евреевъ, принявшихъ христіанство, было очень много; они занимали городскія должности. Многіе вельможи поправляли свои разстроенныя дѣла женитьбой на дочеряхъ богатыхъ евреевъ, принявшихъ христіанство; эти браки были такъ часты, что едва ли оставалась вельможская фамилія, въ крови которой не было бы примѣси «дурной крови», mala sangre, евреевъ. Предполагая, что евреи, обратившіеся въ христіанство, держатся прежней вѣры, прежнихъ обрядовъ, доминиканцы возбуждали народъ противъ нихъ, убѣждали правительство истребить «іудейскую мерзость», требовали возстановленія святой инквизиціи, дѣятельность которой прекратилась по искорененіи вальдійской ереси. Мужъ Изабеллы, Фердинандъ, былъ расположенъ исполнить желаніе доминиканцевъ; онъ разсчиталъ, что можно обогатить казну конфискаціей имущества еретиковъ, и что инквизиція будетъ очень полезнымъ орудіемъ королевской власти. Изабелла, менѣе жестокая и болѣе совѣстливая, чѣмъ Фердинандъ, долго не соглашалась возстановить инквизицію; но

Возобновленіе инквизиціи.

бывшій духовникъ ея, доминиканецъ Томасъ Торкемада, происходившій изъ еврейской фамиліи, постоянно доказывалъ ей, что искорененіе ереси составляетъ священную обязанность, и наконецъ она согласилась возстановить инквизицію. Папская булла 1 ноября 1478 уполномочила Изабеллу «назначить двухъ или трехъ инквизиторовъ для открытія и подавленія ереси» въ ея земляхъ; она учредила инквизиціонный трибуналъ, потомъ стала увеличивать число инквизиторовъ, учреждать новые трибуналы. Душою этого дѣла былъ Торкемада, занимавшій теперь должность пріора въ доминиканскомъ монастырѣ Св. Креста въ Сеговіи. Первый инквизиціонный трибуналъ былъ учрежденъ въ сентябрѣ 1480 въ Севильѣ. Онъ состоялъ изъ двухъ доминиканцевъ и двухъ ихъ помощниковъ, взятыхъ изъ монаховъ другихъ орденовъ или изъ приходскаго духовенства. Изабелла повелѣла городскому управленію оказывать всевозможное содѣйствіе этому трибуналу; онъ началъ свою дѣятельность въ началѣ слѣдующаго года, и къ концу его инквизиторы уже могли засвидѣтельствовать въ похвалу себѣ, что предали въ Севильѣ сожженію или другимъ видамъ смерти 289 человѣкъ, выкопали изъ могилъ и сожгли много тѣлъ умершихъ еретиковъ. Тысячи людей бѣжали отъ преслѣдованій. Маркизъ кадикскій давалъ въ своихъ владѣніяхъ пріютъ этимъ несчастнымъ; но инквизиція объявила, что будутъ конфискуемы имущества всѣхъ укрывателей еретиковъ, и маркизъ принужденъ былъ отказаться отъ покровительства преслѣдуемымъ инквизиціей. Скоро дѣятельность ея распространилась на всю Андалузію, и число людей, сожженныхъ инквизиторами, быстро возросло до 2.000: между ними находилось много богатыхъ; имѣнья ихъ поступили въ казну; конфисковались имущества и тѣхъ, которые успѣли бѣжать; многіе изъ нихъ были заочно осуждены на сожженіе и портреты или чучела, изображавшія этихъ осужденныхъ, были тоже публично сожигаемы. Число людей, подвергшихся денежнымъ штрафамъ или конфискаціи всего имущества и осужденныхъ на болѣе или менѣе продолжительное заключеніе въ темницу, простиралось тогда уже до 17.000. По своемъ освобожденіи они оставались лишены всѣхъ гражданскихъ правъ и должны были ежеминутно опасаться новаго обвиненія.

Назначеніе Торкемады великимъ инквизиторомъ.

Изабелла и папа чувствовали, кажется, нѣкоторую жалость о томъ, что инквизиція губитъ много людей; но это было мимолетное чувство, фанатики заглушили его своими софизмами. Въ 1433 году Изабелла получила отъ папы посланіе, хвалившее ея усердіе къ очищенію церкви и, по ея желанію, назначавшее Торкемаду великимъ инквизиторомъ Кастиліи и Арагоніи съ неограниченною властью. Число инквизиціонныхъ трибуналовъ возросло до 13. Верховный инквизиціонный совѣтъ придавалъ имъ единство дѣйствій и рѣшалъ тѣ дѣла, въ которыхъ были замѣшаны интересы королевской власти. Предсѣдатель этого совѣта былъ верховный инквизиторъ; достойнымъ помощникомъ Торкемады былъ предсѣдатель инквизиціоннаго суда въ Сарагоссѣ Педро Арвуэсъ (Arbues) Эпила. Всѣ протесты арагонскихъ кортесовъ противъ учрежденія инквизиціи въ Арагоніи остались напрасны.

Испанская инвизиція была учреждена въ эпоху, когда изученіе классической литературы уже выводило людей изъ средневѣкового мрака. Въ Испаніи возникала новая умственная жизнь; инквизиція подавила ее. Въ продолженіе 18 лѣтъ, когда великимъ инквизиторомъ былъ Торкемада, было сожжено болѣе 10.000 человѣкъ; почти столько же было лишено имущества и гражданскихъ правъ; были сожжены изображенія 7.000 человѣкъ, бѣжавшихъ отъ смерти или умершихъ во время процесса. Образованные классы испанской націи высказывали негодованіе на гнусное учрежденіе; но ихъ голосъ былъ безсиленъ. Изабелла и Фердинандъ покровительствовали инквизиціи; фанатизмъ невѣжественной толпы служилъ поддержкою ей, и она дѣйствовала безпощадно.

Первоначальнымъ назначеніемъ испанской инквизиціи было только преслѣдованіе евреевъ, принявшихъ христіанство, но втайнѣ державшихся прежней вѣры; скоро она расширила кругъ своей дѣятельности, служа Изабеллѣ и Фердинанду орудіемъ для подавленія всякой оппозиціи, для порабощенія дворянства и всего народа. Королева назначала великаго инквизитора и всѣхъ его помощниковъ; потому инквизиція была не только религіознымъ, но и политическимъ учрежденіемъ. Малѣйшее подозрѣніе въ религіозной или политической неблагонадежности было достаточно для того, чтобы бросать человѣка въ ужасную темницу инквизиціи, мучить его пытками, пока онъ подтвердитъ всѣ взводимыя на него обвиненія, сжечь его, конфисковать все его имущество, отнять всѣ гражданскія права у его жены, дѣтей и всѣхъ потомковъ. Со временъ римскихъ гладіаторскихъ боевъ не было въ исторіи человѣчества такихъ зрѣлищъ, какъ испанскіе «акты вѣры», Auto da fé. Собирался народъ, торжественная процессія вела осужденныхъ; знатнѣйшіе вельможи шли тутъ въ черныхъ одеждахъ, какъ служители священной инквизиціи; шло духовенство въ полномъ облаченіи; часто присутствовалъ на этомъ зрѣлищѣ самъ король, и толпа смотрѣла, какъ предаютъ сожженію еретиковъ. Человѣкъ, который ввелъ въ Испаніи эти ужасы, Торкемада спокойно дожилъ до глубокой старости, пользуясь уваженіемъ народа, какъ святой. Но его помощникъ, сарагосскій инквизиторъ Арвуэсъ былъ въ 1485 году убитъ въ церкви. Сотни людей были принесены въ жертву за его убійство. Народъ чтилъ его, какъ мученика, и черезъ нѣсколько времени онъ былъ причисленъ римскою церковью къ лику святыхъ.

Изгнаніе евреевъ.

Инквизиція преслѣдовала евреевъ и мусульманъ, которые приняли христіанство и подозрѣвались въ томъ, что держатся прежнихъ своихъ вѣрованій и обрядовъ. Но было множество евреевъ, не при-

нявшихъ христіанства. Королевскія граматы признавали за ними право сохранять еврейскую вѣру, совершать ея богослужебные обряды. Они жили въ большихъ городахъ общинами. Многіе изъ нихъ были ростовщики; другіе навлекали на себя зависть простолюдиновъ своимъ богатствомъ. Когда Изабелла и Фердинандъ начали войну противъ Гранады, фанатизмъ испанскихъ простолюдиновъ усилился, ненависть къ евреямъ стала проявляться ожесточеннѣе прежняго, послышались требованія, чтобы всѣ евреи были изгнаны изъ Испаніи. Надѣясь отвратить отъ себя бѣдствіе денежными пожертвованіями, которыми прежде часто покупали себѣ у испанскихъ королей пощаду, они предложили Изабеллѣ и Фердинанду 30.000 дукатовъ въ пособіе для войны противъ Гранады. Когда ихъ депутаты явились съ предложеніемъ къ Изабеллѣ и Фердинанду, вошелъ въ залъ Торкемада, вынулъ изъ-подъ мантіи распятіе и сказалъ: «Іуда Искаріотскій продалъ Господа за 30 сребренниковъ; ваши величества хотите снова продать его за 30.000 золотыхъ монетъ; вотъ онъ, возьмите его и продайте»,—съ этими словами Торкемада положилъ распятіе на столъ и вышелъ изъ зала. Фердинандъ былъ смущенъ, а на Изабеллу, очень уважавшую своего бывшаго духовника, эта сцена произвела сильное впечатлѣніе. Предложеніе евреевъ было отвергнуто, и 30 марта 1492 года Изабелла и Фердинандъ обнародовали повелѣніе объ изгнаніи евреевъ изъ королевствъ кастильскаго и арагонскаго. Этотъ актъ былъ подписанъ ими въ Гранадѣ, въ которую они не задолго передъ тѣмъ вступили тріумфальной процессіей. Изабелла и Фердинандъ повелѣвали: всѣ некрещенные евреи безъ всякаго исключенія должны до 1 августа удалиться изъ королевствъ кастильскаго и арагонскаго; тѣ, которые будутъ найдены въ Испаніи по истеченіи этого срока, будутъ подвергнуты смертной казни; имущества ихъ будутъ конфискованы; изгоняемые евреи не могутъ брать съ собой ни золота, ни серебра. Это повелѣніе было исполнено съ безпощадной жестокостью.

Прескоттъ говоритъ: „Когда приблизился срокъ покинуть Испанію, всѣ дороги покрылись изгоняемыми евреями; нѣкоторые ѣхали на лошадяхъ и мулахъ, но такихъ было мало; огромное большинство шло пѣшкомъ; шли и дряхлые старики, старухи; шли больные. Даже фанатичные простолюдины жалѣли о несчастныхъ, но никто не отваживался помогать имъ, потому что это было запрещено Торкемадой“.

Въ средніе вѣка было въ западной Европѣ много гоненій на евреевъ, но такого ужаснаго по своему размѣру еще не бывало. Число изгнанныхъ простиралось до 160.000 человѣкъ, какъ говорятъ тѣ извѣстія, которыя даютъ наименьшую цифру ихъ. Вѣроятно, ихъ было больше. Изгнаніе евреевъ уронило промышленность, торговлю, повредило національному благосостоянію. Они шли во всѣ стороны; но большинство поплыло въ Африку; тамъ нападали на нихъ хищныя племена, отнимали у нихъ все, что они унесли. О судьбѣ тѣхъ, которые пошли къ морю черезъ Португалію, мы уже говорили (стр. 282). При Эммануэлѣ евреи были изгнаны изъ Португаліи. До сихъ поръ встрѣчается въ Италіи, Голландіи, Англіи, Греціи, Турціи много евреевъ, знающихъ по своимъ семейнымъ преданіямъ, что ихъ предки были изгнаны изъ Испаніи или Португаліи.

Торкемада дожилъ до удовольствія видѣть исполненнымъ свое желаніе изгнать евреевъ. Достойнымъ преемникомъ его былъ Діэго Деса, подобно ему происходившій изъ еврейской фамиліи. При Десѣ инквизиція стала жечь мусульманъ въ гранадской области, и были учреждены инквизиціонные трибуналы въ Сициліи.

с) ЗАВОЕВАНІЕ ГРАНАДЫ.

Послѣднія времена гранадскаго царства.

По упроченіи своей власти въ Кастиліи и по введеніи инквизиціи, Изабелла вмѣстѣ съ мужемъ занялась покореніемъ послѣдняго мусульманскаго царства, остававшагося на Пиренейскомъ полуостровѣ. Цари Гранады повиновались иногда королямъ кастильскимъ, платили имъ дань, иногда воевали съ ними; жители Гранады были изнѣжены, истощали свои силы въ междоусобіяхъ. Ихъ войны съ христіанами въ послѣднее время ограничивались мелкими набѣгами; короли кастильскіе тоже не предпринимали противъ нихъ большихъ походовъ. Но Изабелла рѣшилась покорить гранадское царство. Въ Гранадѣ еще сохранялись остатки прежняго великолѣпія. Высокія горы Сіэрра Невады, ограждавшія царство съ сѣвера и востока, имѣли много богатыхъ рудниковъ; верхнія части долинъ обильныхъ ручьями были прекрасными пастбищами, а въ низовьяхъ росли сады фруктовыхъ деревьевъ юга и виноградники. Равнина Ло, по которой течетъ Хениль, была покрыта богатыми нивами и садами. На морскомъ берегу было много хорошихъ гаваней, и корабли всѣхъ народовъ Средиземнаго моря приходили туда обмѣниваться товарами. Столица государства Гранада стояла въ центрѣ его на двухъ холмахъ; прохладный вѣтеръ съ горъ Сіэрра Невады умѣрялъ въ ней знойлѣта; она была обведена крѣпкими стѣнами, украшена великолѣпными дворцами и мечетями, опоясана парками, въ которыхъ сверкали фонтаны. На одномъ изъ холмовъ города стояла знаменитая Альгамбра, роскошный дворецъ легкой изящной архитектуры, залы котораго, украшенныя бронзой, были окружены густой померанцевой рощей. Христіане мирно жили въ Гранадѣ; барселонскіе и валенсійскіе купцы ѣздили въ этотъ богатый городъ; его посѣщали кастильскіе вельможи; ихъ принимали тамъ радушно. Военныя силы гранадскаго царства были довольно велики; когда не доставало своего войска, царь призывалъ наемниковъ изъ Африки. Онъ могъ выво-

Гранадское царство.

дить въ поле 100.000 воиновъ; искусные стрѣлки и легкая конница гранадскаго войска наносили иногда большой уронъ христіанамъ.

Отношенія гранадскаго царства къ Кастиліи.

Эмиръ Абенъ-Измаэль, царствовавшій въ половинѣ XV вѣка, старался поддерживать хорошія отношенія съ королями кастильскими. При Генрихѣ IV христіане дѣлали иногда набѣги, на гранадское царство; но вообще Гранада находилась въ мирѣ съ Кастиліей. Въ послѣдніе годы царствованія Генриха кастильскіе вельможи любили ѣздить въ гости къ Абенъ-Измаэлю. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда царемъ сталъ сынъ Измаэля Мулей Абуль Гасанъ, человѣкъ воинственнаго характера. Война скоро началась бы, если бъ Изабелла въ первые годы царствованія не была занята подавленіемъ своихъ внутреннихъ враговъ. Абуль Гасанъ принималъ за слабость терпѣніе, съ какимъ Изабелла переносила его дерзости, и когда въ 1476 году, по окончаніи прежняго перемирія, она потребовала возобновленія дани, какую Гранада платила прежнимъ кастильскимъ королямъ, Абуль Гасанъ отвѣчалъ: «Теперь въ Гранадѣ не чеканится золото, а куется сталь». Въ 1481 году онъ въ бурную зимнюю ночь напалъ на пограничное андалузское укрѣпленіе Сагару, перерѣзалъ гарнизонъ и увелъ жителей въ рабство.

Взятіе Альгамы.

Когда онъ возвратился въ Гранаду, одинъ старикъ, благочестивый подвижникъ (факиръ), воскликнулъ: «Горе! развалины Сагары падутъ на наши головы! Сочтены дни мусульманскаго царства въ Испаніи!»— На скалѣ одной изъ горъ гранадскаго царства стояла мусульманская крѣпость Альгама, считавшаяся неприступной, потому имѣвшая слабый гарнизонъ. Городъ Альгама былъ богатъ и прекрасенъ. Сынъ и наслѣдникъ графа Аркоса Родриго Понсе де Леонъ, маркизъ кадикскій, храбрый воинъ рѣшился отмстить за нападеніе на Сагару взятіемъ Альгамы. Въ февралѣ 1482 года онъ повелъ 3.000 человѣкъ пѣшихъ воиновъ и 2.500 всадниковъ черезъ Альсерифскій хребетъ, сдѣлалъ послѣдній переходъ ночью, неожиданно напалъ на крѣпость, и, овладѣвъ ею,—на городъ. Жители оборонялись съ мужествомъ отчаянія; сражались и женщины и дѣти. Но кастильцы, жаждавшіе добычи, взяли главную мечеть, бывшую оплотомъ обороны и овладѣли городомъ. Часть населенія они истребили, другую увели въ рабство. Добыча, найденная ими была громадна. Сохранилась пѣсня, которой гранадскіе мусульмане выражали свою печаль о погибели Альгамы. Говорятъ, эта пѣсня производила такое тяжелое впечатлѣніе, что было подъ страхомъ смертной казни запрещено пѣть ее въ стѣнахъ Гранады *).

*) «Печалятся мусульмане Гранады о паденіи Альгамы, скорбятъ мужчины, плачутъ дѣти, льются горячія слезы у женщинъ. О, велика скорбь о тебѣ, Альгама!

Окна драпированы въ трауръ, плачетъ какъ женщина царь, такъ тяжела эта потеря. О, велика скорбь о тебѣ, Альгама!»

Абуль-Гасанъ пошелъ съ большимъ войскомъ къ Альгамѣ, осадилъ ее. Тѣла мусульманъ, лежавшія непогребенными у подошвы горы усилили желаніе воиновъ его отмстить христіанамъ, оставшимся въ крѣпости. Арабы не имѣли осадной артиллеріи, потому не могли штурмовать крѣпость; они блокировали ее. Съѣстные припасы гарнизона истощились; мусульмане заняли дорогу, которой христіане ходили черпать воду; гарнизонъ изнемогалъ, но былъ спасенъ неожиданнымъ союзникомъ. Герцогъ Медина Сидонія, глава фамили Гусмановъ, отложилъ родовую вражду къ Понсе де Леонамъ и повелъ всѣхъ своихъ воиновъ на помощь маркизу кадикскому. При видѣ его многочисленнаго войска мусульмане отступили. Герцогъ и маркизъ обнялись при радостныхъ крикахъ своихъ воиновъ и забыли прежнюю вражду. Это было первое искреннее примиреніе партій, на которыя дѣлилась кастильская аристократія. Личныя и фамильныя ссоры уступали мѣсто національному чувству. Черезъ нѣсколько времени пришелъ въ Альгаму король и обратилъ мечети въ христіанскія церкви. Христіанская конница доходила до окрестностей Гранады, опустошала нивы и сады ихъ. Такъ началась война съ Гранадой, закончившая собой періодъ средневѣковыхъ войнъ на Пиренейскомъ полуостровѣ и послужившая началомъ новаго періода испанской исторіи. Тутъ въ послѣдній разъ бились рыцари, совершая подвиги по стариннымъ мотивамъ религіознаго одушевленія и щегольства храбростью. Свирѣпыя дѣла опустошенія перерывались проблесками рыцарскаго великодушія, уваженія къ храбрости противниковъ; мусульмане соперничали этими благородными чувствами съ христіанами. Война была продолжительна. Гранадское царство было во много разъ меньше соединенныхъ королевствъ кастильскаго и арагонскаго. Но вооруженіе у арабовъ было лучше, чѣмъ у испанцевъ; мусульманскіе города занимали мѣстности, удобныя для обороны, были сильно укрѣплены; гранадскій флотъ господствовалъ на морѣ и привозилъ изъ Африки воиновъ на помощь гранадскимъ мусульманамъ.

Пораженіе Фердинанда подъ Лохой.

Въ первое время война шла неудачно для христіанъ; Фердинандъ, плохой полководецъ, пошелъ въ долину Хениля и въ іюлѣ (1482 года) осадилъ Лоху, богатый, сильно укрѣпленный городъ; гарнизонъ Лохи состоялъ изъ отборныхъ воиновъ; начальникъ его Али Атаръ сдѣлалъ вылазку и разбилъ Фердинанда; испанцы бѣжали нѣсколько миль до горъ между Антекерой и Арчидоной. Они потеряли много храбрыхъ рыцарей; въ числѣ убитыхъ находился гросмейстеръ калатравскаго ордена Родриго Тельесъ Хиронъ, одинъ изъ лучшихъ воиновъ Кастиліи; ему было только 24 года.—Неудаченъ былъ и второй походъ испанцевъ. Гросмейстеръ сантіагскаго ордена Алонсо Карденасъ, графы Агиларъ и Сифуэнтесъ, маркизъ кадикскій и другіе вельможи пошли въ мартѣ 1483 года на Малагу. Въ ихъ войскѣ было очень много знатныхъ людей. Двинувшись изъ Антекеры, они пере-

шли горы, грабили и жгли селенія. Братъ Эмира Абдаллахъ, получившій названіе Эль-Загаля (храбраго), увидѣлъ по зареву селеній, что приближаются христіане, напалъ на нихъ въ тѣсной позиціи, разбилъ ихъ; преслѣдуемые имъ, они потеряли очень много людей на трудномъ отступленіи черезъ ущелья и скалы занятыхъ непріятелемъ Ахаркійскихъ горъ. Больше 800 человѣкъ были убиты или утонули въ горныхъ рѣчкахъ, вдвое больше было взято въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ находились два брата маркиза кадикскаго и 38 рыцарей сантіагскаго ордена. Между взятыми въ плѣнъ находились третій братъ маркиза и графъ Сифуэнтесъ. Обозъ и знамена были взяты маврами. Почти всѣ фамиліи андалузской аристократіи надѣли трауръ.

Пораженіе испанцевъ въ Ахаркійскихъ горахъ.

Раздоръ въ Гранадѣ.

Но эти бѣды скоро были поправлены. Въ Гранадѣ шелъ раздоръ. Абуль-Гасанъ страстно полюбилъ красивую греческую невольницу. Жена его, Зорая, стала опасаться, что сынъ ея Абу-Абдаллахъ (котораго испанскіе лѣтописцы называютъ Боабдилемъ) будетъ лишенъ наслѣдства престола; поссорившись съ нею, эмиръ держалъ ее подъ строгой стражей въ Альгамбрѣ; она бѣжала и подняла населеніе столицы для защиты правъ своего сына. Приверженцы Абу-Абдаллаха побѣдили въ уличномъ сраженіи; Эмиръ бѣжалъ въ Малагу. Побѣда его брата увеличила его силы; населеніе Гранады стало желать, чтобъ онъ возвратился. Абу-Абдаллахъ хотѣлъ поддержать свою власть побѣдой надъ христіанами. Али Атаръ, дочь котораго была одной изъ женъ его, помогъ ему собрать войско и одобрилъ его намѣреніе осадить Лусену. Въ апрѣлѣ онъ пошелъ изъ Гранады къ этому городу, но близъ Агилара на него 21 апрѣля неожиданно напали графъ Кавра и племянникъ графа Діэго Фернандесъ; мусульмане были разбиты. Старикъ Али Атаръ, лучшій мусульманскій полководецъ, былъ убитъ; Абу-Абдаллахъ сражался храбро, но толпы обратившихся въ бѣгство увлекли его своимъ напоромъ съ поля битвы. Мусульмане бѣжали по направленію къ Гранадѣ, но путь лежалъ черезъ Хениль, находившійся тогда въ разливѣ, и почти всѣ они были убиты на берегу рѣки или утонули въ ней. Абу-Абдаллахъ спрятался въ густой тростникъ, но христіане нашли его, и онъ былъ отвезенъ въ Ваэну (Baena), замокъ графа Кавры. Христіане взяли девять мусульманскихъ знаменъ. Населеніе Гранады ждало скорой погибели; народъ стоналъ на улицахъ.

Лусенскій миръ.

При извѣстіи о лусенской побѣдѣ Фердинандъ пріѣхалъ въ Кордову; туда былъ привезенъ Абдаллахъ. Зорая опасалась, что если онъ долго не возвратится изъ плѣна, то народъ призоветъ изгнаннаго Абуль-Гасана; потому предлагала очень большія уступки Фердинанду за освобожденіе сына. Маркизъ кадикскій совѣтовалъ королевѣ и королю отпустить его, чтобы въ гранадскомъ царствѣ продолжался раздоръ между нимъ и отцомъ. Изабелла и Фердинандъ освободили его на условіяхъ, отнимавшихъ независимость у гранадскаго царства. Абдаллахъ обязался безъ выкупа отпустить плѣнныхъ христіанъ, число которыхъ простиралось до 400, платить королевѣ кастильской 12.000 золотыхъ монетъ дани, давать свободный путь черезъ свое царство христіанскимъ войскамъ въ ихъ походахъ на Абуль-Гасана, державшагося въ Малагѣ, снабжать ихъ на пути всѣмъ нужнымъ, являться къ Фердинанду по всякому его призыву, отдать своего сына и нѣсколькихъ дѣтей вельможъ въ заложники своей вѣрности договору.

Приготовленіе Изабеллы къ новой войнѣ.

Изабелла хотѣла завоевать Гранаду и заключила миръ только для того, чтобы лучше прежняго приготовиться къ войнѣ. Приготовленія заняли два года. Базисомъ военныхъ операцій была выбрана Кордова. Туда привезли много огромныхъ пушекъ для осады многочисленныхъ укрѣпленій на скалахъ горъ, составлявшихъ границу гранадскаго царства. Мусульмане имѣли тогдашнія большія ружья, которыя клались при стрѣльбѣ на подпорки; но пушекъ у нихъ почти еще вовсе не было; а ихъ отравленныя стрѣлы были нестрашны одѣтымъ въ желѣзо кастильскимъ рыцарямъ. Душой войны была Изабелла; она ободряла мужа, нерѣдко впадавшаго въ робость; она мирила ссорившихся между собою вельможъ, возбуждала въ нихъ желаніе превзойдти другъ друга подвигами для славы отечества, награждала за заслуги; одѣтая въ латы, она разъѣзжала верхомъ передъ рядами войска, убѣждая его биться храбро, ухаживала за ранеными и больными, раздавала подарки. Военные госпитали, устроенные ею, были въ западной Европѣ первой попыткой облегчить страданія раненыхъ. Чтобъ ослабить сопротивленіе гранадскихъ мусульманъ, она обѣщала сохраненіе собственности и свободу вѣры всѣмъ тѣмъ, которые согласятся переселиться изъ гранадскаго царства въ другія части Андалузіи.

Эта война, начавшаяся по тогдашнему обычаю опустошеніемъ непріятельской земли, была послѣднимъ проявленіемъ того религіознаго энтузіазма, который увлекалъ христіанъ въ крестовые походы. Изъ всѣхъ земель западной Европы ѣхали волонтеры сражаться въ испанскихъ рядахъ за вѣру. Изъ Англіи пріѣхалъ графъ Риверсъ, родственникъ короля, съ 300 воиновъ, которыхъ содержалъ на свой счетъ; вооруженные длинными луками и боевыми сѣкирами, эти англичане подъ начальствомъ своего молодого вождя пріобрѣли большую славу. Кардиналъ Мендоса и многіе другіе церковные сановники надѣли латы и сами повели свои отряды на священную войну. Папа объявилъ ее крестовымъ походомъ. Пришли швейцарскіе наемники, составлявшіе тогда лучшую пѣхоту западной Европы; ихъ привела не ревность къ вѣрѣ, а выгода: имъ дали большое жалованье, и они разсчитывали на богатую добычу. Очень вѣроятно, что они послужили образцомъ, по которому была вскорѣ послѣ того сформирована испанская пѣхота, заслужившая себѣ славу непобѣдимости.

Казалось, что побѣда будетъ дѣломъ не очень труднымъ, потому

Раздоры въ гранадскомъ царствѣ.

что гранадское царство находилось въ большомъ разстройствѣ. Постыдный миръ, заключенный Абдаллахомъ, уронилъ его во мнѣніи народа. Всѣ усилія матери поддержать его власть остались напрасны. Жители Гранады пригласили старика Абдулъ-Гасана снова быть царемъ; онъ былъ слѣпой; дѣлами правилъ братъ его, Абдаллахъ-эль-Загаль. Скоро старикъ умеръ; народъ провозгласилъ эмиромъ Эль-Загаля. Онъ въѣхалъ въ Гранаду на конѣ, къ сѣдлу котораго были привязаны головы христіанъ, убитыхъ имъ на войнѣ; но только часть города Гранады повиновалась ему; въ другой держался его племянникъ, и на улицахъ шли день и ночь сраженія. Таково было состояніе гранадскаго царства въ апрѣлѣ 1487 года, когда испанцы возобновили войну. Фердинандъ съ большимъ войскомъ перешелъ Сіэрра Неваду и занялъ городъ Велесъ-Малагу. Эль-Загаль прекратилъ войну съ Абдаллахомъ и пошелъ на испанцевъ, угрожавшихъ Малагѣ и Гранадѣ. Испанцы отразили его нападеніе. Абдаллахъ между тѣмъ совершенно овладѣлъ городомъ Гранадой; Эль-Загаль отступилъ въ восточную часть царства, гдѣ города Гуадисъ, Альмерія и Баса признавали его своимъ государемъ. Велесъ и сосѣдніе города сдались Фердинанду, обѣщавшему мусульманамъ безопасность собственности и свободу вѣры; онъ осадилъ Малагу, богатый великолѣпный городъ, хорошо укрѣпленный. Начальникъ гарнизона, состоявшаго изъ африканскихъ наемниковъ, Хамедъ-Зели, отвергъ капитуляцію, предложенную Фердинандомъ. Два замка, бывшіе передовыми укрѣпленіями Малаги, были взяты Гарсиласо де ла Вегой и Понсе де Леономъ, маркизомъ кадикскимъ; испанцы окружили стѣны города, отрѣзали всякій подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и началась осада знаменитая и упорствомъ осаждающихъ и мужественной обороной осажденныхъ. Сама королева пріѣхала въ лагерь ободрять войско и поддерживать въ немъ дисциплину. Числительность его простиралась до 60.000 человѣкъ. Епископы и монахи говорили пламенныя проповѣди, возбуждая религіозный энтузіазмъ. Франсиско Рамиресъ, начальствовавшій артиллеріей и осадными работами, сталъ вести подземныя мины; это былъ первый случай такого примѣненія пороха къ разрушенію стѣнъ. Жители Малаги помогали войску отражать нападенія, терпѣливо выносили страданія голода и не упали духомъ, когда стали свирѣпствовать между ними заразительныя болѣзни. Ихъ мужество тѣмъ больше заслуживаетъ удивленія, что они не могли ожидать помощи себѣ: Абдаллахъ по ненависти къ Эль-Загалю искалъ милости Изабеллы и Фердинанда, посылалъ имъ подарки.

Осада Малаги.

Взятіе Малаги.

Три мѣсяца длился у Малаги ожесточенный бой на морѣ, на землѣ и подъ землей; взрывы минъ разрушили часть городскихъ стѣнъ; осажденные изнемогли отъ голода и вступили въ переговоры; напрасно просили они обѣщаній, которыми обезпечивалась бы ихъ судьба; Изабелла и Фердинандъ требовали, чтобы городъ сдался безъ

всякихъ условій. Граждане Малаги принуждены были отдать себя на произволъ побѣдителей. Изабелла и Фердинандъ 18 августа (1487 года) вступили торжественной процессіей въ Малагу, велѣли заковать въ цѣпи Хамеда Зели, обратить мечети въ христіанскіе храмы и объявить собравшимся въ нижней части города жителямъ, что все имущество мусульманъ конфискуется и сами они будутъ отведены въ рабство. Это рѣшеніе было исполнено безпощадно. Третья часть жителей Малаги была отправлена въ Африку въ обмѣнъ за плѣнныхъ христіанъ; остальные были проданы или подарены въ рабство. Изабелла выбрала себѣ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей для подарковъ вельможамъ и иноземнымъ государямъ. Въ опустѣвшій городъ стали переселяться христіане; но богатство его уже никогда не возстановилось.

Повореніе царства Эль-Загаля.

Взятіе Малаги было первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ завоеванію гранадскаго царства. Изабелла и Фердинандъ хотѣли идти въ восточную часть его противъ Эль-Загаля; но отложили этотъ походъ, запутавшись въ войну, которая шла въ Бретани. Въ слѣдующемъ (1489) году Фердинандъ пошелъ на Басу. Этотъ городъ былъ почти неприступенъ по своему мѣстоположенію, сильно укрѣпленъ, имѣлъ большіе запасы продовольствія, и комендантъ его Сиди Яхья, родственникъ Эль-Загаля, былъ храбрый воинъ; христіане вѣроятно потерпѣли бы неудачу, если бъ Эль-Загаль могъ прійдти на помощь осажденнымъ, но онъ былъ задержанъ враждебными дѣйствіями Абдаллаха. Осада продолжалась девять мѣсяцевъ. Всѣ войска Изабеллы и Фердинанда постепенно собрались подъ Басой; кругомъ горы, на которой стоитъ она, они построили цѣлый городъ бараковъ, провели окопы непрерывнымъ кругомъ около крѣпости, такъ что осажденнымъ не было возможности ни уйдти, ни получить подкрѣпленіе. Сама Изабелла опять жила въ станѣ своего войска. Расходы осады были огромны. Часть издержекъ была покрываема пожертвованіями. Изабелла дѣлала займы, заложила барселонскимъ и валенсійскимъ купцамъ свои брильянты. Съѣстные припасы въ городѣ наконецъ истощились. Сиди Яхья хотѣлъ отвратить отъ Басы участь, какой подверглась Малага, и раньше, чѣмъ былъ доведенъ до необходимости сдаться безъ условій, заключилъ договоръ, по которому жителямъ была предоставлена свобода уйдти съ своимъ движимымъ имуществомъ или остаться въ предмѣстьяхъ города, сохраняя свои законы и платя только тѣ налоги, какіе уже существовали. По заключеніи этой капитуляціи Изабелла и Фердинандъ 4 декабря торжественно вступили въ Басу. Яхья пошелъ въ Гуадисъ, гдѣ находился Эль-Загаль, и убѣдилъ его сдать на тѣхъ же условіяхъ всѣ города, признававшіе власть его. Такимъ образомъ покорилась испанцамъ горная область, оборона которой могла бы продолжаться цѣлые годы. Эль-Загаль самъ поѣхалъ сопровождать Фердинанда при вступленіи въ Аламерію, богатый тор-

говый городъ, пираты котораго долго были ужасомъ христіанъ по всѣмъ прибрежьямъ сѣверо-западной части Средиземнаго моря. Эль-Загалю были оставлены царскія почести и большіе доходы. Но онъ не захотѣлъ жить какъ вассалъ Изабеллы въ землѣ, государемъ которой былъ, и населеніе которой презирало его теперь, какъ предателя. Онъ уѣхалъ съ своими сокровищами въ Африку; тамъ былъ ограбленъ толпой хищниковъ и провелъ остатокъ жизни въ бѣдности. Въ нѣкоторыхъ городахъ его царства населеніе было враждебно испанцамъ, и особенно рѣзко выказывалась эта непріязнь въ Гуадисѣ. Испанцы приняли въ этомъ городѣ такія стѣснительныя для мусульманъ мѣры, что почти все прежнее населеніе покинуло его, и онъ скоро сталъ совершенно христіанскимъ городомъ.

Такъ кончился восьмой годъ гранадской войны. Испанское войско, простиравшееся до 80.000 человѣкъ, провело семь мѣсяцевъ подъ палатками въ хододное время года; этого еще никогда не бывало въ тѣ времена. Военныя дѣйствія прежнихъ походовъ не были такъ продолжительны: войско оставалось на службѣ лишь тотъ срокъ, какой было обязано служить по правиламъ феодальнаго порядка. Вассалы согласились теперь служить дольше этого срока по убѣжденію Изабеллы, ободрявшей ихъ примѣромъ своей неутомимой энергіи.

Осада Гранады.

Несомнѣнно было, что скоро будетъ покорена и Гранада. Изабелла страстно желала приблизить время этого торжества; безхарактерный Абдаллахъ облегчилъ ей исполненіе этой мысли. Послѣ лусенскаго договора онъ сталъ, какъ мы говорили, предметомъ презрѣнія для своихъ подданныхъ. Теперь власть его упала еще ниже; всѣ осуждали его за то, что онъ своей враждой противъ Эль-Загаля облегчилъ испанцамъ покореніе восточной части гранадскаго царства и не пошелъ на помощь Басѣ. Тысячи мусульманъ изъ Гуадиса и другихъ покорившихся испанцамъ городовъ переселились въ Гранаду и своими порицаніями увеличивали ненависть народа въ Абдаллаху, данніку христіанъ. Онъ зналъ шаткость своей власти, и когда Изабелла и Фердинандъ потребовали, чтобъ онъ сдалъ имъ Гранаду, онъ охотно сдѣлалъ бы это; но жители Гранады требовали войны, грозили возстаніемъ, если царь не станетъ обороняться отъ испанцевъ, и весной 1490 года война возобновилась. Первые мѣсяцы ея прошли въ опустошеніи страны, какимъ всегда сопровождались войны того времени; наконецъ христіане расположились станомъ у Гранады, и военныя дѣйствія получили систематическій характеръ. Было много мелкихъ сраженій, много храбрыхъ подвиговъ арабскихъ и христіанскихъ воиновъ; мусульманскіе и христіанскіе поэты слагали пѣсни о нихъ. Въ христіанскомъ станѣ вспыхнулъ пожаръ, быстро охватилъ палатки; жизнь Изабеллы и ея дочерей подвергалась опасности. Королева и Фердинандъ замѣнили палатки каменными постройками, такъ

что новый лагерь былъ похожъ на городъ. Онъ и дѣйствительно сталъ городомъ единственнымъ въ Испаніи, никогда не бывшимъ подъ властью мусульманъ. Его назвали городомъ Святой Вѣры, Santa Fé. Жители Гранады утратили надежду отбиться отъ осады; дворъ и высшія сословія склонялись къ мысли о капитуляціи. Сравненіе судьбы Малаги съ пощадой, полученной жителями Басы и Альмеріи, показывало, что надобно вести переговоры, пока осажденный городъ еще можетъ продолжать сопротивленіе.

Построеніе Санта-Фе 1491.

Гранада сдается на капитуляцію.

Абдаллахъ вступилъ въ переговоры съ испанцами, но скрывалъ ихъ отъ массы народа, опасаясь мятежа. Уполномоченные сходились по ночамъ, перемѣняя мѣста свиданій. Главнымъ уполномоченнымъ Абдаллаха былъ визирь Абуль-Касимъ Абдъ-аль-Маликъ, главнымъ испанскимъ уполномоченнымъ Гонсальво Кордовскій, искусный полководецъ и дипломатъ. Условія капитуляціи, установленныя ими, были: жители Гранады сохраняютъ свободу вѣры и свободу жить по своимъ обычаямъ, будутъ имѣть своихъ собственныхъ правителей и судей, подвластныхъ испанскому комменданту города, будутъ платить только тѣ налоги, какіе платили во время независимости царства; всѣ желающіе могутъ удалиться, испанцы даютъ имъ корабли для отплытія въ Африку; Абдаллахъ получаетъ округъ земли въ альпухаррской области и будетъ государемъ тамъ, какъ вассалъ королевы кастильской.

Когда простолюдины узнали, что Абдаллахъ сдаетъ городъ испанцамъ, поднялся мятежъ, но былъ подавленъ; и 2 января 1492 Изабелла и Фердинандъ вступили торжественной процессіей въ Гранаду. Абдаллахъ подалъ имъ ключи Альгамбры и скоро заблисталъ на ней большой серебряный крестъ. Отправляясь въ альпухаррскую область, Абдаллахъ остановился на скалѣ бросить послѣдній взглядъ на покинутую имъ столицу. Эта скала до сихъ поръ называется Горой послѣдняго вздоха мавра. Черезъ нѣсколько времени онъ отдалъ свое альпухаррское владѣніе Изабеллѣ, получивъ денежное вознагражденіе, уѣхалъ съ семействомъ въ Фезъ, поступилъ на службу къ эмиру фезскому и былъ убитъ въ сраженіи.—Испанскіе фанатики видѣли въ покореніи Гранады награду отъ Бога Изабеллѣ за учрежденіе инквизиціи.

Родриго Понсе де Леонъ, маркизъ кадикскій, которому Испанія была обязана большей частью успѣховъ въ этой войнѣ, умеръ вскорѣ по покореніи Гранады (28 августа 1492) на 49 году жизни. Его смертью прекратилась его фамилія. Надъ его гробницей были поставлены десять арабскихъ знаменъ, взятыхъ имъ.

Покореніемъ Гранады кончилось владычество арабовъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, продолжавшееся почти восемь столѣтій. Война съ арабами выработала въ испанскомъ народѣ тѣ черты характера, которыя составляютъ національную его особенность. Гранадская вой-

Значеніе гранадской войны.

на много содѣйствовала упроченію національнаго единства испанцевъ, замѣнѣ областныхъ стремленій общимъ національнымъ чувствомъ. Прежнія войны развивали въ испанцахъ отвагу, доставляли личную славу храбрѣйшимъ изъ рыцарей; гранадская война была школою военной дисциплины для испанцевъ. Въ тяжелой борьбѣ съ затрудненіями, представляемыми гористымъ характеромъ театра военныхъ дѣйствій и храбростью врага, сформировалось то непобѣдимое войско, которое подъ начальствомъ опытныхъ и даровитыхъ полководцевъ прославило имя Испаніи по всему христіанскому міру. Покоривъ послѣднее мусульманское царство, испанцы увлеклись желаніемъ ввести во всей своей землѣ единство вѣры и скоро стали нарушать свои договоры съ маврами, отмѣнили предоставленную покорившимся мусульманамъ свободу вѣроисповѣданія, потребовали, чтобъ они приняли христіанство или удалились изъ Испаніи. Архіепископъ Хименесъ жегъ всѣ арабскія книги, бросалъ мавровъ въ темницу и билъ ихъ бичами, принуждая креститься. Многіе уплыли въ Африку и стали корсарами, многіе бѣжали въ горы Сіэрра Невады и стали жить грабежомъ сосѣднихъ христіанскихъ поселеній. Тѣ, которые приняли христіанство, оставались въ подозрѣніи, что втайнѣ продолжаютъ держаться мусульманства; инквизиція такъ притѣсняла ихъ, что не разъ они въ отчаяніи подымали возстаніе; испанцы усмиряли ихъ и подвергали стѣсненіямъ, худшимъ прежняго. Гоненіе на нихъ считалось дѣломъ благочестія, и каждый, имѣвшій мусульманъ въ числѣ своихъ предковъ, считался подозрительнымъ, подвергался притѣсненіямъ.

4. Открытіе Америки.

а) христофоръ колумбъ и его первое плаваніе на западъ.

Жизнь Колумба въ Испаніи.

Въ войнѣ съ Гранадой принималъ быть можетъ участіе Христофоръ Колумбъ или, по испанской формѣ имени, Кристоваль Колонъ. Мы говорили, что за нѣсколько лѣтъ передъ осадой Гранады онъ уѣхалъ изъ Португаліи предложить свой планъ кастильскому правительству. Андалузскій вельможа Луисъ де ла Серда, герцогъ Медина Сели, заинтересовался проектомъ Колумба, обѣщавшимъ громадныя выгоды государству, и рекомендовалъ его Изабеллѣ. Она приняла Колумба на свою службу, назначила ему жалованье и передала его проектъ на разсмотрѣніе саламанкскому университету. Коммиссія, которой королева поручила окончательное рѣшеніе дѣла, состояла почти исключительно изъ лицъ духовнаго званія; вліятельнѣйшимъ человѣкомъ въ ней былъ духовникъ Изабеллы, Фернандо Талавера. Послѣ долгихъ разсужденій она пришла къ заключенію, что основанія проекта слабы, и что онъ неудобоисполнимъ. Но не всѣ были этого мнѣнія. Кардиналъ Мендоса, человѣкъ очень умный, и доминиканецъ Діэго Деса, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ севильскимъ и великимъ инквизиторомъ, стали покровителями Колумба; по ходатайству ихъ Изабелла оставила его въ своей службѣ. Въ 1487 году онъ жилъ въ Кордовѣ. Кажется, онъ поселился въ этомъ городѣ собственно потому, что тамъ жила донья Беатриса Энрикесъ Авана, съ которой онъ имѣлъ связь. У нея родился отъ него сынъ Фернандо. Война съ Гранадой поглощала все вниманіе Изабеллы. Колумбъ потерялъ надежду получить отъ королевы средства для экспедиціи на западъ, рѣшился ѣхать во Францію, чтобы предложить свой проектъ французскому правительству. Онъ съ своимъ сыномъ Діэго пріѣхалъ въ Палосъ, чтобы плыть оттуда во Францію и остановился во францисканскомъ монастырѣ Равидѣ (Rabida). Жившій тогда тамъ монахъ Хуанъ Пересъ Марчена, духовникъ Изабеллы, разговорился съ пріѣзжимъ; Колумбъ сталъ разсказывать ему свой проектъ; онъ пригласилъ на свою бесѣду съ Колумбомъ врача Гарсію Гернандеса, знавшаго астрономію и географію. Увѣренность, съ какою говорилъ Колумбъ, произвело сильное впечатлѣніе на Марчену и Гернандеса. Марчена уговорилъ Колумба отложить отъѣздъ и немедленно поѣхалъ въ Санта Фé (въ станъ подъ Гранадой) переговорить съ Изабеллой о проектѣ Колумба. Нѣкоторые придворные поддержали Марчену. Изабелла послала Колумбу нѣсколько денегъ и пригласила его пріѣхать въ Санта Фе. Онъ пріѣхалъ не задолго до взятія Гранады. Изабелла внимательно выслушала Колумба, краснорѣчиво излагавшаго ей свой планъ доплыть до восточной Азіи западнымъ путемъ и объяснявшаго, какую славу пріобрѣтетъ она покореніемъ богатыхъ языческихъ земель и распространеніемъ въ нихъ христіанства. Изабелла обѣщала снарядить для Колумба эскадру, сказала, что если не найдется на это денегъ въ казнѣ, истощенной военными расходами, то она заложитъ свои брильянты. Но когда дѣло дошло до опредѣленія условій договора, представились затрудненія. Колумбъ требовалъ, чтобы ему были даны дворянство, санъ адмирала, санъ вицекороля всѣхъ земель и острововъ, которыя откроетъ онъ, десятая часть доходовъ, какіе будетъ получать съ нихъ правительство, чтобъ ему принадлежало право назначенія на нѣкоторыя должности тамъ и были предоставлены нѣкоторыя торговыя привилегіи, чтобы власть, предоставляемая ему, оставалась наслѣдственной въ его потомствѣ. Кастильскіе сановники, которые вели переговоры съ Колумбомъ, находили эти требованія слишкомъ большими, убѣждали его уменьшить ихъ; но онъ остался непреклоненъ. Переговоры были прерваны, и онъ снова собрался ѣхать во Францію. Государственный казначей Кастиліи Луисъ де Санъ Анхель горячо убѣждалъ королеву согла-

Договоръ Изабеллы съ Колумбомъ.

ситься на требованія Колумба; нѣкоторые другіе придворные говорили ей въ томъ же духѣ, и она согласилась; 17 апрѣля 1492 года былъ заключенъ въ Санта Фе кастильскимъ правительствомъ съ Колумбомъ договоръ на тѣхъ условіяхъ, какихъ требовалъ онъ. Казна была истощена войной; Санъ Анхель сказалъ, что онъ дастъ свои деньги на снаряженіе трехъ кораблей, и Колумбъ поѣхалъ на андалузское приморье снаряжать экспедицію. Небольшой портовый городъ Палосъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ правительства, и за это на него была наложена обязанность содержать въ теченіе года два корабля для государственной службы; Изабелла велѣла Палосу отдать эти корабли въ распоряженіе Колумба; третій корабль снарядилъ онъ самъ на деньги, данныя ему друзьями. Въ Палосѣ пользовалось большимъ вліяніемъ семейство Пинсоновъ, занимавшееся морской торговлей. При содѣйствіи Пинсоновъ Колумбъ разсѣялъ опасеніе моряковъ пуститься въ далекое плаваніе на западъ и набралъ около ста хорошихъ матросовъ. Черезъ три мѣсяца снаряженіе эскадры было кончено, и 3 августа 1492 года изъ палосской гавани поплыли двѣ каравеллы, Пинта и Нинья, капитаномъ которыхъ были Алонсо Пинсонъ и его братъ Винсенте Яньесъ, и третій корабль нѣсколько большей величины, Санта Маріа, капитаномъ котораго былъ самъ Колумбъ.

Колумбъ въ Палосѣ.

Прежняя жизнь Колумба.

Десять итальянскихъ городовъ и мѣстечекъ спорили между собой о славѣ быть родиной Колумба. Но теперь доказано, что онъ родился въ Генуѣ. Менѣе достовѣренъ годъ его рожденія; разныя извѣстія объ этомъ расходятся между собой слишкомъ на 20 лѣтъ. Розельи де Лоргъ, авторъ біографіи Колумба, доказываетъ, что онъ родился около 1435 года; но должно считать болѣе достовѣрнымъ извѣстіе, что онъ родился въ 1456 году. Свѣдѣнія о томъ, кто былъ его отецъ, тоже не достовѣрны, но вѣроятнѣе другихъ то, что онъ былъ сынъ зажиточнаго суконщика; Христоферъ Колумбъ нѣсколько времени учился въ Падуѣ математикѣ, но 14-ти лѣтъ уже сталъ морякомъ. Онъ плавалъ въ Левантъ, въ Тунисъ, совершилъ плаваніе мимо береговъ Англіи въ Исландію. Но ему вовсе не были извѣстны или были извѣстны только по смутнымъ сказочнымъ преданіямъ плаванія норманновъ изъ Гренландіи въ Винландію, то-есть въ сѣверную часть Сѣверной Америки. Еслибъ онъ имѣлъ опредѣленныя свѣдѣнія объ этомъ открытіи норманновъ, то въ первомъ своемъ плаваніи онъ не направился бы отъ Канарскихъ острововъ на юго-западъ, а поплылъ бы на сѣверо-западъ. Притомъ онъ и не могъ интересоваться разсказами о Винландіи; онъ искалъ пути къ богатымъ культурнымъ землямъ южной Азіи.— Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ онъ жилъ, какъ мы говорили, въ Португаліи, участвовалъ въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ для открытій. Знаменитый флорентійскій астрономъ Паоло Тосканелли (умершій въ 1482 году) послалъ ему въ Лиссабонъ морскую карту, на которой были проведены градусы долготы и широты, и писалъ ему письма, въ которыхъ говорилъ, что легко можно доплыть до восточной Азіи Атлантическимъ океаномъ. Когда Колумбъ уѣхалъ изъ Лиссабона, тамъ остался братъ его Бартоломмео. Черезъ нѣсколько времени, при неудачѣ Христофора Колумба склонить кастильское правительство на его проектъ экспедиціи, Бартоломмео поѣхалъ

моремъ въ Англію и былъ взятъ въ плѣнъ морскими разбойниками; получивъ свободу, доѣхалъ до Англіи, заработывалъ тамъ пропитаніе себѣ черченіемъ ландкартъ и старался склонить Генриха VII къ принятію проекта брата. Но пока шло это дѣло, Христоферъ Колумбъ заключилъ договоръ съ Изабеллой.—Есть разсказы, что Колумбъ предлагалъ свой планъ генуэзскому правительству; но теперь доказано, что они ошибочны. Генуя, волнуемая раздорами и изнуряемая войной съ турками, не имѣла возможности заняться такимъ предпріятіемъ, о какомъ думалъ Колумбъ.

Соображенія, на которыхъ былъ основанъ планъ Колумба.

Колумбъ имѣлъ непоколебимое убѣжденіе, что можно доплыть до восточной Азіи, направляясь изъ Европы къ западу. Оно основывалось не на темныхъ, полубасословныхъ извѣстіяхъ объ открытіи Винландіи норманами, а на соображеніяхъ геніальнаго ума Колумба. Средневѣковыя преданія о дивныхъ земляхъ юговосточной Азіи могли возбуждать его къ настойчивому изслѣдованію вопроса о западномъ пути въ эти земли. Но мысль его не была заимствована изъ нихъ. Теплое морское теченіе изъ Мехиканскаго залива къ западному берегу Европы доставляло признаки того, что на западѣ существуетъ большая земля. Португальскій кормчій (шкиперъ) Винсенте поймалъ въ морѣ на высотѣ Азорскихъ острововъ брусокъ дерева, на которомъ были вырѣзаны фигуры; рѣзьба была искусная, но видно было, что она сдѣлана не желѣзнымъ, а какимъ нибудь другимъ рѣзцомъ. Такой же кусокъ рѣзного дерева видѣлъ Колумбъ у Педро Карреи, своего родственника по женѣ, бывшаго правителемъ острова Порто Санто. Король португальскій Іоаннъ II показывалъ Колумбу принесенные западнымъ морскимъ теченіемъ куски тростника такого толстаго и высокаго, что въ отрѣзкахъ отъ одного узла до другого помѣщалось три азумбры (болѣе половины ведра) воды; они напомнили Колумбу слова Птолемея о громадной величинѣ индійскихъ растеній. Жители острововъ Фаяля и Грасіозы разсказывали Колумбу, что море приноситъ къ нимъ съ запада сосновыя деревья такой породы, какой нѣтъ въ Европѣ и на ихъ островахъ. Было нѣсколько случаевъ, что западное теченіе приносило къ берегамъ Азорскихъ острововъ лодки съ умершими людьми расы, какой не было ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ.

Плаваніе.

По отплытіи изъ Палоса Колумбъ постоянно держался направленія на западъ подъ градусами широты Канарскихъ острововъ. Путь по этимъ градусамъ былъ длиннѣе того, чѣмъ по широтамъ болѣе сѣвернымъ или болѣе южнымъ, но представлялъ ту выгоду, что вѣтеръ постоянно былъ попутный. Эскадра остановилась у одного изъ Азорскихъ острововъ, чтобы починить повредившуюся «Пинту»; это заняло мѣсяцъ. Потомъ эскадра поплыла дальше на западъ. Чтобы не возбуждать безпокойства въ матросахъ, Колумбъ скрывалъ отъ нихъ истинную величину пройденнаго пути. Въ таблицахъ, которыя показывалъ своимъ спутникамъ, онъ выставлялъ цифры менѣе дѣйствительныхъ, а подлинныя цифры отмѣчалъ только въ своемъ журналѣ,

котораго не показывалъ никому. Погода была хорошая, вѣтеръ попутный; температура воздуха напоминала свѣжіе и теплые утренніе часы апрѣльскихъ дней въ Андалузіи. Эскадра плыла 34 дня, не видя ничего, кромѣ моря и неба. Матросы начали тревожиться. Магнитная стрѣлка измѣнила свое направленіе, стала отклоняться отъ полюса дальше на западъ, чѣмъ въ недалекихъ отъ Европы и Африки частяхъ моря. Это увеличивало боязнь матросовъ; казалось, что плаваніе ведетъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ владычествуютъ невѣдомыя имъ вліянія. Колумбъ старался успокоить ихъ, объясняя, что перемѣна въ направленіи магнитной стрѣлки производится измѣненіемъ положенія кораблей относительно полярной звѣзды. Попутный восточный вѣтеръ несъ корабли во второй половинѣ сентября по спокойному морю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытому зелеными морскими растеніями. Неизмѣнность въ направленіи вѣтра увеличивала тревогу матросовъ: они стали думать, что въ тѣхъ мѣстахъ никогда не бываетъ никакого другого вѣтра, и что имъ нельзя будетъ плыть обратнымъ путемъ, но и эти опасенія успокоились, когда стали замѣтны сильныя морскія теченія съ югозапада: они давали возможность возвратиться въ Европу. Эскадра плыла по той части океана, которая стала впослѣдствіи называться Травянымъ моремъ; эта сплошная растительная оболочка воды казалась признакомъ близости земли; стая птицъ, кружившаяся надъ кораблями, усилила надежду, что близка земля. Увидѣвъ 25 сентября при закатѣ солнца облако на краю горизонта въ сѣверо-западномъ направленіи, матросы приняли его за островъ; но на слѣдующее утро оказалось, что они ошиблись. У прежнихъ историковъ есть разсказы, что матросы составили заговоръ принудить Колумба къ возвращенію, что они даже угрожали его жизни, что они заставили его обѣщаться повернуть назадъ, если въ слѣдующіе три дня не покажется земля; но теперь доказано, что эти разсказы вымыслы, возникшіе черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ времени Колумба. Опасенія матросовъ, очень естественныя, были превращены фантазіей слѣдующаго поколѣнія въ мятежъ. Колумбъ успокоивалъ своихъ матросовъ обѣщаніями, угрозами, напоминаніями о власти, данной ему королевой, держалъ себя твердо и спокойно; этого было достаточно, чтобы матросы не выходили изъ повиновенія ему. Онъ обѣщалъ пожизненную пенсію въ 30 золотыхъ монетъ тому, кто первый увидитъ землю. Поэтому матросы, находившіеся на марсахъ, нѣсколько разъ давали сигналы, что видна земля, и когда оказывалось, что сигналы были ошибочны, экипажами кораблей овладѣвало уныніе. Чтобы прекратить эти разочарованія, Колумбъ сказалъ, что кто дастъ ошибочный сигналъ о землѣ на горизонтѣ, теряетъ право получить пенсію, хотя бы послѣ и дѣйствительно увидѣлъ первый землю.

Въ началѣ октября усилились признаки близости земли. Стаи не-

Открытіе острова Санъ-Сальвадора.

большихъ пестрыхъ птицъ кружились надъ кораблями и летѣли на юго-западъ; по водѣ плыли растенія, очевидно не морскія, а земныя, но еще сохранившія свѣжесть, показывавшую, что они смыты волнами съ земли недавно; были пойманы досечка и украшенная рѣзьбой палка. Эскадра взяла направленіе нѣсколько на югъ; воздухъ былъ ароматенъ, какъ весной въ Андалузіи. Ясной ночью 11 октября Колумбъ замѣтилъ вдали передвигающійся свѣтъ, потому велѣлъ матросамъ смотрѣть внимательно и обѣщалъ, кромѣ прежней награды, шелковый камзолъ тому, кто первый увидитъ землю. Въ 2 часа утра 12 октября матросъ Пинты Хуанъ Родригесъ Вермехо, уроженецъ мѣстечка Молиноса, сосѣдняго съ Севильей, увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ очертаніе мыса и съ радостнымъ крикомъ: «Земля! земля!» бросился къ пушкѣ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ. Но потомъ награда за открытіе была присуждена самому Колумбу, раньше того увидѣвшему свѣтъ. Съ разсвѣтомъ корабли подплыли къ берегу, и Колумбъ въ алой одеждѣ адмирала, съ кастильскимъ знаменемъ въ рукѣ, вышелъ на новооткрытую землю. Это былъ островъ, который туземцы называли Гуанагани, а Колумбъ назвалъ во славу Спасителя Санъ-Сальвадоромъ (нынѣ онъ называется Уатлингомъ). Островъ былъ покрытъ прекрасными лугами и лѣсами, на немъ были жители, нагіе, темномѣднаго цвѣта; волоса у нихъ были прямые, не вьющіеся; ихъ тѣло было раскрашено въ яркіе цвѣта, Они встрѣтили иноземцевъ робко, почтительно, вообразили, что это дѣти солнца, сошедшія съ неба, и, ничего не понимая, смотрѣли и слушали церемонію, которой Колумбъ взялъ во владѣніе кастильской короны ихъ островъ; они отдавали дорогія вещи за бусы, бубенчики, фольгу. Такимъ образомъ началось открытіе Новаго Свѣта.

b) возвращеніе колумба.—жители новооткрытыхъ острововъ.

Эспаньола.

Въ слѣдующіе дни Колумбъ открылъ еще нѣсколько мелкихъ острововъ, принадлежащихъ къ той группѣ, которая называется Лукайскимъ или Багамскимъ архипелагомъ. Онъ назвалъ одинъ изъ нихъ островомъ Непорочнаго зачатія Santa Maria de la Concepcion, другой Фернандиною (это нынѣшній островъ Эхума), третій Изабеллою; далъ и другимъ новыя имена въ этомъ родѣ. Онъ полагалъ, что открытый имъ архипелагъ лежитъ передъ восточнымъ берегомъ Азіи, что оттуда не далеко до Джипангу (Японіи) и Катая (Китая), описанныхъ Марко Поло и начерченныхъ на картѣ Паоло Тосканелли. Онъ увелъ на свои корабли нѣсколькихъ туземцевъ, чтобъ они выучились испанскому языку и служили переводчиками. Отправившись дальше на юго-западъ, Колумбъ 26 октября открылъ большой островъ Кубу, а 6 декабря—очаровательный островъ, напоминавшій своими

лѣсами, горами и плодородными равнинами Андалузію; по этому сходству Колумбъ назвалъ его Эспаньіолой (или, въ латинской формѣ слова, Hispaniola). Туземцы называли его Гаити. Роскошная растительность Кубы и Гаити утвердила въ испанцахъ убѣжденіе, что это архипелагъ сосѣдній съ Индіей; они восхищались прелестью луговъ и лѣсовъ на этихъ островахъ, превосходнымъ климатомъ ихъ, яркими перьями и звонкимъ пѣніемъ птицъ въ лѣсахъ, ароматомъ травъ и цвѣтовъ, который былъ такъ силенъ, что ощущался довольно далеко отъ берега; восхищались яркостью звѣздъ тропическаго неба.

Растительность острововъ находилась тогда послѣ осеннихъ дождей въ полной свѣжести своего блеска. Колумбъ, одаренный живой любовью къ природѣ, описываетъ въ своемъ корабельномъ журналѣ красоту острововъ и неба надъ ними съ изящной простотой. Гумбольдъ говоритъ: „Въ своемъ плаваніи вдоль береговъ Кубы между мелкими островами Лукайскаго архипелага и Хардинельской группы Колумбъ восхищался густотой лѣсовъ, въ которыхъ вѣтви деревьевъ сплелись такъ, что трудно разобрать, какіе цвѣты принадлежатъ тому или другому дереву, восхищался роскошными лугами влажнаго прибрежья, розовыми фламинго, стоящими по берегамъ у рѣкъ; каждая новая земля кажется ему еще прекраснѣе той, которая описана передъ ней; онъ жалуется, что не достаетъ у него словъ передать наслажденіе, испытываемое имъ.“—Пешель говоритъ: „Очарованный своимъ успѣхомъ, Колумбъ воображаетъ, что въ этихъ лѣсахъ растутъ мастиковыя деревья, что море изобилуетъ жемчужными раковинами, что въ пескѣ рѣкъ много золота; ему видится осуществленіе всѣхъ разсказовъ о богатой Индіи.“

Но испанцы не нашли на открытыхъ ими островахъ такого множества золота, дорогихъ камней и жемчуга, какъ желали. Туземцы носили на себѣ мелкія украшенія, сдѣланныя изъ золота, охотно мѣняли ихъ на бусы и другія бездѣлки; но это золото не удовлетворяло жадности испанцевъ, а только разжигало въ нихъ надежду на близость земель, въ которыхъ много золота; они распрашивали туземцевъ, пріѣзжавшихъ къ ихъ кораблямъ на челнокахъ. Колумбъ обращался съ этими дикарями ласково; они перестали бояться иноземцевъ и на вопросы о золотѣ отвѣчали, что дальше на югъ находится земля, въ которой много его. Но въ первомъ своемъ путешествіи Колумбъ не достигъ материка Америки; онъ не поплылъ дальше Эспаньіолы, жители которой приняли испанцевъ довѣрчиво. Важнѣйшій изъ князьковъ ихъ касикъ Гуаканагари выказывалъ Колумбу искреннюю дружбу и сыновнюю почтительность. Колумбъ нашелъ надобнымъ возвратиться отъ береговъ Кубы въ Европу, потому что Алонсо Пинсонъ, начальникъ одной изъ каравеллъ, тайно уплылъ отъ корабля адмирала. Онъ былъ человѣкъ гордый и вспыльчивый, тяготился своимъ подчиненіемъ Колумбу, хотѣлъ самъ пріобрѣсти заслугу открытія земли, богатой золотомъ, и одинъ воспользоваться ея сокровищами. Его каравелла 20 ноября уплыла отъ корабля Колумба и уже не возвращалась. Колумбъ предположилъ, что онъ поплылъ въ Испанію, чтобы присвоить себѣ славу и награду за открытіе. Черезъ мѣсяцъ (24 декабря) корабль «Santa Maria» попалъ по неосторожности молодого кормчаго на песчаную отмель и былъ разбитъ волнами. У Колумба оставалась только одна каравелла; онъ увидѣлъ себя въ необходимости спѣшить возвращеніемъ въ Испанію. Касикъ и всѣ жители Эспаньіолы выказывали самое дружеское расположеніе къ испанцамъ, старались дѣлать для нихъ все, что могли. Но Колумбъ боялся, что можетъ разбиться у незнакомыхъ береговъ его единственный корабль, и не рѣшился продолжать открытій. Онъ разсудилъ оставить на Эспаньіолѣ часть своихъ спутниковъ, чтобъ они продолжали пріобрѣтать у туземцевъ золото за бездѣлки, нравившіяся дикарямъ. При помощи туземцевъ испанцы построили изъ обломковъ разбившагося корабля укрѣпленіе, обвели его рвомъ, перенесли въ него часть съѣстныхъ припасовъ, поставили тамъ нѣсколько пушекъ; матросы на перерывъ одинъ передъ другимъ вызывались остаться въ этомъ укрѣпленіи. Колумбъ выбралъ изъ нихъ 40 человѣкъ, между которыми было нѣсколько плотниковъ и другихъ мастеровыхъ, и оставилъ ихъ въ Эспаньіолѣ подъ начальствомъ Діэго Араны, Педро Гутіэрреса и Родриго Эсковедо. Укрѣпленіе было названо въ честь праздника Рождества La Navidad.

Возвращеніе Алонса Пинсона къ Колумбу.

Передъ отплытіемъ Колумба въ Европу возвратился къ нему Алонсо Пинсонъ. Уплывъ отъ Колумба, онъ направился дальше вдоль берега Эспаньіолы, вышелъ на землю, получилъ отъ туземцевъ въ обмѣнъ за бездѣлки нѣсколько кусковъ золота толщиною въ два пальца, ходилъ въ глубину страны, услышалъ объ островѣ Ямайе (Ямайкѣ), на которомъ много золота и отъ котораго въ десять дней можно доплыть до большой земли, гдѣ живутъ люди, носящіе одежду. Пинсонъ имѣлъ въ Испаніи сильное родство и могущественныхъ друзей, потому Колумбъ скрылъ свое неудовольствіе на него, показалъ видъ, что вѣритъ выдумкамъ, которыми объясняетъ онъ свой поступокъ. Вмѣстѣ они поплыли вдоль берега Эспаньіолы и въ Саманскомъ заливѣ нашли воинственное племя Сигуайо, которое вступило въ сраженіе съ ними. Это было первое непріязненное столкновеніе испанцевъ съ туземцами. Отъ береговъ Эспаньіолы, Колумбъ и Пинсонъ 16 января 1493 г. поплыли въ Европу.

Плаваніе въ Европу.

На обратномъ пути счастье было менѣе благопріятно Колумбу и его спутникамъ, чѣмъ на пути въ Америку. Въ половинѣ февраля они подверглись сильной бурѣ, которую съ трудомъ могли выдержать ихъ корабли, потерпѣвшіе довольно большія поврежденія въ прежнемъ плаваніи. «Пинта» была унесена бурей къ сѣверу. Колумбъ и другіе плывшіе на «Ниньѣ» потеряли ее изъ виду. Колумбъ чувствовалъ большую тревогу при мысли, что «Пинта» утонула; его корабль тоже легко могъ погибнуть, и въ такомъ случаѣ не дошло бы до

Европы свѣдѣній о его открытіяхъ. Онъ далъ Богу обѣщаніе, что если его корабль уцѣлѣетъ, то будутъ совершены поѣздки на богомолье въ три знаменитѣйшія изъ испанскихъ святыхъ мѣстъ. Онъ и его спутники бросили жребій, кому изъ нихъ должно будетъ ѣхать въ эти святыя мѣста. Изъ трехъ поѣздокъ двѣ выпали на долю самого Колумба; издержки третьей онъ принялъ на себя. Буря все еще продолжалась, и онъ придумалъ средство для того, чтобы свѣдѣнія о его открытіи достигли Европы въ случаѣ погибели его корабля. Онъ написалъ на пергаментѣ краткій разсказъ о своемъ плаваніи и о найденныхъ имъ земляхъ, свернулъ пергаментъ, покрылъ его восковой оболочкой для защиты отъ воды, положилъ пакетъ въ боченокъ, сдѣлалъ на боченкѣ надпись, что, кто найдетъ его и доставитъ королевѣ кастильской, получитъ 1000 дукатовъ награды, и бросилъ его въ море. Черезъ нѣсколько дней когда буря прекратилась и море успокоилось, матросъ увидѣлъ съ марса гротъ-мачты землю; радость Колумба и его спутниковъ была такъ же велика, какъ при открытіи перваго острова на западѣ. Но никто, кромѣ Колумба не могъ разгадать, какой именно берегъ передъ ними; только онъ правильно велъ наблюденія и вычисленія; всѣ другіе спутались въ нихъ, отчасти потому, что онъ преднамѣренно вводилъ ихъ въ ошибки, желая одинъ имѣть свѣдѣнія надобныя для второго плаванія въ Америку. Онъ угадалъ, что земля передъ кораблемъ—одинъ изъ Азорскихъ острововъ. Но волны были еще такъ велики и вѣтеръ такъ силенъ, что каравелла Колумба три дня крейсировала въ виду земли, прежде чѣмъ могла пристать къ Santa Maria (самому южному острову азорскаго архипелага). Испанцы вышли на берегъ 17 февраля; португальцы встрѣтили ихъ недружелюбно. Кастанжеда, правитель острова, человѣкъ коварный, хотѣлъ захватить Колумба и его корабль или по опасенію, что эти испанцы соперники португальцевъ въ торговлѣ съ Гвинеей, или по желанію вывѣдать отъ нихъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ ими. Колумбъ послалъ половину своихъ матросовъ въ капеллу благодарить Бога за спасеніе отъ бури; португальцы арестовали ихъ; хотѣли потомъ овладѣть кораблемъ, но это не удалось, потому что Колумбъ соблюдалъ осторожность. Потерпѣвъ неудачу, португальскій правитель острова отпустилъ арестованныхъ, извиняя свои непріязненные поступки тѣмъ, что не зналъ, дѣйствительно ли корабль Колумба находится на службѣ королевы кастильской. Колумбъ поплылъ въ Испанію; но у португальскаго берега подвергся новой бурѣ; она была очень опасна; Колумбъ и его спутники дали обѣщаніе четвертаго пилигримства; по жребію оно выпало на долю самого Колумба. Жители Каскаэса, видѣвшіе съ берега опасность, въ какой находится корабль, пошли въ церковь молиться о его спасеніи. Наконецъ 4 марта корабль Колумба достигъ Синтрскаго мыса и вошелъ въ устье Тахо. Моряки Белемской гавани, къ которой присталъ Колумбъ, сказали,

что его спасеніе—чудо, что на памяти людей еще не бывало такой сильной бури, что она потопила 25 большихъ торговыхъ кораблей, плывшихъ изъ Фландріи.

Колумбъ въ Португаліи.

Счастье благопріятствовало Колумбу, избавляло его отъ опасностей. Онѣ угрожали ему въ Португаліи. Іоаннъ II завидовалъ удивительному открытію, затмѣвавшему всѣ открытія потругальцевъ и, какъ тогда казалось, отнимавшему у нихъ выходы торговли съ Индіей, которой хотѣли они достичь путемъ вокругъ Африки. Король принялъ Колумба въ своемъ западномъ дворцѣ Вальпараизо, выслушалъ его разсказъ объ открытіяхъ. Нѣкоторые вельможи хотѣли раздражить Колумба, вызвать его на какую-нибудь дерзость и, воспользовавшись ей, убить. Но Іоаннъ II отвергъ эту постыдную мысль, и Колумбъ остался живъ. Іоаннъ выказалъ уваженіе къ нему и позаботился о доставленіи ему безопасности на обратномъ пути. Колумбъ 15 марта приплылъ въ Палосъ; жители города встрѣтили его съ восторгомъ. Плаваніе его продолжалось семь съ половиной мѣсяцевъ. Вечеромъ въ тотъ же день приплылъ въ Палосъ и Алонсо Пинсонъ.

Смерть Алонсо Пинсона.

Онъ выходилъ на берегъ въ Галисіи, послалъ увѣдомленіе о своихъ открытіяхъ Изабеллѣ и Фердинанду, находившимся тогда въ Барселонѣ, просилъ у нихъ аудіенціи. Они отвѣчали, чтобъ онъ явился къ нимъ въ свитѣ Колумба. Эта немилость королевы и короля огорчила его; опечалила его и холодность, съ какой онъ былъ принятъ въ своемъ родномъ городѣ Палосѣ; онъ горевалъ такъ сильно, что черезъ нѣсколько недѣль умеръ. Своимъ коварствомъ относительно Колумба онъ навлекъ на себя презрѣніе, такъ что современники не хотѣли цѣнить услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу открытія Новаго Свѣта. Только потомки отдали справедливость его отважному участію въ предпріятіи Колумба.

Пріемъ, сдѣланный Колумбу въ Испаніи.

Въ Севильѣ Колумбъ получилъ отъ королевы и короля приглашеніе пріѣхать къ нимъ въ Барселону; онъ поѣхалъ, взявъ съ собой нѣсколькихъ дикарей, привезенныхъ съ новооткрытыхъ острововъ, и продукты, найденные тамъ. Народъ собрался огромной толпой видѣть его въѣздъ въ Барселону. Королева и король приняли его съ такими почестями, какія оказывались только самымъ знатнымъ людямъ. Король встрѣтилъ Колумба на площади, посадилъ рядомъ съ собой и потомъ нѣсколько разъ ѣздилъ рядомъ съ нимъ верхомъ по городу. Знатнѣйшіе вельможи дѣлали пиры въ честь Колумба и, какъ говорятъ, на праздникѣ, данномъ въ честь его кардиналомъ Мендосой, произошелъ знаменитый анекдотъ съ яйцомъ.

Колумбъ держалъ себя съ достоинствомъ и скромностью, разсказывалъ о своемъ открытіи просто и вмѣстѣ краснорѣчиво. Благородство его характера производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ видѣвшихъ и слушавшихъ его. Испанцамъ открывалась великая будущность. Королева, женщина набожная, была занята всего болѣе тою

мыслью, что пріобрѣтетъ заслугу передъ Богомъ распространеніемъ царства Христова на новыя земли. Люди менѣе набожные думали о выгодахъ, какія доставитъ Испаніи торговля съ землями, богатыми золотомъ; ученые радовались расширенію человѣческихъ знаній. Разсказы Колумба и привезенные имъ продукты возбуждали фантазію испанцевъ до такой степени, что новыя земли воображались имъ райскими. Видъ туземцевъ, привезенныхъ Колумбомъ, подтверждалъ эту мысль. «Они ходятъ нагіе, не имѣютъ ни денегъ, ни законовъ, ни судей, пользуются полной свободой, довольствуются дарами природы, нѣтъ у нихъ ни споровъ объ имуществѣ, ни заботъ о будущемъ, они живутъ въ золотомъ вѣкѣ,—писалъ о людяхъ американскихъ острововъ итальянецъ Піэтро Мартиръ, другъ Колумба, находившійся на службѣ Изабеллы. Мечты о райскомъ состояніи американскихъ дикарей разсѣялись, когда европейцы ближе познакомились съ ихъ бытомъ; но въ первое время разсказы Колумба дѣйствительно могли возбудить въ ученыхъ мысли подобныя тѣмъ, какія составились у Руссо по разсказамъ современныхъ ему мореплавателей объ островахъ Тихаго океана.

Бытъ населенія новооткрытыхъ острововъ.

На сколько можемъ видѣть по разсказамъ Колумба и ближайшихъ продолжателей его открытій, населеніе Антильскихъ острововъ находилось тогда на очень низкой степени развитія. При плодородіи земли и мягкости климата, не имѣющаго зимы, жизнь туземцевъ была легка; они почти не имѣли надобности трудиться. Жилищами ихъ были шалаши, сплетенные изъ вѣтвей, крытые травой или пальмовыми листьями; они спали на сѣткахъ, которыя подвѣшивались какъ гамаки. Ихъ шалаши группировались около жилищъ касиковъ. Мужчины, дѣти и дѣвушки ходили совершенно нагими; только замужнія женщины прикрывали часть тѣла. Длина этого прикрытія была различна; у простолюдинокъ оно ограничивалось передникомъ, сплетеннымъ изъ хлопка, который росъ на ихъ островахъ въ дикомъ состояніи; знатныя женщины носили одежду, закрывавшую все тѣло отъ плечъ до ногъ. Пищей этимъ дикарямъ служили плоды, главнымъ образомъ бататы, которыхъ было у нихъ нѣсколько породъ, маисъ и ахесъ (одна изъ породъ ямса), рыба, птицы, ящерица, которую называли они „утія, и нѣкоторыя другія мелкія животныя; крупныхъ млекопитающихъ они не ѣли. У нихъ были князья, которыхъ называли они касиками. Князь имѣлъ неограниченную власть надъ собственностью и жизнью всѣхъ своихъ соплеменниковъ, былъ представителемъ племени въ молитвахъ и жертвоприношеніяхъ. Онъ и его семейство имѣли жилище гораздо обширнѣе шалашей простолюдиновъ. Онъ и его родственники имѣли по нѣсколько женъ; простолюдины жили въ единоженствѣ. При сношеніяхъ съ европейцами, касики держали себя съ большимъ достоинствомъ. Санъ ихъ былъ наслѣдственный. Если касикъ не имѣлъ ни сыновей, ни братьевъ,

Касики.

ему наслѣдовалъ сынъ сестры. Области касиковъ были очень неодинаковы по величинѣ. Эспаньіола дѣлилась на пять большихъ государствъ, князьямъ которыхъ были подвластны касики мелкихъ округовъ. Коренное населеніе на всѣхъ Антильскихъ островахъ принадлежало къ одному племени, говорило однимъ языкомъ, имѣвшимъ только діалектическія различія на разныхъ островахъ. Но нѣкоторые мелкіе острова и нѣкоторыя части большихъ острововъ были завоеваны другимъ племенемъ, имѣвшимъ болѣе крѣпкое тѣлосложеніе и воинственный характеръ. Эти завоеватели назывались карибами или канибами; коренные туземцы говорили, что они людоѣды. (Отъ «каниба» произошло у европейцевъ слово каннибалъ). Тѣ сигуайо, жители Саманскаго мыса, которые вступили въ сраженіе съ испанцами, принадлежали къ карибскому племени, главными центрами котораго были, кажется, острова Пуэрто Рико и Гваделупа. Коренное населеніе Антильскихъ острововъ очень боялось карибовъ; отравленныя стрѣлы ихъ наносили большія потери даже европейцамъ. По своему общественному и домашнему быту карибы стояли выше коренныхъ туземцевъ и были искусные моряки. Ихъ языкъ былъ различенъ отъ туземнаго. Они держали въ рабствѣ покоренныя туземныя племена.

Карибы.

Религіозныя понятія жителей Антильскихъ острововъ были очень мало развиты. Они имѣли множество идоловъ, сдѣланныхъ изъ камня, глины, золота, хлопка. Они называли эти изображенія божествъ семе. Божества, изображаемыя этими семе, были олицетвореніями благотворныхъ или гибельныхъ явленій природы. Богослуженіе совершали жрецы, подъ надзоромъ касиковъ. Жрецы и касики обладали тайными знаніями, чародѣйствовали, предсказывали будущее. У туземцевъ было вѣрованіе въ загробную жизнь; они клали въ могилу пищу для погребаемаго и ставили сосудъ съ водой. Души умершихъ, по ихъ вѣрованію, жили въ пещерахъ, ущельяхъ, лѣсахъ. Эхо считалось голосомъ умершихъ. Вмѣстѣ съ касикомъ хоронили и главную его жену, вѣроятно обрекавшую себя на смерть добровольно.

Религія.

Нравы туземцевъ были менѣе невинны, чѣмъ вообразили себѣ, по первымъ разсказамъ Колумба, европейскіе ученые. Эти дикари были хитры, коварны, умѣли приготовлять изъ сока растеній ядъ, которымъ отравляли свои стрѣлы. Жены простолюдиновъ были, вѣроятно, вѣрны своимъ мужьямъ до пріѣзда европейцевъ; по обольщеніямъ европейцевъ поддавались почти всѣ онѣ. Знатныя женщины имѣли множество любовниковъ; это считалось принадлежностью ихъ знатнаго рода. Чтобы дольше сохранить свѣжесть, женщины производили выкидышъ; это было у нихъ въ большомъ употребленіи. За присвоеніе чужого имущества были положены очень строгія наказанія, и воровство или мошенничество было очень рѣдко. Вѣроятно, все имущество племени считалось собственностью касика, и онъ раздавалъ его въ частное пользованіе по мѣрѣ надобностей каждаго семейства; быть можетъ

Нравы.

этимъ объясняется уваженіе туземцевъ къ чужому имуществу. Техническія искусства находились на очень низкой степени развитія; туземцы ловко работали своими жалкими орудіями, каменными топорами, и ножами, сдѣланными изъ раковинъ; но у нихъ не было желѣзныхъ орудій, потому работа у нихъ шла очень медленно. Грубая рѣзьба, выдѣлка неуклюжихъ идоловъ, деревянныхъ вещей для домашняго обихода и челноковъ, были единственными ихъ искусствами. У нихъ были пѣсни; они пѣли на свадьбахъ, на другихъ праздникахъ, на похоронахъ и плясали подъ пѣніе. Когда шли въ сраженіе, они пѣли боевыя пѣсни. Испанцы съ удивленіемъ видѣли, что они держатъ во рту небольшіе длинные свертки, конецъ которыхъ дымится, и тянутъ въ ротъ дымъ; они называли эти свертки табакко; испанцы стали называть именемъ табакко растеніе, изъ листьевъ котораго дѣлали они свертки для курева.

Колумбъ оставался въ твердомъ убѣжденіи, что острова, открытые имъ, лежатъ у восточнаго берега Азіи, не подалеку отъ богатыхъ земель Джипангу и Катая; почти всѣ раздѣляли его мнѣніе; лишь немногіе сомнѣвались въ основательности этого соображенья.

c) Второе путешествіе Колумба.

Приготовленія къ новой экспедиціи.

Въ маѣ (1493 года) Колумбъ уѣхалъ изъ Барселоны, гдѣ былъ осыпанъ любезностями королевы и короля. Онъ отправился въ Севилью заняться приготовленіемъ къ новой экспедиціи. Изабелла и Фердинандъ выказывали полное довѣріе къ нему. Онъ былъ утвержденъ въ санѣ вице-короля земель, которыя открылъ или откроетъ; ему была предоставлена вся власть въ нихъ, назначеніе всѣхъ областныхъ правителей и судей. Но въ Севильѣ была учреждена коммиссія для завѣдыванія дѣлами Индіи (то-есть по нынѣшнему выраженію Вестъ-Индіи). Президентомъ ея былъ назначенъ Хуанъ Фонсека (получившій впослѣдствіи санъ епископа бадахосскаго), человѣкъ властолюбивый, заботившійся исключительно объ интересахъ испанскаго правительства, жертвовавшій для нихъ благомъ американскихъ владѣній, распоряжавшійся дѣлами деспотически, по своимъ личнымъ сочувствіямъ и антипатіямъ къ людямъ. Эта коммиссія, называвшаяся контрактной палатой, Casa de Contratacion, предсѣдателемъ которой оставался Фонсека очень долго, была верховнымъ судомъ по всѣмъ дѣламъ колоній, установляла пошлины и торговыя правила для нихъ, завѣдовала снаряженіемъ экспедицій въ Америку. Помощниками Фонсеки были Франсиско Пинело и Хуанъ Соріа, завѣдовавшіе спеціально разными отраслями финансоваго управленія. Правительство заботливо помогало Колумбу къ снаряженіи второй экспедиціи его. Матросы и солдаты охотно шли въ ея составъ; правительство убѣждало ремесленниковъ, горныхъ мастеровъ и людей опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ плыть въ новооткрытыя земли; дало Колумбу большіе запасы аммуниціи и продовольствія; снабдило экспедицію лошадьми, другими домашними животными, домашней птицей, сѣменами для нивъ, растеніями для плантацій, дало множество мануфактурныхъ товаровъ, маленькихъ зеркалъ, бубенчиковъ и всякихъ бездѣлокъ для мѣновой торговли съ туземцами. Изабелла позаботилась и объ ихъ спасеніи. Дикари, привезенные Колумбомъ, были крещены, научены христіанской вѣрѣ и отправлялись теперь домой быть миссіонерами, помогать двѣнадцати монахамъ, посылаемымъ крестить ихъ соплеменниковъ. Управленіе дѣломъ проповѣди и крещенія туземцевъ было поручено бенедиктинцу Вернарде Войлю (Bernarde Boyl), считавшемуся святымъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ очень ловкому дипломату. Онъ былъ назначенъ папскимъ викаріемъ въ новооткрытыхъ земляхъ. Королева повелѣла, чтобы миссіонеры обращали туземцевъ въ христіанство кроткимъ способомъ, безъ насилія; но это повелѣніе, разумѣется, не было исполняемо. Чтобы предотвратить споръ съ Португаліей за новыя владѣнія, Изабелла выпросила у папы буллу, предоставлявшую королевству кастильскому право собственности надъ землями западной части Атлантическаго океана.

Демаркаціонная булла

Эта булла, данная Александромъ VI 4 мая 1493 года, называется демаркаціонной. Она проводила линію по меридіану, находящемуся въ 100 морскихъ миляхъ на западъ отъ Азорскихъ острововъ, и постановляла, что всѣ острова и земли, какія будутъ открыты на западъ отъ этой линіи, должны принадлежать Испаніи, а всѣ, находящіяся на востокѣ, предоставляются Португаліи.

Испанцы ссылались на папскую буллу, присвоивая себѣ въ исключительную собственность всю Америку. Испанское правительство постановило, что только испанцы могутъ вести торговлю съ новооткрытыми на западѣ землями, а подданнымъ всѣхъ другихъ государствъ она воспрещена. Король португальскій Іоаннъ II протестовалъ противъ демаркаціонной буллы; по договору, заключенному съ нимъ въ Тордесильясѣ 7 іюня 1494, демаркаціонная линія была перенесена на меридіанъ, находящійся въ 370 лигахъ къ западу отъ острововъ Зеленаго мыса.

Многочисленность людей, желающихъ плыть въ новооткрытыя земли.

Правительство предполагало отправить въ новую экспедицію 1.200 человѣкъ; число желающихъ плыть превысило эту цифру, и она была увеличена до 1.500. Въ числѣ волонтеровъ находились знатные люди, привлеченные надеждой обогатиться въ земляхъ, о которыхъ молва говорила, что тамъ въ пескѣ рѣкъ очень много золота, въ горахъ очень много золота и серебра и дорогихъ камней, по морскому берегу множество жемчуга. Важнѣйшими изъ людей, отправившихся съ Колумбомъ въ его второе путешествіе, были Алонсо Охеда, красивый рыцарь необыкновенной физической силы, Хуанъ Понсе де-

Леонъ (впослѣдствіи открывшій Флориду), Діэго Веласкесъ (впослѣдствіи назначенный правителемъ Кубы).

Открытіе Карибскихъ острововъ.

Экспедиція состояла изъ трехъ большихъ кораблей и 15 каравеллъ. Она была собрана въ Кадикссской гавани. Простившись въ Севильѣ съ своими сыновьями Діэго и Фернандо, Колумбъ отправился въ Кадиксъ, и 25 сентября (1493 года) эскадра отплыла въ море. На Канарскихъ островахъ она пополнила свои запасы и между прочимъ взяла тамъ сахарный тростникъ для разведенія плантацій его и собакъ для ловли людей. Отъ острова Ферро Колумбъ поплылъ въ юго-западномъ направленіи и 3 ноября увидѣлъ передъ собою островъ; этотъ день былъ воскресенье, потому Колумбъ назвалъ новый островъ Доминикой (воскреснымъ островомъ). На немъ росъ великолѣпный лѣсъ; на вѣтвяхъ деревьевъ сидѣло множество попугаевъ и другихъ тропическихъ птицъ. Въ слѣдующіе дни были открыты еще два острова; одинъ изъ нихъ былъ названъ Maria Galante, по имени адмиральскаго корабля; другой Гваделупою, по имени одного изъ испанскихъ монастырей. Жилища на этихъ островахъ были построены лучше, чѣмъ на Эспаньіолѣ; у жителей было больше орудій и посуды, стрѣлы ихъ имѣли острые наконечники; они носили одежду изъ хлопчато-бумажной ткани; вообще было видно, что они люди болѣе развитые, чѣмъ туземцы Эспаньіолы; испанцы видѣли на нѣсколькихъ мѣстахъ прибрежья человѣческіе скелеты и черепы; изъ этого заключили, что тутъ живутъ карибы. Испанцы видѣли женщинъ, у которыхъ руки и ноги были перетянуты хлопчато-бумажными тесьмами, такъ что мясистыя части выше перевязки были сильно раздуты; потомъ испанцы узнали, что это привилегія свободныхъ женщинъ, и что плѣнницамъ, взятымъ въ другихъ племенахъ и находящимся въ невольничествѣ, не дозволяется придавать себѣ такія аристократическія формы перевязями. Жены карибовъ ходили въ сраженія вмѣстѣ съ мужьями. У карибовъ были длинныя лодки; они часто плавали на другіе острова брать плѣнныхъ, чтобы лакомиться человѣческимъ мясомъ на своихъ пирахъ. Нѣсколько испанцевъ вышло на берегъ безъ позволенія Колумба; они заблудились въ лѣсу и не были убиты только потому, что въ это время почти всѣ мужчины острова были въ одной изъ такихъ экспедицій для захвата плѣнныхъ. Въ слѣдующіе дни испанцы плыли мимо другихъ острововъ, которые Колумбъ назвалъ Монсеррате, Санъ-Мартинъ, Санта-Крусъ, и открыли большой островъ Боринкенъ (Пуэрто-Рико). На всѣхъ этихъ островахъ жили карибы.

Пріѣздъ въ Эспаньіолу.

Колумбъ плылъ, не останавливаясь; онъ спѣшилъ къ тому укрѣпленію на Эспаньіолѣ, въ которомъ оставилъ часть своихъ спутниковъ при первомъ путешествіи. На берегу Саманскаго залива онъ увидѣлъ четыре трупа; одинъ изъ убитыхъ имѣлъ бороду; Колумбъ предположилъ по этому признаку, что онъ испанецъ. У адмирала возникло

опасеніе за судьбу другихъ, остававшихся на Эспаньіолѣ. Оно усилилось, когда эскадра подплыла къ тому мѣсту берега, гдѣ Колумбъ ожидалъ найдти множество народа и сотни лодокъ. Теперь этотъ берегъ былъ совершенно безлюденъ. Колумбъ вышелъ на землю. Черезъ нѣсколько времени явился посолъ отъ касика Гуапакагари; его туманные отвѣты утвердили Колумба въ мысли, что съ оставшимися на Эспаньіолѣ испанцами случилась бѣда. На слѣдующій день (28 ноября) Колумбъ вышелъ на берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилось укрѣпленіе, и увидѣлъ, что дѣйствительно случилась бѣда: строенія были сожжены, скопы разрушены; кругомъ валялись разломанные ящики, разбросанныя вещи испанцевъ, лоскуты ихъ одежды. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ находились небольшія насыпи, уже поросшія травой; это были могилы убитыхъ испанцевъ. Изъ-за деревьевъ выглядывали туземцы. Оставляя своихъ спутниковъ въ укрѣпленіи, Колумбъ сказалъ имъ, что въ случаѣ опасности они должны зарыть въ землю или спрятать въ колодези свои сокровища; въ колодезяхъ не нашлось ничего и не было ничего зарыто въ землѣ. Колумбу удалось вступить въ сношенія съ туземцами, вновь пріобрѣсти ихъ довѣріе, и они разсказали ему, какъ погибли остававшіеся у нихъ бѣлые люди. Испанцы, оставленные Колумбомъ въ укрѣпленіи, принадлежали большею частью къ низшему классу; Колумбъ велѣлъ имъ обращаться съ туземцами дружелюбно; они не послушались его, стали отнимать у туземцевъ золотыя украшенія, били ихъ, обольщали ихъ женъ и дочерей, ссорились между собой. Гутіэрресъ и Эсковедо отказали въ повиновеніи старшему начальнику Діэго Аранѣ и съ нѣсколькими солдатами пошли въ глубину острова грабить туземцевъ. Прежнее благоговѣніе эспаньіольцевъ къ испанцамъ исчезло, замѣнилось ненавистью и презрѣніемъ. Гутіэрресъ и Эсковедо пришли въ землю Каонабо, сильнаго касика. Онъ напалъ на нихъ врасплохъ; перерѣзалъ весь ихъ отрядъ, соединился съ другимъ касикомъ и пошелъ къ испанскому укрѣпленію. Арана и его солдаты жили тамъ безпечно; туземцы неожиданно напали ночью на укрѣпленіе, зажгли шалаши; испанцы бѣжали, туземцы убивали ихъ; Арана и пять солдатъ добѣжали до берега, сѣли въ лодку, отплыли въ море и утонули. Гуаканагари хотѣлъ, какъ говорили туземцы его племени, защищать испанцевъ, но былъ побѣжденъ и раненъ. Колумбъ съ отрядомъ всадниковъ поѣхалъ въ его селеніе, увидѣлъ тамъ слѣды разрушенія, нашелъ Гуаканагари лежащимъ съ перевязанной ногой и жалующимся на боль раны. Но когда бывшій съ Колумбомъ хирургъ снялъ перевязку, то оказалось, что никакой раны нѣтъ. Спутники Колумба говорили, что должно взять обманщика подъ стражу; но адмиралъ предпочелъ остаться въ дружбѣ съ нимъ. Онъ пришелъ къ испанцамъ на берегъ. Колумбъ взялъ его на свой корабль, показалъ ему, какой большой силой располагаетъ теперь. Особенно страшны казались Гуаканагари

лошади. На корабляхъ были плѣнные карибы. Гуаканагари дивился могуществу Колумба, побѣдившаго такихъ сильныхъ враговъ. Но возвратившись домой, онъ ушелъ жить дальше отъ берега, въ горы. Изъ этого испанцы поняли, что онъ не довѣряетъ имъ.

Построеніе города Изабеллы.

Колумбъ понималъ, что положеніе испанцевъ на Эспаньіолѣ опасно. Та мѣстность, гдѣ находилось прежнее укрѣпленіе, не имѣла камней для постройки новаго болѣе прочнаго, потому Колумбъ уплылъ изъ этой гавани, вышелъ на берегъ въ нѣсколькихъ миляхъ на востокъ отъ Монте-Кристи при устьѣ рѣки. Тутъ была плодородная равнина, защищенная скалистымъ хребтомъ и непроходимымъ лѣсомъ. Колумбъ сталъ строить новое укрѣпленіе при устьѣ рѣки. У него были хорошіе мастера, онъ построилъ церковь, магазины, дома; зданія были расположены правильными улицами, такъ что поселеніе походило на европейскій городъ. Колумбъ назвалъ его въ честь королевы городомъ Изабеллы. Но жизнь на Эспаньіолѣ оказывалась вовсе не такой, какъ ожидали спутники Колумба. Правда, островъ былъ плодороденъ, прекрасенъ, но вмѣсто ожидаемаго богатства колонистамъ предстояли труды, лишенія, опасности. Большинство испанцевъ упало духомъ; непривычный образъ жизни произвелъ между ними болѣзни. Самъ Колумбъ занемогъ лихорадкой и пролежалъ нѣсколько недѣль. Приходило время, когда ему надобно было отправить часть эскадры въ Испанію; онъ понималъ, что если его спутники возвратятся съ пустыми руками и печальными извѣстіями, то онъ лишится довѣрія и помощи правительства. Охеда, ходившій съ нѣсколькими отважными товарищами въ Сибао, землю касика Каонабо, узналъ, что въ этой части острова очень много золотого песку, и принесъ много золота. Такимъ образомъ, Колумбъ, отправляя въ февралѣ 1494 года въ Европу 12 кораблей подъ начальствомъ Антоніо Торреса, послалъ Изабеллѣ довольно большое количество золота; послалъ также растенія и плоды, найденные въ области Сибао, и нѣсколько плѣнныхъ карибовъ. Правительство могло видѣть, что новооткрытыя земли будутъ давать большіе доходы. Но теперь Колумбу еще приходилось не обогащать правительство, а просить у него пособій. Запасы, взятые изъ Испаніи, были почти всѣ истощены, нужны были новые; издержки на нихъ не могли быть покрыты золотомъ, которое посылалъ Колумбъ. Онъ предлагалъ отправлять въ Испанію карибовъ на продажу въ рабство и прикрывалъ этотъ проектъ объясненіемъ, что продажей карибовъ въ рабство миролюбивые туземцы будутъ освобождены отъ грабителей, а многіе изъ увезенныхъ въ Европу станутъ христіанами, пріобрѣтутъ душевное спасеніе. Но Изабелла не согласилась вести торговлю невольниками.

Вскорѣ по отплытіи Торреса неудовольствіе остававшихся на Эспаньіолѣ испанцевъ усилилось до такой степени, что составился заговоръ противъ Колумба. Казначей Верналь Писа и нѣкоторые другіе задумали овладѣть кораблями, остававшимися у берега Эспаньіолы, и уплыть въ Испанію. Заговоръ былъ открытъ, найдена была записка, приготовленная для оправданія самовольства передъ испанскимъ правительствомъ; она была наполнена обвиненіями противъ Колумба. Онъ арестовалъ Верналя Пису, сказалъ, что отправитъ его въ Испанію съ уликами въ лживости обвиненій. Это раздражило многихъ. Національная гордость испанцевъ оскорблялась обязанностью повиноваться иноземцу. Выздоровѣвъ, Колумбъ въ мартѣ предпринялъ походъ въ Сибао. Съ большимъ отрядомъ, въ которомъ было много всадниковъ, онъ перешелъ крутой хребетъ, отдѣляющій приморье отъ средней части острова. Начальство надъ кораблями и городомъ онъ поручилъ своему брату Діэго, человѣку скромному и дѣльному. Прорубая путь черезъ лѣса въ горахъ, отрядъ Колумба дошелъ до вершины хребта, съ которой увидѣлъ обширную равнину, орошаемую рѣками, покрытую роскошной растительностью. Между великолѣпными пальмовыми рощами стояли селенія. Колумбъ назвалъ эту мѣстность Королевской Равниной, Vega Real. При видѣ всадниковъ, жители прятались въ свои хижины, закрывали входы въ нихъ тростникомъ; испанцы не входили насильно въ хижины, держали себя дружелюбно; туземцы ободрились, стали приносить имъ съѣстные припасы. Прошедши равнину, испанцы пришли въ горную мѣстность; у ея жителей были крупинки золота, набранныя изъ песка рѣчекъ; они отдавали это золото испанцамъ въ обмѣнъ за бездѣлки. Колумбъ предположилъ, что по сосѣдству должны находиться рудники, богатые золотомъ. Воины, которыхъ посылалъ онъ разузнавать о мѣстностяхъ, лежащихъ дальше въ глубинѣ острова, подтвердили его мысль. Онъ построилъ у рѣчки Янике укрѣпленіе, которое назвалъ фортомъ св. Ѳомы, оставилъ тамъ Педро Маргарите съ 56 воинами и пошелъ обратно въ Изабеллу, ободренный результатами своей экспедиціи. Но неудовольствіе испанцевъ въ Изабеллѣ увеличивалось. Съѣстные припасы, привезенные изъ Европы, истощались, а къ пищѣ туземцевъ испанцы не могли привыкнуть. Отъ недостатка привычной пищи, отъ жаркаго и сыраго климата и отъ распутства появились между испанцами болѣзни; гидальго отказывались работать, негодовали на иноземца, строго требовавшаго дисциплины. Апостольскій викарій Войль злился на то, что, при недостаткѣ продовольствія, ему даютъ такую же небольшую долю пищи, какъ и всѣмъ другимъ; интриговалъ противъ Колумба. Многіе умирали, проклиная день, въ который покинули родину. Колумбъ думалъ, что вѣрнѣе всего можетъ возстановить бодрость духа въ своихъ спутникахъ новыми походами. Изъ форта св. Ѳомы были получены извѣстія, что Каонабо готовится къ нападенію. Колумбъ послалъ Охеду съ отрядомъ войска въ этотъ фортъ, поручивъ ему остаться начальникомъ тамъ и послать Маргарите съ большей частью воиновъ въ экспедицію по Сибао

Золото въ Сибао.

и сосѣднимъ мѣстностямъ. Адмиралъ совѣтовалъ Охедѣ и другимъ начальникамъ держать себя съ туземцами осторожно, миролюбиво и честно. Туземные посильщики ушли съ вещами воиновъ Охеды; онъ велѣлъ арестовать касика этого племени, сына и племянника касика и, отрѣзавъ имъ уши, отослалъ ихъ въ Изабеллу. Колумбъ объявилъ имъ, что они будутъ казнены; они просили помилованья; другой касикъ поручился, что воровства не будетъ больше, и Колумбъ возвратилъ имъ свободу. Жители большого селенія взяли въ плѣнъ пять испанцевъ; но когда подъѣхалъ къ селенію всадникъ, они такъ испугались, что всѣ убѣжали отъ него одного.

d) дальнѣйшія открытія. ропотъ противъ колумба.

Экспедиція въ Ямайку 1494.

Межъ тѣмъ какъ Охеда и его товарищи ходили по среднимъ частямъ Эспаньіолы, Колумбъ поплылъ дальше, надѣясь достичь восточнаго берега Азіи. Онъ присталъ къ берегу Кубы и въ началѣ мая вошелъ въ бухту, называющуюся теперь Гуатанамо. Когда онъ вышелъ на берегъ, жители бѣжали въ лѣса и горы. Но при Колумбѣ находился переводчикъ, туземецъ, взятый на Гуанагани во время перваго путешествія, отвезенный въ Испанію, крещенный тамъ и выучившійся говорить по-испански. Онъ увѣрялъ спрятавшихся туземцевъ Кубы, что испанцы имѣютъ миролюбивыя намѣренія, и узналъ отъ нихъ, что на югѣ лежитъ большой островъ, на которомъ очень много золота. Колумбъ поплылъ туда и на третій день (3 мая 1494) достигъ берега Ямайки. Туземцы въ лодкахъ, имѣвшихъ отъ 70 до 90 футовъ длины, подплыли къ кораблямъ Колумба и выказывали враждебныя намѣренія; но испанцы, не пугаясь ихъ, вошли въ прекрасную бухту, которую Колумбъ назвалъ Santa Gloria (теперь она называется Santa Anna). На берегу собралось множество туземцевъ; тѣло ихъ было разрисовано, они носили поясъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Эти многочисленныя толпы хотѣли не допустить испанцевъ выйдти на берегъ; Колумбъ нашелъ надобнымъ употребить силу. Испанцы стали стрѣлять изъ луковъ, выпустили собакъ на берегъ. Туземцы обратились въ бѣгство. На слѣдующее утро явились послы отъ касиковъ съ увѣреніями въ дружбѣ и принесли много съѣстныхъ припасовъ. Испанцы подарили имъ нѣсколько бездѣлокъ; они были въ восторгѣ и предлагали большія массы продовольствія въ обмѣнъ за нѣсколько другихъ такихъ же бездѣлокъ. Островъ былъ покрытъ роскошной растительностью. Но и на немъ не нашлось такихъ грудъ золота, какъ надѣялись испанцы. Черезъ нѣсколько дней Колумбъ поплылъ обратно къ Кубѣ, взявъ съ собою молодого туземца, пожелавшаго ѣхать съ испанцами, чтобъ увидѣть удивительную землю, изъ которой приплыли бѣлые люди.

Колумбъ 18 мая присталъ къ берегу Кубы у мыса Санта-Круса

и поплылъ вдоль берега на югъ, чтобъ узнать, островъ ли эта земля или материкъ восточной Азіи. Плаваніе было трудное: Колумбъ встрѣчалъ мели, подводныя скалы, подвергался тропическимъ бурямъ. Черезъ нѣсколько дней онъ увидѣлъ группу мелкихъ острововъ, на которыхъ жили миролюбивые туземцы, питавшіеся ловлей рыбы и черепахъ. Острова были покрыты прекрасной травой и ароматическими кустарниками, благоуханіе которыхъ распространялось далеко по морю. Вдоль окраинъ береговъ ходили большія стаи птицъ, имѣвшихъ яркую окраску. Колумбъ назвалъ эти острова «Садами Королевы». Онъ вышелъ на берегъ Кубы, чтобы запастись водой. Туземцы сказали ему, что эта мѣстность называется Орнофай, а земля ихъ такъ велика, что еще никто не обошелъ кругомъ ея, что едва ли можно дойдти до конца ея въ 40 мѣсяцевъ, что на западѣ лежитъ земля Магонъ или Мангонъ, въ которой живутъ люди съ хвостами и носятъ одежду для прикрытія такого безобразія. Имя «Мангонъ» напомнило Колумбу китайскую область Маньи или Манджи, о которой говоритъ Мандевилль, и укрѣпило въ немъ убѣжденіе, что онъ находится не подалеку отъ восточнаго берега Азіи. Въ радостномъ ожиданіи достичь Азіи Колумбъ плылъ вдоль берега Кубы отъ мѣстности, которую назвалъ Тринидадой, до Батабано. Каждый вечеръ доносились на корабли ароматы благоухающихъ растеній. Туземцы, собиравшіеся на берегу, пѣли пѣсни въ славу бѣлыхъ людей, сыновей неба. Теперь эта часть кубанскаго берега—пустыня; туземцы погибли; мѣстами находятъ посуду и другія вещи, напоминающія о нихъ. Корабли Колумба доплыли до такой части моря, въ которой было множество рифовъ и песчаныхъ отмелей. Матросы робѣли, плывя между ними, и очень испугались, увидѣвъ однажды, что море стало бѣлымъ какъ молоко. (Это происходитъ отъ волненія, подымающаго бѣловатый илъ съ мелкихъ мѣстъ моря). Когда испанцы вышли на берегъ взять запасъ воды, стрѣлокъ, пошедшій на охоту, возвратился съ извѣстіемъ, что видѣлъ людей въ длинной бѣлой одеждѣ, какую носятъ христіанскіе священники. Колумбъ нашелъ въ этомъ новое подтвержденіе своей мысли, что онъ доплылъ до земель, въ которыхъ живутъ цивилизованные люди. Испанцы внимательно осмотрѣли эту мѣстность, но не нашли людей въ бѣлой одеждѣ. Охотникъ былъ обманутъ своей фантазіей. Вѣроятно, онъ принялъ за бѣлую одежду проблески бѣлаго цвѣта, мелькавшіе въ густомъ кустарникѣ, по которому ходили большіе бѣлые журавли. Но Колумбъ остался при своемъ убѣжденіи, что онъ находится по сосѣдству съ царствомъ священника Іоанна, о которомъ говорили средневѣковыя путешествія, наполненныя сказками. Онъ надѣялся, что скоро приплыветъ въ Индію, оттуда хотѣлъ плыть въ Красное море, перейдти Суэзскій перешеекъ и возвратиться въ Испанію Средиземнымъ моремъ. Спутники раздѣляли съ нимъ мнѣніе, что они находятся близъ азіатскаго

Плаваніе вдоль береговъ Кубы.

берега, но не имѣли такого мужества, какъ онъ, и требовали возвращенія, потому что корабли были повреждены, а съѣстные припасы истощились. Видя себя въ необходимости уступить имъ, Колумбъ составилъ 12 іюня формальный актъ, говорившій, что, по мнѣнію всѣхъ участниковъ его плаванія, та земля, вдоль которой экспедиція плыла на протяженіи 335 морскихъ миль, и которая, по словамъ туземцевъ, простирается на невѣдомое разстояніе—берегъ Азіи. Всѣ присутствующіе сказали, что дѣйствительно думаютъ такъ, и подтвердили присягой искренность своихъ словъ. Нотаріусъ засвидѣтельствовалъ это и скрѣпилъ актъ своей подписью. Тогда Колумбъ поплылъ назадъ. Обратное плаваніе по архипелагу «Садовъ Королевы» было очень затруднительно. Колумбъ выходилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на берегъ Кубы, ставилъ тамъ деревянные кресты. Уашингтонъ Ирвингъ говоритъ: «Если бы Колумбъ плылъ еще два или три дня дальше того мѣста, съ котораго вернулся, то онъ обогнулъ бы конецъ Кубы, и его слѣдующія плаванія получили бы другое направленіе». Но онъ до конца жизни оставался убѣжденъ, что Куба не островъ, а часть восточнаго края азіатскаго материка.

Возвращеніе въ Европу.

Однажды въ воскресенье испанцы вышли на берегъ при устьѣ рѣки и отслужили подъ открытымъ небомъ литургію; касикъ и толпа туземцевъ той мѣстности дивились этому торжественному обряду. Восьмидесятилѣтній старикъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ своего племени и самого касика, сказалъ Колумбу рѣчь, въ которой выражалъ желаніе посѣтить страну бѣлыхъ людей. Колумбъ съ трудомъ убѣдилъ его оставить это намѣреніе. Такое же желаніе выразилъ одинъ изъ касиковъ Ямайки, когда Колумбъ остановился у берега этого острова. Касикъ со всѣмъ своимъ семействомъ приплылъ на его корабль, чтобы пуститься съ нимъ въ страну бѣлыхъ людей, о которой слышалъ удивительные разсказы отъ переводчика. Колумбъ обѣщалъ ему покровительство королевы и короля испанскихъ, но не взялъ его съ собою. Онъ былъ очень огорченъ отказомъ. Въ августѣ Колумбъ совершилъ плаваніе вдоль южнаго берега Эспаньолы, подвергался нѣсколько разъ бурямъ, сталъ на якорь въ саонской бухтѣ для отдыха отъ трудовъ пятимѣсячнаго плаванія и мимо острова Моны поплылъ въ Изабеллу, больной, изнуренный тревогами, лишеніями, безсонными ночами, которыя проводилъ въ наблюденіи за ходомъ кораблей. Съ нимъ бывали обмороки; друзья не надѣялись, что онъ останется живъ. Въ концѣ сентября эскадра приплыла въ бухту Изабеллы, куда не задолго передъ тѣмъ приплылъ съ тремя каравеллами изъ Испаніи братъ Колумба Бартоломмео, жившій, какъ мы говорили, въ Англіи. Узнавъ объ открытіяхъ Колумба, онъ поѣхалъ въ Испанію; королева приняла его милостиво. Изъ Испаніи онъ поплылъ въ Новый Свѣтъ. Онъ былъ опытный морякъ, чековѣкъ твердаго характера, сильнаго ума, не былъ такимъ энтузіастомъ какъ

Бартоломмео Колумбъ.

братъ и лучше его умѣлъ соблюдать свои выгоды. Адмиралъ былъ очень радъ пріѣзду Бартоломмео и назначилъ его своимъ намѣстникомъ (аделантадо).

Коварство Маргарите и Войля.

Надъ головой Колумба собиралась гроза, которой онъ не предчувствовалъ. Педро Маргарите, котораго онъ отправилъ собрать свѣдѣнія о центральной части Эспаньолы, не исполнялъ инструкцій, данныхъ адмираломъ. Колумбъ велѣлъ ему поступать съ туземцами дружелюбно, но держать себя осторожно, не дозволять солдатамъ уходить далеко отдѣльными маленькими отрядами. Маргарите поступилъ совершенно иначе. Онъ остановился въ плодородной Королевской Равнинѣ, притѣснялъ туземцевъ, дозволялъ солдатамъ грабить ихъ, отнимать у нихъ женъ и дочерей. Діэго Колумбъ напоминалъ ему о приказаніяхъ своего брата, но Маргарите пренебрегалъ ими: онъ былъ человѣкъ знатный, имѣлъ сильныя связи при дворѣ и, надѣясь на нихъ, не хотѣлъ повиноваться иноземцу. Онъ составилъ съ Войлемъ и другими недовольными замыселъ тайно уѣхать въ Испанію. Пріѣздъ Бартоломмео помогъ исполненію этого намѣренія. Маргарите, Войль и ихъ сообщники сѣли на корабли Бартоломмео и поплыли въ Европу. Они надѣялись оправдать свой самовольный отъѣздъ клеветами на Колумба.

Востаніе туземцевъ.

Примѣръ ослушанія, показанный Маргарите и его сообщниками, уронилъ дисциплину испанскихъ солдатъ; они ходили грабить туземцевъ, всячески оскорбляли ихъ. При всемъ своемъ страхѣ передъ оружіемъ и лошадьми европейцевъ туземцы стали нападать на солдатъ, бродившихъ порознь; убили нѣсколькихъ, стали смѣлѣе. Гуатигуано, одинъ изъ второстепенныхъ касиковъ, подвластный Гуаріонеху, касику Королевской Равнины, убилъ десять испанцевъ, зашедшихъ въ его селеніе на рѣкѣ Ягуѣ и зажегъ домъ, въ которомъ лежали 40 больныхъ испанцевъ. Но самымъ опаснымъ врагомъ европейцевъ былъ хитрый и отважный Каонабо, смертельно ненавидѣвшій бѣлыхъ людей. Колумбъ велѣлъ Маргарите арестовать его; это осталось неисполненнымъ. Каонабо напалъ на фортъ Св. Ѳомы, въ которомъ находилось 50 испанцевъ подъ начальствомъ Алонсо Охеды, и цѣлый мѣсяцъ держалъ это укрѣпленіе въ осадѣ. Но воины его стали расходиться; онъ принужденъ былъ отступить и задумалъ возобновить дѣло въ болѣе широкомъ размѣрѣ, вошелъ въ сношенія съ четырьмя другими сильнѣйшими касиками сосѣднихъ областей, убѣждалъ ихъ соединиться для изгнанія иноземцевъ, напасть на городъ Изабеллу; трое изъ нихъ вступили въ союзъ съ нимъ. Но Гуаканагари отвергъ его предложеніе, пошелъ къ Колумбу, который былъ тогда боленъ, и сообщилъ ему все. Колумбъ видѣлъ, что необходимо взять подъ стражу Каонабо; это было дѣло очень трудное, но Охеда взялся за него и поѣхалъ съ 10 всадниками къ Каонабо, разсѣялъ недовѣріе касика своими любезностями и предложилъ ему попробовать какъ

ѣздятъ верхомъ. Каонабо сѣлъ сзади Охеды; спутники Охеды тотчасъ привязали касика къ Охедѣ; туземцы не смѣли подойдти къ лошадямъ, которыхъ испанцы подымали на дыбы. Охеда съ привязаннымъ къ нему касикомъ и другіе всадники поскакали по направленію къ Изабеллѣ и черезъ 50 часовъ ѣзды пріѣхали въ городъ. Колумбъ велѣлъ заковать въ цѣпи и стеречь Каонабо. Но и подъ стражей карибскій касикъ держалъ себя гордо. Когда входилъ Колумбъ и всѣ вставали, Коонабо продолжалъ сидѣть и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Колумба. Онъ вставалъ только передъ Охедой, котораго уважалъ за отважный поступокъ.

Пораженіе туземцевъ 1495.

Туземцы были раздражены тѣмъ, что Каонабо захваченъ въ плѣнъ. Маникоатехъ, братъ Каонабо, занялъ его мѣсто и готовился отмстить испанцамъ. Анакоана, любимая жена плѣннаго касика, знаменитая красавица, убѣдила своего брата Бегечіо, касика Харагуи, обширнѣйшей и многолюднѣйшей изъ сосѣднихъ областей присоединиться къ брату ея мужа. Они склоняли на свою сторону и Гуаканагари, но онъ остался вѣренъ Колумбу, открылъ ему всѣ замыслы враговъ. Племя, подвластное Гуаканагари, не было воинственно, потому не могло оказать сильной поддержки испанцамъ, но важно было то, что туземцы не всѣ соединились противъ нихъ. Колумбъ выздоровѣлъ; изъ Испаніи пришли четыре корабля съ воинами и съѣстными припасами; они привезли Колумбу любезное письмо отъ Изабеллы и Фердинанда. Адмиралъ ободрился. Онъ послалъ въ Испанію своего брата Діэго съ грузомъ продуктовъ Вестъ-Индіи и съ 500 плѣнныхъ туземцевъ для продажи въ невольничество. (Изабелла не дозволила обратить ихъ въ рабство). Весною Колумбъ съ 200 пѣшихъ солдатъ, одѣтыхъ въ латы, и съ 20 всадниками пошелъ черезъ горы прежней своей дорогой на Королевскую Равнину, на которой собралось многочисленное войско туземцевъ. Шпіоны ихъ разузнали о приближеніи и о числѣ бѣлыхъ людей. (Число они обозначали количествомъ зеренъ маиса, взятыхъ въ горсть). Касики полагали, что легко побѣдятъ непріятелей, которыхъ такъ мало. Но туземцы были нагіе, имѣли своимъ оружіемъ только булавы, деревяныя копья и стрѣлы, потому не могли устоять противъ воиновъ, одѣтыхъ въ латы, имѣющихъ огнестрѣльное оружіе. Очень много помогли побѣдѣ испанцевъ большія собаки, пріученныя по извѣстному крику хозяевъ бросаться на туземцевъ, опрокидывать на землю и терзать ихъ. Колумбъ по совѣту брата раздѣлилъ своихъ солдатъ на нѣсколько отрядовъ, велѣлъ имъ напасть на туземцевъ съ разныхъ сторонъ; они шли съ барабаннымъ боемъ, при звукахъ трубъ. Туземцы оробѣли, когда пѣхота дала залпъ, а Охеда со всадниками поскакалъ прямо въ средину ихъ. Все войско касиковъ обратилось въ бѣгство и разсѣялось по разнымъ направленіямъ. Это сраженіе испанцевъ съ туземцами

происходило на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Сантіаго.

Покореніе туземцевъ Эспаньолы.

Первой побѣдой испанцевъ была рѣшена судьба Эспаньолы и всей Америки. Побѣжденные просили пощады, обѣщались повиноваться Колумбу. Онъ обложилъ ихъ податью: каждый взрослый туземецъ обязанъ былъ давать каждые три мѣсяца столько золотого песку, сколько помѣщается въ маленькій бубенчикъ, (это составляло цѣнность около 50 франковъ), а если не имѣетъ золотого песку, то приносить арробу (25 фунтовъ) хлопка. Заплатившій дань получалъ испанскую мѣдную монету, которую долженъ былъ носить на шеѣ; не имѣющіе этой квитанціи подвергались наказанію. Несравненно больше была дань, наложенная на касиковъ. Маникоатехъ, братъ Каонабо, обязался давать каждые три мѣсяца чашку изъ тыквы насыпанную золотымъ пескомъ; это составляло около полутора фунта золота. Гуаріонехъ, касикъ Королевской Равнины, населеніе которой не имѣло много золота, вызывался воздѣлывать большой участокъ земли и отдавать хлѣбъ съ него въ дань; но Колумбъ требовалъ дани золотомъ, потому что только оно цѣнилось испанскимъ правительствомъ. Убѣдившись, что Гуаріонехъ дѣйствительно имѣлъ мало золота, Колумбъ уменьшилъ на половину ту дань, какую первоначально наложилъ на него. Даже Гуаканагари долженъ былъ платить дань. Для сбора ея Колумбъ построилъ новыя укрѣпленія; важнѣйшими изъ нихъ были фортъ Магдалена и фортъ Консепсіонъ на Королевской Равнинѣ. Туземцы были принуждены теперь изнурять себя работой, чтобы собрать средства для уплаты дани; они не имѣли привычки къ труду, тосковали о прежней беззаботной, счастливой жизни. Довольно долго они утѣшали себя надеждою, что бѣлые люди возвратятся въ свою небесную родину, «Турей», какъ они называли ее. Увидѣвъ, что испанцы устроиваютъ себѣ жилища еще прочнѣе прежнихъ, туземцы хотѣли голодомъ принудить ихъ удалиться, бросили воздѣлывать землю, уничтожили то, что выросло на нивахъ, ушли въ горы и лѣса. Но этимъ они только увеличили свои бѣдствія. Испанцы имѣли запасы продовольствія и начали засѣвать покинутыя нивы; а туземцы, ушедшіе въ горы, умирали отъ голода и болѣзней. Уцѣлѣвшіе вернулись на прежнія мѣста и покорились неотвратимой судьбѣ. Пляски у нихъ прекратились, они пѣли жалобныя пѣсни о счастливыхъ временахъ, когда еще не появлялись бѣлые люди.

Бѣдственное положеніе туземцевъ было увеличено страшнымъ ураганомъ, подобнаго которому не помнили старики; онъ надѣлалъ много опустошенія.—Гуаканагари ушелъ въ горы отъ ненависти своего народа и отъ испанскаго угнетенія, и умеръ въ нищетѣ.

е) неудовольствіе испанскаго правительства. открытіе американскаго континента.

Отправленіе Агуадо уполномоченнымъ королевы.

Довѣріе испанскаго правительства къ Колумбу поколебалось. Маргарите и Войль, по пріѣздѣ въ Испанію, представили положеніе колоніи въ самомъ мрачномъ видѣ, обвиняли Колумба въ ошибкахъ и несправедливостяхъ, говорили, что нельзя ожидать отъ новыхъ земель такихъ доходовъ, которые вознаградили бы за издержки экспедицій, что поселеніе, основанное на Эспаньіолѣ, будетъ убыточно для Испаніи. Королева сначала не придавала значенія ихъ словамъ, но они имѣли при дворѣ сильныхъ друзей, которые мало по малу внушили ей недовѣріе къ Колумбу. Изабелла рѣшила послать въ Эспаньіолу уполномоченнаго для изслѣдованія положенія дѣлъ и назначила для этой поѣздки Хуана Агуадо, котораго самъ Колумбъ прежде рекомендовалъ ей какъ человѣка умнаго и надежнаго. Съ тѣмъ вмѣстѣ были ограничены полномочія Колумба: Изабелла рѣшила, что число тѣхъ поселенцевъ на Эспаньіолѣ, которые находятся въ королевской службѣ, не должно превышать 500 человѣкъ, потому что содержаніе болѣе многочисленной колоніи слишкомъ тяжело для правительства. Но она разрѣшила всѣмъ желающимъ ѣхать въ новыя земли безъ особаго дозволенія, если они удовлетворятся полученіемъ продовольствія на одинъ годъ, не будутъ требовать никакого другого жалованья и обяжутся отдавать въ казну треть добываемаго ими золота и десятую долю всѣхъ другихъ продуктовъ; подъ этими условіями переселенцы могли плыть на королевскихъ корабляхъ; а право посылать свои корабли было предоставлено всѣмъ желающимъ, съ подчиненіемъ надзору двухъ королевскихъ чиновниковъ и съ обязанностью отдавать въ казну десятую долю прибыли.

Агуадо пріѣхалъ въ городъ Изабеллу въ октябрѣ 1495; грамата, данная ему, объявляла «всѣмъ находящимся въ индійской службѣ», что онъ вступитъ въ сношенія съ ними. Такимъ образомъ характеръ его порученія не былъ опредѣленъ въ точности. Онъ былъ человѣкъ надменный, сталъ говорить повелительнымъ тономъ. Когда онъ пріѣхалъ, адмирала не было въ Изабеллѣ; Бартоломмео поссорился съ нимъ. Онъ держалъ себя какъ верховный правитель, вступилъ въ непосредственныя сношенія съ касиками, принималъ жалобы на Колумба. Молва стала говорить, что присланъ новый адмиралъ на мѣсто прежняго, что теперь правитель колоніи этотъ новый адмиралъ. По возвращеніи Колумба въ Изабеллу разъяснилось, что правителемъ остается онъ, но Агуадо продолжалъ вмѣшиваться въ дѣла, собирать у туземцевъ обвиненія противъ Колумба. Когда Агуадо собрался ѣхать въ Испанію, Колумбъ рѣшился ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ

оправдываться передъ правительствомъ. Ураганъ, о которомъ мы говорили, нанесъ всѣмъ кораблямъ, кромѣ «Ниньи», большія поврежденія, потому отплытіе замедлилось до весны. Эта отсрочка имѣла для Колумба ту выгоду, что онъ поѣхалъ въ Испанію съ извѣстіемъ объ открытіи богатыхъ золотыхъ рудниковъ. Молодой человѣкъ, уроженецъ Арагоніи Мигель Діасъ, нанесъ товарищу рану и, боясь наказанія, бѣжалъ съ нѣсколькими другими испанцами въ горы. Бѣглецы долго блуждали по пустымъ мѣстамъ, пришли къ рѣчкѣ Осамѣ, увидѣли селеніе (на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь городъ Санъ-Доминго); жители приняли ихъ дружелюбно, владѣтельница той области полюбила Мигеля Діаса, уговорила его остаться у нея. Онъ пошелъ близъ Гайны мѣстность болѣе богатую золотомъ, чѣмъ всѣ другія извѣстныя испанцамъ на Эспаньіолѣ, сообщилъ извѣстіе объ этомъ Колумбу. Люди, посланные Колумбомъ, нашли, что въ землѣ той долины дѣйствительно много золота, построили тамъ укрѣпленіе, стали добывать золото, нашли вырытые въ землѣ ходы, казавшіеся похожими на шахты покинутыхъ рудниковъ. Колумбъ увидѣлъ въ этомъ открытіи подтвержденіе своей мысли, что найденная имъ земля составляетъ часть Азіи, и предположилъ, что мѣстность, гдѣ находятся рудники, Офиръ, изъ котораго привозили золото корабли Саломона.

Открытіе золотыхъ рудниковъ.

Назначивъ своего брата Бартоломмео намѣстникомъ (аделантадо), Колумбъ 10 марта отплылъ въ Испанію; на другой каравеллѣ плылъ Агуадо; съ ними возвращались 225 испанцевъ, отплывшихъ три года тому назадъ изъ Кадикса съ надеждой обогатиться въ новыхъ земляхъ и разочаровавшихся. Колумбъ взялъ съ собой 30 туземцевъ, въ томъ числѣ Каонабо, его брата и племянника; Каонабо держалъ себя съ прежней гордостью. Колумбъ присталъ къ берегу Гуаделупы запастись дровами и съѣстными припасами; карибы встрѣтили испанцевъ стрѣлами и дротиками, но были прогнаны ружейными выстрѣлами. Испанцы взяли въ плѣнъ жену касика, женщину очень сильную, сражавшуюся искусно; Колумбъ повезъ ее въ Испанію. Плаваніе было затруднительно; пассатный вѣтеръ задерживалъ его; съѣстные припасы истощались; матросы тревожились; кормчіе не могли опредѣлить, гдѣ находятся корабли. Только Колумбъ сохранилъ, какъ всегда, твердость духа, и его опредѣленіе пути оказалось правильнымъ; послѣ утомительнаго трехмѣсячнаго плаванія, корабли вошли 11 іюля (1496 г.) въ кадикскую бухту. Каонабо умеръ во время плаванія.

Возвращеніе Колумба и Агуадо въ Испанію 1496.

Колумбъ теперь былъ встрѣченъ въ Испаніи не такъ, какъ при возвращеніи изъ первой экспедиціи. Сочувствіе націи было охлаждено дурными разсказами враговъ его. Когда спутники его вышли на берегъ въ Кадиксѣ, народъ увидѣлъ людей изнуренныхъ и мрачныхъ; они разсказывали о болѣзняхъ, лишеніяхъ, разочарованіяхъ; народъ утратилъ всякое сочувствіе къ Колумбу. Адмиралъ сошелъ съ ко-

Пріемъ Колумба въ Испаніи.

рабля въ одеждѣ францисканскаго монаха (вѣроятно онъ во время какой-нибудь опасности далъ обѣтъ носить эту одежду). Но онъ ободрился, получивъ отъ Изабеллы и Фердинанда милостивое письмо, приглашавшее его къ нимъ въ Бургосъ. Онъ явился къ нимъ съ богатыми дарами и съ плѣнными туземцами, между которыми находились знатные люди, украшенные толстыми золотыми ожерельями. Изабелла и Фердинандъ приняли Колумба съ прежнимъ довѣріемъ, осыпали его выраженіями благосклонности; онъ получилъ право обратить свои имѣнья въ майорать. Титулы его были признаны наслѣдственными въ его потомствѣ; Изабелла и Фердинандъ утвердили Бартоломмео въ должности аделантадо; было отмѣнено ограничивавшее права Колумба разрѣшеніе всѣмъ желающимъ предпринимать экспедиціи для открытій въ Новомъ Свѣтѣ; грамата объ этой уступкѣ желаніямъ Колумба говорила, что королева и король не хотятъ уменьшать привилегій и милостей, которыми наградили Кристоваля Колона за его великія заслуги.

Непріятности, встрѣченныя Колумбомъ.

Изабелла и Фердинандъ милостиво приняли просьбу Колумба о снаряженіи большой экспедиціи для дальнѣйшихъ открытій, обѣщали скоро исполнить ее. Но казна была истощена войной въ Италіи и громадными расходами на великолѣпные праздники при бракосочетаніяхъ дѣтей короля и королевы, Фердинандъ колебался расходовать деньги на экспедицію для новыхъ открытій; онъ сомнѣвался, могутъ ли окупиться эти большія издержки доходами съ новыхъ земель. Снаряженіе экспедиціи шло медленно. Правительство ждало, чтобы прислано было золото изъ рудниковъ той мѣстности, которую Колумбъ считалъ Офиромъ. Оно хотѣло, чтобы расходы на снаряженіе экспедиціи были покрыты этимъ золотомъ. Фонсека, президентъ коммиссіи, управлявшей индійскими дѣлами, былъ враждебенъ Колумбу; казначей этой коммиссіи Химено Вревіэска также; они дѣлали всяческія затрудненія снаряженію экспедиціи. Вревіэска своими интригами и грубостями до того раздражалъ Колумба, что адмиралъ въ порывѣ гнѣва побилъ его; Изабелла была раздосадована оскорбленіемъ ея сановника. Такимъ образомъ прошло больше года прежде чѣмъ была снаряжена экспедиція. Колумбу было разрѣшено взять надобное ему число воиновъ, матросовъ, рудокоповъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ и 40 гидальго. Всѣмъ имъ было назначено жалованье изъ казны. Но теперь было мало охотниковъ плыть въ Новый Свѣтъ. Чтобы пополнить составъ экспедиціи, было рѣшено послать людей осужденныхъ за преступленія на изгнаніе или на галеры и въ рудники. Такимъ образомъ населеніе колоніи получало примѣсь очень вредную для порядка и благосостоянія въ ней.

Третья экспедиція Колумба 1498.

Наконецъ было снаряжено шесть кораблей, и 30 мая 1498 года Колумбъ отплылъ изъ санъ-лукарской гавани въ третью свою экспедицію. Онъ 19 іюня пришелъ къ Гомерѣ (одному изъ Канарскихъ

острововъ) и отнялъ тамъ испанскій корабль у французскихъ корсаровъ. На высотѣ Ферро онъ раздѣлилъ свою эскадру: три корабля онъ послалъ съ съѣстными и военными запасами прямо въ Эспаньіолу; капитанами ихъ были: Алонсо Санчесъ Карвахаль, Петро Арана (братъ доньи Беатрисы, любовницы Колумба, матери его сына Фернандо), и генуэзецъ Джованни Антоніо Коломбо, родственникъ Колумба. Съ тремя другими кораблями Колумбъ поплылъ къ островамъ Зеленаго мыса, остановился на нѣсколько времени у Сантіаго и 5-го іюля направился оттуда къ юго-западу. Онъ слышалъ отъ торговца дорогими камнями Хаиме Феррера, что золото, дорогіе камни, пряности получаются, главнымъ образомъ, изъ экваторіальныхъ земель, въ которыхъ живутъ черные люди, потому и взялъ теперь направленіе болѣе южное, чѣмъ въ прежнихъ своихъ плаваніяхъ. Близъ линіи экватора, гдѣ лежитъ между поясами южнаго и сѣвернаго пассатовъ поясъ безвѣтрія, спутники Колумба сильно страдали отъ зноя, а самъ онъ былъ боленъ лихорадкой и подагрой. Казалось, подтверждается фактами старое преданіе, что подъ экваторомъ находится поясъ такого зноя, въ которомъ не могутъ жить люди. Потому Колумбъ поплылъ къ сѣверо-западу. Запасъ воды истощался, спутники Колумба тревожились; но съ марса послышался крикъ: земля! На горизонтѣ подымался хребетъ съ тремя вершинами, потому Колумбъ назвалъ новооткрытую землю Trinidad (землею Троицы). Корабли бросили якорь у юго-западнаго берега, на которомъ пальмовыя лѣса и чистые ручьи дали прохладу утомленнымъ. Съ этого мѣста Колумбъ увидалъ 1 августа другой берегъ, который назвалъ Святымъ островомъ. Это была часть берега Южной Америки, изрѣзаннаго на острова рукавами Ориноко. Колумбъ видѣлъ только, что это острова, не зналъ, что они лишь части дельты огромной рѣки. Туземцы, приплывшіе на челнокѣ, были стройнаго тѣлосложенія, черты лица ихъ были красивѣе, чѣмъ у туземцевъ, какихъ видѣлъ Колумбъ до той поры. Волоса ихъ были длинные; они носили на головѣ хлопчато-бумажныя ленты и сѣтки, были опоясаны передниками изъ крашеной хлопчато-бумажной ткани. Они робко держались далеко отъ кораблей; Колумбъ велѣлъ бить въ барабанъ, думая, что имъ понравится эта музыка, что они станутъ плясать подъ нее. Туземцы приняли барабанный бой за знакъ враждебныхъ намѣреній, начали стрѣлять въ испанцевъ; но были прогнаны ихъ стрѣлами. Потомъ установились мирныя отношенія; туземцы привозили маисъ, фрукты, другіе съѣстные припасы и съ радостью принимали подарки бѣлыхъ людей.

Новооткрытая земля.

Плыть по проливу между островомъ и материкомъ было очень трудно, потому что вода Ориноко производила тамъ сильное теченіе; волны были такъ велики, что адмиралъ назвалъ входъ въ проливъ Драконовой пастью. Но земля была очаровательна: ея роскошная

растительность благоухала; межъ деревьевъ летали красивыя пѣвчія птицы. Туземцы были гостепріимны. Они носили жемчужныя ожерелья возбуждавшія жадность испанцевъ. Проплывъ нѣсколько дальше, Колумбъ открылъ острова Маргариту и Кубагую, у которыхъ была обильная ловля жемчужныхъ раковинъ. Онъ вымѣнялъ у туземцевъ много жемчугу за погремушки и черепки фарфоровой посуды. Горячему воображенію его мечталось, что именно тутъ находился земной рай (средневѣковые богословы говорили, что рай былъ на восточномъ краю земли). Онъ дивился тому, какъ много прѣсной воды течетъ между островами, и полагалъ, что это рукава той рѣки, которая текла въ раю. Онъ полагалъ, что въ глубинѣ страны находятся высокія горы, за которыми лежатъ богатыя земли.

Пріѣздъ въ Эспаньолу.

Но съѣстные припасы истощились; самъ Колумбъ страдалъ подагрой и кромѣ того у него болѣли глаза. Онъ нашелъ неудобнымъ плыть дальше, рѣшилъ повернуть къ Эспаньолѣ, поплылъ на сѣверо-западъ; морское теченіе (называющееся теперь Гольфстримомъ) нѣсколько разъ отклоняло корабли отъ направленія, котораго хотѣли они держаться; 19 августа эскадра приплыла къ острову Беатѣ, находящемуся въ 35 морскихъ миляхъ отъ рѣки Осамы, на лѣвомъ берегу которой Бартоломмео построилъ новое поселеніе, сдѣлавшееся впослѣдствіи городомъ Санъ-Доминго.

События, происходившія на Эспаньолѣ въ отсутствіе Колумба.

Колумбъ послалъ туземца съ письмомъ въ городъ Изабеллы; Бартоломмео вскорѣ пріѣхалъ къ брату. У одного изъ туземцевъ адмиралъ видѣлъ испанскій самострѣлъ и предположилъ по этому, что съ оставшимися на Эспаньолѣ испанцами произошла какая нибудь бѣда. Бартоломмео разсказалъ брату, что дѣйствительно они подвергались бѣдамъ. По инструкціи Колумба онъ построилъ укрѣпленіе на Осамѣ, въ той мѣстности, гдѣ нашелъ золото Діасъ. Оставивъ рудокоповъ и отрядъ воиновъ въ этомъ укрѣпленіи, Бартоломмео пошелъ изслѣдовать Харагую, самую многолюдную и плодородную изъ западныхъ областей острова. Касикъ Бегечіо и его сестра красавица Анакаона, бывшая женой Каонабо, увезеннаго Колумбомъ, встрѣтили испанцевъ гостепріимно, согласились признать надъ собою власть испанскихъ королевы и короля и платить дань; въ этой области не было золота, потому они должны были платить дань хлопкомъ и съѣстными припасами. Анакаона была одарена большимъ умомъ; судьба мужа показала ей, что сопротивляться непобѣдимымъ иноземцамъ значитъ губить себя, и она старалась упрочить дружбу туземцевъ съ ними. Но, межъ тѣмъ, какъ Бортоломмео дѣйствовалъ въ Харагуѣ благоразумно, воины испанскихъ укрѣпленій къ Королевской Равнинѣ возстановляли противъ себя туземцевъ грабежомъ, отнимали у нихъ женщинъ. Самъ касикъ Гуаріонехъ, человѣкъ миролюбивый и кроткій, былъ оскорбленъ: одинъ изъ этихъ испанцевъ обольстилъ любимую жену его. Миссіонеры принуждали туземцевъ

креститься и своимъ фанатизмомъ увеличивали ихъ раздраженіе. Составился заговоръ противъ испанцевъ. Туземцы разрушили капеллу, построенную ими въ области Гуаріонеха. По испанскимъ законамъ за оскорбленіе святыни было назначено сжигать виновныхъ; испанцы такъ и сдѣлали съ туземцами, разрушившими капеллу. Это увеличило ненависть туземцевъ къ притѣснителямъ. Они условились между собою напасть общими силами на укрѣпленіе Св. Ѳомы; благоразумныя и энергическія мѣры Бартоломмео разстроили этотъ замыселъ, и туземцы были возвращены къ повиновенію.

Мятежъ Рольдана.

Но въ то время, какъ аделантадо усмирялъ туземцевъ, въ городѣ Изабеллы составился заговоръ противъ него. Франсиско Рольданъ, человѣкъ незнатный, но даровитый, пріобрѣлъ своими заслугами расположеніе Колумба и получилъ отъ него должность главнаго судьи колоніи. Онъ досадовалъ на то, что долженъ повиноваться братьямъ Колумба. Адмиралъ долго не возвращался изъ Испаніи; Рольданъ заключилъ изъ этого, что онъ попалъ въ немилость у Изабеллы и Фердинанда и что испанское правительство не захочетъ поддерживать его братьевъ, потому можно низвергнуть ихъ. Рольданъ задумалъ захватить въ свои руки управленіе Эспаньолой. (Вообще, многіе изъ тѣхъ людей, которымъ покровительствовалъ Колумбъ, становились врагами его; онъ не умѣлъ понимать характеровъ). Рольданъ нашелъ себѣ сообщниковъ между авантюристами, тяготившимися дисциплиной, которую строго поддерживалъ аделантадо. Бартоломмео обуздывалъ буйство этихъ людей, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ. Онъ хотѣлъ казнить испанца, обольстившаго любимую жену касика Гуаріонеха. Рольданъ былъ пріятель этого испанца и составилъ заговоръ убить Бартоломмео въ тотъ день, когда будетъ назначена казнь. Но Бартоломмео простилъ осужденнаго, и замыселъ Рольдана разстроился. Черезъ нѣсколько времени аделантадо уѣхалъ въ Харагую собрать дань. Намѣстникомъ въ городѣ Изабеллы онъ оставилъ своего брата Діэго, человѣка кроткаго. Рольданъ воспользовался этимъ и возобновилъ интриги. Діэго не рѣшался наказать Рольдана и его сообщниковъ. Они стали говорить, что поѣдутъ въ Испанію жаловаться на притѣсненія своихъ иноземныхъ правителей, Колумба и его братьевъ, требовали, чтобы Діэго далъ имъ каравеллу. Бартоломмео, возвратившись въ крѣпость, сказалъ Рольдану и его сообщникамъ, что не отпуститъ ихъ въ Испанію; они пошли въ Королевскую Равнину. Рольданъ обѣщалъ касикамъ освобожденіе отъ дани, если они откажутся повиноваться Бартоломмео, а своимъ сообщникамъ обѣщалъ свободу брать всѣ богатства острова и отнимать женъ у туземцевъ. Онъ разсчитывалъ, что гарнизоны укрѣпленій примутъ его сторону. Но Мигель Вальесторъ, храбрый ветеранъ, коммендантъ Форта Зачатія, отвергъ его предложенія. Онъ напалъ на фортъ, но Вальестеръ отразилъ его. Положеніе Бартоломмео становилось одна-

ко же съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Рольданъ пришелъ въ Изабеллу, ворвался въ магазины, взялъ оттуда оружіе, одежду, продовольствіе, вступилъ въ союзъ съ касикомъ Маникоатехомъ, братомъ Каонабо, набралъ у туземцевъ много богатствъ, роздалъ ихъ своимъ товарищамъ, хотѣлъ идти въ Харагую, обогатить своихъ сообщниковъ произведеніями этой плодородной области, доставить имъ тамъ много женщинъ. Число его сторонниковъ увеличилось. Три каравеллы, посланныя Колумбомъ прямо въ Эспаньіолу, были принесены морскимъ теченіемъ къ берегу Харагуи. Большинство испанцевъ, приплывшихъ на нихъ, были люди буйные; они присоединились къ Рольдану; его сторону принялъ и капитанъ одной изъ каравеллъ, Карвахаль. Бартоломмео ушелъ въ Фортъ Зачатія. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого укрѣпленія находилось селеніе Бонао. Рольданъ и его помощники Мохика и Рикельме заняли это селеніе. Готова была вспыхнуть война между испанцами. Въ февралѣ 1498 пришли изъ Испаніи двѣ каравеллы подъ начальствомъ Гернандеса Короналя; онъ привезъ извѣстіе, что адмиралъ пользуется полнымъ довѣріемъ королевы и короля, что онъ скоро возвратится. Но Рольданъ продолжалъ отказывать Бартоломмео въ повиновеніи, отвергалъ всѣ его предложенія помириться.

Новое возстаніе туземцевъ.

Туземцы Королевской Равнины снова условились общими силами напасть на Фортъ Зачатія, свергнуть тяжелое иго испанцевъ. Они назначили для нападенія ночь, когда наступитъ полнолуніе; но одинъ изъ касиковъ напалъ на фортъ раньше условленнаго срока, и дѣло разстроилось. Гуаріонехъ съ семействомъ бѣжалъ въ лѣса подъ покровительство касика воинственнаго племени Синьяйо, жившаго близъ саманской бухты. Этотъ сталъ помогать ему въ нападеніяхъ на испанцевъ. Испанцы въ отмщеніе за это опустошали область Синьяйо; жители ея просили своего касика покориться испанцамъ, но онъ съ Гуріонехомъ ушелъ въ горы. Испанцы узнали гдѣ спрятались они, взяли въ плѣнъ ихъ. Гуаріонехъ ожидалъ, что его убьютъ, но Бартоломмео ограничился тѣмъ, что держалъ плѣнныхъ подъ стражей: онъ хотѣлъ, чтобъ они были заложниками за повиновеніе своихъ подданныхъ испанцамъ.

Пріѣздъ Колумба.

Таково было положеніе дѣлъ на Эспаньіолѣ, когда возвратился Колумбъ. Ссора между испанцами ободрила туземцевъ; они отказывались платить дань. Колумбъ находилъ невозможнымъ собирать ее силой, а между тѣмъ онъ долженъ былъ посылать доходы въ Испанію. Онъ хотѣлъ отправлять туземцевъ массами на продажу въ рабство. Но враги его знали, что королева воспретила это, и говорили, что Колумбъ не повинуется ея волѣ. Онъ пытался примирить съ собой Рольдана, послалъ къ нему письмо, въ которомъ называлъ его дорогимъ другомъ, обѣщалъ полную безнаказанность ему и его сторонникамъ. Но они не хотѣли мириться, и къ нимъ присоединялись

новые сообщники, привлекаемые свободой буйствовать. У адмирала не было денегъ на уплату жалованья. Отправляя (18 октября 1498) обратно въ Испанію тѣ корабли, на которыхъ приплылъ, онъ жаловался Изабеллѣ и Фердинанду на мятежниковъ, отклоняющихъ туземное населеніе отъ платежа дани, просилъ прислать судью для возстановленія законнаго порядка и священниковъ для внушенія христіанскихъ правилъ буйнымъ испанцамъ, «не соблюдающимъ постовъ и живущимъ въ развратномъ многобрачіи съ индійскими женщинами»; онъ говорилъ, что если нельзя склонить мятежниковъ къ покорности, то слѣдуетъ истребить ихъ.

Примиреніе.

Раздоръ царилъ почти цѣлый годъ; онъ отнималъ у Колумба возможность продолжать открытія. Адмиралъ велъ переговоры съ мятежниками, и наконецъ 28 сентября 1499 былъ заключенъ договоръ, по которому Колумбъ возвращалъ Рольдану должность судьи, соглашался отпустить въ Испанію пятнадцать человѣкъ изъ числа его сообщниковъ; остальнымъ, число которыхъ было 102, обѣщалъ дать имѣнья съ правомъ принуждать туземцевъ къ воздѣлыванію земли. Самое большое имѣнье получилъ Рольданъ. Это было началомъ той системы раздачи земель и порабощенія туземцевъ, которая впослѣдствіи была примѣнена ко всѣмъ испанскимъ землямъ въ Новомъ Свѣтѣ. Имѣнья, раздаваемыя завоевателямъ, назывались Repartimiento или Encomienda. Право землевладѣльца употреблять туземцевъ на работу стало источникомъ гнуснѣйшаго тиранства. Ласъ Касасъ говоритъ: «Испанцы заставляли своихъ туземныхъ подданныхъ не только воздѣлывать поля, но и ловить рыбу, ловить лакомыхъ утій (ящерицъ), держали ихъ женъ кухарками, прачками, горничными, наложницами; невольники носили ихъ лежащихъ на гамакахъ; прежніе князья были повергнуты въ презрѣніе, а прежніе подданные этихъ князей трепетали бѣлыхъ касиковъ». Должно, впрочемъ, сказать, что колонія стала съ того времени развиваться. Испанцы привыкли къ туземному хлѣбу, приготовляемому изъ кассавы; европейскія домашнія животныя размножились, въ особенности много было куръ и свиней; туземцы воздѣлывали земли испанцевъ; рудники въ горахъ Сибао стали давать много золота, когда колонисты получили право разработывать ихъ въ свою пользу. Здоровье колонистовъ улучшилось, когда они переселились изъ города Изабеллы въ новый городъ Санъ-Доминго. Вообще дѣла колоніи шли хорошо, когда надъ Колумбомъ разразилась гроза.

f) Арестованіе Колумба.

Возникновеніе названія Америки.

Колумбъ раздѣлялъ со многими другими геніальными людьми ту судьбу, что не воспользовался плодами своей дѣятельности. Не была даже названа его именемъ часть свѣта, которую открылъ онъ. Эту

славу получило имя второстепеннаго дѣятеля, флорентійца Америго Веспуччи. Отважный Алонсо Охеда, взявшій въ плѣнъ Каонабо, вскорѣ послѣ этого подвига возвратился въ Испанію. Фонсека, завѣдывавшій индійскими дѣлами, дозволилъ ему снарядить экспедицію для открытій. Это было нарушеніемъ привилегіи Колумба, но Фонсека вообще старался вредить ему. Вмѣстѣ съ Охедой поплылъ Америго Веспуччи, жившій въ Кадиксѣ и управлявшій тамъ торговымъ домомъ, который, вѣроятно, помогалъ деньгами снаряженію экспедиціи. Шкиперомъ на кораблѣ Охеды былъ баскъ Хуанъ де ла Коса, лучшій кормчій того времени. Фонсека далъ Охедѣ карты и журналы плаваній Колумба. Число матросовъ, участвовавшихъ въ экспедиціи Охеды, простиралось до 57 человѣкъ. Онъ отплылъ изъ Кадиксской гавани 18 мая 1499. Отъ Канарскихъ острововъ онъ направился къ юго-западу и и въ іюлѣ приплылъ къ берегу Гвіаны, плылъ вдоль берега дальше, достигъ устій Амазоны и Ріо Пары. Шлюбка, на которой находился и Америго Веспуччи, проплыла 15 миль по одному изъ рукавовъ той или другой рѣки. Америго описалъ свое путешествіе; его разсказы о берегѣ, покрытомъ великолѣпными лѣсами, по которому порхали пѣвчія птицы съ очень яркими перьями, о ясномъ небѣ, на которомъ въ первый разъ увидѣли тогда европейцы созвѣдіе южнаго креста, были очень занимательны. Публика привыкла соединять свои мысли о новооткрытой части свѣта съ именемъ Америго и впослѣдствіи даже приписывала ему ея открытіе. Сильное экваторіальное теченіе у бразильскаго берега заставило Охеду измѣнить направленіе пути. Онъ проплылъ мимо острова Троицы, уже открытаго Колумбомъ, потомъ онъ и его спутники видѣли селеніе, построенное на сваяхъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ берега, и назвали его Венесуэлой (маленькой Венеціей), сражались съ туземцами на берегу Маракаибо, и одинъ изъ ихъ матросовъ былъ убитъ въ этомъ сраженіи; оттуда они приплыли въ Эспаньіолу. Колумбъ велъ тогда борьбу съ Рольданомъ; Охеда вмѣшался въ эту ссору, поддерживалъ Рольдана. Пробывъ нѣсколько времени на Эспаньіолѣ, онъ поплылъ въ Европу и послѣ бурнаго плаванія возвратился въ Кадиксъ въ половинѣ іюня 1500 года. Онъ привезъ нѣсколькихъ плѣнныхъ индійцевъ и много рѣдкостей, собранныхъ по берегамъ, въ томъ числѣ нѣсколько жемчуга, полученнаго на островѣ Маргариты. За нѣсколько времени до него плавалъ къ этому острову другой испанскій корабль, капитаномъ котораго былъ Кристоваль Герра, а кормчимъ бывшій кормчій Колумба Алонсо Пиньо. Они выходили на берегъ и пріобрѣли довольно много золота. Около того же времени плавалъ къ берегу Южной Америки Винсенте Яньесъ Пинсонъ, бывшій капитаномъ «Пиньи» въ первой экспедиціи Колумба. Онъ проплылъ вдоль берега на югъ дальше экватора и поставилъ столбъ съ кастильскимъ гербомъ на Мысѣ Августина. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Кабраль, объ экспедиціи котораго мы разскажемъ послѣ, открылъ и взялъ во владѣніе короля португальскаго берегъ Бразиліи.

Америго Веспуччи совершилъ еще три плаванія въ Новый Свѣтъ. Онъ разсказывалъ о нихъ въ письмахъ къ Лоренцо Медичи и къ Піэтро Содерини, флорентійскому гонфалоніэру; эти письма послужили матеріаломъ для разсказовъ о его четырехъ плаваніяхъ. Въ 1507 году венеціанскій космографъ Александро Цорци издалъ въ Виченцѣ книгу Mondo Nuovo e paesi nuovamente retrovati da Alberico Vespuzio Florentino. (Америго—разговорная форма имени Альберико). Въ томъ же году нѣмецъ Вальдземюллеръ напечаталъ латинскій переводъ французскаго разсказа о плаваніяхъ Америго Веспуччи въ приложеніи къ своей книгѣ: „Введеніе въ космографію“, Cosmographiae introductio. Въ этой книгѣ онъ предлагаетъ называть новооткрытую часть свѣта Америкой (по латинской формѣ имени Америго). Гумбольдъ полагаетъ, что собственно это предложеніе Вальдземюллера и ввело въ обычай названіе Америки. Впослѣдствіи Америго Веспуччи получилъ должность испанскаго государственнаго кормчаго. Обязанностью этого сановника было составленіе картъ для плаваній въ Новый Свѣтъ.

Неудовольствіе на Колумба въ Испаніи.

Мы говорили, что очень многіе изъ спутниковъ Колумба возвращались въ Испанію, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ обогатиться. Они жаловались Фердинанду на Колумба, «иноземнаго авантюриста, открывшаго земли обмана и бѣдствій, основавшаго подъ названіемъ города Изабеллы кладбище для кастильскихъ дворянъ». Фердинандъ никогда не имѣлъ расположенія къ Колумбу и уже давно жалѣлъ, что Изабелла дала этому иноземцу такую большую власть. Изабеллѣ не понравилось то письмо Колумба, въ которомъ онъ говорилъ, что если Рольданъ и другіе мятежники не покорятся, то надобно истребить ихъ. Изабелла досадовала на Колумба и за то, что онъ прислалъ плѣнныхъ туземцевъ на продажу въ рабство. Она запретила продавать ихъ. Но главной причиной неудовольствія было то, что открытія Колумба, отъ которыхъ Изабелла и Фердинандъ ожидали громадныхъ богатствъ, оказывались убыточными. Доходы, даваемые новыми землями, были ничтожны, далеко не покрывали издержекъ на снаряженіе экспедицій и содержаніе переселенцевъ. Изабелла и Фердинандъ рѣшили послать уполномоченнаго для изслѣдованія положенія дѣлъ на Эспаньіолѣ. Самъ Колумбъ просилъ объ этомъ. Но выборъ уполномоченнаго былъ неудаченъ. Франсиско де Вовадилья (Bobadilla), рыцарь калатравскаго ордена, человѣкъ бѣдный, деспотичный, честолюбивый, былъ кромѣ того и безразсуденъ, бездаренъ. Изабелла и Фердинандъ дали ему очень широкія полномочія. Ему была предоставлена верховная военная власть въ колоніи, дано право назначать на всѣ должности и высылать изъ Эспаньіолы въ Испанію всѣхъ, кого найдетъ онъ надобнымъ удалить. Изабелла желала, чтобъ онъ пользовался своей властью умѣренно и не оскорблялъ Колумба. Но около этого времени, новые мятежи въ колоніи принудили Колумба и его братьевъ поступать сурово. Гернандъ Гевара, молодой

Отправленіе Вовадильи въ Эспаньіолу 1500.

человѣкъ знатной фамиліи, поссорился съ Рольданомъ за красавицу, дочь Анакаоны, и составилъ противъ Рольдана заговоръ. Колумбъ былъ очень раздраженъ заговоромъ, взялъ Гевару подъ стражу и держалъ въ цѣпяхъ, велѣлъ столкнуть съ темничной башни Мохику, двоюроднаго брата Гевары, одного изъ предводителей прежняго мятежа, велѣлъ повѣсить нѣсколькихъ другихъ заговорщиковъ. Ихъ тѣла еще оставались на висѣлицахъ, когда Вовадилья въ августѣ 1500 года пріѣхалъ въ Санъ-Доминго. Колумбъ находился тогда въ Королевской Равнинѣ, занимаясь подавленіемъ мятежа. Намѣстникомъ его въ Санъ-Доминго оставался братъ его Діэго; комендантомъ въ Санъ-Доминго былъ Мигель Діасъ (тотъ, который открылъ золотые рудники). Отслушавъ литургію, Вовадилья велѣлъ прочесть королевскую грамату, назначавшую его правителемъ колоніи, потребовалъ, чтобъ арестованные Колумбомъ сообщники Гевары были переданы ему, и обѣщалъ выдать всѣмъ служащимъ жалованье, недоданное Колумбомъ; это расположило массу солдатъ въ его пользу. Діэго и другіе начальники отказались передать Вовадильѣ мятежниковъ, находящихся въ темницѣ, ссылаясь на то, что надъ ними произнесенъ судебный приговоръ; отказались сдать Вовадильѣ крѣпость, говоря, что не имѣютъ права на это, будучи обязаны завѣдовать ею по приказанію адмирала, вице-короля колоніи. Вовадилья велѣлъ своимъ матросамъ выломать ворота крѣпости; масса колонистовъ приняла его сторону. Мигель Діасъ и помощникъ его Діэго Альвирадо не сопротивлялись, но стояли на стѣнѣ крѣпости съ обнаженными шпагами. Вовадилья вошелъ въ темницу, освободилъ арестованныхъ и поручилъ альгвазилю Хуану Эспиносѣ охранять ихъ, поселился въ домѣ Колумба, присвоилъ себѣ все, что нашелъ тамъ: золото, серебро, оружіе, другія дорогія вещи, даже тѣ подарки, которые были получены Колумбомъ отъ королевы, взялъ всѣ бумаги Колумба и сталъ распоряжаться дѣлами, какъ верховный правитель. Онъ имѣлъ бланки съ подписями Изабеллы и Фердинанда, потому дѣйствительно могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ. Онъ далъ награды Рольдану, снова ставшему врагомъ Колумба, и другимъ противникамъ адмирала, разрѣшилъ всѣмъ желающимъ разработывать золотые рудники съ платежомъ только одиннадцатой доли добытаго золота въ казну. Конфискованное имущество Колумба онъ употребилъ на уплату недоданнаго жалованья. Онъ собиралъ обвиненія противъ Колумба, принималъ всѣ клеветы на него, говорилъ, что время власти Колумба теперь кончено, что онъ имѣлъ право отправить его въ цѣпяхъ въ Испанію. Колумбъ, находившійся тогда въ Фортѣ Зачатія, полагалъ, что дошедшая до него молва о дѣйствіяхъ Вовадильи преувеличена или что Вовадилья присвоилъ себѣ власть, какой не было ему дано.

Но скоро Колумбъ увидѣлъ, что ошибался. Вовадилья прислалъ къ нему Франсиско Веласкеса, одного изъ завѣдовавшихъ казначействомъ, и францисканца Трансіэрру; они показали Колумбу грамату Изабеллы и Фердинанда, опредѣлявшую права Вовадильи, и объявили ему, что Вовадилья требуетъ его къ себѣ. Онъ безъ всякой свиты поѣхалъ въ Санъ-Доминго. Вовадилья понималъ, что его крутыя мѣры будутъ одобрены Изабеллой и Фердинандомъ только въ томъ случаѣ, если онъ представитъ имъ сильныя доказательства виновности Колумба, и уже собралъ много обвиненій противъ него. Особенную важность придавалъ онъ показанію, что Колумбъ и его братъ Бартоломмео хотѣли призвать касиковъ на помощь имъ противъ новаго правителя. Это была ложь, но она давала Вовадильѣ возможность выставить Колумба мятежникомъ. Еще до пріѣзда Колумба, Вовадилья велѣлъ заковать Діэго въ цѣпи и отвести на корабль; когда пріѣхалъ въ Санъ-Доминго Колумбъ, Вовадилья велѣлъ взять его и заковать въ цѣпи. Но никто не отваживался исполнить это приказаніе. Только бывшій поваръ адмирала имѣлъ такую низкую душу, что согласился наложить оковы на него. Колумбъ не сказалъ ни слова, въ гордомъ презрѣніи къ неблагодарности Изабеллы и Фердинанда. Его отвели въ темницу. Толпа окружила ее и осыпала Колумба ругательствами. Этотъ крикъ возбудилъ въ немъ опасеніе, что его убьютъ или что Вовадилья велитъ казнить его. Когда вошелъ къ нему Вальехо, родственникъ Фонсеки, онъ тревожно спросилъ: «Вальехо, куда ты ведешь меня? «Вальехо отвѣчалъ: «На корабль, отправить въ Испанію». Онъ успокоился и пошелъ на каравеллу. Вовадилья опасался, что Бартоломмео, находившійся въ Харугуѣ и имѣвшій при себѣ отрядъ войска, будетъ сопротивляться и потребовалъ отъ Колумба письменнаго приказанія ему покориться повелѣніямъ королевы и короля. Колумбъ написалъ брату, чтобъ онъ не сопротивлялся. Бартоломмео пріѣхалъ одинъ въ Санъ-Доминго; его заковали и отвели на корабль. Каждый изъ трехъ братьевъ былъ посаженъ на особую каравеллу, чтобы предотвратить всякія сношенія между ними. Имъ не было сказано, за что они арестованы. Ихъ повезли какъ преступниковъ въ Испанію.

Отправленіе Колумба и его братьевъ въ цѣпяхъ въ Испанію.

Съ этой эскадрой Вовадилья послалъ и бумаги, въ которыхъ изложилъ обвиненія противъ нихъ. Онъ освободилъ Гевару и другихъ враговъ Колумба. Они и онъ были соединены общей ненавистью къ нему.

Погода была благопріятная; эскадра, которая везла Колумба и его братьевъ, плыла быстро. Вальехо, подъ надзоръ котораго былъ отданъ Колумбъ, обращался съ нимъ почтительно. Какъ только вышли каравеллы въ открытое море, Вальехо велѣлъ снять цѣпи съ адмирала. Колумбъ не допустилъ снять ихъ, сказавъ, что только королева и король могутъ отмѣнить распоряженіе Вовадильи. Говорятъ, онъ потомъ повѣсилъ въ своемъ кабинетѣ бывшія на немъ цѣпи и велѣлъ сыну положить ихъ съ нимъ въ гробъ. Во время плаванія

Пріѣздъ Колумба въ Испанію.

онъ написалъ письмо къ своей покровительницѣ, доньѣ Хуанѣ де-ла-Торре, бывшей воспитательницѣ покойнаго наслѣдника престола, и, по пріѣздѣ въ Кадиксъ, отправилъ къ ней это письмо; онъ выражалъ въ немъ негодованіе на гнусную обиду, которой подвергся. Изабелла находилась тогда въ Гранадѣ. Донья Хуана передала ей письмо Колумба. Донесся до Изабеллы и Фердинанда и шумъ народнаго негодованія, охватившаго Испанію при извѣстіи, что Колумбъ привезенъ въ цѣпяхъ. Изабелла была смущена, заставила и Фердинанда выразить сожалѣніе объ оскорбленіи, нанесенномъ Колумбу. Не читая бумагъ, присланныхъ Вовадильей, король и королева послали приказаніе освободить Колумба и письмо къ нему, въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, приглашавшее его пріѣхать къ нимъ; вмѣстѣ съ письмомъ они послали ему большую сумму денегъ на расходы поѣздки. Колумбъ пріѣхалъ въ Гранаду 17 декабря. Изабелла зарыдала, увидѣвъ его; онъ былъ такъ тронутъ этимъ выраженіемъ ея добраго чувства, что сталъ на колѣна и заплакалъ самъ. Королева и король подняли его, сказали, что окажутъ справедливость ему, что возвращаютъ ему всѣ титулы и доходы, что Вовадилья поступилъ не сообразно съ ихъ волей и будетъ лишенъ власти. Колумбъ ушелъ изъ дворца успокоенный и былъ увѣренъ, что ему будетъ возвращена должность вице-короля открытыхъ имъ земель и правителя Эспаньолы. Но когда первый порывъ чувства Изабеллы прошелъ, она и Фердинандъ разсудили поступить иначе. При управленіи Колумба и Бартоломмео въ колоніи происходили безпорядки, очень многіе колонисты были враждебны адмиралу и его брату. Туземцы также ненавидѣли ихъ. Отозвать Вовадилью и возвратить Колумбу управленіе колоніей, значило бы возбудить въ ней новые безпорядки. Изабелла и Фердинандъ говорили Колумбу, что возвратятъ ему должность вице-короля, но не исполняли этого обѣщанія. Изабелла быть можетъ и думала исполнить его. Но холодный, разсчетливый, подозрительный Фердинандъ едва ли имѣлъ такую мысль.

Отставка Вовадильи 1501.

Вовадилья выказалъ въ управленіи такую же безтактность, какъ въ нанесеніи грубаго оскорбленія Колумбу. Въ противоположность адмиралу и Бартоломмео, возбуждавшимъ неудовольствіе своею строгостью, онъ хотѣлъ успокоить колонистовъ уступчивостью. Онъ не разсудилъ, что между ними находятся много авантюристовъ и преступниковъ, которыхъ нельзя удерживать отъ грабежа иначе, какъ суровыми наказаніями. Онъ предоставилъ имъ полную свободу буйствовать. Они были довольны имъ, но судьба туземцевъ сдѣлалась ужасной. Вовадилья понизилъ налогъ, взимавшійся съ золота, находимаго въ рудникахъ; прежде казна брала третью долю; онъ установилъ брать только одиннадцатую; чтобы доходы казны не уменьшились, онъ дозволилъ искателямъ золота гонять на розсыпи и въ рудники огромныя толпы туземцевъ; онъ говорилъ колонистамъ: «Пользуйтесь временемъ; кто знаетъ, долго ли будетъ это». Испанцы стали грабить туземцевъ и обременять ихъ работами безъ всякой пощады. Изабелла и Фердинандъ увидѣли, что Вовадилья неспособенъ управлять Эспаньіолой, и назначили правителемъ колоніи Овандо. Это былъ человѣкъ, державшій себя скромно, но умѣвшій приказывать, справедливый, безкорыстный. Правительство снарядило экспедицію, какой еще не бывало. Когда изъ новыхъ земель стали привозить золото и жемчугъ, возобновилось расположеніе къ переселенію туда, набралось 2.500 человѣкъ, желающихъ плыть въ Эспаньіолу съ новымъ правителемъ. Въ числѣ ихъ находился Ласъ Касасъ, отецъ котораго сопровождалъ Колумба въ первомъ плаваніи. Эскадра состояла изъ 30 кораблей; одинъ изъ нихъ былъ разбитъ бурей, и съ нимъ погибло 120 человѣкъ; вся остальная эскадра благополучно приплыла въ Санъ-Доминго.

Овандо.

Колумбу было возвращено все имущество, конфискованное Вовадильей, было назначено вознагражденіе за всѣ убытки. Самовластное распоряженіе Вовадильи объ уменьшеніи пошлины съ золота было отмѣнено и установленъ налогъ, равнявшійся пятой части добываемаго золота. На мѣсто Рольдана верховнымъ судьей былъ назначенъ Мильдонато. Изабелла и Фердинандъ полагали, что вознагражденіемъ за убытки достаточно исполнили свою обязанность быть признательными къ Колумбу. Санъ вице-короля Индіи не былъ возвращенъ ему. Онъ сохранилъ только титулъ „адмирала океанскихъ морей“. Ему не давали никакихъ порученій, оставляли его жить въ Гранадѣ безъ всякой должности. Онъ составилъ проектъ экспедиціи для освобожденія святыхъ мѣстъ Палестины, подалъ эту записку Изабеллѣ и Фердинанду, писалъ о своемъ проектѣ Александру VI. Когда разнеслась по Европѣ слава португальскихъ побѣдъ въ Остъ-Индіи, Колумбъ предложилъ Изабеллѣ и Фердинанду проектъ экспедиціи для открытія пути отъ найденныхъ имъ земель въ Индію. Изабелла и Фердинандъ задерживали его въ Гранадѣ обѣщаніями, пока разсчитали, что Овандо уже приплылъ въ Эспаньіолу; послѣ того Колумбъ уже былъ не опасенъ Фердинанду; ему дали нѣсколько небольшихъ кораблей для открытія новыхъ земель, но запретили приставать къ берегамъ Эспаньіолы. Кажется, онъ уже не вѣрилъ любезностямъ Изабеллы. Передъ отплытіемъ въ экспедицію, онъ отдалъ копіи съ своихъ бумагъ генуэзскому посланнику при испанскомъ дворѣ Никколо Одерико, съ просьбой отослать эти документы на сохраненіе въ генуэзскомъ государственномъ архивѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ отдалъ десятую часть своихъ доходовъ генуэзскому георгіевскому банку для того, чтобы можно было генуэзскому правительству уменьшить пошлины съ хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ.

Новыя отношенія королевы и короля къ Колумбу.

g) послѣднее путешествіе колумба. смерть его.

Съ назначенія Овандо правителемъ Эспаньіолы начинается новый періодъ колоніальной политики испанскаго правительства. Открытіе береговъ американскаго континента Колумбомъ, Охедой, Кабралемъ и другими мореплавателями показало, что на западѣ находятся очень обширныя земли и что могущество Испаніи чрезвычайно возвысится,

Колоніальная политика испанскаго правительства.

если она овладѣетъ ими. Потому испанское правительство рѣшило отмѣнить стѣсненія, мѣшавшія развитію предпріимчивости купцовъ и моряковъ, дозволило всѣмъ испанскимъ подданнымъ снаряжать экспедиціи для открытія новыхъ земель и покоренія ихъ; но оставило это право привилегіей испанскихъ подданныхъ. — Изабелла огорчалась тѣмъ, что испанцы на Эспаньіолѣ порабощаютъ туземцевъ, отнимаютъ у нихъ женъ и дочерей, мало заботятся о душевномъ спасеніи туземцевъ, не знающихъ истинной вѣры. Она отправила въ Эспаньіолу 12 францисканскихъ монаховъ для проповѣдыванія христіанства туземцамъ; съ ними былъ посланъ духовный сановникъ для управленія ихъ дѣйствіями. Испанское правительство обѣщало перевозить на свой счетъ всѣхъ желающихъ поселиться на Эспаньіолѣ, дать каждому участокъ земли, обѣщало переселенцамъ свободу отъ податей и другія выгоды. Но оно оставляло за собою исключительное право собственности на металлы, дорогіе камни и красильныя растенія. Владѣльцы или арендаторы золотыхъ рудниковъ были, какъ мы уже сказали, обязаны отдавать въ казну пятую долю добываемаго ими золота.

Экспедиціи для открытія западнаго пути въ Остъ-Индію.

«Когда я предложилъ свой планъ открытія пути въ Индію, на меня семь лѣтъ смотрѣли, какъ на мечтателя и глупца», писалъ Колумбъ Изабеллѣ: «только ваше величество оказали довѣріе мнѣ». Теперь испанское правительство отказывало ему въ своей поддержкѣ точно такъ-же, какъ передъ первой его экспедиціей. Онъ полагалъ, что на югѣ отъ Кубы море становится узкимъ, что этотъ проливъ имѣетъ направленіе къ западу и что онъ ведетъ къ Индіи. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Колумбъ просилъ, чтобъ ему дали корабли для открытія западнаго пути въ Индію. Совѣтники Изабеллы и Фердинанда не сочувствовали его плану. Фердинандъ тоже не одобрялъ проектъ Колумба. Но Изабелла имѣла довѣріе къ мыслямъ его и желала смягчить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на него неблагодарностью и оскорбленіями, отъ которыхъ не охранила она его. Потому она дала ему средства снарядить экспедицію, состоявшую изъ трехъ каравеллъ и корабля, имѣвшаго болѣе значительный размѣръ, дала деньги для найма 150 матросовъ. Мысль Колумба была ошибочна: на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ онъ проливъ, находится Панамскій перешеекъ. Но соображенія, по которымъ разсчитывалъ онъ найдти тутъ проливъ, свидѣтельствуютъ о геніальной силѣ его ума.

Плаваніе Колумба къ Эспаньіолѣ 1502.

Небольшая эскадра Колумба, казавшаяся жалкой сравнительно съ великолѣпнымъ большимъ флотомъ, отданнымъ въ распоряженіе Овандо, отплыла изъ кадиксской гавани 9 мая 1502. Колумбу сопутствовали его братъ Бартоломмео и сынъ Фернандо, имѣвшій тогда 14 лѣтъ. Крѣпкое здоровье Колумба было разстроено трудами и страданіями, отчасти и дѣйствіемъ тяжелаго климата нѣкоторыхъ береговъ, посѣщенныхъ имъ въ прежнія путешествія; но умъ его сохранялъ всю прежнюю силу и живость, — характеръ его прежнюю энергію. Онъ

остановился у одного изъ Канарскихъ острововъ запастись дровами и водой и, поплывъ далѣе, пользовался хорошей погодой на пути къ Карибскимъ островамъ. Онъ приплылъ къ острову, который туземцы называли Мартинино (безъ сомнѣнія это Мартиника). Оттуда онъ, съ нарушеніемъ королевскаго запрещенія, поплылъ въ гавань Санъ-Доминго. Быть можетъ ему хотѣлось, чтобъ его видѣли на Эспаньіолѣ снова въ санѣ адмирала; быть можетъ его заставила плыть туда надобность починить повредившійся корабль. Онъ приплылъ къ Санъ-Доминго 29 іюня. Флотъ, съ которымъ приплылъ въ Эспаньіолу Овандо, стоялъ въ гавани, готовый къ отплытію въ Европу. На этихъ корабляхъ находились Вовадилья, Рольданъ и нѣкоторые изъ прежнихъ враговъ Колумба, отправляемые новымъ правителемъ въ Испанію для суда надъ ними. Тутъ находился и плѣнный касикъ Гуаріонехъ; его въ цѣпяхъ отправляли въ вѣчную разлуку съ родиной. Вовадилья имѣлъ очень много золота и надѣялся, что оно пріобрѣтетъ ему милость двора. Овандо опасался, что появленіе Колумба въ городѣ произведетъ волненіе, и воспретилъ ему выходить на берегъ; Колумбъ, хорошо знавшій признаки приближенія бурь въ той части океана, совѣтовалъ Овандо отсрочить на нѣсколько дней отправленіе эскадры, перевести людей съ нея на берегъ, потому что приближается буря. Овандо пренебрегъ этимъ предостереженіемъ. Но едва отплылъ флотъ, разразился ужасный ураганъ, какіе бываютъ на Атлантическомъ океанѣ у южной границы сѣверо-восточнаго пассата. Корабль, на которомъ находились Вовадилья, Рольданъ и нѣкоторые другіе враги Колумба, утонулъ. Погибъ и Гуаріонехъ. Утонули сокровища, награбленныя испанцами у туземцевъ; 200.000 золотыхъ монетъ и слитокъ золота цѣнностью въ 3.200 золотыхъ монетъ. Но уцѣлѣла ветхая каравелла, на которой находилось имущество Колумба, назначенное для возвращенія ему. Испанцы видѣли въ погибели враговъ Колумба судъ божій. Эскадра Колумба держалась близко къ берегу, закрывавшему ее отъ бури, потому спаслась отъ погибели; впрочемъ и она потерпѣла нѣкоторыя поврежденія.

Встрѣча Колумба съ юкатанскими туземцами.

Починивъ свои корабли, Колумбъ направился къ группѣ острововъ, которую открылъ за четыре года передъ тѣмъ у южнаго берега Кубы и назвалъ Садами Королевы; оттуда плылъ на юго-западъ и открылъ островъ Гуанагу (по другому имени Бонакку), лежащій въ нѣсколькихъ морскихъ миляхъ отъ гондурасскаго берега. Онъ встрѣтилъ тутъ большую, очень хорошо сдѣланную лодку, на которой подъ навѣсомъ изъ пальмовыхъ листьевъ сидѣли касикъ, его жены и дѣти (вѣроятно они возвращались изъ поѣздки въ Юкатанъ). У нихъ были мѣдныя орудія, мѣдная, глиняная, деревянная посуда, мраморныя вещи; деревянные мечи, зубчатое лезвее которыхъ состояло изъ воткнутыхъ въ дерево кремней, плащи, сотканные изъ хлопчато-бумажной крашеной пряжи, лепешки, испеченныя изъ ман-

совой муки; у нихъ были бобы какао, которые служили имъ и пищей и замѣной денегъ; были другія вещи, тоже показывавшія, что они принадлежатъ къ племени, достигшему довольно высокой цивилизаціи. Они безъ опасенія приблизились къ иноземцамъ. Заботливо прикрывали они тѣло плащами и кусками ткани, а женщины закрывали себѣ и лица. Видно было, что у нихъ развито чувство скромности. Переводчики не понимали ихъ языка, потому Колумбъ не могъ получить отъ нихъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ землѣ; но ясно было, что она хорошо воздѣлана, что есть въ ней промышленность. Они совѣтовали ему плыть туда. Еслибъ онъ послѣдовалъ ихъ совѣту, то въ нѣсколько дней доплылъ бы до Юкатана. Это повело бы его къ открытію Мехики. Его ошибочныя понятія замѣнились бы истинными, онъ пріобрѣлъ бы новую славу и новыя почести.

Плаваніе вдоль берега Центральной Америки.

Но Колумбъ не принялъ совѣта встрѣченныхъ имъ туземцевъ; онъ увидѣлъ подтвержденіе своимъ мыслямъ о близости Индіи въ ихъ словахъ, что на югѣ находится земля, богатая золотомъ, и поплылъ въ этомъ направленіи. Экспедиція достигла гондурасскаго берега; Бартоломмео 14 августа вышелъ на него и поставилъ тамъ кастильское знамя. Туземцы носили хлопчато-бумажные передники и камзолы безъ рукавовъ; но многіе были нагіе и тѣло у нихъ было разрисовано яркими красками; старшины ихъ имѣли на головѣ повязки или шапки изъ бѣлой или цвѣтной ткани. Они дали испанцамъ много плодовъ, птицъ, рыбы въ обмѣнъ за бездѣлушки, которыми восхищались. Колумбъ поплылъ дальше; начались страшныя бури съ проливными дождями; Колумбъ, страдавшій подагрой, сильно тревожился за судьбу кораблей; наконецъ 14 сентября онъ доплылъ до мыса, за которымъ прекратились бури; онъ назвалъ его мысомъ Благодаренія Богу, Gracias a Dios. Эскадра плыла во второй половинѣ сентября вдоль москитскаго берега, видѣла много рѣкъ. Шлюпка, поплывшая по одной изъ нихъ искать съѣстныхъ припасовъ, была опрокинута волнами. Въ одной милѣ отъ берега испанцы увидѣли островъ съ густыми лѣсами кокосовыхъ и другихъ пальмъ, съ благоухающими цвѣтами; Колумбъ назвалъ его, Садомъ La Huerta. На берегу материка противъ острова было селеніе, называвшееся Каріари. Жители его подошли къ берегу съ оружіемъ; но увидѣвъ, что испанцы не хотятъ нападать на нихъ, прекратили угрожающія движенія. Бартоломмео вышелъ на берегъ; старикъ туземецъ подвелъ къ нему двухъ дѣвушекъ, отдалъ ихъ въ заложницы мира. Испанцы привезли ихъ на корабль, дали имъ подарки и возвратили ихъ туземцамъ. Но Колумбъ не принялъ подарковъ туземцевъ, желая показать имъ, что не нуждается ни въ чемъ; тогда и они отвергли его подарки, отдали назадъ даже тѣ, которые были даны дѣвушкамъ. Когда Бартоломмео велѣлъ записывать то, что говорили туземцы, они приняли это за чародѣйство, и чтобъ отвратить вредное дѣйствіе его,

стали жечь благовонное куреніе, ставъ такъ, чтобы вѣтеръ несъ дымъ на испанцевъ. Испанцы тоже вообразили, что туземцы чародѣи. Они взяли съ собой двухъ туземцевъ и поплыли вдоль берега, который впослѣдствіи былъ названъ Костарикой (Богатымъ берегомъ), потому что на немъ были найдены рудники. Эскадра плыла до залива, на берегахъ котораго росли лѣса фруктовыхъ деревьевъ; Колумбъ назвалъ его бухтой Карибаро (теперь онъ называется Чирикійской лагуной). Туземцы носили на себѣ, какъ украшенія, куски чистаго золота и объяснили испанцамъ, что на югѣ очень много этого металла. Испанцы одушевились надеждой обогатиться и приплыли къ берегу, на которомъ стояло большое селеніе, состоявшее отчасти изъ каменныхъ жилищъ, отчасти изъ глиняныхъ. Это селеніе туземцы назвали Верагуа. Туземцы стали на берегу съ оружіемъ. Выстрѣлъ изъ пушки прогналъ ихъ. Испанцы вышли на берегъ, ободрили туземцевъ, получили отъ нихъ довольно много золота за бездѣлки.

За два года до Колумба эти берега были открыты Родриго Вастидасомъ, доплывшимъ до сѣверной части Даріэнскаго перешейка; но Колумбъ не зналъ объ этой экспедиціи.

Даріэнскій перешеекъ.

Колумбъ услышалъ отъ одного изъ туземцевъ объ удивительной землѣ Сигуаре, жители которой носятъ богатую одежду, имѣютъ мечи, панцыри, лошадей, корабли, такіе же, какъ видитъ теперь этотъ туземецъ. Этотъ разсказъ утвердилъ Колумба въ его мысли, что онъ находится на полуостровѣ, отъ котораго идетъ проливъ къ Индіи и что до Индіи не далеко оттуда; потому онъ поплылъ дальше и въ продолженіе ноября плавалъ вдоль берега Даріэнскаго перешейка, разыскивая проливъ, ведущій въ Индію. Туземцы были нагіе, тѣло у нихъ было разрисовано въ красный цвѣтъ; они принимали испанцевъ дружелюбно, но матросы, часто ночевавшіе на берегу, отнимали у туземцевъ дорогія вещи или насиловали женщинъ; тогда туземцы брались за оружіе, и надобно было стрѣлять изъ пушекъ, чтобы прогнать ихъ. Матросы утомились напрасными поисками пролива, требовали возвращенія. Притомъ корабли были повреждены червями, точившими дерево. Колумбъ поплылъ обратно.

Верагуа.

Въ декабрѣ эскадра подвергалась очень большой опасности отъ ужасныхъ бурь. Колумбъ говоритъ: «Дождь лилъ девять дней, смерчи кружились по волнамъ, гребни которыхъ подымались на такую высоту, какой не видывали прежде самые опытные матросы. День и ночь небо пламенѣло молніей, какъ расплавленная мѣдь, громъ грохоталъ такъ, что казалось будто слышишь непрерывные сигнальные выстрѣлы погибающихъ кораблей. У насъ не было ни воды, ни свѣжей пищи; въ сухаряхъ было столько червей, что матросы ѣли ихъ только въ темнотѣ, чтобы не возмущать желудокъ». Наконецъ 6 января 1503 эскадра избавилась отъ опасности, вошедши въ устье

рѣки, которую Колумбъ назвалъ Белемомъ (Виѳлеемомъ). Недалеко оттуда была другая рѣка Верагуа; она текла съ горъ; испанцы слышали, что въ ея пескѣ туземцы находятъ золото. Бартоломмео поплылъ въ шлюпкѣ до мѣстности, въ которой жилъ туземный князь Кибія, стройный мужчина, воинственнаго вида. Онъ принялъ бѣлыхъ людей съ любезностью, но подъ нею скрывалось недовѣріе. Онъ далъ имъ проводника, съ которымъ шли нѣсколько миль вверхъ по рѣкѣ, имѣвшей множество извилинъ; они переходили ее больше 40 разъ, пришли наконецъ въ мѣстность, покрытую пескомъ, имѣвшимъ много золота; они собрали много золотыхъ зеренъ. Но потомъ они узнали, что Кибія послалъ ихъ въ область другого князька, съ которымъ былъ во враждѣ, а самъ имѣетъ въ своей области золотыя розсыпи гораздо богаче этихъ. По возвращеніи Бартоломмео, Колумбъ рѣшилъ основать поселеніе на берегу Белема. Разсказы туземцевъ казались ему подтверждающими его мысль, что неподалеку находятся большія цивилизованныя государства. Онъ хотѣлъ оставить Бартоломмео на берегу Белема, а самъ возвратиться въ Испанію сообщить Изабеллѣ и Фердинанду о своихъ открытіяхъ.

Опасности.

Межь тѣмъ какъ испанцы строили укрѣпленіе, они замѣтили, что Кибія задумалъ напасть на нихъ. Діэго Мендесъ, казначей эскадры, отправился въ селеніе, гдѣ жилъ этотъ князекъ. На оградѣ дома Кибіи были воткнуты 300 череповъ убитыхъ враговъ его. Испанцы знали, что Кибія раненъ въ ногу стрѣлой; Мендесъ назвалъ себя врачомъ, говорилъ, что пришелъ лѣчить Кибію; но этотъ князекъ былъ очень ревнивъ и не пустилъ Мендеса въ свой домъ, чтобъ испанецъ не увидѣлъ его женъ. Мендесъ убѣдился, что онъ готовился къ нападенію. Бартоломмео 30 марта сѣлъ на шлюпку съ Мондесомъ и нѣсколькими солдатами, поплылъ по рѣкѣ къ жилищу Кибіи, захватилъ князька, его семейство, нѣсколькихъ придворныхъ, заковалъ ихъ въ цѣпи, взялъ все золото изъ дома князька и другихъ жилищъ и поплылъ къ кораблямъ. Вечеромъ, когда шлюпка была уже недалеко отъ кораблей, Кибія сталъ жаловаться, что ногамъ его больно отъ тѣсныхъ колецъ оковъ. Кормчій пожалѣлъ его, снялъ оковы; онъ бросился въ рѣку, пырнулъ; испанцы не видѣли, чтобъ онъ снова показался надъ водой и подумали, что онъ утонулъ. Черезъ нѣсколько времени Колумбъ уплылъ съ тремя каравеллами, оставивъ четвертый корабль колонистамъ, начальникомъ которыхъ былъ Бартоломмео. Когда онъ уплылъ, Кибія напалъ на колонистовъ; туземцы осыпали испанцевъ стрѣлами. Бартоломмео прогналъ ихъ въ горы, но былъ раненъ; получили раны и нѣкоторые другіе испанцы, одинъ былъ убитъ. Передъ нападеніемъ туземцевъ на колонію двѣнадцать испанцевъ съ кораблей Колумба, стоявшихъ неподалеку отъ устья рѣки въ ожиданіи попутнаго вѣтра, поплыли на двухъ шлюпкахъ вверхъ по рѣкѣ за дровами, они были неожиданно окружены

челноками туземцевъ, смутились и были убиты всѣ, кромѣ одного, бросившагося въ рѣку и выплывшаго на берегъ. Обѣ лодки были взяты туземцами. Колонисты оробѣли, хотѣли плыть на своей каравеллѣ къ Колумбу; но на рѣкѣ была такая убыль воды, что каравелла не могла проплыть до устья. Послышались звуки военной музыки туземцевъ; колонисты поняли, что готовится новое нападеніе. Бартоломмео рѣшился уйдти берегомъ рѣки къ ея устью. Онъ сложилъ тамъ изъ боченковъ и ящиковъ ограду въ родѣ стѣны.

Колумбъ десять дней оставался у берега, ожидая извѣстій отъ брата. (Самъ онъ не могъ переѣхать на берегъ, потому что у него оставалась только одна шлюпка, а у берега все это время былъ такой сильный прибой, что она могла бы разбиться). Не зная о нападеніи туземцевъ, онъ полагалъ, что они будутъ держать себя мирно, потому что на корабляхъ у него были ихъ плѣнники, служившіе ему заложниками ихъ миролюбія. Но нѣкоторые изъ плѣнныхъ, воспользовавшись минутой оплошности своихъ сторожей, спрыгнули въ море и уплыли на берегъ; другіе были задержаны и отведены въ трюмъ. Потерявъ надежду освободиться, они убили себя. Одинъ изъ кормчихъ Колумба Педро Ледесма, увидѣвъ, что спрыгнувшіе въ море плѣнники выплыли черезъ прибой волнъ на берегъ, рѣшился сдѣлать самъ такую же попытку, проплылъ въ шлюпкѣ до прибоя, черезъ который не могла пройдти она, бросился въ воду и доплылъ до берега. Онъ нашелъ колонистовъ упавшими духомъ. Бартоломмео видѣлъ, что должно отложить мысль объ основаніи колоніи до другого времени, надобно присоединиться къ эскадрѣ Колумба. Но каравелла колонистовъ не могла по мелководью двинуться съ мѣста; между тѣмъ прибой уменьшился; они стали грузить свои вещи на захваченные ими челноки туземцевъ; подъ управленіемъ Діэго Мендеса вещи были перевезены; для этого понадобилось нѣсколько разъ возвращаться отъ кораблей къ берегу. Наконецъ колонисты приплыли на корабли. Свою каравеллу они оставили завязнувшей на мелководьѣ рѣки.

Въ концѣ апрѣля Колумбъ отплылъ отъ берега Верагуи; онъ плылъ прежнимъ путемъ до Даріэнскаго залива. Одну изъ каравеллъ черви проточили такъ, что пришлось бросить ее; двѣ другія были тоже попорчены. Колумбъ спѣшилъ плыть въ Санъ-Доминго. Близъ берега Кубы каравеллы подверглись новой бурѣ; волны заливали ихъ такъ, что онѣ едва не утонули; Колумбъ направился къ Ямайкѣ и 23 іюня каравеллы пристали къ берегу въ заливѣ Santa Gloria. Онѣ были до того попорчены, что у испанцевъ не было силъ выкачивать воду. Колумбъ посадилъ свои каравеллы на прибрежную мель, и всѣ перешли на верхнія палубы. Адмиралъ принялъ предосторожности отъ нападеній туземцевъ; его положеніе было очень опасно. Каравеллы не могли плыть дальше. Колумбъ и его спутники находились въ полной зави-

симости отъ доброжелательства туземцевъ. Діэго Мендесъ много помогалъ Колумбу своей находчивостью и отвагой. Онъ пошелъ въ глубину острова, убѣдилъ туземцевъ доставлять съѣстные припасы на каравеллы и рѣшился плыть на взятомъ у туземцевъ челнокѣ въ Эспаньіолу, до берега которой было 40 морскихъ миль. Его отвага ободрила другихъ. Бартоломмео Фіэско, генуэзецъ, вызвался плыть съ нимъ; вслѣдъ за тѣмъ вызвались еще десять человѣкъ. Они сѣли на два челнока, на которыхъ было по десяти туземныхъ гребцовъ, и поплыли въ Санъ-Доминго. Колумбъ послалъ съ ними письмо къ Изабеллѣ, въ которомъ разсказывалъ о своихъ открытіяхъ; оно кончалось словами: «Всѣ труды и опасности доставили мнѣ такъ мало вознагражденія, что я и теперь не могу назвать своей собственностью хотя бы одну черепицу въ Кастиліи; въ нищетѣ, прикованный подагрой къ постели, при постоянной опасности нападенія дикарей, я каждый день ожидаю смерти».

Положеніе дѣлъ на Эспаньіолѣ.

Мендесъ и Фіэско послѣ очень опаснаго четырехдневнаго плаванія достигли мыса Тибурона, ближайшаго къ Ямайкѣ края Эспаньіолы. Мендесъ пошелъ въ Харагую, гдѣ находился Овандо; Фіэско хотѣлъ плыть назадъ, чтобъ увѣдомить Колумба о возможности получить помощь, но никто не рѣшился плыть съ нимъ. Мендесъ передалъ Овандо письмо Колумба, но Овандо медлилъ послать корабль къ берегу Ямайки, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи. Испанцы, отправившіеся съ нимъ въ Эспаньіолу, воображали, что тамъ легко пріобрѣсти много золота безъ всякаго труда; имъ пришлось работать и пріобрѣтать очень умѣренное награжденіе за тяжелый трудъ. При подавленіи мятежа были истреблены тысячи туземцевъ; другія тысячи погибали отъ работы, которой обременяли ихъ завоеватели; многіе въ отчаяніи убивали себя. До Овандо дошелъ слухъ, что индійцы составляютъ заговоръ; онъ былъ человѣкъ мнительный, повѣрилъ этому, подвергъ пыткѣ нѣкоторыхъ туземцевъ; они въ мученіяхъ говорили все, чего добивались отъ нихъ; этого было достаточно для Овандо, чтобы принять свирѣпыя мѣры. Онъ велѣлъ схватить собравшихся на праздникъ въ Харагуѣ 80 касиковъ и родоначальниковъ и сжегъ ихъ; испанцы рубили, кололи, топтали лошадьми беззащитныя толпы туземцевъ; Овандо велѣлъ повѣсить Анакоану, оказавшую испанцамъ очень важныя услуги, и ея племянника; опустошилъ лежавшую на восточномъ берегу область Гигей, храбрые и физически сильные жители которой убили нѣсколькихъ испанцевъ въ отмщеніе за убійство одного изъ своихъ касиковъ, не бывшаго ни въ чемъ виноватымъ передъ испанцами; повѣсилъ касика Котубанату, послѣдняго независимаго владѣтеля на Эспаньіолѣ. Этими свирѣпостями онъ довелъ себя до очень опаснаго положенія, и многіе испанцы осуждали его безразсудство. Онъ опасался, что при появленіи Колумба колонисты возстанутъ противъ него, потому медлилъ

исполнить просьбу Колумба о присылкѣ корабля, говорилъ, что Колумбъ вѣроятно преувеличиваетъ бѣдствія своихъ спутниковъ, что прежде чѣмъ послать корабль онъ отправитъ кого нибудъ на шлюпкѣ посмотрѣть, дѣйствительно ли помощь нужна Колумбу.

Бѣдствія Колумба и его спутники.

Въ этомъ прошло семь мѣсяцевъ. Спутники Колумба тосковали; они не имѣли хорошей пищи; праздность, лишенія и тревога произвели ропотъ противъ Колумба; возникла молва, что онъ вовсе не хочетъ возвращаться въ Испанію, желаетъ основать поселеніе на Ямайкѣ. Франсиско Поррасъ и его братъ, родственники королевскаго казначея Моралеса, находившіеся въ числѣ спутниковъ Колумба, составили заговоръ отплыть съ Ямайки. Франсиско Поррасъ и его соумышленники объявили страдавшему подагрой Колумбу, что не хотятъ повиноваться ему, и пошли на то мѣсто берега, съ котораго отплыли Мендесъ и Фіэско. Они взяли силой у туземцевъ съѣстные припасы, лодки, принудили туземцевъ быть гребцами. Число ушедшихъ было 48; они поплыли на десяти лодкахъ, но скоро поднялись такія волны, что они стали выбрасывать изъ лодокъ грузъ, бросили въ море нѣкоторыхъ гребцовъ и поплыли обратно къ берегу. Они буйствовали на островѣ, грабили туземцевъ, раздражили ихъ. Туземцы перестали доставлять пищу Колумбу и остававшимся при немъ спутникамъ, большая часть которыхъ были больны подобно ему. Колумбъ придумалъ средство поправить свои отношенія къ туземцамъ. По астрономическимъ вычисленіямъ онъ зналъ, что черезъ три дня будетъ полное затмѣніе луны (29 февраля 1504). Онъ пригласилъ къ себѣ касиковъ и сказалъ имъ, что небесный богъ, въ котораго вѣруютъ испанцы, накажетъ жителей острова, если они не будутъ доставлять пищу испанцамъ, и въ знакъ своего гнѣва затемнитъ луну. Туземцы въ тревогѣ ждали, исполнится ли предсказаніе. Въ назначенный срокъ луна дѣйствительно стала затемняться и наконецъ совершенно исчезла. Туземцы съ воплемъ ужаса просили Колумба вступиться за нихъ передъ Богомъ, обѣщали исполнять его требованія. Когда приблизился конецъ полнаго затмѣнія, Колумбъ вышелъ изъ каюты къ туземцамъ, сказалъ, что Богъ по его просьбѣ возвратитъ имъ свою милость. Луна появилась въ прежнемъ блескѣ; туземцы благодарили Колумба и послѣ того доставляли ему съѣстные припасы.

Мятежъ.

Прошло уже восемь мѣсяцевъ съ того времени, какъ отплыли въ Эспаньіолу Мендесъ и Фіэско; вмѣстѣ съ безнадежностью усиливался ропотъ на Колумба между испанцами, остававшимися при немъ; одинъ за другимъ они уходили къ мятежникамъ, буйствовавшимъ въ центральной части острова. Наконецъ появилась на морѣ небольшая каравелла. Спутники Колумба ждали, что она спасетъ ихъ. Но когда она подплыла, Колумбъ увидѣлъ на ней Діэго Эсковара и потерялъ надежду: Эсковаръ былъ одинъ изъ сообщниковъ Рольдана; Колумбъ приговорилъ его къ смертной казни; онъ былъ прощенъ Вовадильей.

Эсковаръ объявилъ, что присланъ только взглянуть на положеніе дѣлъ, что на его каравеллѣ нѣтъ и помѣщенія для Колумба и его спутниковъ, передалъ Колумбу боченокъ вина и небольшое количество мяса и отплылъ, сказавъ, что скоро будетъ присланъ корабль перевезти всѣхъ въ Эспаньіолу. Ропотъ противъ Колумба усилился; всѣ понимали, что Овандо медлитъ спасти ихъ, опасаясь пріѣзда Колумба на Эспаньолу. Франсиско Порраесъ расположился на берегу близъ каравеллъ, ждалъ удобнаго случая арестовать Колумба и Бартоломмео, овладѣть съѣстными припасами. Бартоломмео взялъ изъ находившихся на каравеллахъ людей 50 человѣкъ и пошелъ на мятежниковъ; они отвергли всѣ его предложенія, и 19 мая испанцы вступили въ сраженіе съ испанцами; это былъ первый такой случай въ Новомъ Свѣтѣ. Бартоломмео взялъ въ плѣнъ Франсиско Порраса; нѣсколько человѣкъ мятежниковъ было убито.

Отплытіе въ Эспаньіолу.

Побѣжденные обѣщали повиноваться Колумбу. Онъ зорко наблюдалъ за ними. Наконецъ онъ и его спутники дождались избавленія. Колонисты Эспаньіолы негодовали на Овандо за то, что онъ не исполняетъ просьбу Колумба. Онъ увидѣлъ себя въ необходимости исполнить всеобщее требованіе. Діэго Мендесъ уже нанялъ небольшой корабль плыть за остававшимися на Ямайкѣ; Овандо послалъ вмѣстѣ съ этимъ кораблемъ каравеллу. Колумбъ и его спутники приплыли 13 августа въ гавань Санъ-Доминго. Овандо вышелъ на встрѣчу ему, предоставилъ въ его распоряженіе свой дворецъ. Но чтобы заявить свою власть, велѣлъ немедленно освободить Франсиско Порраса, привезеннаго въ оковахъ. Колумбъ спѣшилъ снаряженіемъ корабля для возвращенія въ Испанію и отплылъ 12 сентября. Передъ отплытіемъ онъ велѣлъ арестовать Франсиско Порраса, снова заковать въ цѣпи и взялъ его съ собой. Овандо не отважился противорѣчить. Плаваніе было бурно. Колумбъ лежалъ, страдая подагрой. Корабль подвергался опасности утонуть, потерялъ мачты, но благодаря искусству и энергіи Бартоломмео, опасность была отвращена, и 5 ноября (1504 года) корабль бросилъ якорь въ Санъ-лукарской гавани.

Смерть Изабеллы.

Изабелла въ это время была близка къ смерти. Она умерла 26 ноября 1504 въ Медина дель Кампо. Передъ смертью она просила мужа тотчасъ же удалить Овандо отъ должности. Но Фердинандъ медлилъ исполнить ея желаніе, потому что Овандо присылалъ въ казну много денегъ.—Смерть Изабеллы, имѣвшей искреннее расположеніе къ Колумбу, была тяжелымъ ударомъ для него, потому что Фердинандъ, холодный эгоистъ, не зналъ чувства признательности. Колумбъ провелъ остатокъ жизни въ печальномъ положеніи. Денежныя дѣла его были разстроены небрежностью въ управленіи и расходами на послѣднюю экспедицію. Часть доходовъ Эспаньіолы, которую правительство обязано было отдавать ему, была вычисляема по такимъ правиламъ, что оказывалась очень не велика. Онъ писалъ: «я долженъ искать пріюта и обѣда себѣ въ гостинницѣ и часто не знаю, какъ заплатить за нихъ». Франсиско Порраесъ и его братъ были освобождены отъ суда, потому что Колумбъ не могъ представить никакихъ документовъ въ доказательство своего обвиненія противъ нихъ; были даже люди, говорившіе, что Колумбъ и его братъ Бартоломмео должны быть преданы суду, какъ люди, убившіе испанцевъ.

Колумбъ поѣхалъ изъ Санъ-Лукара въ Севилью и до мая слѣдующаго года лежалъ тамъ больной. Оправившись, поѣхалъ съ Бартоломмео въ Сеговію, гдѣ находился король. Фердинандъ принялъ Колумба очень любезно; но не исполнилъ просьбу его о возвращеніи ему доходовъ и титуловъ, на какіе имѣлъ онъ право по договору, заключенному передъ первой его экспедиціей. Фердинандъ обѣщалъ, что доходы будутъ выдаваться ему, но уклонялся отъ обѣщанія возвратить санъ вице-короля. Члены коммиссіи, которой было поручено исполненіе завѣщанія Изабеллы (Junta de Descardos), разсматривали права Колумба на санъ вице-короля; голоса ихъ по этому вопросу раздѣлились; Фердинандъ сказалъ, что отлагаетъ рѣшеніе до пріѣзда инфанты Іоанны, наслѣдовавшей кастильскій престолъ, и ея мужа Филиппа, но съ тѣмъ вмѣстѣ предложилъ Колумбу отказаться отъ притязанія на санъ вице-короля и получить въ вознагражденіе за него имѣнье въ Кастиліи съ титуломъ графа. Колумбъ не согласился на такую сдѣлку, считая обязанностью чести оставить санъ вице-короля въ наслѣдство сыну и потомству. Кромѣ того онъ говорилъ, что ему слѣдуетъ получать большую долю изъ доходовъ Новаго Свѣта, чѣмъ выдается ему. Королева и король Кастиліи Іоанна и Филиппъ приплыли 28 апрѣля въ Корунью. Дворъ отправился на встрѣчу имъ въ Вальядолидъ; поѣхалъ туда и Колумбъ, послалъ Бартоломмео изъ Вальядолида поздравить королеву и короля на пути, но не дожилъ до ихъ пріѣзда въ Вальядолидъ. Онъ умеръ тамъ въ день Вознесенія 20 мая 1506. Послѣднія слова его были: «Въ руки Твои, Господи, предаю духъ мой!» Онъ назначилъ главою семейства и наслѣдникомъ своихъ правъ старшаго сына, Діэго, завѣщалъ опредѣленныя части имущества другому сыну, Фернандо, его матери Беатрисѣ Энрикесъ и своимъ братьямъ, поручилъ Діэго наградить Мендеса и Фіэско, совершившихъ отважный переѣздъ изъ Ямайки въ Эспаньіолу.—Годъ рожденія Колумба, какъ мы говорили, неизвѣстенъ, потому мы не знаемъ, до какихъ лѣтъ онъ дожилъ. Тѣло его было погребено въ вальядолидскомъ францисканскомъ монастырѣ, потомъ было перенесено въ картезіанскую церковь de las Cuevas въ Севильѣ; тамъ былъ по приказанію Фердинанда поставленъ памятникъ съ надписью: «Колонъ открылъ для Кастиліи и Леона Новый Свѣтъ». Впослѣдствіи, тѣло его было перевезено вмѣстѣ съ тѣломъ его сына Діэго въ Санъ-Доминго и погребено тамъ въ соборномъ храмѣ. Когда испанцы въ 1796 году отдали ту часть острова французамъ, они

Смерть Колумба.

перевезли гробъ Колумба въ Кубу и положили въ соборномъ храмѣ въ Гаванѣ.

Характеръ Колумба.

Разсказъ о дѣлахъ Колумба ясно опредѣляетъ его характеръ; истинное величіе его состоитъ не въ томъ, что его умъ создалъ мысль найдти западный путь въ восточную Азію; мы видѣли, что и другіе люди того времени, какъ напримѣръ Тосканелли, приходили къ такому же выводу. Несравненно важнѣе то, что онъ имѣлъ непоколебимую увѣренность въ истинѣ мысли, выведенной имъ изъ научныхъ соображеній, и съ энергіей энтузіазма стремился осуществить ее, не отклоняясь отъ предпринятаго дѣла никакими затрудненіями, не смущаясь ни насмѣшками, ни клеветами. Его открытія не были случайностью, какъ открытіе Бразиліи Кабралемъ. Въ старости, когда развилась въ немъ склонность къ мистицизму, онъ считалъ себя орудіемъ воли Божіей, выводъ, сдѣланный имъ изъ астрономическихъ и географическихъ фактовъ казался ему божественнымъ вдохновеніемъ.—Онъ родился въ городѣ, имѣвшемъ обширную морскую торговлю, въ обществѣ образованномъ и предпріимчивомъ и былъ одаренъ всѣми качествами отважныхъ людей того времени; пылкое воображеніе имѣло большое участіе въ его стремленіи найдти путь къ богатымъ странамъ восточной Азіи; но оно подчинялось соображеніямъ, выводимымъ изъ положительныхъ знаній. Не одна любовь къ славѣ была мотивомъ Колумба; онъ не былъ чуждъ жажды золота; но она не заглушала въ немъ добрыхъ чувствъ, не доводила его до безпощадной алчности, какъ многихъ продолжателей его дѣла. По благородству характера, онъ предполагалъ благородство въ другихъ и часто ошибался въ выборѣ людей; но при всѣхъ разочарованіяхъ сохранялъ вѣру въ честь и добродѣтель, сочувствіе патріархальному быту туземцевъ открытыхъ имъ странъ и красотамъ природы. Письма и отчеты его проникнуты поэтическимъ чувствомъ.—Онъ былъ рожденъ повелѣвать людьми; величественная осанка его и благородная гордость внушали почтеніе къ нему; онъ умѣлъ владѣть собою въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ. Онъ былъ человѣкъ религіозный; мы видѣли, что онъ даже мечталъ о завоеваніи Палестины. Вѣрованіемъ его въ спасительность христіанства и желаніемъ доставить кастильской казнѣ вознагражденіе за расходы экспедицій объясняется то, что онъ, человѣкъ добрый, считалъ надобнымъ поработить туземцевъ.—Онъ съ гордостью смотрѣлъ на дѣло, совершонное имъ. Но открытыя имъ земли были не тѣ, которыя надѣялся онъ найдти, и результаты его открытія далеко превзошли все, о чемъ мечталъ онъ.

Родственники и потомки Колумба.

Братья Колумба Діэго и Бартоломмео не имѣли потомства. Бартоломмео получилъ отъ Фердинанда Мону, небольшой островъ между Эспаньіолой и Пуэрто-Рико, и умеръ на Эспаньіолѣ 12 августа 1504. Фердинандо, побочный сынъ Колумба, поступилъ черезъ нѣсколько лѣтъ по смерти отца въ духовное званіе и умеръ въ Севильѣ 12 іюля 1539. Діэго, которому отецъ передалъ свои права, требовалъ отъ правительства исполненія договора, предоставлявшаго Колумбу и его наслѣдникамъ санъ вице-короля и восьмую долю доходовъ открытыхъ имъ земель; правительство отвергло эти притязанія на томъ основаніи, что кастильскими кортесами установленъ законъ, отмѣнившій наслѣдственность должностей. Въ 1508 году Діэго женился на Маріи Толедо, племянницѣ герцога Альбы. Благодаря этому знатному родству, Діэго до судебнаго рѣшенія вопроса о его наслѣдственныхъ правахъ былъ назначенъ правителемъ Эспаньіолы и другихъ испанскихъ владѣній въ Новомъ Свѣтѣ. Онъ 9 іюля 1509 пріѣхалъ въ Санъ-Доминго, помирился съ Овандо, назначилъ Франсиско Гарая правителемъ Ямайки, поручилъ другу своего семейства Веласкесу покорить Кубу. Гарай сдѣлалъ открытія по сѣверному берегу Мехиканскаго залива. О дѣятельности Веласкеса, покорившаго Кубу и сдѣлавшагося правителемъ ея, мы будемъ говорить послѣ. Назначая Діэго правителемъ земель Новаго Свѣта, Фердинандъ сдѣлалъ важныя ограниченія его власти. Крѣпости были поручены независимому отъ Діэго коменданту; Діэго былъ обязанъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ слѣдовать рѣшенію учрежденнаго на Эспаньіолѣ правительственнаго совѣта (аудіэнсіи).. Въ 1514 году былъ назначенъ особый сановникъ для управленія дѣлами по раздачѣ земель и туземцевъ во владѣніе испанцамъ; этимъ было отнято у вице-короля важнѣйшее средство пріобрѣтать преданность колонистовъ или наказывать ихъ за неповиновеніе. Впрочемъ и Фердинандъ и потомъ Карлъ V выказывали расположеніе къ Діэго. Карлъ V даже хотѣлъ подчинить его власти Новую Испанію (Мехику). Но Діэго въ это время умеръ (23 февраля 1526). Онъ имѣлъ только одного сына Луиса; во время его смерти сынъ былъ шестилѣтнимъ ребенкомъ; вдова Діэго, Марія Толедо, заключила съ правительствомъ договоръ, по которому отказалась за сына отъ всѣхъ спорныхъ притязаній; а король далъ Луису титулы герцога верагуанскаго, маркиза ямайкскаго, адмирала индійскаго и наслѣдственную пенсію въ 10.000 дукатовъ. Черезъ нѣсколько времени король назначилъ его генералъ-капитаномъ (правителемъ) Эспаньіолы. Луисъ умеръ въ 1572 году. Онъ не имѣлъ законныхъ дѣтей; преемникомъ его былъ сынъ его младшаго брата Кристоваля Діэго II, смертью котораго въ 1576 прекратилось потомство Колумба по мужской линіи. Майоратъ фамиліи Колумба былъ послѣ процессовъ между нѣсколькими претендентами, длившихся много лѣтъ, отданъ по судебному рѣшенію графу Хельвесу, правнуку Колумба по женской линіи. Вѣрный другъ Колумба Діэго Мендесъ пережилъ его тридцатью годами. Колумбъ обѣщалъ Мендесу должность альгуазила въ Эспаньіолѣ; но когда Мендесъ напомнилъ Діэго, сыну Колумба, объ этомъ обѣщаніи его отца, Діэго отвѣчалъ, что ужь отдалъ эту должность своему дядѣ и обѣщалъ дать ему другую должность. Мендесъ въ негодованіи прекратилъ сношенія съ Діэго, снаряжалъ экспедиціи для открытій, но не получилъ выгодъ отъ нихъ и умеръ въ бѣдности въ 1536 году. Фердинандъ велѣлъ внести въ его гербъ изображеніе челнока на память о его плаваніи съ Ямайки въ Эспаньіолу. По его предсмертному желанію былъ изображенъ челнокъ и на его гробницѣ.

III. Эммануель Великій. Завоеванія португальцевъ въ Индіи.

1. Васко де Гама и Альмейда.

Успѣхи мореплаванія.

Въ концѣ царствованія Іоанна II открытіемъ мыса Доброй Надежды исполнилось ожиданіе, что найденъ будетъ морской путь въ Индію, торговля съ которой даетъ громадныя выгоды. Это открытіе было не дѣломъ случайности или слѣпой отваги, а результатомъ изслѣдованій, давшихъ людямъ способы совершать съ вѣрнымъ разсчетомъ пути далекія плаванія. При Іоаннѣ II начались экспедиціи, доставившія Португаліи при Эммануэлѣ II славу и богатство. Въ царствованіе Іоанна были составлены таблицы уклоненій магнитной стрѣлки, дававшія морякамъ возможность опредѣлять положеніе кораблей въ отдаленныхъ частяхъ Океана.

Открытіе морского пути въ Индію.

По открытіи мыса Доброй Надежды, Іоаннъ II сталъ снаряжать экспедицію, назначенную плыть въ Индію, и выбралъ начальникомъ ея Васко де Гаму, человѣка имѣвшаго большія свѣдѣнія по мореплаванію и космографіи, одушевленнаго стремленіемъ прославить свое имя и доставить пользу своей націи. Эммануэль вскорѣ по вступленіи на престолъ окончилъ снаряженіе этой экспедиціи, и 8 іюля 1497 изъ лиссабонской гавани отплыла эскадра, состоявшая изъ трехъ большихъ кораблей и транспортнаго судна; однимъ кораблемъ командовалъ самъ Васко де Гама, другимъ его братъ Пауло; третьимъ транспортнымъ судномъ Гонзало Нунесъ, Никалао Коэльо; эскадра предназначалась обогнуть мысъ Доброй Надежды и искать оттуда путь въ Индію. Гама имѣлъ письма отъ короля къ государямъ Индіи, имѣлъ списокъ отчета Кавильяно, доплывшаго до Индіи изъ Адена. Эскадра достигла острова св. Креста, на которомъ былъ поставленъ Бартоломео Діасомъ столбъ съ португальскимъ гербомъ, и на праздникъ рождества пристала къ прекрасному берегу, которому Гама далъ названіе Рождественскаго берега, Costo Natal. Вышедши на землю, португальцы были радушно приняты ея жителями, людьми стройнаго тѣлосложенія. Сильное теченіе моря у берега заставило Гаму продолжать путь въ отдаленіи отъ берега, потому онъ не видѣлъ знаменитой Софалы, главнаго рынка, на которомъ получали арабы золото отъ негровъ. Эскадра остановилась въ январѣ при устьѣ Замбези; это было нужно, чтобы починить корабли и чтобъ люди оправились на берегу отъ скорбута. Жители той мѣстности были черные съ волосами, похожими на шерсть; но они были не нагіе, носили одежду изъ хлопчато-бумажныхъ тканей; находились между ними люди, понимавшіе арабовъ, которые служили переводчиками у португальцевъ. Они сказали переводчикамъ, что на востокѣ живутъ бѣлые люди, которые приплываютъ къ нимъ на корабляхъ подобныхъ португальскихъ. Васко де Гама и его спутники поняли изъ этого, что приблизились къ цивилизованнымъ землямъ. Проплывъ пять дней, они (въ мартѣ) увидѣли заливъ, у котораго былъ построенъ арабскими колонистами торговый городъ Мозамбикъ. Шейхъ его дозволилъ португальцамъ выйдти на берегъ, доставилъ имъ съѣстные припасы, обѣщалъ дать кормчихъ, знающихъ путь въ Индію; но они замѣчали, что онъ былъ смущенъ, а когда они стали совершать христіанское богослуженіе и жители увидѣли, что вмѣстѣ съ ними молятся трое арабовъ, то къ опасеніямъ присоединился и мусульманскій фанатизмъ. Жители Мозамбика напали на португальскую шлюпку, приплывшую взять воды. Васко де Гама сдѣлалъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ съ кораблей, мозамбикскіе арабы испугались, шейхъ попросилъ мира и далъ португальцамъ лоцмана. Но лоцманъ коварно завелъ ихъ корабли на мели, съ которыхъ они едва могли сдвинуться. Приплывъ къ сосѣднимъ островамъ, они высѣкли лоцмана и поэтому назвали архипелагъ островами высѣченнаго (Acoutado). Эти острова называются теперь Керимбскими. Въ началѣ апрѣля португальцы приплыли къ городу Момбазе (Момбасу), стоявшему на скалѣ; свѣтлая окраска домовъ и плоскія кровли ихъ напоминали португальцамъ родину. Окрестности города имѣли здоровый климатъ, превосходную воду, были покрыты фруктовыми садами. Португальцы отдохнули тутъ отъ трудовъ и лишеній, убившихъ половину того числа людей, какое отплыло изъ Лиссабона, потомъ они приплыли въ Малинду, городъ, который велъ большую торговлю съ Индіей; они были встрѣчены тамъ дружелюбно, возобновили свои запасы продовольствія. Сынъ старика шейха пріѣхалъ въ гости къ португальцамъ; на его шлюпкѣ игралъ оркестръ музыкантовъ. Съ португальцами поплылъ лоцманъ, уроженецъ Гуджерата. Они отплыли 24 апрѣля. Лоцманъ взялъ направленіе къ Индіи черезъ океанъ и въ 23 дня привелъ корабли къ торговому городу Каликуту (на малабарскомъ берегу). Они бросили якорь въ каликутской гавани 20 мая, въ воскресенье. Толпа народа окружила ихъ въ городѣ; они услышали привѣтствія на арабскомъ языкѣ: «Поздравляемъ васъ съ пріѣздомъ, благодарите Бога, приведшаго васъ въ богатѣйшую на свѣтѣ землю!»

Состояніе Индіи.

По западному берегу Индіи было тогда много арабскихъ поселеній; эти арабы захватили въ свои руки всю торговлю и пріобрѣли большія богатства; многіе изъ нихъ женились на индійскихъ дѣвушкахъ; потомство этихъ браковъ образовало многочисленную касту, пользовавшуюся большими привилегіями. По паденіи владычества мусульманской династіи Бахмановъ въ Деканѣ Индія распалась на множество государствъ, какъ было въ древности. Мелкіе государи находились въ подвластности крупнымъ; эти отношенія имѣли нѣкоторое

сходство съ ленной зависимостью. Раздробленность Индіи и ссоры вассаловъ съ государями, которымъ были подвластны они, облегчали иноземцамъ завоеваніе страны и теперь, какъ при Александрѣ и во времена нашествій афгановъ, газнавидовъ, Тимурлена. Когда Гама приплылъ въ Индію, на западномъ берегу ея отъ Мангалора до мыса Коморина господствовалъ надъ всѣми другими владѣтелями государь, имѣвшій титулъ саморина; его царство называлось Малаяламомъ. Дворецъ его стоялъ въ пальмовой рощѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Каликута. По окрестностямъ дворца были расположены дома наевъ, воиновъ, съ дѣтства готовившихся къ своей профессіи. Это было нѣчто подобное рыцарскому ордену. Наи не имѣли права вступать въ бракъ; женщины ихъ касты сожительствовали съ каждымъ изъ нихъ, безъ всякаго ограниченія свободы; потому наслѣдство переходило къ сыновьямъ сестры. Важнѣйшимъ изъ вассаловъ саморина былъ раджа полуострова Кочина. Въ царствѣ этого раджи находился одинъ изъ главныхъ центровъ касты брамановъ Килонъ; потому онъ считалъ себя духовнымъ царемъ жителей всего малабарскаго берега и неохотно подчинялся саморину каликутскому.

Саморинъ.

Саморинъ назначилъ аудіэнцію начальнику приплывшихъ въ его царство иноземцевъ; наи несли Гаму въ паланкинѣ во дворецъ саморина. Вся одежда царя сіяла брильянтами; онъ прочелъ арабскій переводъ письма короля португальскаго, обѣщалъ исполнить, на сколько окажется возможнымъ, его просьбу о дружбѣ и о разрѣшеніи свободной торговли португальцамъ. Арабскіе купцы, державшіе въ своихъ рукахъ всю торговлю Индіи съ Европой, опасались соперничества португальцевъ, подкупили одного изъ высшихъ сановниковъ, катваля; онъ внушилъ саморину мысль, что португальцы—морскіе разбойники; саморинъ отказалъ имъ въ дозволеніи покупать товары; но, при отплытіи Гамы, далъ ему любезное письмо къ португальскому королю. На обратномъ плаваніи эскадра Гамы подверглась сильнымъ бурямъ; возобновился скорбутъ; отъ него умерло много людей, въ томъ числѣ Паоло де Гама. Эскадра вошла 10 іюля 1499 въ лиссабонскую гавань. Населеніе столицы встрѣтило ее съ восторгомъ. Эммануэль возвелъ Гаму въ дворянство, назначилъ его адмираломъ, далъ ему большую пенсію и въ память объ успѣхѣ экспедиціи построилъ на берегу лиссабонской пристани на мѣстѣ прежней капеллы великолѣпный монастырь Белемъ (Виѳлеемъ), предназначенный для погребенія королей португальскихъ.

Открытіе Бразиліи 1500.

Морской путь въ Индію былъ найденъ, но вступить въ торговлю съ ней еще не удалось Васко де Гамѣ; король отправилъ новую экспедицію подъ начальствомъ Педро Альвареса Кабраля. Надобно было спѣшить установленіемъ торговыхъ сношеній съ Индіей, пока не прибылъ туда другимъ путемъ Колумбъ. Чтобы не подвергнуться тѣмъ бурямъ, отъ которыхъ страдала на обратномъ пути эскадра

Гамы, Кабраль отплылъ весной: португальцы знали, что эти бури свирѣпствуютъ лишь въ опредѣленное время года. Эскадра Кабраля отплыла изъ лиссабонской гавани 8 марта; она состояла изъ тринадцати кораблей, на которыхъ было 1.500 отборныхъ матросовъ и солдатъ. Желая уклониться отъ безвѣтрія, господствующаго у береговъ Гвинеи, Кабраль по совѣту Гамы поплылъ отъ острововъ Зеленаго мыса на западъ. Онъ хотѣлъ плыть на югъ по далекому отъ Африки меридіану до широты мыса Доброй Надежды и только уже тогда повернуть на востокъ. Перешедши экваторъ и проплывъ около 10 градусовъ къ югу, португальцы 24 апрѣля 1500 года увидѣли землю. Посланный осмотрѣть ее шлюпъ возвратился съ извѣстіемъ, что на берегу живутъ нагіе темнокожіе люди съ гладкими волосами. Эскадра стала на якорь въ хорошей пристани, которую Кабраль назвалъ Безопаснымъ портомъ, Porto Seguro. Португальцы отслужили молебствіе подъ большимъ деревомъ на берегу и поставили крестъ; по этому кресту они назвали открытую ими страну землею истиннаго Креста, Terra da Vera Cruz; впослѣдствіи она получила названіе Бразиліи. На берегъ собралось множество туземцевъ; сначала они держались далеко, потомъ подошли; казались боязливыми, но любопытными, давали луки и стрѣлы въ обмѣнъ за бездѣлки. Хижины ихъ были построены на сваяхъ, покрыты листьями; на ночь раскладывали они огонь, чтобы дымъ прогонялъ москитовъ, и спали кругомъ огня на подвѣшенныхъ кускахъ хлопчато-бумажной ткани, какъ на гамакахъ; главной пищей имъ служилъ ямсъ; они были татуированы; на щекахъ и на нижней губѣ были у нихъ прорѣзы, въ которые были продѣты куски костей и яркіе камушки. Впослѣдствіи стали называть ихъ ботокудами. Отправивъ Лемоса въ Португалію съ извѣстіемъ объ этомъ открытіи, Кабраль въ началѣ мая поплылъ дальше по пути въ Индію. Огибая мысъ Доброй Надежды, эскадра подверглась очень сильной бурѣ, которая утопила четыре корабля; всѣ бывшіе на нихъ погибли. Однимъ изъ утонувшихъ былъ Бартоломео Діасъ, которымъ былъ найденъ этотъ путь въ Индію. Буря длилась 20 дней. Корабли приплыли Мозамбикскимъ проливомъ въ Мелинду; они были очень попорчены. Кабраль поплылъ изъ Мелинды въ Каликутъ только съ шестью кораблями.

Саморинъ далъ (13 сентября 1500 года) аудіэнцію Кабралю и казался расположенъ исполнить его просьбу, чтобы португальцамъ было дано мѣсто для торговли; но арабскіе купцы старались помѣшать основанію португальской факторіи; они взволновали народъ, поднялась драка, въ которой было убито 50 португальцевъ; въ отмщеніе за нихъ Кабраль 16 декабря сжегъ индійскія суда, стоявшія въ гавани, и бомбардировалъ городъ. Это увеличило вражду малабарцевъ къ феринги (франкамъ). Кабраль пустился попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и нашелъ хорошій пріемъ себѣ у раджи Кочинскаго,

имѣвшаго ненависть къ саморину; португальцы основали факторіи въ Кочинѣ и въ городѣ Каканорѣ, находившемся къ сѣверу отъ Кочина. Купивъ пряностей, Кабраль поплылъ въ Португалію и возвратился въ іюлѣ 1501. Начальникомъ слѣдующей экспедиціи въ Индію былъ Жоано Нова; онъ имѣлъ близъ Каликута сраженіе съ флотомъ саморина; благодаря тому, что португальскіе корабли маневрировали лучше индійскихъ и притомъ имѣли болѣе сильную артиллерію, они одержали побѣду; эскадра возвратилась съ грузомъ пряностей въ Лиссабонъ въ сентябрѣ 1502. Она открыла острова Вознесенія и св. Елены. Около этого времени Кортереаль проплылъ въ сѣверо-западную часть Атлантическаго океана и открылъ землю Эскимосовъ, «людей маленькаго роста, темнокожихъ, въ мѣховой одеждѣ, хорошо стрѣляющихъ изъ лука, ревниво охраняющихъ вѣрность своихъ женъ, живущихъ въ хижинахъ или ямахъ; открылъ также берегъ, поросшій хвойнымъ лѣсомъ, жители его показались португальцамъ сильными, способными много работать; потому они назвали этотъ берегъ Лаврадоромъ (землею работниковъ, lavradores). Поплывъ дальше, эти португальцы погибли во льдахъ у береговъ Гренландіи. Америго Веспуччи, участвовавшій въ экспедиціи Охеды, снарядилъ новую экспедицію, приплылъ къ берегу Бразиліи и продолжалъ по направленію къ югу открытія, начатыя Кабралемъ. Онъ возвратился съ богатымъ грузомъ красильнаго дерева. Торговля этимъ деревомъ скоро пріобрѣла большой размѣръ, и португальцы основали для нея факторію Пернамбуко.

Широкіе замыслы португальцевъ.

Эммануэль проникся восторженными надеждами; онъ хотѣлъ вытѣснить арабовъ изъ индійской торговли. Португальская нація раздѣляла его увлеченіе; капиталисты основывали торговыя общества, снаряжали военные корабли, отправляли ихъ за товарами въ Индію. Правительство посылало ихъ эскадры въ индійскій океанъ пріобрѣтать опорные пункты для торговли. Въ 1502 году Васко де-Гама пошелъ съ 20 кораблями по пути, который былъ найденъ имъ, заключилъ торговый договоръ съ шейхомъ мозамбикскимъ, приплылъ въ Килоа, наказалъ вѣроломнаго князька этой мѣстности, упрочилъ безопасность плаванія вдоль восточнаго берега Африки, оставилъ у нѣкоторыхъ пунктовъ его корабли для охраненія португальцевъ. Въ своихъ дѣлахъ съ индійцами, португальцы выказывали изумительную храбрость; успѣхамъ ихъ помогали и раздоры между индійскими царями. Вассалы саморина желали освободиться отъ подвластности ему. Онъ требовалъ, чтобы раджа Кочинскій не пускалъ португальцевъ въ свою землю и выдалъ купцовъ, оставшихся въ факторіи; раджа пригласилъ португальцевъ на помощь и отразилъ нападеніе саморина. Въ 1503 году Франсиско Альбукерке построилъ въ Кочинѣ фортъ Сантіаго. На обратномъ пути (въ 1504 году) флотъ его сильно пострадалъ отъ бури. Братъ его, знаменитый Аффонсо Альбукерке, продолжалъ начатое имъ дѣло.

Побѣда Пачеко при Кочинѣ.

Въ кочинскомъ фортѣ Франсиско Альбукерке оставилъ 80 человѣкъ португальцевъ. Въ Кочинской гавани остались большой корабль и двѣ каравеллы. Нагрузивъ другіе корабли товарами, Франсиско отплылъ въ Португалію. Саморинъ полагалъ, что можетъ теперь наказать непокорнаго вассала, и напалъ на городъ Кочинъ съ войскомъ, въ которомъ, какъ говорятъ, было 70.000 человѣкъ и 380 пушекъ. Съ моря напалъ на Кочинъ флотъ саморина, состоявшій изъ 160 кораблей. Городъ стоялъ на мысѣ, мѣстоположеніе было удобно для обороны. Дуарте Пачеко, начальствовавшій гарнизономъ форта, помогалъ раджѣ защищаться. Саморинъ, потерявъ третью часть войска въ сраженіяхъ или отъ болѣзней, снялъ осаду и ушелъ. Эта неудача подорвала власть его надъ другими вассалами; многіе изъ нихъ отложились отъ него, вступили въ союзъ съ Пачеко. Брахманскій городъ Краннаноръ объявилъ себя независимымъ. Дуарте Пачеко, по возвращеніи въ Португалію, получилъ въ награду должность правителя Золотого берега въ Гвинеѣ; но впослѣдствіи былъ оклеветанъ передъ королемъ и впалъ въ такую бѣдность, что дѣти его просили милостыню.

Альмейда.

Начальникъ одной изъ слѣдующихъ экспедицій въ Индію, Лопо Соаресъ, истребилъ индійскую эскадру, напавшую на него, и возвратился съ богатымъ грузомъ пряностей и другихъ дорогихъ товаровъ. Индійскіе арабы возбудили мамлюкскаго султана египетскаго къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ португальцевъ. Въ мартѣ 1505 года 22 корабля съ 1.500 отборныхъ солдатъ поплыли въ Индію подъ начальствомъ Франсиско Альмейды, назначеннаго вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Индіи. Король велѣлъ ему оставаться тамъ три года. На пути въ Индію Альмейда прогналъ враждебнаго португальцамъ шейха Килои, передалъ власть надъ ней другому и построилъ укрѣпленіе для защиты португальской факторіи; потомъ онъ взялъ враждебный португальцамъ городъ Момбасъ, ограбилъ его и сжегъ, раздѣлилъ добычу между солдатами; построилъ нѣсколько фортовъ на Занзибарскомъ берегу; многіе шейхи принуждены были платить дань. Когда эскадра приплыла въ Индію, сынъ вице-короля Лорензо Альмейда одержалъ въ мартѣ 1506 г. блестящую побѣду надъ многочисленнымъ флотомъ саморина; вице-король заключилъ трактаты съ раджей Кочинскимъ и другими бывшими вассалами саморина; португальцы стали плавать къ Коромандельскому берегу, основывать факторіи тамъ. Въ надеждѣ на помощь султана египетскаго, опасавшагося, что Александрія перестанетъ быть рынкомъ индійскихъ товаровъ и доходы его уменьшатся, индійскіе арабы и саморинъ продолжали войну съ португальцами. Въ 1506 году собрался въ пананской гавани (на югѣ отъ Каликута) очень большой флотъ. Но Лорензо

Альмейда сжегъ этотъ флотъ и взялъ приступомъ городъ Панане. Въ то время шли съ новой эскадрой въ Индію Тристано да-Кунья и Аффонсо Альбукерке. Они открыли островъ, получившій имя Тристано да-Куньи, построили форты на мысѣ Гардафуѣ и островѣ Сокоторѣ. Альбукерке овладѣлъ на восточномъ берегу Аравіи городами Суромъ, Кальхатомъ, Маскатомъ, напалъ на флотъ, стоявшій въ гавани Ормуса, бывшаго тогда складочнымъ мѣстомъ индійскихъ товаровъ; великій везирь Ходжа Атаръ, правившій государствомъ въ малолѣтство султана Сейфъ-Эддина II, заключилъ съ Альбукерке договоръ, по которому призналъ власть короля португальскаго надъ ормусскимъ царствомъ и обязался платить 15.000 дукатовъ дани. Альбукерке основалъ въ Ормусѣ факторію и построилъ фортъ.

Смерть Лорензо Альмейды 1507.

Аффонсо Альбукерке плылъ въ Индію занять должность вице-короля. Передъ его прибытіемъ приспѣлъ къ Малабарскому берегу египетскій флотъ подъ начальствомъ эмира Гасана. Лорензо Альмейда, начальствовавшій португальскимъ флотомъ, вступилъ въ сраженіе съ Гасаномъ; оно длилось цѣлый день. Вечеромъ приплылъ на помощь египтянамъ намѣстникъ царя камбайскаго Мелекъ Азъ съ гуджератскимъ флотомъ. Капитаны португальскихъ кораблей совѣтовали Лорензо Альмейдѣ пройдти ночью между египетскимъ и гуджератскимъ флотами въ открытое море; говорили, что вѣроятность успѣха будетъ на сторонѣ португальцевъ, если непріятель нападетъ на нихъ вдали отъ берега. Лорензо понималъ справедливость ихъ мнѣнія, но отвергъ его, потому что плыть въ открытое море было бы похоже на бѣгство, а Лорензо слышалъ отъ отца совѣтъ поступать въ трудныхъ случаяхъ отважно. На слѣдующее утро португальскіе корабли двинулись вдоль линіи непріятельскаго флота подъ огнемъ его; корабль Лорензо шелъ послѣднимъ. Непріятель напалъ съ наибольшими усиліями на него. Корабль получилъ пробоину; его ходъ замедлился; онъ остановился у свай, вбитыхъ въ море для рыбной ловли, гребцы не могли сдвинуть его противъ теченія; большая часть людей на немъ были переранены; осколокъ гранаты оторвалъ ногу у Лорензо. Солдаты хотѣли унести раненнаго, но онъ велѣлъ, чтобъ его посадили на стулъ у гротъ-мачты, и продолжалъ командовать, пока пуля пробила ему грудь; три раза португальцы отбивали непріятеля, шедшаго на абордажъ; враги вошли на опускавшійся въ воду корабль, только когда почти всѣ португальцы были перебиты или переранены, а уцѣлѣвшіе не имѣли зарядовъ. При извѣстіи о смерти сына Альмейда сказалъ: «Я не могъ бы желать ему болѣе славной кончины». Собравъ всѣ свои военныя силы, вице-король пошелъ съ 19 кораблями и 1.200 матросовъ и солдатъ противъ непріятеля; 30 декабря 1508 онъ взялъ большой приморскій городъ Дабулъ, отдалъ его на разграбленіе и 2 февраля (1509 года) напалъ у Діу на непріятельскій флотъ, состоявшій больше, чѣмъ изъ 200 кораблей, разбилъ его, взялъ двѣ главныя галеры, потопилъ или сжегъ много другихъ кораблей; уцѣлѣвшіе разсѣялись. По уничтоженіи египетскаго флота индійскіе раджи утратили надежду одолѣть португальцевъ. Правитель города Діу заключилъ миръ съ Альмейдой; другіе раджи послѣдовали этому примѣру.

Смерть Франсиско Альмейды.

Вскорѣ послѣ того прибылъ новый вице-король Аффонсо Альбукерке; сдавъ ему должность, Альмейда отплылъ на родину. Эскадра счастливо обогнула южный конецъ Африки и въ мартѣ 1510 стала на якорь въ заливѣ Сальданьѣ запастись водой. Альмейда съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 150 человѣкъ, пошелъ вдаль отъ берега; туземцы напали на него; при отступленіи къ шлюпкамъ, онъ и весь его отрядъ были истреблены. «Такого несчастія еще никогда не испытывала Португалія», говоритъ Барросъ. Альмейда былъ храбрый воинъ безукоризненнаго характера; онъ желалъ обогащать другихъ, отказываясь отъ собственной выгоды.

---

2. Завоеванія Альбукерке.

Альмейда полагалъ, что португальцы должны ограничиваться въ Индіи пріобрѣтеніемъ факторій и укрѣпленіемъ ихъ. Его преемникъ, генералъ-капитанъ и правитель Индіи Аффонсо Альбукерке находилъ надобнымъ овладѣвать крѣпостями и ставить въ нихъ сильные гарнизоны.

Нападеніе на Каликутъ.

Первыя дѣйствія Альбукерке были неудачны. Въ январѣ 1510, уступая горячему желанію опрометчиваго маршала Коутиньо, онъ напалъ на Каликутъ; португальцы взяли городъ, ворвались во дворецъ и разсѣялись по этому огромному зданію, разыскивая сокровища; наи собрались, возобновили битву; португальцы принуждены были отступать къ кораблямъ; маршалъ и 80 офицеровъ и солдатъ были убиты; самъ Альбукерке былъ раненъ.

Взятіе Гои.

Но вслѣдъ за тѣмъ Альбукерке сдѣлалъ очень важное завоеваніе. Онъ напалъ на Гою, богатѣйшій торговый городъ малабарскаго берега, стоявшій на плодородномъ островѣ у прекрасной гавани. Гоя была столица биджапурскаго царства, владѣтель котораго персіянинъ Юсуфъ (Сабажо, какъ называли его португальцы) пріобрѣлъ почти совершенную независимость отъ бахманской династіи и сдѣлалъ такія большія завоеванія, что былъ самымъ сильнымъ послѣ саморина каликутскаго царемъ малабарскаго берега. Арабы, бѣжавшіе отъ фанатизма гиндусовъ изъ Ганавара, поселились въ Гоѣ подъ покровительствомъ своего единовѣрца; благодаря ихъ предпріимчивости, этотъ городъ сталъ центромъ индійской торговли. Когда приплылъ къ нему

Альбукерке, сынъ умершаго незадолго передъ тѣмъ Юсуфа Измаэль Адиль Шахъ, котораго португальцы называли Гидалькао, находился въ походѣ. Благодаря тому, Альбукерке въ февралѣ 1510 легко овладѣлъ Гоей, хотя она была сильно укрѣплена, имѣла большіе запасы аммуниціи и многочисленный флотъ. Альбукерке хотѣлъ сдѣлать Гою резиденціей вице-короля индійскаго, занялся устройствомъ португальскаго управленія въ городѣ. Но Адиль Шахъ возвратился изъ похода, напалъ на португальцевъ; съ тѣмъ вмѣстѣ арабы, жившіе въ городѣ, взялись за оружіе; Альбукерке послѣ упорной обороны былъ вытѣсненъ изъ города, потомъ (30 мая) изъ цитадели. Въ это время начали свирѣпствовать непрерывныя бури монсуна, и португальскій флотъ три мѣсяца оставался въ гавани, не имѣя возможности выйдти въ море; у португальцевъ истощились запасы воды и продовольствія. Племянникъ Альбукерке, храбрый юноша, умеръ отъ ранъ. Наконецъ бури прекратились; Альбукерке уплылъ въ Каканоръ и, усиливъ свой флотъ стоявшими тамъ кораблями, возвратился къ Гоѣ. У него было 1.500 португальцевъ и 300 малабарскихъ наемниковъ; въ городѣ Гоѣ и въ цитадели находилось 9.000 воиновъ. Но португальцы взяли приступомъ и городъ и цитадель; почти все непріятельское войско было перебито или утонуло. Альбукерке возвелъ новыя укрѣпленія. Благодаря имъ, гарнизонъ, оставленный въ Гоѣ, отбилъ въ слѣдующемъ году нападеніе Адиль Шаха. Альбукерке принудилъ этого царя просить мира и выдать португальскихъ дезертировъ, отрѣзалъ имъ уши и носы и послалъ ихъ въ Португалію. Завоеваніемъ Гои, при которомъ съ одинаковымъ блескомъ выказались и отвага и умственное превосходство португальцевъ, Альбукерке внушилъ большой страхъ индійскимъ раджамъ; отвсюду явились къ нему послы съ подарками. Гоя казалась столицею царя. Раджи всего приморья до Гуджерата и Камбайскаго залива признали надъ собою верховную власть португальскаго короля; самъ саморинъ далъ согласіе на то, чтобы португальцы построили въ Каликутѣ фортъ для охраны своей торговли. Арабы уѣзжали изъ Гои; тамъ селились португальцы, женились на дочеряхъ туземцевъ; Альбукерке давалъ денежныя пособія вступавшимъ въ такіе браки. Гоя стала центромъ торговли лошадьми. Ужь это одно заставляло индійскихъ раджей оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ португальцами; поссорившись, они лишились бы возможности ремонтировать свою кавалерію.

Экспедиція Альбукерке въ Персидскій заливъ.

Альбукерке хотѣлъ доставить португальцамъ владычество въ торговлѣ на всѣхъ восточныхъ моряхъ. Великій везирь Ходжа Атаръ, правившій Ормусомъ, не исполнялъ условій договора. Капитаны португальскихъ кораблей часто не слушались приказаній Альбукерке, котораго не любили за строгость; видя это, Ходжа Атаръ предполагалъ, что можетъ свергнуть съ государства португальскую власть. Онъ не допускалъ португальцевъ строить фортъ. Новый везирь Ахмедъ, занявшій его мѣсто, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, держалъ эмира подъ стражей въ сералѣ, искалъ покровительства шаха персидскаго. Въ 1515 году Альбукерке приплылъ въ Ормусу, принудилъ Ахмеда возобновить прежній договоръ, вошелъ во дворецъ, велѣлъ убить Ахмеда и освободилъ эмира. Владѣтель Ормуса призналъ себя вассаломъ короля португальскаго, обязался платить дань. Альбукерке построилъ фортъ и вооружилъ его пушками, взятыми съ укрѣпленій города Ормуса.

Положеніе дѣлъ въ Малаккѣ и на Явѣ.

Нѣсколько раньше экспедиціи въ Ормусъ Альбукерке плавалъ черезъ Бабельмандебскій проливъ, вступилъ въ сношенія съ шейхомъ аденскимъ и выбралъ на Аденѣ мѣсто для постройки форта. Его дѣятельность не ограничилась установленіемъ португальскаго владычества надъ морскимъ путемъ изъ Индіи въ Европу; онъ хотѣлъ подчинить Португаліи малайскій архипелагъ, откуда арабы привозили камфору, мушкатные орѣхи и другія пряности. Туземцы этого архипелага, нѣсколько столѣтій исповѣдывавшіе брахманскую вѣру или буддизмъ, были мало по малу покорены мусульманами, поселявшимися на ихъ островахъ. Мусульманскіе цари поработили туземцевъ и получали большіе доходы отъ торговли съ купцами, пріѣзжавшими къ нимъ изъ Индіи. До половины XIII вѣка центромъ торговли малайскаго архипелага былъ Сингапуръ; но съ того времени стало увеличиваться торговое значеніе города Малакки, имѣвшаго превосходную гавань; теперь торговымъ центромъ малайской торговли былъ онъ. Когда португальскіе корабли явились въ проливѣ между Суматрой и Малаккскимъ полуостровомъ, городъ Малакка простирался на нѣсколько миль по берегу, имѣлъ 30 или 40 тысячъ домовъ, то-есть 150.000 жителей или больше. Султанъ малаккскій пересталъ повиноваться царю сіамскому. Большинство населенія въ малаккскомъ царствѣ составляли малайцы, буддисты, но владычествующимъ сословіемъ были переселенцы, мусульмане.

Войска малайскихъ государствъ были вооружены отчасти ружьями азіатской выдѣлки, отчасти бамбуковыми трубками, изъ которыхъ выталкивались дыханіемъ мелкія отравленныя стрѣлы, отчасти обыкновенными луками и стрѣлами; но главнымъ оружіемъ ихъ были кинжалы, клинокъ которыхъ имѣлъ волнообразную форму. Имущественныя отношенія были опредѣлены въ городѣ Малаккѣ законами съ большой точностью; собственность пользовалась безопасностью; это много содѣйствовало развитію торговли въ Малаккѣ; тамъ жили яванцы, гуджератцы, бенгальцы, китайцы; много было такихъ богатыхъ купцовъ, состоянія которыхъ считалось боченками золота.

Экспедиція Альбукерке въ Малакку.

Отвагу португальцевъ достаточно характеризуетъ уже то самое, что они задумали овладѣть такимъ большимъ городомъ. Первый португалецъ, пустившійся въ Малайское море, Діого Лопесъ Секейра, едва

не погибъ отъ коварства Махмуда, султана малаккскаго; многіе изъ его матросовъ были вѣроломно захвачены въ плѣнъ. Альбукерке съ 19 кораблями, на которыхъ было 800 европейскихъ и 400 малабарскихъ солдатъ, поплылъ къ Малаккѣ требовать удовлетворенія за нападеніе на Секейру. Въ іюлѣ 1511 его эскадра стала у малаккскаго рейда. Султанъ хотѣлъ хитрить съ нимъ, но Альбукерке самъ былъ мастеръ на хитрости. Первое нападеніе португальцевъ на городъ было отражено. Альбукерке вступилъ въ тайныя сношенія съ яванцами, сіамцами и китайцами, жившими въ Малаккѣ; кварталы ихъ составляли сѣверную часть города, отдѣленную рѣчкой отъ южной части, гдѣ жили мусульманскіе вельможи, которыхъ португальцы называютъ мантри, и находился дворецъ султана. Иноземные купцы были недовольны Махмудомъ и согласились впустить португальцевъ въ свою часть города; неожиданно занявъ ее, Альбукерке овладѣлъ мостомъ, который велъ въ южную часть. Султанъ былъ раненъ въ сраженіи и ускакалъ на слонѣ. Иноземные купцы признали надъ собой португальскую власть. Альбукерке занялъ и южную часть города; португальцы взяли громадную добычу. Альбукерке построилъ въ южной части города фортъ, камни для котораго взялъ изъ гробницъ малаккскихъ царей, велѣлъ чеканить новыя деньги, запретилъ прежнія; это было по восточнымъ обычаямъ формальнымъ доказательствомъ того, что власть въ Малаккѣ принадлежитъ португальскому королю. Разныя племена, жившія въ городѣ, были враждебны одно другому; благодаря тому, владычество португальцевъ было прочно. Цари Суматры, Явы, Сіама, Пегу присылали въ Малакку подарки и заявленія преданности королю португальскому.

На обратномъ пути португальскій флотъ подвергся близъ Суматры сильной бурѣ, потопившей нѣкоторые корабли и часть богатой добычи, въ томъ числѣ двухъ бронзовыхъ львовъ, подаренныхъ китайскимъ императоромъ султану малаккскому.

Смерть Альбукерке.

Когда португальскіе корабли и войска были заняты войнами въ другихъ мѣстахъ, въ Малаккѣ была сдѣлана попытка свергнуть иноземную власть. Раджа Утимути, назначенный правителемъ и судьей мусульманъ-яванцевъ, жившихъ въ Малаккѣ, вошелъ въ тайныя сношенія съ сыномъ бѣжавшаго султана Махмуда. Альбукерке заманилъ его въ цитадель и казнилъ; въ яванскомъ кварталѣ вспыхнуло возстаніе; Альбукерке подавилъ его съ безпощадной суровостью. Правитель индійской общины Ниничету былъ отставленъ отъ должности. Въ огорченіи этой обидой онъ велѣлъ сложить костеръ изъ алойнаго и сандальнаго дерева, взошелъ на него и умеръ въ пламени съ спокойствіемъ индуса. Родственники его стояли кругомъ костра и пѣли пѣсни о неблагодарности португальцевъ. Новый правитель яванской общины, одинъ изъ покорившихся суматрскихъ раджей, тоже подвергся подозрѣніямъ Альбукерке, совершенно несправедливымъ, и былъ казненъ. Многіе изъ его единовѣрцевъ покинули Малакку. Португальцамъ пришлось вести много войнъ съ султанами и старшинами малайскихъ острововъ и Малаккскаго полуострова; но они сохранили владычество на моряхъ южной Азіи. Султанъ Махмудъ часто дѣлалъ нападенія на португальцевъ въ Малаккѣ; но они взяли и сожгли его новую столицу Бинтангъ; онъ бѣжалъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Изъ Малакки португальцы плавали къ берегамъ Суматры и покупали тамъ золото, серебро, пряности, камфору, сандальное и алойное дерево. Они уже пытались проникнуть къ молуккскимъ островамъ, захватить въ свои руки торговлю мушкатными орѣхами и гвоздикой.

Смерть Альбукерке.

Альбукерке въ ноябрѣ 1515 года отплылъ изъ Ормуса. Молодой царь, уважавшій его, какъ отца, очень печалился, прощаясь съ нимъ. Онъ былъ боленъ и спѣшилъ отправиться въ Гою. На пути туда онъ услышалъ, что король, повѣривъ клеветамъ враговъ его, назначилъ въ Индію новаго вице-короля Лопо Соареса, далъ важныя должности въ Индіи двумъ людямъ, которыхъ Альбукерке послалъ въ Португалію арестованными за важные проступки; кромѣ того король сдѣлалъ распоряженія, противорѣчившія системѣ дѣйствій Альбукерке. Смѣненный вице-король былъ глубоко опечаленъ, воскликнулъ: «Теперь время удалиться въ церковь», и велѣлъ плыть въ Гою; онъ чувствовалъ приближеніе смерти и хотѣлъ умереть въ этомъ городѣ, но 16 декабря (1515 года) умеръ на морѣ въ виду Гои. Знатнѣйшіе люди перенесли его тѣло въ церковь Маріи, построенную имъ въ Гоѣ. Черетъ 50 лѣтъ прахъ его былъ перевезенъ въ Лиссабонъ и положенъ въ фамильной гробницѣ въ одной изъ капеллъ храма Скорбящей Богоматери.

„Альбукерке былъ средняго роста, стройнаго тѣлосложенія“, говоритъ Шеферъ: „Черты лица его были пріятны; но въ гнѣвѣ взглядъ его былъ ужасенъ. Длинная сѣдая борода придавала ему очень почтенный видъ; онъ былъ добродушенъ въ разговорѣ, любилъ приправлять его шутками, всегда приличными. Онъ говорилъ и писалъ очень хорошо и легко владѣлъ латинскимъ языкомъ.“ Онъ былъ вспыльчивъ, но правосуденъ. Справедливость его признавали даже язычники и мусульмане, украшавшіе его гробницу цвѣтами; онъ былъ безкорыстенъ и щедръ, осторожно обдумывалъ планы дѣйствій и быстро исполнялъ ихъ. Онъ научился отъ азіатцевъ хитростямъ ихъ и умѣлъ ловко хитрить съ ними. Онъ былъ одинаково великій государственный правитель и полководецъ“.

Владычество португальцевъ на югѣ Азіи.

Альбукерке далъ прочныя основы военному и торговому владычеству португальцевъ на индійскихъ моряхъ. Гоя, которую укрѣпилъ онъ такъ, что она стала безопасна отъ всякихъ нападеній, быстро

принимала характеръ европейскаго города. Въ ней селились португальскіе купцы и ремесленники, женились на туземныхъ дѣвушкахъ, принявшихъ христіанство; потомство этихъ браковъ составило многочисленный классъ населенія, усердно поддерживавшій португальцевъ. Миссіонеры, повсюду являвшіеся съ португальскими войсками, также помогали упроченію владычества ихъ, распространяя христіанство. Португальцы основали факторіи, построили форты во всѣхъ важныхъ портовыхъ городахъ индійскаго моря отъ Діу до мыса Коморина, отъ Мадагаскара, открытаго въ 1505 году Антано Гонсальвесомъ, до Цейлона, изобиловавшаго корицей и дорогими камнями; со всѣми государями тѣхъ земель они заключили торговые договоры, со многими военные союзы, дѣлавшіе ихъ португальскими вассалами; португальцы ловко подчиняли себѣ индусовъ, возбуждая ихъ возставать противъ мусульманскихъ порабoтителей. Дань королю португальскому и подвластность ему казались индусамъ менѣе тяжелы, чѣмъ мусульманское иго. Овладѣвъ Малаккой, португальцы плавали оттуда на востокъ, открыли Молуккскіе острова, на обширнѣйшемъ изъ которыхъ, Тернате, росло гвоздичное дерево, и взяли въ свои руки торговлю гвоздикой; вступили въ торговыя сношенія съ сіамскимъ царствомъ и съ Кантономъ. Ормусъ, главный складочный пунктъ индійскихъ товаровъ, шедшихъ на сѣверъ, повиновался королю португальскому. Португальцы вытѣсняли персіянъ и египтянъ съ индійскаго моря; въ 1521 году Коррера, начальникъ португальской эскадры, помогъ португальскому данному, султану ормусскому, покорить островъ Бахрейнъ. Изъ Адена португальцы вошли въ Красное море, бомбардировали Джидду, угрожали Меккѣ. Завоеваніе Египта турками было благопріятно упроченію португальскаго владычества на восточныхъ моряхъ, потому что турки, уничтоживъ египетскій флотъ на Красномъ морѣ, не замѣнили его своимъ. Португальцы заняли крѣпкія позиціи на восточномъ берегу Африки, вступили въ сношенія съ императоромъ абиссинскимъ. Они не дозволяли никакому европейскому кораблю появляться на восточныхъ моряхъ безъ письменнаго разрѣшенія короля португальскаго. Европейскіе купцы должны были покупать теперь пряности въ Лиссабонѣ; туда привозился перецъ изъ Каликута, инбирь изъ Кананора, корица съ Цейлона, мушкатные орѣхи съ Малайскихъ острововъ. Индійскіе мусульмане и индусы, ослаблявшіе себя непрерывными войнами, раздробившіеся на мелкія государства, не могли защитить своей независимости отъ португальцевъ, выказывавшихъ геройскую отвагу и на морѣ и на сушѣ. Король португальскій справедливо называлъ себя государемъ индійской и эѳіопской торговли. Въ Гоѣ и Малаккѣ чеканилась монета съ его изображеніемъ. Она ходила по всей Индіи.

Кругосвѣтное плаваніе Магельяэнса.

Португальцы, овладѣвшіе торговлей съ малайскимъ архипелагомъ, были неожиданно встревожены появленіемъ христіанскихъ соперниковъ ихъ владычеству на юго-восточныхъ моряхъ. Начальникъ португальской эскадры Антоніо Брито, стоявшій въ Яванской гавани противъ острова Мадуры, получилъ въ декабрѣ 1521 г. извѣстіе, что на Молуккскихъ островахъ явились другіе европейцы и дали яванскому купцу, написанную на испанскомъ языкѣ, грамату для свободнаго плаванія. Это были испанскіе корабли, совершавшіе первое кругосвѣтное плаваніе. Въ самой Португаліи родился и выросъ человѣкъ, подъ управленіемъ котораго поплыли кругомъ свѣта испанцы, Фернано дель-Магельяэнсъ, происходившій отъ старинной дворянской фамиліи, жившей въ Опорто.

---

3. Правленіе Эммануэля.

Характеръ Эммануэля. Лиссабонскій дворъ.

Въ тотъ годъ, когда совершалось первое кругосвѣтное плаваніе, умеръ Эммануэль. Его назвали Великимъ; вѣрнѣе было бы назвать его Счастливымъ. Въ его 26-ти лѣтнее царствованіе, Португалія пользовалась ненарушимымъ внутреннимъ миромъ; португальцы расширили свои владѣнія въ Мавританіи, покоривъ Сафи, Азаморъ, Теднестъ; нація горячо сочувствовала королю, желавшему и успѣвшему дать португальцамъ владычество на Индійскомъ океанѣ, сдѣлать Лиссабонъ центромъ торговли съ южной Азіей. Эммануэль не былъ особенно даровитымъ полководцемъ или правителемъ, но умѣлъ одушевить португальское дворянство усердіемъ къ королевской службѣ и направить силы храброй націи къ великимъ цѣлямъ. Онъ былъ стройный, красивый, образованный, любознательный, краснорѣчивый человѣкъ, былъ блестящимъ хозяиномъ великолѣпнаго двора, которому умѣлъ придать изящество. У него былъ живой характеръ; онъ интересовался всѣми отраслями человѣческой дѣятельности, любилъ говорить съ учеными о научныхъ предметахъ, съ людьми много путешествовавшими—о далекихъ земляхъ, принималъ участіе въ математическихъ и астрономическихъ трудахъ. Франсиско Мелло, увлекался владычествовавшими тогда астрологическими фантазіями, любилъ музыку, пѣніе, охоту, рыцарскія игры; добросовѣстно и неутомимо исполнялъ свои обязанности правителя и верховнаго судьи. Эммануэль занялъ положеніе на ряду съ могущественными государями Испаніи, Франціи, Англіи, Германіи. Подобно имъ, онъ имѣлъ неограниченную власть, подготовленную для него прежними королями; вельможи и дворяне усердно служили ему, искали его милостей; онъ щедро награждалъ заслуги. Онъ подавалъ вельможамъ примѣръ благородныхъ правилъ; дамы его двора награждалы своей любовью изящ-

ныхъ и храбрыхъ рыцарей. Жизнь двора шла весело; «тамъ не было мѣста печали, говоритъ одинъ изъ португальскихъ лѣтописцевъ, не было слышно жалобъ, гремѣла мрзыка, раздавалось пѣніе».

Отношеніе къ Кастиліи.

Успѣшностью своихъ дѣйствій на отдаленныхъ моряхъ португальцы были въ значительной степени обязаны тому, что Эммануэль держалъ себя миролюбиво относительно Кастиліи. Войны за престолонаслѣдіе были прекращены женитьбою португальскаго короля на вдовствующей инфантѣ Изабеллѣ (стр. 282). Нѣсколько времени была даже вѣроятность, что весь Пиренейскій полуостровъ и принадлежащая королевству арагонскому Сицилія соединятся подъ властью сына Эммануэля и Изабеллы, родившагося 24 августа 1498 г. Эта надежда не исполнилась, потому что ребенокъ умеръ вскорѣ послѣ своей матери (22 іюля 1500 года); наслѣдницей соединеннаго королевства Кастиліи и Арагоніи сдѣлалась вторая дочь королевы и короля испанскихъ, Іоанна, жена Филиппа австрійско-бургундскаго. Но родство Эммануэля съ испанской династіей было возобновлено женитьбой его на Маріи, младшей дочери Изабеллы и Фердинанда.

Преслѣдованіе евреевъ.

Дружба Эммануэля съ королевой и королемъ испанскими доставляла Португаліи большую политическую пользу, но принесла ей и стыдъ соучастія въ преслѣдованіи мавровъ и евреевъ. Мы говорили, какъ ужасно было гоненіе на нихъ въ Испаніи. Въ португальскомъ королевствѣ преслѣдованіе евреевъ началось еще при Іоаннѣ II и омрачило славу Эммануэля. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ получилъ отъ Изабеллы и Фердинанда письмо, убѣждавшее его «не терпѣть въ Португаліи отверженный, ненавистный Богу и людямъ народъ»; въ декабрѣ 1496 г. онъ издалъ повелѣніе, что до истеченія годичнаго срока всѣ евреи должны удалиться изъ королевства португальскаго подъ страхомъ конфискаціи имущества и смертной казни. Онъ прибавлялъ, что, кто по истеченіи срока будетъ укрывать еврея, будетъ лишенъ всего имущества, которое получитъ донесшій на него. Такое же повелѣніе было издано относительно мавровъ. Несчастные могли избавиться отъ изгнанія принятіемъ христіанства; но лишь немногіе захотѣли обезчестить себя отступничествомъ, огромное большинство готовилось удалиться изъ Португаліи. Узнавъ это, Эммануэль велѣлъ въ опредѣленный день отнять всѣхъ дѣтей до 14-ти лѣтняго возраста у собирающихся уѣхать; этихъ дѣтей должно было крестить и разослать по разнымъ городамъ. Отчаяніе овладѣло преслѣдуемыми; многіе убивали своихъ дѣтей, многіе себя. Эммануэль раздражился, издавалъ повелѣнія еще суровѣе прежнихъ; онъ хотѣлъ, чтобъ евреи и мавры крестились, а не эмигрировали, и велѣлъ, чтобъ ихъ не отпускали ни изъ какой гавани, кромѣ лиссабонской, велѣлъ всячески принуждать ихъ креститься; но всѣ насилія оставались напрасны; лишь немногіе крестились; огромное большинство покинуло Португалію, въ которой евреи пользовались прежде благосостояніемъ, были врачами, занимали важныя должности; государство лишилось массы людей богатыхъ и образованныхъ. Изгнаніе евреевъ нанесло большой вредъ Португаліи, потому что число ихъ въ ней было очень велико. Кромѣ потери множества полезныхъ государству людей, изгнаніе евреевъ было вредно потому, что усилило фанатизмъ народа, пріучило его къ жестокости. Одинъ изъ крестившихся евреевъ неосторожно выразилъ сомнѣніе въ истинѣ молвы, говорившей объ одномъ изъ чудесъ, вымышленныхъ монахами. Это было въ день пасхи 19 апрѣля 1506 г. Народъ взволновался, и за неосторожныя слова одного новокрещеннаго еврея погибло болѣе 2.000 другихъ. Лиссабонская чернь бросилась на всѣхъ новокрещенныхъ евреевъ, убивала и старухъ и малютокъ, разложила костры, бросала въ огонь убитыхъ и живыхъ, грабила и разрушала дома, врывалась въ церкви, убивала скрывшихся тамъ. Король разсердился на самовольство толпы, строго наказалъ людей, возбудившихъ ее къ злодѣйствамъ, запретилъ оскорблять новокрещенныхъ евреевъ.

Подавленіе самостоятельности городовъ.

Главной заботой Эммануэля во внутреннихъ дѣлахъ было устраненіе всѣхъ остатковъ прежней независимости городовъ. Іоаннъ II подавилъ самостоятельность вельможъ; Эммануэль, довершая начатое имъ, велѣлъ пересмотрѣть граматы, пожалованныя прежними королями городамъ и мѣстечкамъ. Коммиссія, которой было поручено это дѣло, устраняла всякое вліяніе вельможъ на городское управленіе, замѣняла его прямымъ подчиненіемъ надзору королевскихъ чиновниковъ, преобразовала городскіе налоги и пошлины, отдала ихъ въ завѣдованіе королевскихъ агентовъ.

Уложеніе Эммануэля.

Эммануэль назначилъ коммиссію для составленія свода законовъ. Предсѣдателемъ ея былъ канцлеръ королевства Руи Ботто. Дѣятельность ея продолжалась до 1521 года, когда обнародовано было третье пополненное изданіе составленнаго ей уложенія. Эммануэль поручилъ ей передѣлать сообразно измѣнившимся общественнымъ отношеніямъ уложеніе Альфонса (стр. 272). Она пополнила пробѣлы этого кодекса, выбросила изъ него устарѣлыя постановленія и дала изложенію законовъ болѣе точности.

Уложеніе Эммануэля дѣлится на пять книгъ, какъ и уложеніе Альфонса. Предметъ каждой книги тотъ же самый, какъ и въ прежнемъ уложеніи. Первая книга содержитъ законы судопроизводства и финансоваго управленія, во второй опредѣляются права церкви, духовенства, привилегіи церковныхъ имѣній, излагаются законы о коронныхъ имѣньяхъ и о порядкѣ сбора доходовъ съ нихъ, о привилегіяхъ вельможъ, сохранившихъ нѣкоторыя права судебной власти. Третья книга излагаетъ порядокъ гражданскаго судопроизводства; четвертая излагаетъ договорное право и завоны о наслѣдствѣ; пятая—уголовные законы и правила уголовнаго судопроизводства.

Старые португальскіе законы были переработаны въ уложеніи Эммануэля подъ вліяніемъ римскаго права; многія прежнія правила были замѣнены въ этомъ уложеніи заимствованіями изъ Юстиніанова кодекса, составленнаго, какъ мы знаемъ, въ духѣ абсолютизма. Въ Португаліи устанавливалась теперь неограниченная власть короля, потому Юстиніановъ кодексъ соотвѣтствовалъ потребностямъ новаго порядка дѣлъ. Въ этомъ направленіи были переработаны и законы о судопроизводствѣ. Прежде маловажныя дѣла рѣшались городскимъ или землевладѣльческимъ судомъ, вѣдѣнію королевскихъ судей подлежали только важныя дѣла; теперь и для рѣшенія маловажныхъ дѣлъ были назначены королевскіе судьи. Тѣ немногіе изъ прежнихъ трибуналовъ, какіе уцѣлѣли, какъ напримѣръ суды рыцарскихъ орденовъ, были подчинены королевскимъ апелляціоннымъ трибуналамъ.

Португальскій король былъ теперь неограниченнымъ повелителемъ государства, имѣвшаго большое войско и очень сильный флотъ. Португальскіе моряки, воины, полководцы не уступали никакимъ другимъ европейскимъ храбростью и патріотизмомъ. Казалось, что Португаліи предстоитъ великая будущность. Но всматриваясь внимательнѣе, можно было видѣть подъ внѣшнимъ блескомъ опасные симптомы: индѣйская торговля доставляла купцамъ Лиссабона и Опорто громадныя богатства, порождавшія роскошь; страсть къ ней распространялась по всѣмъ сословіямъ; развивалась алчность; люди жадно бросались захватывать себѣ долю богатствъ, доставляемыхъ Индіей и Африкой, теряли любовь къ труду, земледѣліе и промышленность падали. Мавры, трудолюбивые земледѣльцы, были изгнаны, христіане лѣнились замѣнить ихъ трудъ своимъ, и покинутыя ими нивы оставались невоздѣланы. Мастерскія опустѣли, потому что на индійскіе товары португальцы покупали произведенія заграничной промышленности.

IV. ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ОТКРЫТІЙ.

1. Открытія въ центральной Америкѣ и первое кругосвѣтное плаваніе.

а) ЭКСПЕДИЦІИ ОХЕДЫ.

Экспедиціи въ Сѣверную Америку и въ Карибскій заливъ.

Открытія Колумба возбудили отважныхъ людей предпринимать экспедиціи для новыхъ открытій, обѣщавшихъ славу и золото. Раньше, чѣмъ Колумбъ нашелъ берегъ Южной Америки, венеціанецъ Джованни Габотто, или по англійской формѣ его фамиліи Каботъ, одушевился желаніемъ раздѣлить съ нимъ славу открытій и въ 1497

поплылъ съ тремя сыновьями изъ Бристоля на англійскомъ кораблѣ по направленію къ сѣверо-западу; онъ открылъ Лабрадоръ, холодную страну, въ которой видѣлъ скалы, бѣлыхъ медвѣдей, жалкихъ дикарей; въ 1500 и 1501 годахъ его сынъ Себастіанъ Каботъ и португалецъ Кортереаль открыли весь берегъ Сѣверной Америки отъ Флориды до Гудсонова залива и до земли эскимосовъ, открыли Ньюфоундлендъ; но сѣверная часть Америки не пріобрѣла въ то время важнаго значенія. Себастьянъ Каботъ, умершій бѣднякомъ въ Лондонѣ, былъ по силѣ ума замѣчательнѣйшимъ послѣ Колумба изъ всѣхъ людей, предпринимавшихъ тогда плаванія для открытій. Онъ первый прослѣдилъ теченіе океана отъ Мехиканскаго залива на западъ и съ большой точностью опредѣлилъ величину отклоненія магнитной стрѣлки подъ разными меридіанами.—Число экспедицій, отплывавшихъ изъ Испаніи, увеличилось, когда севильская коммиссія, завѣдовавшая американскими дѣлами, стала выдавать частнымъ людямъ патенты на владѣніе землями, которыя будутъ открыты ими; они только обязывались отдавать въ казну часть доходовъ. Когда Гевара и Ниньо возвратились изъ Карибскаго залива съ жемчугомъ и золотомъ, эта часть моря стала привлекательнѣе всѣхъ другихъ искателямъ новыхъ земель. Мы уже говорили, что, незадолго передъ послѣднимъ путешествіемъ Колумба, Родриго Вастидасъ открылъ берегъ даріэнскаго перешейка. Охеда, одинъ изъ отважнѣйшихъ спутниковъ Колумба, направялся туда при второмъ своемъ путешествіи, въ которомъ товарищами его были Гарсія Окампо, Хуанъ Вергара и Гернандо Гевара. Они въ 1500—1502 годахъ открыли островъ Курасао, полуостровъ Парагуану, вошли въ заливъ Маракаибо, открыли заливъ Коро, забирали туземцевъ въ рабство. Охеда испыталъ такія же непріятности отъ своихъ спутниковъ, какъ Колумбъ: вмѣсто наслажденій и золота, нашедши голодъ, лихорадку, ежедневныя сраженія съ воинственными туземцами, они возмутились, заковали Охеду въ цѣпи, привезли его въ Эспаньіолу; Овандо отправилъ его въ Испанію, и онъ былъ оправданъ тамъ. Въ 1053 году братья Герры и знаменитый морякъ Хуанъ де ла Коса поплыли къ берегамъ Картахены и устьямъ рѣки св. Магдалины, забирали тамъ въ рабство туземцевъ каннибаловъ, отнимали у нихъ золото и другія цѣнныя вещи. Одинъ изъ князьковъ довѣрчиво пріѣхалъ на ихъ корабль; они задержали его и объявили, что его племя должно выкупить своего государя. Они проткнули палку сквозь ручки большой корзины и сказали, что ее должно наполнить золотомъ вровень съ этой палкой. Туземцы съ большимъ трудомъ собрали столько золота; тогда Кристоваль Герра сказалъ, что до верхняго края корзины остается ужь не много мѣста, потому надобно дополнить ее золотомъ до края. Туземцы снова стали собирать свои золотые уборы, приносить такіе, которые долго лежали у нихъ безъ употребленія, загрязнились или были закопчены

дымомъ; испанцы увидѣли по этимъ признакамъ, что у туземцевъ ужь не остается золота и освободили князька. Они любезно подарили ему топоръ. Количество золота, взятое въ выкупъ, составляло 300 фунтовъ. Самымъ далекимъ и удачнымъ плаваніемъ по берегамъ Центральной и Южной Америки была экспедиція, предпринятая въ 1508 году опытными моряками Педро Ледесмой (отважнымъ кормчимъ Колумба) и Хуаномъ Діасомъ Солисомъ. Они обогнули южный конецъ Кубы, опредѣлили истинную форму этого острова, поплыли къ берегу Гондураса, открыли полуостровъ Юкатанъ, переплыли Карибское море и проплыли по западному берегу Южной Америки далеко за экваторъ, ставя на всѣхъ мысахъ столбы съ испанскими гербами въ знакъ того, что эти земли взяты подъ испанскую власть.

Поселеніе на Дарiэнскомъ перешейкѣ.

Всѣ эти экспедиціи и многія другія предпринимались только для пріобрѣтенія богатствъ грабежомъ, мѣновой торговлей и захватомъ людей въ рабство. Объ основаніи поселеній на берегу американскаго материка еще не было тогда мысли. Фердинандъ охотно выдавалъ граматы на плаванія для открытія новыхъ земель. Храбрый рыцарь, изящный свѣтскій человѣкъ, Діэго Никуэса, разбогатѣвъ разработкой золотыхъ рудниковъ на Эспаньiолѣ, поѣхалъ въ Испанію и въ 1508 году выпросилъ грамату, разрѣшавшую ему основать колонію на берегу американскаго материка. Такое же разрѣшеніе было дано Охедѣ, собиравшемуся въ третій разъ плыть въ Америку. Имъ обоимъ была обѣщана должность правителей въ областяхъ отъ Дарiэнскаго залива на западъ до мыса Велы и на сѣверо-востокъ до мыса Благодаренія Богу. На долю Никуэсы досталась Золотая Кастилія, (нынѣшній москитскій берегъ и Панамскій перешеекъ), на долю Охеды Новая Андалузія (берегъ Новой Гранады); границей между ихъ намѣстничествами была назначена рѣка, впадающая въ Дарiэнскій заливъ, Ріо Гранде. Охеда, не обогатившійся прежними экспедиціями, съ трудомъ снарядилъ при помощи богатаго санъ-домингскаго адвоката Гернандеса Энсисо четыре корабля, купилъ двѣнадцать лошадей, нанялъ 300 матросовъ и солдатъ. Онъ отплылъ въ ноябрѣ 1509 года. Никуэса, человѣкъ богатый, снарядилъ пять кораблей и нанялъ 700 матросовъ и солдатъ. На Эспаньiолѣ было много праздныхъ смѣлыхъ людей, готовыхъ идти на службу всякому, кто заплатитъ ихъ долги и обѣщаетъ имъ добычу.

Экспедиціи Никуэсы и Охеды.

Нападеніе дикарей на Охеду.

Черезъ нѣсколько дней по отплытіи изъ Эспаньiолы Охеда достигъ дельты рѣки св. Магдалины. Онъ вышелъ тутъ на берегъ захватить туземцевъ на продажу въ рабство для уплаты своихъ долговъ. Онъ захватилъ 100 человѣкъ изъ карибскаго селенія Каламара, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь городъ Картахена. На слѣдующій день 70 человѣкъ испанцевъ вышли для ловли людей въ другой мѣстности берега и неосторожно зашли далеко отъ моря, разсѣясь мелкими отрядами; туземцы напали на нихъ, стрѣляли отравленными стрѣлами, раны отъ которыхъ были смертельны. Охеда, Коса, и бывшіе съ ними испанцы спрятались въ хижину; остались живы только Охеда, человѣкъ небольшого роста, закрывавшійся щитомъ съ головы до ногъ, и одинъ матросъ; Коса и всѣ другіе умерли отъ ранъ. На щитѣ Охеды было 300 знаковъ отъ ударовъ стрѣлъ. Въ это время приплылъ къ тому мѣсту Никуэса и помогъ Охедѣ отмстить за смерть товарищей. На берегъ вышли 400 испанцевъ, раздѣлились на два отряда, загнали бѣжавшихъ туземцевъ въ одно селеніе и зажгли его; спастись было нельзя; матери съ малютками на рукахъ бросались въ пламя. Испанцы нашли тѣло Косы; оно распухло отъ яда;—страшно было смотрѣть на него; испанцы торопливо ушли прочь.

Основаніе Санъ-Севастіана.

Охеда основалъ на берегу Урабы (Дарiэнскаго залива) поселеніе Санъ-Севастіанъ, послалъ въ Эспаньiолу свою добычу, состоявшую изъ золота и плѣнныхъ туземцевъ, чтобы привлечь новыхъ поселенцевъ въ замѣнъ убитыхъ или умершихъ отъ лихорадки. Талавера, запутавшійся въ долги плантаторъ, набралъ 70 авантюристовъ и поплылъ съ ними въ Санъ-Севастіанъ. Они нашли поселеніе въ бѣдственномъ состояніи; много колонистовъ умерло отъ болотной лихорадки и лишеній; происходили мятежи; Охеда возстановлялъ порядокъ безпощадными наказаніями; туземцы, спрятавшись за деревья и въ кустахъ, подстерегали испанцевъ, убивали ихъ отравленными стрѣлами. Былъ раненъ и самъ Охеда въ плечо, но спасся отъ смерти, благодаря силѣ характера: онъ велѣлъ хирургу выжечь мясо кругомъ раны и накладывать на выжженное мѣсто перевязки, намоченныя въ уксусѣ. Съѣстные припасы истощались; Охеда, выздоровѣвъ, отправился въ Эспаньiолу добыть тамъ новые запасы. На время своего отсутствія онъ назначилъ начальникомъ колоніи человѣка, имя котораго скоро стало знаменитымъ, Франсиско Пизарро (Pizarro, Писарро). Съ Охедой отправились авантюристы Талаверы и самъ онъ. Когда плыли въ Санъ-Севастіанъ, Талавера и его товарищи ограбили генуэзскій корабль и теперь боялись быть преданы суду въ Санъ-Доминго, потому они не поплыли прямо туда, а вышли на берегъ Кубы, чтобъ идти черезъ этотъ островъ до той мѣстности, гдѣ берегъ его близокъ къ Эспаньiолѣ и перебраться на Эспаньiолу украдкой. Но путь черезъ островъ былъ чрезвычайно тяжелъ: густые лѣса, болота, стоячія воды задерживали каждый шагъ идущихъ; буйные авантюристы, раздраженные тѣмъ, что Охеда поддерживалъ дисциплину, заковали его и освободили, только когда напали на нихъ туземцы и понадобилось имъ его мужество. Они шли 30 дней, и половина ихъ погибла на этомъ пути. Уцѣлѣвшіе пришли въ селеніе туземцевъ, называвшееся Куэйбой; тамъ приняли ихъ дружески; они нашли испанскій корабль, переплыли на Ямайку; тамъ Талавера и нѣкоторые изъ его товарищей были повѣшены за морской разбой.

Охеда возвратился въ Санъ-Доминго и черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ тамъ въ величайшей бѣдности.

b) Вальвоа.

Антигуа. Уѣзжая изъ Санъ-Севастіана, Охеда сказалъ, что надѣется возвратиться черезъ 50 дней, и если не пріѣдетъ къ этому сроку, то колонисты должны покинуть свое поселеніе. Онъ не возвратился. Голодъ и лихорадка свирѣпствовали между колонистами такъ, что осталось въ живыхъ только 60 человѣкъ. Лѣтомъ 1510 Писарро отплылъ съ ними на двухъ небольшихъ судахъ. Одно натолкнулось на камень у Исла-Фуэрте и утонуло со всѣми бывшими на немъ; другое неожиданно встрѣтилось близъ устья рѣки Магдалины съ кораблемъ, на которомъ плыли изъ Эспаньіолы Энсисо и набранные имъ новые колонисты. Переселенцы, покинувшіе Санъ-Севастіанъ, поплыли вмѣстѣ съ ними.—Въ числѣ спутниковъ Энсисо находился Васко Нуньесъ Вальвоа (Balboa), уроженецъ Хереса Бадахосскаго, человѣкъ высокаго роста, сильный и храбрый. Онъ былъ потомокъ благородной, хотя незнатной фамиліи, поплылъ искать счастья въ Новый Свѣтъ, сталъ плантаторомъ на Эспаньіолѣ, запутался въ долги. Познакомившись съ Энсисо, онъ рѣшился переселиться въ Санъ-Севастіанъ; чтобы кредиторы не задержали его въ Санъ-Доминго, онъ при отплытіи спрятался въ бочку. Его совѣты были очень полезны Энсисо. Въ Даріэнскомъ заливѣ Энсисо и его спутники вышли на берегъ грабить туземцевъ, и довольно многіе были убиты ихъ отравленными стрѣлами. Вальвоа предложилъ своимъ товарищамъ плыть на другую сторону залива къ устью Ріо-Гранде (по нынѣшнему названію Атрато), гдѣ туземцы менѣе воинственны, а мѣстность похожа на роскошный фруктовый садъ. Его совѣтъ былъ принятъ. Испанцы безъ труда побѣдили туземцевъ, сопротивлявшихся ихъ высадкѣ на берегъ, основали поселеніе, которое назвали по имени севильскаго храма Богоматери колоніей Santa Maria del Antigua и стали дѣлать оттуда набѣги на сосѣднія селенія туземцевъ. Вальвоа, храбрый рыцарь, пріобрѣлъ такое уваженіе колонистовъ, что они выбрали его алькальдомъ (судьей). Авторитетъ Энсисо упалъ; чтобы прекратить ссору между ними, колонисты рѣшили пригласить Никуэсу и назначить его своимъ правителемъ (мѣстность, на которой поселились они, принадлежала къ области, отданной испанскимъ правительствомъ Никуэсѣ). Въ это время плылъ вдоль того берега корабль въ поселеніе, основанное Никуэсой; капитанъ корабля, Родриго Кольменаресъ далъ колонистамъ Антигуи съѣстныхъ припасовъ; они отправили съ нимъ депутацію пригласить Никуэсу.

Никуэса. Послѣ того какъ Никуэса простился съ Охедой и поплылъ въ Верагую, онъ и его спутники страдали отъ голода, ссорились между

собою, подвергались всяческимъ бѣдствіямъ; отъ этихъ неудачъ и отъ болотной лихорадки огромное большинство ихъ погибло, и въ поселеніи, которое основали они, оставалось теперь только 60 человѣкъ изъ 785 отправившихся съ Никуэсой изъ Санъ-Доминго. Приглашеніе, привезенное Никуэсѣ депутатами Антигуи, чрезвычайно обрадовало ихъ. Они покинули свое поселеніе, называвшееся Nombre de Dios и поплыли всѣ въ Антигую. Никуэса былъ человѣкъ деспотичнаго характера; вступивъ въ управленіе Антигуей, онъ назначилъ пріѣзжавшихъ къ нему депутатовъ на тѣ должности, которыя надѣялись занимать при немъ Вальвоа и Энсисо. Колонисты Антигуи раскаялись въ томъ, что пригласили его. Вальвоа убѣдилъ или принудилъ его спросить колонистовъ, кого хотятъ они имѣть своимъ правителемъ. Они выбрали Вальвоа. Никуэса не ожидалъ этого, будучи увѣренъ, что колонисты утвердятъ его въ должности правителя, и хотѣлъ сопротивляться ихъ волѣ. Они 1 марта 1511 посадили его и шестнадцать человѣкъ, оставшихся вѣрными ему, на небольшой ветхій корабль и велѣли имъ уплыть изъ Антигуи. Судьба ихъ неизвѣстна; молва впослѣдствіи говорила, что они погибли на берегу Кубы.

Вальвоа. Такимъ образомъ Вальвоа сталъ правителемъ колоніи Santa Maria del Antigua, въ которой было около 300 поселенцевъ. Власть его не была утверждена правительствомъ. Но колонисты повиновались выбранному ими энергическому человѣку; мятежей не было.

Обычаи куэвскихъ туземцевъ. Жизнь поселенцевъ была тяжела. Мѣстность кругомъ колоніи покрывали непроходимые лѣса; влажный климатъ приморья производилъ лихорадки. Туземцы были враждебны переселенцамъ. Они дѣлились на мелкія племена, князьки которыхъ назывались кеби или тиба; въ каждомъ племени были знатные роды, составлявшіе особое сословіе; они имѣли рабовъ, на кожѣ которыхъ были выжжены клейма, обозначавшія, какому господину принадлежатъ они. Свободные простолюдины дѣлились на классы, подобные кастамъ; знатные люди не женились на простолюдинкахъ. Разница сословій продолжалась и по смерти. Только князьки, знатные люди и служители ихъ переселялись въ загробный міръ; потому ихъ тѣла были сохраняемы въ пещерахъ, имѣвшихъ сухой воздухъ, превращавшій ихъ въ муміи; тѣла умершихъ простолюдиновъ были относимы въ пустыя мѣстности и оставляемы на съѣденіе птицамъ. Семейное устройство было прочно опредѣлено обычаями; жена была вѣрна мужу; простолюдины имѣли только по одной женѣ; князьки и вельможи могли имѣть много женъ и любовницъ; но только одна жена считалась законной, и только ея дѣти наслѣдовали отцу; обычай требовалъ, чтобъ эта жена не переживала мужа, отдавала себя на погребеніе вмѣстѣ съ нимъ.—По основаніи испанскаго поселенія жены туземцевъ стали измѣнять мужьямъ; особенно обольстительно дѣйствовали на туземныхъ женщинъ и дѣву-

шекъ любезности офицеровъ, которыхъ онѣ предпочитали солдатамъ, какъ людей болѣе знаменитыхъ храбростью. — Женщины и дѣвушки носили длинную одежду изъ хлопчато-бумажной ткани и на груди перевязь, составленную изъ золотыхъ бляхъ. Мужчины носили только поясъ, застежкой котораго была раковина или золотая палочка; они раскрашивали тѣло. Жизнь и собственность были охраняемы строгими законами. Предсѣдателями суда были князьки. Туземцы никогда не лгали, потому на судѣ вѣрили жалобѣ, не требуя ея подтвержденія показаніями свидѣтелей. У туземцевъ были жрецы, совершавшіе богослуженіе, прорицавшіе будущее, лечившіе больныхъ. Въ болотистыхъ низовьяхъ Атрато туземцы строили свои хижины на вершинахъ пальмъ и очень быстро взлѣзали туда по приставнымъ лѣстницамъ.

Открытія Вальвоа.

Однажды, когда Вальвоа пошелъ съ отрядомъ воиновъ въ сосѣднюю приморскую область Карету, къ нему пришли послами отъ князька Чимы два испанца нагіе и раскрашенные подобно туземцамъ. За полтора года передъ тѣмъ они бѣжали изъ поселенія Никуэсы, Чима далъ имъ пріютъ; они помогали ему въ войнахъ съ сосѣдами. Вальвоа требовалъ отъ Чимы съѣстныхъ припасовъ; Чима отказалъ въ нихъ, говоря, что его область опустошена войной. Вальвоа ночью напалъ на его селеніе Карету и арестовалъ его. Чтобы получить свободу, онъ обѣщался быть союзникомъ испанцевъ и отдалъ за Вальвоа свою дочь. Вальвоа вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на его врага, сосѣдняго князька Понку, прогналъ этого князька въ горы и основалъ поселеніе Аклу на рѣкѣ, которая называется теперь Каледонской. Прошедши далѣе на западъ, испанцы увидѣли приморскую область, имѣвшую прекрасные луга; ея князекъ Понкіако дружески принялъ ихъ въ своемъ обширномъ дворцѣ, построенномъ изъ камня, угощалъ ихъ, подарилъ имъ довольно много золота и сказалъ, что можетъ указать имъ землю, въ которой они найдутъ очень много золота, сказалъ также, что, взошедши на горы, они увидятъ другое море, по которому плаваютъ парусныя суда, но что если они хотятъ пойдти за горы, то должны взять съ собой больше товарищей, потому что тамъ сильные и воинственные князья. Вальвоа поспѣшно возвратился въ Антигую, чтобы послать къ правителю Эспаньіолы Діэго Колумбу просьбу о присылкѣ солдатъ. Въ Антигуѣ находился тогда Вальдивія, приплывшій туда изъ Санъ-Доминго. Вальвоа отправилъ съ нимъ свою просьбу и 300 марокъ золота, какъ дань правительству. Но каравелла Вальдивіи разбилась близъ Ямайки; золото утонуло. Онъ и его спутники успѣли сѣсть въ шлюпку, приплыли въ Юкатанъ. Князекъ той мѣстности принесъ ихъ въ жертву богамъ.

Уцѣлѣли только двое изъ спутниковъ Вальдивіи; одинъ принялъ туземные обычаи, прокололъ себѣ носъ, уши, губы, чтобы вставлять украшенія въ прорѣзы, женился на знатной туземкѣ. Другой былъ священникъ; его имя было Агиларъ; онъ остался вѣренъ обѣтамъ монашества и скитался между дикарями; черезъ восемъ лѣтъ напла и взяла его эскадра Гернандо Кортеса.

Заговоръ туземцевъ.

Въ ожиданіи солдатъ изъ Санъ-Доминго, Вальвоа и его товарищи дѣлали небольшіе походы по прибрежьямъ Атрато и притоковъ этой рѣки, разгоняли сопротивлявшихся имъ туземцевъ, грабили селенія. Одинъ изъ туземныхъ князьковъ имѣлъ домъ на вершинѣ огромной пальмы; испанцы стали подрубать ее; онъ принужденъ былъ спуститься изъ своего жилища и дать выкупъ. Раздраженные грабежомъ испанцевъ, пять князьковъ соединились противъ нихъ, хотѣли собрать 5.000 воиновъ, чтобъ истребить ихъ. Но знатная туземка, страстно любившая Вальвоа, узнала объ этомъ умыслѣ отъ своего брата, участвовавшаго въ немъ, и открыла тайну Вальвоа. Онъ и Кольменаресъ пошли на туземцевъ, не ожидавшихъ нападенія, схватили и повѣсили князьковъ и вельможъ (сако), участвовавшихъ въ заговорѣ.

Прошло девять мѣсяцевъ со времени отъѣзда Вальдивіи, а все еще не было никакихъ извѣстій о немъ. Положеніе поселенцевъ становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Въ октябрѣ 1512 Вальвоа рѣшился отправить посольство въ Испанію съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ въ Антигуѣ, о богатствахъ, какія можно пріобрѣсти въ сосѣдней землѣ, съ просьбой о присылкѣ войска и съѣстныхъ припасовъ. Онъ выбралъ послами Кольменареса и Кеиседо, вѣрныхъ своихъ друзей. Онъ отправилъ съ ними также просьбу къ Діэго Колумбу, правителю Эспаньіолы, считавшему берегъ Верагуи принадлежащимъ къ своему наслѣдственному намѣстничеству; послы должны были просить его объ утвержденіи Вальвоа въ должности правителя Антигуи. Діэго Колумбъ далъ это утвержденіе, но оно не имѣло значенія для испанскаго правительства, которое не признавало берегъ Верагуи принадлежащимъ къ намѣстничеству Діэго Колумба.

Открытіе Тихаго океана.

Вальвоа еще не имѣлъ извѣстій о томъ, какой пріемъ нашли его послы въ Санъ-Доминго, когда получилъ съ каравеллы, плывшей мимо Антигуи, тревожное извѣстіе, что скоро пріѣдетъ чиновникъ произвести слѣдствіе о самовольномъ отнятіи власти у Никуэсы. Вальвоа разсудилъ, что не можетъ отвратить отъ себя бѣду иначе, какъ заслуживъ прощеніе какимъ-нибудь очень выгоднымъ для правительства дѣломъ. Онъ рѣшился идти черезъ горы къ морю, о которомъ слышалъ, найдти ту землю, въ которой очень много золота. Въ началѣ сентября 1513 онъ съ 190 испанцами и 600 туземныхъ носильщиковъ и проводниковъ пошелъ черезъ горы. Тамъ не было никакихъ тропинокъ по густому лѣсу; деревья были перепутаны ліанами; дорогу надобно было пролагать топоромъ. Вальвоа помирился съ Понкой, бѣжавшимъ въ лѣса, получилъ отъ него золото въ обмѣнъ за рубашки и топоры, побѣдилъ другого князька,

хотѣвшаго остановить испанцевъ; этотъ князекъ былъ убитъ въ сраженіи. Вальвоа отдалъ на растерзаніе собакамъ 40 вельможъ того племени, взятыхъ въ плѣнъ. (Испанцы брали съ собой собакъ во всѣ походы). Путь на горы былъ такъ труденъ, что большинство испанцевъ занемогло и у Вальвоа оставалось только 66 товарищей, когда онъ 25 сентября взошелъ на перевалъ хребта. Онъ шелъ впереди всѣхъ и первый увидѣлъ новое море. Онъ упалъ на колѣна, воздавая благодареніе Богу, который помогъ ему, «человѣку незнатному и недостойному», совершить такой подвигъ. Спутники Вальвоа, всходя одинъ за другимъ на перевалъ, тоже падали на колѣна благодарить Бога. Вальвоа сложилъ тутъ нѣсколько кучъ камней, поставилъ крестъ, вырѣзалъ на деревьяхъ имена Іоанны, королевы кастильской, и Фердинанда, короля арагонскаго. Помолившись Богу, испанцы стали спускаться съ горъ. Туземцы нѣсколько разъ пытались останавливать ихъ; пролагая себѣ путь оружіемъ и содѣйствіемъ собакъ, они пришли къ морю въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Савана. Вальвоа взялъ въ одну руку знамя съ изображеніемъ Богоматери и младенца Іисуса, въ другую обнаженный мечъ, вошелъ въ море и воскликнулъ, что беретъ во владѣніе Іоанны, королевы кастильской, и Фердинанда, короля арагонскаго, это море, берега и острова его со всѣми царствами ихъ. На слѣдующій день онъ пришелъ къ бухтѣ, которую назвалъ заливомъ Архангела Михаила. Онъ шелъ нѣсколько дней по берегу Тихаго океана; туземные князьки просили у него мира, давали ему золото. Водолазы ловили на этомъ берегу жемчужныя раковины; князьки подтверждали слова Понкіако, что на югѣ находится большое царство. Испанцы поняли впослѣдствіи, что это была молва о перуанскомъ царствѣ. Въ началѣ ноября Вальвоа пошелъ обратно въ Антигую черезъ долину Чукунаке. Большинство князьковъ, по землямъ которыхъ шелъ онъ, давали ему золото и жемчугъ. Тѣхъ, которые пытались сопротивляться ему, онъ отдавалъ на растерзаніе собакамъ и пыталъ тѣхъ, которые хотѣли скрыть отъ него, гдѣ находятся ихъ золотые рудники. Самаго могущественнаго изъ князьковъ, Тубанаму, котораго боялись всѣ другіе, Вольбоа захватилъ въ плѣнъ съ его 80 женами; Тубанама далъ выкупъ и заложниковъ вѣрности. Путь по тропическимъ лѣсамъ и болотамъ былъ такъ тяжелъ, что изнурилъ и самого Вальвоа, человѣка очень крѣпкаго. Больной лихорадкой, пришелъ онъ 19 января 1514 въ Антигую. Походъ его продолжался три съ половиной мѣсяца. Испанское правительство рѣшило между тѣмъ предать суду Вальвоа. Предсѣдатель комитета индійскихъ дѣлъ Фонсека былъ очень раздраженъ низложеніемъ Никуэсы, которому покровительствовалъ. Пользуясь полнымъ довѣріемъ Фердинанда, Фонсека убѣдилъ короля назначить въ Даріэнскую область новаго правителя и предать суду всѣхъ участниковъ мятежа противъ Никуэсы. Но Кеиседо и Кольменаресъ, присланные Вальвоа въ Испанію, передали Фердинанду извѣстія, возбудившія въ королѣ мысль, что для него было бы выгодно оставить Вальвоа правителемъ и послать ему подкрѣпленія; Фердинандъ нѣсколько времени колебался, какъ ему поступить; онъ ждалъ новыхъ извѣстій отъ Вальвоа; ихъ не было; Фердинадъ снова склонился послѣдовать совѣту Фонсеки, и когда въ началѣ марта 1514 года приплылъ изъ Антигуи корабль съ донесеніемъ Вальвоа о его открытіяхъ съ 20.000 кастельяновъ (золотыхъ монетъ) и 200 жемчужинъ рѣдкой величины, былъ уже назначенъ и готовъ къ отплытію новый намѣстникъ Золотой Кастиліи, человѣкъ знатной фамиліи, 60 лѣтній старикъ Педраріасъ Авила. По Испаніи ходила молва, что на Даріэнскомъ берегу вытаскиваютъ изъ моря сѣтями куски золота; потому было очень много желающихъ плыть туда съ новымъ намѣстникомъ; на корабляхъ не доставало мѣста; пришлось отказывать тысячамъ людей. Вальвоа просилъ себѣ только 500 человѣкъ, но такихъ, которые долго жили на Эспаньіолѣ и привыкли къ жаркому климату. Съ Педраріасомъ поплыло 1.500 человѣкъ, но большинство ихъ не имѣло и понятія о трудностяхъ той жизни, какую хотятъ вести они. Эскадра, состоявшая изъ 22 кораблей, отплыла изъ санъ-лукарской гавани 11 апрѣля 1514. Въ числѣ спутниковъ Педраріаса находились историки Новаго Свѣта, Овіэдо, назначенный казначеемъ въ Золотую Кастилію, и Верналь Діасъ.

Состояніе колоніи подъ управленіемъ Педраріаса.

Педраріасъ вышелъ на берегъ Даріэнской колоніи 30 іюня 1514. Это новое поселеніе было такъ же убійственно для испанцевъ, какъ первое поселеніе ихъ на Эспаньіолѣ, городъ Изабеллы. При Вальвоа походы, хотя и очень тяжелые, были успѣшны; теперь колонія подверглась ужаснымъ бѣдствіямъ. Педраріасъ предалъ Вальвоа суду; но благодаря покровительству новаго епископа даріэнскаго Хуана Кеведо и королевскаго казначея въ Санъ-Доминго Мигеля Пасамонте, Вальвоа былъ оправданъ; вскорѣ послѣ того Фердинандъ назначилъ его аделантадо (заступающимъ мѣсто вице-короля) Южнаго океана и генералъ-капитаномъ Коибской и Панамской областей; но Педраріасъ продолжалъ не довѣрять ему, мѣшалъ его экспедиціямъ, отвергалъ его совѣты. Туземные князья вступали въ союзы противъ испанцевъ, ходившихъ мелкими отрядами искать золота, нападали на нихъ въ лѣсахъ и ущельяхъ; карибы, составлявшіе населеніе Урабы, убивали ихъ отравленными стрѣлами; туземцы куэвскихъ племенъ были тоже воинственны, искусно бросали дротики, наносили сильные удары деревянными мечами. Много испанцевъ умирало отъ голода, отъ болотной лихорадки, отъ другихъ болѣзней; бывали случаи, что знатные люди, одѣтые въ парчу, бродили по колоніи, выпрашивая пищи, и умирали отъ голода. Походы расширяли свѣдѣнія испанцевъ о сосѣднихъ земляхъ, но были такъ тяжелы и опасны, что каждый разъ часть отправившихся въ походъ погибала въ немъ.

Моралесъ съ 60 спутниками, въ числѣ которыхъ находился Писарро, прошелъ на берегъ Тихаго океана, обошелъ часть его, открытую Вальвоа, покорилъ туземцевъ, взялъ у нихъ большое количество жемчуга, но на обратномъ пути многіе изъ его спутниковъ погибли отъ изнурительности пути или были убиты туземцами. Многіе испанцы уѣхали на родину. Колонія находилась въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что на литургіи читались молитвы, просившія Бога отвратить гнѣвъ свой.

Смерть Вальвоа.

Ласъ Касасъ называетъ Педраріаса самымъ бездарнымъ и жестокимъ изъ всѣхъ правителей Новаго Свѣта. Жена Педраріаса и епископъ Кеведо помирили его съ Вальвоа; онъ даже обѣщалъ выдать дочь за Вальвоа; она жила въ Испаніи; мать и епископъ Кеведо поѣхали въ Испанію привезти ее въ Антигую. Педраріасъ называлъ Вальвоа сыномъ; но примиреніе не было искреннимъ. Походъ Моралеса и Писарро на берегъ Тихаго океана былъ нарушеніемъ правъ Вальвоа, въ управленіе которому король отдалъ эти земли. Погибель большинства испанцевъ, ходившихъ съ Моралесомъ, показала Педраріасу, что только Вальвоа способенъ совершать безъ большихъ потерь такіе походы. Потому онъ поручилъ Вальвоа слѣдующую экспедицію, въ которую назначилъ 200 солдатъ; къ нимъ присоединились 60 человѣкъ, приплывшихъ изъ Эспаньіолы. Дошедши до берега, экспедиція должна была плыть моремъ для новыхъ открытій. Вальвоа велѣлъ приготовить части небольшихъ кораблей и собралъ туземцевъ перенести ихъ черезъ горы. Такимъ образомъ были перенесены кусками черезъ горы четыре каравеллы. Онѣ были уже сложены и готовы къ отплытію, когда доносъ солдата возбудилъ въ Педраріасѣ новыя подозрѣнія противъ Вальвоа. Солдатъ говорилъ, что, бывши на караулѣ у дверей Вальвоа, слышалъ разговоръ его съ друзьями: Вальвоа выражалъ опасеніе, что у него будетъ отнято начальство надъ экспедиціей, и просилъ совѣта, какъ ему поступить. (Если дѣйствительно былъ такой разговоръ, то Вальвоа опасался вѣроятно не Педраріаса, а новаго правителя, который, какъ говорила молва, уже плыветъ въ Антигую. Фердинандъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ умеръ, и въ Новомъ Свѣтѣ полагали, что новое правительство назначитъ новыхъ правителей). Педраріасъ послалъ за Вальвоа. Онъ, не подозрѣвая коварства, отправился въ Антигую. Какъ онъ явился туда, Писарро арестовалъ его и отвелъ въ темницу и предалъ суду, недобросовѣстность котораго внушаетъ отвращеніе къ Педраріасу, управлявшему этимъ дѣломъ. Этотъ низкій человѣкъ притворялся другомъ своего «сына», надѣясь выманить у него какія-нибудь неосторожныя слова. Но никакими хитростями нельзя было пріискать обвиненія противъ Вальвоа; потому Педраріасъ повелъ процессъ противъ него по обвиненію въ отнятіи власти у Никуэсы, хотя онъ уже давно получилъ отъ короля прощеніе по этому дѣлу.

Судъ, составленный изъ людей раболѣпныхъ, произнесъ смертный приговоръ. Не давая осужденному отсрочки для апелляціи къ испанскому суду, Педраріасъ велѣлъ исполнить приговоръ. Главный судья противился этому, Педраріасъ не слушалъ никакихъ возраженій. Вальвоа и трое участниковъ въ его мнимомъ преступленіи были казнены въ Аклѣ. Педраріасъ смотрѣлъ на казнь сквозь щели бамбуковой стѣны сосѣдняго дома. Вальвоа до послѣдней минуты говорилъ, что онъ невиненъ. Онъ погибъ на 40 году жизни. Педраріасъ, какъ человѣкъ знатный, имѣющій сильныхъ родственниковъ, остался безнаказаннымъ.

с) открытіе никарагуи.

Новыя экспедиціи. 1515—1516.

Разсказы туземцевъ о земляхъ, богатыхъ золотомъ, возбуждали испанцевъ къ новымъ экспедиціямъ. Они направлялись обыкновенно на западъ и сѣверо-западъ; но тамъ жили воинственныя племена, и многіе испанцы платились жизнью за свою алчность къ золоту. Гонсало де Вадахосъ (уроженецъ Бадахоса) набралъ около Панамы много золотыхъ украшеній и жемчуга, но на обратномъ пути туземцы убили большинство его спутниковъ и отняли у него всю добычу. Эспиноса, любимецъ Педраріаса, пошелъ съ 400 солдатъ отмстить туземцамъ, опустошилъ Панамскій перешеекъ и набралъ больше золота, чѣмъ было отнято у Вадахоса. Въ награду за то Педраріасъ назначилъ его начальникомъ эскадры на Тихомъ океанѣ. Онъ на ней обогнулъ полуостровъ Париту, открылъ острова Себако и Коибу, привезъ много золота и жемчуга.

Экспедиція Авилы 1522.

Отважные люди желали предпринимать экспедиціи болѣе далекія, но Педраріасъ завидовалъ славѣ другихъ, а самъ не могъ по своей дряхлости принять начальство надъ эскадрой Тихаго океана, потому не было дѣлаемо важныхъ открытій. Авила, королевскій казначей въ Эспаньіолѣ, пріѣхалъ въ Антигую съ намѣреніемъ изслѣдовать берегъ Тихаго океана на далекое разстояніе. Онъ хотѣлъ съ восточной стороны искать входа въ предполагаемый проливъ, ведущій изъ Атлантическаго океана въ Тихій. Педраріасъ долго мѣшалъ намѣренію Авилы, но принужденъ былъ уступить требованію человѣка, пользовавшагося расположеніемъ Фонсеки, и въ январѣ 1522 Авила съ четырьмя кораблями поплылъ вдоль восточнаго берега Центральной Америки. Эта экспедиція открыла Никарагую; она стала на якорь въ заливѣ Никоіѣ; Авила, взявъ 100 испанцевъ, пошелъ въ глубину страны, а Ниньо поплылъ вдоль берега на сѣверо-западъ и открылъ большую бухту, которую назвалъ въ честь президента индійской коммиссіи заливомъ Фонсеки; возвратившись въ Никойскую бухту, онъ нашелъ Авилу уже пришедшимъ на берегъ съ богатой добычей. Отрядъ Авилы сѣлъ на корабли, экспедиція возвратилась въ Панаму.

Авила и его спутники разсказывали удивительныя вещи о странѣ, въ которую ходили.

Никарагуя. Первый касикъ, котораго нашли Авила и его спутники, жилъ въ селеніи на морскомъ берегу; онъ принялъ ихъ дружески, подарилъ имъ много золота и безъ всякихъ возраженій согласился креститься. (Онъ считалъ обрядъ крещенія формальностью, не имѣющей важнаго значенья). Испанцы услышали отъ него и другихъ жителей селеніи о большомъ царствѣ Никарагуѣ, пошли туда; скоро увидѣли долину, покрытую роскошной растительностью, имѣющую густое населеніе. Тамъ были не только селенія, но большіе города; жители воздѣлывали нивы, были люди болѣе цивилизованные, чѣмъ всѣ тѣ племена, какія были извѣстны испанцамъ. Авила пришелъ въ главный городъ царства, Никарагую; касикъ вышелъ на встрѣчу испанцамъ, далъ имъ подарки; онъ и вельможи охотно согласились креститься. Жители Никарагуи носили одежду; у знатныхъ женщинъ она закрывала все тѣло. Волосы и у женщинъ и у мужчинъ были искусно причесаны. На рынкѣ кромѣ плодовъ продавалась посуда красивыхъ формъ и хорошей выдѣлки. Бобы какао служили монетой туземцамъ. Авила сдѣлалъ верхомъ поѣздку къ большому озеру, на которомъ увидѣлъ островъ Ометепекъ, взялъ озеро и островъ во владѣніе испанскаго короля. Испанцы замѣтили, что населеніе состоитъ изъ двухъ разныхъ племенъ. Жители приморской части, чондалы, были менѣе цивилизованы, чѣмъ чоротеги, жившіе на высокихъ мѣстахъ и говорившіе другимъ языкомъ. Чоротеги были крѣпкаго сложенія и повидимому были завоеватели, пришедшіе изъ другой страны, покорившіе коренныхъ жителей, чондаловъ. Они составляли господствующее сословіе; царь ихъ обязанъ былъ ко всѣхъ важныхъ дѣлахъ слѣдовать рѣшенію собранія, состоявшаго изъ депутатовъ, избираемыхъ народомъ. У чоротеговъ было дворянство, были жрецы, приносившіе людей въ жертву идоламъ. Царь, старшины и жрецы ѣли тѣла принесенныхъ въ жертву. (Впослѣдствіи испанцы увидѣли, что чоротеги принадлежали къ числу тольтекскихъ народовъ).

Возвращеніе испанцевъ. Въ Никарагуѣ испанцы слышали, что по сосѣдству находятся другія большія и богатыя царства, и надѣялись, что цари ихъ покорятся безъ сопротивленія, какъ царь Никарагуи. Дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ сильныхъ сосѣднихъ царей пришелъ съ большой свитой въ Никарагую и, уходя, сказалъ, что черезъ три дня возвратится съ подарками и крестится. Но черезъ нѣсколько времени испанцы увидѣли, что онъ обманулъ. Онъ приходилъ только посмотрѣть на нихъ и узнать, какъ велико ихъ число. Онъ возвратился съ большимъ войскомъ и напалъ на испанцевъ; воины его, вооруженные деревянными мечами и луками, сражались храбро. Испанцы были принуждены отступить и, только благодаря своей дисциплинѣ, ружьямъ

и лошадямъ, пугавшимъ туземцевъ, возвратились къ морю безъ большихъ потерь.

d) Понсе де-Леонъ и Грихальва.

Открытіе Флориды 1513. Межъ тѣмъ какъ были открываемы земли Центральной Америки, продолжались экспедиціи для пополненія свѣдѣній объ островахъ и берегахъ Мехиканскаго залива. Уже довольно давно было открыто, что Куба островъ, и что неподалеку отъ нея находится полуостровъ Юкатанъ. Одинъ изъ спутниковъ Колумба, Хуанъ Понсе де-Леонъ, нѣсколько лѣтъ велъ войну съ карибскимъ населеніемъ Пуэрто-Рико. Онъ надѣлся стать независимымъ отъ вице-короля правителемъ этого острова; но въ Испаніи было рѣшено, что власть Діэго Колумба простирается на этотъ островъ и, весною 1523 года, Понсе де-Леонъ уѣхалъ съ него искать другихъ мѣстъ для своей дѣятельности. Проплывъ мимо Багамскихъ острововъ, онъ направился къ западу и въ день пасхи достигъ полуострова, который назвалъ Флоридой (Цвѣтущей землей), потому что берегъ былъ покрытъ цвѣтами. Понсе де-Леонъ плылъ вдоль него почти до нынѣшней границы Георгіи, выходилъ мѣстами на землю, но не могъ завязать дружескихъ сношеній съ туземцами, храбрыми людьми, искусно стрѣлявшими изъ лука. Обогнувъ южный конецъ открытой имъ земли, онъ довольно далеко плылъ на сѣверъ вдоль западнаго ея берега и возвратился въ Пуэрто-Рико съ предположеніемъ, что открытая имъ земля—большой островъ. Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ должность правителя Флориды или, какъ называли ее туземцы, Бимини, и въ 1520 г. пустился овладѣть ею. Но въ сраженіи съ туземцами былъ раненъ стрѣлою въ ногу, уплылъ на Кубу и умеръ тамъ отъ раны.

Колонизація Кубы. Куба въ это время уже была покорена испанцами. Одинъ изъ первыхъ поселенцевъ Эспаньіолы, Діэго Веласкесъ, знатный и храбрый человѣкъ, получилъ отъ Діэго Колумба въ 1511 году разрѣшеніе овладѣть Кубой и безъ большаго труда покорилъ ее. Только одинъ изъ кубанскихъ касиковъ Гатуэй пытался сопротивляться. Веласкесъ осудилъ его на сожженіе. Ласъ Касасъ говоритъ, что передъ сожженіемъ убѣждали Гатуэя креститься для того, чтобы по смерти быть принятымъ въ рай; онъ спросилъ, находятся ли въ раю бѣлые люди, ему отвѣчали: «Да, но только благочестивые»; онъ сказалъ, что не хочетъ встрѣчаться въ будущей жизни ни съ какими испанцами, потому не желаетъ креститься. Всѣ другіе касики безъ сопротивленія покорились Веласкесу. Онъ основалъ на юго-восточномъ концѣ острова поселеніе Сантіаго, сдѣлалъ его своей резиденціей, раздавалъ земли и туземцевъ испанцамъ, желая, чтобы получила большой размѣръ разработка золотыхъ рудниковъ и были разводимы плантаціи сахарнаго тростника. Для нѣкотораго облегченія работы туземцевъ,

онъ отправлялъ экспедиціи захватывать людей изъ другихъ мѣстностей въ работники на плантаціяхъ и въ рудникахъ. Въ одной изъ такихъ экспедицій Гернандесъ Кордова, проплывъ между западнымъ берегомъ Кубы и лежащей противъ него землей, присталъ 1 марта 1517 г. къ мысу Каточе и съ изумленіемъ увидѣлъ городъ съ башнями и домами, построенными изъ бѣлаго камня. Испанцамъ показалось, что туземцы называютъ свою землю Юкатаномъ; это было недоразумѣніе, но имя Юкатанъ осталось за ней. На берегу стояло множество людей въ одеждѣ изъ хлопчато-бумажной ткани; на нихъ были золотыя украшенія. Вышедши на землю, испанцы убѣдились, что это цивилизованный народъ, но съ отвращеніемъ увидѣли несомнѣнные признаки того, что въ храмахъ были приносимы въ жертву богамъ люди. Касикъ сначала держалъ себя любезно, но скоро туземцы приняли угрожающее положеніе; они имѣли хорошее оружіе, потому испанцы разсудили возвратиться на корабли, поплыли вдоль берега на западъ, потомъ на югъ и достигли большого залива, который туземцы называли Кампече. Вышедши на берегъ запастись водой, испанцы были хорошо приняты жителями сосѣдняго города; ихъ угощали тамъ. Пища была изобильная, въ особенности много было птицы. Но у другого города, Чампотона, они подверглись пораженію. Они расположились на ночь у родника близъ этого города. Туземцы ночью окружили ихъ и утромъ стали стрѣлять въ нихъ; 22 испанца были убиты, всѣ другіе, кромѣ одного, были переранены. Туземцы гнались за отступающими, даже когда они сѣли въ лодки. Боченки съ водой были оставлены на берегу, потому, поплывъ далѣе, испанцы подверглись мучительной жаждѣ. Только черезъ семь дней, приплывъ къ берегу Флориды, они добыли себѣ воды послѣ упорнаго сраженія съ туземцами. Лишь половина людей, поплывшихъ съ Гернандесомъ, возвратилась въ Кубу послѣ трехмѣсячной экспедиціи. Гернандесъ вскорѣ по возвращеніи умеръ отъ раны.

Юкатанъ.

Экспедиція Грихальвы 1518.

Веласкесъ, присвоившій себѣ въ донесеніи Фонсекѣ всю честь открытій Гернандеса, снарядилъ новую экспедицію, начальство надъ которой поручилъ своему племяннику Хуану Грихальвѣ, молодому человѣку. Эскадра была больше той, съ какою плавалъ Гернандесъ. Надежда на богатую добычу привлекла много волонтеровъ. На четырехъ корабляхъ, отплывшихъ 20 апрѣля 1518 г. изъ Мантасана (поселенія, стоявшаго на востокъ отъ Гаваны), находилось 250 человѣкъ, между которыми были люди, получившіе впослѣдствіи знаменитость: Альварадо, Авила, Монтехо. Отъ мыса Санъ-Антоніо эскадра направилась на юго-западъ и въ началѣ мая приплыла къ острову Косумелю. Испанцы увидѣли четырехъугольныя башни, на которыхъ стояли идолы; этотъ островъ считался священнымъ у всѣхъ юкатанскихъ племенъ. Туземцы убѣжали, испанцы поставили на одной изъ башень кастильскій флагъ; поплыли дальше, вышли на берегъ у

города Чампотона, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Гернандесъ. Туземцы и теперь приняли испанцевъ враждебно, но были прогнаны выстрѣлами изъ двухъ пушекъ; потомъ испанцы приплыли къ рѣкѣ. Касикъ той мѣстности принялъ ихъ дружески; по его имени рѣка называется теперь Табаско. Испанцы достигли въ своемъ плаваніи до другой рѣки, которую назвали Rio de Banderas «Рѣкой флаговъ», потому что туземцы, вышедшіе на встрѣчу имъ, махали бѣлыми флагами.

Такимъ образомъ испанцы доплыли до берега Мехики. Они еще не знали, что за горами приморской полосы находится большое богатое царство. Но владѣтель его уже получилъ извѣстіе объ иноземцахъ, которые приплыли на крылатыхъ корабляхъ, ѣздятъ верхомъ на змѣяхъ, носятъ въ своемъ оружіи громъ и молнію. По берегу моря стояли города; испанцы съ удивленіемъ смотрѣли на зданія, показывавшія, что туземцы цивилизованный народъ. Грихальва 19 іюня вышелъ на берегъ близъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Веракрусъ. Старшина туземцевъ далъ въ подарокъ испанцамъ много золота и дорогихъ камней. Они не имѣли переводчиковъ и могли объясняться только знаками. Онъ старался узнать, кто они, откуда приплыли. Спутники Грихальвы желали предпринять походъ въ глубину страны, надѣясь найдти тамъ богатую добычу; но онъ не согласился, потому что имѣлъ инструкціи, воспрещавшія грабежъ. Онъ послалъ Альварадо къ Веласкесу съ золотомъ, полученнымъ въ подарокъ или въ обмѣнъ за бездѣлки, и съ извѣстіями о своемъ важномъ открытіи и поплылъ дальше вдоль берега, на которомъ повсюду были полосы воздѣланной земли. Онъ достигъ рѣки Пануко. У него оставалось мало съѣстныхъ припасовъ; многіе спутники его страдали лихорадкой; десять человѣкъ умерло отъ нея; туземцы держали себя враждебно; все это заставило Грихальву отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія. Онъ возвратился въ Кубу. Веласкесъ сердился за то, что онъ не построилъ укрѣпленія на берегу богатой золотомъ земли. Въ слѣдующемъ году была снаряжена Веласкесомъ новая экспедиція, начальникомъ которой былъ назначенъ Гернандо Кортесъ. Мы разскажемъ о ней въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Прошло уже 30 лѣтъ со времени открытія Новаго Свѣта; испанцы узнали много острововъ и значительныя части западнаго берега американскаго материка, но еще не проникали въ глубину его. Только Кортесъ пошелъ вдаль отъ моря.

Высадка на берегъ Мехики.

е) Магельянесъ

Въ тѣ годы, когда были дѣлаемы открытія по берегу Мехиканскаго залива, испанцы предпринимали экспедиціи и по другимъ направленіямъ. Мы уже говорили, что португальцы, проникнувшіе въ Малайскій архипелагъ, съ изумленіемъ услышали о появленіи испанцевъ на

Западный морской путь въ Индію.

Молуккскихъ островахъ. Отважный мореплаватель, который привелъ западнымъ путемъ испанскіе корабли въ эти моря, былъ португалецъ Фернано Магельяэнсъ. Фамилія его получила у испанцевъ форму Магельянъ. Онъ служилъ въ эскадрѣ Альбукерке при завоеваніи Малакки, потомъ участвовалъ въ походахъ португальцевъ противъ берберовъ, былъ раненъ копьемъ въ колѣно и отъ этой раны остался на всю жизнь хромымъ. Обиженный тѣмъ, что Эммануэль отказалъ ему въ прибавкѣ жалованья, онъ перешелъ изъ португальской службы въ испанскую. Онъ имѣлъ мысль, что должно искать морского пути въ Индію на югѣ отъ береговъ Южной Америки. Говорятъ, что эта мысль была возбуждена въ немъ картой Бегайма, которую видѣлъ онъ въ архивѣ королевскаго казначейства и на которой былъ начерченъ проливъ, существовавшій по соображеніямъ Бегайма въ южной части Новаго Свѣта. Говорятъ также, что содѣйствовали упроченію этой мысли въ Магельяэнсѣ разговоры его съ Франсиско Серрано, португальцемъ, посѣтившимъ Молуккскіе острова. Но Колумбъ уже давно утверждалъ, что долженъ существовать между Атлантическимъ и Тихимъ океаномъ проливъ, подобный соединяющему Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ. Колумбъ искалъ этого пролива въ Карибскомъ морѣ, Каботъ на сѣверномъ краю Америки; Кортесъ въ Мехиканскомъ заливѣ.—Въ 1515 году испанскій морякъ Діасъ Солисъ проплылъ вдоль восточнаго берега Южной Америки до 34 градуса южной широты, вошелъ въ широкое устье Лаплаты, поплылъ вверхъ по рѣкѣ, полагая, что это проливъ, котораго искалъ онъ. Вышедши съ нѣсколькими спутниками на берегъ, онъ былъ убитъ дикарями въ виду каравеллъ. Матросы въ ужасѣ поплыли назадъ. Магельяэнсъ продолжалъ дѣло, начатое Солисомъ. Оно было тѣмъ заманчивѣе, что существовало ошибочное предположеніе относительно Тихаго океана: въ то время думали, что южный конецъ Америки находится не очень далеко отъ малайскаго архипелага и что между Азіей и Южной Америкой лежатъ острова, на которыхъ очень много золота, дорогихъ камней и жемчуга.

Магельяэнсъ 1470—1521.

Магельяэнсъ заключилъ 22 марта 1518 съ испанскимъ правительствомъ договоръ, предоставлявшій ему и его спутнику Фалеро (тоже португальцу) должности правителей и часть доходовъ тѣхъ земель, которыя будутъ открыты ими. Магельяэнсъ и Фалеро поѣхали въ Севилью хлопотать, чтобы Фонсека скорѣе снарядилъ эскадру, которую правительство предоставило въ ихъ распоряженіе на два года. Она должна была состоять изъ 5 кораблей съ 234 матросами. Португальскій король досадовалъ на испанское правительство, заключившее такой трактатъ съ людьми, которыхъ онъ считалъ измѣнниками; онъ присылалъ имъ обѣщанія и угрозы, стараясь отклонить отъ экспедиціи. Фонсека и другіе испанцы въ Севильѣ досадовали на то, что иноземцамъ даны такія важныя права. Португальскіе матросы, желавшіе участвовать въ экспедиціи, получили отказъ. Непріятности до того наскучили Фалеро, что онъ отступился отъ своего намѣренія, и хлопоты остались на рукахъ одного Магельяэнса. Въ первое время плаванія Магельяэнсу пришлось испытать большія непріятности отъ своихъ подчиненныхъ. Хуанъ Картахена, назначенный начальникомъ одного изъ кораблей, сталъ интриговать противъ Магельяэнса, склонилъ къ тому же двухъ другихъ капитановъ; они потребовали, чтобы Магельяэнсъ отказался отъ начальства надъ эскадрой. Но онъ принялъ строгія мѣры и подавилъ поднятый этими интригантами мятежъ.

Открытіе Магельянова пролива.

Миновавъ устье Ла Платы, Магельяэнсъ продолжалъ плыть на югъ. При устьѣ рѣки Санта-Крусъ, подъ 50 градусомъ южной широты, одинъ изъ кораблей сѣлъ на мель (22 мая 1520). Въ этой мѣстности Магельяэнсъ и его спутники увидѣли туземцевъ громаднаго роста; они жили въ кожаныхъ хижинахъ, похожихъ на шатры. Испанцы сошли на берегъ, покрытый снѣгомъ; но эти дикари (патагонцы) выказали такую вражду къ иноземцамъ, что испанцы поспѣшно вернулись на корабли и поплыли дальше. Матросы стали требовать, чтобъ эскадра плыла на востокъ къ Мадагаскару и въ Индію; но Магельяэнсъ высадилъ на берегъ двухъ главныхъ мятежниковъ и объявилъ, что будетъ искать пролива, хотя бы пришлось плыть до 75 градуса южной широты. Проплывъ еще три или четыре градуса, эскадра вошла 21 октября (1520 года) въ заливъ, но дальше на западъ заливъ расширялся; эскадра доплыла до мыса, называющагося теперь Cape Troward, и увидѣли передъ собой широкую площадь воды. Длинный извилистый путь, по которому плыли они, оказался не заливомъ, а тѣмъ проливомъ, котораго они искали.

Въ этомъ проливѣ, получившемъ имя Магельянова, дуютъ западные вѣтры. При его длинѣ и многочисленности дѣлаемыхъ имъ поворотовъ, проплыть по направленію его съ востока на западъ дѣло трудное и теперь; должно удивляться отвагѣ и искусству Магельяэнса, прошедшаго этимъ невѣдомымъ тогда путемъ.

Плаваніе по Тихому океану.

Одинъ изъ кораблей эскадры, посланный Магельяэнсомъ осмотрѣть берега, повернулъ назадъ, когда скрылся изъ виду. Магельяэнсъ нѣсколько дней ждалъ его, но, понявъ, что онъ уплылъ въ Испанію, велѣлъ плыть дальше. Матросы боялись плыть въ невѣдомыя мѣста, но не отважились противиться своему энергическому начальнику; на замѣчаніе о томъ, что съѣстныхъ припасовъ можетъ не достать до того времени, когда эскадра приплыветъ къ какому нибудь мѣсту, гдѣ можно получить новые, Магельяэнсъ отвѣчалъ: «Хотя бы пришлось ѣсть ремни такелажа, я исполню обѣщаніе, данное императору». Эскадра доплыла 27 ноября до западнаго конца пролива; матросы съ восторгомъ привѣтствовали открывшееся передъ ними море. Ма-

гельяэнсъ поплылъ вдоль берега на сѣверъ до 48 градуса южной широты; оттуда взялъ направленіе на сѣверо-западъ. Долго эскадра шла по широтамъ между экваторомъ и тропикомъ козерога, но случилось такъ, что она не видѣла ни одного изъ многочисленныхъ архипелаговъ Тихаго океана, и онъ казался безпредѣльной водяной пустыней. Перешедши экваторъ, достигнувъ 13 градуса сѣверной широты, Магельяэнсъ и его спутники накопецъ увидѣли острова; это было 6 марта 1521. Нагіе туземцы оливковаго цвѣта кожи дерзко лѣзли на корабли и воровали все, что попадется; ихъ прогоняли, но они возвращались. Испанцы поэтому назвали ихъ архипелагъ островами воровъ, Ladrones. Четыре мѣсяца моряки не видѣли ничего, кромѣ неба и воды, не имѣли никакой пищи, кромѣ сухарей, источенныхъ червями, разсыпавшихся въ порошекъ; они обрадовались, нашедши на этихъ островахъ кокосовые орѣхи, ямсъ и сахарный тростникъ.

Филиппинскіе острова.

Въ концѣ марта эскадра приплыла къ Филиппинскимъ островамъ. Магельяэнсъ остановился тутъ, чтобы дать отдыхъ утомленнымъ матросамъ. Князьки и народъ приняли испанцевъ дружелюбно, угощали ихъ. Одинъ изъ князьковъ острова Себу крестился и призналъ испанскаго короля своимъ государемъ. Вмѣстѣ съ князькомъ крестились нѣсколько сотъ человѣкъ его подданныхъ.

Смерть Магельяэнса.

Магельяэнсъ требовалъ, чтобы другіе князьки обѣщались повиноваться крестившемуся; нѣкоторые изъ нихъ не согласились на это; Магельяэнсъ сталъ жечь селенія сопротивлявшихся князьковъ; они съ своими воинами уплыли на небольшой островъ Мактанъ; онъ посадилъ на три шлюпки 50 матросовъ и поплылъ на Мактанъ, надѣясь легко побѣдить мночочисленныхъ туземцевъ. Но въ сраженіи съ ними получилъ въ голову такой ударъ копья, что упалъ мертвый (27 апрѣля 1521). Вмѣстѣ съ нимъ были убиты капитанъ одного изъ кораблей, Крестоваль Равело, и шесть матросовъ. Остальные успѣли сѣсть въ шлюпки и возвратились на Себу. Крестившійся князекъ ободрился; продолжая притворяться другомъ испанцевъ, онъ 1 мая пригласилъ капитановъ и другихъ начальниковъ на обѣдъ; они пришли, ихъ было 24 человѣка; воины князька внезапно напали на нихъ и убили всѣхъ мучительной смертью. При стонахъ умирающихъ товарищей и радостномъ крикѣ туземцевъ остальные испанцы, которыхъ было уже только 100 человѣкъ, уплыли на двухъ корабляхъ, зажегши третій. Они нѣсколько разъ выходили на берегъ острововъ Манданао и Палавана, приплыли потомъ въ гавань Бруни на островѣ Борнео. Раджа той мѣстности, мусульманинъ, хотѣлъ истребить ихъ; но они успѣли уплыть и въ ноябрѣ пришли къ Молуккскимъ островамъ,

Пріѣздъ Элькано въ Европу.

стали на якорь у Тидори. Хуанъ Севастіанъ Элькано, капитанъ Виторіи, того изъ двухъ кораблей, который былъ менѣе другого поврежденъ, взялъ грузъ гвоздики и въ концѣ года поплылъ къ Тимору, оттуда въ маѣ (1522 года) пришелъ къ Мысу Доброй Надежды; на этомъ пути умерли отъ голода 15 испанцевъ и 6 тидорцевъ, взятыхъ ими съ собой, такъ что на кораблѣ оставалось только 30 человѣкъ. Обогнувъ Мысъ Доброй Надежды, Элькано пришелъ къ островамъ Зеленаго мыса. Португальцы арестовали тамъ 12 человѣкъ изъ уцѣлѣвшихъ матросовъ Элькано, считая нарушеніемъ правъ Португаліи то, что испанцы проникли въ Малайскій архипелагъ. Элькано едва спасся отъ преслѣдованія. Наконецъ 6 сентября 1522 онъ съ 13 европейцами и 3 азіатцами вошелъ въ санъ-лукарскую гавань и отправился съ уцѣлѣвшими христіанами въ Севилью воздать въ соборномъ храмѣ благодареніе Богу за счастливое совершеніе перваго кругосвѣтнаго плаванія.—Такимъ образомъ погибель Магельяэнса доставила Элькано славу перваго человѣка, совершившаго кругосвѣтное плаваніе. Въ его гербъ внесено было изображеніе земного шара.

Смерть Элькано 1526.

Черезъ четыре года (въ 1526 году) прошла Магельяновымъ проливомъ новая эскадра подъ начальствомъ Гарсіи Лоайсы и Элькано; одна изъ ея каравеллъ обогнула южный конецъ Новаго Свѣта, мысъ Горнъ. Испанцы прибыли на Молуккскіе острова. Оба начальника эскадры умерли во время этого плаванія. Португальцы, построившіе фортъ на важнѣйшемъ изъ Молуккскихъ острововъ, Тернати, и подчинившіе себѣ мусульманскихъ князьковъ архипелага, утверждали, что по демаркаціонной линіи онъ паходится въ той половинѣ океана, которая принадлежитъ исключительно имъ и что испанцы не имѣютъ права плавать туда. Споръ длился нѣсколько лѣтъ. Въ 1529 году императоръ Карлъ призналъ Молуккскіе острова принадлежащими королю португальскому, получивъ отъ него за эту уступку 350.000 дукатовъ.

Молуккскіе острова остались крайнимъ завоеваніемъ португальцевъ на юго-востокѣ. Филиппинскіе острова, открытые испанской эскадрой, были покорены испанцами.—Плаваніемъ Магельяэнса былъ разрѣшенъ вопросъ о западномъ морскомъ пути въ юго-восточную Азію. Плаваніе кругомъ свѣта скоро стало дѣломъ обыкновеннымъ; на Тихомъ океанѣ открыто было множество острововъ; но положеніе ихъ долго обозначалось на картахъ невѣрно по неточности тогдашнихъ средствъ опредѣлять долготу.

---

2. Завоеваніе Мехики.

Литература. Важнѣйшій источникъ по исторіи завоеванія Мехики—книга Верналя Діаса (Bernal Diaz de Castillo), одного изъ сподвижниковъ Кортеса: Historia verdadera de la conquista de la Nueva España. Другой очень важный источникъ—разсказъ Гомары (Francisco-Lopez de Gomara), бывшаго капелланомъ Кортеса: Cronica de la España. Много свѣдѣній о бытѣ и религіи ацтековъ собрано въ Monarchia Indiana францисканца Торкемады, жившаго въ XVI вѣкѣ, и въ Storia antiqua del Messico іезуита Клавигера,

писателя XVIII вѣка. Изъ сочиненій, излагающихъ всю исторію открытій и завоеваній испанцевъ въ Америкѣ, самое полное—Historia general de las Indias occidentales, Антоніо Герреры; онъ пользовался рукописными источниками, въ томъ числѣ сочиненіями Ласъ Касаса. Обзоръ исторіи колонизаціи Америки составилъ Коттенкампъ: (Geschichte der Colonisation Amerikas, 2 тома, 1850).

а) экспедиція кортеса.

Завоеваніе Мехики Гернандо Кортесомъ—самая интересная часть ряда удивительныхъ подвиговъ испанцевъ, составляющихъ исторію Новаго Свѣта. Величественная природа Мехики, роскошная растительность нѣкоторыхъ частей этой обширной страны, богатство ея серебромъ, высокая цивилизація ея жителей, тольтековъ, смѣсь заимствованной у нихъ образованности съ людоѣдствомъ у завоевателей ихъ земли, ацтековъ, изумительная отвага Кортеса и его товарищей, удивительные подвиги ихъ и трагическія катастрофы дѣлаютъ исторію завоеванія Мехики похожей на сказку.

Обычаи туземцевъ.

Когда Грихальва и его спутники выходили на восточный берегъ Мехиканскаго залива, высокое плоскогорье Анагуака находилось подъ владычествомъ ацтековъ, столицею которыхъ былъ городъ Мехика, и акольгуановъ, имѣвшихъ своей столицей Тескуко. Эти народы пришли съ сѣвера; прежніе жители страны тольтеки были покорены или изгнаны ими. Небольшая часть тольтековъ осталась на родинѣ въ порабощеніи у побѣдителей; большинство по всей вѣроятности ушло въ Центральную Америку и оттуда нѣкоторыя части его переселились на сосѣдніе острова. Величественныя развалины Митлы и Паленке свидѣтельствуютъ о цивилизаціи построившаго эти города народа; они были вѣроятно тольтекскіе города. Ацтеки послѣ продолжительныхъ странствованій остановились въ 1325 году на юго-западномъ берегу главнаго озера страны. На скалѣ, подымавшейся надъ водой, стояло грушевое дерево; на немъ сидѣлъ орелъ необыкновенной величины и красоты; крылья его были распростерты, онъ держалъ въ когтяхъ змѣю. Увидѣвъ его, ацтеки приняли это за знаменье, показывающее, что они должны построить тутъ свой городъ. Спросивъ волю боговъ, они получили подтвержденіе своей мысли, стали вбивать сваи въ болотистую низменность, ложбины которой были покрыты водой; на сваяхъ они построили жилища изъ тростника, стали жить въ своемъ новомъ городѣ отчасти рыболовствомъ и ловлей птицъ, которыхъ было много на озерѣ, отчасти воздѣлываніемъ растеній на усыпанныхъ землей тростниковыхъ плотахъ. Они называли свой городъ Теночтитланомъ; испанцы стали называть его Мехикой, именемъ, произведеннымъ отъ Мехитли, ацтекскаго бога войны. Заключивъ союзъ съ тескукцами или акольгуанами, ацтеки мало по малу расширили свои владѣнія, и когда пришли въ ихъ царство испанцы, оно простиралось отъ Атлантическаго океана до Тихаго, а на югѣ

до Гуатемалы и Никарагуи. Такими успѣхами ацтеки были обязаны отчасти своей храбрости, отчасти обычаю выбирать царемъ храбрѣйшаго изъ людей царской династіи; выборы производила коллегія вельможъ. Царь былъ главнокомандующій, въ рукахъ котораго соединялась съ военной властью судебная и законодательная; онъ назначалъ на всѣ должности. Помощниками его были вельможи; аристократія составляла могущественное сословіе; съ владѣніемъ наслѣдственными помѣстьями была соединена обязанность военной службы. Существовало нѣчто подобное рыцарскому ордену; знакъ принадлежности къ нему служилъ наградой за храбрость. Города и селенія платили поземельную подать; кромѣ нея существовали налоги съ промышленности. Богослуженіе было опредѣлено точными правилами. У ацтековъ было много храмовъ (теокалли); они были построены въ четыре или пять ярусовъ уступами. Съ яруса на ярусъ вели широкія лѣстницы. Въ высокихъ башняхъ верхней площади стояли изображенія божествъ и жертвенники. Храмы имѣли обширныя владѣнія. Духовенство было богато; оно находилось подъ управленіемъ двухъ верховныхъ жрецовъ, назначаемыхъ царемъ и вельможами. Религіозные праздники были великолѣпны; обряды богослуженія соединялись съ пѣніемъ и процессіями. Часть духовенства составляли семейные люди; другую безбрачные аскеты. Жрецы завѣдовали преподаваніемъ, давали прорицанія по звѣздамъ и другимъ примѣтамъ, лѣчили больныхъ и раненныхъ. У ацтековъ было письмо, состоявшее изъ фигуръ предметовъ; вообще они были цивилизованный народъ, но имѣли ужасный обычай приносить людей въ жертву и пожирать ихъ тѣла на роскошныхъ пирахъ своихъ религіозныхъ праздниковъ. Тескукцы, племя родственное ацтекамъ, превосходили ихъ образованностью. Лѣтъ за сто до экспедиціи Кортеса тескукцы были очень могущественны; ихъ царемъ былъ тогда Негагуалькойотле, о которомъ они разсказывали множество приключеній; молодость его прошла въ борьбѣ съ опасностями; онъ побѣдилъ всѣхъ враговъ и царствовалъ со славой, былъ поэтъ и мудрецъ, покровительствовалъ астрономамъ и художникамъ; но ученыя занятія не мѣшали ему быть заботливымъ судьей. Онъ построилъ въ своей столицѣ Тескуко много великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ роскошными садами; они всѣ вмѣстѣ составляли его резиденцію; она была обведена высокою стѣной, построенной изъ кирпичей, связанныхъ известью.

Тескукцы.

Снаряженіе экспедиціи Кортеса.

Мы говорили, что открытія, сдѣланныя Грихальвой, возбудили въ правителѣ Кубы Діэго Веласкесѣ большія надежды; онъ рѣшилъ послать болѣе сильную эскадру для покоренія страны, берегъ которой былъ посѣщенъ Грихальвой. Честолюбивый, жадный, подозрительный и мелочной, онъ искалъ человѣка, который помогъ бы снаряженію экспедиціи своими деньгами и съ тѣмъ вмѣстѣ предоставилъ бы ему всю славу открытій, какія сдѣлаетъ она; ему показался такимъ че-

ловѣкомъ Гернандо Кортесъ. Потомокъ довольно знатной испанской фамиліи, Кортесъ родился въ Медельинѣ (въ Эстремадурѣ), переселился на Эспаньіолу 19 лѣтнимъ юношей въ годъ смерти Изабеллы, выказалъ храбрость въ сраженіяхъ съ туземцами при Овандо, получилъ на Кубѣ обширное владѣніе и большое количество туземныхъ работниковъ, переселился туда, разработывалъ рудники, развелъ плантаціи, сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Нѣсколько времени онъ былъ въ ссорѣ съ Веласкесомъ, но женившись на дѣвушкѣ изъ дружнаго съ нимъ семейства, сталъ его пріятелемъ. Веласкесъ предложилъ Кортесу начальство надъ экспедиціей. Отважный и честолюбивый Кортесъ охотно согласился. Но пока шло снаряженіе эскадры, Веласкесъ сталъ жалѣть, что поручилъ ему начальство надъ ней. Честолюбіе Кортеса возбуждало въ Веласкесѣ опасеніе. Узнавъ, что Веласкесъ хочетъ лишить его начальства надъ эскадрой, Кортесъ тайно отплылъ ночью. Веласкесъ пріѣхалъ на берегъ отнять начальство у Кортеса, но корабли были уже довольно далеко отъ земли, и Кортесъ крикнулъ въ рупоръ Веласкесу, что поздравляетъ его съ добрымъ утромъ и желаетъ ему оставаться здоровымъ. Эскадра должна была зайдти въ гавань города Тринидада, чтобы взять тамъ аммуницію и провіантъ. Веласкесъ послалъ туда приказаніе арестовать Кортеса; но это не удалось.

Эскадра Кортеса.

Эскадра, отплывшая 10 февраля 1519 подъ начальствомъ Кортеса для завоеванія большого цивилизованнаго царства, состояла изъ 11 кораблей, на которыхъ находилось около 700 моряковъ и солдатъ. Главнымъ кормчимъ былъ искусный морякъ Антоніо Альминосъ, участвовавшій въ экспедиціи Грихальвы. Надежда на славу и богатство и довѣріе къ дарованіямъ Кортеса привлекли къ участію въ его экспедиціи многихъ знатныхъ людей; важнѣйшими изъ нихъ были Педро Альварадо и его братья, Кристоваль Олидъ, Алонсо Авила, Хуанъ Веласкесъ де Леонъ (родственникъ правителя Кубы), Алонсо Гернандесъ Пуэртокаррера, Гонсало Сандоваль; нѣкоторые изъ нихъ были спутниками Грихальвы. Участникомъ экспедиціи былъ также Верналь Діасъ, мемуары котораго составляютъ важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о покореніи Мехики. На корабляхъ было десять большихъ полевыхъ орудій и четыре легкихъ. Запасъ пороха былъ довольно великъ. Экспедиція имѣла 16 лошадей. Отъ мыса св. Антонія эскадра 18 февраля поплыла къ берегу Юкатана.

Кортесъ.

Гернандо Кортесу было тогда 33 или 34 года; онъ былъ высокаго роста, блѣдному лицу его придавало нѣкоторую суровость серьезное выраженіе большихъ темныхъ глазъ. Онъ былъ нѣсколько сутуловатъ, имѣлъ широкія плеча. Тѣлосложеніе его было крѣпкое; онъ былъ силенъ, хорошо ѣздилъ верхомъ и фехтовалъ. Въ пищѣ онъ былъ умѣренъ, пилъ мало вина, равнодушно выносилъ лишенія. Одѣвался онъ безъ излишняго щегольства, но богато. Тонъ его разговора былъ откровенный, но подъ маской простоты скрывалась у него

холодная разсчетливость. Характеръ его былъ веселый, но и въ минуты шутливости его была замѣтна твердость воли человѣка, привыкшаго повелѣвать; у его друзей любовь къ нему имѣла оттѣнокъ боязни. Его грубое, но энергическое краснорѣчіе увлекало солдатъ, которымъ обѣщалъ онъ славу и добычу. Его письма къ королю Карлу показываютъ въ немъ образованнаго человѣка: разсказъ въ нихъ простъ, ясенъ, уменъ, замѣтки о покоренныхъ земляхъ очень дѣльны. Верналь Діасъ говоритъ, что по манерамъ и характеру Кортесъ былъ истинный вельможа.

Покореніе Табаско.

Послѣ бурнаго плаванія эскадра достигла острова Косумеля, бывшаго центромъ идолослуженія юкатанцевъ. Испанцы взошли на башни, сбросили идоловъ, управлявшихъ, по мнѣнію туземцевъ, ясной погодой и бурями, поставили алтарь съ изображеніемъ Богоматери, совершили литургію, вступили въ дружескія сношенія съ туземцами, убѣдили ихъ креститься. Тутъ къ испанцамъ пришелъ Агиларъ, монахъ, одинъ изъ тѣхъ двухъ спутниковъ Вальдивіи, которые не были принесены въ жертву идоламъ. Онъ принялъ обычаи туземцевъ, но оставался вѣренъ своему монашескому обѣту цѣломудрія.—Починивъ попортившіеся корабли, Кортесъ поплылъ вдоль берега Юкатана и остановился у рѣки Табаско. Туземцы выказали такую же враждебность, какъ при прежнихъ высадкахъ испанцевъ. Въ день Благовѣщенія (25 марта) Кортесъ разбилъ ихъ и овладѣлъ городомъ Табаско, жители котораго имѣли большія плантаціи какао и маисовыя нивы. На томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе, Кортесъ основалъ городъ Santa Maria de la Vittoria (городъ Богоматери, подательницы побѣды). Число убитыхъ туземцевъ составляло нѣсколько тысячъ. «Такова была первая проповѣдь евангелія, сказанная Кортесомъ въ Новой Испаніи», говоритъ съ горькой шуткой Ласъ Касасъ. Испанцы потеряли только двухъ человѣкъ. Воины Кортеса имѣли кирасы и подбитые ватой камзолы, непроницаемые для стрѣлъ туземцевъ, а противъ испанскихъ ружей, лошадей и мечей нагіе туземцы были беззащитны. Побѣда при Табаско имѣла рѣшительное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Князьки туземцевъ пришли въ испанскій лагерь съ просьбой о мирѣ и подарками, въ числѣ которыхъ находилось 20 невольницъ. Кортесъ объявилъ князькамъ, что они становятся подданными короля испанскаго и должны креститься. Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на богослуженіе, которое совершилъ у алтаря Богоматери въ вербное воскресеніе священникъ Ольмедо. Испанцы возвратились на корабли, поплыли вдоль берега дальше и стали на якорь у открытаго Грихальвой острова San Juan de Ulua.

Монтезума.

Одна изъ невольницъ, подаренныхъ Кортесу князьками окрестностей Табаско, была дочь мехиканскаго касика, проданная матерью въ ту землю. Она знала и астекскій языкъ и языкъ юкатанскаго населенія; черезъ посредство Агилара она объясняла испанцамъ слова юкатан-

цевъ; скоро выучилась кастильскому языку и стала очень полезна испанцамъ. Въ крещеніи она получила имя Марины; мехиканцы произносили его «Малинче». Она была не только умна, но и очень красива; потому Кортесъ сдѣлалъ ее своей любовницей; она полюбила его съ безграничной преданностью. Впослѣдствіи у нихъ родился сынъ. Мехиканцы стали называть по ея имени и Кортеса Малинче. Она была добрая женщина, благороднаго характера и, сколько могла, старалась смягчить судьбу своихъ соотечественниковъ.

Высадка на мехиканскій берегъ.

Въ пятницу страстной недѣли Кортесъ и его спутники вышли на песчаный берегъ Мехики въ томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ былъ построенъ городъ Веракрусъ. Туземцы приняли ихъ дружелюбно, помогли имъ построить изъ вѣтвей и хлопчато-бумажной ткани шалаши съ навѣсами для защиты отъ зноя. Кортесъ услышалъ, что эта земля принадлежитъ къ большому царству, государь котораго, Монтеузома, живетъ въ средней части страны на высокомъ плоскогорьѣ. Народъ толпами сходился смотрѣть на иноземцевъ и ихъ корабли съ бѣлыми парусами, приносилъ плоды, цвѣты, птицъ; началась мѣновая торговля. Правитель области, ацтекскій вельможа, пришелъ съ большой свитой посѣтить испанскаго главнокомандующаго, разспросить его о родинѣ испанцевъ и о причинѣ ихъ пріѣзда; онъ принесъ подарки, дававшіе высокое понятіе о богатствѣ и техническихъ искусствахъ мехиканцевъ; это были плащи изъ хлопчато-бумажныхъ тканей, наряды, сдѣланные изъ яркихъ перьевъ, золотыя украшенія; всѣ эти вещи были очень хорошей работы. Ацтекскій правитель старался расположить испанцевъ къ дружескимъ отношеніямъ съ мехиканцами, но очевидно было, что онъ желаетъ какъ можно дольше задержать ихъ на берегу; онъ отправилъ гонцовъ съ донесеніемъ царю и съ просьбой объ инструкціяхъ. Въ ихъ ожиданіи туземцы угощали испанцевъ всѣмъ, что имѣли лучшаго.

Марина.

Монтеузома или, какъ обыкновенно его называли испанцы, Монтезума былъ встревоженъ извѣстіемъ о прибытіи иноземцевъ, ѣздящихъ на лошадяхъ, одѣтыхъ въ блестящіе шлемы и латы, стрѣляющихъ громомъ и молніей. Въ Мехику уже давно приходили слухи о бѣлыхъ бородатыхъ людяхъ, приплывшихъ изъ-за моря на сосѣдніе острова и берега. Въ особенности смущенъ былъ Монтезума пріѣздомъ Грихальвы на берегъ его царства. У мехиканцевъ было преданіе, что добрый богъ Кецалькоатль, научившій людей земледѣлію, обработкѣ металловъ, правиламъ общественнаго быта, подвергшійся враждѣ болѣе сильныхъ боговъ и уплывшій отъ нея на кораблѣ, сшитомъ изъ змѣиныхъ шкуръ, за великое море въ землю Тлапаланъ, возвратится съ своими потомками и будетъ царствовать надъ мехиканскимъ народомъ. Онъ былъ высокаго роста, бѣлый съ длинными темными волосами и длинной бородой. Монтезумѣ казалось, что это пророчество преданія исполняется теперь; потому онъ былъ

смущенъ, и въ его дѣйствіяхъ относительно испанцевъ была большая шаткость. Народъ его тоже былъ смущенъ; носились разсказы о знаменіяхъ, предвѣщавшихъ великія перемѣны; особенно встревоженъ былъ ими Монтезума, человѣкъ суевѣрный. Онъ отправилъ на берегъ пословъ поднести иноземнымъ гостямъ дорогіе подарки, но съ тѣмъ вмѣстѣ объявить, что царь воспрещаетъ имъ идти съ берега во внутреннія области его царства. Кортесъ понялъ изъ этого, что Монтезума человѣкъ робкій и боится его, разсудилъ не слушать запрещенія и собрался идти въ столицу мехиканскаго царства. Отважнѣйшіе изъ спутниковъ Кортеса одобряли это намѣреніе, надѣясь обогатиться въ царствѣ, о сокровищахъ котораго свидѣтельствовали присланные царемъ подарки; менѣе смѣлые боялись идти въ страну, населенную цивилизованнымъ народомъ, какъ показывала искусная выдѣлка присланныхъ царемъ подарковъ; они полагали, что не могутъ при своей малочисленности побѣдить такой народъ. Нѣкоторые требовали возвращенія въ Кубу; оно казалось тѣмъ необходимѣе, что туземцы перестали приносить пищу, начинался недостатокъ въ ней, а вредный воздухъ болотистаго приморья произвелъ болѣзни, отъ которыхъ довольно многіе умирали. Но твердость души Кортеса ободрила робкихъ, и почти единодушно было рѣшено построить на удобномъ мѣстѣ берега укрѣпленіе, которое будетъ служить опорнымъ пунктомъ для покоренія страны. Посольство тотонаковъ, порабощеннаго ацтеками илемени, просившаго у испанцевъ помощи противъ нихъ, пробудило въ Кортесѣ надежду найдти въ царствѣ Монтезумы союзниковъ, при содѣйствіи которыхъ легко будетъ побѣдить ацтековъ.

Веракрусъ.

Испанцы построили на берегу укрѣпленіе, которое назвали «Богатымъ городомъ истиннаго креста», Villa Rica de Vera Cruz. Въ этомъ имени высказались главные мотивы завоевателей—алчность и усердіе къ вѣрѣ. Спутники Кортеса назначили его отъ имени королевы Іоанны и ея сына Карла правителемъ основанной ими колоніи, то-есть свергли съ себя зависимость отъ Веласкеса. Нѣкоторые находили это противозаконнымъ, но скоро отбросили свои сомнѣнія и стали усердными приверженцами новаго правителя.

Походъ въ Земпоаллу.

Кортесъ считалъ первой надобностью упрочить за собою дружбу и содѣйствіе тотонаковъ; онъ пошелъ въ главный городъ ихъ Земпоаллу. Дорога туда вела по мѣстности, казавшейся испанцамъ земнымъ раемъ,—такъ роскошна была растительность, такъ много птицъ было на поляхъ и въ лѣсахъ. Особенно вкусна была одна изъ лѣсныхъ птицъ, индюкъ; испанцы охотились за нею. Жители Земпоаллы приняли испанцевъ съ восторгомъ; спутники Кортеса видѣли, что это дѣйствительно цивилизованный народъ: дома города были большія, хорошія зданія; при нихъ были цвѣтники; мужчины и женщины носили красивую одежду изъ хлопчато-бумажныхъ тканей и много украшеній. Горожане угощали испанцевъ. Изъ разговоровъ съ ка-

сикомъ Кортесъ получилъ довольно точныя свѣдѣнія о состояніи ацтекскаго царства; особенно важно было то, что подтвердилось прежнее его понятіе о желаніи многихъ племенъ свергнуть съ себя иго ацтековъ. Очень сильно было это желаніе въ республиканскомъ государствѣ Тласкалѣ и у тескукскихъ государей, покоренныхъ Монтезумой. Ацтеки брали у покоренныхъ племенъ множество юношей и дѣвушекъ для принесенія въ жертву богамъ; Монтезума любилъ пышность, потому обременялъ порабощенныя племена очень тяжелыми налогами.—Изъ Земпоаллы пошли въ другой городъ тотонаковъ, Чіагунцланъ. Туда пришли пять ацтекскихъ вельможъ и потребовали отъ жителей двадцать юношей и дѣвушекъ для принесенія богамъ въ жертву; это былъ штрафъ, наложенный на городъ за дружелюбный пріемъ иноземцевъ. Ацтекскіе послы говорили повелительно, тотонаки слушали ихъ съ боязливой готовностью повиноваться, но, по совѣту Кортеса, арестовали пословъ. Кортесъ тайно помогъ арестованнымъ уйдти. Онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательную способность хитрить: перессорилъ тотонаковъ съ ацтеками и пріобрѣлъ друзей при дворѣ Монтезумы. Тотонакскіе касики, надѣясь возстановить свою независимость, перестали платить дань ацтекскому царю, отдались подъ покровительство испанскаго короля; весь тотонакскій народъ помогалъ испанцамъ строить крѣпость. Владычество испанцевъ началось разрушеніемъ деревянныхъ идоловъ передъ плачущимъ народомъ.

Потопленіе кораблей.

Кортесъ понималъ, что, принявъ санъ правителя, навлекъ на себя непримиримую вражду Веласкеса, который можетъ сильно повредить ему, имѣя могущественныхъ друзей въ Испаніи. Притомъ нѣкоторые изъ спутниковъ Кортеса сохраняли желаніе возвратиться въ Кубу. Онъ принялъ рѣшеніе, показывающее чрезвычайную твердость воли и увѣренность въ своихъ силахъ. Отправивъ въ Испанію посольство съ богатыми подарками королю и просьбой объ утвержденіи въ должности, онъ, чтобы отнять у своихъ спутниковъ всякую надежду на возвращеніе и принудить ихъ къ отвагѣ, велѣлъ перенести съ кораблей на берегъ грузъ, желѣзо, паруса и послѣ того потопилъ всѣ корабли, кромѣ одного небольшого судна. На ропотъ своихъ спутниковъ онъ отвѣчалъ, что корабли были повреждены бурями и червями, стали совершенно неспособны къ плаванію и вовсе ненужны ему и его товарищамъ при успѣшности ихъ похода. Онъ такъ хорошо умѣлъ одушевлять своихъ спутниковъ надеждой на славу и богатую добычу, что при концѣ его энергической рѣчи они закричали: «Идемъ въ Мехику!»

b) ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ МЕХИКУ.

Походъ черезъ Кордильеры.

Взявъ около 400 пѣшихъ воиновъ и 15 всадниковъ и оставивъ въ крѣпости гарнизонъ подъ начальствомъ Хуана Эскаланте, Кортесъ

пошелъ 16 августа (1519 года) изъ Веракруса въ центральную часть Мехиканскаго царства. Туземцы несли аммуницію, съѣстные припасы, везли на себѣ пушки; они съ тѣмъ вмѣстѣ были проводниками и заложниками за вѣрность своихъ соплеменниковъ. Испанцы шли черезъ городъ Халапу. Страна была покрыта роскошными лугами, фруктовыми деревьями; воздухъ благоухалъ ароматами цвѣтовъ; въ лѣсахъ и фруктовыхъ садахъ порхало множество пестрыхъ птицъ. Жители той области, дружные съ тотонаками, не сопротивлялись походу испанцевъ, не мѣшали имъ ставить по дорогѣ кресты. Изъ города Наулинко путь сталъ подыматься въ горы; онъ велъ черезъ волканическій хребетъ Кордильеровъ, подымавшійся до 7.000 футовъ. Подъемъ былъ крутой; затруднительность пути увеличилась холодомъ и вѣтромъ. Поднявшись на горы, испанцы вступили въ обширную террасу, столицей которой была резиденція ацтекскаго князя, встрѣтившаго иноземцевъ недовѣрчиво. Они увидѣли громадныя массы череповъ, разстановленныхъ въ порядкѣ; это были остатки людоѣдскихъ пировъ. Верналь Діасъ говоритъ, что тутъ было едва ли меньше 100.000 череповъ. Князь разсказывалъ о могуществѣ царя, которому подвастны онъ и 30 другихъ областныхъ государей. Его слова навели уныніе на испанцевъ.

Тласкала.

Отдохнувъ нѣсколько дней, испанцы пошли въ Тласкалу. Каменная стѣна съ широкимъ брустверомъ для удобства обороны обозначала границу этого государства. Испанцы перешли ее. Тласкальцы, племя родственное ацтекамъ, люди крѣпкаго сложенія и воинственные, составляли федеративное государство, которымъ правилъ союзный совѣтъ, состоявшій изъ родоначальниковъ и вельможъ; онъ рѣшалъ вопросы о войнѣ и мирѣ и другія дѣла, касавшіяся всей федераціи; дѣлами каждой области правили ея князья и вельможи. Религія и обычаи тласкальцевъ были сходны съ мехиканскими; храбростью тласкальцы не уступали никакому народу Анагуака. Они, какъ и ацтеки, не знали желѣза; но ихъ стрѣлы и копья имѣли острые наконечники, сдѣланные изъ мѣди, обсидіана или кости; ихъ стрѣлки и пращники были искусны; своими деревянными мечами, въ которые съ обѣихъ сторонъ были вправлены металлическіе клинки; они наносили тяжелыя раны; они имѣли деревянные, обтянутые кожей, шлемы и щиты. Монтезума хотѣлъ покорить ихъ, какъ сосѣднія племена; война длилась много лѣтъ; они храбро защищали свою независимость. Война еще продолжалась, когда пришли къ нимъ испанскіе послы просить пропуска черезъ ихъ землю. Послы говорили, что испанцы идутъ въ столицу Монтезумы и хотятъ быть друзьями тласкальцевъ; но они не вѣрили дружбѣ иноземцевъ, разрушавшихъ по своей дорогѣ храмы и статуи боговъ, принявшихъ подарки отъ Монтезумы. По совѣту одного изъ князей, они рѣшили остановить иноземцевъ силой оружія. Испанскіе всадники, скакавшіе

впереди пѣхоты на ихъ войско, были встрѣчены градомъ стрѣлъ; двѣ лошади и одинъ изъ всадниковъ были убиты; но когда подошла испанская пѣхота, ея выстрѣлы обратили въ бѣгство тласкальцевъ. Кортесъ велѣлъ зарыть убитыхъ лошадей, чтобы туземцы не считали ихъ умершими и продолжали вѣрить, что это существа, одаренныя волшебными силами. Испанцы укрѣпили мѣсто, на которомъ остановились ночевать. Утромъ осторожно пошли въ боевомъ порядкѣ дальше; страна была хорошо воздѣлана, испанцы шли маисовыми полями и фруктовыми садами. Пришедши къ ущелью (2 сентября), они увидѣли войско: оно встрѣтило ихъ стрѣлами и камнями. Земпоальскіе туземцы, шедшіе съ испанцами, усердно помогали имъ, зная, что будутъ убиты въ случаѣ пораженія ихъ. Послѣ упорнаго боя испанцы прорвались черезъ ущелье и, вышедши на равнину, встрѣтили тамъ войско, состоявшее изъ 30.000 человѣкъ или больше, убили множество туземцевъ; но они отступили въ порядкѣ подъ управленіемъ своего храбраго князя Хикотенкатля.

Сраженія у Цомпачскаго холма.

Испанцы опасались новаго нападенія и провели ночь на скалистомъ цомпачскомъ холмѣ, куда ихъ союзники доставили имъ пищу изъ своихъ селеній, находившихся неподалеку. Утромъ Кортесъ послалъ плѣнныхъ касиковъ въ Тласкалу съ прежней просьбой о свободномъ пропускѣ. Хикотенкатль отвѣчалъ: если иноземцы войдутъ въ Тласкалу, то будутъ принесены въ жертву богамъ. Возвратившіеся съ этимъ отвѣтомъ послы сказали, что онъ собралъ 50.000 воиновъ и готовится къ битвѣ. Кортесъ пошелъ туда, гдѣ собралось тласкальское войско. Оно стояло на обширномъ лугу, было раздѣлено на пять отрядовъ; простые воины были нагіе; тѣло ихъ было раскрашено; на начальникахъ были шлемы, сверкавшіе золотомъ и дорогими камнями и плащи изъ перьевъ яркихъ цвѣтовъ. Надъ войскомъ развѣвалось большое тласкальское знамя; на немъ былъ вышитъ золотомъ орелъ; оно было украшено серебрянымъ шитьемъ и изумрудами. Тласкальцы съ оглушительнымъ крикомъ пускали тысячи стрѣлъ. Кортесъ занялъ такую позицію, которая была наиболѣе выгодна для дѣйствія артиллеріи. Тласкальцы оцѣпенѣли отъ ужаса при первыхъ выстрѣлахъ, потомъ бросились на испанцевъ, прорвали ихъ ряды пѣхоты; но Кортесъ со всѣми всадниками напалъ съ фланга на непріятеля, непривычнаго къ дисциплинѣ и пугавшагося лошадей. Одинъ изъ касиковъ, обиженный упреками Хикотенкатля, пошелъ съ своимъ войскомъ съ поля битвы; за нимъ пошли другіе; это доставило испанцамъ побѣду. Вечеромъ Кортесъ возвратился на цомпачскій холмъ. У испанцевъ было мало убитыхъ; они похоронили ихъ украдкой отъ своихъ туземныхъ союзниковъ, чтобъ индійцы оставались при мнѣніи, что бѣлые люди безсмертныя существа.

Покореніе тласкальцевъ.

Часть тласкальцевъ желала мира, но военная партія сохранила перевѣсъ въ союзномъ совѣтѣ. Жрецы говорили, что испанцы дѣти солнца и получаютъ свою силу отъ него; потому было рѣшено напасть на нихъ ночью. Но ихъ караульные были внимательны, увидѣли при лунномъ свѣтѣ приближающееся непріятельское войско; испанцы внезапно напали на него у подошвы холма; оно испугалось и обратилось въ бѣгство. Но Хикотенкатль оставался твердъ и не дозволилъ отправить пословъ къ испанцамъ. Кортесъ дѣлалъ успѣшные набѣги, но положеніе испанцевъ было затруднительно; число людей, считавшихъ походъ на Мехику безразсудствомъ и желавшихъ возвратиться въ Кубу, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Случайность помогла Кортесу. Тласкальскій военный совѣтъ отправилъ пословъ къ испанцамъ; Хикотенкатль отправилъ съ ними шпіоновъ, чтобы по соображенію свѣдѣній, какія принесутъ они, возобновить нападеніе. Марина замѣтила шпіоновъ, сказала Кортесу; онъ велѣлъ схватить ихъ, отрубилъ имъ руки и отпустилъ ихъ. Хикотенкатль убѣдился, что нельзя застать испанцевъ врасплохъ и вмѣстѣ съ послами военнаго совѣта пошелъ къ Кортесу объявить, что тласкальцы покоряются. Въ это время прибыло посольство отъ Монтезумы; онъ поздравлялъ Кортеса съ побѣдами, прислалъ ему подарки, обѣщался платить дань его царю, но убѣждалъ его отказаться отъ похода въ Мехику. Кортесъ отвѣчалъ, что надѣется лично благодарить царя за его щедрость, и отпустивъ пословъ, пошелъ въ Тласкалу.

Вступленіе въ Тласкалу.

Испанцы вступили въ Тласкалу 23 сентября (1519 года). Городъ былъ украшенъ цвѣтами. Народъ встрѣтилъ бѣлыхъ съ криками радости; правители государства, первое мѣсто между которыми занималъ старикъ отецъ Хикотенкатля, угощали бѣлыхъ. Кортесъ, имѣвшій, подобно Колумбу, пылкое воображеніе, сравниваетъ въ своемъ письмѣ къ королю Тласкалу съ Гранадой. Тласкальцы были трудолюбивый народъ, усердно занимались земледѣліемъ, были храбры. Союзъ съ ними имѣлъ очень большую важность для Кортеса, но онъ едва не испортилъ дѣло своей ненавистью къ язычеству: онъ хотѣлъ разрушить идоловъ; это произвело бы мятежъ; священникъ Ольмедо отклонилъ его отъ опаснаго намѣренія; онъ ограничился тѣмъ, что поставилъ въ Тласкалѣ крестъ.

„Ольмедо былъ проникнутъ христіанской любовью“, говоритъ Прескоттъ: „заботился о благѣ туземцевъ, старался смягчить ужасы войны“.

Вступленіе въ Чолулу.

Услышавъ, что испанны дружески приняты въ Тласкалѣ, Монтезума оробѣлъ, отправилъ къ Кортесу посольство съ приглашеніемъ въ свою столицу. Послы говорили, что испанцы должны идти туда черезъ Чолулу. Тласкальцы предостерегали Кортеса, доказывали ему, что приглашеніе Монтезумы—коварство; но онъ рѣшилъ идти въ Мехику, упрочилъ свой союзъ съ тласкальцами, женивъ нѣсколькихъ своихъ

помощниковъ на дочеряхъ важнѣйшихъ касиковъ, и пошелъ въ Чолулу. Этотъ городъ былъ прежде столицей государства, имѣвшаго республиканское устройство. Оно было покорено Монтезумой. Чолула славилась образованностью и роскошью своихъ жителей и была священнымъ городомъ, въ которомъ сходились на религіозные праздники безчисленныя толпы народа. Каждый годъ на этихъ праздникахъ приносилось въ жертву до 6.000 человѣкъ. Изъ множества храмовъ главнымъ былъ тотъ, который назывался великимъ; онъ былъ посвященъ Кецалькоатлю. Городъ стоялъ въ очаровательномъ мѣстоположеніи близъ громадныхъ огнедышащихъ горъ, Попокатепетля и Истаксигуатля, былъ окруженъ садами и рощами. Испанцы шли въ сопровожденіи 6.000 тласкальцевъ. Чолульцы приняли ихъ дружески, роскошно угощали. Но черезъ нѣсколько времени пришли ацтекскіе вельможи съ тайными порученіями отъ Монтезумы, и настроеніе чолульцевъ стало враждебно испанцамъ. Боги сказали Монтезумѣ, что Чолула будетъ могилой иноземцевъ, и онъ прислалъ вельможъ подготовить неожиданное нападеніе на нихъ. Марина замѣтила это изъ разговоровъ съ женою касика, сообщила Кортесу; онъ принялъ мѣры предосторожности на ночь и утромъ напалъ на чолульцевъ, еще не бравшихся за оружіе. Испанцы истребили множество ихъ, зажгли храмы, въ которыхъ искали они убѣжища; тысячи людей сгорѣли тамъ или разбились, прыгая со стѣнъ. Тласкальцы, стоявшіе за городомъ, пришли на помощь испанцамъ и съ ожесточеніемъ убивали чолульцевъ, разрушали городъ, потому что между ними и чолульцами была старинная племенная вражда. Когда Кортесъ остановилъ убійство и грабежъ, число убитыхъ чолульцевъ простиралось до 6.000 человѣкъ. Свирѣпость Кортеса запугала населеніе всей области; изъ другихъ городовъ ея пришли послы съ подарками, заявленіями покорности «бѣлымъ богамъ» и просьбой о пошадѣ. Большой чолульскій храмъ былъ обращенъ въ христіанскую церковь. Но Ольмедо удержалъ Кортеса отъ насильственнаго обращенія чолульцевъ въ христіанство.

Походъ въ Мехику.

Услышавъ о томъ, что произошло въ Чолулѣ, Монтезума снова оробѣлъ. Онъ отправилъ къ Кортесу посольство съ богатыми подарками и увѣреніемъ, что злоумышленіе возникло безъ всякаго его участія. Кортесъ притворился повѣрившимъ и вмѣстѣ съ послами Монтезумы пошелъ въ столицу его. Путь лежалъ черезъ крутую Сіэрру Агуалько и былъ чрезвычайно тяжелъ, но Кортесъ предпочелъ его другому, болѣе длинному и менѣе затруднительному, который предлагали послы; на этомъ удобномъ пути была подготовлена засада, какъ сказали Кортесу тласкальцы. Одинъ изъ офицеровъ Кортеса, Діэго Ордасъ, пожелалъ подняться на огнедышащую гору, вершина которой была покрыта снѣгомъ. Кортесъ охотно позволилъ ему это, желая показать мехиканцамъ, что нѣтъ трудностей, которыхъ не могутъ преодолѣть бѣлые люди. Ордасъ съ восемью товарищами поднялся по горѣ въ область вѣчнаго снѣга и принесъ въ доказательство того большіе куски льда. Король впослѣдствіи далъ ему за это гербъ съ изображеніемъ огнедышащей горы. Перешедши хребетъ, испанцы спустились на прелестную мехиканскую равнину Теночтитланъ. Она была покрыта цвѣтниками, маисовыми нивами, тутовыми и кедровыми рощами, между которыми стояли многочисленные города. Средину ея занималъ великолѣпный городъ Мехика, блиставшій множествомъ бѣлыхъ башень, имѣвшій громадные пирамидальные храмы. За голубыми водами Мехиканскаго озера на краю горизонта подымался темный порфировый хребетъ.

Вступленіе въ Мехику.

Монтезума въ молодости славился храбростью и мудростью; но теперь онъ совершенно оробѣлъ. Его посольства, приносившія испанцамъ золото, разжигали въ нихъ желаніе овладѣть столицей богатаго царя. Кортесъ постоянно говорилъ, что идетъ въ Мехику съ дружескими намѣреніями, хочетъ только заключить союзъ между своимъ королемъ и царемъ мехиканскаго государства. Монтезума просилъ у своихъ вельможъ совѣтовъ, какъ ему держать себя; ихъ мнѣнія были разнорѣчивы, не давали твердой опоры его мыслямъ. Испанцы пришли въ городъ Чалько, стоявшій на юго-восточномъ берегу мехиканскаго озера. Онъ былъ построенъ, подобно Мехикѣ, на сваяхъ и вдавался далеко въ озеро. Испанцы дивились искусству ацтековъ строить города надъ водой. Въ Чалько пришелъ съ большой свитой тескукскій князь и поднесъ Кортесу жемчугъ, зерна котораго были очень крупны. Кортесъ подарилъ ему ожерелье изъ граненаго стекла. Монтезума разсудилъ, что долженъ принять испанцевъ любезно, отправилъ двухъ своихъ родственниковъ сопровождать бѣлыхъ людей на пути въ столицу. Испанцы шли берегомъ озера Хочикалько по дорогѣ, построенной изъ камня и глины, восхищались красотою мѣстности. На берегу стояло много городовъ и селеній, на озерѣ были огромные плоты, покрытые землей и служившіе огородами, цвѣтниками. Испанцамъ казалось, говоритъ Верналь Діасъ, что они пришли въ одну изъ тѣхъ волшебныхъ странъ, которыя описываются въ «Амадисѣ Галльскомъ». Въ Истапалапанѣ, городѣ, имѣвшемъ роскошные фруктовые сады, наполнявшіе воздухъ ароматомъ, принялъ и угостилъ испанцевъ братъ Монтезумы. На слѣдующій день они пошли по каменной дорогѣ, проведенной черезъ озеро въ великолѣпную столицу мехиканскаго царства; богато одѣтые вельможи вышли привѣтствовать ихъ. По озеру приплыли безчисленные челноки къ дорогѣ, по которой шли испанцы; туземцы съ удивленіемъ смотрѣли на бѣлыхъ людей; за вельможами явился привѣтствовать гостей самъ царь, окруженный блестящей свитой. Его несли на богатыхъ носилкахъ. Сошедши съ нихъ, онъ поздоровался съ испанцами, сѣлъ опять на носилки; процессія пошла въ городъ; при

громѣ музыки испанцы вступили въ южную часть Мехики; царь назначилъ жилищемъ ихъ старый дворецъ, находившійся тамъ. Дома города были большіе каменные; на плоскихъ кровляхъ и по улицамъ стоялъ народъ; улицы пересѣкались площадями и садами.

Мехиканцы обращались съ испанцами очень почтительно, но выказывали ненависть къ сопровождавшимъ ихъ тласкальцамъ. На дворѣ стараго дворца снова встрѣтилъ своихъ гостей царь, повѣсилъ на шею Кортесу тяжелое золотое ожерелье и сказалъ: «Этотъ дворецъ принадлежитъ тебѣ и твоимъ братьямъ, отдохните отъ вашихъ трудовъ». Въ огромномъ зданіи, построенномъ отцомъ Монтезумы, было достаточно помѣщенія для всѣхъ испанцевъ; царь приготовилъ имъ изобильное угощеніе и потомъ присылалъ очень много продовольствія. Кортесъ, поддерживавшій во время похода строгую дисциплину, считалъ и теперь необходимостью осторожность. На пирѣ вечеромъ онъ велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ, чтобы туземцы получили понятіе о сверхъестественномъ могуществѣ своихъ гостей. На слѣдующій день онъ съ нѣсколькими офицерами отправился къ царю въ новый дворецъ, построенный самимъ Монтезумой. Верналь Діасъ, находившійся въ свитѣ Кортеса, подробно описываетъ великолѣпіе обширнаго дворца. Комнаты были украшены панелями изъ прекраснаго дерева съ тонкой рѣзьбой, ковры были такъ хороши, что Верналь Діасъ сравниваетъ ихъ съ фландрскими; множество аппартаментовъ занималъ гаремъ Монтезумы, очень многочисленный; во дворцѣ соблюдался строгій церемоніалъ; безчисленные служители были одѣты богато. Дворецъ былъ окруженъ садами, въ которыхъ были устроены звѣринцы, крытые птичьи дворы; въ садахъ были фонтаны. Монтезума спросилъ Кортеса о цѣли его прибытія. Онъ черезъ свою переводчицу, Марину, отвѣчалъ, что присланъ своимъ могущественнымъ государемъ обратить царя и его народъ въ истинную христіанскую вѣру и прекратить гнусное идолослуженіе; изложилъ христіанское ученіе о воплощеніи Сына Божія, о таинствѣ св. причащенія. Монтезума былъ смущенъ: сбывались пророчества о томъ, что, съ прибытіемъ бѣлыхъ людей, разрушится прежній порядокъ дѣлъ, что астекское царство будетъ покорено владычеству государя бѣлыхъ людей, живущаго за моремъ. Это убѣжденіе отнимало у Монтезумы всякую мысль о сопротивленіи. Онъ снова далъ испанцамъ богатые подарки. Они возвратились въ свой дворецъ. При всей робости Монтезумы, ихъ положеніе въ Мехикѣ было очень опасно. Городъ былъ окруженъ водой. Его многочисленное населеніе было воинственно и уже выказывало непріязнь къ своимъ гостямъ. Ихъ было только 450 человѣкъ.

Государство астековъ.

Кортесъ понималъ опасность своего положенія, но остался твердъ въ намѣреніи покорить обширное государство Монтезумы. Чтобъ ознакомиться съ характеромъ мѣстности, онъ выпросилъ позволеніе осмотрѣть городъ. Монтезума самъ повелъ его и нѣсколькихъ офицеровъ въ главный храмъ. Удивленіе испанцевъ росло съ каждымъ шагомъ. На огромномъ рынкѣ, наполненномъ людьми, приходившими изъ всѣхъ областей государства, было множество товаровъ, показывавшихъ высокое развитіе промышленности: одежда и уборы были сдѣланы очень искусно; деревянная, каменная и металлическая посуда также была очень хороша; лежали груды оружія хорошей выдѣлки; количество съѣстныхъ припасовъ было громадно. Мужчины и женщины, толпившіеся на рынкѣ, были въ изящной одеждѣ изъ хлопчато-бумажныхъ тканей съ вышивками, съ роскошной отдѣлкой изъ перьевъ, съ мѣховой опушкой; все показывало, что астеки народъ образованный. Главный храмъ также возбудилъ удивленіе испанцевъ. Онъ былъ каменный, имѣлъ пять ярусовъ, построенныхъ одинъ на другомъ уступами; былъ окруженъ высокой стѣной съ воротами; при храмѣ находились жилища жрецовъ и прислуги, школы для дѣтей и сыновей вельможъ, казарма для отряда стражи. Взошедши по широкимъ лѣстницамъ на террасу верхняго яруса, имѣвшую до 400 футовъ ширины, Кортесъ и его спутники съ восхищеніемъ смотрѣли на разстилавшуюся подъ ними панораму. Но ужасающее впечатлѣніе произвела на нихъ каменная настилка, на которую клали приносимыхъ въ жертву, чтобы вырѣзывать у живыхъ сердце и относить его еще трепещущее на жертвенникъ Гуицилопочтли, бога войны, безобразная статуя котораго, украшенная золотомъ, жемчугомъ и дорогими камнями, стояла въ одномъ изъ святилищъ этого зданія. Храмъ съ своими пристройками былъ такъ огроменъ, что составлялъ цѣлый городъ. И тутъ, какъ въ Чолулѣ, находились правильно сложенныя высокія кучи безчисленнаго множества человѣческихъ череповъ. Кортесъ высказалъ царю ужасъ и омерзеніе; Монтезума разсердился.

Арестованіе Монтезумы.

Испанцы прожили въ старомъ дворцѣ недѣлю; Монтезума присылалъ съѣстные припасы въ большомъ изобиліи и выказывалъ неизмѣнную дружбу. Но туземцы, привыкая видѣть бѣлыхъ людей, переставали бояться ихъ, а испанцы замѣчали, что астеки враждебны имъ. Правитель той области, гдѣ былъ построенъ Веракрусъ, вѣроломно напалъ на это укрѣпленіе; Эскаланте, начальникъ гарнизона, и нѣсколько солдатъ были убиты. Должно было полагать, что нападеніе сдѣлано по приказанію Монтезумы. Кортесъ посовѣтовался съ своими офицерами и рѣшился овладѣть царемъ, пошелъ съ отрядомъ солдатъ въ его дворецъ, попросилъ свиданія. Монтезума тотчасъ прислалъ сказать, что проситъ Кортеса къ себѣ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ Монтезумой, Кортесъ потребовалъ, чтобы царь шелъ съ нимъ въ старый дворецъ присутствовать при допросѣ правителя, сдѣлавшаго нападеніе на Веракрусъ. Монтезума отказался идти, хотя Кортесъ увѣрялъ его, что будетъ поступать съ нимъ почтительно. Веласкесъ де Леонъ, человѣкъ вспыльчиваго характера,

сталъ говорить угрожающимъ тономъ; Монтезума испугался и согласился исполнить требованіе исцанцевъ,—но, чтобы не унизить своего достоинства передъ народомъ и вельможами, показалъ видъ, будто отправляется съ испанцами добровольно въ старый дворецъ. Онъ сѣлъ на носилки; вельможи по обыкновенію понесли его. Испанцы помѣстили его въ одной изъ великолѣпнѣйшихъ комнатъ своего дворца, обращались съ нимъ почтительно, оставили при немъ вельможъ и прислугу по его собственному выбору, дозволяли всѣмъ подданнымъ приходить къ царю. По наружности могло казаться, что Монтезума остается повелителемъ государства, что испанцы только тѣлохранители его. Но всѣ ацтеки понимали, что ихъ царь находится въ плѣну. Касикъ, сдѣлавшій вѣроломное нападеніе на Веракрусъ, сынъ его и пятнадцать его помощниковъ были приведены скованные въ Мехику; касикъ на допросѣ показалъ, что сдѣлалъ нападеніе по приказанію Монтезумы. Испанцы приговорили его и другихъ арестованныхъ къ сожженію. На дворѣ стараго дворца былъ сложенъ костеръ изъ ацтекскихъ стрѣлъ, дротиковъ и другого оружія; когда взвели осужденныхъ на костеръ, Кортесъ вошелъ въ комнату Монтезумы, велѣлъ слугѣ, принесшему цѣпи, надѣть ихъ на руки и на ноги царю и ушелъ изъ комнаты. По сожженіи приговоренныхъ къ смерти, Кортесъ снова пришелъ къ Монтезумѣ, снялъ съ него цѣпи, сказалъ, что очень жалѣетъ о необходимости, заставившей его подвергнуть Монтезуму наказанію, но что таковъ испанскій законъ. Испанцы говорятъ, что послѣ этого Кортесъ предложилъ Монтезумѣ свободно возвратиться въ его дворецъ, но что Монтезума добровольно остался во дворцѣ у испанцевъ, потому что стыдился показываться народу послѣ униженія, которому подвергся.

Монтезума признаетъ себя вассаломъ короля испанскаго.

На мѣсто Эскаланте Кортесъ назначилъ комендантомъ въ Веракрусъ храбраго рыцаря Алонсо Сандоваля и сталъ принимать мѣры къ установленію испанскаго владычества надъ мехиканскимъ царствомъ. Ему помогалъ въ этомъ самъ Монтезума, продолжавшій держать себя относительно своего народа, какъ повелитель, но безусловно повиновавшійся Кортесу, который обращался съ нимъ почтительно и, какъ говорятъ испанцы, пріобрѣлъ этимъ его расположеніе. Какама, владѣтель тескукской области, племянникъ Монтезумы, составилъ съ другими родственниками и князьями замыселъ прогнать испанцевъ; Монтезума велѣлъ своимъ тайнымъ приверженцамъ схватить Какаму и отдать его Кортесу, который заковалъ его въ цѣпи. На его мѣсто Монтезума назначилъ младшаго брата его. Кортесъ сказалъ Монтезумѣ, что хочетъ основать въ Мехиканскомъ царствѣ нѣсколько испанскихъ поселеній. Царь велѣлъ правителямъ области помогать испанцамъ, отправленнымъ выбирать мѣста для укрѣпленій. Кортесъ потребовалъ, чтобы Монтезума торжественно призналъ испанскаго короля своимъ государемъ; царь собралъ касиковъ и велѣлъ имъ подобно ему, признать своимъ повелителемъ государя бѣлыхъ людей, пришедшихъ къ нимъ, повиноваться и платить дань этому государю, потому что онъ тотъ владыка, который по древнимъ пророчествамъ долженъ господствовать надъ ними. Всѣ касики дали присягу на вѣрность государю бѣлыхъ людей. Это была, по словамъ Верналя Діаса, такая умилительная сцена, что всѣ плакали. Кортесъ и Монтезума велѣли собирать по всему царству дань для новаго государя. Въ Мехику были собраны громадныя массы золота, серебра, дорогихъ камней, жемчуга, драгоцѣнныхъ одеждъ; Монтезума присоединилъ къ нимъ несмѣтныя сокровища, собранныя его отцомъ и хранившіяся въ кладовой стараго дворца, двери которой были заложены. Испанцы отдѣлили по закону пятую часть своей добычи на долю короля; остальное раздѣлили между собой. Кортесу и правителю Кубы назначили они очень большія доли; офицерамъ было дано больше, чѣмъ простымъ солдатамъ; это неравенство возбудило много ропота; и только благодаря уму Кортеса, дѣло не дошло до ссоры. Мехиканцы, по примѣру своего царя, повиновались бѣлымъ людямъ; но стали выказывать озлобленіе, когда Кортесъ, негодуя на то, что продолжается принесеніе людей въ жертву, сталъ уничтожать идолопоклонство; онъ началъ это тѣмъ, что выпросилъ у царя позволеніе совершать христіанское богослуженіе въ одной изъ священныхъ башень главнаго теокалли; когда испанцы очистили эту постройку отъ идоловъ, и Ольмедо, освятивъ ее, сталъ служить литургію у новаго престола передъ образомъ Богоматери, жрецы и народъ выказали большую досаду. Кортесъ видѣлъ надобность имѣть корабли на случай опасности, велѣлъ строить ихъ на морскомъ берегу. Ацтекскіе мастеровые, по приказанію Монтезумы, помогали испанцамъ въ этой работѣ.

Пріѣздъ Нарваэса.

Но возникла для Кортеса иная опасность. Веласкесъ узналъ о самовольномъ походѣ Кортеса и о посольствѣ, которое отправилъ онъ въ Испанію, объявилъ его ослушникомъ, измѣнникомъ и сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ отнять у него славу и выгоду. Президентъ комитета индійскихъ дѣлъ въ Испаніи Фонсека, другъ Веласкеса, затруднялъ исполненіе просьбы Кортеса объ утвержденіи его въ должности правителя Мехики, а Веласкесъ снарядилъ экспедицію для отнятія власти у Кортеса и покоренія Мехики. Слухи о богатствѣ этой страны привлекли къ участію въ новой экспедиціи много смѣлыхъ и жадныхъ людей. Эскадра состояла изъ 18 кораблей; на нихъ поплыли 900 человѣкъ, въ томъ числѣ 80 всадниковъ. Веласкесъ сначала думалъ самъ начальствовать этой экспедиціей, но разсудилъ, что походъ будетъ очень труденъ, и поручилъ начальство своему родственнику Панфило Нарваэсу, на преданность котораго вполнѣ полагался. Правитель Эспаньолы чорицалъ намѣреніе Веласкеса отнять власть у Кортеса, который велъ дѣло очень успѣшно; но этотъ

протестъ остался напраснымъ. Эскадра Нарваэса поплыла путемъ прежнихъ экспедицій вдоль береговъ Юкатана и 23 апрѣля 1521 бросила якорь близъ того мѣста, гдѣ стоитъ нынѣшній городъ Веракрусъ. Невдалекѣ отъ укрѣпленія, называвшагося тогда этимъ именемъ, Нарваэсъ сталъ строить новое укрѣпленіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній городъ, и отправилъ къ Сандовалю пословъ съ требованіемъ повиновенія. Сандоваль велѣлъ связать ихъ и отправилъ въ Мехику. Кортесъ принялъ ихъ любезно и съумѣлъ расположить въ свою пользу, говорилъ имъ, какъ выгодно единодушіе и какъ опасно будетъ, если туземцы замѣтятъ, что бѣлые люди ссорятся между собой, объявилъ, что готовъ подчиниться Нарваэсу, если должность поручена ему королемъ, далъ посламъ богатые подарки и, отпуская ихъ, отправилъ вмѣстѣ съ ними священника Ольмедо, давъ ему много золота для подкупа войска Нарваэса. Межъ тѣмъ какъ Нарваэсъ, человѣкъ горячаго характера, ругалъ мятежника Кортеса, Ольмедо подарками и любезностями склонялъ офицеровъ и солдатъ на его сторону.

Побѣда Кортеса. Май 1520.

Узнавъ отъ Ольмедо объ успѣхѣ подкупа, Кортесъ отобралъ людей, на которыхъ могъ положиться, и пошелъ къ морю, оставивъ большинство своего войска подъ начальствомъ Педро Альварадо стеречь Монтезуму. Пришедши къ морю и призвавъ къ себѣ Сандоваля и Леона Веласкеса, онъ имѣлъ въ своемъ отрядѣ 300 человѣкъ. Въ бурную ночь онъ перешелъ близъ Земпоаллы высоко поднявшуюся отъ дождей горную рѣчку и неожиданно напалъ на непріятеля, беззаботно стоявшаго въ Земпоаллѣ. Нарваэсъ ушелъ на теокалли; Сандоваль взошелъ туда, ранилъ его и взялъ въ плѣнъ; Кортесъ велѣлъ плѣннаго соперника заковать въ цѣпи, захватилъ непріятельскія пушки и повернулъ ихъ противъ его войска. Оно состояло изъ авантюристовъ, отправившихся въ Мехику только за добычей, не имѣвшихъ расположенія къ своему начальнику.—Кортесъ велѣлъ своимъ солдатамъ надѣть золотыя цѣпи и другія драгоцѣнности; солдаты Нарваэса обольстились надеждой пріобрѣсти такія же богатства; Кортесъ приблизился къ нимъ, предложилъ имъ участіе въ славѣ и добычѣ, и они признали его своимъ главнокомандующимъ. Тѣхъ, которые еще оставались нерасположены къ нему, онъ примирилъ съ собой подарками и любезностями.

c) ВОЗСТАНІЕ ВЪ МЕХИКѢ. ОТСТУПЛЕНІЕ КОРТЕСА.

Возвращеніе въ Мехику.

Счастьемъ для испанцевъ было то, что они примирились такъ быстро; если бы ссора затянулась, они всѣ погибли бы. Скоро послѣ побѣды Кортесъ получилъ отъ Альварадо извѣстіе, что мехиканцы возстали. Оставивъ небольшой отрядъ въ Веракрусѣ, велѣвъ снять такелажъ съ кораблей и перенести на берегъ, Кортесъ пошелъ черезъ Тласкалу въ сѣверо-восточномъ направленіи къ Мехикѣ подавить возстаніе. По пути онъ видѣлъ, что ацтекское населеніе стало враждебно бѣлымъ людямъ; они съ трудомъ получали продовольствіе. Пришедши въ Мехику, Кортесъ увидѣлъ, что улицы пустынны. Безъ сопротивленія прошелъ онъ въ старый дворецъ къ остававшемуся въ немъ гарнизону и услышалъ о причинѣ возстанія.

Убійство во время праздника.

Въ маѣ мехиканцы праздновали свое главное религіозное торжество; это былъ праздникъ въ честь Бога войны, Гуицилопочтли; вельможи съ семействами приносили жертвы богу, пѣли и плясали. Альварадо услышалъ, что мехиканцы въ этотъ праздникъ хотятъ освободить Монтезуму и напасть на испанцевъ. Человѣкъ горячій, онъ повѣрилъ этому извѣщенію и рѣшился поступить въ Мехикѣ, какъ поступилъ Кортесъ въ Чолулѣ. Когда вельможи собрались въ главный мрамъ, Альварадо велѣлъ солдатамъ броситься на нихъ и убивать ихъ. Они были безоружны; кровь текла ручьями по помосту храма. Находившіеся въ оградѣ храма мехиканцы были убиты всѣ до одного. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли существовалъ заговоръ, или доносъ о немъ былъ не основателенъ. Очень вѣроятно, что главнымъ побужденіемъ перерѣзать вельможъ была алчность; они богато нарядились на праздникъ, испанцы взяли съ убитыхъ очень много золота. Не было между ацтеками знатной фамиліи, изъ которой не погибъ бы кто нибудь на этомъ праздникѣ. Ацтеки долго пѣли пѣсни о коварномъ убійствѣ своихъ вельможъ. Они были раздражены, рѣшились мстить испанцамъ, напали на старый дворецъ; но Монтезума, для спасенія своей жизни, сказалъ имъ, что они должны прекратить приступъ, и они замѣнили нападенія блокадой, надѣясь, что голодъ принудитъ испанцевъ сдаться. Въ это время пришелъ Кортесъ. Онъ сильно порицалъ Альварадо за безразсудный поступокъ, но не захотѣлъ возбуждать ропотъ войска наказаніемъ храбраго офицера, котораго любилъ. Притомъ наказаніе и не повело бы ни къ чему, потому что ацтеки не хотѣли слышать о примиреніи. Кортесъ предполагалъ, что Монтезума возбуждалъ своихъ подданныхъ къ возстанію и на привѣтливыя слова царя отвѣчалъ сурово.

Осада испанцевъ въ старомъ дворцѣ.

У Кортеса было теперь 1.200 испанцевъ и многочисленное войско тласкальцевъ. Испанцы размѣстились всѣ въ обширномъ одноэтажномъ дворцѣ, тласкальцы—отчасти въ немъ, отчасти подъ навѣсами на дворѣ, окруженномъ стѣною. Ацтеки мужественно напали на испанцевъ, старались взлѣзть на стѣну, пускали градъ стрѣлъ и камней съ плоскихъ кровель сосѣднихъ домовъ. Испанцы были защищены отъ этихъ ударовъ латами и камзолами на толстой ватной подкладкѣ, но все-таки многіе получили тяжелыя раны. Пушки и ружья испанцевъ истребляли ацтековъ массами; мѣста убитыхъ занимали другіе; по грудамъ тѣлъ они подымались, чтобы перелѣзть черезъ стѣну;

но какъ показывались надъ ней, испанцы и тласкальцы убивали ихъ; они старались зажечь дворецъ стрѣлами съ огнемъ и головнями. На ночь они прекратили нападеніе, съ разсвѣтомъ возобновили его. Конница испанцевъ сдѣлала вылазку, прогнала азтековъ отъ дворца, зажгла сосѣдніе дома, съ которыхъ стрѣляли они. Но ушедши вечеромъ во дворецъ, испанцы слышали крики азтековъ, что Гуицилопочтли скоро получитъ жертвы, которыхъ желаетъ, что ножи уже отточены. Осаждающими начальствовалъ братъ Монтезумы Критлагуакъ, считавшійся наслѣдникомъ престола.

Рана Монтезумы.

Опасность принудила Кортеса обратиться къ помощи Монтезумы; онъ убѣдилъ своего плѣнника требовать у азтековъ прекращенія войны, обѣщавшись ему, что испанцы уйдутъ изъ Мехики, если имъ данъ будетъ свободный пропускъ. Монтезума въ сопровожденіи испанскихъ офицеровъ взошелъ на надстройку, находившуюся надъ срединой зданія. Азтеки сначала слушали рѣчь царя почтительно, но когда онъ сказалъ, что остается у испанцевъ по доброй волѣ, что они его друзья, поднялся ропотъ, камни и стрѣлы полетѣли въ Монтезуму, и прежде чѣмъ испанцы успѣли закрыть его щитами, онъ упалъ раненный. Азтеки въ ужасѣ разбѣжались; площадь передъ дворцомъ осталась пуста. Монтезуму отнесли въ его комнаты; но жизнь перестала быть мила ему. Напрасно Кортесъ утѣшалъ, успокоивалъ его; онъ молча сидѣлъ, опустивъ глаза, отвергалъ медицинскія пособія, срывалъ перевязку съ раны. Видно было, что онъ хочетъ умереть; силы его падали.

Нападеніе испанцевъ на теокалли.

Рядомъ съ дворцомъ стоялъ теокалли, широкое и высокое пирамидальное зданіе; съ верхней площади его азтеки пускали въ осажденныхъ стрѣлы и дротики, дѣлавшіе имъ много вреда. Эсковаръ съ отрядомъ изъ 100 человѣкъ пытался овладѣть этимъ зданіемъ, но азтеки три раза отражали его атаку. Кортесъ, хотя былъ раненъ въ руку, пошелъ самъ съ храбрѣйшими воинами взять этотъ храмъ. Широкія лѣстницы ярусовъ теокалли были полны воиновъ, бросавшихъ сверху на испанцевъ дротики, стрѣлы, головни; но Кортесъ взошелъ до верхней площади; бой на ней былъ отчаянный. Она не имѣла балюстрады; испанцы и азтеки, тѣсня одни другихъ къ окраинамъ, падали внизъ. Два сильные азтека схватили Кортеса, чтобы сбросить его; но онъ былъ сильнѣе ихъ, вырвался, самъ сбросилъ одного изъ нихъ. Наконецъ всѣ азтеки были перебиты. Испанцы сбросили идолъ Гуицилопочтли и зажгли святилища, стоявшія на верхней площади. Но побѣда была куплена дорого: 45 испанцевъ были убиты, почти всѣ остальные ранены. Въ слѣдующую ночь испанцы сожгли 300 домовъ. Но мужество мехиканцевъ оставалось непоколебимо. Кортесъ хотѣлъ помириться съ ними. Съ той надстройки, съ которой говорилъ Монтезума, Кортесъ предложилъ имъ прощеніе, если они покорятся, грозилъ обратить весь городъ въ развалины, не

Усиленіе возстанія. Смерть Монтезумы.

оставить ни одного живого человѣка въ немъ, если они не прекратятъ нападеній; они отвѣчали, что онъ и всѣ воины его погибнутъ, не уйдетъ ни одинъ, потому что мосты сломаны. Война продолжалась. Солдаты Нарваэса роптали, нашедши опасности и лишенія вмѣсто богатства. Порохъ и запасы продовольствія истощались; число испанцевъ съ каждымъ днемъ уменьшалось отъ сраженій и болѣзней, а у азтековъ погибшіе воины замѣнялись новыми. Монтезума умеръ, отказавшись измѣнить вѣрѣ предковъ.

Печальная ночь.

Смерть Монтезумы отняла у Кортеса всякую надежду на миръ съ мехиканцами; онъ видѣлъ, что не можетъ побѣдить ихъ, потому рѣшился уйдти. Путемъ отступленія была выбрана та изъ плотинъ, которая была короче другихъ, а временемъ его ночь 1 іюля. Испанцы надѣялись уйдти не замѣченными, но ошиблись и подверглись такому бѣдствію, что за этой ночью осталось названіе «печальная». Тлакопанская плотина, по которой пошли они, была перерѣзана тремя каналами; мосты черезъ нихъ были разрушены. Испанцы взяли съ собой переносный мостъ, но когда положили его черезъ первый каналъ, онъ вдавился въ землю и камень плотины такъ, что нельзя было поднять его. Азтеки знали объ отступленіи испанцевъ, заняли плотину, стрѣляли съ лодокъ въ отступающихъ. Много испанцевъ погибло отъ стрѣлъ и камней или утонуло. Нѣкоторые были взяты въ плѣнъ и отведены для принесенія въ жертву богамъ. Кортесъ и его помощники выказывали изумительное геройство. Не имѣя моста для перехода черезъ второй и третій прорѣзы плотины, они заваливали ихъ своимъ багажемъ, тѣлами убитыхъ; нѣкоторые переплывали черезъ нихъ. Альварадо, опершись на копье, перепрыгнулъ черезъ каналъ; ширина была такъ велика, что у спутниковъ Кортеса навсегда сохранилось воспоминаніе объ этомъ невѣроятномъ прыжкѣ, и въ Мехикѣ до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ былъ сдѣланъ онъ. Потерявъ очень много товарищей, израненные, изнуренные испанцы вышли на берегъ, добрались до храма, стоявшаго на холмѣ, и остановились отдохнуть тутъ. Когда Кортесъ сдѣлалъ смотръ уцѣлѣвшихъ и увидѣлъ, сколькихъ друзей нѣтъ въ ихъ рядахъ, у него навернулись слезы. Въ «печальную ночь» погибло 450 испанцевъ. Но уцѣлѣли главные помощники Кортеса: Альварадо, Сандоваль, Олидъ, Ортасъ, Авила и корабельный строитель Лопесъ. Уцѣлѣла и Марина, ввѣренная охранѣ тласкальцевъ. Изъ солдатъ Нарваэса спаслись лишь немногіе: они, наперекоръ совѣту Кортеса, взяли съ собою слишкомъ много золота и почти всѣ утонули отъ его тяжести. Не осталось ни одной пушки, ни одного ружья, потому что солдаты бросили на плотинѣ все тяжелое, мѣшавшее идти.

Отомпанская битва.

Кортесъ не могъ дать продолжительнаго отдыха утомленнымъ: надобно было уходить отъ погони. Въ полночь испанцы выступили въ походъ; онъ длился семь дней, былъ чрезвычайно изнурителенъ; до-

шедши 8 іюля до Отомпанскаго холма, испанцы увидѣли, что долина, отдѣляющая ихъ отъ Тласкалы, занята огромнымъ войскомъ тескукскихъ ацтековъ. Кортесъ поблѣднѣлъ, но скоро овладѣлъ собой, поставилъ испанцевъ и шедшихъ съ ними тласкальцевъ въ боевой строй. Испанцы бросились на врага съ мужествомъ отчаянія, разорвали его ряды, всадники топтали безпорядочную массу; но она была слишкомъ велика; бой длился нѣсколько часовъ; испанцы начинали изнемогать, а у ацтековъ вступали въ битву все новые и новые отряды. Кортесъ, получившій двѣ раны, увидѣлъ окруженнаго вельможами главнокомандующаго. Онъ сидѣлъ на носилкахъ и отдавалъ приказанія. Кортесъ, взявъ четырехъ храбрѣйшихъ рыцарей, поскакалъ къ носилкамъ и пронзилъ ацтекскаго главнокомандующаго копьемъ. Одинъ изъ сопровождавшихъ Кортеса рыцарей овладѣлъ ацтекскимъ знаменемъ. Непріятели оробѣли, обратились въ бѣгство. Испанцы истребили множество ихъ, взяли на полѣ сраженія богатую добычу и пошли на ночь въ ацтекскій храмъ, стоявшій на высокомъ мѣстѣ.

Кортесъ въ Тласкалѣ.

На слѣдующее утро испанцы пошли на Тласкалу, неувѣренные въ томъ, осталась ли она вѣрна союзу, но были встрѣчены гостепріимно. Махихка, одинъ изъ четырехъ князей тласкальской конфедераціи, заботливо ухаживалъ за раненнымъ Кортесомъ. Благодаря тому, онъ скоро оправился и занялся мыслями о возвращеніи въ Мехику. Но прежде чѣмъ идти туда, онъ долженъ былъ одолѣть много препятствій похода. Большинство новыхъ солдатъ его и нѣкоторые изъ прежнихъ потеряли надежду покорить мехиканское царство, требовали отступленія въ Веракрусъ, съ тайной мыслью возвратиться въ Кубу. Отклонивъ ихъ отъ этого намѣренія, Кортесъ увидѣлъ себя въ опасности лишиться помощи тласкальцевъ. Новый царь мехиканскій, братъ Монтезумы, Куитлагуакъ, непримиримый врагъ бѣлыхъ, предложилъ тласкальцамъ миръ и союзъ. Хикотенкатль, полководецъ, храбро сражавшійся съ испанцами, совѣтовалъ тласкальскому правительству соединиться съ единоплеменниками противъ иноземцевъ; молодые воины поддерживали его. Но пожилые правители государства, въ особенности Махихка и старикъ-отецъ Хикотенкатля, предостерегали свой народъ отъ коварства ацтековъ, которые, побѣдивъ при ихъ помощи испанцевъ, нападутъ на нихъ. Тласкальцы нашли, что должны остаться вѣрны союзу съ бѣлыми. Хикотенкатль покорился необходимости, но оставался въ душѣ врагомъ испанцевъ и впослѣдствіи, увлекшись этимъ чувствомъ, былъ наказанъ смертью. Махихка крестился, его примѣру послѣдовали многіе тласкальцы.

d) ЗАВОЕВАНІЕ МЕХИКИ.

Волшебный ореолъ, которымъ были сначала окружены бѣлые люди, разсѣялся и пересталъ охранять ихъ. Мелкіе отряды испанцевъ, не-

осторожно ходившіе вдаль отъ главныхъ силъ, подвергались неожиданнымъ нападеніямъ и нерѣдко погибали. Тепеакцы, сосѣды тласкальцевъ, истребили нѣсколько человѣкъ испанцевъ. Кортесъ разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ, обратилъ въ рабство, заклеймилъ, чтобы можно было узнавать тѣхъ, которые убѣгутъ. Эта суровость запугала другія племена той области, а дружба тласкальцевъ съ испанцами показывала имъ, что Кортесъ милостивъ. Многія племена, покоренныя ацтеками, заключили союзъ съ испанцами, чтобъ освободиться отъ порабощителей. Кортесъ помогалъ имъ прогонять ацтекскіе гарнизоны изъ ихъ городовъ; этимъ онъ ослаблялъ ацтековъ и увеличивалъ свои военныя силы. Уронъ, который потерпѣли испанцы въ Мехикѣ, пополнялся: слухъ о богатой добычѣ привлекалъ авантюристовъ съ Кубы, Эспаньіолы въ войско Кортеса. Онъ получалъ не только воиновъ, но и оружіе, порохъ. Такимъ образомъ онъ нашелъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ идти на покореніе Мехики.

Второй походъ въ Мехику.

Планъ второго похода въ Мехику показываетъ всю геніальность Кортеса. Корабельный мастеръ Лопесъ построилъ изъ перенесеннаго на берегъ матеріала нѣсколько кораблей; они были разобраны на части и перенесены туземцами черезъ горы къ Мехиканскому озеру, чтобы сложить ихъ тамъ и спустить въ воду. Это было повтореніе того, что сдѣлалъ Вальвоа на Даріэнскомъ перешейкѣ. Пока шла постройка и переноска кораблей, Кортесъ покорялъ города, стоящіе около озера, чтобъ отнять у столицы всякую поддержку. Все это было исполнено такъ, что трудно сказать, чему больше надобно дивиться, отвагѣ и стратегическимъ талантамъ алчныхъ завоевателей, или геройству, съ какимъ бился за свою независимость народъ, почти беззащитный противъ ихъ искусства и оружія. Съ 600 испанцевъ и огромнымъ числомъ тласкальцевъ и другихъ союзниковъ Кортесъ перешелъ горы и направился къ Тескуко, богатой столицѣ акольгуанцевъ. Ацтекскій владѣтель и многіе жители Тескуко бѣжали въ Мехику; Кортесъ безъ труда овладѣлъ городомъ и далъ должность правителя брату бѣжавшаго князя Изтлильпочитлю, постоянно бывшему другомъ испанцевъ, а теперь принявшему крещеніе. Сосѣдніе касики отложились отъ мехиканскаго царя, отдались подъ власть короля испанскаго. Въ Мехикѣ, послѣ отступленія Кортеса, произошли важныя перемѣны. Братъ Монтезумы Куитлагуакъ умеръ отъ оспы, занесенной въ Америку испанцами и истреблявшей массы туземцевъ. Царемъ былъ выбранъ племянникъ его и Монтезумы, женатый на дочери Монтезумы, Гуатимозинъ, храбрый молодой человѣкъ, непримиримый врагъ бѣлыхъ. Мужество новаго царя ободрило ацтековъ и сдѣлало борьбу съ ними очень тяжелой для испанцевъ.

Кортесъ взялъ штурмомъ и отдалъ на разграбленіе богатый, окруженный роскошными садами и рощами, городъ Титапалапанъ, жители котораго

Покореніе городовъ кругомъ Мехиканскаго озера. Весна 1521.

очень много вредили испанцамъ при отступленіи изъ Мехики. Они теперь, при нападеніи испанцевъ, прорѣзали плотины; наводненіе едва не уничтожило все испанское войско. Добыча была потеряна, порохъ испортился. Кортесъ пошелъ къ Чальтокану, стоявшему на островѣ сѣвернаго края озера. Туземецъ показалъ испанцамъ бродъ черезъ проливъ. Жители покинули городъ, испанцы разграбили и сожгли его. Той же судьбѣ подвергся Тлакопанъ, жители котораго тоже нападали на испанцевъ при отступленіи изъ Мехики. Ацтекскіе отряды дрались съ испанцами очень храбро, и только лошади пугали ихъ. Городъ Чалько, стоявшій на пути изъ Тласкалы въ Мехику, отложился отъ ацтекскаго царя и просилъ защиты отъ него у испанцевъ. Кортесъ послалъ туда Сандоваля; онъ разбилъ ацтековъ у подошвы Попокатепетля. Кортесъ въ апрѣлѣ подступилъ къ Куэрнавакѣ. Передъ городомъ текла въ глубокомъ ущельѣ рѣчка, мосты черезъ которую жители сломали. Нѣсколько человѣкъ испанцевъ перелѣзли черезъ ущелье по вѣтвямъ двухъ гигантскихъ деревьевъ; жители бѣжали, городъ былъ сожженъ. При нападеніи на городъ Хочимилько Кортесъ, забывъ осторожность, былъ схваченъ врагами и едва спасенъ друзьями отъ плѣна и смерти на жертвенникѣ боговъ. Взявъ этотъ городъ, испанцы сожгли его; зарево было видно въ Мехикѣ. Подступивъ къ столицѣ ацтековъ, Кортесъ нѣсколько разъ предлагалъ жителямъ ея сдаться; ему не хотѣлось разрушать этотъ великолѣпный городъ; но они не хотѣли покориться. Весною одинъ отрядъ подъ начальствомъ Альварадо сталъ ходить на приступы къ плотинамъ изъ Тлакопана, другой отрядъ подъ начальствомъ Олида—изъ Кохоуакана; они перерѣзали трубы, по которымъ текла въ Мехику прѣсная вода, и овладѣли плотиной этого водопровода. Тринадцать кораблей, спущенныхъ на озеро, блокировали городъ, а Сандоваль занялъ сѣверный входъ на тепехакакскую плотину. Началась осада города.

Осада Мехики.

Передъ началомъ ея Кортесъ былъ встревоженъ открытіемъ заговора въ испанскомъ войскѣ. Антоніо Вильяфанья, одинъ изъ бывшихъ солдатъ Нарваэса, составилъ съ нѣсколькими другими недовольными умыселъ убить главнокомандующаго и его важнѣйшихъ помощниковъ Сандоваля, Олида, Альварадо. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ раскаялись и открыли все Кортесу. Онъ арестовалъ Вильяфанью, предалъ его суду, казнилъ, но оставилъ въ покоѣ всѣхъ его соумышленниковъ, чтобы не возбуждать неудовольствія въ ихъ многочисленныхъ друзьяхъ. Осада началась 28 апрѣля. Число испанцевъ было 87 всадниковъ и 818 пѣшихъ воиновъ. Войско союзниковъ было очень многочисленно. Кортесъ поставилъ по отряду у каждой плотины; испанцы стали подниматься по нимъ. Ихъ корабли скоро потопили или прогнали безчисленные челноки мехиканцевъ. Ацтеки очень упорно нападали на осаждающихъ; но пушки, ружья и самострѣлы испанцевъ отгоняли ихъ. Испанцы скоро овладѣли южной и западной плотинами; черезъ нѣсколько времени Сандоваль овладѣлъ сѣверной. Городъ былъ теперь отрѣзанъ отъ всякихъ сообщеній, и Кортесъ началъ штурмовать его. Испанцы мало по малу дошли до большой площади, ворвались въ ограду теокалли, взошли на него, сбросили жрецовъ и идолы. Ацтеки собрали всѣ свои силы, напали на испанцевъ съ такой яростью, что истребили бъ отрядъ, взявшій

теокалли, если бы не примчалась на помощь ему конница. При второмъ штурмѣ Кортесъ разрушилъ и сжегъ старый дворецъ, въ которомъ жили прежде испанцы, сжегъ многія другія великолѣпныя зданія. Ацтеки прогнали изъ города тласкальцевъ и тескукцевъ, съ особеннымъ ожесточеніемъ занимавшихся разрушеніемъ. Отчаяніе придавало осажденнымъ новыя силы. Гуатимозинъ дѣйствовалъ искусно; испанцы терпѣли большія потери; но въ городъ не было подвоза пищи, ацтеки стали изнемогать отъ голода.

Неудача испанцевъ.

Испанцы подверглись тяжелой неудачѣ при новомъ штурмѣ. Ацтеки отступали, заманивая ихъ въ средину города; вдругъ зазвучала съ сосѣдняго теокалли труба Гуатимозина; густыя толпы ацтековъ бросались на испанцевъ, опрокинули ихъ, взяли двѣ пушки, убили семь лошадей, относили головы убитыхъ испанцевъ къ ногамъ Гуатимозина. Кортесъ старался возстановить порядокъ въ своемъ войскѣ; на него напали шесть сильныхъ ацтековъ, потащили его на лодку; раненный въ ногу, онъ былъ бы увезенъ въ жертву богамъ, если бы не освободилъ его Кристоваль Олеа, пожертвовавъ за него своей жизнью. Пажъ подвелъ ему лошадь; онъ выбился изъ толпы враговъ, собралъ въ боевой порядокъ своихъ воиновъ, и они отступили стройными рядами. Кромѣ убитыхъ погибли 62 испанца, взятые въ плѣнъ: ихъ отвели на большой теокалли. Уцѣлѣвшіе испанцы видѣли, какъ зарѣзываютъ ихъ тамъ.

Принесеніе плѣнныхъ испанцевъ въ жертву.

Головы плѣнныхъ испанцевъ были украшены вѣнками изъ перьевъ, въ руки имъ дали опахала; ихъ гнали впередъ ударами, принудили ихъ плясать въ честь бога войны; потомъ сорвали съ нихъ жертвенный уборъ, клали одного за другимъ спиной на жертвенный камень, имѣвшій по срединѣ выпуклость, на которой приподнималась грудь, чтобы жрецу удобнѣе было разрѣзать ее; онъ обсидіановымъ ножемъ дѣлалъ разрѣзъ между реберъ, всовывалъ въ него руку, вырывалъ сердце, и оно, еще трепещущее, было относимо въ золотой курильницѣ къ идолу бога войны; тѣло сбрасывали съ крутой лѣстницы; ацтеки, стоявшіе внизу, брали тѣла и готовили изъ нихъ кушанье для пира своего каннибальскаго праздника. Большинство союзниковъ ушло отъ испанцевъ, но черезъ нѣсколько времени возвратилось.

Завоеваніе города. Августъ 1521.

Побѣда ацтековъ отсрочила ихъ погибель лишь на короткое время. Кортесъ велѣлъ ломать дома, чтобъ имѣть матеріалъ, которымъ бы завалить прорѣзы плотинъ и каналы предмѣстій; заваливъ ихъ, онъ возобновилъ нападеніе со всѣхъ сторонъ. Ему хотѣлось, чтобы городъ уцѣлѣлъ, но ацтеки отвергали его требованіе, чтобъ они покорились. Они страшно страдали отъ голода и болѣзней; не успѣвали хоронить умершихъ; трупы массами лежали на дворахъ и по улицамъ; оставшіеся въ живыхъ исхудали какъ скелеты, но оставались непоколебимы въ рѣшимости обороняться. Испанцы подвигались впередъ. Кортесъ писалъ королю, что на улицахъ не было мѣста, куда

бы поставить ногу, не наступая на тѣло ацтека. Штурмующіе сожгли дворецъ Гуатимозина. Альварадо взялъ и сжегъ главный теокалли, въ которомъ еще нашелъ остатки каннибальскаго пира. Семь восьмыхъ частей города уже были взяты испанцами, но изнемогающіе отъ голода ацтеки все еще оборонялись. Гуатимозинъ отказывался вступить въ переговоры, предлагаемые ему Кортесомъ, и 13 августа испанцы пошли на послѣдній штурмъ. Туземные союзники ихъ убивали побѣжденныхъ, не слушая приказаній Кортеса щадить несчастныхъ. Гуатимозинъ хотѣлъ сѣсть на лодку и уплыть, но былъ схваченъ и приведенъ къ Кортесу, который велѣлъ обращаться почтительно съ нимъ и его женой, дочерью Монтезумы. Изъ всего населенія столицы уцѣлѣло лишь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Кортесъ дозволилъ имъ уйдти изъ города.

Добыча была гораздо менѣе богата, чѣмъ ожидали испанцы. Солдаты роптали, говорили, что Гуатимозинъ зарылъ или бросилъ въ озеро свои сокровища, требовали, чтобы Кортесъ заставилъ его сказать, гдѣ они. Кортесъ былъ принужденъ согласиться на то, чтобы Гуатимозинъ и одинъ изъ касиковъ были подвергнуты пыткѣ; но она осталась безполезна.

е) послѣдніе годы жизни кортеса.

Назначеніе Кортеса вице-королемъ Новой Испаніи.

Завоеваніемъ столицы ацтекскаго царства было лишь на половину исполнено дѣло, которое хотѣлъ совершить Кортесъ: онъ поставилъ себѣ цѣлью покорить все царство ацтековъ королю испанскому, ввести новый порядокъ въ покоренной странѣ, обратить ея жителей въ христіанство. Но его собственная власть еще не имѣла законнаго утвержденія. Веласкесъ и Фонсека интриговали противъ него; по ихъ внушеніямъ, Адріанъ, епископъ утрехтскій, бывшій воспитателемъ Карла и сдѣлавшійся вліятельнымъ совѣтникомъ его, склонилъ короля отправить уполномоченнымъ въ Новую Испанію Кристоваля Тавію. Но Кортесъ держалъ себя такъ, что этотъ слабый и алчный человѣкъ скоро уѣхалъ изъ Мехики. Онъ и Нарваэсъ, отпущенный Кортесомъ изъ-подъ стражи, поѣхали въ Испанію и поддерживали клеветы Веласкеса и Фонсеки. Но Кортесъ отправилъ пословъ съ письмами и подарками королю. Карлъ назначилъ коммиссію для изслѣдованія дѣла. Она убѣдилась, что Кортесъ оказалъ великія услуги королю, что Веласкесъ и Фонсека враждуютъ противъ него по личнымъ мотивамъ, и въ октябрѣ 1522 г. король назначилъ Кортеса правителемъ Новой Испаніи. Фонсека и Веласкесъ были раздражены неудачей своихъ интригъ, и злоба ускорила, какъ говорила молва, ихъ смерть (они оба умерли вскорѣ послѣ назначенія Кортеса правителемъ).

Правленіе Кортеса.

Кортесъ старался по возможности исцѣлить раны, нанесенныя странѣ войной, заботился о возстановленіи разрушенной столицы,

о развитіи земледѣлія, о распространеніи христіанства. Царь Мичоакана, сильнаго государства между Мехиканской равниной и Тихимъ океаномъ, призналъ надъ собой власть испанскаго короля; его примѣру послѣдовали цари другихъ государствъ той части Америки. Чтобъ упрочить испанское владычество, Кортесъ основывалъ города по приморью и внутри страны. Онъ началъ разработку богатыхъ рудниковъ юго-восточнаго склона Кордильеровъ въ Оахакѣ.

Экспедиція Кортеса въ Гондурасъ. Смерть Гуатимозина 1524.

Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ отправлялъ экспедиціи для открытій; нѣкоторыя предпринималъ самъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе, что между Сѣверной и Южной Америкой находится проливъ, соединяющій океаны, и велѣлъ изслѣдовать берега Тихаго океана съ цѣлью найдти этотъ проливъ. Онъ далъ порученіе искать этотъ проливъ Кристовалю Олиду, начальнику экспедиціи, отправленной имъ въ Гондурасъ. Олидъ увлекся честолюбіемъ, пересталъ повиноваться Кортесу, объявилъ себя независимымъ правителемъ и былъ, по приказанію Кортеса, казненъ. Послѣ того самъ Кортесъ пошелъ съ 200 испанцевъ и 3.000 туземцевъ изъ Юкатана въ глубину Гондураса. Путь лежалъ черезъ горы, быстрыя горныя рѣки, черезъ болота. Войско страдало отъ голода, проходя по пустынямъ. Кортесъ взялъ съ собой въ этотъ походъ бывшаго ацтекскаго царя Гуатимозина и касика тлакопанскаго, опасаясь оставить ихъ безъ своего надзора въ Мехикѣ. Въ февралѣ 1525 года одинъ изъ туземцевъ сказалъ ему, что ацтеки, участвующіе въ экспедиціи, составили заговоръ убить его и весь испанскій отрядъ. Онъ арестовалъ заговорщиковъ; они сказали, что дѣйствовали по внушенію Гуатимозина и касика тлакапанскаго. Касикъ и бывшій царь увѣряли, что не участвовали въ злоумышленіи, но Кортесъ велѣлъ повѣсить ихъ. Они умерли мужественно.—У озера, называющагося теперь Петенскимъ, войско нашло пріютъ себѣ у миролюбиваго населенія. Давъ солдатамъ отдохнуть, Кортесъ пошелъ дальше, достигъ Гондурасскаго залива и собирался продолжать походъ на югъ, когда извѣстія изъ Мехики заставили его спѣшить туда для прекращенія безпорядковъ, производимыхъ его намѣстниками. Альварадо, отправившійся, по его порученію, изъ Оахаки на югъ, овладѣлъ между тѣмъ Гуатемалой и основалъ (въ 1524 году) въ этой странѣ городъ Сантіаго.

Пріѣздъ королевскаго уполномоченнаго.

Изнуренный трудностями и лишеніями похода, Кортесъ возвратился въ іюнѣ 1526 г. въ Мехику; вскорѣ послѣ того (въ іюлѣ) пріѣхалъ уполномоченный, присланный королемъ для изслѣдованія дѣлъ въ Новой Испаніи. Враги Кортеса говорили королю, что онъ удерживаетъ у себя часть той доли доходовъ, которую долженъ былъ посылать въ испанскую казну, что онъ хочетъ сдѣлаться независимымъ государемъ. Коммиссаръ, назначенный для провѣрки этихъ обвиненій, былъ молодой человѣкъ очень знатнаго рода, Понсе де-Леонъ. Кортесъ съумѣлъ пріобрѣсти его дружбу, но черезъ нѣсколь-

ко недѣль по пріѣздѣ онъ умеръ; на его мѣсто былъ присланъ Эстрада; новый уполномоченный сталъ во враждебныя отношенія къ Кортесу, оскорблялъ его, даже велѣлъ ему выѣхать изъ города Мехики.

Поѣздка Кортеса въ Испанію.

Кортесъ рѣшился ѣхать въ Испанію, чтобъ оправдаться передъ королемъ. Онъ нагрузилъ два корабля сокровищами, которыя везъ въ королевскую казну, взялъ съ собой сыновей Монтезумы и Махихки и въ маѣ 1528 г. приплылъ въ Палосскую гавань. Онъ остановился отдохнуть въ монастырѣ Рабидѣ. Тамъ посѣтилъ его Франсиско Писарро, родственникъ его матери, задумавшій экспедицію въ Перу, и получилъ отъ него полезные совѣты. Отдохнувъ, Кортесъ отправился въ Толедо, гдѣ находился король. Карлъ принялъ его съ большимъ почетомъ, далъ ему обширное владѣніе въ Оахакѣ, титулъ маркиза дель-Валье; но не поручилъ ему вновь должность правителя Мехики; назначилъ его только командующимъ войсками Новой Испаніи и берега Тихаго океана, съ правомъ предпринимать новыя экспедиціи и основывать поселенія. Кортесъ, первая жена котораго умерла вскорѣ по пріѣздѣ въ Мехику, женился теперь на Хуанѣ Суньигѣ, дочери одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ Испаніи. Онъ сопровождалъ короля въ Италію, потомъ весной 1530 г. отплылъ въ Новый Свѣтъ; его сопровождали жена, мать и блестящая свита.

Управленіе Новой Испаніей было поручено комитету, называвшемуся аудіэнсіей; онъ дѣлалъ непріятности Кортесу. Утомленный ими, Кортесъ уѣхалъ изъ города Мехики, поселился въ Куско. Черезъ нѣсколько времени члены аудіэнсіи смѣнились; при новомъ составѣ своемъ она выказывала расположеніе къ Кортесу; онъ возвратился въ Мехику, но не могъ выносить подвластнаго положенія, поссорился и съ новыми членами аудіэнсіи, уѣхалъ въ свое обширное владѣніе близъ города Куэрнаваки, на южномъ склонѣ Кордильеровъ, въ прелестной и плодородной области построилъ тамъ себѣ дворецъ, разводилъ плантаціи сахарнаго тростника, выписалъ себѣ мериносовъ, разработывалъ рудники; онъ управлялъ хозяйственными дѣлами хорошо, но скучалъ мирной жизнью, предпринималъ экспедиціи по Тихому океану, изслѣдовалъ берега Калифорніи, основывалъ тамъ поселенія. Испанскій правитель сѣверной части Новой Испаніи былъ враждебенъ ему; новый вице-король Антоніо Мендоса, считавшій изслѣдованіе и покореніе сосѣднихъ земель своей привилегіей, мѣшалъ экспедиціямъ Кортеса; расходы на нихъ разстроили его состояніе. Въ 1540 году онъ отправился въ Испанію хлопотать о вознагражденіи, былъ принятъ съ почетомъ, но не получилъ ничего, кромѣ любезностей. Въ 1541 году онъ участвовалъ въ неудачной алжирской экспедиціи Карла; она вовлекла его въ новые долги. По письму, которое послалъ онъ королю въ 1544 году, мы видимъ, что его заслуги были забыты. Наконецъ онъ рѣшился возвратиться въ Мехику, но

на пути къ морю занемогъ въ селеніи близъ Севильи и умеръ 2 декабря 1547 на 64 году жизни. Свою переводчицу Марину онъ оставилъ въ Мехикѣ, когда готовился къ эспедиціи въ Гондурасъ, далъ ей имѣнье и выдалъ ее за испанца благороднаго происхожденія.

---

3. Открытіе и завоеваніе Перу.

а) перуанское царство.

Въ западной половинѣ Южной Америки подъ линіей экватора на обширныхъ равнинахъ между Андами жилъ трудолюбивый народъ, составлявшій большое цивилизованое государство. Цари его, называвшіеся инками, производили свой родъ отъ солнца. Оно, сжалившись надъ бѣдственной жизнью дикарей перуанской земли, послало своихъ дѣтей Манко Капака и его сестру, бывшую его женою, собрать ихъ въ благоустроенное общество, научить земледѣлію, искусству прясть и ткать и другимъ ремесламъ, надобнымъ для удобной жизни. Первыми частями страны, въ которыхъ ввели образованность Манко Капакъ и его сестра, были окрестности озера Титикаки, на островахъ котораго стояли впослѣдствіи колосальные храмы солнца и луны, окруженные священными маисовыми полями. Перуанцы ходили въ эти храмы на богомолье. На сѣверѣ оттуда стоялъ въ прекрасной долинѣ Андовъ священный городъ Куско, защищенный стѣнами удивительно крѣпкими. Онъ былъ столицей царя; въ немъ находился великолѣпный храмъ солнца, въ который также приходили на богомолье благочестивые перуанцы изъ всѣхъ концовъ царства. Подобно ацтекамъ, перуанцы не знали желѣза, но они умѣли сооружать громадныя каменныя постройки. Это были правительственныя сооруженія. Царь созывалъ народъ строить ихъ. Масса населенія находилась въ рабствѣ у аристократіи, члены которой, называвшіеся инками, считались принадлежащими къ одному роду; глава рода былъ царь, санъ котораго переходилъ по наслѣдству къ старшему сыну или если не было сыновей, то къ ближайшему родственнику, имѣвшему отцомъ и матерью людей царской фамиліи.

Царь.

Перуанскій царь, сынъ солнца, былъ священное лицо. Онъ имѣлъ неограниченную власть, назначалъ всѣхъ правителей и судей, установлялъ налоги и законы, былъ первосвященникомъ и главнокомандующимъ. Вельможи, высшій разрядъ которыхъ составляли инки, члены царской фамиліи, соблюдали въ сношеніяхъ съ царемъ формы благоговѣнія. У перуанской аристократіи былъ обрядъ, подобный возведенію въ рыцарскій санъ: молодой человѣкъ знатнаго происхожденія становился передъ царемъ на

колѣна; царь прокалывалъ ему ухо золотой иглой. Въ торжественныхъ случаяхъ царь являлся народу въ великолѣпной одеждѣ, сотканной изъ нѣжной шерсти викуньи, украшенной золотомъ и дорогими камнями. Онъ часто путешествовалъ по государству; его несли въ богатомъ паланкинѣ; его сопровождала многочисленная блестящая свита. Во всѣхъ областяхъ государства цари имѣли великолѣпные дворцы. Любимой ихъ резиденціей былъ Юкай, сельскій дворецъ въ прелестной долинѣ неподалеку отъ Куско. Когда царь „отходилъ въ жилище своего отца“, весь народъ соблюдалъ установленныя формы траура. Въ гробницу царя клали драгоцѣнные сосуды, дорогіе уборы и на гробѣ его приносили въ жертву любимыхъ его слугъ и наложницъ; число этихъ жертвъ простиралось, говорятъ, до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Дорогія вещи клали также и въ гробы вельможъ; на ихъ похоронахъ тоже были приносимы въ жертву жены и слуги.

Кастовое устройство.

Вся перуанская земля считалась собственностью инки. Она была раздѣлена между людьми всѣхъ сословій; величина участковъ была соразмѣрна сословнымъ надобностямъ; но воздѣлывало землю только низшее сословіе. Въ тѣхъ селеніяхъ, которыя оставались принадлежащими непосредственно правительству, третья доля всѣхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и промышленности принадлежала царю и его фамиліи; другая треть шла на содержаніе храмовъ и многочисленнаго духовенства; остальная треть ежегодно дѣлилась въ каждой сельской общинѣ между домохозяевами пропорціонально числу душъ въ семействѣ. Земледѣліе находилось подъ покровительствомъ царя. Произведенія сельскаго хозяйства и промышленности, въ томъ числѣ прекрасныя ткани изъ шерсти викуньи, хранились въ царскихъ магазинахъ и раздавались по мѣрѣ надобности. Налоги и натуральныя повинности лежали только на простолюдинахъ; дворянство и духовенство были свободны отъ нихъ. Перуанскій простолюдинъ былъ обязанъ трудиться, какъ рабочее животное, исправно исполнять назначенную ему работу, не улучшая тѣмъ своего положенія, но былъ обезпеченъ отъ нужды. Простолюдины работали усердно подъ надзоромъ смотрителей, земля была превосходно воздѣлана, рудники доставляли много серебра и золота; по большимъ дорогамъ были возведены мосты, каменныя гати; многія изъ этихъ сооруженій были громадны; дороги заботливо ремонтировались; всѣ области государства были соединены ими съ Куско; по нимъ ходила почта.

Завоеванія перуанцевъ.

Перуанское царство было миролюбивое; цари не забывали заботиться о хорошемъ устройствѣ войска, но любили покорять сосѣднія племена не оружіемъ, а вліяніемъ цивилизаціи, промышленности, путемъ убѣжденія; въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлали завоеванія, они поступали съ покоренными милостиво. Цѣлью завоеваній было распространеніе перуанскаго богослуженія и общественнаго устройства. Въ покоренныхъ областяхъ строились храмы солнца; при храмахъ поселялось многочисленное духовенство; земля дѣлилась на участки, былъ вводимъ перуанскій порядокъ работъ; грубыя нарѣчія покоренныхъ мало по малу замѣнялись перуанскимъ языкомъ. Въ тѣхъ областяхъ, населеніе которыхъ упорно сопротивлялось этому вліянію, были основываемы многочисленныя переуанскія колоніи, а прежніе жители были массами переселяемы въ другія области. Ученые, которыхъ называли амаута, завѣдовали школами и вели лѣтописи событій посредствомъ особаго способа обозначать понятія, называвшагося кипу. Племена, жившія около первоначально небольшого перуанскаго царства, были нѣкогда враждебны ему, но мало по малу слились съ перуанцами въ одинъ народъ, усвоивъ себѣ перуанскій языкъ и полюбивъ устройство, введенное у нихъ перуанцами.

Служеніе солнцу.

Служеніе солнцу было великолѣпно и почти совершенно чисто отъ человѣческихъ жертвоприношеній; они производились лишь изрѣдка и въ небольшомъ размѣрѣ. Обыкновенно приносились солнцу только животныя плоды, цвѣты, благовонныя куренія. Людоѣдство исчезло у перуанцевъ. Главною пищею ихъ были маисъ, бананы и кассава; изъ молодыхъ стволовъ маиса они приготовляли опьяняющій напитокъ, который очень любили. Другимъ любимымъ ихъ наслажденіемъ было жевать листья коки, производящія дѣйствіе, подобное опіуму.—Въ храмахъ солнца горѣлъ вѣчный священный огонь, который поддерживали дѣвы солнца, жившія подобно монахинямъ. Ихъ было очень много. Нѣкоторыя изъ нихъ удостоивались чести поступать въ число женъ инки. Царю и вельможамъ было дозволено многоженство; но, кажется, только одна жена считалась законной.

Перуанское царство передъ появленіемъ испанцевъ.

Таково было перуанское царство, когда приплыли испанцы поработить его. Они дивились заботливо воздѣланнымъ нивамъ перуанцевъ, прекраснымъ издѣліямъ ихъ промышленности, хорошо построеннымъ домамъ, имѣвшимъ обыкновенно лишь одинъ этажъ, для предовращенія вреда отъ землетрясеній, но обширнымъ и удобнымъ; дивились огромнымъ великолѣпнымъ храмамъ, прочнымъ стѣнамъ крѣпостей; видѣли народъ трудолюбивый, воздержный, безропотно повинующійся законамъ, считающимся постановленіями божества. Теократическое устройство придавало государству характеръ организма, въ которомъ все происходитъ по закону необходимости; каждому перуанцу было опредѣлено его мѣсто въ той или другой кастѣ, и онъ оставался на немъ съ покорностью судьбѣ. Простолюдины жили по правиламъ, наложеннымъ на нихъ высшими кастами, но за недостатокъ свободы были вознаграждены обезпеченностью отъ нужды; каждый перуанецъ пользовался прочнымъ благосостояніемъ.

b) первыя экспедиціи испанцевъ.

Франсиско Писарро.

Однимъ изъ сподвижниковъ Охеды и Вальвоа былъ Франсиско Писарро, уроженецъ города Трухильо, побочный сынъ знатнаго человѣка, занимавшаго впослѣдствіи важное мѣсто въ арміи Гонсальво Кордовскаго. Матерью Писарро была простолюдинка. Отецъ не заботился о побочномъ сынѣ, и говорятъ, что въ первой молодости Франсиско пасъ свиней. Онъ не получилъ никакого воспитанія и до конца жизни остался неумѣющимъ писать и читать. Онъ былъ отваженъ и еще въ юности отправился искать счастья въ Новый Свѣтъ. Въ экспедиціяхъ Охеды и Вальвоа онъ привыкъ выносить всякія лишенія, и страха онъ не зналъ никогда. Человѣкъ умный и безтрепетный, онъ пріобрѣлъ себѣ въ этихъ экспедиціяхъ большую славу, но не пріобрѣлъ богатства. Когда ему было 50 лѣтъ, онъ имѣлъ только небольшое помѣстье въ нездоровой мѣстности близъ города Панамы.

Одинъ изъ князьковъ восточнаго берега панамскаго перешейка го-

Заключеніе товарищества съ Альмагро и Луке.

ворилъ Вальвоа о странѣ, въ которой люди ѣдятъ съ золотыхъ блюдъ и гдѣ золото цѣнится не дороже того, чѣмъ въ Испаніи желѣзо. Писарро слышалъ этотъ разсказъ и постоянно думалъ объ экспедиціи въ землю, о которой говорилъ князекъ. Но, человѣкъ небогатый, онъ не имѣлъ средствъ снарядить корабли, набрать солдатъ. Завоеваніе Мехики Кортесомъ усилило въ немъ желаніе покорить землю еще болѣе богатую золотомъ. Около этого времени онъ познакомился съ Діэго Альмагро, суровымъ, вспыльчивымъ, но прямодушнымъ человѣкомъ, опытнымъ воиномъ. Подобно ему, Альмагро былъ побочный сынъ, покинутый родителями, оставшійся безъ всякаго воспитанія; но имѣлъ больше удачи въ пріобрѣтеніи богатства. Писарро нашелъ еще товарища, согласившагося помогать снаряженію экспедиціи. Это былъ Гернандо Луке, священникъ и школьный учитель въ городѣ Панамѣ, человѣкъ умный и образованный. На общія средства они снарядили два корабля и наняли больше 100 матросовъ и солдатъ. Получивъ разрѣшеніе Педрариаса, бывшаго тогда правителемъ Даріэнской области, Писарро и Альмагро отплыли на югъ въ ноябрѣ 1524. Это была пора осеннихъ дождей; экспедиція подверглась такимъ бѣдствіямъ, какихъ не испытывали даже спутники Охеды и Вальвоа. Ужасная буря принесла корабли къ необитаемому берегу, покрытому лѣсомъ, почти непроходимымъ. Писарро и его товарищамъ угрожала голодная смерть. На одномъ изъ кораблей былъ посланъ капитанъ Монтенегро за продовольствіемъ; онъ долго не возвращался. Шесть недѣль Писарро и его спутники мучились голодомъ; наконецъ онъ при одномъ изъ походовъ по лѣсу нашелъ селеніе, въ которомъ взялъ нѣсколько маиса и какао; услышалъ также, что за горами находится большое царство. Вскорѣ послѣ того возвратился Монтенегро съ запасомъ пищи. Экспедиція поплыла изъ «Гавани голода», Puerto de la Hambra, какъ назвалъ Писарро мѣсто своихъ страданій, вдоль берега на югъ. Когда испанцы выходили на землю, туземцы убѣгали въ лѣсъ; въ покинутыхъ жилищахъ испанцы находили золотые уборы; это ободряло ихъ. Корабль Пасарро попортился; онъ остановился для починки у мыса, который назвалъ Кемадскимъ; вышедши на землю, испанцы ходили по окрестностямъ и увидѣли на холмѣ укрѣпленное поселеніе. Жители его, нагіе и раскрашенные, стали стрѣлять въ испанцевъ; Писарро получилъ семь ранъ; шесть его товарищей были убиты. Альмагро, черезъ нѣсколько времени приплывшій къ Писарро, тоже пошелъ на это селеніе, и былъ раненъ въ голову.

Первая экспедиція.

Панамскій договоръ 1526.

Сама по себѣ экспедиція была неудача, но увеличила надежду на будущіе успѣхи. Альмагро доходилъ до роскошной долины рѣки Санъ-Хуана. Онъ и Писарро рѣшили возвратиться въ Панаму и просить поддержки у правителя области или пріискать себѣ товарищей, имѣющихъ деньги; они разсчитывали, что найдутъ много спутниковъ

между отважными и алчными людьми, бродившими тогда по Центральной Америкѣ. Трудно было добиться поддержки Педрариаса, человѣка мелочного, завистливаго, недовѣрчиваго; но Луке убѣдилъ его заключить договоръ, по которому онъ за 1.000 золотыхъ монетъ предоставилъ Писарро и Альмагро право покорить Перу; они были назначены начальниками экспедиціи на равныхъ правахъ. Луке, доставшій у алькада Эспиносы 20.000 піастровъ на снаряженіе экспедиціи, получилъ право на третью часть всей добычи и всѣхъ земель, какія будутъ покорены; этотъ договоръ былъ заключенъ 10 марта 1526 года.

Вторая экспедиція 1526—1527.

Писарро и Альмагро пріобрѣли два большіе корабля, запаслись оружіемъ и провіантомъ, набрали около 160 матросовъ и солдатъ и поплыли снова на югъ. Главнымъ кормчимъ былъ опытный морякъ Бартоломео Руисъ. Эскадра доплыла до бухты, получившей имя залива св. Матѳея. Прибрежные жители были удивлены появленіемъ иноземцевъ, но не выказали никакой враждебности къ нимъ. Альмагро съ золотыми уборами, взятыми въ селеніяхъ по рѣкѣ Санъ-Хуану, поплылъ обратно въ Панаму набрать новыхъ солдатъ, Руисъ поплылъ дальше на югъ, а Писарро пошелъ въ глубину страны. Руисъ увидѣлъ большую лодку, сдѣланную искуснѣе, чѣмъ тѣ, какія прежде видывалъ онъ у туземцевъ; она имѣла большой парусъ изъ хлопчато-бумажной ткани, имѣла палубу, на которой были построены домики, крытые соломой. На лодкѣ находились мужчины и женщины, одежда которыхъ была сдѣлана изъ хорошихъ тонкихъ тканей; у нихъ были изящныя золотыя и серебряныя издѣлія, которыя везли они для продажи туземцамъ. Разсказы этихъ людей возбудили въ Руисѣ и его спутникахъ очень большія надежды. Онъ проплылъ на югъ за экваторъ до мыса Пасадо и возвратился въ бухту св. Матѳея, взять на свой корабль Писарро, который между тѣмъ сдѣлалъ походъ до высокихъ горъ по странѣ, имѣвшей роскошную растительность. Походъ былъ очень тяжелъ, на Писарро и его спутниковъ нападали туземцы, переправы черезъ рѣки были опасны, потому что тамъ было много каймановъ и громадныхъ змѣй; часто приходилось страдать отъ голода. Спутники Писарро были изнурены, желали возвратиться въ Панаму; но ободрились, когда приплылъ Руисъ и разсказалъ о своихъ открытіяхъ. Вскорѣ послѣ того возвратился изъ Панамы Альмагро съ провіантомъ и новыми солдатами. Педрариасъ вскорѣ послѣ отплытія Писарро умеръ; новый правитель Даріэнской области Педро Ріасъ усердно помогалъ Альмагро и обѣщалъ впередъ оказывать всякое содѣйствіе экспедиціи. Эскадра поплыла дальше на югъ, подвергалась бурямъ. Испанцы видѣли по берегу селенія, показывавшія, что тутъ живутъ цивилизованные люди; увидѣли наконецъ большой городъ, очень обрадовались, но на берегъ пришли тысячи вооруженныхъ людей, выказывали намѣреніе не

допустить иноземцевъ въ свою землю; спутники Писарро и Альмагро оробѣли.

Они совершенно упали духомъ, узнавъ, что Альмагро опять отправится въ Панаму набрать новыхъ солдатъ, запастись провіантомъ и оружіемъ, а Писарро останется ожидать его на островѣ Галло. Одинъ изъ участниковъ экспедиціи успѣлъ послать на кораблѣ Альмагро спрятанное въ тюкѣ хлопка письмо, разсказывавшее о бѣдственномъ положеніи экспедиціи. Письмо дошло до правителя колоніи и убѣдило его, что экспедиція не можетъ имѣть успѣха, что всѣ участники ея погибнутъ, если онъ не принудитъ ея начальниковъ возвратиться. Онъ послалъ Тафура съ двумя кораблями заставить Писарро плыть обратно. Тафуръ нашелъ спутниковъ Писарро изнуренными отъ голода; почти всѣ они съ восторгомъ приняли его приглашеніе возвратиться въ Панаму. Писарро провелъ шпагой черту на пескѣ и сказалъ, чтобы желающіе оставаться съ нимъ, перешли на его сторону черты. Къ нему перешли только 11 человѣкъ, однимъ изъ которыхъ былъ кормчій Руисъ. Всѣ остальные отплыли въ Панаму. Писарро и его товарищи нашли невозможнымъ оставаться на островѣ Галло, сдѣлали плотъ, переплыли на маленькій островъ Горгону, построили тамъ шалаши для пріюта себѣ на дождливое время года и ждали возвращенія Альмагро.

Высадка у Тумбеса.

Черезъ семь мѣсяцевъ Альмагро возвратился съ извѣстіемъ, что правитель Даріэнской области будетъ помогать экспедиціи; но предварительно хочетъ переговорить съ Писарро. Передъ отъѣздомъ въ Панаму Писарро и его спутники предприняли плаваніе по сосѣднему берегу материка, чтобы собрать свѣдѣнія о странѣ. Черезъ 20 дней они приплыли въ Гуаякильскую бухту; по берегамъ ея стояли селенія и города. Испанцы высадились на сушу у Тумбеса; туземцы ушли съ берега; но съ испанцами находилось нѣсколько уроженцевъ той мѣстности; они объяснили своимъ соплеменникамъ, что бѣлые люди имѣютъ миролюбивыя намѣренія; туземцы стали обращаться съ испанцами довѣрчиво, принесли имъ много маиса, какао, банановъ, другихъ произведеній своей плодородной долины, привели нѣсколько ламъ. Испанцы, ходившіе, по порученію Писарро, въ городъ, возвратились съ разсказами о великолѣпіи города, о множествѣ золота въ его храмахъ. Испанцы поплыли дальше на югъ; туземцы принимали ихъ довѣрчиво. Владѣтельница одной изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ выходили они на берегъ, устроила праздникъ съ играми въ честь гостей, Писарро доплылъ до 9 градуса южной широты и возвратился въ Панаму хлопотать о снаряженіи новой болѣе сильной экспедиціи.

Алонсо Молина, ходившій въ Тумбесъ, очаровалъ жительницъ города своей мужественной красотой. Онъ попросилъ у Писарро позволеніе остаться въ Тумбесѣ; нашлось еще нѣсколько человѣкъ, пожелавшихъ остаться тамъ. Писарро согласился на ихъ просьбу и взялъ съ собой нѣсколько туземцевъ, вызвавшихся плыть съ бѣлыми въ Панаму. Научившись кастильскому языку, эти туземцы при слѣдующей экспедиціи были переводчиками.

Поѣздка Писарро въ Испанію 1528.

Черезъ полтора года по отплытіи изъ Панамы Писарро возвратился туда. Педро Ріасъ не увлекся его разсказами, смотрѣлъ на него и Альмагро, какъ на безразсудныхъ авантюристовъ. Писарро и его товарищи рѣшили, что онъ поѣдетъ въ Испанію просить помощи короля. Онъ перешелъ перешеекъ и поплылъ въ Испанію съ вѣрнымъ другомъ Педро Кандіей.

Карлъ, находившійся тогда въ Толедо, далъ аудіэнцію Писарро. Мужественная осанка и врожденное краснорѣчіе его произвели выгодное впечатлѣніе на короля. Карлъ собирался тогда ѣхать въ Италію. Уѣзжая, онъ поручилъ своей супругѣ и совѣту индійскихъ дѣлъ заключить договоръ съ Писарро; дѣло было кончено 26 іюня 1529; по договору, подписанному въ этотъ день, Писарро былъ назначенъ правителемъ Перу; ему были даны очень широкія полномочія; Альмагро, Руисъ, Луке получили второстепенныя должности; всѣ участники прежней экспедиціи, оставшіеся вѣрными Писарро, были возведены въ званіе гидальго и кавальеро.

Но матеріальной помощи отъ правительства Писарро не получилъ никакой; оно приняло подъ свое покровительство предпринимаемое имъ дѣло, дозволило ему набрать 250 солдатъ; тѣмъ и ограничило свое содѣйствіе ему. Онъ съ трудомъ собралъ въ своемъ родномъ городѣ Трухильо и въ Севильѣ средства на снаряженіе трехъ небольшихъ кораблей. Однимъ изъ людей, помогавшихъ ему, былъ Кортесъ, находившійся тогда въ Испаніи. Съ Писарро отправились четыре брата; трое изъ нихъ, подобно ему, были побочные сыновья; лишь одинъ Гернандо Писарро былъ рожденъ въ законномъ бракѣ. Двое изъ побочныхъ сыновей старика Писарро имѣли, подобно Франсиско, отцовскую фамилію; одного звали Гонсало, другого Хуанъ; третій побочный сынъ старика имѣлъ имя Франсиско Алькантара.— Писарро и его спутники приплыли въ Даріэнскій заливъ, Писарро продалъ корабли, на которыхъ приплылъ, и, перешедши перешеекъ, снарядилъ въ Панамѣ три корабля. Число воиновъ, набранныхъ имъ, было нѣсколько меньше 200 человѣкъ. Онъ купилъ 27 лошадей. Экспедиція отплыла изъ Панамы 28 января 1531.—Альмагро сердился на то, что былъ назначенъ лишь помощникомъ Писарро, а не получилъ равныя съ нимъ права; но Писарро смягчилъ его досаду любезностями и обѣщаніями; онъ остался въ Панамѣ снарядить новые корабли и собрать еще отрядъ воиновъ.

Высадка на островѣ Пуну.

Въ гавани св. Матѳея Писарро высадился на сушу и пошелъ берегомъ на югъ. Когда испанцы подошли къ городу Коаке, жители бѣжали въ лѣса; испанцы нашли въ ихъ домахъ много золота, серебра,

изумрудовъ; отдѣливъ пятую часть для правительства, другую часть они послали въ Панаму для привлеченія товарищей къ себѣ, остальное раздѣлили между собой. Изъ Панамы скоро приплыли къ нимъ новые авантюристы.—Грабежъ Коаке запугалъ все прибрежное населеніе; оно ушло въ дальнія мѣстности, взявъ съ собой все имущество; испанцы скоро стали терпѣть голодъ. Но когда они дошли до Гуаякильскаго залива, жители сосѣдняго острова Пуны приплыли къ нимъ на лодкахъ, пригласили ихъ къ себѣ. Испанцы пробыли нѣкоторое время на этомъ островѣ, но скоро поссорились съ туземцами. Писарро казнилъ нѣсколькихъ старшинъ по справедливому или ложному обвиненію въ заговорѣ; жители напали на испанцевъ, были безъ труда побѣждены. Къ испанцамъ приплыли два корабля подъ начальствомъ Гернандо Сото; на нихъ былъ отрядъ конницы. Писарро переправился на материкъ и выбралъ опорнымъ пунктомъ для похода въ глубину страны городъ Тумбесъ.

c) ПОХОДЪ ВЪ ПЕРУ.

Междоусобіе въ перуанскомъ царствѣ.

Перуанскими царями въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка были Тупакъ Юпанки и его сынъ Гуайна Капакъ; при нихъ царство значительно расширилось. Перуанцы покорили Кито, построили дороги, соединявшія столицу со всѣми областями. Государство процвѣтало. Гуайна Капакъ былъ еще живъ, когда Писарро и Альмагро появились въ первый разъ у рѣки Санъ Хуана; онъ умеръ съ предчувствіемъ, что бѣлые бородатые люди подвергнутъ государство тяжелымъ бѣдствіямъ. Отъ той жены, которая была сестрой и считалась царицей, онъ имѣлъ сына Гуаскара; отъ другихъ женъ у него было много сыновей; изъ нихъ важныя роли играли впослѣдствіи Манко Капакъ, матерью котораго была женщина царской фамиліи, и Атагуальпа, сынъ дочери послѣдняго царя Кито, любимецъ отца. Чувствуя приближеніе смерти, Гуайна Капакъ призвалъ вельможъ къ своей постели и объявилъ, что отдаетъ Кито Атагуальпѣ, потомку прежнихъ царей этого государства, а остальное царство законному наслѣднику престола Гуаскару. Гуайна Капакъ умеръ въ 1525 году. Похороны его были совершены съ небывалой пышностью; множество наложницъ, слугъ и придворныхъ добровольно отдали себя на смерть. Гуаскаръ и Атагуальпа раздѣлили между собою владѣнія, какъ велѣлъ отецъ. Гуаскаръ былъ человѣкъ мягкаго характера; благодаря тому, прошло нѣсколько лѣтъ безъ войны. Атагуальпа былъ честолюбивъ, обижалъ Гуаскара, и наконецъ вспыхнуло междоусобіе. Поводомъ къ нему былъ, кажется, споръ за область Тумебамбу. Войско было расположено къ Атагуальпѣ; онъ разбилъ Гуаскара у подошвы Чимборасо, вошелъ въ царство, разрушилъ городъ Тумебамбу, опустошилъ сосѣднія земли, безпощадно убивалъ приверженцевъ Гуаскара. Тумбесъ былъ на сторонѣ Атагуальпы; жители острова Пуны на сторонѣ Гуаскара. Въ страшной, длившейся цѣлый день битвѣ на Кипайпанской равнинѣ близъ Куско, Атагуальпа одержалъ побѣду, благодаря искусству своихъ полководцевъ. Гуаскаръ бѣжалъ, былъ настигнутъ, взятъ въ плѣнъ. Атагуальпа отослалъ его подъ стражу въ крѣпость Кауку и сталъ править всѣмъ государствомъ. Это было весной 1532. Человѣкъ жестокаго характера, Атагуальпа истреблялъ членовъ царской фамиліи и вообще принималъ для упроченія своей власти свирѣпыя мѣры.

Построеніе Санъ-Мигеля.

Писарро пошелъ въ Тумбесъ вскорѣ послѣ окончательной побѣды Атагуальпы. Испанцы не узнали богатаго города, видѣннаго ими прежде; дома были разрушены, большинство жителей погибло или бѣжало; бѣлые, оставшіеся въ городѣ, были убиты. Испанцы, ожидавшіе дружескаго пріема, были встрѣчены враждебно. Писарро старался возстановить прежнія хорошія отношенія, но разсудилъ, что лучше будетъ выбрать другой опорный пунктъ для похода въ глубину страны, пошелъ на югъ въ плодородную тангавальскую долину, по которой могъ имѣть удобное сообщеніе съ моремъ, построилъ въ ней крѣпость Санъ-Мигель де Піура; оттуда онъ ходилъ по сосѣднимъ областямъ, объявляя, что пришелъ требовать повиновенія королю испанскому. Жители изумлялись и, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, оставляли его заявленіе безъ противорѣчія. Подобно другимъ туземцамъ Новаго Свѣта, перуанцы робѣли и бѣлыхъ людей въ латахъ, и особенно страшны казались имъ всадники. Писарро поддерживалъ въ нихъ мнѣніе о сверхъестественной силѣ и непобѣдимости бѣлыхъ людей. Онъ отдалъ каждому поселенцу своей крѣпости нѣсколько туземцевъ въ работники; перуанцы покорялись этому распоряженію по своей привычкѣ исполнять работы, налагаемыя на нихъ чужой волей.

Походъ въ глубину страны.

Оставивъ гарнизонъ въ своей крѣпости, Писарро въ сентябрѣ (1532 года) пошелъ въ глубину страны. Испанцы повсюду были принимаемы дружелюбно. Ихъ было 177 человѣкъ, въ томъ числѣ 67 всадниковъ. При нихъ находились два туземца, бывшіе съ Писарро въ Испаніи, выучившіеся говорить по-кастильски. Послѣ нѣсколькихъ дней похода Писарро замѣтилъ, что нѣкоторые изъ его солдатъ боятся идти дальше; онъ объявилъ, что всѣ желающіе могутъ возвратиться въ Санъ-Мигель. Только девять человѣкъ воспользовались этимъ разрѣшеніемъ, всѣ другіе сказали, что готовы идти за нимъ, куда онъ хочетъ. Вскорѣ послѣ того онъ услышалъ, что недалеко отъ него стоитъ войско Атагуальпы. Онъ послалъ Сото на рекогносцировку. Черезъ восемь дней Сото возвратился съ перуанскимъ вельможей, который привѣтствовалъ начальника бѣлыхъ людей отъ имени своего царя и поднесъ ему царскіе подарки. Писарро отпустилъ этого вельможу съ любезнымъ отвѣтомъ, хотя предполагалъ, что онъ присланъ посмо-

трѣть, какимъ образомъ удобнѣе будетъ напасть на испанцевъ. Сото говорилъ, что мѣстности, по которымъ проходилъ онъ, имѣютъ густое населеніе и очень богаты. Писарро пошелъ дальше и увидѣлъ, что это дѣйствительно такъ. Онъ слышалъ, что инка расположился станомъ у города Кахамарки (или Кахамальки) и пошелъ туда. Жители сначала уходили отъ испанцевъ, но видя что они не дѣлаютъ никакого насилія, слыша увѣренія Писарро въ миролюбіи, ободрялись, приносили испанцамъ пищу и другіе подарки. Черезъ Кордильеры была проведена удобная дорога; но Писарро пошелъ труднымъ путемъ прямо черезъ горы, чтобы дать перуанскому царю высокое понятіе о силѣ и отвагѣ бѣлыхъ людей. Укрѣпленія въ горахъ не имѣли гарнизоновъ; Писарро заключилъ изъ этого, что инка не хочетъ сопротивляться походу испанцевъ. Черезъ нѣсколько времени пришелъ къ Писарро прежній посолъ съ новыми подарками, увѣрялъ, что царь имѣетъ мирныя намѣренія, но съ тѣмъ вмѣстѣ говорилъ о его могуществѣ. Писарро отвѣчалъ, что Атагуальпа обязанъ повиноваться испанскому королю, точно такъ же, какъ перуанскіе областные правители повинуются инкѣ. Испанцы спустились съ горъ на Кахамаркскую долину и съ тревогой увидѣли вдалекѣ безчисленные бѣлые шатры войска Атагуальпы.

Вступленіе въ Кахамарку.

Писарро пошелъ къ большому городу Кахамаркѣ и 15 ноября вступилъ въ него; онъ былъ покинутъ жителями. Писарро послалъ Сото и своего брата Гернандо съ отрядомъ конницы въ станъ царя. Перуанскіе воины со страхомъ смотрѣли на испанскихъ всадниковъ, быстро ѣдущихъ съ громкими звуками трубъ и звономъ оружія по лугу, быстро переѣзжающихъ черезъ рѣчку передъ станомъ. Испанцы подъѣхали къ царю, окруженному вельможами. Гернандо объявилъ ему отъ имени своего брата, что они подданные могущественнаго царя, живущаго за моремъ, пришли обратить его и перуанскій народъ въ истинную вѣру христіанскую и пригласилъ его въ Кахамарку на свиданіе съ испанскимъ главнокомандующимъ. Атагуальпа обѣщалъ посѣтить главнокомандующаго на слѣдующій день. Возвратившись всадники разсказывали товарищамъ о многочисленности перуанскаго войска. Всѣ были смущены. Но Писарро не оробѣлъ; онъ радовался, что приближается рѣшительная минута и ободрилъ воиновъ. По совѣту съ друзьями, онъ рѣшился арестовать инку въ виду его войска, вообще Писарро слѣдовалъ примѣру Кортеса; вѣроятно и въ этомъ случаѣ подражалъ ему,

Истребленіе перуанцевъ въ Кахамаркѣ.

Утромъ 16 ноября испанцы отслужили молебствіе, прося Господа силъ защитить воиновъ его, пришедшихъ сюда сражаться для распространенія христіанства. Писарро разставилъ своихъ солдатъ по разнымъ домамъ, такъ что ихъ не было видно. Показалась процессія перуанцевъ. Вельможи несли инку, сидящаго на золотомъ престолѣ; за ними слѣдовало безчисленное множество народа. Передъ домомъ,

въ которомъ находился Писарро, капелланъ его, доминиканецъ Вальверде, встрѣтилъ царя и произнесъ рѣчь, которую переводилъ Фелипильіо, уроженецъ Тумбеса, научившійся въ Испаніи кастильскому языку. Рѣчь излагала ученіе о томъ, что Сынъ Божій принялъ смерть для искупленія рода человѣческаго, что онъ далъ Петру и преемникамъ Петра, папамъ, владычество надъ всею землею, что одинъ изъ этихъ преемниковъ Петра передалъ королю испанскому владычество надъ западными странами и что потому Атагуальпа долженъ принять христіанскую вѣру и сдѣлаться данникомъ короля испанскаго, Карла. Спокойно выслушавъ все до конца, инка сказалъ: «Я не хочу быть ни чьимъ данникомъ. Я могущественнѣе всѣхъ царей на землѣ; вѣрю, что вашъ король могущественный государь; не сомнѣваюсь въ томъ, видя, что онъ послалъ своихъ подданныхъ такъ далеко за море, и я готовъ считать его своимъ братомъ. А что касается папы, о которомъ говорите вы, то онъ должно быть сумасшедшій, если даритъ земли, не принадлежащія ему. Своей вѣры я не могу перемѣнить. Вашъ Богъ, какъ вы говорите, умерщвленъ тѣми людьми, которыхъ сотворилъ, а мой богъ еще живетъ на небѣ и смотритъ на своихъ дѣтей». Сказавъ это, инка спросилъ, откуда Вальверде знаетъ то, что разсказывалъ. Вальверде подалъ ему Библію; онъ взялъ ее, перевернулъ нѣсколько листовъ, съ досадой бросилъ книгу на землю и сказалъ, что потребуетъ отъ испанцевъ отчета за насилія, сдѣланныя ими въ его царствѣ. Вальверде быстро подошелъ къ Писарро, требуя мщенія за оскорбленіе христіанства. По знаку Писарро пѣшіе и конные воины появились на площади, гдѣ происходило свиданіе, и въ ту же минуту были сдѣланы выстрѣлы изъ двухъ пушекъ, поставленныхъ на стѣнѣ крѣпости; съ боевымъ испанскимъ крикомъ «Santiago!» воины Писарро бросились на безоружныхъ перуанцевъ, охваченныхъ ужасомъ, стрѣляли изъ ружей, кололи копьями, рубили мечами; перуанцы бѣжали; площадь была покрыта грудами тѣлъ; около Атагуальпы тѣснились вельможи, закрывая его собой; одинъ изъ испанцевъ занесъ мечъ надъ нимъ; Писарро подскакалъ, протянулъ руку остановить ударъ, мечъ ударилъ его по рукѣ; изъ раны потекла кровь—единственная испанская кровь, которая текла въ этотъ день. Писарро велѣлъ не дѣлать вреда царю, взялъ его подъ стражу и обращался съ нимъ почтительно. Испанскіе всадники гнались по полю за тѣми перуанцами, которые успѣли бѣжать изъ города, рубили и топтали ихъ. Только съ наступленіемъ ночи прекратилось это истребленіе безоружныхъ. Число убитыхъ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Испанскіе офицеры сѣли ужинать, Писарро посадилъ съ собой за ужинъ и царя.

По словамъ испанцевъ, Атагуальпа говорилъ, что зналъ обо всѣхъ подробностяхъ ихъ похода и легко могъ бы остановить ихъ въ ущельяхъ Кор-

дильеровъ, но пропустилъ ихъ въ Кахамарку, надѣясь, что при ихъ малочисленности побѣдитъ ихъ, овладѣетъ ихъ удивительнымъ оружіемъ и лошадьми; что онъ хотѣлъ отобрать нѣкоторыхъ для своей службы, а другихъ убить. Едва ли могъ Атагуальпа высказать эти мысли, если и предположить, что дѣйствительно имѣлъ ихъ; по мнѣнію Прескотта, все это выдумка Фелипильо, враждебнаго Атагуальпѣ.

Сборъ выкупа.

Всадники, посланные на рекогноцировку, не встрѣчали нигдѣ сопротивленія и возвратились съ богатой добычей; но Писарро все-таки рѣшилъ, что идти дальше было бы опасно, и остался въ Кахамаркѣ до прибытія подкрѣпленій изъ Санъ-Мигеля. Онъ обращался съ Атагуальпой почтительно, допускалъ къ нему женъ, служителей, вельможъ; но Атагуальпа опасался, что если долго останется въ плѣну, то Гуаскаръ уйдетъ изъ-подъ стражи и овладѣетъ царствомъ. Онъ замѣтилъ, что важнѣе религіи для испанцевъ золото, и предложилъ Писарро дать за свое освобожденіе столько золота, сколько помѣстится въ комнатѣ до вышины, до какой можетъ достать рука. Комната, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, имѣла около 17 футовъ ширины и около 22 футовъ длины. Писарро провелъ красную черту на высотѣ девяти футовъ и сказалъ инкѣ, что освободитъ его, когда комната будетъ наполнена золотыми вещами до этой черты, а другая сосѣдняя комната, нѣсколько меньше этой, будетъ два раза до такой же высоты наполнена серебряными вещами; это былъ удобнѣйшій способъ овладѣть перуанскими сокровищами. Царь послалъ гонцовъ въ Куско и другіе города съ приказаніемъ, чтобы взяты были изъ храмовъ и дворцовъ и доставлены въ Кахамарку золотыя и серебряныя вещи. Но Гуаскаръ предложилъ Писарро дать еще больше золота за свое освобожденіе. Писарро хотѣлъ послать за нимъ и выслушавъ его и Атагуальпу рѣшить кому изъ нихъ быть царемъ. Узнавъ это, Атагуальпа, рѣшился устранить соперника. Испанцы услышали, что Гуаскаръ утопленъ въ рѣкѣ по приказанію Атагуальпы и передъ смертью говорилъ, что испанцы отмстятъ за него, что Атагуальпа не долго переживетъ его. Но Атагульапа притворялся, что очень огорченъ смертью брата, и увѣрялъ Писарро, что невиновенъ въ ней.

При отдаленности разстояній большихъ городовъ доставка выкупа шла не такъ быстро, какъ желали испанцы; Писарро послалъ нѣсколькихъ всадниковъ въ Куско ускорить сборъ выкупа; ихъ повсюду принимали съ величайшимъ почетомъ; они держали себя нагло, оскорбляли членовъ царской фамиліи, дерзко захватывали все золото, какое могли найдти, безпощадно обобрали сокровища храма солнца въ Куско. Гернандо, по порученію брата, поѣхалъ съ отрядомъ конницы въ Пачакамакъ забрать сокровища, находившіяся въ храмѣ этого города; испанцы вытащили статую божества изъ святилища, разбили ее передъ глазами народа, поставили въ храмѣ крестъ. Жрецы успѣли спрятать часть золотой утвари, но добыча была все-таки очень велика. Попортившіяся подковы своихъ лошадей испанцы замѣнили серебряными. Услышавъ, что близъ Кауки стоитъ съ своимъ войскомъ Чалькучима, полководецъ, которому Атагуальпа былъ обязанъ побѣдой надъ Гуаскаромъ, Гернандо поѣхалъ въ его станъ, запугалъ его своей отвагой, обманулъ его заявленіемъ, что дѣйствуетъ по порученію Атагуальпы; смущенный Чалькучима безъ сопротивленія пошелъ съ Гернандо въ Кахамарку. Тамъ онъ упалъ къ ногамъ плѣннаго царя, которому подданные продолжали повиноваться съ прежней безграничной покорностью.

Убійство Атагуальпы.

Около того времени, какъ возвратились съ громадными сокровищами всадники, ѣздившіе въ Куско, Писарро получилъ извѣстіе, что Альмагро съ большимъ числомъ воиновъ пришелъ въ Санъ-Мигель. Писарро пригласилъ его въ Кахамарку; у обоихъ были друзья, старавшіеся поссорить ихъ, но они встрѣтились дружески. Альмагро пришелъ въ Кахамарку въ февралѣ 1533. Гернандо былъ враждебенъ Альмагро, потому братъ отправилъ его въ Испанію; онъ повезъ ту пятую часть добычи, которую должна была по закону получить казна и кромѣ того подарокъ королю, состоявшій изъ лучшихъ золотыхъ вещей, цѣнность которыхъ составляла 100.000 дукатовъ. Остальное золото и серебро Писарро переплавилъ въ слитки и распредѣлилъ между своими помощниками и солдатами. Альмагро и пришедшіе съ нимъ получили меньше, чѣмъ участники въ походѣ Писарро.—Перуанцы не могли собрать столько золотыхъ вещей, чтобы наполнить назначенную для измѣренія выкупа комнату до красной черты, проведенной Писарро, но все-таки количество золота, доставленнаго ими, равнялось нѣсколькимъ милліонамъ дукатовъ. Усердіе подданныхъ не спасло Атагуальпу. Писарро не хотѣлъ освободить его, опасаясь, что онъ начнетъ войну, потому былъ очень радъ слуху, что въ сѣверныхъ областяхъ царства народъ готовится идти на испанцевъ; эта молва давала ему предлогъ оставлять Атагуальпу подъ стражей. Она была преувеличена переводчикомъ Фелипильо. Уроженецъ Тумбеса, онъ съ самаго начала былъ враждебенъ Атагуальпѣ, а теперь имѣлъ личную причину желать погибели плѣннаго царя. Онъ вступилъ въ любовную связь съ одной изъ наложницъ Атагуальпы; за такое преступленіе виновный и все его семейство подвергались по перуанскимъ законамъ мучительной смерти. Атагуальпа требовалъ исполненія этого; Писарро не хотѣлъ лишиться переводчика, услуги котораго были очень полезны. Фелипильо опасался, что если Атагуальна получитъ свободу, то найдетъ средство отмстить, потому всячески старался погубить его. Атагуальпа увѣрялъ, что невиненъ въ тѣхъ приготовленіяхъ народа къ войнѣ, о которыхъ говоритъ молва; но испанцы не вѣрили этому; въ особенности тревожились Альмагро и пришедшіе съ нимъ; они говорили, что пока живъ Атагуальпа,

владычество испанцевъ будетъ оставаться шаткимъ, и требовали казни его. Писарро медлилъ принять рѣшеніе; вѣроятно онъ обдумывалъ, выгоднѣе ли будетъ убить Атагуальту, чѣмъ держать его подъ стражей. Чтобы выиграть время, онъ послалъ Сото въ Гуамачуко, гдѣ по слухамъ былъ центръ военныхъ приготовленій, разузнать, справедлива ли молва о пихъ. Но раньше, чѣмъ возвратился Сото, плѣнный царь уже погибъ. Писарро предалъ Атагуальпу военному суду, потому ли, что не могъ противиться требованію Альмагро или потому, что самъ нашелъ полезнымъ убить своего плѣнника или по досадѣ на насмѣшки Атагуальпы, замѣтившаго невѣжество Писарро. Въ вину Атагуальпѣ было поставлено то, что онъ поклоняется идоламъ, живетъ въ многоженствѣ. Эти обвиненія разумѣется были только предлогомъ для произнесенія смертнаго приговора, точно такъ же, какъ и обвиненія въ растратѣ государственныхъ сокровищъ или въ томъ, что Атагуальпа отнялъ власть у законнаго царя Гуаскара и убилъ его. Серьезную важность испанцы могли придавать только тому, что онъ возбуждаетъ народъ къ войнѣ или, какъ они называли, къ мятежу; но это обвиненіе осталось недоказаннымъ, хотя Фелипильіо старался придать въ своемъ переводѣ показаніямъ свидѣтелей такой смыслъ, какой былъ надобенъ для произнесенія смертнаго приговора. Само собою разумѣется, что процессъ былъ только пустой формой. Нѣкоторые изъ членовъ военнаго суда имѣли столько совѣсти, что спорили противъ смертнаго приговора, требовали отправленія Атагуальпы въ Испанію для суда надъ нимъ тамъ. Но большинство рѣшило, что Атагуальпа виновенъ, и постановило предать его сожженію на главной площади Кахамарки. Услышавъ этотъ приговоръ, инка сталъ со стонами просить Писарро о пощадѣ, но не смягчилъ его. Когда Атагуальпу привязали къ столбу на кострѣ, Вальверде съ крестомъ въ рукахъ подошелъ къ нему и сказалъ, что если онъ приметъ христіанство, то его смерть будетъ облегчена: его не сожгутъ, а удавятъ. Онъ согласился креститься. Это было 29 августа, въ день празднованія памяти Іоанна Предтечи, потому Атагуальпѣ дали въ крещеніи имя Іоанна (Хуана). Совершивъ крещеніе, удавили Атагуальпу и стали служить панихиду по немъ. Жены съ воплемъ тѣснились къ гробу и просили, чтобы принесли ихъ въ жертву на могилѣ царя; ихъ отогнали; но нѣкоторыя изъ нихъ сами лишили себя жизни. Черезъ нѣсколько дней возвратился Сото и сказалъ, что молва о заговорѣ лжива. Онъ былъ искренно расположенъ къ Атагуальпѣ и горько упрекалъ Писарро за его убійство. Писарро слагалъ съ себя вину на Вальверде и на казначея Рикельме, говорилъ, что они принудили его къ этому дѣлу; они отвѣчали, что это не правда, виноватъ одинъ онъ.

d) ПОКОРЕНІЕ ПЕРУ. СМЕРТЬ АЛЬМАГРО.

Вступленіе въ Куско 1533.

Въ перуанскомъ царствѣ порядокъ былъ основанъ исключительно на повиновеніи царю и рушился со смертью Атагуальны; повсюду начались волненія; тѣ области, которыя были недавно покорены, отложились отъ перуанскаго царства. Жители прятали отъ испанцевъ сокровища храмовъ и дворцовъ. Писарро увидѣлъ, что для владычества надъ Перу необходимо дѣйствовать именемъ царя и назначилъ царемъ Топарку, брата Атагуальпы. Взявъ съ собой новаго царя и Чалькучиму, Писарро и Альмагро пошли въ Куско, богатствами котораго нетерпѣливо желали овладѣть испанцы. Войско состояло изъ 500 человѣкъ; изъ нихъ около третьей части были всадники. Испанцы шли по дорогѣ, проведенной черезъ Кордильеры; она показывала большое искусство перуанцевъ въ работахъ подобнаго рода. Пришедши въ Кауку, большой, богатый городъ, Писарро остановился и послалъ впередъ Сото съ отрядомъ конницы. Чѣмъ дальше ѣхали всадники, тѣмъ яснѣе становилось, что перуанцы готовятся къ войнѣ: нивы были опустошены, селенія покинуты жителями; видно было, что перуанцы хотятъ изнурить враговъ голодомъ. Перуанскіе отряды стали нападать на Сото; нѣкоторыя сраженія были такъ упорны, что онъ едва выдерживалъ ихъ. Нѣсколько всадниковъ и лошадей были убиты, весь отрядъ Сото былъ бы истребленъ, если бы не пришелъ на помощь ему Альмагро съ другимъ отрядомъ конницы. Писарро предположилъ, что перуанцы возбуждены къ возстанію Чалькучимой, заковалъ его, предалъ суду. Чалькучима былъ приговоренъ къ сожженію. Съ презрительной холодностью отвергъ онъ убѣжденія Вальверде креститься и сохранилъ мужество въ страданіяхъ мучительной смерти. Около того же времени умеръ новый инка. Но явился на его мѣсто кандидатъ, очень пріятный испанцамъ: Манго Капакъ, братъ Гуаскара, пришелъ въ ихъ станъ просить, чтобъ они помогли ему сдѣлаться царемъ. Писарро съ удовольствіемъ далъ ему титулъ царя и рядомъ съ нимъ торжественно вступилъ 15 ноября (1533 года) въ Куско. Испанцы были удивлены великолѣпіемъ храма солнца, дворцовъ царя и вельможъ, множествомъ прекрасныхъ домовъ, искусной постройкой мостовъ черезъ рѣку, протекавшую по городу, громадностью и прочностью стѣнъ цитадели, стоявшей на холмѣ, восхищались роскошными садами. Писарро велѣлъ собрать въ одно мѣсто всѣ золотыя и серебряныя вещи изъ храмовъ и царскихъ дворцовъ; испанцы съумѣли разыскать многое изъ того, что спрятали перуанцы. Когда все было собрано, испанцы раздѣлили между собой добычу. Каждый сталъ богатымъ человѣкомъ; но многіе скоро проиграли и промотали свое богатство. Кончивъ раздѣлъ добычи, Писарро устроилъ торжественное возведеніе Манго Капака въ санъ инки, самъ поло-

жилъ на его голову повязку, служившую царской діадемой у перуанцевъ, и велѣлъ провозгласить верховную власть короля испанскаго надъ перуанскимъ царствомъ. Народъ повиновался Писарро, дѣйствовавшему именемъ царя. На мѣстѣ храма солнца испанцы велѣли строить христіанскій монастырь, церковь котораго стала епископской. Писарро назначилъ Вальверде епископомъ епархіи Куско. Скоро появились толпы доминиканцевъ, начали крестить народъ въ столицѣ и по всѣмъ областямъ. Перуанцы не сопротивлялись ни владычеству испанцевъ, ни крещенію. Одинъ изъ полководцевъ Атагуальпы Кизкизъ пытался поднять возстаніе въ Кито; оно было подавлено отрядомъ конницы. Кизкиза убили его собственные воины.

Походъ Альварадо и Веналькасара въ Кито. 1534.

Педро Альварадо, храбрый сподвижникъ Кортеса, получившій должность правителя Гуатемалы, услышалъ о богатствѣ новооткрытой страны, собралъ довольно большое число прежнихъ воиновъ Кортеса, присоединилъ къ нимъ отрядъ туземцевъ и пошелъ горами Центральной Америки завоевать сѣверныя области перуанскаго царства, стать правителемъ ихъ и обогатиться. По его мнѣнію, намѣстничество Писарро ограничивалось южной частью перуанскаго царства, собственно такъ называемымъ Перу, а сѣверная часть, имѣвшая своей столицей Кито недавно покоренная перуанцами и бывшая прежде особымъ царствомъ не была отдана королемъ испанскимъ подъ власть Писарро; Альварадо надѣялся найдти въ Кито еще больше сокровищъ, чѣмъ сколько было ихъ въ Куско. Походъ былъ чрезвычайно тяжелъ; почти всѣ лошади и многіе воины умерли отъ голода, стужи, изнуренія на пути черезъ горы. Дошедши до подошвы Котопахи, Альварадо встрѣтилъ другихъ испанцевъ, пришедшихъ туда остановить его. Писарро, узнавъ о походѣ Альварадо, послалъ противъ него Альмагро и Севастіана Веналькасара. Они встрѣтились съ Альварадо близъ Ріобамбы; нѣсколько времени казалось, что дѣло кончится битвой, но оба отряда и начальники ихъ поняли, что всѣ испанцы погибнутъ, если станутъ воевать между собой. Альварадо отказался отъ своихъ притязаній, взявъ вознагражденіе предложенное ему и пошелъ обратно съ нѣкоторыми изъ своихъ воиновъ; другіе поступили на службу къ Писарро. Веналькасаръ остался въ Кито, покорилъ сѣверную часть перуанскаго царства и былъ назначенъ правителемъ ея.

Основаніе Лимы и Трухильо.

Писарро находилъ надобнымъ основать на морскомъ берегу городъ, черезъ который удобно было бы имѣть сношенія съ Испаніей. Онъ нашелъ хорошую гавань близъ устья рѣки Римака и сталъ строить городъ съ широкими улицами, большими площадями; работали тысячи туземцевъ, постройка шла быстро. Писарро далъ этому городу названіе Королевскаго, Ciudad de los Reyes, но скоро оно вытѣснено было изъ употребленія названіемъ Лима, передѣланнымъ изъ имени рѣки Римака. Пока строился этотъ городъ Писарро нашелъ удобное

мѣсто для основанія другой крѣпости, которую назвалъ Трухильіо, по имени своего родного города. Онъ раздавалъ испанскимъ колонистамъ большіе участки земли и отдавалъ въ работу имъ туземцевъ, какъ это дѣлалось на Эспаньіолѣ и въ Мехикѣ.

Ссора Франсиско Писарро съ Альмагро.

Вмѣстѣ съ Гернандо, братомъ Писарро, поѣхали въ Испанію нѣсколько друзей Альмагро; они хлопотали тамъ о томъ, чтобы власть надъ Перу была раздѣлена между Альмагро и Писарро; благодаря ловкости Гернандо и богатымъ подаркамъ, которые привезъ онъ, правительство оставило всѣ власти надъ Перу въ рукахъ Писарро; но оно дало Альмагро полномочіе покорять земли на югѣ отъ Перу и назначило его правителемъ ихъ. Карлъ далъ Франсиско Писарро титулъ маркиза Атавильіоса, а Гернандо получилъ санъ рыцаря сантіагскаго ордена и разрѣшеніе набирать волонтеровъ на службу къ брату. Число желающихъ было очень велико; Гернандо снарядилъ большую эскадру, приплылъ въ Даріэнскій заливъ и повелъ свой многочисленный отрядъ черезъ перешеекъ въ Панаму, чтобы плыть оттуда къ брату, но между тѣмъ пришли въ Куско ошибочные слухи о полномочіи, данномъ Альмагро; онъ и его дрзья полагали, что Куско и сосѣднія области отданы подъ его управленіе. Хуанъ и Гонсало, младшіе братья Франсиско Писарро, находившіеся въ Куско, спорили противъ этого; ссора ихъ съ Альмагро готова была перейдти въ борьбу оружіемъ. Франсиско Писарро, строившій тогда городъ при устьѣ Римака, поспѣшилъ въ Куско, смягчилъ досаду Альмагро, заключилъ съ нимъ (въ іюнѣ 1535) новый договоръ; но примиреніе не было искреннимъ, и междоусобіе вспыхнуло бы, если бъ Альмагро не увлекся мыслью воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ дѣлать завоеванія на югѣ. Собравъ своихъ приверженцевъ, онъ пошелъ въ Чиле.

Возстаніе перуанцевъ 1536.

Перуанцы терпѣливо выносили притѣсненія иноземцевъ, выражали свою печаль только пѣснями о своемъ порабощеніи; Манго Капакъ тоже повидимому равнодушно подчинялся владычеству испанцевъ; но и онъ и его народъ не были такими апатичными, какими казались испанцамъ; они тайно готовились свергнуть съ себя чужеземное иго. Манго Капакъ искуснымъ притворствомъ обманулъ Гернандо, пришедшаго въ Куско и оставшагося намѣстникомъ брата въ этой части государства. Увѣрившись въ преданности царя, Гернандо освободилъ его изъ-подъ стражи; онъ попросилъ разрѣшенія уйдти изъ Куско, говорилъ, что въ отдаленной мѣстности спрятана золотая статуя, изображающая его отца, что онъ хочетъ отдать ее испанцамъ. Гернандо отпустилъ его. Онъ собралъ многочисленное войско. Хуанъ и Гонсало, братья Франсиско Писарро, пошли съ отрядомъ конницы арестовать возставшаго царя, но у подошвы Кордильеровъ были разбиты, отступили въ Куско. Въ февралѣ 1536 перуанское войско окружило этотъ городъ. Перуанцы обвивали стрѣлы

хлопкомъ, намазаннымъ смолою, зажигали ихъ и пускали въ соломенныя крыши домовъ. Пожаръ охватилъ городъ; перуанцы овладѣли цитаделью. Испанцы дѣлали вылазки изъ города, топтали перуанцевъ лошадьми, рубили ихъ мечами, но не могли прогнать. Перуанцы бросали черезъ стѣны въ городъ головы испанскихъ колонистовъ, захваченныхъ ими въ сельскихъ мѣстностяхъ. Манко Капакъ разъѣзжалъ въ испанскихъ латахъ на лошади, взятой у одного изъ убитыхъ колонистовъ. Многіе изъ находившихся въ Куско испанцевъ говорили, что невозможно удержаться въ этомъ городѣ, надобно отступить къ морю; но братья Франсиско Писарро и другіе отважные люди воспротивились этому. Хуанъ Писарро съ конницей пошелъ на одно изъ укрѣпленій, занятыхъ перуанцами, получилъ въ голову ударъ камнемъ, но взялъ крѣпость. Положеніе испанцевъ улучшилось. Они съ каждымъ днемъ надѣялись увидѣть, что идетъ на помощь имъ Франсиско Писарро. Онъ не могъ идти въ Куско самъ, но посылалъ нѣсколько разъ отряды на помощь осажденнымъ. Ни одинъ отрядъ не могъ пробиться сквозь многочисленныя перуанскія войска. Число испанцевъ, погибшихъ въ этихъ неудачныхъ походахъ, простиралось вѣроятно до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Въ Куско появился голодъ. Но и перуанское войско страдало отъ него. Манго Капакъ отпустилъ большую часть своихъ воиновъ, но продолжалъ осаду Куско.

Самымъ страшнымъ для испанцевъ оружіемъ туземцевъ было лассо, которымъ перуанцы дѣйствовали очень искусно: они опрокидывали имъ даже лошадей.

Походъ Альмагро въ Чиле.

Альмагро, какъ мы говорили, пошелъ на югъ покорить Чиле, страну, въ которую часто ходили инки, но терпѣли неудачу. У Альмагро было нѣсколько сотъ человѣкъ испанцевъ; они шли по Кордильерамъ; путь былъ очень труденъ; сотни перуанскихъ носильщиковъ умерли отъ стужи, голода, изнуренія. Многіе испанцы ослѣпли отъ блеска снѣга. Черезъ нѣсколько недѣль Альмагро дошелъ до рѣки Кокимбо. Отряды, посланные имъ на рекогносцировку, не нашли ничего такого, что одобряло бы къ продолженію похода. Альмагро рѣшился возвратиться въ Куско и взять подъ свое управленіе ту часть перуанскаго царства. Онъ все еще предполагалъ, что испанское правительство отдало ее подъ его власть. Возвращаться прежнимъ путемъ по горамъ было слишкомъ трудно; Альмарго спустился къ морю, но эта часть приморья—ужасная песчаная пустыня Атакама. На пути по ней испанцы подверглись такимъ же страданіямъ голода, какъ въ горахъ; изнуренные, пришли они въ городъ Арекипу и съ удивленіемъ услышали, что инка осаждаетъ Куско. Туземцы стали нападать на Альмагро. Отбиваясь отъ нихъ, онъ дошелъ до Куско.

Смерть Альмагро.

Гернандо Писарро не признавалъ притязаній Альмагро на власть правителя; потому Альмагро вошелъ въ Куско ночью (8 апрѣля 1536 г.), велѣлъ зажечь домъ Гернандо, арестовалъ и самого Гернандо и его брата, Гонсало, и друзей ихъ. Въ Каукѣ стоялъ тогда Алонсо Альварадо, одинъ изъ помощниковъ Франсиско Писарро. Альмагро послалъ къ нему требованіе покориться; Альварадо велѣлъ заковать въ цѣпи этого посла. Альмагро пошелъ противъ него, взялъ въ плѣнъ его и весь его отрядъ, пошелъ къ морю и сталъ строить городъ Чинче. Гонсало Писарро и Алонсо Альварадо бѣжали изъ-подъ стражи, пришли къ Франсиско Писарро въ Лиму. Альмагро освободилъ Гернандо, согласившагося признать его правителемъ Куско. Гернандо также отправился въ Лиму. Франсиско Писарро имѣлъ тогда много воиновъ, потому что изъ Панамы постоянно ѣхали волонтеры въ Перу. Онъ послалъ Гернандо съ 700 испанцевъ противъ Альмагро, у котораго было около 500 испанцевъ. Эти войска встрѣтились 26 апрѣля 1538 г. у Ласъ Салинасъ и вступили въ бой. Многіе изъ солдатъ Гернандо имѣли большія ружья; благодаря тому, онъ побѣдилъ. Альмагро въ это время былъ нездоровъ и потому не принималъ участія въ битвѣ, а смотрѣлъ на нее съ сосѣдняго холма. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ; Гернандо Писарро велѣлъ заковать его въ цѣпи, и предалъ суду; судьями были враги Альмагро и приговорили его къ смерти. На его просьбу о помилованіи, Гернандо отвѣчалъ со смѣхомъ, что помилованіе онъ получитъ на небесахъ. Его удавили (это была обыкновенная испанская форма наказанія смертью). Онъ былъ тогда уже 70 лѣтній старикъ. Побочный сынъ его Діэго, котораго онъ очень любилъ, отмстилъ впослѣдствіи за смерть отца.

в) владычество и смерть франсиско писарро.

Поѣздка Гернандо Писарро въ Испанію 1540.

Франсиско Писарро пріѣхалъ въ Куско, далъ огромныя имѣнья своимъ братьямъ, послалъ Гернандо покорить Чаркасъ, область, въ которой уже и тогда добывалось много серебра, и вскорѣ были открыты испанцами богатые рудники Потоси. Одинъ изъ друзей Альмагро уѣхалъ въ Испанію. Гернандо отправился туда, чтобъ оправдаться отъ обвиненія въ убійствѣ Альмагро. Онъ привезъ много золота, потому правительство приняло его милостиво. Вскорѣ по его пріѣздѣ другъ Альмагро умеръ, вѣроятно, отъ отравы. Но поднятое этимъ обвинителемъ дѣло о казни Альмагро не прекратилось. Гернандо не могъ помѣшать раскрытію истинныхъ подробностей юридическаго убійства Альмагро, былъ осужденъ на заключеніе въ темницу и отвезенъ въ крѣпость Медина дель Кампо. Онъ оставался тамъ 20 лѣтъ и по освобожденіи жилъ въ бѣдности.

Правленіе Франсиско Писарро.

Франсиско Писарро, часто увлекавшійся склонностью къ свирѣпымъ мѣрамъ, былъ однакоже одаренъ талантами искуснаго прави-

теля. Манго Капакъ, оттѣсненный въ горы, держался въ ущельяхъ, и войска его постоянно ходили оттуда нападать на испанцевъ. Эта непрерывная война не мѣшала Франсиско Писарро заботиться объ испанскихъ колонистахъ, массами пріѣзжавшихъ въ Перу. Онъ строилъ для нихъ укрѣпленныя поселенія, раздавалъ имъ обширныя земли, снабжалъ ихъ сѣменами европейскихъ хлѣбныхъ растеній. Испанскія укрѣпленія скоро стали городами.

Но испанское правительство не довѣряло Франсиско Писарро и находило, что онъ и его братья своею свирѣпостью вредятъ упроченію испанской власти; потому оно отправило уполномоченнаго для надзора за Писарро. Это былъ Вака де-Кастро; по своему формальному назначенію онъ пріѣхалъ на должность верховнаго судьи и былъ обязанъ повиноваться Франсиско Писарро, но ему были даны бумаги, по которымъ онъ, въ случаѣ смерти Франсиско Писарро, получалъ власть правителя страны. Онъ подвергся бурямъ, замедлившимъ его пріѣздъ въ Америку, а между тѣмъ произошли въ Перу важныя перемѣны.

Походъ испанцевъ къ Амазонской рѣкѣ.

Успѣхи кружили голову испанцамъ, завоевавшимъ Перу. Они слышали о другихъ земляхъ, тоже богатыхъ золотомъ. По одному изъ такихъ слуховъ нѣсколько сотъ испанцевъ подъ начальствомъ Гонсало Писарро пошли черезъ Кордильеры на востокъ, спустились на равнину, по которой течетъ рѣка Напо. Съѣстные припасы взятые, ими, истощились; они питались только корнями растеній и ягодами; они переправились черезъ Напо; но и дальше нашли такіе же густые лѣса, какими шли прежде. Гонсало велѣлъ построить большую лодку; чтобы скрѣпить ее испанцы перековали въ гвозди подковы своихъ, съѣденныхъ лошадей. Часть отряда сѣла на лодку; остальные испанцы шли берегомъ рѣки. Черезъ нѣсколько недѣль они услышали отъ дикарей, что Напо впадаетъ въ другую рѣку, на которой живутъ люди болѣе образованные. Гонсало велѣлъ одному изъ своихъ помощниковъ Орельянѣ плыть въ страну этого цивилизованнаго народа и добыть тамъ съѣстныхъ припасовъ, а самъ остался ждать возвращенія его. Прошло много времени; Орельяна не возвращался. Гонсало пошелъ дальше внизъ по Напо, прологая топоромъ путь черезъ лѣса, достигъ наконецъ до мѣста, гдѣ Напо впадаетъ въ Мараньонъ. Тамъ онъ встрѣтилъ одного изъ испанцевъ, поплывшихъ съ Орельяной, Санчеса Варгаса, который сказалъ, что Орельяна рѣшилъ плыть до моря и возвратиться въ Испанію, чтобы присвоить себѣ честь и выгоды открытія земель по громадной рѣкѣ, что онъ возражалъ противъ этой измѣны товарищамъ, ожидающимъ съѣстныхъ припасовъ, и Орельяна бросилъ его на берегу въ лѣсу. Гонсало и его спутники рѣшили возвратиться въ Перу. Большинство ихъ погибло отъ изнуренія и голода. Только 80 человѣкъ дошли до мѣстностей, населенныхъ перуанцами.—Орельяна приплылъ въ Испанію,

и разсказы его объ Эльдорадо, «золотой землѣ», на берегахъ открытой имъ огромной рѣки разгорячили фантазію отважныхъ людей. Онъ набралъ 500 товарищей для экспедиціи въ Эльдорадо, гдѣ по слухамъ, которымъ вѣрилъ онъ, кровли на домахъ сдѣланы изъ золота. Онъ умеръ во время плаванія. Спутники его напрасно искали баснословной золотой земли.

Заговоръ друзей Альмагро.

Отправляясь въ свою экспедицію, Гонсало предостерегалъ Франсиско отъ друзей Альмагро и въ особенности отъ его сына Діэго. Франсиско пренебрегъ совѣтами брата и держалъ себя неблагоразумно: раздражалъ друзей Альмагро, не давая имъ такихъ большихъ имѣній, какъ своимъ приверженцамъ, не заботился о томъ, чтобъ они переселялись; они толпились въ Лимѣ; тамъ жилъ Діэго Альмагро; онъ устроивалъ тайныя сходки съ ними. Извѣстіе о томъ, что ѣдетъ новый судья, возбудило въ нихъ надежду избавиться отъ нищеты, получить большія имѣнья; прошло много времени, а Вако де Кастро все еще не являлся въ Перу; разнеслась молва, что онъ утонулъ. Друзья Альмагро видѣли себя остающимися подъ владычествомъ врага; друзья Франсиско Писарро и въ особенности секретарь его Пикадо раздражили ихъ наглыми насмѣшками. Человѣкъ двадцать изъ нихъ составили заговоръ убить Франсиско Писарро. Главой заговора былъ Хуанъ Рада. Они назначили для исполненія своего плана воскресенье 26 іюня 1541, хотѣли убить Писарро, когда онъ пойдетъ въ церковь; онъ получилъ извѣстіе объ этомъ умыслѣ, не придалъ ему большой важности, но все-таки не пошелъ въ церковь. Заговорщики поняли, что ихъ умыселъ извѣстенъ ему, разсудили, что они погибнутъ, если дадутъ своему врагу время принять мѣры противъ нихъ, рѣшили идти въ домъ Писарро и убить его тамъ.

Смерть Франсиско Писарро.

Это совѣщаніе происходило въ домѣ Діэго Альмагро; но самъ онъ не пошелъ съ своими соумышленниками. Они подошли къ дворцу Франсиско Писарро; у него были гости. Услышавъ шумъ подходящихъ и понявъ, въ чемъ дѣло, гости побѣжали черезъ садъ созвать солдатъ. Писарро велѣлъ одному изъ своихъ друзей Чавесу запереть дверь, но онъ вступилъ въ переговоры съ подошедшими къ ней; они убили его, сбросили съ крыльца и ворвались во дворецъ; служители, бросившіеся остановить ихъ были тоже убиты. Съ крикомъ «Смерть тиранну!» заговорщики вломились въ комнату, гдѣ Писарро надѣвалъ на себя панцырь при помощи своего брата, Мартинеса Алькантары. Алькантара и два пажа, находившіеся въ комнатѣ, были въ ту же минуту убиты; Писарро оборонялся, какъ левъ, убилъ двухъ изъ нападающихъ, но упалъ и онъ. Убивъ его, заговорщики пошли по улицамъ съ крикомъ: «Тиранъ убитъ! Законный порядокъ возстановленъ! Да здравствуетъ король и его намѣстникъ Альмагро!» Люди ихъ партіи присоединились къ нимъ, друзья Франсиско Писарро бѣжали; заговорщики арестовали Пикадо, отдали на

разграбленіе его домъ и дворецъ Франсиско Писарро; арестовали всѣхъ противниковъ, которыхъ могли найдти. На слѣдующій день Діэго Альмагро поѣхалъ съ вооруженнымъ конвоемъ по улицамъ города; при звукѣ трубъ друзья провозгласили его правителемъ Перу.

Характеръ Писарро.

Франсиско Писарро былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, но очень умный, энергичный. Свирѣпость относительно туземцевъ была общей системой испанскихъ завоевателей Новаго Свѣта; они считали ее необходимостью. Франсиско Писарро велъ простую, воздержную жизнь. Единственной слабостью его была страсть къ игрѣ. Онъ долго обдумывалъ свои планы, исполнялъ ихъ твердо и быстро; сила воли его была непоколебима; страха онъ не зналъ. Мотивами его дѣйствій были только властолюбіе и алчность; онъ не имѣлъ усердія къ распространенію христіанства и этимъ отличался отъ Кортеса.

Гарсиласо де-ла Вега съ грустнымъ сочувствіемъ прежнему идиллическому быту перуанцевъ горько порицаетъ Франсиско Писарро, губителя этой счастливой жизни. Прескоттъ говоритъ: „Писарро нашелъ въ Перу народъ, достигшій высокой степени цивилизаціи, имѣвшій благоустроенныя учрежденія; по горамъ паслись многочисленныя стада; долины были покрыты нивами, прекрасно воздѣланными; общественные магазины были наполнены хлѣбомъ и всѣмъ другимъ необходимымъ для жизни; весь народъ пользовался благосостояніемъ; характеръ его былъ кротокъ, дѣлалъ его способнымъ къ принятію болѣе высокой образованности, но Писарро не заботился ввести ее, отдалъ побѣжденныхъ на произволъ своимъ буйнымъ солдатамъ; они разграбили храмы, города, селенія; несчастные туземцы были розданы въ рабство имъ; стада были истреблены; нивы покинуты; страна, бывшая раемъ, обратилась въ пустыню“.

f) Междоусобія.

Восторжествовавшая партія преслѣдовала друзей Франсиско Писарро, казнила его секретаря Пикадо; но друзья Франсиско оправились отъ испуга, собрались въ нѣсколькихъ городахъ сильными отрядами; началась война. Хуанъ Рада, помогавшій своими совѣтами неопытному Діэго Альмагро, умеръ, другіе совѣтники Діэго ссорились между собой; одинъ изъ нихъ Сотело былъ убитъ другимъ, Гарсіей Альварадо, (родственникомъ Алонсо); Черезъ нѣсколько времени соперники Гарсіи убили его въ присутствіи самого Діэго.

Пріѣздъ Ваки Кастро 1542.

Таково было положеніе дѣлъ въ Перу, когда приплылъ туда Ваки Кастро и показалъ королевскую грамату, по которой въ случаѣ смерти Франсиско Писарро предоставлялась ему власть намѣстника. Діэго Альмагро вступилъ съ нимъ въ переговоры, требовалъ себѣ независимой власти надъ южными землями, покоренными его отцомъ. Кастро не согласился на это, Діэго Альмагро пошелъ изъ Куско къ Лимѣ, гдѣ собрались испанцы, признавшіе власть Кастро.

Войска встрѣтились на Чупасской равнинѣ, и началась упорная

битва; пушки Альмагро были наводимы слишкомъ высоко, ядра перелетали черезъ непріятельское войско; Альмагро предположилъ, что начальникъ артиллеріи Педро Кандія предатель, убилъ его ударомъ меча и самъ сталъ наводить пушки. Кастро повелъ въ атаку отрядъ отборныхъ всадниковъ; этимъ рѣшена была побѣда. Воины Діэго Альмагро бѣжали; нѣкоторые изъ нихъ надѣли эмблемы побѣдителей и присоединились къ нимъ. Много мятежниковъ взято было въ плѣнъ Кастро казнилъ 40 человѣкъ изъ нихъ и пошелъ въ Куско. Діэго Альмагро попался въ плѣнъ; Кастро, по вступленіи въ Куско, предалъ его суду и казнилъ. Гонсало Писарро, надѣявшійся занять мѣсто брата, досадовалъ на то, что правителемъ сталъ Кастро, но принялъ его предложеніе пріѣхать въ Куско, былъ принятъ имъ очень любезно и удовольствовался тѣмъ, что былъ утвержденъ въ должности правителя Чаркасской области.

Пораженіе и смерть Діэго Альмагро, сентябрь 1542.

Но испанское правительство нашло, что нельзя оставить правителемъ Перу человѣка, возбудившаго своими жестокостями озлобленіе въ побѣжденной партіи, и въ ноябрѣ 1542 послала намѣстникомъ въ Перу съ титуломъ вице-короля, Власко Нуньеса Велу. Въ январѣ 1544 онъ приплылъ въ Лиму и обнародовалъ королевскія повелѣнія, совершенно измѣнившія положеніе завоевателей. По этимъ распоряженіямъ перуанцы освобождались отъ работъ въ помѣстьяхъ испанцевъ, а всѣ участники мятежей лишались помѣстій. Почти всѣ перуанскіе испанцы принимали участіе въ мятежахъ, поднялся ропотъ. Гонсало Писарро сталъ во главѣ недовольныхъ. Испанцы, собравшіеся въ Куско, провозгласили его своимъ главнокомандующимъ; онъ увѣрялъ вице-короля въ своей вѣрности правительству, говорилъ, что принялъ на себя начальство надъ войскомъ только для обороны испанскихъ поселенцевъ отъ Манко Капака, державшагося въ Кордильерахъ и дѣлавшаго набѣги. Но очевидно было, что онъ хочетъ захватить должность намѣстника, которую считалъ принадлежащей ему по праву наслѣдства. На его сторонѣ былъ искусный полководецъ Франсиско Карвахаль, которому Кастро былъ обязанъ побѣдой надъ Діэго Альмагро.

Назначеніе Власко Нуньеса вице-королемъ.

Манго Капакъ былъ убитъ бѣжавшими къ нему друзьями Діэго Альмагро. Смертью его прекратилась царская династія; перуанцы не имѣли человѣка, вокругъ котораго могли бы соединяться, и сопротивленіе ихъ испанскому владычеству ослабѣло.

Смерть Манго Капака.

Смерть Манго Капака отняла у Гонсало Писарро предлогъ, которымъ онъ оправдывалъ то, что принялъ начальство надъ испанцами, рѣшившимися защищать свои интересы противъ распоряженій вице-короля; но они оставались вѣрны своему главнокомандующему, и онъ повелъ ихъ къ Лимѣ. Два отряда, посланные противъ него Власко Нуньесомъ, передались ему. Вице-король, человѣкъ подозрительный, сталъ считать измѣнниками всѣхъ, совѣтовавшихъ ему сдѣлать уступки

Походъ Гонсало Писарро къ Лимѣ.

инсургентамъ, арестовалъ многихъ изъ нихъ, нанесъ кинжаломъ ударъ офицеру, говорившему о необходимости уступокъ; друзья вице короля убили упавшаго офицера, онъ велѣлъ похоронить его тайно; но молва объ убійствѣ разнеслась; въ Лимѣ поднялось волненіе. Члены судебной палаты (аудіэнсіи), имѣвшей и административную власть, велѣли арестовать вице-короля, объявили отмѣненными тѣ распоряженія, которыя были причиной возстанія, вступили въ переговоры съ Гонсало Писарро, приближавшимся къ Лимѣ; но онъ требовалъ отъ нихъ покорности; они колебались признать его намѣстникомъ. Карвахаль съ отрядомъ войска вошелъ въ Лиму, схватилъ и повѣсилъ трехъ офицеровъ враждебныхъ Гонсало Писарро. Аудіэнсія увидѣла себя безсильной сопротивляться, признала Гонсало Писарро намѣстникомъ, и 28 октября 1544 онъ вступилъ въ Лиму.

Смерть Власко Нуньеса 1545.

Гонсало говорилъ о своей вѣрности королю испанскому, хотѣлъ отправить въ Испанію пословъ съ оправданіями. Карвахаль сказалъ ему, что это безполезно, что онъ можетъ оправдать себя только копьями и ружьями. Онъ понималъ, что это правда, и принималъ мѣры обороны. Власко Нуньесъ бѣжалъ изъ-подъ стражи, пріѣхалъ въ Кито, объявилъ Гонсало мятежникомъ, призывалъ всѣхъ вѣрныхъ поддапныхъ короля подъ свое знамя. Веналькасаръ, принявшій его сторону, овладѣлъ горными областями сѣверной части перуанскаго царства. Гонсало и Карвахаль пошли на Кито, и близъ этого города произошла рѣшительная битва. Власко Нуньесъ былъ убитъ въ ней, войско его потерпѣло пораженіе.

g) ПРАВЛЕНІЕ ГАСКИ.

Испанцы всѣхъ областей признали Гонсало намѣстникомъ; онъ продолжалъ увѣрять въ своей преданности королю. Карвахаль совѣтовалъ ему жениться на дѣвушкѣ перуанскаго царскаго рода и объявить себя королемъ перуанскимъ. Онъ не отважился на это и оставался при намѣреніи отправить въ Испанію посольство съ оправданіемъ своихъ поступковъ и просьбой объ утвержденіи въ должности вице-короля.

Педро Гаска.

Но пока онъ собирался отправить это посольство, испанское правительство уже рѣшило низвергнуть его. Карлъ назначилъ вице-королемъ перуанскимъ кастильскаго вельможу Педро Гаску, бывшаго по названію лицомъ духовнаго сословія, но занимавшагося, подобно многимъ другимъ духовнымъ сановникамъ, государственными дѣлами, оказавшаго Карлу важныя услуги и пользовавшагося полнымъ его довѣріемъ. Король далъ новому вице-королю неограниченное полномочіе дѣйствовать, какъ найдетъ надобнымъ. Гаска взялъ съ собою жившаго въ Испаніи Алонсо Альварадо, одного изъ знаменитѣйшихъ сподвижниковъ Франсиско Писарро, и съ небольшою свитой безъ войска отплылъ изъ Испаніи 26 мая 1540. Гонсало послалъ въ Панаму вѣрнаго своего приверженца Гинохосу задержать Гаску, и когда вице-король прибылъ туда, Гинохоса потребовалъ, чтобъ онъ призналъ Гонсало Писарро правителемъ Перу; Гаска не согласился на это, и Гинохоса задержалъ его въ Панамѣ, но дозволилъ ему отправить письма къ Гонсало. Одно изъ этихъ писемъ было отъ короля. Карлъ увѣрялъ Гонсало въ своей благосклонности и приглашалъ его помогать Гаскѣ въ дѣлѣ возстановленія законнаго порядка; другое письмо было отъ самого Гаски; онъ убѣждалъ Гонсало не сопротивляться волѣ короля. Вѣроятно, Гонсало не отвратилъ бы отъ себя погибели покорностью. Но онъ и не видѣлъ надобности сложить съ себя власть: перуанскіе испанцы увѣряли его въ своей преданности.

Въ скоромъ времени обстоятельства перемѣнились. Гаска нашелъ средства переслать въ Перу прокламаціи, обѣщавшія прощеніе всѣмъ, кто покорится волѣ испанскаго короля, и отмѣну распоряженій, возбудившихъ неудовольствіе. Испанцы, находившіеся въ Лимѣ, рѣшили отправить въ Испанію посольство съ просьбой объ утвержденіи Гонсало въ должности намѣстника. Главой этого посольства былъ назначенъ Лоренсо Альдана, одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей Гонсало. По пріѣздѣ Альданы въ Панаму, Гаска показалъ ему королевскую грамату о своемъ назначеніи. Увидѣвъ, что король далъ Гаскѣ неограниченное полномочіе, Альдана нашелъ безполезнымъ ѣхать въ Испанію и призналъ власть Гаски. По примѣру Альданы, Гинехоса разсудилъ, что сопротивляться Гаскѣ значитъ подвергаться безпощадному мщенію короля, и 19 ноября предоставилъ находившійся въ Панамѣ флотъ въ распоряженіе вице-короля. Это было громовымъ ударомъ для Писарро; вслѣдъ за тѣмъ сталъ онъ получать другія дурныя извѣстія. Испанцы, находившіеся въ Кито, признали власть Гаски и овладѣли всѣми сѣверными областями. Сентено, одинъ изъ скрывавшихся въ горахъ противниковъ Гонсало, собралъ своихъ друзей и овладѣлъ Куско. Альдана приплылъ съ нѣсколькими кораблями въ Лиму и распространялъ прокламаціи Гаски. Гонсало отступилъ въ Арекипу. Гаска приплылъ 13 іюня 1547 въ Тумбесъ; испанцы, бывшіе тамъ, приняли его съ восторгомъ. Онъ пошелъ въ Кауку. Сентено сталъ у озера Титикаки и отрѣзалъ Гонсало путь изъ Арекипы въ Чиле. Гонсало пошелъ на него и, благодаря искусству Карвахаля, разбилъ его 28 октября на Гуаринской равнинѣ (на юго-востокѣ отъ Титикаки). Карвахаль велѣлъ убить всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ, которые не согласились поступить въ службу Гонсало. Побѣдители вошли въ Куско.

Число испанцевъ, признававшихъ власть Гаски, росло. Весною 1548 у него было до 2,000 воиновъ; онъ пошелъ на Куско. Гонсало едва ли имѣлъ половину этого числа; но двинулся на встрѣчу ему; битва произошла на Хакихагуанской равнинѣ. При самомъ на-

чалѣ сраженія Сепеда, начальствовавшій пѣхотой Гонсало, передался Гаскѣ; его примѣру послѣдовали другіе; черезъ нѣсколько минутъ лишь немногіе остались на сторонѣ Гонсало; онъ сдался въ плѣнъ. Старикъ Карвахаль поскакалъ въ горы, но на крутомъ берегу ручья лошадь оборвалась, онъ упалъ въ воду и былъ взятъ въ плѣнъ. Гаска предалъ его и Гонсало военному суду. Оба они были приговорены къ смерти. Карвахаль предвидѣлъ свою судьбу и пошелъ на казнь съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ ходилъ въ битвы. Тѣло его было разрублено на четыре части; ихъ повѣсили на четырехъ дорогахъ, ведущихъ въ Куско. Ему было 84 года, когда онъ погибъ; но онъ все еще оставался крѣпокъ здоровьемъ и сохранялъ юношескую горячность характера. На слѣдующій день былъ казненъ Гонсало Писарро. Имущество его было конфисковано, домъ его былъ разрушенъ. Гаска казнилъ многихъ его приверженцевъ и роздалъ ихъ имѣнья своимъ помощникамъ.

Изъ братьевъ Франсиско Писарро оставался теперь живъ только Гернандо, находившійся въ Испаніи. Мы говорили, что онъ былъ тамъ брошенъ въ темницу; черезъ нѣсколько времени судьба его была облегчена: ему дозволили жить на свободѣ подъ надзоромъ. Дочь инки Атагуальпы, жена Франсиско Писарро, по смерти мужа уѣхала съ дѣтьми въ Испанію къ Гернандо. Она имѣла отъ завоевателя Перу двухъ дѣтей, сына и дочь Франсиску. Сынъ ея умеръ въ молодыхъ лѣтахъ; Франсиска вышла за своего дядю Гернандо. При Филиппѣ IV потомокъ Франсиска и Гернандо получилъ титулъ маркиза de la Conquista (маркиза, потомка завоевателя) и большую пенсію.

Правленіе Гаски.

Казнивъ побѣжденныхъ противниковъ, Гаска занялся устраненіемъ причинъ къ новымъ междоусобіямъ. Труднѣе всего было ему рѣшать споры по владѣнію землями; но при содѣйствіи помощниковъ, хорошо знавшихъ страну, онъ съумѣлъ примирить притязанія, противорѣчившія одно другому. Онъ старался улучшить положеніе туземцевъ; не могъ освободить ихъ отъ работъ на испанцевъ, которымъ были розданы земли перуанскаго царства, но охранилъ ихъ отъ совершеннаго порабощенія. Онъ ввелъ порядокъ въ администрацію и финансы, вообще дѣйствовалъ осмотрительно и умно. Когда онъ уѣхалъ изъ Перу, казна была полна и доходы правительства велики. Самъ онъ остался бѣднякомъ; онъ отвергалъ подарки, предлагаемые ему испанцами и туземцами.

По возвращеніи въ Испанію онъ получилъ санъ епископа паленсійскаго, потомъ былъ переведенъ на епископскую каѳедру въ Сигенсу. Онъ дожилъ до глубокой старости; умеръ въ ноябрѣ 1567. Мендоса, назначенный на его мѣсто вице-королемъ перуанскимъ, слѣдовалъ его системѣ умѣренности, и въ Перу мало по малу установилось спокойствіе.

---

4. Послѣдствія открытія Америки. Источники исторіи его.

Судьба туземцевъ.

Открытіе Америки создало новое время. Но ея покореніе сопровождалось свирѣпостями. Туземцы острововъ западной Индіи, слабые физически и нравственно, стали жертвами грубой безжалостности и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ исчезли. Уцѣлѣвшіе отъ оружія испанцевъ, отъ оспы и другихъ заразительныхъ болѣзней, занесенныхъ въ Америку завоевателями и убивавшихъ массы туземцевъ, погибли отъ чрезмѣрной работы, къ которой принуждали ихъ испанцы. Мы говорили, что туземцы были вмѣстѣ съ землею розданы участникамъ ихъ покоренія; они должны были 8 или 9 мѣсяцевъ въ году работать на своихъ господъ: копать руду, воздѣлывать плантаціи кофе и сахарнаго тростника, расчищать лѣса для плантацій, исполнять домашнія работы у своихъ владѣльцевъ; отъ нихъ требовали непосильнаго труда; цѣлыми семействами, цѣлыми обществами они убивали себя, чтобъ избавиться отъ мученій; женщины производили у себя ядовитыми травами выкидышъ; этимъ ускорялось вымираніе туземнаго населенія острововъ. Напрасно говорили о состраданіи къ туземцамъ миссіонеры, присылаемые доминиканскимъ орденомъ крестить ихъ; завоеватели заботились только о своей выгодѣ. Когда доминиканецъ Монтесино сталъ говорить въ Эспаньіолѣ противъ отдачи туземцевъ въ рабы, колонисты взволновались. Споръ былъ отданъ на рѣшеніе испанскаго правительства. Оно назначило особаго чиновника для завѣдованія отдачей туземцевъ въ работы и дало господамъ совѣтъ быть сострадательными къ невольникамъ; дѣло продолжало идти по прежнему.—Еще во время управленія Овандо плантаторы стали покупать негровъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ американскіе туземцы. Ласъ Касасъ, благородный защитникъ туземцевъ, авторъ «Разсказа о погибели Индій» (Западной Индіи), написаннаго съ горячимъ сочувствіемъ ихъ страданіямъ, надѣялся облегчить ихъ судьбу, совѣтуя замѣнять ихъ въ тяжелыхъ работахъ неграми. Его совѣтъ содѣйствовалъ развитію торговли неграми, но не облегчилъ судьбу туземцевъ. Въ срединѣ XVI вѣка почти все туземное населеніе Гаити ужь погибло; оно было замѣнено неграми.—Для работъ на плантаціяхъ и въ рудникахъ Эспаньіолы привозили туземцевъ съ другихъ острововъ; это ускорило ихъ погибель на всемъ архипелагѣ. Судьба туземцевъ американскаго континента была тоже бѣдственная. Мехиканцы и перувіанцы были также розданы въ рабство испанскимъ колонистамъ, и во множествѣ погибли отъ обремененія чрезмѣрнымъ трудомъ. Многіе ацтекскіе и перуанскіе вельможи скитались нищими по землямъ, надъ которыми владычествовали ихъ предки. Много времени прошло прежде, чѣмъ туземцы Мехики и Перу получили гражданскія

права въ государствѣ своихъ завоевателей. Дикія племена были прогнаны въ лѣса; но колонисты истребляли лѣса и отнимали у нихъ всѣ средства къ жизни. Отъ прежнихъ цивилизованныхъ государствъ сохранились только развалины городовъ. Погибло и цивилизованное царство муисковъ на плоскогорьѣ Боготы; не осталось и преданій о томъ, кѣмъ были построены въ Чіапской области и Юкатанѣ великолѣпные города, развалинамъ которыхъ дивятся путешественники. Все погибло отъ прикосновенія бѣлыхъ людей.

Продукты и торговля.

Открытіе Америки имѣло громадное вліяніе на жизнь и образованность европейцевъ. Количество продуктовъ, привозимыхъ въ Европу съ вестъ-индскаго архипелага, было сначала невелико. Но пользуясь тропическимъ климатомъ и плодородіемъ почвы этихъ острововъ, европейцы развели на нихъ плантаціи, произведенія которыхъ видоизмѣнили образъ жизни европейскихъ народовъ. Въ первое время по открытіи Америки были перевезены оттуда въ Европу лишь немногія растенія и животныя, какъ напримѣръ маисъ и индюкъ. Картофель и табакъ были перевезены гораздо позднѣе. Знакомствомъ съ картофелемъ Европа обязана англійскому мореплавателю Фрэнсису Дреку. Курящихъ людей увидѣли въ Европѣ только въ половинѣ XVI вѣка; это были матросы, возвратившіеся изъ Америки. Не скоро узнали европейцы и кошениль; еще позднѣе начали они употреблять ваниль и какао. Но тѣ культурныя растенія, которыя перевезли европейцы въ Америку, какъ напримѣръ, кофейное дерево и сахарный тростникъ, принялись тамъ такъ хорошо, что ихъ плантаціи пріобрѣли большой размѣръ; кофе и сахаръ стали привозиться оттуда въ Европу въ большомъ количествѣ.—Громадно было вліяніе, произведенное на общественную жизнь европейцевъ огромнымъ количествомъ благородныхъ металловъ, привозимыхъ изъ Америки. Золотые рудники на Эспаньолѣ и другихъ островахъ были довольно скоро истощены. Но серебряные рудники Мехики и Перу постоянно давали очень много металла. Размѣръ европейской торговли и промышленности значительно увеличился пріобрѣтеніемъ американскихъ продуктовъ: кошенили, разныхъ сортовъ мебельнаго дерева, многихъ пряностей и фруктовъ, привозомъ хлопка и индиго, воздѣлывать которые стали колонисты.—Открытіе Америки измѣнило направленіе морской торговли; прежде главными центрами ея были итальянскіе портовые города; теперь они перешли на западный берегъ Европы, въ Португалію, Испанію, Нидерланды, потомъ въ Англію; эти государства стали богатѣть, итальянскія республики обѣднѣли. Но въ Португаліи и въ Испаніи торговля была стѣснена узкими монополіями, потому скоро упала. Эти государства воспрещали всѣмъ другимъ націямъ торговлю съ своими колоніями, дозволяли ее только своимъ подданнымъ, и то лишь подъ условіями, очень тяжелыми. Въ ихъ колоніяхъ не было трудящагося бѣлаго населенія; притомъ эти колоніи находились подъ тяжелымъ игомъ, потому развивались медленно. Имъ было дозволено вывозить только произведенія природы; занятіе промышленностью было очень стѣснено въ нихъ, чтобъ онѣ покупали продукты ея у своихъ метрополій. Стѣсняя свои колоніи, Португалія и Испанія пришли и сами въ упадокъ, потому что легкость пріобрѣтенія богатства въ Америкѣ ослабила трудолюбіе въ ихъ народахъ. Золотой потокъ, который обогатилъ бы Испанію, если бъ она давала ему свободное теченіе, затопилъ ее, будучи задержанъ въ ней монополіей. Земледѣліе, промышленность, торговля Испаніи упали; народъ, подобно Мидасу, желавшій обращать въ золото все, чего касался, обнищалъ отъ исполненія своего желанія. Межъ тѣмъ, какъ серебряные флоты привозили въ Испанію сокровища, добытыя въ рудникахъ Сакатекаса и Потоси, испанскіе рудники были заброшены. Богатства, доставляемыя Америкой, дали испанскимъ королямъ возможность не просить субсидій у кортесовъ; потому кортесы не были созываемы, и такимъ образомъ погибли послѣдніе остатки правъ испанскаго народа; съ паденіемъ свободы упало и благосостояніе, потому что деспотизмъ подавилъ энергію мысли и труда. Были послѣдствія открытія Америки, вредныя и для всей Европы. Нѣкоторые историки полагаютъ, что сифилисъ, первое явленіе котораго было замѣчено въ испанскихъ и французскихъ войскахъ въ Италіи въ 1494 году, былъ перенесенъ въ Европу матросами, получившими эту болѣзнь отъ распутства въ Америкѣ; это мнѣніе не имѣетъ полной достовѣрности; но оно правдоподобно, потому что американскіе туземцы употребляли лекарства отъ сифилиса, когда европейцы приплыли въ Америку. Желтая лихорадка прежде появлялась только въ тропическомъ поясѣ; когда европейцы завоевали Мехику, она стала свирѣпствовать и на сѣверѣ отъ тропика. Но не была соединена ни съ какимъ вредомъ польза, принесенная открытіемъ Америки наукѣ, и въ частности естествознанію. Впослѣдствіи времени сѣверная Америка сдѣлалась пріютомъ людей, преслѣдуемыхъ въ Европѣ за религію; а потомъ стали находить въ ней просторъ и благосостояніе бѣдные люди европейскихъ земель, имѣющихъ слишкомъ густое населеніе.

Источники исторіи открытія Америки.

Испанская и португальская исторіографія была оживлена открытіемъ и покореніемъ Америки. Самъ Колумбъ хорошо описывалъ величественную природу Новаго Свѣта и наивные нравы туземцевъ. Его отчеты объ открытіяхъ въ Америкѣ проникнуты поэтическимъ одушевленіемъ. Кортесъ былъ человѣкъ, сравнительно съ Колумбомъ, грубый, но письма его къ Карлу о походѣ въ Мехику свидѣтельствуютъ о его образованности и умѣ; его разсказъ напоминаетъ «Комментаріи» Цезаря своей простотой, ясностью и энергіей тона. Слѣдующее поколѣніе завоевателей брало образцами своихъ разсказовъ донесенія его и Колумба.

Верналь Діасъ.

Верналь Діасъ даль Кастильіо въ старости разсказалъ подвиги своего военачальника Кортеса и его сподвижниковъ; Діасъ восхищается храбростью и выносливостью своихъ товарищей, съ наивнымъ самохвальствомъ говоритъ о себѣ. Простодушіе даетъ занимательность его разсказу, хотя онъ владѣлъ перомъ менѣе искусно, чѣмъ шпагой. Онъ припоминалъ въ старости то, что видѣлъ и дѣлалъ въ молодости, потому многія подробности у него не точны. Тѣ же достоинства и недостатки представляетъ трудъ другого современника завоевателей, Ласъ Касаса, «Общая исторія Индій» — то-есть, западной Индіи — Historia General de las Indias, разсказывающая событія отъ открытія Америки Колумбомъ до 1520 года. Эта книга еще не напечатана; но ею пользовались слѣдующіе историки, въ особенности Гевара.

Благородный другъ людей, Вартоломе де Ласъ Касасъ, отецъ котораго былъ спутникомъ Колумба въ первой его экспедиціи, родился въ 1474 году, въ Севильѣ, учился въ саламанкскомъ университетѣ юриспруденціи и богословію; въ 1502 году онъ отправился въ Эспаньіолу съ Овандо, черезъ восемь лѣтъ поступилъ въ духовное званіе. При покореніи Кубы онъ вступался за порабощаемыхъ туземцевъ, и вся остальная жизнь его была посвящена заботамъ о благѣ ихъ. Нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Испанію хлопотать объ отмѣнѣ невольнической работы, убивавшей туземцевъ; всѣ облегченія ихъ судьбы, сдѣланныя испанскимъ правительствомъ, были результатами заступничества Ласъ Касаса за нихъ. Онъ надѣялся, какъ мы говорили, спасти ихъ отъ погибели, предлагая употреблять негровъ вмѣсто нихъ для тяжелыхъ работъ. Колонисты ненавидѣли Ласъ Касаса; вражда ихъ къ нему усилилась, когда онъ съ дозволенія испанскаго правительства основалъ въ 1520 году на мехиканскомъ берегу поселеніе доминиканскихъ монаховъ для проповѣди христіанства туземцамъ и для наученія ихъ земледѣлію и ремесламъ. Но туземцы ужь были раздражены противъ европейцевъ, потому предпріятіе Ласъ Касаса не удалось: миссіонеры были прогнаны, онъ возвратился въ Эспаньіолу; колонисты смѣялись надъ нимъ. Онъ поступилъ въ доминиканскій орденъ, нашелъ во многихъ монахахъ сочувствіе своимъ заботамъ о туземцахъ, писалъ сочиненія; надъ важнѣйшимъ изъ нихъ, „Всеобщей исторіей Индій“, онъ работалъ до конца жизни. Большую популярность пріобрѣлъ его „Кратчайшій разсказъ о погубленіи Индій“, Brevissima relacion de la destruccion de las Indias. Карлъ, уважавшій Ласъ Касаса, давалъ повелѣнія облегчить судьбу американскихъ туземцевъ; комитетъ, завѣдывавшій дѣлами колоній, посылалъ инструкціи въ этомъ смыслѣ. Но пользы отъ нихъ было мало. Впрочемъ, самъ Ласъ Касасъ вредилъ своему дѣлу преувеличеніями, какія позволялъ себѣ въ описаніяхъ жестокостей колонистовъ; противники его, пользуясь этими неточностями, говорили, что всѣ разсказы его лживы. Въ 1544 году онъ, семидесятилѣтній старикъ, былъ назначенъ епископомъ въ Чіапу, маленькій городъ далекой области Мехики. Колонисты встрѣтили его враждебно. Напрасно требовалъ онъ исполненія законовъ, изданныхъ въ пользу туземцевъ; колонисты устраняли ихъ примѣненіе юридическими хитростями, или прямо отказывались повиноваться имъ. Ласъ Касасъ запретилъ священникамъ своей епархіи допускать къ святому причастію тѣхъ, кто удерживаетъ туземцевъ въ рабствѣ, но священники не слушались его. Однимъ изъ горячихъ противниковъ Ласъ Касаса былъ францисканецъ Торивіо, вызванный Кортесомъ въ Мехику для обращенія туземцевъ въ христіанство и назначенный аббатомъ тескукскаго монастыря. Онъ писалъ рѣзкіе памфлеты противъ Ласъ Касаса. Въ его „Исторіи индійцевъ Новой Испаніи“ находится много извѣстій о религіи и бытѣ ацтековъ, но помѣщено и много баснословныхъ разсказовъ. Утомленный спорами, Ласъ Касасъ черезъ три года уѣхалъ въ Испанію и тамъ до конца жизни продолжалъ хлопотать въ пользу туземцевъ. Онъ пользовался уваженіемъ Карла и Филиппа II; правительство часто спрашивало его совѣта по американскимъ дѣламъ. Онъ дожилъ до 92 лѣтъ и умеръ въ іюлѣ 1566 въ аточскомъ монастырѣ.

Торивіо.

Прескоттъ говоритъ объ «Исторіи Индій» Ласъ Касаса: «Слогъ этой книги, какъ и всѣхъ сочиненій Ласъ Касаса, безсвязенъ, чрезвычайно многословенъ, переполненъ повтореніями, длинными отступленіями по поводу мелочей, педантическими излишними цитатами, вообще очень плохъ. Но искреннее одушевленіе даетъ краснорѣчіе тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ описываются притѣсненія, дѣлаемыя туземцамъ. Главный недостатокъ его «Исторіи»—пристрастіе къ защитѣ туземцевъ; оно даетъ односторонность его разсказамъ о томъ, что происходило при немъ, и дѣлаетъ его слишкомъ довѣрчивымъ къ чужимъ извѣстіямъ, совпадающимъ съ его понятіями».

Совершенно иной характеръ имѣютъ сочиненія итальянскаго писателя Петра Мартира (Піэтро Мартире), бывшаго современникомъ Ласъ Касаса. Онъ происходилъ изъ знатной миланской фамиліи, родился въ Аронѣ (на берегу Lago Maggiore); будучи 22 лѣтнимъ юношей, онъ въ 1477 году поѣхалъ въ римскій университетъ и провелъ десять лѣтъ въ ученыхъ занятіяхъ. Кастильскій посланникъ, возвращавшійся на родину, взялъ его съ собой. Изабелла назначила его учителемъ жившихъ при ея дворѣ молодыхъ вельможъ; онъ поступилъ въ духовное званіе, былъ профессоромъ вальядолидскаго университета, потомъ читалъ лекціи въ Сарагосѣ, Барселонѣ, Алькалѣ де Генаресъ; знатные молодые люди съѣзжались изъ всей Испаніи слушать его объясненія древнихъ классиковъ. Правительство отправляло его въ посольства, давало ему другія важныя порученія, награждало его почестями. Онъ умеръ 70 лѣтнимъ старикомъ, около 1525 года. Онъ былъ ученый и съ тѣмъ вмѣстѣ придворный человѣкъ; любовь къ наукѣ соединялась въ немъ съ житейскимъ благоразуміемъ опытнаго дѣльца. Онъ держался тѣхъ просвѣщенныхъ понятій, какія внушало тогда итальянцамъ изученіе классическихъ литературъ; но остерегался противорѣчить фанатизму испанскаго правительства и предразсудкамъ вельможъ, въ кругу которыхъ любилъ жить. Будучи членомъ комитета, завѣдовавшаго американскими колоніями, онъ хорошо зналъ ихъ дѣла; былъ лично знакомъ съ Кортесомъ и другими людьми, дѣлавшими открытія въ Америкѣ. Собраніе писемъ его богатый источникъ свѣдѣній объ американскихъ дѣлахъ. Онъ писалъ торопливо, ему некогда было заниматься отдѣлкой слога; но по своему содержанію его письма очень интересны. Переписка его охватываетъ всѣ событія испанской исторіи съ 1488 года до его смерти; но главный предметъ ея—американскія дѣла. Онъ написалъ о нихъ и обширный трактатъ: „Декады книгъ о Новомъ Свѣтѣ“, Decades de orbe Novo.

Прескоттъ говоритъ: «Слогъ Петра Мартира небреженъ; но онъ человѣкъ большого ума. Онъ не вдается въ мелочи, которыми переполнены разсказы испанскихъ путешественниковъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе на предметахъ дѣйствительно важныхъ, отчетливо передаетъ главныя черты хода открытій, описываетъ продукты новыхъ земель, исторію и бытъ туземныхъ племенъ. Его письма важны между прочимъ и потому, что

въ нихъ выражаются мнѣнія кастильскаго правительства объ американскихъ событіяхъ; другіе историки разсказываютъ о блестящихъ подвигахъ завоевателей, у Петра Мартира мы видимъ и оборотную сторону дѣла; отъ него мы узнаемъ, какое впечатлѣніе на образованныхъ людей производили поступки завоевателей».

Овіэдо. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ исторіи открытій и завоеваній въ Америкѣ—„Исторія Западныхъ Индій“, Historia de las Indias Occidentales Гонсало Фернандеса Овіэдо-и-Вальдеса. Онъ происходилъ изъ старинной астурійской фамиліи, родился въ 1478 году, поступилъ въ ранней молодости на службу къ двору Изабеллы и Фердинанда, ѣздилъ съ ними на войну противъ мавровъ, участвовалъ въ осадѣ Гранады. Онъ былъ пажомъ инфанта Хуана; по его смерти поѣхалъ въ Италію и поступилъ (въ 1496 году) на службу къ Фридриху, королю неаполитанскому; но скоро возвратился въ отечество, получилъ должность хранителя королевскихъ драгоцѣнныхъ вещей. Въ 1513 году онъ былъ посланъ королемъ въ Эспаньіолу, былъ тамъ начальникомъ лабораторіи для переплавки золотого песка въ слитки, участвовалъ въ несчастной экспедиціи Педраріаса. Кажется, онъ успѣшно занимался торговыми дѣлами. По возвращеніи въ Эспаньіолу онъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ и обзавелся хорошимъ домомъ. Карлъ назначилъ его эспаньіольскимъ алькальдомъ (судьей). Онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Испанію. Въ 1526 году онъ напечаталъ посвященный Карлу „Очеркъ“, Sumario, географическое и этнографическое описаніе Вестъ-Индіи, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ. Карлъ назначилъ его за этотъ трудъ исторіографомъ Вестъ-Индіи. Онъ умеръ на 79 году жизни, въ Вальядолидѣ, въ 1557 году. Передъ смертью онъ занимался окончательной отдѣлкой послѣднихъ книгъ своей„ Естественной и всеобщей исторіи Индій“, Natural general historia de las Indias. Этотъ обширный трудъ имѣетъ три главные отдѣла; въ первомъ Овіэдо подробно излагаетъ тѣ свѣдѣнія, которыя кратко сообщилъ въ Sumario и присоединяетъ къ нимъ описаніе тѣхъ острововъ, о которыхъ не говорилъ въ „Очеркѣ“. Второй и третій отдѣлы разсказываютъ исторію открытія и завоеванія Мехики, Перу и другихъ земель американскаго континента. Овіэдо считаетъ Ласъ Касаса наивнымъ мечтателемъ, не раздѣляетъ его любви къ туземцамъ, старается во всемъ оправдывать завоевателей. Разсказъ Овіэдо многословенъ, скученъ, переполненъ цитатами для щегольства ученостью; но онъ сообщаетъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, которыя собиралъ очень трудолюбиво. Онъ пользовался и народными разсказами, и письмами солдатъ. Изложеніе у него часто бываетъ безсвязно; онъ передаетъ множество мелочей, не умѣя соединить ихъ въ одну картину. Онъ обращаетъ большое вниманіе на растенія и животныхъ Новаго Свѣта. Его „Исторія Индіи“ и другое сочиненіе, Quincuagenas, написанное въ формѣ разговоровъ знаменитыхъ людей о современныхъ событіяхъ, еще не изданы; но слѣдующіе историки пользовались ими.—Живую картину быта перуанцевъ передъ покореніемъ ихъ

Сіэса. царства представляетъ „Перуанская Хроника“ Педро Сіэсы. Въ молодости онъ поѣхалъ въ Перу съ Гаской и участвовалъ въ войнѣ противъ Гонсало

Сарміэнто. Писарро.—Очень обширное сочиненіе о Перу написано Хуаномъ Сарміэнто. Онъ былъ предсѣдателемъ правительственнаго совѣта Индіи, объѣхалъ Перу вскорѣ послѣ завоеванія, собиралъ историческія преданія перуанцевъ. Въ своей „Исторіи Перу“ онъ подробно описываетъ обычаи и государ-

Ондегардо. ственныя учрежденія перуанцевъ. Еще важнѣе „Донесенія“, Relaciones, Ондегардо, юриста, находившагося на службѣ въ Лимѣ. Это обзоры состоянія страны, написанные по порученію правительства. Ондегардо хорошо изучилъ учрежденія перуанскаго царства, нравы и религію перуан-

цевъ, даетъ ясное понятіе объ ихъ знаніяхъ и техническихъ искусствахъ. Его отчеты проникнуты человѣколюбіемъ, въ духѣ котораго желало испанское правительство дѣйствовать въ Перу послѣ подавленія возстанія Гонсало Писарро.—Важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній о Перу—Comentarios Reales, „Государственные комментаріи“ Гарсиласо де Вега. Онъ былъ сынъ испанскаго вельможи и женщины, происходившей отъ перуанскихъ царей. Въ первой части своего труда онъ описываетъ перуанское царство, во второй разсказываетъ исторію его завоеванія. Отецъ Гарсиласо былъ приверженцемъ Писарро и за это находился въ немилости у правительства. Гарсиласо говоритъ и о себѣ, что правительство не награждало его по заслугамъ. Это отражается въ тонѣ его разсказа, написаннаго въ старости, со стариковской болтливостью. Онъ превозноситъ учрежденія перуанскаго государства, царями котораго были предки его по матери. Первая часть его труда издана въ 1609 году, вторая по его смерти, въ 1617 году.—Разсказъ Педро Писарро о завоеваніи Перу написанъ грубымъ, но простодушнымъ солдатскимъ тономъ; авторъ пристрастенъ къ Франсиско Писарро, родственникомъ и пажомъ котораго былъ. При возстаніи Гонсало Писарро онъ остался вѣренъ правительству; но Гаска не далъ ему такихъ обширныхъ имѣній, какъ онъ желалъ.—„Историческія записки о перуанской старинѣ“, Memorias antiguas historiales de Peru, Монтесиносъ—богатое, но составленное безъ критики собраніе свѣдѣній о перуанскомъ царствѣ. Менѣе недостовѣрныхъ подробностей въ Annales, „Лѣтописи“, Монтесиноса, разсказывающей исторію завоеванія Перу. Онъ приводитъ въ ней много документовъ.

Гарсиласо де ла Вега. Педро Писарро. Монтесиносъ.

Между миссіонерами, обращавшими американцевъ въ христіанство, находились люди, трудолюбиво собиравшіе свѣдѣнія объ исторіи и нравахъ ихъ. Францисканецъ Бернардино Саррагунъ, современникъ завоевателей, написалъ „Всеобщую исторію Новой Испаніи“, представляющую много извѣстій о нравахъ и учрежденіяхъ ацтековъ. Онъ пользовался документами, писанными на ацтекскомъ языкѣ, записывалъ молитвы и пѣсни ацтековъ, и свое сочиненіе написалъ на ихъ языкѣ, потомъ перевелъ его на испанскій. Оно имѣетъ очень большую важность. Имъ пользовался другой францисканецъ, Торкемада, въ своей „Индійской Монархіи“. Торкемада прожилъ въ Мехикѣ около 50 лѣтъ, хорошо изучилъ историческія преданія, религію и нравы ацтековъ и сообщаетъ о нихъ очень много вѣрныхъ свѣдѣній.

Саррагунъ. Торкемада.

Первый ученый трудъ, разсказывающій исторію всѣхъ испанскихъ открытій и завоеваній въ Новомъ Свѣтѣ, написалъ Франсиско Лопесъ Гомара. Онъ родился въ 1510 году въ Севильѣ, главномъ центрѣ, изъ котораго отправлялись экспедиціи въ Америку, и съ ранней молодости ознакомился съ американскими дѣлами. Нѣсколько времени онъ былъ профессоромъ краснорѣчія въ Алькалѣ. По возвращеніи Кортеса въ Испанію онъ сдѣлался капелланомъ этого завоевателя, проникся удивленіемъ къ нему, посвятилъ всѣ свои силы работѣ надъ исторіей его подвиговъ; по смерти его, остался на службѣ его сына. Важнѣйшій историческій трудъ Гомары „Хроника Новой Испаніи“, составленная большею частью по разсказамъ самого Кортеса, потому представляющая множество важныхъ свѣдѣній. Слогъ Гомары простъ и свободенъ отъ утомительнаго многословія другихъ тогдашнихъ историковъ. Но Гомара пристрастенъ къ Кортесу, безусловно хвалитъ всѣ его дѣйствія. Тѣ же качества имѣетъ и другой большой трудъ Гомары „Исторія Индій“ (Западной Индіи), краткій разсказъ объ открытіи и завоеваніи испанцевъ въ Америкѣ.

Гомара.

Слѣдующему поколѣнію принадлежитъ ученый, написавшій подробную

Геррера.

исторію открытій и завоеваній испанцевъ въ Новомъ Свѣтѣ, Антоніо Геррера. Онъ родился въ 1547 году въ Куэльѣ, поѣхалъ для довершенія своего образованія въ Италію, поступилъ на службу къ Веспазіано Гонзагѣ, брату герцога мантуанскаго, поѣхалъ съ нимъ въ Наварру, правителемъ которой онъ былъ назначенъ. Веспазіано, умирая, рекомендовалъ Герреру Филиппу II; король назначилъ его исторіографомъ Западныхъ Индій и далъ ему большое жалованье. По своей должности, Геррера могъ пользоваться всѣми архивами. Его „Всеобщая Исторія Западныхъ Индій“, Historia general de las Indias Occidentales, состоитъ изъ восьми декадъ (80 книгъ). Она разсказываетъ исторію Новаго Свѣта отъ его открытія до 1544 года. Она имѣетъ форму лѣтописи, потому разсказъ объ одномъ рядѣ событій разрывается на куски разсказами о другихъ событіяхъ. Въ числѣ рукописныхъ матеріаловъ, которыми пользовался Геррера, находилась „Исторія Индій“ Ласъ Касаса; онъ дѣлаетъ обширныя заимствованія изъ нея, исправляя дурной слогъ и выбрасывая рѣзкія сужденія о жестокости испанцевъ къ туземцамъ. Языкъ Герреры простъ; по богатству и достовѣрности извѣстій трудъ его имѣетъ большое достоинство.

Португальская историографія.

Открытія и завоеванія португальцевъ въ Африкѣ и въ южной Азіи, возвысившія значеніе португальскаго народа, оживили его историческую литературу. Жоано де Барросъ пріобрѣлъ себѣ знаменитость своей „Азіей“, исторіей открытій и завоеваній португальцевъ на востокѣ. Его называли португальскимъ Ливіемъ. Онъ писалъ свой трудъ по порученію короля Іоанна III. Самъ онъ успѣлъ написать только первыя три декады; португальскіе короли поручали другимъ ученымъ продолжать его работу. Въ 1532 году онъ былъ назначенъ факторомъ индійскихъ палатъ (дѣлопроизводителемъ коммиссіи, завѣдовавшей дѣлами колоній); потому въ его рукахъ находились всѣ документы по исторіи открытій и завоеваній португальцевъ. Короли Эммануэль и Іоаннъ III велѣли доставлять ему документы изъ всѣхъ другихъ архивовъ. Онъ пріобрѣлъ восточныя лѣтописи; по его порученію, онѣ были переведены для него.—Въ старости Барросъ удалился на покой въ свое имѣнье близъ Лиссабона и умеръ тамъ 20 октября 1570.

V. ИСПАНІЯ, ФРАНЦІЯ, ИТАЛІЯ.

A. Италія во время перваго французскаго нашествія.

Литература. Важнѣйшій изъ современныхъ разсказовъ объ итальянскихъ событіяхъ отъ перваго французскаго нашествія до паденія флорентійской республики «Исторія Италіи», Istoria d'Italia Франческо Гвиччардини; она была напечатана въ 1561 году; изъ новыхъ изданій самое лучшее сдѣлано Россини (10 томовъ, Pisa, 1819 и слѣд. годы). Изъ трудовъ новыхъ историковъ назовемъ: Histoire des républiques italiennes par S. de Sismondi; — Gregorovius, Lucretia Borgia; Roscoe, The Life of Lorenzo de' Medici; его же The Life and pontificate of Leo X; Reumont, Lorenzo de' Medici (2 тома, 1883); его же Geschichte der Stadt Rom (къ этому времени относится 3-й томъ, 1870); Gregorovius, Geschichte der Stadt Rom (къ этому времени относится 7-й и слѣдующіе томы); Ranke, Filippo Strozzi und Cosimo Medici (въ его Gesammelte Werke томы 40-й и 41-й, 1877).

1. Характеръ времени.

Новая политика.

Общественная и государственная жизнь народовъ западной Европы сильно измѣнилась при переходѣ отъ средневѣкового феодализма къ монархическому устройству. Въ средніе вѣка народы вели замкнутую жизнь; сношенія между ними состояли главнымъ образомъ въ военныхъ столкновеніихъ. При переходѣ къ новому времени мы видимъ у нихъ общее стремленіе выйдти изъ національной замкнутости, соединиться въ одно семейство, имѣющее общіе интересы и цѣли. Государи заключали между собой союзы для военныхъ дѣйствій; изъ этихъ договоровъ выработалась мало по малу политическая система, въ которой дѣла каждаго государства оказывали вліяніе на дѣла всѣхъ другихъ, и возникла такъ называемая система политическаго равновѣсія. Духъ времени велъ къ образованію тѣсныхъ связей между государствами. При Максиміліанѣ и Людовикѣ XI была учреждена почта въ Германіи, Нидерландахъ, Франціи. Фердинандъ Католическій имѣлъ постоянныхъ посланниковъ при дворахъ другихъ государей; они скоро послѣдовали его примѣру; государи видѣли надобность находиться въ непрерывныхъ сношеніяхъ и часто съѣзжались на свиданія. Короли были теперь распорядителями всѣхъ силъ своихъ націй. Прежде ихъ власть надъ землями вассаловъ была слаба; теперь во Франціи, въ Испаніи, въ Англіи было подавлено всякое сопротивленіе волѣ короля; онъ сталъ неограниченнымъ господиномъ королевства, могъ выводить на войну всѣ силы націи. Старыя основанія политической нравственности были разрушены; въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій политика была чужда всякихъ нравственныхъ стѣсненій; государи руководились только соображеніями личныхъ выгодъ. Коминъ выставляетъ холодный эгоизмъ политической мудростью; то же самое проповѣдуетъ Макіавелли.

Политическая жизнь въ Италіи.

Эта новая политика раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, проявилась съ рѣзкой ясностью въ Италіи. Прекрасная и образованная страна, раздробленная на множество мелкихъ государствъ, Италія была ареной политическихъ интригъ; въ ней развилась та система коварства, которая скоро была принята правительствами другихъ западныхъ земель. Итальянскіе государи полагали, что безопасность каждаго изъ нихъ требуетъ предотвращать расширеніе сосѣднихъ государствъ; забота о поддержаніи политическаго равновѣсія вела къ заключенію безчисленныхъ союзовъ и къ нарушенію ихъ.

«Въ VIII томѣ мы разсказали исторію Италіи до второй половины XV вѣка. Италія ужь заключала тогда въ себѣ элементы, которые привели итальянскій народъ къ утратѣ національной независимости. Ядомъ, губившимъ политическую жизнь Италіи» былъ обычай пра-

вительствъ вести войну наемными войсками. Кондоттьерамъ, какъ назывались полководцы наемниковъ, было чуждо національное чувство; всѣ они находились въ сношеніяхъ между собой; каждый щадилъ наемниковъ своего противника, съ которымъ оставался друженъ и во время войны; сраженія перестали быть серьезными битвами, походили на упражненія въ искусствѣ маневрировать; вооруженіе оставалось старинное, объ улучшеніи его не было заботы; огнестрѣльное оружіе у итальянцевъ было хуже, чѣмъ у испанцевъ, французовъ, нѣмцевъ. Во второй половинѣ XV вѣка они имѣли только пушки маленькаго калибра, стрѣлявшіе каменными ядрами; ихъ возили на волахъ; лафеты были такъ неуклюжи, что отъ одного выстрѣла до другого проходило очень много времени; осажденные успѣвали поправлять стѣны въ промежуткахъ выстрѣловъ. «Войну вели такъ слабо, что начинали ее безъ боязни, продолжали безъ опасности, кончали безъ вреда», говорилъ Макіавелли: «Такимъ образомъ храбрость, утрачиваемая другими народами при продолжительномъ мирѣ, утрачивалась итальянцами при непрерывныхъ войнахъ, по недостатку серьезности въ нихъ».—«Въ моемъ разсказѣ о событіяхъ», продолжаетъ Макіавелли, «не представится случаевъ говорить о храбрости солдатъ, отвагѣ полководцевъ, патріотизмѣ гражданъ; но будетъ надобно часто говорить о коварствахъ, какими пріобрѣтали незаслуженную славу итальянскіе государи, правители республикъ и полководцы».

---

2. Неаполитанскія дѣла.

Іоанна II умерла въ 1435 году. По смерти ея возобновилась война между арагонской и анжуйской партіями. Сторонники Рене Анжуйскаго оставались вѣрны ему, пока онъ имѣлъ деньги на жалованье наемникамъ; это продолжалось семь лѣтъ. Но Альфонсъ V мало по малу одолѣвалъ. Въ 1442 году онъ овладѣлъ Неаполемъ. Послѣ того Рене ужь не могъ надѣяться на успѣхъ и прекратилъ войну; но продолжалъ называть себя королемъ неаполитанскимъ. Евгеній IV, присвоивавшій себѣ, какъ сюзерену королевства неаполитанскаго, право рѣшать вопросы о престолонаслѣдіи въ немъ и признававшій Рене королемъ, отступился отъ него (въ 1443 году) и призналъ королемъ Альфонса, не находившаго надобнымъ спорить съ папой о его сюзеренныхъ правахъ.

Арагонская династія. Альфонсъ I. 1435—1458.

Альфонсъ соединилъ Неаполь и Сицилію въ одно государство, получившее названіе королевства Обѣихъ Сицилій. Онъ не былъ хорошимъ правителемъ, но неаполитанцы сохранили хорошее воспоминаніе объ его царствованіи, потому что страна отдохнула при немъ, благодаря прекращенію междоусобій. Въ похвалу ему неаполитанцы говорили, что онъ предпочиталъ ихъ королевство другимъ своимъ государствамъ и постоянно жилъ въ немъ, что онъ покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, улучшилъ судопроизводство учрежденіемъ новыхъ трибуналовъ, убѣдилъ многихъ арагонскихъ и сицилійскихъ вельможъ переселиться въ Неаполь и возвысилъ этимъ блескъ своего двора. Но если онъ и дѣлалъ что-нибудь полезное для неаполитанцевъ, то не по заботѣ о ихъ благѣ, а по разсчету своей выгоды. Онъ хотѣлъ увеличить число своихъ приверженцевъ и возстановить порядокъ, разрушенный междоусобіемъ; любилъ роскошь, имѣлъ множество любовницъ; неаполитанскій дворъ оставался при немъ такимъ же вертепомъ разврата, какимъ былъ при анжуской династіи. Говорятъ, онъ разстроилъ здоровье и ускорилъ свою смерть распутствомъ.

Альфонсъ умеръ 27 іюля 1458. Онъ завѣщалъ, что Сицилія остается соединена съ Арагоніей, а неаполитанскій престолъ наслѣдуетъ его побочный, но легитимированный сынъ Фердинандъ. Неаполитанцы не любили Фердинанда за его подозрительность и жестокость; многіе вельможи предложили корону Карлу Віанскому, но онъ отказался отъ нея и уѣхалъ въ Сицилію (стр. 290). Пій II сначала не призналъ Фердинанда королемъ, но призналъ, получивъ отъ него увѣреніе, что онъ будетъ оказывать почетъ папѣ, какъ своему сюзерену. Вельможи, враждебные Фердинанду, были менѣе сговорчивы. Вождями ихъ были родственники королевскаго семейства, могущественный князь Тарентскій, къ фамиліи котораго пренадлежала жена Фердинанда, и графъ Россано, мужъ побочной дочери Альфонса, Элеоноры. Они опасались, что алчный Фердинандъ отниметъ у нихъ часть владѣній. Противники его предложили корону Іоанну, королю арагонскому и сицилійскому; онъ отказался принять ее, отчасти потому, что былъ занятъ усмиреніемъ мятежей въ королевствѣ арагонскомъ, отчасти потому, что не хотѣлъ нарушить волю старшаго брата, добровольно отдавшаго ему Арагонію и Сицилію. Тогда противники Фердинанда предложили корону Іоанну, герцогу калабрійскому, которому отецъ его Рене передалъ свои права на неаполитанскій престолъ.

Фердинандъ I 1458—1496.

Іоаннъ Калабрійскій, человѣкъ отважный, охотно принялъ предложеніе неаполитанскихъ вельможъ, собралъ наемниковъ, нанялъ корабли у генуэзцевъ, вышелъ на берегъ Кампаніи и началъ войну довольно удачно. Его прямодушный, благородный характеръ привлекалъ къ нему народъ. Князь тарентскій впускалъ его въ свои города; благодаря тому, онъ быстро овладѣлъ всей Апуліей. При Сарно онъ разбилъ папскаго полководца Симонетту, шедшаго на помощь Фердинанду, и послѣ этой побѣды покорилъ большую часть Кампаніи. Но папа послалъ противъ него новое войско. Герцогъ миланскій, не желавшій, чтобы королевствомъ неаполитанскимъ

овладѣлъ принцъ французской династіи, тоже помогалъ Фердинанду. Дѣла герцога калабрійскаго получили дурной оборотъ. Знаменитый кондоттьеръ Якопо Пиччинино, напятый имъ, былъ остановленъ на пути къ нему и (въ іюлѣ 1460) разбитъ въ кровопролитномъ сраженіи, длившемъ до глубокой ночи при свѣтѣ факеловъ. Сама по себѣ эта побѣда противниковъ Іоанна не имѣла большого значенія; но она произвела перемѣну въ настроеніи неаполитанскихъ вельможъ: Они усомнились въ возможности одолѣть Фердинанда и перестали помогать Іоанну, а онъ держался только ихъ помощью. Утомленные войной, они желали примириться съ Фердинандомъ и медлили положить оружіе лишь потому, что опасались его коварства. Но герцогъ миланскій поручился, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе не мстить имъ. Люди, не совершенно безчувственные, не могли не желать прекращенія войны, опустошавшей среднюю и южную Италію. Кромѣ папы и герцога миланскаго, Фердинанду помогалъ Скандербегъ. Въ августѣ 1462 Фердинандъ одержалъ побѣду при Троѣ. Князь тарентскій и герцогъ мельфійскій примирились съ нимъ. Онъ увѣрялъ ихъ, что не будетъ имѣть вражды къ нимъ. Но въ слѣдующемъ году князь тарентскій былъ убитъ въ своемъ дворцѣ; молва говорила, что убійцы исполняли порученіе короля. Фердинандъ захватилъ громадныя сокровища убитаго; они доставили ему средства одолѣть герцога калабрійскаго способомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ оружіе. Онъ подкупилъ Пиччинино; этотъ полководецъ перешелъ на службу къ нему. Графъ Россано, повѣривъ обѣщаніямъ короля и ручательству герцога миланскаго, пріѣхалъ въ станъ Фердинанда и былъ арестованъ. Герцогъ калабрійскій не могъ продолжать войны, уплылъ на Искію и въ 1645 возвратился во Францію. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ; сынъ его умеръ еще при жизни отца; племянникъ короля Рене, Карлъ, герцогъ менскій, умеръ бездѣтнымъ; права анжуйской династіи наслѣдовалъ ближайшій родственникъ короля Рене, Людовикъ XI; но не хотѣлъ предпринимать войны, не представлявшей шансовъ успѣха.

Правленіе Фердинанда.

По отъѣздѣ герцога калабрійскаго изъ Италіи, Фердинандъ остался въ безпорномъ обладаніи королевствомъ неаполитанскимъ. Онъ не пріобрѣлъ любви народа; но всѣ жалѣли о его смерти, потому, что послѣ нея начались новыя бѣдствія.—Фердинандъ держался той же коварной политики, какъ Людовикъ XI. Пиччинино получилъ за свои заслуги громадныя владѣнія, имѣлъ груды денегъ; толпы наемниковъ готовы были идти къ нему по первому призыву. Могущество его внушало опасенія Фердинанду. Пиччинино сосваталъ одну изъ побочныхъ дочерей герцога миланскаго и передъ свадьбой заѣхалъ (въ августѣ 1465) въ Неаполь. Фердинандъ заманилъ его во дворецъ и велѣлъ арестовать. Черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что онъ умеръ. Король объявилъ, что онъ, пошедши осмотрѣть зданія, упалъ со стѣны и убился. Герцогъ миланскій высказывалъ негодованіе на убійство. Но черезъ нѣсколько времени сынъ Фердинанда выразилъ желаніе жениться на его законной дочери Ипполитѣ, и онъ помирился съ неаполитанской династіей.—Графъ Антоніо Кальдора былъ арестованъ Фердинандомъ, но бѣжалъ изъ темницы; имѣнья его были конфискованы, и онъ умеръ изгнанникомъ. Фердинандъ отнялъ у папы герцогство сорское. Пій II и преемникъ Пія, Павелъ II, упрекали его въ неблагодарности; онъ оставался равнодушенъ къ порицаніямъ, и въ 1469 году, когда Павелъ хотѣлъ отнять Римини у Малатесты, онъ послалъ войско, защитившее Малатесту. Подобно Людовику XI, Фердинанду Католическому и королю португальскому Іоанну II, онъ подавлялъ феодальныхъ владѣтелей. Дворъ его былъ великолѣпенъ. Онъ далъ своимъ сыновьямъ и дочерямъ хорошее образованіе, покровительствовалъ ученымъ, заботился о развитіи промышленности, давалъ пособія людямъ, основывавшимъ шелковыя фабрики, далъ привилегіи цеху шелковыхъ ткачей, приглашалъ изъ другихъ земель искусныхъ ремесленниковъ. Два нѣмецкіе типографщика поселились въ Неаполѣ и стали печатать книги тамъ.

Фердинандъ далъ важныя должности знаменитымъ юристамъ Риччо Путео, Караффѣ, Аффлитти. Поэтъ, историкъ и ораторъ Понтанъ (Понтано) основалъ въ Неаполѣ академію; Фердинандъ назначилъ его учителемъ своего сына и поручалъ ему важныя дѣла. Поэтъ Саннадаро тоже пользовался покровительствомъ Фердинанда.

Альфонсъ II 1494—1496.

Фердинандъ былъ ненавистенъ своимъ тиранствомъ; но когда онъ одряхлѣлъ и государствомъ сталъ править сынъ его Альфонсъ, тиранство увеличилось. Принудивъ турокъ сдать Отранто и удалиться изъ Италіи, Альфонсъ вообразилъ себя великимъ полководцемъ и сталъ еще деспотичнѣе прежняго. Онъ взялъ въ монополію казны торговлю виномъ, оливковымъ масломъ, хлѣбомъ, назначалъ произвольныя цѣны на эти товары. Онъ пересталъ посылать папѣ ежегодно подарки, которые назывались ленной данью, продавалъ епископскія и аббатскія должности; велъ порочную жизнь, обольщалъ или насиловалъ женъ и дочерей вельможъ. Онъ возбудилъ противъ себя вражду венеціанцевъ; Медичи были тоже враждебны ему. Онъ раздражилъ Иннокентія VIII, отнявъ самоуправленіе у города Аквилы, за которую вступился папа; Иннокентій отлучилъ его отъ церкви и объявилъ лишеннымъ престола. Всѣ тайные и явные враги Фердинанда и Альфонса ободрились, когда разнеслась молва, что король французскій Карлъ VIII хочетъ идти въ Италію и, какъ наслѣдникъ правъ анжуйской династіи, овладѣть королевствомъ неаполитанскимъ. Вельможи вошли въ сношенія съ Карломъ. Фердинандъ старался подавить заговоръ, арестовалъ тѣхъ вельможъ, которыхъ считалъ вождями французской партіи, льстилъ другимъ; но все оставалось напрасно; и когда онъ умеръ (25 января 1494) и вступилъ на престолъ Альфонсъ, королевство волновалось, и французскаго короля, шедшаго прогнать арагонскую династію, сопровождали неаполитанскіе вельможи, бѣжавшіе отъ преслѣдованій. Говорятъ, что страхъ ускорилъ смерть Фердинанда. Менѣе чѣмъ черезъ годъ Альфонсъ, собравъ свои сокровища, уплылъ отъ французовъ въ Мессину. Онъ умеръ тамъ 19 ноября 1496.

3. Миланъ подъ владычествомъ Франческо Сфорцы и его династіи.

Франческо Сфорца.

Ни одинъ изъ кондоттьеровъ, державшихъ въ рукахъ судьбу итальянскихъ государствъ, не имѣлъ такой удачи, какъ Франческо Сфорца, который по смерти Филиппо Маріи, на побочной дочери котораго, Біанкѣ, былъ женатъ, захватилъ владычество надъ герцогствомъ миланскимъ. Сдѣлавшись государемъ, онъ держалъ себя умно и осторожно, уклонялся отъ рискованныхъ предпріятій. Онъ вступилъ въ борьбу съ французами за владычество надъ Генуей; но успѣхъ въ ней былъ обезпеченъ ему; онъ зналъ, что генуэзцы враждебны французамъ; могущественныя фамиліи Фрегози и Фіэски были въ союзѣ съ нимъ. Новый король французскій, Людовикъ XI, такъ дорожилъ дружбой съ герцогомъ миланскимъ, что отказался отъ притязаній на владычество надъ Генуей. Такимъ образомъ въ 1464 году пріѣхала въ Миланъ генуэзская депутація объявить герцогу, что Генуя отдается подъ его покровительство. Онъ держалъ себя такъ ловко, что всѣ итальянскіе государи и республики искали его дружбы, и часто онъ бывалъ рѣшителемъ споровъ между ними. Онъ выдалъ свою дочь Ипполиту за Альфонса, наслѣдника неаполитанскаго престола, и женилъ одного изъ младшихъ своихъ сыновей на сестрѣ Альфонса, Элеонорѣ. Онъ во всемъ слѣдовалъ политикѣ Висконти, подобно имъ окружалъ себя блескомъ, покровительствовалъ искусству и наукѣ. Его дочь Ипполита, учителемъ которой былъ Константинъ Ласкарисъ, хорошо знала по-гречески; неаполитанскіе ученые и поэты прославляли ея умъ и ученость. Но и въ династіи Франческо Сфорцы возникли такіе же раздоры, какіе были между Висконти. Онъ пріобрѣлъ власть коварствомъ и насиліемъ; младшіе сыновья его полагали, что она должна принадлежать тому, кто съумѣетъ дѣйствовать отважнѣе и коварнѣй; они своими заговорами, а старшій братъ ихъ своими злодѣйствами, разрушили могущество своей династіи.

Галеаццо Марія 1466—1476.

Во время смерти Франческо Сфорцы старшій сынъ его Галеаццо Марія находился во Франціи. Получивъ извѣстіе о смерти отца, онъ поѣхалъ въ Миланъ. Герцогъ савойскій, Амадей VIII, хотѣлъ арестовать его при проѣздѣ и вытребовать у него часть владѣній. Но онъ успѣлъ избѣжать засадъ и 20 марта (1466 года) пріѣхалъ въ Миланъ. Ссора съ герцогомъ савойскимъ была прекращена женитьбой Галеаццо на его сестрѣ Бонѣ (въ 1468 году). Бона была близкая родственница Людовику XI; потому этотъ бракъ упрочилъ союзъ Галеаццо съ нимъ. Увѣренный въ покровительствѣ Людовика XI, Галеаццо оскорблялъ сосѣдовъ. Своимъ государствомъ онъ правилъ деспотически. Развратный и свирѣпый, онъ злодѣйствовалъ такъ, что

его сравнивали съ Нерономъ. Люди, помогавшіе его отцу управлять государствомъ, старались отклонять его отъ безразсудныхъ жестокостей; онъ удалилъ ихъ, отдалъ ихъ должности товарищамъ своего распутства, одобрявшимъ всѣ его желанія. Біанка хотѣла удержать сына отъ безразсудствъ, онъ подвергъ ее такимъ оскорбленіямъ, что она удалилась въ Маленьяно. Вскорѣ послѣ того она умерла (въ октябрѣ 1468); молва говорила, что она отравлена. Избавившись отъ всякаго стѣсненія, Галеаццо Марія безумно сорилъ деньгами; истощивъ собранныя отцомъ сокровища, онъ обременилъ подданныхъ налогами, вынуждалъ богатыхъ людей откупаться деньгами отъ лживыхъ обвиненій. Въ мартѣ 1471 онъ съ женой и огромной блестящей свитой поѣхалъ во Флоренцію, помолиться флорентійскимъ святынямъ, какъ онъ говорилъ; эта поѣздка сопровождалась такими великолѣпными праздниками, что Макіавелли приписываетъ ей порчу прежнихъ скромныхъ флорентійскихъ обычаевъ. Въ придворномъ штатѣ Галеаццо Маріи находилось 100 каммергеровъ; они получали большое жалованье. Пышностью праздниковъ Галеаццо соперничалъ съ самыми расточительными королями того времени. Въ своемъ тиранствѣ онъ не зналъ никакихъ границъ; убивалъ всѣхъ, навлекавшихъ на себя его подозрѣніе или досаду, придумывалъ новые мучительные способы убивать людей; для него было наслажденіемъ смотрѣть на умирающихъ медленной смертью. Онъ обольщалъ или насиловалъ женъ и дочерей знатнѣйшихъ вельможъ и хвалился этимъ; если дѣвушка или молодая женщина сопротивлялась ему, онъ, изнасиловавъ ее, отдавалъ на поруганіе товарищамъ своего распутства. Наконецъ нашлись люди, рѣшившіеся убить его. Одинъ изъ ученыхъ, читавшихъ лекціи о классической литературѣ, восхвалялъ счастіе благоустроенной римской республики, внушалъ своимъ слушателямъ ненависть къ «Тарквинію» и «Нерону». Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находились трое вельможъ, оскорбленныхъ герцогомъ, Ольджати, Лампуньяни и Карло Висконти. Они уговорились убить герцога и въ церкви Св. Амвросія дали клятву быть вѣрными другъ другу. На второй день Рождества (26 декабря 1476) Галеаццо Марія слушалъ литургію въ церкви Св. Стефана. Заговорщики бросились на него съ кинжалами и закололи его при всемъ народѣ. Двое изъ нихъ были въ ту же минуту убиты тѣлохранителями герцога; Ольджати убѣжалъ изъ церкви и скрылся; но черезъ три дня былъ найденъ и послѣ ужасныхъ пытокъ преданъ медленной мучительной смерти: палачи рвали раскаленными щипцами его мясо кусокъ за кускомъ.

Регентство Боны.

Государственный секретарь Чекко Симонетта быстро принялъ мѣры для сохраненія власти за сыномъ убитаго герцога, восьмилѣтнимъ ребенкомъ Джаномъ Галеаццо; управленіе государствомъ до совершеннолѣтія сына взяла на себя Бона. Но братья убитаго герцога, подвергавшіеся при немъ гоненіямъ, хотѣли отнять власть у нея. Ихъ

было пять; трое изъ нихъ находились въ изгнаніи, но теперь возвратились. При посредничествѣ маркграфа мантуанскаго Людовика Гонзаги регентша примирилась съ ними, возвративъ имъ конфискованныя имѣнья и назначивъ большія пенсіи. Но они только хотѣли обмануть ее притворнымъ миролюбіемъ. Опаснѣйшимъ изъ нихъ былъ Людовикъ, котораго называли il Moro (это слово имѣетъ два значенія: «Мавръ» и «тутовая ягода»; нѣкоторые историки понимаютъ прозваніе Людовика въ смыслѣ «мавръ», то-есть, смуглый; другіе полагаютъ, что оно было дано ему по родимому пятну, имѣвшему видъ тутовой ягоды). Онъ былъ мстителенъ, властолюбивъ и хотѣлъ захватить правленіе въ свои руки. Въ Миланѣ начались волненія; въ Геную возвратились изгнанные вельможи, враждебные миланскому владычеству; она свергла его, возстановила свою независимость; швейцарцы кантона Ури заняли Левентинскую Долину; ихъ возбуждалъ къ этому папа, сердившійся на герцогиню за вѣрность заключенному ея мужемъ союзу съ Франціей; досадовалъ на нее за это и король неаполитанскій, находившійся, подобно папѣ, во враждѣ съ Франціей. Волненія въ Миланѣ длились четыре года; власть герцогини держалась только благодаря уму и твердости Симонетты. Людовику Мору надобно было отнять у нея эту опору. Онъ при содѣйствіи Антоніо Тассино, любимца герцогини, которому поручила она начальство надъ войскомъ въ миланской цитадели, возбудилъ въ ней подозрѣнія противъ Симонетты, убѣдилъ ее арестовать его и предать суду; онъ былъ подвергнутъ пыткѣ и (30 октября 1480) казненъ. Этимъ герцогиня погубила себя. Людовикъ Моръ захватилъ власть и держалъ Бону подъ такимъ стѣснительнымъ надзоромъ, что она съ радостью уѣхала, когда онъ согласился отпустить ее и обѣщалъ давать ей пенсію. Своего помощника Тассино онъ изгналъ изъ герцогства.

Правленіе Людовика Мора.

Возбуждая миланцевъ противъ герцогини, Людовикъ называлъ себя гибеллиномъ, и помогавшіе ему гибеллинскіе вельможи надѣялись, что онъ раздастъ имъ всѣ важныя должности. Но онъ хотѣлъ поддерживать равновѣсіе между гибеллинской и гвельфской партіями, чтобъ обѣ онѣ были безсильны и власть оставалась въ его рукахъ, потому отдалился отъ гибеллиновъ, сблизился съ гвельфами. Раздраженные его неблагодарностью, нѣкоторые гибеллинскіе вельможи составили въ 1484 году заговоръ убить его. Они хотѣли заколоть его въ церкви Св. Амвросія во время богослуженія, какъ былъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ убитъ старшій братъ его. Но онъ спасся отъ смерти. Глава заговора, Луиджи Вимеркато, былъ казненъ; другіе заговорщики успѣли бѣжать. Людовикъ Моръ подавилъ всякое сопротивленіе его произволу и пріобрѣлъ такое могущество, что генуэзцы (въ 1488 году) отдались подъ его власть. Онъ назначилъ правителемъ Генуи одного изъ знатнѣйшихъ ея вельможъ, Агостино Адорно.—Людовикъ Моръ продолжалъ править государствомъ и, по достиженіи совершенолѣтія герцогомъ. Желая упрочить свое владычество союзомъ съ королемъ неаполитанскимъ, Людовикъ сватался его внуку Изабеллу. Но король и отецъ Изабеллы, Альфонсъ, отвѣчали, что женихомъ ея слѣдуетъ быть не ему, а герцогу. Онъ принужденъ былъ согласиться на этотъ бракъ. Изабелла 17 февраля 1489 пріѣхала въ Миланъ. Встрѣча ея и свадьба были великолѣпны. Въ декабрѣ слѣдующаго года у герцога и герцогини родился сынъ, названный, по имени дѣда, Франческо. Но герцогъ и герцогиня должны были довольствоваться внѣшними формами почета, власть оставалась въ рукахъ Людовика, всѣ должности были заняты его креатурами. Герцогъ даже не могъ получать денегъ изъ казны безъ его разрѣшенія. Въ 1491 году онъ женился на Беатриче Эсте и окружилъ свою жену блескомъ, затмѣвавшимъ герцогиню. Изабелла была женщина гордая. Она жаловалась отцу и дѣду на Людовика, просила ихъ содѣйствія низверженію его. Король неаполитанскій находился тогда въ дружбѣ съ Флоренціей, потому войско его могло свободно пройдти до герцогства миланскаго. Людовикъ нашелъ надобнымъ пріобрѣсти себѣ покровительство сильныхъ иноземныхъ государей. Онъ отдалъ сестру герцога Біанку Марію за императора Максимиліана и подъ видомъ приданаго далъ ему 400.000 дукатовъ; за эту взятку Максимиліанъ призналъ Людовика герцогомъ миланскимъ; предлогомъ къ отнятію герцогскаго сана у Джана Галеаццо было выставлено то, что отецъ его не имѣлъ права наслѣдовать престолъ, будучи рожденъ до полученія престола своимъ отцомъ. Максимиліанъ, какъ сюзеренъ герцогства миланскаго, объявилъ, что оно должно принадлежать Людовику Мору, родившемуся по вступленіи отца на престолъ. Но покровительство Максимиліана было слишкомъ слабой защитой узурпатору; онъ нашелъ себѣ союзника болѣе сильнаго: обѣщалъ свое содѣйствіе Карлу VIII въ походѣ для завоеванія Неаполя, обязался отдать въ его распоряженіе генуэзскій флотъ,—помогать ему войскомъ и деньгами; Карлъ за это обѣщался поддерживать его власть надъ герцогствомъ миланскимъ, а по завоеваніи королевства неаполитанскаго отдать ему княжество тарентское.

4. Папское государство.

а) Исторія папъ отъ Мартина V до смерти Иннокентія VIII.

Состояніе папскаго государства.

Когда Мартинъ V сдѣлалъ Римъ постоянной своей резиденціей (VIII, 293), области, считавшіяся принадлежащими папѣ, составляли конгломератъ мелкихъ государствъ, владѣтели которыхъ признавали папу своимъ сюзереномъ, и, когда находили выгоднымъ для себя,

исполняли нѣкоторыя ленныя обязанности относительно его, но очень часто не обращали никакого вниманія на его волю. Должность папскаго намѣстника стала почти во всѣхъ городахъ папскихъ владѣній наслѣдственной собственностью династій, оказывавшихъ папѣ только формальный почетъ. Династіи Колоннъ и Орсини, раздѣлившіяся каждая на нѣсколько линій, владѣли множествомъ городовъ, замковъ и сельскихъ округовъ отъ Луниджаны до Сазерно; въ области Альбанскихъ горъ владычествовали Савелли; большія владѣнія имѣла династія Вико, жившая въ городѣ, названіе котораго стало ея фамилей. Другими сильными владѣтелями въ окрестностяхъ Рима были Конти, Кантани, Франджипани, Массими. Во время схизмы упрочилось владычество Малатестъ въ Римини, Орделаффи въ Форли, Алидози въ Имолѣ и Фаэнцѣ, Манфреди въ Перуджіи, Полентъ въ Анконѣ и Равеннѣ, Монтефельтри въ Урбино. Въ Болоньѣ владычествовали Бентивольо; не разъ они были низвергаемы, но скоро ихъ власть возстановлялась. Династія Эсте владѣла Феррарой и Моденой; она признавала двухъ сюзереновъ, папу и императора, но не дозволяла ни тому ни другому вмѣшиваться въ ея дѣла. Бранкалеоне владѣли Кастель-Дуранте и Масса-Трабаріей; Эффредуччи владычествовали въ Фермо, Бальіони въ Перуджіи, Тринчи въ Фолиньо, Гатти въ Витербо. Кромѣ этихъ было множество другихъ династій, менѣе сильныхъ, но также пользовавшихся фактической независимостью. Государи владѣній, считавшихся принадлежащими папѣ, воевали между собой, поступали на службу къ королю неаполитанскому, Флоренціи, герцогу миланскому, Венеціи; точно также служили по найму и папѣ. Много междоусобій возбудилъ Мартинъ V, стараясь увеличить владѣнія фамиліи Колоннъ, къ которой принадлежалъ: онъ давалъ Колоннамъ деньги, титулы, отдалъ множество имѣній, принадлежавшихъ римской каѳедрѣ. Другія династіи завидовали Колоннамъ, нападали на ихъ владѣнія. Эти междоусобія еще продолжались, когда умеръ Мартинъ, и папой былъ выбранъ (20 февраля 1431) венеціанецъ Габріэлле Кондольміэре, принявшій имя Евгенія IV.

Условія выбора.

Чтобы предотвратить возобновленіе тѣхъ слишкомъ щедрыхъ раздачъ денегъ, имѣній и должностей родственникамъ, какія дѣлалъ Мартинъ V, кардиналы передъ выборомъ новаго папы составили актъ, ограничивавшій власть папы въ управленіи дѣлами. Каждый кандидатъ на папскій санъ обязанъ былъ присягнуть, что будетъ соблюдать эти условія, если его выберутъ. Важнѣйшія изъ нихъ были: папской резиденціей долженъ оставаться Римъ; папа обязанъ созвать вселенскій соборъ для преобразованія церковнаго управленія; онъ обязанъ выслушивать совѣты кардиналовъ; половина папскихъ доходовъ отдается кардиналамъ; папскіе вассалы и всѣ должностныя лица папскаго правительства присягаютъ на вѣрность коллегіи кардиналовъ; безъ ея согласія папа не имѣетъ права дѣлать никакихъ важныхъ распоряженій по государственнымъ дѣламъ.

Евгеній IV 1431—1447.

Евгеній IV имѣлъ величественную наружность, былъ человѣкъ воздержной жизни, былъ очень щедръ, имѣлъ большой умъ и твердый характеръ; но его правленіе римской церковью было тревожно и бѣдственно. Онъ велъ тяжелую борьбу съ базельскимъ соборомъ; на флорентійскомъ соборѣ было провозглашено присоединеніе восточной церкви къ западной; но это дѣло, которымъ очень хвалился Евгеній, рушилось; войско крестоносцевъ, пошедшее на турокъ, было разбито подъ Варной, и озлобленные крестоносцы убили папскаго легата, кардинала Джуліано Чезарини, завлекшаго ихъ въ несчастный походъ. Дѣла въ папскихъ владѣніяхъ шли тоже дурно для Евгенія. Онъ не раздавалъ должностей и имѣній родственникамъ, какъ дѣлали его предмѣстники и преемники; но многіе изъ людей, которымъ поручалъ онъ важныя должности, навлекали на его управленіе ненависть народа, и самъ онъ увеличивалъ ее вѣроломными поступками. Онъ хотѣлъ отнять у Колоннъ владѣнія, полученныя ими отъ Мартина V, и принудилъ ихъ взяться за оружіе; къ нимъ присоединились Савелли, Кантани, другія вельможескія фамиліи; римскій народъ также возсталъ противъ Евгенія; въ маѣ 1434 онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Рима, надѣвъ мантію простого монаха; онъ тайкомъ пробрался къ Тибру, сѣлъ на лодку, уплылъ въ Остію, пересѣлъ на галеру и приплылъ въ Пизу, оттуда переѣхалъ во Флоренцію; тамъ приняли его съ почетомъ, и онъ остался жить въ этомъ городѣ. Въ Римѣ и римской Кампаньѣ шла междоусобная война; за господство надъ другими частями папскихъ владѣній сражались между собой кондоттьеры Сфорца, Пиччинино, Фортебраччо. Бѣдствія населенія увеличились, когда папскій легатъ Джованни Вителлески, епископъ реконатскій, получившій отъ Евгенія титулъ патріарха александрійскаго и санъ кардинала, собралъ наемниковъ и пошелъ покорить папѣ римскую Кампанью и городъ Римъ. Жители Витербо выдали легату своего владѣтеля, Джакомо Вико; онъ (28 сентября 1435) казнилъ въ Соріанѣ этого послѣдняго представителя гибеллинской династіи, почти три столѣтія владычествовавшей надъ тою частью Тосканы, которая считалась принадлежащей папѣ. Въ сраженіи при Пиперно (у южнаго склона вольскихъ горъ) Вителлески разбилъ Колоннъ и ихъ союзниковъ и 29 августа 1436 овладѣлъ Римомъ, поставилъ гарнизонъ въ замкѣ Св. Ангела. Онъ разрушилъ до основанія Палестрину, казнилъ владычествовавшаго въ Фолиньо и долго бывшаго грозою сосѣдовъ Коррадо Тринчи и его сыновей. Кондоттьеръ въ кардинальской мантіи, Вителлески, четыре года управлялъ Римомъ, подавляя попытки возстаній. Евгеній не отваживался возвратиться въ Римъ, оставался во Флоренціи. Ему стали говорить, что Вителлески хочетъ при содѣйствіи герцога миланскаго и Пиччи-

нино сдѣлаться независимымъ государемъ Рима. Онъ послалъ коменданту замка Св. Ангела, падуанскому вельможѣ Антоніо Ридо, приказаніе убить Вителлески. Кардиналъ, не имѣвшій никакихъ опасеній, пришелъ по просьбѣ Ридо переговорить съ нимъ о дѣлахъ, былъ арестованъ, отведенъ въ темницу и черезъ двѣ недѣли (2 апрѣля 1440) умеръ тамъ, по однимъ извѣстіямъ, отъ ранъ, полученныхъ при арестованіи, по другимъ отъ яда. На его мѣсто правителемъ Рима Евгеній назначилъ Людовика Скарампо, патріарха аквилейскаго. Римляне просили папу возвратиться къ нимъ; но онъ все еще опасался.

Урбино. Герцогъ миланскій велъ тогда войну съ сосѣдами; войска его ходили по Романьѣ, Умбріи, Римскимъ Маркамъ. Въ 1443 году умеръ Гвидантоніо Монтефельтро, владѣтель Урбино, Губбіо и Кальи. Сынъ его Оддантоніо, получившій отъ папы титулъ герцога урбинскаго, навлекъ на себя всеобщую ненависть; составился заговоръ; Оддантоніо былъ убитъ, герцогомъ сталъ его братъ Федериго. Новый герцогъ купилъ у Галеаццо Малатесты городъ Фоссомброне, женился на дочери Франческо Сфорцы и былъ усерднымъ союзникомъ его. Преемникомъ Федериго, умершаго въ 1482 году, былъ его сынъ Гвидо Убальдо, со смертью котораго въ 1508 году прекратилась династія Монтефельтро. Граждане Болоньи выгнали въ 1443 году миланскій гарнизонъ и поручили управленіе городомъ прежнему, прогнанному миланскимъ войскомъ, теперь возвратившемуся владѣтелю, Аннибале Бентивольо.

Болонья. Его противники, вождями которыхъ были Канедоли, произвели въ іюнѣ 1445 года при содѣйствіи папскихъ и миланскихъ кондоттеровъ мятежъ; Аннибале и многіе изъ его друзей были убиты. Но граждане Болоньи были расположены къ династіи Бентивольо; они взялись за оружіе, прогнали Канедоли. Джованни, сынъ Аннибале, былъ тогда еще ребенкомъ; граждане поручили управленіе до его совершеннолѣтія родственнику его, Санти. Вліятельные флорентійскіе государственные люди Козимо Медичи и Нери Каппони помогали гражданамъ Болоньи. Въ Римскихъ Маркахъ война продолжалась до самой смерти Евгенія. Черезъ нѣсколько времени послѣ него умеръ герцогъ миланскій Филиппо Марія; въ Миланѣ начались раздоры, миланскія войска ушли изъ средней Италіи, и она послѣ опустошеній, длившихся много лѣтъ, стала пользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ.

Николай V 1447—1455. Евгеній возвратился наконецъ въ Римъ; но вскорѣ послѣ того умеръ (27 февраля 1447). Его хвалили за добродѣтельную жизнь и усердіе къ вѣрѣ; но онъ былъ властолюбивъ до безразсудства. Къ числу ближайшихъ его друзей принадлежалъ Альбергати, епископъ болонскій, которому поручалъ онъ переговоры по важнѣйшимъ дѣламъ. Альбергати пользовался въ нихъ содѣйствіемъ молодого ученаго, Томмазо Парентучелли Сарцаны. Сынъ бѣдныхъ родителей, Сарцана долженъ былъ трудиться для своего пропитанія, учась въ болонскомъ университетѣ; человѣкъ очень даровитый, онъ пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія и оказывалъ своими талантами и ученостью услуги папѣ. По смерти Альбергати, Евгеній назначилъ Сарцану епископомъ болонскимъ и черезъ нѣсколько времени сдѣлалъ кардиналомъ.

По смерти Евгенія, онъ былъ избранъ папой. Выборъ былъ, противъ обыкновенія, рѣшенъ не интригами и подкупомъ, а уваженіемъ кардиналовъ къ уму и характеру избираемаго. Сарцана былъ другомъ Козимо Медичи, раздѣлялъ любовь благородныхъ людей того времени къ искусству, наукѣ, классической древности, усердно занимался разъискиваніемъ древнихъ рукописей, не жалѣлъ денегъ на поиски ихъ. Въ своей частной жизни онъ былъ простъ и скроменъ; такимъ остался и сдѣлавшись папой. Онъ принялъ имя Николая V. Лучшей славой своего папскаго правленія онъ считалъ пріобрѣтеніе рукописей и произведеній искусства, покровительство ученымъ, построеніе великолѣпныхъ зданій. Онъ убѣдилъ гражданъ Болоньи и правителя ихъ Бентивольіо признать верховную власть папы и назначилъ своимъ викаріемъ въ Болоньѣ знаменитаго ученаго, кардинала Виссаріона. Владѣтели городовъ въ Римскихъ Маркахъ тоже признали себя вассалами папы. Въ 1450 году Николай назначилъ юбилей. Стеченіе народа въ Римъ на это церковное торжество было громадно и доставило много денегъ римлянамъ. Великолѣпенъ былъ и праздникъ коронованія императора Фридриха III (18 марта 1452). Это было послѣднее коронованіе императора въ Римѣ. Вскорѣ послѣ того составился заговоръ, имѣвшій цѣлью введеніе республиканской формы правленія. Душой его былъ Стефано Прокари, фамилія котораго производила свой родъ отъ древнихъ Порціевъ, человѣкъ очень образованный, пользовавшійся уваженіемъ гуманистовъ, другъ знаменитыхъ ученыхъ Поджо Браччолини, Филельфо, Траверсари. Заговорщики хотѣли арестовать папу и кардиналовъ на литургіи въ праздникъ Крещенія (6 января 1453), и провозгласить Прокари римскимъ трибуномъ. Говорятъ, что число заговорщиковъ простиралось до 400 человѣкъ. При большомъ количествѣ знающихъ тайну, она не могла сохраниться. Прокари и девять другихъ заговорщиковъ были арестованы и безъ суда повѣшены. Въ слѣдующіе дни были повѣшены въ Капитоліѣ многіе другіе. За головы бѣжавшихъ заговорщиковъ были назначены награды. Имя мечтателя Прокари сохранилось въ любви римлянъ, подобно имени Ріэнци. Николай V, человѣкъ горячаго, очень впечатлительнаго характера, былъ такъ испуганъ заговоромъ, что утратилъ спокойствіе, постоянно воображалъ себя въ опасности отъ новыхъ заговоровъ, не могъ даже принимать участіе въ ученыхъ бесѣдахъ, которыя любилъ прежде; онъ часто вспоминалъ съ сожалѣніемъ о томъ времени, когда былъ бѣднякомъ, трудящимся изъ-за куска хлѣба. Здоровье его разстроилось отъ душевныхъ тревогъ, и 24 марта 1455 онъ умеръ. Послѣднія слова его были, что онъ сдѣлалъ мало зла и много добра. Дѣйствительно, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ папъ.

Каликстъ III 1455—1458. При выборѣ новаго папы была сначала вѣроятность, что на папскій престолъ будетъ возведенъ кардиналъ Виссаріонъ. Но многіе

говорили, что нельзя выбрать папой грека; потому былъ предпочтенъ другой кандидатъ, испанскій вельможа Борхіа, или по итальянскому выговору, Борджіа. Онъ принялъ имя Каликста III. Человѣкъ съ ученымъ образованіемъ, хорошій юристъ, онъ навлекъ на себя порицанія непотизмомъ. Онъ сдѣлалъ кардиналами двухъ своихъ племянниковъ. Одинъ изъ нихъ, сынъ его сестры, Родриго Лансоль (или, по итальянской формѣ этой фамиліи, Ленцуоли), получилъ право принять фамилію Борджіа. Другому, Педро Луису, Каликстъ далъ титулы герцога сполетскаго и гонфалоніэра церкви, назначилъ его римскимъ префектомъ и комендантомъ замка св. Ангела. Римскіе вельможи, въ особенности Орсини, негодовали на папу за непотизмъ. Онъ раздражилъ и Фердинанда, короля неаполитанскаго, отказомъ признать его право на престомъ. Молва говорила, что Каликстъ хочетъ сдѣлать королемъ неаполитанскимъ своего племянника Родриго, которому онъ отдалъ герцогство беневентское и графство террачинское. Онъ умеръ 6 августа 1458. Орсини прогнали Родриго Борджію изъ Рима. Онъ бѣжалъ въ Чивита Веккію и вскорѣ умеръ тамъ.

Пій II. 1458—1464.

Передъ выборомъ новаго папы кардиналы взяли съ кандидатовъ присягу соблюдать тѣ условія, на которыхъ были выбраны и которыхъ не соблюдали Евгеній IV и Каликстъ III. Выбранъ былъ Эней Сильвій Пикколомини, бывшій тогда кардиналомъ сабинскимъ. Онъ принялъ имя Пія II. Желая обратить всѣ свои силы на войну съ турками, онъ примирился съ римскими вельможами и съ Фердинандомъ; король обѣщался присылать папѣ подарокъ, называвшійся ленной данью, признавъ Беневентъ, Понтекорво и Террачину папскими владѣніями и выдалъ свою побочную дочь Марію за Антоніо Пикколомини, племянника папы.

Мы говорили, что папа и герцогъ миланскій помогали Фердинанду въ войнѣ его съ герцогомъ калабрійскимъ. Папа завоевалъ часть владѣній Сиджисмондо Малатесты, бывшаго союзникомъ герцога калабрійскаго; только благодаря заступничеству венеціанцевъ, на службу которыхъ поступилъ, Малатеста сохранилъ Римини съ небольшой областью; онъ принужденъ былъ признать себя вассаломъ папы; было постановлено, что по прекращеніи его династіи Римини будетъ присоединенъ къ папскимъ владѣніямъ. Многіе римскіе вельможи помогали герцогу калабрійскому, воевали съ папой. Онъ казнилъ нѣкоторыхъ, другихъ не могъ одолѣть. Самымъ сильнымъ и отважнымъ изъ нихъ былъ Эверсо Орсини, графъ ангвилларскій, владѣтель 18 городовъ и замковъ, человѣкъ очень буйный, похищавшій дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, чеканившій фальшивую монету.

Пій II очень усердно, но безъ взякаго успѣха хлопоталъ о крестовомъ походѣ противъ турокъ; мы ужь говорили, что мантуанскій конгрессъ разошелся, не сдѣлавъ ничего (стр. 55). Пій умеръ отъ подагры 14 августа 1464 въ Анконѣ, куда поѣхалъ наблюдать за снаряженіемъ экспедиціи противъ турокъ.

Передавъ венеціанскому дожу деньги, назначенныя для войны съ турками, кардиналы поѣхали въ Римъ, составили актъ, дававшій коллегіи ихъ большое участіе въ управленіи и обязательный для кандидатовъ на папскій санъ; потомъ выбрали Піэтро Барбо, венеціанскаго вельможу, родственника Евгенія IV. Онъ принялъ имя Павла II, принудилъ кардиналовъ отмѣнить актъ, соблюдать который поклялся, и сталъ управлять дѣлами по своему произволу. Будучи кардиналомъ, онъ употреблялъ свое огромное родовое состояніе на великолѣпныя постройки; сдѣлавшись папой, сохранилъ страсть къ нимъ, построилъ храмъ апостола Павла и роскошный дворецъ.

Павелъ II 1464—1471.

Онъ старался подавить непокорныхъ римскихъ вельможъ. Его легатъ Фортегверри побѣдилъ сыновей графа ангвилларскаго, продолжавшихъ поступать по примѣру отца. Они были брошены въ темницу. Чтобъ уменьшить поводы къ самоуправству, Павелъ старался улучшить судопроизводство въ папскихъ владѣніяхъ.—По смерти Сиджисмондо Малатесты онъ хотѣлъ отнять Римини у его сына Роберто, но бросилъ эту мысль, потому что за Роберто вступились венеціанцы. Они ужь владѣли Равенной и Имолой; Павелъ опасался, что они отнимутъ у него Римини, если онъ прогонитъ Роберто. Подобно своимъ предмѣстникамъ, онъ хлопоталъ о войнѣ съ турками. Онъ разсчитывалъ на содѣйствіе Борсо Эсте, владѣтеля Феррары, которому онъ далъ титулъ герцога; но Борсо умеръ, и дѣло разстроилось.

Въ 1471 году Павлу II было еще только 53 года; крѣпкое здоровье его заставляло думать, что онъ проживетъ долго. Но объѣвшись фруктовъ, онъ внезапно умеръ 25 іюля. — Мы ужь говорили, что онъ любилъ великолѣпіе. Онъ украсилъ папскій дворецъ статуями, роскошными коврами, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, собиралъ камеи, древнія монеты, чеканилъ превосходныя медали въ память о событіяхъ своего правленія, давалъ щедрыя пособія бѣжавшимъ въ Римъ греческимъ государямъ и семействамъ ихъ; и однако жь оставилъ своему преемнику 1.000.000 дукатовъ.

Преемникъ его, Франческо делла Ровере, принявшій имя Сикста IV, былъ человѣкъ не знатнаго рода, выросъ во францисканскомъ монастырѣ, сталъ знаменитымъ ученымъ, и этому былъ обязанъ возведеніемъ въ должность генерала своего ордена и въ санъ кардинала. При Павлѣ II папскій дворъ ужь началъ дѣлаться похожъ на дворы свѣтскихъ государей; при Сикстѣ IV эта перемѣна окончательно установилась. Онъ пренебрегалъ ограничивавшими папскій произволъ условіями, соблюдать которыя поклялся при своемъ избраніи. Главной цѣлью себѣ онъ поставилъ возвышеніе своихъ родственниковъ, въ особенности трехъ своихъ племянниковъ; это были: Джуліано делла Ровере, сынъ его брата, Піэтро и Джироламо Ріаріо, сыновья его сестры, о которыхъ молва говорила, что они его сыновья. Онъ

Сикстъ IV 1471—1483.

далъ имъ множество должностей, соединенныхъ съ большими доходами. Еще ни одинъ папа не доводилъ непотизма до такой наглости.

Піэтро Ріаріо.

Кардиналъ Піэтро Ріаріо жилъ съ такой роскошью, примѣровъ какой было мало въ Римѣ. Когда дочь короля неаполитанскаго, невѣста Эрколе Эсте, ѣхала въ Феррару, папа и Піэтро Ріаріо сдѣлали при ея проѣздѣ черезъ Римъ праздники, изумлявшіе своимъ великолѣпіемъ. Это было въ маѣ 1473 года. Вскорѣ послѣ того (5 января 1474 года) Піэтро Ріаріо умеръ; молва говорила, что онъ отравленъ. Сикстъ IV перенесъ свои милости на его племянника, Раффаэлле Ріаріо, которому далъ свою фамилію Делла Ровере. Онъ далъ ее и Джироламо, брату Піэтро. Другого своего родственника, Джованни Ріаріо, онъ женилъ на дочери-наслѣдницѣ герцога урбинскаго. Свадьба была отпразднована въ Римѣ съ удивительнымъ великолѣпіемъ. Но главнымъ любимцемъ Сикста былъ Джироламо Ріаріо, котораго онъ назначилъ папскимъ намѣстникомъ въ Имолѣ и генералъ-капитаномъ церкви и женилъ на Катаринѣ Сфорцѣ, дочери герцога миланскаго, давшаго ей огромное приданое. Сикстъ подарилъ Джироламо столько владѣній въ Романьѣ и Умбріи, что онъ сталъ богатѣйшимъ вельможей этихъ областей.

Джироламо Ріаріо.

Своимъ непотизмомъ Сикстъ запутался въ ссоры съ итальянскими государствами, потому не могъ послать помощи родосскимъ рыцарямъ, на которыхъ напали турки, не принялъ участія и въ дѣйствіяхъ противъ турокъ, овладѣвшихъ Отранто. Но онъ былъ участникомъ заговора Пацци противъ Медичи, мѣшавшихъ ему увеличивать владѣнія племянниковъ, два года велъ войну съ флорентійцами, наложилъ интердиктъ на ихъ городъ; они пренебрегли интердиктомъ, стали говорить о созваніи вселенскаго собора, вступили въ союзъ съ королемъ французскимъ; папскія войска терпѣли неудачи, папская власть подверглась униженію. Римляне опасались, что турки пойдутъ изъ Отранто на Римъ. Когда смерть Мухаммеда II избавила Римъ отъ этой опасности, Сикстъ вступилъ въ войну съ Эрколе Эсте, помогая своему племяннику Джироламо, который по прекращеніи династіи Орделаффи овладѣлъ принадлежавшимъ ей городомъ Форли и хотѣлъ при содѣйствіи венеціанцевъ отнять владѣнія у Эсте. Герцогъ миланскій, Флоренція и король неаполитанскій начали войну съ папой въ защиту Эсте. Непріятельскія войска, при содѣйствіи Колоннъ и Савелли, доходили до стѣнъ Рима. Роберто Малатеста, командовавшій венеціанскимъ войскомъ, и Джироламо Ріаріо въ августѣ 1482 разбили герцога калабрійскаго между Альбанскими горами и моремъ; но папскія владѣнія были опустошены неаполитанцами. Малатеста умеръ вскорѣ послѣ побѣды. По его смерти Сикстъ утратилъ надежду на успѣхъ войны и 23-го декабря того же года заключилъ миръ, по которому согласился оставить за Эсте всѣ его владѣнія. Венеціанцы продолжали войну; Сикстъ отлучилъ за это отъ церкви своихъ союзниковъ. Эгоистическая политика его была очень вредна для владѣній и для церковной власти папы; она раздражала вельможъ римской области; Колонны, Орсини и другія могущественныя династіи воевали между собой или съ папой, жгли селенія римской Кампаньи; въ самомъ Римѣ шли битвы. Лоренцо Колонна, врагъ Ріаріо, былъ взятъ въ плѣнъ и (30 іюня 1484) казненъ въ замкѣ Св. Ангела. Мать его пришла въ церковь, гдѣ былъ положенъ казненный, взяла въ руки отрубленную голову его и воскликнула: «Такова добросовѣстность папы! Онъ обѣщалъ, что если мы сдадимъ ему Марино, онъ возвратитъ мнѣ сына. Онъ получилъ Марино; и мой сынъ возвращенъ мнѣ, но мертвый!» Междусобная война свирѣпствовала по всему пространству папскихъ владѣній, когда умеръ Сикстъ IV (12 августа 1484). Друзья Колоннъ овладѣли военными позиціями въ Римѣ, разграбили дворецъ Джироламо Ріаріо. Онъ бѣжалъ; жена его заперлась въ замкѣ Св. Ангела. Нѣсколько дней длились битвы въ городѣ. Наконецъ было заключено перемиріе для выбора новаго папы.

Кардиналы снова составили актъ, ограничивавшій самовластіе папы; въ него было внесено запрещеніе непотизма. Папой былъ выбранъ генуэзецъ Чибо, принявшій имъ Иннокентія VIII. Многіе изъ голосовъ, поданныхъ за него, были куплены деньгами и обѣщаніями дальнѣйшихъ наградъ. До поступленія въ монашество, Чибо былъ женатъ. Отъ жены былъ у него сынъ; другого сына родила ему любовница. Пренебрегая присягой, данной передъ выборомъ, онъ всѣми средствами старался возвысить обоихъ своихъ сыновей. Его заботы о прекращеніи войны между Колоннами и Орсини оставались напрасны. Междоусобіе въ римской области усилилось, когда онъ поссорился съ королемъ неаполитанскимъ.

Иннокентій VIII 1484—1492.

Герцогъ калабрійскій овладѣлъ Аквилой. Иннокентій просилъ помощи у флорентійцевъ, женилъ своего сына Франческетто Чибо на дочери Лоренцо Медичи, Маддаленѣ, далъ санъ кардинала Джованни, сыну Лоренцо, въ то время еще не достигшему совершеннолѣтія. Въ благодарность за это Лоренцо оказалъ папѣ довольно важныя услуги. Букколино Гуццони, владѣтель города Озимо, считавшійся папскимъ вассаломъ, хотѣлъ впустить турокъ въ свой городъ; Лоренцо удержалъ его отъ этого. При посредничествѣ Лоренцо городъ Форли былъ оставленъ во владѣніи династіи Ріаріо, династія Манфреди сохранила владѣніе Фаэнцей. Въ Болоньѣ фамилія Мальвецци подняла возстаніе противъ Бентивольо; оно было подавлено; многіе инсургенты были казнены, другіе изгнаны.

Иннокентій принудилъ родосскихъ рыцарей привезти въ Римъ Джема; имѣя его въ своей власти, Иннокентій пугалъ имъ Баезида (стр. 179), получалъ отъ султана деньги и другіе подарки; но не долго пользовался ими: онъ умеръ 25-го іюля 1492. Въ Римѣ и римской области владычествовала анархія: вельможи воевали между собой, по дорогамъ ходили шайки разбойниковъ; въ самомъ Римѣ бандиты безнаказанно занимались своимъ промысломъ, рѣдкій день

проходилъ безъ убійства; папская казна была пуста; римская курія торговала подложными буллами, судьи торговали рѣшеніями процессовъ.

b) ПРАВЛЕНІЕ АЛЕКСАНДРА VI.

Александръ VI 1492—1503.

Преемникомъ Иннокентія VIII былъ выбранъ (26-го августа 1492) племянникъ Каликста III, кардиналъ Родриго Ленцуоли Борджіа, получившій отъ дяди много церковныхъ и мірскихъ должностей, дававшихъ ему огромный доходъ. Онъ принялъ имя Александра VI. Всѣмъ было извѣстно, что онъ купилъ голоса кардиналовъ деньгами и обѣщаніями. Гвиччардини говоритъ, что при извѣстіи о его выборѣ Фердинандъ, король неаполитанскій, сказалъ своей супругѣ: «избраніе этого папы—несчастье для Италіи и всего христіанства». Александръ VI-й былъ человѣкъ ученъ умный, краснорѣчивый, но совершенно безсовѣстный и безстыдный; онъ велъ распутную жизнь, алчность его была безгранична; онъ не отступалъ ни передъ какими злодѣйствами для возвышенія своихъ сыновей, одинъ изъ которыхъ, Цезарь (Чезаре), былъ такой же злодѣй, какъ и онъ. Немедленно по вступленіи на престолъ Александръ VI назначилъ этого своего сына архіепископомъ валенсійскимъ. Еще ни одинъ папа не праздновалъ своего коронованія такъ великолѣпно; улицы Рима были украшены тріумфальными арками съ пышными надписями; народъ, радовавшійся прекращенію постыднаго правленія Иннокентія VIII, высказалъ надежду на лучшее, граждане убрали дома коврами. Надежда Римлянъ оправдалась въ одномъ отношеніи: Александръ, человѣкъ энергическій, прекратилъ разбои въ Римѣ. Но скоро народъ увидѣлъ, что его энергія направлена къ другимъ цѣлямъ: начались безстыдныя оргіи и злодѣйства, доставившія имени Борджіа гнусную знаменитость. Изъ дѣтей Александра особенную славу въ этомъ отношеніи пріобрѣли Цезарь и Лукреція, женщина умная, образованная, красавица. Первымъ мужемъ ея былъ Джованни Сфорца, владѣтель Пезаро, вторымъ Альфонсъ Арагонскій, побочный сынъ короля неаполитанскаго, третьимъ Альфонсъ Эсте, герцогъ феррарскій.

Матерью дѣтей Александра была женщина довольно знатной фамиліи, Ваноцца Катанеи; она родила ему четырехъ сыновей и одну дочь. Впослѣдствіи онъ выдалъ ее замужъ. Старшему изъ сыновей Александра, Педро Луису (Піэтро Луиджи) Фердинандъ, король испанскій, далъ титулъ герцога гандійскаго; онъ умеръ въ молодости; герцогскій санъ наслѣдовалъ братъ его Хуанъ (Джованни). Младшій изъ сыновей Александра, Хуффре (Джоффреде) женился на одной изъ побочныхъ дочерей Альфонса, короля неаполитанскаго; получилъ отъ него область города Скиллаче и титулъ князя трикарикскаго. Цезарь, сдѣланный архіепископомъ и кардиналомъ, оставался при отцѣ.

Цезарь Борджіа

Цезарь былъ человѣкъ очень умный, энергичный, честолюбивый, дѣйствовалъ по холодному разсчету, не отступалъ ни передъ какими коварствами и злодѣйствами, владычествовалъ надъ отцомъ. Венеціанскій посланникъ Паоло Капелло въ одномъ изъ своихъ донесеній правительству говоритъ: „Папѣ 70 лѣтъ; но онъ какъ будто молодѣетъ съ каждымъ годомъ. У него веселый характеръ; непріятныя мысли не доживаютъ у него до другого дня. Онъ думаетъ только о своей выгодѣ и возвышеніи своихъ дѣтей; кромѣ этого, нѣтъ у него заботы ни о чемъ. Онъ не умѣетъ ничего держать въ секретѣ; все, что знаетъ онъ, скоро становится извѣстно всему двору. Сына своего Цезаря онъ очень любитъ, и боится его столько же, сколько любитъ. Цезарю теперь 27 лѣтъ. Онъ красивый мужчина, высокій, стройный и такой сильный, что однажды на бою быковъ однимъ ударомъ отрубилъ голову быку. Онъ щедръ до расточительности, наперекоръ волѣ отца. Самъ папа не безопасенъ отъ его злодѣйства. Онъ закололъ преданнѣйшаго слугу папы (Перото) подъ мантіей, которой папа прикрылъ несчастнаго; кровь брызнула въ лицо папы“. Римъ трепеталъ Цезаря. Въ 1497 году братъ его Хуанъ, герцогъ гандійскій, ѣхавшій ночью верхомъ, былъ убитъ; тѣло было брошено въ Тибръ. Сторожъ лѣсного склада на берегу рѣки, спрошенный о томъ, видѣлъ ли онъ, кто были люди, бросившіе тѣло въ Тибръ, отвѣчалъ, что онъ сто разъ видѣлъ ночью тѣла бросаемыхъ въ рѣку, и ему никогда не было охоты замѣчать, кто бросалъ ихъ. Молва говорила, что герцогъ былъ убитъ Цезаремъ; приписывала Цезарю множество другихъ убійствъ. Александръ былъ очень опечаленъ смертью сына, заперся въ своей комнатѣ, провелъ трое сутокъ безъ пищи и сна. Второй мужъ Лукреціи, Альфонсъ Арагонскій, очень красивый молодой человѣкъ, былъ раненъ на крыльцѣ своего дворца людьми, посланными Цезаремъ убить его. Лукреція и сестра раненнаго стерегли его, сестра сама готовила ему кушанье, чтобы предохранить его отъ отравы; папа поставилъ у его дворца стражу, охранять его отъ Цезаря, который, услышавъ, что Альфонсъ остался живъ, сказалъ—со смѣхомъ: «не удалось въ полдень, удастся вечеромъ». Раненный выздоравливалъ. Цезарь ворвался въ его компату, прогналъ его жену и сестру, подозвалъ палача, котораго привелъ съ собой, и велѣлъ ему удушить выздоравливавшаго. Сопровождая французовъ, шедшихъ въ Неаполь, Цезарь находился при осадѣ Капуи. Когда городъ былъ взятъ, онъ выбралъ 40 дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ знатныхъ фамилій и отослалъ ихъ въ свой гаремъ въ Римъ. Лукреція не менѣе Цезаря знаменита распутствомъ; вѣроятно, есть много преувеличеній въ разсказахъ о ея безстыдствѣ и жестокости; но многое въ нихъ достовѣрно. Отецъ очень любилъ ее, отдалъ подъ ея начальство гарнизоны сполетской цитадели и замка Непи, далъ во владѣніе ей городъ Симонету. Впослѣдствіи, когда она была герцогиней феррарской и придворные поэты прославляли ея красоту, любезность, умъ, а государственные люди превозносили ея правительственные таланты, она, быть можетъ, ужь не развратничала; но пока жила при распутномъ дворѣ отца, распутничала безъ всякаго стыда.

Политика Александра VI.

Александръ VI старался извлечь выгоду себѣ изъ войнъ за неаполитанское королевство. Когда Карлъ VIII пошелъ въ Италію, папа былъ союзникомъ короля неаполитанскаго, но не отважился сопротивляться походу французовъ. Карлъ вошелъ въ Римъ, поставилъ гарнизоны въ папскихъ крѣпостяхъ. Но скоро французы были выгнаны изъ южной и средней Италіи. Главнокомандующій испанскихъ войскъ, Гонсальво Кордовскій, сталъ помогать Александру въ войнѣ

съ внутренними врагами. Герцогъ гандійскій повелъ войско противъ Орсини, бывшихъ союзниками Карла. Дочь Наполеоне Орсини и мужъ ея Бартоломмео Альвіано оборонялись такъ мужественно, что фамилія Орсини сохранила свои владѣнія. Альвіано разбилъ папское войско при Соріано. Александръ занемогъ отъ досады, но былъ утѣшенъ тѣмъ, что Гонсальво отнялъ у его врага, Джуліано Ровере, и отдалъ ему крѣпость Остію. Въ признательность за это онъ подарилъ Гонсальво золотую розу (этотъ подарокъ папы посылали только королямъ и королевамъ). Главной заботой Александра теперь было доставить Цезарю государство. Онъ снялъ съ сына монашескій обѣтъ и хотѣлъ женить его, чтобы онъ сталъ родоначальникомъ владѣтельной династіи. Папа вступилъ въ союзъ съ королемъ французскимъ Людовикомъ XII противъ герцога миланскаго и неаполитанскаго короля. За это Людвикъ далъ Цезарю Валансъ (въ Дофине) съ титуломъ герцога валанскаго (Valentinois). Предъ тѣмъ временемъ Александръ сватался за Цезаря дочь Фридриха неаполитанскаго, но получилъ отказъ. Людовикъ отдалъ за Цезаря свою дальнюю родственницу, дочь Алена Альбре, графа дрезскаго, сестру Іоанна, короля наваррскаго, назначилъ ему большую пенсію и далъ отрядъ, состоявшій изъ 100 копій (600 тяжеловооруженныхъ всадниковъ). Папа въ замѣнъ того расторгъ бракъ Карла Французскаго съ Іоанной, дочерью Людовика XI, и далъ ему разрѣшеніе на бракъ со вдовою Карла VIII, Анной, герцогиней бретанской. Вліятельнѣйшій министръ Людовика, Шарль Амбуазъ, архіепископъ руанскій, получилъ въ награду за свои услуги папѣ санъ кардинала.

Завоеванія Цезаря Борджіи.

Союзъ съ папой облегчилъ Людовику завоеваніе герцогства миланскаго. По признательности за то, король отдалъ въ распоряженіе Цезаря 300 копій (1.800 человѣкъ тяжелой кавалеріи) и 4.000 швейцарскихъ наемниковъ. Папа объявилъ владѣтелей Римини, Пезаро, Имолы, Фаэнцы, Форли, Урбино, Камерино, лишенными ихъ владѣній за неисполненіе вассальскихъ обязанностей и назначилъ Цезаря папскимъ главнокомандующимъ. Цезарь въ ноябрѣ 1499 пошелъ съ папскимъ войскомъ въ Романью; тамъ присоединилось къ нему войско, данное ему Людовикомъ. Онъ двинулся на Имолу, владѣтелемъ которой былъ Оттавіано Ріаріо, сынъ Джироламо; взявъ городъ, Цезарь осадилъ цитадель, взялъ и ее; пошелъ на Форли, которымъ владѣла мать Оттавіано, Катарина, дочь Франческо Сфорцы; она послѣ храброй обороны сдалась (14 января 1500); ее отвезли въ Римъ, потомъ отпустили во Флоренцію; она провела тамъ остатокъ дней въ монастырѣ. Цезарь въ февралѣ возвратился въ Римъ. Отецъ назначилъ его гонфалоніэромъ церкви (постояннымъ главнокомандующимъ всѣхъ папскихъ войскъ). Въ слѣдующемъ году онъ покорилъ Пезаро, Фаэнцу; съ согласія коллегіи кардиналовъ папа назначилъ его государемъ Романьи съ титуломъ герцога.—Владѣтель Фаэнцы, 70 лѣтній старикъ Асторре Манфреди, сдавшійся подъ условіемъ, что ему будетъ сохранена жизнь, былъ отведенъ въ замокъ Св. Ангела и удавленъ тамъ; тѣло его бросили въ Тибръ. Цезарь думалъ сдѣлать новыя завоеванія, надѣялся овладѣть Болоньей, покорить часть Тосканы. Короли французскій и испанскій въ это время условились

прогнать короля неаполитанскаго и раздѣлить между собой его государство. Александръ VI, находившійся въ союзѣ съ ними, надѣялся при ихъ помощи покорить владѣтелей римской области. Эти династіи своими раздорами облегчили ему подавленіе ихъ. Орсини и Колонны не хотѣли отбросить свою старую вражду; всѣ остальные были на сторонѣ той или другой фамиліи, и всѣ ослабляли себя этимъ междоусобіемъ. Цезарь помогалъ королямъ французскому и испанскому въ завоеваніи королевства неаполитанскаго. Когда Фридрихъ неаполитанскій былъ отвезенъ плѣнникомъ во Францію, Колонны, Орсини, Савелли были принуждены покориться Александру. Онъ отнялъ у этихъ династій нѣкоторыя изъ ихъ владѣній и раздѣлилъ пріобрѣтенныя такимъ образомъ земли на два герцогства, сермонетское и непійское, которыя предназначилъ для Родриго и Хуана, сыновей Лукреціи отъ ея второго мужа, Альфонса Арагонскаго. Франческо Колонна былъ принужденъ отдать папѣ Палестрину. Герцогъ феррарскій женилъ своего наслѣдника Альфонса на Лукреціи; вѣроятно, онъ сдѣлалъ это для того, чтобы Цезарь не напалъ на Феррару. Около того же времени Цезарь покорилъ герцогство урбинское. Герцогъ Гвидубальдо и его племянникъ Франческо Ровере, владѣтель Синигальи, бѣжали въ Венецію. Джуліо Чезаре Варано, владѣтель города Камерино, не успѣлъ бѣжать; онъ и его сыновья были взяты въ плѣнъ Цезаремъ и убиты. Урбино и Камерино были присоединены къ герцогству романскому, Цезарь имѣлъ тогда большое войско. Многіе кондоттьеры находились на его службѣ; кромѣ того онъ самъ навербовалъ много наемниковъ, и у него былъ французскій отрядъ. Онъ правилъ своимъ государствомъ варварски, попиралъ всѣ законы. Но власть его была шатка. Король французскій, милость котораго была главной опорой ея, сталъ недовѣрчивъ къ злодѣю, и даже кондоттьеры, находившіеся на службѣ Цезаря, опасались его коварства. Когда онъ готовился къ походу на Болонью, нѣкоторые изъ второстепенныхъ вассаловъ папы, нанимавшіеся на службу Цезарю, съѣхались въ мѣстечкѣ Маджоне и заключили между собою союзъ противъ него. Кардиналъ Амбуазъ убѣдилъ короля французскаго остаться покровителемъ Цезаря и выпросилъ себѣ позволеніе пойдти на помощь ему. Папа и Цезарь обольстили коварными обѣщаніями главныхъ участниковъ союза, заключеннаго противъ нихъ. Цезарь пригласилъ этихъ кондоттьеровъ пріѣхать къ нему въ Синигалью. Когда они въѣхали въ городъ (30 декабря 1502), онъ велѣлъ арестовать ихъ и нѣкоторымъ отрубилъ головы, другихъ заперъ въ темницы. Макіавелли, разсказывая объ этомъ вѣроломствѣ, хвалитъ его, какъ очень умный поступокъ. Получивъ извѣстіе объ удачномъ исполненіи замысла Цезаря, папа велѣлъ арестовать кардинала Орсини, его родственниковъ и друзей, конфисковалъ ихъ владѣнія и послалъ находившіяся въ Римѣ войска на помощь своему сыну. Цезарь пошелъ по Умбріи и римской области; вельможи сдавали ему свои замки или бѣжали. Кардиналъ Орсини, которому Александръ былъ очень много обязанъ своимъ избраніемъ въ папскій санъ, былъ отравленъ въ темницѣ.

Смерть Александра VI.

Александръ VI хотѣлъ составить изъ Умбріи, римскихъ Марокъ и Романьи королевство для Цезаря; но занемогъ и 18 августа 1503 умеръ. Молва говорила, что онъ и Цезарь пригласили на обѣдъ людей, которыхъ хотѣли отравить, но по ошибкѣ сами выпили ядъ изъ бутылки, приготовленной для ихъ гостей, что старикъ папа не перенесъ яда, а Цезарь, молодой человѣкъ крѣпкаго здоровья, только

занемогъ и послѣ продолжительной болѣзни выздоровѣлъ. Дѣйствительно, Цезарь былъ боленъ въ то время, какъ его отецъ умеръ; быть можетъ это послужило поводомъ къ слуху, что они выпили ядъ, предназначенный для гостей.

Судьба Цезаря Борджіи.

Цезарь говорилъ, что предвидѣлъ всяческія обстоятельства и принялъ мѣры противъ всякихъ случайностей, не предвидѣлъ только того, что будетъ боленъ во время смерти отца.—Всѣ противники его взялись за оружіе. Просперо Колонна и Фабіо Орсини вошли съ войсками въ Римъ, другіе прогнанные владѣтели возвратились въ свои города. Но Цезарь не потерялъ надежды побѣдить враговъ. Кардиналъ Амбуазъ остался его союзникомъ, надѣясь при его помощи получить папскій санъ. Сильное французское войско стояло въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима. Амбуазъ полагалъ, что кардиналы не отважатся сопротивляться его кандидатурѣ. Усерднымъ агентомъ Амбуаза былъ кардиналъ Асканіо Сфорца, находившійся въ плѣну у французовъ и освобожденный королемъ по его просьбѣ. Но коллегія кардиналовъ, по совѣту Джуліано Ровере, взяла на свою службу 4.000 наемниковъ, и подъ охраной этого войска пренебрегла угрозами сторонниковъ Амбуаза, выбрала папой Франческо Пикколомини; онъ былъ племянникъ знаменитаго Пія II и принялъ имя Пія III. Черезъ мѣсяцъ онъ умеръ, и папой былъ выбранъ (30 октября) Джуліано Ровере, принявшій имя Юлія II.—Положеніе Юлія было затруднительно: въ южной Италіи шла война между испанцами и французами; Цезарь Борджіа занималъ замокъ Св. Ангела; венеціанцы дѣлали завоеванія въ Романьѣ. Но Юлій былъ человѣкъ умный и очень энергичный; онъ принудилъ Цезаря Борджію сдать всѣ замки, отнялъ у него всѣ владѣнія. Цезарь поѣхалъ въ Неаполь, чтобы плыть оттуда во Францію; но Гонсальво Кордовскій, обѣщавшій ему свободный пропускъ, арестовалъ его и отправилъ въ Испанію. Фердинандъ велѣлъ отвести его въ Медина дель Кампо; онъ два года сидѣлъ тамъ подъ стражей. Ему наконецъ удалось бѣжать; онъ уѣхалъ къ брату своей жены, королю наваррскому, воевавшему тогда съ Фердинандомъ; при осадѣ замка Віаны (близъ Памплоны) онъ былъ убитъ 12 марта 1507, на 35 году жизни.

Юлій II 1503—1513.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Юлій обнародовалъ буллу, въ которой говорилъ, что считаетъ своей обязанностью возвратить римской каѳедрѣ всѣ ея владѣнія.—Цезарь Борджіа сдалъ ему, какъ мы говорили, свои замки. Въ сентябрѣ 1506, папа въ сопровожденіи 24 кардиналовъ вступилъ въ Перуджію; династія Бальіоне, владѣвшая этимъ городомъ, признала его своимъ сюзереномъ. Юлій пошелъ на Болонью. Джованни Бентивольо, 40 лѣтъ правившій этимъ городомъ, какъ независимый государь, принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе; 11 ноября Юлій вступилъ въ Болонью и подъ видомъ возстановленія республиканскаго правленія подчинилъ ее папскому владычеству.

Джованни Бентивольо и его жена, гордая принцесса миланская, Джиневра Сфорца, вскорѣ умерли отъ печали. Юлій въ мартѣ 1507 съ торжествомъ возвратился въ Римъ и зорко слѣдилъ за ходомъ событій, подававшимъ ему надежду отнять у венеціанцевъ города, занятые ими въ Романьѣ.

---

5. Флоренція подъ управленіемъ Медичи *).

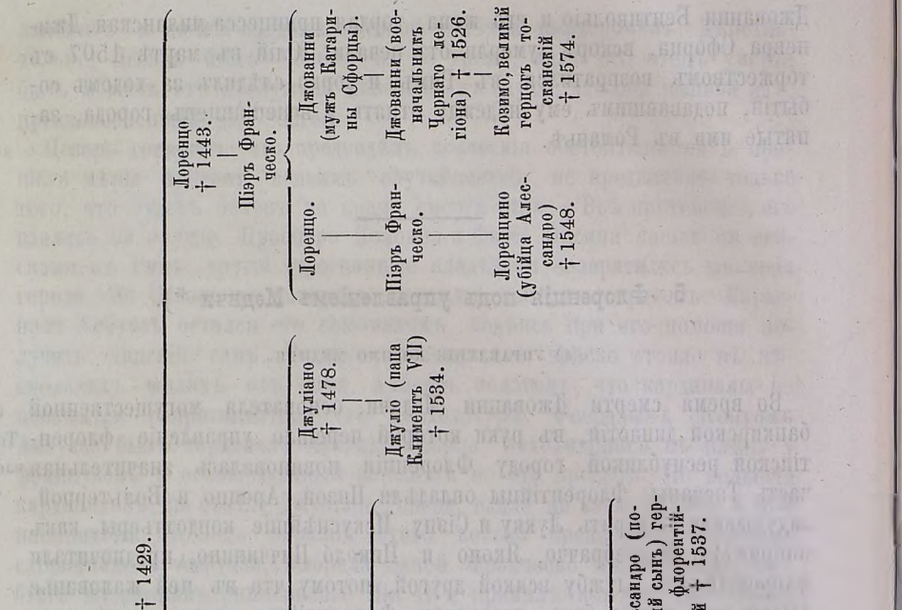
а) управленіе козимо медичи.

Соединеніе Тосканы подъ владычествомъ Флоренціи.

Во время смерти Джованни Медичи, основателя могущественной банкирской династіи, въ руки которой перешло управленіе флорентійской республикой, городу Флоренціи повиновалась значительная часть Тосканы. Флорентійцы овладѣли Пизой, Ареццо и Вольтеррой, задумывали покорить Лукку и Сіэну. Искуснѣйшіе кондоттьеры, какъ напримѣръ Фортебраччо, Якопо и Николо Пиччинино, предпочитали флорентійскую службу всякой другой, потому что въ ней жалованье выдавалось всегда безъ просрочки. Флорентійцы часто прикрывали хорошими предлогами свое влеченіе къ завоеваніямъ; въ частности они любили пользоваться для расширенія своей власти желаніемъ городовъ свергнуть иго владѣтелей. Теперь они хотѣли покорить Лукку подъ предлогомъ освобожденія ея отъ владычества Паоло Гвиниджи, тайно помогавшаго герцогу миланскому въ его войнѣ съ ними. Граждане Лукки не любили Гвиниджи, потому казалось, что прогнать его будетъ легко. Обѣ флорентійскія партіи были согласны, что надобно начать войну съ Гвиниджи; ее одобряли и аристократы, вождемъ которыхъ былъ тогда Ринальдо Альбицци, и пополаны, вождями которыхъ по смерти Джованни Медичи (умершаго въ 1422 году) были его сыновья Козимо и Лоренцо. Флорентійцы назначили главнокомандующимъ знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ кондоттьеровъ, Никколо Фортебраччо. Онъ дѣйствовалъ успѣшно. Граждане Лукки арестовали Паоло Гвиниджи и отдали его герцогу миланскому, который бросилъ его въ темницу. Низвергнувъ своего владѣтеля, они хотѣли заключить миръ съ флорентійцами; но оказалось, что освобожденіе Лукки отъ Гвиниджи служило флорентійцамъ только предлогомъ для войны, а дѣйствительной цѣлью ихъ было покореніе Лукки. Потому война продолжалась. Герцогъ миланскій послалъ на помощь Луккѣ искуснаго кондоттьера Никколо Пиччинино; онъ разбилъ

*) «Генеалогическая таблица на слѣдующей 482 страницѣ».

*) Генеалогическая таблица.



флорентійское войско, и война могла бы повести къ отпаденію подвластныхъ Флоренціи тосканскихъ городовъ; но въ февралѣ 1431 вступленіе Евгенія IV на папскій престолъ измѣнило отношенія между итальянскими государствами, и въ 1433 году при посредничествѣ Сигизмунда, шедшаго въ Римъ получить императорскую корону, былъ заключенъ миръ, по которому флорентійцы признали независимость Сіэны и Лукки.

Борьба Альбицци съ Медичи.

Военными дѣйствіями управляли аристократы; потому вліяніе ихъ усилилось. Всѣ восемь пріоровъ и гонфалоніэръ, составлявшіе синьорію (высшую правительственную коллегію), были избираемы тогда изъ аристократической партіи. Чтобъ упрочить свое владычество, она рѣшила изгнать вождей противной партіи. По словамъ пополанъ, у Ринальдо Альбицци были кромѣ политическихъ и личныя причины вражды къ Медичи. Во время войны завѣдуя военными расходами, онъ, по увѣренію враговъ его, присвоилъ себѣ государственныя деньги. Онъ возненавидѣлъ Медичи, приписывая имъ возникновеніе этой молвы. Наибольшей силой въ гвельфской партіи пользовался Козимо Медичи, глава своей фамиліи. Онъ наслѣдовалъ отъ отца громадное богатство, банкирскую фирму, имѣвшую огромные обороты, доброе имя, довѣріе и любовь средняго и низшаго сословій, уважавшихъ его за честность и великодушную готовность помогать нуждающимся. Умирая, Джованни завѣщалъ сыновьямъ неизмѣнно держаться правилъ, вѣрность которымъ сдѣлала его счастливымъ въ жизни, не нарушать законовъ, не искать должностей, принимать только тѣ, которыя будетъ давать имъ народъ безъ ихъ домогательства. Козимо слѣдовалъ этому совѣту такъ добросовѣстно, что не только сохранилъ, но и увеличилъ наслѣдованное отъ отца народное довѣріе.

Изгнаніе Козимо Медичи 1433.

Ринальдо Альбицци и вся господствующая партія сосредоточила свою вражду на Козимо. Синьорія потребовала его для объясненій по обвиненіямъ противъ него. Онъ, не слушая предостереженій, явился въ ея дворецъ, и былъ арестованъ. Его винили въ распространеніи ложныхъ слуховъ во время войны и въ возбужденіи народа противъ военнаго комитета съ намѣреніемъ произвести мятежъ и сдѣлаться государемъ Флоренціи. Былъ назначенъ верховный правительственный комитетъ (балія) для спасенія республики отъ злоумышленій; онъ состоялъ изъ 200 членовъ; почти всѣ они принадлежали къ партіи Альбицци. Козимо опасался, что его отравятъ, и потому воздерживался отъ всякой пищи. Но начальникъ темницы, Федериго Малавольти, сказалъ ему, что никогда не согласится быть орудіемъ такого низкаго дѣла, и сталъ обѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Ринальдо Альбицци предложилъ балліи казнить Козимо; многіе были согласны съ нимъ. Но Козимо тайно далъ 1.000 золотыхъ флориновъ Бернардо Гуаданьи, бывшему тогда гонфалоніэромъ, человѣку небогатому; Гуаданьи убѣдилъ балію отвергнуть предложеніе Альбицци.

Въ октябрѣ 1433 процессъ кончился тѣмъ, что Козимо былъ на десять лѣтъ изгнанъ изъ флорентійскаго государства. Многіе его родственники и друзья были тоже изгнаны.

Низверженіе аристократическаго правленія.

Ринальдо Альбицци предсказывалъ своимъ политическимъ друзьямъ, что, пощадивъ жизнь Козимо Медичи, они сдѣлали ошибку, которая погубитъ ихъ. Онъ говорилъ, что должно или не нападать на могущественнаго человѣка, или не оставлять его въ живыхъ. Предсказаніе Альбицци скоро исполнилось. Козимо, уѣхавшій въ Падую, былъ принятъ тамъ съ большимъ почетомъ; венеціанское правительство вело переговоры съ нимъ, какъ будто онъ не изгнанникъ, а правитель Флоренціи. Его друзья, оставшіеся въ родномъ городѣ, подготовляли низверженіе аристократической партіи. Она сама ускорила свое паденіе, по близорукой надменности отвергнувъ совѣтъ Ринальдо Альбицци дать участіе въ управленіи богатымъ простолюдинамъ (popolo grasso). При новыхъ выборахъ правителей въ концѣ августа слѣдующаго (1434) года одержала верхъ партія Медичи. Ринальдо Альбицци совѣтовалъ употребить насильственныя мѣры; до вступленія новыхъ правителей въ должности оставалось три дня; Ринальдо говорилъ, что надобно назначить балію, которая объявитъ выборы недѣйствительными. Но большинство аристократовъ не отважилось на такое опасное дѣло. Новые правители вступили въ должность и, по предложенію гонфалоніэра Чекко Донати, предали суду Ринальдо Альбицци и прежнихъ правителей. Альбицци и его друзья Перуцци взялись за оружіе (23 ноября 1434); всѣ личные противники ихъ, въ числѣ которыхъ находилось много знатныхъ людей, приняли сторону правительства, стали вождями простолюдиновъ, преданныхъ Козимо Медичи. Увидѣвъ массы вооруженнаго народа, друзья Ринальдо Альбицци оробѣли и при наступленіи темноты скрылись. Правительство хотѣло казнить предводителей мятежа, но смягчилось (отчасти по уваженію къ просьбѣ папы Евгенія IV, находившагося тогда во Флоренціи). Балія, назначенная для суда надъ инсургентами, приговорила къ заключенію въ темницу или къ изгнанію Ринальдо Альбицци, его сына, многихъ членовъ фамилій Пуччи, Перуцци, Ардингелли и нѣкоторыхъ другихъ аристократовъ, въ томъ числѣ Никколо Барбадори и Паллу Строцци. Козимо Медичи и его изгнанные друзья возвратились во Флоренцію.

Государственное устройство.

Государственное устройство Флоренціи было такъ многосложно, что запутанность отношеній между сановниками увеличивала поводы къ ссорамъ. По формѣ правленіе было демократическое: собраніе гражданъ, созываемое звономъ колокола и сходившееся на площади передъ Palazzo Vecchio, имѣло верховную законодательную власть и выбирало правителей. Но въ дѣйствительности оно лишь утверждало законы, предлагаемые господствующею партіей и назначало ея кандидатовъ на должности, распредѣленныя вождями ея между собой. Когда господствующая партія считала надобнымъ

взять въ свои руки произвольную власть, то, по ея предложенію, собраніе гражданъ назначало коммиссію съ неограниченными полномочіями, называвшуюся баліей. Полномочія давались на мѣсяцы, даже на цѣлые годы; балія въ это время назначала всѣхъ сановниковъ. Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ была синьоріа, состоявшая изъ 8 пріоровъ цеховъ подъ предсѣдательствомъ гонфалоніэра юстиціи. Синьоріи были подчинены комитеты, завѣдовавшіе разными отраслями администраціи, и трибуналы; члены ихъ назначались по жребію изъ списка гражданъ, составляемаго синьоріей. Для внесенія въ списокъ нужно было одобреніе двухъ третей членовъ синьоріи. Имена внесенныхъ въ списокъ опускались въ урну, и жребій рѣшалъ, кто изъ нихъ будетъ членомъ того или другого комитета или трибунала. Срокъ этихъ должностей былъ четырехмѣсячный; члены синьоріи избирались только на два мѣсяца. Такая быстрая смѣна сановниковъ имѣла цѣлью предотвратить захватъ ими произвольной власти.

Возвращеніе Козимо Медичи.

Когда Козимо возвращался во Флоренцію, его встрѣчали по пути въ городахъ Тосканы, какъ тріумфатора; флорентійцы вышли за городскія ворота на встрѣчу ему, привѣтствовали его какъ отца народа. «Козимо былъ человѣкъ очень разсудительный», говоритъ Макіавелли: «у него была величественная осанка, онъ былъ великодушенъ, привѣтливъ; никогда не замышлялъ онъ ничего во вредъ правительству и постоянно старался пріобрѣтать себѣ друзей щедростью».

Характеръ правленія Козимо Медичи.

Правительство состояло изъ друзей Козимо Медичи и дѣйствовало по его внушенію. Оно казнило Антоніо Бернандо Гуаданьи и четырехъ другихъ враговъ Козимо, бѣжавшихъ въ Венецію и выданныхъ венеціанцами; возвратило многихъ изъ прежнихъ изгнанниковъ, вознаградило ихъ за конфискованныя имѣнья имуществами новыхъ изгнанниковъ. Многіе простолюдины были приняты въ сословіе полноправныхъ гражданъ. Переворотъ сопровождался суровыми мѣрами, какъ бывало всегда. Но были произведены въ порядкѣ выборовъ и устройствѣ правительственныхъ комитетовъ реформы, служившія переходомъ отъ прежняго олигархическаго правленія къ демократическому. Благодаря тому, флорентійская республика пріобрѣла такое могущество, что стала оказывать рѣшительное вліяніе на ходъ войнъ между итальянскими государствами болѣе обширными, чѣмъ она. Козимо Медичи и его друзья, управлявшіе Флоренціей, заботились объ увеличеніи военныхъ силъ республики; но главнымъ ихъ стремленіемъ было сохранять миръ и политическое равновѣсіе между итальянскими государствами. При обширности торговыхъ связей флорентійскихъ купцовъ и банкировъ съ другими государствами Флоренція естественнымъ образомъ стала посредницей между ссорившимися правительствами. Она не имѣла интереса дѣлать завоеванія; Козимо Медичи хорошо понималъ это; онъ и его партія хотѣла только упрочить преобладаніе Флоренціи въ Тосканѣ, чтобы всѣ военныя и финансовыя силы этой области находились въ распоряженіи Флоренціи, и Тоскана

подъ управленіемъ своего главнаго города могла защищаться отъ попытокъ герцоговъ миланскихъ и королей неаполитанскихъ овладѣть ею. Флорентійское правительство заботилось о расширеніи торговли, промышленности и банкирскихъ оборотовъ своихъ гражданъ, строило великолѣпныя зданія, покровительствовало искусствамъ и наукѣ, стремясь сдѣлать Флоренцію центромъ умственной жизни Италіи, столицею западной культуры. Но къ этимъ возвышеннымъ стремленіямъ примѣшивались у Козимо Медичи и его друзей эгоистическіе разсчеты, и средства, употребляемыя ими для достиженія патріотическихъ цѣлей, часто бывали дурны.

Стремясь къ владычеству надъ Тосканой, флорентійцы во время войны за неаполитанскій престолъ хотѣли покорить Лукку. Герцогъ миланскій, союзникъ Альфонса, былъ ослабленъ тѣмъ, что Генуя свергла его власть; венеціанцы тѣснили его; флорентійцы разсчитывали, что онъ не пошлетъ войска на помощь Луккѣ. Но когда они напали на этотъ городъ и граждане его обратились къ герцогу миланскому съ просьбой о защитѣ, онъ принялъ Лукку подъ свое покровительство. Франческо Сфорца, начальствовавшій флорентійскими войсками, дѣйствовалъ слабо, потому что хотѣлъ пріобрѣсти признательность герцога миланскаго, разсчитывая жениться на его дочери и сдѣлаться его наслѣдникомъ. Венеціанцы тоже дѣйствовали слабо; Козимо поѣхалъ въ Венецію, но не могъ склонить ихъ къ болѣе энергическому веденію войны, потому флорентійцы принуждены были отказаться отъ своего намѣренія овладѣть Луккой; но флорентійское правительство держало себя такъ твердо и ловко, что охранило Тоскану отъ бѣдствій войны въ слѣдующіе годы. Альбицци и другіе изгнанники дѣлали попытки произвести переворотъ во Флоренціи, низвергнуть Козимо Медичи и его партію, но эти замыслы оставались неудачны, и Тоскана пользовалась миромъ, межь тѣмъ какъ война опустошала остальную Италію. Флорентійцы въ это время достроили свой соборный храмъ; онъ былъ освященъ самимъ папой.—Козимо умѣлъ извлекать пользу для себя, своихъ друзей и родного города изъ войнъ сосѣдовъ. Его богатство, постоянно возроставшее отъ искуснаго веденія банкирскихъ оборотовъ, давало ему возможность покупать или брать въ залогъ замки и большіе клоки земли; они присоединялись къ владѣніямъ республики; онъ пріобрѣталъ себѣ дружбу кондоттьеровъ и другихъ сильныхъ людей, давая имъ деньги взаймы; въ особенности умѣлъ онъ привязать къ себѣ этимъ способомъ Франческо Сфорцу. Козимо оставался вождемъ своей партіи до самой смерти, и благодаря ему, она сохраняла господство въ государствѣ. Вѣрнымъ помощникомъ его былъ Лоренцо, младшій братъ. По смерти Лоренцо въ 1443 году онъ правилъ дѣлами своей партіи одинъ. Изгнанники, враждебные ему, умерли, или занявшись дѣлами городовъ, въ которыхъ поселились, перестали интересоваться возвращеніемъ во Флоренцію. Такимъ образомъ у Козимо не осталось сильныхъ враговъ. Во Флоренціи начала формироваться непріязненная ему партія, вождемъ которой былъ Нери Каппони, но онъ умѣлъ подавить ее въ зародышѣ.

Нери Джино Каппони часто бывалъ коммисаромъ при флорентійскихъ войскахъ, пріобрѣлъ уваженіе мужествомъ и умомъ, подружился съ кондоттьеромъ Бальдаччо Анґіари, котораго любили наемники. Благодаря всему этому, Каппони сталъ пріобрѣтать такую силу, что сдѣлался опаснымъ соперникомъ Козимо. Анґіари имѣлъ во Флоренціи личнаго врага, Бартоломмео Орландини, обиженнаго рѣзкими упреками его за трусость; въ 1444 году Анґіари пріѣхалъ въ Флоренцію для переговоровъ съ правительствомъ о выдачѣ жалованья. Орландини, бывшій тогда гонфалоніэромъ, пригласилъ его въ дворецъ синьіоріи; въ одной изъ комнатъ были спрятаны вооруженные люди; они бросились на Анґіари, убили его, выбросили тѣло изъ окна, сошли внизъ, перенесли убитаго на площадь передъ дворцомъ и отрубили голову трупа.—Орландини былъ въ этомъ дѣлѣ оружіемъ Козимо Медичи, желавшаго отнять у Каппони опору, какую давала ему дружба съ Анґіари.

Убійство Анґіари навело ужасъ на противниковъ Козимо Медичи. Пользуясь этимъ, онъ принялъ крутыя мѣры для упроченія владычества своей партіи. Многія фамиліи были исключены изъ числа полноправныхъ гражданъ, то-есть утратили право занимать государственныя должности; канцлеръ (дѣлопроизводитель синьіоріи) Филиппо Перуцци, не принадлежавшій къ числу друзей Козимо Медичи, былъ отставленъ отъ должности. Право назначать гонфалоніэра и пріоровъ было поручено комитету, состоявшему изъ друзей Козимо; были продлены сроки, на которые были изгнаны его противники. Свобода Флоренціи сильно пострадала. Но Козимо употребилъ на пользу государства во внѣшнихъ дѣлахъ власть, которую упрочилъ за собой дурными средствами: онъ помѣшалъ расширенію владѣній честолюбиваго герцога миланскаго Филиппо Маріи; герцогъ хотѣлъ овладѣть Болоньей, пользуясь малолѣтствомъ владѣтеля этого города; Козимо устроилъ такъ, что регентомъ сталъ родственникъ ребенка, родившійся и воспитанный во Флоренціи; замыслы Филиппо Маріи не удались. Когда Франческо Сфорца сталъ герцогомъ миланскимъ, Козимо съумѣлъ поддержать прежнія хорошія отношенія съ нимъ. Альфонсъ, король неаполитанскій, въ 1447 году хотѣлъ овладѣть Сіэной; Козимо помѣшалъ ему въ этомъ. Джино Каппони порицалъ Козимо за то, что онъ помогалъ Франческо Сфорцѣ овладѣть Миланомъ; по мнѣнію Каппони, для Флоренціи было опасно пріобрѣтеніе власти честолюбивымъ кондоттьеромъ; притомъ, помогая ему, Флоренція навлекала на себя неудовольствіе венеціанцевъ. Слова Каппони казались справедливыми флорентійцамъ, и правительство перестало помогать Франческо Сфорцѣ; но Козимо, какъ частный человѣкъ, продолжалъ помогать ему. Ве-

неціанцы стали вредить флорентійской торговлѣ, изгнали флорентійскихъ гражданъ изъ своихъ владѣній. Тѣ же мѣры принялъ Альфонсъ Неаполитанскій, находившійся въ союзѣ съ Венеціей. Флорентійскіе изгнанники задумали овладѣть Болоньей; венеціанцы помогали имъ, но ихъ попытка не удалась. Такимъ образомъ Флоренція запуталась въ войну съ венеціанцами и королемъ неаполитанскимъ; войска Альфонса въ 1452 и 1453 годахъ опустошали флорентійскія владѣнія; но въ 1454 году Франческо Сфорца, заключивъ миръ съ венеціанцами, помогъ флорентійцамъ прогнать неаполитанцевъ изъ Тосканы. Франческо Сфорца былъ благодаренъ Козимо Медичи за помощь въ той войнѣ, которой пріобрѣлъ онъ владычество надъ Миланомъ, но не захотѣлъ помогать флорентійцамъ въ ихъ намѣреніи овладѣть Луккой. Въ 1455 году умеръ Джино Каппони, единственный человѣкъ, стѣснявшій Козимо во владычествѣ надъ Флоренціей, и оно стало такъ прочно, что Козимо могъ отказаться отъ произвольныхъ мѣръ для поддержанія своей власти. Уже нѣсколько лѣтъ назначеніе на правительственныя должности производилось комитетами (баліями), состоявшими изъ преверженцевъ Козимо; по смерти Джино Каппони былъ возстановленъ законный порядокъ замѣщенія правительственныхъ должностей по выбору; это не представляло теперь опасностей для Козимо, потому что масса гражданъ находилась въ полной зависимости отъ него, и правительственные сановники принуждены были повиноваться его желаніямъ.

Прежніе союзники Козимо Медичи досадовали на то, что онъ устраняетъ ихъ отъ вліянія на дѣла, захватываетъ всю власть въ свои руки; они пытались сопротивляться ему, но масса гражданъ поддерживала его; онъ устранилъ ихъ отъ государственныхъ должностей и сталъ угрожать ихъ денежнымъ интересамъ. Онъ предложилъ, чтобы произведено было распредѣленіе податей по оцѣнкѣ всѣхъ имуществъ. Это было бы убыточно для богачей, бывшихъ его соперниками и ссорившихся съ нимъ теперь. Они стали просить его объ устраненіи вреднаго для нихъ проекта; онъ отвѣчалъ, что не будетъ мѣшать справедливому дѣлу; начались волненія. Гонфалоніэръ Донато Кокки предложилъ назначить новую балію, но подвергся оскорбленіямъ, огорчившимъ его до такой степени, что онъ сошелъ съ ума. Во Флоренціи владычествовала партія, называвшая себя демократической, но дѣйствовавшая по приказаніямъ Козимо Медичи. Она установила законъ, что народное собраніе не можетъ быть созываемо иначе, какъ по единодушному рѣшенію синьоріи и главныхъ административныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ у противниковъ Козимо была отнята возможность вести борьбу съ нимъ законными средствами.

Подавленіе демократической партіи.

Упрочивъ свою власть при содѣйствіи демократовъ, Козимо рѣшилъ подавить этихъ опасныхъ помощниковъ, но не взялъ прямо на себя это дѣло, а поручилъ его другому, на котораго и должна была упасть

ненависть за реакціонныя мѣры. Этимъ оруліемъ его былъ Лука Питти, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Флоренціи. Будучи въ 1458 году назначенъ гонфалоніэромъ, Питти произвелъ по соглашенію съ Козимо Медичи переворотъ, отстранившій отъ участія въ управленіи ту партію, которая хотѣла распредѣлить налоги соразмѣрно имуществу. Питти заставилъ синьіорію, предсѣдателемъ которой былъ, и подвластные ей административные комитеты, дать согласіе на то, чтобы созвано было народное собраніе, поставилъ отряды войска въ улицахъ, ведущихъ на площадь собранія; солдаты не пропускали никого кромѣ людей безусловно преданныхъ Козимо Медичи. Устранивъ такимъ образомъ изъ народнаго собранія всѣхъ противниковъ, Питти предложилъ ему назначить балію, которая будетъ выбирать правительственныхъ сановниковъ. Балія была назначена. Джироламо Макіавелли, Антоніо Барбадори, Карло Бениці и другіе противники Козимо Медичи были изгнаны. Джироламо Макіавелли возвратился черезъ нѣсколько времени въ Тоскану и сталъ возбуждать народъ противъ Козимо, но былъ схваченъ, отведенъ въ темницу и казненъ тамъ.

Правленіе Луки Питти.

Такимъ образомъ была отвращена разкладка налоговъ пропорціонально имуществу; Козимо и другіе богатые граждане наградили Питти подарками, сумма которыхъ дошла до 20.000 золотыхъ флориновъ. Онъ остался вѣрнымъ исполнителемъ воли Козимо; но въ послѣдніе годы жизни Козимо мало занимался государственными дѣлами, будучи старъ и боленъ; потому Питти былъ полнымъ господиномъ во Флоренціи. Слѣдуя общему направленію могущественныхъ людей того времени, онъ строилъ великолѣпныя зданія, замѣчательнѣйшимъ изъ которыхъ былъ дворецъ, называющійся до сихъ поръ по его фамиліи Palazzo Pitti; такого огромнаго и велилолѣпнаго дома себѣ еще не строилъ до того времени никто, кромѣ государей. Макіавелли говоритъ, что Питти, для покрытія расходовъ на это зданіе, бралъ взятки съ богатыхъ людей и цѣлыхъ городовъ, освобождалъ преступниковъ отъ наказанія подъ условіемъ, чтобъ они работали на постройкѣ.—Козимо тоже строилъ дворцы, построилъ нѣсколько церквей. Другіе богатые люди подражали примѣру его и Питти.

Характеръ Козимо Медичи.

„Козимо Медичи былъ средняго роста, цвѣтъ лица его былъ смуглый, осанка его величественная“, говоритъ Макіавелли: „Онъ имѣлъ отъ природы большой умъ и краснорѣчіе; не былъ человѣкомъ глубокой учености, но любилъ серьезныя книги; онъ пригласилъ во Флоренцію грека Аргиропуло учить молодыхъ людей греческому языку и наукамъ; по совѣту другого грека Георгія Гемиста Плетона онъ учредилъ во Флоренціи платоновскую академію. Въ его домѣ жилъ Марсиліо Фичино, глава той философской школы, которая слѣдовала системѣ Платона; Козимо такъ любилъ Фичино, что подарилъ ему имѣнье въ Карелджи рядомъ съ своимъ имѣньемъ, чтобъ онъ имѣлъ больше досуга для ученыхъ занятій. Козимо былъ услужливъ относительно друзей, сострадателенъ къ бѣднымъ; въ составленіи плановъ онъ былъ осмотрителенъ, въ ихъ исполненіи быстръ, въ разговорѣ

остороженъ. Въ первую половину жизни онъ подвергался многимъ несчастіямъ. Поѣхавъ на констанцскій соборъ вмѣстѣ съ папой Іоанномъ, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Констанца переодѣвшись; и во многихъ другихъ случаяхъ жизнь его находилась въ опасности. Но возвратившись изъ изгнанія, онъ 39 лѣтъ правилъ государствомъ, пользуясь такимъ почетомъ, какого никогда не пріобрѣталъ ни въ какой республикѣ гражданинъ, не бывшій полководцемъ. Не принимая титула, не дозволеннаго законами республики, онъ занималъ въ ней положеніе государя. Это могущество онъ пріобрѣлъ тремя качествами: щедрымъ употребленіемъ своего богатства, тѣмъ, что покровительствовалъ искусству, строилъ церкви и другія общеполезныя зданія, увеличившія великолѣпіе города, и мудростью въ государственныхъ дѣлахъ; притомъ онъ велъ скромную жизнь, не возбуждавшую зависти, не оскорблялъ другихъ гордостью; почти каждый флорентійскій гражданинъ получалъ отъ него денежныя услуги: займы, подарки или другія пособія, выводившія изъ затрудненій; а самъ онъ воздерживался отъ расточительности, жилъ экономно, не искалъ знатныхъ невѣстъ сыновьямъ. Онъ былъ такъ проницателенъ умомъ и такъ хорошо зналъ людей, что предвидѣлъ послѣдствія рѣшеній и могъ предотвращать бѣдствія отъ себя и государства. Благодаря этому, онъ привелъ флорентійскую республику въ такое состояніе, что союзъ съ нею или охранялъ отъ войны, или давалъ побѣду, а всѣ его предпріятія кончались со славой для него и государства, со вредомъ для враговъ. Несогласія между гражданами увеличивали его власть надъ государствомъ, а войны могущество его. Онъ расширилъ владѣнія республики пріобрѣтеніемъ Борго Санъ Сеполькро, Монтедольо, Казентской области его и долины Баньо. Словомъ, искусство и счастье уничтожали враговъ его и возвышали друзей. Всѣ, помогавшіе ему въ общественныхъ дѣлахъ или завѣдовавшіе его денежными дѣлами въ разныхъ земляхъ, получали участіе въ его успѣхахъ. Этимъ обогатились многія флорентійскія фамиліи“.

Семейство и друзья Козимо Медичи.

Въ послѣдніе годы жизни Козимо испыталъ много тяжелыхъ огорченій. Тотъ изъ его сыновей, на котораго возлагалъ онъ свои надежды, Джованни, умеръ раньше отца. Другой сынъ, Піэтро, ставшій наслѣдникомъ его богатства и власти, былъ человѣкъ больной и недаровитый; такимъ образомъ онъ могъ надѣяться только на внуковъ, Лоренцо и Джуліано, сыновей Піэтро. Когда по смерти Джованни носили больного Козимо по обширнымъ заламъ его дворца, онъ, вздыхая, говорилъ: «Этотъ домъ слишкомъ великъ для такого небольшого семейства». Въ послѣдніе часы жизни онъ бесѣдовалъ о философіи съ Фичино, давалъ совѣты своей женѣ Контессинѣ и своему сыну Піэтро. Онъ умеръ, 67 лѣтнимъ старикомъ, въ августѣ 1464; его похоронили въ церкви св. Лаврентія. Правительство велѣло сдѣлать на его гробницѣ надпись, называвшую его отцомъ отечества. Одно изъ лучшихъ правъ его на славу то, что онъ собралъ во Флоренціи много знаменитыхъ художниковъ и ученыхъ. Филиппо Брунеллески, выказавшій себя геніальнымъ техникомъ во время войны съ Луккой, украшалъ послѣ того Флоренцію великолѣпными зданіями; Гиберти и Донателло украшали ее изваяніями, Мазаччо, Фра Анджелико и Филиппо Липпи усовершенствовали живопись. Всѣ эти и многіе другіе художники работали по заказамъ Козимо, и дѣятельность ихъ возвышала его славу. Онъ поручалъ Поджо Браччолини, Кристофору Буондельмонти и другимъ ученымъ покупать рукописи и положилъ основаніе знаменитой медичейской библіотеки. Не всегда, но часто удавалось ему быть въ хорошихъ отношеніяхъ даже съ Франческо Филельфо, человѣкомъ неуживчиваго характера. Марсиліо Фичино, переводчикъ Платона, считался за роднаго въ его семействѣ.

b) піэтро и лоренцо медичи.

Ошибки Піэтро Медичи.

Въ заботахъ о государственныхъ дѣлахъ Козимо оставлялъ иногда безъ должнаго вниманія свои собственныя; особенно они разстроились въ послѣдніе годы его жизни, когда здоровье его ослабѣло и кромѣ того онъ увлекся страстью къ постройкамъ. Потому передъ смертью онъ совѣтовалъ сыну привести въ порядокъ дѣла своей фирмы и руководиться при этомъ совѣтами Діотисальви Нерони, искуснаго дѣльца, котораго онъ считалъ вѣрнымъ другомъ своей фамиліи. Нерони былъ облагодѣтельствованъ Козимо, но былъ человѣкъ честолюбивый и хотѣлъ уронить фамилію Медичи, чтобы возвысить свое вліяніе на общественныя дѣла. Подъ маской дружеской заботливости о денежныхъ интересахъ неопытнаго и неразсудительнаго Піэтро, Нерони давалъ ему совѣты, навлекавшіе на него ненависть. Козимо для пріобрѣтенія вліятельныхъ друзей давалъ взаймы деньги, уплаты которыхъ не требовалъ, давалъ цоли въ своихъ банкирскихъ заграничныхъ операціяхъ, не требуя никакого взноса. Нерони посовѣтовалъ Піэтро потребовать уплаты всѣхъ долговъ; это было сдѣлано торопливо, рѣзко и поставило въ большія затрудненія многихъ гражданъ; нѣкоторымъ банкирскимъ домамъ угрожало банкротство. Вліяніе фамиліи Медичи на общественныя дѣла поколебалось. Нерони не одинъ былъ ложнымъ другомъ дома Медичи. Лука Питти, Никколо Содерини, Аньіоло Аччаюоли также желали паденія этой фамиліи. Всѣ они радовались; неудовольствіе флорентійцевъ возросло, когда новый герцогъ миланскій Галеаццо Марія потребовалъ продолженія той ежегодной субсидіи, которую давала Флоренція его отцу и ему при жизни Козимо; флорентійцы не хотѣли теперь давать ее. Піэтро поддерживалъ требованіе герцога.

Такимъ образомъ прежняя партія Медичи распалась на два враждебные отдѣла: одинъ хотѣлъ возстановить свободу республики; другой безусловно поддерживалъ владычество Піэтро. Къ первому отдѣлу принадлежало много вліятельныхъ людей; но они имѣли разныя цѣли и не довѣряли другъ другу. Лука Питти хотѣлъ занять мѣсто Козимо и воспользоваться властью для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ, разстроенныхъ громадными расходами на сооруженіе дворца. Никколо Содерини, выбранный гонфалоніэромъ, хотѣлъ возстановить свободу

гражданъ. Но другіе вовсе не желали реформы въ демократическомъ духѣ, хотѣли только низвергнуть Піэтро Медичи. Альіоло Аччаюоли дѣйствовалъ противъ него исключительно по личной враждѣ. Перони оказался неспособенъ къ самостоятельной политической дѣятельности. При несогласіи между собой противники Піэтро не могли принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, а число противниковъ его оставалось велико. Противники эти наконецъ условились произвести возстаніе во Флоренціи; онъ имѣлъ наемниковъ, потому они взяли на свою службу маркграфа феррарскаго и другихъ кондоттьеровъ, которые обѣщались привести свои отряды во Флоренцію. Но одинъ изъ соучастниковъ этого замысла донесъ о немъ Піэтро, жившему тогда (въ августѣ 1466) въ своемъ загородномъ дворцѣ въ Кареджи. Онъ подъ прикрытіемъ наемниковъ возвратился во Флоренцію. Приверженцы его взялись за оружіе. Противники рѣшили начать битву, но нѣкоторые вожди ихъ оробѣли. Никколо Содерини вышелъ съ нѣсколькими сотнями наемниковъ на площадь. Лука Питти разсудилъ поступить иначе: сторонники Піэтро обольстили его надеждой, что Піэтро породнится съ нимъ, женитъ одного изъ своихъ родственниковъ на его племянницѣ. Содерини кричалъ ему, чтобъ онъ сѣлъ на лошадь и ѣхалъ сражаться за республику; онъ остался дома. Синьіорія пошла во дворецъ Медичи склонить Піэтро къ примиренію съ Содерини. Ему говорили, что первые взялись за оружіе его приверженцы, потому виноваты въ возбужденіи безпорядковъ они. Онъ отвѣчалъ, что виноватъ не тотъ, кто первый взялся за оружіе, а тотъ, кто поставилъ его въ необходимость защищаться, что лично онъ желаетъ только жить спокойно и охранять законъ, но что его противники составили заговоръ низвергнуть его. Синьіорія убѣдила обѣ партіи положить оружіе. Этимъ дѣло было рѣшено въ пользу Піэтро Медичи. Гонфалоніэромъ сталъ перваго сентября Роберто Ліони, его приверженецъ; была назначена новая балія; она замѣстила всѣ должности сторонниками Піэтро. Его противники Перони, Аччаюоли, Содерини бѣжали и были объявлены врагами отечества, ихъ друзья были изгнаны. Они возбудили венеціанцевъ начать войну съ Флоренціей; но флорентійцы при помощи герцога миланскаго безъ труда отражали нападенія. Изгнанники провели остатокъ жизни бѣдняками въ разныхъ городахъ. Содерини умеръ въ Равеннѣ.

Смерть Піэтро.

Такимъ образомъ владычество дома Медичи было снова упрочено; сторонники его, раздѣливъ между собою должности, преслѣдовали противниковъ. Всѣ тѣ граждане, которые не были безусловными приверженцами Медичи или возбуждали опасенія, подвергались притѣсненіямъ, или даже изгнанію. Лука Питти своей трусостью навлекъ на себя такое презрѣніе, что не былъ опасенъ; потому его оставили въ покоѣ; но многіе родственники его были изгнаны; были также изгнаны фамиліи Каппони, Строцци, Алессандри, Нарди. Піэтро былъ

человѣкъ больной, мало занимался дѣлами; но власть перешла къ его сыновьямъ; знатные молодые люди привыкали быть придворными ихъ. Флорентійская республика принимала характеръ монархіи. Блестящіе праздники привлекали знатныхъ людей во дворецъ Медичи; Флоренція стала центромъ изящныхъ искусствъ. Масса народа была довольна тѣмъ, что установился прочный порядокъ. Въ іюнѣ 1469 былъ данъ рядъ великолѣпныхъ праздниковъ по случаю женитьбы Лоренцо на дочери римскаго князя Орсини. Черезъ полгода (3-го декабря 1469) Піэтро умеръ, и главою фамиліи Медичи сталъ его сынъ Лоренцо, получившій впослѣдствіи названіе Великолѣпнаго, Magnifico. По предложенію Томмазо Содерини, усерднаго приверженца династіи Медичи, былъ данъ Лоренцо и его брату Джуліано титулъ князей государства.

Правленіе Лоренцо 1469—1492.

Правленіе Лоренцо, продолжавшееся 22 года, было золотымъ вѣкомъ искусства и науки во Флоренціи. Какъ въ Римѣ при Августѣ государственное устройство сохраняло республиканскія формы, но онѣ мало стѣсняли произвольную власть главы государства. Впрочемъ она подвергалась иногда опасностямъ, для устраненія которыхъ Лоренцо принималъ крутыя мѣры. Изгнанники пытались пользоваться каждымъ обстоятельствомъ, представлявшимъ хотя слабую надежду имъ на успѣхъ. Произвольное правленіе Лоренцо было обременительно, и многіе граждане втайнѣ желали его паденія. Піэтро умеръ съ опасеніями за будущее и незадолго передъ смертью пригласилъ жившаго въ Неаполѣ Аньіоло Аччаюоли пріѣхать въ Кафадджуоло, чтобы посовѣтоваться съ своимъ противникомъ. Изъ этого ясно, что онъ самъ понималъ шаткость положенія своей фамиліи.

Нападенія изгнанниковъ 1470—1474.

Разсчитывая на поддержку гражданъ, недовольныхъ самовластіемъ Медичи, Бернардо Нарди, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими изгнанниками, пошелъ въ апрѣлѣ 1470 къ городу Прато; сосѣдніе поселяне приняли его сторону; онъ хитростью вошелъ въ городъ, арестовалъ правителя и вступилъ въ переговоры съ городскимъ совѣтомъ; но флорентійцы, находившіеся въ Прато, собрались подъ начальствомъ Джинори; большинство гражданъ приняло ихъ сторону; они напали на изгнанниковъ, нѣкоторыхъ убили, другихъ, въ томъ числѣ Бернардо Нарди, взяли въ плѣнъ. Бернардо и 18 его сообщниковъ были казнены во Флоренціи. Въ апрѣлѣ 1472 года изгнанники сдѣлали новую попытку произвесть возстаніе. Жители Вольтерры поссорились тогда съ флорентійцами за то, кому принадлежитъ новооткрытая копь квасцовъ, и желали отложиться отъ Флоренціи. Изгнанники пришли въ Вольтерру, граждане присоединились къ нимъ; но флорентійское войско покорило Вольтерру; инсургенты подвергись безпощадному мщенію. Флорентійцы построили въ Вольтеррѣ цитадель и наложили на городъ тяжелое иго. При покореніи Вольтерры Лоренцо выказалъ большую энергію, и владычество его совершенно упрочи-

лось. Онъ давалъ брату участіе въ управленіи; они назначили комитетъ изъ пяти членовъ, которому было поручено замѣщать всѣ правительственныя должности; почти всѣ вліятельные люди находили личную пользу себѣ въ томъ, чтобы поддерживать ихъ власть, потому что Лоренцо давалъ своимъ приверженцамъ участіе въ громадныхъ банкирскихъ операціяхъ своей фирмы. Она захватила почти всю торговлю квасцами въ Европѣ; во всѣхъ большихъ городахъ западной Европы были отдѣленія банкирскаго дома Медичи; Лоренцо поручалъ управленіе ими своимъ друзьямъ. Онъ распоряжался государственными доходами, какъ собственностью своей фамиліи, потому могъ давать денежныя выгоды множеству людей. Флорентійское государство было предоставлено въ управленіе людямъ, пользовавшимся милостью Лоренцо и Джуліано. Террористическія мѣры подавляли всякую оппозицію. Медичи пріучали флорентійцевъ къ роскоши; жажда богатства, раздавателями котораго были они, дѣлала почти всѣхъ энергическихъ людей усердными слугами ихъ.

Заговоръ Пацци.

Благородное честолюбіе пріобрѣтать славу полезными для государства дѣлами замѣнилось эгоистическими разсчетами; они вели къ зависти, ссорамъ, заговорамъ. По знатности и богатству первое мѣсто послѣ Медичи занимала фамилія Пацци; она была принята при Козимо Медичи въ число новыхъ аристократовъ, сословіе которыхъ называлось popolo grasso, и пользовалась большимъ вліяніемъ въ партіи Медичи. Главою фамиліи Пацци былъ теперь Якопо, его племянникъ былъ женатъ на Біанкѣ, дочери Піэтро Медичи. Якопо не имѣлъ законныхъ дѣтей, но у его братьевъ Піэтро и Антоніо было по нѣскольку сыновей, которымъ Якопо поручилъ завѣдованіе разными отдѣлами огромной банкирской фирмы своего дома. Дружба Пацци съ Медичи мало по малу охладѣла. Козимо сталъ не довѣрять Якопо и его родственникамъ, устранилъ ихъ отъ должностей; они возненавидѣли фамилію Медичи. Джованни Пацци, сынъ Антоніо, былъ женатъ на единственной дочери Джованни Барромео, не мѣвшаго сыновей, и надѣялся по смерти тестя наслѣдовать его огромное состояніе; но Медичи опасались увеличенія богатства враждебной имъ фамиліи, потому былъ изданъ законъ, дававшій родственникамъ по мужской линіи право наслѣдовать гражданину, имѣющему дочерей. Такимъ образомъ имущество Джованни Барромео было передано по его смерти сыну его брата. Пацци были раздражены и стали устроивать заговоръ.

Участіе Сикста IV въ заговорѣ.

Франческо, братъ Антоніо Пацци, отправился въ Римъ и сталъ банкиромъ Сикста IV. Этотъ папа досадовалъ на Медичи за то, что они поддерживали тѣхъ владѣтелей, которые считались его вассалами, но не повиновались ему. Онъ хотѣлъ покорить Никколо Вителли, владѣвшаго городомъ Читта ди Кастелло; Медичи помогали Вителли, не желая, чтобы папы сдѣлались сильными государями. Лоренцо мѣшалъ

папѣ и въ его желаніи дать большія владѣнія племянникамъ. Племянники Сикста, и въ особенности Джироламо Ріаріо, также возненавидѣли Медичи. Вражда усилилась, когда по смерти прежняго архіепископа пизанскаго папа назначилъ архіепископомъ Франческо Сальвіати. Это былъ родственникъ Якопо Пацци, врагъ Медичи, изгнанный ими изъ Флоренціи. Медичи не признали Сальвіати архіепископомъ. Папа и его племянники не имѣли силы начать войну съ Медичи, потому приняли участіе въ заговорѣ Пацци.

Убійство Джуліано Медичи.

Главными руководителями заговора были Франческо Пацци, Джироламо Ріаріо, архіепископъ Сальвіати, его братъ и одинъ изъ его родственниковъ. Франческо Пацци пріѣхалъ во Флоренцію склонить своего дядю Якопо и другихъ родственниковъ къ участію въ заговорѣ; ему помогалъ папскій кондоттьеръ Джованни Батиста Монтесекко, увѣрившій Якопо въ томъ, что папа одобряетъ заговоръ и будетъ всѣми средствами помогать ему. Неаполитанскій посланникъ въ Римѣ обѣщалъ помощь своего короля. Отряды папскихъ войскъ, стоявшіе по сосѣдству съ Тосканой, должны были идти во Флоренцію для содѣйствія перевороту. Кромѣ фамиліи Пацци въ заговорѣ участвовали Якопо Браччолини, молодой честолюбивый ученый Бернардо Бандини и Наполеоне Франчези, молодые люди, горячіе друзья семейства Пацци, священникъ Антоніо Маффеи, пріѣхавшій во Флоренцію изъ Вольтерры, и монахъ Стефано, учившій латинскому языку дочь Якопо Пацци. Временемъ для исполненія своего плана заговорщики назначили пріѣздъ Рафаэле Ріаріо во Флоренцію. Рафаэле былъ племянникъ Джироламо Ріаріо, въ то время еще юноша, учившійся каноническому праву въ университетѣ, который былъ основанъ въ Пизѣ Лоренцо Медичи. Папа сдѣлалъ этого юношу кардиналомъ. Архіепископъ Сальвіати уговорилъ молодого кардинала поѣхать во Флоренцію; заговорщики хотѣли убить Лоренцо и Джуліано Медичи на обѣдѣ съ этимъ гостемъ; но Джуліано не пріѣхалъ на обѣдъ; не пріѣхалъ и на второй обѣдъ; потому заговорщики составили новый планъ: кардиналъ долженъ былъ 2 мая (1478) служить литургію; учтивость дѣлала необходимымъ для Лоренцо и Джуліано присутствовать на этой торжественной службѣ; рѣшено было убить ихъ въ церкви; заговорщики условились, что въ минуту, когда кардиналъ подыметъ святые дары и народъ преклонитъ колѣна предъ ними, Франческо Пацци и Бернардо Бандини бросятся на Джуліано, а Монтесекко на Лоренцо и убьютъ ихъ. Но Монтесекко отказался принять назначенную ему роль; совѣсть его была возмущена мыслью объ убійствѣ въ храмѣ; потому обязанность убить Лоренцо была передана монахамъ Антоніо и Стефано. Въ самую минуту убійства Сальвіати и Якопо Пацци должны были окружить отрядами воиновъ дворецъ синьоріи и арестовать членовъ ея. Искусно составленный планъ не удался. Джуліано былъ убитъ въ церкви. Но Лоренцо

уцѣлѣлъ, заговорщики не могли арестовать членовъ синьіоріи; заговоръ былъ подавленъ, соучастники его погибли. Приведемъ разсказъ Макіавелли объ этомъ.

«Условившись обо всемъ, заговорщики пошли въ церковь. Кардиналъ и Лоренцо Медичи были уже тамъ. Служба началась. Но Джуліано все еще не было. Франческо Пацци и Бернардо Бандини, взявшіе на себя обязанность убить его, пошли къ нему въ домъ и уговорили его идти въ церковь. Замѣчательна твердость души, съ какой они умѣли сврывать свою ненависть и свое намѣреніе: когда шли съ Джуліано въ церковь, они всю дорогу шутили, продолжали шутить и въ церкви. Франческо подъ видомъ дружеской ласки ощупалъ руками, нѣтъ ли панцыря подъ одеждой Джуліано. Лоренцо и Джуліано знали, что Пацци враждебны имъ, хотятъ отнять у нихъ власть, но не опасались за свою жизнь, полагая, что Пацци будутъ дѣйствовать законными способами, а не такимъ насильственнымъ образомъ; потому, считая свою жизнь въ безопасности, они продолжали выказывать притворную дружбу къ Пацци. Итакъ, убійцы были готовы. Стефано и Антоніо стали подлѣ Лоренцо. При множествѣ народа въ церкви, это можно было сдѣлать, не возбуждая подозрѣнія. Франческо Пацци и Бернардо Бандини стояли подлѣ Джуліано. Когда пришла назначенная минута, Бернардо Бандини выхватилъ короткій кинжалъ, изготовленный нарочно для этого, и ударилъ Джуліано въ грудь. Онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упалъ; на него бросился Франческо Пацци, нанесъ ему много ранъ и дѣлалъ удары съ такой горячностью, что въ ярости тяжело ранилъ самого себя въ ногу. Между тѣмъ Антоніо и Стефано напали на Лоренцо и замахивались на него кинжалами много разъ, но нанесли ему только одну легкую рану въ шею, потому что другіе удары ихъ не касались его тѣла или по ихъ неловкости, или по мужеству Лоренцо, который, увидѣвъ, что на него бросились, сталъ обороняться плащомъ, или потому, что люди, стоявшіе подлѣ Лоренцо, защищали его. Оробѣвъ, Антоніо и Стефано убѣжали и спрятались, но потомъ были найдены, убиты, и народъ таскалъ ихъ тѣла по всему городу. А Лоренцо съ друзьями, защищавшими его, отступилъ въ ризницу и заперся тамъ. Бернардо Бандини, увидѣвъ, что Джуліано уже мертвъ, убилъ Франческо Нери, небогатаго человѣка, друга Медичи, или по старой ненависти къ нему, или потому, что онъ хотѣлъ защитить Джуліано. Не довольствуясь этимъ, Бандини бросился къ Лоренцо, чтобы довершить своимъ мужествомъ то, чего не сдѣлали другіе по своей слабости, но Лоренцо ужъ убѣжалъ въ ризницу, и онъ не могъ исполнить своего намѣренія. Отъ этихъ кровавыхъ дѣлъ поднялось въ церкви такое смятеніе, что, казалось, она рушится. Кардиналъ уцѣпился за престолъ и священники съ трудомъ защищали его жизнь, пока синьіорія, по успокоеніи шума, могла отвести его въ свой дворецъ; онъ оставался тамъ въ большой боязни до самаго своего освобожденія.

«Во Флоренціи находились тогда перуджійцы, изгнанные противниками изъ своего города; Пацци пріобрѣли ихъ содѣйствіе обѣщаніемъ возвратить ихъ на родину. Архіепископъ Сальвіати взялъ ихъ съ собой, пошедши съ Якопо Поддзо и его друзьями занять дворецъ синьіоріи. Пришедши къ дворцу, онъ оставилъ часть своихъ внизу съ приказаніемъ занять двери, когда услышатъ шумъ, а самъ съ большинствомъ перуджійцевъ пошелъ вверхъ, гдѣ члены синьіоріи сидѣли за обѣдомъ, потому что было уже позднее время дня. Онъ безъ затрудненія былъ впущенъ гонфалоніэромъ юстиціи, Чезаре Петруччи. Съ нѣсколькими людьми онъ вошелъ въ комнату, гдѣ обѣдали, а другихъ оставилъ внѣ этой комнаты, и большинство ихъ само себя заперло въ канцеляріи, потому что дверь ея была сдѣлана такъ, что когда захлопывалась, то ни съ наружи, ни извнутри нельзя было отворить ее иначе, какъ ключомъ. Между тѣмъ архіепископъ вошелъ въ комнату къ гонфалоніэру подъ предлогомъ, что хочетъ передать ему нѣкоторыя порученія отъ папы, и началъ говорить отрывочными непонятными словами. Волненіе, выказывавшееся въ его движеніяхъ и рѣчи, возбудило такое подозрѣніе въ гонфалоніэрѣ, что этотъ сановникъ съ крикомъ бросился изъ комнаты и, натолкнувшись на Якопо

Поддзо, схватилъ его за волосы и отдалъ его въ руки своей стражи. При этомъ крикѣ члены синьіоріи взялись за оружіе, какое попалось, и убили или выбросили изъ оконъ дворца всѣхъ, взошедшихъ вверхъ съ архіепископомъ; они не могли убѣжать—одни потому, что были заперты, другіе потому, что оробѣли. Архіепископа, двоихъ Якопо Сальвіати и Якопо Поддзо повѣсили на окнахъ дворца. Тѣ, которые остались внизу, одолѣли стражу, выломали двери и заняли весь нижній этажъ; потому граждане, прибѣжавшіе на шумъ ко дворцу, не могли ни оружіемъ, ни совѣтами помочь синьіоріи. Между тѣмъ Франческо Пацци и Бернардо Бандини, увидѣвъ, что Лоренцо ушелъ и что одинъ изъ нихъ раненъ, потеряли надежду. Бернардо съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ убилъ Джуліано, позаботился о своемъ спасеніи и скрылся. Франческо Пацци, раненный, возвратился домой, попробовалъ, не можетъ ли сидѣть на лошади, потому что уговоръ былъ ѣхать по городу съ вооруженными людьми и призывать народъ къ свободѣ; но не могъ держаться въ сѣдлѣ: глубока была рана и такъ много крови потерялъ онъ. Потому онъ раздѣлся, бросился нагой на свою постель и просилъ Якопо Пацци сдѣлать то, чего не можетъ сдѣлать онъ самъ. Якопо, хотя былъ старикъ и неопытенъ въ такихъ смутахъ, хотѣлъ однако-же сдѣлать послѣднюю попытку, сѣлъ на лошадь и съ вооруженными людьми, которые были заранѣе приготовлены для этого и которыхъ было около 100 человѣкъ, поѣхалъ на площадь передъ дворцомъ синьіоріи, призывая народъ къ свободѣ. Но слухъ народа былъ заглушенъ счастьемъ и щедростью Медичи, а свобода была неизвѣстна во Флоренціи, и никто не отвѣчалъ ему. Члены синьіоріи, бывшіе господами верхняго этажа дворца, бросали въ него камнями и сколько могли пугали его угрозами. Пока онъ стоялъ въ нерѣшительности, подошелъ къ нему его родственникъ, Джованни Серристори, и сначала упрекнулъ за мятежъ, поднятый имъ, а потомъ посовѣтовалъ ему отправиться домой, говоря, что другіе граждане не меньше его любятъ народъ и свободу. Якопо, лишившись всякой надежды, потому что синьіорія враждебна ему, Лоренцо живъ, Франческо раненъ и никто не переходитъ на его сторону, рѣшилъ спасти, если можно, жизнь бѣгствомъ, и съ тѣми спутниками, которые были при немъ на площади, поѣхалъ изъ Флоренціи по дорогѣ въ Романью.

«Между тѣмъ весь городъ взялся за оружіе, и Лоренцо въ сопровожденіи множества вооруженныхъ удалился въ свой домъ. Народъ овладѣлъ дворцомъ; всѣ, занявшіе первый этажъ, были взяты въ плѣнъ или убиты. По всему городу народъ кричалъ «Медичи!», волочилъ по улицамъ тѣла убитыхъ или, разрубивъ, носилъ куски, взоткнутые на пики, и каждый съ гнѣвными словами жестоко преслѣдовалъ всѣхъ Пацци; въ дома ихъ уже ворвался народъ; стащили Франческо нагого съ постели, привели во дворецъ синьіоріи и повѣсили подлѣ архіепископа и другихъ. Но какъ ни ругали и какъ ни били его на дорогѣ, не могли вынудить у него ни одного звука. Не сводя твердаго взгляда съ своихъ палачей, онъ умеръ безъ жалобы. Гульельмо Пацци, женатый на сестрѣ Лоренцо, бѣжалъ въ его домъ и спасся по своей невинности и по содѣйствію своей жены Біанки. Не было гражданина, который въ этой опасности не пришелъ бы съ оружіемъ или безъ оружія къ дому Лоренцо, и каждый предлагалъ ему свое имущество и жизнь. Такъ велика была любовь, которую пріобрѣлъ родъ Медичи умомъ и щедростью. Ринато Пацци во время этого событія жилъ на своей виллѣ. Услышавъ о томъ, что случилось, онъ хотѣлъ бѣжать переодѣтый, но былъ на дорогѣ узнанъ, арестованъ и отведенъ во Флоренцію. Якопо тоже былъ взятъ въ плѣнъ при переѣздѣ черезъ горы: когда ихъ жители, услышавшіе о произошедшемъ, увидѣли его уѣзжающимъ, то напали на него и привели его во Флоренцію; и сколько онъ ни просилъ, чтобъ они убили его на дорогѣ, не выпросилъ этого. Якопо и Ринато были осуждены на казнь черезъ четыре дня послѣ этого дѣла. Изо всѣхъ людей, которыхъ въ эти дни было убито такъ много, что улицы были покрыты тѣлами, жалѣли только о Ринато, потому что онъ былъ уменъ и добродѣтеленъ и не навлекалъ на себя упрека за гордость, въ которой винили другихъ Пацци. Якопо былъ положенъ сначала въ гробницѣ своихъ предковъ, потомъ взятъ оттуда, какъ отлученный отъ церкви, и зарытъ за городской стѣной; послѣ вырыли его оттуда и таскали нагого по всему городу на веревкѣ, на которой онъ былъ повѣшенъ; и люди,

таскавшіе его, бросили его въ рѣку Арно, которая была тогда въ разливѣ. О, какой великій примѣръ несчастія видѣть человѣка такого богатаго низверженнымъ изъ такого счастливаго положенія въ такое бѣдствіе и погибшимъ такъ позорно! Его винили въ нѣкоторыхъ порокахъ, какъ напримѣръ въ любви къ игрѣ и ругательству, но не то, чтобъ его считали очень дурнымъ человѣкомъ; эти пороки у него заглаждались большой благотворительностью, потому что онъ щедро помогалъ многимъ нуждающимся и богоугоднымъ учрежденіямъ. Можно сказать о немъ еще то хорошее, что въ субботу передъ воскресеніемъ, назначеннымъ для такого великаго преступленія, онъ, чтобы не пострадалъ никто отъ его бѣдствія, заплатилъ всѣ свои долги и съ удивительной заботливостью отослалъ собственникамъ всѣ чужіе товары, находившіеся въ его складѣ и въ его домѣ.

«Джованни Баттиста Монтесекко былъ казненъ послѣ долгаго процесса. Наполеоне Франчезе спасся бѣгствомъ отъ казни, Гульельмо Пацци былъ изгнанъ, а тѣ его родственники, которые оставались живы, были брошены въ подземную темницу вольтеррской цитадели. Когда затихло смятеніе и были наказаны всѣ заговорщики, былъ торжественно похороненъ Джуліано. Слезы всѣхъ гражданъ сопровождали его, потому что онъ имѣлъ такую щедрость и привѣтливость, какой только можно желать въ человѣкѣ, родившемся въ столь высокомъ санѣ. У него былъ побочный сынъ, родившійся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти отца и получившій имя Джуліо».

Результаты неудачнаго заговора.

Такой ужасный исходъ имѣлъ заговоръ Пацци. Вмѣсто того, чтобы низвергнуть владычество Медичи, онъ только укрѣпилъ его. Папа и король неаполитанскій послали войска въ Тоскану противъ Лоренцо Медичи. Папа наложилъ интердиктъ на Флоренцію, убившую архіепископа; но это только прочнѣе прежняго соединило интересы Флоренціи съ выгодами Лоренцо. Макіавелли приводитъ рѣчь, въ которой Лоренцо высказалъ передъ синьоріей и знатнѣйшими гражданами свое негодованіе на заговоръ, благодарилъ ихъ за помощь ему и увѣрялъ въ своей преданности благу республики. Чтобъ оградить Лоренцо отъ всякихъ опасностей, флорентійцы дали ему отрядъ тѣлохранителей. Они созвали областной соборъ тосканскихъ прелатовъ, объявили ему, что апеллируютъ отъ папскаго интердикта къ будущему вселенскому собору, и заставили духовенство продолжать богослуженіе. Но они освободили кардинала.

Война 1479—1480.

Война длилась два года; въ ней не было большихъ сраженій. Войска папы и короля неаполитанскаго одержали нѣкоторые успѣхи, потому что венеціанцы по торговой зависти не хотѣли помогать флорентійцамъ, а герцогиня миланская сама находилась въ затруднительномъ положеніи. Но анжуйская партія въ Неаполѣ стала подымать мятежи; герцогъ лотарингскій Рене II заявилъ притязанія на неаполитанскій престолъ, и дѣла приняли оборотъ благопріятный флорентійцамъ. Король неаполитанскій опасался, что они станутъ помогать герцогу лотарингскому, потому желалъ мира съ ними; ему и не было выгоды продолжать войну: онъ началъ ее съ надеждой овладѣть Сіэной; это оказалось невозможнымъ. Разгадывая его желаніе помириться, Лоренцо Медичи, по согласію съ герцогомъ калабрійскимъ и королевскимъ полководцемъ Федериго Монтефельтро, отправился на неаполитанской галерѣ вступить въ личные переговоры съ королемъ.

Фердинандъ принялъ его съ почетомъ; они заключили миръ, по которому флорентійцы освободили тѣхъ Пацци, которые не принимали участія въ заговорѣ, но содержались въ темницѣ; Флоренція сохранила всѣ свои владѣнія. Война съ папой продолжалась еще нѣсколько времени; но и упрямый Сикстъ увидѣлъ надобность въ мирѣ для того, чтобъ итальянцы могли общими силами изгнать изъ Италіи турокъ, овладѣвшихъ Отранто. Притомъ папа былъ встревоженъ намѣреніемъ флорентійцевъ вступить въ союзъ съ королемъ французскимъ (они отправили въ Парижъ Донато Аччаюоли; онъ умеръ на пути туда въ Миланѣ; они отправили другого посла Антоніо Веспуччи). Потому Сикстъ былъ очень радъ, когда ихъ послы пріѣхали въ Римъ съ заявленіемъ готовности удовлетворить церковь за убійство архіепископа; 3 декабря 1480 былъ заключенъ миръ, по которому Флоренція обѣщалась снарядить 15 галеръ для войны съ турками.

Преобразованіе флорентійскаго правленія.

Когда Лоренцо ѣхалъ въ Неаполь, флорентійцы опасались за его свободу и самую жизнь; тѣмъ радостнѣе они встрѣтили его при возвращеніи. Благодаря его уму, они избавились отъ войны, и могущество его возросло. Перемѣны въ государственномъ устройствѣ, которыхъ желалъ онъ, были сдѣланы. Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ было поручено совѣту семидесяти гражданъ, составленному изъ его приверженцевъ. На вакантныя мѣста въ этотъ совѣтъ новые члены назначались гонфалоніэромъ, должность котораго всегда занималъ кто-нибудь изъ людей, безусловно преданныхъ Лоренцу. Совѣтъ Семидесяти назначалъ на всѣ должности, завѣдывалъ финансами. Онъ исполнялъ всѣ желанія Лоренцо, отдавалъ ему государственныя деньги, въ которыхъ онъ при своей роскоши постоянно имѣлъ надобность; потому государственные долги росли, и часто было надобно производить финансовыя операціи дурного характера; такъ напримѣръ насильственно понижались проценты государственнаго долга, отбирались деньги у благотворительныхъ учрежденій. Личные доходы Лоренцо уменьшились, потому что онъ прекратилъ банкирскія дѣла и обратилъ деньги на покупку имѣній или на расходы своего великолѣпнаго двора; государство несло всѣ убытки отъ этого, и казна мало по малу стала личной собственностью Лоренцо.

Флорентійское государство было теперь республикой только по названію, Лоренцо владычествовалъ надъ нимъ, какъ монархъ. Но онъ употреблялъ свою неограниченную власть на пользу и славу государства. Онъ покровительствовалъ искусству, литературѣ, наукѣ, такъ что его эпоха напоминала времена Перикла и Августа. Благодаря его уму и военному счастью, государство пользовалось безопасностью. Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ преемнику Сикста IV, Иннокентію VIII. Мы говорили, что сынъ папы Франческетто Чибо женился на дочери Лоренцо, Маддаленѣ; Джованни, сынъ Лоренцо, получилъ санъ кардинала, будучи еще мальчикомъ.

Въ Сіэнѣ шла ожесточенная борьба между аристократами и демократами (пополонами). Они поочередно изгоняли одни другихъ; Лоренцо, пользуясь этими раздорами, покорилъ Сіэну и присоединилъ къ непосредственнымъ владѣніямъ тѣ земли, которыя были отняты у Флоренціи во время войны съ королемъ неаполитанскимъ. Городъ Сарцана, купленный Козимо Медичи у ея владѣтеля, генуэзскаго вельможи Фрегози, былъ отнятъ у флорентійцевъ Генуей во время войны ихъ съ королемъ неаполитанскимъ. Лоренцо въ 1487 году заставилъ генуэзцевъ возвратить Флоренціи владычество надъ Сарцаной. Онъ бралъ на себя посредничество въ ссорахъ государей, считавшихся вассалами папы, и дѣйствовалъ такъ ловко, что они во всемъ слушались его рѣшеній. Такимъ образомъ Флоренція владычествовала почти надъ всей средней Италіей. Джироламо Ріаріо, племянникъ Сикста IV, владѣвшій Имолою и Форли, раздражилъ всѣхъ своей жестокостью и былъ 14 апрѣля 1488 убитъ въ Имолѣ начальниками своихъ тѣлохранителей. Его жена Катарина Сфорца заперлась въ цитадели города Форли и мужественно оборонялась. Инсургенты угрожали убить захваченныхъ ими дѣтей ея, если она не сдастъ цитадель; но она не поколебалась и отъ этой угрозы. Герцогъ миланскій прислалъ помощь ей; она осталась владѣтельницею Форли и черезъ нѣсколько времени вышла за Джованни Медичи, родственника Лоренцо. (Джованни былъ внукъ брата Козимо).

Фаэнца.

Франческа, дочь Джованни Бентивольо, владѣтеля Болоньи, была женою Галеотто Манфреди, владѣтеля Фаэнцы. Возненавидѣвъ мужа за его развратъ, она ввела въ свои комнаты вооруженныхъ людей и при ихъ содѣйствіи убила своей рукой Галеотто. Городъ возсталъ противъ нея, но она удержалась въ цитадели и хотѣла отдаться подъ покровительство венеціанцамъ. Граждане Фаэнцы просили помощи флорентійцевъ. Лоренцо заключилъ съ Франческою договоръ, по которому ей было дозволено возвратиться въ Болонью, а владѣтелемъ Фаэнцы былъ признанъ ея сынъ Асторре Манфреди, въ то время еще ребенокъ; до его совершеннолѣтія управленіе было поручено совѣту регентства.

Перуджія.

Въ Перуджіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ боролись за власть фамиліи Одди и Бальіони; ихъ междоусобіе довело городъ до упадка. Въ 1491 году владычествовали въ Перуджіи Бальіони; ихъ противники Одди, находившіеся въ изгнаніи, напали ночью на городъ, ворвались въ него; но были побѣждены: пятьдесятъ человѣкъ изъ ихъ воиновъ было убито; остальные сто человѣкъ, большею частью тяжело раненные, были взяты въ плѣнъ и повѣшены раздраженными перуджійцами.

Междоусобія, отъ которыхъ страдали многіе города средней Италіи, показывали флорентійцамъ, что они должны дорожить спокойствіемъ,

которымъ пользуются подъ управленіемъ Лоренцо, и они безусловно повиновались ему.

Лоренцо страдалъ подагрой; эта болѣзнь усилилась до того, что онъ совершенно пересталъ лично заниматься государственными дѣлами, жилъ въ своихъ загородныхъ дворцахъ или ѣздилъ лечиться на минеральныя воды. Любимое общество его теперь составляли ученые, въ особенности Анджело Полиціано и Пико делла Мирандола. Чувствуя приближеніе смерти, онъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго проповѣдника Джироламо Савонаролу, бывшаго тогда пріоромъ доминиканскаго монастыря Св. Марка во Флоренціи. Біографы Лоренцо говорятъ, что онъ исповѣдовался у Савонаролы, что, выслушавъ исповѣдь, Савонарола произнесъ рѣчь, въ которой убѣждалъ его возвратить флорентійцамъ свободу и отдать законнымъ владѣльцамъ все несправедливо пріобрѣтенное имущество; что Лоренцо съ досадой отвернулся, и Савонарола ушелъ, не давъ ему отпущенія грѣховъ. Полиціано не упоминаетъ объ этой сценѣ.

Савонарола.

Въ началѣ 1492 болѣзнь Лоренцо приняла опасный характеръ; появилась изнурительная лихорадка; силы больного быстро падали; 8 апрѣля онъ умеръ въ своемъ загородномъ дворцѣ въ Кареджи. Флорентійцы очень сожалѣли о смерти Лоренцо, которому было еще только 44 года. Итальянскіе государи и города отправляли пословъ во Флоренцію передать гражданамъ сочувствіе ихъ печали. Въ часы агоніи Лоренцо свирѣпствовала гроза. Флорентійцы говорили, что это предвѣщаетъ бѣдствія государству, лишившемуся мудраго правителя.

Смерть Лоренцо.

Лоренцо принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, о характерѣ которыхъ трудно составить опредѣленное мнѣніе. Макіавелли, кончающій свою исторію Флоренціи разсказомъ о его смерти, сообщаетъ мало подробностей о немъ, но говоритъ съ большимъ уваженіемъ о его правительственныхъ дарованіяхъ. Дѣятельность его была очень многосторонняя. Нѣтъ ни одной отрасли правительственныхъ дѣлъ, которой не занимался бы онъ; очень много времени отдавалъ онъ ученымъ занятіямъ, поэзіи, сильно интересовался всѣми искусствами, любилъ развлеченія. Подобно дѣду и своему брату Джуліано, Лоренцо былъ сильный мужчина высокаго роста, въ молодости очень любилъ верховую ѣзду, военныя игры. Онъ былъ хорошій полководецъ, хотя главная его дѣятельность была не военная, а дипломатическая и административная. Онъ былъ очень даровитый государственный человѣкъ; это свидѣтельствуютъ современные писатели, и мы сами видимъ это по искусству, съ какимъ онъ охранялъ государство отъ всѣхъ опасностей, которыми угрожали Флоренціи безчисленныя интриги и войны того времени. Онъ получилъ превосходное воспитаніе, и таланты его развились рано. Онъ пополнилъ свое образованіе поѣздками въ главные города Италіи, и при дворахъ государей пріобрѣлъ изящныя манеры, умѣнье держать себя и говорить привле-

Характеръ Лоренцо.

кательно. Обширная флорентійская торговля ставила въ близкія отношенія къ нему всѣ европейскія правительства. Торговыя связи Флоренціи охватывали даже Константинополь и Александрію. Турецкій султанъ выдалъ флорентійскому правительству бѣжавшаго въ Константинополь Бернардо Бандини, убійцу Джуліано.

Покровительство искусству и наукѣ.

Самую блестящую сторону характера и общественной дѣятельности Лоренцо составляетъ его любовь къ искусству и наукѣ. Онъ самъ былъ поэтъ. До насъ дошло много его сонетовъ и канцонъ; въ нихъ много простого искренняго чувства, любви къ природѣ; они изящны. Слѣдуя примѣру дѣда, онъ увеличилъ библіотеку своего дворца, и она стала называться по его имени Laurentiana; онъ покровительствовалъ изученію греческой и латинской литературъ; привлекъ во Флоренцію своей любезностью и щедростью многихъ даровитыхъ ученыхъ. Анджело Полиціано, великій знатокъ древнихъ лирературъ и знаменитѣйшій поэтъ своего времени, жилъ въ домѣ Лоренцо и былъ учителемъ его дѣтей. Марсиліо Фичино пользовался его заботливымъ покровительствомъ, считался принадлежащимъ къ его семейству, и члены Платоновской академіи, президентомъ которой былъ Фичино, собирались во дворцѣ Лоренцо на свои пиры, подобные обѣдамъ аѳинскихъ философовъ. Пико Мирандола, знаменитый громадностью своихъ знаній, и Луиджи Пульчи, авторъ знаменитой шутливой поэмы Morgante Maggiore, также принадлежали къ интимному кругу друзей Лоренцо. Микель Анджело Буонаротти, въ то время юноша, изучалъ искусство въ саду Санъ-Марко, гдѣ Лоренцо собралъ античныя статуи и картины знаменитѣйшихъ художниковъ. Блестящій кругъ ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, центромъ котораго былъ Лоренцо, имѣлъ такую привлекательность, что множество любознательныхъ юношей и немолодыхъ людей съѣзжались изъ другихъ итальянскихъ городовъ и чужихъ земель во Флоренцію, сдѣлавшуюся столицей умственной жизни Европы, походившую на Аѳины временъ Перикла. Лоренцо упрочилъ владычество династіи Медичи надъ Флоренціей, далъ своей фамиліи такое могущество и блескъ, что сынъ его Джованни и племянникъ его Джуліано сдѣлались папами (Джованни принялъ имя Льва X, Джуліано имя Климента VII) и двѣ принцессы фамиліи Медичи стали королевами французскими.

Но были и темныя стороны въ частной жизни и общественной дѣятельности Лоренцо. Онъ былъ до излишества преданъ чувственнымъ наслажденіямъ; его примѣръ портилъ нравы. Онъ подавилъ свободу Флоренціи, и граждане заглушали душевную тоску чувственными наслажденіями, стали равнодушны къ нравственнымъ принципамъ.

с) ПІЭТРО II И САВОНАРОЛА.

Проповѣди. Савонаролы.

Флорентійское духовенство увлекалось тѣми же стремленіями къ удобству и роскоши, какъ свѣтское общество, и было равнодушно къ

дѣламъ вѣры. Но пріоръ доминиканскаго монастыря во Флоренціи, Джироламо Савонарола, боролся противъ общаго направленія своего времени, обличалъ пороки своимъ суровымъ краснорѣчіемъ. Свѣтское общество предпочитало ему изящнаго проповѣдника Маріано Дженнаццано. Церковь св. Лаврентія, въ которой проповѣдовалъ Савонарола, оставалась пуста. Но въ немъ горѣлъ огонь энтузіазма, сила котораго охватила наконецъ и общество. Онъ нѣсколько лѣтъ проповѣдовалъ въ разныхъ городахъ сѣверной и средней Италіи, обличая пороки и въ духѣ еврейскихъ пророковъ и Апокалипсиса предсказывая скорое наступленіе суда Божія. Въ 1490 году Лоренцо Медичи, по совѣту Пико Мирандолы, пригласилъ его возвратиться въ монастырь св. Марка. На дворѣ этого монастыря еще показываютъ высокое деревцо дамасской розы, подъ которымъ онъ въ первый разъ объяснялъ Апокалипсисъ небольшому кругу слушателей. Въ своемъ восторженномъ мистицизмѣ онъ вѣровалъ, что получилъ отъ Бога призваніе исправить нравы людей и очистить церковь; горячее сочувствіе страданіямъ падшаго человѣчества придавало его словамъ силу, проникавшую въ души слушателей.

Піэтро II.

Еще при Лоренцо краснорѣчіе Савонаролы привлекало многихъ, такъ что проповѣди его получили довольно большое общественное значеніе; вліяніе ихъ возросло, когда по смерти Лоренцо правителемъ государства сталъ старшій сынъ его, Піэтро II, воспитанный въ роскоши, не имѣвшій отцовской любезности, наслѣдовавшій фамильную гордость своей матери Орсини, предпочитавшій государственнымъ дѣламъ щегольство силой и ловкостью въ рыцарскихъ играхъ, дѣйствовавшій съ такимъ же деспотизмомъ, какъ отецъ, но не имѣвшій отцовскаго искусства прикрывать любезностью свой произволъ и выказывать притворное уваженіе къ республиканскимъ формамъ. Онъ отталкивалъ отъ себя людей высокомѣріемъ, и составилась оппозиціонная партія, находившая отголосокъ своихъ чувствъ и мыслей въ проповѣдяхъ Савонаролы. Будучи пріоромъ монастыря св. Марка, онъ принудилъ своихъ монаховъ соблюдать строгія правила устава и своей аскетической жизнью пріобрѣлъ славу святого. Піэтро съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что вліяніе Савонаролы возростаетъ; но скоро стали сбываться предсказанія проповѣдника, предвѣщавшаго бѣдствія. Незадолго передъ походомъ короля французскаго въ Италію, Савонарола написалъ стихотвореніе, въ которомъ говорилъ, что скоро падутъ тираны, будетъ завоевана вся Италія, что упадетъ мечъ гнѣва Божія на Римъ, что Богъ обновитъ церковь, но раньше того будетъ скорбѣть Италія, и много крови будетъ пролито въ ней, что уцѣлѣютъ лишь немногіе. Часть этого прорицанія дѣйствительно стала сбываться.

САВОНАРОЛА *).

Джироламо Савонарола родился 21 сентября 1452 въ Феррарѣ, куда переселился изъ Падуи, по приглашенію маркграфа Никколо III, дѣдъ его Эсте Микеле, знаменитый врачъ. Дѣдъ хотѣлъ сдѣлать внука также врачомъ, далъ ему хорошее ученое воспитаніе и умеръ, когда Джироламо былъ еще юношей, но уже получилъ любовь къ изученію философіи. Въ особенности привлекательны были для юноши сочиненія Ѳомы Аквинскаго.

Феррара пользовалась при Никколо и его сыновьяхъ, Ліонелло, Барсо и Эрколе, спокойствіемъ и благосостояніемъ. Они соперничали съ Медичи блескомъ двора и покровительствомъ искусству, сами писали стихи, окружали себя художниками и учеными, основали въ Феррарѣ типографію, расходовали много денегъ на музеи, университетъ, библіотеку. Въ признательность за блестящій пріемъ, оказанный ему въ Феррарѣ при походѣ въ Римъ для коронованія, императоръ Фридрихъ III далъ маркграфу Барсо санъ герцога. Пій II при своей поѣздкѣ на конгрессъ въ Мантую былъ тоже принятъ въ Феррарѣ очень блистательно. Время мирнаго великолѣпія феррарскаго двора пострадало въ 1452 году войной за престолъ между Эрколе и Никколо, сыномъ Ліонелло. Но въ 1458 году Эрколе упрочилъ за собою власть, и возобновились прежнія блестящія развлеченія. Они не нравились Джироламо Савонаролѣ; онъ удалялся отъ общества, и въ его юношескихъ стихотвореніяхъ высказывается печальное настроеніе души: веселости казались ему порочными; онъ скорбѣлъ о порчѣ нравовъ, объ угнетеніи народа тиранами, искалъ утѣшенія въ молитвѣ, лежалъ по цѣлымъ часамъ распростертый у ступеней алтаря, прося Бога о дарованіи ему силы остаться чистымъ отъ пороковъ его безнравственнаго времени. Печаль его усилилась несчастіемъ въ любви: дочь флорентійца Строцци, жившаго изгнанникомъ въ Феррарѣ, гордо отвергла его; это огорченіе довело его религіозность до экзальтаціи; онъ рѣшился принять монашество. Ему трудно было разстаться съ матерью, которую онъ очень любилъ; но послѣ долгой борьбы съ собой онъ исполнилъ свое намѣреніе и 25 апрѣля 1475 поступилъ въ Болоньѣ въ доминиканскій орденъ. Въ письмѣ къ отцу онъ экзальтированнымъ тономъ оправдываетъ свой поступокъ, говоритъ, что „не могъ дольше выносить ужасной испорченности своего времени, видѣть во всей Италіи порокъ торжествующимъ, добродѣтель угнетенной“. Въ трактатѣ „О презрѣніи къ міру“ онъ высказалъ рѣзкими словами негодованіе на безнравственность высшаго сословія и просилъ Бога, чтобы „воды Чермнаго моря открыли путь добрымъ и поглотили злыхъ“. Онъ уже считалъ тогда себя имѣющимъ призваніе отъ Бога. Отецъ и мать были очень огорчены поступленіемъ сына въ монахи, какъ видимъ изъ его письма, въ которомъ онъ порицаетъ ихъ печаль.

Савонарола былъ средняго роста, цвѣтъ лица его былъ смуглый; темпераментъ сангвинико-холерическій. Нервы его были очень впечатлительны. Подъ черными бровями глаза его сверкали; у него былъ орлиный носъ, большой ротъ; толстыя губы его были плотно сжаты; это придавало выраженію лица характеръ непоколебимой твердости; лобъ Савонаролы уже и тогда былъ покрытъ морщинами; видно было, что онъ много думалъ. Лицо его было некрасиво, но имѣло благородное выраженіе, и грустная

*) Лучшая біографія Савонаролы написана Виллари: La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi (Firenze, 1859).

улыбка давала его грубымъ суровымъ чертамъ характеръ добродушія, внушавшаго довѣріе при первомъ взглядѣ на него; манеры Савонаролы не были изящны, рѣчь его, безъискуственная и грубая, получала отъ энтузіазма неодолимую силу. Но въ первые годы своего монашества онъ былъ погруженъ въ религіозныя размышленія и молчалъ. Онъ казался тѣнью, а не живымъ человѣкомъ; такъ исхудалъ онъ отъ поста и самоистязаній. Самыя тяжелыя испытанія послушничества казались ему недостаточно тяжелы, и монастырское начальство постоянно должно было удерживать его отъ излишествъ труда и самоуниженія. Онъ ѣлъ лишь столько, чтобы держаться на ногахъ. Одежда его была самая грубая, какую могъ онъ найдти, но всегда очень опрятна. Въ цѣломъ монастырѣ не было равнаго ему смиреніемъ и послушаніемъ; молился онъ такъ горячо, что начальники удивлялись, а другіе монахи считали его имѣющимъ откровенія. Семь лѣтъ (1475—1482) онъ оставался въ доминиканскомъ монастырѣ въ Болоньѣ, занимаясь обученіемъ послушниковъ и чтеніемъ; но скоро убѣдился, что и церковь впала въ испорченность; онъ высказалъ это чувство въ стихотвореніи „Объ упадкѣ церкви“. Главной причиной испорченности ея онъ считалъ порочность папъ. Военное опустошеніе, которому въ началѣ 80-хъ годовъ подверглись герцогство феррарское и сосѣдняя часть Италіи, заставило Савонаролу покинуть Болонью. Онъ (въ 1482 году) переселился во Флоренцію въ доминиканскій монастырь Св. Марка, построенный Козимо Медичи по плану знаменитаго архитектора Микелоццо Микелоцци. Это было обширное, великолѣпное зданіе; въ немъ находилось богатое собраніе рукописей; многіе ученые посѣщали эту библіотеку. Стѣны монастыря были украшены фресками Джованни да Фіэзоле (Фра Анджелико); изображавшими святыхъ, лицамъ которыхъ Фра Анджелико умѣлъ давать выраженіе религіознаго восторга. Савонарола любилъ смотрѣть на эти фрески.

Подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, Савонарола считалъ себя имѣющимъ отъ Бога призваніе вести безстрашную борьбу съ пороками своего времени и гнусностью папскаго управленія церковью. Онъ считалъ это возложеннымъ на него отъ Господа бременемъ, котораго не долженъ онъ свергать съ своихъ плечъ; ему мечтались божественныя видѣнія, слышались небесные голоса. Описанія грядущихъ бѣдствій въ книгахъ пророковъ и въ Апокалипсисѣ представлялись его воображенію явленіями дѣйствительности, олицетворяющими несчастія, которымъ подвергнутся Италія и церковь за свои грѣхи, и то возрожденіе, которое будетъ произведено его проповѣдями. Онъ высказывалъ поэтическимъ языкомъ свою скорбь о дурныхъ средствахъ, которыми получилъ папскій санъ Иннокентій VIII (въ 1484 году). Будучи приглашенъ говорить великимъ постомъ проповѣди въ Санъ-Джиміано (близъ Сіэны), онъ высказывалъ мысль, что „церковь будетъ наказана и потомъ обновлена, и это совершится скоро“. Въ 1486 году въ Брешіи, объясняя Апокалипсисъ, онъ описывалъ яркими чертами наказаніе, которому подвергнется Италія за грѣхи, и убѣждалъ своихъ слушателей покаяться. Черезъ 26 лѣтъ, когда буйные солдаты Гастона Фуасскаго неистовствовали въ Брешіи, старики припоминали предсказанія Савонаролы. На собраніи сановниковъ (капитулѣ) доминиканскаго ордена въ Реджіо онъ познакомился и подружился съ знаменитымъ ученымъ Пико Мирандолой. По желанію Мирандолы Лоренцо пригласилъ его въ 1490 году возвратиться въ монастырь св. Марка, и онъ сталъ пріобрѣтать своими проповѣдями и обличительными сочиненіями сильное вліяніе во Флоренціи; образованные люди того времени были проникнуты безграничнымъ уваженіемъ къ древнимъ писателямъ. Онъ ратовалъ противъ этого увлеченія мыслями людей, не знавшихъ истинной вѣры, и проповѣдовалъ любовь къ

Христу. Наибольшее вліяніе онъ имѣлъ не какъ писатель, а какъ проповѣдникъ, обличающій пороки и предсказывающій скорое наступленіе наказанія отъ Бога. Онъ съ самоувѣренностью пророка говорилъ, что скоро будутъ призваны предъ судъ Божій три сильные властителя, и черезъ нѣсколько недѣль въ апрѣлѣ 1492 года умеръ Лоренцо, а въ іюнѣ умеръ Иннокентій VIII. При Піэтро Медичи вліяніе Савонаролы возросло; его считали пророкомъ, и самъ онъ тверже прежняго вѣрилъ въ свое божественное призваніе, чаще прежняго имѣлъ видѣнія. Въ 1493 году начальство ломбардской провинціи доминиканскаго ордена послало Савонаролу проповѣдовать великимъ постомъ въ Пизѣ и Болоньѣ; ему не хотѣлось уѣзжать изъ Флоренціи; чтобъ освободиться отъ подобныхъ порученій, онъ выхлопоталъ у папы распоряженіе, сдѣлавшее тосканскую конгрегацію доминиканскаго ордена независимой отъ ломбардской провинціи. Получивъ такимъ образомъ самостоятельную власть надъ монастыремъ св. Марка и подчиненными ему сосѣдними доминиканскими монастырями, онъ ввелъ въ нихъ строгое соблюденіе суроваго доминиканскаго устава, принудилъ монаховъ поститься и работать, основалъ при монастыряхъ школы живописи, ваянія, архитектуры; въ нихъ учились послушники; они и монахи переписывали рукописи. Самъ Савонарола показывалъ всѣмъ примѣръ аскетизма. Монастырь св. Марка сталъ славиться святостью жизни монаховъ. Савонарола проповѣдовалъ, что спасеніе дается любовью ко Христу; потому протестанскіе ученые считали его имѣвшимъ понятія, одинаковыя съ протестанскими; но Виллари доказываетъ, что это ошибка: Савонарола требовалъ исполненія тѣхъ формальностей, которыя считала католическая церковь дающими спасеніе и которыя по протестанскому ученію безполезны или вредны.

---

6. Походъ Карла VIII.

а) Карлъ VIII въ сѣверной Италіи. Изгнаніе Піэтро Медичи.

Таково было положеніе Италіи, когда король французскій Карлъ VIII собирался идти за Альпы, чтобъ овладѣть королевствомъ неаполитанскимъ и потомъ, по примѣру своего предка Людовика Святого, отправиться на войну съ невѣрными. Слабый умомъ, уродливый человѣкъ маленькаго роста, онъ увлекся рыцарскими романами и воображалъ себя героемъ. Благоразумные и опытные люди, бывшіе помощниками Людовика XI, какъ напримѣръ Коминъ, Де Кердъ, Гравилль, говорили ему, что походъ въ Неаполь дѣло слишкомъ рискованное, что побѣда сомнительна и, что если даже будетъ завоевано королевство неаполитанское, то невозможно будетъ сохранить этого завоеванія; но между французскими вельможами было много безразсудныхъ любителей рыцарскихъ подвиговъ; они поддерживали короля въ его намѣреніи. Изгнанные неаполитанскіе вельможи, важнѣйшими изъ которыхъ были князья салернскій и бизиньянскій, нашедшіе себѣ

хорошій пріемъ при французскомъ дворѣ, разгорячали Карла, надѣясь, что его походъ въ Неаполь возвратитъ имъ конфискованныя владѣнія. Герцогъ орлеанскій тоже совѣтовалъ Карлу идти въ Италію, отчасти по желанію пріобрѣсти военную славу, отчасти по разсчету своей выгоды: какъ потомокъ Валентины Висконти, онъ считалъ себя наслѣдникомъ герцогства миланскаго и надѣялся овладѣть имъ при походѣ короля черезъ сѣверную Италію. Людовикъ владѣлъ въ Піэмонтѣ графствомъ Асти; оно было хорошимъ опорнымъ пунктомъ для похода на Миланъ. Онъ принялъ титулъ герцога миланскаго. Интриганты, овладѣвшіе довѣріемъ короля и желавшіе устранить вліяніе его сестры Анны Божё, разсчитывали, что продолжительная разлука короля съ ней совершенно отдастъ его въ ихъ руки, потому также совѣтовали ему идти въ Италію. Важнѣйшими изъ этихъ честолюбцевъ были Этьенъ де Векъ (Vesc), бывшій камердинеръ Карла, имѣвшій теперь титулъ сенешаля бокерскаго, и Гильомъ Брисонне́, купецъ, сдѣлавшійся министромъ финансовъ и епископомъ сенъ-малоскимъ.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Но сильнѣе всѣхъ склонялъ Карла къ походу въ Италію Людовикъ Моръ. Онъ не опасался своего племянника Джованни Галеаццо, страдавшаго въ Павіи болѣзнью, быстро приближавшей его къ могилѣ (и умершаго 20 октября 1491 еще до начала французскаго похода); молва говорила, что герцогъ отравленъ; такъ ли или нѣтъ, но было несомнѣнно, что онъ скоро умретъ. Опасенія Людовика Мора возбуждала его жена, неаполитанская принцесса, женщина очень энергическая, старавшаяся сохранить престолъ своему сыну, Франческо Сфорцѣ, въ то время еще маленькому ребенку. Она имѣла опору въ своемъ отцѣ Альфонсѣ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ сталъ королемъ неаполитанскимъ. Въ герцогствѣ миланскомъ не было законности, владычествовало насиліе; но если разсматривать дѣло съ точки зрѣнія законныхъ правъ, то, конечно, герцогомъ слѣдовало быть сыну покойнаго герцога. Но сила была въ рукахъ Людовика Мора, и миланское населеніе желало, чтобъ онъ сохранилъ власть: герцогству былъ нуженъ правитель способный защищать его отъ опасностей. — Сильное вліяніе на рѣшеніе Карла идти въ Италію имѣлъ и другой итальянскій владѣтель, Джуліано Ровере, племянникъ Сикста IV, человѣкъ очень энергическій (сдѣлавшійся впослѣдствіи папой подъ именемъ Юлія II). Онъ былъ врагъ Александра VI и пріѣхалъ во Францію склонять Карла къ походу въ Италію. Французскій дворъ веселился тогда въ Ліонѣ и въ Вьеннѣ и, казалось, забывалъ о войнѣ за пирами. Но Джуліано разгорячалъ короля своими бесѣдами на праздникахъ.—Карлъ отправилъ въ Италію пословъ искать союзниковъ. Венеціанское правительство отвѣчало, что республика, занятая своими внутренними дѣлами и войною съ турками, будетъ сохранять

нейтралитетъ въ войнѣ Карла съ королемъ неаполитанскимъ. Александръ VI уже призналъ Альфонса королемъ неаполитанскимъ и далъ французскимъ посламъ отвѣтъ, что предоставляетъ себѣ право разсмотрѣть основательность притязаній Карла на неаполитанскій престолъ. Піэтро Медичи былъ на сторонѣ Альфонса, при содѣйствіи котораго надѣялся пріобрѣсти формальнымъ образомъ монархическую власть надъ Флоренціей. Такимъ образомъ хлопоты французскихъ пословъ остались напрасны; но они видѣли, что важнѣйшіе итальянскіе государи имѣютъ много враговъ между своими подданными, а мелкіе владѣтели перейдутъ на сторону короля французскаго, когда онъ появится съ большимъ войскомъ въ Италію и союзъ съ нимъ станетъ выгоденъ для нихъ. Повсюду въ средней Италіи шли раздоры. Между кондоттьерами не было людей даровитыхъ. Дисциплина въ ихъ отрядахъ упала, вооруженіе было плохое. Все это обѣщало французамъ легкій успѣхъ. Съ Англіей и Максиміліаномъ Карлъ помирился; Изабелла и Фердинандъ, хотя и находились въ родствѣ съ королемъ неаполитанскимъ, заключили съ Карломъ въ январѣ 1493 договоръ, по которому онъ обѣщалъ возвратить королю арагонскому безъ выкупа Перпиньянъ и Руссильіонъ, находившіеся въ залогѣ у короля французскаго, а испанскіе королева и король обѣщали не противиться его походу въ южную Италію. Измѣна обязанностямъ родства была прикрыта тѣмъ, что Изабелла и Фердинандъ выказывали себя желающими успѣха Карлу въ войнѣ съ турками.

Такимъ образомъ Карлъ не видѣлъ никакихъ препятствій своему походу въ Неаполь. Истинный мотивъ войны былъ прикрашенъ разсужденіями объ экспедиціи противъ турокъ. Карлъ воображалъ себя получившимъ право на константинопольскій престолъ: онъ заключилъ съ племянникомъ и наслѣдникомъ послѣдняго императора византійскаго Андреемъ Палеологомъ договоръ, по которому Андрей передалъ ему свои права на санъ императора. Карлъ и дѣйствительно увлекался мечтой о завоеваніи Константинополя, но французы были чужды этой фантазіи. Въ Италіи никто не вѣрилъ возможности ея осуществленія.

Походъ въ сѣверную Италію 1494.

Въ концѣ августа 1494 Карлъ VIII, назначивъ мужа своей сестры Пьера, герцога бургонскаго, правителемъ государства въ свое отсутствіе, пошелъ черезъ Монъ-Женевръ въ Италію. Войско его, состоявшее изъ 50.000 человѣкъ, было хорошо, имѣло сильную артиллерію. Массу конницы составляли дворяне; большинство пѣхоты состояло изъ французскихъ солдатъ, между которыми половина были гасконцы; съ французами шли 8.000 швейцарскихъ наемниковъ и шотландскіе стрѣлки. Швейцарцы, вооруженные копьями, имѣвшими 18 футовъ длины, считались тогда, какъ мы знаемъ, лучшей пѣхотой въ цѣлой Европѣ. На морѣ владычествовалъ флотъ Карла, состоявшій отчасти изъ французскихъ кораблей, отчасти изъ генуэзскихъ, нанятыхъ во французскую службу. Въ герцогствѣ савойскомъ послѣ непродолжительныхъ царствованій Филиберта и Карла, сыновей Іоланты, государемъ сталъ малолѣтній сынъ Карла, Карлъ Іоаннъ Амадей; герцогствомъ правила его мать Біанка, принцесса монферратская. Не встрѣчая сопротивленія, король французскій прошелъ черезъ Савоію и Монферратъ и 9 сентября пришелъ въ Асти, крѣпость, принадлежавшую Людовику Орлеанскому. Въ ней и потомъ въ Павіи Карлъ провелъ нѣсколько недѣль, занимаясь веселостями и рыцарскими играми. У него уже не было денегъ, такъ что онъ дѣлалъ займы у миланскихъ банкировъ подъ ручательствомъ Людовика Мора, выпросилъ для отдачи въ залогъ уборы у герцогинь савойской и монферратской. Межъ тѣмъ, какъ онъ веселился въ Павіи, французскій авангардъ подъ начальствомъ переселившагося во Францію принца шотландской династіи Альбани или, какъ онъ назывался во Франціи, Обиньи, прогналъ изъ Романьи герцога калабрійскаго и подошелъ къ Тосканѣ, а французская эскадра взяла крѣпость Рапалло, въ которой находился небольшой неаполитанскій гарнизонъ. Французы безпощадно убили въ Рапалло и въ замкѣ Фивиццано всѣхъ непріятельскихъ воиновъ, даже лежавшихъ больными. Эта свирѣпость ужаснула итальянцевъ, у которыхъ уже давно вели войны только кондоттьеры, дѣйствовавшіе такъ, что война походила на игру. Съ тѣмъ вмѣстѣ итальянцы видѣли, что ихъ войска, состоявшія главнымъ образомъ изъ конницы, не могутъ держаться противъ пѣхоты Карла и въ особенности противъ его швейцарскихъ наемниковъ, что французскія пушки гораздо лучше итальянскихъ. Несогласные между собою и упавшіе духомъ итальянцы почти не сопротивлялись Карлу. Въ Піаченцѣ онъ услышалъ о смерти герцога миланскаго и поѣхалъ къ своему войску, готовившемуся идти черезъ Сарцану и Піэтросанту въ Тоскану.

Карлъ Савойскій 1482—1489.

Робость Піэтро Медичи.

Эти пути лежали черезъ горы по ущельямъ, защищеннымъ крѣпостями; легко было бъ остановить французскія войска, нанести имъ большой уронъ, принудить ихъ къ отступленію; но Піэтро Медичи былъ трусъ и притомъ зналъ, что флорентійцы не любятъ его. Союзъ его съ королемъ неаполитанскимъ увеличилъ недовольство ихъ. Даже его двоюродные братья, Джованни и Лоренцо, стали враждебны ему, такъ что онъ принужденъ былъ выслать ихъ изъ Флоренціи. Піэтро побоялся помогать неаполитанцамъ и навлекъ на себя презрѣніе своей трусостью. Власть его во Флоренціи колебалась. Лоренцо и Джованни уѣхали къ королю французскому и ободряли его идти во Флоренцію; говорили, что народъ встрѣтитъ его съ восторгомъ. Піэтро воображалъ спасти свою власть союзомъ съ королемъ французскимъ и поѣхалъ въ его станъ; французы въ это время осаждали замокъ Сарцанелло и терпѣли неудачу въ нападеніяхъ на него, такъ что положеніе войска становилось затруднительнымъ. Карлъ

обрадовался пріѣзду Піэтро, но принялъ его сурово, чтобы запугать; это удалось: Піэтро въ своемъ ужасѣ сдалъ Сарцанелло и другія крѣпости, мѣшавшія французамъ пройдти горы, обѣщалъ Карлу большую сумму денегъ, согласился на то, чтобы французскія войска заняли Пизу и Ливорно. Король и французскіе вельможи были удивлены успѣхомъ своихъ угрозъ, превысившимъ ихъ надежды. Имъ былъ открытъ путь во Флоренцію и въ Римъ. Коминъ, отклонявшій Карла отъ похода въ Италію, говорилъ теперь, что самъ Богъ помогаетъ королю.

Возстаніе во Флоренціи.

То-же самое, но съ болѣе искренней вѣрой, говорилъ флорентійцамъ Савонарола; онъ при самомъ началѣ похода Карла возвѣщалъ, что Богъ посылаетъ въ Италію новаго Кира для избавленія флорентійцевъ отъ плѣненія медичейскаго. Теперь проповѣди, произносимыя Савонаролой во флорентійскомъ соборѣ, привлекали такую толпу, что огромный храмъ былъ тѣсенъ для нея и были построены подмостки, чтобъ увеличить помѣщеніе для слушателей. Когда возвратились послы правительства, ѣздившіе съ Піэтро къ французамъ, и сказали, какъ трусливо поступилъ онъ, на какихъ постыдныхъ условіяхъ заключилъ миръ, во Флоренціи поднялось возстаніе. Граждане взялись за оружіе, какое нашлось у нихъ, вынули изъ кладовыхъ спрятанныя за десятки лѣтъ передъ тѣмъ латы и шпаги и пошли по улицамъ. Изъ мастерскихъ пришли на площадь толпы суконщиковъ и ткачей шелковыхъ матерій, крѣпкіе, широкоплечіе люди, видъ которыхъ напоминалъ времена Микеле Ландо (VIII, 333). Всѣ ждали, что скажетъ Савонарола; отъ его мнѣнія зависѣлъ ходъ дѣла. Онъ своими проповѣдями старался отвратить буйство, убѣждалъ гражданъ быть единодушными, говорилъ: «пророчества исполняются, начинается наказаніе; это войско ведетъ Богъ. О, Флоренція, миновали дни пѣсенъ и танцевъ, время тебѣ проливать рѣки слезъ о твоихъ грѣхахъ. Твои грѣхи, Флоренція, твои грѣхи, Римъ, твои грѣхи, Италія, причина этого наказанія, потому покайтесь, творите добро, молитесь и будьте единодушны». Его слова производили сильное впечатлѣніе, смягчали народныя страсти.

Изгнаніе Піэтро Медичи.

Межъ тѣмъ какъ на улицахъ бушевалъ народъ, синьорія 4 ноября созвала въ свой дворецъ вліятельнѣйшихъ гражданъ на совѣщаніе. Піэтро Каппони, сѣдой старикъ, человѣкъ отважный, сказалъ, что Піэтро Медичи не способенъ управлять государствомъ, что Флоренціи пора выйдти изъ подъ власти мальчишки, что должно отправить посольство къ королю французскому, предложить ему свободный пропускъ черезъ Тоскану; но съ тѣмъ вмѣстѣ призвать во Флоренцію войско республики, размѣстить его по монастырямъ и другимъ большимъ зданіямъ, чтобы можно было отвергнуть требованія французскаго короля, если онъ потребуетъ чего нибудь унизительнаго. Мнѣніе Каппони было принято. Послы Флоренціи, въ числѣ которыхъ находился Савонарола, пріѣхали въ Лукку, гдѣ находился король, и сопровождали его на походѣ въ Пизу. Піэтро Медичи надѣялся возстановить свою власть, обѣщалъ королю 200.000 золотыхъ флориновъ и поѣхалъ во Флоренцію подавить востаніе; родственникъ его Паоло Орсини собиралъ наемниковъ на помощь ему. Синьорія впустила его во Флоренцію, но воспретила ему входъ въ свой дворецъ. Франческо Валори, одинъ изъ усерднѣйшихъ приверженцевъ Савонаролы, призвалъ народъ къ оружію; Піэтро и его братъ Джуліано бѣжали изъ Флоренціи. Они хотѣли остановиться въ Болоньѣ, но Бентивольіо, владѣтель этого города, сдѣлалъ имъ рѣзкіе упреки за трусость, и они уѣхали въ Венецію. Синьорія назначила 5.000 золотыхъ флориновъ тому, кто приведетъ Піэтро или Джуліано во Флоренцію, 2.000 флориновъ тому, кто убьетъ того или другого изъ нихъ, уничтожила картины на стѣнахъ своего дворца, изображавшія въ позорномъ видѣ инсургентовъ 1434 года и заговорщиковъ 1478 года, пригласила возвратиться Пацци и другихъ изгнанныхъ враговъ низвергнутой династіи. Лоренцо и Джованни Медичи, которые были противниками своего двоюроднаго брата Піэтро, возвратились во Флоренцію, сняли съ своихъ домовъ эмблемы фамиліи Медичи, шары (медицинскія пилюли), стали называть себя не «Медичи», а «Пополани» (друзья народа). Народъ ворвался въ дворецъ Піэтро Медичи; при этомъ погибло много произведеній искусства. Усерднѣйшіе изъ слугъ самовластія Піэтро подвергались опасности; въ особенности угрожала она жизни Антоніо Миніати, завѣдовавшаго кредитными операціями республики. Но благодаря энергіи синьоріи и вліянію друзей Савонаролы, народъ пересталъ буйствовать. Когда французы пришли въ Пизу, граждане ея провозгласили независимость, сорвали флорентійскіе гербы, прогнали флорентійскихъ правителей своего города. Ареццо, Монтепульчано и нѣкоторые другіе города, подвластные Флоренціи, тоже объявили себя независимыми.

Вступленіе Карла во Флоренцію.

Французскій король хотѣлъ возстановить власть Піэтро, отказался заключить договоръ съ послами республики, ограничился неопредѣленнымъ заявленіемъ, что желаетъ добра Флоренціи и что отношенія его къ ней будутъ опредѣлены по его вступленіи въ городъ. Онъ не мѣшалъ пизанцамъ отказаться отъ повиновенія Флоренціи. Послы понимали, что вступленіе Карла во Флоренцію угрожаетъ большими опасностями ей; ихъ отчетъ правительству сильно встревожилъ его, но оно было въ необходимости принять Карла съ величайшимъ почетомъ. Онъ вступилъ во Флоренцію 17-го ноября; дома города были украшены коврами. Фигура короля производила жалкое впечатлѣніе: маленькій, уродливый человѣкъ, онъ казался смѣшнымъ на большомъ боевомъ конѣ; но грозно было войско, шедшее за этимъ жалкимъ главнокомандующимъ: онъ привелъ во Флоренцію 12.000 воиновъ. Помѣщеніемъ ему былъ назначенъ дворецъ Медичи. Французы дер-

жали себя нагло. Карлъ заявилъ синьіоріи высокомѣрныя требованія, говорилъ, что вошелъ во Флоренцію, какъ побѣдитель съ копьемъ въ рукѣ. Онъ обѣщалъ Піэтро Медичи возстановить его власть; флорентійцы поняли это, и народъ возненавидѣлъ Карла; раздраженіе увеличилось, когда французскіе солдаты повели по улицамъ нѣсколько плѣнныхъ итальянцевъ, заставляя ихъ выпрашивать милостыню для выкупа. Начались столкновенія между французами и флорентійцами; горожане бросали изъ оконъ и дверей камнями во французовъ. Возстаніе многолюднаго города было бъ очень опасно для войска, вошедшаго во Флоренцію. Карлъ понялъ это. Коммиссія, назначенная правительствомъ для веденія переговоровъ съ нимъ, держала себя твердо. Вліятельнѣйшимъ членомъ ея былъ Піэтро Каппони, негоціантъ, сдѣлавшійся искуснымъ дипломатомъ и храбрымъ полководцемъ, оказавшій важныя услуги государству. Когда коммиссія отвергла требованія короля, Карлъ воскликнулъ: «мы затрубимъ въ наши трубы!» Каппони отвѣчалъ: «мы зазвонимъ въ наши колокола!» Карлъ оробѣлъ и понизилъ свои требованія. Договоръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Флоренція даетъ королю Карлу титулъ возстановителя и защитника флорентійской свободы и 120.000 золотыхъ флориновъ; крѣпости, занятыя войсками его, будутъ возвращены флорентійскому правительству не далѣе какъ черезъ два года, Піэтро Медичи и его братъ остаются изгнанными, но отмѣняется награда, назначенная за ихъ арестованіе или убійство. Подписавъ договоръ, Карлъ однако же медлилъ выступленіемъ изъ Флоренціи; только рѣчь Савонаролы, котораго онъ очень уважалъ, заставила его наконецъ уйдти изъ города. Онъ выступилъ 28 ноября. Французы взяли всѣ произведенія искусствъ и другія дорогія вещи изъ дворца Медичи. Флоренція была теперь свободна, и около этого времени умерли тѣ два человѣка, дружба съ которыми придавала наибольшую славу династіи Медичи, Анджело Полиціано и Пико Мирандола. Они были похоронены въ монастырѣ Св. Марка.

Реформы, произведенныя подъ вліяніемъ Савонаролы. Декабрь 1494.

Черезъ нѣсколько дней по выступленіи французовъ колоколъ дворца синьіоріи созвалъ гражданъ. Синьіорія предложила народу выбрать 20 уполномоченныхъ (accorpiatori), которымъ на годъ будетъ предоставлена власть назначать гонфалоніэра юстиціи, членовъ синьіоріи и всѣхъ другихъ сановниковъ. Народъ согласился, и комитетъ Семидесяти, правившій дѣлами при Медичи, былъ замѣненъ комитетомъ Двадцати, состоявшимъ изъ противниковъ низвергнутой династіи. Но флорентійцы 60 лѣтъ повиновались Медичи, отвыкли отъ самоуправленія, не имѣли политической опытности, какая была нужна для борьбы съ угрожавшими государству опасностями. Пиза отложилась отъ Флоренціи; граждане Ареццо возстали; въ другихъ подвластныхъ городахъ народъ волновался; Піэтро Медичи готовился къ нападенію; казна была пуста. Комитетъ Двадцати состоялъ изъ республиканцевъ; но большинство людей, имѣвшихъ политическую опытность, были приверженцы Медичи, и многія должности надобно было отдавать имъ. Члены комитета Двадцати были несогласны между собою, потому онъ дѣйствовалъ нерѣшительно; нужна была реформа болѣе радикальная; граждане разсуждали о томъ, въ чемъ должна состоять она; юристы изучали формы правленія древнихъ и новыхъ государствъ, предлагали свои совѣты правительству. Содерини и Веспуччи, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ у гражданъ, считали полезнымъ ввести правленіе подобное венеціанскому, совѣтовали отмѣнить прежнія собранія гражданъ, учредить два совѣта, одинъ многочисленный, другой, состоящій изъ немногихъ членовъ, по примѣру венеціанскихъ Gran Consiglio и Consiglio dei Pregati, поручить этимъ совѣтамъ избраніе сановниковъ и законодательную власть. Савонарола въ своихъ проповѣдяхъ говорилъ, что Флоренція должна быть республикой демократическаго характера, такъ чтобы въ законодательствѣ и назначеніи сановниковъ участвовали всѣ граждане; совѣтовалъ назначать на важныя должности по выбору, другія раздавать по жребію и произвести болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ; его мысли имѣли сильное вліяніе на народъ, и было введено устройство сходное съ тѣмъ, какое считалъ онъ наилучшимъ.

Новое государственное устройство.

Высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ былъ сдѣланъ Великій совѣтъ; ему было предоставлено назначеніе на всѣ важныя должности и установленіе законовъ. Членами его могли быть только полноправные граждане (бенефиціаты), достигшіе 30 лѣтняго возраста; только изъ нихъ могли быть назначаемы и сановники. Великій совѣтъ избралъ членовъ совѣта Восьмидесяти (Consiglio degli Ottanta), члены котораго должны были имѣть не меньше 40 лѣтъ и были избираемы на полгода. Съ этимъ комитетомъ Восьмидесяти синьіорія должна была совѣщаться обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Онъ, приглашая къ участію въ своихъ засѣданіяхъ синьіорію и административные комитеты, назначалъ пословъ и полководцевъ, дѣлалъ распоряженія о наборѣ войска, рѣшалъ другія важнѣйшія дѣла. Собранія гражданъ были отмѣнены; Савонарола говорилъ, что они подчиняются всякому узурпатору. Былъ назначенъ комитетъ изъ десяти гражданъ для преобразованія налоговъ; было постановлено, что прямой налогъ будетъ собираться только съ недвижимой собственности, что промышленность будетъ свободна отъ него. Насильственные займы были воспрещены. Было преобразовано и судопроизводство. Уголовнымъ трибуналомъ былъ комитетъ восьми; для обвинительнаго приговора было нужно большинство шести голосовъ изъ восьми; при меньшемъ числѣ голосовъ за обвиненіе подсудимый считался оправданнымъ. Савонарола находилъ надобнымъ учредить многочисленный судебный совѣтъ, который принималъ бы апелляціи отъ этого трибунала въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ постановлялъ приговоры о наказаніи смертью. Это предложеніе Савонаролы не было принято, но осужденнымъ было предоставлено право апеллировать къ Великому совѣту. Былъ преобразованъ коммерческій судъ. Была объявлена амнистія, обнародовать которую совѣтовалъ Савонарола.

Это новое устройство правительства было введено въ 1495 году.

Оно имѣло умѣренно демократическій характеръ и на первое время казалось очень хорошимъ. Народъ прославлялъ мудрость Савонаролы, подъ вліяніемъ котораго была угреждена новая форма правленія. Флорентійцы поставили въ залѣ дворца синьіоріи статую Юдиѳи, какъ символъ торжества свободы надъ тиранніей, и сдѣлали на этомъ превосходномъ созданіи Донателло надпись: «Примѣръ спасенія отечества—поставили граждане 1495». Exemplum sal. pub. cives posuere 1495.—Когда Медичи вновь овладѣли Флоренціей, въ той же залѣ была поставлена статуя Челлини, изображающая Персея, отрубившаго голову Медеѣ; вѣроятно, она была символомъ власти, убившей анархію.

Вліяніе Савонаролы.

Савонарола былъ теперь вліятельнѣйшимъ человѣкомъ во Флоренціи; народъ считалъ его пророкомъ. Приверженцы Медичи не отваживались говорить противъ него. Онъ понималъ опасность своего положенія, предчувствовалъ, что Флоренція подвергнется бѣдствіямъ и самъ онъ погибнетъ; постоянная тревога совершенно разстроила его нервы. Часто случалось, что проповѣдь его перерывалась рыданіями.—Впослѣдствіи были споры о томъ, считалъ ли онъ себя пророкомъ. Изъ его сочиненій «О пророческой истинѣ» и «Объ откровеніяхъ» можно дѣлать выводы, какіе кому угодно. Савонарола въ этихъ трактатахъ не хочетъ присвоивать себѣ названіе пророка, но говоритъ, что событія, предсказываемыя имъ, неизбѣжно совершатся; говоритъ, что только дѣлаетъ выводы о будущемъ изъ словъ священнаго писанія, но съ тѣмъ вмѣстѣ разсказываетъ свои видѣнія, передаетъ слова, сказанныя ему ангелами. Въ тѣ времена даже у людей ученыхъ вѣра въ сверхъестественныя силы соединялась съ научными изслѣдованіями, суевѣріе съ разсудительными мыслями. Савонарола былъ человѣкъ съ горячимъ воображеніемъ; нервы его были разстроены; нѣтъ сомнѣнія, что онъ дѣйствительно имѣлъ галлюцинаціи.

Политическая реформа во Флоренціи была для Савонаролы только началомъ болѣе обширнаго дѣла, которое поставилъ онъ своей цѣлью; онъ хотѣлъ преобразовать жизнь человѣчества, сдѣлать людей богобоязненными и добродѣтельными. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ требовалъ, чтобы флорентійцы исправились, и его слова не остались напрасны. Жизнь флорентійцевъ преобразилась: женщины сняли съ себя богатые уборы, одѣлись просто и держали себя скромно; молодые развратники вдругъ стали цѣломудренны и благочестивы. Карнавальныя пѣсни замѣнились духовными гимнами; ремесленники по праздникамъ сидѣли съ церковными книгами или сочиненіями Савонаралы въ рукахъ. Народъ толпился въ церквахъ, дѣлалъ пожертвованія. Были примѣры, что банкиры и купцы возвращали деньги, пріобрѣтенныя недобросовѣстно. Но Савонаролѣ не удалось сдѣлать гражданъ единодушными; напротивъ раздоры усилились. Число приверженцевъ Савонаролы, называвшихся партіею Бѣлыхъ, было очень велико, и многіе изъ людей, недовольныхъ его вмѣшательствомъ въ политическія дѣла, поддерживали его по любви къ свободѣ. Но двѣ другія сильныя партіи ненавидѣли Савонаролу; это были приверженцы Піэтро Медичи, называвшіеся Сѣрыми, и аристократы, которыхъ называли Бѣшеными, arrabiati, за ожесточеніе, съ какимъ стремились они низвергнуть демократическое правленіе. Амнистія возвратила во Флоренцію изгнанниковъ; многіе изъ нихъ были враждебны Савонаролѣ. Враги прозвали его приверженцевъ плаксами piagnoni, осмѣивали ихъ.—Но вліяніе его казалось упрочившимся: народъ сходился толпами слушать его проповѣди; въ его монастырь поступало столько людей, что прежнія зданія сдѣлались недостаточны, монахамъ былъ отданъ сосѣдній домъ. Знатнѣйшіе люди искали душевнаго успокоенія въ монастырѣ Савонаролы. Въ числѣ ихъ находились шесть человѣкъ изъ фамиліи Строцци, нѣсколько человѣкъ изъ фамилій Гонди, Сальвіати, Аччаюоли, знаменитые ученые Пандольфо Ручеллаи, Джорджо Веспуччи (дядя Америго Веспуччи), еврей Блемметъ, учитель Пико Мирандолы; пѣвецъ, поэтъ и живописецъ Бертуччо, молодой человѣкъ, бывшій душою веселыхъ собраній, поступилъ въ Санъ Марко монахомъ и подъ именемъ Бенедетто сдѣлался усерднымъ приверженцемъ Савонаролы.

b) покореніе королевства неаполитанскаго.

Вступленіе Карла VIII въ Римъ 1495.

Между тѣмъ происходили важныя событія въ Римѣ и Неаполѣ. Карлъ VIII, подошедши къ границѣ папскихъ владѣній, потребовалъ свободнаго пропуска своему войску. Александръ VI видѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи. Герцогъ калабрійскій и Вирджиніо Орсини, къ войску которыхъ присоединилъ папа своихъ наемниковъ, оробѣли, ушли изъ Витербо, хотя могли бы надолго задержать французовъ подъ этой крѣпостью, и отступили въ Римъ, думая остановить ихъ на Тибрѣ. Колонны, замки которыхъ господствовали надъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ этой рѣки до самой Остіи, вступили въ союзъ съ Карломъ. Коварства Александра VI оказались безсильны. Онъ струсилъ такъ, что навлекъ на себя презрѣніе и французовъ и неаполитанцевъ, отправлялъ пословъ къ Карлу и въ то же время поправлялъ укрѣпленія замка св. Ангела, арестовалъ кардинала Просперо Колонну, велъ переговоры съ Изабеллой и Фердинандомъ. Положеніе французовъ сдѣлалось бы опаснымъ, если бъ они были задержаны подъ Римомъ, потому что Людовикъ Моръ уже раскаялся въ союзѣ съ ними, готовился измѣнить, а король неаполитанскій собиралъ войска на подкрѣпленіе герцогу калабрійскому. Но оробѣвшій папа рѣшился, по внушенію Бога, какъ говоритъ Коминъ, впустить Карла въ Римъ, и 31 декабря 1494 неаполитанское войско выступило

изъ Рима одними воротами, а другими вступилъ въ городъ Карлъ съ копьемъ въ рукѣ, какъ было во Флоренціи. Король поселился въ Palazzo San Marco; буйные солдаты его разошлись по всему городу, пьянствовали и безчинствовали. Желая избавиться отъ страшнаго гостя, Александръ 15 января (1495 года) заключилъ съ нимъ договоръ, по которому отдалъ ему до окончанія войны Сполето, Чивита-Веккію и Террачину, далъ амнистію его римскимъ сторонникамъ, обѣщаясь утвердить его, какъ сюзеренъ неаполитанскаго королевства, во владѣніи этимъ государствомъ. Цезарь Борджіа долженъ былъ сопровождать Карла, какъ заложникъ за вѣрность отца (но скоро онъ убѣжалъ изъ французскаго лагеря, одѣвшись конюхомъ).

Походъ въ Неаполь.

Пришедши въ Веллетри въ концѣ января, Карлъ получилъ извѣстія, что городъ Аквила провозгласилъ его своимъ государемъ, что Фабриціо Колонна и передовые французскіе отряды заняли графства Тальякоццо и Альбу, что Альфонсъ сложилъ съ себя королевскій санъ, передалъ его своему сыну Фердинанду и уѣхалъ въ Сицилію. Но въ Веллетри пріѣхалъ къ Карлу посолъ Изабеллы и Фердинанда съ протестомъ противъ занятія папскихъ владѣній французами и противъ намѣренія французскаго короля овладѣть королевствомъ неаполитанскимъ.

Фердинандъ еще до вступленія Карла въ Италію присылалъ къ нему Алонсо Сильву напомнить, что въ барселонскомъ договорѣ о взаимной помощи противъ всякихъ враговъ сдѣлана оговорка, исключающая изъ этого условія войну противъ папы, и сказать, что подъ эту оговорку подходитъ война противъ короля неаполитанскаго, вассала папы. Теперь пріѣхалъ въ Веллетри другой посолъ Изабеллы и Фердинанда Антоніо Фонсека, (братъ епископа Фонсеки, завѣдовавшаго индійскими дѣлами). Карлъ не согласился на требованіе отказаться отъ похода въ Неаполь, и Фонсека передъ его глазами разорвалъ актъ барселонскаго договора.

Французское войско перешло неаполитанскую границу, свирѣпо опустошая страну. Новый король Фердинандъ II, окруженный измѣнниками, не могъ противиться французамъ. Миланскій вельможа Якопо Тривульціо, начальствовавшій войскомъ въ Капуѣ, сдалъ ее Карлу; Вирджиніо Орсини и графъ Питильяно были взяты въ плѣнъ въ Нолѣ. Фердинандъ съ своимъ дядей Фридрихомъ и другими родственниками уѣхалъ въ Сицилію. Депутаты Неаполя отправились въ Аверсу къ Карлу съ ключами города. Король французскій 22 февраля вступилъ въ Неаполь; черезъ нѣсколько дней сдались ему цитадели этого города Castel Nuovo и Castel dell'Uovo. Все королевство неаполитанское покорилось ему. Только на островѣ Искіи оставалось войско Фердинанда. Французы пировали въ занятыхъ ими городахъ; Карлъ беззаботно веселился въ Неаполѣ. Не дожидаясь инвеституры отъ папы, онъ 12 мая короновался, раздавалъ должности французскимъ

вельможамъ, награждалъ ихъ имѣньями, велѣлъ грузить на корабли лучшія произведенія искусствъ и пошелъ во Францію, взявъ съ собою половину войска, а другую оставилъ въ неаполитанскомъ королевствѣ подъ начальствомъ Обиньи и Монпансье, принца бурбонской линіи королевскаго дома.

Итальянская лига.

Когда Карлъ приблизился къ Риму, Александръ VI уѣхалъ въ Перуджію, потому что вступилъ въ союзъ съ его врагами. Въ сѣверной Италіи собралось войско отрѣзать путь отступленія Карлу, предполагавшему идти черезъ Сіэну, Пизу, Понтремоли и Парму. Людовикъ Моръ, призвавшій Карла въ Италію, былъ теперь его врагомъ. Карлъ обѣщалъ дать Людовику княжество тарентское и не исполнилъ этого обѣщанія; поставилъ французскій гарнизонъ въ Пизѣ, которой желалъ овладѣть Людовикъ; Тривульціо, непримиримый врагъ Людовика, былъ принятъ на службу Карломъ; герцогъ орлеанскій открыто заявлялъ намѣреніе овладѣть герцогствомъ миланскимъ; все это заставило Людовика раскаяться въ своемъ союзѣ съ Карломъ, искать средствъ удержать за собой герцогство миланское. Онъ сталъ составлять лигу противъ Карла и безъ труда нашелъ себѣ союзниковъ. Изабелла и Фердинандъ уже протестовали противъ похода Карла въ Римъ и Неаполь; они рѣшились не допустить установленія французскаго владычества надъ средней и южной Италіей; венеціанцы находили его опаснымъ для себя; Максимиліанъ завидовалъ успѣхамъ короля французскаго, своего соперника. Пришедши въ Сіэну, Карлъ получилъ отъ своего посланника въ Венеціи, Комина, извѣстіе, что 31 марта въ Венеціи подписанъ договоръ между королевой и королемъ испанскими, Максимиліаномъ, венеціанцами и Людовикомъ Моромъ, что они составили лигу для защиты своихъ владѣній и правъ, что папа присоединился къ ней. Флорентійцы предлагали королю французскому помощь деньгами и войсками, если онъ возвратитъ имъ Пизу и занятыя его гарнизонами тосканскія крѣпости. Онъ не согласился и ослабилъ свое войско, пославъ подкрѣпленія французскимъ гарнизонамъ, стоявшимъ въ тосканскихъ крѣпостяхъ. Такимъ образомъ у него оставалось мало войска, когда онъ, перешедши Апеннины, пошелъ долиною рѣки Таро къ Пармѣ.

Битва при Форнуово.

На этомъ пути у селенія Форнуово встрѣтило французовъ войско, состоявшее изъ миланскихъ и венеціанскихъ наемниковъ подъ начальствомъ Франческо Гонзаги, маркграфа мантуанскаго; оно было въ четыре раза многочисленнѣе французскаго, которое не могло уклониться отъ битвы и казалось погибшимъ. Но солдаты Карла были храбрѣе итальянскихъ наемниковъ, полководцы его Тремуль и Гизъ были искусные генералы, и французы одержали блестящую побѣду, потерявъ только 200 человѣкъ, между тѣмъ какъ 3.000 итальянцевъ остались на полѣ сраженія убитыми или раненными. Карлъ выказалъ большую личную храбрость. Побѣда открыла французамъ сво-

бодный путь къ Асти; они прошли туда 15 іюля.—Итальянцы ужь очень давно не бывали въ серьезныхъ сраженіяхъ; они вели войну наемными войсками; кондоттьеры, начальники этихъ наемниковъ, ограничивались въ сраженіяхъ маневрами; тотъ, который видѣлъ себя обойденнымъ, отступалъ, не рискуя оказывать упорное сопротивленіе. Притомъ венеціанцы вели переговоры съ Коминомъ и не хотѣли дѣйствовать энергически, а Людовикъ Моръ отозвалъ съ позиціи при Форнуово часть своего войска въ Новару на оборону отъ герцога орлеанскаго.

Верчеллійскій миръ.

Послѣ побѣды при Форнуово Карлу было бы легко возобновить наступательныя дѣйствія, потому что къ нему въ Туринъ пришло много швейцарскихъ наемниковъ; герцогъ орлеанскій убѣждалъ его продолжать войну, но она уже наскучила ему и французскимъ вельможамъ; они желали возвратиться во Францію и веселиться. Людовикъ Моръ, опасаясь потерять свое герцогство, вступилъ въ переговоры съ Карломъ, и король, не слушая герцога орлеанскаго, заключилъ миръ съ нимъ. Этотъ трактатъ былъ подписанъ 10 октября въ Верчелли. Людовикъ Моръ обязался быть союзникомъ Карла. Король возвратилъ ему Новару и согласился на то, чтобъ онъ владѣлъ Генуей, какъ вассалъ короля французскаго. Отпустивъ швейцарскихъ наемниковъ, Карлъ возвратился во Францію и сталъ веселиться, не заботясь о томъ, что теряетъ королевство неаполитанское.

Завоеваніе королевства неаполитанскаго Гонсальво Кордовскимъ 1495—1496.

Едва Карлъ ушелъ изъ южной Италіи, Фердинандъ съ войскомъ, собраннымъ въ Сициліи, приплылъ на южный берегъ Калабріи; на помощь ему былъ присланъ отрядъ испанскаго войска подъ начальствомъ Гонсальво Агилара Кордовскаго. Венеціанская эскадра, состоявшая изъ 24 кораблей, поддерживала дѣйствія Фердинанда и Гонсальво, дѣлая высадки на восточномъ берегу неаполитанскаго королевства. Французское войско было сильнѣе непріятелей, но они побѣдили, потому что французы своимъ буйствомъ возстановили противъ себя населеніе, а герцогъ Монпансье, котораго Карлъ назначилъ вице-королемъ, былъ человѣкъ бездарный и до такой степени изнѣженный, что рѣдко вставалъ съ постели раньше полдня. Онъ мѣшалъ успѣхамъ Обиньи, которому Карлъ далъ санъ коннетабля Франціи и поручилъ начальство надъ войскомъ въ Калабріи. Гонсальво Кордовскій былъ геніальный полководецъ, прославившійся въ испанскихъ междоусобныхъ войнахъ и особенно въ гранадской войнѣ.

Вступленіе Фердинанда въ Неаполь 1496.

Начало похода было неудачно для Фердинанда. Наперекоръ совѣту Гонсальво онъ вступилъ подъ Семинарой въ сраженіе съ Обиньи; легкая испанская конница не выдержала натиска тяжелой французской кавалеріи; калабрійская милиція не устояла противъ швейцарской пѣхоты. Фердинандъ спасся только благодаря самопожертвованію одного изъ своихъ воиновъ и возвратился въ Сицилію. Гонсальво принужденъ былъ отступить въ Редджо. Но французы послѣ своей

побѣды бездѣйствовали, и Фердинандъ возобновилъ нападеніе. Онъ твердо надѣялся на успѣхъ, потому что населеніе королевства выказывало преданность ему. Собравъ свои сицилійскія войска въ Мессинѣ, онъ посадилъ ихъ на корабли и поплылъ къ Неаполю. Герцогъ Монпансье пошелъ съ своимъ войскомъ къ тому мѣсту берега, гдѣ присталъ непріятельскій флотъ; какъ только ушелъ онъ изъ города, неаполитанцы взялись за оружіе, построили баррикады и отрѣзали ему путь въ центръ города. Французы удержались въ цитаделяхъ, но Фердинандъ блокировалъ ихъ; они стали страдать отъ голода, Монпансье съ небольшой частью войска уплылъ ночью въ Салерно; оставшіеся въ неаполитанскихъ цитаделяхъ французы принуждены были въ январѣ (1496 года) сдаться. Гонсальво между тѣмъ дѣйствовалъ противъ Обиньи въ Калабріи. Быстрыми переходами по горамъ и неожиданными нападеніями онъ тѣснилъ французовъ на сѣверъ. Однимъ изъ своихъ неожиданныхъ нападеній онъ взялъ крѣпость Лайно. Сильнѣйшій изъ сторонниковъ короля французскаго Санъ Северино и 18 другихъ вельможъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ этого французы принуждены были уйдти изъ Калабріи. Гонсальво форсированными маршами пришелъ къ Фердинанду, стоявшему противъ Монпансье въ Апуліи у города Ателлы.

Взятіе Ателлы.

Искусство и быстрота, съ какими сдѣлалъ Гонсальво свой походъ къ Ателлѣ, возбудили такое удивленіе, что съ той поры его титулъ il gran capitano «главнокомандующій» сталъ употребляться вмѣсто его фамиліи въ смыслѣ «великій полководецъ». Онъ окружилъ Монпансье, принудилъ его запереться въ Ателлѣ. Карлъ, занимаясь своими веселостями, не посылалъ помощи Монпансье, и 21 іюля онъ былъ принужденъ заключить капитуляцію, по которой Фердинандъ обѣщался дать ему корабли для отплытія во Францію. Но корабли не были готовы; потому французы, по заключеніи перемирія, долго оставались въ Байяхъ и Пуццуоли, куда были собраны для отплытія; они объѣдались фруктами, пьянствовали; у нихъ появились заразительныя болѣзни; они умирали массами. Однимъ изъ первыхъ умеръ герцогъ Монпансье. Весь берегъ былъ покрытъ умершими или умирающими; изъ Ателлы вышло 5.000 человѣкъ, на родину возвратились не болѣе 500. Немногіе швейцарцы, дошедшіе до родины сухимъ путемъ, были совершенно изнурены.

Смерть Фердинанда Неаполитанскаго. Фридрихъ.

Фердинандъ Неаполитанскій недолго наслаждался побѣдой. Вскорѣ послѣ женитьбы на родственницѣ, которую давно любилъ, онъ занемогъ и умеръ 7 сентября 1496, на 29 году жизни, на второмъ году царствованія. Онъ былъ человѣкъ не бездарный, но грубый и жестокій. Ему наслѣдовалъ дядя, Фридрихъ. Амнистія, обнародованная новымъ королемъ, привлекла къ нему всѣхъ неаполитанцевъ. Обиньи, тѣснимый имъ и Гонсальво, заключилъ миръ, по которому получилъ свободный пропускъ своему войску; у французовъ не оста-

лось ни клочка земли въ неаполитанскомъ королевствѣ. Гонсальво, при содѣйствіи испанскаго посланника въ Римѣ Гарсиласо де ла Веги, принудилъ сдаться французскій гарнизонъ Остіи и вступилъ въ Римъ, какъ освободитель. Папа принялъ его съ величайшими почестями.

Король неаполитанскій наградилъ Гонсальво титуломъ герцога Сантъ-Анджело и большимъ имѣньемъ въ Абруццахъ. Фердинандъ Испанскій удержалъ нѣсколько крѣпостей въ залогъ за уплату военныхъ расходовъ. Онѣ впослѣдствіи послужили ему опорными пунктами для завоеванія неаполитанскаго королевства. Александръ VI далъ инвеституру новому королю неаполитанскому, но поссорился съ нимъ, когда онъ не согласился выдать за Цезаря Борджію свою старшую дочь Карлотту, съ рукою которой Цезарь разсчитывалъ получить княжество тарентское.

с) Флорентійскія дѣла. Смерть Савонаролы.

Затруднительное положеніе Флоренціи.

Флорентійцы не присоединились къ венеціанской лигѣ для изгнанія «варваровъ», хотя король французскій поступалъ съ ними дурно. Коминъ, пріѣхавшій изъ Венеціи во Флоренцію, убѣдилъ флорентійцевъ остаться союзниками французовъ. Вѣроятно, по его внушенію, былъ посланъ къ французскому королю въ Подджибонси Савонарола, энергія котораго произвела выгодное впечатлѣніе на этого разсчетливаго дипломата. Коминъ полагалъ, вѣроятно, что она сильно подѣйствуетъ на короля. Савонарола угрожалъ Карлу гнѣвомъ Божіимъ, если онъ не исполнитъ своихъ обѣщаній флорентійцамъ и не будетъ помогать очищенію церкви отъ пороковъ; но Карлъ не далъ Савонаролѣ никакого опредѣленнаго отвѣта. При королѣ находился Піэтро Медичи. Это внушало опасенія флорентійцамъ; они укрѣпляли свой городъ, готовили войско для обороны отъ короля французскаго, если онъ захочетъ силой возстановить власть Піэтро. Друзья Савонаролы отличались усердіемъ въ заботахъ объ укрѣпленіи Флоренціи. Карлъ прошелъ мимо ея, не сдѣлавъ попытки возстановить власть Піэтро, но и не возвратилъ флорентійцамъ занятыхъ фрацузскими гарнизонами крѣпостей. Когда онъ пришелъ въ Пизу, женщины въ траурной одеждѣ умоляли его охранить ихъ городъ отъ порабощенія флорентійцами; онъ оставилъ въ Пизѣ сильный гарнизонъ.—Черезъ нѣсколько времени король рѣшился вывести свои гарнизоны изъ тосканскихъ крѣпостей, но флорентійцы получили только Ливорно. Французскій комендантъ пизанской цитадели продалъ ее пизанцамъ; Сарцана и Сарцанелло были проданы генуэзцамъ.—По выступленіи французовъ изъ Италіи, положеніе флорентійской республики было затруднительно. Пизанцы упорно оборонялись отъ ихъ нападеній. Сіэнцы помогали ихъ врагамъ. Члены венеціанской лиги сердились на нихъ за вѣрность союзу съ Карломъ и поддерживали Піэтро въ его замыслѣ возстановить свою власть. Но это не удалось ему, потому что

члены лиги, переставъ опасаться Карла, не считали надобнымъ дѣлать пожертвованія для покоренія Флоренціи своему кліэнту. Савонарола одобрялъ флорентійцевъ, говорилъ имъ, что они должны подражать римлянамъ, не согласившимся на возстановленіе власти Тарквинія. Они снова назначили награду тому, кто убьетъ или выдастъ имъ Піэтро и его брата Джуліано, которыхъ они объявили мятежниками. Въ концѣ 1495 г. они послали войско охранять отъ Піэтро границу государства. Онъ, израсходовавъ всѣ свои деньги, распустилъ наемниковъ и отправился въ Римъ интриговать тамъ противъ флорентійцевъ.

Интриги враговъ Савонаролы въ Римѣ.

Ненависть Піэтро была направлена въ особенности на Савонаролу, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ своего изгнанія. Интригамъ Піэтро противъ Савонаролы помогали кардиналъ Сфорда, братъ Людовика Мора, и Маріамо Дженнацано, сердившійся на Савонаролу за то, что потерялъ репутацію лучшаго проповѣдника во Флоренціи. Флорентійскіе аристократы (arrabiati) тоже интриговали въ Римѣ противъ Савонаролы, котораго ненавидѣли за то, что онъ поддерживаетъ демократическое правительство. Піэтро и другіе враги Савонаролы возстановили противъ него папу, обвиняя его въ ненависти къ папской власти. Его рѣчи противъ тиранна, какъ называлъ онъ Піэтро, они толковали въ томъ смыслѣ, что онъ противникъ монархическаго правленія; этимъ обвиненіемъ они раздражили противъ него герцога миланскаго. Были враждебны ему и другіе члены лиги за то, что онъ совѣтовалъ флорентійцамъ оставаться въ союзѣ съ королемъ французскимъ. Александръ VI послалъ Савонаролѣ папское бреве, въ которомъ любезно приглашалъ его къ себѣ въ Римъ, „чтобъ узнать изъ его пророческихъ устъ волю Божію и дѣйствовать сообразно ей“. Друзья Савонаролы поняли коварную цѣль дружескаго приглашенія. Они были увѣрены, что если Савонарола поѣдетъ въ Римъ, то или будетъ убитъ на дорогѣ аррабіатами или брошенъ папой въ темницу. Савонарола подъ предлогомъ болѣзни отказался ѣхать въ Римъ. Папа разсердился, послалъ грозное бреве, воспрещавшее ему говорить проповѣди. Савонарола убѣждалъ короля французскаго созвать, при содѣйствіи другихъ государей, вселенскій соборъ для низложенія порочнаго папы и очищенія церкви, писалъ Карлу, что только этимъ можетъ быть отвращенъ гнѣвъ Божій, возвѣщаемый устами его. Карлъ имѣлъ большое уваженіе къ Савонаролѣ и находился теперь въ религіозномъ настроеніи, будучи огорченъ смертью своего трехлѣтняго сына Карла Роланда (умершаго 10 октября 1495). Ссора съ Савонаролой началась, когда Карлъ еще оставался въ сѣверной Италіи; Александръ не смѣлъ принять крутыхъ мѣръ, опасаясь раздражить короля французскаго.

Проповѣди Савонаролы въ Великій постъ 1496.

Савонарола не повиновался запрещенію проповѣдовать. Когда наступилъ карнавалъ, который флорентійцы праздновали шумными веселостями, онъ собралъ множество мальчиковъ и послалъ ихъ ходить процессіями по улицамъ, пѣть церковные гимны и собирать пожертвованія на дѣла благотворительности. Это возбудило большое неудовольствіе людей, желавшихъ веселиться: процессіи мальчиковъ разстроивали ихъ удовольствія.—Не успѣвъ запугать Савонаролу, папа хотѣлъ помириться съ нимъ, предложилъ ему санъ кардинала; но онъ остался непоколебимъ въ своемъ стремленіи очистить церковь отъ нравственной порчи и Великимъ постомъ, объясняя пророковъ Амоса и Захарію, говорилъ объ испорченности пап-

скаго управленія еще болѣе рѣзкимъ тономъ, чѣмъ прежде. Друзья опасались за его жизнь и провожали его вооруженнымъ конвоемъ, когда онъ выходилъ изъ монастыря. Но онъ говорилъ, что не боится ничего.

Свое ослушаніе требованію папы ѣхать въ Римъ Савонарола оправдывалъ тѣмъ, что враги хотятъ погубить его при этой поѣздкѣ и оклеветали его предъ папой, и что онъ обязанъ оставаться во Флоренціи для защиты свободы и религіи; такъ велѣлъ ему Богъ, а Богу должно повиноваться больше, чѣмъ людямъ. Языкомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ онъ изобличалъ испорченность церкви и возвѣщалъ наказаніе отъ Бога правителямъ ея: «Готовься, говорю тебѣ, о Римъ, потому что велико будетъ наказаніе твое! Ты будешь закованъ въ цѣпи и опустошенъ огнемъ и мечомъ!»

Но, возставая противъ пороковъ духовенства, Савонарола избѣгалъ всякихъ выраженій, которыя могли бы быть перетолкованы, какъ еретическія. Его проповѣди въ Великій постъ 1496 года производили очень сильное впечатлѣніе на толпы людей, собиравшіяся слушать ихъ. Энтузіазмъ его приверженцевъ дошелъ до фанатизма. Папа и аррабіаты негодовали.

Во Флоренціи шли горячіе изустные и литературные споры между приверженцами и противниками Савонаролы. Это была борьба политическихъ партій. Флорентійцы продолжали между тѣмъ войну съ Пизой, осадили этотъ городъ; Піэтро Каппони пріобрѣлъ себѣ въ этой войнѣ славу храбростью и стратегическимъ талантомъ. Людовикъ Моръ находилъ, что въ своихъ нападеніяхъ на тирановъ Савонарола говоритъ о немъ, и сильнѣе прежняго возненавидѣлъ дерзкаго проповѣдника; оскорблялся его проповѣдями и Галеотто Пико (братъ знаменитаго ученаго), владѣтель Мирандолы, жестокій тиранъ; онъ упрекалъ флорентійцевъ за то, что они дозволяютъ Савонаролѣ нападать на государей. Но въ особенности раздраженъ былъ папа. Онъ желалъ бы найдти религіозныя обвиненія противъ Савонаролы, но доминиканцы, которымъ поручилъ онъ искать ихъ, не могли открыть въ сочиненіяхъ Савонаролы ничего еретичнаго: изобличая пороки правителей церкви, Савонарола признавалъ всѣ догматы ея. Онъ предвидѣлъ свою погибель и говорилъ, что, отказавшись отъ красной кардинальской шляпы, онъ получитъ кровавый вѣнецъ мученика.

Положеніе Флоренціи было бѣдственно: во всей Тосканѣ свирѣпствовалъ голодъ; отъ него развились заразительныя болѣзни; люди умирали тысячами во Флоренціи; финансы были истощены войной и уплатой субсидій королю французскому; пизанцы 25 сентября (1496 года) разбили флорентійское войско, осаждавшее ихъ городъ. Піэро Каппони былъ убитъ въ этомъ сраженіи. Императоръ Максиміліанъ, по приглашенію Людовика Мора, пришелъ въ Италію, двинулся къ Пизѣ, былъ принятъ пизанцами съ восторгомъ, осадилъ Ливорно. Войска папы и герцога миланскаго угрожали Флоренціи. Надежда на возвращеніе короля французскаго исчезла: смерть второго сына окончательно разстроила мысли Карла; онъ впалъ въ апатію. Савонарола ободрялъ флорентійцевъ; синьорія считала его проповѣди полезными, приглашала его продолжать ихъ. Папа, ободренный упадкомъ энергіи короля французскаго, сталъ смѣлѣе дѣйствовать противъ Савонаролы, отнялъ у монастыря св. Марка независимость отъ начальства ломбардской провинціи доминиканскаго ордена; генералъ-викарій этой области могъ теперь требовать, чтобы Савонарола удалился изъ Флоренціи, и велѣлъ ему прекратить проповѣди, удалиться изъ монастыря Св. Марка въ другой далекій отъ Флоренціи доминиканскій монастырь. Савонарола въ письмѣ къ папѣ протестовалъ противъ этого распоряженія, увѣрялъ въ своей покорности церкви, говорилъ, что никогда не называлъ себя пророкомъ, но что исполнились многія предсказанія, сдѣланныя имъ. Папа отвѣчалъ ему любезнымъ тономъ, говорилъ, что радуется его увѣренію въ покорности церкви, но, что для прекращенія несогласій онъ долженъ воздержаться отъ произнесенія проповѣдей. Савонарола считалъ своей обязанностью ободрять народъ, и синьорія просила его объ этомъ. Въ концѣ октября онъ произнесъ двѣ проповѣди и устроилъ процессію, которая носила по городу чудотворный образъ Богоматери. Во время этой процессіи прискакалъ вѣстникъ, сообщившій, что эскадра, которую долго задерживали бури, вошла въ гавань Ливорно и привезла подкрѣпленія гарнизону крѣпости. Народъ воскликалъ, что проповѣди Савонаролы спасли его. Получивъ подкрѣпленія, гарнизонъ Ливорно сдѣлалъ вылазку и принудилъ императорскія войска снять осаду. Это увеличило довѣріе флорентійцевъ къ пророчествамъ Савонаролы. Но въ своей проповѣди на слѣдующій день онъ говорилъ объ искусствѣ умирать.

Сожженіе суеты.

Папа все еще не отваживался принять рѣшительныя мѣры противъ Савонаролы, потому что флорентійцы твердо стояли за него. Устройство ихъ правленія получило демократическій характеръ: по предложенію гонфалоніэра Франческо Валори возрастъ, требуемый для участія въ народномъ собраніи, былъ пониженъ съ 30 лѣтъ до 24. Правительство совѣщалось о введеніи прогрессивнаго налога (decima scalata) для облегченія бѣдныхъ гражданъ. Карнавалъ былъ отпразднованъ «сожженіемъ суеты». Оно состояло въ томъ, что на площади передъ дворцомъ синьоріи была сложена пирамида изъ книгъ безнравственнаго содержанія, сладострастныхъ картинъ, модныхъ нарядовъ, косметическихъ средствъ; на верху пирамиды была поставлена фигура карнавала; эту пирамиду сожгли. Аскетическое ученіе Савонаролы торжествовало. Впрочемъ онъ не былъ врагомъ искусства и науки. Это видимъ изъ того, что онъ купилъ для своего монастыря библіотеку Медичи, основалъ въ немъ школу живописи; Фра Бартоломмео и Микель Анджело были горячими приверженцами его.

Флорентійское правительство узнало, что сторонники Піэтро Медичи подготовляютъ возстаніе. Онъ собралъ наемное войско и условился съ ними, что, при его приближеніи къ Флоренціи, они возьмутся за оружіе. Въ концѣ апрѣля онъ пошелъ къ Флоренціи, но поселянинъ, увидѣвшій его войско, поспѣшилъ во Флоренцію извѣстить правительство, и оно приняло такія мѣры обороны, что флорентійскіе

приверженцы Піэтро не отважились взяться за оружіе, и онъ былъ отраженъ. Аррабіаты бились противъ него съ такимъ же усердіемъ, какъ демократы. Это расположило народъ въ ихъ пользу, и они стали открыто дѣйствовать противъ Савонаролы и его приверженцевъ. Молодые люди знатныхъ фамилій составили общество, главою котораго былъ Дольфо Спини, молодой вельможа безпорядочной жизни, но отважнаго характера. Онъ и его сообщники, которыхъ называли Compagnacci (буяны, повѣсы) задумали убить Савонаролу на праздникъ Вознесенія, когда онъ будетъ проповѣдовать въ соборномъ храмѣ. Но друзья Савонаролы съ оружіемъ въ рукахъ проводили его въ церковь и стали кругомъ каѳедры, такъ что заговорщики не могли исполнить своего намѣренія. Они только подняли шумъ въ церкви, заглушили проповѣдь. Друзья проводили Савонаролу въ монастырь.

Отлученіе Савонаролы отъ церкви.

Савонарола старался смягчить гнѣвъ папы, отправилъ къ нему 22 мая новое письмо, въ которомъ говорилъ, что не проповѣдуетъ ничего несогласнаго съ ученіемъ отцовъ церкви. Но уже раньше того 12 мая Александръ подписалъ буллу, отлучавшую его отъ церкви. Правительство старалось не допустить экземпляровъ ея во Флоренцію, и они были ввезены туда только въ концѣ мѣсяца. Они были прибиты къ дверямъ церквей. Духовенство собралось въ соборный храмъ; въ немъ была торжественно прочтена булла, отлучавшая Савонаролу отъ церкви.

Главнымъ мотивомъ отлученія булла выставляла то, что Савонарола не повиновался апостольскимъ увѣщаніямъ и повелѣніямъ. Обвиненій въ ереси нѣтъ. Только сказано, что „по свѣдѣніямъ, доставленнымъ достовѣрными лицами“, папа узналъ, что Савонарола „распространялъ гибельныя ученія къ соблазну и вреду простодушныхъ“. Онъ отвѣчалъ „Посланіемъ противъ лживо испрошенной буллы объ отлученіи“ и приводилъ въ немъ цитаты изъ Жерсона въ доказательство того, что не должно повиноваться повелѣнію, противному христіанской любви и заповѣдямъ Господнимъ, что несправедливо отлученный имѣетъ право апеллировать къ вселенскому собору и просить защиты себѣ у свѣтской власти.

Обнародованіе буллы объ отлученіи имѣло непріятныя послѣдствія для Савонаролы. Францисканцы и монахи другихъ орденовъ прервали всякія сношенія съ монастыремъ св. Марка, не допускали монаховъ его къ участію въ церковныхъ торжествахъ. Аррабіаты, и въ особенности Дольфо Спини съ своими товарищами, пѣли по улицамъ насмѣшливыя пѣсни противъ Савонаролы. Люди, притворявшіеся послѣдователями аскетическихъ правилъ Савонаролы, отбросили лицемѣріе, переставъ бояться его, и начались шумныя веселости. Но Савонарола еще не отчаявался. У него было много покровителей между кардиналами и другими сановниками римской куріи; они хлопотали

о примиреніи папы съ нимъ; Савонарола, воспользовавшись тѣмъ что Александръ былъ опечаленъ произошедшимъ въ это время убійствомъ своего сына, герцога гандійскаго, написалъ ему почтительное письмо, въ которомъ выражалъ свое соболѣзнованіе и убѣждалъ его вести праведную жизнь. Монахи монастыря Св. Марка и многіе вліятельные флорентійцы вступались передъ папой за Савонаролу, который возбуждалъ въ это время особенное уваженіе къ себѣ заботливостью о заболѣвавшихъ свирѣпоствовавшей тогда во Флоренціи чумой. Такимъ образомъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ безъ новыхъ враждебныхъ мѣръ со стороны папы. Флорентійцы забывали объ отлученіи Савонаролы, будучи заняты другими заботами болѣе важными. Во второй половинѣ августа флорентійскій изгнанникъ Ламберто Антелла открылъ правительству, что существуетъ заговоръ возстановить власть Піэтро Медичи, сообщилъ имена участниковъ этого замысла. Городъ взволновался; многіе знатные люди оказались виновными въ сношеніяхъ съ Піэтро и были арестованы. Пять человѣкъ очень знатныхъ и вліятельныхъ, въ томъ числѣ Бернардо дель Неро, 75 лѣтній старикъ, были преданы суду, приговорены къ смерти; имъ было отказано въ дозволеніи апеллировать къ народному собранію, и они были казнены; многіе другіе знатные люди были изгнаны или заперты въ темницы. Савонарола не вмѣшивался въ дѣло о казни заговорщиковъ; но его другъ Франческо Валори сильнѣе всѣхъ требовалъ казни, и многіе приверженцы Савонаролы поддерживали Валори; такимъ образомъ Савонаролу винили въ погибели осужденныхъ.

„Торжество Креста».

Въ это время Савонарола написалъ «Торжество Креста». Онъ доказываетъ въ немъ совершенную сообразность католическаго вѣроученія съ разумомъ. Книга написана безъ всякой примѣси схоластики и свидѣтельствуетъ о замѣчательной силѣ ума Савонаролы. Онъ кончаетъ ее словами: «Кто уклоняется отъ ученія римской церкви, уклоняется отъ Христа.»

Проповѣди Савонаролы противъ папы.

Послѣ казни заговорщиковъ управленіе перешло въ руки Савонаролы. По желанію новой синьоріи онъ наперекоръ запрещенію архіепископа снова сталъ совершать богослуженіе и въ февралѣ возобновилъ свои проповѣди. Онъ доказывалъ въ нихъ, что католики не должны повиноваться несправедливымъ повелѣніямъ папы, рѣшившаго дѣло по ошибочнымъ свѣдѣніямъ, что нарушающій своими повелѣніями заповѣдь христіанской любви не слуга Божій, а сломленный мечъ; онъ говорилъ, что римская курія — предана всякимъ порокамъ, торгуетъ дѣлами церкви; называлъ нелѣпостью то мнѣніе, что папа одаренъ непогрѣшимостью, приводилъ примѣры заблужденій папъ, говорилъ, что за четыре лиры (серебряныя монеты) можно купить у папы какое угодно отлученіе.—Карнавалъ и въ этомъ году былъ отпразднованъ „сожженіемъ суеты“. Это снова подало поводъ къ шумнымъ сценамъ. — Римская курія была раздражена смѣлостью проповѣдей Савонаролы; личный врагъ его монахъ Маріано произнесъ въ присутствіи многихъ кардиналовъ рѣзкую проповѣдь противъ него, назы-

вающаго папу „сломленнымъ мечомъ“. Папа 26 февраля (1498 года) послалъ флорентійскому правительству бреве, въ которомъ требовалъ, чтобъ оно отправило въ Римъ или взяло подъ стражу Савонаролу, смущающаго народъ; въ случаѣ ослушанія папа угрожалъ наложить на Флоренцію интердиктъ. Большинство членовъ той синьоріи, которая управляла дѣлами въ мартѣ и апрѣлѣ, принадлежало къ партіи аррабіатовъ. Гонфалоніэромъ юстиціи былъ одинъ изъ родственниковъ Піэтро Медичи, перешедшій на сторону республиканцевъ. Синьорія созвала вліятельнѣйшихъ гражданъ на совѣщаніе о томъ, какъ поступить; собраніе рѣшило отвѣчать папѣ, что его требованіе неудобоисполнимо, будучи не сообразно съ честью и спокойствіемъ республики, что невозможно арестовать человѣка, пользующагося всеобщей любовью за свою добродѣтель. Такимъ образомъ Савонарола продолжалъ говорить проповѣди; онъ доказывалъ въ нихъ, что папа, будучи человѣкомъ, можетъ ошибаться, что свѣтская власть, богатство и гордость испортили церковь, что надобно созвать вселенскій соборъ для ея преобразованія. — Отвѣтъ синьоріи раздражилъ папу; онъ послалъ ей второе бреве, требовавшее исполненія воли его, выраженной въ первомъ. Синьорія запретила Савонаролѣ проповѣдовать; онъ 18 марта сказалъ прощальную рѣчь, проникнутую печальнымъ предчувствіемъ, и отправилъ къ папѣ письмо, въ которомъ рѣзко порицалъ его за несправедливость и говорилъ, что возлагаетъ свое упованіе на Бога, „избирающаго слабыхъ для посрамленія сильныхъ и низверженія гордыхъ“.

Савонарола убѣждаетъ государей созвать вселенскій соборъ.

Это письмо Савонаролы къ папѣ было заявленіемъ рѣшимости на борьбу; онъ хотѣлъ выступить передъ вселенскимъ соборомъ обвинителемъ Александра Борджіи, обличить его пороки, говорить, что онъ получилъ папскій санъ посредствомъ подкупа, что онъ невѣрующій, что онъ губитель церкви. Савонарола написалъ. «Письмо къ государямъ», въ которомъ убѣждалъ королей французскаго, испанскаго, нѣмецкаго, англійскаго и венгерскаго созвать вселенскій соборъ для предотвращенія погибели церкви. Было извѣстно, что одинъ изъ кардиналовъ (Ровере, кардиналъ церкви апостола Петра въ Узахъ) и многіе французскіе епископы желаютъ созванія вселенскаго собора и что Карлъ VIII расположенъ дѣйствовать по ихъ совѣту, досадуя на враждебную ему политику Александра; потому Савонарола послалъ письмо къ королю французскому раньше, чѣмъ къ другимъ королямъ, надѣясь, что Карлъ склонитъ ихъ въ пользу мысли о вселенскомъ соборѣ. Но гонецъ, который везъ это письмо, былъ схваченъ при проѣздѣ черезъ герцогство миланское, и Людовикъ Моръ отослалъ письмо Савонаролы къ папѣ. Александръ VI увидѣлъ, что нельзя медлить рѣшительными мѣрами противъ Савонаролы. Вся итальянская лига приняла сторону папы по враждѣ къ королю французскому. Друзья Савонаролы оробѣли, флорентійскіе противники его ободрились.

Судъ Божій.

Флорентійскіе францисканцы были врагами Савонаролы, доминиканца. Ихъ проповѣдникъ Франческо Апулійскій произнесъ проповѣдь, въ которой называлъ Савонаролу еретикомъ, лжепророкомъ и говорилъ, что если онъ хочетъ доказать истину своего ученія, то долженъ подвергнуть себя испытанію судомъ Божіимъ. Ученіе Савонаролы, о которомъ шла рѣчь, выражалось формулой, постоянно повторявшейся въ его проповѣдяхъ: «Церковь и Флоренція скоро подвергнутся бѣдствію и потомъ обновятся; невѣрные обратятся ко Христу; отлученіе отъ церкви, произнесенное папой, недѣйствительно». Савонарола отвергъ вызовъ, сказавъ, что подвергать себя суду Божію значило бы испытывать Бога. Но горячій приверженецъ Савонаролы, монахъ его монастыря, Доменико, объявилъ, что принимаетъ вызовъ Франческо и подвергнетъ себя суду Божію въ доказательство истины ученія своего наставника. Францисканцы нашли въ своемъ орденѣ человѣка согласнаго идти на судъ Божій въ доказательство лживости ученія Савонаролы. Это былъ францисканецъ Рондинелли. Доминиканцы монастыря Св. Марка и флорентійскіе францисканцы условились отдать дѣло на рѣшеніе судомъ Божіимъ. Аррабіаты возбуждали францисканцевъ дѣйствовать смѣло; они понимали, что не будетъ того чуда, котораго съ увѣренностью ждалъ Доменико, и были рады, что онъ компрометируетъ Савонаролу. Они полагали, что онъ пойдетъ въ огонь по своей увѣренности пройдти невредимымъ, но знали, что въ такомъ случаѣ онъ сгоритъ, а его смерть будетъ для народа доказательствомъ, что Савонарола лжеучитель. Синьорія согласилась устроить испытаніе судомъ Божіимъ и назначила днемъ его 7 апрѣля (1498 года). Довольно многіе изъ францисканцевъ и доминиканцевъ вызывались подвергнуть себя ему. Доминиканцы разсчитывали, что папа запретитъ его; но Александръ VI молчалъ, разсчитывая на тотъ же результатъ, какъ Дольфо Спини. Савонарола и его друзья находились въ тревогѣ. Онъ не могъ отказаться отъ своихъ прежнихъ словъ, что истина его пророчествъ будетъ подтверждена чудомъ. Многіе приверженцы его были увѣрены, что Богъ совершитъ чудо. Онъ самъ временами надѣялся на это; самоувѣренность, съ какою вызывался Доменико пройдти сквозь огонь, казалась Савонаролѣ внушеніемъ отъ Бога. Дольфо Спини и его друзья ободряли францисканцевъ. Наконецъ пришелъ назначенный день. На площади передъ дворцомъ синьоріи были сдѣланы приготовленія. Кругомъ мѣста, назначеннаго для суда Божія, были поставлены вооруженные отряды обѣихъ партій; площадь была наполнена народомъ; толпы людей стояли даже на кровляхъ домовъ. Посреди площади были сложены изъ дровъ двѣ длинныя стѣны, между которыми оставался узкій проходъ; дрова костровъ были облиты масломъ, смолой; монахи, вызвавшіеся доказать правоту своего ученія судомъ Божіимъ, должны были пройдти по проходу между этихъ деревянныхъ стѣнъ, когда зажгутъ ихъ. Народъ ждалъ, когда же начнется испытаніе. Доменико въ красномъ облаченіи стоялъ на эстрадѣ, назначенной для доминиканцевъ. На другой эстрадѣ стояли францисканцы; ихъ представитель Рондинелли, который долженъ былъ идти черезъ пламя вмѣстѣ съ Доменико, то-

же казался готовъ подвергнуть себя этому испытанію. Но францисканцы стали дѣлать требованія, не предвидѣнныя доминиканцами; говорили, что красное облаченіе Доменико, быть можетъ, заколдовано, что онъ долженъ снять его; онъ снялъ его; тогда францисканцы потребовали, чтобъ онъ шелъ первый въ огонь; ясно было, что они хотятъ утомить народъ, возстановить его противъ Доменико и Савонаролы, спорящихъ съ ними, довести дѣло до драки, во время которой Дольфо Спини и его сообщники убьютъ Савонаролу. Дѣйствительно поднялся шумъ; отрядъ Дольфо Спини двинулся къ эстрадѣ доминиканцевъ; но Маруччо Сальвіати, стоявшій съ 300 вооруженныхъ друзей Савонаролы у эстрады, не допустилъ противниковъ до нея. Доменико, уступившій всѣмъ прежнимъ требованіямъ францисканцевъ, держалъ въ рукахъ дароносицу; францисканцы потребовали, чтобъ онъ отказался отъ намѣренія нести Св. Дары съ собой въ огонь, говорили, что подвергать ихъ сожженію было бы святотатствомъ; изъ-за этого поднялся новый споръ; народъ терялъ терпѣніе, шумѣлъ; синьіорія объявила, что для предотвращенія безпорядка воспрещаетъ испытаніе огнемъ; францисканцы кричали, что Савонарола струсилъ, что онъ обманщикъ; народъ кричалъ, что дѣйствительно это такъ. Сальвіати съ своимъ отрядомъ охранялъ Савонаролу и его монаховъ, пошедшихъ съ площади. Народъ, возбуждаемый Дольфо Спини и его друзьями, преслѣдовалъ Савонаролу ругательствами.

Народъ врывается въ монастырь Св. Марка.

Аррабіаты достигли своей цѣли, выставили Савонаролу трусомъ и обманщикомъ; народъ потерялъ довѣріе къ нему; противники его ходили по улицамъ, били его приверженцевъ, пошли къ монастырю Св. Марка. Монахи и немногіе друзья Савонаролы, оставшіеся вѣрными ему, защищали ворота монастыря; у нѣкоторыхъ изъ нихъ было старое оружіе, найденное въ монастырѣ, другіе отбивались большими крестами. Народъ присоединился къ нападавшимъ, ворвался въ монастырь; монахи бѣжали въ церковь. Отрядъ войска синьіоріи пришелъ въ монастырь и потребовалъ, чтобы защитники его прекратили сопротивленіе, объявилъ, что синьіорія велитъ Савонаролѣ уѣхать изъ флорентійскихъ владѣній, даетъ ему 12 часовъ срока для отъѣзда. Нѣкоторые изъ защитниковъ монастыря бѣжали, надѣясь укрыться отъ раздраженнаго народа. Въ числѣ ихъ находился Франческо Валори; народъ погнался за нимъ, убилъ его. На шумъ подошла къ окну его жена; она была убита стрѣлой. Народъ ворвался въ домъ, ломалъ все въ комнатахъ. То-же было сдѣлано въ домахъ нѣкоторыхъ другихъ приверженцевъ Савонаролы. Въ монастырѣ Св. Марка продолжалась драка. Савонарола убѣждалъ монаховъ и своихъ друзей положить оружіе; они не слушались. Наконецъ начальникъ войска синьіоріи объявилъ, что будетъ стрѣлять изъ пушекъ въ защитниковъ монастыря, если они не выдадутъ Савонаролу, Доменико

и другого усерднѣйшаго изъ приверженцевъ Савонаролы, монаха Сильвестро. Сопротивленіе прекратилось. Сильвестро спрятался; его нашли только уже на другой день. Друзья убѣждали Савонаролу бѣжать черезъ дверь въ задней стѣнѣ монастырскаго зданія; онъ колебался; одинъ изъ монаховъ, Малатеста, сказалъ ему: «Не долженъ ли пастырь полагать душу за своихъ овецъ?» Онъ отдался въ руки воиновъ синьіоріи; они повели его и Доменико въ ея дворецъ; онъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ монахамъ: «Помните мои слова и не падайте духомъ. Слово Господне исполнится и смерть моя ускоритъ это». Народъ шелъ за Савонаролой, осыпая его насмѣшками и ругательствами; стража съ трудомъ защищала его отъ смерти. Одинъ изъ простолюдиновъ далъ ему сзади пинокъ ногой, крикнувъ: «Вотъ тутъ сидитъ у него даръ пророчества!»

Синьіорія велѣла запереть Савонаролу въ темницу и отправила папѣ извѣщеніе объ его арестѣ. Александръ похвалилъ флорентійцевъ, освободилъ ихъ отъ всѣхъ церковныхъ наказаній за прежнее ослушаніе. Людовикъ Моръ тоже прислалъ флорентійцамъ поздравленіе съ ихъ поступкомъ. Итальянская лига была ободрена извѣстіемъ о смерти Карла; онъ умеръ 7 апрѣля, въ тотъ самый день, когда назначено было во Флоренціи испытаніе правды судомъ Божіимъ. Итальянскія правительства чувствовали теперь себя безопасными отъ французскаго нашествія; папа избавился отъ страха, что будетъ созванъ вселенскій соборъ.

Судъ надъ Савонаролой.

Овладѣвъ монастыремъ св. Марка, Дольфо Спини и его друзья пошли по улицамъ, показывая оружіе, взятое у монаховъ, и кричали: «Вотъ знаменія и чудеса Савонаролы; такъ любилъ онъ флорентійскій народъ!» При новыхъ выборахъ сановниковъ, управленіе перешло въ руки враговъ Савонаролы, и была назначена коммиссія для произведенія слѣдствія о немъ и его помощникахъ. Она состояла изъ аррабіатовъ; въ числѣ членовъ ея находился Дольфо Спини. Папа назначилъ своими представителями двухъ канониковъ флорентійскаго собора. На страстную недѣлю начались допросы Савонаролы, изнемогавшаго отъ тюремнаго заключенія; нервы его были совершенно разстроены; его подвергали пыткѣ, чтобы вынудить къ признаніямъ, которыми оправдывался бы смертный приговоръ. Одинъ изъ очевидцевъ говоритъ, что въ одинъ день подвергали Савонаралу пыткѣ 14 разъ, что онъ въ мученіяхъ воскликнулъ: «Господи, Господи, пріими духъ мой!» Человѣка съ разстроенными нервами мучили пытками 11 дней. Онъ временами терялъ сознаніе и, наконецъ, воля его изнемогла, онъ далъ отвѣты, какихъ требовали отъ него. Мы уже говорили, что онъ никогда не могъ ясно рѣшить въ своихъ мысляхъ, пророкъ онъ или нѣтъ, временами признавалъ себя не имѣющимъ права называться пророкомъ, но еще чаще говорилъ о томъ, что всѣ предсказанія его сбудутся. Изъ этого видно, что онъ во все продолженіе

своей дѣятельности колебался въ понятіи объ ея характерѣ. Теперь измученный пытками, онъ сказалъ, что не считаетъ себя имѣвшимъ отъ Бога даръ пророчества. Мы не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить, въ чемъ именно состояли признанія, вынужденныя у Савонаролы пытками, потому что протоколы допросовъ составлены фальшиво. Говорятъ, что флорентійскій нотаріусъ Чекконе, тайный приверженецъ Піэтро Медичи, составитель этихъ протоколовъ, сказалъ членамъ слѣдственной коммиссіи: «Когда нѣтъ основанія для смертнаго приговора, то надобно создать это основаніе»; говорятъ также, что впослѣдствіи онъ самъ признавался въ недобросовѣстномъ составленіи протоколовъ, подтверждалъ своимъ собственнымъ свидѣтельствомъ общее мнѣніе, что онъ передѣлывалъ отвѣты Савонаролы, многое выбрасывалъ изъ нихъ, многое прибавлялъ отъ себя. Виллари говоритъ, что общій характеръ отвѣтовъ Савонаролы, какъ изложены они въ протоколахъ, сообразенъ съ тѣми понятіями, которыя можно составить себѣ о его характерѣ и мысляхъ по его сочиненіямъ,—что въ нихъ та же смѣсь здраваго смысла и суевѣрія, возвышенныхъ идей и плохихъ софизмовъ, отваги и робости; но что, при всѣхъ своихъ слабостяхъ, онъ выказалъ себя и на допросахъ человѣкомъ благороднымъ. Его спрашивали, считаетъ ли онъ себя пророкомъ; въ его отвѣтахъ на этотъ вопросъ есть противорѣчія; иногда онъ отвѣчалъ, что онъ пророкъ, иногда говорилъ, что не приписываетъ себѣ дара пророчества; мы видѣли точно такую же сбивчивость понятій и въ его сочиненіяхъ; но на вопросы о томъ, въ чемъ не колебались его мысли, онъ всегда отвѣчалъ твердо; ни угрозы, ни мученія не могли заставить его отказаться отъ убѣжденій. Два монаха, которыхъ синьоріа велѣла арестовать вмѣстѣ съ Савонаролой, были также преданы суду. Одинъ изъ нихъ, Доменико, остался непоколебимъ въ своемъ убѣжденіи, что Савонарола былъ пророкъ; никакими пытками не принудили его отречься отъ вѣры въ наставника, черезъ котораго, по его выраженію, надѣялся онъ пріобрѣсти благодать Божію. Но Сильвестро упалъ духомъ и отрекся отъ вѣры въ пророческій даръ Савонаролы. Всѣ другіе монахи монастыря св. Марка послѣдовали примѣру Сильвестро; они отправили къ папѣ письмо, въ которомъ слагали вину своего ослушанія на Савонаролу, называли его причиною всѣхъ своихъ заблужденій, просили снять съ нихъ отлученіе. Папа простилъ ихъ.

Александръ VI послалъ синьоріи требованіе, чтобы она отправила къ нему Савонаролу, Доменико и Сильвестро; она отказала выдать ихъ ему, потому что это было бы унизительно для республики, и предложила папѣ, чтобъ онъ лишилъ ихъ духовнаго сана для преданія свѣтскому суду. Папа согласился, прислалъ двухъ коммиссаровъ вести дѣло объ отнятіи духовнаго сана у обвиненныхъ, велѣлъ епископу флорентійскому произнести этотъ приговоръ.

Между окончаніемъ слѣдствія и пріѣздомъ папскихъ коммиссаровъ прошло около мѣсяца. Савонарола въ это время написалъ нѣсколько сочиненій. Одно изъ нихъ „Размышленіе о псалмѣ 51“ (по греческому счету это псаломъ 50: „Помилуй мя Боже“ и т. д.) было издано Лютеромъ въ нѣмецкомъ переводѣ съ предисловіемъ, говорящимъ о Савонаролѣ, что онъ держался мнѣній одинаковыхъ съ протестанскими. Но это ошибка. Савонарола только нападалъ на пороки папской куріи, а въ догматикѣ онъ оставался совершенно вѣренъ всѣмъ ученіямъ римской церкви.

Смерть Савонаролы.

По пріѣздѣ папскихъ коммиссаровъ, начался судебный процессъ (прежній былъ только слѣдственный, подготовлявшій матеріалы для него). Савонаролу снова подвергли пыткѣ; передъ началомъ ея онъ воскликнулъ: «Слышьте меня, правители Флоренціи, призываю васъ въ свидѣтели. Я отрицалъ мой свѣтъ изъ боязни мученій; если я пострадаю, то пострадаю за истину. То, чему училъ я, получалъ я отъ Бога». Процессъ былъ только жестокой формальностью для юридическаго оправданія убійства. Папскіе коммиссары и засѣдавшіе съ ними въ судѣ флорентійцы постановили 22 мая рѣшеніе, что Савонарола, Доменико и Сильвестро виновны, и передали дѣло свѣтскому суду. Онъ произнесъ смертный приговоръ обвиненнымъ. Савонаролѣ дозволили свиданіе съ Доменико и Сильвестро. Онъ убѣждалъ ихъ обратить всѣ мысли къ Богу и безропотно покориться волѣ его. Онъ провелъ ночь въ молитвѣ. Утромъ онъ, Доменико и Сильвестро приняли святое причастіе; ихъ повели на площадь передъ дворцомъ синьоріи; тамъ была поставлена висѣлица. На трехъ эстрадахъ сидѣли судьи и папскіе коммиссары. Епископъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что осужденные лишаются духовнаго званія; съ нихъ стали снимать монашеское облаченіе. Когда снимали съ Савонаролы мантію, онъ сказалъ: «Ты была дана мнѣ благодатію Божіею, и я сохранилъ тебя незапятнанной». Папскіе коммиссары прочли приговоръ, объявлявшій Савонаролу, Сильвестро и Доменико еретиками. Послѣ того былъ прочтенъ приговоръ свѣтскаго суда, постановлявшій, что осужденные должны быть повѣшены и тѣла ихъ преданы сожженію. При насмѣшкахъ и ругательствахъ народа, наполнявшаго площадь, они босые со связанными руками взошли на эшафотъ; поступь ихъ была тверда, лица свѣтлы. Сильвестро, робѣвшій во время процесса, показалъ себя теперь достойнымъ ученикомъ своего наставника. Савонарола сохранялъ совершенное спокойствіе души. Послѣднія слова его были: «Господь также принялъ смерть за меня!» Доменико шелъ къ висѣлицѣ радостно, съ пѣніемъ гимна «Тебя Бога славимъ», и подъ висѣлицей вновь засвидѣтельствовалъ, что вѣритъ скорому исполненію пророчествъ своего учителя. Днемъ смерти ихъ было 23 мая. Когда они умерли, тѣла ихъ были сняты съ висѣлицы и положены на костеръ. Отъ пламени правая рука Савонаролы приподнялась, какъ будто благословляла народъ. Толпа, возбуждаемая арра-

бiатами, хохотала и ругалась; приверженцы Савонаролы плакали и хотѣли взять пепелъ сожженныхъ. Но синьiорiя велѣла собрать его и бросить въ Арно. Монастырь св. Марка былъ лишенъ нѣкоторыхъ привилегiй; многiе изъ монаховъ были сосланы въ другiе монастыри; библiотека Лоренцо Медичи, купленная монастыремъ, была отнята у него. Приверженцы Савонаролы были запуганы и на нѣкоторое время устранились отъ участiя въ общественныхъ дѣлахъ.

Письмо монаховъ св. Марка, въ которомъ они, оправдываясь передъ папой, выставляютъ Савонаролу своимъ обольстителемъ, служитъ лучшимъ оправданiемъ ему. Они говорятъ: «Не только мы, но и люди гораздо болѣе умные были обмануты хитростью Джироламо. Проницательность его ума, добродѣтельная жизнь его, притворное благочестiе, уваженiе, какое пiобрѣлъ онъ искорененiемъ безнравственности, лихоимства и всякихъ другихъ пороковъ во Флоренцiи, многiя событiя, непостижимо для людей подтверждавшiя то, что пророчествовалъ онъ, имѣли такое вліянiе на насъ, что если бъ онъ самъ не отрекся и не объявилъ, что его слова были не отъ Бога, то мы никогда не усомнились бы въ немъ. Наша вѣра въ него была такъ велика, что всѣ мы съ радостью выражали готовность отдать нашу жизнь на опасность огненной смерти въ доказательство истины его ученiя».

Положенiе Флоренцiи.

Положенiе Флоренцiи по смерти Савонаролы было очень дурно; раздоры ея гражданъ возбуждали въ сосѣднихъ государяхъ мысли о завоеванiяхъ, а въ Тосканскихъ городахъ надежду освободиться. Пиза успѣшно продолжала обороняться. Флорентiйцы приписывали свои неудачи предательству кондоттьера Паоло Вителли, подвергли его пыткѣ и казнили (1 октября 1499). Сiэну удачно защищалъ Пандольфо Петруччи, энергическiй и суровый человѣкъ, велѣвшiй изрубить своего тестя Никколо Боргезе, который задумалъ низвергнуть его. Пiэтро Медичи всячески старался вредить республикѣ; онъ, Орсини и Вителлоццо Вителли, братъ казненнаго кондоттьера, помогали совѣтами и своими наемниками всѣмъ врагамъ Флоренцiи, однимъ изъ которыхъ былъ Цезарь Борджiа, думавшiй завоевать Тоскану. Въ союзѣ съ ними и съ Пандольфо Петруччи граждане Ареццо въ 1502 году объявили свой городъ независимымъ отъ Флоренцiи. Союзъ съ королемъ французскимъ, стоившiй флорентiйцамъ очень большихъ денегъ, приносилъ мало пользы имъ; французскiй гарнизонъ, стоявшiй въ Пизѣ, не повиновался запрещенiю короля помогать пизанцамъ и вмѣстѣ съ ними отражалъ нападенiя флорентiйцевъ. Находя, что раздробленность власти отнимаетъ энергiю у правительства, флорентiйцы назначили Пiэтро Содерини гонфалонiэромъ на всю жизнь и увеличили права этого сановника (1 ноября 1502). Около того же времени они назначили Никколо Макiавелли посланникомъ въ Римъ; онъ уже пріобрѣлъ тогда репутацiю проницательнаго государственнаго человѣка; они поручили ему слѣдить за дѣйствiями Цезаря Борджiи.

B. Людовикъ XII. Расширенiе могущества Испанiи.

1. Второй французскiй походъ въ Италiю.

а) завоеванiе неаполя.

Послѣдние годы царствованiя Карла VIII.

Италiя не успокоилась по возвращенiи Карла во Францiю. Пизанцы, какъ мы говорили, защищали свою независимость отъ Флоренцiи; венецiанны и герцогъ миланскiй помогали имъ, ссорясь между собой, потому что и у венецiанскаго правительства и у герцога была мысль овладѣть Пизой. Во Флоренцiи боролись между собой демократы, олигархи и приверженцы Медичи. Въ средней Италiи злодѣйствовалъ Цезарь Борджiа. Король неаполитанскiй преслѣдовалъ своихъ противниковъ; они упрашивали Карла снова прiйдти въ южную Италiю. Флорентiйцы оставались союзниками Карла; герцогъ феррарскiй, маркграфъ мантуанскiй и Бентивольiо, владѣтель Болоньи, также находились въ союзѣ съ нимъ. Онъ постоянно занятъ былъ мыслью идти въ Италiю, но волокитство и пиры задерживали его; онъ тратилъ на свои веселости столько денегъ, что казна была пуста; его любимецъ кардиналъ Брисонне, другъ Александра VI, заботливо поддерживалъ въ немъ увлеченiе праздниками и любовными приключенiями, чтобъ отклонять его отъ похода. Онъ былъ человѣкъ добрый, желалъ облегчить бѣдствiя народа, сочувствовалъ мыслямъ Савонаролы объ очищенiи церкви отъ пороковъ; но хорошiя желанiя были у него мимолетными мечтами; онъ такъ любилъ веселиться, что не былъ способенъ ни къ чему серьезному. Излишествами въ чувственныхъ наслажденiяхъ онъ быстро разрушалъ свое отъ природы слабое здоровье. Ему еще не было 29 лѣтъ, когда онъ подвергся апоплексическому удару и умеръ въ амбуазскомъ замкѣ 7 апрѣля 1498. У него не осталось дѣтей; старшiй сынъ его, которому онъ далъ романическое имя Карлъ Роландъ, умеръ четырехлѣтнимъ ребенкомъ; два младшiе сына умерли въ колыбели. Такимъ образомъ корона перешла къ ближайшему родственнику Карла, Людовику, герцогу орлеанскому *).

*) Генеалогическая таблица.

Карлъ V † 1380.

Карлъ VI † 1422.	Людовикъ, герцогъ орлеанскiй † 1407. Былъ женатъ на Валентинѣ Висконти.
Карлъ VII † 1461.	Карлъ орлеанскiй † 1465. / Iоаннъ ангулемскiй † 1467.
Людовикъ XI † 1483.	Людовикъ XII † 1515. / Карлъ ангулемскiй † 1496.
Карлъ VIII † 1498.	Францискъ I † 1547.

Людовикъ XII 1498—1515.

Людовикъ прежде имѣлъ много враговъ, но вступилъ на престолъ, не встрѣчая сопротивленія; нѣкоторые вельможи опасались за себя, но онъ сказалъ: «королю французскому не прилично мстить за оскорбленія, нанесенныя герцогу орлеанскому». Тремуль, взявшій его въ плѣнъ при Сентъ-Обенѣ, сохранилъ всѣ свои должности; Анна Божё и ея мужъ были осыпаны любезностями. Король далъ право наслѣдованія отцовскихъ леновъ дочери Анны, Сусаннѣ, вышедшей за своего родственника Карла Бурбона, герцога Монпансье. Такимъ же милостивымъ выказалъ себя Людовикъ и ко всѣмъ другимъ прежнимъ своимъ врагамъ. Казалось, характеръ его измѣнился по вступленіи на престолъ: онъ пересталъ увлекаться веселостями и волокитствомъ, преодолѣлъ безпечность, мѣшавшую ему заниматься дѣлами. Но характеръ его былъ слабый, нерѣшительный. Онъ во все свое царствованіе оставался подъ вліяніемъ людей болѣе умныхъ и твердыхъ, умѣвшихъ понравиться ему. Однимъ изъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ его былъ Жоржъ Амбуазъ, архіепископъ руанскій, вѣрно служившій ему въ управленіи внутренними дѣлами, но вовлекавшій его въ войны вредныя для Франціи.

Разводъ Людовика съ Іоанной; женитьба его на Аннѣ Бретанской 1499.

Первой заботой Людовика было удержать Бретань въ соединеніи съ королевствомъ французскимъ. У Анны Бретанской не осталось дѣтей отъ Карла VIII, потому власть надъ Бретанью возвратилась по смерти мужа къ ней; она была еще молодая женщина; надобно было устранить опасность, что она выйдетъ замужъ за какого-нибудь иноземнаго государя; потому Людовикъ рѣшился жениться на ней. Говорятъ, что они любили другъ друга, быть можетъ это романическая выдумка; но во всякомъ случаѣ Анна охотно согласилась выйдти за Людовика, а онъ былъ радъ оправдать заботой о государственной пользѣ свое желаніе развестись съ Іоанной, женщиной очень некрасивой, на которой женился по принужденію. Обѣщавъ дать герцогство валансское (Valentinois) Цезарю Борджіи, Людовикъ получилъ отъ Александра VI разрѣшеніе развестись съ Іоанной и жениться на вдовствующей королевѣ. Іоанна провела остатокъ жизни въ Буржскомъ женскомъ монастырѣ и пріобрѣла своимъ благочестіемъ и благотворительностью всеобщее уваженіе. Благородные люди порицали короля за оскорбленіе, нанесенное ей. Онъ старался смягчить упреки духовенства пожертвованіями въ церкви, а порицанія народа выраженіями почтительности къ отвергнутой женѣ. Свадьба его съ Анною Бретанской была отпразднована 6 января 1499 года. Въ брачномъ договорѣ были повторены условія, гарантировавшія герцогству бретанскому сохраненіе прежнихъ правъ и нѣкоторую самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія. Людовикъ нѣжно любилъ Анну до самой смерти ея; въ ней сильнѣйшимъ чувствомъ оставалась забота объ интересахъ Бретани; говорятъ, она всю жизнь сожалѣла, что разстроился бракъ ея съ Максимиліаномъ, обезпечивавшій независимость герцогства бретанскаго. Она дѣлала совѣтникамъ Людовика много непріятностей защитой правъ Бретани.

Реформы.

Первыя дѣйствія Людовика возбудили надежду, что его царствованіе будетъ благотворно для Франціи. Онъ отказался отъ пожертвованій, какія были требуемы прежними королями при вступленіи на престолъ и прикрашивались названіемъ подарковъ; ввелъ въ управленіи государствомъ бережливость, давшую ему возможность облегчить налоги, желалъ улучшить судопроизводство и съ этой цѣлью назначилъ членами королевскаго совѣта нѣсколько юристовъ, поручилъ имъ рѣшеніе нѣкоторыхъ дѣлъ. Онъ созвалъ въ мартѣ 1499 въ Блуа собраніе нотаблей (свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ) и по ихъ совѣту улучшилъ формы процесса. Вмѣстѣ съ тѣмъ было отмѣнено множество противозаконныхъ привилегій, вредившихъ государству, были уменьшены и съ точностью опредѣлены феодальныя повинности поселянъ господамъ, подтвержены права галликанской церкви, установленныя прагматической санкціей, былъ учрежденъ особый верховный трибуналъ (парламентъ) для Нормандіи.

Внѣшняя политика.

Но почти вся польза, какую могли бы принести заботы Людовика о благѣ націи, была уничтожена его желаніемъ завоевать герцогство миланское и Неаполь. Мы уже говорили, что онъ считалъ себя имѣющимъ право на герцогство миланское по своему происхожденію отъ Валентины Висконти. Карлъ VIII верчеллійскимъ договоромъ оставилъ это герцогство во владѣніи Людовика Мора. Людовикъ XII рѣшился разорвать этотъ договоръ, овладѣть Миланомъ.—Онъ считалъ также обязанностью чести завоевать королевство неаполитанское, изъ котораго были прогнаны французскія войска. Онъ принялъ титулъ герцога миланскаго и короля неаполитанскаго. Ссоры между итальянскими государствами обѣщали ему успѣхъ. Папа былъ союзникомъ его; венеціанцы и герцогъ миланскій воевали съ Флоренціей и ссорились между собою за владычество надъ Пизой; многіе изъ мелкихъ итальянскихъ государей надѣялись пріобрѣсти выгоды себѣ отъ союза съ королемъ французскимъ; Людовикъ могъ разсчитывать, что Генрихъ VII и Максиміліанъ не будутъ вредить ему: Генрихъ возобновилъ съ нимъ миръ на условіяхъ этапльскаго договора; Максиміліанъ, не имѣя денегъ и не получая войскъ отъ нѣмецкаго сейма, потерялъ надежду завоевать герцогство бургонское; сынъ его Филиппъ заключилъ миръ съ Людовикомъ. Швейцарцы, которымъ угрожалъ Максиміліанъ, возобновили прежній союзъ съ Франціей. Только Изабелла и Фердинандъ были опасны Людовику, но онъ склонилъ ихъ на свою сторону. Фердинандъ не желалъ оставлять королевство неаполитанское подъ властью побочной линіи своей династіи, потому согласился раздѣлить его съ королемъ французскимъ, котораго надѣялся впослѣдствіи прогнать изъ уступаемой теперь ему половины королевства. При заключеніи договора въ Маркусси (5 августа 1498)

уже было дано Фердинандомъ согласіе на походъ Людовика въ южную Италію. По словамъ Комина, проектъ раздѣла былъ составленъ Фердинандомъ и только принятъ Людовикомъ.

Завоеваніе герцогства миланскаго 1499.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Людовикъ пошелъ въ Италію. Французское дворянство сочувствовало походу, желая военной славы. Людовикъ въ походѣ Карла VIII выказалъ себя довольно хорошимъ полководцемъ. Войско, съ которымъ двинулся онъ изъ Ліона, составляли 1.600 копій (то-есть 9.600 человѣкъ тяжелой кавалеріи), 13.000 пѣхоты, въ томъ числѣ 5.000 швейцарцевъ и 4.000 гасконцевъ и басковъ. Артиллерія имѣла 58 пушекъ. Всадники тяжелой кавалеріи—жандармы,—какъ тогда назывались они, были большею частью дворяне. Помощниками короля были опытные полководцы Обиньи (Стюартъ Альбани, переселившійся во Францію принцъ шотландской династіи), ломбардскій вельможа Тривульціо и Луи Люксамбуръ, графъ Линьи. Въ іюлѣ 1499 король перешелъ Альпы и былъ встрѣченъ въ Савоіѣ дружески (Луиза, сестра герцога Филиберта II, была жена графа ангулемскаго, ближайшаго родственника короля), французы пошли въ Піэмонтъ, брали крѣпости, избивали гарнизоны, грабили города, опустошали страну; 13 августа они взяли Асти. Людовикъ Моръ видѣлъ себя въ безнадежномъ положеніи. Онъ разсчитывалъ, что къ нему придутъ нѣмецкіе ландскнехты; но они были задержаны войной Максимиліана съ швейцарцами. Торопливо набранные ломбардцы были неопытные, робкіе рекруты. Начальникъ ихъ Галеаццо Санъ-Северино, ставшій въ Алессандріи, былъ трусъ; когда французы подошли къ этой крѣпости, онъ ночью уѣхалъ въ Миланъ; войско его разбѣжалось. Французы, не встрѣчая сопротивленія, вошли въ Алессандрію, ограбили городъ, насиловали женщинъ, убивали мужчинъ. Въ то же время вступили съ востока въ герцогство миланское венеціанцы, взяли Кремону, подступили къ Лоди. Людовикъ Моръ поѣхалъ черезъ Вальтеллину въ Тироль просить помощи у Максимиліана. По его отъѣздѣ, населеніе герцогства совершенно перестало обороняться; города отворяли ворота французамъ; графъ Гаяццо, братъ Санъ-Северино, поступилъ въ службу короля французскаго. Французы 14 сентября вошли въ Миланъ. Все герцогство было покорено въ одинъ мѣсяцъ. Король 6 октября торжественно вступилъ въ Миланъ, назначилъ Тривульціо намѣстникомъ, уменьшилъ налоги, оказывалъ любезности миланцамъ, надѣясь пріобрѣсти преданность ихъ. Генуя отдалась подъ его покровительство; онъ назначилъ правителемъ ея Филиппа, герцога клеве-равенштейнскаго. Казалось, вся Италія скоро будетъ повиноваться королю французскому. При содѣйствіи даннаго имъ отряда Цезарь Борджіа дѣлалъ завоеванія въ Романьѣ и другихъ областяхъ, считавшихся папскими владѣніями, но не повиновавшихся папамъ.

Скоро оказалось, что довести дѣло до конца будетъ Людовику менѣе легко, какъ можно было надѣяться по началу похода. Тривульціо покровительствовалъ гвельфамъ, раздражилъ гибеллиновъ; граждане Милана, ожидавшіе улучшенія своей судьбы подъ французской властью, разочаровались; налоги, хотя и уменьшенные, оставались велики; Тривульціо собиралъ ихъ очень сурово; французскій гарнизонъ Милана буйствовалъ; офицеры и солдаты обольщали, насиловали женщинъ. Населеніе Милана желало избавиться отъ французовъ, Людовикъ Моръ зналъ объ этомъ. Онъ набралъ большое войско изъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ наемниковъ и пошелъ къ Милану. Когда онъ вступилъ въ Комо, населеніе герцогства возстало. Въ Миланѣ начались демонстраціи, враждебныя французамъ. Тривульціо увидѣлъ себя вынужденнымъ уйдти оттуда. Людовикъ Моръ 6 февраля (1500 года) вступилъ въ Миланъ. Павія и Парма возстали противъ французовъ. Граждане Новары упорно оборонялись противъ войскъ герцога миланскаго; но принуждены были сдаться (22 марта). Гарнизонъ и противники Людовика Мора получили свободный пропускъ въ Мортару. Но вслѣдъ за тѣмъ дѣла снова приняли неожиданный оборотъ. Людовикъ Моръ сталъ между Новарой и Мортарой, готовился къ битвѣ съ французами. Тремуль, начальствовавшій ими, послалъ въ непріятельскій лагерь агентовъ возмутить швейцарскихъ наемниковъ Людовика Мора; это удалось; они объявили, что не хотятъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, находящихся въ войскѣ Тремуля, и пошли въ Беллинцону. Людовикъ Моръ отправился съ ними, переодѣвшись. Тремуль обѣщалъ большую награду за выдачу его; это соблазнило нѣкоторыхъ швейцарцевъ; они указали французамъ Людовика Мора; графъ Линьи отвезъ его въ новарскую цитадель. Король французскій велѣлъ отвезти его во Францію. Это было справедливымъ наказаніемъ судьбы ему, призвавшему французовъ въ Италію. Онъ десять лѣтъ томился въ башнѣ замка Лоша. Сначала его держали въ подземной темницѣ, потомъ перевели въ комнату одного изъ верхнихъ этажей. Тамъ онъ и умеръ. Французы пошли въ Миланъ и вступили туда въ пятницу страстной недѣли, 17 апрѣля. Жители опасались мщенія Тривульціо. Но король поступилъ съ ними менѣе сурово, чѣмъ они ждали. Онъ велѣлъ казнить только четырехъ главныхъ предводителей возстанія и назначилъ вмѣсто Тривульціо своимъ намѣстникомъ Шарля Амбуаза Шомона, (племянника кардинала Амбуаза). Большую часть герцогства миланскаго король французскій оставилъ въ своемъ владѣніи. Кремону и нѣкоторые другіе города восточной части герцогства взяли себѣ венеціанцы; швейцарцы удержали за собою Беллинцону.

Взятіе въ плѣнъ Людовика Мора.

Большинство членовъ герцогской династіи было захвачено французами. Людовикъ XII поступилъ съ этими плѣнниками сурово. Онъ держалъ въ темницѣ трехъ побочныхъ сыновей Джана Галеаццо. Вдовствующая герцогиня Изабелла, жена Джана Галеаццо, принуждена

Сульба потомковъ Франческо Сфорцы.

была отдать королю французскому своего сына Франческо; Людовикъ XII велѣлъ постричь его въ монахи. Онъ довольно долго держалъ въ темницѣ кардинала Асканіо Сфорцу (брата покойнаго герцога и Людовика Мора). Но черезъ нѣсколько времени архіепископъ Амбуазъ убѣдилъ короля освободить его. Сыновья Людовика Мора, Массимиліано и Франческо, бѣжали въ Германію; они надѣялись на помощь императора, но король французскій предложилъ выдать свою дочь Клавдію за его внука Карла, обѣщая въ приданое за ней герцогство миланское. Женихъ и невѣста были еще маленькія дѣти; до ихъ свадьбы Людовикъ оставлялъ герцогство подъ своей властью. Ясно было, что онъ обманываетъ Максимиліана, но императоръ повѣрилъ его обѣщанію и 5 апрѣля 1505 утвердилъ его въ санѣ герцога миланскаго. Эту форму имѣло признаніе Людовика владѣтелемъ Милана (герцогство считалось леномъ имперіи). Въ слѣдующемъ году французскій государственный сеймъ выразилъ желаніе, чтобы король отдалъ свою дочь за ея двоюроднаго брата, Франциска, графа ангулемскаго, наслѣдника престола. Само собою разумѣется, это было сдѣлано по желанію самого короля, и онъ обручилъ свою дочь съ графомъ Ангулемскимъ.

b) Война съ Испаніей за королевство неаполитанское.

Гранадскій договоръ.

Покоривъ герцогство миланское, Людовикъ XII сталъ готовиться къ походу въ Неаполь. Для уменьшенія издержекъ во время бездѣйствія, онъ отдалъ часть своего войска въ службу Цезаря Борджіи, другую въ службу флорентійской республики, а между тѣмъ велъ переговоры съ Изабеллой и Фердинандомъ о союзѣ противъ короля неаполитанскаго. Наконецъ 11 ноября 1500 года былъ заключенъ въ Гранадѣ договоръ, по которому Людовикъ отказался отъ всякихъ притязаній на уступленныя Карломъ Фердинанду графства руссильіонское и серданское, условился, что королевство неаполитанское будетъ раздѣлено между нимъ и Фердинандомъ. Калабрію и Апулію бралъ себѣ Фердинандъ, остальныя области должны были перейдти во владѣніе Людовика. Это былъ одинъ изъ тѣхъ договоровъ, которыми обманывали тогда другъ друга заключающіе ихъ. Фридрихъ, не подозрѣвая, что Фердинандъ ужь условился съ Людовикомъ о раздѣлѣ неаполитанскаго королевства, просилъ у него помощи противъ Людовика. Фердинандъ обѣщался помогать Фридриху и, снаряжая флотъ для войны противъ него, говорилъ, что предназначаетъ эти корабли для помощи ему. Король неаполитанскій просилъ помощи и у Максимиліана; императоръ взялъ у него денегъ, какъ прежде у Людовика Мора, и продлилъ свое перемиріе съ Людовикомъ, а сынъ Максимиліана, эрцгерцогъ Филиппъ, заключилъ съ Людовикомъ то условіе, о которомъ мы уже говорили: сынъ Филиппа и дочь Людовика, маленькія дѣти, были объявлены женихомъ и невѣстой; Фридрихъ понималъ и самъ, что ни Максимиліанъ, ни Фердинандъ не защитятъ его отъ Людовика, и заявлялъ королю французскому готовность признать себя вассаломъ его, платить ему дань, принять французскіе гарнизоны въ нѣкоторыя изъ неаполитанскихъ крѣпостей; но Людовикъ отвергъ это предложеніе. Фридрихъ вступилъ въ переговоры съ турецкимъ султаномъ. Это дало Людовику предлогъ назвать свой походъ противъ него войной на защиту христіанства отъ турокъ. Александръ VI объявилъ войну противъ Фридриха крестовымъ походомъ и сталъ продавать индульгенціи, увѣряя, что деньги за нихъ будутъ употреблены на войну съ невѣрными, а въ самомъ дѣлѣ обращалъ ихъ на уплату жалованья наемникамъ Цезаря Борджіи. Испанскій флотъ съ войскомъ подъ начальствомъ Гонсальво поплылъ къ берегу Сициліи, но истинное его назначеніе было прикрыто тѣмъ, что онъ принялъ на нѣсколько времени участіе въ войнѣ венеціанцевъ съ турками. Французскій авангардъ, пошедшій подъ начальствомъ Обиньи въ Абруццы, былъ назначенъ, по увѣренію Людовика, для войны съ невѣрными. Александръ далъ Людовику и Фердинанду инвеституру на тѣ половины королевства неаполитанскаго, какія брали они себѣ по гранадскому договору, и объявилъ Фридриха лишеннымъ престола за его союзъ съ невѣрными.

Взятіе Фридриха въ плѣнъ французами.

Второе завоеваніе Неаполя произошло съ такой же легкостью и быстротой, какъ первое. Людовикъ, при которомъ находился Цезарь Борджіа, перешелъ въ іюлѣ 1501 года неаполитанскую границу; французы взяли штурмомъ Капую, разграбили ее, насиловали женщинъ, рѣзали дѣтей и стариковъ; это навело такой ужасъ на неаполитанцевъ, что они отказались отъ всякой мысли о сопротивленіи. Фридрихъ отдался въ плѣнъ начальнику французскаго флота. Людовикъ велѣлъ отвезти его во Францію, но поступилъ съ нимъ милостиво: далъ ему графство менское и пенсію. Фридрихъ умеръ черезъ три года. Онъ былъ послѣдній король неаполитанской линіи арагонской династіи. При всѣхъ своихъ дурныхъ качествахъ, она пріобрѣла себѣ, по крайней мѣрѣ, ту славу, что заботилась о развитіи торговли. Фридрихъ былъ лучшимъ изъ ея королей; потому народъ сожалѣлъ о немъ. Саннацаро, поѣхавшій дѣлить съ своимъ покровителемъ изгнаніе, написалъ о немъ глубоко прочувствованные стихи. Съ его ссылкой началось для Неаполя мрачное время иноземнаго ига, подавившаго все, что развилось до той поры.

Взятіе въ плѣнъ Фердинанда испанцами.

При началѣ войны Фридрихъ послалъ въ Тарентъ своего 14 лѣтняго сына, Фердинанда, герцога калабрійскаго. Гонсальво приплылъ къ Таренту и блокировалъ эту крѣпость съ моря и съ суши. Ея положеніе было сильное, и взять ее было трудно. Бискайцы испанскаго войска, недовольные неисправностью въ уплатѣ жалованья и утомленные трудностью осады, толпами уходили къ Цезарю Борджіи;

остальное войско мятежничало. Но Гонсальво былъ очень искусный полководецъ, и комендантъ крѣпости увидѣлъ себя, наконецъ, въ необходимости сдать ее. Гонсальво поклялся надъ святыми дарами, что отпуститъ принца калабрійскаго ѣхать къ отцу. Крѣпость сдалась 1 марта (1502 г.). Вошедши въ нее, Гонсальво велѣлъ духовенству снять съ него обязанность исполнить клятву и, по приказанію своего короля, отослалъ принца въ Арагонію. Тамъ держали его въ плѣну до самой смерти.

Ссора между побѣдителями.

По гранадскому договору Людовикъ получалъ Абруццы и Terra di Lavoro (Кампанью), король арагонскій Апулію и Калабрію. Но это были старыя географическія названія; границы областей давно перестали соотвѣтствовать имъ; потому неизбѣженъ былъ споръ при раздѣлѣ. Луи Арманьякъ, герцогъ немурскій, котораго Людовикъ назначилъ правителемъ своей части неаполитанскаго королевства, требовалъ, чтобъ его королю были отданы Базеликата и Капитаната, области, въ которыхъ получался большой доходъ отъ пошлины со стадъ. Гонсальво Кордовскій говорилъ, что онѣ принадлежатъ къ испанской части.

Осада Барлетты 1502—1503.

Изъ этого спора произошла война. Испанское войско было гораздо малочисленнѣе французскаго; потому Гонсальво Кордовскій ушелъ въ Барлетту, приморскій городъ, чтобъ ожидать тамъ подкрѣпленій. Обиньи совѣтовалъ вице-королю овладѣть крѣпостью Бари, которая могла служить такимъ же опорнымъ пунктомъ для французовъ; но герцогъ немурскій, молодой, очень храбрый и не особенно даровитый человѣкъ, пренебрегъ этимъ совѣтомъ. Въ Бари жила Изабелла, вдова герцога миланскаго, Франческо. Герцогъ немурскій и окружавшіе его вельможи сказали, что неблагородно нападать на несчастную вдову. Вице-король пошелъ на Барлетту, и началась осада, очень продолжительная. Военныя дѣйствія въ ней были похожи на турниры; у историковъ того времени разсказано множество сценъ этого рода. Таково, напримѣръ, было сраженіе одиннадцати испанскихъ всадниковъ съ одиннадцатью французскими; оно было устроено по вызову; оба войска смотрѣли на него; таково же было другое сраженіе, въ которомъ тринадцать итальянцевъ побѣдили тринадцать французовъ; таковъ же разсказъ о поединкѣ Баяра съ испанцемъ Алонсо Сотомайіоромъ, человѣкомъ необыкновенной силы; герцогъ немурскій вызывалъ на поединокъ Гонсальво Кордовскаго, предлагая считать побѣжденнымъ то войско, полководецъ котораго будетъ побѣжденъ въ этой дуэли. Читая эти разсказы, думаешь, что читаешь хронику Фруасара. Фердинандъ Арагонскій долго не посылалъ подкрѣпленій своему войску; потому, въ 1502 году успѣхъ былъ на сторонѣ французовъ; но потомъ, получивъ подкрѣпленія, Гонсальво, благодаря превосходству своего стратегическаго таланта, быстро одолѣлъ непріятеля. Герцогъ немурскій въ январѣ 1503 года принужденъ былъ

отступать. Испанская конница, подъ начальствомъ Діэго Мендосы, преслѣдовала французовъ, взяла много плѣнныхъ. Въ февралѣ принцъ немурскій сдѣлалъ новую ошибку. Онъ съ большой частью войска пошелъ къ замку Кастелланетѣ (близъ Отранто), оставивъ отважнаго молодого вельможу, Ла Палисса, съ небольшимъ гарнизономъ въ Руфо. Гонсальво осадилъ этотъ замокъ. Послѣ геройской обороны, раненный Ла Палиссъ сдался и былъ увезенъ плѣнникомъ въ Барлетту.

Ліонскій договоръ 1513.

Само по себѣ это дѣло не имѣло большой важности, но оно дало новый оборотъ войнѣ. Французскіе офицеры потеряли довѣріе къ своему главнокомандующему, и войско не получало подкрѣпленій, потому что Людовикъ XII заключилъ 5 апрѣля въ Ліонѣ договоръ съ Изабеллой и Фердинандомъ. Это соглашеніе было устроено зятемъ Изабеллы и Фердинанда, Филиппомъ Бургонскимъ. Онъ съ своею женою Іоанной пріѣхалъ въ Испанію по дѣлу о формальномъ признаніи Іоанны наслѣдницей королевствъ кастильскаго и арагонскаго. Получивъ согласіе Изабеллы и Фердинанда на переговоры съ Людовикомъ, Филиппъ условился, что король французскій обручитъ свою четырехлѣтнюю дочь Клавдію съ его трехлѣтнимъ сыномъ Карломъ и что при своемъ бракосочетаніи они получатъ королевство неаполитанское, а до того времени испанскій и французскій намѣстники будутъ управлять тѣми частями его, о раздѣлѣ которыхъ нѣтъ спора, а самъ Филиппъ тѣми областями, изъ - за которыхъ поднялся споръ. По заключеніи этого договора, Филиппъ извѣстилъ Гонсальво, что война прекращена. Отъ Фердинанда Гонсальво не получалъ приказанія прекратить ее и зналъ дѣйствительныя намѣренія своего короля. Онъ имѣлъ теперь довольно большое войско и отвѣчалъ Филиппу, что не можетъ прекратить военныхъ дѣйствій безъ прямого приказанія короля. Фердинандъ отказался утвердить ліонскій договоръ, говоря, что при его заключеніи Филиппъ превысилъ свои полномочія. Переговоры и трактатъ были только коварствомъ, которымъ Фердинандъ обманулъ Людовика. Въ концѣ апрѣля Гонсальво пошелъ изъ Барлетты вверхъ по рѣкѣ Офанто и у Черіньіолы встрѣтился съ герцогомъ немурскимъ. Оба войска были приблизительно равны числомъ; въ каждомъ было около 7.000 человѣкъ. Помощниками Гонсальво были искусные генералы: Наварро, Діэго Паредесъ и Писарро (отецъ завоевателя Пэру). Битва произошла 28 апрѣля; она началась незадолго передъ наступленіемъ вечера. Французы пошли въ атаку на испанцевъ, занимавшихъ крѣпкую позицію, прикрытую съ фронта глубокимъ рвомъ съ водой и валомъ; конница не могла перейдти ровъ; герцогъ немурскій былъ убитъ. Швейцарскіе наемники французовъ сильно тѣснили испанскую пѣхоту. Но начальникъ ихъ Шандье былъ также убитъ. Французское войско пришло въ разстройство. Гонсальво далъ знакъ къ атакѣ по всей линіи. Французы были смяты, обратились въ бѣгство; гасконская и швейцарская пѣхота

Битва при Черіньіолѣ.

была почти вся истреблена; часть конницы спаслась, благодаря ночи, остановившей погоню. Болѣе 3.000 французовъ и швейцарцевъ были убиты, вся артиллерія и почти всѣ знамена были взяты испанцами. Тѣло герцога немурскаго было найдено подъ грудой убитыхъ и съ почестями погребено въ Барлеттѣ. Его смертью прекратилась династія Арманьяковъ, производившая свой родъ отъ Меровинговъ. Начальство надъ остатками разбитаго французскаго войска принялъ Ивъ Алегръ, убѣдившій герцога немурскаго сдѣлать безразсудную атаку. Онъ торопливо ушелъ въ Гаэту. За недѣлю передъ сраженіемъ подъ Черинъіолой, Обиньи былъ разбитъ близъ Семинары испанскимъ генераломъ Андрадой и отдался въ плѣнъ подъ условіемъ, что войско его получитъ свободный пропускъ. Гонсальво 14 мая вступилъ въ Неаполь, населеніе котораго встрѣтило его съ восторгомъ. Искусный инженеръ Педро Наварро повелъ работы противъ неаполитанскихъ цитаделей, въ которыхъ заперлись французы. Обѣ онѣ (Castel dell Uovo и Castel Nuovo) скоро сдались. Французы удержались только въ Гаэтѣ, гдѣ Ивъ Алегръ собралъ разбитые отряды, и въ Венозѣ, въ которой мужественно оборонялся Луи д'Арсъ. Кромѣ этихъ двухъ крѣпостей все королевство покорилось королю арагонскому.

Война въ Пиренейскихъ горахъ.

Извѣстія о побѣдахъ Гонсальво произвели сильное раздраженіе во Франціи. Король и вельможи съ негодованіемъ говорили о вѣроломствѣ Фердинанда, обманувшаго ихъ коварными переговорами. Филиппъ разсердился на тестя, который одурачилъ его; досада эрцгерцога была такъ велика, что онъ не захотѣлъ возвратиться въ Испанію. Французскій народъ желалъ мщенія, потому Людовикъ могъ собрать очень большое войско: французы безропотно платили новые налоги для найма швейцарцевъ и снаряженія флота. Людовикъ хотѣлъ одновременно сдѣлать нападеніе на Испанію и на испанское войско въ Неаполѣ. Но и въ Испаніи народъ охотно выносилъ обременительные налоги для приготовленій къ оборонѣ. Испанцы были теперь единодушны, старая вражда между арагонцами и кастильянцами была забыта. Французское войско, пошедшее въ Руссильонъ, встрѣтило такое сильное сопротивленіе, что отступило. Арагонцы преслѣдовали его до Перпиньяна и Нарбонны. Другое войско, посланное въ Бискаію, было задержано въ горахъ Аленомъ Альбре, королемъ наваррскимъ, союзникомъ Фердинанда. Флотъ, назначенный плыть къ берегу Каталоніи, былъ разсѣянъ бурями. Людовикъ отказался отъ мысли о нападеніи на Испанію и при посредствѣ плѣннаго короля неаполитанскаго Фридриха заключилъ съ Фердинандомъ перемиріе, по которому были прекращены военныя дѣйствія на границахъ Испаніи съ Франціей. Въ слѣдующемъ году Фридрихъ умеръ; смерть его опечалила неаполитанскихъ патріотовъ, сохранявшихъ надежду на возстановленіе независимости своего отечества. Старшій сынъ Фридриха Фердинандъ принужденъ былъ оставаться въ Испаніи; онъ былъ

женатъ два раза; но испанское правительство выбирало и для перваго и для второго брака такихъ невѣстъ, о которыхъ было извѣстно, что у нихъ не будетъ дѣтей. Младшіе братья Фердинанда умерли бездѣтными раньше его. Съ его смертью прекратилась неаполитанская династія.

Новый походъ французовъ въ Италію.

Людовикъ XII заключилъ перемиріе относительно испанской границы для того, чтобъ обратить всѣ свои силы на войну въ Италіи. Туда, еще до перемирія, пошелъ въ іюлѣ лучшій французскій полководецъ, Тремуль съ войскомъ, въ которомъ считалось больше 20.000, быть можетъ до 30.000 человѣкъ. Въ то же время маркграфъ салуццкій отплылъ изъ Генуи въ Гаэту съ подкрѣпленіемъ Иву Алегру. Въ Пармѣ присоединились къ войску Тремуля 8.000 швейцарскихъ наемниковъ. Но походъ его въ южную Италію былъ задержанъ кардиналомъ Амбуазомъ. Передъ тѣмъ временемъ умеръ Александръ VI. Амбуазъ хотѣлъ, чтобъ его выбрали папой, и велѣлъ Тремулю поддержать его кандидатуру военной демонстраціей. Тремуль подошелъ къ Риму и остановился подъ нимъ довольно надолго. Но и военныя угрозы и деньги, употребленныя Амбуазомъ на подкупъ кардиналовъ, остались напрасны. Былъ выбранъ кардиналъ епископъ сіэнскій, принявшій имя Пія III. Черезъ мѣсяцъ онъ умеръ. Новый конклавъ выбралъ папой кардинала Делла Ровере, бывшаго противникомъ Александра VI. Онъ принялъ имя Юлія II. Должно было полагать, что онъ пойдетъ въ политикѣ не тѣмъ путемъ, какъ Александъ VI, державшійся союза съ королемъ французскимъ для пріобрѣтенія государства своему сыну. Юлій былъ горячій патріотъ и не могъ желать, чтобъ установилось французское владычество надъ Италіей. Такимъ образомъ выборъ его папой былъ невыгоденъ для французовъ. Остановка подъ Римомъ повредила успѣху похода; другой причиной неудачи его было то, что Тремуль занемогъ и принужденъ былъ передать начальство надъ войскомъ маркграфу мантуанскому, который прежде былъ въ венеціанской службѣ и сражался съ французами при Форнуово, потому не внушалъ довѣрія имъ.

Сраженія на Гарильяно. Октябрь и ноябрь 1503.

Осенью французы пришли къ Гарильяно. На другомъ берегу этой рѣки стоялъ Гонсальво, защищая границу неаполитанскаго королевства и прикрывая другой отрядъ испанскаго войска, осаждавшій Гаэту. На Гарильяно начались битвы. Донесенія Макіавелли, бывшаго тогда флорентійскимъ посланникомъ въ Римѣ и разсказы современныхъ историковъ даютъ намъ живое понятіе объ этихъ сраженіяхъ на болотистыхъ берегахъ рѣки. Общей битвы не было, но происходило множество схватокъ. Онѣ длились семь недѣль. Оба войска страдали отъ испареній болотъ, отъ недостатка пищи и одежды. Въ этой нуждѣ и тоскѣ рыцарскіе подвиги служили развлеченіемъ; ихъ было много. Разсказы о геройскихъ дѣлахъ Баяра, Ла Палисса, Паредеса, бившихся у моста черезъ рѣку, напоминаютъ приключенія

рыцарей Круглаго стола и Амадисовъ. Альвіано (глава фамиліи Орсини) и Просперо Колонна пришли изъ своихъ владѣній съ подкрѣпленіями къ Гонсальво, и 28 декабря онъ сдѣлалъ неожиданное нападеніе на французское войско, главнокомандующимъ котораго былъ теперь маркизъ салуццкій, занявшій мѣсто маркграфа мантуанскаго. Французы оборонялись храбро, но двухдневная битва кончилась пораженіемъ ихъ; они потеряли болѣе 3.000 человѣкъ убитыми, бросили артиллерію и обозъ, отступили безпорядочными толпами въ Гаэту. Французы прославляли геройство, выказанное Баяромъ въ несчастномъ сраженіи. При отступленіи утонулъ въ Гарильяно находившійся при французскомъ войскѣ Піэтро Медичи. Французы упали духомъ и при первомъ штурмѣ испанцевъ на позиціи передъ Гаэтой ушли съ горы Орландо, владычествовавшей надъ крѣпостью. Испанны поставили баттареи на этой горѣ; оборона крѣпости стала невозможна; французы вступили въ переговоры съ Гонсальво; онъ не имѣлъ ни денегъ, ни продовольствія, солдаты его были изнурены, потому онъ съ радостью согласился дать свободный пропускъ французскому войску, сдавшему крѣпость со всей артиллеріей и всѣми военными запасами. Капитуляція была подписана 1 января 1504. Часть французскаго войска отправилась на родину моремъ, часть сухимъ путемъ. Гонсальво, страдавшій лихорадкой, остался до выздоровленія въ Гаэтѣ, потомъ пошелъ въ Неаполь. Поэты, ученые прославляли его. Только Саннацаро печально молчалъ. Неаполитанцы надѣялись подъ испанской властью отдохнуть отъ бѣдствій, но скоро увидѣли, что ошиблись. Буйные солдаты Гонсальво, размѣщеные по квартирамъ у гражданъ, безчинствовали и грабили. Наварро, Мендоса, Андрада, Венавидесъ, Лейва и другіе испанскіе генералы, помогавшіе испанцамъ итальянскіе вельможи, Альвіано и Колонны получили обширныя имѣнья въ покоренномъ королевствѣ. Испанское иго скоро заглушило всякую жизнь въ неаполитанскомъ королевствѣ и подавляло ее въ остальной Италіи.

Франція была опечалена. Тысячи французовъ погибли въ битвахъ подъ Черинъіолой и на Гарильяно; возвращавшіеся на родину умирали массами отъ болѣзней, полученныхъ въ болотахъ; всѣ больницы въ Римѣ и другихъ городахъ на пути во Францію были наполнены умирающими французами.—Людовикъ занемогъ, заперся въ своихъ комнатахъ, не принималъ къ себѣ никого. Дворъ надѣлъ трауръ. Полководцы, сдавшіе Гаэту, подверглись гнѣву короля. Маркграфъ салуццкій, страдавшій лихорадкой, умеръ; Сандрикуръ и Алегръ, его помощники, были изгнаны изъ Франціи. Сандрикуръ отъ стыда лишилъ себя жизни. Поставщики, обманувшіе казну и оставившіе войско безъ продовольствія, были повѣшены. Французы могли утѣшаться только тѣмъ, что Луи д'Арсъ и Баяръ храбро защищали небольшую крѣпость Венозу. Людовихъ XII опасался, что составится новая

итальянская лига и отниметъ у него герцогство миланское; потому заключилъ съ Изабеллой и Фердинандомъ договоръ, по которому отказался отъ притязаній на королевство неаполитанское. Этотъ трактатъ былъ подписанъ въ Ліонѣ 31 марта 1504.

Правленіе Гонсальво Кордовскаго въ Неаполѣ.

Гонсальво Кордовскій съ малочисленнымъ войскомъ отнялъ у французовъ прекрасное королевство неаполитанское, побѣдилъ многочисленное войско народа, уже и тогда славившагося храбростью. Испанцы превозносили подвиги своего полководца; Фердинандъ наградилъ его высокими почестями и назначилъ его вице-королемъ неаполитанскимъ. Онъ выказалъ себя благоразумнымъ правителемъ.—Своими побѣдами онъ былъ отчасти обязанъ ошибкамъ французовъ, слишкомъ самоувѣренно начавшихъ войну и упавшихъ духомъ отъ неудачъ; но безспорно онъ былъ геніальный полководецъ. Онъ сформировалъ ту пѣхоту, которая стала считаться непобѣдимой; собственно онъ былъ создателемъ военнаго могущества Испаніи. Онъ улучшилъ технику осадныхъ работъ, и въ частности веденія минъ. Умѣя соединять строгость со снисходительностью и справедливостью, онъ пріучилъ испанское войско къ соблюденію дисциплины.—Гонсальво онъ поручилъ почти неограниченную власть въ своемъ вице-королевствѣ; тотъ пользовался ею очень умно. Это было новой заслугой его. Но подозрительный Фердинандъ сталъ опасаться его и, по смерти Изабеллы, примѣнилъ къ нему ту коварную политику, которой вообще слѣдовали испанское и португальское правительства относительно вице-королей. Въ ноябрѣ 1506 Фердинандъ поѣхалъ въ Неаполь, принялъ присягу вельможъ и городскихъ депутатовъ на вѣрность ему и его потомству, далъ амнистію прежнимъ противникамъ испанской власти, осыпалъ вице-короля любезностями; но, уѣзжая въ Испанію, взялъ его съ собой. Испанцы выказывали очень большое уваженіе къ завоевателю неаполитанскаго королевства; это увеличило зависть и недовѣріе короля. Онъ сталъ обращаться съ Гонсальво холодно. Гонсальво удалился въ Лоху (въ гранадской области) и жилъ тамъ забытый королемъ и дворомъ. Черезъ девять лѣтъ онъ умеръ (2 декабря 1515).

По одному изъ условій договора съ Людовикомъ Фердинандъ возвратилъ конфискованныя имѣнья приверженцамъ короля франпузскаго; это возбудило неудовольствіе тѣхъ вельможъ, которымъ были розданы ихъ владѣнія и которые теперь должны были разстаться съ добычей. Но мало по малу ропотъ замолкъ подъ давленіемъ испанскаго ига.—Уѣзжая изъ Неаполя, Фердинандъ назначилъ вице-королемъ своего племянника, графа Ривагорсу, и далъ Просперо Колоннѣ санъ великаго коннетабля неаполитанскаго. Страна была изнурена войной, жаждала отдыха; потому спокойно подчинилась порядку дѣлъ, введенному Фердинандомъ. Юлій II медлилъ дать Фердинанду инвеституру на владѣніе королевствомъ неаполитанскимъ, но въ 1511 году,

увидѣвъ надобность вступить въ союзъ съ нимъ, не только далъ ему инвеституру, но и освободилъ его отъ исполненія договора, заключеннаго съ королемъ французскимъ.

---

2. Испанія по смерти Фердинанда.

а) общее правленіе Изабеллы и Фердинанда.

Королевское семейство.

Въ то время какъ испанское государство пріобрѣтало новое могущество покореніемъ королевства неаполитанскаго, Изабелла страдала неизлѣчимой болѣзнью, быстро приближавшей ее къ смерти. Своимъ могуществомъ испанская монархія была обязана собственно ей. Изабелла соединила Кастилію съ Арагоніей, выбравъ мужемъ своимъ наслѣдника арагонской короны; она дала Колумбу средства пріобрѣсти для Испаніи Новый Свѣтъ. Войну съ Франціей велъ собственно Фердинандъ, какъ король арагонскій; но силу одолѣть французовъ дала ему жена, королева кастильская; она внушила кастильскимъ вельможамъ то рыцарское одушевленіе, которое выигрывало побѣды; собственно она создала испанскій національный патріотизмъ; она сформировала народное войско, которое сдѣлалось непобѣдимымъ. Превознося ея правительственные таланты, испанскіе историки еще больше прославляютъ ея благочестіе, справедливость и семейныя добродѣтели. Но какъ мать, она была несчастна. Она имѣла сына и четырехъ дочерей, дала своимъ дѣтямъ хорошее образованіе. Старшая дочь ея, имѣвшая одинаковое съ матерью имя, была выдана за Альфонса, наслѣдника португальской короны, но овдовѣла вскорѣ послѣ свадьбы. (Впослѣдствіи она вышла за короля Эммануэля, страстно полюбившаго ее). Сынъ Фердинанда и Изабеллы Іоаннъ, принцъ астурійскій, былъ обрученъ съ дочерью Максимиліана, Маргаретой, а вторая дочь Изабеллы, Іоанна, была обручена съ сыномъ Максимиліана, Филиппомъ Бургонскимъ. Большая эскадра повезла въ августѣ 1496 года инфанту Іоанну съ ея приданымъ во Фландрію; плаваніе было бурное. Свадьба была отпразднована великовѣпно. Весною испанская эскадра повезла изъ Фландріи въ Астурію невѣсту наслѣдника испанскаго государства. И на этотъ разъ плаваніе было бурное. Черезъ полгода послѣ великолѣпнаго праздника свадьбы принцъ астурійскій, 20 лѣтній юноша, умеръ (4 октября 1497). Его сестра Іоанна подверглась нервному

разстройству; оно усиливалось съ годами, не достигло до сумасшествія, но послужило предлогомъ поступить съ нею, какъ съ помѣшанной. Младшая дочь Изабеллы Каталина, выданная за Артюра, наслѣдника англійскаго престола, скоро овдовѣла; вышедши потомъ за его брата, Генриха, она имѣла несчастную судьбу. Маргарета тосковала при церемонномъ и суровомъ кастильскомъ дворѣ и, родивъ мертваго ребенка, возвратилась во Фландрію. Въ слѣдующемъ году, когда кастильскіе и арагонскіе кортесы разсматривали вопросъ о престолонаслѣдіи, королева португальская, которой должны были достаться короны государствъ матери и отца, умерла, родивъ сына. Малютка скоро умеръ; португальцы избавились отъ опасенія, что, соединившись въ одно государство съ Испаніей, ихъ отечество утратитъ самостоятельность. Наслѣдницей кастильскаго и арагонскаго королевствъ, по смерти старшей сестры, стала Іоанна, супруга Филиппа Австрійскаго. Она и Филиппъ пріѣхали въ Испанію. Но въ кастильскихъ кортесахъ слышались голоса, говорившіе, что женщины не могутъ наслѣдовать престола.

Смерть кардинала Мендосы.

Довѣреннѣйшимъ совѣтникомъ Изабеллы былъ кардиналъ и архіепископъ толедскій, Педро Гонсалесъ Мендоса. Онъ умеръ послѣ долгой мучительной болѣзни 11 января 1495. Изабелла была глубоко опечалена его смертью. Онъ и его родственники оказали ей очень большія услуги по дѣлу о наслѣдованіи престола ею. Она такъ уважала его, что придворные въ шутку называли его третьимъ государемъ Испаніи. Голосъ его рѣшалъ дѣла въ королевскомъ совѣтѣ. Подъ его вліяніемъ были приняты жестокія мѣры противъ мавровъ и евреевъ. Но въ дѣлахъ, въ которыхъ не были замѣшаны религіозные и монархическіе интересы, онъ выказывалъ себя человѣкомъ образованнымъ и незлымъ; онъ покровительствовалъ ученымъ, основалъ много благотворительныхъ учрежденій. Говорятъ, что по его рекомендаціи былъ назначенъ Изабеллой на его мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ человѣкъ еще болѣе даровитый, чѣмъ онъ, духовникъ ея Хименесъ Сиснеросъ. Потомокъ старинной, но обѣднѣвшей кастильской фамиліи, Хименесъ учился въ Саламанкѣ и въ Римѣ, пріобрѣлъ обширныя знанія, поступилъ въ священники, потомъ, желая имѣть болѣе досуга для богословскихъ занятій, оставилъ приходскую должность и постригся въ монахи той конгрегаціи францисканскаго ордена, которая сохраняла первоначальный суровый уставъ и называлась конгрегаціей строгаго соблюденія. Хименесъ жилъ въ толедскомъ монастырѣ San Juan de los Reyes, потомъ удалился въ монастырь Богоматери, находившійся въ пустынной горной мѣстности. Тамъ онъ своими руками построилъ себѣ отшельническую келью, проводилъ дни и ночи въ молитвѣ, прославился аскетизмомъ. Изабелла вызвала его ко двору, назначила своимъ духовникомъ; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ ея. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ назначенъ про-

Хименесъ 1436—1517.

винціаломъ (начальникомъ) кастильскаго отдѣла францисканскаго ордена и принудилъ монаховъ его вести аскетическую жизнь, отъ которой уклонилось большинство ихъ. Они возненавидѣли его, но не могли повредить ему своими жалобами. Фердинандъ не любилъ его, какъ честолюбца, имѣющаго слишкомъ сильное вліяніе на Изабеллу, но и мужъ не могъ поколебать ея довѣрія къ нему. По смерти Мендосы, она, не слушая возраженій Фердинанда, назначила его архіепископомъ толедскимъ и великимъ канцлеромъ кастильскимъ; онъ полгода отказывался принять эти должности, говорилъ, что неспособенъ и недостоинъ занимать ихъ. По желанію Изабеллы папа прислалъ ему приказаніе повиноваться волѣ королевы. Только тогда онъ уступилъ ея требованію. Ему было въ это время 60 лѣтъ; но онъ былъ еще очень бодръ и сохранялъ энергію до конца жизни. Онъ велъ дѣла чрезвычайно ловко и успѣшно и, сдѣлавшись по смерти Изабеллы правителемъ Кастиліи, оставался аскетомъ. За роскошнымъ столомъ онъ не касался почти ни одного кушанья; подъ богатымъ облаченіемъ носилъ францисканскую одежду изъ грубой ткани и чинилъ ее своими руками. Личныхъ интересовъ у него не было; онъ обращалъ всю свою энергію на служеніе монархическому принципу. Потому Изабелла была непоколебима въ своемъ довѣріи къ нему.

Преобразованіе монастырей.

Получивъ санъ архіепископа толедскаго, Хименесъ сталъ принуждать монаховъ всѣхъ орденовъ къ строгому соблюденію ихъ уставовъ; они жаловались своимъ римскимъ генераламъ; Хименесъ и королева отвергли всѣ хлопоты генераловъ за нихъ. Множество монаховъ покинуло Кастилію, удалилось изъ Испаніи; нѣкоторые уплыли даже въ Африку. Хименесъ не смягчилъ своихъ требованій. Папа совѣтовалъ ему быть снисходительнѣе; онъ, имѣя своей покровительницей королеву, не слушался папы и довелъ дѣло до конца, заставилъ монаховъ жить въ бѣдности, соблюдать уставы, молиться.

Гоненіе на мавровъ.

Мы говорили о безжалостныхъ мѣрахъ, принятыхъ Изабеллой противъ евреевъ, объ ужасахъ преслѣдованія, которому подвергла этихъ несчастныхъ инквизиція. При Хименесѣ такія мѣры были приняты противъ мавровъ. Прошло семь лѣтъ послѣ покоренія Гранады; мавры привыкали жить подъ испанской властью. Сановники, которымъ Изабелла поручила управленіе гранадской областью, верховный судья и главнокомандующій войсками, Мендоса графъ Тендилья и архіепископъ гранадскій Гернандо Талавера, были люди добрые, поступали снисходительно, пріобрѣли расположеніе мавровъ, уважали права, предоставленныя имъ договорами, не мѣшали мусульманскому богослуженію. Правда, архіепископъ заботился обращать мавровъ въ христіанство, но ограничивался убѣжденіями, не прибѣгалъ къ насилію. Онъ велѣлъ перевести на арабскій языкъ краткое изложеніе христіанскаго ученія, велѣлъ священникамъ учиться по-арабски, чтобъ объяснять народу христіанскую вѣру и богослуженіе.

Но фанатикамъ казалось мало этихъ мѣръ назиданія, не убѣждавшихъ почти никого изъ мусульманъ креститься; они считали осквернѣніемъ святой испанской земли то, что на ней совершается мусульманское богослуженіе, требовали насильственнаго крещенія мавровъ, изгнанія тѣхъ, которые окажутся слишкомъ упорными; они говорили, что христіане не обязаны соблюдать договоры противные славѣ Христовой и мѣшающіе доставить спасеніе душѣ побѣжденныхъ. Великій канцлеръ раздѣлялъ это мнѣніе; онъ считалъ единство религіи необходимостью для упроченія политическаго единства; королева въ послѣдніе годы жизни стала фанатичнѣе прежняго и склонилась на сторону требовавшихъ насилія. Осенью 1499 года дворъ поѣхалъ въ Гранаду. Хименесъ видѣлъ, что масса населенія сохраняетъ мусульманскую вѣру, что проповѣдь христіанства не имѣетъ успѣха, и рѣшился дѣйствовать принужденіемъ. Архіепископъ гранадскій подчинился волѣ великаго канцлера, согласился на все; королева, уѣзжая изъ Гранады, ограничилась выраженіемъ желанія, чтобы Хименесъ имѣлъ нѣкоторое сострадание къ маврамъ; это ничего не значило; онъ сохранилъ данную ему власть поступать съ ними по своему усмотрѣнію.

Хименесъ созвалъ нѣсколькихъ мусульманскихъ богослововъ, доказывалъ имъ ошибочность мусульманской вѣры, но къ своимъ богословскимъ разсужденіямъ прибавлялъ подарки и обѣщанія наградъ. Испанскіе историки говорятъ, что его ученые доводы въ пользу христіанства имѣли прекраснѣйшій успѣхъ, что немедленно явилось множество мусульманъ, убѣдившихся въ истинѣ христіанской вѣры; число желающихъ креститься было такъ велико, что надобно было сократить обрядъ крещенія; между прочимъ возліяніе воды на голову крещаемаго было замѣнено окропленіемъ посредствомъ иссопа (того кропила, которое употреблялось при молебнахъ). Мусульмане, твердые въ своей вѣрѣ, говорили, что Хименесъ нарушаетъ договоръ, убѣждали своихъ единовѣрцевъ не поддаваться обѣщаніямъ мірскихъ выгодъ за измѣну своей религіи. Хименесъ велѣлъ бросить въ темницу одного изъ этихъ ревнителей мусульманства, Зегри, и мучить его голодомъ, пока онъ согласился креститься. Испанскій историкъ Феррерасъ выражается объ этомъ слѣдующими словами: „Такимъ образомъ Провидѣніе употребило мракъ темницы средствомъ для пролитія свѣта истинной вѣры на омраченный умъ невѣрующаго“. Тюремщикомъ, мучившимъ Зегри, былъ Леонъ (левъ); Зегри сказалъ Хименесу: „Вамъ надобно только выпустить этого льва на народъ, и не останется ни одного мусульманина въ стѣнахъ Гранады“.

Хименесъ велѣлъ отбирать и жечь экземпляры Корана, жегъ и всякія другія арабскія книги, велѣлъ сберечь только медицинскія, которыхъ набралось до 300; онъ отдалъ ихъ алькальскому университету. Такимъ образомъ въ то время, когда въ Римѣ и во Флоренціи покупали рукописи на вѣсъ золота, Хименесъ поступалъ, какъ, по баснословному преданію, поступилъ Омаръ съ александрійской библіотекой. Произведенія арабской науки въ Испаніи погибли. Гранадскіе мусульмане тайкомъ высылали рукописи въ Африку; но тамъ просвѣщеніе было уже въ упадкѣ, и эти рукописи или затерялись, или остались недоступны ученымъ.

Возстаніе мавровъ 1499.

Мусульманское населеніе волновалось. Однажды три служителя Хименеса пошли въ отдаленную часть Гранады, гдѣ жили только мавры. Озлобленный народъ убилъ двухъ изъ нихъ; третій едва убѣжалъ. Мавры подступили къ дворцу Хименеса, грозили убить его, какъ виновника нарушенія договора. Они не могли ворваться во дворецъ, но продолжали держать его въ осадѣ. Мендоса и Талавера пошли въ раздраженную толпу, успокоили ее примирительными обѣ-

щаніями. Первый слухъ объ этомъ волненіи, дошедшій до двора, преувеличивалъ размѣръ его и говорилъ, что Хименесъ убитъ. Фердинандъ, не любившій Хименеса, горько упрекалъ Изабеллу въ томъ, что она дала свободу дѣйствій фанатику. Но Хименесъ пріѣхалъ въ Севилью, Изабелла приняла его оправданіе и обѣщала, что будетъ поддерживать его дѣло военной силой.

Въ Гранадѣ начались аресты; чтобъ избѣгнуть наказанія, тысячи людей крестились; другіе продавали свое имущество и уѣзжали въ Африку. Новообращенные мавры, которыхъ называли морисками, оставались въ душѣ мусульманами; но фанатики утѣшали себя тѣмъ, что потомки этихъ людей станутъ искренними христіанами. Инквизиція слѣдила за тѣмъ, чтобы мориски исполняли христіанскіе обряды. Большинство испанцевъ хвалили Хименеса. Даже добродушный Талавера говорилъ: «Хименесъ одержалъ побѣду болѣе великую, чѣмъ Фердинандъ и Изабелла. Они завоевали только землю; онъ покорилъ души». Арабскіе переводы церковныхъ книгъ были отбираемы и уничтожаемы. Хименесъ говорилъ: «Дѣлать слово Божіе понятнымъ простому народу значитъ бросать жемчугъ свиньямъ; облеченное въ таинственную тьму чужого языка, оно внушаетъ больше благоговѣнія».

Но крещеніемъ жителей Гранады дѣло было не кончено. Въ Альпухаррскихъ горахъ на юго-востокѣ отъ Гранады жило воинственное мусульманское населеніе. Оно было раздражено насильственнымъ подавленіемъ мусульманства въ столицѣ гранадскаго царства, знало, что скоро начнется то же самое и въ Альпухавскихъ долинахъ. Оно рѣшилось защищать свою вѣру оружіемъ, но только ускорило этимъ свою погибель. Гонсальво Кордовскій, находившійся тогда въ Гранадѣ, повелъ свою конницу на Гуэхаръ, гдѣ началось возстаніе, взялъ городъ, истребилъ часть его жителей, остальныхъ отвелъ въ рабство. Точно такъ-же поступилъ самъ король съ Ланхарономъ. Графъ Леринъ взорвалъ на воздухъ нѣсколько мечетей, въ которыхъ заперлись женщины съ дѣтьми. Альпухаррскіе мусульмане упали духомъ, сдали другія свои укрѣпленія, отдали оружіе, заплатили наложенную на нихъ контрибуцію и крестились или уплыли въ Африку. Все это было конечно въ 1500 году. Въ Басѣ, Гуадисѣ, Альмеріи не осталось некрещенныхъ мавровъ; инквизиція внушала крестившимся усердіе къ новой вѣрѣ.

Но мусульманское невѣріе, какъ называли испанцы, еще не было вполнѣ искоренено. Въ западной, горной части гранадскаго царства, прилегающей къ Рондѣ, жило храброе мусульманское населеніе; постоянныя сношенія съ Африкой поддерживали въ немъ прежнее усердіе къ вѣрѣ. Разсказы о томъ, что произошло въ Гранадѣ и Альпухаррскихъ горахъ, раздражили этихъ мусульманъ. Испанцы говорили, что они уже давно убивали миссіонеровъ, захватывали христіанъ въ плѣнъ и продавали въ Африку. Теперь было рѣшено заставить ихъ

креститься. Правительство собирало войско, приглашало рыцарей всей Испаніи участвовать въ этомъ походѣ. Искусный дипломатъ Петръ Мартиръ былъ отправленъ въ Египетъ убѣдить мамлюкскаго султана не посылать помощи непокорнымъ подданнымъ. По его отчету объ этомъ посольствѣ мы видимъ, что оно было не безуспѣшно. Весною 1501 собралось въ Рондѣ большое войско; имъ начальствовали Алоисо Агиларъ, старшій братъ Гонсальво Кордовскаго, графы Уренья и Сифуэнтесъ. Оно пошло въ горы Сіэрра Вермеихи, бывшей центромъ возстанія, но встрѣтило храброе сопротивленіе. На рѣчкѣ Ріо Верде произошло упорное сраженіе. Сынъ графа Агилара, оглушенный ударомъ камня, упалъ подлѣ отца и получилъ тяжелую рану копьемъ. Авангардъ, которымъ начальствовалъ графъ Агиларъ, оттѣснилъ врага въ ущелья Сіэрра Вермеихи; испанцы разошлись грабить населеніе рондской равнины. Мавры снова собрались въ горахъ, бросились на испанцевъ, истребили множество ихъ; бой продолжался ночью; безпорядочно отступавшіе испанцы падали съ обрывовъ скалъ. Прислонясь къ скалѣ, графъ Агиларъ геройски оборонялся; съ нимъ вступилъ въ бой знатный мавръ исполинской силы и закололъ его кинжаломъ. Графъ Уренья вывелъ изъ горъ лишь небольшой остатокъ войска. Испанскіе историки подробно разсказываютъ объ этомъ пораженіи. О немъ было сложено много пѣсенъ, оплакивавшихъ погибель войска, прославлявшихъ графа Агилара и другихъ героевъ.

Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда испанское войско снова пошло въ Ронду, многіе воины узнавали тѣ мѣста, о которыхъ пѣлись пѣсни въ ихъ молодости; по ущельямъ и равнинѣ еще лежали кости и сломанное оружіе.

Но побѣда на Ріо Верде не спасла мавровъ. Въ апрѣлѣ 1501 самъ Фердинандъ съ новымъ войскомъ пошелъ противъ инсургентовъ; они покорились. Имъ былъ оставленъ только одинъ выборъ: креститься или покинуть Испанію. За перевозъ въ Африку правительство брало десять дублоновъ; зажиточные люди, которые могли заплатись эту сумму, были посажены на корабли въ Эстепонѣ и отплыли къ своимъ единовѣрцамъ. Огромное большинство осталось и крестилось, «потому что они не могли заплатить за перевозъ», какъ говоритъ современная хроника. Въ слѣдующемъ году 12 февраля было издано повелѣніе, что всѣ мусульмане, жившіе небольшими группами по Андалузіи и Кастиліи, должны удалиться изъ Испаніи, если не хотятъ креститься; за ослушаніе они подвергались смертной казни. Вѣроятно, большинство крестилось. Такимъ образомъ испанцы могли хвалиться, что въ ихъ землѣ не осталось невѣрныхъ: Испанскіе историки того времени прославляютъ это торжество хри-

стіанства. Мориски жили подъ непрерывнымъ страхомъ преслѣдованія и очень многіе подвергались ему. Временами они въ отчаяніи брались за оружіе; это служило предлогомъ для новыхъ притѣсненій; монахи отнимали дѣтей у родителей, чтобы сдѣлать ихъ усердными христіанами. Преслѣдованіе морисковъ считалось дѣломъ выгоднымъ для правительства, продававшаго ихъ въ рабство и конфисковавшаго ихъ имущества.

Пріѣздъ Іоанны и Филиппа въ Испанію.

Черезъ нѣсколько времени послѣ крещенія мавровъ, пріѣхали въ Испанію Іоанна и ея мужъ, эрцгерцогъ Филиппъ. Въ 1502 году кастильскіе кортесы, созванные въ Толедо, и арагонскіе, созванные въ Сарагоссѣ, признали Іоанну наслѣдницей престола. (Въ Арагоніи это было нарушеніемъ прежняго закона, устранявшаго женщинъ отъ престолонаслѣдія). Филиппу не нравилась строгость этикета при испанскомъ дворѣ; онъ скоро уѣхалъ веселиться во Францію, потомъ въ Нидерланды; тамъ ему свободнѣе было волочиться. Онъ пренебрегалъ любовью жены, имѣвшей страстную привязанность къ нему, и она мучилась ревностью. Его слишкомъ скорый отъѣздъ раздосадовалъ Изабеллу и Фердинанда; ихъ неудовольствіе увеличилось, когда онъ 5 апрѣля 1503 заключилъ съ Людовикомъ XII ліонскій договоръ, невыгодный для Испаніи (стр. 541). Фердинандъ отказалъ въ утвержденіи этому трактату; Филиппъ обидѣлся; онъ сердился тѣмъ сильнѣе, что трактатъ былъ выгоденъ для него. Съ досадой на тестя онъ возвратился во Фландрію. Его жена, остававшаяся въ Испаніи, родила второго сына, Фердинанда (10 марта 1503). По выздоровленіи она хотѣла ѣхать къ мужу во Фландрію; отецъ и мать отклонили ее отъ поѣздки, представлявшей большую опасность, потому что въ это время возобновилась война съ Франціей; Іоанна оставалась непоколебима въ своемъ намѣреніи; ее задержали силой; она была очень взволнована, дамы ея свиты опасались, что она потеряетъ разсудокъ.

Смерть Изабеллы 1504.

Эти непріятности разстроили здоровье Изабеллы, уже давно ослабѣвавшее. Іоанна получила свободу ѣхать къ мужу. Но по пріѣздѣ ея во Фландрію, Изабелла стала получать извѣстія о ссорахъ ея съ Филиппомъ, влюбившимся въ одну изъ дамъ ея двора; несчастіе дочери усилило болѣзнь Изабеллы. Она имѣла твердую волю и продолжала принимать доклады обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, давала аудіэнціи иностраннымъ посламъ, бесѣдовала съ людьми, которыхъ уважала. Народъ молился о выздоровленіи королевы. Смерть ея приближалась; она дѣлала распоряженія о веденіи государственныхъ дѣлъ по ея смерти; велѣла составлять новое уложеніе (черезъ годъ по ея смерти оно было составлено); она занималась заботами объ улучшеніи судьбы туземцевъ Новаго Свѣта, отмѣнила или уменьшила обременительные налоги. Она поручила мужу, котораго нѣжно любила, управленіе Кастиліей въ отсутствіи Іоанны, сдѣлала распоряженіе о своихъ похоронахъ, выразила желаніе, чтобъ ея тѣло было безъ всякихъ пышныхъ процессій перевезено въ Гранаду и погребено во францисканской церкви Альгамбры, чтобы надгробный памятникъ ея былъ самый простой. Она скончалась 26 ноября 1504 на 54 году жизни и 30 году царствованія. «Моя рука падаетъ въ безсиліе отъ печали», писалъ архіепископу гранадскому Петръ Мартиръ, присутствовавшій при смерти Изабеллы: «Миръ потерялъ прекраснѣйшее свое украшеніе; эту утрату будетъ оплакивать не одна Испанія, которую королева такъ долго вела путемъ славы, но и каждый христіанскій народъ, потому что она была зерцаломъ всѣхъ добродѣтелей, щитомъ невинныхъ, мечомъ мщенія злодѣямъ. Я не знаю женщины ни древнихъ, ни новыхъ временъ, которая казалась бы мнѣ достойна сравненія съ нею». Тѣло Изабеллы было перевезено въ Гранаду и, какъ она желала, погребено въ церкви альгамбрскаго монастыря. По смерти Фердинанда оно было перенесено въ гранадскій соборный храмъ и положено рядомъ съ тѣломъ Фердинанда.

Характеръ Изабеллы.

Изабелла безспорно была одною изъ замѣчательнѣйшихъ государынь. Воспитанная при безнравственномъ дворѣ брата, она сохранила себя чистой отъ порока, устояла противъ всѣхъ соблазновъ лести и волокитства. Она держала себя такъ скромно, что враги не могли найдти въ ея жизни никакого повода къ злорѣчію. Сдѣлавшись королевой, она не терпѣла непристойности ни при дворѣ, ни даже въ лагерѣ. При этомъ она была такъ привѣтлива, что почтеніе къ ней соединялось съ любовью. Въ противоположность своему коварному мужу, она уважала честность, желала быть прямодушной. Она умѣла цѣнить таланты, какъ мы видимъ по ея отношенію къ Колумбу, Гонсальво Кордовскому, Хименесу. По ея смерти, Колумбъ и Гонсальво Кордовскій лишились всѣхъ наградъ за свои заслуги. Изабелла была очень благочестива, усердно исполняла всѣ религіозныя обязанности, построила много церквей, дѣлала большія пожертвованія имъ. Но ея благочестіе доходило до фанатизма. Она ввела инквизицію, преслѣдовала мавровъ. За исключеніемъ этого великаго вреда, сдѣланнаго ей государству, она была хорошей правительницей Кастиліи, самостоятельность которой охраняла отъ мужа. Она очень хорошо умѣла выбирать людей на государственныя должности и защищала заслуживавшихъ ея довѣрге отъ всякихъ интригъ. Она была очень дѣятельна и въ частной и въ политической своей жизни. Мы уже говорили, что она сама шила одежду мужу; но она сама вникала и во всѣ государственныя дѣла. Она покровительствовала искусству и наукѣ, помогла введенію книгопечатанія въ Испаніи. Недостаточность образованія, даннаго ей, она пополняла усердными занятіями, часто читала книги даже по ночамъ. Она не боялась ни трудовъ, ни лишеній; въ походахъ ѣздила верхомъ при самой дур-

ной погодѣ. Сила воли ея была такъ велика, что страданія родовъ она переносила безъ стона. Покореніе Гранады было собственно ея дѣло. Ея довѣрію къ Колумбу человѣчество обязано открытіемъ Новаго Свѣта. Она была любящая жена и мать, была неизмѣнна въ своей дружбѣ. По своей нравственной чистотѣ она стоитъ гораздо выше Елизаветы Англійской.

b) послѣдніе годы правленія фердинанда и правленіе хименеса.

Регентство въ Кастиліи.

Смертью Изабеллы было подвергнуто опасности соединеніе Кастиліи и Арагоніи въ одну монархію и основанное на немъ могущество Испаніи. По кастильскому закону престолъ принадлежалъ Іоаннѣ. Кортесы признали ее наслѣдницей короны. По смерти Изабеллы Фердинандъ вновь созвалъ ихъ, и они присягнули на вѣрность Іоаннѣ и мужу ея Филиппу, но Фердинандъ позаботился и о томъ, чтобы признана была данная ему завѣщаніемъ Изабеллы власть регента Кастиліи; кортесы присягнули ему, какъ намѣстнику Іоанны. Такимъ образомъ Іоанна получила только титулъ королевы; мать не могла передать ей королевскую власть, потому что считала ее неспособной къ управленію по умственному разстройству; быть можетъ, оно не было въ тѣ годы такъ велико, какъ говорятъ испанскіе историки; но уже доводило ее до такихъ странностей, что нуженъ былъ надзоръ за ней. Отдать ей власть значило бы сдѣлать правителемъ государства ея мужа, а онъ былъ во враждѣ съ Фердинандомъ, и соединеніе Кастиліи съ Арагоніей рушилось бы. Потому Изабелла считала необходимымъ передать управленіе Кастиліей Фердинанду; но при этомъ охранила законный порядокъ престолонаслѣдія въ Кастиліи: по ея завѣщанію Фердинанду предоставлялось управленіе Кастиліей только до того времени, когда возможно будетъ принять на себя управленіе Іоаннѣ или ея сыну Карлу. Принимая власть, Фердинандъ обязанъ былъ присягнуть, что будетъ соблюдать законы Кастиліи. Онъ далъ эту присягу.

Оппозиція.

Но не всѣ кастильянцы были довольны распоряженіемъ Изабеллы о переходѣ власти къ Фердинанду. Вельможи не хотѣли, чтобъ ими управлялъ арагонецъ; нѣкоторые изъ нихъ надѣялись, что при слабомъ управленіи Іоанны и Филиппа, живущихъ во Фландріи, можно будетъ возстановить прежнюю свою независимость, возвратить себѣ конфискованныя имѣнія; Фердинандъ былъ непріятенъ и личными своими качествами: скупостью, мелочностью, коварствомъ. Такимъ образомъ образовалась партія, желавшая передать власть эрцгерцогу Филиппу или его женѣ. Вождями этихъ кастильскихъ патріотовъ были маркизъ Вильена, фамилія котораго въ прежнія времена боролась противъ усиленія королевской власти, и герцогъ Нахара, у котораго было отнято много имѣній. Ихъ агентомъ былъ Хуанъ Мануэль, испанскій посланникъ при дворѣ Максимиліана, ловкій дипломатъ. По внушенію его, Филиппъ написалъ тестю письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы Фердинандъ передалъ ему управленіе Кастиліей и удалился въ Арагонію; Филиппъ говорилъ, что подъ его власть должно перейдти и королевство неаполитанское, потому что оно завоевано кастильскими войсками. Фердинандъ полагалъ, что къ числу его противниковъ принадлежитъ и Гонсальво Кордовскій. Положеніе короля арагонскаго было затруднительно: Филиппъ былъ друженъ съ Людовикомъ XII; король французскій сердился на то, что Фердинандъ отнялъ у него половину неаполитанскаго королевства, которую обѣщался оставить за нимъ. Фердинандъ опасался, что Филиппъ и Людовикъ вступятъ въ союзъ для войны съ нимъ. Онъ слышалъ, что во Фландріи собирается флотъ, назначенный везти войско въ Испанію, что Людовикъ готовится къ войнѣ. Филиппъ держалъ подъ строгимъ надзоромъ Іоанну, возражавшую противъ войны съ ея отцомъ, отдалъ подъ стражу ея совѣтника Кончильіоса, арагонскаго вельможу. Фердинандъ готовился къ оборонѣ, но боялся войны, желалъ отвратить ее переговорами. Онъ зналъ, что масса населенія Кастиліи предпочитаетъ владычеству вельможъ монархическій порядокъ, избавившій государство отъ междоусобій. Онъ старался пріобрѣсти расположеніе кастильскаго народа, выказывалъ себя кроткимъ, заботливымъ о благѣ населенія. Была даже молва, что онъ думаетъ жениться на прежней соперницѣ Изабеллы, Іоаннѣ, жившей въ португальскомъ монастырѣ. Этотъ слухъ, вѣроятно, ошибочный, показываетъ, что въ Кастиліи считали Фердинанда рѣшившимся на войну съ Филиппомъ.

Женитьба Фердинанда Жерменѣ Фуасской.

Но скоро Фердинандъ оробѣлъ отъ мысли о союзѣ Людовика съ Филиппомъ и рѣшился на поступокъ, которымъ оскорбилъ кастильскій народъ. Чтобъ отвлечь короля французскаго отъ союза съ Филиппомъ, онъ сталъ сватать дочь сестры короля французскаго Жермену, принцессу фуасскую, и предложилъ Людовику сдѣлку относительно Неаполя. Людовикъ принялъ выгодныя для него условія союза, предложенныя Фердинандомъ, и отъ 12 октября 1505 былъ подписанъ въ Блуа договоръ между Людовикомъ и Фердинандомъ. Людовикъ передалъ племянницѣ свои права на королевство неаполитанское съ тѣмъ, что если бракъ ея и Фердинанда останется бездѣтнымъ, то король французскій снова вступаетъ въ права, какія имѣлъ по трактату о раздѣлѣ королевства неаполитанскаго; Фердинандъ обязался выплатить въ продолженіи 10 лѣтъ 700.000 дукатовъ вознагражденія королю французскому, дать амнистію его неаполитанскимъ приверженцамъ, возвратить имъ титулы и конфискованныя имѣнья. Въ трактатѣ говорилось, что Испанія и Франція будутъ составлять какъ бы двѣ души въ одномъ тѣлѣ. Черезъ нѣсколько

мѣсяцевъ послѣ того Фердинандъ женился (18 марта 1506) на красавицѣ Жерменѣ Фуасской. Ей было 18 лѣтъ; ему 54 года.

Раздраженіе кастильянцевъ противъ Фердинанда.

Этотъ бракъ отнялъ у Фердинанда всякую возможность сохранить власть надъ Кастиліей. Арагонія еще не признала Іоанну наслѣдницей престола; потому соединеніе Кастиліи съ Арагоніей должно было рушиться, если у Фердинанда родится сынъ отъ второго брака. Кастильскій народъ быть оскорбленъ тѣмъ, что Фердинандъ измѣнилъ памяти Изабеллы. Женитьба старика на 18 лѣтней дѣвушкѣ казалась смѣшной. Поводы къ насмѣшкамъ были тѣмъ сильнѣе, что красавица Жермена привыкла при легкомысленномъ дворѣ своего дяди держать себя нескромно. Кастильскіе вельможи стали выказывать пренебреженіе къ Фердинанду; его повелѣнія не исполнялись въ Кастиліи; всѣ говорили, что скоро пріѣдутъ Іоанна и Филиппъ, что Кастилія станетъ тогда независима отъ Фердинанда.

Пріѣздъ Іоанны и Филиппа въ Кастилію 1506.

Дѣйствительно Филиппъ собирался ѣхать съ женою въ Кастилію. По заключеніи союза между Фердинандомъ и Людовикомъ онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли о войнѣ съ Фердинандомъ; но, хорошо зная настроеніе умовъ въ Кастиліи, былъ увѣренъ, что Фердинандъ и безъ войны передастъ ему управленіе этимъ королевствомъ; потому говорилъ, что не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, ѣдетъ только на дружеское родственное свиданіе. Раньше, чѣмъ Филиппъ отплылъ изъ Фландріи, Фердинандъ уже согласился признать, что управленіе Кастиліей принадлежитъ не ему одному, а Іоаннѣ, Филиппу и ему вмѣстѣ. Договоръ объ этомъ былъ подписанъ въ Саламанкѣ 24 ноября 1505. Филиппъ съ женой отплыли изъ Фландріи въ январѣ слѣдующаго года, но эскадра ихъ была отнесена бурями къ англійскому берегу и болѣе двухъ мѣсяцевъ задержана тамъ. Такимъ образомъ Филиппъ и Іоанна приплыли въ Испанію только уже въ апрѣлѣ, черезъ полтора мѣсяца послѣ женитьбы Фердинанда на Жерменѣ. При Филиппѣ находилась большая военная свита. Когда онъ вышелъ на берегъ въ Коруньѣ, къ нему собрались тысячи вооруженныхъ кастильскихъ приверженцевъ. Было ясно, что онъ хочетъ отнять у Фердинанда всякое участіе въ управленіи Кастиліей; но и онъ и Фердинандъ выказывали притворныя чувства родственной любви. Кастильскіе вельможи обращались съ Фердинандомъ презрительно. Онъ видѣлъ, что его дѣло проиграно. Свиданіе между тестемъ и зятемъ было назначено 23 іюня на границѣ Галисіи съ Леономъ. Филиппъ пришелъ туда съ многочисленной военной свитой, которую можно было назвать цѣлымъ войскомъ; конвой Фердинанда состоялъ только изъ 200 дворянъ. Онъ держалъ себя уступчиво, въ надеждѣ, что со временемъ обстоятельства перемѣнятся и управленіе Кастиліей возвратится въ его руки. Онъ замѣтилъ, что кастильскіе вельможи досадуютъ на Филиппа, предпочитающаго имъ своихъ фламандскихъ придворныхъ, потому, подписывая 27 іюня договоръ, отдавшій всю власть надъ Кастиліей Іоаннѣ и Филиппу, былъ убѣжденъ, что утрачиваетъ власть не надолго. По договору, заключенному теперь, онъ сохранялъ только санъ гросмейстера кастильскихъ рыцарскихъ орденовъ и доходы, завѣщанные ему Изабеллой. Власть Филиппа, представлялась Фердинанду тѣмъ менѣе прочной, что здоровье Іоанны находилось въ дурномъ состояніи; Филиппъ даже не дозволилъ ему видѣться съ ней; а права Филиппа основывались только на томъ, что онъ мужъ Іоанны. Фердинандъ и Филиппъ оба хитрили; трудно разобрать путаницу интригъ, формальныхъ заявленій и тайныхъ протестацій, которыми они обманывали одинъ другого; ясно только то, что оба они держали себя недобросовѣстно.

Правленіе Филиппа.

Повидавшись съ Филиппомъ еще разъ, Фердинандъ уѣхалъ въ Арагонію. Филиппъ отправился въ Вальядолидъ, гдѣ собрались кортесы; они 12 іюля присягнули на вѣрность королевѣ Іоаннѣ, эрцгерцогу Филиппу, мужу ея, и наслѣднику ея престола Карлу. О регентствѣ Фердинанда не было и рѣчи. Іоанна постоянно находилась въ меланхоліи, выказывала полную апатію ко всему происходящему. Молва говорила, что мужъ обращается съ ней дурно, что онъ хотѣлъ объявить ее сумасшедшей и держать взаперти, что только Хименесъ отклонилъ его отъ этой мысли. Филиппъ поступалъ очень самовластно; удалилъ сановниковъ, назначеиныхъ Изабеллой, отдалъ ихъ должности фламандцамъ, далъ имѣнья и титулы Мануэлю и другимъ своимъ любимцамъ. Прежняя скромность двора замѣнилась расточительной роскошью; деньги для нея Филиппъ доставалъ себѣ продажею должностей и захватомъ нѣкоторыхъ отраслей торговли въ монополію казны. Своими произвольными дѣйствіями онъ возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Въ Андалузіи уже начинались попытки сопротивленія ему. Но онъ не дожилъ до дурныхъ результатовъ, какихъ должно было ждать отъ его неблагоразумія. Онъ простудился въ Бургосѣ на праздникѣ, который далъ ему Мануэль; у него появилась лихорадка; ошибочное лѣченіе усилило ее, и 25 сентября 1506 онъ умеръ. Ему было еще только 28 лѣтъ. Онъ былъ красавецъ, имѣлъ сильный умъ, большое честолюбіе; но по слабости характера онъ поддавался внушеніямъ льстецовъ, вовлекавшихъ его въ дурные поступки. Въ религіозныхъ дѣлахъ онъ былъ чуждъ фанатизма; если бъ онъ правилъ Кастиліею дольше, то обуздалъ бы свирѣпость инквизиціи, положилъ бы границы тиранству Лусеро и Десы, завѣдовавшихъ ею.

Правленіе Хименеса.

Смерть Филиппа была неожиданная. Фердинандъ находился тогда въ Неаполѣ. Іоанна, проводившая дни и ночи у постели больного мужа, оставалась по его смерти неотступно при его гробѣ; она сидѣла молча, не плакала; печаль подавляла въ ней всѣ проявленія душевной жизни. Она отказывалась отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Когда тѣло мужа уже подверглось тлѣнію, она велѣла еще разъ открыть гробъ. Ей доставляла нѣкоторое облегче-

ніе только музыка.—Такимъ образомъ въ Кастиліи не было законной власти. Хименесъ взялъ управленіе въ свои руки и благоразумными распоряженіями разсѣялъ прежнее предубѣжденіе Фердинанда противъ него. Онъ пригласилъ нѣсколькихъ вельможъ, составилъ изъ нихъ совѣтъ регентства, сформировалъ и взялъ на свое содержаніе отрядъ войска подъ предлогомъ своей обязанности охранять королеву, но въ дѣйствительности для того, чтобъ имѣть готовыя средства къ подавленію безпорядковъ. По его предложенію совѣтъ регентства созвалъ кортесовъ собственной властью (по закону актъ о созваніи кортесовъ долженъ былъ имѣть королевскую подпись, но ея нельзя было получить отъ Іоанны). Донося Фердинанду о положеніи дѣлъ, Хименесъ убѣждалъ его какъ можно скорѣе пріѣхать въ Кастилію. Кортесы собрались въ Бургосѣ и одобрили распоряженія Хименеса. Государственныя должности были возвращены лицамъ, занимавшимъ ихъ при Изабеллѣ. Коронныя имѣнья, раздаренныя Филиппомъ, были отобраны обратно въ казну. Сеговія, которую Филиппъ отдалъ Мануэлю, была возвращена маркизѣ Мойѣ, любимой придворной дамѣ Изабеллы. Мануэль въ досадѣ обратился къ императору Максимиліану съ внушеніями, чтобъ онъ требовалъ себѣ участія въ управленіи Кастиліей, какъ опекунъ своего внука, Карла. Максимиліанъ потребовалъ личнаго свиданія съ Фердинандомъ, но онъ былъ безсиленъ, и Фердинандъ отвѣчалъ ему отказомъ.

Пріѣздъ Фердинанда въ Кастилію.

Фердинандъ не спѣшилъ ѣхать въ Кастилію. Чѣмъ труднѣе становилось положеніе дѣлъ тамъ, тѣмъ вѣрнѣе могъ онъ разсчитывать на то, что ему возвращена будетъ власть регента. Кончивъ свои распоряженія по устройству дѣлъ въ Неаполѣ, онъ въ іюлѣ 1507 поплылъ въ Савону, имѣлъ тамъ свиданіе съ своимъ союзникомъ Людовикомъ XII, провелъ съ нимъ нѣсколько дней въ пирахъ; изъ Савоны поплылъ въ Испанію и 30 сентября вышелъ на берегъ въ Валенсіи. Остановившись на нѣсколько дней въ Сарагоссѣ, онъ съ большимъ конвоемъ отправился въ Кастилію; въ Тортолесѣ встрѣтилъ его Хименесъ, взявшій туда съ собой Іоанну. Изнуренное лицо и неподвижный взглядъ дочери произвели грустное впечатлѣніе на Фердинанда. Свиданіе съ отцомъ нѣсколько оживило ее, она безъ сопротивленія повиновалась его распоряженіямъ. Онъ велѣлъ устроить ей удобное помѣщеніе въ тордесильясскомъ замкѣ. Она прожила послѣ этого 47 лѣтъ. Имя ея ставилось въ офиціальныхъ актахъ, но она не принимала никакого участія въ дѣлахъ.—Власть Фердинанда въ Кастиліи стала прочнѣе прежняго. Онъ даже не нашелъ надобнымъ, чтобы кортесы вновь признали его регентомъ. Подразумѣвалось само собою, что его отреченіе отъ власти было вынужденное и потому не дѣйствительно. Только черезъ три года на собраніи кортесовъ въ Мадридѣ была (6 октября 1510) придана законная форма его регентству. Онъ по обычной формѣ далъ присягу управлять государствомъ отъ имени своей дочери до совершеннолѣтія ея сына.—Счастье неизмѣнно благопріятствовало Фердинанду. Мануэль бѣжалъ въ Австрію и продолжалъ тамъ свои безсильныя интриги. Герцогъ Нахара послѣ непродолжительнаго сопротивленія покорился и получилъ прощеніе. Нѣкоторые изъ андалузскихъ вельможъ, пытавшіеся сопротивляться, были безъ труда побѣждены; нѣсколько человѣкъ ихъ было казнено, другіе наказаны конфискаціей имѣній. Однимъ изъ этихъ инсургентовъ былъ Педро де Кордова, маркизъ Пріэго, сынъ Алонсо Агилара, погибшаго въ походѣ на мавровъ, храбро сражавшійся тогда и получившій тяжелую рану. Дядя его Гонсальво Кордовскій и всѣ андалузскіе вельможи просили прощенія ему; онъ выражалъ глубокое раскаяніе; но Фердинандъ изгналъ его изъ государства, конфисковалъ его имѣнья и велѣлъ разрушить принадлежавшую ему крѣпость Монтилью, въ которой родился Гонсальво Кордовскій. «Донъ Педро былъ достаточно преступенъ тѣмъ, что онъ мой родственникъ», сказалъ Гонсальво.—Послѣ этого Фердинандъ уже не встрѣчалъ себѣ никакого сопротивленія въ Кастиліи. Онъ имѣлъ такое сильное войско, что возстаніе не представляло никакихъ шансовъ успѣха. Такимъ образомъ окончательно установилось соединеніе Кастиліи съ Арагоніей въ одно государство. Упроченію единства много содѣйствовало то, что Фердинандъ правилъ дѣлами осторожно, не поддавался ни желанію мстить, никакимъ другимъ неблагоразумнымъ порывамъ, неуклонно держался соображеній благоразумнаго разсчета.

Дѣятельность Хименеса. Взятіе Орана.

Фердинанда поддерживалъ въ этой благоразумной политикѣ великій канцлеръ Кастиліи Хименесъ, получившій тогда отъ папы по просьбѣ короля санъ кардинала. Онъ совершенно разсѣялъ предубѣжденія, какія имѣлъ противъ него Фердинандъ, пріобрѣлъ полное довѣріе короля и завѣдывалъ дѣлами Кастиліи почти съ неограниченнымъ полномочіемъ. Продолжая занимать должность великаго инквизитора Кастиліи, онъ преслѣдовалъ морисковъ съ безпощадной суровостью и хотѣлъ возобновить времена крестовыхъ походовъ. Онъ склонилъ короля португальскаго къ войнѣ съ невѣрными и самъ начальствовалъ войскомъ въ ней. Онъ снарядилъ на свой счетъ часть флота и войска, предназначеннаго для экспедиціи въ Африку, поплылъ весною 1509 къ Орану и взялъ этотъ богатый городъ, благодаря инженерному и стратегическому искусству своего помощника Наварро. Ворвавшись въ городъ, солдаты грабили, свирѣпствовали надъ безоружными жителями, убили 4.000 человѣкъ, вдвое больше захватили въ рабство. Добыча была громадна; 300 христіанъ, находившихся въ неволѣ, были освобождены. Хименесъ возвратился въ Кастилію, предоставивъ продолженіе войны Наварро. Этотъ искусный полководецъ въ январѣ 1510 разбилъ владѣтеля Буджіи. Алжиръ, Тунисъ, Тлемсенъ признали надъ собою верховную власть кастильскаго короля, обязались платить дань и давать войско ему. Наварро осадилъ Три-

поль и послѣ упорной обороны взялъ его 26 іюля. Но черезъ мѣсяцъ, 28 августа, подвергся пораженію большой испанскій отрядъ, находившійся на островѣ Гельвесѣ. Главной причиной этого несчастія испанцы считаютъ безразсудную отважность Гарсіи Толедо (отца знаменитаго герцога Альбы). Онъ былъ убитъ, 4.000 испанцевъ были взяты въ плѣнъ. Это остановило успѣхи испанцевъ; но почти всѣ покоренные ими города оставались довольно долго подъ ихъ властью. Кромѣ религіознаго мотива, нападеніе Хименеса на африканскихъ мусульманъ имѣло и ту цѣль, чтобы прекратить морской разбой. (По возвращеніи изъ Африки Наварро былъ назначенъ главнокомандующимъ испанскихъ войскъ въ Италіи; французы взяли его въ плѣнъ въ сраженіи подъ Равенной; онъ поступилъ на французскую службу; черезъ нѣсколько времени взяли его въ плѣнъ испанцы; онъ былъ отвезенъ въ неаполитанскую цитадель Castel Nuovo и тамъ умеръ или, какъ говорила молва, былъ убитъ).

Основаніе алькальскаго университета.

Хименеса прославляли за взятіе Орана и освобожденіе бывшихъ тамъ въ рабствѣ христіанъ. По его смерти возникла легенда, говорившая, что когда Оранъ подвергался осадѣ, онъ въ кардинальскомъ облаченіи и съ мечомъ въ рукѣ носился надъ осаждающими мусульманами и поражалъ ихъ. По возвращеніи изъ Африки онъ довелъ до конца начатое имъ за восемь лѣтъ передъ тѣмъ дѣло основанія университета въ Алькалѣ, которая для отличія отъ другихъ городовъ этого имени называется Генаресской, Alcala de Henares, по имени своей рѣки. Хименесъ построилъ тамъ десять коллегій, главная изъ которыхъ называлась Санъ-Ильдефонсской, и много другихъ зданій для надобностей университета. Кончивъ теперь приготовительныя работы, онъ занялся устройствомъ преподаванія въ новомъ университетѣ; образцомъ для Хименеса была парижская Сорбонна. Главнымъ предметомъ преподаванія было назначено богословіе; для богословскихъ наукъ Хименесъ основалъ 20 каѳедръ; для классическихъ языковъ и теоріи краснорѣчія было назначено 14 профессоровъ; были профессоры и по другимъ отрослямъ знаній; число всѣхъ каѳедръ простиралось до 42; Хименесъ пригласилъ на нихъ знаменитыхъ ученыхъ не только изъ Испаніи, но даже изъ чужихъ земель. Алькальскій университетъ пріобрѣлъ большую славу; черезъ 20 лѣтъ по его открытіи въ немъ считалось 7.000 слушателей. На четвертомъ году по открытіи онъ былъ посѣщенъ самимъ королемъ; Фердинандъ присутствовалъ на нѣсколькихъ диспутахъ, составлявшихъ по средневѣковому порядку важную принадлежность университетскаго преподаванія.

Polyglotta Complutensis.

При алькальскомъ университетѣ Хименесъ учредилъ ученый комитетъ для изданія текста священнаго писанія и важнѣйшихъ его переводовъ. Онъ собралъ наилучшія рукописи, какія можно было пріобрѣсти. Комитетъ, занимавшійся сличеніемъ ихъ, работалъ очень

внимательно, и Полиглотта, изданная въ Алькалѣ, пріобрѣла очень высокій ученый авторитетъ. По латинскому имени Алькалы Генаресской, Complutum, она имѣетъ своимъ названіемъ Polyglotta Complutensis.

Трудъ сличенія рукописей продолжался четыре года и былъ конченъ въ 1517 году. Текстъ этой редакціи былъ одобренъ папою Львомъ X, и печатаніе его было кончено въ 1522 году. Это изданіе состоитъ изъ шести фоліантовъ; первые четыре тома содержатъ въ себѣ еврейскій текстъ Ветхаго Завѣта, халдейскій переводъ его (Таргумъ), греческій переводъ семидесяти толковниковъ и латинскій переводъ, имѣющій каноническое значеніе въ католической церкви, извѣстный подъ названіемъ Vulgata; пятый томъ содержитъ греческій текстъ Новаго Завѣта; въ шестомъ томѣ помѣщены словарь и грамматика еврейскаго и халдейскаго языковъ и нѣкоторыя другія ученыя приложенія. Самъ Хименесъ написалъ предисловіе къ своему изданію.

Послѣдніе годы правленія Фердинанда.

Въ послѣдніе годы правленія, Фердинанду удалось сдѣлать очень много для возвышенія могущества Испаніи. Своими дѣйствіями въ это время онъ совершенно заслужилъ ту похвалу, съ которой говоритъ о немъ Макіавелли въ XX главѣ Principe, имѣющей заглавіе «Какъ долженъ поступать государь, желающій пріобрѣсти могущество». Фердинандъ перехитрилъ всѣхъ въ интригахъ, составляющихъ исторію камбрейской лиги, такъ что главную выгоду изъ этого ряда вѣроломствъ извлекъ онъ. Обманывая и союзниковъ и враговъ, онъ отнялъ у венеціанцевъ тѣ города апулійскаго берега, которыми овладѣли они во время неаполитанскихъ междоусобій; потомъ онъ заключилъ съ папою и королемъ англійскимъ союзъ противъ короля французскаго и подъ предлогомъ войны съ Франціей овладѣлъ той половиной королевства наваррскаго, которая находилась на югѣ Пиренейскаго хребта и составляла Наварру въ собственномъ смыслѣ слова.

Завоеваніе Наварры 1512—1515.

Наварра семь столѣтій была независимымъ королевствомъ, и многіе изъ ея государей пріобрѣтали сильное вліяніе на дѣла королевствъ кастильскаго и арагонскаго. Но теперь была эпоха поглощенія мелкихъ государствъ крупными. Изабелла и Фердинандъ надѣялись достичь присоединенія Наварры къ испанской монархіи, женивъ своего сына-наслѣдника на наслѣдницѣ королевства наваррскаго, Катаринѣ; но ея мать Магдалена, сестра Людовика XI, выдала дочь за Жана Альбрé, имѣвшаго большія владѣнія по сосѣдству съ той половиной королевства наваррскаго, которая находилась на сѣверѣ отъ Пиренеевъ. Соперничество между испанскими государями и королемъ французскимъ охраняло лѣтъ 20 послѣ того независимость королевства наваррскаго. Родственникъ Катарины, Гастонъ Фуасскій, хотѣлъ отнять у нея королевство; его смерть въ сраженіи подъ Равенной избавила Катарину и ея мужа отъ этой опасности; но вскорѣ послѣ того Фердинандъ получилъ возможность отнять у нихъ половину государства. Онъ вступилъ въ союзъ съ папой и Венеціей противъ Людовика XII. Началась война на границѣ Франціи съ Испаніей. Генрихъ VIII, король англійскій, присоединившійся къ союзу противъ Людовика XII, прислалъ

въ Гипускою эскадру съ войскомъ на помощь Фердинанду. Король испанскій хотѣлъ идти въ Гіэнь, просилъ короля наваррскаго пропустить черезъ его государство испанское войско подъ начальствомъ Фадрике Толедо, герцога Альбы (отца знаменитаго полководца), предлагалъ уступить королю и королевѣ наваррскимъ нѣсколько пограничныхъ городовъ, если они будутъ помогать ему въ войнѣ съ Франціей. Но они не довѣряли коварному Фердинанду, женившемуся на сестрѣ Гастона Фуасскаго, и хотѣли заключить союзъ съ Людовикомъ; отправивъ пословъ къ нему въ Блуа, они въ то же время отправили другое посольство, къ Фердинанду, вести съ нимъ переговоры о нейтралитетѣ. Онъ узналъ, что они обманываютъ его увѣреніями въ своемъ желаніи сохранить нейтралитетъ, что въ Блуа уже заключенъ ихъ послами союзъ съ Людовикомъ, и велѣлъ (въ іюлѣ 1512) Фадрике Толедо идти въ Наварру. Жанъ и Катарина, не принявшіе никакихъ мѣръ для обороны, уѣхали во Францію. Памплона сдалась безъ сопротивленія, получивъ обѣщаніе, что ея самоуправленіе будетъ оставлено неприкосновеннымъ. Вся Наварра послѣдовала примѣру своей столицы. Въ двѣ недѣли испанское войско овладѣло Наваррою, и эта область осталась съ той поры присоединена къ испанской монархіи. Такимъ быстрымъ успѣхомъ испанцы были обязаны характеру Жана д'Альбрé, любившаго танцовать и веселиться, а не заниматься государственными дѣлами. Онъ и его потомки сохранили титулъ королей наваррскихъ, но во владѣніи у нихъ осталась только та половина прежняго государства, которая находилась на сѣверѣ отъ Пиренеевъ. Главной частью этой половины былъ Беарнъ.— Покоривъ Наварру, герцогъ Альба перешелъ Пиренеи; разсчитывая на содѣйствіе англійскаго флота и войска, онъ надѣялся завоевать Беарнъ и Гасконь. Но англійскій главнокомандующій маркизъ Дорсетъ, по приказанію своего короля, уплылъ въ Англію. Лонгвилль и Ла Палиссъ двинулись противъ Альбы съ войскомъ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ испанское. Онъ поспѣшно отступилъ Ронсевальскимъ ущельемъ, французы пошли за нимъ и въ ноябрѣ осадили Памплону. Но Альба получилъ подкрѣпленія; французы не имѣли ни запасовъ, ни подвоза провіанта; потому черезъ нѣсколько дней сняли осаду, ушли за Пиренеи. Весною слѣдующаго года Фердинандъ заключилъ съ Людовикомъ перемиріе, по которому испанскія и французскія войска остались въ позиціяхъ, какія занимали во время войны. Оно длилось до самой смерти Людовика. Такимъ образомъ Фердинандъ получилъ досугъ упрочить свое владычество надъ Наваррой. Сеймъ этой области присягнулъ на вѣрность ему, и 15 іюня 1515 кастильскіе кортесы постановили, что Наварра присоединяется къ королевству кастильскому. Но она сохранила свои законы и полную самостоятельность по дѣламъ внутренняго управленія.

Смерть Гонсальво Кордовскаго.

Здоровье Фердинанда давно уже было разстроено. У арагонцевъ было повѣрье, что колоколъ въ селеніи Велильѣ (въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сарагоссы) самъ собою издаетъ звонъ передъ наступленіемъ важныхъ событій; теперь ходила молва, что слышался этотъ звонъ, и народъ предвидѣлъ, какое событіе предвозвѣщено имъ. Король страдалъ лихорадкой; временами силы его совершенно упадали. Душевная тревога присоединялась къ физической болѣзни. Императоръ Максиміліанъ, постоянно строившій фантастическіе планы, часто возвращался къ мысли требовать себѣ, какъ опекуну своего внука, управленія Кастиліей. Въ этомъ королевствѣ и въ Арагоніи народъ тре-

вожился опасеніемъ, что испанская монархія распадется, потому что королева Жермена родила сына. Но малютка скоро умеръ. При болѣзненномъ состояніи короля не было вѣроятности, что у него будетъ другое дитя.—Фердинанду внушалъ опасенія Гонсальво Кордовскій, которому народная любовь придавала большое могущество. Однажды разнеслась молва, что онъ назначенъ главнокомандующимъ въ Италію противъ французовъ; кастильское и андалузское дворянство стало собираться подъ знамена съ такимъ энтузіазмомъ, что Фердинандъ испугался и отбросилъ мысль о назначеніи Гонсальво главнокомандующимъ. Черезъ нѣсколько времени королю сообщили, что Гонсальво собирается ѣхать во Фландрію; Фердинандъ снова испугался, подозрѣвая въ Гонсальво умыселъ вступить въ союзъ съ Максиміліаномъ и подраставшимъ Карломъ, запретилъ ему ѣхать во Фландрію. Черезъ нѣсколько времени Гонсальво умеръ (въ Гранадѣ, 2 декабря 1515). Безъ сомнѣнія Фердинандъ былъ радъ этому, но выразилъ свое соболѣзнованіе женѣ и дочери Гонсальво, велѣлъ придворнымъ надѣть трауръ.

Смерть Фердинанда.

Но самъ онъ не прожилъ и двухъ мѣсяцевъ послѣ смерти Гонсальво. На поѣздкѣ въ Андалузію онъ въ селеніи Мадригалехо (близъ Трухильо) ослабѣлъ такъ, что не могъ ѣхать дальше; и въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ гваделупскому монастырю, умеръ 23 января 1516, едва успѣвъ продиктовать и подписать завѣщаніе. Оно говорило, что Кастилію и Арагонію наслѣдуютъ Іоанна и ея потомство; что до пріѣзда ея сына, Карла, управленіе Кастиліей поручается Хименесу, а управленіе Арагоніей архіепископу сарагосскому (побочному сыну Фердинанда). Любимцемъ Фердинанда былъ младшій братъ Карла, получившій имя дѣда; умирающій король желалъ назначить своего младшаго внука гросмейстеромъ рыцарскихъ орденовъ, но разсудилъ, что лучше оставить эту важную должность соединенной съ королевскимъ саномъ, и завѣщалъ своему любимцу лишь нѣсколько имѣній и 50.000 дукатовъ дохода. Своей женѣ онъ завѣщалъ пенсію въ 30.000 дукатовъ (Жермена вышла черезъ нѣсколько времени за другого мужа, по смерти его за третьяго; но оба эти брака были бездѣтны).—Фердинандъ умеръ, имѣя 64 года. Тѣло его было перевезено въ Гранаду и погребено рядомъ съ прахомъ Изабеллы.— Испанскіе вельможи надѣялись возстановить свои права; народъ тревожился опасеніемъ за будущее.

Характеръ Фердинанда.

По своимъ нравственнымъ качествамъ Фердинандъ былъ несравненно ниже Изабеллы, женщины благороднаго характера. Онъ былъ эгоистъ, думавшій только о своихъ личныхъ выгодахъ, не имѣвшій искренняго расположенія ни къ кому. Желая блага народа, Изабелла чуждалась коварства; Фердинандъ считалъ коварство высшей государственной мудростью; онъ хвалился тѣмъ, что обманулъ короля французскаго не три раза, какъ говорили, а десять разъ, заключалъ

договоры лишь для того, чтобы нарушать ихъ. Правда впрочемъ, что таковы были общія правила государственныхъ людей того времени. Этой политикѣ училъ Коминъ; ее изложилъ Макіавелли въ своемъ трактатѣ «Государь».—«Мудрый государь не будетъ и не долженъ исполнять своихъ обѣщаній, если они не выгодны ему, и миновали обстоятельства, заставившія его дать ихъ», говоритъ Макіавелли и прославляетъ Фердинанда за его хитрость, ставитъ его выше всѣхъ современныхъ ему государей, потому что онъ ни разу не далъ никому перехитрить себя. Въ частной своей жизни Фердинандъ былъ человѣкъ пошлый. Онъ имѣлъ четырехъ побочныхъ дѣтей; старшаго изъ своихъ побочныхъ сыновей онъ сдѣлалъ архіепископомъ сарагосскимъ. Онъ навлекъ на себя порицаніе кастильскаго народа неприличной торопливостью, съ какою по смерти Изабеллы женился на молодой дѣвушкѣ красавицѣ, державшей себя нескромно. Но при всемъ различіи характеровъ, Изабелла и Фердинандъ имѣли одно господствующее стремленіе, безусловно подчинить королевской власти и вельможъ и церковь. Онъ не имѣлъ фанатизма Изабеллы; инквизиція была для него только орудіемъ подавленія политическихъ враговъ и средствомъ обогащать казну; но онъ давалъ по разсчету выгодъ такое широкое примѣненіе инквизиціонному суду, что получилъ отъ папы за усердіе къ вѣрѣ титулъ Католическаго (оставшійся и за его преемниками). Подобно Изабеллѣ, Фердинандъ былъ бережливъ, но это качество доходило въ немъ до скупости, которая была одна изъ причинъ недовольства вельможъ имъ. Мы уже говорили о его камзолѣ, въ который три раза были вшиты новые рукава, и о томъ, какъ скроменъ былъ его обѣдъ. Но при всей скупости онъ не угнеталъ народъ налогами. Все свое время онъ посвящалъ государственнымъ дѣламъ. Единственнымъ его развлеченіемъ была охота, которую онъ особенно полюбилъ въ пожилыя лѣта.

Провозглашеніе Карла правителемъ королевства кастильскаго.

Смерть Фердинанда подвергла новой опасности единство испанской монархіи. Деканъ лувенскаго капитула Адріанъ, бывшій воспитателемъ Карла, пріѣхалъ съ полномочіями отъ него, потребовалъ себѣ санъ регента кастильскаго и объявилъ, что Карлъ немедленно долженъ быть провозглашенъ королемъ. Кастильскіе правители и вельможи отвергали оба эти требованія, потому что управленіе Кастиліей уже было поручено покойнымъ королемъ Хименесу, а провозгласить Карла королемъ значило бы нарушить права его матери, Іоанны. Только благодаря уму и энергіи Хименеса, споръ этотъ былъ прекращенъ. Хименесъ по формѣ далъ Адріану участіе въ управленіи Кастиліей, но на дѣлѣ сохранилъ всю власть въ своихъ рукахъ, потому что совершенно владычествовалъ надъ робкимъ и вялымъ Адріаномъ; а черезъ нѣсколько времени было получено отъ Карла письмо, утверждавшее волю Фердинанда, чтобы регентомъ былъ Хименесъ (14 февраля 1516). Кардиналъ дѣятельно занимался тѣмъ, чтобы за Карломъ былъ признанъ королевскій санъ, считая это необходимымъ для сохраненія государственнаго единства. Онъ созвалъ вельможъ и духовныхъ сановниковъ въ Мадридъ, куда перенесъ правительственную резиденцію, убѣдилъ ихъ признать Карла королемъ и постановить, чтобъ это было провозглашено во всѣхъ городахъ Кастиліи. Но арагонскіе кортесы отложили присягу на вѣрность Карлу до того времени, когда онъ, какъ требуетъ законъ, дастъ присягу соблюдать законы королевства.

Крутыя мѣры Хименеса.

У кастильскихъ вельможъ не было расположенія къ иноземцу Карлу. Притомъ они не любили Хименеса за его суровость; опасаясь мятежей, онъ заблаговременно принялъ мѣры для ихъ подавленія, пригласилъ горожанъ записываться въ милицію и заниматься военными упражненіями; эти отряды горожанъ были готовы поддерживать правительство противъ вельможъ. Считая надобностью имѣть въ своемъ распоряженіи много денегъ, Хименесъ преобразовалъ финансовое управленіе, ввелъ въ немъ строгій порядокъ, уничтожилъ излишнія должности, уменьшилъ слишкомъ щедрое жалованье высшимъ сановникамъ, отмѣнилъ тѣ пенсіи, относительно которыхъ не было формально сказано въ жалованныхъ граматахъ, что онѣ даются на всю жизнь. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ привлекъ на свою сторону вліятельнѣйшихъ вельможъ любезностями и наградами. Попытки возстаній начались; но у Хименеса уже были войско и деньги. Онъ пошелъ на непокорныхъ, важнѣйшими изъ которыхъ были герцогъ Альба (отецъ знаменитаго полководца), герцогъ Инфантадо, графъ Уренья и его сынъ Педро Хиронъ. Другіе вельможи не поддержали ихъ, и Хименесъ безъ труда принудилъ ихъ покориться. Онъ позаботился и о безопасности границъ государства; войско, посланное имъ въ Наварру, охраняло ее отъ нападенія французовъ и разрушило наваррскія крѣпости, которыя могли служить опорами для возстанія жителей этой области. Хименесъ основалъ арсеналы въ портовыхъ городахъ и снарядилъ сильный флотъ для прекращенія разбоя на Средиземномъ морѣ. (Аруджъ Барбаросса, уроженецъ Мителены, ренегатъ, овладѣвшій Алжиромъ, занимался тогда пиратствомъ въ большомъ размѣрѣ). Хименесъ дѣлалъ распоряженія и по управленію американскими колоніями; между прочимъ запретилъ привозить туда негровъ, находя, что покупать рабовъ не для чего, когда есть готовые рабы, туземцы. По своей должности великаго инквизитора онъ безпощадно преслѣдовалъ морисковъ, отвергалъ всѣ жалобы на дѣйствія инквизиціи, учредилъ инквизаціонные трибуналы въ Оранѣ, на Канарскихъ отсровахъ, въ Америкѣ. Онъ отвергъ даже требованіе, чтобъ обвиняемымъ давалась очная ставка съ обвинителями, находя, что это значило бы подвергать доносчиковъ мщенію родственниковъ тѣхъ людей, которые пострадали отъ доносовъ. (Инквизиція не открывала подсудимымъ, кто ихъ обвинители).

Хименесъ оказалъ великія услуги Карлу, но не получилъ отъ него благодарности за нихъ. Фламандскіе вельможи, управлявшіе молодымъ государемъ, считали Кастилію предназначенной для удовлетворенія ихъ алчности и честолюбія. Еще до пріѣзда Карла въ Испанію, они уже выпросили у него себѣ помѣстья и должности въ королевствѣ кастильскомъ. Народъ негодовалъ на этихъ иноземныхъ господъ, бравшихъ себѣ его деньги, и досадовалъ на Хименеса, допускающаго ихъ наглый грабежъ; кастильянцы говорили, что кардиналъ строгъ только къ своимъ соотечественникамъ, до слабости снисходителенъ къ иноземцамъ. Дворъ Карла былъ еще менѣе доволенъ имъ. По внушенію своихъ совѣтниковъ, король назначилъ двухъ фламандскихъ вельможъ, Ла Шо и барона Амерсдорфа, членами кастильскаго регентства. Хименесъ сталъ только президентомъ совѣта, но умѣлъ удержать за собой всю власть. Карлъ медлилъ пріѣздомъ въ Испанію. Въ Кастиліи говорили, что король хочетъ управлять ею, какъ покоренной областью. Наглость фламандскихъ вельможъ, получившихъ должности въ Кастиліи, увеличивалась. Кастильскіе вельможи и народъ требовали созванія кортесовъ, Хименесъ не соглашался на это, будучи приверженцемъ абсолютной монархіи и, притомъ зная, что при настоящихъ обстоятельствахъ кортесы приняли бы рѣшенія враждебныя правительству Карла; онъ говорилъ, что кортесовъ созоветъ король, когда пріѣдетъ, и убѣждалъ Карла спѣшить въ Испанію. Положеніе кардинала было очень тяжело: кастильскіе вельможи и народъ порицали его. Фламандцы мѣшали ему во всемъ. Онъ былъ больной старикъ, изнемогалъ подъ бременемъ затрудненій. Наконецъ Карлъ приплылъ въ Испанію. Онъ вышелъ на берегъ въ астурійской гавани Вильявисіосѣ 17 сентября 1517, черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ по смерти Фердинанда. Хименесъ лежалъ тогда больной во францисканскомъ монастырѣ Агилерѣ (на берегу Дуэро). Онъ писалъ молодому государю совѣты о средствахъ пріобрѣсти любовь и довѣріе народа. Карлъ отвѣчалъ ему милостиво. Фламандскіе вельможи, окружавшіе короля, опасались, что Хименесъ пріобрѣтетъ вліяніе на него, если будетъ находиться въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ, потому отклоняли Карла отъ свиданія съ больнымъ, выставляли его королю человѣкомъ рѣзкаго, тяжелаго характера. Сначала Карлъ писалъ Хименесу, что приглашаетъ его на свиданіе въ Вальядолидъ, потомъ написалъ, что отлагаетъ это свиданіе до своего возвращенія изъ поѣздки въ Тордесильясъ, гдѣ жила Іоанна. Наконецъ совѣтники Карла до такой степени раздражили его противъ Хименеса, что онъ написалъ кардиналу письмо, изумляющее своей неблагодарностью. Это былъ приказъ Хименесу сложить съ себя должность правителя. Карлъ писалъ, что приглашаетъ Хименеса пріѣхать въ Мохадосъ, желая слышать совѣты кардинала относительно государственныхъ дѣлъ, что «не хочетъ послѣ того отнимать у него необходимый покой и освободитъ его отъ обременительныхъ занятій дѣлами», что «Богъ наградитъ его за заслуги, которыхъ не можетъ достойно вознаградить человѣкъ» и, что онъ, Карлъ, «навсегда будетъ имѣть къ нему сыновнее уваженіе». Говорятъ, что это письмо ускорило смерть Хименеса. Такъ ли, или нѣтъ, трудно сказать; онъ былъ уже 80 лѣтній старикъ и притомъ тяжело боленъ; вѣроятно, онъ и безъ оскорбительнаго письма не прожилъ бы долго. Онъ умеръ 8 ноября 1517. Тѣло его было перевезено въ Алькалу и погребено въ капеллѣ великолѣпной Санъ-Ильденфонсской коллегіи. Онъ завѣщалъ основанному имъ университету большую часть своего имущества.

Характеръ Хименеса.

Хименесъ былъ приверженцемъ неограниченной монархіи; въ этомъ онъ походилъ на другихъ министровъ того времени, но отличался отъ большинства ихъ тѣмъ, что предпочиталъ открытое насиліе хитростямъ; отъ природы онъ имѣлъ деспотическій характеръ и не отступалъ ни передъ какими жестокостями для возвышенія королевской власти и подавленія самостоятельности вельможъ; онъ былъ врагомъ кортесовъ; хотя съ молодости онъ поступилъ въ духовное званіе, но любилъ войну. Онъ говорилъ, что запахъ пороха для него пріятнѣе ладана. При штурмѣ Орана онъ въ кардинальскомъ облаченіи ѣхалъ на мулѣ передъ войскомъ, идущимъ на приступъ. Онъ былъ однимъ изъ основателей монархическаго абсолютизма въ Испаніи. Его сравниваютъ съ Ришельё, но между ними при большомъ сходствѣ есть и большія разницы. Ришельё не былъ такимъ фанатикомъ, какъ Хименесъ. Онъ воевалъ съ гугенотами не какъ съ еретиками, а какъ съ непокорными подданными. Хименесъ по счету, приводимому Льіоренте, сжегъ 2.500 человѣкъ и осудилъ 50.000 на другія наказанія. Но, умирая, онъ говорилъ, что никогда не сдѣлалъ никому несправедливаго вреда, поступалъ со всѣми справедливо и, сколько можетъ судить о себѣ, никогда не подчинялся ни страху, ни личному пристрастію; вѣроятно, онъ говорилъ это съ искреннимъ убѣжденіемъ. Онъ не пользовался своей властью для возвышенія или обогащенія друзей или родныхъ и не стыдился незнатности своего происхожденія.

---

3. Венеція. Камбрейская лига.

а) политическое положеніе Италіи.

Походы Людовика XII и Максиміліана въ сѣверную Италію.

Видя мало вѣроятности завоевать королевство неаполитанское, Людовикъ XII желалъ поддержать и расширить свое владычество въ сѣверной Италіи. Максиміліанъ сердился на то, что Людовикъ обманулъ его обѣщаніемъ выдать свою дочь Клавдію за его внука Карла, но при своемъ безсиліи принужденъ былъ въ 1505 году дать ему ин-

веституру на владѣніе герцогствомъ миланскимъ. Вмѣстѣ съ Миланомъ перешла подъ владычество Людовика Генуя, находившаяся подъ владычествомъ герцога миланскаго. Отъ имени короля французскаго правилъ ею намѣстникъ; но во внутреннихъ своихъ дѣлахъ она сохранила самостоятельное управленіе, главою котораго былъ дожъ. Французское владычество имѣло въ Генуѣ много противниковъ. Вельможи, побѣжденные въ прежней борьбѣ съ демократической партіей и почти совершенно устраненные отъ участія въ управленіи, надѣялись овладѣть имъ при содѣйствіи короля французскаго, потому поддерживали его владычество, стремились расширить его вліяніе на дѣла. Важнѣйшими изъ этихъ вельможескихъ фамилій были Доріи, Фіэско, Спинолы, Гримальди. Но демократы, или, какъ они назывались въ Генуѣ, пополары, сохранили свое преобладаніе во внутреннемъ управленіи. Эта партія, къ которой принадлежали не одни только простолюдины, но и многіе знатные люди, занимавшіеся торговыми дѣлами, была враждебна французскому владычеству. Въ городѣ часто происходили драки, и наконецъ поднялось возстаніе массы гражданъ противъ приверженцевъ французскаго господства. Двое членовъ фамиліи Дорій были убиты. Дворецъ Луиджи Фіэско, вождя вельможеской партіи, былъ разграбленъ; другіе вліятельные люди ея были изгнаны. Намѣстникъ Людовика, герцогъ Равенштейнъ, вошелъ въ городъ съ 1.000 человѣкъ войска; и по его требованію было постановлено, что простолюдины будутъ занимать двѣ трети правительственныхъ должностей и будутъ выбираемы восемь трибуновъ для защиты ихъ интересовъ, что изгнаніе вольможъ отмѣняется и отнятые у нихъ замки и земли будутъ возвращены имъ. Но демократы не подчинились этому соглашенію, продолжали войну съ вельможами, осадили Монако, крѣпость, принадлежавшую Луціано Гримальди, выбрали дожемъ Паоло Нови, фабриканта, имѣвшаго красильню шелковой пряжи, а главнокомандующимъ своей милиціи назначили бывшаго пизанскаго полководца Тарлатино. Примѣръ Генуи могъ увлечь миланцевъ; французскому владычеству грозила опасность; Людовикъ XII въ мартѣ 1507 пошелъ съ большимъ войскомъ усмирить Геную. При его приближеніи Паоло Нови и другіе вожди демократической партіи ночью бѣжали въ Пизу. Генуя сдалась Людовику. Онъ 29 апрѣля въѣхалъ въ покорившійся городъ, держа въ рукѣ обнаженную шпагу, наложилъ на Геную контрибуцію въ 200.000 дукатовъ, казнилъ нѣкоторыхъ предводителей возстанія, въ томъ числѣ и захваченнаго французами Паоло Нови; вельможи возвратились, Людовикъ отдалъ имъ половину должностей и объявилъ генуэзскому народу, что только по своему милосердію оставляетъ городу республиканское правленіе, въ надеждѣ на вѣрность гражданъ, и что если они не будутъ покорны ему, онъ отниметъ у нихъ самоуправленіе. На контрибуцію, взятую съ Генуи, онъ велѣлъ построить цитадель.

Генуэзскія дѣла 1507.

Походъ Максиміліана 1508.

Вѣроятно, Людовикъ поступилъ бы съ Генуей суровѣе, если не имѣлъ бы надобности обратить свои силы противъ другихъ враговъ. Максиміліанъ отмѣнилъ инвеституру, данную имъ Людовику на владѣніе Миланомъ, хотѣлъ отдать герцогство сыну Людовика Мора, чтобы господствовать подъ прикрытіемъ его имени, и готовился къ походу. Папа вступилъ въ сношенія съ противниками Людовика. Король французскій заключилъ тайный союзъ съ венеціанцами противъ Максимиліана; но кажется, что въ то же время онъ заключилъ съ Фердинандомъ испанскимъ тайный союзъ противъ нихъ. Онъ и Фердинандъ видѣлись въ Савонѣ въ концѣ іюня, и должно думать, что они тогда уже условились между собою въ томъ, чего потребовали отъ венеціанцевъ черезъ два года.—Максиміліанъ вербовалъ наемниковъ для похода въ Италію. Мы говорили, что на констанцскомъ сеймѣ онъ убѣждалъ нѣмецкихъ князей дать ему имперское войско для этого похода (стр. 145). Онъ хотѣлъ подчинить себѣ герцогство миланское и короноваться въ Римѣ въ санъ императора; но онъ по обыкновенію увлекался мечтами, не соотвѣтствовавшими размѣру его силъ. Пришедши въ Тріэнтъ, онъ съ согласія папы принялъ императорскій титулъ. Тѣмъ и ограничились его успѣхи. Когда онъ пошелъ изъ Тріэнта дальше, венеціанцы остановили его. Увѣренные въ помощи короля французскаго, гарантировавшаго имъ цѣлость ихъ владѣній, они послали войско во Фріуль и заняли другимъ войскомъ долину Адидже, по которой хотѣлъ идти Максиміліанъ. Если-бъ ему удалось пробиться въ Ломбардію, онъ, вѣроятно, нашелъ бы союзниковъ себѣ: генуэзскіе демократы, изгнанные Людовикомъ, присоединились бы къ нему; флорентійцы уже вступили въ переговоры съ нимъ; многіе изъ мелкихъ государей сѣверной и средней Италіи стали бы помогать ему; папа, враждебный французамъ, принялъ бы его сторону при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ. Но у него не было денегъ на войну. Швейцарцы, которыхъ вербовалъ онъ, не захотѣли служить у него, зная, что онъ не имѣетъ средствъ исправно платить жалованье. Часть войска его, дошедшая до кадорской области и начавшая опустошать ее, была окружена у Спальто ди Мезорина венеціанскимъ войскомъ, начальникомъ котораго былъ искусный полководецъ Бартоломмео Альвіано, и была взята въ плѣнъ. Альвіано пошелъ въ австрійскія владѣнія, взялъ Портенау, Гёрцъ, Тріэстъ, Фіуме: Максиміліанъ сталъ падать духомъ. Онъ одержалъ нѣкоторые успѣхи близъ Гардскаго озера; но они были маловажны; граубюнденцы, поступившіе на его службу, не получали жалованья и ушли. Папа помирился съ Людовикомъ, обѣщавшимся не помогать Бентивольіо и согласившимся на присоединеніе Болоньи къ папскимъ владѣніямъ. Максиміліанъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ перемирія; оно было подписано 7 іюня 1508 года. Воевавшія государства сохранили по этому договору свои прежнія владѣнія.

Покореніе Пизы флорентійцами 1509.

Это перемиріе рѣшило судьбу Пизы. Пизанцы много лѣтъ защищали свою независимость отъ Флоренціи. Раздоры между флорентійцами мѣшали успѣху ихъ нападеній, а враги Флоренціи ободряли пизанцевъ обманчивыми обѣщаніями помощи. Французы даже прислали въ Пизу небольшой отрядъ. Но начальнику его были даны тайныя инструкціи какъ можно меньше помогать пизанцамъ. Теперь обстоятельства расположились такъ, что флорентійцы одолѣли пизанцевъ. Демократическая партія въ Генуѣ громко заявляла свое сочувствіе Пизѣ; Лукка помогала пизанцамъ. Но короли испанскій и французскій желали торжества монархическаго принципа и условились не мѣшать покоренію Пизы флорентійцами, государство которыхъ не могло долго сохранить республиканскаго правленія, должно было, какъ всѣ полагали, подпасть подъ владычество Медичи. Но испанскій и французскій короли не хотѣли даромъ дать флорентійцамъ свое согласіе на покореніе Пизы, требовали денегъ съ нихъ; они предложили заплатить Людовику и Фердинанду 100.000 золотыхъ флориновъ. Но Людовикъ сказалъ, что ему одному они должны дать такую сумму. Флорентійцы согласились дать ему 100.000 флориновъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ держалъ это въ секретѣ и оставлялъ Фердинанда въ предположеніи, что получилъ только 50.000. Испанскій король повѣрилъ, что Людовикъ удовольствовался такой же суммой, какую дали ему. Такимъ образомъ Людовикъ получилъ 100.000 флориновъ, а Фердинандъ только 50,000. Купивъ себѣ свободу военныхъ дѣйствій, флорентійцы принудили Лукку просить мира, усилили свое войско наймомъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ и милиціей, сформированной изъ поселянъ, опустошили пизанскую область, блокировали Пизу; генуэзскій корсаръ Барделла, поступившій на службу Флоренціи, отрѣзалъ Пизу отъ сообщеній съ моремъ, поставивъ свои корабли въ устьѣ Арно. Въ Пизѣ начался голодъ, и пизанцы, оборонявшіеся 20 лѣтъ, принуждены были покориться. Въ іюнѣ 1509 они сдались; Макіавелли въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, восхваляя побѣду флорентійцевъ, выражается о ней такъ: «Побѣжденные голодомъ пизанцы со злобой въ сердцѣ и со слезами надѣли на себя прежнія цѣпи». Флорентійцы согласились предоставить имъ самоуправленіе, какимъ пользовались они до войны. Было дано забвеніе всему прошлому. Но множество гражданъ покинуло Пизу; зажиточныя семейства переселились въ Палермо, въ Лукку, на островъ Сардинію; многіе изъ бѣдняковъ поступили во французскую службу. Пиза лишилась прежняго значенія, ея исторія стала частью общей исторіи Тосканы.

b) Венеція въ концѣ XV столѣтія.

Около того времени, какъ флорентійцы овладѣли Пизой, короли испанскій и французскій рѣшили раздѣлить между собой венеціанскія

владѣнія. Мы разсказали исторію Венеціи до половины XV вѣка и говорили о войнахъ венеціанцевъ съ турками во второй половинѣ этого столѣтія. Въ концѣ его и въ началѣ XVI венеціанцы съ трудомъ защищали отъ турокъ владѣнія на востокѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ тогда Кипръ. Въ 1473 году умеръ король кипрскій Іаковъ Люзиньянъ; государствомъ стала править подъ покровительствомъ Венеціи вдова Іакова Катарина Корнаро, дочь венеціанскаго вельможи; въ 1489 году она уступила свое государство венеціанцамъ. Она сдѣлала это не совершенно добровольно: венеціанское правительство употребляло принудительныя мѣры, чтобы вытребовать у нея отреченіе отъ власти, но по формѣ уступка была добровольная, и венеціанское правительство восхваляло патріотизмъ Катарины. Оно дало ей богатое имѣнье въ тревизской маркѣ и 50.000 дукатовъ ежегодной пенсіи; эта уплата добросовѣстно производилась до самой смерти Катарины, (умершей въ 1510 году). Іаковъ Люзиньянъ и Катарина платили дань султану; венеціанцы продолжали платить ее и, благодаря своей заботливости о сохраненіи хорошихъ отношеній съ султаномъ, владѣли Кипромъ болѣе 80 лѣтъ.

Пріобрѣтеніе Кипра Венеціею 1489.

За свои потери на востокѣ Венеція хотѣла вознаградить себя увеличеніемъ своихъ владѣній въ Италіи. Мы видѣли, что венеціанское правительство имѣло своимъ правиломъ мѣшать увеличенію могущества другихъ итальянскихъ государствъ и часто успѣвало извлекать для своего государства выгоды изъ войнъ между ними. При войнѣ короля неаполитанскаго съ папой, Эрколе Эсте, подобно своимъ предшественникамъ Лионелло и Борсо и своему сыну Альфонсо, славившійся любовью къ искусству и роскошью двора, былъ союзникомъ своего тестя, короля неаполитанскаго. Династія Эсте присоединила къ своимъ прежнимъ владѣніямъ, имперскимъ ленамъ Моденѣ и Реджо, Феррару, папскій ленъ; Павелъ II далъ Эрколе Эсте герцогскій титулъ. Владѣнія герцога по низовью рѣки По были обширны.—Венеціанцы заключили въ 1482 году съ Сикстомъ IV союзъ противъ него. Папа хотѣлъ завоевать часть его влалѣній, чтобъ отдать ихъ своимъ племянникамъ. Венеціанцы желали овладѣть Феррарой. Предлогъ для войны нашли венеціанцы въ томъ, что герцогъ требуетъ пошлины за соль, провозимую ихъ купцами по рѣкѣ По; кромѣ того они говорили, что онъ притѣсняетъ венеціанцевъ, живущихъ въ его владѣніяхъ; ихъ флотилія поднялась вверхъ по рѣкѣ По и при ея содѣйствіи ихъ войско взяло городъ Ровиго, овладѣло замками полезинской области. Папское войско оттѣснило за неаполитанскую границу герцога калабрійскаго, шедшаго на помощь Эсте. Венеціанцы были увѣрены, что овладѣютъ Феррарой. Но Сикстъ разсудилъ, что переходъ этого города, папскаго лена, подъ ихъ власть былъ бы невыгоденъ для него и что, занявъ Феррару, они отнимутъ тѣ владѣнія, какія дастъ онъ своему племяннику Джироламо Ріаріо, по сосѣдству

Война съ герцогомъ феррарскимъ и съ папой 1482—1484.

съ этимъ городомъ. Потому онъ заключилъ миръ съ королемъ неаполитанскимъ и съ Эрколе Эсте. Венеціанцы продолжали войну; онъ въ 1410 году отлучилъ ихъ отъ церкви. Мы уже говорили, что онъ повредилъ себѣ этимъ: венеціанцы объявили, что интердиктъ несправедливъ, что они апеллируютъ отъ него къ будущему вселенскому собору; венеціанское духовенство повиновалось приказанію правительства продолжать богослуженіе. Война продолжалась еще два года. Маркграфъ мантуанскій Федериго Гонзага присоединился къ союзу противъ Венеціи, надѣясь возвратить себѣ Пескьеру, Азолу и Лунато, отнятыя у его династіи венеціанцами. Онъ умеръ незадолго передъ заключеніемъ мира, по которому венеціанцы сохранили часть своихъ завоеваній.

Миръ былъ заключенъ 7 августа 1484 въ Баніоло. За венеціанцами остались Ровиго, Ленденара, Бадіа и вся полезинская область. Другія свои завоеванія они возвратили. Герцогъ феррарскій отказался отъ пошлины съ соли, провозимой венеціанцами по рѣкѣ По, и призналъ, что венеціанскіе подданные, живущіе въ его владѣніяхъ, подлежатъ суду не его трибуналовъ, а венеціанскаго уполномоченнаго.

Ссора съ папой.

Этотъ миръ, условія котораго были выгодны для венеціанцевъ, отлученныхъ отъ церкви папой, такъ раздосадовалъ Сикста, что онъ черезъ нѣсколько дней умеръ отъ злобы. Преемникъ его Иннокентій VIII отмѣнилъ интердиктъ (2 марта 1485). Но римская курія осталась враждебна венеціанцамъ. Въ слѣдующемъ году папа самовластно отдалъ епископство падуанское кардиналу Микіэли, епископу веронскому. Венеціанцы заставили его отмѣнить это распоряженіе и утвердить епископомъ падуанскимъ того прелата, котораго назначили они. Папа, нуждавшійся въ деньгахъ, потребовалъ десятины отъ венеціанскаго духовенства; правительство воспретило его агентамъ взимать ее. Онъ былъ принужденъ замѣнить повелительный тонъ просьбой о пособіи; снисходя къ его безденежью, венеціанцы дали ему нѣсколько денегъ въ подарокъ. Епископы острова Кипра жили въ Венеціи, поручая исполненіе своихъ обязанностей викаріямъ. Правительство принудило ихъ жить въ епархіяхъ, объявивъ, что за ослушаніе отниметъ у нихъ доходы. Вообще венеціанцы держали духовенство въ строгомъ повиновеніи. Папа злился на то, что оно не повинуется ему. Въ 1492 году сдѣлалась вакантной каѳедра патріарха аквилейскаго. Кандидатомъ венеціанскаго правительства былъ Никколо Донато. Папа назначилъ патріархомъ венеціанскаго вельможу Барбаро, человѣка большой учености и строгой нравственности. Венеціанское правительство не согласилось признать его патріархомъ, и ссора усилилась. Но вскорѣ послѣ того походъ Карла въ Италію заставилъ измѣнить отношенія между итальянскими правительствами. Когда Венеція вступила въ союзъ съ королемъ французскимъ про-

тивъ герцога миланскаго, венеціанскій вельможа Бернардо Контарини, человѣкъ отважный и очень сильный, сказалъ проведиторамъ, что выпроситъ себѣ аудіенцію у герцога, начнетъ ссору съ нимъ и убьетъ его; они похвалили патріотизмъ Контарини и доложили о его намѣреніи совѣту Десяти, который отвѣчалъ, что допустить подобное дѣло было бы безчестьемъ для республики. Но вообще венеціанское правительство не стѣснялось нравственными правилами. Вмѣшиваясь въ ссоры другихъ итальянскихъ государствъ, оно дѣлало завоеванія. Оно возбуждало пизанцевъ упорно продолжать войну съ флорентійцами, надѣясь овладѣть Пизой. Пользуясь войнами папъ съ ихъ вассалами, венеціанцы овладѣли Равенной, Червіей, Фаэнцей Римини. Они поддерживали междоусобіе въ королевствѣ неаполитанскомъ, и Фердинандъ, нуждаясь въ деньгахъ, отдалъ имъ въ залогъ за ссуды апулійскіе портовые города Трани, Бриндизи, Отранто, Галлиполи, Молу, Пулиньяно. Венеціанскому правительству нужно было расширять свои владѣнія въ Италіи, потому что вельможи, составлявшіе его, имѣли однимъ изъ главныхъ источниковъ своихъ доходовъ правительственныя должности въ подвластныхъ областяхъ.

При олигархическомъ характерѣ венеціанскаго правительства всѣ должности и вся торговля находились въ рукахъ аристократіи; для каждой вельможеской фамиліи расширеніе владѣній республики было семейной выгодой, каждая потеря государства семейнымъ убыткомъ; потому всѣ фамиліи господствующаго класса усердно заботились о государственныхъ интересахъ. Но масса населенія, устраненная отъ участія въ политической жизни, не имѣла патріотизма и легко могла быть вовлечена въ попытки возстаній; потому правительство поддерживало свою власть системой строгаго надзора и, въ случаяхъ надобности, террористическими мѣрами. Оно не щадило и тѣхъ членовъ своей касты, которые по честолюбію задумывали мятежи. Но такіе случаи были рѣдки, потому что интересы каждаго вельможи вообще совпадали съ интересами правительства.

с) Камбрейская лига.

Максиміліанъ, потерпѣвъ неудачу въ своемъ походѣ, остался озлобленъ на венеціанцевъ. Людовикъ XII сердился на нихъ за то, что они безъ его участія заключили перемиріе съ Максиміліаномъ и не поставили въ число его условій прекращеніе войны австрійской династіи съ герцогомъ гельдернскимъ, который при помощи французовъ хотѣлъ свергнуть съ себя ленную зависимость отъ герцога бургонскаго. Юлій II досадовалъ на сопротивленіе венеціанскаго правительства церковнымъ распоряженіямъ папъ; негодованіе его усилилось новой ссорой по поводу назначенія епископа на виченцскую каѳедру и тѣмъ, что венеціанцы дружески приняли прогнанную изъ

Болоньи династію Бентивольіо. Но главной причиной раздраженія Юлія было то, что венеціанцы не хотѣли возвратить ему занятыхъ ими городовъ въ Романьѣ, которыхъ требовалъ онъ себѣ, называя ихъ папскими ленами. Фердинанду испанскому хотѣлось отнять у венеціанцевъ апулійскіе города.

Камбрейская лига.

При общемъ желаніи этихъ государей отмстить венеціанцамъ или захватить часть ихъ владѣній, легко сформировалась такъ называемая Камбрейская лига, союзъ императора, папы, королей французскаго и испанскаго противъ Венеціи. Переговоры объ этомъ были начаты въ Камбрé съѣхавшимися тамъ на свиданье Маргаретой, дочерью Максимиліана, вдовствующей герцогиней савойской, и министромъ Людовика, кардиналомъ Амбуазомъ. Они подписали договоръ 10 декабря 1508; вслѣдъ за тѣмъ было сдѣлано приглашеніе королю испанскому; присоединился къ союзу и онъ. Потомъ присоединился къ лигѣ папа, которому принадлежала первая мысль о ней. Каждый участникъ лиги думалъ только о своихъ выгодахъ, но дѣло было прикрыто религіознымъ мотивомъ: союзники говорили, что, одолѣвъ сопротивленіе венеціанцевъ, они будутъ воевать съ турками. По договору, заключеиному союзниками, папа получилъ Фаэнцу, Римини, Равенну и Червію; Максиміліанъ, какъ императоръ, Падую, Виченцу и Верону, имперскіе лены, а какъ эрцгерцогъ австрійскій, Фріуль и Тревизскую марку, прежнія австрійскія владѣнія; король французскій Кремону, гіарскую область (низовье Адды), Брешію, Бергамо и Крему, принадлежавшія прежде къ герцогству миланскому; Фердинандъ испанскій находившіеся во владѣніи венеціанцевъ апулійскіе города. Союзники прекратили прежніе споры между собой: Максиміліанъ отказался отъ притязаній на управленіе Кастиліей и черезъ нѣсколько времени (14 іюня 1509) далъ наслѣднику французскаго престола Франциску, графу ангулемскому, инвеституру на владѣніе герцогствомъ миланскимъ. Былъ опредѣленъ и планъ военныхъ дѣйствій. Людовикъ хотѣлъ идти на венеціанцевъ самъ. Максиміліанъ былъ связанъ перемиріемъ, которое заключилъ съ венеціанцами; чтобъ устранить это затрудненіе, было рѣшено, что папа обратится къ нему, какъ императору, защитнику церкви, съ просьбой о возвращеніи римской каѳедрѣ отнятыхъ у нея венеціанцами владѣній. Герцогъ феррарскій и маркграфъ мантуанскій были приглашены къ участію въ союзѣ; имъ было обѣщано возвращеніе владѣній, завоеванныхъ венеціанцами. Союзники обязались не заключать мира иначе, какъ по общему согласію, и всѣ споры, какіе могутъ возникнуть, отдавать на рѣшеніе папы.

Переговоры папы съ венеціанцаи.

При всей своей досадѣ на венеціанцевъ, Юлій II не желалъ увеличенія владѣній иноземныхъ государей въ Италіи, потому охотно отдѣлился-бъ отъ лиги. Онъ первый сообщилъ венеціанцамъ точныя извѣстія о томъ, что составилась коалиція противъ нихъ; открывая этотъ секретъ венеціанскому посланнику въ Римѣ, онъ говорилъ,

что не станетъ воевать, если венеціанцы отдадутъ ему папскіе лены въ Романьѣ. Но венеціанцы надѣялись на свое счастіе и полагали, что союзники скоро перессорятся между собой, потому отвергли требованіе папы. Въ совѣщаніи объ этомъ, Тревизани сказалъ: «Если мы уступимъ папѣ часть владѣній въ Романьѣ, онъ силой возьметъ другія; папы не соблюдаютъ договоровъ; благо церкви служитъ для нихъ предлогомъ дѣлать и требовать всего, чего хотятъ». Получивъ отказъ, Юлій присоединился къ Камбрейской лигѣ. Герцогъ савойскій и большинство мелкихъ итальянскихъ государей тоже примкнули къ ней. Венеціанцы хотѣли предотвратить нападенія враговъ переговорами, но ихъ предложенія были отвергаемы. Въ январѣ 1509 король французскій объявилъ Венеціи войну за то, что она овладѣла восточной частью миланскаго герцогства и выказала враждебныя намѣренія постройкой укрѣпленій въ аббатствѣ Каррето (близъ Кремы). Венеціанское правительство энергически готовилось къ оборонѣ, но народъ былъ въ унынiи; оно увеличилось случайными несчастіями. Пороховой магазинъ, находившійся при арсеналѣ, былъ охваченъ пожаромъ; взрывъ пороха произвелъ громадное разрушеніе. Корабль, на которомъ было послано 10.000 дукатовъ въ Равенну, утонулъ. Рушился государственный архивъ и погибло много документовъ. Двое римскихъ вельможъ изъ фамиліи Орсини, собиравшіе войско для венеціанцевъ, были арестованы по требованію папы. Онъ конфисковалъ деньги, посланные имъ.

Но венеціанцы все-таки собрали большое войско, Графъ Питильяно, назначенный главнокомандующимъ, и помощникъ его Бартоломмео Альвіано пошли на Адду защищать границу республики отъ французскаго короля. Папа 27 апрѣля провозгласилъ венеціанцевъ врагами церкви за отнятіе владѣній у римскаго престола и объявилъ, что если они не возвратятъ этихъ владѣній до истеченія 24-хъ дневнаго срока, то лишаются всѣхъ своихъ имуществъ, и каждому сыну церкви дается право отнимать у нихъ все, что можетъ. Французское войско было сильнѣе венеціанскаго. Въ сраженіи при Ваилѣ (или Аньяделло) въ гіарской области 14 мая Альвіано былъ разбитъ и раненный взятъ въ плѣнъ. Французы перешли Адду, взяли Каравадджо, Бергамо, Брешію, Крему, Пескьеру и послѣ храброй обороны Кремонскую цитадель. Питильяно отступилъ къ Вероиѣ. Франческо Маріа делла Ровере вступилъ съ папскимъ войскомъ въ Романью, опустошилъ ее до самаго моря; Фаэнца, Римини, Червія, Равенна сдались ему, чтобы спастись отъ погибели. Герцогъ феррарскій и маркграфъ мантуанскій заняли владѣнія, отнятыя у нихъ или ихъ предковъ венеціанцами. Вице-король неаполитанскій пошелъ на города, принадлежавшіе Венеціи въ Апуліи. Венеціанцы сдали ихъ ему. На сѣверѣ полководецъ Максиміліана Эрихъ, герцогъ брауншвейгскій, овладѣлъ Фельтре, Беллуно, Тріэстомъ, Фіуме, почти не встрѣчая

сопротивленія. Графъ Лодрена, графъ Арко и епископъ тріэнтскій опустошали венеціанскія владѣнія на рѣкѣ Адидже и по берегамъ Гардскаго озера. Венеціанскія войска, ослабленныя капитуляціями гарнизоновъ, были разстроены; наемники дезертировали. Остатки войска Питильяно собрались у Местре. Австрійскій отрядъ, двинувшійся изъ южнаго Тироля, овладѣлъ Вероной и Виченцей. Венеціанскій изгнанникъ Трессино, поступившій на службу императора, подошелъ съ 300 нѣмецкихъ ландскнехтовъ къ Падуѣ; жители этого города отворили ему ворота. Максимиліанъ уже мечталъ покорить самую Венецію, но у него по обыкновенію не достало денегъ на жалованье войску; онъ получилъ много ихъ изъ Нидерландовъ отъ австрійскаго сейма и отъ папы, но успѣлъ растратить, прежде чѣмъ отправился самъ на войну; и когда пришелъ наконецъ на Бренту, сталъ въ виду Венеціи, дѣла уже получили неблагопріятный для него оборотъ.

Наемныя войска Венеціи не имѣли дисциплины, сражились трусливо; начальники ихъ ссорились между собой; венеціанское правительство само разстроивало ихъ планы своими распоряженіями, не соотвѣтствовавшими положенію дѣлъ; потому они подверглись пораженіямъ. Это навело робость на подвластные Венеціи итальянскіе города; они безъ сопротивленія сдавались малочисленнымъ отрядамъ. Но венеціанскіе правители были люди опытные и твердые; не утратили мужества и подданные Венеціи; оправившись отъ перваго испуга, стали помогать имъ. Венеціанцы не давали своимъ итальянскимъ подданнымъ участія въ управленіи государствомъ, обременяли ихъ налогами; но принадлежность къ венеціанскому государству доставляла и горажанамъ и поселянамъ большія выгоды; они продавали свои продукты въ Венеціи, участвовали въ ея морской торговлѣ. Венеціанскіе вельможи, управлявшіе подвластными городами, притѣсняли населеніе; но были соплеменники его. Иноземное иго было бы несравненно тяжеле венеціанскаго, французскіе и нѣмецкіе правители были бы тиранами болѣе безжалостными, чѣмъ венеціанцы. Эти соображенія заглушили прежнее недовольство итальянскихъ подданныхъ Венеціи, сдѣлали усердными приверженцами ея. Граждане Тревизо, осажденнаго нѣмцами, мужественно оборонялись; венеціанское правительство наградило ихъ за это освобожденіемъ отъ налоговъ на 15 лѣтъ. Другіе подданные Венеціи ободрились. Горожане и поселяне присоединялись къ венеціанскимъ войскамъ. При содѣйствіи сосѣдняго населенія, Питильяно 17 іюля вступилъ въ Падую и поставилъ въ ней сильный гарнизонъ. Жители Леньяго храбро оборонялись. Венеціанцы пошли на помощь имъ, окружили войско маркграфа мантуанскаго и 9 августа взяли его въ плѣнъ. Полководцы императора, Рудольфъ Ангальтскій, Эрихъ Брауншвейгскій и Кристофоро Франджипани стали встрѣчать упорное сопротивленіе на берегахъ Піаве и во Фріулѣ. Венеціанцы прогнали нѣмцевъ изъ Тріеста и Фіуме.

Къ Падуѣ подступилъ Максимиліанъ съ большимъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ нѣмцевъ, были французы и итальянцы. Венеціанское правительство послало въ Падую сильныя подкрѣпленія. Граждане рѣшились обороняться, хотя у Максимиліана было 200 пушекъ большого колибра. Венеціанцы вошли въ переговоры съ папой и Фердинандомъ Католическимъ. Они уступили Фердинанду апулійскіе города. Онъ послѣ этого не имѣлъ интереса продолжать войну. Юлій не желалъ расширенія владѣній французскаго короля въ Италіи; притомъ находился теперь въ ссорѣ съ нимъ по дѣлу о назначеніи новаго епископа на авиньонскую каѳедру, потому былъ расположенъ помириться съ венеціанцами и медлилъ заключеніемъ мира только для того, чтобы вынудить у нихъ больше уступокъ. Такимъ образомъ Камбрейская Лига начинала распадаться; венеціанцы могли теперь надѣяться, что война получитъ благопріятный для нихъ оборотъ; успѣшная оборона Падуи дала его ей. Приступы Максимиліана были отражаемы; гарнизонъ и граждане были проникнуты патріотическимъ энтузіазмомъ. Въ разноплеменномъ войскѣ Максимиліана начались раздоры; итальянцы и французы не слушались императора. Онъ хотѣлъ сдѣлать рѣшительный приступъ всѣми своими силами. Баяръ сказалъ, что французскимъ дворянамъ неприлично идти на приступъ съ ландскнехтами и солдатами, набранными изъ ремесленниковъ и поселянъ, что если нѣмецкіе дворяне сойдутъ съ лошадей и пойдутъ на приступъ, то пойдутъ и французскіе дворяне. Нѣмецкіе дворяне отвѣчали, что составляютъ конницу, а быть пѣшими солдатами не хотятъ. Императоръ принужденъ былъ отказаться отъ мысли объ общемъ приступѣ. Въ октябрѣ онъ снялъ осаду и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Германію. Войско его, не получая жалованья, почти все разошлось. Гритти съ венеціанскимъ отрядомъ подступилъ къ Виченцѣ; граждане отворили ему ворота (16 ноября). Жители Вероны ждали его съ нетерпѣніемъ; но епископъ тріэнтскій ввелъ въ Верону отрядъ нѣмцевъ и французовъ; это помѣшало веронцамъ впустить Гритти. Тревизани, поплывшій съ венеціанской флотиліей вверхъ по рѣкѣ По, былъ остановленъ у Полизеллы батареей герцога феррарскаго, и флотилія сильно пострадала отъ ея мѣткаго огня. Венеціанцы не стали мстить герцогу, потому что его принялъ подъ свое покровительство папа, котораго они желали отвлечь отъ участія въ лигѣ. Они уступили Юлію всѣ свои владѣнія въ Романьѣ, принадлежавшія прежде папамъ, согласились освободить духовенство отъ налоговъ, предоставили панскимъ подданнымъ свободу торговли на Адріатическомъ морѣ. Получивъ эти уступки, Юлій заключилъ миръ съ Венеціей и снялъ съ нея интердиктъ.

---

d) КОАЛИЦІЯ ПРОТИВЪ КОРОЛЯ ФРАНЦУЗСКАГО.

Перемѣна политики Юлія II 1510.

Помирившись съ Венеціей, Юлій принялъ то направленіе политики, которое соотвѣтствовало его желанію вытѣснить французовъ изъ Италіи. Кромѣ патріотическихъ побужденій, онъ былъ враждебенъ французамъ и по досадѣ на то, что они рѣзко осуждали его воинственныя склонности, несообразныя съ обязанностями папскаго сана. Около этого времени кончился срокъ договора швейцарцевъ съ королемъ французскимъ; Юлій при посредничествѣ Шиннера, епископа зиттенскаго, заключилъ съ ними договоръ, по которому союзное правительство дозволило ему вербовать наемниковъ, а онъ обязался ежегодно платить опредѣленную сумму швейцарской конфедераціи за союзъ съ нимъ. Мы уже говорили, что онъ далъ королю испанскому инвеституру на владѣніе королевсвомъ неаполитанскимъ; за это Фердинандъ обѣщался помогать ему въ войнѣ съ французами. Онъ вступилъ въ сношенія съ генуэзскими изгнанниками, и одинъ изъ нихъ Оттавіано Фрегози, снарядивъ нѣсколько галеръ, сталъ захватывать французскіе корабли на Адріатическомъ морѣ. Юлій хотѣлъ склонить на свою сторону Альфонса, герцога феррарскаго, но тотъ остался вѣренъ союзу съ французами; за это Юлій 9 августа отлучилъ его отъ церкви, освободилъ его подданныхъ отъ присяги, данной ему, и призывалъ ихъ низвергнуть его.

Война получила новый оборотъ. Ландскнехты Максимиліана и французское войско подъ начальствоиъ Шомона возобновили наступательныя дѣйствія, взяли и разграбили Виченцу. Большинство ея жителей успѣло уйдти въ Падую взявъ съ собой деньги и дорогія вещи; но 6.000 горожанъ и сосѣднихъ поселянъ скрылись въ пещерѣ; солдаты разложили костеръ у входа въ пещеру и многіе изъ находившихся въ ней задохлись отъ дыма. Раздраженные поселяне окрестностей Монселиче и Падуи взялись за оружіе, истребляли попадавшіеся имъ мелкіе отряды нѣмцевъ и французовъ. Кардиналъ Амбуазъ, по внушенію котораго Людовикъ началъ войну съ венеціанцами, умеръ 25 мая (1510 года), но война продолжалась. Епископъ Шиннеръ повелъ швейцарцевъ въ Ломбардію; они взяли Варезе и Комо, угрожали Милану; но въ сентябрѣ французы дали имъ денегъ и они ушли домой. Папскія войска сражались съ французскими и феррарскими въ окрестностяхъ Болоньи, Модены и Корредджо. У Вероны сражались венеціанцы съ нѣмцами и французами. Въ сентябрѣ (1510 года) Людовикъ XII созвалъ соборъ французскаго духовенства въ Турѣ; оно объявило, что король имѣетъ право отражать нападеніе папы, долженъ охранять права галликанской церкви, одобрило его намѣреніе условиться съ императоромъ и другими государями о созваніи вселенскаго собора для преобразованія церковнаго управленія. Эта угроза

увеличила раздраженіе Юлія; онъ около того времени былъ болѣнъ; выздоровѣвъ, сталъ энергичнѣе прежняго стараться объ изгнаніи французовъ изъ Италіи.

Взятіе Мирандолы.

Войско, состоявшее изъ папскихъ и венеціанскихъ наемниковъ, осадило Мирандолу. Вдовствующая графиня Мирандольская мужественно защищалась. Папа самъ ходилъ въ траншеи, управлялъ осадными работами; 20 января (1511 года) Мирандола сдалась; ворота крѣпости были заколочены и завалены такъ, что нельзя было скоро отворить ихъ, и папа вступилъ въ городъ черезъ проломъ. Онъ назначилъ Франческо Пичи владѣтелемъ Мирандолы, оставивъ за собою верховную власть надъ ней. Вскорѣ послѣ того умеръ (11 февраля) французскій главнокомандующій Шомонъ (племянникъ кардинала Амбуаза). Онъ велъ войну противъ папы неохотно; на его мѣсто Людовикъ назначилъ Джана Якопо Тривульціо. Помощникомъ главнокомандующаго былъ Гастонъ Фуасскій, герцогъ немурскій, отважный и даровитый молодой человѣкъ.

Мантуанскій конгрессъ. Мартъ 1511.

По предложенію Фердинанда Испанскаго всѣ государи, участвовавшіе въ Камбрейской лигѣ, прислали уполномоченныхъ въ Мантую для переговоровъ о мирѣ. Но чрезмѣрныя требованія Максимиліана и надменность его посла, епископа Ланга фонъ Гурка, разстроили переговоры. Аугсбургъ, Нюрнбергъ и другіе торговые города южной Германіи требовали мира, потому что терпѣли большіе убытки отъ остановки торговли съ Венеціей; но Максимиліанъ не обращалъ вниманія на это, не хотѣлъ сообразить и того, что у него не достанетъ денегъ на содержаніе войска, и послалъ Георга Фрундсберга съ 2.500 ландскнехтовъ на помощь французскому войску.

Возстаніе въ Болоньи противъ папы.

Въ маѣ (1511 года) союзное войско подошло къ Болоньѣ; граждане ея возстали противъ папскаго владычества. Легатъ бѣжалъ; папское войско, съ которымъ стоялъ у Казалаккіо племянникъ Юлія, герцогъ урбинскій, поспѣшно отступило въ Романью; 26 пушекъ, знамя герцога урбинскаго, много другихъ знаменъ и большой обозъ были захвачены непріятелемъ. Въ Болоньѣ была возстановлена власть Бентивольіо. Бронзовую статую Юлія, сдѣланную Микель Анджело, столкнули съ портала соборнаго храма; она разбилась, Фрундсбергъ сдѣлалъ изъ нея пушку, о которой говорилъ, что отъ нея будетъ звенѣть въ ушахъ папы. Легатъ и герцогъ урбинскій винили другъ друга, и раздраженный герцогъ закололъ легата на дорогѣ при всей его свитѣ.

Пизанскій соборъ.

Папа сильно встревожился; его положеніе стало еще опаснѣе, когда король французскій сталъ говорить о созваніи вселенскаго собора. Людовикъ предлагалъ соборъ созвать въ Пизѣ. Флорентійцы, владѣвшіе этимъ городомъ, были тогда раздражены противъ Юлія. За нѣсколько времени передъ тѣмъ былъ открытъ умыселъ Принцивалле Стуфы убить Джуліо Содерини, вліятельнѣйшаго государственнаго

человѣка Флоренціи и возстановить владычество Медичи. Флорентійцы полагали, что папа покровительствовалъ этому замыслу. Кромѣ того, онъ принялъ сторону Сіэны, враждебной имъ. Такимъ образомъ выборъ Пизы мѣстомъ собора уже показывалъ, что его созваніе имѣетъ цѣль непріязненную папѣ. Въ самой коллегіи кардиналовъ возникла оппозиція Юлію; пять кардиналовъ совершенно поссорились съ папой и уѣхали во Флоренцію. Чтобы предотвратить созваніе собора въ Пизѣ, Юлій объявилъ, что созываетъ на 19 апрѣля 1512 соборъ въ латеранскомъ храмѣ. Онъ выказывалъ непоколебимую энергію. Съ нимъ нѣсколько разъ были припадки болѣзни, угрожавшіе ему смертью, но его дѣятельность не ослабѣвала. Онъ заключилъ 5 октября (1511 года) съ Венеціей и Фердинандомъ Католическимъ союзъ, который назывался Священной лигой; онъ вошелъ въ сношенія съ швейцарцами, и собралось 10.000 швейцарскихъ волонтеровъ, готовыхъ по первому его желанію идти въ герцогство миланское; онъ склонилъ Генриха VIII, короля англійскаго, присоединиться къ Священной лигѣ; онъ объявилъ уѣхавшихъ во Флоренцію кардиналовъ лишенными сана, наложилъ интердиктъ на Флоренцію, назначилъ кардинала Медичи легатомъ въ Перуджіо съ порученіемъ покорить Болонью.—Кардиналы, которыхъ объявилъ онъ низложенными, пріѣхали въ Пизу; туда собралось довольно прелатовъ; это собраніе объявило себя вселенскимъ соборомъ; онъ имѣлъ три засѣданія подъ президентствомъ кардинала Карвахаля. Но число приверженцевъ его было очень невелико. Флорентійцы пренебрегали имъ, пизанцы выказывали вражду къ нему, и прелаты, собравшіеся въ Пизѣ, перенесли свои засѣданія въ Миланъ. Вліяніе Содерини во Флоренціи стало падать; народъ не хотѣлъ ввязываться въ войну для поддержанія интересовъ короля французскаго.

Въ началѣ слѣдующаго (1512) года военныя дѣйствія въ Италіи получили большой размѣръ. Кардона, вице-король неаполитанскій, повелъ въ Романью войско, состоявшее изъ испанцевъ и неаполитанцевъ. Кардиналъ Джованни Медичи и многіе вельможи папскихъ владѣній присоединились къ нему съ своими отрядами, такъ что войско его увеличилось до 20.000 человѣкъ. Онъ шелъ покорить Болонью и Феррару. Венеціанскіе полководцы, Гритти и Авогаро, пошли въ ту часть герцогства миланскаго, которая прежде принадлежала Венеціи. Населеніе сохранило сочувствіе къ ней; при его помощи Гритти и Авогаро овладѣли Брешіей и многими другими городами. Швейцарцы тоже вступили въ герцогство миланское и дошли до окрестностей Милана, но, ограбивъ страну, вернулись домой. Единственнымъ союзникомъ короля французскаго былъ Максимиліанъ, прославшій ему нѣсколько тысячъ ландскнехтовъ. Изъ Франціи пришли сильныя подкрѣпленія къ главнокомандующему въ Италіи, Гастону Фуасскому, 23 лѣтнему отважному юношѣ, умѣвшему дѣлать такіе быстрые переходы, которые считались до того времени невозможными. Онъ, выбравъ ночь, когда падалъ снѣгъ, незамѣтно прошелъ въ Болонью, осажденную Кардоной, напалъ (4 февраля) на осаждающихъ, оттѣснилъ ихъ, неожиданно подступилъ къ Брешіи, взялъ ее штурмомъ и отдалъ на разграбленіе своимъ солдатамъ; они страшно неистовствовали въ несчастномъ городѣ. Оба венеціанскіе главнокомандующіе были взяты въ плѣнъ. Гритти былъ отосланъ во Францію, Авогаро и его два сына были казнены. Черезъ нѣсколько недѣль Гастонъ пошелъ къ Равеннѣ, у которой собралось все испанско-итальянское войско. Въ кровопролитной битвѣ 11 апрѣля французы побѣдили. Непріятель занималъ крѣпкую позицію; но феррарская артиллерія, считавшаяся въ то время лучшей, наносила ему большой уронъ; Фабриціо Колонна, начальствовавшій первой линіей, повелъ войско въ атаку, чтобы прекратить ея дѣйствіе; атака была отражена, Колонна былъ взятъ въ плѣнъ; Кардона поскакалъ съ поля сраженія; но испанская пѣхота оборонялась очень мужественно, и когда атаки французской конницы принудили ее отступать, она исполнила отступленіе спокойно въ совершенномъ порядкѣ. Гастонъ съ отборнымъ отрядомъ конницы бросился на нее, чтобы разорвать ея ряды; лошадь упала подъ нимъ; испанцы нанесли ему нѣсколько ударовъ копьями; французы кричали: «это нашъ вице-король, братъ вашей королевы», но испанцы продолжали наносить удары ему. На груди и на головѣ убитаго было 14 ранъ. Общее число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось, какъ говорятъ, до 20.000 человѣкъ; въ числѣ ихъ было много итальянскихъ и французскихъ вельможъ. Кардиналъ Джованни Медичи былъ взятъ въ плѣнъ французами.

Пораженіе подъ Равенной испугало итальянскихъ союзниковъ короля испанскаго. Имола, Форли, Чезена, Римини, Равенна сдались. Въ Римѣ со дня на день ждали появленія французскаго войска и требовали мира. Но Юлій остался непоколебимъ, и скоро ходъ войны измѣнился во вредъ французамъ. Ихъ начальники были бездарны, ссорились между собой, раздѣлили войско на нѣсколько отрядовъ; оно потеряло отвагу; солдаты буйствовали, дисциплина упала; война наскучила вельможамъ, они желали возвратиться домой. Непріятель началъ наступательныя дѣйствія, овладѣлъ Чезеной, Римини, Равенной, подступилъ къ Болоньѣ. Положеніе короля французскаго стало затруднительно. Испанцы перешли Пиренеи. Максимиліанъ, при посредничествѣ Фердинанда Католическаго, заключилъ перемиріе съ венеціанцами. Епископъ зиттенскій Шиннеръ съ большимъ войскомъ швейцарскихъ волонтеровъ шелъ къ Милану.

Римъ и его окрестности были теперь безопасны отъ нападенія французовъ. Въ Латеранѣ собралось много иноземныхъ прелатовъ: въ первомъ засѣданіи собора (3 мая 1512) присутствовало 83 епископа. Враждебный папѣ соборъ, перенесшій свои засѣданія изъ

Занятіе Милана швейцарцами, провозглашеніе Максиміліана Сфорцы герцогомъ Миланскимъ.

Пизы въ Миланъ, разсѣялся. Латеранскій соборъ принялъ рѣшенія, возвышавшія власть папы надъ церковью.—Дѣла французовъ шли дурно; швейцарцы и венеціанцы вошли въ герцогство миланское; Ла Палиссъ, бывшій теперь французскимъ главнокомандующимъ, увелъ туда почти все войско изъ средней Италіи. Максиміліанъ отозвалъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, помогавшихъ французамъ. Швейцарцы, при которыхъ находился Максиміліанъ Сфорца, сынъ Людовика Мора, вступили въ Ломбардію. Населеніе принимало сторону Максиміліана Сфорцы. Граждане Бергамо отворили ворота венеціанцамъ. Французы принуждены были уйдти изъ Лоди и Павіи. Бентивольо бѣжалъ изъ Болоньи, герцогъ урбинскій вступилъ въ нее. Генуэзцы объявили себя независимыми, выбрали новаго дожа, присоединились къ лигѣ. Альфонсъ Феррарскій пріѣхалъ въ Римъ просить прощенія; Юлій принудилъ его уступить римскому престолу часть владѣній. Французы держались только въ миланской цитадели и немногихъ крѣпостяхъ, важнѣйшими изъ которыхъ были Брешія и Крема. Швейцарцы ходили по всему герцогству миланскому, грабили селенія, брали контрибуціи съ городовъ, отнимали у французовъ одну крѣпость за другой. Герцогъ савойскій, опасаясь ихъ нападенія, разорвалъ союзъ съ королемъ французскимъ. Въ декабрѣ Максиміліанъ Сфорца уступилъ швейцарцамъ Лугано, Локарно и сосѣднія долины, обязался платить имъ ежегодно 40.000 дукатовъ субсидіи, дать 200.000 дукатовъ единовременнаго вознагражденія. Они ввели его въ городъ Миланъ; онъ былъ провозглашенъ герцогомъ. Французы были совершенно вытѣснены изъ герцогства.

Флорентійскія дѣла.

Флоренція не заключала формальнаго союза съ Людовикомъ XII, но Содерини, правившій дѣлами по полученному имъ пожизненному сану гонфалоніэра, не хотѣлъ присоединиться къ лигѣ. Теперь, когда она торжествовала, положеніе Флоренціи сдѣлалось очень опаснымъ. Юлій, негодовавшій на флорентійцевъ, потребовалъ, чтобы Содерини былъ лишенъ должности гонфалоніэра, чтобы флорентійцы дозволили возвратиться изгнаннымъ Медичи и всѣмъ другимъ изгнанникамъ и присоединились къ лигѣ. Они отвергли эти требованія. Кардона, вице-король неаполитанскій, въ сопровожденіи кардинала Медичи, пошелъ на Флоренцію съ войскомъ, состоявшимъ изъ испанцевъ, итальянцевъ и нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Флорентійцы имѣли только милицію, составленную изъ неопытныхъ рекрутовъ, и нѣсколько тысячъ наемниковъ, буйствовавшихъ и не слушавшихся приказаній. Кардона опустошалъ страну и 30 августа взялъ штурмомъ городъ Прато; солдаты грабили и рѣзали горожанъ. Флорентійцы увидѣли невозможность сопротивляться, заставили Содерини отказаться отъ должности, уѣхать изъ Флоренціи. Онъ покинулъ Италію, нашелъ пріютъ себѣ въ Рагузѣ. Флорентійскіе уполномоченные отправились просить мира у Кардоны; онъ потребовалъ только денегъ и дозволенія изгнаннымъ

Медичи возвратиться. Ихъ приверженцы подняли возстаніе, низвергли демократическія учрежденія, заставили синьорію созвать народное собраніе; оно приняло предложенія, сдѣланныя ими, объявило недѣйствительными всѣ законы, принятые послѣ изгнанія Піэтро Медичи, назначило балію и дало ей всѣ полномочія, какихъ желали приверженцы Медичи; она была избрана на одинъ годъ, но собственному ея усмотрѣнію было предоставлено рѣшеніе вопроса, должна ли власть ея продолжаться по истеченіи годичнаго срока, и она каждый годъ брала на себя управленіе государствомъ еще на годъ впередъ. Комитетъ изъ 20 членовъ, избираемый баліей, получилъ право назначать гонфалоніэра и пріоровъ (членовъ синьоріи). По удаленіи Содерини, гонфалоніэромъ былъ назначенъ Ридольфи, родственникъ Медичи, но республиканецъ. Теперь онъ отказался отъ должности, и гонфалоніэромъ былъ назначенъ Филиппо Буондельмонти, усердный исполнитель желаній Джованни и Джуліано Медичи (Джованни, находившійся въ плѣну у французовъ, былъ освобожденъ поселянами при переходѣ ихъ черезъ рѣку По). Милиція, состоявшая изъ гражданъ, была распущена. Въ сентябрѣ Джованни и Джуліано Медичи пріѣхали во Флоренцію; всѣ должности были въ рукахъ ихъ приверженцевъ, и они стали повелителями Флоренціи. Но народъ не питалъ любви къ нимъ. Піэтро Паоло Босколи имѣлъ списокъ гражданъ, считавшихся вѣрными друзьями свободы. Этотъ списокъ случайно попалъ въ руки правительства и послужилъ для него предлогомъ утверждать, что составленъ заговоръ противъ Медичи; начались аресты, допросы, пытки. Никакихъ уликъ въ дѣйствительномъ существованіи заговора не было получено, но были казнены Босколи и Агостино Каппони; нѣкоторые другіе граждане были изгнаны; въ числѣ ихъ находился Макіавелли, имя котораго стояло въ спискѣ, составленномъ Босколи.

Переговоры.

Въ концѣ 1512 и началѣ 1513 года папскія войска заняли Парму, Піаченцу, Реджо. Юлій хотѣлъ присоединить къ папскому государству и Модену. Онъ заключилъ съ Максиміліаномъ договоръ, обѣщался дать императору денегъ и помогать въ покореніи тѣхъ венеціанскихъ областей, какія были предоставлены на его долю Камбрейской лигой. Венеціанцы, узнавъ объ этомъ, заключили въ мартѣ 1513 союзъ съ Людовикомъ XII, обѣщались помогать ему въ завоеваніи герцогства миланскаго, получили отъ него обѣщаніе, что онъ отдастъ имъ тѣ миланскія области, которыми владѣли они прежде. Но раньше чѣмъ могъ воспользоваться своимъ договоромъ съ Максиміліаномъ, Юлій II умеръ (21 февраля 1513). Преемникомъ его былъ выбранъ Джованни Медичи, принявшій имя Льва X. Это окончательно упрочило владычество Медичи во Флоренціи. Левъ X назначилъ своего двоюроднаго брата Джуліо архіепископомъ флорентійскимъ.

Левъ X.

Левъ X не имѣлъ той вражды къ французамъ, какъ Юлій II; онъ продолжалъ войну только для пріобрѣтенія выгодъ папскому престолу

и своей фамиліи. Главной цѣлью его было сохранить владычество надъ Пармой и Піаченцой. Онъ примирился съ герцогомъ феррарскимъ и желалъ заключить миръ съ королемъ французскимъ. Кардиналы, созвавшіе соборъ въ Пизѣ и переѣхавшіе оттуда въ Миланъ, жили теперь въ Ліонѣ; при нихъ оставалось нѣсколько другихъ прелатовъ. Левъ X помирился съ ними, и прекратились засѣданія этого собранія, называвшаго себя вселенскимъ соборомъ.

Но война въ сѣверной Италіи продолжалась. Испанцы, французы, швейцарцы, нѣмцы, итальянцы опустошали равнину рѣки По, берега Тичино и Адидже, жгли селенія, рѣзали людей; города переходили изъ рукъ въ руки, и каждый разъ возобновлялся грабежъ. Тремуль и Роберъ, графъ маркскій, начальники французскаго войска, получивъ подкрѣпленія, пошли къ Милану; но 6 іюня (1513) потерпѣли тяжелое пораженіе подъ Новарой. Въ Генуѣ приверженцы французовъ, вождями которыхъ были Адорни и Фіэско, сражались съ партіей лиги, вождями которой были Фрегози. Побѣда переходила изъ рукъ въ руки, сопровождалась каждый разъ казнями и изгнаніями. На Адидже и въ низовьи По отъ Вероны до Падуи венеціанскія войска подъ начальствомъ Альвіано, освобожденнаго французами, сражались при содѣйствіи народа противъ папскихъ и испанскихъ войскъ, которыми начальствовалп Кардона и Пескара, и противъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Кардона пошелъ на Бренту, принужденъ былъ отступать; при Бассано (7 октября 1513) венеціанцы напали на него, но были разбиты и потеряли весь обозъ; много вельможъ было убито, въ томъ числѣ двое Бентивольіо; многіе другіе были взяты въ плѣнъ.

Венеціанцы были изнурены войной; бѣдствія ихъ увеличились пожаромъ, истребившимъ значительную часть Венеціи. Они желали мира; еще сильнѣе желалъ его Людовикъ XII. Мы говорили, что Генрихъ VIII, зять Фердинанда, присоединился къ лигѣ и помогалъ испанцамъ завоевать Наварру. Послѣ того Генрихъ ношелъ изъ Кале въ Пикардію и осадилъ Теруанъ. Людовикъ вызвалъ, какъ мы говорили, большую часть своего войска изъ Италіи. Но когда французы приблизились къ Теруану, конница ихъ подверглась при Гингатѣ неожиданному нападенію и обратилась въ бѣгство (16 августа); Баяръ и Дюнуа, герцогъ лонгвилльскій, были взяты въ плѣнъ. Теруанъ сдался; англичане могли бы сдѣлать большія завоеванія, но Генрихъ VIII желалъ веселиться и въ октябрѣ возвратился въ Лондонъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ швейцарцы, нанятые Максимиліаномъ, перешли Юру, къ нимъ присоединился отрядъ конницы Максимиліана; они подступили къ Дижону. Правитель Бургони Тремуль далъ имъ много денегъ, обѣщалъ еще больше, и они ушли. Но Людовикъ нашелъ чрезмѣрными обѣщанія Тримуля и не утвердилъ заключеннаго имъ договора. Потому должно было ожидать, что на слѣдующую весну швейцарцы возобновятъ нападенія. Максимиліанъ и Генрихъ VIII также угрожали новымъ нападеніемъ. Франція была утомлена войной; казна была пуста; народъ желалъ мира.

Людовикъ XII не могъ надѣяться на побѣду. Онъ не имѣлъ союзниковъ; у французовъ было отнято герцогство миланское; Франція была окружена врагами; Людовикъ видѣлъ надобность помириться съ нѣкоторыми изъ нихъ, чтобы получить возможность послать войско для завоеванія Милана. Онъ вступилъ въ переговоры съ папой, отнялъ свое покровительство у прелатовъ, переѣхавшихъ изъ Милана въ Ліонъ, призналъ (въ октябрѣ 1513) латеранскій соборъ вселенскимъ; многіе изъ прелатовъ, собиравшихся въ Ліонѣ, послушались совѣтовъ короля, примирились съ папой и пріѣхали участвовать въ латеранскомъ соборѣ. Левъ X былъ благодаренъ за это Людовику, не дѣлалъ никакихъ возраженій противъ его похода въ Миланъ и даже хотѣлъ облегчить ему завоеваніе герцогства, склонялъ швейцарцевъ заключить миръ съ нимъ. Но для нихъ было выгодно поддерживать Максимиліана Сфорцу, потому что при немъ они были хозяевами въ герцогствѣ. Они отвѣчали, что Людовикъ долженъ отказаться отъ Милана и графства Асти. Хлопоты Юлія остались напрасны. Не удалось ему и помирить императора съ венеціанцами, потому что уполномоченный Максимиліана епископъ Гуркъ (имѣвшій теперь санъ кардинала) требовалъ слишкомъ большихъ уступокъ. Мѣшало успѣху переговоровъ и желаніе папы пріобрѣсти Модену и Редджо, которые хотѣлъ онъ отдать своему брату Джуліано.

Второй бракъ Людовика. Смерть его.

Переговоры длились еще цѣлый годъ. Всѣ желали мира, но никто не хотѣлъ дѣлать уступокъ. Въ августѣ 1514 Людовикъ XII помирился съ королями англійскимъ и испанскимъ и сталъ готовить войско къ походу въ Италію слѣдующей весной.—Анна Бретанская, дѣлавшая много непріятностей мужу защитой правъ Бретани, умерла 9 января 1514. Отъ нея у Людовика были только дочери. Старшая изъ нихъ была обручена съ Францискомъ Ангулемскимъ, ближайшимъ родственникомъ Людовика. Но королю хотѣлось бы имѣть своимъ наслѣдникомъ сына; онъ рѣшился жениться. При посредничествѣ герцога Лонгвилля, находившагося въ плѣну у англичанъ и съумѣвшаго понравиться Генриху, короли англійскій и французскій помирились, обѣщались помогать другъ другу и условились, что Людовикъ женится на Маріи, сестрѣ Генриха. Невѣстѣ было 16 лѣтъ, жениху 53 года. Король англійскій отказался отъ всѣхъ своихъ денежныхъ притязаній по прежнимъ долгамъ королей французскихъ англійскимъ и далъ сестрѣ большое приданое. Свадьба была отпразднована 11 октября 1514 въ Абвиллѣ. За свадебнымъ пиромъ тянулся длинный рядъ другихъ пировъ и веселостей. Король, здоровье котораго уже давно ослабѣвало, всячески старался казаться бодрымъ. Эти усилія превозмочь слабость совершенно разстроили его здоровье;

силы его стали быстро падать, и 1 января 1515 онъ умеръ. Молодая вдова возвратилась на родину и черезъ нѣсколько времени вышла за герцога Соффолька, котораго любила, бывши дѣвушкой.

Францискъ I 1515—1547.

Такимъ образомъ на французскій престолъ вступилъ Францискъ Ангулемскій; ему было тогда 21 годъ. Онъ былъ блестящій храбрый рыцарь. Войско уже было почти готово къ походу въ Италію. Францискъ принялъ титулъ герцога миланскаго и энергически занялся окончаніемъ приготовленій къ походу.

Положеніе дѣлъ въ Миланѣ.

Только венеціанцы признали его права на герцогство миланское. Папа, императоръ и Фердинандъ Католическій дали на его вопросы уклончивые отвѣты; швейцарцы, владычествовавшіе въ герцогствѣ миланскомъ, отвергли всѣ его предложенія. Онъ не могъ дать имъ тѣхъ выгодъ, какія имѣли они теперь. Максиміліанъ Сфорца, человѣкъ бездарный и безхарактерный, былъ герцогомъ только по имени. Швейцарцы дѣлали въ герцогствѣ, что хотѣли, и обращались съ Максиміліаномъ такъ, что онъ желалъ избавиться отъ нихъ; но населеніе герцогства не могло свергнуть съ себя иго швейцарскаго войска, числительность котораго была 20.000 человѣкъ, не имѣвшихъ тогда соперниковъ себѣ по храбрости. Ненависть къ швейцарцамъ въ сѣверной Италіи была такъ велика, что генуэзцы выражали желаніе отдаться подъ власть Франциска. Мать его была принцесса савойской династіи, потому герцогъ савойскій былъ на его сторонѣ.

Битва при Мариньяно.

Онъ пошелъ изъ Амбрёна въ Салуццо черезъ Коттійскія Альпы. Это былъ путь очень трудный. Король, коннетабль герцогъ Бурбонскій, начальствовавшій авангардомъ, знаменитые полководцы Баяръ, Тривульціо, Лотрекъ, Тремуль ободряли воиновъ. Даже швейцарцы были удивлены отвагой французовъ, пошедшихъ этимъ путемъ, и выносливостью, съ какой они сдѣлали тяжелый переходъ. Францискъ предлагалъ швейцарцамъ выгодныя условія мира; многіе изъ нихъ говорили, что должно принять его предложеніе; но большинство, ободряемое епископомъ зиттенскимъ, рѣшило, что взять деньги и оставить беззащитнымъ герцога, которому служили они, было бы дѣломъ постыднымъ. Довольно многіе изъ требовавшихъ мира ушли. — Послѣ епископа зиттенскаго наибольшимъ вліяніемъ въ швейцарскомъ войскѣ пользовался цюрихскій бургомистръ Марксъ Рейстъ; онъ совѣтовалъ заключить миръ съ Франциской, но ему было поручено главное начальство въ битвѣ. Швейцарцы встрѣтились съ французами 13 сентября у мѣстечка Мариньяно на рѣкѣ Ламбро, на юго-востокѣ отъ Милана. Это сраженіе было одной изъ самыхъ знаменитыхъ битвъ той эпохи. — Вечеромъ въ первый день побѣда казалась оставшейся за швейцарцами: первая линія французскаго войска, которой начальствовалъ коннетабль, была обращена въ бѣгство, швейцарцы взяли десять знаменъ и двѣнадцать пушекъ. — Но

на слѣдующій день французы возобновили бой. Тривульціо велѣлъ прорѣзать плотины Ламбро, рѣка залила швейцарскій лагерь. Превосходная французская артиллерія производила опустошеніе въ рядахъ швейцарцевъ, и они были побѣждены. Но они отступили въ порядкѣ съ развернутыми знаменами. Только боевая труба кантона Ури была потеряна при отступленіи. Уронъ швейцарцевъ убитыми и ранеными простирался до 7.000 человѣкъ. Французы не преслѣдовали отступающихъ. Они спокойно прошли черезъ Комо на родину, внушая и по своемъ пораженіи страхъ непріятелю.

Окончаніе войны.

Послѣ битвы исполиновъ, какъ называлъ Тривульціо сраженіе при Мариньяно, французы подступили къ Милану. Максиміліанъ Сфорца такъ упалъ духомъ, что торопливо заключилъ капитуляцію, хотя швейцарцы обѣщали возвратиться на защиту его. Онъ 4 октября (1515 года) отказался отъ сана герцога и поѣхалъ жить во Францію; Францискъ назначилъ ему большую пенсію. Онъ прожилъ послѣ своего отреченія 15 лѣтъ.—Швейцарцы взяли вознагражденіе, предложенное Франциской, сдали ему Кремону и другія крѣпости, въ которыхъ стояли ихъ гарнизоны. Но кардиналъ Шиннеръ и горные кантоны остались въ союзѣ съ папой и императоромъ. Въ слѣдующемъ году Францискъ уступилъ швейцарцамъ нѣкоторыя альпійскія долины герцогства миланскаго, предоставилъ имъ торговыя выгоды, обязался ежегодно платить опредѣленную сумму за союзъ. На этихъ условіяхъ они 29 ноября (1516 года) возобновили прежній, такъ называемый, вѣчный миръ съ Франціей. Левъ X принужденъ былъ согласиться на присоединеніе Пармы и Піаченцы къ герцогству миланскому, возвратить Реджо и Модену герцогу феррарскому. Францискъ согласился оставить Болонью подъ властью папы, обѣщалъ свое покровительство династіи Медичи. По заключеніи мира съ Франциской, Левъ X видѣлся съ нимъ въ Болоньѣ, и личными переговорами были разрѣшены споры по церковнымъ дѣламъ. Максиміліанъ все еще не хотѣлъ мириться, надѣясь отнять у французовъ герцогство миланское и отдать его Франческу, младшему сыну Людовика Мора. Но коннетабль герцогъ Бурбонскій и старикъ маршалъ Тривульціо зорко охраняли границы герцогства миланскаго; швейцарцы не хотѣли сражаться противъ своихъ соотечественниковъ, находившихся во французской службѣ, и Максиміліанъ не могъ пріобрѣсти ихъ содѣйствія; потому попытки его возобновлять нападенія на французовъ въ Италіи оставались безуспѣшны.

Венеція.

Такимъ образомъ въ утомленной Италіи прекратилась война. Венеціанцы пріобрѣли ту часть герцогства миланскаго, которой владѣли прежде, возстановили свою власть надъ Брешіей и Вероной. Но могущество Венеціи уже клонилось къ упадку подъ тяжелыми ударами, какіе были нанесены ей турками, отнявшими у нея владѣнія въ во-

сточной части Средиземнаго моря, открытіемъ морского пути въ Индію и развитіемъ американскихъ колоній Испаніи.

VI. НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

A. Эпоха гуманизма.

Литература. Heeren, Geschichte des Studiums der Classischen Litteratur seit dem Wiederaufleben der Wissenschaften (2 тома, Göttingen, 1797—1802); Erhard, Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung, vornehmlich in Deutschland (3 тома, Madgeburg, 1827 и слѣд. годы); Paulson, Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten (Leipzig, 1885), Hagen, Deutschlands Litterarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter (2 изд., 3 тома, Frankfurt am Main, 1868). —Tiraboschi, Storia della letteratura italiana (этотъ трудъ имѣлъ много изданій); Ginguéné, Histoire littéraire d'Italie (2 изд., 14 томовъ, Paris 1824—1835). Изъ монографій назовемъ: Strauss, Ulrich von Hutten (2 изд., 2 тома, Leipzig, 1871); A. Müller, Leben des Erasmus von Rotterdam (Hamburg, 1828); Rudhart, Thomas Morus (Nürnberg, 1829); Prowe, Nikolaus Kopernicus (2 тома, Berlin, 1883).

---

1. Изученіе классической древности.

Вѣяніе новаго духа, преобразовавшаго всѣ области жизни народовъ, видоизмѣнявшаго состояніе церкви и политическое устройство государствъ, освобождавшаго общественный бытъ отъ многихъ оковъ, порождавшаго новую жизнь въ искусствѣ, пересоздавало и науку, вносило въ нее совсѣмъ новыя понятія. Средневѣковыя формы обветшали вѣдь и въ наукѣ, была потребность обновленія и въ ней; схоластика утратила живое содержаніе, стала мертвой системой неподвижныхъ опредѣленій. Времена великихъ мыслителей ея давно миновали, продолжатели ихъ машинально повторяли сказанное ими, не давая удовлетворенія потребности ума въ самостоятельной дѣятельности. Иго католической ортодоксальности и мертвыхъ школьныхъ теорій, тяготѣвшее надъ средневѣковой наукой, стало невыносимымъ при развивавшемся въ людяхъ стремленіи къ свободѣ изслѣдованія и было сброшено. Но желая достичь умственной самостоятельности, люди нуждались въ пособіи для ея пріобрѣтенія; они нашли эти опору себѣ въ изученіи классической древности. Новая цивилизація имѣла своимъ основаніемъ древнюю.

Періодъ созданія новой культуры справедливо называется эпохою возрожденія классической культуры. Правда, уже прежде были изучаемы произведенія классической литературы. Западная церковь сохранила латинскій языкъ; онъ былъ органомъ не только церковной, но и ученой литературы. Всѣ средневѣковые философы изучали Аристотеля, хотя не въ подлинникѣ, а въ переводахъ и передѣлкахъ, не совсѣмъ вѣрно передававшихъ его мысли; лѣтописцы подражали Ливію или Саллюстію; Виргилій былъ образцомъ для поэтовъ. Въ монастыряхъ были люди, переписывавшіе и изучавшіе произведенія древнихъ авторовъ. Классическая образованность не могла бы возродиться, если бы совершенно погибла, если бъ не сохранялась у нѣкоторыхъ людей любовь къ ней во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Но ея вліяніе было слабо; число людей, любящихъ и знающихъ ее, было невелико. Узкія средневѣковыя понятія мѣшали воспринятію идей древнихъ писателей, и по недостатку интереса древнія рукописи вообще лежали покрытыя пылью, погибали отъ небрежности. Въ концѣ среднихъ вѣковъ любовь къ ихъ изученію распространилась, и люди, изучавшіе ихъ, стали понимать ихъ идеи лучше прежняго; были найдены сочиненія классическихъ авторовъ, остававшіяся неизвѣстными въ прежнее время; такъ напримѣръ были открыты нѣкоторыя части произведеній Тацита. Люди стали изучать Гомера, другихъ греческихъ писателей въ подлинникахъ, жадно читали Платона, Плотина, Прокла, научились понимать Аристотеля лучше прежняго; стали интересоваться древними зданіями, искать древнихъ монетъ и камеевъ; нашли въ землѣ статуи, сдѣлавшіяся образцами для новаго искусства: были найдены Аполлонъ Бельведерскій, Венера Медицейская, Лаокоонъ, та статуя, которая называется Torso; коллекціи сокровищъ древняго искусства стали считаться необходимой принадлежностью великолѣпія дворцовъ итальянскихъ государей.

Интересъ къ произведеніямъ древнихъ писателей распространился; прежде ученые были только монахи; теперь наука вышла изъ подъ владычества церкви; возникло особое сословіе ученыхъ, ставившихъ задачей себѣ изученіе истины. Они находили ее въ произведеніяхъ древнихъ философовъ и поэтовъ, освобождались отъ средневѣковыхъ предразсудковъ. Правда, увлеченіе классической древностью имѣло и дурныя стороны. Въ своемъ желаніи писать изящной латинью, образованные люди пренебрегали національной литературой; подражаніе древнимъ авторамъ дѣлало ихъ слогъ слишкомъ искусственнымъ; они писали рѣчи и ученые трактаты языкомъ, составленнымъ изъ оборотовъ, взятыхъ у Цицерона, идиллій и героическія поэмы во вкусѣ Виргилія; все это было холодно, безжизненно и давно подверглось справедливому забвенію. Но крайности увлеченія были на первое время неизбѣжны, и, пользуясь плодами его, мы не имѣемъ права осуждать новое направленіе культуры за то, что оно сначала уклонялось отъ вѣрнаго пути.

---

2. Гуманизмъ въ Италіи.

а) Общій характеръ итальянскаго гуманизма.

Римскія древности.

Новое умственное движеніе имѣло своей отчизной Италію, бывшую учительницей остального запада и въ средніе вѣка; она представляла самую благопріятную почву для возрожденія древней образованности. Древняя цивилизація была культурой предковъ итальянскаго народа; языкъ его оставался близокъ къ латинскому. Повсюду въ Италіи находились римскія зданія. Римъ представлялъ множество ихъ; все въ немъ напоминало славныя прошедшія времена; образованнымъ людямъ было видно въ немъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, какой вредъ произвели времена варварства. Въ продолженіе многихъ столѣтій были разрушаемы въ Римѣ древнія зданія; даже въ половинѣ XIII вѣка это еще продолжалось: около 1258 года сенаторъ (правитель Рима) Бранкалеоне разрушилъ многія древнія зданія, служившія укрѣпленными жилищами римскихъ вельможъ. Но уже не далеко было время появленія гуманистовъ, которые стали съ благоговѣніемъ изучать древнія развалины и грустно мечтать о величіи древняго Рима. Описанія его, сдѣланныя Подджо и Флавіемъ Блондомъ (Біондо), свидѣтельствуютъ о томъ, какъ живо интересовались образованные люди ихъ времени остатками древности.

Первые возбудители гуманизма.

Данте, Петрарка и Боккаччіо, создатели итальянской національной литературы, были съ тѣмъ вмѣстѣ возбудителями любви къ изученію классической древности. Понятія Данте еще оставались средневѣковыми, схоластическими, и сквозь нихъ лишь смутно проявляются идеи, внушенныя изученіемъ римскихъ классиковъ; но Петрарка уже сбрасываетъ съ себя средневѣковыя стѣсненія и съ энтузіазмомъ отдается вліянію классической литературы. Онъ истинный основатель изученія древности. Потомки восхищались его сонетами и канцонами; но самъ онъ и его современники гораздо выше итальянскихъ его стихотвореній ставили латинскія сочиненія его. Онъ ожидалъ себѣ безсмертія отъ своей латинской эпической поэмы «Африка». Онъ съ дѣтства полюбилъ благозвучные стихи Виргилія и краснорѣчіе Цицерона, жилъ мыслями въ древнемъ мірѣ. Проходя по улицамъ Рима, видя развалины древнихъ зданій, обломки статуй, онъ грустно думалъ о погибели прежняго величія Рима и мечталъ о его возрожденіи. Онъ сочувствовалъ фантастическому предпріятію Колы Ріэнци; они оба были проникнуты одинаковыми понятіями; Петрарка видѣлъ въ народномъ трибунѣ Ріэнци новаго Брута, въ призрачной римской республикѣ Ріэнци начало новой славной эпохи для Рима и всей Италіи. Но идея о возстановленіи древняго міра, оказавшаяся безсильной въ примѣненіи

къ политическимъ дѣламъ, создала новую умственную жизнь. Петрарка понималъ, что новая образованность должна быть основана на изученіи классическихъ литературъ. Своею заботою о немъ онъ далъ благотворное направленіе умственной дѣятельности слѣдующихъ поколѣній. Онъ неутомимо спорилъ съ противниками своихъ идеаловъ, приверженцами ученой рутины, юристами, врачами, астрологами, послѣдователями схоластики и съ фанатиками, считавшими вреднымъ изученіе языческихъ писателей. Онъ желалъ согласить мысли древнихъ философовъ съ христіанствомъ, изучалъ Августина и другихъ отцовъ церкви и, восхищаясь республиканскими доблестями римлянъ и грековъ, искалъ покровительства государей и вельможъ, любилъ похвалы современниковъ.

Боккаччіо.

Подобно своему наставнику Петраркѣ, Боккаччіо восторженно занимался изученіемъ классичесской древности, но не былъ такимъ идеалистомъ, какъ Петрарка; больше, чѣмъ изученіемъ древнихъ мыслителей, онъ увлекался страстью собирать свѣдѣнія о бытѣ и легендахъ классическаго міра, составлялъ ученыя компиляціи по образцу византійскихъ. Таковъ напримѣръ его обширный трактатъ «О генеалогіи боговъ». Онъ былъ очень трудолюбивымъ ученымъ.

Изученіе греческой литературы.

Великіе учители нашли много преемниковъ себѣ въ дѣлѣ изученія древней цивилизаціи. Джованни Мальпагано, уроженецъ Равенны, называемый по-латини Іоанномъ Равеннскимъ, въ первые два десятилѣтія XV вѣка очень успѣшно знакомилъ молодое поколѣніе съ римскими классиками. Но важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для новой цивилизаціи было то, что началось изученіе греческой литературы. Въ западной Европѣ всегда были люди, знающіе греческій языкъ, но ихъ было мало; лишь немногіе ученые читали греческихъ писателей въ подлинникѣ; огромное большинство средневѣковыхъ ученыхъ оставалось совершенно незнакомо съ греческой литературой. Но когда стали лучше прежняго изучать римскихъ писателей, то возникла потребность ознакомиться и съ греческими, потому что римская литература оказалась основанной на произведеніяхъ, писанныхъ по-гречески. Въ первое время западнымъ гуманистамъ было очень трудно учиться греческому языку. Самъ Петрарка не нашелъ возможности узнать его. Онъ хотѣлъ выучиться по-гречески у калабрійскаго монаха Варлаама, бывшаго профессоромъ богословія въ Константинополѣ, но Варлаамъ хорошо зналъ только греческихъ отцовъ церкви, классическая литература была почти вовсе неизвѣстна ему; притомъ онъ умеръ вскорѣ послѣ начала своихъ уроковъ Петраркѣ; такимъ образомъ его ученикъ не успѣлъ выучиться у него читать греческихъ авторовъ. Петрарка съ грустью смотрѣлъ на произведенія Гомера и Платона, находившіяся въ его библіотекѣ и непонятныя ему. Онъ читалъ Гомера только въ старомъ плохомъ латинскомъ переводѣ Пиндара Ѳивскаго. Боккаччіо сдѣлалъ много для распространенія зна-

комства съ греческимъ языкомъ. По его вліянію былъ приглашенъ во Флоренцію калабріецъ Леонціо Пилато преподавать греческій языкъ и объяснять Гомера. Но Пилато плохо зналъ по-гречески и не былъ человѣкъ образованный; его латинскій переводъ Гомера не давалъ понятія о красотѣ греческаго подлинника.

Хрисолоръ † 1415.

Полезнѣе этихъ невѣжественныхъ и бездарныхъ калабрійцевъ былъ Эммануилъ Хрисолоръ, приглашенный въ 1396 во Флоренцію на каѳедру греческаго языка. Онъ хорошо зналъ греческую литературу и прекрасно владѣлъ латинскимъ языкомъ, былъ человѣкъ очень образованный. Онъ пріѣхалъ въ Италію посломъ отъ византійскаго двора и остался тамъ. Съ его приглашенія во Флоренцію начинается тѣсная литературная связь запада съ Константинополемъ и хорошее преподаваніе греческаго языка въ Италіи. Знатные флорентійцы, не только молодые, но и пожилые люди, сходились слушать Хрисолора; его учениками были знаменитѣйшіе гуманисты слѣдующаго времени. Знаніе греческаго языка сдѣлалось необходимостью для ученыхъ. Итальянскіе гуманисты сами стали ѣздить въ Константинополь для изученія греческой литературы. Они привезли оттуда сочиненія Платона, Ксенофонта, Діона Кассія, Страбона, Лукіана. Извѣстнѣйшіе изъ этихъ путешественниковъ были Гуарино Веронскій, Филельфо, Джованни Ауриспа. Черезъ нѣсколько времени итальянскіе гуманисты начали ѣздить для розысканія рукописей и знакомства въ греческими землями дальше Константинополя. Чиріако Пиццколли объѣхалъ Критъ и западное прибрежье Малой Азіи, собирая рукописи, дѣлая снимки надписей, описывая памятники. Послѣ Хрисолора славу превосходнаго преподавателя греческаго языка пріобрѣлъ Ѳеодоръ Газа, уроженецъ Ѳессалоники,

Газа † 1478.

читавшій лекціи въ разныхъ большихъ итальянскихъ городахъ. Онъ перевелъ сочиненія Аристотеля по естественнымъ наукамъ. Пользовался также

Георгій Трапезунтскій † 1484.

большой славой Георгій Трапезунтскій. Онъ перевелъ астрономію Птолемея, нѣкоторыя сочиненія Аристотеля и Платона. Впрочемъ его переводы сдѣланы небрежно. Онъ былъ человѣкъ неуживчиваго характера и навлекалъ на себя множество непріятностей. Одной изъ причинъ ихъ были его нападенія на Платона. Онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ и, утративъ всѣхъ друзей, умеръ въ Римѣ.

Аргиропуло. Гемистъ Плетонъ.

Нѣсколько позднѣе его пріобрѣли знаменитость преподаваніемъ греческаго языка и переводами греческихъ писателей Іоаннъ Аргиропуло и Георгій Гемистъ Плетонъ, распространившій въ Италіи любовь къ платоновской философіи. Аргиропуло переводилъ Аристотеля. Плетонъ пріѣхалъ въ Италію для участія въ дѣлѣ присоединенія греческой церкви къ римской на флорентійскомъ соборѣ. По этому же дѣлу пріѣхалъ знаменитый ученый Виссаріонъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи кардиналомъ. Онъ былъ поклонникъ Платона, покровительствовалъ гуманистамъ, въ особенности греческимъ ученымъ, жившимъ въ Италіи, принесъ большую пользу гуманизму и своей собственной литературной дѣятельностью. По взятіи Константинополя турками увеличилось число греческихъ ученыхъ, переселявшихся въ Италію. Но между итальянцами уже были тогда знатоки греческаго языка и греческой литературы; и почтеніе къ византійскимъ профессорамъ уменьшилось. Многіе изъ нихъ навлекали на себя насмѣшки своимъ высокомѣріемъ и плохимъ знаніемъ латинскаго языка; но были между ними люди, заслуживавшіе уваженіе ученостью и умомъ; они пользовались почетомъ. Къ числу ихъ принадлежали Андроникъ Каллинкъ, Димитрій Халкондилъ (знаменитый хорошими изданіями греческихъ писателей), Константинъ Ласкарисъ и его братъ Іоаннъ.

Халкондилъ † 1511.

Собираніе древнихъ рукописей.

Гуманисты розыскивали древнія рукописи, лежавшія безвѣстными въ монастыряхъ или въ кладовыхъ частныхъ людей. Итальянскіе ученые, пріѣзжавшіе въ Германію на констанцскій, а потомъ на базельскій соборы, ѣздили по нѣмецкимъ монастырямъ искать древнихъ рукописей; даже папскіе легаты заботились объ этомъ; гуманистами были осмотрѣны библіотеки всѣхъ западныхъ земель, и найдено было много классическихъ сочиненій, считавшихся погибшими. Они лежали въ кладовыхъ, покрытыя пылью. Во время констанцскаго собора Поджо Браччолини осмотрѣлъ сосѣднія аббатства рейхенауское и санктъ-галленское, розыскивая старыя рукописи, и нашелъ institutio oratoria Квинтиліана, поэму объ Аргонавтахъ Валерія Флакка; въ другихъ монастыряхъ были найдены Лукрецій Силій Италикъ, Амміанъ Марцеллинъ, часть исторіи Тацита, нѣсколько рѣчей Цицерона, комедіи Плавта, многія другія сочиненія.

Розыскивая утраченныя сочиненія древнихъ, гуманисты собирали лучшіе списки тѣхъ, которыя уже были извѣстны. Государи и богатые люди основывали библіотеки во Флоренціи, Римѣ, Венеціи, другихъ итальянскихъ городахъ. Искусные переписчики, въ особенности знающіе греческій языкъ, получали хорошее вознагражденіе. Ученые сличали рукописи, возстановляли истинное чтеніе текста. Въ послѣднія десятилѣтія XV вѣка типографское искусство проникло въ Италію, и Альдо Мануччи основалъ въ Венеціи типографію, прославившуюся изяществомъ изданій и вѣрностью текста ихъ.

Первоначально лишь немногіе занимались изученіемъ классической древности, но любовь къ нему распространялась. Государи, правители республикъ, духовные сановники стали покровительствовать ему; оно вошло въ моду, сдѣлалось принадлежностью знати. Всѣ образованные люди интересовались изящнымъ латинскимъ стихотвореніемъ или письмомъ. Ученые, занимавшіеся классической древностью, составили особый классъ, гордившійся своими знаніями, имѣвшій почетное положеніе въ обществѣ; они получали важныя государственныя должности, были любимыми собесѣдниками государей. Объ ихъ дѣятельности мы имѣемъ подробные разсказы въ ихъ письмахъ. Часто они придавали также форму писемъ панегирикамъ, которыми прославляли своихъ покровителей. Эти похвалы цѣнились очень дорого. Разумѣется, между гуманистами были люди тщеславные, ссорившіеся съ другими; ученыхъ ссоръ было много. Полемика доходила иногда до непріятностей. Таковы, напримѣръ, литературныя перебранки Поджо, Филельфо, Валлы съ ихъ учеными противниками.

Гуманистическая литература.

Изученіе древнихъ авторовъ увеличило число людей, писавшихъ латинскимъ языкомъ, и улучшило слогъ. Каждый, желавшій считаться ученымъ человѣкомъ, долженъ былъ хорошо говорить и писать на языкѣ Цицерона. Поджо сожалѣлъ о томъ, что Данте написалъ «Божественную комедію» на родномъ языкѣ, а не на латинскомъ. Дур-

ная латинь схоластиковъ замѣнилась чистой, изящной. Цицеронъ сталъ считаться образцомъ латинской прозы. Съ конца XV вѣка отъ ученыхъ требовалось, чтобы они писали по-латини тѣмъ плавнымъ слогомъ, правила котораго изложилъ Лоренцо Валла въ своихъ грамматическихъ сочиненіяхъ. Подражаніе древнимъ стало закономъ писателей, желавшихъ считаться хорошими. Гуманисты любили писать латинскіе стихи и надѣялись получить ими безсмертную славу. Петрарка написалъ латинскую поэму о подвигахъ Сципіона и считалъ эту эпопею, «Африку», важнѣйшимъ своимъ произведеніемъ. Филельфо написалъ «Сфорціаду»; другія писали миѳологическія поэмы; возникло множество подражаній всѣмъ видамъ классической поэзіи: эпическимъ и дидактическимъ поэмамъ, элегіямъ, эротическимъ стихотвореніямъ, эпиграммамъ; на пирахъ государей и вельможъ, на ихъ свадьбахъ и похоронахъ читались латинскіе стихи. Разумѣется, очень многіе изъ этихъ подражаній холодны и пусты. Но было много лирическихъ стихотвореній, дѣйствительно, прекрасныхъ.

Понятія и жизнь гуманистовъ.

Идеи классической древности проникли въ понятія обо всемъ. Гуманисты хотѣли преобразовать въ духѣ ея умственную, политическую, нравственную жизнь. Правители городовъ назывались у нихъ консулами, преторами; городской сенатъ называли они сенатомъ, папу Pontifex maximus; поселянъ папскихъ владѣній сабинами, умбрами, марсами, ставили Тезея и Ромула въ примѣръ государямъ, видѣли въ каждомъ изъ нихъ Цезаря или Августа, въ каждомъ кондоттьерѣ Сципіона или Ганнибала; себя самихъ считали Виргиліями и Цицеронами. Это не было только реторикой; тутъ было много искренняго увлеченія мечтами. Попытки прямо примѣнить эти мысли къ дѣйствительности, возстановить римскую республику не удавались; мы говорили о погибели Колы Ріэнци и казни Стефано Поркари, составившаго республиканскій заговоръ въ правленіе папы Николая V. Но государямъ и вельможамъ было пріятно, что ихъ называютъ цезарями и августами. Это не мѣшало имъ дѣйствовать, какъ велѣли ихъ надобности или страсти. Сильнѣе проникло вліяніе классицизма въ нравственную жизнь. Люди, проникнувшіеся понятіями древнихъ писателей, послѣдователи греческихъ философовъ, становились чужды христіанству; греческая миѳологія нравилась имъ больше католическихъ легендъ. Итальянскіе гуманисты не становились противниками католичества, не стремились преобразовать церковь; они пренебрегали ея ученіемъ и обрядами, и въ случаяхъ надобности исполняли ея требованія, считая обряды ея такими формальностями, изъ-за которыхъ не стоитъ спорить; потому церковь была снисходительна къ ихъ язычеству: она смотрѣла на него, какъ на невинную литературную забаву. Доминиканцы и францисканцы возставали противъ него, но церковные сановники, люди высшаго сословія, вмѣстѣ съ гуманистами смѣялись надъ невѣжествомъ монаховъ. Гуманисты умѣли уживаться съ папами

и церковными сановниками точно такъ же хорошо, какъ съ государями и вельможами; они были любимыми гостями въ папскомъ дворцѣ, и многіе изъ нихъ получали церковныя должности съ богатыми доходами. Папское правительство считало ихъ язычество безвреднымъ для себя уже и по одному тому, что ихъ сочиненія были непонятны для массы народа: они писали только для людей, получившихъ хорошее образованіе.

У многихъ гуманистовъ нравственныя понятія имѣли легкомысленный характеръ. Они держались морали Овидія и Тибулла, и отъ упрека въ безнравственности защищались указаніями на древнихъ поэтовъ. Но настало время реакціи противъ гуманизма. Національность вступила въ свои права и овладѣла литературой. Политическія катастрофы отняли у итальянскихъ государей и вельможъ досугъ и охоту забавляться гуманизмомъ. Реформація сдѣлала католическихъ церковныхъ сановниковъ ревнителями строгаго повиновенія ученію церкви; они оттолкнули отъ себя вольнодумцевъ гуманистовъ, и въ XVI вѣкѣ покровительство гуманизма въ Италіи замѣнилось преслѣдованіемъ его.

b) центры гуманизма и важнѣйшіе дѣятели его.

Развитіе гуманизма по Флоренціи.

Многочисленные итальянскіе государи и республиканскія правительства соперничали между собою въ покровительствѣ гуманистамъ. Но особенно развилось изученіе классической древности во Флоренціи; возрожденію наукъ въ ней благопріятствовали энергическая, умственная дѣятельность, возбуждаемая политической борьбой, многочисленность образованныхъ богатыхъ людей, благосостояніе массы населенія, сближеніе сословій торговыми и промышленными занятіями. Все это дѣлало Флоренцію похожей на греческія республики въ лучшія ихъ времена. Тосканцы были даровитое племя; изъ него вышли геніальные писатели, благодаря которымъ тосканское нарѣчіе сдѣлалось литературнымъ языкомъ всей Италіи.

Результаты дѣятельности Петрарки и Боккаччіо, какъ распространителей любви къ изученію классической древности, развились во Флоренціи раньше, чѣмъ въ другихъ итальянскихъ городахъ. Въ августинскомъ монастырѣ св. Духа составился около монаха Луиджи Марсильи кружокъ ученыхъ, занимавшихся диспутами. Въ нихъ принимали участіе даровитѣйшіе люди Флоренціи. Гуманистическая образованность стала съ того времени считаться необходимой для людей высшаго общества. Колюччо Салютато, канцлеръ республики, человѣкъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, соединявшій въ себѣ съ классическимъ образованіемъ любовь къ свободѣ и гражданскія доблести римлянъ, ввелъ классическое краснорѣчіе въ государственные акты, въ дипломатическую переписку, посвящалъ досугъ отъ дѣловыхъ занятій археологическимъ изслѣдованіямъ и поэзіи.

Колюччо Салютато † 1406.

Козимо Медичи.

Послѣ того тридцать лѣтъ правилъ Флоренціей человѣкъ, понимавшій пользу науки для государства, лично любившій его, Козимо Медичи, по примѣру котораго покровительствовали гуманизму и его потомки, прославившіе свою фамилію заботами о развитіи искусства и науки. Козимо Медичи окружалъ себя даровитыми людьми, любилъ ученыя бесѣды, и гуманизмъ вошелъ въ моду у флорентійскихъ вельможъ. Роберто Росси, Палла Строцци, Піэро Пацци, Маттео Пальміэри и другіе богатые знатные

люди приглашали во Флоренцію ученыхъ, покупали рукописи, сами переводили греческихъ писателей на латинскій языкъ. Мы говорили, что преподаватели греческаго языка нашли себѣ покровительство раньше всего во Флоренціи. Вліятельнѣйшимъ гуманистомъ въ первой половинѣ XV вѣка во Флоренціи былъ Никколо Никколи, неутомимый собиратель и переписчикъ древнихъ рукописей, общепризнанный судья археологическихъ вопросовъ, человѣкъ веселаго характера, единственнымъ честолюбіемъ котораго была ученая слава. Государственный секретарь флорентійской республики Леонардо Бруни Аретино, (Аретинскій, уроженецъ Ареццо), превосходно перевелъ „Исторію готской войны“ Прокопія (и выдавалъ свой латинскій переводъ за подлинникъ), написалъ превосходнымъ латинскимъ языкомъ флорентійскую исторію и исторію своего времени. Другими вліятельными гуманистами были Амброджо Траверсари, генералъ камальдульскаго ордена, въ которомъ монашеское благочестіе боролось съ любовью къ классическому язычеству; суровый Карло Марсуппини, переставшій вѣровать въ христіанское ученіе, и Джанноццо Манетти, авторъ нѣсколькихъ біографій и богословскихъ трактатовъ.

Никколо Никколи † 1437.

Леонардо Аретино † 1444.

Траверсари † 1439.

Марсуппини † 1453.

Въ кругу гуманистовъ, не довольствовавшихся ученой дѣятельностью, появлялись даровитые люди безпокойнаго характера, вносившіе въ науку интригантство, блестящіе, но тщеславные и порочные, переходившіе отъ одной профессіи къ другой, странствовавшіе изъ города въ городъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ Подджо Браччолини. Онъ родился близъ Флоренціи, учился въ ней и потомъ 40 лѣтъ находился на папской службѣ, пріобрѣлъ себѣ богатство и высокій санъ и послѣ множества разъѣздовъ по разнымъ землямъ жилъ въ своемъ имѣньѣ близъ Флоренціи, наслаждаясь тихимъ досугомъ среди книгъ и древнихъ статуй. Мы уже говорили, что онъ нашелъ въ нѣмецкихъ монастыряхъ нѣсколько древнихъ произведеній, считавшихся погибшими, что онъ составилъ описаніе древняго Рима, развалины котораго воскрешали въ его мысляхъ славныя времена погибшаго величія. Послѣднимъ его трудомъ была „Исторія Флоренціи“. Серьезный ученый работникъ, онъ любилъ споры и велъ полемику чрезвычайно рѣзкимъ тономъ; его ядовитое перо щадило только флорентійскихъ покровителей гуманизма. Его полемика съ Филельфо переходила въ своей запальчивости всѣ границы приличія. Тщеславный Филельфо, не ужившійся во Флоренціи, переселился въ Миланъ и нападалъ на флорентійскихъ ученыхъ. Подджо осыпалъ его грубѣйшими ругательствами. Филельфо полагалъ, что бандитъ, напавшій на него, когда онъ шелъ по улицѣ, былъ нанятъ Козимо Медичи и флорентійскими учеными убить его.

Подджо 1380—1459.

Новую жизнь въ классицизмъ внесло увлеченіе Платоновской философіей, охватившее флорентійскихъ гуманистовъ. Платонъ въ средніе вѣка оставался почти совершенно забытъ. Петрарка прославлялъ его ученіе, но и самъ мало зналъ его. Только ученые, переселявшіеся изъ Греціи въ Италію, ознакомили съ нимъ гуманистовъ. Гемистъ Плетонъ, пріѣхавшій во Флоренцію въ 1438 году для участія во вселенскомъ соборѣ, былъ первымъ преподавателемъ платоновской философіи въ Италіи, и любознательные люди, въ томъ числѣ Козимо Медичи, стали восторженными его слушателями. Сухой Аристотель былъ вытѣсненъ поэтическимъ философомъ. Около Козимо составился кружокъ поклонниковъ Платона, принявшій названіе Платоновской академіи. Она много содѣйствовала развитію любви къ изученію классической древности.

Платоновская академія.

Гемистъ Плетонъ.

Блескъ Платоновской академіи затмилъ всѣ другія философскія направленія гуманизма, говоритъ Генрихъ Рихтеръ. Платонизмъ вытѣснилъ изъ образованнаго общества не только аристотелевскую схоластику, но и философію Николая Кузанскаго. Своимъ громаднымъ вліяніемъ Платоновская академія была обязана тому, что въ ней соединились всѣ даровитые и всѣ знатные люди Флоренціи. Козимо Медичи предназначилъ талантливаго юношу Марсиліо Фичино быть переводчикомъ и объяснителемъ Платона. Фичино усердно приготовился къ исполненію этого труда, сдѣлалъ превосходный латинскій переводъ твореній Платона и много содѣйствовалъ распространенію платонизма. Но онъ былъ слишкомъ расположенъ къ мечтательности, увлекался астрологіей и мистицизмомъ, былъ не мыслитель, а поэтъ въ прозѣ.

Любовь къ искусству и наукѣ осталась наслѣдственной въ домѣ Медичи. Сыновья Козимо умерли рано, но внукъ его Лоренцо съ блескомъ возобновилъ родовую славу покровительства ученымъ. Онъ получилъ прекрасное образованіе. Марсиліо Фичино преподавалъ ему платоновскую философію, Іоаннъ Аргиропуло аристотелевскую. Съ другими отрослями гуманизма ознакомилъ его Кристофоро Ландино, объяснитель Данте, Горація и Виргилія, авторъ „Камальдульскихъ изслѣдованій“, трактата о нравственной философіи, написаннаго по образцу философскихъ трактатовъ Цицерона и латинскихъ стихотвореній, посвященныхъ Ксандрѣ, какъ называетъ онъ въ нихъ женщину, которую любилъ. Получивъ такимъ образомъ прекрасное образованіе, Лоренцо, человѣкъ даровитый, сохранилъ на всю жизнь любовь къ ученымъ бесѣдамъ. Платоновская академія продолжала процвѣтать при немъ; тотъ день, въ который по преданію родился и умеръ Платонъ (13 ноября), былъ ежегодно празднуемъ философскимъ пиромъ, походившимъ на симпосіи греческихъ философовъ. Бюстъ Платона, стоявшій въ залѣ пира, былъ украшаемъ вѣнкомъ въ этотъ день. Знаменитѣйшимъ членомъ ученаго дружескаго общества платоновской академіи при Лоренцо былъ Анджело Полиціано, авторъ трактата Miscellanaea (сборника поясненій къ разнымъ мѣстамъ классическихъ писателей), возстановитель истиннаго текста Аристотеля, превосходно писавшій латинской прозой, великій ученый и съ тѣмъ вмѣстѣ латинскій поэтъ, стихотворенія котораго, собранныя подъ заглавіемъ Silvae, имѣютъ высокое художественное достоинство. Почти такой же высокой славой пользовался Пико Мирандола, принцъ владѣтельной династіи, умершій въ молодости, но уже съ юныхъ лѣтъ обладавшій колосальными знаніями. Было время, когда онъ любилъ веселье и писалъ любовныя пѣсни; но, углубившись въ изслѣдованіе тайнъ земной и загробной жизни, онъ предался аскетическому мистицизму. Восхищаясь Платономъ, онъ однако же защищалъ всякія философскія направленія, даже каббалу и схоластику, отъ порицаній исключительныхъ приверженцевъ классицизма. За два года передъ нимъ умеръ Лоренцо, а вскорѣ по его смерти начались бѣдствія и раздоры, отъ которыхъ упала гуманистическая ученость во Флоренціи.

Ландино. † 1504.

Анджело Полиціано † 1494.

Пико Мирандола † 1494.

Въ Венеціи пользовались уваженіемъ только тѣ таланты, которые могли быть полезны для службы государству. Гордые венеціанскіе вельможи, занятые политическими дѣлами, чуждались того желанія блистать изящной образованностью, какимъ были проникнуты флорентійскіе. Потому Венеція не была особенно удобнымъ мѣстомъ для развитія гуманизма, хотя находилась въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Грецією и легко могла бы стать пріютомъ для греческихъ ученыхъ. Тѣ гуманисты, которые были приглашаемы въ Венецію, оставались недовольны ею, говорили, что ихъ не награждаютъ тамъ по заслугамъ. Впрочемъ и между венеціанскими вельможами, были люди, занимавшіеся изученіемъ классической древности. Изъ нихъ пріобрѣли знаменитость Леонардо Джустиніани, его братъ Бернардо, авторъ исторіи первыхъ вѣковъ Венеціи, Франческо Барбаро, сла-

Венеціанскіе гуманисты.

Бернардо Джустиніани † 1489.

Гермолай Барбаръ † 1493.

вившійся изящными рѣчами и письмами, и его племянникъ Гермолай Барбаръ, какъ звучитъ въ латинской формѣ его имя Эрмолао Барбаро, авторъ Castigationes Plinianae, сборника критическихъ замѣчаній для возстановленія истиннаго текста „Естественной исторіи“ Плинія. Кардиналъ Виссаріонъ завѣщалъ Венеціи свою библіотеку; это повело къ пріобрѣтенію другихъ рукописей и книгъ, образовавшихъ знаменитую библіотеку Св. Марка. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій Венеція славилась въ ученомъ мірѣ множествомъ превосходныхъ изданій классиковъ, которыми была особенно знаменита типографія Альда Мануція, (Альдо Мануччи). Изящныя изданія этого ученаго типографщика были образцовыми по изяществу и по вѣрности текста. Надъ многими изъ нихъ работалъ Піэро Бембо, родившійся въ Венеціи, но большую часть жизни проводившій въ Римѣ или странствовавшій по другимъ городамъ, знаменитый историкъ, поэтъ и составитель изящныхъ дѣловыхъ бумагъ, награжденный за свою службу папѣ саномъ кардинала, а въ старости жившій въ Падуѣ и занимавшійся учеными и поэтическими трудами на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ. Его сонеты и канцоны—изящныя подражанія Петраркѣ.

Бембо 1470—1547.

Гуманизмъ при дворахъ государей.

Государи тоже стали покровителями гуманистовъ, умѣвшихъ быть ловкими придворными. Въ Неаполѣ уже Робертъ покровительствовалъ ученымъ и поэтамъ; онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ Петраркой. Альфонсъ былъ меценатомъ, любилъ читать классическихъ авторовъ и бесѣдовать съ учеными. Въ Неаполѣ можно было писать противъ церкви съ такой рѣзкостью, какая была бы опасна въ другихъ итальянскихъ государствахъ. Тамъ написалъ Лоренцо Валла трактатъ, доказывающій подложность документовъ о такъ называемомъ дарѣ Константина. Онъ нанесъ папской власти тяжелый ударъ, обнаруживъ лживость свидѣтельствъ, которыми папы оправдывали свое притязаніе на свѣтскую власть, переданную, по ихъ словамъ, римскому епископу Константиномъ Великимъ. Лоренцо Валла и эротическій поэтъ Антоніо Беккаделли искусно льстили Альфонсу; этимъ походилъ на нихъ и Бартоломмео Фаціо, авторъ біографіи Альфонса.

Неаполь.

Лоренцо Валла † 1456.

Беккаделли † 1471.

Миланъ.

Меценатство проникло даже въ Миланъ: мрачный дворъ Филиппо Маріи, послѣдняго Висконти, и солдатскій дворъ Франческо Сфорцы держались моды покровительствовать гуманизму; Франческо Филельфо, проживши семь лѣтъ въ Константинополѣ, научившійся писать прекраснымъ греческимъ языкомъ, странствовавшій по разнымъ итальянскимъ городамъ и вездѣ заводившій ссоры, съумѣлъ понравиться коварному злодѣю Филиппо Маріи, поселился въ Миланѣ и написалъ потомъ эпическую поэму въ прославленіе Франческо Сфорцы. Письма его очень изящны; латинскіе стихи очень легки; но онъ былъ тщеславный и продажный человѣкъ. Изъ его сочиненій особенно замѣчательны: „Бесѣды на пирахъ“ (Convivia), разговоры о древней литературѣ, и сатиры, въ которыхъ онъ осыпаетъ ругательствами своихъ литературныхъ враговъ.

Филельфо 1398—1481.

Феррара.

При феррарскомъ дворѣ жили Аріосто и Тассо; это дало Альфонсу и всей династіи Эсте незаслуженную славу искренней любви къ наукѣ и поэзіи. Но веселый и великолѣпный феррарскій дворъ дѣйствительно привлекалъ къ себѣ гуманистовъ. Гуарино Веронскій, знаменитый филологъ и педагогъ, былъ воспитателемъ маркграфа Ліонелло; множество молодыхъ людей пріѣзжало въ Феррару слушать его и Джовани Ауриспу.

Гуарино Веронскій †1460.

Мантуя. Витторино Фельтре † 1447.

Въ Мантуѣ, подъ мирнымъ правленіемъ Гонзагъ, основалъ знаменитое училище Витторино Рамбольдони Фельтре. Онъ былъ ласковый воспитатель и въ его училищѣ господствовала дружеская, пріятная система воспитанія, противоположная тяжелой суровости монастырскихъ школъ. Федериго Монтефельтро, владѣтель города Урбино, знаменитый воинъ, любилъ въ мирное

время бесѣдовать съ учеными. Малатесты, владѣтели Римини, и всѣ другіе мелкіе итальянскіе государи были покровителями гуманизма.

Гуманизмъ въ Римѣ.

Увлеклось общей модой и папское правительство, хотя новая образованность, основанная на языческой литературѣ, не могла быть примирена съ католичествомъ и хотя большинство гуманистовъ вообще было равнодушно къ христіанству, многіе изъ нихъ враждебны ему. Первымъ мотивомъ, по которому римская курія приняла гуманистовъ на свою службу, была житейская надобность. Во время великой схизмы и борьбы съ констанцскимъ и базельскимъ соборами необходимо было римской куріи имѣть людей способныхъ писать изящнымъ латинскимъ языкомъ, и выгодныя должности папскихъ секретарей привлекали многихъ гуманистовъ къ римскому двору. Антоніо Лоски придалъ цицероновское изящество слогу дѣловыхъ бумагъ папскаго правительства. При Бонифаціи IX вступилъ на папскую службу Подджо и оставался въ ней 40 лѣтъ. Она давала ему большіе доходы и оставляла досугъ для занятій классицизмомъ; при папскомъ дворѣ онъ писалъ свои „Шутки, Facetiae, сборникъ анекдотовъ и маленькихъ повѣстей, содержаніе которыхъ большею частью непристойно; дѣйствующія лица въ нихъ женщины легкаго поведенія, плуты и обманываемые ими простяки. Въ такихъ разсказахъ проводили свои вечера папскіе секретари, изъ подъ пера которыхъ выходили буллы и бреве. Римская курія, сначала искавшая въ гуманистахъ только мастеровъ писать изящнымъ латинскимъ языкомъ, увлеклась ихъ образомъ мыслей; многіе кардиналы полюбили классическую древность, читали Цицерона и Виргилія усерднѣе, чѣмъ отцовъ церкви. Кардиналы Джуліано Чезарини, бывшій предсѣдателемъ базельскаго собора, и Никколо Альбергати, вліятельнѣйшій совѣтникъ Евгенія IV, были покровителями гуманизма. Онъ вполнѣ восторжествовалъ въ Римѣ, когда папою сталъ знаменитый гуманистъ Томмазо Парентучелли, принявшій имя Николая V. Правленіе Николая было золотымъ вѣкомъ новой науки и поэзіи въ Римѣ. При немъ исчезла монашеская суровость, господствовавшая въ правленіе Евгенія IV; она замѣнилась блестящими праздниками; Николай строилъ великолѣпныя зданія, окружилъ себя учеными и поэтами. Первое мѣсто между ними занималъ Подджо, писавшій ядовитыя насмѣшки надъ базельскимъ соборомъ и его папой Феликсомъ; другими знаменитыми членами римскаго кружка гуманистовъ были Джанноццо Манетти Филельфо, Піэръ Кандидо Дечембріо, Никколо Перетти, переводчикъ Полибія и авторъ „Cornu copiae“, словаря изящной латыни; милостью Николая пользовался даже Лоренцо Валла, доказывавшій подложность документовъ о дарѣ Константина, критически разбиравшій Вульгату и находившій множество неправильностей въ этомъ переводѣ, которому римская церковь дала каноническое значеніе, равное подлиннику священнаго писанія, осмѣивавшій католичество. Онъ сдѣлался папскимъ секретаремъ и, по порученію Николая V, перевелъ Геродота и Ѳукидида. Николай V поручалъ и другимъ гуманистамъ римскаго двора переводить греческихъ писателей на латинскій языкъ. Кажется, онъ желалъ, чтобы переведены были всѣ они. Многіе изъ переводовъ, сдѣланныхъ по его порученію, хороши; но не исполнилось его горячее желаніе видѣть Гомера переведеннымъ хорошими латинскими гекзаметрами. Онъ собиралъ рукописи; по взятіи Константинополя было привезено въ Италію много ихъ; онъ покупалъ ихъ, не жалѣя денегъ, и былъ истиннымъ основателемъ знаменитой ватиканской библіотеки, число книгъ въ которой возросло при немъ до 5.000 томовъ. Для него было наслажденіемъ ходить по ней, разставлять книги, перелистывать ихъ и думать о благодарности, съ какой будутъ вспоминать о немъ ученые слѣдующихъ столѣтій.

Николай V 1447—1455.

Пій II 1458—1464. Его преемники уже гораздо меньше покровительствовали гуманизму. Эней Сильвій (Пій II), знаменитый знатокъ классической литературы, сохранилъ любовь къ ней, сдѣлавшись папой; но былъ занятъ другими дѣлами. Павелъ II преслѣдовалъ гуманизмъ, какъ направленіе враждебное церкви; онъ прогналъ изъ римской куріи гуманистовъ, бывшихъ ея секретарями. Заговоръ Стефано Поркари при Николаѣ V показалъ, что гуманизмъ ведетъ къ республиканскому образу мыслей; Павелъ II помнилъ это; Римская академія, однимъ изъ членовъ которой былъ Помпоній Летъ, описавшій развалины древняго Рима, была центромъ невѣрія. Павелъ II бросалъ гуманистовъ въ темницы; они платили ему враждой. Ею проникнута „Исторія папъ“ Платины (Бартоломмео Сакки, уроженца Піадены).

Павелъ II 1464—1471.

Сикстъ IV 1471—1484. Сикстъ IV былъ щедрымъ покровителемъ гуманистовъ и открылъ всѣмъ ученымъ доступъ въ ватиканскую библіотеку. Но слѣдующіе папы до Льва X были безсовѣстные интриганты или воинственные правители, мало интересовавшіеся наукой. Съ восшествіемъ Льва X на папскій престолъ возобновилось меценатство; онъ былъ Медичи, покровительствовалъ искусству и наукѣ по примѣру своихъ предковъ, возстановилъ Римскую академію, пополнялъ ватиканскую библіотеку, былъ щедръ къ гуманистамъ и, подобно нѣкоторымъ изъ нихъ, былъ невѣрующій.

Левъ X 1513—1521.

---

3. Распространеніе гуманизма изъ Италіи въ другія страны.

Умственное движеніе, охватившее Италію, перешло за Альпы. Въ тѣ времена Италія была центромъ сношеній между народами западной Европы; въ нее ходили съ сѣвера завоеватели, ѣздили церковные сановники, дипломаты и торговцы, стремились юноши, желавшіе учиться, и любознательные люди среднихъ и даже пожилыхъ лѣтъ. Они разносили изъ нея новыя научныя понятія по своимъ землямъ. Въ Германіи, Франціи, Англіи лучшіе умы радостно принимали эти понятія. Гуманизмъ находилъ себѣ послѣдователей въ Венгріи, гдѣ распространяли его Яношъ Витезъ, государственный канцлеръ и архіепископъ гранскій, и епископъ Яръ Паннонскій; распространялся въ Польшѣ, гдѣ съ восхищеніемъ получалъ льстивыя письма отъ итальянскихъ гуманистовъ кардиналъ и архіепископъ краковскій Сбигнѣвъ Олесницкій.

Франція. Будей 1467—1510. Лефевръ Этапльскій 1440—1537. Во Франціи знаменитыми гуманистами были Гильомъ Бюде (Будей), распространитель изученія греческой литературы, послѣдній глоссаторъ Юстиніанова кодекса, основатель королевской фонтенблосской библіотеки и Collége de France; Лефевръ Этапльскій (Faber Stapulensis), комментаторъ Аристотеля; типографщики Роберъ Этьенъ и его сынъ Анри (Robertus Stephanus и Henricus Stephanus), люди громадной учености, составители и издатели колосальныхъ словарей латинскаго и греческаго Thesaurus linguae latinae и Thesaurus linguae Grecae, подвергшіеся преслѣдованію за изданіе французскаго перевода библіи.

Черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ нихъ пріобрѣли большую знаменитость Исаакъ Казобонъ (Casaubonus), издатель и объяснитель греческихъ писателей, и Клодъ Сомезъ (Salmasius), авторъ комментаріевъ къ Солину (Plinianae exercitationes in Solinum) и множества другихъ трактатовъ о классической древности.

Англія. Англію первые итальянскіе гуманисты называли киммерійскимъ краемъ вселенной, въ которомъ состязаются омрачать умы грубое невѣжество и отнимающая разсудокъ схоластика; но англичане, возвращавшіеся съ констанцскаго и базельскаго соборовъ, стали распространять въ ней гуманизмъ. Поджо и Эней Сильвій, посѣщавшіе Англію, находили его еще слабымъ въ ней, говорили о ней, какъ о странѣ варварства. Но и англичане прониклись любовью къ классической образованности. Уильямъ Сельвингъ, Уильямъ Гросинъ, Томасъ Лейнекръ (Linacre) ѣздили изучать гуманизмъ въ Италію. Эразмъ Роттердамскій, пріѣхавшій въ Англію въ концѣ XV вѣка, нашелъ гуманизмъ уже развившимся въ ней; она ужь имѣла такихъ гуманистовъ, какъ Колетъ и Томасъ Моръ (Thomas Morus). Джонъ Колетъ, сдѣлавшись деканомъ собора Св. Павла, сохранилъ на этой высокой церковной должности веселость и любезность, соединенную съ нравственной чистотой. Онъ былъ, подобно Эразму, врагомъ монашескаго обскурантизма и схоластики. Монахи и въ Англіи, какъ въ другихъ земляхъ, были вообще ожесточенными врагами гуманизма. Школу при соборѣ Св. Павла, на основаніе которой Колетъ употребилъ значительную часть стоего состоянія и преподавателемъ въ которой былъ знаменитый эллинистъ Уильямъ Лилли, монахи называли домомъ идолослуженія, а изученіе греческаго языка ересью. Борьба между «греками» и «троянцами» (противниками грековъ, то-есть гуманистовъ) шла и въ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ университетахъ. Томасъ Моръ пріобрѣлъ великое значеніе не только въ англійской, но и во всей европейской литературѣ.

Колетъ † 1519.

Томасъ Моръ 1480—1536. Томасъ Моръ (More, Муръ), родившійся въ Лондонѣ около 1480, былъ сынъ юриста и самъ избралъ своей профессіей юриспруденцію, но съ ранней молодости онъ полюбилъ гуманизмъ и отдался ему съ увлеченіемъ, познакомившись съ Эразмомъ Роттердамскимъ. Онъ былъ въ то время еще молодой человѣкъ, и, вѣроятно, вліяніе Эразма содѣйствовало развитію его природной склонности къ сатирическому тону. Они остались на всю жизнь друзьями. Занимая высокія должности, Томасъ Моръ сохранилъ скромныя привычки, не любилъ важничать. Онъ былъ веселый, привѣтливый человѣкъ; личныя его потребности были очень ограничены, но онъ былъ очень гостепріименъ и щедръ. Онъ очень любилъ музыку; разговоръ его былъ шутливый; во всѣхъ непріятностяхъ онъ сохранялъ свѣтлое спокойствіе души и сохранилъ его, подвергшись смертному приговору. Онъ смѣялся надъ монахами и ихъ обскурантизмомъ, но оставался вѣренъ ученію католической церкви, соблюдалъ ея обряды, постился, бичевалъ себя, прожилъ четыре года въ лондонскомъ картезіанскомъ монастырѣ и довольно долго думалъ поступить въ картезіанскій орденъ. Подобно многимъ другимъ въ ту эпоху

борьбы противуположныхъ системъ понятій, онъ не умѣлъ сформировать себѣ послѣдовательнаго образа мыслей, искалъ опоры въ принципахъ, не соотвѣтствовавшихъ его характеру. При Генрихѣ VIII, любившемъ разговаривать съ умными людьми, покровительствовавшемъ наукѣ и заслужившемъ льстивыя похвалы англійскихъ и иноземныхъ гуманистовъ, Моръ быстро поднялся до очень высокаго положенія въ государствѣ; король отправлялъ его посломъ къ другимъ государямъ; онъ сталъ государственнымъ казначеемъ, спикеромъ (президентомъ) палаты общинъ и наконецъ лордомъ канцлеромъ. Онъ писалъ между прочимъ и богословскіе трактаты, нападалъ на Лютера, защищалъ католичество; онъ считалъ приверженцевъ религіозныхъ нововведеній врагами королевской власти и законнаго порядка, потому преслѣдовалъ ихъ. Дѣло о разводѣ Генриха VIII съ первой женой погубило его: онъ отказался дать присягу на признаніе короля главою церкви и былъ осужденъ на смертную казнь. Мы разскажемъ объ этомъ послѣ. Спокойно, съ веселой шуткой онъ положилъ голову на плаху 6 іюля 1536.

Утопія.

Томасъ Моръ писалъ эпиграммы, стихотворенія по поводу праздниковъ, полемическія сочиненія, написалъ исторію Ричарда III на англійскомъ языкѣ, самъ перевелъ ее на латинскій. Но знаменитѣйшее его произведеніе—небольшой разсказъ „О наилучшемъ общественномъ устройствѣ и о новомъ островѣ Утопіи“, политическій романъ, написанный отчасти подъ вліяніемъ платоновой республики. Слово „Утопія“ значитъ земля, которой нѣтъ нигдѣ, фантастическая страна; но въ тѣ времена изумительныхъ географическихъ открытій многіе полагали, что Утопія представляетъ описаніе дѣйствительнаго быта на какомъ нибудь повооткрытомъ островѣ. Описаніе этого идеальнаго быта очень понравилось людямъ того времени, сознававшимъ недостатки дѣйствительности. „Утопія“ была напечатана въ 1516 году. Перескажемъ ея содержаніе.

Мореплаватель открылъ въ далекой части океана островъ, о которомъ ничего не знали европейцы; тамъ люди живутъ совершенно не такъ, какъ въ Европѣ, гдѣ государства устроены въ интересахъ богатаго сословія, гдѣ вѣшаютъ воровъ, но поддерживаютъ такое состояніе общества, которое неизбѣжно производитъ воровъ, гдѣ множество тунеядцевъ окружаетъ могущественныхъ людей, гдѣ содержатся войска и огромныя количества земли находятся во владѣніи немногихъ. На островѣ Утопіи совершенно иное устройство, справедливое и счастливое. Оно имѣетъ демократическое основаніе; всѣ правители избираются народомъ, нѣкоторые на годъ, другіе, какъ напримѣръ государь, на всю жизнь. Частной собственности тамъ нѣтъ. Трудъ и наслажденіе распредѣлены равномѣрно; главное занятіе жителей земледѣліе. Кромѣ того каждый учится какому нибудь ремеслу. Правительство наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы каждый трудился: тунеядцевъ тамъ нѣтъ; время труда и время отдыха опредѣлены закономъ; освобождены отъ физической работы только тѣ, кто посвящаетъ себя наукѣ и успѣшно занимается ей; изъ нихъ избираются духовные сановники, высшіе правители и государь. Всѣ произведенія труда составляютъ общественную собственность. Тѣ безполезныя вещи, которыя въ Европѣ цѣнятся дорого, тамъ находятся въ пренебреженіи. Жители Утопіи берутся за оружіе только для своей защиты или для освобожденія порабощенныхъ народовъ. Законы у нихъ простые, имѣютъ очень небольшой объемъ. За тяжелыя преступленія виновный наказывается рабствомъ. Основаніемъ нравственности служитъ сообразность жизни съ природой и разумомъ. Въ религіозныхъ дѣлахъ владычествуетъ полная терпимость; жители Утопіи считаютъ необходимыми только три основные догмата: вѣру въ Бога и Провидѣніе, въ безсмертіе души, въ воздаяніе за дурное и хорошее въ загробномъ мірѣ. Духовенство обязано воздерживаться въ общественномъ богослуженіи отъ всего, что можетъ стѣснять свободу совѣсти. Признавая Бога, котораго называютъ Митрой, жители

Утопіи не дѣлаютъ никакихъ изображеній его, и общественныя молитвы говорятъ о немъ въ такихъ широкихъ выраженіяхъ, что каждый можетъ понимать ихъ, сообразно своему убѣжденію. Никакого принужденія въ дѣлѣ религіи не допускается. Число праздниковъ очень не велико. Каждому празднику предшествуетъ примиреніе между родственниками. Многіе изъ жителей Утопіи поклоняются солнцу, лунѣ, звѣздамъ; многіе воздаютъ религіозныя почести памяти героевъ (великихъ людей, оказавшихъ большія услуги человѣчеству); очень распространено также христіанство. Когда однажды фанатикъ сталъ говорить, что всѣ нехристіане осуждены на вѣчное мученіе въ аду, онъ былъ изгнанъ, какъ возбудитель вражды между людьми. Священники держатся разныхъ религій, совершаютъ обряды каждый по своей вѣрѣ. Число священниковъ очень не велико. Они избираются изъ людей самой чистой нравственности; они учатъ дѣтей, помогаютъ взрослымъ своими совѣтами, подвергаютъ порочныхъ отлученію отъ религіознаго общества; этого наказанія люда очень боятся, потому что духовенство пользуется большимъ уваженіемъ. Священники служатъ народу примѣромъ хорошей семейной жизни, потому что они всѣ женаты; они женятся на дѣвушкахъ самой хорошей нравственности. Никакой юридической власти они не имѣютъ, дѣйствуютъ на народъ только убѣжденіемъ. Они ведутъ трудовую жизнь, дѣлятъ съ народомъ всѣ его работы, участвуютъ и въ войнѣ.

Само собою разумѣется, что Томасъ Моръ вовсе не предлагалъ этихъ мыслей для практическаго примѣненія, а только изображалъ идеальныя отношенія для разъясненія понятій о дурномъ и хорошемъ, вредномъ и полезномъ обществу.

---

4. Нѣмецкіе гуманисты.

а) научное направленіе гуманизма (рейхлинъ, эразмъ).

Вліяніе итальянскаго гуманизма на Германію.

Когда итальянскіе гуманисты пріѣзжали на констанцскій и базельскій соборы, они видѣли въ Германіи пренебреженіе къ наукѣ, находили нравы нѣмцевъ грубыми, но нѣмцы стали усвоивать ихъ понятія. Особенно много для распространенія гуманизма въ Германіи сдѣлалъ Эней Сильвій, очень долго жившій въ ней. Онъ склонялъ австрійскую династію покровительствовать изученію классической древности, знакомилъ съ гуманизмомъ преподавателей вѣнскаго университета и другихъ любознательныхъ людей. Нѣмецкіе государи не сдѣлались меценатами, какъ итальянскіе, но и безъ ихъ покровительства гуманизмъ распространялся. Нѣмцы стали ѣздить учиться въ Италію. Изобрѣтеніе книгопечатанія облегчило и для нѣмцевъ пріобрѣтеніе классическихъ писателей.

Братство общей жизни.

Итальянскій гуманизмъ неоспоримо имѣлъ вліяніе на нѣмецкій. Онъ пробудилъ въ Германіи идеи о классической красотѣ и возвышенности мыслей; но нѣмцевъ уже вела къ изученію древнихъ писателей потребность религіозной реформы. Мы говорили о братствѣ, которое основалъ въ Нидерландахъ Гергардъ Гротъ (по латинскому переводу его фамиліи Гергардъ Магнусъ) и которое называлось братствомъ общей жизни или, по имени своего патрона, обществомъ

іеронимитовъ (VIII, 166). Гергардъ и его преемники Радевинъ, Гергардъ Цютфенскій и Томасъ Кемпенскій (Ѳома Кемпійскій) очень сильно содѣйствовали оживленію науки, хотя имѣли не научное, а мистическо-религіозное направленіе; они отбросили схоластику, казавшуюся имъ безполезной для религіи и жизни, совѣтовали изучать Библію, заботились объ улучшеніи школъ. Нѣмецкій гуманизмъ сохранилъ педагогическій характеръ въ противоположность эстетическому характеру итальянскаго. Въ братствѣ общей жизни развилась богословская оппозиція господствующей іерархической системѣ; она вела къ разрыву и съ схоластикой. Важнѣйшимъ представителемъ этой оппозиціи былъ нидерландецъ (уроженецъ Гронингена) Янъ Весселъ. Онъ ѣздилъ въ Италію, выучился греческому языку, совѣтовалъ изучать его и еврейскій языкъ, распространялъ платоновскую философію. Учениками Ѳомы Кемпійскаго были Рудольфъ Лангенъ, тоже ѣздившій въ Италію, основатель знаменитой гуманистической школы въ своемъ родномъ городѣ Мюнстерѣ, и Рудольфъ Гейсманъ (Huysmann) болѣе извѣстный подъ латинской своей фамиліей Агрикола. Онъ родился близъ Гронингена, учился въ Парижѣ и въ Италіи и очень много содѣйствовалъ сочиненіями и личнымъ вліяніемъ развитію классицизма въ Нидерландахъ и Германіи.

Ѳома Кемпійскій 1380—1472.

Янъ Весселъ 1419—1489.

Рудольфъ Агрикола 1443—1485.

Нѣмецкіе университеты.

Преподаваніе въ нѣмецкихъ университетахъ улучшалось, число ихъ увеличивалось. Заимствованное изъ парижскаго университета средневѣковое дѣленіе студентовъ по націямъ исчезало. Прежде владычествовало слѣпое поклоненіе авторитетамъ, подавлявшее всякую свободу изслѣдованія. Средневѣковое увлеченіе діалектикой, дѣлавшее главной заботой пріобрѣтеніе искусства вести диспуты, обращало ученость въ пустую формалистику. Съ развитіемъ гуманизма эта обветшалая система занятій стала падать. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ шла борьба между приверженцами стараго и новаго направленій, и во многихъ новое восторжествовало. Въ особенности рѣшительную побѣду одержало оно въ виттенбергскомъ университетѣ. Средневѣковые учебники были вытѣснены меланхтоновыми. Основывались каѳедры классическихъ языковъ, реторики, поэзіи, исторіи. Было основано много новыхъ университетовъ. Прежніе университеты были пражскій, вѣнскій, гейдельбергскій, кельнскій, эрфуртскій, лейпцигскій, ростокскій. Старшимъ изъ нихъ былъ пражскій, основанный въ 1348 году. Къ нимъ прибавились, начиная со второй половины XV вѣка, грейфсвальдскій (основанный въ 1456 году), фрейбургскій (въ 1457 г.), базельскій (въ 1460), ингольштадскій (въ 1472), тюбингенскій (въ 1477), майнцскій (въ 1477), виттенбергскій (въ 1502); потомъ франкфуртскій, марбургскій, страсбургскій, кенигсбергскій, іенскій.

Распространеніе гуманизма. Рейнскія области. Дальбергъ 1445—1503.

Въ Базелѣ много хорошихъ гуманистовъ сгруппировалось около Эразма Роттердамскаго. Въ Страсбургѣ Вимпфелингъ основалъ ученое общество, замѣчательнѣйшими членами котораго были Гейлеръ Кайзерсбергъ и Себастіанъ Брантъ. Главнымъ центромъ гуманизма на Рейнѣ былъ Гейдельбергъ, гдѣ покровительствовалъ ему кураторъ (попечитель) университета Іоганнъ Дальбергъ, епископъ вормсскій, образованный человѣкъ благороднаго характера, пригласившій туда Рудольфа Агриколу. Дальбергъ былъ предсѣдателемъ Рейнскаго общества, основаннаго Конрадомъ Цельтесомъ. Членомъ этого общества былъ Рейхлинъ. Въ Майнцѣ покровителемъ гуманизма былъ архіепископъ Альбрехтъ, принцъ бранденбургскій.

Швабія.

Въ Швабіи долго жилъ Рейхлинъ. Подъ его вліяніемъ сталъ покровительствовать гуманизму Эбергардъ Бородатый, герцогъ вюртембергскій. Въ Аугсбургѣ покровительствовалъ гуманистамъ патрицій Конрадъ Пейтингеръ, самъ бывшій замѣчательнымъ ученымъ. Во Франконіи покровителемъ гуманизма былъ нюрнбергскій патрицій Вилибальдъ Пиркгеймеръ, государственный человѣкъ и полководецъ, находившій досугъ для ученыхъ занятій, переводчикъ классическихъ авторовъ на нѣмецкій языкъ, авторъ исторіи швейцарской войны.

Пейтингеръ 1465—1547.

Франконія.

Австрія.

Въ Австріи успѣлъ пробудить нѣкоторую любовь къ гуманизму Энеи Сильвій; это направленіе развилось подъ покровительствомъ императора Максимиліана и его канцлера Ланга, бывшаго впослѣдствіи архіепископомъ зальцбургскимъ. Въ вѣнскомъ университетѣ былъ преподавателемъ Конрадъ Цельтесъ.—Въ Богеміи покровителемъ гуманизма былъ Богуславъ Гассенштейнъ, принадлежавшій къ знатной фамиліи Лобковицей. Онъ и самъ былъ замѣчательнымъ гуманистомъ, путешествовалъ по Греціи и по Египту, пріобрѣлъ этимъ названіе четскаго Улисса и написалъ много поэтическихъ, историческихъ и философскихъ сочиненій.

Гассенштейнъ 1462—1510.

Сѣверная Германія.

Въ маркграфствѣ бранденбургскомъ покровителями гуманизма были курфирсты Іоаннъ Цицеронъ и Іоахимъ. Въ Тюрингіи центромъ гуманистовъ былъ знаменитый Муціанъ Руфъ, по своему нѣмецкому имени Конрадъ Мутъ, каноникъ готскаго капитула. Въ Эрфуртѣ распространителями гуманизма были Георгъ Спалатинъ, Кротъ Рубіанъ, Эобанъ Гессъ (Hessus, то-есть гессенецъ), лучшій латинскій поэтъ того времени, переводчикъ псалмовъ и Иліады, авторъ эротическихъ латинскихъ стихотвореній. Лейпцигскій университетъ оставался схоластическимъ, но виттенбергскій съ самаго своего основанія сдѣлался центромъ гуманизма, которому покровительствовалъ Мартинъ Поллихъ, лейбъ-медикъ курфирста Фридриха Мудраго.

Муціанъ Руфъ 1473—1526.

Эобанъ Гессъ 1488—1540.

Важнѣйшими дѣятелями гуманизма въ Германіи и Нидерландахъ были Конрадъ Цельтесъ, Іоганнъ Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій.

Цельтесъ 1459—1508.

Конрадъ Цельтесъ родился во Франконіи, былъ сынъ поселянина, имѣвшаго виноградникъ. По тогдашнему обычаю нѣмецкихъ ученыхъ онъ переложилъ свою нѣмецкую фамилію на латинскій языкъ. Нѣмецкая его фамилія была, какъ предполагаютъ, Мейсель. Онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ. Многіе гуманисты вели тогда бродячую жизнь, но онъ дѣлалъ поѣздки болѣе далекія, чѣмъ его товарищи, посѣтилъ не только Италію, но и Венгрію, Польшу. Онъ былъ веселый, пріятный собесѣдникъ; потому вездѣ принимали его съ радостью. Онъ писалъ историческія сочиненія и былъ знаменитымъ латинскимъ поэтомъ. Императоръ возложилъ на него поэтическій вѣнокъ; онъ былъ первый нѣмецъ, удостоившійся этого почета. Его стихотворенія написаны въ духѣ Горація и Овидія.

Рейхлинъ 1455—1522.

Іоганнъ Рейхлинъ, называвшій себя по-гречески Капніономъ, родился 28 декабря 1455 въ Пфорцгеймѣ, резиденціи маркграфовъ баденскихъ. Онъ учился въ фрейбургскомъ университетѣ, поѣхалъ въ Парижъ съ принцемъ Фридрихомъ, сыномъ маркграфа Карла, нѣсколько ознакомился тамъ съ греческимъ языкомъ. Въ 1474 онъ сдѣлался профессоромъ базельскаго университета. Его лекціи греческаго языка возбудили вражду въ обскурантахъ, считавшихъ изученіе этого языка опаснымъ для католичества. Рейхлинъ уѣхалъ въ Парижъ, добывалъ тамъ себѣ пропитаніе, переписывая греческія рукописи; потомъ учился юриспруденціи въ Орлеанѣ и въ Пуатье; въ это время онъ написалъ греческую грамматику. Въ 1481

онъ поселился въ Тюбингенѣ, получилъ степень доктора юриспруденціи, былъ сдѣланъ профессоромъ латинскаго и греческаго языковъ. Въ 1482 Эбергардъ Бородатый, графъ вюртембергскій, взялъ его съ собой въ Италію. Во Флоренціи онъ познакомился съ Фичино, Полиціано, Мирандолой и другими учеными, проникся ихъ энтузіазмомъ къ платоновской философіи. Мирандола сообщилъ ему свое увлеченіе мистицизмомъ. Онъ занимался каббалой и выучился еврейскому языку, изученіе котораго ввелъ потомъ въ Германіи. Возвратившись въ Швабію, онъ сдѣлался ассессоромъ штутгардскаго придворнаго суда и юрисконсультомъ нѣмецкой провинціи доминиканскаго ордена. Эбергардъ Бородатый до конца жизни оставался покровителемъ его; по рекомендаціи Эбергарда императоръ Фридрихъ далъ ему дворянство и титулъ пфальцграфа. Лейбъ-медикъ императора, еврей, помогъ ему усовершенствоваться въ знаніи еврейскаго языка. Онъ написалъ въ эти годы книгу „О чудотворномъ словѣ“, излагающую его религіозно-философскія идеи въ формѣ разговора между грекомъ, евреемъ и самимъ авторомъ. Его система странная смѣсь языческой, схоластической и каббалистической философіи. Смерть Эбергарда Бородатаго (въ 1496 году) была тяжелымъ ударомъ для Рейхлина. Эбердардъ Младшій былъ дурной правитель, а канцлеромъ сталъ личный врагъ Рейхлина, Гольцингеръ. Ему сдѣлалось невозможно оставаться въ Вюртембергѣ. Епископъ Дальбергъ давно приглашалъ его въ Гейдельбергъ; онъ теперь переселился туда. Дружба Дальберга, бывшаго канцлеромъ курфирста Филиппа, и покровительство самого курфирста дѣлали его жизнь очень пріятной. Онъ былъ библіотекаремъ и ежедневнымъ собесѣдникомъ Филиппа. Въ Гейдельбергѣ онъ написалъ между прочимъ двѣ драмы; одна изъ нихъ „Сергій“ — сатира на Гольцингера. Гейдельбергскіе монахи и профессоры университета враждовали противъ него. Онъ ѣздилъ въ Римъ посломъ Филиппа. Когда императоръ отнялъ власть у Эбергарда Младшаго и назначилъ регентство для управленія Вюртембергомъ въ малолѣтство Ульриха, Рейхлинъ возвратился въ Вюртембергъ и въ 1502 году былъ назначенъ судьею швабскаго союза. Онъ занималъ эту важную должность одиннадцать лѣтъ. Она оставляла ему досугъ для ученыхъ трудовъ. Онъ тогда между прочимъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ небольшой трактатъ „Почему евреи такъ долго бѣдствуютъ?“ Онъ приписываетъ это ихъ согрѣшенію противъ Христа и закоснѣлости ихъ въ богохульствѣ. Тогда же онъ издалъ еврейскую грамматику, послужившую основаніемъ для изученія еврейскаго языка въ Германіи. Онъ занимался этимъ языкомъ для того, чтобъ основательно узнать каббалу. Онъ обнародовалъ результаты своего проникновенія въ ея таинства. Эта его книга называется „О каббалистической наукѣ“. Рейхлинъ выводитъ мусульманина и пиѳагорейца, просящихъ еврея открыть имъ ученіе каббалы. Еврей излагаетъ его. Числа и геометрическія фигуры являются тутъ символами божественныхъ силъ или законовъ природы, разсказы Ветхаго завѣта получаютъ аллегорическое истолкованіе, обращающее ихъ въ откровенія метафизическихъ идей.—Занятія еврейскими книгами вовлекли Рейхлина въ полемику, сдѣлавшую его, уже старика, борцомъ за свободу науки противъ іерархическаго стѣсненія, хотя онъ, человѣкъ миролюбивый и робкій, вовсе не желалъ участвовать въ опасныхъ спорахъ. Крещенный еврей Пфефферкорнъ сталъ союзникомъ фанатичныхъ доминиканцевъ, центромъ которыхъ въ Германіи былъ Кёльнъ, писалъ пасквили противъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, требовалъ преслѣдованія ихъ. По его убѣжденію, Максиміанъ велѣлъ отбирать у евреевъ и жечь тѣ ихъ книги, въ которыхъ находятся оскорбленія христіанству. Пфефферкорнъ, спрашивалъ у Рейхлина,

какія еврейскія книги должно жечь; Рейхлинъ отвѣчалъ, что не имѣетъ досуга составить списокъ ихъ и совѣтовалъ ему дѣйствовать умѣренно. Это было въ 1509 году. Послѣ того обратился къ совѣту Рейхлина Уріэль, архіепископъ майнцскій, которому было поручено завѣдовать дѣломъ сожженія еврейскихъ книгъ, и въ 1510 году Рейхлинъ написалъ для него „Совѣтъ, должно ли отбирать у евреевъ и жечь всѣ ихъ книги“. Рейхлинъ говоритъ: 1) О Ветхомъ завѣтѣ не можетъ быть вопроса; 2) Талмудъ — объясненіе законовъ, находящихся въ книгахъ Моисеевыхъ; самъ онъ не могъ достать этой книги, но большинство евреевъ не понимаетъ ея, потому она не можетъ много вредить христіанству, хотя въ ней есть мѣста враждебныя христіанскому ученію; 3) Каббалу оправдываетъ то, что папа Александръ VI призналъ ее полезной для христіанской вѣры, а папа Сикстъ IV велѣлъ перевести ее; 4) Еврейскіе комментаріи къ Ветхому завѣту—самое полезное пособіе для христіанскихъ обличителей его; Іеронимъ (сдѣлавшій тотъ латинскій переводъ священнаго писанія, который называется Вульгатой) надѣлалъ бы гораздо меньше ошибокъ, если бы зналъ эти комментаріи; 5) Проповѣдей и церковныхъ пѣсенъ еврейскихъ нельзя сжигать, потому что евреямъ дана свобода богослуженія; 6) Изъ книгъ о наукахъ и искусствахъ должно сжигать только тѣ, которыя учатъ чему нибудь запрещенному, напримѣръ, чародѣйству; 7) Между другими еврейскими книгами можетъ быть находятся такія, въ которыхъ есть хулы противъ Христа, Богоматери и апостоловъ; такія книги, конечно, заслуживаютъ сожженія; но христіанамъ слѣдуетъ имѣть терпимость къ людямъ другихъ религій; полезнѣе преслѣдованій было бы то, если бы во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ учили еврейскому языку, чтобы христіанскіе богословы могли основательно разсуждать съ евреями объ ихъ религіи и кроткими убѣжденіями обращать ихъ ко Христу. Тотъ отвѣтъ Рейхлина раздражилъ Пфефферкорна и кельнскихъ доминиканцевъ. При содѣйствіи пріора ихъ, Якоба Гохштратена, великаго инквизитора Германіи, Пфефферкорнъ написалъ „Ручное зеркало“, пасквиль, въ которомъ осыпалъ Рейхлина ругательствами, говорилъ, что онъ подкупленъ евреями, винилъ ихъ въ обманѣ и невѣжествѣ. Рейхлинъ отвѣчалъ памфлетомъ, который назвалъ „Глазнымъ зеркаломъ“. Изъ этого разрослась полемика, длившаяся нѣсколько лѣтъ. Рейхлинъ выражалъ потомъ покорность авторитету церковныхъ сановниковъ; но богословы кельнскаго университета объявили его виновнымъ въ покровительствѣ еврейскому невѣрію, въ неправильномъ истолкованіи священнаго писанія, церковныхъ и гражданскихъ законовъ, постановили, что для своего оправданія отъ подозрѣній въ еретичествѣ онъ долженъ отказаться отъ словъ, возбуждающихъ это подозрѣніе. Рейхлинъ, сначала оробѣвшій, сталъ отвѣчать своимъ противникамъ рѣзко. Повелѣніе императора прекратить эту полемику осталось напраснымъ. Рейхлинъ апеллировалъ отъ приговора Гохштратена къ папѣ. Имперскій судъ въ 1514 призналъ Рейхлина правымъ, его мнѣнія благочестивыми, велѣлъ кельнскимъ доминиканцамъ замолчать и уплатить судебныя издержки; но Гохштратенъ не унялся, получилъ отъ эрфуртскаго, майнцскаго, лувенскаго и парижскаго университетовъ богословскія рѣшенія въ свою пользу. Рейхлинъ требовалъ суда папы; многіе нѣмецкіе государи, епископы и города просили папу оправдать его. Въ коммиссіи, которой папа поручилъ разборъ дѣла, большинство членовъ находили Рейхлина правымъ, но папа не хотѣлъ раздражать могущественный доминиканскій орденъ, угрожавшій ему апелляціею ко вселенскому собору, потому (въ 1516 году) прекратилъ процессъ, не постановляя приговора, велѣлъ замолчать и Рейхлину и его противникамъ. Знаменитый воинъ Францъ Зикингенъ, человѣкъ

просвѣщенныхъ мнѣній въ религіи, другъ гуманистовъ, написалъ кельнскимъ доминиканцамъ, что если они не покорятся рѣшенію шпейерскаго суда и не заплатятъ судебныхъ издержекъ, то онъ и его друзья поступятъ со всѣми нѣмецкими доминиканцами такъ, что Рейхлинъ, человѣкъ благочестивый и ученый, будетъ оставленъ ими въ покоѣ; угроза подѣйствовала, и въ 1520 году процессъ былъ окончательно прекращенъ. Это была въ Германіи первая открытая борьба гуманизма съ обскурантизмомъ; она сильно волновала образованныхъ людей; всѣ они были на сторонѣ Рейхлина, и выраженіемъ ихъ презрѣнія къ обскурантамъ были знаменитыя „Письма темныхъ людей“. Такимъ образомъ процессъ Рейхлина подготовилъ реформацію, и его сторонники стали горячими дѣятелями ея, хотя самъ онъ, миролюбивый старикъ, оставался вѣренъ католической церкви. Изученіе греческаго и еврейскаго языковъ, водворенное имъ въ Германіи, привело къ реформаціи, но самъ онъ не одобрялъ ея и огорчался тѣмъ, что внукъ его сестры и воспитанникъ его Меланхтонъ поддерживалъ Лютера. Война Швабскаго союза съ Ульрихомъ, герцогомъ вюртембергскимъ, заставила въ 1519 старика Рейхлина уѣхать изъ Швабіи въ Ингольштадъ. Тамъ подвергся онъ враждѣ Экка, которому не дозволилъ сжечь сочиненія Лютера. Уклонясь отъ ссоры, онъ возвратился въ Штутгардъ и умеръ тамъ 30 іюня 1522 на 67 году жизни. Въ дипломѣ о пожалованіи ему дворянства и титула императорскаго пфальцграфа Максимиліанъ говоритъ, что награждаетъ его такими почестями „по уваженію къ блеску его добродѣтели“. Этотъ отзывъ справедливъ; Рейхлинъ,—одинъ изъ людей, составляющихъ славу науки въ Германіи.

Эразмъ Роттердамскій 1467—1536.

Дезидерій Эразмъ родился 28 октября 1468 въ Роттердамѣ; онъ былъ побочный сынъ; отецъ и мать его умерли, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ учился въ девентерской школѣ, и уже тогда Агрикола удивился необыкновеннымъ способностямъ его. По совѣту опекуновъ и одного изъ друзей, Эразмъ на 20 году поступилъ въ Эммаусскій монастырь (близъ Гоуды). Онъ прожилъ тамъ пять лѣтъ (до 1491 года). Но отъ природы онъ былъ нерасположенъ къ монашеству, а то, что видѣлъ онъ въ Эммаусѣ, развило въ немъ это отвращеніе. Онъ до конца жизни съ негодованіемъ говорилъ о сухости сердца эммаусскихъ монаховъ, о пошлости ихъ разговоровъ, о ихъ обжорствѣ и пьянствѣ. Эразмъ съ радостью принялъ приглашеніе епископа камбрейскаго ѣхать съ нимъ въ Римъ. Но раньше чѣмъ епископъ собрался въ путь, Эразмъ, будучи рукоположенъ въ священники, получилъ отъ монастырскаго начальства разрѣшеніе и пособіе ѣхать въ Парижъ для изученія богословія. Схоластическій характеръ преподаванія въ парижскомъ университетѣ не нравился Эразму; онъ говорилъ о парижскихъ богословахъ: разсудокъ у нихъ испорченъ, языкъ варварскій, манеры обращенія грубы, жизнь лицемѣрна, слова ядовиты, сердце коварно. Онъ надѣялся прожить своимъ трудомъ, отказался отъ монашеской карьеры, сталъ добывать пропитаніе себѣ частными уроками и литературной работой; это было тогда новостью. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ ѣдко осмѣивалъ лицемѣровъ и обскурантовъ, омерзѣніе къ которымъ сохранилъ на всю жизнь. Имя его уже пользовалось большой извѣстностью, когда онъ поѣхалъ въ Англію съ молодымъ вельможей, воспитателемъ котораго былъ; тамъ онъ нашелъ себѣ друзей и покровителей въ Колетѣ и Томасѣ Морѣ. Онъ нѣсколько времени жилъ въ Оксфордѣ и усовершенствовалъ свое знаніе греческаго языка. Пробывъ годъ въ Англіи, онъ возвратился на континентъ и жилъ то во Франціи, то въ Нидерландахъ, занимаясь учеными трудами по классической литературѣ и по богословію. Въ это время онъ издалъ свои знаменитыя „Пословицы“ (Adagia). Потомъ

онъ поѣхалъ въ Италію, прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ; гуманисты вездѣ принимали его съ почетомъ, какъ знаменитаго товарища. По приглашенію Генриха VIII, онъ поѣхалъ въ Англію и на пути туда написалъ начало своего знаменитаго сатирическаго трактата „Похвала глупости“, Encomium moriae. Онъ противопоставляетъ въ ней здравый смыслъ ученымъ нелѣпостямъ и осмѣиваетъ пороки. Эта маленькая книга, изданная съ рисунками Гольбейна, имѣла громадный успѣхъ и была переведена на всѣ языки западныхъ народовъ.

Глупость, могущественная богиня, произноситъ рѣчь въ похвалу себѣ, описываетъ свое царство, перечисляетъ своихъ подданныхъ. Ей служатъ государи и нищіе, поэты и ораторы, юристы и философы. Но самые усердные ея слуги монахи, схоластическіе богословы, церковные сановники. Монахи считаютъ невѣжество благочестіемъ, грязь и попрошайничество великими добродѣтелями, и изъ-за важныхъ вопросовъ о числѣ узловъ на поясѣ, о цвѣтѣ мантіи, о величинѣ капюшона забываютъ заповѣди христіанства. Христосъ на страшномъ судѣ скажетъ: «Откуда эти новые евреи? Я обѣщалъ царство небесное не тѣмъ, кто ходитъ въ монашескомъ платьѣ, читаетъ молитвы, перебирая четки, а тѣмъ, кто совершаетъ дѣла вѣры и любви». Отъ монаховъ рѣчь Глупости переходитъ къ епископамъ, забывающимъ о благѣ своей паствы, думающимъ только о деньгахъ, имѣньяхъ, роскоши, наслажденіяхъ, и къ папамъ, берущимъ на свою долю роскошь и удовольствіе, оставляющимъ труды и заботы на долю апостоламъ Петру и Павлу.

Эразмъ и теперь не долго прожилъ въ Англіи. Онъ не хотѣлъ занимать никакой должности; ему нравились свобода и ученый досугъ; нѣсколько времени онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ континента, не останавливаясь нигдѣ на долго; но съ 1516 жилъ большею частью въ Базелѣ. Тамъ онъ напечаталъ свое изданіе греческаго текста Новаго Завѣта, составившее эпоху въ богословіи. Онъ возстановилъ тексктъ по сличенію множества рукописей съ глубокимъ знаніемъ языка и геніальной критической проницательностью; сравненіе варіантовъ и объяснительныя примѣчанія этого изданія дали основу всѣмъ дальнѣйшимъ богословскимъ изслѣдованіямъ. Эразмъ пользовался тогда глубокимъ уваженіемъ ученыхъ во всей западной Европѣ, велъ обширную переписку; изъ его литературныхъ трудовъ этого времени особенно важны „Разговоры“ (Colloquia), написанные превосходнымъ латинскимъ языкомъ въ тонѣ Лукіана. Эта книга предназначена быть руководствомъ къ изученію хорошаго латинскаго слога, въ особенности разговорнаго; но въ ней разъясняется множество церковныхъ, научныхъ и общественныхъ вопросовъ. Эразмъ написалъ тогда много филологическихъ и богословскихъ статей, издалъ много классическихъ писателей съ примѣчаніями, писалъ примѣчанія къ изданіямъ сочиненій отцовъ церкви. Своими трудами онъ подготовилъ реформацію; но научный интересъ былъ для него выше религіознаго, филологическій выше догматическаго, и крутые перевороты не нравились ему, потому онъ отстранился отъ Лютера. Человѣкъ небольшого роста, слабаго сложенія, обыкновенно державшій глаза опущенными, слушавшій и говорившій съ улыбкой, боязливый, вздрагивавшій при словѣ „смерть“, онъ не былъ созданъ для роли вождя народныхъ движеній. При спорѣ Рейхлина съ обскурантами онъ уже держалъ себя молчаливѣе, чѣмъ слѣдовало бы защитнику науки. Лютеръ совершенно не нравился Эразму, считавшему безполезными ссоры изъ-за догматовъ, ожидавшему пользы отъ научнаго просвѣщенія высшихъ сословій. Онъ совѣтовалъ противникамъ церковныхъ злоупотребленій дѣйствовать умѣренно и надѣялся, что церковная іерархія сама произведетъ

необходимыя улучшенія. Онъ уклонялся отъ сношеній съ реформаторами, не принялъ къ себѣ Гуттена, бѣжавшаго въ Базель, и подвергся рѣзкимъ упрекамъ его. Но и противники реформаціи порицали Эразма за его холодность къ борьбѣ ихъ съ реформаторами, говорили, что онъ выковалъ оружіе для Лютера. Чтобы выказать себя чуждымъ дѣлу реформаціи, Эразмъ писалъ противъ принятаго Лютеромъ ученія Августина о предопредѣленіи. Обѣ враждовавшія между собою партіи были враждебны Эразму; но католики все-таки считали его своимъ. Онъ умеръ 12 іюля 1536. Настроеніе его мыслей было философско-языческое, а не христіанское. Онъ велъ безукоризненную жизнь; умъ его былъ свободенъ отъ владычествовавшаго суевѣрія. Онъ считалъ честную жизнь достаточной для душевнаго спокойствія. Набожности въ немъ не было совсѣмъ.

Результаты гуманизма.

Новое научное направленіе, основанное на изученіи классическихъ литературъ, имѣло своимъ принципомъ свободу изслѣдованія, независимость мысли отъ схоластическихъ и церковныхъ авторитетовъ. Оно преобразовало науку. Гуманисты стали писать яснымъ, изящнымъ языкомъ по образцу древнихъ. Сначала у гуманистовъ преобладалъ филологическій интересъ. Они печатали древнихъ писателей, объясняли ихъ сочиненія, переводили греческихъ авторовъ на латинскій языкъ, составляли грамматики, словари греческаго и латинскаго языковъ, руководства къ искусству писать изящнымъ латинскимъ слогомъ, другія педагогическія книги. Всѣ гуманисты любили поэзію, почти всѣ сами писали латинскіе стихи; нѣкоторые изъ нихъ имѣли поэтическій талантъ, какъ напримѣръ, Цельтесъ, Эобанъ Гессъ, Гуттенъ. Улучшая форму изложенія, гуманизмъ преобразовывалъ и содержаніе ученыхъ трудовъ, замѣнялъ безжизненную схоластическую формалистику изученіемъ природы и человѣческой жизни. Богословіе было преобразовано въ одномъ направленіи мистицизмомъ, въ другомъ—свободой изслѣдованія и изученіемъ греческаго и еврейскаго языковъ. Знакомство съ греческими писателями и пробужденное имъ стремленіе изучать жизнь преобразовало естествознаніе, медицину, астрономію, усовершенствовало математику, оживило исторіографію.

Гуманистическая исторіографія въ Германіи.

Гуманисты усердно занимались историческими трудами по примѣру древнихъ, изученіе которыхъ сообщило ихъ работамъ изящество изложенія, заботу о разъясненіи связи между событіями и о провѣркѣ матеріаловъ. Съ особенной любовью гуманисты разработывали первоначальныя времена исторіи своихъ народовъ. Это было облегчено изданіемъ древнихъ писателей и тѣмъ, что уже началось печатаніе средневѣковыхъ историческихъ сочиненій. Въ своихъ историческихъ трудахъ гуманисты были одушевлены горячимъ патріотизмомъ. Это относится и къ нѣмецкой исторіографіи. Конрадъ Пейтингеръ, Вилибальдъ Пиркгеймеръ, Германъ графъ Нейенаръ (издатель Эйнгарда) писали изслѣдованія о нѣмецкой старинѣ; этими монографіями были подготовлены обширные труды Иреника и Беата Ренана. Найденная Цельтесомъ Tabula Peutingeriana, дорожная карта римской имперіи, составленная въ III вѣкѣ, дала вѣрную основу географическимъ изслѣдованіямъ о древнемъ мірѣ. Іоаннъ Авентинъ (по своей нѣмецкой фамиліи Турмайеръ фонъ Абенсбергъ), умершій въ 1534 году, заслужилъ своей „Баварской лѣтописью“ Annales Boiorum, названіе отца нѣмецкой исторіи. Онъ написалъ свой трудъ на латинскомъ языкѣ, но самъ перевелъ его на нѣмецкій. Іоаннъ Куспиніанъ (по нѣмецкой фамиліи Шписгаммеръ), умершій въ 1529 году, написалъ исторію нѣмецкихъ императоровъ и исторію Австріи.

b) гуманистическая сатира. борьба съ церковью. (ульрихъ гуттенъ).

Церковь нѣсколько столѣтій держала подъ своимъ владычествомъ умственную дѣятельность; теперь развилось стремленіе сбросить ея стѣснительную опеку. Итальянскій гуманизмъ съ своей философской высоты презрительно смотрѣлъ на догматику и обряды католичества и оставался холоденъ къ мыслямъ о преобразованіи церкви. Нѣмецкіе гуманисты были большею частью богословы, потому желали улучшить церковное устройство и боролись противъ схоластической системы богословія. Такимъ образомъ Вессель, Вимпфелингъ, Рейхлинъ, Эразмъ, Муціанъ Руфъ подготовили реформацію. Приверженцы церковной старины справедливо называли гуманизмъ опаснымъ для нея, говорили, что занятіе классиками ослабляетъ преданность католическому ученію: они вооружались и противъ изученія еврейскаго и греческаго языковъ, говорили, что оно ведетъ къ еретическимъ мнѣніямъ. Гуманисты нападали на безбрачіе духовенства, на его невѣжество, говорили и противъ догматовъ католической церкви. Жизнь освѣжалась подъ ихъ вліяніемъ, понятія людей становились свободнѣе. Ульрихъ Гуттенъ восклицалъ: «Науки процвѣтаютъ, умы пробуждаются; счастіе жить въ такое время»!

Гуманистическая сатира.

Нѣмецкіе гуманисты осмѣивали своихъ противниковъ. Въ латинской поэмѣ Генриха Бебеля «Торжество Венеры» поклонниками этой богини являются и нищенствующіе монахи, и схоластики, и епископы, и папа съ кардиналами. Они даже самые усердные изъ всѣхъ поклонниковъ ея; свѣтскіе люди далеко уступаютъ имъ въ преданности ей. Бебель рѣзко изображаетъ и другіе пороки духовенства. Онъ говоритъ: «Папское правительство забираетъ деньги тысячами способовъ, которыхъ я не могу и перечислить, то подъ названіемъ аннатовъ или десятины, то за паллій, то за освященіе церквей; много денегъ бросаетъ Германія по излишнему благочестію. Все, что накопитъ въ ларцѣ старушка, все, что сбережетъ, скупясь на ѣду себѣ, поселянинъ,—всѣ деньги и богатыхъ и бѣдныхъ поглощаютъ теперь индульгенціи. Только давай деньги, индульгенціи спасутъ отца и мать изъ ада, перенесутъ ихъ на небо, по самой дешевой цѣнѣ продаемъ мы небо, говорятъ монахи». Тѣмъ же духомъ проникнуты «Шутки» Facetiae Бебеля, латинскій сборникъ анекдотовъ, ходившихъ въ народѣ или взятыхъ изъ старыхъ народныхъ книгъ. Въ томъ же духѣ

написана «Похвала Глупости» Эразма; много являлось тогда и другихъ такихъ сатиръ.

Монахи и другіе обскуранты, на которыхъ нападали гуманисты, не могли бороться съ ними ни серьезными возраженіями, ни остроуміемъ; потому клеветали на нихъ, называли ихъ еретиками, угрожали церковнымъ судомъ. Мы уже говорили, что полемика Рейхлина съ доминиканцами волновала всѣхъ образованныхъ людей, и гуманисты стали на его сторону, нападали на его противниковъ. Ѣдкое остроуміе гуманистовъ излилось въ «Письмахъ темныхъ людей» Epistolae obscurorum virorum.

Письма темныхъ людей.

Эти знаменитыя письма были напечатаны въ 1516 году; о томъ, кто были авторы ихъ, написано много изслѣдованій. Несомнѣнно, что они вышли изъ кружка эрфуртскихъ гуманистовъ и поэтовъ, группировавшихся около Муціана Руфа и горячо нападавшихъ на обскурантизмъ. По языку и по содержанію очевидно, что они писаны нѣсколькими лицами. Главнымъ сотрудникомъ этого сборника былъ Кротъ Рубіанъ (по нѣмецкой фамиліи Йегеръ), любившій утаивать свое имя. Ему принадлежитъ и планъ сборника. (Человѣкъ боязливый, онъ впослѣдствіи разошелся съ приверженцами реформаціи). Замѣчательнѣйшимъ изъ его товарищей былъ Ульрихъ Гуттенъ, котораго современники считали авторомъ всѣхъ писемъ. Третьимъ сотрудникомъ былъ Петеръ Эбербахъ, по латинскому имени Петрей. Вѣроятно, участвовали въ этомъ сборникѣ, особенно во второй и третьей частяхъ его, Эобанъ Гессъ, Пиркгеймеръ, Германъ Бушъ и другіе члены веселаго, насмѣшливаго кружка, главою котораго былъ Муціанъ.

Сатира эта имѣетъ форму писемъ приверженцевъ обскурантизма къ профессору кёльнскаго университета Ортуину Грацію; связью между письмами служитъ процессъ Рейхлина; авторы писемъ сообщаютъ свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла и по поводу его приплетаютъ разсказы о другихъ дѣлахъ, описываютъ свой бытъ. Это яркія изображенія пошлости и глупости приверженцевъ старой системы, ихъ обжорства, пьянства, распутства, ихъ ученаго тщеславія и невѣжества. Они пишутъ схоластической латинью, наполненной барбаризмами и въ частности германизмами. Поддѣлка была такъ искусна, что многіе не догадались о ней, приняли письма за подлинныя, и нѣкоторые обскуранты даже восхищались ими, какъ вѣрнымъ выраженіемъ своихъ понятій. Сборникъ имѣлъ громадный успѣхъ. Къ нему дѣлались прибавленія и было написано много подражаній ему. Папа запретилъ его; разумѣется, запрещеніе осталось безсильнымъ. Было написано возраженіе на сатиру, но оно очень слабо. Оно имѣло своимъ заглавіемъ «Жалобы темныхъ людей».

Процессъ Рейхлина и «Письма темныхъ людей» произвели рѣшительный разрывъ между гуманистами и приверженцами старой системы. Гуманисты все смѣлѣе и смѣлѣе нападали на католическую церковь, не щадя и папу. Самымъ рѣшительнымъ и пылкимъ выразителемъ этихъ чувствъ былъ Ульрихъ Гуттенъ.

Ульрихъ Гуттенъ 1488—1523.

Фамилія Гуттеновъ была одною изъ самыхъ старыхъ знатныхъ во Франконіи. Ульрихъ родился 21 апрѣля 1488 въ замкѣ Штекельбергѣ, принадлежавшемъ его отцу. Онъ былъ старшій сынъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ слабаго здоровья и выказывалъ бойкій умъ, потому отецъ предназначилъ его въ духовное званіе и, на 11 году, отвезъ его въ сосѣдній фульдскій монастырь, чтобъ онъ учился тамъ и потомъ былъ постриженъ въ монахи. Но ему не нравилось монашество, и черезъ нѣсколько лѣтъ юноша бѣжалъ. Этимъ онъ обрекъ себя на скитальчество и бѣдность, потому что отецъ его былъ человѣкъ суровый, упрямый и не хотѣлъ простить ему ослушанія. Онъ съ своимъ другомъ Кротомъ Рубіаномъ отправился въ Кёльнъ; черезъ нѣсколько времени переѣхалъ въ Эрфуртъ, былъ тамъ хорошо принятъ въ кругу ученыхъ, группировавшемся около Муціана Руфа; особенно полюбилъ его Эобанъ Гессъ, даровитый поэтъ, человѣкъ милаго характера. Но Гуттену не жилось въ одномъ мѣстѣ. Онъ уѣхалъ во Франкфуртъ, оттуда въ Грейфсвальдъ, въ Ростокъ, терпѣлъ бѣдность, имѣлъ много приключеній. Онъ самъ сравниваетъ свое скитальчество съ странствованіями Улисса. Наконецъ онъ попалъ въ Вѣну и написалъ тамъ латинское стихотвореніе, въ которомъ убѣждалъ Максимиліана энергически вести войну съ Венеціей. Въ 1512 году мы находимъ его въ Италіи; онъ занимался тамъ юриспруденціей, надѣясь заслужить этимъ прощеніе отца. Но скоро нищета заставила его поступить на службу въ войско Максимиліана, сражавшагося съ венеціанцами. Онъ живо изображаетъ свои солдатскія приключенія въ латинскихъ эпиграммахъ. Черезъ два года возвратившись на родину, онъ обратилъ свой литературный талантъ на мщеніе Ульриху, герцогу вюртембергскому. Герцогъ жилъ въ связи съ женой Ганса Гуттена, находившагося въ его службѣ, и въ 1515 году убилъ Ганса на охотѣ въ лѣсу. Ульрихъ, двоюродный братъ Ганса, написалъ четыре рѣчи и разговоръ „Фаларизмъ“, въ которыхъ требовалъ наказанія убійцѣ. Отецъ нѣсколько смягчился къ Ульриху, надѣясь, что сынъ займется юриспруденціей и составитъ себѣ хорошую карьеру. Быть можетъ и самъ онъ имѣлъ это намѣреніе, отправляясь осенью 1515 снова въ Италію. Но сухія юридическія занятія были несносны его пылкому характеру. Онъ остался поэтомъ, писалъ латинскіе стихи, убѣждая Максимиліана энергически вести войну въ Италіи по примѣру прежнихъ императоровъ, и въ рѣзкихъ эпиграммахъ выражалъ ненависть къ папскому Риму, въ которомъ продаютъ Бога, развратничаютъ и смѣются надъ нѣмцами, обирая ихъ. Онъ побывалъ тогда самъ въ Римѣ и видѣлъ своими глазами безстыдство папской куріи. Въ Германіи волновалъ гуманистовъ процессъ Рейхлина. Мы уже говорили, что Гуттенъ горячо вступался за гуманизмъ и его представителя. Онъ уже пользовался тогда большой славой, какъ поэтъ. Въ 1517 году въ Аугсбургѣ императоръ возложилъ на его голову лавровый вѣнокъ, сплетенный дочерью Пейтингера. Другъ его отца, Эйтельвольфъ Штейнъ, рекомендовалъ его Альбрехту, курфирсту майнцскому; курфирстъ пригласилъ его на свою службу. Въ 1518 году, когда аугсбургскій сеймъ совѣщался о войнѣ съ турками, Гуттенъ напечаталъ рѣчь, въ которой предостерегалъ нѣмцевъ отъ алчности папы, для котораго какъ и для прежнихъ папъ война съ турками служитъ лишь предлогомъ брать съ духовенства десятину и употреблять ее на свои дѣла, и убѣждалъ нѣмецкихъ государей быть единодушными, чтобы силы Германіи не тратились въ междоусобіяхъ. Вскорѣ послѣ того швабскій союзъ объявилъ Ульриху Вюртембергскому войну за его нападеніе на городъ Рейтлингенъ. Гуттенъ снова писалъ горячія воззванія о безпощадномъ мщеніи герцогу и радовался, когда швабскій союзъ прогналъ его. На этомъ походѣ Гуттенъ подружился съ Фран-

цемъ Зикингеномъ, знаменитымъ воиномъ. Утомленный тревогами жизни, онъ думалъ иногда объ отдыхѣ, о женитьбѣ и написалъ разговоръ „Фортуна“, въ которомъ изображалъ счастье спокойной жизни въ изобиліи. Но устроить себѣ такую жизнь онъ не могъ по своему характеру. Онъ принялъ горячее участіе въ борьбѣ Лютера съ папой. Онъ интересовался не догматической и богослужебной стороной ея, а тѣмъ, чтобы нѣмцы сбросили съ себя иго папской куріи. Онъ писалъ очень смѣло и рѣзко и выбралъ своимъ девизомъ слова Цезаря Jacta est alea, которыя переводилъ на нѣмецкій словами: Ich hab's gewagt (Я дерзнулъ). Въ 1520 онъ напечаталъ три разговора; два первые называются „Лихорадка“. Гуттенъ проситъ мучающую его лихорадку идти къ попамъ, живущимъ въ роскоши; тамъ будетъ ей лучше. Но она возвращается къ нему, говоря, что попы уже безъ нея достаточно мучатся отъ своихъ пороковъ. Въ третьемъ разговорѣ „Вадискъ или Римская троица“, Гуттенъ описываетъ пороки и обманы римской куріи. Многіе изъ нихъ перечисліются по три вмѣстѣ, напримѣръ: власть Рима поддерживается тремя вещами: авторитетомъ папы, мощами и индульгенціями; тремъ вещамъ нѣтъ числа въ Римѣ: распутнымъ женщинамъ, попамъ и писцамъ; три вещи изгнаны изъ Рима: прямодушіе, воздержность и благочестіе; о трехъ вещахъ не любятъ тамъ слышать: о вселенскомъ соборѣ, объ улучшеніи нравовъ духовенства и о томъ, что нѣмцы начинаютъ быть умными людьми. Содержаніе этого разговора— изображеніе несноснаго и постыднаго порабощенія Германіи римской куріей. Гуттенъ говоритъ: ужь много столѣтій папы подъ всяческими предлогами обираютъ нѣмцевъ, и за наши деньги мы покупаемъ не назиданіе, а пороки, жилищемъ которыхъ давно сталъ римскій дворъ; если нѣмцы перестанутъ давать ему деньги, то онъ освободится отъ тунеядцевъ и порочной роскоши. „Великое и прекрасное дѣло довести совѣтами, убѣжденіями, требованіями свою родину до того, чтобъ она поняла свой позоръ и рѣшилась возвратить себѣ прежнюю свободу“, восклицаетъ Гуттенъ: „я буду говорить правду, хотя бъ они (папа и его слуги) грозили мнѣ оружіемъ и смертью“. Около того же времени онъ напечаталъ разговоръ „Зрители“, Inspicientes. Фебъ и его сынъ Фаэтонъ смотрятъ съ неба на землю. Ихъ вниманіе привлекаетъ столпленіе народа въ Аугсбургѣ (тамъ въ это время засѣдаетъ сеймъ). Фаэтонъ разспрашиваетъ отца, что это такое. Фебъ разъясняетъ ему. Они видятъ процессію; это легатъ Каэтанъ идетъ въ сеймъ просить для папы денегъ на войну съ турками; Фебъ говоритъ сыну: это лишь выманиваніе денегъ у нѣмцевъ; оно будетъ продолжаться, пока они поумнѣютъ и поймутъ, что папа обманываетъ ихъ; до такой перемѣны уже не далеко. Фебъ описываетъ нравы нѣмцевъ. Нравственность ихъ очень хороша, кромѣ развѣ того, что они слишкомъ много пьютъ. Бракъ у нихъ соблюдается свято; они уважаютъ женщинъ. Измѣнили старымъ хорошимъ нѣмецкимъ нравамъ только монахи и купцы, распространяющіе изнѣженность и роскошь иноземными товарами; потому рыцари, вѣрнѣе всѣхъ сословій сохранившіе старинную честность, ненавидятъ купцовъ и грабятъ ихъ по дорогамъ (Гуттенъ, какъ видимъ, оправдывалъ разбойничество своего сословія). Защитники католической церкви старались повредить Гуттену. Эккъ поѣхалъ въ Римъ и внушилъ папѣ требовать отъ Альбрехта, чтобъ онъ удалилъ Гуттена, просить императора и другихъ нѣмецкихъ государей, чтобъ они арестовали и выдали этого врага церкви. Гуттенъ осенью 1520 уѣхалъ къ своему другу Зикингену въ его замокъ Эбернбургъ, гдѣ находили пріютъ преслѣдуемые защитники реформаціи; оттуда расходились по Германіи его воззванія, имѣвшія форму писемъ къ императору, къ курфирсту саксонскому, къ Лютеру; онъ говорилъ, что преступленіе, за которое преслѣдуютъ его, состоитъ въ желаніи прекратить нарушеніе императорскихъ правъ папой и грабежъ нѣмецкаго народа римской куріей, возстановить чистоту евангельскаго ученія и свободу Германіи отъ порабощенія папой. „Надѣюсь, настанетъ день“, говорилъ онъ, „когда я выйду изъ убѣжища, въ которое скрылся, и воскликну нѣмцамъ: кто готовъ идти съ Гуттеномъ на смерть за общую свободу?“ Когда появилась булла, отлучившая Лютера отъ церкви, Гуттенъ напечаталъ ее съ рѣзкими примѣчаніями и сталъ писать на нѣмецкомъ языкѣ. Онъ выражается объ этомъ такъ: Я писалъ по-латини, это было не всѣмъ понятно; теперь я кричу въ защиту отечества“.

Въ своемъ „Предостереженіи противъ чрезмѣрной и нехристіанской власти папы“ и, написанномъ на нѣмецкомъ языкѣ стихами, онъ снова нападаетъ на всю римскую систему, говоритъ о властолюбіи, алчности, развратѣ римской куріи, о продажѣ индульгенцій и другихъ способахъ грабить нѣмцевъ и прямо призываетъ къ вооруженному сопротивленію: „Подымитесь же, благочестивые нѣмцы; у насъ много коней и оружія; мирныя требованія не помогаютъ, возьмемся за мечи, истребимъ ложь, чтобы сіяла истина“. Его призывы находили себѣ отголосокъ въ сердцѣ многихъ; но большинству казалось, что способъ дѣйствій, предлагаемый имъ, слишкомъ крутъ. Лютеръ говорилъ, что не должно защищать евангеліе кровопролитіемъ.

Гуттенъ переводилъ на нѣмецкій языкъ свои прежніе латинскіе разговоры и писалъ по-латини новые. Въ одномъ изъ нихъ „Булла или Буллоубійца“, нѣмецкая свобода споритъ съ папской буллой (отлучившей Лютера отъ церкви); Зикингенъ и его друзья прогоняютъ буллу и распутныхъ женщинъ, защищающихъ ее. Въ двухъ разговорахъ, имѣющихъ заглавіемъ „Предостерегатель“, Monitor, приверженцы старой церкви бесѣдуютъ съ Лютеромъ и Зикингеномъ объ основаніяхъ и цѣляхъ реформаціи; въ „Разбойникахъ“, Praedones, купецъ разговариваетъ съ Гуттеномъ и Зикингеномъ; они объясняютъ ему, что рыцари, грабящіе купцовъ по дорогамъ, разбойники менѣе дурные, чѣмъ купцы, юристы и, въ особенности, монахи и папа; разговоръ кончается примиреніемъ: рыцари и горожане должны соединиться на войну съ монахами. Во время вормсскаго сейма Гуттенъ печаталъ посланія къ императору въ защиту Лютера и рѣзкіе памфлеты противъ епископовъ и папскихъ легатовъ. Услышавъ о томъ, что императоръ велѣлъ арестовать Лютера, Гуттенъ убѣждалъ друзей реформаціи взяться за оружіе. На нѣмецкихъ государей онъ не надѣялся, но разсчитывалъ на союзъ рыцарей съ горожанами. Осенью 1522 Зикингенъ и находившіеся въ союзѣ съ нимъ рыцари начали войну съ курфирстомъ трирскимъ; но были побѣждены. Гуттенъ бѣжалъ изъ Германіи въ Базель. Тамъ онъ, какъ мы говорили, поссорился съ Эразмомъ, не захотѣвшимъ компрометировать себя покровительствомъ ему. Онъ уѣхалъ въ Мюльгаузенъ и написалъ рѣзкій памфлетъ противъ Эразма. Онъ давно страдалъ мучительной болѣзнью; теперь его силы быстро падали. Онъ пріѣхалъ въ Цюрихъ; Цвингли далъ ему пріютъ. Онъ умеръ 29 августа 1523 на островѣ Цюрихскаго озера, называющемся Уфнау. Цвингли писалъ: „Онъ не оставилъ ничего цѣннаго, ни книгъ, ни вещей, ничего, кромѣ пера“. Ему было еще только 35 лѣтъ. Онъ былъ маленькаго, слабаго сложенія, русый, блѣдный. Выраженіе лица его было отважное; оно врѣзывалось въ память каждому, видѣвшему его хоть одинъ разъ.

B. Математика. Астрономія. Естественныя науки *).

Изслѣдованія въ области точныхъ наукъ остановились въ XIII вѣкѣ. Эпоха, отказавшаяся отъ свободнаго исканія истины, преслѣдовавшая огнемъ и мечомъ всякое свободное движеніе мысли, поставившая своей научной задачей исключительно изученіе и объясненіе старыхъ книгъ, которымъ приписала безусловный авторитетъ, конечно, не могла сдѣлать никакихъ открытій въ естествознаніи. Это продолжалось въ XIV вѣкѣ. Суевѣріе возростало. Всякое уклоненіе отъ привычнаго возбуждало подозрѣніе въ чародѣйствѣ и подвергало опасности. Лишь немногіе сильные умы сохраняли любовь къ наукѣ, дѣлали открытія. Нѣкоторые изъ нихъ были наказаны за свою преданность истинѣ смертью. Важнѣйшія изъ открытій, сдѣланныхъ въ это время, имѣютъ практическій характеръ. Таковы, напримѣръ, изобрѣтеніе очковъ и компаса, улучшеніе часовъ. Но исторія этихъ открытій баснословна, и мы не знаемъ, дѣйствительно ли были сдѣланы они тогда или принадлежатъ временамъ болѣе раннимъ.

Въ XV вѣкѣ возникаетъ новая научная жизнь; ея проявленія еще слабы сравнительно съ позднѣйшими успѣхами, но были необходимой подготовкой ихъ. Въ началѣ XV вѣка Европа ознакомилась съ алгеброй, созданной арабскими учеными и остававшейся до того времени почти совершенно чуждой западу. Пизанецъ Камилло Леонардо, много лѣтъ пробывшій на Востокѣ, научился алгебрѣ у арабовъ и, возвратившись, сообщилъ эту науку Европѣ, въ которой она получила дальнѣйшую разработку. Успѣхи математическихъ знаній принесли пользу прежде всего усовершенствованію астрономіи. Въ это время европейскіе ученые видѣли надобность улучшить календарь. Пьеръ Альи (Ailly) составилъ планъ этого улучшенія; его проектъ былъ одобренъ папой Іоанномъ XXIII и констанцскимъ соборомъ, но остался не исполненъ. Въ вѣнскомъ университетѣ въ началѣ XV вѣка Йоганнъ Гмунденъ подготовилъ къ ученой дѣятельности нѣсколько молодыхъ даровитыхъ математиковъ и астрономовъ. Георгъ Пурбахъ, ученикъ его, увеличилъ свои знанія долгими путешествіями и въ особенности знакомствомъ съ научной жизнью Италіи. Возвратившись изъ этой страны просвѣщенія, онъ занялъ въ вѣнскомъ университетѣ мѣсто своего учителя и въ свою очередь подготовилъ къ ученой дѣятельности нѣсколькихъ даровитыхъ людей.

Пурбахъ 1423—1461.

Пурбахъ понималъ важность точныхъ астрономическихъ наблюденій, улучшилъ прежніе астрономическіе инструменты, изобрѣлъ новые, издавалъ и объяснялъ древнихъ астрономовъ.

*) Этотъ обзоръ написанъ спеціалистомъ.

Регіомонтанъ 1436—1476.

Йоганнъ Мюллеръ, уроженецъ франконскаго города Кёнигсберга, принявшій латинскую фамилію, сформированную переложеніемъ имени этого города на латинскій языкъ, Regiomontanus, ученикъ Пурбаха, продолжалъ начатое имъ и подготовилъ путь къ открытію, сдѣланному Коперникомъ. Выучившись въ Италіи по-гречески, онъ дѣлалъ вѣрные латинскіе переводы греческихъ астрономовъ, которыхъ Пурбахъ зналъ лишь по прежнимъ плохимъ переводамъ. Возвратившись изъ Италіи, Регіомонтанъ поселился въ Нюрнбергѣ, занимался математикой и астрономическими наблюденіями, которымъ придалъ точность, какой не имѣли они до него. Онъ первый наблюдалъ путь кометы; прежде не дѣлали этого, потому что считали кометы метеорами, возникающими въ земной атмосферѣ и не заслуживающими астрономическаго изслѣдованія. Точныя наблюденія показали Регіомонтану неудовлетворительность прежней гипотезы объ устройствѣ солнечной системы; потому онъ не раздѣлялъ слѣпого довѣрія своихъ современниковъ къ теоріи Птоломея. Онъ искалъ разгадки своимъ сомнѣніямъ въ ученіи пиѳагорейцевъ, и очень можетъ быть, что онъ уже считалъ землю движущейся около солнца. Но въ его время еще не было собрано матеріаловъ для того, чтобы обратить эту гипотезу въ достовѣрную истину. Своими точными наблюденіями онъ началъ дѣло, которое привело къ открытію, сдѣланному Коперникомъ. Онъ усовершенствовалъ тригонометрію, служащую необходимымъ пособіемъ для астрономіи. Вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Бернгардомъ Вальтеромъ онъ дѣлалъ механизмы, возбуждавшіе удивленіе; изъ нихъ особенно славились большіе городскіе часы, сдѣланные имъ для Нюрнберга. Мы уже говорили, что Мартинъ Бегаймъ получалъ отъ него совѣты, оказавшіеся очень полезными для географическихъ открытій. Папа Сикстъ IV пригласилъ Регіомонтана въ Римъ и поручилъ ему работу по улучшенію календаря. Но онъ умеръ, не кончивъ ея. Говорили, что онъ отравленъ завистниками; но эта молва не имѣетъ серьезныхъ основаній. Вѣроятно, онъ умеръ отъ заразы, свирѣпствовавшей тогда въ Римѣ. Бернгардъ Вальтеръ продолжалъ въ Нюрнбергѣ астрономическія наблюденія, начатыя Регіомонтаномъ, и открылъ атмосферическое преломленіе лучей свѣта. Это было большимъ шагомъ впередъ къ болѣе точному опредѣленію мѣстъ свѣтилъ на небѣ.

Коперникъ 1473—1543.

Работы Регіомонтама внесли новую жизнь въ труды математиковъ и астрономовъ. Число точныхъ наблюденій быстро увеличивалось, и по мѣрѣ ихъ накопленія становилась очевиднѣй и очевиднѣй неудовлетворительность прежней гипотезы объ устройствѣ вселенной. Но этой системѣ вѣрили въ продолженіи долгихъ вѣковъ, и нужно было имѣть большое мужество, чтобы выступить противъ нея съ теоріей, которая казалась противорѣчившей свидѣтельству чувствъ. На это рѣшился Николай Коперникъ, человѣкъ геніальнаго ума. Мысль его нельзя назвать безусловно новой. Въ посвященіи своего великаго

труда папѣ Павлу III онъ самъ говоритъ, что внимательно искалъ рѣшенія вопросовъ о движеніи небесныхъ свѣтилъ у древнихъ писателей и приводитъ изъ нихъ мѣста, имѣющія смыслъ сходный съ его теоріей. Плутархъ и нѣкоторые другіе древніе писатели говорятъ, что были между пиѳагорейцами философы, считавшіе землю движущейся. Но судя по дошедшимъ до насъ краткимъ извѣстіямъ объ ихъ мысляхъ, это были не выводы изъ научныхъ соображеній, а фантастическія гипотезы. Болѣе серьезный научный характеръ имѣетъ ученіе Аристарха Самосскаго, передаваемое намъ Плутархомъ и Архимедомъ. По ихъ извѣстіямъ видно, что это была теорія очень близкая къ системѣ Коперника. Аристархъ говорилъ, что земля вращается вокругъ солнца; Плутархъ прибавляетъ, что мысль, высказываемая Аристархомъ лишь какъ гипотеза, была доказана однимъ изъ его послѣдователей. Но если Коперникъ и заимствовалъ изъ этихъ краткихъ указаній основу для своего изслѣдованія, трудъ его сохраняетъ все свое величіе. У древнихъ не было разработаннаго ученія о движеніи земли, и мысль объ этомъ движеніи была забыта; ее нужно было возсоздать, подтвердить новыми убѣдительными доказательствами и подвести подъ нее накопленные наблюденіями факты. Мысль, на которой остановился Коперникъ, не была случайной догадкой. Онъ употребилъ много лѣтъ на провѣрку и разработку своей системы, добросовѣстно взвѣшивалъ всѣ доводы въ пользу ея и факты, казавшіеся противорѣчащими ей, неутомимо изучалъ движеніе свѣтилъ и этимъ путемъ убѣдился въ истинѣ своей мысли. Онъ долго передавалъ свою теорію только въ разговорахъ и лишь подъ конецъ жизни, по просьбамъ друзей, рѣшился обнародовать ее.

Николай Коперикъ (Коперникъ) родился 19 февраля 1473 въ Торнѣ. Его семейство было зажиточное, пользовалось уваженіемъ; по своей національности оно было нѣмецкое. Онъ получилъ въ родительскомъ домѣ хорошее гуманистическое воспитаніе, въ 1491 поступилъ въ краковскій университетъ, имѣлъ тамъ возможность изучить математику, которую любилъ, занимался и астрономіей. Слава, пріобрѣтенная Регіомонтаномъ, возбудила въ немъ энтузіазмъ къ этой наукѣ. Въ 1499 по вліянію его дидя Вацельроде, епископа эрмеландскаго, ему было дано мѣсто каноника во Фрауэнбургскомъ капитулѣ. Онъ поѣхалъ въ Италію усовершенствовать свои знанія. Тамъ онъ познакомился съ замѣчательнѣйшими учеными Болоньи и Рима, узналъ результаты изслѣдованій итальянскихъ астрономовъ. Возвратившись во Фрауэнбургъ, онъ занимался работами для разъясненія своей мысли объ устройствѣ солнечной системы. Должность каноника оставляла ему очень много досуга для ученыхъ занятій. Онъ неутомимо наблюдалъ небо посредствомъ инструментовъ, которые изготовлялъ самъ. Результаты наблюденій все сильнѣе и сильнѣе подтверждали его теорію. Долго она оставалась извѣстна тольк его друзьямъ по личнымъ его сообщеніямъ; способные понять ее становились твердыми приверженцами его системы. Въ числѣ ихъ находились кардиналъ Николай Шенбергъ, архіепископъ капуанскій, и Тидеманъ Гизе, товарищъ Коперника по должности, сдѣлавшійся впослѣдствіи епископомъ

кульмскимъ, люди очень умные и ученые. Астрономъ, бывшій моложе Коперника лѣтами, но уже пользовавшійся большой извѣстностью Георгъ Іоахимъ Ретикъ, профессоръ математики въ Вюртембергѣ, отказался отъ своей каѳедры, чтобы поѣхать во Фрауэнбургъ, изучить систему Коперника, съ которымъ не былъ знакомъ лично. Коперникъ охотно объяснилъ ему ее. Когда Коперникъ былъ уже старикомъ, друзья убѣдили его напечатать излагавшій его систему трактатъ De revolutionibus orbium coelestium. („О круговращеніяхъ небесныхъ тѣлъ“). Говорятъ, что онъ передъ смертью получилъ экземпляръ этой книги (напечатанной въ Нюрнбергѣ, въ 1543 году). Она посвящена Павлу III; въ предисловіи Коперникъ, обращаясь къ папѣ, излагаетъ сущность своей системы и объясняетъ пути, которыми пришелъ къ ней. Приведемъ здѣсь это предисловіе.

ЕГО СВЯТѢЙШЕСТВУ ПАПѢ ПАВЛУ III.

Предисловіе Николая Коперника къ его книгѣ о круговращеніяхъ небесныхъ тѣлъ.

«Я вполнѣ знаю, святѣйшій отецъ, что найдутся люди, которые, услышавъ, что я въ своей книгѣ о круговращеніяхъ небесныхъ тѣлъ приписываю движенія земному шару, воскликнутъ: такое ученіе дурно. Я не до такой степени пристрастенъ къ моимъ мыслямъ, чтобы не дорожить сужденіями о нихъ, и хотя мысли философа далеки отъ мнѣнія толпы, потому что его задача изслѣдовать во всемъ истину, на сколько дано то Богомъ человѣческому разуму; но я полагаю, что должно уклоняться отъ теорій, совершенно несогласныхъ съ достовѣрностью. Люди, полагающіе, что согласіемъ многихъ столѣтій крѣпко утверждена мысль о неподвижности земли въ центрѣ неба, назовутъ нелѣпымъ мое мнѣніе, что земля движется; размышляя объ ихъ порицаніи, я долго колебался, печатать ли мои доказательства этого движенія или лучше будетъ слѣдовать примѣру пиѳагорейцевъ и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ, не излагавшихъ письменно таинства философіи, а только изустно сообщавшихъ свои мысли друзьямъ. По моему мнѣнію, они дѣлали это не для того, какъ полагаютъ нѣкоторые, чтобы не распространять своихъ знаній, а для того, чтобы не подвергать возвышенные результаты усерднаго изслѣдованія великихъ людей осмѣянію тѣхъ, которые или не имѣютъ усердія заниматься наукой, не приносящей денегъ, или если возбуждены совѣтами и примѣромъ другихъ къ благородному занятію философіей, то по тупости своего ума движутся между философами, какъ трутни между пчелами. При такихъ размышленіяхъ опасеніе насмѣшекъ, которымъ подвергнусь за мои новыя и, повидимому, нелѣпыя понятія, едва не склонило меня совершенно покинуть начатую работу; но мои друзья возвратили на справедливый путь меня, долго медлившаго и сопротивлявшагося имъ. Въ числѣ ихъ первымъ былъ знаменитый обширностью знаній кардиналъ Николай Шенбергъ, архіепископъ капуанскій; вторымъ близкій мой другъ, епископъ кульмскій Тидеманъ Гизе, одинаково усердно занимающійся богословіемъ и всѣми науками. Въ особенности онъ часто убѣждалъ и иногда съ упреками требовалъ, чтобъ я наконецъ издалъ свой трудъ, который я оставлялъ необнародованнымъ не девять лѣтъ по правилу Горація, а четырежды девять лѣтъ. Также и многіе другіе знаменитые ученые убѣждали меня, чтобъ я, отложивъ боязнь, обнародовалъ мои работы для пользы всѣхъ математиковъ; они говорили, что чѣмъ нелѣпѣе въ первое время покажется большинству мое ученіе о движеніи земли, тѣмъ больше похвалы и благодарности получитъ оно, когда увидятъ, что обнародованіемъ моихъ изслѣдованій уничтожается посредствомъ очень ясныхъ доказательствъ мнимая нелѣпость его. И такъ по совѣту этихъ людей и въ этой надеждѣ я наконецъ дозволилъ моимъ друзьямъ отдать для напечатанія, какъ они давно требовали отъ меня, мою книгу.

«Но бытъ можетъ ты, святѣйшій отецъ, не будешь дивиться тому, что я рѣшился напечатать мой трактатъ, на который не пожалѣлъ работы. Напротивъ, вѣроятно, ты ожидаешь услышать отъ меня, какъ я, наперекоръ общему мнѣнію математиковъ, пришелъ къ смѣлой мысли, что земля движется. Не скрою отъ тебя, святѣйшій отецъ, что искать новой теоріи для вычисленія движеній небесныхъ тѣлъ заставило меня разногласіе между математиками въ этихъ изслѣдованіяхъ. Ихъ понятія о движеніяхъ солнца и луны такъ шатки, что они не могли установить наблюденіями даже неизмѣнную величину годичнаго періода. При опредѣленіи движеній солнца, луны, и пяти другихъ планетъ они держатся неодинаковыхъ основаній и употребляютъ неодинаковыя правила разсчета относительно видимыхъ круговращеній. Нѣкоторые употребляютъ гомоцентрическіе круги, другіе употребляютъ эксцентрическіе круги и эпициклы; но этимъ они невполнѣ достигаютъ искомаго. Тѣ, которые принимаютъ гомоцентрическіе круги, не могутъ выводить изъ нихъ ничего сообразнаго съ явленіями, а тѣ, которые прибѣгаютъ къ помощи эксцентрическихъ круговъ, хотя выводятъ изъ нихъ вычисленія во многомъ согласныя съ видимыми движеніями, но должны допускать многое противное основнымъ правиламъ однообразности движенія. Притомъ они не могли вывести изъ этихъ круговъ вида вселенной и опредѣленной симметріи ея частей, то-есть самаго главнаго. У нихъ выходитъ похоже на то, какъ если бы сложить руки, ноги, голову и другіе члены, взятые изъ разныхъ картинъ, нарисованные хотя и хорошо, но не бывшіе предназначенными составлять одно тѣло; эти части не подходили бы одна къ другой и черезъ ихъ сложеніе составилась бы фигура не человѣка, а чудовища. Потому ясно, что въ ходѣ ихъ такъ называемаго методическаго разсужденія или пропущено что нибудь существенное, или вкралось что нибудь несообразное съ дѣломъ. Этого не случилось бы, если бы они слѣдовали твердымъ основнымъ мыслямъ; не исходи они отъ ошибочныхъ гипотезъ, безъ сомнѣнія выводы изъ ихъ основаній оказывались бы вѣрными.

«Мои слова теперь, можетъ быть, еще не понятны для тебя, но въ своемъ мѣстѣ это объяснится. Итакъ я долго раздумывалъ о недостовѣрности прежнихъ математическихъ ученій относительно связи между движеніями небесныхъ тѣлъ, и мнѣ было очень непріятно, что философы, съ точностью изслѣдовавшіе вопросы сравнительно маловажные, еще не составили правильной теоріи движеній вселенной, построенной всесовершеннѣйшимъ зодчимъ. Потому я принялъ на себя трудъ прочесть всѣ, какія могъ достать, сочиненія философовъ, чтобъ узнать, не высказалъ ли кто нибудь изъ нихъ того мнѣнія, что движенія небесныхъ тѣлъ не таковы, какъ принимаютъ спеціалисты по математикѣ. И дѣйствительно, я нашелъ прежде всего у Цицерона, что Никета полагалъ, что земля движется; потомъ прочелъ у Плутарха, что нѣкоторые другіе думали такъ. Я приведу это мѣсто. Плутархъ говоритъ: Обыкновенно думаютъ, что земля неподвижна; но Филолай пиѳагореецъ полагаетъ, что она, подобно солнцу и лунѣ, движется по косому кругу около огня; Гераклидъ Понтскій и пиѳагореецъ Экфантъ также говорятъ, что земля движется, но не впередъ, а подобно колесу вертится около своего центра съ запада на востокъ. Эти извѣстія побудили меня думать о движеніи земли, и хотя это мнѣніе, повидимому, нелѣпо, но я принялъ его, потому что нѣкоторые другіе прежде меня, какъ я теперь зналъ, дозволяли себѣ свободу предполагать круги, какіе казались имъ надобными для объясненія небесныхъ явленій; по ихъ примѣру я считалъ дозволительнымъ попытаться, нельзя ли чрезъ предположеніе, что земля движется, найдти для круговращеній небесныхъ тѣлъ объясненіе болѣе удовлетворительное, чѣмъ прежнія.

«Принявъ тѣ движенія земли, какія приписываю ей въ этомъ моемъ сочиненіи, я послѣ многолѣтняго внимательнаго изслѣдованія нашелъ наконецъ, что если брать въ разсчетъ движеніе земли, то движенія другихъ планетъ будутъ объясняться правильными выводами изъ этого, распредѣленіе планетъ и ихъ путей и видимыя движенія самаго неба будутъ представляться въ стройномъ порядкѣ, такъ что никакая часть вселенной не могла бы быть перемѣнена безъ разстройства другихъ частей и всего цѣлаго. Сообразно тому я и составилъ планъ моего труда. Въ первой книгѣ я описываю всѣ пути небесныхъ тѣлъ и движенія, какія, по моему мнѣнію, имѣетъ земля, такъ что эта книга излагаетъ общее устройство вселенной. Въ другихъ книгахъ я сравниваю движенія

небесныхъ тѣлъ и ихъ пути съ движеніями земли, такъ что можно видѣть, какія движенія небесныхъ тѣлъ выводятся изъ вычисленія ихъ видимыхъ мѣстъ, въ соотвѣтствіи съ движеніями земли. Я не сомнѣваюсь, что умные и ученые математики согласятся со мной, если, какъ требуетъ философія, основательно разсмотрятъ доказательства моего мнѣнія, приводимыя мною, и обдумаютъ ихъ. А чтобъ ученые и неученые одинаково видѣли, что я не уклоняюсь ни отъ чьего сужденія, я посвящаю это сочиненіе не другому кому нибудь, а именно тебѣ. Ты и въ отдаленномъ краѣ земли, гдѣ живу я, пользуешься уваженіемъ по высокости своего сана и по своей любви ко всѣмъ наукамъ, въ томъ числѣ и къ математикѣ, такъ что ты можешь авторитетомъ твоего сужденія охранить меня отъ укушеній клеветниковъ.

«Если бы явились пустые болтуны, не знающіе математики, но судящіе о ней, и, давая неправильное толкованіе одному мѣсту священнаго писанія, захотѣли бъ осудить мою мысль и стали бы преслѣдовать ее, то я не обращу на нихъ вниманія и буду презирать ихъ сужденіе, какъ неосновательное. Извѣстно, что Лактанцій, писатель знаменитый, но не знавшій математики, ребячески говоритъ о формѣ земли, смѣясь надъ людьми, утверждающими, что она имѣетъ форму шара; потому ученые не удивятся, если подобные люди будутъ смѣяться и надо мною. Математическія сочиненія пишутся только для математиковъ. Они, я полагаю, найдутъ, что мое сочиненіе можетъ принести пользу и церкви, глава которой ты. Когда недавно на латеранскомъ соборѣ при Львѣ X происходило совѣщаніе объ исправленіи календаря, дѣло осталось не исполнено собственно по тому мнѣнію, что длинота лѣтъ и мѣсяцевъ, движенія солнца и луны еще не опредѣлены съ достаточной точностью. Послѣ того я старался вычислить ихъ точнѣе по желанію епископа Павла Фоссомбронскаго, руководившаго тогда этимъ дѣломъ. Какого успѣха я достигъ, предоставляю суду твоего святѣйшества и всѣхъ другихъ ученыхъ математиковъ».

Коперникъ, какъ видимъ, не придавалъ важности возраженіямъ со стороны фанатиковъ. Дѣйствительно, ему нечего было опасаться ихъ. Два высокіе сановника церкви были на его сторонѣ, и самъ онъ занималъ довольно почетную церковную должность. Реформація еще не произвела такого вліянія, чтобы папская курія отказалась отъ прежняго покровительства наукъ. Вскорѣ по смерти Коперника произошла эта перемѣна, и въ началѣ слѣдующаго столѣтія, когда новая астрономическая система имѣла уже многихъ приверженцевъ между учеными, она подверглась преслѣдованію папскаго правительства. Быстрому успѣху ея въ первое время мѣшали не богословскія опасенія, а другія препятствія. Ученые старинныхъ понятій нашли противъ нея множество возраженій, основанныхъ на аристотелевскихъ понятіяхъ о законахъ движенія. Приверженцы ея сами держались тѣхъ же понятій, потому споръ былъ труденъ для нихъ. Но эти неправильныя понятія были такъ сбивчивы, что поддавались толкованіямъ и въ пользу системы Коперника, какъ противъ ея. Доводы Коперника были такъ убѣдительны, что только по склонности людей держаться привычныхъ мнѣній довольно долго оставались между астрономами приверженцы прежней системы; молодые астрономы вообще приняли сторону Коперника. Изъ противниковъ его системы важнѣйшимъ былъ великій астрономъ Тихо Браге.

Тихо Браге былъ датчанинъ знатной фамиліи; ему пришлось бороться съ предразсудками для того, чтобъ отдаться пробудившейся

Тихо Браге 1546—1601.

въ немъ склонности къ астрономіи. Опекунъ хотѣлъ, чтобъ онъ сдѣлался юристомъ; онъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ заниматься юриспруденціей въ лейпцигскомъ университетѣ, куда былъ посланъ опекуномъ. Только сдѣлавшись независимымъ человѣкомъ и возвратившись въ Данію, онъ могъ посвятить себя астрономическимъ занятіямъ. Въ 1572 году онъ открылъ новую яркую звѣзду въ созвѣздіи Кассіопеи. Это прославило его, и лишь тогда онъ рѣшился пренебречь обыкновенными карьерами, представлявшимися вельможамъ, быть только ученымъ. Въ 1575 онъ поѣхалъ въ Италію; на пути туда посѣтилъ Кассель, гдѣ ландграфъ Вильгельмъ IV (сынъ Филиппа Великодушнаго) построилъ себѣ обсерваторію, на которой самъ занимался наблюденіями. Ландграфъ написалъ о немъ Фридриху, королю датскому; по этой рекомендаціи король пригласилъ его возвратиться въ Данію и далъ ему очень большія средства для занятій астрономическими наблюденіями. По смерти Фридриха онъ лишился этой поддержки; враги стали дѣлать ему много непріятностей, такъ что онъ уѣхалъ изъ Даніи въ Германію. Онъ пользовался тогда очень громкой славой; императоръ Рудольфъ II пригласилъ его поселиться въ Прагѣ, гдѣ жилъ самъ, далъ ему блистательныя обѣщанія. Онъ принялъ приглашеніе, получилъ отъ императора щедрую поддержку для занятій наблюденіями и навсегда поселился въ Прагѣ.

Главныя заслуги Тихо Браге оказалъ практической астрономіи. Онъ замѣтилъ недостатки прежнихъ инструментовъ и методовъ наблюденія и обратилъ всю силу своего ума на то, чтобъ устранить ихъ. Искусство дѣлать наблюденія было доведено имъ до той степени совершенства, какая была достижима безъ помощи телескопа. Онъ дѣлалъ инструменты гораздо большаго размѣра, чѣмъ прежніе, изобрѣлъ новые. Они требовали огромныхъ расходовъ; онъ получалъ деньги на это отъ Фридриха Датскаго, потомъ отъ Рудольфа. При помощи своихъ усовершенствованныхъ инструментовъ онъ обогатилъ астрономію наблюденіями, сильно содѣйствовавшими дальнѣйшимъ успѣхамъ ея; онъ исправилъ ошибки въ прежнихъ вычисленіяхъ движеній планетъ и луны. Онъ опровергъ яснымн доводами мнѣніе Аристотеля, что кометы — метеоры, возникающіе въ атмосферѣ, и дѣлалъ попытки вычислять ихъ пути.

Но Тихо Браге не имѣлъ рѣшимости принять систему Коперника. Его умъ остался связанъ старыми понятіями; онъ видѣлъ невозможность защищать систему Птолемея, по которой земля неподвижна; но ему казались неопровержимы возраженія противъ системы Коперника. Однимъ изъ нихъ было то, что если земля вращается около солнца, то отъ перемѣны ея положенія должны измѣняться видимыя разстоянія между неподвижными звѣздами, чего мы не замѣчаемъ. Это возраженіе было дѣлаемо уже и Аристарху Самосскому такъ же, какъ Копернику. Они оба давали на него справедливый отвѣтъ, что діаметръ земной орбиты очень малъ по сравненію съ разстояніемъ ея отъ неподвижныхъ звѣздъ, потому и незамѣтны

перемѣны въ ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. (Эти перемѣны дѣйствительно такъ малы, что ихъ нельзя замѣтить безъ помощи телескопа и притомъ очень хорошаго. Когда были усовершенствованы телескопы, то перемѣны въ разстояніяхъ между неподвижными звѣздами были замѣчены). Тихо Браге считалъ неимовѣрной ту громадность разстояній отъ земной орбиты до неподвижныхъ звѣздъ, какую должно допустить для устраненія этого возраженія, и чтобъ уклониться отъ необходимости признать движеніе земли вокругъ солнца, составилъ систему, по которой луна и солнце вращаются кругомъ земли, а планеты кругомъ солнца. Эта система отрицала не только движеніе земли кругомъ солнца, но и ея вращеніе на своей оси, сохраняла старое мнѣніе, что небо въ каждые 24 часа совершаетъ круговращеніе на оси, средина которой совпадаетъ съ центромъ земли.

При дальнѣйшихъ успѣхахъ астрономіи найдено, что солнце не неподвижно, какъ предполагалъ Коперникъ. Но вѣрна та основная его мысль, что солнце — центръ, около котораго вращаются планеты. Эта мысль затемнялась системой Тихо Браге, по которой впрочемъ можно вычислять движенія планетъ точно такъ же, какъ и по системѣ Коперника. То предположеніе, которое сдѣлалъ Тихо Браге, уже представлялось и Копернику. Но умъ его былъ сильнѣе, и онъ понялъ, что землю должно считать такой же планетой, какъ другія. Система Тихо Браге—попытка примирить новыя знанія съ прежними предразсудками. Коперникъ искалъ чистой истины, а не смѣшенія предразсудковъ съ истиной.

Когда церковь стала враждебна системѣ Коперника, было дѣлаемо много попытокъ подобныхъ той, какую сдѣлалъ Тихо Браге. Такъ, напримѣръ, современникъ и соперникъ его, ожесточенно оспоривавшій у него честь изобрѣтенія системы, защищаемой имъ, Раймардъ Урсъ составилъ другую систему, по которой допускалось вращеніе земли на своей оси; въ остальномъ все было одинаково съ системой Тихо Браге.

Италія. Въ другихъ странахъ не было сдѣлано такихъ великихъ открытій, какъ то, которое принадлежитъ Копернику; но повсюду пробуждалась новая жизнь. Въ Италіи она достигла такого развитія, что изъ всей остальной западной Европы ѣздили туда учиться. Усовершенствованія въ математикѣ, сдѣланныя итальянцами, обращали на себя вниманіе не только тѣхъ людей, которые сами занимались этой наукой, но и тѣхъ, кто видѣлъ въ ней средства улучшать естествознаніе. Изученіе древнихъ писателей имѣло такое плодотворное вліяніе на развитіе естественныхъ наукъ, что Италія сдѣлалась учительницей ихъ для другихъ странъ. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ итальянскихъ математиковъ былъ Никколо Тарталья. Исторія его жизни очень замѣчательна. Онъ родился въ Брешіи; Родители его были очень бѣдные простолюдины; онъ терпѣлъ въ молодости нищету; политическія бѣдствія Италіи отражались и на немъ, отнимали у него возможность заниматься наукой. Онъ былъ уже не молодъ, когда сталъ учиться читать и писать. Найдти средства для пріобрѣтенія этого знанія было чрезвычайно трудно ему. По природной склонности онъ сталъ заниматься математикой, сдѣлался профессоромъ ея въ Венеціи и достигъ почетнаго положенія въ обществѣ. Математика и въ частности алгебра, которую усердно разработывали итальянцы, обязана ему важными откры-

Тарталья † 1557.

тіями. У него былъ противникъ, оспоривавшій славу ихъ, знаменитый ученый Карданъ, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, но дурного характера. По своей профессіи Карданъ былъ врачъ, но имѣлъ огромныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ наукъ и съ особенной любовью занимался математикой; онъ былъ друженъ съ Тартальей, но поссорился съ нимъ по зависти къ его открытіямъ и присвоилъ себѣ одно изъ нихъ. Споръ о томъ, кому принадлежитъ оно, шелъ сначала на бумагѣ; они предлагали одинъ другому задачи для рѣшенія; потомъ условились состязаться на публичномъ диспутѣ. Карданъ уклонился отъ него, замѣнивъ себя однимъ изъ своихъ учениковъ Луиджи Феррари. Этотъ споръ привлекалъ къ себѣ вниманіе, свидѣтельствующее о сильной заинтересованности тогдашняго итальянскаго общества учеными вопросами.

Карданъ 1501—1575.

Джордано Бруно. † 1600.

Джордано Бруно, знаменитый философъ, также былъ замѣчательнымъ математикомъ. Его астрономическія теоріи выведены изъ общихъ философскихъ соображеній, а не основаны на строгихъ математическихъ изслѣдованіяхъ; въ нихъ находится много фантастическаго, ошибочнаго, но есть и вѣрныя мысли, показывающія въ Джордано Бруно очень большую силу ума, не отступающаго передъ смѣлыми выводами. Таковы его понятія о множествѣ міровъ. Онъ говоритъ, что наша солнечная система не единственный міръ, что каждая неподвижная звѣзда—солнце подобное нашему, и около каждой вращаются планеты. Въ то время эта мысль казалась слишкомъ смѣлой; но теперь мы знаемъ, что она справедлива. Джордано Бруно безбоязненно дѣлалъ философскіе выводы изъ открытія Коперника. Онъ говорилъ, что такъ какъ земля не центръ вселенной, а лишь пылинка въ ней, подобная милліонамъ другихъ такихъ же пылинокъ, то человѣчество не должно считать себя центромъ и цѣлью міросозданія. Изъ этихъ понятій возникали мысли, опасныя для догматики, и католическая церковь подвергла Джордано Бруно сожженію. Онъ уѣхалъ отъ ея преслѣдованій въ Англію, но тоска по родинѣ увлекла его возвратиться въ Италію; онъ былъ арестованъ и сожженъ въ 1600 году. Современникомъ этихъ великихъ ученыхъ былъ другой замѣчательный математикъ Гвидо Убальди дель Монте, вельможа, имѣвшій полную возможность отдавать все свое время ученымъ занятіямъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ своемъ замкѣ Монте Бароччо, посвятивъ себя наукѣ. Онъ сдѣлалъ довольно важныя открытія, особенно въ механикѣ, находившейся подъ вреднымъ вліяніемъ неправильныхъ, мѣшавшихъ ея развитію, понятій Аристотеля о движеніи и силахъ. Она оставалась въ томъ положеніи, какое далъ ей Архимедъ. Гвидо Убальди сдѣлалъ въ ней открытія, проложившія путь дѣятельности Галилеи.

Исправленіе календаря.

Уже давно чувствовалась надобность въ исправленіи календаря. Теперь, когда были точнѣе прежняго опредѣлены періоды круговращенія небесныхъ тѣлъ, это исправленіе сдѣлалось необходимымъ. Съ календаремъ тѣсно связаны церковные праздники; духовенство всегда желало, чтобы времена ихъ были опредѣляемы правильно, потому улучшеніе календаря зависѣло главнымъ образомъ отъ церковнаго правительства и въ частности отъ папы.

Юліанскій календарь, на которомъ основаны правила, установленныя Никейскимъ соборомъ для опредѣленія времени празднованія Пасхи, имѣетъ двѣ неточности, вліяніе которыхъ постоянно возростало. По правиламъ никейскаго собора пасха должна праздноваться въ опредѣленный день послѣ новолунія, слѣдующаго за весеннимъ равноденствіемъ. Во время никейскаго собора весеннее равноденствіе соотвѣтствовало 21 числу марта. Длина года по юліанскому календарю была принята болѣе дѣйствительной; излишекъ составляетъ около 11 минутъ. Накопляясь съ каждымъ годомъ, эти излишки образовали большую разницу счета времени съ дѣйствительной эпохой весенняго равноденствія. Всѣ дни года по юліанскому календарю передвигались впередъ сравнительно съ дѣйствительными положеніями земли. Второй ошибкой юліанскаго календаря было то, что періодъ 235 лунныхъ мѣсяцевъ былъ принятъ за равный 19 годамъ; но въ дѣйствительности онъ составляетъ нѣсколько меньше этого числа годовъ, потому новолунія перестали соотвѣтствовать тѣмъ днямъ года, въ которые были опредѣлены юліанскимъ календаремъ.

Неточность его была замѣчена съ очень давняго времени. Около 700 года Беда Достопочтенный уже говорилъ о неточности юліанскаго счета времени, простиравшейся тогда до трехъ дней. Въ XIII вѣкѣ Роджеръ Бэконъ и Джованни Сакро Боско предлагали способы исправить календарь. Въ XV вѣкѣ папа Сикстъ IV поручилъ, какъ мы говорили, Регіомонтану заняться исправленіемъ календаря, но смерть этого ученаго остановила дѣло на цѣлое столѣтіе. Въ 1582 году оно было наконецъ исполнено рѣшеніемъ папы Григорія XIII. Изъ множества проектовъ папа одобрилъ тотъ, который былъ составленъ итальянскимъ ученымъ Алоизіемъ Лиліемъ и принятъ коммиссіей церковныхъ сановниковъ, разсматривавшей дѣло. Папская булла отмѣнила старый календарь и велѣла ввести новый. Для устраненія ошибки, составившейся черезъ накопленіе годичныхъ излишковъ счета было назначено считать за 4 октября 1582 не 5, а прямо 15 число, выбросивъ десять излишнихъ дней. Для предотвращенія неточности въ будущія времена было постановлено замѣнять въ каждый 400 лѣтній періодъ три высокосные года простыми. Этотъ разсчетъ имѣетъ такую степень точности, что излишекъ одного дня составится лишь по прошествіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ.—Грегоріанскій календарь не всѣми былъ одобренъ. Многіе астрономы дѣлали ученыя возраженія, предлагая болѣе точныя правила счета. Но въ особенности сильно было нежеланіе протестантовъ согласиться на преобразованіе, введенное папой. У нихъ новый счетъ времени былъ принятъ не скоро по установленіи его у католиковъ. Греческая церковь до сихъ поръ сохраняетъ счетъ времени по юліанскому календарю.

Въ Германіи протестанты до 1700 года не принимали новаго календаря. Въ Италіи важнѣйшимъ противникомъ его былъ знаменитый гуманистъ Скалигеръ, занимавшійся, между прочимъ, и математикой. Во Франціи противникомъ новаго календаря былъ знаменитый математикъ Віэта. Возраженія ученыхъ противъ грегоріанскаго календаря опровергалъ итальянскій математикъ, называющійся въ латинской формѣ имени Клавіемъ,

одинъ изъ тѣхъ спеціалистовъ, по совѣту которыхъ папа одобрилъ новый календарь.

Естествознаніе. Астрономія и математика освободились отъ средневѣковыхъ предразсудковъ раньше другихъ естественныхъ наукъ. Химики и врачи за немногими исключеніями еще продолжали вѣрить въ алхимическія и астрологическія нелѣпости; химія еще оставалась алхиміей. Ученые, занимавшіеся химіей, или обольщались или обманывали богатыхъ людей фантастическими ученіями о философскомъ камнѣ, превращеніи всякихъ металловъ въ золото, и другими алхимическими фантазіями, но при алхимическихъ опытахъ было собираемо много вѣрныхъ наблюденій, сдѣлавшихся впослѣдствіи полезными для науки.

Парацельсъ 1493—1541. Первымъ ученымъ, стремившимся ввести въ медицину химическія знанія, былъ Теофрастъ Парацельсъ, сынъ врача, жившаго въ швейцарскомъ мѣстечкѣ Эйнзидельнѣ при знаменитомъ монастырѣ. Онъ былъ человѣкъ очень даровитый, но велъ безпорядочную жизнь и увлекался фантазіями, переходившими въ шарлатанство; съ молодости онъ сдѣлался скитальцемъ; разъѣзжалъ по разнымъ европейскимъ землямъ, ѣздилъ въ Египетъ и сосѣднія части Азіи. Ученыя работы его шли безпорядочно, какъ его жизнь. Онъ дѣлалъ множество наблюденій, быстро выводилъ изъ нихъ гипотезы, пріобрѣлъ громадную ученость и громкую славу. По возвращеніи въ Германію онъ былъ нѣсколько лѣтъ профессоромъ въ базельскомъ университетѣ. Безпорядочная жизнь довела его до ссоры съ базельскимъ правительствомъ, и въ 1527 оно при всемъ уваженіи къ его знаніямъ и уму приняло мѣры, заставившія его уѣхать. Онъ снова сталъ вести скитальческую жизнь, разъѣзжалъ по Германіи и Швейцаріи; въ 1541 году онъ умеръ въ Зальцбургѣ. Слава его, какъ мы говорили, была очень велика, и многіе ученики сопровождали его во всѣхъ странствованіяхъ. Безпорядочность жизни отразилась и въ его сочиненіяхъ множествомъ противорѣчій; правильныя научныя понятія перемѣшаны въ нихъ съ алхимическими и астрологическими фантазіями, которыя самъ онъ порицаетъ въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же книгъ. Слогъ ето теменъ, страненъ; онъ безгранично хвалитъ себя и презираетъ всѣ авторитеты.

Парацельсъ создалъ систему химической медицины, долго остававшуюся господствующей и много содѣйствовавшую успѣхамъ науки. Ему принадлежитъ мысль подводить болѣзненныя явленія подъ химическіе принципы и примѣнять химическія знанія къ леченію. Химія получила цѣль болѣе серьезную, чѣмъ превращеніе желѣза въ золото. Медики стали заниматься этой наукой, и началось составленіе лекарствъ по химическимъ соображеніямъ. Теорія медицины также сдѣлала большіе успѣхи подъ вліяніемъ Парацельса. Въ его понятіяхъ о примѣненіи химія къ медицинѣ много ошибочнаго, въ его химической системѣ оставалась большая примѣсь алхимическихъ фантазій, но онъ сдѣлалъ много вѣрныхъ наблюденій и нашелъ много лекарствъ, дѣйствительно полезныхъ.

Гельмонтъ 1577—1644. Важнѣйшимъ изъ послѣдователей Парацельса былъ нидерландскій ученый ванъ-Янъ Гельмонтъ, человѣкъ знатной и богатой фамиліи. Онъ пріобрѣлъ основательное научное образованіе, и по склонности къ религіозной мечтательности вдался въ мистическую философію и вѣрилъ магіи. Экзальтированнаго отъ природы характера, онъ отказался отъ всѣхъ выгодъ своего знатнаго происхожденія и посвятилъ свою жизнь благу человѣчества. Онъ хотѣлъ приносить пользу людямъ, какъ врачъ, занялся медициной, изучилъ сочиненія Гиппократа и Галена, потомъ сталъ послѣдователемъ Парацельса, ученіе котораго совпадало съ его любовью къ мистицизму. Разработывая химическо-медицинскую систему Парацельса, онъ дѣлалъ много основательныхъ соображеній, благодаря своему научному образованію. Но и въ его понятіяхъ много фантастическаго. Онъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей.

Агрикола 1494—1555. Нѣмецкій ученый Георгъ Агрикола, современникъ Парацельса, шелъ другимъ путемъ. Онъ пріобрѣлъ въ нѣмецкихъ и итальянскихъ университетахъ основательныя медицинскія знанія; потомъ жилъ врачомъ въ Йохимсталѣ и Хемницѣ. Онъ не принималъ почти никакого участія въ великомъ преобразованіи медицины, которое началъ Парацельсъ. Его мысли были заинтересованы другими отрослями естествознанія; въ особенности любилъ онъ минералогію, для изученія которой представляла много матеріаловъ мѣстность, гдѣ онъ жилъ: это область рудниковъ. Мало по малу онъ освободился отъ алхимическаго суевѣрія. Воздерживаясь отъ теоретическихъ выводовъ, онъ дѣлалъ точныя наблюденія, которыми оказалъ большія услуги наукѣ. Онъ создатель научной минералогіи. Но славой своей онъ обязанъ тому, что оказалъ большія услуги горному дѣлу. Методы добыванія металловъ изъ руды, предложенные имъ, оставались господствующими до конца прошлаго вѣка.

Заключеніе. Мы дошли до эпохи, въ которую стала развиваться новая государственная и общественная жизнь. Сѣмена ея уже были положены въ землю, но понадобилось много трудовъ для того, чтобъ они принесли плоды. Формы средневѣкового быта были уже потрясены или передѣланы. Идея о всемірномъ духовномъ владычествѣ папы и о римской имперіи утратила силу. Западныя государства пріобрѣли полную независимость отъ нея, западные народы сближались между собою, привыкли жить въ отношеніяхъ, опредѣленныхъ договорами, и вырабатывалась система политическаго равновѣсія. Въ землихъ романскаго языка, особенно въ Испаніи и Франціи, королевская власть одо-

лѣла феодальныхъ владѣтелей и уже приблизилась къ абсолютизму. Въ Англіи король тоже сталъ абсолютнымъ монархомъ; но органы національной воли, хотя и ослабленные, сохранились, и въ нихъ уцѣлѣло столько жизненности, что черезъ нѣсколько времени значеніе ихъ стало возростать. Въ Италіи политическая борьба сломила національную силу; государства были изнурены; народъ изнемогалъ; историческая жизнь впадала въ агонію. Гуманисты хотѣли обновить настоящее возстановленіемъ древняго, но могли оживить только область умственной дѣятельности, поднять падающій государственный бытъ не могли; видѣли угрожавшую ему погибель, но не имѣли силы отвратить ее. Въ Германіи владычество областныхъ государей было такъ прочно, что въ ней не могъ возникнуть монархическій абсолютизмъ. Большимъ успѣхомъ на пути къ возсозданію національнаго единства должно было считать уже и то, что областные государи согласились подчиняться нѣмецкому сейму, и всѣ нѣмецкія земли, кромѣ австрійскихъ, были соединены въ юридическомъ отношеніи общимъ имперскимъ судомъ. Германія утратила прежнее международное могущество. Но въ ней развилась политическая жизнь. Партикуляризмъ областныхъ государей сдерживался идеей императорской власти и силою нѣмецкаго сейма; имперскій судъ обуздывалъ произволъ областныхъ государей, возникали политическія учрежденія, благопріятныя развитію національныхъ силъ, умственная дѣятельность пріобрѣла свободу, давшую большинству нѣмецкаго народа возможность свергнуть съ себя иго папскаго владычества. Нѣмцы уже давно пытались освободиться отъ него, но прежнія усилія ихъ оставались напрасны. Теперь авторитетъ папы въ Италіи палъ; короли пренебрегали повелѣніями церкви, заботясь исключительно о своихъ династическихъ выгодахъ; народы узнали, что папскій дворъ—вертепъ разврата, что въ римской куріи все продажно; гуманисты разрушили средневѣковую схоластическую науку; благодаря всему этому, борьба противъ папской власти возобновилась въ Германіи съ успѣхомъ, какого не имѣла прежде. Итальянцы выковали оружіе для нѣмецкихъ реформаторовъ, и въ то время какъ нѣмецъ Коперникъ создавалъ истинное ученіе объ устройствѣ солнечной системы, какъ англичанинъ Томасъ Моръ противопоставлялъ дурному устройству общества поэтическій идеалъ общественнаго быта, какъ совершалось открытіе обширныхъ земель Новаго свѣта, въ Германіи произошло преобразованіе догматики и церковнаго устройства, освободившее бо́льшую часть нѣмецкаго народа отъ церковнаго владычества папы. Политическія связи Германіи съ Римомъ уже были порваны. Болѣе половины столѣтія прошло съ того времени, какъ нѣмецкій императоръ въ послѣдній разъ былъ коронованъ папой въ Римѣ; настала пора нѣмецкому народу порвать и церковную связь съ Римомъ. Но политическіе и національные мотивы играли только второстепенную роль въ дѣлѣ реформаціи; она была произведена не ими,

а религіозными стремленіями нѣмецкаго народа; другія силы, содѣйствовавшія ей, были въ то время еще только слабыми инстинктами, почти безсознательными; сознательной и сильной дѣятельности достигли они ужь позже.

ПОПРАВКА ВЪ VIII-мъ ТОМѢ.

На стран. 624-й годъ рожденія Жанны д'Аркъ ошибкою выставленъ 1422-й вмѣсто 1412-й.

© ГПНТБ СО РАН